

КАБАРДИНО- ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК

Институт
Гуманитарных
Исследований
КБР

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК

В двух томах

Том I

Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис

Том II

Лексика, фразеология, диалектология, устно-поэтический язык, ономастика

Автор проекта и главный редактор

доктор филологических наук **М. А. Кумахов**

Редакционная коллегия:

М. Л. Апажев, доктор филологических наук,

Б. Ч. Бижоев, доктор филологических наук,

Н. Н. Зекореев, кандидат филологических наук,

Х. Т. Таов, доктор филологических наук

© 2013 Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

Все права защищены. Никакая часть данного документа не может быть воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись или посредством хранения информации или ее поиска, без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав и издателя.

Предисловие	1
Введение	2
Том I	5
Глава первая. СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ	5
1. Из истории Кабардино-Черкесской письменности	5
2. Диалектная основа кабардино-черкесского	8
литературного языка	8
3. Вопросы алфавитов, орфографии и терминологии	10
3.1. Разработка алфавитов	10
3.2. Разработка орфографии	13
3.3. Разработка терминологии	15
4. Понятие «кабардино-черкесский литературный язык»	17
5. О концепции общего литературного языка	20
6. Этноязыковые перспективы в условиях диаспоры	21
7. Латиница или кириллица?	23
8. О новом проекте унификации алфавитов и орфографий	26
Глава вторая. ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ	32
1. Общая характеристика звуковой системы	32
2. Классификация согласных звуков	32
2.1. Система смычных согласных	32
2.2. Система спирантов	34
2.3. Сонорные звуки	34
2.4. Переднеязычные свистящие спиранты <i>з, с</i>	34
2.5. Переднеязычные шипящие спиранты <i>ж, ш</i>	34
2.6. Переднеязычные свистяще-шипящие спиранты <i>жь, щ, щ'</i>	34
2.7. Среднеязычные спиранты <i>г, х, ху</i>	35
2.8. Заднеязычные спиранты <i>гъ, хъ, гъу, хъу</i>	35
2.9. Ларингальные спиранты <i>хь, г', г'у</i>	35
3. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ	35
4. ДИФТОНГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ	36
5. Мелодика речи	36
6. Звуковой состав корня	37
7. Звуковой состав аффиксов	37
8. Звуковые комплексы	37
9. Фонетические процессы	38
9.1. Регрессивная ассимиляция	38

9.2. Интервокальное озвончение согласных.....	39
9.3. Комбинаторные изменения гласных	39
10. ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ	39
10.1. Аспекты фонетической ассимиляции	40
10.2. Реализация русских неначальных гласных в заимствованных словах	40
10.3. Отсутствие в кабардинском языке начальных гласных вызывает различные изменения в заимствованиях.....	40
10.4. Отсутствие стечения двух и более гласных в корнях кабардино-черкесских слов	40
10.5. Перенос акцентологических законов родного языка на заимствуемые слова – особая разновидность фонетической ассимиляции.	41
10.6. Реализация русских согласных в составе заимствований в кабардино-черкесском языке	41
10.7. Отсутствие фонемы <i>К</i> в кабардино-черкесском языке и ее реализация в заимствованиях	43
10.8. Суперация нехарактерных комплексов согласных.....	45
10.9. Другие звуковые изменения заимствованных слов.....	45
11. Фонетический тип корня, основы	48
12. Слог	48
13. Орфоэпия.....	49
Глава третья. МОРФОЛОГИЯ	50
1. Общая характеристика морфологической системы	50
2. Структура основы.....	53
2.1. Фонетическая структура основы	53
2.2. Морфологическая структура основы	54
2.2.1. Членимые и нечленимые основы	54
2.2.2. Производные и непроизводные основы.....	54
2.2.3. Прерывистые и непрерывистые основы	55
2.2.4. Нейтральные и ненейтральные основы	55
2.2.5. Свободные и несвободные основы	56
2.3. Дифференциация именных и глагольных основ	57
2.4. Способы образования основ	60
3. Имя существительное.....	61
3.1. Основные особенности	61
3.2. Категория определенности и неопределенности	64
3.3. Категория падежа	65
3.3.1. Склонение собственных имен существительных	66
3.3.2. Функции падежей	67

3.3.2.2. Эргативный падеж употребляется для выражения:.....	67
3.3.2.3. Послеложный падеж выражает:	67
3.4. Категория числа	68
3.4.1. Общая характеристика	68
3.4.2. Существительные, употребляемые преимущественно в единственном числе.....	71
3.4.3. Существительные, употребляемые только во множественном числе	72
3.4.4. Репрезентативное множество	72
3.5. Категория притяжательности	73
3.5.1. Лично-притяжательные формы.....	73
3.5.2. Относительно-притяжательная форма	74
3.6. Категория союзности	75
3.6.1. Суффикс -и (-и....-и).....	76
3.6.2. Суффикс -рэ (-рэ...-рэ)	76
3.7.1. Образование сложных слов.....	77
3.7.2. Аффиксальное словообразование имен существительных.....	81
3.7.3. Образование имен существительных путем субстантивации других частей речи.....	83
4. Местоимение	83
4.1. Типы местоимений	83
4.2. Личные местоимения.....	84
4.3. Притяжательные местоимения	84
4.4. Указательные местоимения	85
4.5. Вопросительные местоимения	86
4.6. Определительные местоимения.....	86
4.7. Неопределенные местоимения	87
5. Имя прилагательное.....	87
5.1. Имя прилагательное как часть речи	87
5.2. Качественные прилагательные	87
5.2.1. Грамматические признаки качественных прилагательных	87
5.2.2. Степени сравнения качественных имен прилагательных.....	88
5.2.2.1. Сравнительная степень	88
5.2.2.2. Усилительные формы сравнительной степени.....	89
5.2.2.3. Уменьшительные формы сравнительной степени.....	90
5.2.3. Превосходная степень.....	90
5.2.3.1. Простые формы превосходной степени.....	90
5.2.3.2. Сложные формы превосходной степени.....	91
5.2.4. Формы оценки качественных прилагательных.....	92

5.3. Относительные имена прилагательные	93
5.4. Склонение имен прилагательных	94
5.5. Переход причастий в имена прилагательные	96
5.6. Словообразование имен прилагательных	96
5.6.1. Суффиксальный способ	96
5.6.1.1. Суффиксы, образующие качественные имена прилагательные от основ имен существительных	97
5.6.1.2. Суффиксы, образующие качественные имена прилагательные от глагольных основ	98
5.6.1.3. Малопродуктивные суффиксы	98
5.6.1.5. Суффиксы, образующие новые имена прилагательные от основ прилагательных	98
5.6.1.6. Суффиксы, образующие относительные имена прилагательные от основ числительных и наречий	98
5.6.2. Префиксальный способ	99
5.6.3. Префиксально-суффиксальный способ	99
5.6.4. Способ основосложения	99
5.6.4.1. Продуктивные типы	99
5.6.4.2. Малопродуктивные типы	100
5.6.5. Заимствованные имена прилагательные	100
6. Имя числительное	101
6.1. Общая характеристика	101
6.2. Система счисления и лексические единицы	101
6.3. Образование количественных числительных	104
6.4. Составные количественные числительные образуются сочетанием простых и	104
6.5. Особенности сочетания количественных числительных с существительными	105
6.6. Дробные числительные	105
6.7. Разделительные числительные	106
6.8. Кратные числительные	106
6.9. Собирательные формы	107
6.10. Порядковые числительные	107
6.11. О «слоевых» числительных	108
7. Аблаут в именном словообразовании	108
8. Глагол	112
8.1. Общая характеристика полисинтетизма глагола	112
8.2. Переходные и непереходные глаголы	113
8.2.1. Транспозиция непереходных глаголов в переходные	114
8.2.2. Нейтральные (диффузные) глаголы	115

8.3. Динамические и статические глаголы	115
8.4. Финитные и инфинитные формы глагола	118
8.5. Категория лица.....	120
8.5.1. Формы проявления полиперсонализма.....	120
8.5.2. Омонимия личных форм глагола	121
8.5.3. Обычные, возможные и невозможные формы многоличного глагола.	122
8.6. Глагольные парадигмы ¹	124
8.6.1. Одноличные непереходные глаголы.....	124
8.6.1.1. Предварительные замечания.....	124
8.6.1.2. Бесприставочные динамические глаголы типа <i>джэгу-н</i> «играть» (табл.1)	124
8.6.1.3. Бесприставочные динамические глаголы типа <i>к/уэ-н</i> «идти» (табл. 2).....	125
8.6.1.4. Статические глаголы типа <i>щысы-н</i> «сидеть» (табл.3)	126
8.6.1.5. Динамические глаголы типа <i>щос</i> «он сидит» (табл. 4)	126
8.6.1.6. Глаголы с направительным префиксом (табл. 5).....	127
8.6.2. Двухличные непереходные глаголы.....	128
8.6.2.1 Структура основы двухличных непереходных глаголов	128
8.6.2.2. Способы преобразования одноличных непереходных глаголов в двухличные непереходные.....	129
8.6.2.3. Глаголы типа <i>е-жьэ-н</i> «ждать» (табл. 6)	129
8.6.2.4. Глаголы типа <i>хуэ-к/уэ-н</i> «идти для кого-либо» (табл. 8)	132
8.6.2.5. Отсутствие дифференциации по лицам объекта.....	134
8.6.3. Трехличные непереходные глаголы	135
8.6.3.2. Распределение морфем трехличных непереходных глаголов.	135
8.6.3.3. Ущербоность парадигмы трехличных непереходных глаголов.	136
8.6.3.4. Расхождения между адыгскими языками в построении парадигмы трехличных непереходных глаголов	136
8.6.3.5. Парадигмы трехличных непереходных глаголов типа <i>худэк/уэ-н</i> «идти с ними ради него» (табл. 9)	137
8.6.3.6. Парадигмы трехличного непереходного глагола типа <i>дежьэ-н</i> «ждать с кем-л.» (табл. 10)	138
8.6.4. Четырехличные непереходные глаголы.....	140
8.6.4.1. Строение четырехличных непереходных глаголов.	140
8.6.4.2. Иррегулярность образования форм четырехличных непереходных глаголов.....	140
8.6.4.3. Четырехличный непереходный глагол предполагает наличие субъекта и трех косвенных объектов.	141
8.6.5. Одноличные переходные глаголы.....	141
8.6.6. Двухличные переходные глаголы.....	141

8.6.6.1. Простые двухличные переходные глаголы.....	141
8.6.6.2. Парадигмы двухличных переходных глаголов типа <i>хьын</i> «нести» (табл. 11,12)..	142
8.6.6.3. Двухличные переходные глаголы от производных основ.....	144
8.6.6.4. Парадигмы двухличных переходных глаголов с аффиксами направления и каузатива (табл. 13)	145
8.6.7. Трехличные переходные глаголы	146
8.6.7.1. Простые трехличные переходные глаголы	146
8.6.7.2. Парадигмы трехличных переходных глаголов типа <i>еты-н</i> «дать ему кого-, что-л.» (табл. 14)	147
8.6.7.3. Позиционная обусловленность полноты парадигмы.	154
8.6.8. Четырехличные и пятиличные переходные глаголы	155
8.7. Категория времени	161
8.7.1. Предварительные замечания	161
8.7.2. Настоящее время.....	161
8.7.3. Будущее I.	162
8.7.4. Будущее II (категорическое).	163
8.7.5. Перфект I.....	163
8.7.6. Перфект II.....	163
8.7.7. Имперфект.....	163
8.7.8. Плюсquamперфект I.....	164
8.7.9. Плюсquamперфект II.....	164
8.7.10. Аорист.	164
8.8. Категория наклонения.....	167
8.8.2. Изъявительное наклонение.....	168
8.8.3. Условное наклонение.....	168
8.8.4. Сослагательное наклонение	170
8.8.5. Предположительное наклонение.	170
8.8.6. Желательное наклонение.	171
8.8.7. Повелительное наклонение.	172
8.8.8. Наклонение удивления.	173
8.9. Отрицательные формы	174
8.10. Вопросительные формы	183
8.10.1. Интонационный способ выражения вопроса	183
8.10.2. Аффиксальный способ выражения вопроса	183
8.10.3. Выражение вопроса с помощью частиц.....	184
8.11. Способы глагольного словообразования	184
8.11.1. Порядок распределения аффиксов глагольного словообразования.....	187

8.11.2. Префиксация	188
8.11.3. Суффиксация	189
8.11.4. Аранжировка деривационных морфем глагола	189
8.12. Фактитивные глаголы	190
8.13. Категория каузатива	191
8.14. Категория союзности	192
8.15. Категория совместности	193
8.16. Категория взаимности	194
8.17. Категория версии	195
8.17.1. Формы объектной версии	195
8.17.1.1. Версия с аффиксом <i>хуэ-</i>	195
8.17.1.2. Версия с аффиксом <i>φ/э-</i>	196
8.17.2. Субъектная версия	197
8.18. Категория потенциалиса (возможности)	197
8.18.2. Суффиксальный потенциалис	198
8.18.3. Описательная форма потенциалиса	199
8.19. Категория произвольности	199
8.20. Направительные и местные префиксы (превербы)	199
8.20.2. Об основной форме преверба	200
8.20.3. Направительные превербы	200
8.20.4. Местные превербы	201
8.20.5. Сложные префиксы	207
8.21. Аблаут в глагольном словообразовании	208
8.21.1. Модели с локальными и направительными превербами в сочетании с суффиксом <i>-к/</i> , маркированные огласовкой <i>ы</i> в корневой морфеме	208
8.21.2. Модели с локальными и направительными превербами в сочетании с суффиксом <i>-хь</i>	215
8.21.2.1. Модели, маркированные огласовкой <i>ы</i> в корневой морфеме	215
8.21.2.2. Модели с нулевой огласовкой	218
8.21.3. Беспрефиксальные модели, содержащие направительные суффиксы <i>к/</i> , <i>-х</i> , <i>-л/</i> , <i>-с</i> , <i>-</i> <i>жьэ</i>	220
9. Отглагольные образования	222
9.1. Причастие	222
9.1.1. Разряды причастий	222
9.1.2. Образование причастий	223
9.1.2.1. Образование субъектных и объектных причастий	223
9.1.2.2. Образование обстоятельственных и орудных (инструментальных) причастий ...	226

9.1.3. Словоизменение причастий	229
9.1.3.1. Изменение по лицам.....	229
9.1.3.2. Изменение по временам	240
9.1.3.3. Склонение причастий.....	241
9.2. Деепричастие	243
9.2.1. Деепричастие с суффиксом -у//-уэ.....	244
9.2.2. Деепричастие с суффиксом -рэ.....	245
9.2.3. Грамматика деепричастия	245
9.3. Инфинитив ¹	246
9.4. Масдар.....	247
10. Наречие	248
10.1. Общая характеристика	248
10.2. Корневые наречия	250
10.3. Производные наречия.....	251
10.4. Образование наречий	252
10.4.1. Образование простых производных наречий от качественных прилагательных	252
10.4.2. Образование простых производных наречий от местоименных основ.....	253
10.4.3. Образование простых производных наречий от имен существительных.....	254
10.4.4. Образование простых производных наречий от имен числительных	255
10.4.5. Отглагольные наречия	255
10.4.6. Образование простых производных наречий от основ непроизводных наречий	256
10.4.7. Сложные производные наречия	257
10.4.7.1. Образование сложных наречий путем основосложения	257
10.4.7.2. Образование сложных наречий путем редупликации одной основы или разных основ.....	258
10.4.7.3. Образование сложных наречий путем удвоения одной основы.....	258
10.4.8. Идиоматические словосочетания, употребляемые в значении наречия.....	259
10.5. Разряды наречий по значению (семантическая квалификация).....	259
10.5.1. Определительные наречия.....	259
10.5.1.1. Определительные качественные наречия	259
10.5.1.2. Определительные количественные наречия.....	259
10.5.2. Обстоятельственные наречия.....	260
10.5.2.1. Наречия времени.....	260
10.5.2.2. Наречия места.....	261
10.5.3. Наречия причины.....	262
10.5.4. Наречия цели	262

11. Служебные слова.....	262
11.1. Послелогии.....	264
11.1.1. Морфологическая характеристика послелогов	264
11.1.2. Грамматическая характеристика послелогов	265
11.2. Союзы.....	270
11.2.1. Сочинительные союзы	271
11.2.2. Подчинительные союзы.....	272
11.3. Частицы.....	273
11.3.1. Значения частиц.....	274
12. Междометия	279
12.1. Разряды междометий по значению	279
12.2. Особенности в употреблении некоторых междометий.....	280
12.3. Мимео-изобразительные слова.....	281
Глава четвертая. СИНТАКСИС	282
1. Предварительные замечания.....	282
2. Словосочетания	282
2.1. Главный член – существительное, зависимый – числительное	282
2.2. Главный член – существительное, зависимый – прилагательное	284
2.3. Главный и зависимый члены – существительные	284
2.4. Главный и зависимый члены связаны посессивным элементом.....	284
2.5. Главный член – существительное, зависимый – местоимение.....	285
2.6. Словосочетания, состоящие из существительного и причастия.....	285
2.7. Главный член – глагол, зависимый – существительное	286
2.8. Главный член – глагол, зависимый – наречие	287
2.9. Словосочетания с послелогамии.....	287
3. Простое предложение.....	288
3.1. К вопросу о грамматической природе простого предложения в кабардино-черкесском языке	288
3.2. Типы кабардино-черкесских предложений по коммуникативной целеустановке	291
3.2.1. Повествовательные предложения	291
3.2.2. Побудительные предложения.....	293
3.2.3. Оптативные предложения	295
3.2.4. Вопросительные предложения	296
3.3. Способы связи строевых компонентов предложения	301
3.4. Структурный состав нераспространенного предложения О критериях выделения членов предложения.....	307
3.5. Сказуемое	310

3.5.1. Простое сказуемое	311
3.5.2. Составное сказуемое	316
3.5.3. Сложное сказуемое	317
3.5.4. Синтаксические обороты в позиции сложного сказуемого	317
3.5.5. Словосочетания в синтаксической позиции сложного сказуемого	319
3.6. Подлежащее	320
3.6.1. Выражение подлежащего отдельными частями речи	320
3.6.2. Синтаксические обороты в позиции подлежащего	324
3.6.3. Словосочетания в позиции подлежащего	324
3.7. Распространение простого предложения	326
3.8. Дополнение	326
3.8.1. Дополнение в форме именительного падежа	328
3.8.2. Дополнение в форме эргативного падежа	329
3.8.3. Дополнение в форме послеложного падежа	330
3.8.4. Дополнение в форме обстоятельственного падежа	331
3.9. Определение	332
3.9.1. Качественное определение в постпозиции	334
3.9.2. Качественное определение в препозиции	335
3.9.3. Об относительном определении в кабардино-черкесском языке	336
3.9.4. Притяжательно-относительные определения	336
3.9.5. Предметно-относительные определения	339
3.9.6. Указательно-относительные определения	341
3.9.7. Определения-числительные	342
3.9.8. Глагольно-относительные определения	345
3.9.9. Причастно-относительные определения	346
3.9.10. Распространенное определение	348
3.10. Обстоятельства	352
3.10.1. Обстоятельства с локальным значением	353
3.10.2. Обстоятельства с темпоральным значением	355
3.10.3. Обстоятельства со значением образа действия	358
3.10.4. Обстоятельства со значениями меры и степени	361
3.10.5. Обстоятельства со значением причины	362
3.10.6. Обстоятельства со значением цели	363
3.11. К вопросу об основных конструкциях кабардино-черкесского предложения	364
3.11.1. Номинативная конструкция предложения	364
3.11.2. Эргативная конструкция предложения	365

3.11.3.....	366
4. Словопорядок в простом предложении.....	369
4.1. Базисный словопорядок	370
4.2. Изменение базового порядка	371
4.3. Роль маркеров абсолютива и эргатива в изменении базисного словопорядка.....	372
4.4. Семантика S и O и словопорядок	372
4.5. Словопорядок в вопросительном предложении.....	373
4.6. Порядок слов в ответном предложении	374
5. Сложное предложение	374
5.1. Сложносочиненные предложения.....	377
5.1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами.....	379
5.1.2. Сложносочиненные предложения с союзным суффиксом -и «и»	381
5.1.3. Сложносочиненные предложения с противительно-сопоставительными союзами..	382
5.1.3.1. Сложносочиненные предложения с союзами <i>армыхъумэ</i> , <i>армырамэ</i> «иначе, не то, в противном случае».....	382
5.1.3.2. Сложносочинённые предложения с союзом (или союзным аналогом) <i>абы къыхэкIкIэ</i> (<i>абы къыхэкIыу</i>) «поэтому»	382
5.1.3.3. Сложносочинённые предложения с союзом <i>арцхъэкIэ</i> «но».....	382
5.1.3.4. Сложносочинённые предложения с союзом <i>атIэ</i> «а»	383
5.1.3.5. Сложносочиненные предложения с союзом <i>ауэ</i> «но»	384
5.1.3.6. Сложносочинённые предложения с союзом <i>итIани</i> «но, однако, несмотря на»	385
5.1.4. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами	386
5.1.4.1. Сложносочинённые предложения с разделительным союзом <i>е</i> «или, либо».....	386
5.1.4.2. Сложносочинённые предложения с союзом <i>зэ...зэ / зэм...зэм</i> «то... то»	387
5.1.4.3. Сложносочинённые предложения с союзом <i>хъэмэ / хъэмэрэ</i> и его фонетическим вариантом <i>хъэмрэ</i> «или»	387
5.2. Бессоюзные сложные предложения.....	387
5.3. Вопрос о сложноподчиненных предложениях в кабардино-черкесском языке.....	391
6. Способы передачи чужой речи	393
6.1. Прямая речь	393
6.2. Косвенная речь	394
7. Место инфинитных конструкций в синтаксической системе кабардино-черкесского языка...	395
7.1. Изъяснительные инфинитные конструкции.....	397
7.1.1. Изъяснительные инфинитные конструкции, выполняющие функцию дополнения...	398
7.2. Определительные инфинитные конструкции.....	398
7.3. Обстоятельственные инфинитные конструкции.....	398
7.3.1. Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением обстоятельства места	399

7.3.2. обстоятельственные инфинитные конструкции со значением обстоятельства времени	399
7.3.3. обстоятельственные инфинитные конструкции со значением цели	400
7.3.4. обстоятельственные инфинитные конструкции со значением следствия.....	401
7.3.5. обстоятельственные инфинитные конструкции со значением сравнения или обстоятельства образа действия.....	402
7.3.6. обстоятельственные инфинитные конструкции с уступительным значением.....	403
Сокращения.....	404
Том II	407
Глава первая. ЛЕКСИКА	407
Введение	407
I. СЕМАСИОЛОГИЯ	409
1. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА И ЕЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	410
1.1. Проблема системности лексики и типология лексических микросистем языка	410
2. Лексико-грамматическая система.....	416
3. Лексико-тематическая система	419
4. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА.....	426
4.1. Предварительные замечания.....	426
4.2. Полисемия.....	427
4.3. Омонимия.....	429
4.4. Паронимия	431
4.5. Синонимия	433
4.6. Антонимия	436
4.7. Семантическое поле	439
4.8. Ассоциативное поле	440
4.9. Лексико-фразеологическая группа	442
4.10. Лексико-деривационная группа.....	443
4.11. Гипонимия, или лексико-семантическая группа, объединенная родо-видовыми отношениями	446
4.12. Конверсия, или лексико-семантическая группа, объединенная обратными отношениями	449
4.13. Лексико-семантическая группа, объединенная синтагматическими отношениями	451
5. Лексико-стилистическая система	461
5.1. Нейтральная лексика.....	461
5.2. Лексика стиля устной речи.....	461
5.3. Фольклорная лексика.....	462
5.4. Лексика книжного стиля речи	462

5.5. Научно-педагогическая лексика.....	463
5.6. Газетно-публицистическая лексика	463
II. ЛЕКСИКОЛОГИЯ	466
1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА.....	466
1.1. Принципы классификации словарного состава языка	466
1.2. Пути развития лексики кабардино-черкесского языка	467
2. ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ	467
2.1. ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА	467
2.1.1. Общекавказские и общесеверокавказские слова	468
2.1.2. Общеадыго-абхазские слова	468
2.1.3. Общеадыгские слова	470
2.1.4. Собственно кабардино-черкесские слова	473
2.2. заимствованная лексика	475
2.2.1. Понятие о заимствованной лексике	475
2.2.2. Заимствования из семитских, иранских и тюркских языков.....	475
2.2.3. Заимствованная лексика из русского языка.....	477
2.2.4. К вопросу об аббревиации	480
2.2.5. О соотношении исконной и заимствованной лексики.....	480
2.2.6. География адыгских слов, или адыгская лексика в других языках	482
2.2.7. ТИПЫ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	485
2.2.7.1. Семантические изменения в заимствованиях	485
2.2.7.2. Лексическое освоение заимствований.....	488
2.2.7.3. Приспособление исконной лексики к передаче значений русских слов (изменение семантики кабардино-черкесских слов под влиянием русского языка)	489
2.2.7.4. Основные последствия взаимодействия русского и кабардино-черкесского языков	489
2.3. ЛЕКСИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО СОСТАВА	490
2.3.1. Понятие об активной и пассивной лексике	490
2.4. ЛЕКСИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ	494
2.4.1. Общеупотребительная лексика и лексика, ограниченная сферой употребления	494
2.4.2. Диалектная лексика и ее локализация	494
2.4.3. Профессиональная и терминологическая лексика	494
2.4.4. Жаргонная и арготическая лексика.....	496
2.5. ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА В XX в.....	499
2.5.1. Предварительные замечания	499
2.5.2. Изменения в лексике в первый период (1917 – середина 80-х гг.)	500
2.5.2.1. Создание новых слов и терминов	501

2.5.2.2. Архаизация и выпадение слов из языка.....	501
2.5.2.3. Изменение и развитие семантики слов.....	501
2.5.2.4. Проникновение слов и выражений из других языков	501
2.5.3. Изменения в лексике во второй период (с середины 80-х по настоящее время)	502
III. Лексикография	504
1. Зарождение и развитие кабардино-черкесской лексикографии	504
1.1 Истоки кабардино-черкесской лексикографии.....	504
1.2. Кабардино-черкесская лексикография XIX в.	504
1.3. Лексикографическая деятельность Ш.Б. Ногмова	504
1.4. «Русско-кабардинский словарь» Л.Г. Лопатинского (1890)	505
1.5. «Кабардинско-венгерско-латинский словарь» Г. Балинта (1904) и его место в адыгской лексикографии	505
1.6. Кабардино-черкесская лексикография 1920-1940 гг.....	506
1.7. Новый этап кабардино-черкесской лексикографии (1950-е-2000-е гг)	507
IV. ЛЕКСИКА И КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ	511
1.ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	511
2. Концепт «напэ» (совесть).....	512
3. Концепт «джэгу»(игра)	513
4. Концепт «псэ» (душа)	515
5. Концепты «пространство» и «время».....	516
6. Бинарная пространственная оппозиция концептов «ижь-сэмэгу» (правый-левый).....	520
7. Бинарные оппозиции с концептом «щхьэ» (голова)	522
8. Концепт «гу» (сердце)	523
9. Цветовые концепты	525
9.2. Голубой – синий	526
9.4. Красный	526
9.5. Названия «смешанных цветов».....	527
9.5.1. Коричневый.....	527
10. Концепт «дахэ»	528
11. Концепт «зауэ» (война)	529
Глава вторая. ФРАЗЕОЛОГИЯ	531
I. Структурно-семантическая характеристика	531
1. Предварительные замечания.....	531
2. Семантика и структура ФЕ.....	531
3. Номинативная и оценочная семантика ФЕ	533
4. Образность и информативность ФЕ	536

5. Фразеологические единицы негативной формы.....	536
6. Лексико-грамматическое значение фразеологических единиц	538
6.1. ФЕ с глагольным значением	539
6.2. Именные ФЕ.....	544
6.3. Наречно-обстоятельственные ФЕ.....	547
6.4. Компаративные ФЕ	551
6.5. ФЕ предикативно-коммуникативного типа	553
6.5.1. Глагольные ФЕ, идентичные по своей структуре двусоставным нераспространенным предложениям.....	553
6.5.2. Двучленные ФЕ предикативной формы в роли грамматического предиката	553
6.5.3. Двучленные ФЕ предикативной формы в функции одной из частей сложного предложения.....	554
6.5.4. Многочленные ФЕ предикативной формы	554
6.5.5. Многочленные ФЕ в функции придаточной части сложной синтаксической структуры, сходной по своей компонентной организации со сложноподчиненным предложением... ..	554
6.5.6. Многокомпонентные ФЕ, образовавшиеся способом сочинения	554
II. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.....	555
III. ФРАЗЕОЛОГИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	581
Глава третья. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ	587
I. ВВЕДЕНИЕ	587
1. Предварительные замечания.....	587
2. К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ.....	587
3. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ	589
4. Классификация кабардино-черкесских диалектов и говоров	593
II. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ.....	594
III. ОТНОШЕНИЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА К ДИАЛЕКТАМ И ГОВОРАМ	607
IV. Диалектологический словарь.....	610
V. Язык черкесов (адыгов КЧР).	663
Глава четвертая. УСТНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК	684
1. Общая характеристика	684
2. Язык народного певца, его отличительные особенности.....	687
3. Варианты эпических сказаний	690
4. Эпическая традиция и литературный язык	693
5. Эпическая ономастика	696
6. Устно - поэтический язык как наддиалектная форма речи.....	704
Глава пятая. ОНОМАСТИКА	729

I. ТОПОНИМИКА.....	729
1. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	729
2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ	737
В образовании сравнительных пар все более широкое участие принимают заимствованные из русского языка слова: <i>Первэ Лэскэн – Второй Лэскэн, Верхнэ</i> <i>Къулъкъужын – Нижнэ Къулъкъужын, Урыху – Старэ Урыху</i> и под.....	743
3. ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ТОПОНИМИИ.....	743
Названия, в которых выступает топоформант -пI(э) , следует разделить на две категории:	743
4. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ.....	746
4.1. Именные атрибутивные структуры	747
4.2. Глагольно-именные структуры.....	749
4.3. Названия, включающие причастия	751
4.4. Копулятивные и итеративные сложения	752
4.5. Простые (несложные) названия	752
5. ТОПОНИМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	753
5.1. Тюркский и монгольский слой	754
5.2. Славянский пласт названий и воздействие его на адыгскую топонимию.....	759
5.3. Иранский слой.....	763
5.4. Абхазо-абазинские и убыхские элементы.....	764
5.5 . Элементы других языков.....	767
6. ОТРАЖЕНИЕ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ТОПОНИМИИ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ	770
II. ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	779
III. ЭТНОНИМИКА	818
IV. Кабардино-черкесские фамилии	827
Словарь	827
ЛИТЕРАТУРА	900
СОКРАЩЕНИЯ.....	921
(Footnotes)	924

Предисловие

Прошло более 30 лет после выхода в свет последней описательной грамматики кабардино-черкесского языка, выполненной коллективом авторов¹. За это время кавказское языкознание, в том числе его частные подразделения (адыговедение, абхазоведение и др.), существенным образом изменилось по своему содержанию. Описаны новые явления грамматики и лексики кабардино-черкесского языкознания, пересмотрен ряд его составных частей с привлечением богатого лингвистического материала и с учетом успехов как адыговедения, так и общей лингвистики за последние десятилетия. Следует также отметить, что подверглись значительному совершенствованию методы анализа языковой системы – принципы синхронного описания единиц разных языковых уровней, приемы внутренней и внешней реконструкции (в том числе уровневой реконструкции). Материал кабардино-черкесского языка активно используется в теории грамматики и контрастивных исследованиях, заметно расширен круг ранее сложившихся подразделений кабардино-черкесского языкознания, к традиционным разделам добавились новые и новейшие направления, как изучение языка в тесной связи с историей и культурой народа (язык классического фольклора и его отношение к духовной жизни адыгов, культурные концепты в языковой картине мира и др.).

Очевидны успехи адыгской диалектологии, в частности в исследовании кабардино-черкесских диалектов и говоров, что положительно повлияет на описание литературного языка, определение его границ, установление статуса разговорной и письменной форм реализации литературной нормы. Развивается адыгская ономастика, накапливается новый материал, углубляются методы его анализа и осмысления.

Все достигнутое адыгским языкознанием у нас и за рубежом должно быть учтено в «Кабардино-черкесском языке». Впервые в истории адыгского, шире – западно-кавказского языкознания подготовлен новый тип издания, охватывающий все основные подразделения кабардино-черкесского языкознания.

«Кабардино-черкесский язык» состоит из двух томов. В первый том входят: «Предисловие», «Введение», «Фонетика», «Фонология», «Морфология», «Синтаксис». Второй том включает: «Лексику» («Семасиологию», «Лексикологию» и «Лексикографию»), «Фразеологию», «Соотношение языка и культуры» (концепты в языковой картине мира, адыгская эпическая традиция как отражение традиционной культуры народа), «Диалектологию» (здесь же рассматриваются особенности языка черкесов (адыгов в КЧР) и кабардино-черкесской диаспоры в Турции и на Ближнем Востоке), «Устно-поэтический язык» и «Ономастику».

Настоящее издание предназначено для широкой читательской аудитории. По своему характеру оно представляет синхронное описание языковой структуры, хотя в нем встречаются некоторые элементы историзма. Двухтомник может быть использован как нормативное научное издание фонетики, морфологии, синтаксиса современного кабардино-черкесского литературного языка. Разделы «Лексика», «Диалектология» и «Фразеология» также могут стать основой изучения этих дисциплин в вузах и всеми, кто интересуется этими проблемами.

И последнее. Главный редактор и члены редколлегии предполагали, что двухтомник как первое капитальное издание основных разделов современного кабардино-черкесского языка будет основан на новом проекте унификации адыгских алфавитных и орфографических систем, утвержденном Парламентом КБР... (О новом проекте унифицированных адыгских алфавитов и орфографий см. соответствующий раздел первой главы первого тома). Однако проект, получивший единодушное одобрение основных специалистов из КБР, РА и КЧР на научной конференции в Нальчике в 1999 г., до сих пор не утвержден Парламентом РА. По этой причине авторы издания, к сожалению, отказались от первоначальной идеи.

Введение

Кабардино-черкесский язык и адыгейский язык образуют адыгскую подгруппу абхазско-адыгской (западнокавказской или северозападнокавказской) группы кавказских (иберийско-кавказских) языков. Кабардино-черкесский язык и адыгейский вместе с убыхским, абхазским и абазинским составляют абхазско-адыгскую группу. В последнее время все больше и больше получает признание точка зрения, согласно которой абхазско-адыгские языки генетически родственны хаттам, создавшим древнейшую цивилизацию в Малой Азии (работы М. И. Дунаевской, И. М. Дьяконова, Я. Брауна и др.). Существует также мнение о генетической связи абхазско-адыгской группой с нахско-дагестанской и картвельской группами (основатели теории И. А. Джавахишвили, А. С. Чикобава и др.).

Термины кабардино-черкесский и адыгейский язык – советское новообразование. Первый чаще всего называют кабардинским языком (в иностранной литературе – восточночеркесским языком). В термине «кабардино-черкесский» вторая часть представляет собой необычное использование древнего этнонима черкес (черкесский), общепринятого за рубежом названия всех адыгов. Вторая часть в указанном термине имеет узкое значение и ныне закреплена за адыгами, проживающими в Карачаево-Черкесии.

Кабардино-черкесский (кабардинский) и адыгейский языки, составляющие близкородственную подгруппу, многие специалисты (в основном, зарубежные) относят к одной лингвистической единице, называя ее черкесским языком, а носителей последнего черкесами.

Все адыги независимо от места проживания сохраняют общее самоназвание *адыгэ* (что является одним из главнейших признаков исторически единого этноса по генетическим, языковым и этнокультурным показателям). Адыги проживают во многих странах мира, где оказались не по своей воле в ходе и после длительной Кавказской войны XIX в.

В одной Турции численность адыгов несколько раз превышает число остальных соотечественников в других странах, в том числе на исторической родине. В этой стране (Турции) проживают, по сведениям авторитетных источников, около 3 миллионов человек¹. Однако адыги в Турции причисляются к туркам, а их язык остается бесписьменным, выполняя узкие, бытовые функции, не говоря уже о том, что представители младших поколений уже не знают или почти не знают язык своих предков. Аналогичное положение у адыгов в Сирии, Иордании, США, Германии и других странах, где наши соотечественники, их язык и культура подвергаются сильнейшей ассимиляции под мощным давлением языка и этнокультуры страны проживания. В целом обширная адыгская диаспора не имеет перспективы на длительный срок выживания и самосохранения. Эту истину хорошо осознают многие дальновидные представители нашей диаспоры. Однако тенденции развития диаспоры невозможно остановить или изменить, ибо для этого прежде всего необходимо возвращение на свою историческую родину, что было абсолютно нереальным не только при самодержцах и большевиках, но и остается таковым в современных (постсоветских) условиях.

По данным переписи 2002 г., на исторической родине (шире – в РФ) адыги составляют свыше 710 тыс. человек. Из них кабардинцев – более 520 тыс. человек, адыгейцев 129 тыс. человек, черкесов – 61 тыс. человек. На одном языке – кабардино-черкесском – говорят 588 тыс. человек. Обращает на себя внимание демографический рост адыгского населения в РФ. Их число 710 тыс. человек (2002 г.) в 2,3 раза превышает их число – 314 тыс. человек в 1959 г. (по данным переписи).

Если учесть приведенные данные, то нетрудно заметить противоположные тенденции развития среди адыгов, проживающих в диаспоре и исторической родине. Диаспорные группы постепенно ассимилируются, переходя на язык и культуру страны проживания. Адыги, оставшиеся на исторической родине, хотя в численном отношении намного уступают диаспоре, находятся в иной этнокультурной и политической среде. Разумеется, наличие собственной письменности, национальных школ, издательств, театров, республиканских вузов, научно-исследовательских, творческих учреждений и

других атрибутов государственности у адыгов в нашей стране, отсутствие всего этого в диаспорных группах – одна из главных причин разнонаправленных тенденций развития указанных двух групп адыгского населения. На долю адыгской диаспоры исторически выпали неисчислимы невзгоды и испытания. К сожалению, их перспективы развития также не вызывают оптимизма. Диаспора идет по пути близкородственного убыхского народа, исчезнувшего с карты народов мира (последний носитель убыхского языка умер в Турции в 1992 г.)

Сказанное не означает, что этнокультурная ситуация адыгов в нашей стране всегда оставалась благоприятной. Адыги в нашей стране живут также в дисперской ситуации – в разных республиках и регионах, что отнюдь не способствует сохранению их общего культурного наследия и – самое важное – исторической памяти. Однако, несмотря на эти факторы, перспективы развития и выживания языка, культуры, традиций и самого этноса остаются только за адыгами на исторической родине. Это не пустые слова и не примитивная пропаганда. С этим фактом трудно не считаться.

История изучения кабардино-черкесского языка имеет свои традиции и четкие хронологические рамки. Правда, не всегда удобно и целесообразно рассмотрение истории разработки кабардино-черкесского языка в отрыве от истории изучения других родственных языков. Это касается прежде всего адыгейского языка. Так, сравнительно-историческое исследование адыгских языков – наиболее продвинутое направление адыгского языкознания, осуществляется на материале обоих языков с привлечением данных других родственных языков – убыхского, абхазского и абазинского. Методы данного направления, принципы реконструкции общеадыгского языка, его разных подсистем опираются преимущественно на внутреннюю реконструкцию, использование структурных особенностей живых адыгских (и не только адыгских) диалектов и говоров.

Первый грамматический очерк и словарь кабардино-черкесского языка созданы Ш. Б. Ногмовым¹. Словарь и текстовые (в том числе устнопоэтические) записи Ш. Б. Ногмова до сих пор не потеряли своего значения, ибо их лексико-семантические особенности проливают свет на историю духовной культуры адыгов.

Серьезную попытку исследования грамматики и лексики кабардино-черкесского языка сделал известный кавказовед Л. Г. Лопатинский².

В 1923 г. Н. Ф. Яковлев опубликовал «Таблицы фонетики кабардинского языка». В этом исследовании рассматриваются не только фонетическая система языка, но на материале исследуемого языка делаются попытки осмысления общей теории фонемы, что имеет выход в теоретическую фонологию. Н. Ф. Яковлеву принадлежат также другие работы: «Краткая грамматика кабардинского языка», «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка»³.

Т. М. Борукаев издал в 1932 г. «Грамматику кабардинского языка», содержащую немало ценных наблюдений и высказываний⁴.

В конце 60-х и начале 70-х гг. XX в. опубликованы две описательные грамматики с попыткой пересмотра многих грамматических явлений кабардино-черкесского языка⁵.

Послевоенные годы характеризуются повышенным интересом специалистов к структуре кабардино-черкесского языка. Появились исследования разных аспектов языка. Некоторые из них были защищены в качестве диссертационных работ⁶. В работе Х. У. Эльбердова исследуются многие спорные проблемы грамматики⁷.

В этот же период начинается всестороннее изучение кабардино-черкесских диалектов и говоров. Результаты исследований Б. Х. Балкарова – бесленеевский диалект, Т. Х. Куашевой – терские говоры, М. А. Ку-махова – кубанский диалект, К. Т. Мамрешева – баксанский диалект, А. К. Шагирова – малкинский говор – опубликованы в коллективном труде «Очерки кабардино-черкесской диалектологии»⁸.

На более позднем этапе кабардино-черкесские диалекты глубже разработаны Х. Т. Таовым¹. Лексика речи черкесов описана в монографии Р. Х. Темировой². По бесленеевскому диалекту, представленному за рубежом, собран ценный материал и проведен ряд исследований³.

Голландский ученый А. Койперс исследовал кабардинские фонемы и морфемы с точки зрения моновокалической теории⁴. Позже канадский лингвист Дж. Коларуссо издал книгу по кабардинскому языку⁵. Н. Н. Зекореев разработал вопросы координации⁶. Б. К. Утижев опубликовал работу по позволительно-повелительным формам, Б. Ч. Бижоев – по проблемам

грамматики, лексики и фразеологии, Р. Х. Дзуганова – по морфонологии кабардино-черкесского языка⁷, А. М. Камбачоков – ряд исследований по синтаксису, в том числе книгу по простому предложению⁸. Увидела свет работа А. К. Шагирова о фонетике и морфологии, А. Х. Шарданов издал итоговую книгу по кабардинскому глаголу⁹. М. А. Кумахов и К. Вамлинг выпустили монографию по дополнительным конструкциям с опорой на семантические основания. В последний период разработаны категория отрицания, морфология собственных имен и др.¹⁰.

Заметные достижения имеются в области сравнительно-исторического изучения кабардино-черкесского языка. В работах этого направления кабардино-черкесский язык рассматривается в контексте близкородственных языков, прежде всего, адыгейского.

Основы сравнительно-исторического изучения адыгских языков заложены известными кавказоведами Г. В. Рогава и К. В. Ломтатидзе, опубликовавшими значительное число исследований по адыгской компаративистике¹¹.

Изданы многие работы по сравнительно-исторической фонетике, грамматике и лексике адыгских, абхазско-адыгских и северокавказских языков, данные кабардинского языка входят в базовый материал этих исследований. Созданы первые сравнительно-историческая фонетика и сравнительно-историческая грамматика адыгских языков, первый этимологический словарь адыгских языков, протоадыгский (проточеркесский) корневой словарь и др.¹. К этому направлению относятся и ранние работы Д. Ж. Дюмезиля и Н. С. Трубецкого. Работы последнего вошли в его «Избранные труды по филологии»².

Описательная лексика (лексикология, семасиология, лексикография) подробно разработаны в монографиях М. Л. Апажева³. К лексике относятся многолетние исследования по ономастике (топонимии, антропонимии и этнонимии) Дж. Н. Кокова. Основные из них вошли в его двухтомное издание⁴.

После ранних лексикографических работ Ш. Б. Ногмова, Л. Т. Лопатинского и др. в середине XX в. развернулись работы по созданию национально-русских и русско-национальных словарей⁵. Обобщающим исследованием в области лексикографии является последний «Словарь кабардино-черкесского языка», составленный коллективом авторов⁶.

Имеются достижения в области кабардино-черкесской фразеологии – работы Б. М. Карданова, А. Г. Емузова и др.⁷.

На формирование кабардино-черкесского литературного языка важное влияние оказал язык устно-поэтического творчества. Поэтому специалисты обратили внимание на своеобразие языка классического фольклорного наследия, произведений его разных жанров¹.

Возрастает также интерес к теме «Язык и культура». В этой области отмечается ряд исследований, выполненных на материале кабардино-черкесского и шире – адыгских языков².

Имеются определенные успехи в разработке стилистики кабардино-черкесского языка, в классификации его функциональных стилей³.

Материал кабардино-черкесского языка активно вводится в общую типологическую и контрастивную лингвистику⁴. Указанные работы естественно не исчерпывают всех исследований, посвященных кабардино-черкесскому языку.

Двухтомник «Кабардино-черкесский язык», созданный по плану Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, является важным вкладом не только в кабардино-черкесское языкознание, но и в современное кавказоведение.

Том I

Глава первая. СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

1. Из истории Кабардино-Черкесской письменности

В истории развития языка появление письменных памятников не всегда связано с созданием письменности на этом языке. Отдельные письменные памятники кабардино-черкесского языка принадлежат путешественникам, государственным чиновникам, ученым, не имевшим никакого отношения к разработке вопросов письменности. Имеются, однако, и памятники письма, осуществлявшиеся в связи с попытками создания письменности на кабардино-черкесском языке. Но независимо от причин и условий их возникновения существующие письменные памятники служат важным материалом для изучения истории адыгских языков. Эти памятники во многом помогают выяснить языковые процессы, происходящие и в современном кабардино-черкесском литературном языке. В этом отношении определенный интерес представляют также наиболее ранние материалы, несмотря на их скудость и крайнее несовершенство техники их графической фиксации. Так, лексические и текстовые материалы Евлия Челеби, Н. Витсена, Ф. И. Штраленберга, И. А. Гюльденштедта, П. С. Палласа, Г. Ю. Клапрота¹ не только носят отрывочный характер, но и страдают существенными недостатками, что вызвало скептическое отношение к ним со стороны специалистов. Однако было бы неверным полностью игнорировать их при изучении истории кабардино-черкесского литературного языка. Например, небольшой лексический материал Н. Витсена отражает целый ряд архаических черт, утраченных современным кабардино-черкесским языком. Записи И. А. Гюльденштедта, неточно передающего адыгский материал знаками разных графических систем, несмотря на недостатки, проливают свет на историю развития некоторых классов слов. В частности, этот материал имеет ценность при восстановлении истории развития числительных в адыгских языках. Дело в том, что числительные в адыгских языках характеризуются крайним разнообразием своей словообразовательной структуры. В живых диалектах имеются разные системы счета – десятичные, двадцатеричные и смешанные, причем наблюдаются большие расхождения между адыгскими диалектами и языками в образовании количественных числительных. Записи И. А. Гюльденштедта помогают в выявлении позднейших инноваций и реконструкций общеадыгской системы счета, что важно для изучения истории развития и сложения адыгских литературных языков. Поэтому едва ли можно согласиться с П. К. Усларом, который считал совершенно бесплодной деятельность Г. Ю. Клапрота по собиранию языкового материала². При всех своих недостатках материалы указанных авторов все же имеют значение для истории адыгских языков, не обладающих давней письменной традицией.

Что же касается работ Л. Лопатинского и Ш. Ногмова, то они внесли существенный вклад в изучение кабардино-черкесского языка в дореволюционный период (о чем см. ниже). Особенно ценны для истории кабардино-черкесского литературного языка лексикографические исследования указанных авторов.

Наряду с изучением кабардино-черкесского языка, в дореволюционный период делались попытки создания письменности. В начале XIX в. русскими просветителями адыгских народов проводилась работа по составлению кабардино-черкесского алфавита и азбуки.

В 1829 г. преподавателем Петербургского университета И. Грацилевским был составлен черкесский алфавит на русской графической основе. Как отмечает С. Петин, при помощи алфавита И. Грацилевского «ученики впоследствии даже переписывались между собой»¹. Алфавит И. Грацилевского, составленный для военнотружущих Кавказского полуэскадрона, не получил распространения.

В 30–40-х гг. XIX в. вопросами создания кабардинской письменности занимался Ш. Б. Ногмов. В 1825 г. им был составлен кабардинский алфавит на арабской основе. Ознакомившись с алфавитом И. Грацилевского, Ш. Б. Ногмов в 1830 г. создает новый

кабардинский алфавит на русской графической основе. Кабардинский алфавит был использован Ш. Б. Ногмовым для записи кабардинских народных исторических песен и сказаний, составления кабардино-русского словаря и передачи кабардинского материала созданной им грамматики кабардинского языка². Как научные труды, так и текстовые записи Ш. Б. Ногмова сохраняют большую ценность для адыгской филологии. Помимо культурно-исторического значения, его текстовые записи представляют значительный интерес для истории адыгских языков. В словаре и народных исторических сказаниях и песнях, записанных Ш. Б. Ногмовым, можно найти немало интереснейших фонетических, грамматических, лексических и семантических явлений, полностью утраченных или ставших архаичными в современном кабардино-черкесском языке. Материалы Ш. Б. Ногмова служат важным подспорьем для характеристики кабардино-черкесского языка дореволюционного периода.

Выдающийся кавказовед П. К. Услар создал не только капитальные грамматические труды по горским кавказским языкам, но и занимался проблемами письменности для горских народов Кавказа. «Грамотность на родном языке, – писал П. К. Услар, – должна доставаться горцам весьма легко, – как достается она учащимся в целой просвещенной Европе при разумной системе обучения. Сверх того, должна она готовить и располагать горцев к изучению русского языка и к ознакомлению с русским образованием. Очевидно, что оба условия в совокупности могут быть достигнуты лишь тогда, когда в основание горских алфавитов принят будет алфавит русский»³. В 1862 г. П. К. Услар вместе с У. Х. Берсеем прибыл в Нальчик. При содействии У. Х. Берсея П. К. Усларом был составлен алфавит на русской графической основе.

Много внимания уделял вопросам кабардинской письменности К. Атажукин. Учитель кабардинской школы в Нальчике, знаток и собиратель устного народного творчества, хороший переводчик, К. Атажукин составил кабардинскую азбуку¹, издал несколько книг на кабардинском языке, вел большую просветительскую работу в сложных общественно-политических условиях Кабарды во второй половине прошлого столетия. Заслуживает внимания то обстоятельство, что К. Атажукин, придавая решающее значение введению кабардинской письменности, вместе с тем подчеркивал роль русского языка в жизни своего народа. Сто лет назад в «Терских ведомостях» он писал: «...кабардинская письменность должна способствовать быстрейшему распространению грамотности... грамотность не должна вредить русскому языку, а, напротив, благоприятствовать его распространению. Кабардинцы и теперь сильно ощущают необходимость знания русского языка, а будучи грамотными найдут и средства лучше теперешних к удовлетворению этой потребности... Потребность же в знании русского языка не может исчезнуть в Кабарде, ее положение и отношение к русским таковы, что ей обходиться без русского языка невозможно. Это сознают и будут сознавать сами кабардинцы»².

В 90-х гг. XIX в. за изучение кабардинского языка взялся Л. Г. Лопатинский, составивший и кабардинский алфавит на русской графической основе. Л. Г. Лопатинскому принадлежит ряд работ по кабардинскому языку и истории кабардинского народа. Среди них особое место занимают «Русско-кабардинский словарь», «Краткая кабардинская грамматика»³, а также тексты по адыгским языкам. «Русско-кабардинский словарь» (содержит свыше пяти тысяч слов), несмотря на отдельные неточности, не утратил своего значения для исторической лексикографии и лексикологии. Что же касается данного Л. Г. Лопатинским грамматического описания кабардинского языка, то оно является наиболее серьезным исследованием среди других работ дореволюционного периода по грамматике кабардино-черкесского языка. С историко-лингвистической точки зрения заслуживают высокой оценки также текстовые записи Л. Г. Лопатинского. Труды Л. Г. Лопатинского являются важным вкладом в дореволюционную адыгскую филологию и помогают осмыслить языковые изменения в адыгских литературных языках.

Важно отметить, что в 90-х гг. вокруг Л. Г. Лопатинского, который был одним из участников издания «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», а позже – его редактором, собралась группа кабардинцев, среди которых были П. Тамбиев и Т. Кашежев. При участии Л. Г. Лопатинского П. Тамбиев составил кабардинский алфавит и издал в 1906 г. букварь. П. Тамбиеву принадлежит большая заслуга в собирании и издании многочисленных адыгских текстов⁴.

Попытки составления алфавита для адыгских языков были предприняты и адыгами, проживающими в Турции, Египте и Сирии. В 1909 г. турецким черкесом доктором Мухаммедом Пчегатлуковым был составлен алфавит на арабской графической основе, им также был написан черкесский букварь. В 1910 г. М. Пчегатлуковым был составлен черкесский букварь на латинской основе¹. В 1910 г. египетским черкесом Мухамед-Кемалем Хуажевым был создан алфавит на арабской графической основе, на этом алфавите им был издан черкесский букварь². Адыгейскую азбуку на латинской основе составил Бланау Баток, который напечатал ее в 1918 г. в Константинополе. Представители обширной кабардинской диаспоры (в Турции, Сирии, Иордании и других странах) предпринимали и другие попытки создания письменности на адыгских языках. Заметим, что эти попытки, хотя и не привели к созданию литературного языка, письменных школ в широком смысле этих терминов, нельзя считать бесполезными. Они продолжают и до последнего времени. В разные периоды в странах адыгской диаспоры создавались национальные школы, издавались книги, газеты, журналы, хотя они не могли иметь широкого распространения среди всех диаспорных групп в силу политических, культурных и социально-экономических условий в разных странах, где нередко менялась их национальная политика по отношению к адыгам. Кроме того, не все диаспорные группы находились в этом отношении в равном положении. В Турции, где проживают ок. 3 млн. адыгов³, действовали более жесткие законы: адыги считались турками, не имели права носить свои национальные имена и фамилии, не говоря уже о возможности создания национальной письменности на адыгских языках. В последний период в этой стране произошла определенная либерализация, связанная также с сохранением культур, преданий и языков национальных меньшинств, в том числе адыгов. Но, к сожалению, поезд уже ушел: процесс ассимиляции языка адыгов в этой стране зашел так далеко, что стал необратимым. Собственно, необратимостью процесса ассимиляции адыгов обусловлена и политика либерализации турецкого правительства в отношении культуры и языка адыгов. Несколько лучше обстоит дело в Иордании, Сирии, Израиле, США и других странах, где созданы условия для освоения элементарных основ родного языка в школе. Однако диаспорные группы в указанных странах немногочисленны, а изучение родного языка в языковой и культурной среде всесторонне доминирующей нации (арабов, евреев, американцев и др.) не дает желательных результатов, что лишний раз доказывает, что язык адыгского этноса (как и сами носители) имеет реальные перспективы выживания лишь на исторической родине.

Разработкой вопросов кабардинской письменности в начале XX столетия занимались Нури Цагов, Мажид Фанзиев, Хасан Эльбердов, Татлустан Шеретлоков и др. Ими были составлены алфавиты и буквари, некоторые из них издавали небольшую литературу на родном языке⁴.

Таким образом, попытки создания письменности предпринимались еще в дореволюционное время. Однако эти попытки, в сущности, остались безуспешными. Письменность на кабардино-черкесском языке была создана лишь после Октябрьской революции.

Языковое строительство развернулось сразу же после окончания гражданской войны. Был проведен ряд мероприятий по созданию национальной письменности с тем, чтобы приступить к обучению на родном языке.

В 1920 г. в Кабарде встал вопрос о необходимости создания кабардинской письменности. К этому времени было два существующих еще с 1916 г. алфавита на разных графических основах – арабской и русской. Алфавит Т. Шеретлокова, основанный на русской графике, был создан на основе алфавита Г. Л. Лопатинского. В первые годы развития письменности использовались оба алфавита.

В 1923 г. осуществляется переход кабардинской письменности на новый латинский алфавит. В мае 1923 г. Б.Хурановым был опубликован первый кабардинский алфавит на латинской графической основе. С этого же года начинается систематическое преподавание кабардинского языка в школах Кабарды. В 1924 г. Б. Хуранов переработал свой алфавит, учтя ряд ценных замечаний Н. Ф. Яковлева. В 1925 г. алфавит Б. Хуранова был усовершенствован Т. Борукаевым, внесшим в него ряд изменений. Однако и этот вариант алфавита был заменен в 1930 г. более совершенным вариантом, который просуществовал до 1935 г.

В 1935 г. кабардинская письменность с латинской графической основы была переведена на русскую. Алфавит на русской графической основе был составлен Т. Борукаевым¹. Последние изменения в кабардинскую графику были внесены в 1939 г. специальной комиссией под научным руководством Н. Ф. Яковлева.

2. Диалектная основа кабардино-черкесского литературного языка

Общеизвестно, что литературный язык никогда полностью не совпадает с так называемым опорным диалектом. Вместе с тем формирование литературных языков непосредственно связано с установлением их диалектной основы. При решении этого вопроса учитывались три фактора: 1) число говорящих на том или ином диалекте; 2) степень сложности фонетической и грамматической системы диалектов; 3) политический, экономический и культурный уровень носителей диалектов.

Кабардино-черкесский язык распадается на следующие диалекты: баксанский, бесланевский, кубанский; выделяются также говоры малкинский, малокабардинский, моздокский и др.

По числу говорящих диалект Большой Кабарды – баксанский – превосходит все другие диалекты, вместе взятые. В структурном отношении между диалектом Большой Кабарды и другими кабардинскими диалектами имеются значительные расхождения. Это касается особенно бесланевского диалекта, фонемный состав которого обнаруживает много архаичных черт, восходящих к общеадыгскому единству. При решении вопроса о выборе диалектной базы кабардино-черкесского литературного языка не принимались во внимание особенности ни бесланевского, ни кубанского диалектов. Дело в том, что носители этих диалектов не только численно значительно уступали носителям диалекта Большой Кабарды, но, что самое главное, проживали за пределами Кабардино-Балкарской Республики (носители кубанского диалекта живут в Республике Адыгея, бесланевского – в Карачаево-Черкесской Республике и Краснодарском крае). Жители Кабарды составляют основную массу кабардинцев и говорят на одном диалекте (за исключением только одного селения – Малки).

Что касается малокабардинского говора, носители которого также занимают часть территории Кабардино-Балкарской Республики, то в структурном отношении этот говор проявляет лишь незначительные особенности¹. Поэтому в основу кабардино-черкесского литературного языка был положен язык жителей Большой Кабарды.

Решение проблемы нормы кабардино-черкесского языка во многом определяется степенью диалектной дифференциации. Отсутствие резких диалектных различий между говорами Большой и Малой Кабарды и территориальная отдаленность от них других кабардино-черкесских диалектов и говоров создали более благоприятные условия для становления и развития кабардино-черкесского литературного языка, хотя многие вопросы нормы, в том числе терминологии, орфографии и орфоэпии не могли быть решены в первый период развития письменности.

Литературный язык черкесов проявляет фонетические, грамматические и лексические особенности². Черкесы территориально отделены от кабардинцев. Они проживают в Карачаево-Черкесской Республике. Исторически черкесы за исключением бесланевцев, считаются выходцами из Большой Кабарды, т. е. они являются кабардинцами. В послереволюционный период и после образования Карачаево-Черкесской автономной области за ними закрепилось общее этническое название всех адыгов – «черкесы». Хотя черкесы и кабардинцы объединены общностью языка, на литературный язык черкесов оказывают значительное влияние диалектные особенности местных говоров. Они проявляются не только в устной речи, но и в языке произведений черкесской художественной литературы³. Так, в языке черкесских писателей и поэтов, а также черкесской периодической печати наблюдаются специфические явления. К ним относятся:

1) отсутствие суффикса *-p* в отрицательных формах глагола, например *хуэхъкъым* вм. *хуэхъыркъым* «он не может нести», *итхкъым* вм. *итхыркъым* «он не пишет»;

2) своеобразие использования глагольных провербов: *теклын* вм. *дэклын* «выйти»,

хэжсын в.м. дэжсын «выбегать между» и т. д.;

3) употребление суффикса -рэ с архаичной огласовкой: *иджырэ кыыздэсым* «до сих пор»;

4) согласование сказуемого с дополнением в числе: *Самолетым бомбэхэр кызыккэлъыриутыпцхъэхэхэц* (в.м. *кызыккэлъэриутыпцхъэхэхэц*) «Самолет вниз бросил бомбы»;

5) синонимические обороты типа *кыуащ мыхъумэ* «только ходил», *пылъащ мыхъумэ* «только бежал»;

6) необычные для речи кабардинцев словообразовательные модели: *зэпыгъэзэн* в.м. *гъэзэн* «повернуться», *убзыщыын* в.м. *бзыщыын* «скрыть», *уриклэпхын* в.м. *клэрыпхэн* «привязать».

Еще значительнее особенности в лексике. Здесь многие явления сближают язык черкесов с адыгейским литературным языком, например:

Язык черкесов	Адыгейский	
<i>бзылъхугъэ</i>	<i>бзылъфыгъэ</i>	«женщина»
<i>хъульхугъэ</i>	<i>хъульфыгъэ</i>	«мужчина»
<i>щыпкъэ</i>	<i>шъыпкъэ</i>	«правда»
<i>нэлуасэ</i>	<i>нэлуас</i>	«знакомый»

В языке черкесов сохранились лексические элементы, утраченные другими диалектами и говорами Большой Кабарды. Явления, восходящие к языку-источнику, отмечаются в области семантики, ср. черк. *чэф* «веселый», *чэфын* «веселиться», турецк. *keyif* «веселое настроение». (Подробнее см. раздел «Диалектология»).

Как видно из вышеизложенного, у черкесов литературный язык проявляет свои территориальные особенности, обусловленные строением черкесских говоров, оказывающих воздействие как на письменную, так и на разговорную формы реализации литературного языка.

Свободное варьирование форм, обусловленное влиянием на литературный язык живых диалектов и говоров, охватывает все языковые уровни. При этом с функциональной точки зрения варианты формы разнородны. Одни из них являются локально ограниченными, а другие имеют более широкое распространение.

Живые диалекты и говоры не только оказывают воздействие на литературный язык, но и сами испытывают сильное влияние последнего.

Под воздействием литературного языка происходит процесс нивелировки диалектных черт, образовавшихся в период языковой дифференциации и разобщенности различных адыгских субэтносов. Этот процесс протекает далеко не равномерно в диалектах и говорах и определяется в основном двумя экстралингвистическими факторами: численностью говорящих на том или ином диалекте (говоре) и ареалом распространения литературного языка.

Кубанский диалект кабардино-черкесского литературного языка испытывает сильное влияние адыгейского языка. Кубанские кабардинцы двуязычны: они говорят на кабардинском и адыгейском языках. В качестве литературного языка кубанские кабардинцы используют адыгейский. В кубанском диалекте наряду с мягкими шипящими спирантами встречаются твердые шипящие спиранты, как в адыгейском литературном языке (ср., например, *шы* «лошадь», *пшьэ* «туча», *ажэ* «козел», *кыужын* «вернуться»). Противопоставление шипящих спирантов по признаку «мягкий – твердый» не свойственно кабардино-черкесскому языку и большинству кабардино-черкесских диалектов и говоров.

Анализ материала показал, что твердые шипящие спиранты в кубанском диалекте представляют собою явление вторичное. В этом убеждает нас, во-первых, тот факт, что позиции *ж:жъ*, *ш:шь* в диалекте не являются дистинктивными (смыслоразличительными). Явление это связано с экстра-лингвистическими условиями развития кубанского диалекта, т. е. является результатом влияния фонетической системы адыгейского литературного языка, в котором шипящие спиранты (как и аффрикаты) различаются по твердости и мягкости.

Структура диалектов и говоров, не испытывающих влияния литературного языка, остается более устойчивой и консервативной. Так, носители моздокского говора живут за пределами распространения кабардино-черкесского литературного языка. Поэтому

малокабардинский и малкинский говоры, испытывающие влияние литературного языка, идут по пути интеграции и нивелировки диалектных черт, а моздокский еще больше отходит от кабардино-черкесского литературного языка.

3. Вопросы алфавитов, орфографии и терминологии

3.1. Разработка алфавитов

Среди известных науке языков мира абхазо-адыгские языки по количеству и разнообразию фонем занимают одно из первых мест¹. Например, в убыхском языке различаются 83 фонемы, а в бжедугском диалекте адыгейского языка – 70 фонем. В наиболее простом в звуковом отношении кабардино-черкесском литературном языке различаются 49 фонем, не считая нескольких дифтонгообразных единиц. Ни один из алфавитов, которыми пользовались адыги, не располагает соответствующим числом графем. Адыгские языки по своей фонологической системе значительно отличаются от арабского, латинского и русского языков. Эти отличия касаются как внутренней иерархии согласных и гласных фонем, так и количественного состава самостоятельных фонологических единиц. Спецификой адыгских языков являются свистяще-шипящие спиранты, а также лабиализованные фонемы, характерные почти для каждого ряда смычных и спирантов, в результате чего образуется множество фонологических оппозиций по признаку: «лабиализация – отсутствие лабиализации».

При таком положении становится очевидным, что на базе латинского алфавита, включающего всего 26 букв, невозможно было каждую фонему обозначить отдельной буквой. Кабардино-черкесский алфавит, составленный на основе латинской графики, дополнительно включал диакритические знаки, сочетания букв, знаки из других алфавитов или специально изобретенные знаки. Кроме того, одним знаком обозначались две фонемы или одна фонема и один дифференциальный признак соседней фонемы (например, лабиализация согласной формы). Диакритические знаки использовались бессистемно, т. е. для обозначения самых различных дифференциальных признаков.

Кроме того, в алфавит были дополнительно введены знаки, отсутствующие в латинской графике.

Как видно, алфавит на базе латинской графической основы имел существенные недостатки. Было бы, однако, неверно думать, что эти недостатки всецело связаны с тем, что в латинском алфавите недоставало многих графем для обозначения специфических фонем кабардино-черкесского языка. Разумеется, количественное несоответствие между латинскими графемами и фонемами кабардино-черкесского языка значительно осложняло создание алфавита. Но главное – при составлении алфавита на латинской основе не учитывались многие особенности фонологической системы языка. Тот факт, что один и тот же дифференциальный признак одной и той же фонемы обозначается разными графемами и в то же время одна и та же графема служит для передачи двух фонем, свидетельствует о серьезных недостатках разбираемого алфавита.

Необходимо, однако, отметить, что некоторые недостатки алфавита на латинской основе характерны также для ныне действующего алфавита. Эти недостатки заключаются прежде всего в том, что расхождения между системой графем и системой фонем слишком значительны. Нам представляется, что алфавит для младописьменного языка в основном должен быть фонематическим. Ведь несоответствие графем и фонем в письме старописьменных народов объясняется, прежде всего, последующими изменениями в фонологической системе языка. Наиболее известные в истории алфавиты на первых ступенях развития письменности были фонематическими (например, древнейший греческий алфавит¹). То же самое нужно сказать о финикийском алфавите, который считался предком большинства буквенных алфавитов. Что же касается алфавитов таких младописьменных языков, как адыгские, то при их составлении можно было соблюдать принцип минимального расхождения между системами графем и фонем, поскольку не было интервалов между периодами разработки алфавитов и норм литературного произношения.

Первый вариант кабардинского алфавита на латинской графической основе,

опубликованный в 1923 г., не полностью отражал особенности фонетической системы языка. Но усовершенствованный кабардинский алфавит, который был введен в действие с 1 июля 1930 г., выгодно отличался от адыгейского алфавита. В этом алфавите лабиализация согласной фонемы в любой позиции обозначалась одной графемой *v*; более системно, чем в адыгейском письме, использовались диакритические знаки. В целом усовершенствованный кабардино-черкесский алфавит на латинской основе приближался к фонемному. В этом алфавите имелась даже специальная графема для изображения звонкого фарингального спиранта, который в последующий период необоснованно был исключен из фонематического состава кабардино-черкесского языка. Следует особенно отметить тот факт, что в этом алфавите изображение так называемых дифтонгов в основном отражало их фонематический состав.

Кабардино-черкесский алфавит на русской графической основе более полно отражает фонематическую систему языка, чем адыгейский алфавит. Так, единообразно обозначается не только лабиализованность фонемы, но и губной сонант *y*: ср. адыг. *кЮ* [кЮэ] «иди», *кЮагъ* «он пошел», каб.-черк. *кЮэ* «иди», *кЮащ* «он пошел», адыг. *уатэ* [уатэ] «молоток», *од* [уэд] «худой», каб.-черк. *уадэ* [уадэ] «молоток», *уэд* [уэд] «худой».

Хотя в обозначении согласных кабардино-черкесский алфавит и приближается к типу фонемных алфавитов, но в передаче сонантов и гласных этот алфавит является неудовлетворительным как в лингвистическом, так в методическом отношении. Достаточно сказать, что зубной сонант *й* изображается то отдельной графемой *й*, то графемами *е*, *я*, и вместе с последующими отдельными фонемами *э*, *а*, *ы* (*ткЮй* [ткЮй] «упругий», *яш* [йаш] «их конь», *ехъ* [йэхъ] «он несет», *шиин* [шыйын] «протянуть»). Гласная *ы* передается графемами *ы*, *и* (*лы* «мясо», *шыбжый* [шыбжый] «перец»). Приведенные примеры достаточно ярко иллюстрируют определенную бессистемность в изображении сонантов и гласных.

Перевод письменности на русскую графическую основу, несомненно, содействовал развитию их литературных языков и обеспечил единую основу грамотности на двух языках – родном и русском. Однако, как уже было отмечено, алфавиты младописьменных адыгских языков имеют серьезные недостатки.

Основными недостатками действующего алфавита являются: 1) обозначение одной графемой разных фонем, например *уасэ* [уасэ] «цена». Бубэ – собственное имя; 2) обозначение группы фонем одной графемой: *ехъ* [йэхъ] «он несет», *яш* [йаш] «их конь», *иш* [йыш] его «конь»; 3) обозначение одной фонемы в группах фонем разными графемами: *етх* [йэтх] «он пишет», *ятх* [йатх] «они пишут»; 4) обозначение общего дифференциального признака фонем разными знаками, например, абруптивность (смычно-гортанность) обозначается в одних случаях знаком *l*, а в других знаком *ъ* (ср. *щlэ* «новый»; *макъ* «голос»); 5) наличие большого количества буквенных сочетаний для обозначения отдельных фонем, что делает алфавит тяжеловесным и неудобочитаемым: например одна фонема (фарингальный смычный) обозначается сочетанием четырех букв *кхъу*; лабиализованные согласные передается в письме трехбуквенными сочетаниями *гъу*, *хъу*, *кЮу*, *къу* и др.; 6) обозначение одних и тех же фонем в двух близкородственных литературных языках разными буквами: например, свистящие спиранты в адыгейском обозначаются буквами *жъ*, *шъ*, *щl*, а в кабардино-черкесском – буквами *жъ*, *щ*, *щl*.

В последние десятилетия вокруг проблем унификации и усовершенствования адыгских алфавитов часто проходят дискуссии и обсуждения, которые привлекают большое внимание широкой общественности. На региональном совещании по вопросам усовершенствования и унификации алфавитов горских кавказских языков, которое состоялось в 1958 г. в Майкопе¹ были выработаны конкретные и согласованные предложения. Эти предложения сводились к тому, чтобы усовершенствовать алфавиты ряда горских кавказских языков, в том числе и адыгских, сохраняя при этом основу русской графики. Совещание также выработало унифицированное графическое изображение однотипных фонем в адыгских языках. К сожалению, предложения и рекомендации совещания остались нереализованными и вопрос об улучшении и унификации алфавитов двух близкородственных адыгских языков стоит на повестке дня.

В связи с разбираемым вопросом следует сказать несколько слов о проекте кабардино-черкесского алфавита, вызвавшем разные отклики после его опубликования в

газете «Ленин гъуэгу»¹. В соответствии с проектом (он подготовлен сектором кабардино-черкесского языка Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института) устраняются трехбуквенные знаки для передачи отдельных фонем. Двумя буквами обозначаются лабиализованные согласные и две аффрикаты: звонкая шипящая аффриката *дж* и звонкая шипяще-свистящая аффриката *дз*. Знаки *џ*, *ь*, *l* также не применяются как дополнительные средства передачи дифференциальных признаков кабардино-черкесских согласных. Лабиализация как дифференциальный признак фонемы последовательно обозначается знаком *у*. Взамен знаков *џ*, *ь*, *l* вводятся диакритические знаки. Так, для обозначения абруптивных согласных – шипяще-свистящей аффрикаты, шипящего спиранта, губного смычного, зубного смычного, переднеязычного смычного, латерального спиранта вместо букв *цl*, *цl*, *nl*, *ml*, *kl*, *ll* соответственно рекомендуются буквы *с*, *s*, *n*, *m*, *k*, *l*. Вводится также ряд дополнительных букв для передачи простых фарингальных смычных, лабиализованных фарингальных смычных, переднеязычного глухого придыхательного спиранта, абруптивного губного спиранта, ларингального спиранта, вместо букв *кџ*, *кхџ*, *кџу*, *кхџу*, *щ*, *фl*, *хџ* соответственно рекомендуются буквы *г*, *g*, *rg*, *gy*, *s*, *v(f)*, *h*.

В целом проект предусматривает значительные изменения в системе графического обозначения кабардино-черкесских согласных. Замена ряда трехбуквенных и одного четырехбуквенного обозначений трехбуквенными, естественно, ведет к упрощению алфавита, что соответственно сокращает число знаков при письме. Нельзя сказать, что сокращение числа графических знаков не имеет значения для пишущих на данном языке. Как отмечалось выше, наличие большого числа буквенных сочетаний типа *кхџу*, *кхџ*, *кџу*, *кlу*, *гџу* отнюдь не украшает адыгские алфавиты. Однако упрощение упрощению рознь. При всей тяжеловесности и громоздкости адыгские алфавиты обладают и положительными качествами. Наиболее существенным из них является то обстоятельство, что адыгские алфавиты основываются на одной графической системе. Эту особенность действующих алфавитов не следовало бы игнорировать при дальнейшем обсуждении вопроса усовершенствования графических систем адыгских языков. Согласно проекту, в кабардино-черкесский алфавит вводятся буквы других графических систем, в частности латинские буквы *v(f)*, *s*, *h*, *k*, *g*. Практика совмещения знаков разных графических систем не является новшеством. В этом отношении рассматриваемый проект кабардино-черкесского алфавита сближается, например, с алфавитами некоторых тюрко-язычных народов. Вместе с тем нужно отметить, что использование букв разных графических систем не всегда ведет к улучшению и совершенствованию алфавита, но и осложняет его систему. Так, употребление графического знака латинского алфавита *v* не представляется целесообразным по двум соображениям: 1) знак, обозначающий в языках различных систем звонкий зубной согласный, используется для передачи абруптива; 2) нарушается принцип передачи абруптивности – дифференциального признака многих фонем, ср. *v-фl*, но *с-цl*. Не очень удачен знак *г* и созданные на его базе другие составные знаки для передачи фарингальных согласных.

В целом же авторы проекта проявили много изобретательности в улучшении системы графической передачи кабардино-черкесских согласных, отличающихся большим многообразием и сложностью своего состава. В этом отношении данный проект выгодно отличается от ранее предлагавшихся проектов. Однако разбираемый проект не лишен серьезных недостатков. Помимо экстралингвистических факторов (отсев определенной части читателей после коренной ломки сложившегося алфавита) при решении вопросов графики следует не только стремиться к сокращению количества знаков, но и учитывать соотношение самих знаков, их иерархию, системную организацию.

Недостатки адыгских алфавитов объясняются отчасти слабой разработанностью фонологических систем этих языков. Хотя в разработке фонетики кабардино-черкесского языка принимали активное участие такие крупные специалисты в области синхронной фонологии, как Н. Ф. Яковлев и др., приходится констатировать, что до сих пор многие вопросы фонетики и в особенности фонологии остаются нерешенными. Достаточно сказать, что число фонем в кабардино-черкесском литературном языке определяется в работах различных авторов по-разному. При таком положении, когда алфавит

приходится составлять до выявления фонологической системы языка, совершенно естественно, что система графики не может быть полностью удовлетворительной в лингвистическом отношении.

3.2. Разработка орфографии

Сказанное выше во многом относится к орфографии, которая тесно связано с алфавитом. Орфография охватывает целый комплекс лингвистических вопросов. Для разработки орфографии на научных основах прежде всего необходимо выявить фонологический состав языка, выяснить систему противопоставлений фонем и типы нейтрализации и т. д. Орфография связана не только с фонетикой и фонологией, но и с грамматикой и лексикой. Она включает в себя, например, вопросы структуры слова, словообразования и синтаксиса (отражение на письме различия между морфемой и словом, между сложным словом и синтаксической группой слов и т. д.).

Работа по выработке орфографических норм кабардино-черкесского литературного языка началась одновременно с составлением алфавита.

Как отмечалось, вопросы алфавита и орфографии тесно взаимосвязаны. Более того, некоторые вопросы являются общими для алфавита и орфографии. Так, обозначение одной кабардино-черкесской фонемы *ы*, двумя графемами – *ы*, *и* (ср. *хы* «шесть», *мэкIий*//*мэкIый* «он кричит» по сути является вопросом и графики и орфографии.

Орфография, как алфавит, изменялась и усовершенствовалась по мере развития кабардино-черкесского литературного языка. Но орфография менялась чаще, чем алфавит.

Итак, активизация орфографической работы, выявила разные точки зрения по некоторым вопросам. Поэтому орфографической комиссии, созданной по инициативе местных органов, предстояла большая и кропотливая работа по упорядочению орфографии. Безусловно, не сразу удастся окончательно решить все спорные проблемы. Как известно, некоторые вопросы нормирования орфографии остаются спорными в связи с трудностями их решения для многих старописьменных языков, в том числе и русского языка. Что касается младописьменных языков, каковыми являются адыгские языки, решение орфографических вопросов осложняется тем, что языковые процессы, связанные с формированием и становлением литературной нормы, часто оказываются незавершенными. Это обуславливает вариантность на разных уровнях языковой структуры. Поэтому могут быть случаи колебания и вариантности орфографических норм. Вместе с тем колебания и вариантность в орфографии по возможности должны быть минимальными. Орфографическая пестрота несовместима с культурой письменной речи.

В связи с разбираемым вопросом хотелось бы отметить еще следующее. На первый взгляд может показаться, что вопросы орфографии являются чисто практическими. Между тем решение орфографических проблем очень тесно связано не только с фонологией и системным осмыслением единиц грамматического уровня, но и с историей развития языка. Следует отметить, что в кабардино-черкесскую орфографию, по мере развития литературного языка, вносились изменения и дополнения чаще, чем в адыгейскую орфографию.

Правила кабардино-черкесского правописания, основанные на фонетических и отчасти морфологических принципах были разработаны Т. М. Борукаевым в его нормативной грамматике кабардино-черкесского языка¹. Грамматика Т. М. Борукаева рекомендует писать корневые морфемы в соответствии с их произношением. Но фонетический принцип у автора сочетался с морфологическим в правописании личных префиксов².

Перевод кабардино-черкесской письменности на русскую графическую основу сопровождался реформой орфографии. Так, написание слов, заимствованных из русского языка в советский период, приблизилось к русской орфографии. Последовательно и независимо от окружения обозначалась на письме отдельной графемой гласная фонема *ы*. Ср.: *уына* «дом», *бгъуырытыщ* «он стоит рядом», *йы* «его», «ее», *йылажъырт* «он обработал», *йызоф* «я вышиваю»³.

Следует, однако, отметить, что не все изменения, внесенные в кабардино-черкесскую орфографию при переводе письменности на русскую графику, соответствовали реальным соотношениям между элементами языковой структуры. Так, было принято единое недифференцированное графическое обозначение на письме двух самостоятельных гласных фонем – долгой *а* и краткой *э*. Эти фонемы, несущие большую функцио-нальную нагрузку, обозначались графемой *а*. Исключение составляло окончание прошедшего времени глагола, которое условно обозначалось знаком *аа*. Ср: *тхаащ* (*тхащ*) «он писал», *тхаа* (*тха*) «писавший»¹. Однако ограничение на письме однофонемного окончания прошедшего времени *-а* от фонемы *[a]* не могло служить выходом из положения: в другом окружении эти фонемы графически не разграничивались ср.: *маплъа* (*маплъэ*) «он смотрит», *маджа* (*маджэ*) «он кричит», *щ'ала* (*щ'алэ*) «парень», *хуада* (*хуэдэ*) «подобный», *зауа* (*зауэ*) «война», *махуа* (*махуэ*) «день». В приведенных словах гласная *э* в абсолютном исходе функционально отличается от гласной *а*. Искусственное снятие противопоставления двух самостоятельных фонем приводило к смешению разных слов и морфем. Так, превратились в омографы такие слова, как *хада* (*хадэ*) «сад» и *хада* (*хэдэ*) «выбирай», *вагъуа* (*вагъуэ*) «звезда» и *вагъуа* (*вэгъуэ*) «время пахоты», *дагъуа* (*дагъуэ*) «недостаток» и *дагъуа* (*дэгъуэ*) «хороший, добротный», *хахуа* (*хахуэ*) «смелый», *хахуа* (*хэхуэ*) «загоняй во что-то», *жагъуа* (*жагъуэ*) «неприятель», *жагъуа* (*жэгъуэ*) «время старта, забега», *щ'лагъуа* (*щ'лагъуэ*) «хороший, положительный», *щ'лагъуа* (*щ'лэгъуэ*) «время возделывания, обработки чего-нибудь», *хана* (*ханэ*) «шестая часть», *хана* (*хэнэ*) «застревай», *пакла* (*паклэ*) «отрезок, часть», *пакла* (*пэклэ*) «носом», *дана* (*данэ*) «шелк» и *дана* (*дэнэ*) «где», «куда».

При очередной реформе кабардино-черкесской орфографии пришлось отказаться от неоправданного отождествления на письме гласных фонем *а*, *э*, ср.: *анэ* «мать», *тхэр* (*пишущий*), *тхар* «писавший», *хэдэ* «выбирай», *хадэ* «сад»².

Одновременно была произведена некоторая унификация орфографии заимствованных слов. Так, согласно новой орфографии были приняты написания: *километр*, *литр* вместо *километыр*, *литыр*. В отношении ряда старых заимствованных слов орфография не отличалась последовательностью: допускались, например, варианты *самовар*, *сэмэвар* «самовар»; *шайныч*, *шаныч* «чайник» и т. д.³. Но в целом в орфографии новых заимствованных слов рекомендовалось соблюдать принцип минимальных расхождений с орфографией языка-источника или языка-посредника. Минимальные расхождения касались в основном уже не фонетического облика заимствованных слов, а их морфологической адаптации, что было связано с особенностями кабардино-черкесского языка.

В 1963 г. была проведена регламентация кабардино-черкесского правописания. Создан специальный свод правил орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка⁴. Новый свод правил орфографии и пунктуации содействовал упорядочению правописания и устранению разнобоя на письме. Составители нового свода правил орфографии и пунктуации, учитывая опыт предшествующей работы в этой области, разработали целый ряд правил, регламентирующих написание исконных и заимствованных слов. Вместе с тем следует сказать, что далеко не все правила, действующие в настоящее время в кабардино-черкесской орфографии, являются удовлетворительными с лингвистической точки зрения. Прежде всего, отметим, что основные принципы, на которые опирается орфография, не всегда последовательны.

Так, орфография основывается на морфологических и фонетических принципах. Морфологический принцип написания требует единства письменного изображения корневых и аффиксальных морфем независимо от их изменения в потоке речи. В соответствии с пунктом I упомянутых правил орфографии и пунктуации слова *хадэхэкI* «овощи», *мазэгъуэ* «лунная ночь», *зэкъуажэгъуэ* «односельчане», *щхъуантIэпс* «ярко-зеленый», *лъагэлуэ* «слишком высокий», *бзаджащэ* «чрезмерно злой», «хитрый», *планэпэ* «угол» пишутся по морфологическому принципу, хотя они произносятся как *[хэдэхэкI]*, *[мэзэгъуэ]*, *[зэкъуажэгъуэ]*, *[щхъуантIэпс]*, *[лъэгэлуэ]*, *[бзэджащэ]*, *[плэнэпэ]*¹.

Но этот же свод правил рекомендует фонетическое написание слов *бэмпIэгъуэ* «надоедливый», «несносный» (*бампIэ* «грусть», «тоска»); *псэлэгъуэ* «собеседник» (*псалэгъуэ* «слово», «речь»), *гузэвэгъуэ* «тревога», «волнение» (*гузавэ* «тревожный», «беспокойный»), *пщэфланIэ*, «кухня» (*пщэфIэ* «повар»), *хъуэпсэнэлу* «очень завистливый»

(хъуапсэ «желание», «зависть»), лэжъаклуэ «работник», «трудящийся» (лажъэ «работающий») и др.². На фонетическом принципе основывается орфография личных аффиксов. Ср: *тшащ* (д-шаш) «мы продали», *злащ* (с-лащ) «я покрасил» здащ (с-дащ) «я сшил», *вгъэхъэзыращ* (ф-гъэхъэзыращ) «вы приготовили», *влэжъащ* (ф-лэжъащ) «вы заработали»³. Выбор того или иного принципа в орфографической системе определяется особенностями строя языка. Написание морфемы 2 л. единственного числа может быть только фонетическим, поскольку существуют варианты формы (алломорфы), обусловленные фоно-морфологическими условиями их окружения (ср. наряду с исходной формой у- вторичные формы б-, п-: у-о-клуэ «ты идешь», б-д-а-щ «ты сшил», п-хъ-а-щ «ты носил»). Но когда слово *хадэхэкI* «овощи» (произносится [хэдэхэкI]) пишется по морфологическому принципу (ср. производящее слово *хадэ* «огород»), а *пцэфланIэ* «кухня» пишется так, как произносится (ср. *пцафIэ* «повар»), принципы орфографии оказываются зыбкими и противоречивыми.

В кабардино-черкесской орфографии на морфологическом принципе основано написание слов и словосочетаний, в состав которых входит производящая основа с долгим гласным а, ср.: *мазэ* «луна» – *мазэгъуэ* «лунная ночь», *бажэ* «лиса» – *бажэжъ* «старая лиса». Как отмечалось, в отношении указанных слов и словосочетаний правила непоследовательны: *мазэгъуэ* «лунная ночь», но *псэлгъэгъуэ* «собеседник» (от *псалгъэ* «слово», «речь»). Устранение этого разнобоя путем распространения фонетического написания на все слова и словосочетания, в состав которых входит производящая основа с долгим гласным а, приведет к упорядочению кабардино-черкесской орфографии. Орфография собственно кабардино-черкесских слов в этом случае стала бы, в сущности фонетической, что и соответствовало бы структурным особенностям адыгских языков.

3.3. Разработка терминологии

Одновременно с разработкой орфографии создавалась терминология для младописьменных адыгских языков. Многие общественно-политические термины были введены в лексику адыгских языков уже в период Октябрьской революции и гражданской войны. После перевода письменности на латинскую основу началась также разработка отраслевой терминологии.

С самого начала развития кабардино-черкесского литературного языка для пополнения терминологии использовались два источника: собственные ресурсы языка и иноязычная лексика. На базе исконного языкового материала термины создавались следующими способами:

1) терминологизация слов, т.е. употребление исконных слов в качестве терминов, ср. *лыщIэгъуэ* «век» (первоначально имело значение «продолжительность человеческой жизни»); *лъабжъэ* «корень» (в математике) (имело значение «основа, корень чего-то»);

2) сложение слов, приобретающих (как сложное слово) значение термина: *псалгъэуыха* «предложение», *псалгъэ* «слово», «речь», *уха* «законченный»; *тхылгътедзанIэ* «издательство», *тхылгъ* «книга», *тедзанIэ* «место печатания»);

3) образование терминов по модели русских терминов (калькирование): *бэракъ* *плъыжъ* «красное знамя», *бэракъ* «знамя»; *бзэщIэныгъэ* «языкознание» (*бзэ* «язык», *щIэныгъэ* «знание»); *хэхаклуэ* «избиратель» (*хэхын* «выбрать», «избрать»).

Очень продуктивным способом образования терминов является неполное калькирование, т.е. сложение исконного и заимствованного слов, например, *блынгазет* «стенгазета» (*блын* «стена»); *ордензехъэ* «орденоносец» (*зехъэн* «носить»); *народым хихар* «избранник народа» (*хэхын* «избрать») *политлэжъаклуэ* «политработник» (*лэжъаклуэ* «работник»).

К полукалькамам относятся по своему строению также термины типа *авансировать щIын* «авансировать», *автоматизация щIын* «автоматизация».

Соотношение исконных и заимствованных слов в терминологии было неодинаковым на разных этапах формирования и становления младописьменного литературного языка. На первом этапе языкового строительства в Кабарде, как это имело место и в ряде других республик и областей, наблюдались некоторые пуристические тенденции. Об этом свидетельствуют первые двуязычные словари,

сыгравшие в то же время положительную роль в разработке терминологии литературного языка.

Так, в «Русско-кабардинском словаре», составленном Б. Л. Хурановым¹, сделана попытка упорядочить новую кабардино-черкесскую терминологию. Используя словарный состав и словообразовательные возможности кабардино-черкесского языка, Б. Л. Хуранов удачно осуществил перевод многих русских и интернациональных терминов. Вместе с тем в словарь Б. Л. Хуранова вошел целый ряд неудачных, малопонятных и искусственных терминов, от которых позже пришлось отказаться. В то же время автор не включил в свой словарь многие распространенные и популярные термины, заимствованные из русского языка или через посредство русского языка, например *совет*, *революция* и др.

Следующий этап в разработке терминологии связан с оживлением лексикографической работы в Кабардино-Балкарии.

В течение трех лет (1955–1957) вышли в свет значительные по своему содержанию национально-русские словари: «Русско-кабардинско-черкесский»¹, «Кабардинско-русский»².

В этих словарях нашли отражение изменения, происшедшее в жизни кабардино-черкесского народа. Анализируемый период характеризуется тем, что в нем более гармонично, чем в предшествующий период в области терминологии сочетаются исконные и заимствованные слова. Кроме того, при заимствовании русских и интернациональных терминов в фонетическом отношении соблюдается принцип минимальных расхождений с языком-источником или языком-посредником.

Так, в кабардино-черкесском языке в соответствии с действовавшим в нем процессом аффрикатизации заднеязычных согласных глухой заднеязычный *к* во многих заимствованных словах (как и в собственно адыгских) изменяется в мягкую переднеязычную аффрикату *ч*. Например, *чино*, «кино», *чилэ* «кило», *чаныф* «кенаф», *чэмисар* «комиссар». В этом же языке русский заднеязычный согласный *к* нередко заменяется также абруптивной аффрикатой *кʰ* и абруптивным заднеязычным *кʰ*: *кʰэтлет* «котлета», *кʰэдет* «кадет», *кʰэмсэмо* «комсомол», *кʰрушкʰэ* «кружка», *кʰурс* «курс» и т. д. Составители двуязычного кабардино-русского словаря дают указанные слова в русской орфографии или в форме, максимально близкой к фонетическому облику этих слов в русском языке (ср.: *кино* «кино», *кенаф* «кенаф», *кило* «кило», *комиссар* «комиссар», *котлет* «котлета», *кадет* «кадет», *комсомол* «комсомол», *кружкэ* «кружка»)³.

В этом словаре составители удачно нашли национальные эквиваленты для многих русских и интернациональных терминов.

Как показывают примеры, для создания терминов из собственного языкового материала использовались различные приемы, в частности: словосложение (*ІэІэтыныгъэ* «баллотирование» < *Іэ* «рука» + *Іэтыныгъэ* «поднятие», *къэралкʰуэцʰ* «внутригосударственный» < *къэрал* «государство» + *кʰуэцʰ* «внутренний»), аффиксальное словообразование (*къыхуеджэныгъэ* «воззвание» < *къыхуеджэн* «призвать», «вызвать» + *гъэ* - словообразовательный аффикс), терминологизация слова путем изменения его значения (*хэхын* «баллотироваться», букв. «выбирать из чего-то»; *къыздэштэн* «утвердить», букв. «взять вместе»).

Вместе с тем следует отметить, что указанные двуязычные словари, хотя и сыграли значительную роль в создании и упорядочении терминологии кабардино-черкесского языка, все же страдают недостатками с точки зрения методики разработки специальной терминологии.

Следующим этапом в создании терминологии является разработка этой проблемы в последнем «Словаре кабардино-черкесского языка», где представлена «наиболее употребительная научно-техническая терминология» с учетом результатов ее исследования в предшествующий период. В подготовке указанного словаря приняло участие значительное число специалистов, что позволило учесть происшедшее в конце 80-х и начале 90-х гг. изменения в общественно-политической жизни страны, пополнить лексический состав языка новыми терминами при одновременном освобождении от большой группы заимствованных политизированных терминов, встречающихся в кабардино-черкесском языке¹.

Все же нужно признать, что в существующих русско-национальных и национально-

русских словарях имеет место разнобой в принципах заимствования русских и интернациональных терминов.

Так, в «Русско-кабардинско-черкесском словаре» существительные *абстракция, анекдот, аноним* даются без перевода, а прилагательные, образованные от них, переведены на кабардино-черкесский язык: абстрактный – *тегупсысыкIа, мынаIуэ, мыгуырыIуэгъуэ*; анекдотический, анекдотичный – *шыпсэм хуэдэ, пэжым емышхь*; анонимный – *зытхар, къызыбгъэдэкIар мыбелджылы*².

Приведенные примеры (их количество легко можно было бы увеличить) свидетельствуют о том, что в области терминологии, хотя и проведена большая работа и намечились правильные пути ее развития, все-таки имеются недостатки. До сих пор не созданы современные терминологические словари, которые призваны устранить разнобой как в образовании терминов, так и в принципах заимствования русских и интернациональных терминов. Следует оживить деятельность существующих в Кабардино-Балкарии терминологических комиссий, сыгравших положительную роль в разработке терминологии, так как остаются нерешенными не только практические вопросы (соотношение разных источников для создания новых терминов, принципы освоения иноязычных терминов и т. д.), но и многие теоретические вопросы терминологии кабардино-черкесского, шире – адыгских языков.

Необходимо отметить, что основным недостатком в разработке вопросов алфавитов, орфографии и терминологии адыгских литературных языков является отсутствие координации в общеадыгском масштабе. Младописьменные адыгские языки, носители которых составляют единый этнический массив, в настоящее время развиваются в одинаковых условиях. К сожалению, проблемы развития и становления младописьменных адыгских языков до сих пор разрабатывались без должной координации между исследователями этих языков. Этим и объясняются большие расхождения в решении вопросов алфавитов, орфографии и терминологии двух близкородственных адыгских языков (например, в этих языках одни и те же фонемы обозначаются разными графемами: в основу орфографии кладутся разные принципы; в разработке терминологии отсутствуют общие принципы освоения заимствованных слов и т. д.). Устранение этого главного недостатка является необходимым условием для дальнейшего развития адыгских литературных языков.

4. Понятие «кабардино-черкесский литературный язык»

В лингвистике разработке истории развития и становления литературных языков России и зарубежных стран посвящена значительная литература. Особенно много сделано в области изучения истории развития и сложения литературных языков с давней письменной традицией. Накоплен немалый опыт и по исследованию вопросов формирования младописьменных языков. У нас и за рубежом наблюдается активизация в освещении различных литературных языков в связи с общественными условиями их функционирования.

Вместе с тем в лингвистической литературе многие вопросы литературных языков не получили еще однозначного решения. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что само понятие литературного языка остается все еще не достаточно четким. Различные исследователи вкладывают разное содержание в понятие «литературный язык».

Как обязательные признаки литературного языка выдвигаются не только лингвистические, но и экстралингвистические (социальные) условия его существования. Так, признаками литературного языка считаются: 1) наличие исторически сложившейся нации, 2) поливалентность (обслуживание литературным языком всех сфер общественной жизни и культуры), 3) стандартность (недопустимость локальных или вариантных реализаций). Нетрудно заметить, что из перечисленных признаков собственно лингвистическим является лишь последний – стандартность. Однако и этот признак далеко не всегда оказывается обязательным для всякого литературного языка. Например, английский, немецкий, армянский языки обладают стандартизованными вариантами в качестве литературного языка. Черкесский вариант кабардино-черкесского

литературного языка характеризуется некоторыми территориальными признаками.

Вопрос об объеме и содержании понятия «литературный язык» остается недостаточно разработанным, особенно в отношении младописьменных языков. Здесь чаще всего наблюдается отождествление понятий «литературный язык» и «письменный язык». С одной стороны, такое толкование понятие «литературный язык» является неоправданно расширительным, поскольку под этим термином нередко понимается любой графически запечатленный текст речи (например, отдельные памятники письма) независимо от его значимости, обработанности и диалектной принадлежности. С другой стороны, подобная трактовка понятия «литературный язык» неправомерно суживает его объем и содержание, ограничивая его распространение только письменной формой существования языка. Не случайно, что у некоторых авторов термины «литературный язык» и «письменный язык» являются синонимами, т.е. взаимозаменяемыми.

Существует и другая точка зрения, согласно которой литературный язык реализуется как в устной, так и в письменной разновидности.

Типы литературных языков различны. Многообразны конкретно-исторические условия формирования, развития и функционирования литературных языков, что определяет их своеобразие и отношение к другим формам существования языков. Степень обработанности и стабильности литературного языка, соотношение форм его реализации различны в разных языках и на разных этапах их развития.

В литературе справедливо отмечалось, что младописьменные литературные языки народов России обнаруживают ряд типологически тождественных признаков, определяемых условиями их развития и функционирования. Однако следует иметь в виду и тот факт, что эти языки во многом различаются с точки зрения их обработанности и регламентации, их отношения к территориальным диалектам и разновидностям обиходно-разговорных форм реализации языка. В младописьменных литературных языках происходят процессы, связанные со своеобразием развития и становления того или иного конкретного языка или группы родственных языков. В этой связи показателен кабардино-черкесский литературный язык, формирование которого характеризуется как общими, так и индивидуальными тенденциями в соотношении его устной и письменной форм реализации, в характере их противопоставления местным диалектам.

Вопросы развития и становления кабардино-черкесского литературного языка в той или иной степени разрабатывались еще с момента создания письменности на этом языке. Определение диалектной базы, разработка алфавита, орфографии и терминологии способствовали решению вопросов нормирования литературного языка. Однако далеко не все проблемы сложения и формирования кабардино-черкесского литературного языка получили свое решение в специальной литературе. Отношение кабардино-черкесского литературного языка к иным формам существования языка, в том числе к территориальным диалектам; признаки литературной нормы, ее устойчивость и обусловленность языковыми и внеязыковыми (социальными) факторами; характер реализации литературного языка в устной и письменной разновидностях; соотношение исконного и иноязычного материала; роль не только прямых заимствований, но и вообще иноязычных моделей в формировании литературного языка – таков далеко не полный перечень вопросов, не освещенных или недостаточно освещенных в литературе.

Следует подчеркнуть, что применительно к кабардино-черкесскому языку не ставились в полном объеме вопросы вариантности на разных уровнях языковой структуры. Между тем проблема вариантности языковой структуры является одной из центральных в отношении младописьменных литературных языков, в том числе кабардино-черкесского, в связи с процессами становления в условиях билингвизма и развития под влиянием местных диалектов и иноязычной языковой структуры. Вариантность структуры свойственна не только младописьменным литературным языкам, но и старописьменным. На материале ряда старописьменных языков проблема вариантности получила всестороннее освещение в языкознании. Что же касается младописьменных языков, то их современное состояние во многом характеризуется вариантностью их структуры на разных языковых уровнях. Вопросы вариантности неотделимы от проблем нормирования и социальной дифференциации языка, соотношения письменной и устной форм литературного языка, его отношения к

территориальным диалектам, к иноязычному материалу и всякого рода неологизмам, возникшим путем контактирования языков и социального воздействия на их структуру.

Закономерные случаи колебаний и вариантности нормативных реализаций связаны в значительной степени с расхождениями между устной и письменной формами кабардино-черкесского литературного языка. Заслуживает внимания то обстоятельство, что весьма значительны различия между устной и письменной формами существования кабардино-черкесского языка. Дело в том, что в системе литературного языка обнаруживаются явления, обусловленные как внутривидовым развитием, так и образованием инноваций под влиянием внеязыковых факторов. Создание письменности, развитие различных жанров художественной литературы, появление новой общественно-политической, научно-публицистической литературы оказались важным стимулом для широкого использования потенциальных возможностей, заложенных в структуре кабардино-черкесского языка. Не нужно забывать, что развитие кабардино-черкесского литературного языка происходит в условиях взаимодействия языков и при наличии разных типов двуязычия. Все это порождает целый ряд новых явлений, разного типа неологизмы, сосуществующие, а иногда и конкурирующие формы, что в конечном итоге обуславливает вариантность структуры на разных уровнях кабардино-черкесского литературного языка. Поскольку же устная и письменная форма существования литературного языка по-разному реагирует на указанные явления, соответственно возрастает степень расхождений между ними. С течением времени различия между устной и письменной формами могут быть несколько сглажены, хотя не следует ожидать их полной нейтрализации. Во всяком случае для современного состояния кабардино-черкесского литературного языка лингвистически вполне объяснимы как расхождения между формами его существования, так и случаи вариантных реализаций. Кабардино-черкесский литературный язык в его письменной форме существования оказывается подвижным и чувствительным к воздействиям социальных факторов. В этой связи следует заметить, что многие неологизмы, рассматриваемые в научных и школьных грамматиках как нормативные реализации, функционально ограничены. Подобные инновации не характерны для языка адыгского эпоса (сохраняющего более традиционные черты языковой системы), разговорной речи, да и вообще устной формы существования литературного языка. Неологизмы, хотя и используются в письменной речи, стилистически маркированы, поскольку их употребление возможно не во всех жанрах письменной формы реализации кабардино-черкесского литературного языка.

Сказанное не означает, что кабардино-черкесский литературный язык обладает абсолютной свободой выбора вариантных средств. Любой литературный язык характеризуется определенной степенью и нормированности. Заметим, что случаи колебания, разнобоя, дублетности и варьирования форм в современном кабардино-черкесском языке отчасти объясняются отсутствием постоянной работы по их нормированию. Однако нужно заметить, что само понятие нормы отнюдь не исключает известной вариантности языковой структуры. Понятие вариантности не совпадает с понятием разнобоя. Вариантность структуры языка – необходимое условие развития и совершенствования языковой системы, что не всегда учитывается в работах по нормированию младописьменных адыгских литературных языков. Нужно иметь в виду, что окончательное формирование и сложение литературного языка – процесс длительный и постепенный. Известно, что литературный язык является наддиалектным и никогда полностью не совпадает с опорным диалектом. Однако диалекты и говоры служат одним из основных источников вариантности, структуры литературных языков, в том числе кабардино-черкесского. Другое дело – степень и диапазон вариантности языковой структуры. В этом отношении разные литературные языки в разные периоды их развития и становления различны. Что касается кабардино-черкесского литературного языка в его современном состоянии, то нужно сказать, что ввиду вышеизложенных обстоятельств свидетельствующих об окончательной незавершенности процессов их сложения и становления, степень вариантности языковой структуры остается в этом языке довольно ощутимой. В этом нет ничего необычного, ибо с этой точки зрения кабардино-черкесский литературный язык типологически объединяется со многими младописьменными языками.

Из большого круга вопросов, относящихся к проблеме развития и формирования

кабардино-черкесского литературного языка, в центре внимания исследователей чаще всего оказывались вопросы алфавита, орфографии, терминологии и заимствования. Нужно, однако, признать, что эти вопросы до сих пор порождают споры и значительные разногласия между специалистами. По изучению иноязычного вклада в кабардино-черкесском языке достигнуты определенные успехи. Однако проблема иноязычного вклада многоаспектна. Изучение проблемы иноязычного вклада в кабардино-черкесском языке до сих пор ограничивалось в основном выявлением и описанием прямых лексических заимствований, что, составляет начальный этап разработки данной проблемы. Кроме того, в работах, посвященных лексическим заимствованиям, вне поля зрения авторов остается тот факт, что отношение литературного языка к этой части лексики (степень интенсивности процесса заимствования, соотношение между арабизмами, тюркизмами, фарсизмами и русизмами, принципы их фонетической адаптации и т. д.) в разные периоды развития кабардино-черкесского литературного языка было различным. Ср., например, соотношение разных типов лексических заимствований в 20-х гг. Что же касается значения иноязычного вклада в широком смысле этого выражения, т. е. его роли в развитии не только лексики, но и фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования, фразеологии, синонимии, в дифференциации устной и письменной форм языка, в образовании и сложении разных функциональных стилей и т. д., то в этом отношении многие вопросы не ставились в кабардино-черкесском языкознании.

5. О концепции общего литературного языка

Язык – главный компонент адыгской культуры и самый существенный признак адыгского этноса. Исчезает язык – умирает народ. Пример: исчез, ассимилировался убыхский язык в Турции, что, по существу, означает исчезновение самобытного убыхского народа, близкородственного адыгам и абхазам.

Адыгские литературные языки сложились в советский период. Однако, судя по всему, понятие письменности было известно адыгам в очень ранние хронологические периоды. Иначе трудно объяснить наличие однозначных слов *тхын* «писать», *тхыгъэ* «письменность», *тхылъ* «книга» в адыгских языках, во всех их диалектах и говорах. Эти слова без каких-либо натяжек возводятся к эпохе общеадыгского единства. В этой связи заслуживает внимание высказывание доминиканца Юлиана, посетившего Черкесию в 1340 г.

Этот римский миссионер писал, что у черкесов «князь и народ называют себя христианами, «имея греческое писание и греческих священников».

Естественно, что греческое писание, о котором пишет доминиканец, не могло иметь широкого распространения среди адыгов. Адыгская письменность в полном смысле этого термина была создана лишь в послереволюционный период – в начале 20-х гг. прошлого столетия. Однако письменность на своем этническом языке получила лишь часть адыгов, ибо подавляющее большинство адыгского населения еще во второй половине XIX в. оказалось за пределами исторической родины.

Адыгские языки прошли три этапа развития графической системы – арабский, латинский, русский (кириллический). Кабардино-черкесский язык был переведен на кириллицу в 1935 г., адыгейский язык – в 1938 г.

В последнее время широко обсуждается вопрос о необходимости создания единого письменного (литературного) языка для всех адыгов – адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Предлагаются разные способы решения проблемы создания общеадыгского литературного языка. Одни авторы считают, что общий письменный (литературный) язык можно создать путем слияния двух письменных адыгских языков – адыгейского и кабардино-черкесского. Однако этот путь абсолютно не реален, ибо наука не знает подобных экспериментов. Из двух письменных языков не может быть образован один язык. Возможно вытеснение одного языка другим, но языковая природа исключает возможность слияния двух и более языков.

Другие авторы полагают, что один из адыгских литературных языков может быть избран в качестве общеадыгского языка. Сторонники этой концепции считают, что кабардинский (кабардино-черкесский) литературный язык может выполнять функции

общеадыгского языка. Разработан уже проект алфавита общеадыгского языка на кабардино-черкесской языковой основе. Но сразу отметим, что на исторической родине адыгов, где уже сформировались два литературных языка, невозможно создание одного общего литературного языка. Адыгейцы никогда не откажутся от своего литературного языка, т.е. не перейдут на кабардино-черкесский литературный язык. Это и понятно: адыгейский литературный язык уже функционирует, как самостоятельный язык, выполняет многообразные функции, получил статус одного из государственных языков в Республике Адыгея.

Если же речь идет о создании единого литературного языка для диаспоры, то возникают серьезные вопросы. Адыгскую диаспору составляют в основном адыгейцы (шапсуги и абадзехи – исторически самые многочисленные адыгские субэтноты), что, естественно, должен определить и выбор подавляющего большинства наших зарубежных соотечественников в их пользу.

6. Этноязыковые перспективы в условиях диаспоры

Языковая ситуация в диаспоре имеет свою специфику. В силу того, что традиционные границы резко изменились после выселения, а многие из выселенных оказались на чужбине в одних и тех же регионах или часто меняли свое место жительства, тесно общаясь с другими соплеменниками, для многих диаспорных групп стало характерным значительное выравнивание диалектных черт и образование некоего общего диаспорного койне. Заметим, что это облегчает во многом взаимопонимание представителей разных диалектных и языковых систем. Отчасти этим объясняется стремление диаспоры к созданию единого языка. В отличие от диаспоры, адыги оставшиеся на своей исторической родине, оказались в дисперсной ситуации – разных республиках и областях, где отсутствовали традиционные условия тесной языковой коммуникации периода исторической Черкесии, что способствовало не только разрушению общеадыгского языкового пространства, но и возникновению языковой дистанции между адыгами на Кавказе. Это также одна из причин невозможности создания одного адыгского литературного языка в нашей стране в современных условиях. Для диаспорных групп, где имеет место полное или относительное взаимопонимание представителей разных диалектных и языковых систем, в принципе возможно создание общего языка. И латиница для подобного языка вполне применима и удобна, поскольку диаспора давно знакома с ней.

Другое дело – перспективы языка диаспоры, в том числе предполагаемого общего письменного языка, возможности его распространения и функционирования, когда процессы угасания языка и культуры наших соотечественников в зарубежных странах зашли так далеко, что остановить их стало почти невозможным.

Насколько же может быть реальным создание общего письменного языка для адыгской диаспоры и приобщения к нему подрастающего поколения той же диаспоры – тема отдельного разговора. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, но специальное изучение языковой, социальной и культурной проблемы соотечественников в период наших неоднократных поездок по странам адыгской диаспоры не дает никаких оснований для оптимистических выводов. Наше мнение подтверждают и другие авторы, знающие современное состояние адыгской диаспоры.

В целом очень сложно обстоит дело с языком адыгской диаспоры, ее национальной культурой и вообще перспективами ее выживания. Адыгская диаспора подвергается сильной и интенсивной ассимиляции и тем самым лишается возможности длительного самосохранения. На этот счет не должно быть особых иллюзий. Это признают наиболее дальновидные представители диаспорных групп¹. Мы бы очень хотели ошибиться, но наши прогнозы опираются на достоверные материалы. Можно с уверенностью сказать: выживут лишь те представители диаспоры (в смысле сохранения этнического языка, национальной культуры, традиций), которые могут вернуться на свою историческую родину, хотя эта задача нелегкая и осложняется с каждым годом. В этом отношении характерен недавно принятый федеральный закон «О гражданстве РФ», требующий знания русского языка. Откровенно говоря, этот закон (если он не будет изменен)

вообще закрывает проблему возвращения, ибо невозможно требовать от адыгов, предки которых насильственно были высланы с родины русским самодержавием 140 лет тому назад, знания русского языка перед их возвращением.

К сожалению, сегодня можно уже сказать, что подавляющее большинство наших соотечественников в недалеком будущем ожидает участь их ближайших родственников – убухов в Турции. В основе языковой и этнокультурной ассимиляции соотечественников за рубежом лежат разные причины – психологические, экономические, политические и др.

Мы затрагиваем этнолингвистические перспективы адыгской диаспоры лишь потому, что их следует учесть при решении проблем адыгской письменности и ее графической основы. У нас нет сомнений, все сторонники создания единого литературного языка адыгов (в том числе диаспоры) исходят из самых лучших побуждений. Но в самой концепции общего языка превалируют фантазия, дилетантизм, отсутствие профессионального, историко-лингвистического подхода. Характерно, что среди сторонников единого языка нет ни одного автора с фундаментальной историко-лингвистической подготовкой, хорошо знающего общую историю письменности народов, социоллингвистическую ситуацию адыгов в целом, необходимые предпосылки образования и функционирования единого общенационального письменного языка. Как увидим ниже, ни один из наших отечественных специалистов по адыгским языкам в нашей стране не поддерживает идею создания общеадыгского письменного языка. Наши специалисты не поддерживают эту идею не потому, что не хотят иметь общего языка, объединяющего всех адыгов. Причина в другом: сама идея создания единого языка утопична в современных условиях.

Условия создания и функционирования единого общеадыгского литературного языка были в корне подорваны массовым выселением подавляющего большинства адыгского населения в Османскую империю в период и после Кавказской войны. До выселения адыгов существовало общее культурное и языковое пространство всех адыгов. Хотя различия между адыгскими языками и диалектами имелись и до массового исхода их носителей с исторической родины, западные и восточные адыги между собой общались только на своем родном языке, прекрасно обходились без языка – посредника или переводчика. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники и данные устно-поэтического творчества. Когда в прошлом столетии часть кабардинцев и бесленеевцев пришла и обосновалась на территории современной Адыгеи (аулы Кошехабль, Ходз, Блечепсин, Уляп), то они быстро адаптировались в языковой среде адыгейцев. После выселения адыгов не только были разрушены их традиционные этнические и культурные связи, восходящие к общеадыгскому единству, но значительно была ослаблена общеадыгская память. Этот процесс далеко зашел не только среди диаспоры, но и среди адыгов, проживающих на своей исторической родине. Со времен Кавказской войны довольно прочная стена разделила как диаспору, так и оставшихся на своей этнической территории адыгов. Последние, как отмечалось выше, также обособились друг от друга. Между западными и восточными адыгами традиционные культурные и языковые контакты возобновились (правда, не с такой степенью интенсивности, как это имело место до 1864 г.) только в последний период (с 60–70 гг.). Что касается связей адыгейцев, кабардинцев и черкесов с диаспорой, то они практически отсутствовали в течение длительного времени. Власти, мягко говоря, не поощряли контакты с диаспорой не только при самодержцах (осуществлявших жесточайшую акцию выселения адыгов), но и при большевиках.

Все это объективно способствовало ускорению процесса разделения адыгского этноса, разрыву их внутренних связей и многовековых культурных и языковых традиций. В этих условиях была создана почва для образования сложной и очень пестрой языковой ситуации среди адыгов, проживающих в разных странах.

Возникли разные типы двуязычия: адыго-русское в России, адыго-турецкое в Турции, адыго-арабское в Сирии и Иордании и т. д. По выражению известного русского ученого, после выселения адыгов в Турцию от них «остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок». Вместе с тем создание адыгской письменности в этих «небольших клочках, в виде этнографических островков и полосок» сыграло колоссальную роль в сохранении культурных и языковых традиций адыгов и вообще

самых адыгов как представителей одного из самобытных и автохтонных этносов на Кавказе. Созданы два письменных языка для адыгов, они функционируют уже в течение длительного периода, за это время приобрели свои функции и традиции. Сегодня в нашей стране создание общего литературного языка возможно только на базе их ликвидации или провозглашения одного из этих письменных языков в качестве общего языка. Оба пути – тупиковые.

7. Латиница или кириллица?

Часто встречаются категорические утверждения, будто ломка ныне действующей адыгской графики на кириллической основе и перевод ее на латиницу гарантирует быстрое и всестороннее развитие языка и культуры адыгов, в том числе нашей диаспоры.

Нам уже приходилось писать, что ни латиница, ни кириллица не располагают необходимым количеством букв для адыгских языков. Абхазо-адыгские языки обладают самой богатой и сложной системой согласных звуков среди известных и описанных языков в мире. Независимо от того, какая графика – латиница или кириллица – будет лежать в основе адыгских алфавитов, необходимы дополнительные средства в виде сочетаний букв или диакретических знаков. В действующих адыгских алфавитах используются сочетания букв в рамках кириллицы, в предлагаемых многими авторами проектах адыгских алфавитов на латинской основе применяются диакретические знаки и сочетания букв. С точки зрения практической применимости к адыгской фонетике латиница и кириллица, в сущности, равнозначны. И нет серьезных оснований утверждать (как это делают некоторые авторы), что к адыгской фонетике одна из этих графических систем прекрасно подходит, а другая – совсем не подходит. Споры не имеют научной опоры. Любая из двух альтернативных графических систем в принципе ущербна, недостаточна в отношении адыгской фонетики, поскольку при ее выборе необходимо использовать дополнительные знаки.

В пользу латиницы ее сторонники не без оснований указывают на широкое или тотальное распространение этой графики среди адыгской диаспоры, незнакомой (или почти незнакомой) с кириллицей. А по численности адыгская диаспора намного превосходит адыгов, проживающих на своей исторической родине. Этот фактор никто не мог бы игнорировать и, может быть, сыграл бы основную роль при решении задач адыгской письменности, если бы не вышеуказанные неутешительные прогнозы в отношении перспектив развития самой адыгской диаспоры. В эпоху высокой научной и информационной технологии ни один адыг (черкес) не возражал бы иметь письменность на основе широко распространенного латинского алфавита.

Вообще нелишне вспомнить, что смена алфавита – вопрос чаще всего политический, чем лингвистический. Все тюркоязычные республики бывшего Союза переходят на латиницу не потому, что кириллица не подходит к тюркской фонетике, а просто ориентируются уже на Турцию и турецкий алфавит. Вышеуказанное решение Государственной думы о графической основе языков народов РФ также является чисто политическим.

Адыги получили свою письменность только на своей исторической родине. Нужно помнить, что ни в одной стране, где представлена обширная адыгская диаспора, не создана адыгская письменность, хотя среди диаспорных групп были и (еще имеются) как попытки создания письменности, так и разработки учебных пособий на родном языке. В отдельных странах (например, в Израиле, Сирии, США) ведется изучение элементарных основ родного языка, литературы и истории. Однако все это не имело ни государственной поддержки, ни прочной научной основы в крупных диаспорных группах. Отсюда – письменность на черкесском языке в целом не получило сколько-нибудь заметного распространения среди наших соотечественников, проживающих за рубежом. Прогрессивные попытки изучения адыгских языков незначительной частью диаспоры в указанных странах (Израиле, Сирии, США и др.) не меняют общей картины. Более того, в стране, где проживает основная часть адыгской диаспоры, с самого начала были довольно жесткие языковые и иные ограничения. Действовавшие в течение длительного периода эти ограничения ослаблены совсем не-давно, т. е. несколько

смягчены лишь тогда, когда в этой стране процессы ассимиляции языка, культуры и традиций адыгской диаспоры стали уже необратимыми. В современном мире это участь не только адыгской диаспоры, но почти любого национального меньшинства, не обладающего культурной автономией, этнической письменностью и связанными с ними атрибутами ценностей на родном языке. Можно было бы обеими руками голосовать за принятие латиницы для адыгских письменных языков, если бы этим актом можно было бы остановить вымирание языка адыгской диаспоры. Но факты говорят о другом. Очень многие представители диаспоры и в наши дни не имеют даже возможности носить свои традиционные родовые фамилии, не говоря уже о письменности на своем этническом языке. Процессы ассимиляции адыгской диаспоры особенно усилились за последний период, когда урбанизация приняла массовый характер.

В то же время на принятии латинской графики особенно настаивают представители адыгской диаспоры. Адыги перешли (или переходят) в Турции на турецкий язык, в Иордании и Сирии – на арабский язык, в США – на английский язык, в Германии – на немецкий язык. В указанных и других странах этнический язык адыгской диаспоры выполняет очень ограниченные и узкие функции, связанные с социальными сферами его употребления и возрастными группами населения. Родной язык адыгов в этих странах имеет, к сожалению, довольно пессимистические перспективы.

Ассимилятивные явления в области национального языка и культуры имеют место также на исторической родине адыгов. И тем не менее – это особенно нужно подчеркнуть – адыгские языки, в том числе их литературные и письменные формы реализации имеют реальные перспективы выживания и развития только на исторической родине адыгов, где существуют государственность, письменность, школы, театры, художественная и публицистическая литературы, газеты, журналы на адыгских языках, где созданы учебные заведения, выпускающие специалистов по национальным языкам, исследовательские центры, занимающиеся всесторонним изучением адыгских языков, составлением школьных и научных грамматик, двуязычных и толковых словарей. Это не означает, что все обстоит благополучно с сохранением национальной языковой и культурной традиции на исторической родине адыгов. Но нельзя закрывать глаза на то, что мы имеем, и на то, чего не имеют (к сожалению, и никогда не могут иметь) многочисленные адыги, разбросанные не по своей воле по многим зарубежным странам. Нужно смотреть правде в глаза и сказать: адыгские языки (шире – адыги в целом) ни в одной стране проживания адыгской диаспоры не имеют шансов на сколько-нибудь длительный срок выживания и сохранения.

Немецкий лингвист Моника Хёлинг недавно разработала проект алфавита на латинской основе для адыгейцев, проживающих в Турции. В этом направлении можно отметить проект алфавита, разработанный под руководством Мухадина Кандура (Иордания), а также проект Батока Батырая (Германия). Совсем недавно автор этих строк получил из Турции еще один проект алфавита, составленный Ильмезом Емюзом (Yemuz Yilmaz). Все это заслуживает внимания, ибо их авторы видят состояние родного языка адыгского зарубежья, стремятся хотя бы замедлить стремительные процессы ассимиляции языка и культуры адыгской диаспоры.

Турецких адыгов в численном отношении намного больше адыгейцев, кабардинцев и черкесов вместе взятых, проживающих на своей исторической родине. Было бы огромным событием, если бы произошло чудо, т. е. появились бы условия нормального функционирования адыгской письменности в Турции. Но мало кто верит в подобные чудеса, т. е. в возможность нормального функционирования адыгской письменности в Турции. Очень далеко зашли процессы ассимиляции языка и культуры адыгской диаспоры. Очень неблагоприятны – если не сказать худшее – условия сохранения и выживания языковой и культурной традиции соотечественников, проживающих в Турции и других странах.

Евреи возродили свой мертвый язык. Это – уникальное явление в мировой цивилизации. Но для этого нужны были титанические усилия, осознанная воля народа, его элиты, гарантированное право возвращения любого еврея на историческую родину, наконец, огромные экономические ресурсы. Ни одного из этих компонентов нет у адыгов и, судя по всему, не будет в обозримом будущем. Поэтому разговоры в центральной (и нередко местной) прессе о наличии каких-то фантастических планов собирания всех

«черкесских земель» – политическая спекуляция дилетантов или недоброжелателей, способствующих нарушению сложившегося традиционного добрососедства между адыгами и русскоязычным населением.

Стало общим местом утверждение о том, что адыгские народы имеют трудную и неудобную алфавитную систему. При этом указывают на обозначение одного звука (фонемы) сочетанием букв. Разумеется, двухбуквенные и трехбуквенные сочетания для передачи звуков не украшают письменность. Выше отмечалось, что исключительное многообразие фонетических единиц адыгских языков полностью исключают возможность только однобуквенных знаков независимо от того, какую графику – кириллицу или латиницу – мы берем за основу алфавита. Поэтому споры на этот счет – можно ли создать адыгский алфавит с однобуквенными знаками – бесполезны и бессмысленны. Вообще следует напомнить, что многообразие звуков – не признак бедности языка, а его богатство, уникальность и неповторимость. Недаром исчезнувший убыхский язык, также отличавшийся редкостным богатством звуков, стал в последнее время объектом изучения многих зарубежных специалистов.

Создатели адыгских алфавитов, прежде всего профессор Н. Ф. Яковлев, прекрасно знали специфику адыгской фонетики. Автор этих строк никогда не выступал против латиницы, прекрасно зная его достоинства и недостатки. Но дело не в этом. Ломка алфавита и перевод народа (народов) на иную графическую основу – слишком серьезное занятие, чтобы его доверить любителям.

Ныне действующие адыгские алфавитные системы не такие уж примитивные и неудобные изобретения. Н. Ф. Яковлев был признанным в мире высококлассным специалистом по общей и адыгской фонетике. Может показаться парадоксальным, но адыгские системы письма выгодно отличаются своей системностью от архаичных и трудных систем изображения живой речи письменными знаками во многих старописьменных языках, в том числе английском и французском, где сплошь и рядом один звукотип передается сочетанием разных букв или для передачи одного звукотипа используются разные буквы. Один пример для сравнения: французское написание Renault «Рено» (название известного французского автомобиля) и Bordeaux «Бордо» (название известного французского города). Подобных примеров – множество в указанных языках.

Об одном из названных старописьменных языков говорят: «пишется Ливерпуль – читается Манчестер».

К известным достоинствам адыгских алфавитов следует отнести возможность набора адыгского текста на любом компьютере, в программе которого имеются знаки разных алфавитов.

На кириллице давно функционируют адыгские письменные языки. На этой графической основе создано очень многое из культуры прошлого и настоящего адыгов.

Опыт развития письменности показывает, что при смене графики многие грамотные люди, т. е. читающие и пишущие на родном языке, становятся неграмотными, так как в силу разных причин – возрастных, профессиональных и других – они вновь не осваивают новацию – очередную графическую систему. Эта истина давно известна и оспаривать ее бессмысленно. Смена графической основы влечет за собой рано или поздно консервацию ценностей, существующих на сменяемой графике.

Указанные обстоятельства, при всей важности, не могли быть единственными при решении проблемы графики, если бы язык нашей диаспоры имел элементарные условия для прогнозируемого развития. Представители диаспоры, как отмечалось выше, предпочитают латиницу. Но поскольку язык адыгской диаспоры не имеет реальных социальных и исторических условий для возрождения или хотя бы замедления процесса его отмирания, выбор графической основы должен быть сделан с учетом возможностей выживания и развития языковых и культурных традиций адыгов, оставшихся на своей этнической родине. Кроме того – и это немаловажно – нашим, к сожалению, пока немногочисленным соотечественникам, желающим вернуться на свою историческую родину (где только может быть сохранена в будущем их национальная самоидентификация), необходимо знание родного литературного языка на кириллической основе, как необходимо турецким, иорданским, сирийским, американским и другим зарубежным адыгам, в странах диаспоры знание языка страны

проживания. В этом отношении им пригодится кириллица – графическая основа адыгских алфавитов.

Следует также отметить, что проблема перевода нашей письменности на латинскую графику вообще снимается после нового постановления Государственной Думы (2002 г.), запрещающего отмену кириллической основы для языков РФ. Эту акцию едва ли можно отнести к демократическим, но с ней придется считаться в дальнейшем.

8. О новом проекте унификации алфавитов и орфографий

Графические и орфографические системы адыгских языков, хотя и обладают рядом очевидных достоинств (это касается прежде всего графических принципов), все же имеют свои недостатки. Главными из них следует признать расхождение между алфавитными и орфографическими системами двух близкородственных литературных языков. Поэтому унификация алфавитных и орфографических систем – важная проблема адыгской письменности. На уровне устного общения между представителями всех адыгских диалектов все же сохраняется определенное (хотя не полное) взаимопонимание, но на уровне письменного языка возникают существенные трудности. Последние объясняются во многом тем, что у адыгейцев и кабардинцев (черкесов) одни и те же звуки (фонемы) обозначаются разными буквами, одни и те же общеадыгские слова орфографически оформляются по-разному. Это отчасти следствие того, что действующие алфавитные и орфографические системы адыгских письменных языков разработаны в разное время и при полном отсутствии согласованных решений между западными и восточными адыгами. Кроме того, в последующий период, т. е. после принятия орфографических систем в их первой редакции адыгейцы и кабардинцы независимо друг от друга вносили свои изменения в эти системы, что приводило к возрастанию ничем не оправданных расхождений, которые изначально были заложены при их разработке. Эти изменения способствовали увеличению дистанции между письменными системами адыгских языков и нередко шли в разрез с законами адыгской фонетики.

Ниже предлагается проект унификации адыгских алфавитных и орфографических систем. Для обсуждения проекта была создана специальная рабочая группа, куда входили все основные специалисты по адыгским языкам из КБР, РА, КЧР¹. Проект обсуждался на рабочих совещаниях специалистов в Нальчике (КБГУ, 1998 г.), Майкопе (АТУ, 1999 г.), а на заключительном этапе – на специальном региональном совещании в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (г. Нальчик, 12–13 ноября 1999 г.) с участием главных специалистов проблемы из трех республик. Проект был одобрен и предложен законодательным органам КБР, РА, КЧР на утверждение. Парламент КБР уже утвердил данный проект. Все участники обсуждения отвергли идею создания единого литературного языка для адыгов, проживающих на своей исторической родине, в силу того, что подобная идея не имеет ни научных, ни практических основ в современных условиях, когда действуют и функционируют два литературных языка – адыгейский и кабардино-черкесский, каждый из которых получил статус государственного языка. Участники рабочих совещаний поддержали основное положение проекта – необходимость унификации алфавитных и орфографических систем адыгских языков, не затрагивая их самостоятельного статуса и не подвергая коренной ломке их кириллической основы. В этом отношении сторонники проекта даже опередили указанное законодательное решение об алфавитах народов РФ, прекрасно зная, что вопрос о смене графической основы письменности не только научный, но всегда имеет и политическую подоплеку.

Наряду с унификацией алфавитных и орфографических систем необходимо принять и другие меры по сближению двух письменных языков. Прежде всего, следует разработать научное (но общедоступное) пособие по звуковым, грамматическим и лексическим соответствиям в адыгских литературных языках. Если усвоению этих соответствий в средней школе уделить хотя бы сотую часть того времени, которое отводится на изучение одного из иностранных языков (немецкого или английского), то может быть достигнута очень высокая эффективность, так как речь идет о языковых соответствиях близкородственных языков одного исторического этноса. Тем самым

будет во многом обеспечена лингвистическая база для взаимопонимания адыгейцев, кабардинцев и черкесов на уровне письменного языка.

Следует провести исследования по выработке общих принципов заимствования и адаптации огромного слоя русской и интернациональной терминологической лексики в адыгских письменных языках. Заимствование научной, технической, общественно-политической и культурной лексики – процесс непрерывный в условиях национально-русского двуязычия, получившего широкое развитие в нашей стране. Однако этот процесс нередко проходит стихийно и без продуманного подхода. Отсюда – разные способы освоения и функционирования терминологической лексики в адыгских языках, что приводит к значительным расхождениям между двумя родственными языками в написании и произношении научных, технических, общественно-политических и других терминов.

На фоне сближения алфавитных, орфографических и терминологических основ необходимо также продумать научную работу по лексическому взаимовлиянию адыгских языков. В этой связи многие исконные адыгейские слова, отсутствующие в кабардино-черкесском языке, или, напротив, кабардино-черкесские слова, не представленные в адыгейском языке, могут быть общеадыгскими, т. е. достоянием словарного фонда всех адыгов.

Заимствование новых слов, в том числе из области бытовой лексики – обычное явление в любом современном языке. Ни один язык не обходится без заимствованных слов. Но беда в том, что в адыгских языках, в том числе кабардино-черкесском, заимствованные слова очень часто и без какой-либо надобности вытесняют традиционные адыгские слова, унаследованные от многовековой народной традиции. Нередко язык представителей молодежи, интеллигенции, да и старшего поколения превращается в смешанный кабардино-русский язык, существенно отличающийся от живой, богатой, красивой и гибкой речи кабардинцев. В европейских и других странах подобное явление считается признаком невысокой культуры общества.

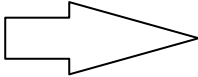
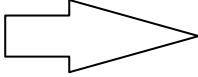
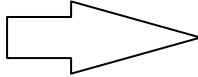
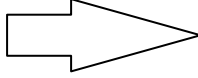
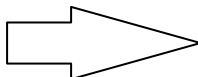
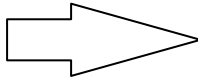
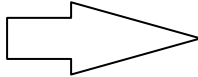
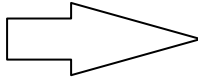
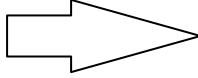
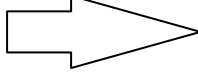
И здесь следует провести глубокие научные исследования, направленные на сохранение основных достоинств и традиционных языковых особенностей, выработанных в течение многовековой истории адыгского этноса.

Язык народа никогда не займет достойного места в обществе, не станет престижным, его функции не выйдут за пределы быта и некоторых ограниченных сфер культуры и образования, если его изучение в школе является добровольным, как это было в отношении адыгских и многих других языков в течение нескольких десятилетий нашей истории в XX столетии. Такое положение национального языка, а точнее, социальные факторы, обусловившие подобное отношение к национальному языку, привели к некоторой деформации всего, что выражается национальным языком. А национальным языком выражается национальная культура в самом широком смысле этого слова. Возрождение языковой культуры – важнейшая задача языковых отделов и языковых кафедр КБР, РА и КЧР.

Будущее адыгских народов немыслимо без развитых и самобытных национальных языков, выполняющих широкие функции. Поэтому работа по унификации алфавитов, орфографии и другие меры по сближению адыгских языков должны быть проведены в контексте более широкого подхода к историческим перспективам развития адыгского этноса. Наконец, осуществление указанных задач невозможно без государственной и адресной поддержки.

Ниже приводится проект унификации адыгских алфавитных и орфографических систем. В процессе его окончательного принятия могут быть внесены отдельные изменения, обязательно согласованные между представителями КБР, РА, КЧР. Внедрение новых правил в практику должно быть постепенным а, может быть, и поэтапным. Предлагаемые изменения, необходимые для унификации алфавитных и орфографических систем близкородственных адыгских языков, сводятся к следующему.

I. Шипящие спиранты в кабардинском (кабардино-черкесском) языке обозначаются буквами *жъ, щ, шI*, в адыгейском – буквами *жъ, шъ, шI*. Слова, включающие эти одинаковые звуки (фонемы), составляют в адыгских языках значительную группу. В целях унификации передачи указанных звуков предлагается кабардино-черкесские буквы *жъ, щ, шI* заменить адыгейскими *жъ, шъ, ш*. Примеры:

1. адыг. <i>жъы</i> каб. (черк) <i>жъы</i>		адыг., каб. <i>жъы</i> «старый»
адыг. <i>бжъэ</i> каб. <i>бжъэ</i>		адыг., каб. <i>бжъэ</i> «рог, бокал»
адыг. <i>жъэн</i> каб. <i>жъэн</i>		адыг., каб. <i>жъэн</i> «жариться»
2. адыг. <i>шъхъэ</i> каб. <i>щхъэ</i>		адыг., каб. <i>шъхъэ</i> «голова»
адыг. <i>дышъэ</i> каб. <i>дыщэ</i>		адыг., каб. <i>дышъэ</i> «золото»
адыг. <i>шъынэ</i> каб. <i>щынэ</i>		адыг., каб. <i>шъынэ</i> «ягненок»
адыг. <i>шъабэ</i> каб. <i>щабэ</i>		адыг., каб. <i>шъабэ</i> «мягкий»
3. адыг. <i>шӀын</i> каб. <i>щӀын</i>		адыг., каб. <i>шӀын</i> «делать»
адыг. <i>шӀэн</i> каб. <i>щӀэн</i>		адыг., каб. <i>шӀэн</i> «знать»
адыг. <i>гъашӀэ</i> каб. <i>гъащӀэ</i>		адыг., каб. <i>гъашӀэ</i> «жизнь»

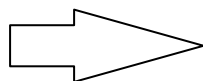
Выбор адыгейских букв *жъ*, *шъ*, *шӀ* вместо кабардино-черкесских *жъ*, *щ*, *шӀ* объясняется общностью дополнительного знака для звуков одного ряда *жъ*, *шъ* и отсутствием третьего (диакритического) знака для *шӀ*. Подобная унификация давно используется в ряде работ, посвященных обоим адыгским языкам.

II. Сочетание двух фонем *у + э* в кабардинском языке последовательно передается дифтонгом *уэ*, в адыгейском – одной буквой *о*. Так, слова типа адыг. *о*, каб. *уэ* «ты», адыг. *он*, каб. *уэн* «бить», адыг. *од*, каб. *уэд* «худой» не различаются в адыгских языках по произношению, хотя их написание различно. Таких же слов очень много, что говорит о важности унификации их написания в двух родственных языках. Здесь адыгейская орфография крайне противоречива: 1. *ео* «он бьет», но *еуагъ* «он бил»; 2. *уан(э)* «седло», но *онэжъ* «старое седло». В первом примере один и тот же корень глагола «бить» в формах настоящего и прошедшего времени пишется по-разному. Во втором примере написание корня существительного меняется в составе словосочетания (*онэжъ*). В подобных случаях (а их так много, что составляют открытый список в языке) предлагается кабардинский принцип орфографирования общеадыгских слов.

Примеры:

адыг. *о*

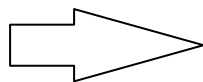
каб. *уэ*

адыг., каб. *уэ* «ты»

адыг. *од*

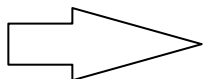
каб. *уэд*

адыг., каб. *уэд* «худой»

адыг. *ог*

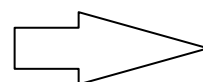
каб. *уэгу*

адыг., каб. *уэгу* «небо»

адыг. *огъу*

каб. *уэгъу*

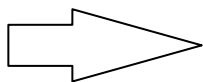
адыг., каб. *уэгъу* «засуха»

III. Притяжательные формы характеризуются одинаковой грамматической природой в адыгских языках. Однако их орфография различна в двух письменных языках. В соответствии с адыгейской орфографией притяжательные префиксы пишутся всегда слитно с именами существительными, что отражает их языковую сущность в качестве аффиксальных элементов. Кабардинская орфография притяжательных префиксов трудно поддается объяснению: разные слова в притяжательной форме имеют разные правила написания: *уи къуэ* «твой сын», но *уипхъу* «твоя дочь», *уи фыз* «твоя жена», но *уил* «твой муж». Кажется странным, что *уи къуэ* «твой сын», *уи фыз* «твоя жена» имеют письменное оформление, отличное от *уипхъу* «твоя дочь», *уил* «твой муж». Более того, одно и то же слово не только в разных падежах, но в одном и том же падеже притяжательной формы оформляется по-разному: 1. *сиш* «моя лошадь» (именительный падеж неопределенной формы); 2. *си шыр* «моя лошадь» (именительный падеж определенной формы). В первом примере притяжательная форма имеет слитное оформление, во втором – раздельное оформление, хотя в обоих случаях слово стоит в одном падеже – именительном. Принятие кабардинцами и черкесами адыгейского принципа написания приводит к унификации орфографии притяжательных форм в адыгских письменных языках.

Примеры:

адыг. *сиунэ*

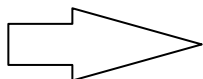
каб. *си унэ*

адыг., каб. *сиунэ* «мой дом»

адыг. *сишыр*

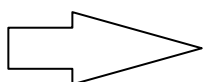
каб. *си шыр*

адыг., каб. *сишыр* «моя лошадь»

адыг. *сипхъур*

каб. *си пхъур*

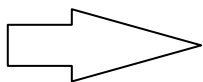
адыг., каб. *сипхъур* «моя дочь»

IV. Адыгская фонетика богата лабиализованными звуками. Их передача различна в двух письменных языках. В кабардино-черкесском языке лабиализация обозначается одним способом – знаком *у*. В адыгейском языке наряду с подобным способом обозначения лабиализации используется и другой: лабиализация согласного и гласного звука *э* изображаются одним знаком *о*: адыг. *кӀон*, каб. *кӀуэн* «идти», адыг. *Ӏотэн*, каб.

Луэтэн «рассказывать», адыг. *госын*, каб. *гуэсын* «сидеть рядом». Непоследовательность адыгейского обозначения лабиализации довольно ярко проявляется в том, что лабиализованный согласный в одном слове, но в разных формах обозначается разными графическими средствами: *макӀо* «он идет», но *кӀуагъэ* «он ходил», *маӀо* «он молотит», но *Ӏуагъэ* «он молотил». Принятие единого (кабардино-черкесского) способа передачи слов с лабиализованными согласными, образующих огромный пласт адыгской лексики, устраняет разноречивость в передаче лабиализации в адыгских письменных языках.

Примеры:

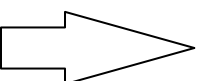
адыг. *кӀон*

адыг., каб., черк. *кӀуэн* «идти»

каб. *кӀуэн*

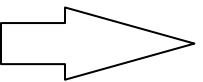
адыг. *Ӏотэн*

адыг., каб. *Ӏуэтэн* «рассказывать»

каб. *Ӏуэтэн*

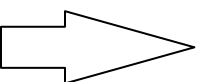
адыг. *гъо*

адыг., каб. *гъуэ* «нора»

каб. *гъуэ*

адыг. *ко*

адыг., каб. *куэ* «бедро»

каб. *куэ*

V. Фонетический принцип (написание в соответствии с произношением) довольно последовательно реализуется в адыгейской орфографии: *пшъашъэ* «девочка», *дахэ* «красивый», но *пшъэшъэ дэхэ цӀыкӀу* «маленькая красивая девочка». Кабардинская орфография допускает многочисленные отклонения от фонетического принципа: *дахэжылэ* «краснобай» (морфологическое написание), *дэхашӀэ* «ласка, нежность» (фонетическое написание). Отсутствие единых орфографических принципов у адыгейцев и кабардинцев (черкесов) способствует увеличению дистанции между их письменными системами. Это касается передачи не только сложных слов, но и словосочетаний. Особенно многочисленны сочетания слов типа адыг. *мэзэ цӀыкӀу*, каб. *мазэ цӀыкӀу* «маленькая луна», где орфография двух письменных языков базируется на разных принципах – фонетическом в адыгейском, морфологическом в кабардино-черкесском. Принятие общего принципа орфографирования сложных слов и словосочетаний должно способствовать унификации орфографических принципов.

VI. В орфографии немало условных принципов, не всегда оправданных природой адыгской фонетики. К ним относится применение букв *и*, *у* для передачи различных фонетических единиц. Буквы *и*, *у* соответствуют своему назначению в середине слова: *дин* «религия», *мин* «тысяча», *нур* «свет, сияние», *дудакъ* «дрофа» и др. В других позициях эти буквы используются для обозначения разнотипных фонетических единиц. Буква *и* употребляется для передачи сочетания двух единиц – сонанта *и* и гласного *ы*: *и* вместо *йы* «восемь», *илъэс* вместо *йылъэс* «год», *икӀын* вместо *йыкӀын* «выходить». Буквой *у* обозначается не только лабиализация, но сонант *у* и сочетание двух единиц – сонанта *у* и гласного *ы*: *уасэ* «цена», *гу* вместо *гуы* «сердце», но *унэ* вместо *уынэ* «дом», *узын* вместо *уызын* «болеть» и др. Написание реально произносимых *йы*, *уы* вместо *и*, *у* приведет к соответствию орфографии и произношения.

Примеры:

адыг., каб. *и* > адыг., каб. *йы* «восемь»;

адыг., каб. *илъэс* > адыг., каб. *йылъэс* «год»;

адыг., каб. *икӀын* > адыг., каб. *йыкӀын* «выходить»;

адыг., каб. *гу* > адыг., каб. *гуы* «сердце»;

адыг., каб. *гъунэ* > адыг., каб. *гъуынэ* «край»;

адыг., каб. *унэ* > адыг., каб. *уынэ* «дом»;

адыг., каб. *узын* > адыг., каб. *уызын* «болеть».

Написание *йы*, *уы* (*йы* «восемь», *гуы* «сердце», *уынэ* «дом») было принято в орфографии на первом этапе ее развития, что отражало специфику адыгской фонетики.

Вышеизложенное, за исключением пункта VI, имеет прямое отношение к проблеме унификации графических и орфографических систем адыгских письменных языков. Общая языковая традиция адыгов последовательно не закреплена на письме общими графическими и орфографическими принципами обоих письменных языков. Языковая традиция, унаследованная от истории и являющаяся общим достоянием устного языка, прерывается на уровне письменного. Отсюда письменный язык в отличие от устного языка вместо консолидирующей роли выполняет – как ни парадоксально это звучит – разъединительную функцию. Между тем общеизвестно значение общих основ письменности не только в преодолении языковых различий между представителями близкородственных языков, но в их консолидации с целью сохранения общих культурных ценностей и даже самого языка. Единство графических и орфографических принципов не приведет к исчезновению различий между адыгскими письменными языками. Но оно приводит к устранению значительного разнобоя в написании слов, совпадающих по произношению в обоих языках. А это уже важный шаг на пути к взаимопониманию адыгейцев, кабардинцев и черкесов на уровне письменного языка.

И последнее. Унифицированные алфавитные и орфографические принципы (в соответствии с предлагаемым проектом) давно применяются во многих исследованиях, посвященных фонетике, грамматике и лексике адыгских языков. Эти же унифицированные принципы используются для передачи лингвистического материала и в общеадыгской национальной энциклопедии.

Глава вторая. ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

1. Общая характеристика звуковой системы

Звуковой строй кабардино-черкесского языка характеризуется сложной системой консонантизма и сравнительно простой системой вокализма.

По количеству согласных фонем кабардино-черкесский язык, как и все западнокавказские языки, занимает особое место среди языков мира. В нем выделяется 47 согласных фонем. Причем в это число входят абруптивные, лабиализованные, латеральные согласные. В кабардино-черкесском языке выделяют 3 гласные фонемы.

Фонологическую систему согласных звуков в литературном языке образуют два яруса. На первом ярусе фонологические ряды построены на противопоставлении по звонкости, придыхательности и абруптивности, а на втором ярусе – на противопоставлении по принципу лабиализованности и нелабиализованности.

В кабардино-черкесском языке смычные согласные представлены троечной системой в виде звонких, глухих придыхательных и глухих абруптивных звуков.

Звонкие	глухие	абруптивные
б	п	пI
в	ф	фI
д	т	тI
дз	ц	цI
л	лъ	лI
жъ	щ	щI
дж	ч	кI
гу	ку	кIу

Спиранты образуют парную систему в составе звонкого и глухого.

звонкий	глухой
з	с
ж	ш
г	х
гъ	къ

Неполные ряды образуют глухие кхъ, хъ, абруптивы къ, I. Корреляции лабилизаций образуют лишь задние согласные:

нелабиализованный	лабиализованный
х	ху
гъ	гъу
хъ	хъу
къ	къу
кхъ	кхъу
I	Iу

Лабилизированные заднеязычные согласные гу, ку, кIу не образуют корреляции, так как в современном кабардинском языке не сохранились их нелабиализованные пары.

2. Классификация согласных звуков

2.1. Система смычных согласных

Губно-губные б, п, пI

а) б – звонкий губно-губной смычной: *бабыщ* «утка», *бэнэн* «бороться», *бгырыпх* «ремень», *бгы* «гора», *сабэ* «пыль», *фэбжъ* «увечье».

б) п – глухой придыхательный губно-губной смычной: *псэун* «жить», *пэкIу* «съезд», *псы* «вода», *псалъэ* «слово», *пхъэх* «пила», *пыл* «слон»

в) *pl* – глухой абруптивный губно-губной смычной: *pləʒəʒəʒən* «шевелиться», *plɪn* «растить кого-л.», *pləʒlən* «спешить, торопиться», *naplə* «веко», *plɪʃlən* «мерзнуть, зябнуть».

Переднеязычные смычные *d, t, ml*.

а) *d* – звонкий переднеязычный смычной: *dadə* «дедушка», *dəʒu* «глухой», *durəʃ* «закоулок», *dygəʒ* «солнце», *kluədɪn* «пропасть», *dombeɪ* «зубр».

б) *t* – глухой придыхательный переднеязычный смычной: *tanə* «телка», *təmakʰ* «горло», *tebə* «сковорода», *tutɪn* «табак», *tɪxɪlʰ* «книга», *tɪxəʒusɪxən* «жаловаться».

в) *tl* – глухой абруптивный переднеязычный смычной: *mlamɪ* «вязкий», *mlouɪl* «двадцать», *mlu* «два», *mlɪsɪnɪ* «сиденье», *mlən* «копать», *namɪ* «лоб».

Переднеязычные свистящие аффрикаты *dz, ɟ, ɟl*

а) *dz* – звонкая свистящая аффриката: *edzɪgʒu* «куплет», *dzydʒə* «куница», *dzəkʒən* «кусаться», *dzasə* «вертел, шампур», *dʒadz* «грудной ребенок», *mafɪdz* «спички».

б) *ɟ* – глухая придыхательная свистящая аффриката: *ɟyʒəbanə* «ёж», *ɟyryɟu* «в пух и прах», *ɟey* «черкеска», *ɟɪxəɟ* «волосы», *ɟɪnə* «волосок», *kʒəʒbəlɟɪn* «взлохматиться».

в) *ɟl* – глухая абруптивная свистящая аффриката: *ɟlə* «имя, название», *ɟlɪv* «жук», *ɟlɪɟlɪr* «стрекоза», *ɟlaxu* «удав, питон», *ɪxənlə-ɟlə* «червяк», *ɟlɪxubz* «женщина».

Переднеязычные шипящие аффрикаты *dʒ, ɟ, kl*.

а) *dʒ* – звонкая шипящая аффриката: *dʒabə* «склон горы», *dʒydə* «топор», *dʒəʃ* «фасоль», *dʒydʒɪn* «блестеть, сверкать», *məʒadʒə* «чурек», *dʒədu* «кошка».

б) *ɟ* – глухая шипящая аффриката: *ɟənʒ* «мелкий, неглубокий», *ɟy* «прут», *ɟyrə* «обоз, караван», *ɟɪɟ* «кустарник», *kʒəɟən* «треснуть», *ɟəf* «пьяный».

в) *kl* – абруптивная шипящая аффриката: *klansə* «веревка», *kləpxɪn* «передник», *klɪʃ* «кузница», *kʒəklɪn* «вырасти», *klɪrgʒɪn* «скрипеть».

Заднеязычные лабиализованные смычные *ɟu, ku, klɪ*

В результате аффрикатизации заднеязычные смычные *ɟ, k, kl*, перешли в шипящие переднеязычные шипящие аффрикаты (*ɟ, k, kl > ɟ, k, kl > dʒ, ɟ, kl*) *dʒ, ɟ, kl*. Лабиализованные варианты заднеязычных смычных сохранились как в кабардино-черкесском, так и в адыгейском языках.

а) *ɟu* – звонкий, заднеязычный лабиализованный смычной: *bʒaɟu* «немой», *ɟubzɪgʒə* «умный, рассудительный», *ɟubgʒu* «степь», *ɟuanə* «сук», *ɟup* «компания», *ɟuxən* «проявить сентиментальность».

б) *ku* – глухой заднеязычный лабиализованный смычной: *kuəbʒə* «ворота», *ɪxəku* «печь», *kurʒɪ* «грузин», *kuɟl* «мозг», *kuəzɪr* «карты», *nəku* «глазное яблоко».

в) *klɪ* – абруптивный заднеязычный лабиализованный смычной: *klɪʒɪn* «вернуться снова (домой)», *klɪmɪl* «сорт пива», *ɟlɪklɪ* «маленький» *klɪən* «идти, ехать куда-л.», *klɪʒɪlɪsɪn* «сидеть в чем-л. (одежде)».

Фарингальные смычные *kʒ, kʒu, kɪx, kɪxɪ*.

а) *kʒ* – абруптивный смычной: *kʒaz* «гусь», *kʒəral* «страна», *kʒɪdɪr* «мул», *kʒərabgʒə* «трус», *sakʒɪn* «быть осторожным», *təmakʰ* «горло».

б) *kʒu* – лабиализованный абруптивный смычной: *kʒuajə* «село», *kʒum* «пустыня», *kʒupɪxʒə* «кость», *kʒuleɪ* «богатый», *kʒu* «сын», *lʒakʒu* «нога».

в) *kɪx* – глухой смычной: *kɪxəxə* «ветхий, дряхлый», *kɪxə* «могила, кладбище».

г) *kɪxɪ* – лабиализованный смычной: *kɪxɪakɪ* «бахрома», *kɪxɪ* «свинья», *kɪxɪʒ* «груша», *kɪxɪx* «корабль», *kɪxɪxɪlʒatə* «самолет», *kɪxɪueɪ* – *plastə* «хлеб-соль».

Ларенгальные смычные *l, lu*.

а) *l* – абруптивный ларенгальный смычной: *lə* «рука», *lənəzəxə* «официант», официантка», *lɪxɪlɪ* «родственник», *nylə* «шапка, головной убор», *lɪxɪuən* «пасти скот», *lɪʒə* «оружие».

б) *lu* – лабиализованный абруптивный ларингальный смычной: *luəɪxʒə* «холм, пригорок», *lugʒu* «дым», *lunə* «гвоздь», *kʒəlɪʒtən* «рассказать что-л.», *luɪxʒə* «мак», *lunə* «гвоздь».

2.2. Система спирантов

губно-зубные спиранты *в, ф, фI*.

а) *в* – губно-зубной звонкий спирант: *вакъэ* «обувь», *вы* «вол», *зэв* «узкий», *вагъэ* «пашня», *вагъуэбэ* «созвездие», *вагъуэ* «звезда».

б) *ф* – губно-зубной глухой спирант: *афэ* «кольчуга», *фо* «мед», *фошыгъу* «сахар», *фыз* «женщина, жена», *фащIэ* «шорник», *къэфэн* «танцевать».

в) *фI* – губно-зубной абруптивный спирант: *фIыгъуэ* «богатство», *фIамыщI* «уголь».

Латеральные спиранты *л, лъ, лI*.

а) *л* – звонкий латеральный звук (при образовании этого звука боковые проходы более узкие, чем при русском *л*): *лантIэ* «гибкий», *лэгъуп* «котел», *лыдын* «сверкать, блестять», *лодан* «сорт камки с лоском», *лы* «мясо», *лэжъэн* «работать»,

б) *лъ* – глухой придыхательный латеральный звук: *лъагъуэ* «тропа», *лъэгъуажъэ* «колени», *лъэмыж* «мост», *лъынтхуэ* «кровеносный сосуд», *лъы* «кровь», *лъыхъуэн* «искать кого-л.»

в) *лI* – абруптивный латеральный звук: *лIакъуэ* «кровное родство», *лIы* «мужчина», *лIыщIэ* «батрак», *лIэн* «умереть», *лIыжъ* – фызыжъ «старики», *мэзылI* «леший».

2.3. Сонорные звуки

К сонорным звукам относятся *й, у, м, н, р*

а) *и* – среднеязычный сонорный звук. Сонант *и* входит в корневые и аффикальные морфемы: *йажъэ* (орф. *яжъэ*) «зола», *йы* (орф. *и*) «восемь», *йэ* (орф. *е*) «зло», *кхъуэй* (орф. *кхъуей*), *лэй* (орф. *лей*) «лишний», *йэ* (орф. *е*) «или».

б) *у* – губно-губной сонорный звук: *уынэ* (орф. *унэ*) «дом», *уыдз* (орф. *удз*) «травя», *уыбыдын* (орф. *уыбыдын*) «схватить, поймать», *уэ* «ты», *уэс* «снег».

в) *м* – губно-губной носовой смычной: *мафIэ* «огонь», *мэкъу* «сено», *мывэ* «камень», *морэ* «коричневый», *тхэкIумэ* «ухо», *мэрем* «пятница».

г) *н* – переднеязычный смычной: *набдзэ* «бровь», *нэ* «глаз», *ныбэ* «живот», *ныбгъуэ* «перепел», *ныжэбэ* «сегодня ночью», *фIанэ* «тяпка».

д) *р* – переднеязычный сонорный звук: *сэхуран* «подсолнечник», *сатыр* «ряд», *самыр* «гончая (собака)», *сырымэ* «запах гари», *таурыхъ* «сказка», *тэрэзэ* «весы».

2.4. Переднеязычные свистящие спиранты *з, с*

а) *з* – звонкий свистящий спирант: *зауэ* «война», *зэблагъэ* «родственники», *зеиншэ* «сирота», *хъэуазэ* «солома», *зыкъэщIэжын* «прийти в себя, опомниться», *мазэ* «луна».

б) *с* – глухой свистящий спирант: *сабэ* «пыль», *сабий* «ребенок», *сыхъэт* «часы», *сымаджэ* «больной», *сыр* «острый», *нысэ* «сноха».

2.5. Переднеязычные шипящие спиранты *ж, ш*

а) *ж* – звонкий шипящий спирант: *бжэмыш* «ложка», *бжэн* «коза», *жэщ* «ночь», *жыр* «сталь», *жумэрэн* «хомяк», *жып* «карман»,

б) *ш* – глухой шипящий спирант: *шабзэ* «лук», *щэрыб* «пузырь», *шкIэ* «телка», *шыд* «осел», *шылэ* «шелк», *шэщ* «конюшня».

2.6. Переднеязычные свистяще-шипящие спиранты *жъ, щ, щI*

Свистяще-шипящие спиранты представлены троечной системой – звонкого *жъ*, глухого *щ* и абруптивного *щI*:

а) *жъ* – звонкий свистяще-шипящий спирант: *жъаажъэ* «медлительный», *жъакIэ* «борода», *жъы* «ветер», *жъынду* «сова», *жъуэ* «рано», *жъэ* «рот».

б) *щ* – глухой свистяще-шипящий спирант: *щэбэт* «суббота», *щомыщ* «рысь», *щхъырыб* «крыжовник», *щылэщIэ* «существительное», *щыблэ* «молния».

в) *щI* – абруптивный свистяще-шипящий спирант: *щIакIуэ* «бурка», *щIымахуэ* «зима», *щIыщIэ* «целина», *щIыдэ* «арахис», *щIыхъ* «почет, уважение», *хъэщIэ* «гость».

2.7. Среднеязычные спиранты *ɣ*, *x*, *xu*

Эти звуки произносятся как украинские *ɣ*, *x* (*ɣod*, *xop*), мягче, чем аналогичные русские согласные *ɣ*, *x*.

а) *ɣ* – звонкий среднеязычный спирант: *ɣын* «порох», *ɣыныху* «пастернак», *ɣыбзэ* «проклятие», *бɣыкту* «балка», *бɣанэ* «сноп», *бэɣын* «опухать».

Звонкий среднеязычный спирант *ɣ* не имеет лабиализованного варианта.

б) *x* – глухой среднеязычный спирант: *хэку* «страна», *хей* «невинов-ный», *хы* «шесть», *хыкхъуэ* «дельфин», *жыжъэ* «залив», *шхэн* «кушать».

в) *xu* – среднеязычный глухой лабиализованный спирант: *хуэ* «сухожилие», *хуэш* «судорога», *хугу* «просо», *хулъэ* «зоб», *шхуэ* «уздечка», *махуэ* «день».

2.8. Заднеязычные спиранты *ɣъ*, *хъ*, *ɣъу*, *хъу*

а) *ɣъ* – звонкий заднеязычный спирант: *ɣъавэ* «хлеб, зерно», *ɣъатхэ* «весна», *ɣъын* «плакать», *бɣъэ* «орел», *ɣъэвэн* «сварить что-л.», *ɣъэ* «год».

б) *хъ* – глухой заднеязычный спирант: *хъаржэ* «обмен, торговля», *хъэуан* «дыня», *хъыджэбз* «девушка», *бахъэ* «пар», *хъер* «польза, доход», *хъэтI* «почерк».

в) *ɣъу* – лабиализованный звонкий заднеязычный спирант: *ɣъуаплъэ* «медь», *ɣъуэ* «нора», *ɣъуэгу* «дорога», *Iэɣъуапэ* «рукав», *ɣъунэɣъу* «сосед», *ɣъуцI* «железо».

г) *хъу* – лабиализованный глухой заднеязычный спирант: *хъумпIэцIэдэж* «муравей», *хъурзэ* «якорь», *хъушэ* «стадо», *тхъу* «масло», *хъупIэ* «пастбище», *хъурей* «круглый».

2.9. Ларингальные спиранты *хь*, *ɣI*, *ɣIу*

В кабардино-черкесском языке три ларингальных спиранта-глухой придыхательный *хь*, звонкий придыхательный *ɣI* и его лабиализованный вариант *ɣIу*.

Звонкий придыхательный *ɣI* и звонкий лабиализованный *ɣIу* встречаются только в словах, заимствованных из арабского языка: *мыɣIанэ* (орф. *мышъэнэ*) «значение», *ɣIид* (орф. *хьид*) «религиозный праздник», *ɣIулым* (орф. *хьылым*) «знания», *ɣIэзаб* (орф. *хъэзаб*) «мука», *ɣIумар* (орф. *хъумар*) «Умар (собств.имя)».

Эти ларингальные звуки не включаются в систему консонантизма кабардино-черкесского языка.

а) *хь* – глухой придыхательный ларингальный спирант: *хъэжыɣъэ* «мука», *хъэцуэ* «айва», *хъэлэ* «клин», *хъэм* «ток», *хъэуазэ* «солома», *хъэцIэ* «гость».

3. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ

Вокализм характеризуется простотой своей системы и малочисленностью входящих в него единиц.

В кабардино-черкесском языке представлена так называемая линейная система гласных фонем. Последние обладают определенной степенью полноточности, но лишены дистинктивных признаков по тембру.

Фонологически различаются три гласные фонемы:

a – долгая гласная нижнего подъема

э – краткая гласная среднего подъема

ы – краткая гласная верхнего подъема.

Ср.: *ха* «скошенный», *хэ* «шесть раз», *хы* «шесть».

Гласные имеют позиции с минимальным фонеморазличением и позиции с максимальным фонеморазличением. Позицией максимального фонеморазличения для *э*, *ы* является постконсонантное положение в односложных корневых морфемах типа СГ (согласная + гласная). Позицией минимального смыслового различия оказываются границы между значимыми единицами слова и морфемы. В этом положении гласные не всегда несут фонологическую нагрузку. Ср. нейтрализацию оппозиции *э:ы*: *хуэтхын*=*зы-хуэтхын* «писать друг другу». В морфемных швах перед сонорным *p* гласная *ы* может терять смыслового различительное значение. Ср. *къы-рихащ*=*къ-рихащ* «(он) вынул».

Во многих работах в кабардино-черкесском языке выделяют семь гласных звуков: *а, э, ы, е, и, о, у*.

Семичленная система вокализма основывается на точке зрения, согласно которой сегменты, орфографически обозначаемые графемами *е, и, о, у*, являются отдельными фонемами. Между тем фонологический анализ показывает, что разбираемые звуковые сегменты неоднородны по своему содержанию. В исконном лексическом материале так называемые долгие гласные *е, и, о, у* имеют только фонетический статус. Для отнесения их к самостоятельным фонемам нет достаточных оснований.

Трехчленная система вокализма начинает разрушаться под влиянием внешних и внутренних факторов развития языковой структуры. Так, группы фонем типа «сонант+гласная фонема» в определенных позициях дают простые гласные, употребляемые как свободные варианты исходных комплексов: *у+э→о, у+ы→у*.

В синтагматическом плане гласные резко противопоставляются согласным. Гласные фонемы имеют чрезвычайно высокую частотность в тексте. Основным дистрибутивным признаком гласных является их высокий потенциал сочетаемости с согласными – они сочетаются с любой согласной фонемой, выступая как в препозиции, так и в постпозиции.

Гласные *а, э, ы* различаются в дистрибутивном плане. В начальной позиции возможна лишь гласная фонема *а*. Однако фонема *а* в начальной позиции фонетически реализуется с ларингальной протезой *h*. Это говорит о том, что в кабардино-черкесском языке в исконных словах невозможно вокалическое начало.

Гласные *е, и, о, у* являются по своему происхождению гетерогенными. Они возникли в результате звуковых процессов, разнонаправленных по своей тенденции. В одних случаях гласные *е, и, о, у* получены путем стяжения дифтонгов, в других, – напротив, путем изменения кратких гласных *э, ы*.

Гласные *е, и, о, у*, хотя проявляют сильную тенденцию к фонологизации, остаются вариантами либо дифтонгов, либо кратких гласных *э, ы*.

Характеристика гласных фонем

1. *а* – открытый гласный заднего ряда нижнего подъема. Он встречается в начальной позиции: *адэ* «отец», *адакъэ* «петух», *ажэ* «козел».

В конечной позиции *а* реализуется в причастных образованиях типа *да* «сшитый», *тха* «написанный», *ва* «сваренный» и вопросительных формах типа *еджа?* «прочитал?», *лэжэ?* «работал?».

Однако для гласного *а* наиболее характерна позиция в инляуте и под ударением: *уанэ* «седло», *джанэ* «сорочка», *джатэ* «сабля».

2. *э* – узкий гласный среднего ряда, нижнего подъема. Он встречается в односложных и многосложных словах и реализуется в неначальной позиции: *нэ* «глаза», *лэ* «постель», *гуацлэрыпсэу* «трудящийся» *луацхэмамуэ* «Эльбрус».

3. *ы* – иррациональный гласный среднего ряда верхнего подъема. Он реализуется в неначальной позиции, причем позиция в исходе слова является иногда слабой: *лы* «мясо», *мывэ* «камень», *лыхлы* «родственник», *мыцэ* «медведь», *мылэрысэ* «яблоко».

4. ДИФТОНГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Так называемые дифтонги, обозначаемые на письме знаками *е, о, я, и*, представляют собой либо комплексы фонем «полугласная + гласная», либо простые фонемы *э, ы*. Ср. *ехэ* (*йэхэ*) «он несет», *яцлэ* (*йацлэ*) «они делают», *бий* (*бый*) «враг», *жыгей* (*жыгэй*) «дуб» и т.д.

5. Мелодика речи

Для кабардино-черкесской речи характерна некоторая монотонность. Она обусловлена стабильностью звукового состава слова, слабыми изменениями качества звуков в потоке речи, незначительными колебаниями тона. В связи с тем, что вопросительные формы структурно отличаются от повествовательных, по интонационному рисунку между вопросительным и повествовательным предложениями нет резкого противопоставления.

Так, например, вопросительное предложение *уэ укӀуа?* «ты ходил?» и повествовательное предложение *уэ укӀуаш* «ты ходил» произносятся одинаково, так как повествовательная форма сказуемого осложнена специальным суффиксом утвердительности *щ*, в то время как вопросительная форма сказуемого нейтральна. Тот же суффикс отличает повествовательную форму от вопросительной и в будущем времени, например: *уэ укӀуэнуш* «ты пойдешь», *уэ укӀуэну?* «ты пойдешь?».

В настоящем времени наоборот: вопросительная форма сказуемого имеет специальный суффикс (*уэ укӀуэрэ?* «ты идешь?»), а повествовательная форма не имеет (*уэ уокӀуэ* «ты идешь»).

6. Звуковой состав корня

Корень слова может быть простым и производным. Простые корни состоят из согласного и гласного и совпадают с односложными словами типа открытого слога: *лӀы* «мужчина», *лы* «мясо», *сэ* «нож», *щӀы* «делай».

Производные корни состоят из трех и более звуков и представляют собой сочетание первичного корня и омертвевших аффиксов. Подобные корни встречаются в двухсложных и многосложных словах: *дамэ* «крыло», *мажсэ* «гребешок», *мацӀэ* «саранча», *бадзэ* «муха». В этих словах первый слог является в прошлом показателем грамматического класса, а ныне вошел в состав корня, как мертвый аффикс. Производные корни обнаруживаются и в односложных словах типа: *цхэ* «голова», *псы* «вода», *бжэн* «коза». В первых двух словах имеем омертвевшие префиксы, а в последнем – суффикс, утративший свое значение.

Среди глаголов встречаются новые производные основы, в которых аффикс утратил свое значение, но органически еще не слился с корнем. Такой аффикс содержится в основе *жыӀэ* «говори». Основа эта легко расщепляется, и в нее вклиниваются показатели различных грамматических категорий: *жы-д-о-Ӏэ* «говорим», *жы-б-о-гъэ-Ӏэ* «заставляешь говорить». В первом случае между префиксом и корнем вклинились показатели лица и динамического глагола, а во втором кроме них еще каузативный аффикс.

Корень в кабардино-черкесском языке не устойчив. Гласный элемент его претерпевает количественные изменения, а иногда вовсе исчезает. В именах гласный элемент корня изменяется при образовании сложных слов: то становится долгим, то кратким, то вовсе исчезает. Краткий гласный *э* в корне становится долгим в составе сложного слова под сильным ударением *пащӀэ* «усы» – *пэ* «нос», *лӀапэ* «носок» – *лӀэ* «ступня», *пхъащӀэ* «плотник» – *пхъэ* «дрова».

Долгий гласный в корне при перемещении ударения на другой слог переходит в краткий: *хадэ* «сад» – *хэдапщӀэ* «прополка», *кӀуаажэ* «село» – *кӀуэажапщэ* «верхняя часть села».

Глагольный корень претерпевает те же изменения, что и именной. Кроме того, глагольный корень утрачивает свой гласный элемент и тогда, когда последний выражен кратким гласным *э*, например: *тхэ* «пиши» – *тхаш* «писал»; *кӀуэ* «иди» – *кӀуаш* «пошел»; *дэ* «шей» – *даш* «шил».

7. Звуковой состав аффиксов

Подавляющее большинство аффиксов в фонетическом отношении ничем не отличается от слов, что указывает на то, что они восходят в прошлом к самостоятельным словам. Звуковой состав аффиксов разнообразен: они могут состоять из одного звука (*ж* – глагольный аффикс со значением повторяемости, *щ* – показатель утвердительного наклонения, *е* – личный показатель), из нескольких звуков: *блэ* «мимо», *бгъэ* «подле», «рядом», *кӀуэцӀ* «внутри», «внутри».

8. Звуковые комплексы

Звуковые комплексы в корнях обычно состоят из двух согласных: *бл*, *бж*, *пс*, *тх*, *ст*, *щт*. Встречается небольшое количество звуковых комплексов, в состав которых входит три согласных: *псч*, *пскӀ*, *пщт*, *пихъ*, *птх*.

Подавляющее большинство звуковых комплексов представляет собой сочетание

взрывного и фрикативного (*бг, бж, бжь, бз, пс, пх, пш*), фрикативного и взрывного (*ст, сп, шт, щт*), иногда сочетания одних взрывных (*мб, мп, пкъ*) или одних фрикативных (*схъ, щхъ*). Наиболее распространено сочетание взрывного и фрикативного. Приведем наиболее характерные звуковые комплексы: *бг* (*бгы* «гора»), *бгъ* (*бгъэ* «грудь»), *бгъу* (*губгъуэ* «поле»), *бж* (*бжэ* «дверь»), *бжь* (*бжьэ* «пчела»), *бз* (*бзэ* «язык»), *бдз* (*бдзы* «долото»), *бдж* (*абдж* «стекло»), *бл* (*блэ* «змея»), *др* (*адрей* «другой»), *жъгъ* (*жъгъей* «мелкий»), *зд* (*узэдыгъэ*, «лампа»), *лъхъ* (*малъхъэ* «зять»), *мб* (*сэмб* «кулек»), *мп* (*тхъэмпэ* «лист»), *мпл* (*цлამплырэ* «чиж»), *нд* (*бжэндэхъу* «скворец»), *нж* (*бгъунж* «косой», «кривой»), *ндж* (*чэнджэщ* «совет»), *нтл* (*пцланталэ* «двор»), *нш* (*узыншэ* «здоровый»), *нтхъ* (*клэнтхъ* «осадо́к», «оста́ток»), *нтх* (*сэнтх* «возвышенность», «горка»), *пкъ* (*пкъы* «тело»), *пкл* (*пклын* «протапывать», «протоптать»), *плъ* (*гъуаплъэ* «медь»), *плл* (*пллы* «четыре»), *пс* (*псы* «вода»), *пскл* (*уафэхъуэпскл* «молния»), *пх* (*пхыр* «сно́п»), *пхъ* (*пхъы* «морковь»), *пхъу* (*пхъу* «до́чь»), *пцл* (*пцлы* «ло́жь»), *псч* (*псчэ* «каше́ль»), *пш* (*пшагъуэ* «тума́н»), *пщ* (*пщэ* «ше́я»), *пщт* (*пщтыр* «горя́чий»), *пщхъ* (*къупщхъэ* «ко́сть»), *пщл* (*пщланталэ* «двор»), *ст* (*мастэ* «и́гла»), *схъ* (*щысхъ* «по́щада»), *ткл* (*тклиу* «упру́гий»), *ткly* (*ткlyэпс* «ка́пля»), *тх* (*тхылъ* «кни́га»), *тху* «пя́ть», *тхъ* (*къитхъ* «боро́на»), *тхъу* (*тхъу* «ма́сло»), *хът* (*нахътэ* «недоу́здок»), *шкл* (*шклэ* «теле́нок»), *шт* (*еуштын* «на́травливать»), *шмл* (*лэштлым* «кула́к»), *шх* (*шхын* «е́да», «пи́ща»), *шху* (*шхуэ* «уздечка»), *щхъ* (*нэщхъ* «взгя́д»), *щхъу* (*щхъухъ* «я́д»), *щхъ* (*щхъэ* «го́лова»).

Характерной особенностью звуковых комплексов в кабардино-черкесском языке является то, что в качестве начальных элементов выступают в них лишь определенные согласные: *б, д, жъ, з, лъ, м, н, п, пл, р, с, т, тл, ш, щ*, в то время как в конечных элементах представлены почти все согласные. Это, по-видимому, указывает на то, что начальные элементы исторически были носителями каких-то грамматических значений и не входили в состав корня. Впоследствии, утратив свое грамматическое значение, они слились с корневыми согласными и образовали звуковые комплексы.

В русских заимствованиях отмечаются звуковые комплексы, не характерные для кабардино-черкесского языка: *кл, пл, фл, св, тв, жд* и др.

9. Фонетические процессы

В кабардино-черкесском языке отмечаются следующие звуковые изменения согласных: ассимиляция, диссимиляция, лабиализация, интервокальное озвончение.

9.1. Регрессивная ассимиляция

Для кабардино-черкесского языка (как и для адыгейского) характерной является регрессивная ассимиляция смежных согласных.

Такие явления преимущественно наблюдаются в личных формах глагола. В соответствии с этим фонетическим процессом глухие согласные переходят в звонкие, в абруптивы перед абруптивами, звонкие согласные оглушаются перед глухими. Это является результатом влияния экскурсии последующего согласного звука на рекурсию предыдущего.

а. Перед звонкими глухие согласные становятся звонкими: *содэ* «я шью», *здащ* «я сшил то», *солэ* «я крашу» *лащ* «я покрасил то», *фоджэ* «вы читаете» *вджащ* «вы прочли», *фобж* «вы считаете», *вбжащ* «вы сосчитали».

б. Перед глухими согласными звонкие становятся глухими: *долъагъу* «мы видим», *тлъэгъуащ* «мы увидели», *дощэ* «мы продаем», *тщащ* «мы продали», *досэ* «мы сеем», *тсащ* «мы засеяли».

в. Перед абруптивными согласными звонкие и глухие согласные становятся абруптивными: *дощлэ* «мы делаем» *млщлащ* (орф. *тщлащ*) «мы сделали», *донл* «мы воспитываем» *млнлащ* (орф. *тнлащ*) «мы воспитали»; *фомл* «вы копали» *флмллащ* (орф. *фтмллащ*) «вы вскопали».

г. Ассимиляция наблюдается также и в сложных словах: *апхуэдэ* (такой) *абы* (тому, ему) + *хуэдэ* (подобный); *босцей* (женское платье) *боз* (бязь) + *цей* (черкеска); *анлцлондэху* (пока, до тех пор) *абы* (от, того) + *плцлондэ* (до).

д. В качестве ассимилятора выступают корневые согласные. Поэтому согласные

в составе падежных окончаний и различных аффиксов не влияют на качество предшествующих звуков: *жыпкIэ* «карманом», *лъэпэдкIэ* «чулком», *тхылъкIэ* «книгой», *башкIэ* «палкой». В этих словах согласные *лъ, д, гъ, ш* не перешли в абруптивы, хотя за ними следует абруптивная аффриката *кI* в составе падежного окончания.

9.2. Интервокальное озвончение согласных

В некоторых глагольных формах отмечается интервокальное озвончение согласных как следствия влияния гласных на согласные: *соджэ* «зову», *къы-з-оджэ* «меня зовут», *фоплъэ* «смотрите» – *къы-в-оплъ* «смотрят на вас», *сот* «даю» – *фы-з-от* «вам даю».

9.3. Комбинаторные изменения гласных

В определенных фонетических позициях гласные изменяются в количественном отношении.

В закрытом слоге гласные оказываются наиболее устойчивыми: в каком бы отношении к ударению ни был закрытый слог, гласные в нем сохраняют свою количественную характеристику. Возьмем для примера слово *макъ* «голос», присоединим к нему числительное *щы* «три», *макъищ* «три голоса». В результате ударение передвинулось на соединительный гласный, закрытый слог оказался в предударной позиции, но от этого характер гласного *а* не изменился.

Открытый слог является позицией наименьшей устойчивости гласных: здесь гласные претерпевают самые большие изменения. Если открытый слог находится в безударном положении, то долгие гласные в нем переходят в краткие, например: *хадэ* «сад», *хэдапцIэ* «прополка», *хамэ* «чужой», *хэмэлI* «чужой мужчина».

Как видно из примеров, редукция гласных в безударных позициях не зависит от силы ударения в слове. Поэтому и в первом слове, где сильное ударение, и во втором слове, где ударение слабое, долгий гласный перешел в краткий.

Зато переход кратких гласных в долгие в открытом слоге под ударением зависит от силы экспирации. Такой переход наблюдается только под сильным ударением: *щабэ* «мягкий» – *щэбацэ* «слишком мягкий»; *дахэ* «красивый» – *дэхацэ* «слишком красивый».

Количественные изменения гласных в глаголах фиксируются: здесь гласные пишутся так, как слышатся.

В определительных сочетаниях наблюдается полная редукция краткого гласного *ы* в конце слова: *лЫфI* «хороший мужчина», *шыжь* «старый конь». В состав каждого сочетания входит два слова: *лЫ* «мужчина», *фIы* «хороший», *шы* «конь», *жьы* «старый». В этих сочетаниях прилагательные *фIы* и *жьы* утратили краткий гласный *ы*.

В кабардино-черкесском языке отмечается чередование гласных фонем в составе морфа. Однако изменения гласных с грамматической точки зрения могут быть релевантными и иррелевантными. Так, чередование гласных *э:ы* в морфах типа *дэн* – «шить» (неперех.), *дын* – «шить что-нибудь» (перех.), *кIуэн* (неперех.), *кIуын* – «пройти» (перех.), является морфологическим, т. е. имеет функциональное значение внутренней флексии. Напротив, чередование гласных *э:ы* с нулем в словаформах типа *гуы* «сердце», *йыгу* «его сердце» относится к фонетическим явлениям, лишенным грамматической функции.

Чередования по аблауту действуют как в системе словообразования (основообразования), так и в системе словоизменения.

Аблаут в системе имени обычно выполняет основообразующую функцию (*зы* «один», *зэ* «однажды»), а в системе глагола он выполняет исключительно важную роль в словоизменительной системе (*тхэн* «писать», *тхын* «написать», *кIуэн* «идти», *кIуын* «пройти»).

10. ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Изучение проблемы влияния одних языков на другие должно состоять не только в том, чтобы установить общий объем и характер заимствованных элементов (хотя само по себе это чрезвычайно важно), но и выявить пути и причины различных изменений, т.е. произвести научно-лингвистический анализ аспектов адаптации заимствований (на

поведении которых в новой для них языковой среде прослеживаются действующие (а иногда и действовавшие) ведущие тенденции в развитии заимствующего языка).

10.1. Аспекты фонетической ассимиляции

Процесс освоения русизмов, как и всех иноязычных слов, сопровождается рядом фонетических изменений, вызываемых, главным образом, особенностями фонологической системы заимствующего языка, а также посредников – других языков и диалектов.

10.2. Реализация русских неначальных гласных в заимствованных словах

Ввиду того, что русские гласные, в особенности неначальные *а, о, э* в безударном положении произносятся неясно, не в полном своём количестве и качестве, они обычно переходили в ранних, устных заимствованиях в кабардинские *Э* и *Ы*, что объясняется господством двух этих кратких гласных в заимствующем языке. Здесь и далее примеры приводятся сначала в русской орфографии, затем в русской транскрипции и в конце – в кабардино-черкесской орфографии.

Напр.: *постромка* – *пастромкъ* – *пэстронкIэ*, *ложка* – *лошкъ* – *лошкIэ*; *щётка* – *ш'ш'откъ* – *шотIкIэ*; *порошок* – *пърашок* – *пэрэшоку* и т. п. Господством кратких (закрытых) *Э* и *Ы* объясняются также нередкие случаи замены долгих русских гласных, находящихся под ударением, кабардинскими *Э* и *Ы*, напр.: *гиря* – *г'ир'ь* – *гырэ*; *мунштук* – *мунштук* – *мыштыку*; *ящик* – *йаш'ш'ик* – *ашык*; *мужик* – *мужык* – *мыжыкъ*; *печь* – *п'эч* – *пэш* и др.

Что касается сохранения в заимствованиях письменного периода безударных долгих гласных, то это объясняется довольно значительным распространением русских слов, оказавших влияние на их сохранение в кабардинских вариантах: *десятина* – *д'ьс'и'э'тинъ* – *дестынэ*; *письмо* – *п'ис'мо* – *серник* – *с'и'эрн'ик* – *сеныч*; *медаль* – *м'и'э'дал* – *медал*; *семячко* – *с'эм'ьчкъ* – *семышкIэ* и др.

10.3. Отсутствие в кабардинском языке начальных гласных вызывает различные изменения в заимствованиях

Напр.: *армия* – *арм'ийь* – *Iэрмэ*; *обоз* – *абос* – *Iэбоз*; *офицер* – *аф'ицэр* – *Iэфичар*; *общий* – *опи'ш'ийь* – *Юпшэ*; *история* – *истор'ийь* – *Исторэ*; *улей* – *ул'ьй* – *уылэ*; *учётчик* – *учоччик* – *лучочык* и т. п.

В речи кабардинской и черкесской интеллигенции и молодежи произношение приведенных и других звуков значительно приближается к русской орфоэпической норме.

10.4. Отсутствие стечения двух и более гласных в корнях кабардино-черкесских слов вызывало необходимость в суперации (упрощении) подобных комплексов в заимствованиях. Напр.: *диагональ* – *дэгэнал*; *миллион* – *мил'ион* – *мелуан*; *фаэтон* – *ф'этон* – *фитон*; *шевиот* – *шивот*; *пионер* – *п'иан'эр* – *пийэнер*; *зоотехник* – *з'эат'эхн'ик* – *уст. зэуэтехныч* и др. Употребление такого рода комплекса гласных уже не представляет трудности для современных кабардинцев и черкесов, в родной речи которых активно функционируют слова: *милиционер*, *наука*, *география*, *миллионер*, *комиссионный* и мн. др.

Из приведенных примеров видно, что кабардинский язык суперирует нехарактерное для него стечение гласных в слове различными способами: 1) опущение одного из двух гласных; *миллиард* – *мелард*; 2) вставка сонанта *У* между гласными: *география* – *геуэграфии*; 3) йотация, т. е. вставка сонанта *Й*; *пионер* – *пийанер*; 4) развитие между гласными звуками *ХЬ* в результате перехода *А* в *ХЬЭ*: араб. *шариат* – *шэрих'эст*. Любопытно отметить, что для преодоления стечения двух гласных именно эти же способы используются южнорусским диалектом: 1) выпадение одного из гласных: *миссионер* – *мисинер*, *олеандра* – *оляндра*; 2) вставка сонантообразного звука *В*: *заочно* – *завочно*, *тротуар* – *тротувар*, *туалет* – *тавалет*; 3) йотация: *стадион* – *стадийон*, *Наполеон* – *Напайион*; 4) развитие *А* в *ГА*: *реальное училище* – *ригальная вчилища*.

10.5. Перенос акцентологических законов родного языка на заимствуемые слова – особая разновидность фонетической ассимиляции.

Многие устные заимствования изменились согласно требованию кабардинского ударения: *пристав* – *пристав*, *писарь* – *писыр*, *участок* – *ушасклэ*, *губерния* – *губернэ* и т. п.

Отсюда видно, что одни изменения обусловлены передвижением места ударения, другие – тенденцией к сохранению его места в заимствованиях, что, в свою очередь, повлекло за собой:

а) открытие закрытых безударных конечных слогов посредством выпадения в них редуцированных гласных: *список* – *списклэ*;

б) отпадение безударных конечных закрытых слогов: *шкворень* – *шворень* – *шивор*, *картоф(ель)* – *клэртоф*;

в) открытие безударного конечного закрытого слога в многосложных словах посредством отпадения согласных или выпадения гласных: *очередь* – *ючрэ* или *ючырэ*;

г) выпадение безударных, чаще заударных, редуцированных гласных в слогах: *гарнец* – *гарц*, *переселенец* – *пырсылеңц*;

е) замену долгих ударных гласных краткими *Э* или *Ы*: *матушка* – *мэтушкэ*, *kozyрь* – *куззыр*.

Серьезные изменения в заимствованиях связаны также с отсутствием в недалеком прошлом в кабардинском языке многосложных корней с ударным конечным гласным. Это нехарактерное фонетическое явление кабардинский язык преодолевает тремя способами: во-первых, закрытием открытого ударного слога при помощи наращенного согласного: *бадьа* – *бейдакъ*, *корешки* – *джырышклый*, *пирожки* – *пирэшклый*, *галифе* – *джэлэфей*; во-вторых, отбрасыванием ударного гласного: *духи* – *дыху*, *верста* – *верс(т)*; в-третьих, перенесением ударения на один слог вперед, в результате в заимствованиях могут появиться неэтимологические слогаобразующие гласные: *казна* – *клэзонэ*, *копна* – *клэпунэ* и др.

Необходимо учесть, что звуковые изменения, наблюдаемые в приведенных примерах, произошли не только под влиянием кабардинского ударения, хотя последнее, несомненно, сыграло решающую роль в этих изменениях. Здесь действовали и другие причины, в частности, причины, связанные с тенденцией кабардинского языка к преодолению нехарактерных звуковых комплексов. Так, изменение заимствованных слов «квитанция», «шкворень», «подошва», «сница» (часть повозки), «копна» и т. п. в кабардинском языке в формы – *чыфтанц*, *шивор*, *синицэ*, *клэпунэ* – объясняется также суперацией таких звуковых комплексов, как КВ, ШКВ, ШВ, СН, ПН.

10.6. Реализация русских согласных в составе заимствований в кабардино-черкесском языке

При рассмотрении случаев субституции (замены) русского консонантизма в кабардинском языке необходимо постоянно иметь в виду иллюзорность той близости согласных (как членов фонологических систем), которую, на первый взгляд, они обнаруживают в контактирующих языках. Иначе говоря, несмотря на кажущуюся близость многих согласных, последние в русском и кабардинском языках принципиально различаются. Дело в том, что, например, кабардинская фонема *Б* – это член фонологической системы, противопоставленный – по звонкости, глухости и резкости – фонема *П* и *П'*, тогда как русское *Б* – это член системы, противопоставленный – по мягкости – твердости фонеме *Б*, по звонкости – глухости фонеме *П*, по звонкости – глухости и мягкости – твердости фонеме *П'*.

После сделанной оговорки рассмотрим основные случаи субституции русских согласных в кабардино-черкесском языке.

Звуки *Б*, *Б'* реализуются как кабардинское звонкое взрывное *Б*, переходя перед глухими согласными, как и в русском языке, в глухой взрывной *П*, а перед резкими (абруптивами) – в *П'*: *бочка* – *бошклэ*, *клуб* – *кллуб* (как правило, в конце кабардино-черкесских слов *Б* не оглушается), *трубка* – *трупклэ*, *пробка* – *пропклэ*. Иногда

характерное для русского языка оглушение конечных и неконечных согласных закрепляется письменно в кабардинском языке: *бутылка* – *птулъклэ*, *араб* – *хъэрып*, *пуд* – *пут*.

Звуки *В, В'* переходят в кабардино-черкесский *В*: *вершок* – *вэршоку*, *варенье* – *вэрэнэ*. В конце слова и перед глухими, а также после глухих звуки *В, В'* переходят в звук *Ф*: *Ростов* – *Арастоф*, *бритва* – *бритфэ*. В старых заимствованиях *Ф* письменно закрепляется: *пристав* – *пристаф*, *лавка* – *лафклэ*, *моль* – *моф* (вид ткани).

Звуки *Г, Г'* переходят в *Г, ДЖ*: *гиря* – *гырэ*, *гарнец* – *гари*, *фотоген* – *фэтыджэн*, *цыган* – *цыджан*, *графин* – *джэрэфинэ*. Звук *Г* замещается в слоге, где имеется лабиализованный гласный, кабардинскими *ГУ, ГЪУ*: *грубиян* – *гуырбийан*, *гурт* – *гуартэ*, *сургуч* – *сыргъуыш*. Известный в южнорусском диалекте фрикативный звук *Г* артикуляционно близок к кабардинскому *Г*, который похож на *Х*, что слышится в русском разговорном стиле при быстром темпе речи в конце слова «дух» в сочетании «дух замер». Такой звук (без озвончения) слышится в «Петербурх», по-кабардино-черкесски *Бытырбыху*. *ХУ* вместо *Х* появляется здесь под влиянием находящегося в последнем слоге лабиализованного *У*. Имеются и другие случаи перехода *Г* в *КІ, ХЪ*: *газета* – *клэзет*, рус. диалект. *гарбуз* – *хъарбыз*.

Звуки *Д, Д'* переходят в *Д*: *сода* – *содэ*, *тетрадь* – *тетрад*. В конце слова и перед глухими могли оглушаться, согласно русской орфоэпии: *пуд* – *пут*, *секунда* – *секунт*, но, как правило, конечный согласный *Д*, как и другие звонкие, в заимствованиях произносятся звонко: *суд* – *суд*, *сад* – *сад*, *завод* – *завод*, *расход* – *арэсхуд*.

Ж, Ж' реализуются в виде кабардинских звонких согласных *Ж, ЖЪ*, а также глухого *Ш* (перед глухими): *возж'ж'и* – *возжэ*, *мужик* – *мыжъыкъ*, *ложка* – *лошклэ*, *фуражка* – *фурашка*, *жаркое* – *жъэрыкуей*.

З, З' → З: *базар* – *бэзэр*, *бязь* – *боз*. Перед глухими *З, З'* переходят в *С*: *бостей*, *босцей* (из *бязь + цей* «платье, одеяние»).

Й → Й: *май* – *май*, *копейка* – *клэпейклэ*, *йанварь* – *йанвар*, *Йот* (*j*) в кабардинском языке не переходит в *Ж*, как это имеет место в тюркских и некоторых других языках. Немецкое по происхождению «ярмарка» через посредство русского языка (ср. рус. диалектное «ярмонка») было усвоено тюркоязычными народами, изменившими его в *джарманка* (жарманка, жармалыгъ, жармалыкъ...), а в адыгские языки оно попало, надо думать, из карачаево-балкарского языка, которому известны все приведенные формы «ярмарка».

Л, Л' переходят в кабардинском языке в звонкое латеральное (боковое). *Л*: *лён* – *лон*, *лом* – *лом*, а перед глухими и за глухими в глухой звук *ЛЪ*: *пальто* – *пэлъто*, *туфля* – *туфлэ*, *дышло* – *дишлэ*, *атлас* – *алътес*. Перед абруптивами и после них дают *ЛІ*: *капля* – *клэпІлІэ* (ср. каб.-черк. *пІлІмэ* «квадрат», *пІлІанэ* «четвертая часть», но *плъжь* «красный» *плъэн* «смотреть куда-то»).

М, М' → каб.-черк. М: *мерка* – *мерклэ*, *комод* – *клэмод*, *машина* – *машинэ*, *мешок* – (диалект. *м'ашок*) – уст. *мэшоку*, *махорка* – *мэхуорклэ*.

Н, Н' → каб.-черк. Н: *немец* – *немыцэ*, *наган* – *нэган*, *минута* – *минут*.

П, П' → каб.-черк. П, ПІ: *паска* – (диал.) – *пасклэ*, *письмо* – *писмо*, *поп* – *поп*, *почта* – *пошт*, *патрон* – *пІэпІрон*, *патруль* – *пІэпІрул*.

Ввиду того, что каб.-черк. *Б* занимает, грубо говоря, промежуточное положение между русскими *П* и *Б*, приближаясь, несомненно, к звонкому, он нередко замещает фонему *П* в заимствованных словах: *пряник* – *браныч*, *пальто* – *бэлъто*, *платок* – *бэлъток*. На переход *П* в *Б* оказывает определенное влияние фонема *Р*. Замена русского *П* кабардинским *Ф* – явление редкое: *плащ* – *флащ*, *аптека* – уст. *афтэч*.

Р, Р' → Р: *барабан* – *бэрэбанэ*, *борщ* – *борш*. Данные фонемы, как было отмечено Н. Ф. Яковлевым, в начале кабардинских слов не встречаются, поэтому и заимствования с начальным *Р* протезируются: *ракета* – *хъэрэкІытІэ*, *рагожа* – *аргуажъэ*, *Россия* – *Арэсей*, *Ростов* – *Арэстоф*, *революция* – *ервэлуцэ*, *рама* – *арамэ*, *рейкэ* – *ерейклэ*. Здесь обнаруживается определенная закономерность, согласно которой выбор протетического звука в кабардинском варианте диктуется характером следующего за *Р* гласного звука в русских словах. Данная закономерность свидетельствует о наличии в кабардинском языке своеобразного сингармонизма, действие которого значительно ослаблено вследствие дальнейшего внутреннего развития фонетической системы кабардино-

черкесского языка, с одной стороны, и его тесного и длительного контактирования с русским языком как иносистемным, с другой. (об этом более подробно см.: Апажев. 1964).

С, С' → С: *серник – сеныч, овёс – Извос, самовар – сэнвар.* В дописьменном кабардино-черкесском языке были отдельные случаи перехода *С* в *Щ*: *Ростов – Араццоф, Астрахань – Ащтрахъан.*

Т, Т' → каб. Т: *туз – туз, ток – току, тюк – тыку.* Наблюдаются случаи перехода рус. *Т, Т'* в абруптив *ТІ:* *кнут – чнутІ, лента – лентІ, мазут – мазутІ, контроль – клэнтІрол, Петро – ПІутІро.*

Ф, Ф' → каб. Ф: *фонарь – финар, офицер – Іэфицар.* Случаев перехода *Ф* в *ФІ* не обнаружено. Замечен переход *Ф* в *ХУ:* рус. диал. *алафа* «жалование» (ср. тюрк. *алафа*) – каб. *улахуэ* «жалование, зарплата, заработок».

Х, Х' → Х, ХЪ: *хомут – хамут, хъамут, хина (хинин) – хинэ, харчевня – хъаршевнэ, бухарская (шапка) – бухъарскэ (пылэ).* В слогах с лабиализованными гласными *О, У*, как правило, вместо *Х, Х'* появляется лабиализованный согласный *ХУ:* *духи – дыху, духовка – дихуофклэ.* Известен переход *Х* (в слоге с лабиализованными гласными) в *ХЪУ:* *хор – хъор* (вместо ожидаемого *хуор*), но в орфографии это не фиксируется. Каб.-черк. *хъумбылэ* увязывается с рус. *хмель*, восходящим к латинскому *Humulus*. Ср.: между прочим, осет. *хуымэллаг*, балк. *хумаллаг*, ногайск. *хмель*, абаз. *хмель*.

Несмотря на семантическое соответствие рус. «христианин» кабардино-черкесскому *чыристэн*, все же надо признать последнее образованным от русской формы «крестьянин» (возникшего под влиянием «крест» из «христианин», иначе невозможно объяснить переход *Х* в *Ч*.

Ц → каб. Ц: *цепь – цеп, уст. церп, акация – кларц* (в последних двух формах – наращение «Р»), *горчица – гэршицэ.* Редко встречается замещение звука *Ц* кабардинским *С*, что, по-видимому, является результатом тюркского влияния: *централка (ружъе) – уст. сентІралнэ (фоч), центр – уст. сентІыр, цемент – уст. семынт* и др.

Ч → Ш: *чай – шей, чугун – шыгун, четверть – шэтвэр, семечко – семышклэ.* *Ч* реализуется и как *Ч:* *кочан – клэчан, паралич – пэрэлыч.*

Ш → Ш, Щ: *шатер – шатыр, шинель – шынел, школа – шкІуол, аршин – арыцын, полуштоф – пэлэццоф, патронташ – пІэтІронташ, пошта (диал.) – пошт.*

Ш'Ш' (Щ) → каб. Ш: *борщ – борш, воцина – вэшинэ, ящик – ашыч.* Строго говоря, здесь кабардинское *Ш* не всегда является субституцией русского мягкого *Ш'Ш' (Щ)*, ибо в южнорусском диалекте, откуда заимствованы приведенные формы, часто употребляется вместо долгого *Ш'Ш' (Щ)* долгое твердое *ШШ.* Звук *Ш'Ш' (Щ)* отсутствует в кабардино-черкесском языке, который заимствует его с новыми литературными формами русских слов: *общество – Іобцистфэ, товарищ – тэварищ* и др.

10.7. Отсутствие фонемы *К* в кабардино-черкесском языке и ее реализация в заимствованиях

Основные звуки, которыми заменяется русская фонема *К* в дописьменный период, – это *КІ* и *Ч:* 1) *калош – клэлош, кадка – кладэ; корзинка – кларзинклэ;* 2) *стакан – стэчэн, кирпич – чырбыш, чайник – шейныч.* Переход *К* в *КІ, Ч* связан с фонетическим процессом аффрикации заднеязычных согласных (*К' → Ч, К'І → ЧІ*); 3) *К* в надгортанный (абруптивный) звук *КЪ:* *мужик – мыжъыкъ, карандаш – къэрэндаш;* 4) *К → ДЖ:* *корешки – джырышклій, князь – джыназ, жакет – уст. жыджет,* что связано с отмеченным выше общеадыгским фонетическим процессом аффрикации заднеязычных согласных, но факт озвончения ожидаемой в подобных случаях глухой аффрикаты *Ч* в *ДЖ* объясняется влиянием *Р, Н*, звонкого латериального *Л* и звонкого *Ж;* 5) Редкий случай перехода *К* в *Т* (*килограмм – телджырам*), по видимому, объясняется влиянием омонимичной формы *телджырам*, которой также передается в кабардино-черкесском просторечии русское «телеграмма». Не исключено влияние южнорусского диалекта, где известны случаи перехода *К* в *Т:* *типит – кипит.* Переход *К* в *Т* наблюдается и в других словах: *пропуск – простореч. пропыст, отпуск – простореч. Іотпыст.* Возможно, здесь сказалось также влияние аналогии: *паспорт, пост, пошт, рапорт:* 6) Переход *К* в *Х,*

как правило, в комплексе *КТ*: *директор* – уст. *дырехтыр*, *трактор* – уст. *драхтыр*, *трахтыр*, *гектар* – уст. *гехтар*, простореч. *лехтар*; Данные изменения объясняются как южнорусским влиянием, так и тенденцией самого кабардино-черкесского языка к преодолению необычных для него звуковых комплексов. По мнению Р. И. Аванесова, «сочетание *КТ* в результате диссимиляции изменяется в *ХТ* – *трахтор*, *дилехтор*, *карахтер*, *контрахтация*. Появление же звука *Т* в *пэрэхмахтыр* (парикмахер), очевидно, связано с южнорусским диалектом, где известна форма паликмахтыр и характерна вставка лишнего звука *Т*: *рыстью* вм. *рысью*, *экзамент* вм. *экзамен*, *крант* вм. *кран*, *плант* вм. *план*. Переход *КТ* в *ХТ* имеет и другое, более достоверное объяснение. Тенденция к преодолению комплексов согласных типа *КТ* отмечается во многих языках мира, в частности в ряде кавказских и славянских языков и диалектов. Некоторые ученые именуют это явление суперацией акцессивных комплексов согласных (ср. *кто* – *хто*) в отличие от гармонических сочетаний согласных – децессивных комплексов типа *ТК*, *ПК*. Этим собственно и объясняется выпадение *К* в слове «электричество» в просторечном кабардинском «лэтрисфэ». 7) Переход *К* в заднетвердонебный лабилизированный спирант *ХУ*: *доктор* – *докутыр*. Форма *доктыр* или *дохутыр* не могла быть принята в дореволюционном кабардино-черкесском языке по причине, изложенной в предыдущем пункте. Что же касается формы *дохтыр*, то и ее не могло быть в заимствующем языке: наличие лабилизованного *О*, сохраняющегося в кабардинском варианте (несмотря на передвижение ударения на конец слова), лабилизovalo *Х* в *ХУ* (*дохутыр*). С другой стороны, есть достаточные основания полагать, что кабардинцами заимствована не форма русского литературного орфоэпического *доктѣр*, а диалектного *дохтѣр*; 8) Переход *К* в переднемягконебный резкий взрывной лабилизированный звук *КИУ*: *школа* – *шкѣуол*, *кружка* – *кѣурушкѣ*, *осколок* – *ѣскѣуолѣкѣ*. Причина лабиализации *КИ* – *КИУ* в наличии лабиализованных *О*, *У* в соответствующих слогах заимствованных слов; 9) Субституция *К* переднемягконебным глухим мгновенным лабиализованным согласным звуком с заметным придыханием – *КУ*: *каток* – *кѣтоку*, *пѣрашок* – *пѣрэшоку*, *урок* – *уѣроку*. Причина лабиализации *К* ясна: для этого звук должен входить в слог, образованный лабиализованными *О* или *У*; 10) Переход *К* в заднемягконебный глухой мгновенный лабиализованный согласный *КХЪУ*. Случай редкий. Южнорусск. *кувшин* (лит. *кувшин*) – *кхѣушын* (ср. адыгейск. *кѣошын*, осет. *гѣрсин*, ногайск. *кувшин*). Строго говоря, здесь не *К*, а *КУ* перешло в *КХЪУ*, чем собственно и вызваны лабиализация и появление в заимствованном слове этого не очень распространенного в кабардино-черкесском языке звука *КХЪУ*; 11) Редким является также случай субституции *К* заднемягконебным глухим лабиализованным вибрантом *ХЪУ*: *кобура* (уст. *кобура*) – *хѣуымѣырѣ* (ср. осет. *хуымѣыр*, ногайск. *кобура*). Точнее, *ХЪУ* – из комплекса *КО*; 12) Редкий случай перехода *К* в заднемягконебный взрывной резкий лабиализованный согласный *КЪУ*: *кумган* – *кѣуымѣган* (адыгейск. *кѣуымѣган*), у Хуранова: *кобура* – *кѣуымѣырѣ* (ср. абазин. *кѣымѣыра*), *кутня* (ткань из шелка и бумаги) – *кѣуытын* (восходит к араб. *кутнѣ*);

Следует заметить, что в последних случаях (10, 11, 12) предполагаемого перехода *К* в *КХЪУ*, *ХЪУ*, *КЪУ*, возможно, имело место вмешательство со стороны третьих языков (напр., тюркских). Тем не менее нельзя игнорировать наличие подобных заимствований в русском языке, в частности в южновеликорусских говорах, через посредство которых масса нерусских лексических единиц проникла в адыгские языки; 13) Обнаружена субституция *К* через *ПКИ*: русск. диал. *канау* – *пкѣлауѣ* (лит. *кѣлауѣ*), ср. адыгейск. *кѣнау*. На этот необычный переход *К* в *ПКИ* повлияли, видимо, аналогичные формы кабардино-черкесских слов *пкѣлѣн* «прыгать», *епкѣлѣн* «перепрыгнуть через что-л.», *пкѣлѣлѣй* «лестница», *пкѣлѣунѣ* «чердак» и т. п. ; 14) Переход *К* → *К* с заметным придыханием (*К^х*): *наука* – *наукѣ*, *физика* – *физикѣ*, *префикс* – *префиксѣ*. Эта новая тенденция, надо полагать, получит широкое распространение в кабардино-черкесском литературном языке. В связи с происходящим процессом постепенного приближения кабардинского произношения *К* к русскому его звучанию, естественно, многие из ранее заимствованных и ассимилированных форм подвергаются орфоэпической переоценке. Ср.: *фабрыч* – *фабрикѣ*, *ѣамрыкѣ* – *Америкѣ*, *пѣлытич* – *политикѣ*. Характерно, что подобный пересмотр под влиянием русского языка распространяется и на ранние заимствования из других языков. *Чѣшиф* – *Кѣшиф*, *чѣржын* – *кѣржын* и др. Ср.: параллельное употребление в кабардино-черкесском языке: *чѣнутѣ* – *кнутѣ*, *ашыч* – *ашыкѣ*, *стѣчѣн* – *стаканѣ*, *чѣмиссѣ* – *комиссѣ*.

10.8. Суперация нехарактерных комплексов согласных

Суперация – это преодоление, преобразование трудных для произношения комплексов согласных. Наличие в заимствованных словах необычных для кабардино-черкесского языка сочетаний согласных вызывает различные фонетические изменения. К таким комплексам относятся: русск. *шт* → каб. *шт*: *штаб* – *цтаб*, *штраф*, *цтраф* (уст. *ицтраф*), ср. тюрк. *Бештау* – *Бецто*. Сочетание *ШТ* иногда дает *Ш*: *штукатурка* – *шыкIэтур*, *СТ* → *ЩТ*: *Ростов* – *Арэцтоф*, *Астрахань* – *Ацтрэхъан*. Комплекс *СТ* не чужд кабардинскому языку (ср. *естац* «я дал то», *мыст* «то бишь»), поэтому на его изменение в *ЩТ* влияют, по-видимому, другие факторы, в частности русские диалектальные формы: *пашпорт* – (паспорт), *риштант* (арестант) и т. п. Сочетание *БР* в конце слова переходит в *БЫР* или *БРЭ*: *октябрь* – *октябырь* (реже *октябрэ*); *БЛ* → *БЫЛ* или *Б*: *дирижабль* – *дирижабыл*, *рубль* – уст. *уруб* или *рубыл*; *ТР* → *ТЫР* или *ТРЭ*: *литр* – *литыр* или *литрэ*, *Петр* – *Петыр*, *семестр* – *семестыр*; *КЛ* → *КЫЛ*: *спектакль* – *спектакыл*; иногда *Л* вовсе отпадает: *мотоцикл* – *мэтэцыч*; *ДР* → *ДЫР* или *ДЭР*: *драбина* – *дэрэбина*, *кадр* – *кадыр*; *ПР* → *ПЫР*: *шипр* – *шыпыр*, *мопр* – *мопыр*.

В кабардинском языке нет таких звуковых комплексов согласных как *ГР*, *ГЛ*, *МР*, *КР*, *ЛД*, *СН*, *ВЗ*, *КН*, *ПЛ*, *ЗМ* и др. Речь идет не о простом соседстве звуков, а о сочетаниях согласных в пределах одного слога. Подобное разграничение, по мнению С.Б. Бернштейна, является «принципиально важным, так как именно в сочетаниях происходили глубокие преобразования» (Бернштейн 1961: 131-132). Комплекс *ГР* → *ГЭР* (*джэр*): *графин* – *джэрэфинэ*; у Ногмова: *граф* – *гираф*, *грек* – *гирек*; *ГЛ* → *ГЫЛ* или *Л*: *глобус* – *гылобус*, *глагол* – *гылагол*, *глицериновое мыло* – *лэцыринэ сабын*; *МР* → *МЭР*: *мрамор* – *мэрмэр* (ср. между прочим: греч. *мармар*, укр. *мармор*, к которым, возможно, восходит и каб. *мэрмэр*); *КР* → *ЧЫР* или *КЫР*: *кран* – уст. *кырантI*, *крем* – уст. *чырем*, *крест* – *чырес(т)*, *декрет* – уст. *дычырет*. *ЛД* → *Л*: *солдат* – *сэлэт*; *КН* → *ЧЫН*, *кын*, *джын*, *кын*: *кнут* – *чынутI*, *кынутI*, *кнопкэ* – *кынонIкIэ*, *князь* – *джыназ*; *СН* → *СЫН*, *СИН*: *сница* – *синицэ*, *снайпер* – *сынайпер*. Переход *ВЗ* → *ВЫЗ*: *взнос* – *вызнос*, *взвод* – *вызвод*; *ПЛ* → *ПЭЛ* (*БЭЛ*), *ПЛЛ*, *ПЭЛЪ*: *пластырь* – *пэлэстыр*, *пластинка* – уст. *пэлэстинкэ*, *капля* – *кIаплIэ*, *латок* – *пэлтоку* (*бэлтоку*). Данные изменения вызваны тем, что в кабардинском языке латеральный звонкий *Л* не может употребляться непосредственно за глухим, почему и между *П* и *Л* вставляется гласный. Суперация может происходить и другими путями: изменением *Л* в глухой *ЛЪ* или резкий *ЛI* – в зависимости от характера предшествующего и последующего звуков. Наконец, переход *П* в *Б* объясняется в данном случае влиянием кабардинского латерального *Л*: ср.: *латок* – *блэток* (СМОМПК. -Вып. 21. -Тифлис, 1896: 181, 192, 280).

В современном кабардинском литературном языке количество суперируемых комплексов все сокращается. Так, из приведенных примеров только незначительное число слов отражает при письме особенности их произношения в речи старшего поколения. Это касается слов, глубоко вошедших в язык до появления общенародной письменности, напр., *сэлэт*, *джыназ*, *чыристэн*, *джэрэфинэ*, *шивор*, *дэрэбинэ* и т. п., ср. современные кабардинские формы: *спектакль*, *кадр*, *литр*, *взнос*, *протокол*, *октябрь*, *кнопка*, *грек* и т. п.

10.9. Другие звуковые изменения заимствованных слов

В кабардино-черкесском языке, как во всех адыгских языках и диалектах, имеют место следующие фонетические изменения: регрессивная ассимиляция, диссимиляция, метатеза, фонетическая замена одного звука другим, эпентезирование, протезирование и очень редко прогрессивная ассимиляция, которые в той или иной степени распространяются и на заимствованные слова. Кроме того, фонетическое освоение русских слов сопровождается и другими изменениями, что объясняется наличием в усваиваемых иноязычных словах чуждых для кабардино-черкесского языка звуков или звуковых комплексов. Рассмотрим эти звуковые изменения более подробно.

1) Регрессивная ассимиляция: *бутылка – птулъклэ, пальто – пэлъто, атлас – алътес, платок – бэлътоку, порядок – пэратлклэ*; ср. *лавка – лафклэ, кружка – клурушклэ, ложка – лошклэ*, которые сохранили русское произношение ассимилируемых звуков.

2) Прогрессивная ассимиляция – уже редкое явление в самих кабардино-черкесских словах, но факт его наличия подтверждается характером изменений русских слов: *туфли – туфлэ, дышло – дишлэ, бритва – бритфэ, капля – кланлэ, общество – Иншустфэ, словарь – слэвар, Света – Сфетэ*. В кабардино-черкесском языке нет таких комплексов согласных, как *ФЛ, ПЛ, ТВ, СВ, СЛ, ШЛ*, чем вызван переход *ФЛ* в *ФЛЪ*, *ТВ* в *ТФ*, *СВ* в *СФ*, *ШЛ* в *ШЛЪ* и т.д.

3) Диссимиляция: *самовар – сэнвар, автомобиль – уст. хээфтэнэбил, коридор (рус.диал. калидор) – клэлындор*; ср.: араб. *зарар* – каб.-черк. *зэран* «вред, ущерб, помеха», *маймун – номин* «обезьяна»; ср. рус. диал. *левольвер, секлетарь, лаболатория, дилектор* и т.п.

4) Метатеза (перестановка звуков): *атлас – алътэс*; рус. *медальон – уст. мэлэдон, шоссе – сэшей, известка – сивостклэ, грубиян – гурбиян, грузин – гуырзин, трудодень – турдэдэн, диал. картоф – клэнтлроф, сажни – санжэ*.

5) Фонетическая замена одного звука другим: *абрикос – Избликос, постромка – пэстронклэ, туфли – уст. туплэ, крепдешин – кремдэшин, лопатка (диал. лапанка) – лэпланклэ*.

6) Апокопа: (отпадение конечного безударного гласного, не связанное с ударением): *газета – клэзет, котлета – клэтлет, конфета – клэнфет, школа – шклуол, кастрюля – клэструл, минута – минут, секунда – секунд*. В этом фонетическом процессе нельзя исключить влияние южнорусского диалекта, где имеем *канахвет* (конфета) – *клэнфет, терраса – рус. диал. керас*.

7) Нарращение гласного в конце слова, не связанное с ударением: *барабан – бэрэбанэ, окоп – Изкопэ, медальон – мэлэдонэ*.

8) Синкопа (выпадение гласных), эклипсис, (выпадение согласных): а) *папироза – папрос, самопал – сэмплал, самовар – сэнвар, табуретка – тэбретклэ*; б) *солдат – сэлэт, серник – сеныч, подошва – пэдош, гарнец (укр. гарець) – гарц, штукатурка – шыклэтур* (ср.рус. простореч. *шекатурка*) и т. п. Выпадение согласных в этих примерах объясняется стремлением кабардинского языка к суперации нехарактерных комплексов согласных (*ЛД, РН, ШТ, ШВ*).

9) Появление эпентезы (паразитического, т.е. неэтимологического звука): *цепь – церп, машина – маршинэ, акация – кларц, сажни – уст. саржын, сажнэ*; ср. в южнорусском диалекте: *энтот – этот, кандриль – кадрийль, кумпол – купол, калиндор – коридор*.

10) Нарращение согласных (эфельцистический, эвфонический звук, возникший для завершения или устранения зияния): *приз – призд, адрес – ладрыст, силос – силист*; ср. в рус. простореч. *крант, плант*, которые отдельными учеными объясняются влиянием аналогии (*винт, бинт, бант, рант, лист*). Очевидно, этим объясняется и появление согласного в кабардинских вариантах, поддерживаемых формами (кроме приведенных): *шэнт* «стул», *вынд* «ворон», *араунт* «арвант», *жинт* «обложка, переплет книги».

11) Отпадение согласных в конце слова: *батист – батис, четверть – шэтвэр, честь – чес, крест – чрес*. Это результат редукции согласных, находящихся в абсолютном конце – после согласного.

12) Отпадение гласных и согласных в начале слова: а) *акация – кларц, эшелон – шэлон, электричество – лэтрисфэ, элеватор – ливатыр*; б) *Екатеринодар (диал. Катилиндар) – Клэтринэдар, екатериновка – (диал. катериновка) – клэтринэ (ахъшэ), Варшава – Аршавэ, глицерин (овый) – лэцыринэ* (ср. *лэцыринэ сабын – глицериновое мыло*), *велосипед (диал. лисапед) лисапет*.

13) Контаминация (образование нового слова путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями): *пистон + патрон > пыриспон* (ср. русск. простореч. *огромный < громадный + огромный, детск. гребешёска < гребешок + расчёска*).

Приведенные факты свидетельствуют, что значительным фонетическим изменениям подверглись русские заимствования, усвоенные в дописьменный период. Это и понятно. Дело в том, что имела лишь одна возможность заимствования – на слух, через устную речь, чего, разумеется далеко не достаточно для точного запоминания

звучания слов и адекватного их воспроизведения и употребления в заимствующем языке. В этих изменениях важно иметь в виду неясность морфологического состава для носителей заимствующего языка и участие так называемой народной этимологии.

Что же касается усваиваемых в письменный период русских слов и терминов, то следует заметить, что изменения в них незначительны, особенно в области орфографии, которая в основном придерживается принципа максимального приближения заимствований форме звучания в источнике, т. е. минимального их изменения.

Изучение фонетической ассимиляции русских заимствований показывает, что в недавнем прошлом в кабардинском языке не было сонорных *Л, Ль*, звонкого взрывного *Г*, глухого заднеязычного *К* и мягкого шипящего *Щ*, которые усваиваются вместе с заимствованиями из русского языка. В заимствующем языке нет также противопоставления согласных фонем по мягкости и твёрдости. Кабардинский звук *В* существенно отличается от русского двухприродного *В*.

В системе вокализма кабардино-черкесского языка господствующими были и остаются краткие *Э* и *Ы*. В процессе дальнейшего развития фонетической системы по своим внутренним законам, а также под влиянием русского и других языков в кабардинском возникают долгие гласные, что породило противопоставленность гласных друг другу, т. е. кратких долгим.

Таким образом, важным результатом русского влияния на кабардинский язык следует считать закрепление в заимствованиях нехарактерных звуков, которые в дописьменный период сплошь и рядом подвергались субституции. К ним относятся вышеотмеченные *К, Щ, Г*, сонорные *Л, Ль*, которые получили в заимствованной лексике кабардино-черкесского языка широкое распространение (ср. *Кашиф, кыржын, кыщмыш, кнутI, роль, борщ, Щедрин, Гоголь, щёткIэ* и др.). Обращает на себя внимание тенденция к сохранению в русских заимствованиях и ряда других мягких согласных. Напр.: *Баксанёнок – БахъсэнёнкIэ, огонёк – Iгэзнёк, шофер – шафёр, сапер – сепёр, химия – химйэ, стипендия – стипендйэ, сочинение – сочиненйэ, история – исторйэ* и др. Любопытно отметить, что в кабардинском междометии понукания лошадей *НУА* (ср. русск. «но»), как и в *н'йау* (ср. русск. «мяу») произносится мягкий сонант *н'*. В результате русского влияния в заимствованной лексике сохраняется также множество звуковых комплексов как гласных, так и согласных, ранее суперировавшихся (подвергавшихся замене) кабардинским языком. Напр.: *КЛ* (класс), *ПЛ* (плащ), *ФЛ* (флаг), *СВ* (Светэ), *ТВ* (творчествэ), *ЖД* (Жданов), *КВ* (квартет) и др.; *ИО* (патриот), *ИА* (гениальнэ), *УА* (буржуа), *ОА* (коалицэ), *ОУ* (клоун), *ЕА* (театр), *ЕО* (идеолог) и др. Кабардино-черкесский язык пополнился значительным числом слов с начальными *Р, И, Э, О, У*, которые отсутствовали и отсутствуют опять-таки в исконном материале. Наконец, важным результатом русского влияния следует считать усвоение характерной акцентологии заимствуемых слов, т. е. сохранение ударения источника. Это касается преимущественно русских заимствований, проникших в кабардино-черкесский язык в письменный период его развития. Правда, акцентологическая система кабардинского языка заметно была задета еще раньше влиянием арабского, тюркских, иранских языков. Ср. араб. *аркъэ* «водка», *зинэ* «внебрачная связь», *къэхълэ* «блудница», *арэзы* «довольный», *фейдэ* «польза, выгода», тюрк. *щухъэ* «трико», *сату* «торговля», *жасы* «поздний вечер, ночная пятая молитва у мусульман», *угъурлы* «добрый», *ету* «утюг», *быру* «бурав»; перс. *апэсы* «20-копеечная монета», *куэсэ* «безбородый», *тэрэзэ* «весы» и мн.др. Лексических единиц с таким акцентологическим обликом нет в исконном материале кабардино-черкесского языка.

Исходя из специфики фонетического освоения русских заимствований, можно судить об источниках этих слов. Так, отсутствие примеров с безударными *О, Е(Э), Я(А)*, а также фактов перехода *О* в *У, Т* в *Ц* и т.п. свидетельствует о том, что источником устных русских заимствований для кабардинского языка обычно не служили русские говоры с оканьем, ёканьем, яканьем, уканьем и цоканьем. В усвоенной лексике отразились в основном только особенности говоров тех южнорусских станиц – кубанских, терских, геребенских и донских казаков, – а также частично украинского языка, для которых характерны аканье, иканье и фрикативное произношение *Г* и др. За редкими исключениями (ср. напр., малк. гов. *мэшоку* из «мяшок») отмеченные южнорусские диалектальные черты последовательно наблюдаются в русских заимствованиях

кабардинского языка. Имеющиеся отдельные случаи отклонения или спорадического отражения этих черт объясняются тем, что процесс заимствования совершался в течение продолжительного времени, когда могли проникнуть в перенимающий язык некоторые слова с особенностями других говоров. Следует при этом учесть также известную неоднородность казачьих говоров, сочетающих в себе черты как южновеликорусского, так и средневеликорусского диалектов. И, наконец, не исключена возможность вмешательства в этот процесс как других языков, так и различных психологических, социальных факторов, влияния аналогии, что не может не вызвать ряд форм, связанных с контаминацией, паронимической аттракцией, языковой модой, явлениями эвфемистического и какофемистического характера.

Анализ дописанных русских заимствований в кабардино-черкесском языке свидетельствует о южнорусском их происхождении, что подтверждается и многочисленными лексическими данными (ср. *макуха, полова, серники, фотоген, баз, драбина, инарал, финарь, фершал, фатера, ванда, арвант* и др.). Последнее обстоятельство важно подчеркнуть еще и потому, что «южновеликорусские говоры сильно отличаются от северновеликорусских и в лексическом отношении» (Кузнецов 1960:149) и что в целом «лексика в русском литературном языке доказывает больше совпадений с северными диалектами, чем с южными» (Реформатский 1967:515).

11. Фонетический тип корня, основы

В кабардино-черкесском языке встречаются разные модели корня – односложные и многосложные. Статус кабардино-черкесского корня получают не только односложные (двухбуквенные и трехбуквенные) образования типа *лы* «мясо», *псы* «вода», но также многосложные образования.

В синхронном плане можно выделить следующие основные типы корневых морфем¹:

1. CV: *нэ* «глаз», *дэ* «орех», *хьэ* «собака», *мэ* «запах», *шэ* «молоко», *лэ* «рука».
2. CV₁: *гуы* (орф. *гу*) «сердце», *ллы* «мужчина», *лы* «мясо», *вы* «вол», *хы* «море», *цы* «шерсть».
3. CCV: *цхьэ* «голова», *псэ* «душа», *пхьэ* «дерево», *бжэ* «дверь», *пцэ* «шея», *пшэ* «облако».
4. CCV₁: *псы* «вода», *пхьуы* (орф. *пхьу*) «дочь», *пллы* (орф. *пллы*) «четыре», *тхы* «спина».
5. CVC: *пэж* «правда», *джэгу* «игра»
6. CV₁C: *мыл* «лед», *уыд* (орф. *уд*) «ведьма», *сыдж* «наковальня», *дыд* «шило».
7. CVCV: *хьэццлэ* «гость», *хьэдэ* «труп», *хьэсэ* «огород», *хьэлэ* «клин», *лэзэ* «знахарь», *лэджэ* «много».
8. CV₁CV: *дыццэ* «золото», *мыццэ* «медведь», *ныбэ* «живот», *уыжьэ* (орф. *ужьэ*) «ласка», *уынэ* (орф. *унэ*) «дом», *гьуыдэ* (орф. *гьудэ*) «овод»
9. CV₂CV: *джанэ* «рубашка», *мазэ* «луна», *махуэ* «день», *банэ* «колючий», *дахэ* «красивый», *уанэ* «седло».
10. CC₂CV: *нццлэццэ* (орф. *нццлэццэ*) «девушка».

12. Слог

В потоке речи выделяются слоги. В центре слога стоит слогообразующий звук. В этой роли в кабардино-черкесском языке выступают лишь гласные.

В кабардино-черкесском языке речевой поток довольно свободно делится на слоги: *ма-хуэ* «день», *ццлы-ма-хуэ* «зима», *лэ-жьы-гьэ* «работа», *да-мэ* «крыло», *ццла-кхьуэ* «хлеб», *ца-клуэ* «охотник», *ма-жэ* «бежит», *бгьэ-до-хьэ* «подходит». Это достигается чередованием в слове согласных и гласных, которое обусловлено тем, что многосложные слова в большинстве своем представляют собой комбинацию односложных основ, сочетание простейших корней и аффиксов.

Если в словах оказывается больше согласных, чем гласных, то с каждым неударным гласным чаще всего сочетается один согласный, а с ударным – два и больше, например: *лэ-мьж* «мост», *хьэ-мэш* «ток», *тэ-макь* «горло», *джэ-дыгу* «шуба», *шэ-мэдж* «коса», *кьэ-клуэж* «вернись», *кьы-зэт* «мне дай».

Если в середине слова встречается стечение двух и более согласных, то деление на слоги зависит от места ударного гласного по отношению к сочетанию согласных и от силы самого ударения. Если гласный под сильным ударением предшествует стечению согласных, то к нему отходят все согласные кроме одного, необходимого для образования следующего слога: *nlac-тэ* «каша», *манс-чэ* «кашляет», *мэ-nlact-хэз* «царапается».

Если же гласный с сильным ударением следует за стечением согласных, то к нему отходит только один согласный: *кэзт-макэ* «сумка», *уэн-жакэ* «труба», *сынлэст-хэащ* «царапал».

В словах со слабым ударением согласные, находящиеся между гласными, частью отходят к ударному слогу, частью – к неударному: *куэн-щы-бэ* «корсет», *дэр-бээр* «портной», *тхээм-щылыгэу* «печень». В потоке речи служебные слова обычно сливаются с знаменательными, и деление слогов происходит по общим правилам: *кэуэ-жап-щэ* «верхняя часть села», *бжэ-кэуагэ* «угол». В атрибутивных сочетаниях стираются границы слов, и деление слогов происходит по нормам отдельного слова: *щла-лэфI* «хороший парень», *мы-Iэ-ры-сэфI* «хорошее яблоко», *жы-гыш-хуэ* «большое дерево».

По своему строению слоги подразделяются на: открытые *ха-дэ* «огород», *да-мэ* «крыло», *джа-тэ* «сабля»; закрытые *макэ* «голос», *джэд* «курица», *мэж-джыт* «мечеть»; неприкрытые *а-дэ* «отец», *а-нэ* «мать», *а-жэ* «козел», *а-да-кэз* «петух».

13. Орфоэпия

Орфоэпия – это совокупность норм литературного произношения. Она складывается в процессе становления литературного языка. Литературный язык вырабатывает свои произносительные нормы на базе того диалекта, который лежит в его основе. Кроме того, в результате взаимодействия диалектов и литературного языка в кабардино-черкесскую орфоэпию проникают и отдельные произносительные нормы из других диалектов.

Кабардино-черкесская орфоэпия находится в стадии становления. Однако уже можно говорить об определенных ее нормах.

В основе кабардино-черкесской орфоэпии лежат произносительные нормы баксанского диалекта, сыгравшего главную роль в формировании литературного языка.

Важнейшей нормой кабардино-черкесской орфоэпии является слитное произношение атрибутивных сочетаний, например: *щIэлэдахэ* «красивый парень», *мэхуэхуабэ* «теплый день», *хэмэпсалэз* «чужое слово», *вэкэзгэуанэ* «дырявая обувь». При слитном произношении долгие гласные первых компонентов попадают в безударное положение и переходят в краткие, что отражено в написании приведенных выше примеров.

Литературная норма требует аффикатного произношения фонем *г//дж*, *к//ч*, *кI//чI*: *джанэ* «рубашка», *джабэ* «бок», *джатэ* «меч», *сыдж* «наковальня», *чы* «хворост», *чэ* «селезенка», *фоч* «ружье», *псчэ* «кашель», *чIэ* «хвост», *чIапэ* «курдюк», *лэзчIэн* «лодыжка».

К орфоэпическим нормам относится также отчетливое произношение в суффиксе множественного числа щелевого согласного *х*, который в разговорной речи переходит в *h*: *унэхэр* «дома», *цIыхухэр* «люди», *тхылгэхэр* «книги», *макIуэхэр* «идут». Сохраняется также абруптив *кэ* в суффиксах отрицания и вопросительного наклонения: *щыскэым* «не сидит», *жыгкэым* «не дерево», *дахэкэым* «не красивый», *щыткэз?* «не стоит?» В разговорной речи в этих формах отмечается замена фарингального абруптива *кэ* ларингальным *I*: *щысIым*, *жыгIым*, *дахэIым* и т.д.

В литературном произношении отражаются количественные изменения гласных, связанные с позицией по отношению к ударению: редукция в безударных позициях и удлинение под ударением, например: *хадэ* «сад» – *хэдапщIэ* «прополка», *хамэ* «чужой» – *хэмэлI* «чужой человек», *уэлбанэ* «дождь» – *уэлбэнэрилэ* «дождливый».

Качественные изменения гласных под влиянием соседних согласных также влияют на произношение гласных: *гэуогу* «дорога», *Iуоху* «дело», *хэуохэу* «здравница». В этих словах гласная *э* произносится с лабиализацией (как *о*) под влиянием смежных лабиализованных согласных.

Глава третья. МОРФОЛОГИЯ

1. Общая характеристика морфологической системы

По степени сложности систем словообразования и словоизменения имя и глагол образуют как бы два полюса. Имя по сравнению с глаголом имеет относительно простую структуру. Имена существительные обладают грамматическими формами числа, определенности-неопределенности, падежа, притяжательности и союзности. Все эти грамматические формы, за исключением притяжательности, выражаются посредством суффиксальных морфем. Для выражения притяжательности используется префиксация. Ср.: *унэ* «дом», *унэхэр* «дома», *унэр* «дом» (определенный, известный), *уыни* «и дом» (союзная форма); *шы* «конь», *сиш* «мой конь», *лэ* «рука», *силэ* «моя рука».

Разграничение основных двух падежей – именительного и эргативного – связано с характером глагольной основы. Переходный глагол создает эргативную конструкцию, а непереходный – номинативную, например: *абы тхылгыр кышэжуащ* «он книгу купил» (*абы* «он» – эрг. пад., *тхылгыр* «книга» – им. пад., *кышэжуащ* – перех. глагол); *ар мэлэжэ* «он работает» (*ар* «он» – им. пад., *мэлэжэ* – неперех. глагол).

От имен существительных не очень четко с морфологической точки зрения отграничиваются прилагательные. Последние имеют степени сравнения – положительную, сравнительную и превосходную. Степени сравнения выражаются двумя способами: синтетическим (вернее суффиксальным) и аналитическим, например: *лэфышэ* «слишком сладкий», *нэхэ лэф* «более сладкий», *нэхэ лэф дидэ* «самый сладкий».

Производные имена образуются посредством аффиксации, слово-сложения и конверсии, например: *цыху-гэ* «человечность» (суффиксация); *джэдкэз* «домашняя птица» (*джэд* «курица», *кэз* «гусь»), *псчэ* «кашель» от *псчэ-н* «кашлять» (конверсия). Наиболее продуктивным из указанных способов именного словообразования является словосложение. Из аффиксальных типов словообразования в именах действует только суффиксальный. Отметим, что суффиксальное словообразование характерно в основном для имен существительных. Что же касается словообразовательных суффиксов прилагательных, то они очень немногочисленны, причем наиболее продуктивные из них не полностью подверглись грамматизации.

В сочетаниях «существительное + существительное», «существительное + прилагательное» суффиксы словоизменения присоединяются только к постпозитивному члену, например: *лхэ унэ-хэ-р* «деревянные дома», *унэ дахэ-хэ-р* «красивые дома», (-хэ – суффикс множ.ч., -р – суффикс им. пад.).

Глагол имеет исключительно богатую и сложную систему форм словоизменения и словообразования. В глаголе наиболее четко проявляются типологические особенности кабардино-черкесского языка.

В парадигматическом плане различаются: переходные и непереходные глаголы, динамические и статические глаголы, финитные и инфинитные глаголы. Грамматическое значение глагольной основы определяет парадигмы спряжения и строй предложения в целом. Основы первичных статических глаголов, в отличие от основ динамических глаголов, входят в закрытый список, т. е. количественно ограничены. В парадигму статических глаголов могут включаться именные основы без каких-либо основообразующих морфем. Ср., например: *у-щлалэ-тэ-мэ* «если бы ты был юношей» (*у* – префикс субъекта 2-го лица ед. ч., *щлалэ* – основа слова «юноша», *-тэ* – временной суффикс, *-мэ* – суффикс условного наклонения). Это свидетельствует о слабой морфологической дифференциации именных и глагольных основ. В синхронном плане имеются основы, являющиеся нейтральными в отношении их принадлежности к именным и глагольным основам. От таких основ образуются формы имен существительных и глаголов (статических и динамических). Ср. *джэгу* «игра», *со-джэгу* «я играю», *ар джэгу-щ* «это игра».

Глаголы характеризуются аффиксами лица (субъекта, прямого объекта, косвенного объекта), числа, союзности, отрицания, времени, наклонения, каузатива, версии, возможности, соучастия, взаимности, совместности, возвратности, локативными и направительными превербами, модальными частицами и т.д. Отличительной особенностью глагола являются также обстоятельственные формы, функционально

эквивалентные придаточным предложениям. Речь идет о морфологических формах типа *сы-зэрыкIуэр* «как я иду», *сы-зэрыкIуэ-у* «как только я пойду», *сы-зэры-кIуэ-рэ* «с тех пор, как я пошел», *сы-здэ-кIуэ-р* «куда я иду», *сы-щIэ-кIуэ-р* «почему я иду», *сы-щы-кIуэ-р* «когда я иду», *сы-кIуэ-ху* «пока я пойду».

Формы лица, версии, динамичности, соучастия, взаимности, совместности, а также место действия выражаются префиксами, например: *с-о-кIуэ* «я иду», *у-о-кIуэ* «ты идешь», *сы-ху-о-кIуэ* «я иду для него», *сы-до-кIуэ* «я иду вместе с ним», *ды-зд-о-кIуэ* «мы идем вместе», *ды-зэр-о-лъагъу* «мы видимся», *сы-те-с-щ* «я сижу на чем-то».

Формы времени, наклонения и союзности выражаются суффиксами, например: *сы-кIу-а-щ* «я пошел», *сы-кIу-а-мэ* «если бы я пошел», *сы-кIуэ-ри* «я пошел и».

Формы отрицания и возможности могут быть выражены префиксальным и суффиксальным способом, ср. *сы-мы-кIуэ* «я не иду» (*мы-* – префикс отрицания), *сы-кIуэр-къым* (*-къым* – суффикс отрицания), *с-хуэ-хъынщ* «я смогу нести» (*хуэ-* – префикс возможности), *сы-кIуэ-фын-щ* «я могу идти» (*-фын* – суффикс возможности).

Направление действия выражается префиксальным и префиксально-суффиксальным способом, например: *сы-къы-о-кIуэ* «я иду сюда» (*къ(э)-* префикс направления), *сы-д-о-кIуэ-й* «я поднимаюсь» (*д(э)-* – префикс направления, *-й(ы)* – суффикс направления).

Для выражения обстоятельственных форм применяются различные способы – префиксальный, суффиксальный и префиксально-суффиксальный, например: *зэр-и-тхыр* «как он пишет» [*зэр-* – префикс в значении «как»], *и-тхы-ху* «пока он пишет» (*-ху* – суффикс в значении «пока»), *зэр-и-тхы-у* «как только он напишет» [префикс *зэр-* и суффикс *-у* в значении «как только»*].

Глагольная словоформа может быть одноморфемной, ср. *жэ* «беги!», *тхы!* «пиши!» Но глагол в целом характеризуется высокой степенью синтеза.

Процесс обрастания корневой морфемы аффиксальными элементами (префиксами и суффиксами) можно продемонстрировать на следующем примере:

у-а-къы-д-е-з-гъэ-шэ-жы-ф-а-тэ-къым

«я не смог заставить его тогда вести тебя с ними сюда»

В последней словоформе корневая морфема *шэ* «вести» осложнена двенадцатью аффиксальными элементами – семью префиксами и пятью суффиксами: *у-* – префикс прямого объекта 2-го л. ед. ч., *а-* – префикс косвенного объекта 3-го лица мн.ч., *къы-* – направительный префикс «сюда», *д-* – префикс союзности, *е-* – префикс объекта 3-го л. ед. ч., *з-* – префикс субъекта 1-го л. ед. ч., *гъэ-* – каузативный префикс, *шэ* – корневая морфема «вести», *-ж(ы)* – возвратный суффикс, *-ф* – суффикс возможности действия, *-а* – суффикс прошедшего времени, *-тэ* – суффикс прошедшего времени, *-къым* – отрицательный суффикс.

Нетрудно заметить, что синтетизм проявляется как при словоизменении (в формах выражения субъектно-объектных отношений, времени и наклонения), так и при словообразовании (в структуре производной основы). Иначе говоря, синтетизм в кабардино-черкесском языке – это не только синтаксический прием, используемый для передачи субъектно-объектных отношений между членами предложения, но также и морфологический прием деривации глагольной основы. Полисинтетическая форма – это строгая последовательность морфем словоизменения и словообразования (точнее – основообразования) в пределах слова.

Полисинтетическая форма может быть образована путем агглютинации, например: *у-е-с-ты-н-щ* «тебя ему я отдам». В этом образовании морфемы моносемантчны и границы между ними прозрачны. Другими словами, налицо всё то, что в традиционной грамматике считается наиболее характерным для языков агглютинативного типа. Это дает основание говорить, что агглютинация в кабардино-черкесском языке проявляется в рамках полисинтетического глагола.

Вместе с тем нужно отметить, что отношения между конститутивными элементами полисинтетического образования отнюдь не являются только агглютинативными. В полисинтетическом комплексе перекрещиваются различные типологические признаки. Удельный вес каждого из них определяется структурой производной основы. Так, агглютинация может сочетаться с флексией и инкорпорацией. Например, в

полисинтетических агглютинативно-флективных образованиях *у-къы-хэ-з-дз-ы-м* «если я тебя выброшу оттуда», *у-къы-хэ-з-дз-э-м* «если я тебя брошу туда», аблаутное чередование гласных основы (*дзы:дзэ*) приобретает морфологическую значимость.

Флексия в системе глагола может переплетаться с агглютинацией: морфологизация чередования гласных в глагольном словообразовании происходит лишь в синтетических (аффиксальных) основах, конститутивные элементы которых связаны агглютинацией. Иными словами, в основообразовании глагола флексия всегда предполагает наличие агглютинаций (чередование *дзы: дзэ* возможно лишь в том случае, если одноморфемные корни типа *дзы* «бросить» осложнены основообразующими признаками). Но обратная связь между флексией и агглютинацией исключена: агглютинация не обязательно предполагает флексию в основе (ср. *сы-клуэ-гъ-а-тэ-мэ* «если бы я тогда пошел»).

Вместе с тем следует отметить, что в кабардино-черкесском языке значимое чередование не относится к явлениям морфологической избыточности. Связь значимого чередования гласных с аффиксацией имеет место лишь на деривационном уровне (в производных основах). Что же касается словоизменительного уровня, то здесь значимое чередование служит единственным средством для противопоставления различных морфологических единиц. Так, например, переходные и непереходные глаголы противопоставляются путем чередования гласных в корневых морфемах (настоящее время), в аффиксальных морфемах (прошедшее время), в корневых и аффиксальных морфемах (будущее время), например: *с-о-тхыр* «я пишу что-то», *с-о-тхэ-р* «я пишу» (неперех.), *с-тх-а-щ* «я написал что-то», *сы-тхэ-ну-щ* «я буду писать» (неперех.) *.

Весьма продуктивны полисинтетические образования, в которых агглютинация переплетается с инкорпорацией. Например: *сы-щхээдэ-бэкъу-х-а-щ* «я перешагнул через что-либо» (*сы-* – личный префикс субъекта 1-го л. ед. ч., *щхээдэ-бэкъуэ-х* – производная основа, образованная путем инкорпорирования самостоятельной основы глагола *бэкъуэ-н* «шагать» в состав прерывистой основы *щхээдэ...х*, *-а* – суффикс прошедшего времени, *-щ* – утвердительный суффикс (настоящего времени)).

Полисинтетизм может осуществляться также путем сложения и аффиксации, ср.: *у-е-щхээфэ-уэ-ну-т* «ты хотел бы ударить его по голове» [*у-* – личный префикс субъекта 2-го л. ед. ч., *е-* – личный префикс косвенного объекта 3-го л. ед. ч., *щхээфэ* «кожа головы» + *уэ(н)* «бить», *-ну* – суффикс будущего времени, *-т* – суффикс прошедшего времени].

Приведенные примеры показывают, что в кабардино-черкесском языке полисинтетизм создается различными средствами. Однако во всех случаях в полисинтетическом образовании налицо агглютинация. Наряду с чисто агглютинативным способом образования полисинтетического комплекса имеются смешанные способы: агглютинация+флексия, агглютинация+инкорпорация, агглютинация+сложение основ.

В кабардино-черкесском языке имеются категории местоимений, числительных и наречий.

Слова, относящиеся к классу местоимений, по своему значению делятся на личные, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные и неопределенные. В кабардино-черкесском языке отсутствуют отрицательные местоимения: отрицание выражается синтетически в глаголе. Характерной чертой кабардино-черкесского языка является отсутствие в личных местоимениях противопоставления «номинатив:эргатив». Подлежащее, выраженное личным местоимением, как при переходных, так и при непереходных глаголах имеет нулевую форму, например: *сэ сощI* «я делаю», *сэ соклуэ* «я иду». Это явление можно отнести к древнейшему состоянию языка-основы. Отсутствуют, точнее – исчезли, личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа. Для выражения значения 3-го лица используются указательные местоимения. От личных местоимений 3-го лица сохранились притяжательные префиксы 3-го лица *и* «его», *я* (*йа*) «их».

По своему значению числительные подразделяются на количественные, кратные, порядковые, разделительные и дробные. Имеются две системы счета: десятиричная и двадцатеричная, ср. *щэщI – тлощIрэ нщIырэ* «тридцать». В живом разговорном языке более употребительна двадцатеричная система. Количественные числительные, за исключением *зы* «один», в сочетании с существительным стоят в постпозиции, например: *щIыху тлощI* «двадцать человек». Числительное *зы* «один» выступает как

препозитивный член, например: *зы цыху* «один человек». В сочетании «существительное+числительное» суффиксы словоизменения принимает только числительное, например: *цыху тлощлым* «двадцать человек» (-м – окончание эргатива).

По своей морфологической структуре класс слов, относящихся к наречиям, очень разнороден. Этимологически наречия происходят от многих частей речи. Важным источником образования наречий являются словоизменительные формы слов, ср. *лыгъэкIэ* «насильно» (*лыгъэкIэ* «мужеством»). Адвербиализации подвергаются не только морфологические формы, но и синтаксические единицы – словосочетания, ср. *зымахуэ* «на днях» (*зымахуэ* «один день»).

Отдельную группу составляют служебные слова. К ним относятся: послелого, союзы и частицы. Послелого являются вторичными образованиями, т. е. исторически возводятся к различным частям речи. Но с точки зрения современных словообразовательных связей послелого делятся на простые и производные. Производные послелого разнородны, но большая часть их восходит к существительным с локальным значением. В отличие от союзов и частиц, для многих послелогов характерны формы словоизменения, ср. *си деж* «ко мне».

Союзы немногочисленны (для выражения соединительных и подчинительных связей в предложении используются также морфологические элементы). Бывают простые и производные союзы. Морфологическая структура производных союзов прозрачна: они возводятся к грамматическим формам полнозначных слов и различным словосочетаниям, ср. *арцхъэкIэ* «но», «однако».

В кабардино-черкесском языке имеются собственно частицы (частицы-слова) и частицы-прилепы (агглютинативные частицы). Последние по своей природе тяготеют к аффиксам формообразования. Многие частицы материально совпадают с союзами, местоимениями и наречиями, ср. *амIэ* «но» (союз), *амIэ* «да» (частица). В дистрибутивном плане различаются частицы препозитивные, постпозитивные и свободно перемещающиеся в предложении.

В особый класс слов выделяются междометия. По своей структуре междометия делятся на простые и производные, например: *уэху* обозначает скорбь, боль, злорадство, *фIыкIэ* «счастливо!» (прощальное приветствие) от слова *фIы* «хороший». Имеются «женские» и «мужские» междометия. Так, *анэ-гушэ*, обозначающее изумление, неодобрение, несогласие, употребляется исключительно в речи женщин. От междометий по своей семантике отличаются мимео-изобразительные слова. Последние служат для воспроизведения звука, шума, движения и т. д. Мимео-изобразительные слова являются одним из важных источников образования полнозначных слов, ср. *сысын* «качаться».

2. Структура основы

2.1. Фонетическая структура основы

Непроизводные в синхронном плане основы с точки зрения фонетической структуры делятся на несколько типов. Для краткости обозначим условно: С – согласный, Г – гласный э, Г₁ – гласный ы, Г₂ – гласный а. Наиболее характерны следующие типы непроизводных основ:

1. СГ, например: *нэ* «глаз», *Iэ* «рука», *цIэ* «новый», *сэ* «я», *кIуэ-н* «идти», *жэ-н* «бежать», *дэ-н* «шить».

2. СГ₁, например: *гуы* «сердце», *лзы* «кровь», *лы* «мужчина», *жбы* «старый», *зы* «один», *щIы-н* «делать», *хбы-н* «нести».

3. ССГ, например: *цхъэ* «голова», *пщэ* «шея», *цхъуэ* «зеленый», *плъэ-н* «смотреть», *лхуэ-н* «рожать», *пхэ-н* «связать».

4. ССГ₁, например: *тхы* «спина», *бгы* «талия», *пхъуы ** «дочь», *псы* «вода», *блы* «семь», *бзы-н* «резать», «кроить».

5. СГ₁СГ, например: *дыгъэ* «солнце», *уынэ* «дом», *мышэ* «медведь», *лбытэ-н* «считать», *жбыщIэ-н* «стирать».

6. СГСГ, например: *хъэщIэ* «гость», *хъэрэ* «буйвол», *хъэдэ* «покойник», *Iэнэ* «круглый столик на трех ножках», *Iэщэ* «оружие», *лэжъэ-н* «работать».

7. СГ₂СГ, например: *щIакIуэ* «бурка», *дахэ* «красивый», *хуабэ* «теплый», *махуэ* «день».

8. СГСГ₁, например: *джэгуы-н* «играть», *гъуэгы-н* «реветь», *щэгуы-н* «покупать».
9. СГС, например: *щэгу* «тайна», *лъэщ* «сильный», *джэгу* «игра», *хъэку* «печь».
10. СГ₁СГ₁, например: *плым-н* «давить», *сысы-н* «качаться».
11. СГ₁С, например: *цыху* «человек», *фыз* «женщина», *мыл* «лед», *шыгъу* «соль», *ныш* «убойный скот для праздничного стола».

Фонетическая структура производной основы очень разнообразна, хотя приведенный список далеко не исчерпывающий. Но такое разнообразие типов основы возможно только в синхронном плане.

Односложные открытые основы ССГ, ССГ₁, в которых имеет место стечение согласных, восходят к двусложным открытым основам, т. е. односложность является результатом полной редукции первого гласного основы.

Из приведенных типов основ исторически производными являются только основы первого и второго типов. Все остальные типы основ представляют собой либо сочетание корня с омертвелыми основообразующими аффиксами, либо сложение корней, происхождение которых стало неясным. Поэтому моноконсонантизм корней, который отмечается и в других абхазо-адыгских языках, также характерен для кабардино-черкесского языка в диахроническом плане.

Таким образом, корневыми гласными исторически могут быть только два: *э* и *ы*. Из согласных фонем в качестве корневого элемента в исконных словах никогда не встречается сонорный *р*.

2.2. Морфологическая структура основы

Основы слов с морфологической точки зрения делятся на следующие типы: а) членимые и нечленимые, б) производные и производные, в) прерывистые и непрерывистые, г) нейтральные и ненейтральные, д) свободные и несвободные.

2.2.1. Членимые и нечленимые основы

Основа считается членимой, если в ней можно выделить два или более морфологических элемента. Так, к членимым относятся основы слов *лмы-гъэ* «мужество» (корень *лмы*+суффикс *-гъэ*), *дэ-к1уэ-жы-н* «возвращаться вместе с кем-либо» (префикс *дэ*+ корень *к1уэ* + суфф. *-жы*). Членимыми являются также сложные основы, например: *псэмахэ* «слабый», «тщедушный» (корень *псэ*+корень *махэ*). В приведенных словах *лмыгъэ*, *дэ-к1уэ-жы-н*, *псэмахэ* морфемы *лмы* «мужчина», *к1уэ* «идти», *псэ* «душа», *махэ* «непрочный» являются корневыми, т.е. нечленимыми основами в синхронном плане.

Это не значит, однако, что понятия корневой морфемы и нечленимой основы идентичны. Как увидим ниже, эти понятия не совпадают. Членимые основы с течением времени могут оказаться нечленимыми вследствие деэтимологизации. Иначе говоря, вопрос о членимости и нечленимости основы следует решать в двух аспектах: диахроническом и синхроническом.

2.2.2. Производные и производные основы

Понятие производности основы нередко подменяется понятием членимости основы. Между тем эти понятия, как и соответствующие им термины, нельзя считать однозначными. Членимая основа всегда является производной. Но это положение необратимо: не всякая производная основа является членимой на значимые составные части. Так, слово *псчэ* «кашель» имеет производную основу, поскольку оно образовано способом конверсии от *псчэ-н* «кашлять». Но основа существительного *псчэ* «кашель» не может быть включена в число основ, обладающих признаком морфологического членения.

Следовательно, понятие производности основы шире понятия членимости основы, хотя в традиционной лингвистической литературе под термином «производные» основы понимаются только членимые основы. Отсюда вытекает, что слово имеет производную основу лишь в том случае, если оно не обладает морфологической членимостью и не

соотносится по конверсии с исходным словом. Основа существительного *псчэ* «кашель» относится к нечленимым основам. Но основа существительного *пхъэ* «дерево» является производным, поскольку *пхъэ* «дерево» не является конвертированным словом.

Итак, понятие производной основы шире понятия нечленимой основы, в то время как понятие производной основы уже понятия нечленимой основы. Нечленимые и производные основы всегда выступают как корневые морфемы. Иначе говоря, понятие корневой морфемы более емкое, чем понятие нечленимой основы и производной основы. Разграничение этих понятий и соответствующих им терминов крайне важно для описания структуры слова и словообразования различных классов слов.

2.2.3. Прерывистые и непрерывистые основы

Членимые по своей морфемной структуре могут быть (префиксальными, суффиксальными, префиксально-суффиксальными) и сложными. Компоненты членимых аффиксальных основ имен существительных компактны, т.е. между ними невозможно включение других морфем. Напротив, компоненты членимых аффиксальных основ глаголов могут быть дистантными. С точки зрения дистантности компонентов различаются два типа основ.

Основы первого типа допускают включение в свой состав лишь аффиксов словоизменения. Так, в основы переходных глаголов «локальный или направительный префикс+корневая морфема» включаются личные (словоизменительные) аффиксы, например: *къэ-хьы-н* «нести сюда», *къэ-с-хъ-ащ* «я принес сюда».

Основы второго типа допускают включение в свой состав других самостоятельных основ. Так, в состав членимой основы *зэхуэ-сын* «собратиться» инкорпорируется основа глагола *дзы-н* «бросить», образуется новый глагол *зэхуэ-дзы-сын* «сбросить в кучу». Основы типа *зэхуэ-сын* являются прерывистыми. В этой связи следует отметить, что прерывистыми могут быть и аффиксальные морфемы. Так, по традиции, глаголы типа *дэ-клуэ-и-н* «идти снизу вверх» рассматриваются как префиксально-суффиксальные образования. Но элементы *дэ-*, *-й* не только одновременно сочетаются с основой глагола, но имеют также общее значение, поскольку в современном кабардино-черкесском языке не представляется возможным установить значение каждого из них в разбираемом глаголе. Поэтому морфемные элементы *дэ-*, *-и* можно рассматривать как дистантный, прерывистый аффикс *дэ... и*. Но прерывистые аффиксы, компоненты которых в современном языке не значимы, единичны.

2.2.4. Нейтральные и ненейтральные основы

Слова *джэгу-н* «играть», *джэгу* «игра» образованы от одной и той же основы без применения каких-либо словообразовательных морфем. Основа *джэгу* в синхронном плане нейтральна с точки зрения ее принадлежности к именным или глагольным основам. Нейтральные основы полиморфны, т.е. они свободно включаются в словоизменительные парадигмы различных классов слов. В кабардино-черкесском языке встречаются различные типы нейтральных основ. По своей структуре нейтральные основы могут быть аффиксальными и сложными (см. ниже: Соотношение основы и слова).

Слова *тхылъ* «книга», *дахэ* «красивый», *щ/ы-н* «делать» в отличие от слова *джэгу* «игра» не соотносимы по конверсии со словами, принадлежащими другим классам. Основа каждого из приведенных слов закреплена за словом, входящим в определенный класс слов. Разумеется, в данном случае не принимается во внимание то обстоятельство, что от именных и глагольных основ без словообразовательных аффиксов образуются отдельные формы статического глагола, например: *мыр тхылъщ* «это есть книга», *мыр дахэщ* «этот есть красивый», по модели *мыр щысщ* «этот сидит», но невозможны формы *мыр тхылъынущ*, по модели *мыр щысынущ* «этот будет сидеть».

В соответствии со сказанным с синхронной точки зрения основа считается нейтральной в отношении ее принадлежности к именным и глагольным основам, если от нее образуются словоизменительные парадигмы существительных и динамических глаголов.

2.2.5. Свободные и несвободные основы

Основы слов в кабардино-черкесском языке делятся на свободные и несвободные (связанные). Свободные основы включаются в словоизменительную парадигму как в сочетании с другими корневыми и основообразующими морфемами, так и вне сочетания с ними, например: *ин* «большой», *иныщэ* «чрезмерно большой», *хы* «неси», *хыж* «неси обратно». Несвободные основы в дистрибутивном плане всегда связаны с другими основообразующими или корневыми морфемами. Так, основа *-сы* в значении «сидеть» связана с локальным превербом. Ср. *и-сы-н* «сидеть внутри», *те-сы-н* «сидеть на чем-либо». Несвободными (связанными) являются основы так называемых первичных статических глаголов. Эти основы не очень многочисленны. Но в сочетании с превербами и другими словообразовательными элементами глагола от них образуется множество самостоятельных основ. Основные связанные основы первичных статических глаголов следующие:

-*л(ы)*: *те-л(ы)-н* «лежать на поверхности чего-либо», *дэ-л(ы)-н* «лежать между чем-либо», *щлэ-л(ы)-н* «лежать внутри чего-либо»;

-*т(ы)*: *и-ты-н* «стоять внутри чего-либо», *бгэ-дэ-ты-н* «стоять возле, рядом», *щхэ-щы-ты-н* «стоять на верху чего-то»;

-*с(ы)*: *щы-сы-н* «сидеть», *дэ-сы-н* «сидеть внутри чего-нибудь», *клэ-ры-сы-н* «сидеть подле чего-то»;

-*гэ(э)*: *гуы-гэ-н* «надеяться, думать» (*гуы* «сердце»), *щхэ-ры-гэ-н* «быть надетым на голову» (*щхэ* «голова»), *л(ы)-гэ-н* «быть надетым на ноги» (*л(ы)<лэ* «нога»).

В сочетании с элементом *млэ-* основа статического глагола *=гэ(э)* образует сложную основу динамического глагола *-млэгэ*. Ср. *лэ-ры-млэ-гэ-н* «надевать на руку», *щхэ-ры-млэ-гэ-н* «надевать на голову», *л(ы)-млэ-гэ-н* «надевать на ноги», *щы-млэ-гэ-н* «надевать на себя»;

-*з(ы)*: *хэ-зы-н* «быть наполненным внутри чего-либо», Ср. *чей из фо* «полная кадка мёду», *дэ-зы-н* «быть наполненным между чем-либо»;

-*лэ*: *и-лэ-н* «иметь», *щы-лэ-н* «быть», «существовать».

Не имеют самостоятельного употребления и многие основы динамических глаголов. К ним относятся:

-*к(ы)*: *хэ-к(ы)-н* «выйти, выходить (из помещения)», *те-к(ы)-н* «пройти, проходить по поверхности чего-то», *блэ-к(ы)-н* «пройти, проходить мимо чего-то».

-*клэ*: *дэ-клэ-н* «залить, заливать что-нибудь чем-либо», *и-клэ-н* «вливать, налить чего-либо во что-либо». Семантическое расхождение между основами *-к(ы)* «идти» и *-клэ* «лить» слишком значительно, чтобы возвести их к одному источнику;

-*хэ*: *и-хэ-н* «войти, входить (в помещение)», *гуэ-хэ-н* «присоединиться к чему-либо», *флэ-хэ-н* «насадить». Ср. *и-хэ-н* «войти», *и-хэ-н* «внести»;

-*сы*: *кэ-сы-н* «прибыть», «приехать», *нэ-сы-н* «дойти, доехать». К производным глагольным основам *кэ-сы-(н)*, *нэ-сы-(н)* восходят предлоги *кэс*, *кэсклэ*, *нэс*, *нэсклэ*, которые имеют значение «до».

От основы *-сы* образуются глаголы, связанные с именем *уэс* «снег». Например, *кэе-сы-н* «выпасть, выпадать (о снеге)», *хэ-сэ-н* «выпасть, выпадать (о снеге) на что-либо», основа *-сы* и второй компонент имени *уэ-с* «снег» генетически связаны друг с другом (первый компонент *уэ-с* «снег» восходит к имени *уэ* «небесное пространство», которое сохранилось в этом значении). Аналогичную структуру имеют *кэе-шхы-н* «выпасть, выпадать (о дожде)». Основа глагола *кэе-шхы-н* «выпасть (о дожде)» и вторая часть сложной основы *уэ-шх* «дождь» генетически тождественны.

-*хы*: *и-хы-н* «вынести», «выносить», *блэхы-н* «нести мимо чего-либо», *пы-хы-н* «отпиливать», «отнимать», «ампутировать», *гуэ-хы-н* «отнимать, отобрать, отбирать», *щхэ-щы-хы-н* «снять, снимать сверху», *те-хы-н* «снять, снимать с поверхности чего-то»;

-*нлэ*: *те-нлэ-н* «накрыть, накрывать», *лу-нлэ-н* «закрыть, закрывать»;

-*чы*: *и-чы-н* «вырвать», «выдернуть», *щлэ-чы-н* «выдергивать», «выхватить из-под чего-либо». Ср.: *чэ-н* «трескаться», «лопаться», «лопнуть»;

-*у*: *и-у-н* «вдеть, вдевать», *щлэ-у-н* «продевать, продеть во что-либо»;

-*ly*: *хэ-ly-н* «вонзать», «воткнуть», «приколоть», *и-ly-н* «сунуть, всунуть внутрь чего-то», *дэ-ly-н* «заткнуть между чем-либо»;

-*lyэ*: *и-lyэ-н*, *кээ-lyэ-н* «назвать», «называть» (например, по фамилии), *дэ-lyэ-н* «слушать, послушаться», *лээ-lyэ-н* «просить, попросить»;

-*жыы*: *кээ-жыы-н* «рвать, вырвать», основа восходит к *жэ* «рот»;

-*нэ*: *хэ-нэ-н* «увязнуть», «застрять где-нибудь», *пы-нэ-н* «повиснуть» (например, на дереве); *зэцлэ-нэ-н* «загореться», «зажечься», *кэи-нэ-н* «оставить внутри чего-либо»;

-*mlэ*: *хэ-mlэ-н* «вкапывать, воткнуть что-либо в землю», *и-mlэ-н* «ставить торчком», *цлэ-mlэ-н* «закапывать», «закопать». Основа *-mlэ* сближается с именем *йа-mlэ* «земля», «грязь»;

-*кээ*: *цлэ-кээ-н* «опускать, опустить» (*цхьэр цлэкээн* «опустить голову»), *дэ-кээ-и-н* «поднимать», «задирать» (*и пэр дырекэей* «он свой нос задирает»);

-*цы*: *хэ-цы-н* «виднеться откуда-либо», *кэы-цлэ-цы-н* «виднеться из-под низу», *кэы-кlyэ-цлыцы-н* «виднеться изнутри чего».

Как мы видим, основы данного типа, являясь базой для образования новых слов, сочетаются с различными аффиксами. В кабардино-черкесском языке имеются связанные основы другого рода, а именно – основы, употребляющиеся с определенными аффиксами.

В особую группу выделяются глагольные основы, связанные с префиксальным элементом *е-(йэ)*. Ср., например: *е-фэ-н* «пить», *е-жэ-н* «пойти», «отправиться», *е-жэ-н* «ждать, дожидаться», *е-бэ-н* «наклоняться», «криниться», *е-хы-н* «сходить, сойти».

2.3. Дифференциация именных и глагольных основ

Слабое развитие основообразующих суффиксов в кабардино-черкесском языке органически связано с отсутствием четкой морфологической дифференциации именных и глагольных основ. Имя и глагол не всегда различаются по морфологической структуре основы. Одна и та же основа без изменения её морфологического строения может включаться в парадигмы разных частей речи. Морфологическая нейтральность основ создаёт возможность образования слов без использования каких-либо слово-образовательных аффиксов. В словообразовании важное место занимает безаффиксальное словообразование или конверсия. Сущность конверсии как словообразовательного типа определяется в основном соотношением именных и глагольных основ. Сравним следующие два предложения: *абы и псалгэ-р игъэпэжащ* «он оправдал свое слово», *ар иныу мэ-псалгэ* «он громко разговаривает».

В первом предложении *псалгэ* выступает как основа имени существительного, а во втором – как основа глагола. При этом образование имени существительного и глагола осуществляется без изменения основы или добавления каких-либо словообразовательных аффиксов. В первом предложении *псалгэ* имеет парадигму имени существительного (*и псалгэ-р* «его слово», *и-* притяжательный префикс, *псалгэ* – основа имени, *р* – формант именительного падежа), а во втором парадигму глагола (*мэ-псалгэ* «он разговаривает», *мэ-* – показатель субъекта 3-го лица непереходных глаголов, *псалгэ* – основа глагола).

Имя существительное и глагол, соотносительные по конверсии, различаются своей парадигмой. Но грамматическое оформление основы не всегда служит наглядным словообразовательным средством при конверсии. Дело в том, что имя существительное и глагол, образованные способом конверсии, не во всех своих формах отличаются друг от друга. Например, как в окружении глагола, так и в окружении имени существительного член обеих парадигм может быть выражен нулевым аффиксом. Ср. *хуэму псалгэ* «разговаривай медленно», *псалгэ птамэ гъэпэж* «если дал слово, то оправдай его». Нейтральная основа *псалгэ* как в первом окружении, так и во втором выступает в нулевой форме. Но нулевая форма свойственна только данным словоформам (2-му лицу единственного числа повелительного наклонения и неопределенной форме имени существительного), а не зависит от окружений, в которых они находятся. Первое окружение *хуэму* характерно для любой глагольной формы, в том числе для нулевой, а второе *...птамэ гъэпэж* – для некоторых форм существительного. Иными словами, грамматическая сочетаемость определяет принадлежность основы к тому или иному

парадигматическому классу.

Но конверсия возможна и внутри одного парадигматического класса слов. Например, в предложении *ар щаклуэ маклуэ* «он на охоту идет» слово *щаклуэ* – название места действия совпадает по форме со словом *щаклуэ* «охотник» (*щаклуэ-р маклуэ* «охотник идет»). Слово *щаклуэ* название лица или название места действия образуется от общей основы, совмещающей принадлежность не только к двум парадигматическим классам (ср. *ар мэ-щаклуэ* «он охотничает»), но и к разным словам в пределах одного парадигматического класса. При этом средством образования названия лица и названия места действия от нейтральной основы *щаклуэ* служит различие в сочетаемости этих слов внутри класса существительных. Если окружение *-р маклуэ* характерно для названия лица, то в окружении *-м маклуэ* может употребляться только название места действия. Сама по себе основа *щаклуэ* в синхронном плане является нейтральной в отношении ее принадлежности к именным и глагольным основам, хотя исторически между словами *щаклуэ* «охотник», *щэклуэ-н* «охотничать», *щаклуэ* «охота» можно установить отношение производности и непроизводности.

При конверсии не все явления могут быть равноценными, одинаково продуктивными и устойчивыми. При конверсии мы часто имеем дело не только с ареальными, но переходными, незавершенными явлениями, находящимися в развитии. Одни основы (а их немало) проходят через всю систему грамматических форм существительных и глаголов. Другие, обладая всеми грамматическими формами одного класса, имеют ограниченный потенциал сочетаемости и неполную парадигму другого класса. Многие основы нередко образуют словообразовательное гнездо, состоящее из трех членов: существительное, обозначающее лицо или место действия, и глагол. Но не все члены словообразовательного гнезда закрепляются во всех морфологических формах имен существительных и глаголов. Некоторые основы начинают только втягиваться в орбиту второго парадигматического класса под давлением системы. Соотношение производности и непроизводности слов, соотносительных по конверсии, оказывается также разнообразным для разных семантических групп. Действие и результаты конверсии не всегда одинаковы. Ср., например: *пхъащлэ-р къэклуащ* «плотник пришел»; *сэ со-пхъащлэ* «я плотничаю»; *ар пхъащлэ-м маклуэ* «он идет в плотницкую мастерскую».

При строго синхронном анализе словообразовательных явлений основа *пхъащлэ*, которая функционирует в различных парадигмах, является нейтральной. Но в диахроническом плане здесь устанавливается отношение между производящей сложной основой и производными от нее словами. Так, наличие в языке структурно однотипных имен (например: *хъэкущлэ* «печник», *уэнащлэ* «седельник», *фащлэ* «шорник», *гъуэплъащлэ* «медник», *луэхущлэ* «служащий»), которые не являются членами соотносительной пары, свидетельствует о производном характере глагола в словообразовательном гнезде *пхъащлэ* «плотник» – *пхъэщлэ-н* «плотничать». В паре слов *пхъащлэ* «плотник» и *пхъащлэ* «место работы плотников» название деятеля является первичным, а название места действия – вторичным, производным. Это доказывается морфолого-синтаксическими признаками слова, обозначающего название места действия (слово *пхъащлэ* «место работы плотников» не имеет всех падежных форм, от него не образуются формы притяжательности, формы множественного числа, функционирование его ограничено определенными синтаксическими условиями). Таким образом, в словообразовательном гнезде, в котором слова объединяются общностью основы типа *пхъащлэ*, исторически производящей основой оказывается основа имени действующего лица. Иначе говоря, хотя парадигмы имени действующего лица и глагола базируются на общей основе, исходное значение связано с одной словообразовательной моделью, а вторичное – с другой.

Такая же иерархия словообразовательных отношений наблюдается между словами, которые объединяются общностью основы *гъуклэ*, потерявшей морфологическую членимость вследствие опрощения. В словообразовательном гнезде *гъуклэ* «кузнец», *гъуклэ-н* «заниматься кузнечным ремеслом», *гъуклэ* (диал.) «кузница» вторичность последнего по отношению к другим подтверждается его сочетаемостью. Так, *гъуклэ* «кузница» встречается не во всех окружениях, в которых употребляется его синоним *кыщ*. В предложениях *кыщым соклуэ* «я иду в кузницу», *кыщым сыщылащ* «я был в кузнице», *кыщ* свободно замещает *гъуклэ*. Ср. *гъуклэм соклуэ* = *кы-щым соклуэ*, *гъуклэм*

сыщылащ=кыщым сыщылащ. Но *гъуклэ* не может выступать в качестве субститута *кыщ* в предложениях *кыщым псы кызыпырож* «кузница протекает», *кыщ ящлащ* «кузницу построили». С точки зрения языкового анализа, опирающегося только на формальные соотношения языковых единиц, *кыщ* и *гъуклэ* принадлежат к различным единицам, поскольку они не обладают единой дистрибутивной характеристикой. Но хотя *гъуклэ* имеет ограниченный потенциал сочетаемости, оно может заменить *кыщ* в определенных окружениях, что дает основание рассматривать его как третий член словообразовательного гнезда.

Отнесение слова к тому или иному лексическому разряду не всегда зависит от полноты его парадигмы. Например, слово *бдзэжъеяцэ* состоит из *бдзэжъей* «рыба»+основа глагола *еяцэ-н* «охотиться». От этой сложной основы образуются название лица и название места действия: *бдзэжъеяцэр псылуфэм лусц* «рыбак (рыболов) на берегу реки сидит» и *ахэр бдзэжъеяцэ(м) кыкыжаш* «они с рыбной ловли пришли». В отличие от названия лица, обладающего всеми грамматическими формами имени существительного, название места действия имеет неполную парадигму, хотя оно не может быть отнесено к числу искусственных или малоупотребительных слов. Основа *бдзэжъеяцэ* включается также в парадигму глагола: *мэбдзэжъеяцэ* «он занимается рыбной ловлей». Но в парадигме глагола данная основа еще не закрепились. Ср. параллельные формы: *бдзэжъей сояцэ//собдзэжъеяцэ* «я занимаюсь рыбной ловлей». Формы других времен и наклонений образуются обычно аналитическим способом, т.е. морфологически оформляется только второй компонент. Ср. *бдзэжъей сеящ* «я занимался рыбной ловлей», *бдзэжъей сеяцэтэмэ* «если бы я занимался рыбной ловлей».

Для основ типа *лэхуэ* «пастух», *лэхуэ-н* «пасти скот», *шихуэ* «табунщик», *шихуэ-н* «пасти лошадей», *мэлыхуэ* «чабан», *мэлыхуэ-н* «пасти овец» характерно включение как в именную, так и глагольную парадигму. Основы этих слов образованы путем сложения двух основ – именой и глагольной: *шихуэ<шы* «лошадь»+простая основа глагола *гэхуэ-н* «пасти». От сложных основ анализируемого типа образуются также названия места действия. Ср.: *ар шыхуэм кыкыжаш* «он вернулся с места пастыбы лошадей»; *ллыжым жэмыр лэхуэм дихуаш* «старик выгнал корову на пастыбу».

В результате расширения функции конверсии в языке возникают омонимичные формы, которые различаются только контекстом. Например, если взять предложение *лэхуэр кэклуэжаш* вне связи с предшествующим контекстом, то слово *лэхуэ-р* можно рассматривать по-разному, так как оно обозначает в этом предложении не только совокупность животных, но и название действующего лица, например, *лэхуэр кэклуэжаш* «стадо вернулось»; *лэхуэр кэклуэжаш* «пастух вернулся».

Конверсия постепенно охватывает и другие однотипные основы. Ср. *шихуэр псылуфэм лутц* «табунщик стоит на берегу реки»; *шихуэр псылуфэм лутц* «табун (стадо лошадей) стоит на берегу реки».

Таким образом, наблюдается тенденция к построению словообразовательных гнезд от сложных основ типа *бдзэжъеяцэ*, *лэхуэ*. Эти основы по своей морфемной структуре однотипны (именная основа+глагольная основа). Исходной, производящей основой в приведенных выше слово-образовательных гнездах исторически служит основа имени действующего лица, которая имеет полную парадигму и нормальный потенциал сочетаемости.

В парадигмы имен существительных и глаголов включатся также многочисленные основы, которые стали неразложимыми в современном кабардино-черкесском языке. К ним относятся, например, основы слов *джэгу* «игра», *мэ-джэгу* «он играет», *гугъэ* «надежда», *мэ-гугъэ* «он надеется», *губжъ* «гнев», *мэ-губжъ* «он сердится», *усэ* «стих», *мэ-усэ* «он сочиняет», *удж* «удж» (танец), *мэ-удж* «он танцует». Исторически эти основы были производными, составными. Так, в основах *гугъэ* «надежда», *губжъ* «гнев» первый компонент возводится к общеадыгскому слову *гу* «сердце»; второй элемент этих основ встречается в ряде других составных основ. Ср. *лыгъы-н* «держат в руках», *лы-млэгъэ-н* «надеть на ноги» и т. д.

Без помощи словообразовательных аффиксов образуются формы имен существительных и глаголов от многих основ, образованных путем частичной редупликации, например: *нлей-мей* «беспокойный, тревожный», *уо-нлей-мей* «ты беспокоишься, тревожишься» (ср. *нлэ* «место», «постель») *луэр-вэр* «болтун» *мэ-луэр-вэр*

«он болтает» (ср. *луэ-н* «говорить», «сказать»); *хьэр-пхуэр* «паника», *фохьэр-пхуэр* «вы поднимаете панику», *лэр-пхуэр* «торопливый», «суетливый», *мэ-лэр-пхуэр* «он торопится, суется» (ср. *е-лэн* «дернуть», «тянуть», *епхуэ-н* «хватать», «схватить»).

К явлениям конверсии по своей природе примыкают различные типы безаффиксального словопроизводства, а именно: субстантивация и вербализация основ различных частей речи. Субстантивация основ прилагательных, приставочных глаголов и причастий является живым процессом безаффиксального словопроизводства.

Особенно легко включаются в именную парадигму производные глагольные основы, например: *цлэбзэ* «подкладка», *тебзэ* «верх» (шубы, одеяла и т. д.); *цлэт* «подставка»; *дэлху* «брат», *цылху* «рождение», «происхождение»: *тепхуэ* «покрывало»; *зеклуэ* «поход», «путешествие». Все эти слова, которые имеют парадигму имен существительных, возводятся к приставочным глагольным основам: *тепхуэ* «покрывало», *теп-хуэ-н* «покрыть», «накрыть». Глагольные формы, подвергаясь субстантивации, приобретают все грамматические формы, присущие имени существительному. Например, к основам будущего времени восходят имена существительные типа *цыгын* (из *цыгыны*) «одежда»; *шхын* (из *шхыны*) «еда», «кушанье»; *лэлгын* (из *лэлгыны*) «кольцо»; *бгээн* (из *бгээны*) «кровля»; *хуэн* (из *хуэны*) «корм»; *теплэн* (из *теплэны*) «постель»; *теплэнцлэлгын* (из *теплэны цлэлгыны*) «постельные принадлежности»; *цлэсэн* (из *цлэсэны*) «опора».

Слабой дифференциацией именных и глагольных основ объясняется возможность включения именных основ в парадигму статических глаголов. Именные основы могут быть использованы без глагольных основообразующих аффиксов как основы статических глаголов. Иначе говоря, от одной основы образуются парадигмы имен и статистических глаголов, например: *сы-цыт-ц* «я стою», *сыцлалэ-ц* «я юноша есть». Как мы видим, основа *цлалэ* «юноша» без основообразующих аффиксов включается в парадигму статического глагола *цытын* «стоять». Поэтому с морфологической точки зрения *сыцлалац* «я был юношей» подводится под категорию статических глаголов. Ср. также: *Гэмахуэ мазэт... Махуэр уэмт, мамырт* (Щ. А.) «Летний месяц был... День был знойный, тихий». В этих предложениях именные основы *мазэ* «месяц», *уэм* «знойный», *мамыр* «тихий» без добавления глагольных словообразующих аффиксов приняли морфологическую характеристику категории времени: *мазэт, уэмт, мамырт*. Возможность образования статических глаголов от именных основ способом конверсии не ограничена определенными типами слов: основа любого имени существительного без глагольных основообразующих аффиксов может быть использована, как основа статического глагола.

2.4. Способы образования основ

Существуют следующие основные способы образования производных основ:

а) сложение, например: *адэшыпхуэ* «тетя по линии отца» (*адэ* «отец», *шыпхуэ* «сестра»), *фошыгзу* «сахар» (*фо, фзу* «мед», *шыгзу* «соль»), *хыв* «буйвол» (*хы* «море», *вы* «вол»), *жэмыш* «дояр», «дойрка» (*жэм* «корова», *шын* «дойть»), *джэдкэз* «домашняя птица» (*джэд* «курица», *кэз* «гусь»);

б) сложение с редупликацией, например: *кыцылхыэ-ныцлхыэ* «посетители», *кыцылхыэн* «входить сюда», *нихэн* «входить туда»), *бзаджэ-наджэ* «скверный», «плохой», (*бзаджэ* «злой»), *нэкунэпс* «слезы» (*нэку* «глазное яблоко»), *закхуэ-тлакхуэ* «редкость», «редкий» (*закхуэ* «одинокый», «единственный»), *лэзэ-лэзэ* «тесный» (*зэ* «узкий»), *зугзу-сыгзу* «трудный, сопряженный с трудностями» (*зугзу* «трудный»), *ныкхуэ-дыкхуэ* «инвалид», «калека» (*ныкхуэ* «половина»);

в) инкорпорация т. е. включение самостоятельных глагольных основ в состав производной (прерывистой) основы, например: *хэ-тлыс-хэ-н* «сестра во что-либо» (*хэ...* *хэ-н* «войти», *тлыс-н* «сестра, садиться»), *кы-хэ-плуй-кы-н* «торчать», «выдаваться из чего-либо» (*кы-хэ...* *кы-н* «выходить сюда», *плуй-н* «торчать»), *зэхуэ-шэ-сы-н* «собирать, свозить в одно место», *зэхуэ...сы-н* «собираться», *хуы-н* «гнать»), *нэ- шэ-сы-н* «довести, донести» (*нэ...* *сы-н* «дойти», *шэ-н* «вести, везти»)

г) префиксальный способ, например: *гэлэжээн* «заставить работать» (*лэжээн* «работать»), *хуэцлын* «делать для кого-либо» (*цлын* «делать»), *дэхын* «нести вместе с

кем-либо» (*хьын* «нести»), *зэдэклуэн* «идти совместно» (*клуэн* «идти»), *теплээн* «смотреть на поверхность чего-то» (*плээн* «смотреть»), *итын* «стоять внутри» (*цы-тын* «стоять»), *ущхуэнтлын* «синеть, посинеть» (*цххуантлэ* «синий», «зеленый»);

д) суффиксальный способ, например: *лы-гъэ* «мужество» (*лы* «мужчина»), *гъунэгъу* «сосед» (*гъунэ* «край», «сторона»), *уэшхылэ* «дождливый» (*уэшх* «дождь»), *клагуэ* «короткий», «куцый» (*клэ* «хвост»), *тлоуцлрэ* «двадцать раз» (*тлоуцл* «двадцать»), *дахэу* «красиво» (*дахэ* «красивый»);

е) безаффиксальный способ, например: *цлалэ* «юноша», «парень» (*цлалэ* «новый», «молодой»), *цлыклу* «малыш» (*цлыклу* «маленький»), *псчэ* «кашель» (*псчэ-н* «кашлять»), *дыгъуэ* «воровство», «кража», *дыгъу* «вор» (*дыгъуэн* «воровать», «красть»), *хэдыкI* «вышивка» (*хэдыкIы-н* «вышивать»), *теплэ* «вид», «внешность» (*теплэ-н* «смотреть на что-либо»), *цлэбзэ* «подкладка» (*цлэбзэ-н* «подшить, подшивать»);

ж) фонетический способ, т.е. осуществляемый с помощью чередования звуков, например: *тхуэ* «пять раз» (*тхуы* «пять»), *пцлэ* «десять раз» (*пцлы* «десять»), *идзы-н* «выбросить», *идзэ-н* «бросить внутрь чего-либо» (*дзы-н* «бросить»), *хэшы-н* «вывести, вывезти», *хэшэ-н* «ввести, ввезти» (*шэ-н* «вести, везти»), *илъы-н* «выпрыгнуть», *илъэн* «выпрыгнуть», (*лъэ-н* «прыгать»).

Образование новых основ сопровождается фонетическими изменениями. Так, при образовании именных основ с помощью суффикса *гуэ*, как правило, гласный основы *э* изменяется в гласный *а*, например, *дзагуэ* «тупой, неострый». ср. *дзэ* «зуб», *къуагуэ* «однорогий». Фонетические изменения сопутствуют и префиксальному образованию основ, например *ущэбын* «размягчить», «делать мягким», *цабэ* «мягкий», *укъэбын* «чистить», *со-укъэбз* «чищу», ср. *къабзэ* «чистый». Еще более значительны фонетические изменения, которые происходят при сложении основ, например, *мэлыл* «баранина», ср. *мэл* «овца», *лы* «мясо», *цэныфлэ* «воспитанный», ср. *цэн* «нрав», «характер», *флы* «хороший», ср. *лэгуауэ* «аплодисменты», *лэгу* «ладонь», *уэ-н* «бить».

3. Имя существительное

3.1. Основные особенности

Имя существительное в кабардино-черкесском языке – это часть речи, которая обозначает предмет, делится на лексико-грамматические группы (разряды), характеризуется словоизменительными категориями падежа, определенности-неопределенности, посессивности, числа, союзности, а также своей синтаксической субъектно-объектной функцией.

Существительное называет предметы в широком смысле слова; это – названия вещей (*унэ* «дом», *гъуджэ* «зеркало», *гуахуэ* «вилы», *лэнэ* «стол-треножник»), лиц (*цлыкху* «человек», *цлалэ* «парень», *бзылхугъэ* «женщина»), веществ (*хъэжыгъэ* «мука», *шатэ* «сметана», *фошыгъу* «сахар»), живых существ, организмов (*хъэ* «собака», *жэм* «корова», *бзу* «воробей», *бдзэжыей* «рыба», *хъэмбылу* «червь»), фактов, событий, явлений (*зауэ* «война», *псыдзэ* «наводнение», *зеклуэ* «поход», *гуауэ* «горе», *гуфлэгъуэ* «радость»), а также названных как независимые самостоятельные субстанции непроцессуальных и процессуальных признаков – качеств, свойств, действий, процессуально представленных состояний (*бза-джагъэ* «злость», *делагъэ* «глупость», *цххуантлагъэ* «зелень», *еджэныгъэ* «учеба»).

Имена существительные по лексико-грамматическому признаку делятся на следующие группы (разряды):

- 1) собственные и нарицательные;
- 2) собирательные;
- 3) вещественные;
- 4) конкретные и отвлеченные;
- 5) группа человека и группа вещи.

Названные разряды (группы) пересекаются. Так, например, имена собственные включают в себя слова как из группы человека, так и из группы вещи, конкретные существительные объединяют в своем составе все слова, которые называют считаемые предметы и т. д. Вместе с тем каждый из лексико-грамматических разрядов имеет свои

специфические особенности по словоизменению, а иногда и по словообразованию.

Все существительные делятся на **собственные** и **нарицательные** по признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса.

Собственные имена – это такие слова, которые называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе не несут какого-либо специального указания на этот класс.

Нарицательные имена – это такие слова, которые называют предмет по его принадлежности к тому или иному классу, т. е. обозначают предмет как носитель признаков, свойственных предметам данного класса.

Собственные имена, в свою очередь, можно разделить на а) имена собственные в узком смысле этого слова и б) наименования.

Первая группа включает в себя имена людей и животных, географические и астрономические названия. Это лексически ограниченный и медленно пополняемый круг слов-названий, присваиваемых одному предмету. Повторения здесь возможны как совпадения (например, совпадающие названия рек, населенных пунктов или совпадающие собственные имена людей и животных).

В состав имен лиц входят и фамилии: *Къардэн, Щоджэн, Нэгумэ, Тэрчокъуэ, Хьэтлэхъуэцокъуэ...*

Собственным именам, служащим для индивидуализации предмета, не свойственно употребление в формах множественного числа. Исключением здесь являются фамилии, которые, наоборот, употребляются чаще с аффиксом множественного числа -хэ: *Къардэн-хэ* «Кардановы», *Щоджэн-хэ* «Шогеновы», *Нэгумэ-хэ* «Ногмовы» и т. д. Носителями языка подра-зумевается, видимо, тот факт, что в роду не один человек и, как правило, не одна семья. Обычно говорят: *Къардэнхэ Анзор* букв. «Анзор из Кардановых», *Щоджэнхэ Аслъэн* «Аслан из Шогеновых» и т. д. Аффикс множественного числа выполняет в данном случае примерно ту же функцию, что и русские -ов, -ев в фамилиях. Правда, употребление форм, подобных вышеприведенным, характерно только для разговорной речи, в литературном же языке они вытесняются в соответствии с установившимися нормами формами без -хэ: *Къардэн Анзор, Щоджэн Аслъэн...*

Имеются и другие особенности в изменении собственных имен по числам, о чем подробнее будет сказано ниже.

Базой для второй группы собственных имен – наименований – служат нарицательные слова, и при этом последние не утрачивают своего лексического значения, а лишь изменяют свою функцию: «*Нур*» журнал (*нур* «свет» как название журнала), «*Насып*» сабий сад (*насып* «счастье» как название детского сада), «*Лэгъуыкъуэ*» тыкуэн (*лэгъуыкъуэ* «радуга» как название магазина)... Нередки случаи перехода нарицательных имен в собственные в качестве личных имен и фамилий. Например, встречаются женские имена: *Гуащэ* (*гуащэ* – кукла), *Дыжъын* (*дыжъын* – серебро), *Дыщэ* (*дыщэ* – золото), *Ужъэ* (*ужъэ* – ласка) и т. д. Мужские имена: *Аслъэн* (*аслъэн* – лев), *Домбей* (*домбей* – зубр), *Дзэпц* (*дзэпц* – воевода), *Къаплъэн* (*къаплъэн* – тигр), *Мыщэ* (*мышэ* – медведь)... Фамилии, производные от нарицательных имен: *Абрэдж* (*абрэдж* – абрек), *Бжэныхъуэ* (*бжэныхъуэ* – козопас), *Вакъащлэ* (*вакъащлэ* – сапожник), *Гъуклэ* (*гъуклэ* – кузнец), *ДыщэкI* (*дыщэкI* – золотых дел мастер), *Джатэ* (*джатэ* – меч), *Мэкъуауэ* (*мэкъуауэ* – косарь), *Мэлыхъуэ* (*мэлыхъуэ* – чабан), *Пыл* (*пыл* – слон), *Шыд* (*шыд* – осел), *Шыдыгъуэ* (*шыдыгъуэ* – конокрад) и др.

Наименования могут образоваться от имен собственных: «*Налшык*» *хьэщлэщ* «гостиница «Нальчик», «*Юащхьэмахуэ*» журнал «журнал «Ошхамахо» (Ошхамахо – кабардинское название Эльбруса).

В группу **собираательных существительных** можно включить прежде всего те слова, которые по своей семантике обозначают совокупность однородных предметов. Например: *щлалэгъуалэ* «молодежь», *жылэ* «жители села», *хьэкIэкхъуэкIэ* «звери», *хьэцэпэцэ* «колосовые растения».

Особенность перечисленных и подобных им слов заключается в преимущественном употреблении их в единственном числе, поскольку значение множественности отражается в их семантике. Тем не менее множественное число в них может быть выражено и морфологически с помощью аффикса -хэ, хотя этот аффикс здесь носит факультативный характер или выполняет стилистическую функцию: *щлалэгъуалэ* –

щIалэгъуалэ-хэ-р «молодежь», *хьэцэпэцэ* – *хьэцэпэцэ-хэ-р* «колосовые растения» и т. д. Исключение составляет слово *жылэ*, которое в значении «жители села» никогда не оформляется аффиксом множественного числа. Аффикс *-хэ* возможен в этом слове во втором его значении: *жылэ* «село» – *жылэ-хэ-р* «селения».

Наиболее многочисленны собирательные слова, которые образуются при помощи префикса *зэ-*: *зэ-ныбжьэгъу-хэ-р* «друзья», *зэ-благъэ-хэ-р* «родственники», *зэ-къуэш-хэ-р* «братья», *зэшыпху-хэ-р* «сестры», *зэ-къуажэгъу-хэ-р* «односельчане» и т. д. Характерная черта слов подобного типа в том, что они употребляются, как правило, только во множественном числе. Аффикс множественного числа может отсутствовать при определенном синтаксическом окружении, о чем будет сказано ниже.

В группу вещественных существительных объединяются слова, которые называют вещества. Например, это названия: а) пищевых продуктов (*хьэжыгъэ* «мука», *дагъэ* «масло растительное», *фо* «мед», *фошыгъу* «сахар»); б) материалов (*ятлагъуэ* «глина», *сэху* «известь»); в) тканей (*данэ* «шелк», *къэдабэ* «вельвет, бархат», *чэсей* «мадаполам», *чэсыргей* «ситец»); г) полезных ископаемых и металлов (*гъуаплэ* «медь», *дыжбын* «серебро», *фIамыщI* «каменный уголь»); д) сельскохозяйственных культур (*ху* «просо», *хьэ* «ячмень», *хьэпцIий* «рожь») и других однородных делимых масс. Вещественное значение в этих словах выражено лишь лексически, т. е. нет особых словообразовательных способов, которые были бы специфичны только для вещественных существительных.

В области словоизменения для вещественных существительных характерно то, что они употребляются обычно в единственном числе.

Следующие группы (разряды), которые выделяются среди существительных, – это конкретные и отвлеченные (абстрактные) существительные. **Конкретные существительные** – это слова, называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету: *унэ* «дом», *бжэ* «дверь», *тхылъ* «книга», *махуэ* «день», *егъэджакIуэ* «учитель».

Конкретные существительные, за редким исключением, имеют формы единственного и множественного числа. По этому признаку и по своему значению они противопоставлены отвлеченным, собирательным и вещественным существительным.

Отвлеченные (абстрактные) существительные – это слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния: *лЫ-гъэ* «мужество», *дахэгъэ* «красота», *Iзагъ(э)* «мастерство», *къэралыгъуэ* «государственность», *пцIэ* «почет», *дыхъэиш* «смех».

Самым продуктивным способом образования отвлеченных существительных является их производство с помощью суффикса *-гъэ* от инфинитной формы глагола, имен прилагательных и существительных:

а) инфинитная форма глагола + суффикс *-гъэ*: *щIэныгъэ* «образование» (*щIэн* «знать»), *еджэныгъэ* «учеба» (от *еджэн* «учиться»);

б) основа имени прилагательного + суффикс *-гъэ*: *дахэгъэ* «красота» (от *дахэ* «красивый»), *губзыгъэгъэ* «мудрость» (от *губзыгъэ* «мудрый, умный»);

в) основа имени существительного + суффикс *-гъэ*: *лЫгъэ* «мужество» (от *лЫ* «мужчина»), *цIыхугъэ* «человечность» (от *цIыху* «человек»).

Довольно продуктивен в этом плане и суффикс *-гъуэ*: *гузэвэгъуэ* «несчастье, горе» (от *гузэвэн* «беспокоиться, тревожиться»), *гуфIэгъуэ* «радость» (от *гуфIэн* «радоваться»), *къэралыгъуэ* «государственность» (от *къэрал* «государство»).

Незначительную часть отвлеченных существительных составляют немотивированные слова: *акъыл* «ум», *шына* «страх», *хьэзаб* «мука», *пцIы* «ложь».

Отвлеченные существительные употребляются преимущественно в форме единственного числа. Множественное число образуют те слова из них, которые могут обозначать и единичные проявления называемых ими отвлеченных свойств, качеств, состояния и действий.

Особенностью имен существительных в кабардино-черкесском языке является то, что они разделяются на **группу (категорию) человека** и **группу (категорию) вещи**.

В отличие, скажем, от категории одушевленности-неодушевленности в русском языке, здесь в категорию (группу) человека входят только ограниченный круг слов, связанных с обозначением человека. Кроме самого слова *цIыху* «человек» к указанной

группе относятся слова, называющие человека а) по возрастному признаку (*щлалэ* «парень», *хъыджэбз* «девушка», *ллы* «мужчина», *фыз* «женщина», *ллыжъ* «старик», *фызыжъ* «старуха»), б) по признаку родства (*адэ* «отец», *анэ* «мать», *шыпхъу* «сестра», *къуэш* «брат по отношению к брату», *дэлху* «брат по отношению к сестре», *малхъэ* «зять», *пыщыпхъу* «золовка», *гуащэ* «свекровь» и т. д.), в) по роду занятий (*егъэджаплуэ* «учитель», *тхаклуэ* «писатель», *лэхуэ* «пастух», *мэлыхуэ* «чабан» и т. д.), г) по социальному статусу (*пыцы* «князь», *уэркъ* «уздень», *пыцыл* «крепостной крестьянин», *лэхукъуэл* «свободный крестьянин» и т. д.), д) по собственному имени (мужские имена: *Аслээн*, *Астемыр*, *Мухъэдин*, *Хъэмышэ* и т. д.; женские имена: *Асият*, *Клунэ*, *Ланэ*, *Нащхуэ* и т. д.), е) по другим признакам (*ныбжъэгъу* «друг, товарищ», *хъэщлэ* «гость» и т. п.).

К категории вещи относятся имена существительные, которые не имеют отношения к обозначению человека. Это названия животных (*жэм* «корова», *мэл* «овца», *щыхъ* «олень», *мышэ* «медведь»), птиц (*джэд* «курица», *къаз* «гусь», *бзу* «воробей», *къанжэ* «сорока», *кыу* «лебедь»), всех остальных живых существ (*бдзэжьей* «рыба», *хъэмбылу* «червь», *бэдж* «паук», *аргъуей* «комар»), предметов (*унэ* «дом», *жыг* «дерево», *мывэ* «камень», *тхэмплэ* «лист»), явлений (*зауэ* «война», *мафлэс* «пожар», *хъэгъуэллыгъуэ* «свадьба») и т. д.

Слова из группы человека и из группы вещи в современном кабардино-черкесском языке различаются кроме своей семантики «человек – нечеловек» еще тем, что первые отвечают на вопрос *хэт?* «кто?», а вторые – на вопрос *сът?* «что?». В специальной литературе существует мнение о том, что исторически подразделение имен на класс человека и класс вещи было выражено и морфологически.

При отнесении слов к группе человека или группе вещи проявляется своеобразие в ряде случаев. Например, носители языка обычно спрашивают: *Сът абы къылхуар?* букв. «Что она родила /девочку или мальчи-ка/?». Трудно объяснить логически отнесение младенца к классу вещи.

3.2. Категория определенности и неопределенности

Категория определенности и неопределенности показывает отношение говорящего и слушающего к предмету речи. Сущность этого отношения заключается в том, что говорящий характеризует предмет, обозначаемый именем, как известный или неизвестный для слушающего, учитывая осведомленность последнего о данном предмете. Если предмет известен слушающему, употребляется определенная форма, если нет – неопределенная форма.

Имена существительные неопределенные называют предметы вообще и являются словарной, назывной формой. Определенные имена называют конкретные предметы, заранее известные говорящему. Эта особенность имен выражается морфологически наличием или отсутствием аффиксов.

Морфологическим показателем определенных имен являются формативы *-р* и *-м*, которые часто выступают одновременно и показателями именительного и эргативного падежей: *Ди унэр къуажэбгъум щытщ* «Наш дом стоит на краю села», *Щлалэм тхылъ къищэхуащ* «Юноша купил книгу».

Грамматическая категория определенности и неопределенности в кругу собственных имен существительных выявляется несколько своеобразно. Собственные имена употребляются, как и личные местоимения, в неопределенной форме, так как они определены по своей семантике: *Къамылыкъуэ клуащ* «Поехал в Камлюко», *Бахъсэн щопсэу* «В Баксане живет». В определенной форме собственные имена наиболее употребительны в поэзии. Здесь аффиксы выполняют стилистическую (неграмматическую) функцию: *Дахэ бжьо плъыфэу Мадинэр дуней лэфлыгъуэм ныполлэ* (Щ. А.) «Лани подобная красавица Мадина ждет счастья земного»; *Щэхуу Дадусэр ныщлокыр, гъунэгъум маклуэри Лалинэр Мадинэ цыкълум къыхуешэ* «Тихо выходит Дадуса, идет к соседям и Лалину приводит к милой Мадине».

Морфологически неопределенность выражается отсутствием формативов. Существительные в неопределенной форме выступают в виде чистой основы: *жыг* «дерево» (какое-то), *пыащэ* «девушка» (какая-то), *пылэ* «шапка» (какая-то).

Неопределенность имени может подчеркиваться: а) постановкой перед именем

числительного *зы* «один»: *зы щлалэ унэм кзыщлхьащ* «один какой-то юноша зашел в дом»;

б) употреблением после имени местоимения *гуэр* – «какой-то»: *ллыжь гуэр уэрамым тест* «Какой-то старик сидел на улице»;

в) постановкой перед именем числительного *зы* «один», а после имени – местоимения *гуэр* «какой-то»: *Зы щлалэ гуэр уэрамым кзриклуэрт* «Какой-то юноша шел по улице».

В кабардино-черкесском языке грамматической категорией определенности-неопределенности характеризуются не все лексические группы и грамматические формы. Лексические ограничения категории определенности и неопределенности распространяются на существительные, обозначающие предметы, явления, единственные в своем роде (личные имена, слова типа *дыгъэ* «солнце», *мазэ* «луна»), отвлеченные понятия (слова типа *ллыгъэ* «мужество», *зшыгъуэ* «скука»).

Наряду с определительной функцией форманты *-р*, *-м* служат показателями общей (родовой) формы. Общая форма не выделяет предмет из класса однородных с ним предметов, а обозначает все предметы данного класса, т. е. является средством выражения родовых понятий.

Обычно родовые формы характерны для поговорок и пословиц, имеющих обобщающее значение: *Мыщэ дыгъужь флэбэлацэц* «Медведю кажется, что волк лохматее»; *Жэм лъакъуэ шклэ цуклъркъым* «Коровья нога теленка не убивает».

3.3. Категория падежа

Наличие категории определенности и неопределенности обуславливает существование в кабардино-черкесском языке склонения определенных имен и склонения неопределенных имен существительных.

В кабардино-черкесском языке четыре падежа: именительный, эргативный, послеложный и обстоятельственный.

Определенные имена существительные различают все четыре падежа, неопределенные имена же не различают именительного и эргативного падежей.

Именительный падеж определенного склонения имеет форматив *-р* как в единственном, так и во множественном числе: *пылэ-р* «шапка», *пщакэ-р* «девушка», *пылэ-хэ-р* «шапки», *пщакэ-хэ-р* «девушки».

Показателем эргативного падежа как в единственном, так и множественном числе выступает форматив *-м*: *пылэ-м* «шапка», *пщакэм* «девушка», *пылэ-хэ-м* «шапки», *пщакэ-хэ-м* «девушки».

Послеложный падеж оформляется двояко:

а. При определенном склонении перед аффиксом послеложного падежа *-клэ* употребляется аффикс определенности *-м*: *джыдэ-м-клэ* «топором», *унэ-м-клэ* «в сторону дома», *башы-м-клэ* «палкой».

б. При неопределенном склонении послеложный падеж образуется посредством аффикса *-клэ*: *джыдэ-клэ* «топором», *башклэ* «палкой», *къамэ-клэ* «кинжалом».

Аффикс обстоятельного падежа имеет фонетические варианты. При этом выбор варианта определяется фонетическим строением основы. В односложных основах с вокалическим исходом используется вариант *-уэ*: *лыуэ* «как мясо», *псыуэ* «в качестве воды». Вариант *-у* характерен для многосложных основ с исходными гласными *э*, *ы*: *мазэу* «как луна», *мафлэу* «как огонь», *фызу* «как женщина», *мэзыу* «как лес».

Образцы склонения определенных имен

щлалэ «юноша»; *жэм* «корова»; *сабий* «дитя».

Единственное число

им.	<i>щлалэ-р</i>	<i>жэм-ы-р</i>	<i>сабий-р</i>
эрг.	<i>щлалэ-м</i>	<i>жэм-ы-м</i>	<i>сабий-м</i>
посл.	<i>щлалэ-м-клэ</i>	<i>жэм-ы-м-клэ</i>	<i>сабий-м-клэ</i>
обст.	<i>щлалэ-ра-уэ</i>	<i>жэм-ы-ра-уэ</i>	<i>сабий-ра-уэ</i>

Множественное число

им.	<i>щIалэ-хэ-р</i>	<i>жэм-хэ-р</i>	<i>сабий-хэ-р</i>
эрг.	<i>щIалэ-хэ-м</i>	<i>жэм-хэ-м</i>	<i>сабий-хэ-м</i>
посл.	<i>щIалэ-хэ-м-кIэ</i>	<i>жэм-хэ-м-кIэ</i>	<i>сабий-хэ-м-кIэ</i>
обст.	<i>щIалэ-хэ-ра-уэ</i>	<i>жэм-хэ-ра-уэ</i>	<i>сабий-хэ-ра-уэ</i>

Образцы склонения неопределенных имен

Единственное число

им.	<i>щIалэ</i>	<i>жэм</i>	<i>сабий</i>
эрг.	<i>щIалэ</i>	<i>жэм</i>	<i>сабий</i>
посл.	<i>щIалэ-кIэ</i>	<i>жэм-кIэ</i>	<i>сабий-кIэ</i>
обст.	<i>щIалэ-у</i>	<i>жэм-у</i>	<i>сабий-уэ</i>

Множественное число

им.	не употребляется		
эрг.	-/-		
посл.	-/-		
обст.	<i>щIалэ-хэ-у</i>	<i>жэм-хэ-у</i>	<i>сабий-хэ-у</i>

Примечания: 1. Неопределенные имена в функции именительного и эргативного падежей представлены в виде основы: *щIалэ* «юноша», *пщIацэ* «девушка».

2. Неопределенные имена существительные в форме множественного числа употребляются очень редко и то в предложении в функции обращения: *ЩIалэхэ, унэмкIэ фынеблагъэт!* «Юноши, приглашаем в дом».

3.3.1. Склонение собственных имен существительных

Склонение собственных имен существительных существенно отличается от системы склонения нарицательных имен. Такое различие обусловлено тем, что собственные имена являются «названиями» отдельных конкретных, определенных лиц, населенных пунктов, гор, рек, местностей. И поэтому определенные по семантике они склоняются как нарицательные существительные неопределенной формы.

Образцы склонения собственных имен

Жэмал «Жамал» (мужское имя), *Иуащхэмахуэ* «Ошхамахуэ» (кабардинское название г. Эльбрус), *Къамылыкъуэ* «Камлюко» (название села)

им.	<i>Жэмал</i>	<i>Иуащхэмахуэ</i>	<i>Къамылыкъуэ</i>
эрг.	<i>Жэмал</i>	<i>Иуащхэмахуэ</i>	<i>Къамылыкъуэ</i>
посл.	<i>Жэмал-кIэ</i>	<i>Иуащхэмахуэ-кIэ</i>	<i>Къамылыкъуэ-кIэ</i>
обст.	<i>Жэмал-у</i>	<i>Иуащхэмахуэ-у</i>	<i>Къамылыкъуэ-у</i>

Имена людей, так же как и неопределенные нарицательные существительные, выступают только в орудном значении послеложного падежа.

Особо склоняются в единственном числе административно-территориальные названия, фамилии людей. Они, как правило, изменяются по падежам так же, как определенные формы нарицательных имен:

им.	<i>Адыгей-р</i> «Адыгея»	<i>Сэхъу-р</i> «Сохов»
эрг.	<i>Адыгей-м</i>	<i>Сэхъу-м</i>
посл.	<i>Адыгей-м-кIэ</i>	<i>Сэхъу-м-кIэ</i>
обст.	<i>Адыгей-ра-уэ</i>	<i>Сэхъу-ра-уэ</i>

Имена существительные, обозначающие фамилии людей, в форме множественного числа получают только окончания послеложного и обстоятельного падежей:

им.	<i>Сэхъу-хэ</i> «Соховы»	<i>Къанкъул-хэ</i> «Канкуловы»
эрг.	<i>Сэхъу-хэ</i>	<i>Къанкъул-хэ</i>
посл.	<i>Сэхъу-хэ-кIэ</i>	<i>Къанкъул-хэ-кIэ</i>
обст.	<i>Сэхъу-хэ-у</i>	<i>Къанкъул-хэ-у</i>

3.3.2. Функции падежей

3.3.2.1. Именительный падеж употребляется для выражения:

а. Реального субъекта (подлежащего) при непереходных глаголах: *Уэддыгээр мацлэу ешэхуэ блэрт, блыным клэрыт **сыхьэтыр** зы мардэм тету клуэрт* (Къ. Хь.) «Горела немного прикрученная лампа, на стене висящие часы шли равномерно».

б. Прямого (ближайшего) объекта: *Хьэжым а псалъэхэр цызэхихым и набдзэ клыр къехуэхэхэр хигъэлъэтри губжъащ* (Щ. А.) «Когда услышал хаджи эти слова, приподнял похожие на ножки паука, густые, упавшие брови и рассердился».

в. Именного члена составного сказуемого: *Къыщлхьар цлалэр аращ*. «Вошедший – юноша есть».

3.3.2.2. Эргативный падеж употребляется для выражения:

а. Реального субъекта (подлежащего) при переходных глаголах: *Мэкъумэшыцлэхэм гъэмахуэм и пшэрыр зэпагуэшыжырт* (Хь. А.) «Земледельцы распределяли богатые плоды лета».

б. Косвенного объекта (косвенного дополнения) при непереходных многоличных глаголах: *Егъэджаклэур цлыклэхэм тхылгым къахуеджащ* «Учитель детям книгу прочитал».

в. Косвенного объекта (косвенного дополнения) при переходных глаголах: *Щлалэм удз гъэгъар пцацэм иритащ*. «Юноша цветы девушке преподнес».

г. Обстоятельства места: *Хьыбарыр цызэхихым, цлалэцлэр къалэм кыклыжащ* (Щ. А.) «Услышав весть, юноша вернулся из города».

д. Обстоятельства времени: *Си анэм жэщым игъэжъа гъуэмылэр пцэдджыжыым къэлътмакъ зэпедзэклым ирилхьэри кълъшыкълум деж, хэклуэтауэ гъуэмылэр мэкълум схьыну сежъащ* (Щ.А.) «Испеченные ночью моей матерью провизии она утром положила в сумку, и я поздно, после восхода солнца, отправился на сенокос».

е. Косвенного объекта орудия: *Ллыжбыр дыдым иридэу цыст*. «Старик сидел и шилом шил».

Форма эргативного падежа может управляться:

а. Орудной морфемой глагола: *Шым псым сыриклащ* «На лошади переправился через реку».

б. Аффиксом союзности: *Хьыдэжэбым пцлантлэр дэспхъэнклащ* «Я подмел двор вместе с девушкой».

в. Послелогом: *къалэм нэс* «до города», *мэзым деж* «около леса», *цлалэм панцлэ* «для юноши», *унэм цхъэклэ* «для дома».

г. Частицей *нэхъ*: *а цлалэм нэхъ бланэ слъэгъуакълум* «Сильнее этого парня не видел».

3.3.2.3. Послеложный падеж выражает:

а. Орудие или средство, при помощи которого совершается действие, выраженное предикатом: *цлалэр къалэмклэ матхэ* «Юноша ручкой пишет». *Дэ тенджызым машинэклэ дыкълуащ* «Мы на море на машине поехали».

б. Направление движения: *Хьэцлэхэр унэмклэ неблэгъащ* «Гости в дом пожаловали».

в. Род занятий: *Абузед тхыдэмклэ школым щрегъаджэ* «Абузед историю в школе преподает».

г. Время: *Жэщклэ замыгъэпсэхуу вэрт цлалэхэр* «Ночами без отдыха пахали парни».

д. Образ действия: *Джабэкклэ цылгъу Муратым и дзэм уэ плацэ луву шэр ядзхэт* (Щ.А.) «Подобно граду бросал (стрелял) пули отряд Мурата, лежа на боку».

е. Действующее лицо в конструкциях, соответствующих русским страдательным оборотам: *луэхур цлалэмклэ зэфлэклащ* «Парнем то дело сделано».

Послеложный падеж без аффикса -м, как правило, не имеет направительного значения, так как указание направления требует определенности.

3.3.2.4. Обстоятельственный падеж имеет ряд значений, в том числе значение выделения одного понятия из ряда других понятий.

Аффикс -р как показатель определенности не тождественен аффиксу -у//уэ. Аффикс -

у//уэ выделяет из общих понятий одно понятие, а -р конкретизирует выделенное понятие. Если при помощи -у//уэ из всех существующих орудий труда мы выделили, например, *шэмэдж* «коса», то при помощи форманта -р конкретизируем, какую косу выделили, другими словами, аффикс -р дает возможность говорить уже о конкретных, заранее известных вещах, предметах, понятиях. Уровни абстракции, создаваемые аффиксами -у//уэ и -р, разные: -у//уэ вносит более абстрагированное значение, нежели аффикс -р, например: Ар *егъэджаклуэу* мэлажъэ «Он работает учителем», *Егъэджаклуэр* унэм къыщлхъащ «Учитель вошел в класс».

Обстоятельный падеж выражает:

а. Должность, профессию: *Мухъэмэд къуажэ тхъэмадэу хахащ* «Мухамеда главой администрации выбрали».

б. Идеи уподобительности: *Сосрыкъуэ мафлэу къызэцлэнащ* «Сосруко подобно огню вспыхнул».

в. Относительное имя при причастиях: *Къуажэм цлхуу дэсыр губъуэм цылажъэрт* «Все население села работало в поле».

г. Определение: *Школ хадэм нартыхуу центнерищэ къытрахащ* «Со школьного участка собрано сто центнеров кукурузы».

д. Превращение во что-либо: *Мывэу жащ* «Стал камнем», «превратился в камень».

3.4. Категория числа

3.4.1. Общая характеристика

Большинство имен существительных в кабардино-черкесском языке по значению и грамматической форме имеет два числа – единственное и множественное.

Единственное число обозначает, что предмет представлен в количестве, равном одному: *унэ* «дом», *жыг* «дерево», *цлху* «человек».

Множественное число обозначает, что предмет представлен в количестве большем, чем один: *унэхэр* «дома», *жыгхэр* «деревья», *цлхухэр* «люди».

Форма единственного числа выражается нулевым формативом, а форма множественного числа – формативом -хэ. Морфема множественного числа -хэ имеет фонетический вариант -һэ: *унэ-хэ-р* // *унэ-һэ-р* «дома», *цлху-хэ-р* // *цлху-һэ-р*.

Форматив множественного числа -хэ предполагает наличие форматива падежа, ср.: *унэ-хэ-р* «дома» (-р форматив именительного падежа), *жыг-хэ-м* «деревья» (-м форматив эргативного падежа). Исключение составляют фамилии и личные имена, которые в именительном падеже множественного числа допускают употребление морфемы числа -хэ без морфемы падежа -р: *Къардэнхэ лъэпкъышхуэщ* «Кардановы – большой род».

Морфема числа не связана с морфемой -р также в именах существительных, имеющих звательную форму: *Фымылащлэ, цлхлхэ!* «Не спешите, дети!»; *Ныбжъэгъухэ, зэлушлэм зыккыкларымыгъэху!* «Товарищи, не опаздывайте на собрание!».

Наряду с формами имен существительных, образующими числовые корреляции, имеются формы, лишенные числовых противопоставлений. Ср., например, следующие конструкции: *Сабийм желэ* «Дитя говорит» и *Сабийм жалэ* «Дети говорят»; *Хъэцлэм къехъ* «Гость приносит» и *Хъэцлэм къахъ* «Гости приносят». Словоформы *сабийм* «дитя», «дети» и *хъэцлэм* «гость», «гости» в приведенных примерах нейтральны в отношении грамматического класса. Указанные словоформы сочетаются с личными формами глагола единственного и множественного числа. В сочетании с личной формой единственного числа эти формы указывают на единичный объект; в сочетании с личной формой множественного числа – на множественность объектов. К рассматриваемым формам можно применить термин «общее число».

Имена существительные общего числа сочетаются также с притяжательными формами единственного и множественного числа. Ср.: *Сабийм и хъэл* «характер ребенка» и *сабийм я хъэл* «характер детей»; *хъэцлэм и мурад* «намерение гостя» и *хъэцлэм я мурад* «намерение гостей». Число в подобных конструкциях выражается с помощью аффикса, входящего в состав другого слова.

В сочетаниях типа *сабийм желэ* «ребенок говорит» и *сабийм жалэ* «дети говорят» способ выражения числа остается грамматическим, хотя выражается оно опосредствованным путем, т.е. через форму другого слова. Однако число оказывается

категорией внеграмматической при отсутствии числовых корреляций у обоих компонентов основного ядра предложения. Например, предложение *сабийр щысщ* многозначно: 1) «ребенок сидит», 2) «дети сидят». Многозначность предложения обусловлена тем, что нейтральная форма имени существительного *сабийр* «ребенок», «дети» сочетается с такой же нейтральной формой глагола *щысщ* «сидит», «сидят». Но в речи формы слов наделены конкретным грамматическим значением, что исключает их многозначность и нейтральность. Приведенное предложение приобретает конкретное значение, его компоненты становятся однозначными лишь тогда, когда оно вводится в широкий контекст.

Имена существительные *сабий*, *хъэщIэ* в вышеприведенных примерах можно рассматривать как немаркированные формы единственного числа, поскольку подобные существительные одновременно обладают числовыми корреляциями, т.е. грамматически различают формы единственного и множественного числа. Сосуществование форм общего и множественного числа создает своеобразие числовых корреляций у имен существительных. Немаркированная форма выражается нулевым формативом, форма множественного числа имеет свой морфологический показатель – суффикс *-хэ*. Другими словами, нулевая форма сама по себе не содержит прямого указания на конкретное число: в зависимости от формы глагола или поссесивного имени речь может идти как об одном объекте, так и о множестве объектов.

В отличие от нулевой формы, выступающей как немаркированный член числовой корреляции, форма множественного числа содержит прямое указание на множественность обозначаемых объектов, т.е. является маркированным членом числовой корреляции. Соответственно немаркированный член сочетается с формой единственного и множественного числа, а маркированный член – с формами множественного числа: *мэлым ишхаш* «овца съела», *мэлым яшхаш* «овцы съели», *мэлхэм яшхаш* «овцы съели».

По соотношению числовых корреляций можно выделить разные группы имен существительных. Прежде всего обращают на себя внимание по числовому противопоставлению имена существительные, которые образуют как бы форму треугольника. При характеристике лексико-грамматических разрядов мы уже приводили один из таких примеров – слово *жылэ* «село», «жители села». Действительно, интересно сравнить, с одной стороны, коррелятивную пару *жылэ* «село», *жылэхэр* «села», а с другой стороны – внекоррелятивную форму *жылэ* «жители села». В отличие от нулевых немаркированных форм типа *цIыху* «человек», «люди», *сабий* «дитя», «дети», *хъэщIэ* «гость», «гости» нулевая коррелятивная форма *жылэ* указывает на единичность объекта и сочетается только с личной формой единственного числа глагола. Нулевая внекоррелятивная форма *жылэ* указывает на множественность объектов и согласуется с личной формой множественного числа глагола. Иными словами, внекоррелятивная форма *жылэ* по форме относится к *singularia tantum*, по значению и форме согласования – к *pluralia tantum*. Ср. следующие предложения: *Жылэм я Iэр яIэтмэ, сэри си Iэр слэтыңц* (К. А.) «Если жители села проголосуют, я также проголосую»; *Ар мы жылэм цопсэу* «Он живет в этом селе».

В первом примере слово *жылэм* (эргативный падеж) употребляется в значении «жители села». Собирательное слово *жылэ* в форме эргативного падежа единственного числа сочетается с формами множественного числа глагола *яIэтмэ* «если они поднимут» и поссесивного имени *я Iэр* «их руку». Во втором примере слово *жылэ* обозначает единичный объект – «село». В этом значении слово *жылэ* в форме эргативного падежа единственного числа сочетается только с формами единственного числа связанных с ним синтаксических слов. Если вполне обычны выражения типа *жылэм и теплэ* «вид села», *жылэм егъэмахуэшхуэ* «село празднует», то нельзя говорить *жылэм и теплэ* в значении «вид жителей села», *жылэм егъэмахуэшхуэ* в значении «жители села празднуют». Или продуктивны в языке конструкции типа *жылэм я щытыкIэ* «состояние жителей села», *жылэм ягъэмахуэшхуэ* «жители села празднуют», но невозможны выражения *жылэм я щытыкIэ* в значении «состояние села», *жылэм ягъэмахуэшхуэ* в значении «село празднует».

Таким образом, *жылэ* «село» и производное от него собирательное существительное *жылэ* «жители села» расходятся не только по лексическому значению,

но и по грамматическим признакам: *жылэ* «село» имеет числовые корреляции, *жылэ* «жители села» их не имеет. Первый член корреляции *жылэ* «село» сочетается только с формами единственного числа синтаксически связанных с ним слов, второй член корреляции *жылэхэр* «села» сочетается с формами множественного числа связанных с ним слов. В отличие от этого, в слове *жылэ* «жители села» отсутствует противопоставление форм числа. Внекоррелятивная форма *жылэ* «жители села», являясь формой единственного числа, сочетается с формами множественного числа связанных с ней синтаксически слов.

Имеются основания, таким образом, омонимичные *жылэ* «село» и *жылэ* «жители села» рассматривать как самостоятельные лексические единицы, а не как значения одного и того же слова. Подобную оппозицию образуют многие слова с производными от них существительными с собирательным значением. Ср: *кэуажэ* «жители села» – *кэуажэ* «село», *хэблэ* «квартал» – *хэблэ* «жители квартала», *лээнкэ* «род» – *лээнкэ* «представители рода», *унагэуэ* «семья» – *унагэуэ* «члены семьи» и т. д.

Подобные приведенным словам имена существительные с собирательным значением имеют парадигму единственного числа, но они не обозначают по своей семантике множество, но и сочетаются с формой множественного числа, ср.: *кэуажэм я унафэ* «решение жителей села», *кэуажэм зэхахац* «узнали все жители села», *хэблэм я гуфлэгэуэ* «радость жителей квартала», *унагэуэм я ныхгыжэ* «старший из членов семьи».

К охарактеризованной группе примыкают по типу сочетаемости имена существительные, образованные путем редупликации второй части основы. Это слова со значением коллективности типа *цлалэгэуалэ* «молодежь», *хэклэ-кхэуэклэ* «звери» и т.п., которые, имея форму единственного числа, согласуются с формами множественного числа глаголов и притяжательного имени существительного: *хэклэкхэуэклэм я хэл* «повадки зверей», *хэклэкхэуэклэм яшхац* «звери съели».

Слова приведенного типа образуют формы множественного числа: *цлалэгэуалэ* – *цлалэгэуалэ-хэ-р* «молодежь», «молодые люди», *хэклэкхэуэклэ* – *хэклэкхэуэклэ-хэ-р* «звери», *хэцэпэцэ* – *хэцэпэцэ-хэ-р* «колосовые растения». Аффикс множественного числа -хэ не вносит в эти слова никаких изменений ни по семантике, ни по сочетаемости: как с суффиксом -хэ, так и без него они сочетаются только с формой множественного числа синтаксически связанных с ними слов. Ср.: *цлалэгэуалэм я жыджэрагэ* – *цлалэгэуалэ-хэ-м я жыджэрагэ* «активность молодежи».

Имена существительные расходятся по протеканию процессов, связанных с отношением маркированности-немаркированности. Существительные со значением коллективности типа *гуп* «группа», «коллектив» имеют свободное согласование: сочетаются с формами единственного и множественного числа глагола и зависимого существительного: *гупым елэжэ* «группа делает (что-то)» и *гупым ялэжэ* «группа делает (что-то)», *гупым и луэхуцлафэ* «дела группы», *гупым я луэхуцлафэ* «дела группы». Указанное свойство объединяет имена в значении коллективности с существительными типа *сабий* «ребенок», «дети», *хэцлэ* «гость», «гости», т.е. именами, обозначающими исчисляемые объекты, которые, как было продемонстрировано выше, тоже обладает сочетаемостью одновременно с единственным и множественным числом синтаксически связанных с ними слов. Но разница между этими двумя группами существительных все же существует: слова типа *хэцлэ* в сочетании с личными формами единственного числа глагола обозначают единичность объекта, а в сочетании с личными формами множественного числа глагола – множественность глаголов. Числовое же значение слов типа *гуп* не имеет такой зависимости от формы числа глагола, т. е. форма единственного числа здесь уже маркирована, хотя имеет свободное согласование с глаголом, сочетаясь с личными формами единственного и множественного числа.

Слова типа *гуп* образуют также форму множественного числа с помощью аффикса -хэ: *гуп* «группа», «коллектив» – *гуп-хэ-р* «группы», «коллективы». В дистрибутивном плане члены грамматической оппозиции *гуп* – *гупхэр* взаимосвязаны, т.е. различаясь по признаку единичности – множественности, оба сочетаются с личными формами множественного числа: *гупым ялэжэ* «группа делает (что-то)»; *гупым я луэхуцлафэ* «дела группы» – *гупхэм я луэхуцлафэ* «дела групп». Это тоже общая черта слов типа *гуп* и слов типа *хэцлэ*. Но различие между ними все же имеется: формы единственного и множественного числа в выражениях типа *хэцлэм жалэ* – *хэцлэхэм жалэ* «гости говорят»

синонимичны по значению, формы же единственного и множественного числа слов типа *гуп* по значению расходятся: *гуп* «группа» – *гупхэр* «группы».

Расхождения в выражении числового значения между именами существительными типа *гуп* «группа» и типа *хьэцIэ* «гость» на схеме будет выглядеть таким образом:

Слова типа *хьэцIэ* «гость»

Слова типа *гуп* «группа»

форма ед. числа

форма ед. числа

единичность множественность

единичность совокупности

объекта объектов

объектов

форма мн. числа

форма мн. числа

множественность объектов

множественность

совокупностей объектов

Схема показывает, что двум секторам формы единственного числа слов типа *хьэцIэ* «гость» соответствует один сектор формы единственного числа слов типа *гуп* «группа». В форме же множественного числа таких расхождений нет. Значит у слов типа *хьэцIэ* «гость» маркирована только форма множественного числа, а у слов типа *гуп* «группа» маркированы формы единственного и множественного числа. Слова типа *хьэцIэ* «гость» и в единственном, и во множественном числе в сочетании с формами множественного числа других слов обозначают множественность объектов, слова же типа *гуп* «группа» в форме единственного числа выражают только единичность совокупности объектов, но сочетаются с формами единственного и множественного числа.

К собирательным именам существительным примыкают по своему значению слова, обозначающие парные предметы. Хотя существительные подобного типа образуют форму множественного числа с помощью суффикса *-хэ* (ср.: *нэ* «глаз» – *нэ-хэ-р* «глаза», *Iэ* «рука» – *Iэ-хэ-р* «руки», *лэакъуэ* «нога» – *лэакъуэ-хэ-р* «ноги»), тем не менее форма единственного числа употребляется часто в значении множественного числа. Например, обычно говорят *си Iэр сотхьэцI* «я мою руки», *си нэм фIыуэ илэагъуркъым* «мои глаза плохо видят» и т.д. В подобных конструкциях налицо употребление немаркированных форм единственного числа. Поскольку наряду с ними выступают и маркированные формы множественного числа тех же существительных (*си Iэ-хэ-р сотхьэцI* «я мою свои руки»), то значение форм единственного числа вне контекста можно понять двояко: *си Iэр мэуэ* «1) «моя рука болит» и 2) «мои руки болят».

3.4.2. Существительные, употребляемые преимущественно в единственном числе

В кабардино-черкесском языке к *singularia tantum* можно отнести следующие группы производных слов:

а) имена существительные, образованные от основ имен существительных с помощью суффикса *-гъэ*: *цIыхугъэ* «человечность» (от *цIыху* «человек»), *лIыгъэ* «мужество, отвага» (от *лIы* «мужчина»);

б) имена существительные, образованные от основ прилагательных с помощью суффикса *-гъ(э)*: *дахэгъ(э)* «красота» (от *дахэ* «красивый»), *фIыцIагъ(э)* «чернота» (от *фIыцIэ* «черный»), *инагъ* «величина» (от *ин* «большой»);

в) имена существительные, образованные от глагольных основ с помощью суффикса *-кIэ*: *лэжьэкIэ* «способ работы» (от *лэжьэн* «работать»), *псэукIэ* «образ жизни» (от *псэун* «жить»), *кIуэкIэ* «походка» (от *кIуэн* «идти»);

г) сложные имена существительные, вторым компонентом которых является *гъуэ* «время, пора для чего-л.»: *лэжьэгъуэ* «время работы», *шхэгъуэ* «время еды», *еджэгъуэ* «время учебы».

Имен существительных перечисленных групп объединяет то, что все они носят отвлеченный характер. Можно привести также несколько групп существительных, обозначающих вещества:

а) название металлов: *дыщэ* «золото», *дыжьын* «серебро», *гъуцI* «железо», *гъуаплэ* «медь»;

б) названия жидкостей: *псы* «вода», *шэ* «молоко», *дагъэ* «растительное масло»;

в) названия пищевых продуктов: *тхъу* «масло животное», *лы* «мясо», *кхъуей* «сыр» и т.д.;

г) названия злаков и культурных растений: *гуэдз* «пшеница», *ху* «просо», *нартыху* «кукуруза»;

д) названия тканей: *шухъэ* «сукно», *данэ* «шелк», *чэсыргей* «ситец», *кэдабэ* «вельвет»;

е) названия сыпучих тел: *пшахъуэ* «песок», *сабэ* «пыль», *гын* «порох»; сюда можно отнести слова *уэс* «снег», *уэ* «град» и др.

Употребляются только в единственном числе часть собственных имен существительных, куда входят: названия небесных светил и созвездий: *Дыгъэ* «Солнце», *Мазэ* «Луна», *Нэхуэвагъуэ* «Венера», *Вагъуэбаш* «созвездие Жирафа», *Вагъуэзэшибл* «Созвездие Большой Медведицы»; названия населенных пунктов, другие географические названия: *Налшык* «Нальчик», *Бахъсэн* «Баксан», *Луащхэмахуэ* «Эльбрус»; сюда же примыкает слово *уафэ* «небо».

Отдельную группу *singularia tantum* образуют собирательные существительные типа *жылэ* «жители села», *хэблэ* «жители квартала», *унагъуэ* «члены семьи» и т.д. (они охарактеризованы выше).

3.4.3. Существительные, употребляемые только во множественном числе

Характерной чертой кабардино-черкесского языка является то, что если формы единственного числа часто не имеют коррелятивную форму множественного числа, то форма множественного числа обычно обладает коррелятивной формой единственного числа. Поэтому узок круг слов, которых можно отнести к *pluralia tantum*. В основном это деривационные образования с префиксальной морфемой *зэ-* типа *зэныбжъэгъухэр* «друзья», *зэкъуэшхэр* «братья», *зэшыпхъухэр* «сестры», *зэунэкъуэщхэр* «сородичи» и др. Подобные слова по самой семантике обозначают множество. Они определяют взаимные отношения людей, что исключает возможность употребления этих слов в форме единственного числа.

Но наблюдаются случаи употребления этих слов в единственном числе. Например, в сочетании с числительными они выступают без аффикса множественного числа *-хэ*: *зэныбжъэгъуитI* «два друга», *зэкъуэшищ* «три брата». В позиции предиката возможны варианты: *ахэр зэныбжъэгъу-хэщ* – *ахэр зэныбжъэгъущ*, причем второй вариант (без аффикса *-хэ*) употребительнее в языке.

3.4.4. Репрезентативное множество

Форма репрезентативного множества присуща личным именам существительным. Она бывает двух разновидностей:

1. Выражается сочетанием личных имен с морфемой множественного числа *-хэ*. Личные имена по своей семантике не допускают оппозицию форм единственного и множественного числа. Здесь форма множественного числа указывает на множество лиц, одним из представителей которых является лицо, обозначенное личным именем: *Анзорхэ* я унэ букв. «дом Анзоров», т.е. «дом, который принадлежит семье Анзора»; *Ланэхэ* я деж сокIуэ «иду к Лянам», т.е. «иду в дом, где живет Ляна со своей семьей».

2. Выражается сочетанием личных имен с элементом *сымэ*. Такое сочетание указывает на группу лиц, среди которых находится названное лицо: *Аслъэн* *сымэ* «Аслан и другие», «группа (компания) Аслана».

Указанный тип репрезентативного множества допускает сочетания с постпозитивной частицей *сымэ* сразу двух и более личных имен: *Инал, Анзор, Мадинэ* *сымэ* «Инал, Анзор, Мадина и другие». Имеется также вариант, когда перечисляются по именам все члены множества и к ним присоединяется частица *сымэ*. Поэтому последний пример может иметь двоякое значение: 1) «Инал, Анзор, Мадина и другие», т.е. «группа, состоящая из Инала, Анзора, Мадины и других» и 2) «группа, состоящая из Инала, Анзора, Мадины».

3.5. Категория притяжательности

В кабардино-черкесском языке посессив является морфологической категорией имен существительных. Кроме существительных наличием посессивных форм характеризуются лишь некоторые послелогии, ср., например: *си деж* «у меня», «ко мне», *уи деж* «к тебе», «у тебя» и т. д.

Указанную категорию образует коррелятивная пара, состоящая из лично-притяжательных форм имен существительных, объединяемых общностью грамматического значения, и относительно-притяжательной формы.

3.5.1. Лично-притяжательные формы

Лично-притяжательная форма выражается префиксальным способом. Она характерна для 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа.

Посессивные префиксы

Един. число

1-е л. *си* «мой»

2-е л. *уи* «твой»

3-е л. *и* «его»

Множ. число

ди «наш»

фи «ваш»

я «их»

Префиксы посессивности присоединяются к чистым основам имен существительных, но по правилам орфографии они пишутся отдельно: *си унэ* «мой дом», *уи тхылъ* «твоя книга», *и псалъэ* «его слово» и т. д.

Лично-притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица являются сложными. Они состоят из показателей 1-го и 2-го лица единственного и множественного чисел *с-*, *у-*, *д-*, *ф-* и элемента *-и-*, выражающего значение принадлежности. В отличие от личных аффиксов глагола, например, *с-оклуэ* «я иду», *у-оклуэ* «ты идешь», *д-оклуэ* «мы идем», *ф-оклуэ* «вы идете», выражающих лицо субъекта действия, личные показатели в посессивных образованиях обозначают лицо обладателя того, что определяется именем существительным.

Форма 3-го лица посессива выражается и в единственном, и во множественном числе простой морфемой, соответственно *и-* и *я-*. Они являются показателями лица, а не принадлежности. Аффикс принадлежности выпадает в результате комбинаторных звуковых изменений.

Имена существительные в лично-притяжательной форме изменяются по лицам обладателя, тогда как глагол спрягается по лицам субъекта или объекта, ср.:

Единственное число

1-е л. *с-иунэ* «мой дом»

2-е л. *у-иунэ* «твой дом»

3-е л. *и-унэ* «его дом»

с-ошэ «я веду»

у-ошэ «ты ведешь»

е-шэ «он ведет»

Множественное число

1-е л. *д-иунэ* «наш дом»

2-е л. *ф-иунэ* «ваш дом»

3-е л. *я-унэ* «их дом»

д-ошэ «мы ведем»

ф-ошэ «вы ведете»

я-шэ «они ведут»

Функции морфем *с-*, *у-*, *д-*, *ф-*, *я-* в именах существительных и в глаголах не одинаковы. Расхождение остается и в том случае, когда имя существительное в лично-притяжательной форме включается в парадигму статического глагола, т.е. личные аффиксы в подобных глаголах выполняют ту же функцию, что и личные аффиксы в именах существительных и в притяжательной форме, ср.: *Сэ си къуэшыр тыкуэным згъэклуащ* «Я послал в магазин своего брата» и *Сэ тыкуэным згъэклуар си къуэшырщ* букв. «Я кого в магазин послал мой брат (есть)».

Лично-притяжательную форму образуют как собственные, так и нарицательные имена существительные, ср.: *си Бахъсэн* «мой Баксан», *ди Иуащхэмахуэ* «наш Эльбрус», *фи*

Анзор «ваш Анзор».

Склонение имен существительных в посессивной форме не отличается от склонения имен без этой формы. Ср. изменение по падежам существительного *шы* «конь, лошадь» и его притяжательной формы *сиш* «мой конь»:

Един. число			Множ. число	
Им.	<i>шыр</i>	<i>си шыр</i>	<i>шихэр</i>	<i>сишхэр</i>
Эрг.	<i>шым</i>	<i>си шым</i>	<i>шихэм</i>	<i>сишхэм</i>
Посл.	<i>шымклэ</i>	<i>си шымклэ</i>	<i>шихэмклэ</i>	<i>сишхэмклэ</i>
Обст.	<i>шырауэ</i>	<i>си шырауэ</i>	<i>шихэрауэ</i>	<i>сишхэрауэ</i>

В атрибутивных комплексах типа «существительное + существительное» посессивные префиксы присоединяются не к определенным, а к определяющим словам: *си тхылгыр* «моя книга» и *си усэ тхылгыр* «моя книга стихов», *уи вакъэр* «твоя обувь» и *уи хьэфэ вакъэр* «твоя резиновая обувь».

В атрибутивных комплексах типа «существительное + прилагательное» определяющее слово всегда находится в постпозиции, поэтому лично-притяжательными аффиксами оформляется определенный член подобного словосочетания: *уи нылэ дахэр* «твоя красивая шапка» (букв. «твоя шапка красивая»), *си сэ жаныр* «мой острый нож» (букв. «мой нож острый»), *фи унэ лъагэр* «ваш высокий дом» (букв. «ваш дом высокий»).

В рассматриваемом аспекте посессивные префиксы ведут себя так же как и падежные аффиксы, т.е. присоединяются к грамматически цельным, неразделимым единицам, которые функционально ничем не отличаются от отдельного слова в предложении.

В атрибутивном комплексе «существительное + существительное» и определяющее, и определяемое слово одновременно могут находиться в притяжательной форме, ср.: *лэнэм и лъакъуэ* «ножка стола», *и ди лэнэм и лъакъуэ* «ножка нашего стола», *гъащлэм и хабзэ* «закон жизни» и *ди гъащлэм и хабзэ* «закон нашей жизни».

В атрибутивном комплексе подобного типа существительное в притяжательной форме, выполняющее функцию определяемого, может сочетаться с определяемым словом только в форме эргативного падежа: *адэм и псалъэ* «слово отца», *анэм и дахэ* «ласка матери».

Имеются некоторые группы имен существительных, которые обычно оформляются в первом лице формой посессива множественного числа вместо ожидаемой формы посессива единственного числа. Наиболее характерно это для названий близких родственных отношений, прежде всего для слов *адэ* «отец» и *анэ* «мать». При этом происходит фонетическое слияние посессивного префикса *ди-* с начальным вокалическим элементом имени:

Дя-нэр нобэ нэжэгужэщ «Наша мать (моя мать) сегодня бодрая», *Дя-дэр къэгубжьащ* «Наш отец (мой отец) рассердился».

Указанный фонетический процесс имеет место и при других случаях, о чем подробнее будет сказано ниже.

Еще одной особенностью посессивных конструкций является возможность согласования притяжательных форм и единственного, и множественного числа с формой эргатива единственного числа. При этом эргативная форма имени при посессивной форме множественного числа, т. е. здесь речь идет о среднем (или общем) числе, морфологически согласующемся с формами единственного и множественного числа посессивного имени. Об этом явлении уже достаточно сказано в разделе о категории числа. Один только пример приведем с собирательным именем *гуп* «группа»: *гупы-м и пашэ* – *гупы-м я пашэ* «глава группы».

3.5.2. Относительно-притяжательная форма

Кроме лично-притяжательных форм имеется еще форма относительной посессивности. Она выражается при помощи префикса относительной посессивности *зи-*, не знающего числового противопоставления. Число в относительной посессивности

маркировано суффиксом *-хэ*: *зи унэ* «чей дом» – *зи унэ-хэ-р* «чьи дома», *зи кэуэш* «чей брат» – *зи кэуэш-хэ-р* «чьи братья».

Широко употребляются относительно-притяжательные формы в пословицах и поговорках: *Зи жьэ куэд жи́лэм и́ лэм куэд ицлэ́ркъым* «Кто много говорит, тот мало делает»; *Зи лэгу нэцл́ым и нэгу цл́ы́лэц* «Если руки пусты, то и лицо грустно»; *Зи вакъэ зэв́ым и тхъэќумэ псалъэ ихъэ́ркъым* «У кого обувь тесная, тот ничего не слышит».

Префикс относительной посессивности *зи-* состоит из относительного префикса *з-* и притяжательного аффикса *-и-*.

По своему функционированию префикс *зи-* идентичен лично-притяжательным аффиксам. Как и они, *зи-* сочетается со словами и с атрибутивными комплексами типа «существительное + существительное», «существительное + прилагательное», ср.: *зи унэ* «чей дом», *зи мывэ унэ* «чей каменный дом», *зи унэ дахэ* «чей красивый дом».

Имена существительные в относительно-притяжательной форме не изменяются по лицам обладателя, аффикс *з-* указывает на относительное «лицо», которому принадлежит то, что обозначается именем существительным. Принадлежность передается аффиксом *-и-*, который всегда следует за морфемой *з-* и остается неизменным, как и в лично-притяжательных формах имен существительных.

Имена существительные в форме относительной посессивности изменяются по падежам:

Един. число		Множ. число
Им.	<i>зи унэр</i> «чей дом»	<i>зи унэхэр</i> «чьи дома»
Эрг.	<i>зи унэм</i>	<i>зи унэхэм</i>
Посл.	<i>зи унэмклэ</i>	<i>зи унэхэмклэ</i>
Обст.	<i>зи унэрауэ</i>	<i>зи унэхэрауэ</i>

При образовании посессивных форм на стыке морфем происходят комбинаторные фонетические изменения, которые обуславливают возникновение в парадигме посессивных форм структурных изменений. Так, в третьем лице единственного и множественного числа в лично-притяжательной форме отсутствует показатель принадлежности *и-*: *иш* «его конь», *и унэ* «его дом», *яш* «их конь», *я унэ* «их дом». Формант *и-* в форме *иш* «его лошадь» представляет собой личный аффикс 3-го лица единственного числа, а морфема принадлежности *и-* исчезла в результате фонетического стяжения. То же самое наблюдается и в форме множественного числа, где также исчез *и-*: *яш* «их конь», *я унэ* «их дом».

О фонетическом процессе, происходящем при образовании посессивных форм слов *адэ* «отец» и *анэ* «мать» было вскользь упомянуто выше. Здесь также возникает стяжение, но со своей спецификой. В результате фонетического слияния посессивного префикса с начальным вокалическим элементом имени возникают словоформы *сянэ* (*си* «моя» + *анэ* «мать»), *уядэ* (*уи* «твой» + *адэ* «отец»), *янэ* «его мать» (*и* «его» + *анэ* «мать») и т.д. Однако интересен тот факт, что подобный фонетический процесс происходит только при образовании лично-притяжательных и относительно-притяжательных форм от слов *адэ* «отец», *анэ* «мать» и производных от них существительных: *адэкъуэш* «дядя по линии отца», *адэшыпхъу* «тетя по линии отца», *анэдэлъху* «дядя по линии матери», *анэшыпхъу* «тетя по линии отца», *анэдэлъху* «дядя по линии матери», *анэш* «родня по линии матери», *адэ-анэ* «родители» и т.д. Ср. идентичные по фонетическому строю слова *ажэ* «козел», *абгъуэ* «гнездо»: *ди ажэ* «наш козел», *фи ажэ* «ваш козел», *и абгъуэ* «его гнездо», *зи абгъуэ* «чье гнездо».

3.6. Категория союзности

Союзность в именах существительных выражается суффиксальными способами. Имеются одиночный суффикс *-и*: *цлали* «и парень», повторяющиеся суффиксы *-и....-и*: *цлали хъыджэбзи* «и парень, и девушка», *-рэ....-рэ*: *цлалэрэ хъыджэбзрэ* «и парень, и девушка». Перечисленные суффиксальные аффиксы не совпадают по функции и дистрибуции, что вызывает необходимость раздельного их рассмотрения.

3.6.1. Суффикс *-и* (*-и....-и*)

Одиночный неповторяющийся суффикс *-и* употребляется для при-соединения отдельного слова. Ср., например: *Инали жиІэн ицІэ-жырт* (КІ. А.) «И Инал знал, что говорить».

Одиночная соединительная морфема *-и* не может соединить два однородных именных члена предложения. Связь двух и более однородных именных членов обязательно предполагает повторение сочинительной морфемы *-и* при каждом слове, ср.: *Дызэхуозэ уэри сэри, сэ сопсалъэ, уэ ушымы, сэ узотыр гури псэри* (КІ. Б.) «Мы встречаемся, я говорю, ты молчишь, я даю тебе и сердце, и душу».

Одиночный суффикс *-и* и повторяющийся суффикс *-и....* -и вызывают изменения конечных вокалических элементов, точнее их редукцию до нуля: *ун-и* (<унэ-и), *пс-и* (<псы-и).

Аффикс *-и* присоединяется к неопределенным и определенным формам существительных после падежных формантов, ср.: *цІал-и хъы-джэбз-и* «и парень, и девушка» (неопределенная форма), *цІалэ-р-и хъы-джэбз-р-и* (определенная форма), *цІалэ-р-и хъыджэбз-р-и* (определенная форма, именительный падеж), *цІалэ-м-и хъыджэбз-м-и* (определенная форма, эргативный падеж).

Морфема *-и* может присоединиться и к союзной форме, образованной с помощью суффикса *-рэ*: *цІалэм-р-и хъыджэбзым-р-и*.

При сочетании сочинительного суффикса *-и* с формами послеложного и обстоятельственного падежей происходит ассимиляция вокалических элементов падежных формативов *-кІэ*, *-уэ*: *унэкІи* < *унэкІэи*, *унэуи* < *унэуэи*.

Одиночный и повторяющийся союзные суффиксы *-и* (*-и....-и*) имеют фонетический вариант *-икІ* (*-икІ....-икІ*), ср.: *ун-и* // *ун-икІ* «и дом», *Анзор-и* // *Анзор-икІ* «и Анзор», *цІал-и хъыджэбз-и* // *цІал-икІ хъыджэбз-икІ* «и парень и девушка».

3.6.2. Суффикс *-рэ* (*-рэ...-рэ*)

В отличие от суффикса *-и* суффикс *-рэ* соединяет только однородные члены предложения. В зависимости от лексической принадлежности однородных членов суффикс *-рэ* может быть одиночным и повторяющимся. В именах существительных нарицательных, выступающих в роли однородных членов, суффикс *-рэ* повторяется при каждом слове, причем он соединяет, как правило, только два однородных члена, в то время, как суффикс *-и* способен повторяться при двух и более однородных членах. Ср.: *Елдар-рэ Къурашэмрэ къэтэджащ* (КІ. А.) «Эльдар и Курашев встали».

Если из двух однородных членов первый выражен личным именем, а второй – личным местоимением, то при имени может быть опущен суффикс *-рэ*, например: *БетІал сэрэ абы теухуауэ дызэпсэлъащ* (Къэрмо-къуэ М.) «Мы с Беталом поговорили об этом».

Однако в подобных конструкциях наблюдаются колебания в оформлении однородных членов союзными формами, ср.: *Инал-рэ сэ-рэ зы къуажэ дыкъыдалъхухъащ* (КІ. А.) «Инал и я родились в одном селе».

Такие колебания охватывают и другие классы слов, ср.: *уядэм сэрэ* // *уядэм-рэ сэрэ* «твой отец и я», *егъэджакІуэм дэрэ* // *егъэджакІуэм-рэ дэрэ* «учитель и мы».

Как видим, одиночный суффикс *-рэ* может в грамматическом плане заменить повторяющийся *-рэ....-рэ*, чего нельзя сказать о взаимоотношениях одиночного суффикса *-и* и повторяющегося суффикса *-и....-и* в соединительных конструкциях.

В разбираемых соединительных фразах «личное имя + личное местоимение» имеется жесткий словопорядок, не допускающий его изменения. Невозможен словопорядок *Сэрэ БетІал* вместо *БетІал сэрэ* «Бетал и я». Словопорядок «имя существительное + личное местоимение» становится возможным лишь при сочетании второго члена с соединительным суффиксом *-рэ*: *сэ-рэ БетІал-рэ*.

В союзной форме с повторяющимся словом *-рэ...-рэ* определенность выражается

суффиксом *-м*, в то время как в союзной форме с одиночным суффиксом *-и* и повторяющимся суффиксом *-рэ...* *-рэ* определенность выражается суффиксом *-р*. Это связано с фонетической структурой суффикса союзности.

На сочинительную морфему *-рэ* (*-рэ....-рэ*) накладываются определенные ограничения, касающиеся ее сочетаемости с падежными формативами. В именительном падеже имен существительных соединительная морфема *-рэ* (*-рэ....-рэ*) сочетается с нулевой морфемой.

В позиции послеложного падежа союзная морфема *-рэ*, как правило, сочетается только с первым однородным членом, причем последний не маркируется падежным формативом *-кIэ*. Вторым однородным членом, связанный с первым отношениями сочинительной связи, выступает в падежной форме, но без союзной морфемы *-рэ*. Другими словами, в этой позиции имеет место распределение функции падежа и союзности между двумя однородными членами: первый выступает лишь в союзной форме, а второй – соответственно лишь в падежной форме. Примеры: *Джыдэ-рэ пхъэх-кIэ мэлажэ* «Он работает топором и пилой»; *Аслээн-рэ Анзор-кIэ сыарэзыщ* «Я доволен Асланом и Анзором». Конструкции приведенного типа имеют в языке грамматические варианты, ср.: *джыдэ-рэ пхъэх-кIэ // джыдэ-рэ пхъэх-кIэ-рэ // пхъэх-кIэ-рэ джыдэ-кIэ-рэ*.

В отличие от сочинительной морфемы *-и* сочинительная морфема *-рэ* может находиться и в позиции перед формативом послеложного падежа *-кIэ* в формах определенного склонения, ср.: *джыдэ-м-рэ пхъэхы-м-кIэрэ // джыдэ-м-рэ пхъэхы-м-рэ-кIэ* «топором и пилой»

В позиции обстоятельственного падежа также обычно морфема *-рэ* не повторяется – она присоединяется только к первому однородному члену, а второй член оформляется аффиксом падежа, например: *джыдэ-рэ пхъэхы-у* «топор и пила». Но и в данном случае возможны варианты, где союзный суффикс *-рэ* повторяется при каждом однородном члене, ср.: *джыдэ-рэ пхъэхы-у // джыдэ-рэ пхъэхы-рэ-у*.

В отличие от морфемы *-и*, занимающей место после падежного форматива *-у(э)*, сочинительная морфема *-рэ* в словоформе предшествует падежному формативу *-у(э)*, ср.: *щIалэ-у-и хъыджэбз-у-и* «и парень, и девушка» и *щIалэ-рэ хъыджэбз-у-и* «и парень, и девушка» и *щIалэ-рэ хъыджэбз-рэ-у* «парень и девушка».

3.7. Словообразование имен существительных

В кабардино-черкесском языке префиксальный способ образования имен (за исключением единичных случаев) отсутствует в системе словообразования. Слабо развито также суффиксальное словообразование имен существительных.

В противовес не получившему широкого распространения аффиксальному словообразованию, в системе активно действуют другие словообразовательные типы. Например, сложение, сложение с соединительной морфемой, сложение с редупликацией, конверсия, семантический способ и т. д.

3.7.1. Образование сложных слов

1. Сочетание основ существительного и глагола. Этот тип сложных слов является наиболее продуктивным и распространенным. По своему значению такие сложные слова разделяются на три основные группы.

1) Названия лиц по профессии, по роду занятий, по социальной принадлежности, по месту жительства и т. д.: *мэзхъумэ* «лесник» (*мэз* «лес», *хъумэн* «охранять, сторожить»), *жэмыш* «дояр», «доярка» (*жэм* «корова», *шын* «доить»), *сурэттех* «фотограф» (*сурэт* «рисунок, картина, снимок», *техын* «снять, снимать»), *пшынауэ* «гармонист», «гармонистка» (*пшына* «гармонь», *еуэн* «играть»), *мэкъумэшыщIэ* «крестьянин», «крестьянка» (*мэкъумэш* «сельское хозяйство», *щIэн* «делать»).

В этой группе сложных существительных выделяются следующие продуктивные компоненты, соответствующие по своей функции именным словообразовательным суффиксам:

а) *-щIэ* < *щIэ-н* «делать». Например, *уанащIэ* «седельник», «мастер, изготавливающий

седла» (*уанэ* «седло»), *шырыкзуцлэ* «сапожник» (*шырыкзу* «сапог, сапоги»), *сурэтыцлэ* «художник, живописец» (*сурэт* «картина, рисунок, снимок») и т.д.

б) *-уэ < уэ-н* «бить». Например, *уадауэ* «молотобоец» (*уадэ* «молот»), *бэрэбануэ* «барабанщик» (*бэрэбанэ* «барабан»), *Іэгуауэ* «аплодисменты, рукоплескания, хлопанье в ладоши», «тот, кто хлопает в ладоши во время танца» (*Іэгу* «ладонь»), *псыхэуэ* «цапля» (*псы* «вода», *хэуэн* «бить куда-л., во что-л.»);

в) *-зехэ < зехэ-н* «носить»; *-зешэ < зешэн* «возить». Например, *бэракъзехэ* «знаменосец» (*бэракъ* «знамя, флаг»), *цлăклуэзехэ* «денщик», «слуга» (*цлăклуэ* «бурка»), *хьэлъзехэ* «грузчик» (*хьэлъэ* «груз», «тяжесть»), *хьэлъзешэ* «тяжеловоз», *псышэ* «водовоз» и т.д.;

г) *-хъумэ < хъумэ-н* «охранять, сторожить». Например, *мэзхъумэ* «лесник» (*мэз* «лес»), *хьэсэпэхъумэ* «сторож», «объездчик полей» (*хьэсэпэ* «передняя часть участка») и т.д.

д) *-дэс < дэсын* «сидеть, быть где-л., между кем-, чем-л.». Например, *кълэдэс* «горожанин» (*кълэлэ* «город»), *къуажэдэс* «селянин» (*къуажэ* «село»), *налшыкдэс* «нальчанин», «нальчанка».

2) Названия различных предметов: *пхъэх* «пила», «ножовка» (*пхъэ* «дерево», *пыхын* «отпилить, отпиливать»), *жъыху* «веер», «вентилятор» (*жъы* «ветер», *хун* «гнать, погнать»), *бгъэхэлу* «брошка», «брошь» (*бгъэ* «грудь», *хэлун* «вонзить, воткнуть»), *шейцлэ* «блюдец» (шей «чай», *цлэтын* «стоять, быть под чем-л.»), *пцэдэлъ* «шарф, кашне» (*пцэ* «шея», *дэлъын* «лежать, находиться где-л., между чем-л.»), *стлолтєпхъуэ* «скатерть» (*стлол* «стол», *тєпхъуэн* «накрыть, покрыть»).

3) Названия отвлеченных понятий: *пэублэ* «начало, начинание, почин» (*пэ* «начало, передняя часть», *ублэн* «начинать, начать»), *пэщипхэ* «заклинание, заговор, заговаривание» (*пэ* «нос», *щипхэн* «завязывать, перевязывать») и т.д.

4) По своей структуре к рассматриваемому типу относится большая группа идиоматичных сложных слов, образованных на базе фразеологических сочетаний. Например: *напэтех* «факт, позорящий кого-, что-л.». Ср.: *си напэр тєпхащ* «ты меня опозорил»; *пцлѳуѳс* «лгун, лжец», ср.: *пцлѳу еѳс* «он лжет»; *псыхуэллэ* «жажда, желание пить», ср.: *псы сыхуоллэ* «я хочу пить», «я умираю от жажды».

5) Широко распространены идиоматичные слова, первым компонентом которых является слово *гу(ы)* «сердце». В основе этих сложных слов также лежат идиоматичные эквиваленты слов. Например, *гуимыкѳыж*, *гуимыхуж* «незабываемый», ср.: *си гум икѳыжыркѳым*, *си гум ихужыркѳым* «я не могу забыть»; *гуих* «ужас, страх», ср.: *си гур ирихащ* «он меня сильно испугал»; *гукъэкл* «догадка, открытие», ср.: *сигу къэкѳащ* «мне пришло в голову»; *гукъеуэ* «горе, печаль», ср.: *и гум къеуащ* «он огорчился»; *гурыхъ* «приятный, привлекательный», ср.: *сигу ирохъ* «мне нравится»; *гущыкл* «отвращение, неприязнь», ср.: *и гур щыкѳащ* «он разочаровался в ком-чем-л.»; *гуцлэгъу* «гуманность, сочувствие», ср.: *сигу цлөгъу* «я сочувствую ему (ей)» и т.д.

2. Сочетание основ существительного и глагола с соединительным элементом -ры-. Например, *курыт* «средний» (*ку(ы)* «середина», *итын* «стоять, находиться внутри чего-л.»), *нэрылбагъу* «очевидный, ясный» (*нэ* «глаз», *лбагъун* «видеть, увидеть»), *лъэрыхъ* «сильный, ловкий, ходячий» (*лъэ* «нога», *хьын* «нести, носить»), *бгырыс* «горец» (*бгы* «гора», *исын* «сидеть внутри чего-л.»), *бгырыпх* «пояс, поясной ремень» (*бгы* «поясница, талия», *пхэн* «завязывать, завязать»), *Іэрытх* «рукопись» (*Іэ* «рука», *тхын* «писать»), *гъуэгурыкѳуэ* «путник» (*гъуэгу* «дорога», *кѳуэн* «идти»).

Некоторые сложные слова этого типа, имеющие соотносительные фразеологические сочетания, являются идиоматичными. Например, *жъэрыплъэ* «ротозей, разиня», ср.: *ар жъэкѳэ маплъэри щытщ* «он стоит, разинув рот», *щхъэрывэ* «болтун, болтливый», ср.: *абы и щхъэр къовэ* «он болтает, говорит глупости», *гурылъ* «мысль», ср.: *си гум илъщ* «я помню, я не забыл».

3. Сочетание глагольной основы с именной основой. Например, *гъыбзэ* «обрядовые причитания, плач» (*гъын* «плакать», *бзэ* «язык, речь»), *гъырниэу* «заплаканное лицо» (*нэлу* «лицо»), *жъэгу* «очаг» (*жъэн* «жариться, сжариться», *гу* «середина»), *къэкѳухълакъуэ* «бродяга», «гуляка» (*къэкѳу-хьын* «ходить, гулять», *лакъуэ* «нога»).

Из слов рассматриваемого типа можно выделить две группы:

а) сложные слова, вторым компонентом которых является *плэ* «место». Путем сложения глагольной основы и *плэ* образуются сложные слова, обозначающие место

действия, выраженного первым компонентом – глагольной основой. Например: *шханlэ* «столовая» (*шхэн* «кушать, есть»), *хъунlэ* «пастбище» (*гъэхъун* «пасти»), *еджанlэ* «школа, учебное заведение» (*еджэн* «учиться»), *лэжьанlэ* «место работы, служба» (*лэжьэн* «работать»), *тетlысхъэнlэ* «сиденье, место для сидения» (*тетlысхъэн* «сесть на что-л»), *ехынlэ* «спуск» (*ехын* «спуститься»);

б) сложные слова, вторым компонентом которых является *гъуэ* «время, пора». С помощью сложения глагольной основы и *гъуэ* образуются слова, обозначающие время действия, выраженного в первом компоненте – глагольной основе. Например, *еджэгъуэ* «время учебы» (*еджэн* «учиться»), *джэгъуэ* «время игры» (*джэгун* «играть»), *лэжьэгъуэ* «время работы» (*лэжьэн* «работать»), *шхэгъуэ* «время еды» (*шхэн* «есть, кушать») и т.д.

4. Сочетание двух основ существительных. Например, *адэкъуэш* «дядя по линии отца», букв. «брат отца», *анэшыпхъу* «тетя по линии матери», букв. «сестра матери», *мэджэд* «фазан», букв. «лесная курица», *хыв* «буйвол», букв. «морской вол», *фошыгъу* «сахар», букв. «медовая соль», *унэцlэ* «фамилия», букв. «домашнее имя».

Сложные слова данного типа образованы на базе атрибутивных именных комплексов, в которых определитель – существительное занимает место препозитивного члена.

5. Сочетание основ существительного и прилагательного. Например, *лlыжь* «старик» (*лlы* «мужчина», *жьы* «старый»), *фызыжь* «старуха» (*фыз* «женщина», *жьы* «старая»), *шыцlэ* «жеребенок» (*шы* «лошадь», *цlэ* «новый»), *ятlэху* «белая глина» (*ятlэ* «земля», «грязь», *ху(ы)* «белый»).

В качестве компонента сложных слов приведенного типа не все имена качества одинаково продуктивны. Продуктивными элементами сложных слов данного типа являются слова, обозначающие понятия «старый» (*жьы*), «новый» (*цlэ*), «хороший» (*фlы*), причем последнее, как второй компонент сложного слова, подвергается фонетическим изменениям: конечный *ы* либо отпадает, либо изменяется в гласный *э*. Ср.; *насыпфlэ* «счастливый» (*насып* «счастье»), *нэмысфlэ* «скромный, благопристойный, воспитанный» (*нэмыс* «воспитанность»).

6. Сочетание основ прилагательного и существительного. Например, *фlылгъагъуныгъэ* «любовь» (*фlы* «хороший», *лгъагъуныгъэ* «любовь, уважение»), *гъуэжьуэ* «желтуха, гепатит» (*гъуэжь* «желтый», *уэ* «болезнь»), *дахэкупсэ* «чернокорень» (растение) (*дахэ* «красивый», *купсэ* «стержень, стебелек»).

В современном языке имя качества в роли определения обычно стоит после определяемого – существительного. Что касается сложных слов рассматриваемого типа, то они созданы на базе именных групп, в которых имя качества как определяемое слово стоит впереди определяемого – существительного. Подобным образом образованы и некоторые топонимические названия, личные имена, фамилии и т. д. Например, *Дахэпсынэ* «Дахапсина» (селение) (*дахэ* «красивый», *псынэ* «родник»), *Нэхунэ* «Нахуна» (женское имя) (*нэху* «светлый», *нэ* «глаз»), *Хужьокъуэ* «Хужоков» (*хужь* «белый», «светлый», *къуэ* «сын»).

7. Сочетание основ двух прилагательных. В сложных словах данного типа в качестве второго компонента чаще всего выступает *жьы* «старый, -ая, -ое». Например, *иныжь* «великан» (*ин* «большой»), *цlыкlужь* «малыш» (*цlыкlу* «маленький»), *цхъуэжь* «серый» в значении «волк» (*цхъуэ* «серый»).

8. Сочетание основ прилагательного и глагола с соединительным элементом -ры-. Сложные слова данного типа характеризуют лицо или предмет по качеству или свойству, выраженному в первом компоненте – именной основе. Сложные слова этого типа немногочисленны. Как наиболее продуктивный первый компонент следует выделить *псынцlэ* «скорый, быстрый». Например, *псынцlэрызекlуэ* «сороход, сороходный» (*зекlуэн* «ходить»), *псынцlэрыпсалъэ* «сороговорка» (*псэлъэн* «говорить»), *псынцlэрытх* «соропись» (*тхын* «писать»).

Компонент *псынцlэ* иногда заменяется его синонимом *хуабжь*: *хуабжьырыкlуэ* «сороход», *хуабжьырыпсалъэ* «сороговорка».

9. Сочетание имени существительного с субстантивированным причастием настоящего времени. Например, *шыкlуэр* «иноходец» (*шы* «лошадь», *кlуэн* «идти»), *шылэхъар* «шелковый шарф» (*шылэ* «шелк», *хъар* «сеть», «сетка» от причастия со

значением «то, что сплетено»).

Этот тип охватывает небольшое количество слов.

10. Сочетание двух простых (непроизводных) основ существительных. Например, *мэкъумэш* «сельское хозяйство» (*мэкъу* «сено», *мэш* «просо»), *жэщ-махуэ* «сутки» (*жэщ* «ночь», *махуэ* «день»), *джэдкъаз* «домашняя птица» (*джэд* «курица», *къаз* «гусь») и т.д.

11. Сочетание двух производных существительных, образованных одним и тем же словообразовательным суффиксом. Например, *Іэщэфашэ* «вооружение» (*Іэщэ* «оружие», *фашэ* «наряд»), *Іэшэлъашэ* «инвалид», «калека» (*Іэшэ* «без руки», *лъашэ* «без ноги»).

12. Сочетание двух основ существительных, содержащих возвратно-взаимный префикс з-. Например, *зэш-зэшыхъу* «братья-сестры», *зэдзэкъуэ* «отец-сын», *зэл-зэфыз* «муж-жена», «супруги».

13. Сочетание двух основ существительных с отрицательным аффиксом. Например, *мышъумыбз* «гермафродит», букв. «ни самец, ни самка», *мыч-мыбжэгъу* «палка средней толщины», букв. «ни прут, ни кол».

14. Сочетание двух основ причастий настоящего времени, выражающих противоположные направления. Например, *къыщІыхъэ-ныщІыхъэ* «посетители», букв. «входящий – выходящий», *къебэ-небэ* «неустойчивое положение, шатание», букв. «наклоняющийся сюда – сгибающийся туда», *къэдз-нэдз* «перебрасывание от одного к другому, пасовка».

15. Сочетание двух субстантивированных причастий настоящего времени. Например, *плъыржэър* «горячка» (*плъын* «накаляться, гореть в жару», *жэър* «жариться»), *Іуэрвэр* «болтун» (*Іуэн* «говорить», *къэвэн* «болтать»), *дэрбзэр* «портной, портниха» (*дэн* «шить», *бзэн* «кроить»), *гъырбжэр* «нытик» (*гъын* «плакать», *бжэн* «причитывать»).

16. Сочетание двух субстантивированных причастий будущего времени. Например, *тепІэнцІэлъын* «постельные принадлежности» (*тепІэн* «постель», *цІэлъын* «то, что будет лежать внизу»), *шхын-фэн* «еда-питье» (*шхын* «еда», *ефэн*, «то, что будет выпито»), *вэнсэн* «пахота-сев», «весенние полевые работы» (*вэн* «то, что будет вспахано», *сэн* «то, что будет посеяно»).

17. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяющего слова. Например, *пхъэщхъэмышхъэ* «фрукты» (*пхъэщхъэ* < *пхъэ* «дерево» + *щхъэ* «голова», *мышхъэ* < *мы* «дикое яблоко» + *щхъэ* «голова»), *кланэлъапэ* «обрывок, кончик» (*кланэ* < *клэ* «конец» + *пэ* «начало», *лъапэ* < *лъэ* «нога» + *пэ* «начало»).

18. Сочетание двух атрибутивных комплексов с редупликацией определяемого слова. Например, *нэфІ-ней* «несправедливость», «предвзятость по отношению к кому-л.» (*нэфІ* < *нэ* «глаз» + *фІы* «хороший», *ней* < *нэ* «глаз» + *Іей* «плохой»).

19. Второй компонент состоит из значащих частей и содержит словообразовательный аффикс первого компонента, но не имеет самостоятельного употребления. Например, *закъуэ-тлакъуэ* «редкость, редкий» (*тлакъуэ* < *тІу* «два» + *къуэ* – словообразовательный элемент, ср.: *закъуэ* «единственный, одинокий»).

20. Первый компонент содержит часть второго компонента, но не имеет самостоятельного значения. Например, *хэлу-щІылу* «распространенность, гласность» (*щІылу* «поверхность, наружность»).

21. Второй компонент содержит часть первого компонента, но не имеет самостоятельного значения. Например, *ныкъуэ-дыкъуэ* «инвалид, калека» (*ныкъуэ* «половина»).

22. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией конечного согласного или конечного слога первого компонента. Например, *хуэмэ-бжъымэ* «нечто подобное, наличие какой-то связи», *бэлу-тІэлу* «несчастье, неблагополучие», *чэхъу-мэхъу* «волокита».

23. Сочетание двух незначащих компонентов с редупликацией начального слова первого компонента. Например, *Іыхъу-Іыбжэ* «лихачество», «лихач».

24. Сочетание двух звукоподражательных слов с редупликацией конечного согласного или конечного слова. Например, *кІыкъ-сыкъ* «шум», *кІы(р)гъ-сы(р)гъ* «скрип», «скрипение», *пыху-сыху* «насморк», «грипп», *быргъ-сыргъ* «трах-трах» (о

стрельбе).

При образовании имен существительных посредством основосложения наблюдаются различные фонетические процессы. Рассмотрим наиболее характерные из них.

3.7.2. Аффиксальное словообразование имен существительных

1. Именные словообразовательные аффиксы. Суффикс -гъэ. Суффикс -гъэ образует от основ имен и масдарных форм имена существительные с отвлеченным значением. Например, *цыхугъэ* «человечность» (*цыху* «человек», *лыгъэ* «мужество» (*лы* «мужчина»), *дахэгъэ* «красота» (*дахэ* «красивый»), *гъэсэнэгъэ* «воспитание» (*гъэсэн* «воспитать»), *бэнэныгъэ* «борьба» (*бэнэн* «бороться»).

С именами существительными, образованными с помощью суффикса -гъэ, не следует смешивать субстантивированные слова типа *тхыгъэ* «письменность» (*тхэн* «писать»), *гъэтылыгъэ* «сбережение» (*гъэтылыгъын* «класть, отложить»), *бзыгъэ* «кусок, ломоть» (*бзын* «резать, кроить»), *тыгъэ* «подарок» (*тын* «отдать»), *бжыгъэ* «число, цифра» (*бжын* «считать»).

Подобные слова, образованные от глагольных основ, тоже обозначают отвлеченные понятия. Но они по происхождению представляют собой формы причастия прошедшего времени: *тхыгъэ* «письменность» < «написанное; то, что написано», *къэклыгъэ* «растение» < «то, что выросло», *вагъэ* «пашня» < «то, что вспахано» и т.д. О производности субстантивного значения от причастия прошедшего времени свидетельствуют данные адыгейского языка, сохранившего архаичные формы. В адыгейском слова типа *тхыгъэ* «письменность» совпадают по звуковому облику с формами причастия прошедшего времени. Ср., например, адыг. *тхыгъэ* – 1) «написанное; то, что написано»; 2) «письменность, письмо»; *къэклыгъэ* – 1) «то, что выросло», 2) «растение».

2. Суффикс -агъ. Посредством суффикса -агъ от основ прилагательных образуются существительные, обозначающие признак, отвлеченный от самого предмета. Например, *лъагагъ* «высота» (*лъагэ* «высокий»), *кыхьагъ* «длина» (*кыхь* «длинный», *бгъуагъ* «ширина» (*бгъуэ* «широкий»).

3. Суффикс -кIэ. Данный суффикс образует отглагольные существительные с обстоятельственным значением. Например, *жылэкIэ* «манера говорить» (*жылэн* «говорить»), *дыхъэшхыкIэ* «манера смеяться» (*дыхъэшхын* «смеяться»), *лэжьэкIэ* «способ работы» (*лэжьэн* «работать») и т. д.

4. Суффикс -гъу. Суффикс -гъу производит от глагольных и именных основ имена существительные, обозначающие соучастника, лица, близкого по занятию, деятельности, по условию жизни и т. д. Например, *ныбжьэгъу* «друг, товарищ» (*ныбжь* «возраст»), *гъунэгъу* «сосед» (*гъунэ* «край, граница»), *къуажэгъу* «односельчанин» (*къуажэ* «село»), *лэжьэгъу* «коллега» (*лэжьэн* «работать»).

Для производства имен существительных, обозначающих лиц, которые взаимосвязаны, имеют одинаковое положение, равные условия, суффиксальный способ сочетается с префиксацией, т.е. с префиксальной морфемой возвратно-взаимного значения ээ-. Например, *зэмалъхъэгъу* «свои, мужья сестер по отношению друг к другу», *зэнысэгъу* «невестки, жены братьев по отношению друг к другу», *зэныбжьэгъу* «друзья, сверстники».

5. Суффикс -й. Указанный суффикс образует названия деревьев. Названия плодовых деревьев производятся от названий плодов, ср.: *дэ* «орех» – *дей* «орешник»; *кхъужь* «груша» – *кхъужьей* «грушевое дерево», *мылэрысэ* «яблоко» – *мылэрысей* «яблоня», *зэрыджэ* «калина» (плод) – *зэрыджей* «калина» (дерево).

Название неплодовых деревьев часто образуется посредством того же суффикса от названий предметов, изготовленных из них. Ср.: *уэздыгъей* «сосна» (*уэздыгъэ* «светильник, лампа»), *Iэней* «клен» (*Iэнэ* «круглый столик на трех ножках»), *бжэй* «чинара» (*бжэ* «дерево» или *бжы* «пика»).

Суффикс -й присутствует во многих географических названиях: *Къэбэрдей* «Кабарда» (от личного имени Кабард), *Урысей* «Россия» (от *урыс* «русский»), *Джылахъстэней* «Малая Кабарда» (от личного имени *Джылахъстэн*) и т. д.

Этот же суффикс наличествует и в некоторых названиях национальной одежды, ср.: *цей* «черкеска» (*цы* «шерсть»), *лъей* «ноговица» (*лъэ* «нога»).

Рассматриваемый суффикс *-й* возводится к притяжательному аффиксу *й-* (ср.: *йыш* «его лошадь», *йыкъуэ* «его сын») и его основным значением является «принадлежать кому-чему-л., относиться к кому-чему-л.».

6. **Суффикс *-щ*.** С помощью данного суффикса от именных основ производятся названия помещений и вместилищ для различных предметов: *джэдэщ* «курытник» (*джэд* «курица»), *жэмэщ* «коровник «сеновал» (*мэкъу* «сено»), *сымаджэщ* «больница» (*сымаджэ* «больной»), *улэгъэщ* «госпиталь» (*улэгъэ* «раненый»), *хъэщлэщ* «гостинная» (*хъэщлэ* «гость»).

7. **Суффикс *-кIуэ*.** Суффикс *-кIуэ* образует названия лиц по роду их занятий, например, *тхакIуэ* «писатель» (*тхэн* «писать»), *еджакIуэ* «учащийся» (*еджэн* «учиться»), *лэжьакIуэ* «работник» (*лэжьэн* «работать»), *къэкIухъакIуэ* «путешественник» (*къэкIухъын* «ходить, гулять»), *хъунцIакIуэ* «грабитель» (*хъунцIэн* «грабить»).

8. **Суффикс *-лъэ*.** Данный аффикс производит от основ имен названия вместилищ и сосудов для предметов, обозначаемых основой. Например, *тхылъылъэ* «портфель, ранец» (*тхылъ* «книга»), *ахъшалъэ* «кошелек, бумажник» (*ахъшэ* «деньги»), *фошыгъулъэ* «сахарница» (*фошыгъу* «сахар»).

9. **Суффикс *-мэ*.** С помощью *-мэ* от основ количественных числительных образуются: *щимэ* «треугольник» (*щы* «три»), *плIимэ* «четырёх-угольник» (*плIы* «четыре»).

10. **Суффикс *-дэ*.** Этот суффикс выделяется в названиях ручных орудий: *уадэ* «молот» (*уэн* «бить»), *лэдэ* «щипцы» (*лэ* «рука», *елэн* «дергать, тянуть»), *джыдэ* «топор».

11. **Суффикс *-у*.** Данный аффикс непродуктивен и входит в основу всего нескольких слов: *псэу* (живой) (*псэ* «душа»), *пкъэу* «столб» (*пкъы* «тело, корпус, остов»), *чэу* «плетень, ограда из плетня» (*чы* «прут»).

12. **Суффикс *-хуэ*.** Данный аффикс образует отглагольные существительные. Он имеет значение «остаток от чего-либо, часть чего-либо»: *упсахуэ* «стружка» (*упсын* «строгать»), *бзыхъэхуэ* «лоскут» (*бзын* «кроить»), *шхахуэ* «объедки» (*шхын* «есть, кушать»).

13. **Суффикс *-блэ*.** Малопродуктивный суффикс, имеющий отрицательное значение; сочетается лишь с некоторыми именными основами. Например, *гъаблэ* «голод» (*гъэ* «год»), *ныбаблэ* «обжора» (*ныбэ* «живот»).

14. **Суффикс *-жьей*.** Этот суффикс малопродуктивен. Примеры: *джэджьей* «цыпленок» (*джэд* «курица»), *цIэжьей* «молодняк» (о животных) (*цIэ* «молодой, новый»), *кхъуафэжьей* «лодка» (*кхъуафэ* «желоб»), *шынакэжьей* «половник» (*шынакэ* «чашка, миска»), *гынжьей* «пороховой заряд» (*гын* «порох»).

15. **Суффикс *-шхуэ*.** Посредством суффикса *-шхуэ* от именных основ образуются существительные со значением увеличительности: *адэшхуэ* «дедушка» (*адэ* «отец»), *анэшхуэ* «бабушка» (*анэ* «мать»), *сэшхуэ* «шашка, сабля» (*сэ* «нож»), *лэпхъуамбэшхуэ* «большой палец руки» (*лэпхъуамбэ* «палец руки»), *еджагээшхуэ* «ученый» (*еджа* «образованный»), *дзыгъуэшхуэ* «крыса» (*дзыгъуэ* «мышь»), *тыкуэнышхуэ* «универсальный магазин, супермаркет» (*тыкуэн* «магазин»).

16. **Суффикс *-лэ*.** С помощью этого суффикса от основ количественных числительных образуются слова, обозначающие меру длины. Например, *залэ* «мера длины в ширину указательного пальца» (*зы* «один»), *млалэ* // *тIуалэ* «мера длины в ширину двух пальцев» (*тIу* «два»), *щалэ* «мера длины в ширину трех пальцев» (*щы* «три»).

Наиболее употребительны подобные образования от числительных от одного до пяти.

17. **Суффикс *-гъуэ*** образует от основ конкретных имен существительных слова с отвлеченным значением, например, *хуцхъуэгъуэ* «лечебное средство» (*хуцхъуэ* «лекарство»), *луэхуэгъуэ* «дело вообще» (*луэху* «дело»), *къэралыгъуэ* «государственность» (*къэрал* «государство, страна»).

18. **Суффикс *-хъуэ*** образует от основ имен существительных слова, обозначающие лица по роду занятий, например, *лэцыхъуэ* «животновод» (*лэц* «скот»), *бжьахъуэ* «пчеловод» (*бжьэ* «пчела»), *джэдыхъуэ* «птичница» (*джэд* «курица»), *шыхъуэ* «табунщик» (*шы* «лошадь»).

19. **Суффикс *-пхъэ*** производит от основ существительных и глагола

существительные для выражения какой-либо цели или же обозначающие инструмент, средство труда. Например, *жылэ* «семя» – *жылапхъэ* «семенной фонд», *джанэ* «рубашка» – *джанапхъэ* «отрез (материал) для рубашки»; *бзын* «кроить» – *бзыпхъэ* «выкройка»).

20. Суффикс **-пс** образует новые имена существительные от других имен: *лъэ* «нога» – *лъэпс* «шнурок», *цхъэ* «голова» – *цхъэпс* «шпагат», «веревочка для завязывания мешков», *данэ* «шелк» – *данэпс* «газовый шарф», *пллэ* «плечо» – *пллэпс* «перевязь» (ремень через плечо)).

21. Суффикс **-гу** производит от основ имен существительных незначительное количество новых слов: *цлы* «земля» – *цлыгу* «поверхность земли, территория»; *уэ* «воздушное пространство» – *уэгу* «зенит», «небо»; *лэ* «рука» – *лэгу* «ладонь»; *лъэ* «нога» – *лъэгу* «подошва»; *нэ* «глаз» – *нэгу* «лицо»; *бгъэ* «грудь» – *бгъэгу* «средняя часть груди».

22. Суффикс **-пкъэ** с основами имен существительных означает место, пространство после уборки сельскохозяйственных культур. Например, *гуэдзыпкъэ* «поле, с которого убрали пшеницу; стерня, жнивье» (*гуэдз* «пшеница»), *нартыхупкъэ* «поле, с которого убрали кукурузу» (*нартыху* «кукуруза»), *мэшыпкъэ* «поле, с которого убрали просо» (*мэш* «просо»).

23. Суффикс **-фэ** образует от основ существительных новые имена существительные: *уз* «болезнь» – *узыфэ* «род болезни»; *луэху* «дело» – *луэхуфэ* «занятие, вид деятельности»; *псалъэ* «слово» – *псалъафэ* «излюбленное слово, выражение».

3.7.3. Образование имен существительных путем субстантивации других частей речи

Путем субстантивации имена существительные образуются от глагольных форм (причастия, повелительного наклонения и инфинитива) и от прилагательных.

Переходя в класс имен существительных, слова, относящиеся к глаголам, перестают обозначать действие и приобретают значение предметности, включаются в парадигму имени и выступают в предложении в субъектно-объектной функции. Примеры:

от причастия: *плъыр* «ночной сторож» < «тот, который сторожит»; *пхыр* «вязанка» < «то, что связано»; *жэр* «быстроногий» < «тот, который бежит» и т. д.;

от повелительного наклонения: *къэшхыхъ* «сорт дыни» < «обглодай, обгрызи»; *къитхъ* «борона» < «поцарапай»; *лъахъэ* «путы» < «спутай»;

от инфинитива: *бгъэн* «кровля» < «крыть что-л.»; *хъун* «луговая трава» < «общипать траву (о скоте)»; *цыгъын* «одежда» < «быть надетым (об одежде)».

Многие собственные имена образованы путем субстантивации прилагательных. Например, *Хужь* «Хуж» (женское имя от прилагательного *хужь* «белый»), *Пагуэ* «Паго» (мужское и женское имена от *пагуэ* «тупоносый»), *Нацхъуэ* «нашхо» (женское и мужское имена от *нацхъуэ* «сероглазый»).

Любое имя прилагательное может быть употреблено с предметным значением. Это возможно в том случае, когда в речи имя существительное опущено и вместо него выступает прилагательное, причем последнее не переходит в имя существительное. Например, *Нэхъыщлэри дахэклейщ, ауэ нэхъыжъым дахагъэклэ щлыхъэнукъым* (К. Т.) «Младшая тоже очень красива, но по красоте ей далеко до старшей».

4. Местоимение

4.1. Типы местоимений

В кабардино-черкесском языке все слова, относящиеся к местоимениям, по значению делятся на следующие типы (или разряды): личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные и неопределенные.

4.2. Личные местоимения

Личные местоимения представлены только формами 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *сэ* «я», *уэ* «ты», *дэ* «мы», *фэ* «вы».

Как в ряде других кавказских языков, для выражения 3-го лица единственного и множественного числа в кабардино-черкесском языке используются указательные местоимения (о чем см. ниже).

В кабардино-черкесском языке личные местоимения принадлежат к абхазско-адыгскому лексическому фонду. Односложность их является результатом сложного процесса развития, обусловившего утрату исходного детерминативного суффикса, сохранившегося в других абхазско-адыгских языках [ср. абх. *сара* «я», *уара* «ты» (мужчина), *бара* «ты», (женщина)]. Обращает на себя внимание, что утраченный детерминативный суффикс в личных местоимениях восстанавливается в их падежных, послеложных и предикативных формах: ср. *сэ-р-клэ* «мною», *уэ-р-клэ* «тобою», *сэ-р-щ* «я есть».

Основной морфологической особенностью личных местоимений является отсутствие противопоставления форм именительного и эргативного падежей, например: *сэ соклуэ* «я иду», *уэ уощI* «ты делаешь», *сэ уэ узохъ* «я тебя несу», *уэ сэ къызыбот* «ты мне даешь что-то».

Личные местоимения имеют следующие падежные формы:

Им.-Эрг. *сэ, уэ, дэ, фэ*

Посл. *сэрклэ, уэрклэ, дэрклэ, фэрклэ*

Обст. *сэру(э), уэру(э), дэру(э), фэру(э).*

Личные местоимения 3-го лица не сохранились. Однако от них остались лично-притяжательные префиксы: *е-щIэ* «он знает», *и тхылъ* «его книга», Эти префиксальные элементы обнаруживают материальное сходство с местоимением и местоименными префиксами 3-го лица в родственных языках.

4.3. Притяжательные местоимения

Принадлежность выражается двумя способами: морфологическим и синтаксическим (ср. *фи унэ* «ваш дом», а *унэр фыфей?* «этот дом ваш?»). В первом случае принадлежность выражена морфологически, а во втором – синтаксически.

Имеются следующие притяжательные местоимения: *сысей* «мой», *уеуей* «твой», *ей* «его», *дыдей* «наш», *фыфей* «ваш», *яй* «их».

Морфологические элементы посессивности, хотя многими специалистами считаются притяжательными местоимениями, в этой работе не включаются в разряд притяжательных местоимений.

Притяжательные местоимения образуются от личных. В кабардино-черкесском языке прозрачна этимология притяжательных местоимений 1-го и 2-го лиц единственного и множественного чисел.

Эти притяжательные местоимения образуются посредством сочетания удвоенных основ соответствующих личных местоимений и притяжательного префикса 3-го лица *е(иэ)*: *сэ+сэ+йэ>сысей* «мой»; *уэ+уэ+йэ>уеуей* «твой»; *дэ+дэ+йэ>дыдей* «наш»; *фэ+фэ+йэ>фыфей* «ваш».

Местоимение *ей* (йэй) «его» образовано путем редупликации морфемы (притяжательного префикса *йэ*), восходящего к личному местоимению 3-го лица, ср. *йэ+йэ>ей* (йэй) «его». Местоимение *яй* «их» состоит из двух местоименных элементов: *йа+йэ=яй* (йай).

Притяжательные местоимения 3-го лица связаны с косвенным объектом, который выражается эргативным падежом: *абы ей* «его» (букв. «ему принадлежащее»), *цыхухэм яй* «людям принадлежащее».

Склонение

Им.	<i>сысей</i>	<i>дыдей</i>
	<i>сысейр</i>	<i>дыдейр</i>

Эрг.	<i>сысейм</i>	<i>дыдейм</i>
Посл.	<i>сысеймклэ</i>	<i>дыдеймклэ</i>
Обст.	<i>сысейуэ</i>	<i>дыдейуэ</i>

Притяжательные местоимения выступают в роли подлежащего, сказуемого и дополнения, но никогда не могут быть определениями при именах существительных. Роль русских (индоевропейских) определений функционально выполняют морфологические элементы, т.е. притяжательные (посессивные) префиксы *си-, уи-, и-, ди-, фи-, я-*.

4.4. Указательные местоимения

Указательные местоимения представлены формами *а, мы, мо*. Указательные местоимения употребляются в качестве заменителей слов-названий, например: *Мыр сыту гъэщлэгъуэн* – ...*Дуней псор нэщхъейуэ щхъэ къысфлэщлрэ* (Щ. А.) «Как это интересно... Почему мне кажется, что весь мир грустный...?»; *Ар къохъулэнкъым, зэгъащлэ* (КІ. А.) «Это тебе не удастся, пойми»; *Абы кзыкырат иджыри щысым Шех-Али-Хъан имыжагъуэу* (Ш. А.) «Это означало, что Шех-Али-Хану еще хотелось посидеть».

Склонение

Ед.ч.			
Им.	<i>ар</i>	<i>мыр</i>	<i>мор</i>
Эрг.	<i>абы</i>	<i>мыбы</i>	<i>мобы</i>
Посл.	<i>абыклэ</i>	<i>мыбыклэ</i>	<i>мобыклэ</i>
Обст.	<i>ару</i>	<i>мыру</i>	<i>мору</i>
Мн.ч.			
Им.	<i>ахэр</i>	<i>мыхэр</i>	<i>мохэр</i>
Эрг.	<i>абыхэм</i>	<i>мыбыхэм</i>	<i>мобыхэм</i>
Посл.	<i>абыхэмклэ</i>	<i>мыбыхэмклэ</i>	<i>мобыхэмклэ</i>
Обст.	<i>ахэру</i>	<i>мыхэру</i>	<i>мохэру</i>

В описательных и школьных грамматиках принято разграничение указательных местоимений на «самостоятельные и несамостоятельные» или на «зависимые и независимые». Но это основано лишь на том, что *а, мы, мо* в качестве определения всегда имеют исходную, неопределенную форму, а как заменители слов-названий принимают падежную форму: *ар, мыр, мор* (форма им. пад.), *абы, мыбы, mobs* (форма эрг. пад.).

Указательные местоимения противопоставляются в основном по признаку «близкий-далекий».

Местоимение *а* указывает на известный, определенный предмет, например: *А трактористкэ цлэрылуэм и хъыбар щхъэ зэхимыхъжрэ Софят?* (Щ. І.) «Почему Софят уже не слышит об этой известной трактористке?»; *А фабрикэхэри, заводхэри, электростанцхэри, хадэхэри фэращ зыщлыну* (Т. Хъ.) «Эти фабрики, заводы, электростанции и сады вы будете делать».

Местоимение *а* может указывать также как видимый предмет, находящийся вблизи, например: *а тхылъ узэджэр* «эта книга, которую ты читаешь», *а ручкэ столым телъыр* «эта ручка, которая лежит на столе».

Местоимение *мы* указывает на видимый предмет, находящийся в непосредственной близости, например: *Аслэныкъуэ и ныбжьэгъум жрылащ: Еплъыт мы щлылэм и дахагъэм* (Т. Хъ.) «Асланоко сказал своему товарищу: Смотри, какая красивая эта местность»; *Сэ мы ахъшэм сыхуейкъым* (там же) «Мне эти деньги не нужны».

Местоимение *мо* указывает на отдаленный или находящийся несколько дальше от говорящего предмет, например: *Мес мо къомыр, – желэр абы, – Айгюль и закъуэ зэхуихъэсащ* (Ш. А.) «Вот все это, – говорит он, – Айгюль сама одна собрала»; *Ди хадэр мо сэхураным узэрыфлэкълуш, – дыгъэм иса и лэр Аслэныкъуэ ишиащ* (Т. Хъ.) «Как только пройдешь тот подсолнечник – наш огород, – протянул Асланоко свою загоревшую руку».

Формы послеложного и обстоятельного падежей единственного и множественного

числа образуются по принципу двойной основы: окончание послеложного падежа *-кIэ* присоединяется к форме эргативного падежа (*абы-кIэ, абыхэм-кIэ*), а окончание обстоятельственного падежа *-у* – к форме именительного падежа (*ар-у, ахэр-у*).

Наряду с формами эргативного падежа множественного числа *абыхэм, мыбыхэм, мобыхэм* в этом же значении употребляются и формы *ахэм, мыхэм, мохэм*. Формы *абыхэм, мыбыхэм, мобыхэм* образованы от форм эргативного падежа единственного числа.

В кабардино-черкесском языке имеются местоимения, указывающие и на оценку предмета. К ним относятся *апхуэдэ* «такой», *мыпхуэдэ* «подобный этому», *мопхуэдэ* «подобный тому». Эти указательные местоимения образованы путем слияния форм эргативного падежа единственного числа указательных местоимений *а, мы, мо* и прилагательного *хуэдэ* «подобный»: *абы+хуэдэ>апхуэдэ; мыбы+хуэдэ>мыпхуэдэ; мобы+хуэдэ>мопхуэдэ*.

Указательные местоимения *апхуэдэ, мыпхуэдэ, мопхуэдэ* склоняются по падежам и изменяются по числам:

Им.	<i>апхуэдэр</i>	<i>мыпхуэдэр</i>	<i>мопхуэдэр</i>
Эрг.	<i>апхуэдэм</i>	<i>мыпхуэдэм</i>	<i>мопхуэдэм</i>
Посл.	<i>апхуэдэкIэ</i>	<i>мыпхуэдэкIэ</i>	<i>мопхуэдэкIэ</i>
Обст.	<i>апхуэдэу</i>	<i>мыпхуэдэу</i>	<i>мопхуэдэу</i>

Как препозитивный член синтаксической группы слов указательные местоимения *апхуэдэ, мыпхуэдэ, мопхуэдэ* не обладают формами словоизменения, например: *апхуэдэ цIыху* «такой человек», *апхуэдэ цIыхумкIэ* «таким человеком», *апхуэдэ цIыхухэр* «такие люди».

4.5. Вопросительные местоимения

Двум классам имен существительных соответствуют два вопросительных местоимения. К классу человека относится местоимение *хэт* «кто», классу вещей – местоимение *сыт* «что».

Местоимение класса вещей может относиться и к ребенку, например: *сыт а фызым кIылъхуар?* «что эта женщина родила?».

Другие вопросительные местоимения в кабардино-черкесском, как и во многих других иберийско-кавказских языках, являются производными, например: *дара, дэтхэнэ* «который, какой», *сыт хуэдэ* «какой», *хэт ей* «чей», (*хэт ей мы сабийр?* «чей этот ребенок?»), *сытым ей* «ей» (ср. *сытым ей мы шэрхъыр?* «чье это колесо?»).

Вопросительное местоимение *дэтхэнэ* «который», «какой», состоит из трех частей: *дэ* «где»+*хэт* «кто»+-*нэ* (суффикс).

Местоимение *сыт хуэдэ* «какой» образовано сочетанием вопросительного местоимения *сыт* «что» и прилагательного *хуэдэ* «подобный», «такой».

Местоимение *хэт ей* «чей» образовано от вопросительного местоимения *хэт* «кто» и притяжательного местоимения *ей* «его».

Местоимение *сытым ей* «чей» образовано путем сочетания вопросительного местоимения *сыт* «что» в форме эргативного падежа и притяжательного местоимения 3-го лица *ей* «его».

4.6. Определительные местоимения

Определительные местоимения по своему происхождению разнородны. Они могут быть образованы от местоименных, именных и глагольных основ.

В определительном местоимении *езы* «сам» первая часть *е-* представляет корневой элемент местоимения 3-го лица, которое, как отмечалось выше, не сохранилось в кабардино-черкесском языке, но представлено в других языках абхазско-адыгской группы. Элемент *-зы*, очевидно, связан с общеадыгским аффиксом возвратного значения *зы-*, например: *зытхъэщIын* «умыться, умываться».

Местоимение *зэкIэ* «весь» состоит из двух частей: *зэ+кIэ*. Компонент *зэ-* возводится к числительному *зэ* «один раз».

Местоимение *щхъэж* «каждый» состоит из слова *щхъэ* «голова» и суффикса -ж. Местоимение *къэс* «каждый» образовано сочетанием преверба *къэ-* и связанной глагольной основы *с-* (ср. послелог *къэс* «до», *къэсын* «прибыть сюда»).

Местоимение *ищхъэкIэ* «сам лично» (о человеке) представляет собой падежно-притяжательную форму имени существительного *щхъэ* «голова» (*сэ си щхъэкIэ слъэгъуаш* «я сам лично видел»).

Местоимения *хэти* «любой», «всякий», «каждый» (о классе человека), *сыти* «любой», «каждый» (о классе вещей) образованы путем присоединения соединительной частицы *и* к вопросительным местоимениям *хэт* «кто», *сыт* «что», например: *а тыкуэным сытри къыщыбгъуэтынуш* «в этом магазине все найдешь!».

4.7. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения представлены формами *гуэр-*, *зыгуэр* «нечто», «некто», «кто-то», «что-то», «кто-нибудь», «какой-то», «какой-нибудь», (ср. убых. *загуара* в этом же значении), например: *зыгуэр къокIуэ* «кто-то, что-то сюда идет»; *зыгуэр сощIэ* «что-то знаю». Форма *гуэр* употребляется с определяемым словом, например: *лIы гуэр: зы лIы гуэр* «какой-то мужчина».

5. Имя прилагательное

5.1. Имя прилагательное как часть речи

Имя прилагательное – часть речи, обозначающая признак предмета, например: *псы къабзэ* «чистая вода», *цIыху губзыгъэ* «умный человек», *удз щхъуантIэ* «зеленая трава», *нэгъабэрей мэкъу* «прошлогднее сено», *ищхъэрэ хъэблэ* «нижний квартал», *луданэ тIуащIэ* «двойная нитка», *ещанэрей махуэ* «третий день»¹.

В зависимости от того, обозначает ли имя прилагательное качество, непосредственно заложенное в предмете или через отношения этих предметов ко времени, месту, числу все прилагательное в кабардино-черкесском языке делятся на две группы: имена прилагательные качественные (*вы джэмыдэ* «бурый вол», *унэ ин* «большой дом») и имена прилагательные относительные (*япэ тIысынIэ* «первое место», *пасэрей хабзэ* «старинный обычай»).

Структура непроизводных имен прилагательных ничем не отличается от структуры существительных. Имена прилагательные не оформлены каким-либо аффиксом и качественные прилагательные выражают (качество) признак непосредственно лексическим значением основы (ср.: *фIы* «хороший» – *шы* «лошадь», *жыы* «старый» – *жыы* «ветер», *дахэ* «красивый» – *унэ* «дом», *фIей* «грязный» – *кхъуей* «сыр»).

Но в отличие от имен существительных имена прилагательные (качественные) обладают категорией степени сравнения (*фIы* «хороший» – *нэхъыфI* «лучший» – *фIы дьдэ* «самый лучший»). Им свойственны также морфологические категории числа (*губзыгъэр* «умный» – *губзыгъэхэр* «умные») и падежа (*губзыгъэр* «умный» (именит. п.), *губзыгъэм* «умному» (эргат. п.), *губзыгъэмкIэ* «умным» (послел. п.) и т. д.). Кроме того в языке имеются деривационные суффиксальные морфемы, посредством которых образуются только имена прилагательные.

В предложении имена прилагательные выступают в роли определения и сказуемого (*Абы и пцIантIэ иным кIуэцIырыкI гъуэгъу цIыкIум и нэзым щигъэкIа удз дахэхэм къащIыху я епэрымэ зэхуэмьдэхэр къулайуэ акъужь хуэмым къынIуригъауэрт* (Щ. А.) – «Тихий ветер доносил разнообразные ароматы, идущий от цветов, выращенных вдоль маленькой дорожки, проходящий по большому двору»; *Дэ дьлгъэщ, дынасытIфIэщ* – «Мы сильны, счастливы»).

5.2. Качественные прилагательные

5.2.1. Грамматические признаки качественных прилагательных

Качественные прилагательные имеют следующие грамматические признаки:

1. Качественные прилагательные обозначают разнообразные признаки предмета, которые могут проявляться в большей или меньшей степени: 1) цвет (*плъыжъ* «красный», *хужъ* «белый», *щхъуэ* «серый», *щлыху* «синий», *щхъуантлэ* «зеленый»); 2) масть (*гъуэ* «рыжий», *къуэху* «буро-серый», *брул* «чалый», *тхъуэ* «буланый»); 3) пространственные и временные качества (*ин* «большой», *бгъуэ* «широкий», *жыжъэ* «дальний», *лъахъшэ* «низкий», *куу* «глубокий»); 4) свойства и качества вещей, непосредственно воспринимаемые органами чувств (*лэфл* «сладкий», *сыр* «горький», *щабэ* «мягкий», *хъурей* «круглый», *псынцлэ* «легкий», *хуабэ* «теплый»); 5) физические качества людей и животных (*щлалэ* «молодой», *уэд* «худой», *дэгу* «глухой», *хахуэ* «храбрый»); 6) качества характера и умственного склада (*бзаджэ* «злой», «хитрый», *пагэ* «гордый», *нэпсей* «жадный» и др.)

2. По своим формальным признакам качественные прилагательные подразделяются на непроизводные и производные. Непроизводные прилагательные не могут разлагаться на корень и аффиксы, по своим лексическим значениям выражают качества, например: *ин* «большой», *флы* «хороший», *щлэ* «новый», *дахэ* «красивый». Производные прилагательные образуются от различных по значению основ путем присоединения к ним словообразовательных аффиксов: *узы-ншэ* «здоровый», *гъуэ-жъ* «желтый», *уклытэ-х* «застенчивый» и др.

3. Качественные прилагательные изменяются по степеням сравнения, например: *лэфл* «сладкий» – *нэхъ лэфл* «более сладкий» – *нэхъ лэфл дьдэ* «самый сладкий», *къабзэ* «чистый» – *нэхъ къабзэ* «более чистый», *къабзэ дьдэ* «очень чистый» – *нэхъ къабзэ дьдэ* «самый чистый».

4. От качественных прилагательных возможно образование усилительных, уменьшительных форм, формы оценки: *нэхъ лэфл* «более сладкий» – *нэхъ лэфлы-луэ* «чуть более сладкий»; *нэхъыфл* «более хороший» – *нэхъыфлы-ж* «еще более хороший», *щлыху-фэ* «синеватый»; *узыншэ* «здоровый» – *узыншэ-жъ* «здоровенный».

5. От качественных прилагательных образуются качественные наречия посредством суффикса -у/-уэ: *псынцлэ* «быстрый» – *псынцлэу* «быстро», *пасэ* «ранний» – *пасэу* «рано», *жыжъэ* «далекий» – *жыжъэу* «далеко».

6. От любого качественного прилагательного можно образовать имя существительное, отвлеченного значения посредством суффиксов -гъэ, -гъ: *къабзэ* «чистый» – *къабзагъэ* «чистота», *псынцлэ* «быстрый» – *псынцла-гъэ* «быстрота», *флыцлэ* «черный» – *флыцлагъэ* «чернота», и др.

7. Многие качественные прилагательные образуют антонимические пары, например: *флы* «хороший» – *лей* «плохой», *ин* «большой» – *цлыклу* «маленький», *кыхъ* «длинный» – *клэщл* «короткий».

При атрибутивном употреблении качественные прилагательные, в отличие от относительных прилагательных, ставятся после определяемого, например: *Анхуэдэу гупсысэ лэфлхэм зэцлащтауэ Софъят зэрынэжэгужэм Луси гу лъитат*. (Щ. I.) «Люся тоже заметила, как весела Софят, увлеченная сладкими мечтами».

5.2.2. Степени сравнения качественных имен прилагательных

Качественные имена прилагательных, в отличие от относительных прилагательных, образуют степени сравнения: сравнительную и превосходную. В основе этих степеней лежит исходная форма. Эта форма качественных прилагательных не выражает никакой степени, а только называет качества предмета вне сравнения с тем же качеством другого предмета: *унэ лъагэ*, «высокий дом», *сабий узыншэ* «здоровый ребенок», *щлыху лъэщ* «сильный человек», *мылэрысэ плъыжъ* «красное яблоко», *хъарбыз лэфл* «сладкий арбуз» и др.

5.2.2.1. Сравнительная степень

Сравнительная степень выражает большую или меньшую степень какого-либо качества при сравнении предметов.

Сравнительная степень выражается сложной (аналитической) формой, которая образуется сочетанием частицы *нэхъ* с исходной формой прилагательного.

Исходная форма	Сравнительная степень
<i>быдэ</i> «крепкий»	<i>нэхъ быдэ</i> «более крепкий», «крепче»
<i>лэанлэ</i> «дорогой»	<i>нэхъ лэанлэ</i> «более дорогой», «дороже»
<i>лээщ</i> «сильный»	<i>нэхъ лээщ</i> «более сильный», «сильнее»
<i>дэгъуэ</i> «прелестный»	<i>нэхъ дэгъуэ</i> «более прелестный» «прелестнее»
«добротный»	«более добротный», «добротнее»
<i>кэащхуэ</i> «голубой»	<i>нэхъ кэащхуэ</i> «более голубой», «голубее»
<i>щлалэ</i> «молодой»	<i>нэхъ щлалэ</i> «более молодой», «моложе»
<i>флы</i> «хороший»	<i>нэхъыфл</i> «более хороший», «лучше»

Частица *нэхъ* может стоять перед прилагательным, но может быть отодвинута от прилагательного определяемым существительным, например: *Нэхъ теплэ дахэ зилэ шыхэр клуэ пэтми нэхъыбэу яцэхуэрэ луашырт* (К.Т.) «Все больше уводили самых красивых лошадей» (букв., имеющих более красивый вид); *Шы нэхъыфлхэр кызырыхыхым икли зрылуашым апхуэдизу кыфлэмылуэхуу, и нанлэ мыхуадэу ар цхэз эплэрэ?* (К.Т.) «Почему он так невозмутимо и безразлично смотрит на то, как отбирают и уводят лучших коней?».

Частица *нэхъ*, как правило, пишется отдельно от того прилагательного, к которому она относится. Но односложные качественные прилагательные сливаются с частицей *нэхъ*, например: *нэхъы-щлэ* «младший», *нэхъы-жэ* «старший», *нэхъы-фл* «лучший».

Если в предложении одно существительное одновременно определяется несколькими качественными прилагательными, то при образовании сравнительной степени частица *нэхъ* может повторяться столько раз, сколько прилагательных имеется в предложении, например: *мы щлалэр нэхъ псыгъуэщ, нэхъ кыхыщ* «этот парень более тонкий, более высокий». Частица *нэхъ* может и не повторяться: *мы щлалэр нэхъ псыгъуэщ, кыхыщ* «этот парень более тонкий и высокий»

В том случае, когда в предложении наличествует название предмета, с которым сравнивают другой предмет, частица *нэхъ* повторяется два раза, причем первый раз с суффиксом *-рэ*. Название предмета, с которым сравнивают, ставится в эргативном падеже. За этим словом обязательно следует частица *нэхърэ*, образуя с ним одно словосочетание, а название сравниваемого предмета с частицей *нэхъ* и прилагательным образуют другое словосочетание, например: *Жеращты лэпкыым нэхърэ нэхъ шы дахэ шылэкыым*, – *зы тлэклу дэкла нэужыым адэклэ Гзуцлыпс жилащ* (К. Т.) «Красивее породы «Жеращты» нет лошадей», – продолжал дальше Гучипс.

В предложении может отсутствовать название сравниваемого предмета, хотя оно несомненно в речи подразумевается, например: *Сэ нэхърэ нэхъыфл кэбгъуэтмэ, сытцыгъуэцэни, сэ нэхърэ нэхъыклэ кэбгъуэтмэ, уигу сыкэкыжыни* (Лу.) «Если лучше меня найдешь, позабудешь, если хуже меня найдешь, вспомнишь».

5.2.2.2. Усилительные формы сравнительной степени

К форме сравнительной степени может прибавляться суффикс *-ж*, который вносит добавочное значение усиления степени преобладания качества. В данном случае значение суффикса *-ж* соответствует русскому слову «еще», например: *нэхъ лээщ* «более сильный» – *нэхъ лээщыж* «еще более сильный»; *нэхъ быдэ* «более крепкий» – *нэхъ быдэж* «еще более крепкий»; *нэхъыфл* «лучший» – *нэхъыфлыж* «еще более хороший».

Путем сочетаний прилагательного с частицами *нэхъри* и *нэхъ* или только с *нэхъри* образуется сравнительная степень с оттенком усиления степени. При таких формах сравнительной степени в предложении не может присутствовать название предмета, с которым сравнивают, например: *Еджэмэ нэхъри нэхъ адыгэ бзылхугъэфл хуонкэ* (К.Т.) «Если будет учиться, станет еще лучшей адыгейкой»; *Иджы, благэ зрызэхуэху лэндэрэ, Исуфрэ Биболэтрэ я зэныбжэзгуныгъэр нэхъри быдэ хуат* (К. Т.) «Теперь, с тех пор как они стали родственниками, дружба между Исуфом и Биболом стала еще

крепче».

Для выражения усиления степени преобладания качества к такой форме может быть прибавлен еще суффикс -ж. Тогда сравнительная степень прилагательного будет иметь следующую форму: *нэхъри нэхъ* + прилагательное + суффикс -ж, например: *Мы уэрамыр нэхъри нэхъ дахэж зэрыхъунур къащлэрт* (К.Т.) «Видно было, что эта улица станет еще красивее».

К форме сравнительной степени прилагательного могут присоединяться наречия степени *лэджэклэ, куэдклэ, зыкъомклэ, зыбжанэклэ* «гораздо», «значительно», «в несколько раз», которые усиливают сравнительную степень. Примеры: *нэхъ щлалэ* «более молодой» – *куэдклэ нэхъ щлалэ* «гораздо моложе»; *нэхъ лъэщ* «более сильный» – *лэджэклэ нэхъ лъэщ* «гораздо сильнее»; *нэхъыфл* «лучше» – *зыбжанэклэ нэхъыфл* «в несколько раз лучше»; *нэхъ лъагэ* «более высокий» – *зыкъомклэ нэхъ лъагэ* «значительно выше».

5.2.2.3. Уменьшительные формы сравнительной степени

Сравнительная степень прилагательных имеет и уменьшительные формы.

Форма сравнительной степени, образованная сочетанием *нэхъ* с прилагательным, может сочетаться с суффиксом -луэ, который в данном случае вносит добавочное значение смягчения степени преобладания качества и соответствует приставке *по-* в русском языке, например: *нэхъ дахэ* «красивее» – *нэхъ дахэлуэ* «покрасивее»; *нэхъ хуабэ* «теплее» – *нэхъ хуабэлуэ* «потеплее»; *нэхъ лэфл* «слаще» – *нэхъ лэфлылуэ* «послаще».

Присоединение к форме сравнительной степени наречий *зымлэклыклэ, млэклыклэ, зымащлэклэ* со значением «немного» привносит уменьшительный оттенок, например: *нэхъ щтыр* «более горячий» – *зымлэклыклэ нэхъ щтыр* «чуть более горячий»; *нэхъ лъахъшэ* «ниже» – *зымащлэклэ нэхъ лъахъшэ* «чуть более низкий» – *нэхъ тынш* «более легкий» – *млэклы-клэ нэхъ тынш* «чуть более легкий».

Для сравнения качества предмета с таким же качеством другого предмета в языке используются префикс *е-* и суффикс -экл. Эти аффиксы – глагольные, и исходная форма качественных прилагательных, оформляясь префиксом *е-* и суффиксом -экл, переходит в глагол: *лэфл* «сладкий» – *йолэфлэкл* «слаще», *дахэ* «красивый» – *йодэхэкл* «краше, красивее», *цлыклу* «маленький» – *йоцлыклуэкл* «меньше», *флы* «хороший» – *йофлэкл* «лучше», *бзаджэ* «хитрый» – *йобэдджэкл* «хитрее», *луц* «умный» – *йолуцэкл* «умнее»; *А пцэдджыжыым дыгъэм уедэхэклырт* (лу.) – «Краше солнца в то утро ты была»; *Фор фошыгъум йолэфлэкл* – «Мёд слаще сахара». Другой простой (синтетической) формы сравнительной степени в кабардино-черкесском языке нет.

5.2.3. Превосходная степень

В форме превосходной степени имя прилагательное означает высшую степень качества или превосходства данного предмета над другими предметами по данному качеству.

Встречаются как простые (синтетические), так и сложные (аналитические) формы превосходной степени.

5.2.3.1. Простые формы превосходной степени

Простые формы превосходной степени выражают высшую степень качества предмета без сравнения с другими предметами.

Простые формы превосходной степени (элятивы) образуются от исходной формы прилагательного при помощи суффиксов -цэ, -луэ, -бзэ, -нс, -клей, -ей:

-цэ: *лэфлыцэ* «слишком сладкий», «очень сладкий»; *лъагашцэ* «высочайший», «слишком высокий»; *щтырыцэ* «слишком горячий», «очень горячий».

-луэ: *кыхъылуэ* «длиннейший», «слишком длинный» (или «длинноватый»); *сырылуэ* «слишком горький», «очень горький» (или «горьковатый»); *цлыклулуэ* «слишком маленький».

Суффиксы *-цэ*, *-луэ* весьма продуктивны. Они могут присоединиться к любой основе качественного прилагательного.

-бзэ: *плъыжьыбзэ* «очень красный», *мышуубзэ* «совсем несоленый»; *къабзэбзэ* «очень чистый».

-нс: *цхъуантлэпс* «очень зеленый»; *цлэрыпс* «совсем новый», «новейший»; *мышуупс* «совсем пресный».

Суффикс *-бзэ*, *-нс* обычно сочетаются с качественными прилагательными, выражающими цвет, вкус.

-клей: *дахэклей* «красивейший», *дэгъуэклей* «прекраснейший».

-ей: *хуабей* «очень теплый», «жарище», *бзаджей* «очень злой», «очень хитрый».

5.2.3.2. Сложные формы превосходной степени

Сложные формы превосходной степени имеют два значения.

Первое – выражение высшей степени качества предмета по сравнению с тем же качеством в других предметах. Формы превосходной степени с этим значением образуются путем сочетания частиц *нэхъ* и *дыдэ* с прилагательными исходной формы. Частица *нэхъ* ставится перед прилагательными, а *дыдэ* стоит после прилагательного, например: *нэхъ лъагэ дыдэ* «самый высокий»; *нэхъ жан дыдэ* «самый острый»; *нэхъ лъэщ дыдэ* «самый сильный»; *нэхъ гъунэгъу дыдэ* «самый близкий»; *нэхъ цлэ дыдэ* «самый новый».

Превосходная степень образуется путем повторения прилагательного, например: *нэхъыфлэхэм я нэхъыфлыж* «лучший из лучших»; *нэхъ лъэщхэм я нэхъ лъэщыж* «сильный из сильных»; *нэхъ хахуэхэм я нэхъ хахуэж* «храбрый из храбрых»; *луц и луцыж* «умнее умного»; *тклийхэм я тклииж* «строгий из строгих».

В этих образованиях одно и то же прилагательное сравнительной степени повторяется дважды в разных формах: то в форме эргативного падежа множественного числа в сочетании с притяжательным местоимением *я* «их», то с усилительным суффиксом *-ж*; или одно и то же прилагательное исходной формы повторяется в разных формах: то в форме эргативного падежа единственного или множественного числа в сочетании с притяжательным местоимением *и* «его» или *я* «их», то с усилительным суффиксом *-ж*.

Второе значение – соотносительное обозначение высшей степени качества. Сложные формы превосходной степени с этим значением образуются прибавлением к прилагательным исходной формы слов *дыдэ*, *икъуклэ*, *лей*, *бзаджэ*, *хуабжэу*, например: *цэныфлэ* «скромный» – *цэныфлэ дыдэ* «очень скромный»; *гуащлэ* «кислый» – *гуащлэ дыдэ* «очень кислый»; *цлылэ* «холодный» – *икъуклэ цлылэ* «очень холодный»; *нэжэгужэ* «веселый» – *хуа-бжэу нэжэгужэ* «очень веселый»; *лэфлэ* «сладкий» – *лэфлэ дыдэ* «очень сладкий»; *клыфлэ* «темный» – *клыфлэ бзаджэ* «очень темный».

В сочетании с именем существительным или местоимением в эргативном падеже прилагательные в сравнительной степени приобретают значение превосходной степени, например: *Абы шыхэм я нэхъ дэгъуэр къыщэхуащ* «Он купил самую прекрасную из лошадей»; *Сипхъу нэхъыцлэр псоми я нэхъ луц си гугъат, ауэ псоми я нэхъ делэу къыщлэклащ* (К.Т.) «Мне казалось, что моя младшая дочь умнее всех, но оказалось, что глупее всех»; *Пшагъуэр эклэцлхужащ, гъуэздэжэщ! Смел бгым къытенащ, ар къэсклакъым, къыклуэтакъым – ари гъуэздэжэщ! Ауэ Галя, – цлылэ зыхуымыгъэхэ! – зэрыжлар псом нэхърэ нэхъыфлэц* (Хь. Хь.) «Туман рассеялся, прекрасно! Смел остался на косогоре, он не дрогнул, не отступил – тоже прекрасно! Прекрасней же всего то, что Галя сказала: «Не простудись!»; *А луэхугъуитлыр сытым нэхъри нэхъыщхъэт икли нэхъ зэкълэмыклуэт* (К.Т.) «Эти два вопроса были важнее всего и касались наиболее отстающих участков».

Формы сравнительной степени, употребленные в обобщенно-отрицательных оборотах, приобретают значение превосходной степени: *Абы нэхърэ нэхъ дахэ уафэмрэ цлылэмрэ я эхуакум дэткъым* (Н.) «Красивее ее нет между небом и землей».

Отдельные относительные прилагательные могут иметь степени сравнения и формы интенсификации: *пасэрей* «старинный» – *нэхъ пасэрей* «более старинный» – *нэхъ пасэрей*

дыдэ «самый старинный, древний» – *пасэрей дыдэ* «очень, самый древний» – *пасэреищэ, пасэреиуэ* – «слишком старинный, самый древний»; *ипэ* «передний» – *нэхэ ипэ* «более передний»; *иклэ* «последний» – *нэхэ иклэ* «более последний» – *нэхэ иклэ дыдэ* «самый последний»; *иужсьрей* «последний» – *нэхэ иужсьрей* «более последний» – *нэхэ иужсьрей дыдэ* «самый последний» и др. *Цыыхэм ябгъэдишири цэху дыдэу къыжриащ: уи шым и жагъэр зытебухуэн хуейр иужсьрей дыдэ къежэкIыгъуэр арщ* (КI. Т.) «Он его отвел в сторону от людей и совсем тихо сказал: – скорость твоей лошади нужно сосредоточить на самом последнем круге». Приведенные прилагательные совмещают в своей семантике относительное значение с качественным и их можно назвать качественно-относительными прилагательными. Относительное значение в этом случае обычно выступает как основное, номинативное значение этих слов, а качественное – как переносное: *пэрым* «передний», ср. *цыыху пэрым* «передовой человек», *иклэ* «последний (ряд)» – *цыыху иклэ* «плохой человек». *МэкъумэшыцIэхэм яцIэрт абы хуэдэ цыыху иклэм, Щауэлэкъуэм деж, цыхъэщIэ цыыхур апхуэдэ Iуэху мыхъумыщIэкIэ абы пыщIауэ цытын зэрыхуейр* (КI. Т.) «Крестьяне знали, что тот, кто гостит у такого подлого человека, как Шеотлуко, должен иметь с ним такие же тёмные дела».

Имена существительные, обычно употребляющиеся в качестве относительных прилагательных, могут выступать в значении качественных прилагательных, в этом случае они стоят после определяемого слова: *Уэлэхы, НысэлэфI, мыбы нэхэрэ нэхэ жэм дыщэ Iэхуэ псом хэмыт* (Т. Хь.) «Волагги, Нысааф, лучше коровы (букв.: золотая корова), чем она, во всем стаде нет»; *Лыжсьыр къакIуэри зыри жимылэу къеплъащ жэхэфэгум тес щIалэ дыгъэ тыкъырым* (Н.) «Старик пришел и, не говоря ничего, посмотрел на крупного прекрасного (лучезарного) ребенка, который сидел на полу и играл»; *Уи дыщэ пхъуантэр къэстIэщIыжыну, Си дадэ дыщэ, узогъэгугъэ* (Щ. А.) «Твой золотой сундук раскрыть, Мой дед золотой, я обещаю».

Некоторые качественные прилагательные не имеют степени сравнения в силу своего лексического значения: признак, называемый этими прилагательными, является неизменным, таким, который не способен проявляться в большей или меньшей степени. Таковыми являются прилагательные, показывающие масть: *пцIэгъуэлэ*, «гнедой», *къарэ* «вороной», *брул* «чалый, рыжий», *пцIэгъуалэ* «серый», *къэбыфэ* «каурый», др.

Не имеют степеней сравнения *пцIанэ* «голый», *лъапцIэ* «босой», *нэщI* «пустой». Если же *пцIанэ* «голый» означает «плохо (хуже) одетый», *лъапцIэ* «плохо обутый», то они могут иметь степени сравнения: *нэхэ пцIанэ* «более плохо одетый», *лъапцIэ дыдэ* «совсем босой» и др.

5.2.4. Формы оценки качественных прилагательных

Говорящий не только может обозначать именем прилагательным качество предмета, но и вкладывать в это обозначение увеличительные, увеличительно-одобрительные, ласкательные, уменьшительные, пренебрежительные оттенки, т. е. давать оценку качеству предмета.

Формы оценок образуются суффиксальным, префиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Для этого используются суффиксы *-фэ*, *-жэ*, *-пэ*, *-нитIэ* (с вариантами в просторечии), *-шхуэ* и префикс *-хуэ*. Из них наиболее употребительны *-фэ* и *-жэ*.

Суффикс *-фэ* вносит оттенок неполноты качества и соответствует суффиксам русского языка *-оват*, *-еват*, например: *гъуэжъыфэ* «желтоватый», *щIыхуфэ* «синеватый», *хужъыфэ* «беловатый». Морфема *-фэ* связана со словом *фэ* «цвет» и еще не полностью грамматиколлизировалась.

Суффикс *-нитIэ* вносит уменьшительный оттенок. Он присоединяется к прилагательным *цыкIу* «маленький» и *тIэкIу* «малый»: *цыкIунитIэ* «малюсенький», *тIэкIунитIэ* «немножечко».

Присоединяясь к прилагательным, обозначающим положительное качество, суффикс *-жэ* выражает увеличительно-одобрительный оттенок (который очень трудно передать в переводе на русский язык), например: *дэгъуэ* «прекрасный» – *дэгъуэжэ* «какой прекрасный»; *дахэ* «красивый» – *дахэжэ* «какой красивый»; *губзыгъэ* «умный» –

губзыгъэжъ «какой умный»; *узыншэ* «здоровый» – *узыншэжъ* «здоровенный».

Присоединяясь к прилагательным, обозначающим отрицательное качество, суффикс *-жъ* привносит пренебрежительный оттенок, например: *фыгъуэнэд* «завистливый» – *фыгъуэнэдыжъ* «какой завистливый»; *цхъэхынэ* «ленивый» – *цхъэхынэжъ* «какой ленивый»; *делэ* «глупый» – *делэжъ* «какой глупый».

В зависимости от отношения (симпатии или антипатии) говорящего к содержанию высказывания суффикс *-жъ* может выражать оба указанных выше значения в одном и том же слове, и только в контексте эти значения разграничиваются.

Суффикс *-нэ* вносит усилительный оттенок, который можно передать словами «совершенно», «совсем», например: *узыншэ* «здоровый» – *узыншанэ* «совершенно здоровый»; *делэ* «глупый» – *деланэ* «совсем глупый».

Уменьшительно-ласкательные оттенки выражаются не специальными аффиксами, а описательно, путем присоединения к прилагательному слова *цлыкӀу* «маленький», например: *дахэ цлыкӀу* «красивенький»; *гуакӀуэ цлыкӀу* «приятненький»; *псыгъуэ цлыкӀу* «тоненький».

Слово *цлыкӀу* может быть употреблено и для выражения уничижительного оттенка в том случае, если в прилагательном наличествует суффикс *-жъ*, например: *леижъ цлыкӀу* «плохонький», *бэлацэжъ цлыкӀу* «лохматенький».

Для выражения увеличительного оттенка употребляется суффикс *-шхуэ*, например: *бгъуэ* «широкий» – *бгъуэшхуэ* «широченый»; ин «большой» – *инышхуэ* «большущий».

Префикс *хуэ-* с суффиксом *-фэ* смягчают качество, выраженное некоторыми прилагательными, например: *хуэгъуэжъыфэ* «желтоватый»; *хуэделафэ* «глуповатый». Аффикс *хуэ-* чаще употребляется как глагольный префикс.

Прилагательное может повторяться то с суффиксом *-рэ*, то с падежным аффиксом *-у/-уэ*, например: *плъыжърэ-плъыжъу* букв. «красным-красный»; *быхъурэ быхъуу* букв. «широким-широкий»; *флейрэ-флейуэ* букв. «грязным-грязный»; *лэфӀрэ-лэфӀу* букв. «сладкий-сладкий».

5.3. Относительные имена прилагательные

Все относительные прилагательные являются в кабардино-черкесском языке производными.

Относительные прилагательные в отличие от качественных, по степеням сравнения не изменяются, не образуют формы оценок.

Исконно относительные прилагательные могут выражать:

а) отношение ко времени, например: *нобэрей* «сегодняшний»; *дыгъуэтшыхъырей* «вчерашний», «вечерний»; *нэгъабэрей* «прошлогодний»; *зымахуэрей* «относящийся к какому-то прошедшему дню»; *ещанэгъэрей* «относящийся к третьему году»;

б) отношение к месту, например: *ищхъэ* «верхний»; *ипэ/япэ* «передний»; *модрей* «другой»; *икӀэ* «последний»;

в) числовые отношения, например: *защӀэ* «одинарный»; *тӀуащӀэ* «двойной».

В отличие от качественных прилагательных относительные обычно ставятся перед определяемым словом.

Относительные прилагательные постоянно пополняются за счет заимствований из русского языка, например: *научнэ* «научный»; *художественнэ* «художественный».

Примечание. В языке широко используются в роли определения имена существительные, которые ставятся перед существительным и по своим лексико-семантическим значениям похожи на относительные прилагательные, но морфологически ничем не отличаются от существительных (остаются именами существительными). Существительные определения могут указывать: а) на материал, из которого сделан предмет, обозначенный в определяемом; б) на предмет, которому принадлежит предмет, обозначенный в определяемом; в) на предмет, к которому относится другой предмет, обозначенный в определяемом.

Существительные-определения, указывающие на материал, из которого сделан предмет, могут быть оформленными и неоформленными. Оформленное определение

имеет аффикс обстоятельственного падежа -у/-уэ, например: **дыщэу** сыхэат «золотые часы»; **мывэу** унэ «каменный дом»; **фэуэ** лэлэ «кожаные перчатки». Неоформленные же не принимают никаких аффиксов, и значение выявляется путем простого соположения, например: **дыщэ** лэлэын «золотое кольцо»; **мывэ** унэ «каменный дом»; **фэ** лэлэ «кожаные перчатки».

Существительные-определения, указывающие на предмет, которому принадлежит определяемое имя существительное, как правило, получают падежное окончание эргативного падежа, например: **стлолым** и **лэакэуэ** «столовая ножка», т. е. «ножка стола»; **бзухэм** я абгэуэ «воробьиное гнездо»; **сабийм** и **щыгэын** «детская одежда»; **адэ-анэхэм** я собранэ «родительское собрание». Существительные-определения, указывающие на предмет, к которому относится определяемое имя существительное, всегда выступают в неоформленном виде, например: **сабий** щыгэын «детская одежда», **адыгэбзэ** «кабардинский язык»; **бжсыхэ** уэшх «осенний дождь»; **мэз** бжэн «лесная коза».

5.4. Склонение имен прилагательных

Имена прилагательные изменяются по числам и падежам. Категории числа и падежа имен прилагательных находятся в тесной зависимости от определяемых существительных и в качестве показателей этих категорий получают те же аффиксы, какие имеют имена существительные, т. е. существительное с прилагательным склоняются как одно слово. Это заметно особенно в односложных качественных прилагательных с исходом на э на ы, которые произносятся и пишутся слитно с существительным, например: **унэцлэ** «новый дом» – **унэ** «дом» < **цлэ** «новый», **шыжыфл** «хорошая, старая лошадь» < **шы** «лошадь» + **жы** «старая» + **фл** «хорошая».

При сочетании качественного прилагательного (определения) с именем существительным (определяемым) первое ставится после имени существительного. Такое сочетание изменяется как одно слово, т. е. падежный аффикс и показатель множественного числа принимает только качественное прилагательное-определение.

Относительное прилагательное-определение ставится перед определяемым именем существительным; суффиксом множ. числа -хэ и падежным окончанием оформляется определяемое существительное.

Вне сочетания с именем существительным прилагательное, как качественное, так и относительное, изменяется по числам и падежам подобно имени существительному (см. табл.).

Если при одном определяемом имеется ряд определений, выраженных качественными прилагательными, аффиксы словоизменения присоединяются к последнему прилагательному, например: **Гэунэгэум а я хыдэжэбз гэур кэамылыфэ гумацлэ лэагэуэуафлэ цыклур**, махуэ кэс зыщыллрэ **Мосхэ** я деж кэежэклыр, **Мос фл**ы дыдэу илэагэурт (К. Т.) «Мос очень любил эту худенькую, смугленькую, ласковую и привлекательную соседскую девочку, которая по нескольку раз в день прибегала к ним»; **Ин-д-жыдэ псыхэуэ кыщыхэурей пцэдджыжэ уэфл дахэхэм** ящыщ зыт а пцэдджыжыыр (У. Ан.) «Это была одно из погожих красивых утр, которые часто бывают на реке Инджидж».

Если при одном определяемом имеются и относительное и качественное прилагательные, то относительное прилагательное ставится перед определяемым, а качественное – после определяемого, показатели же числа и падежа присоединяются к качественному прилагательному, например: **нэгэбэрей мыларысэ плыжы-хэ-р** «прошлогодние яблоки красные», «прошлогодние красные яблоки»; **Нобэрей уэшх хуабэм** и **ужыклэ пцланэхэм зрачыщ** «После сегодняшнего теплого дождя посевы пойдут в рост».

Качественное прилагательное-определение может стоять и перед определяемым именем существительным, причем оформляется падежным аффиксом -у/-уэ и ни в чем не согласуется с определяемым, например: **хужэу джанэ схуадащ** «белую рубашку мне сшили»; **Хеицэ цыклуу а пцацэр флыгэуэр** и **пцлыху мэжей** (Ш. А.) «Спит невинная красавица, и снится ей добро».

Числа	Падежи	С существительными	Без существительных
е д и н с т в е н.	Им.	<i>луц «мудрый» цыху луцы-р «мудрый человек»</i>	<i>луц луц-ы-р «мудрый»</i>
	Эрг.	<i>цыху луцы-м</i>	<i>луц-ы-м</i>
	Посл.	<i>луц--клэ цыху луцы-м-клэ</i>	<i>луц--клэ луцы-м-клэ</i>
	Обст.	<i>луц-у цыху луцы-р-а-уэ</i>	<i>луц-у луцы-р-а-уэ</i>
м н о ж е с т в.	Им.	<i>цыху луц-хэ-р «люди мудрые»</i>	<i>луц-хэ-р</i>
	Эрг.	<i>цыху луц-хэ-м</i>	<i>луц-хэ-м</i>
	Посл.	<i>цыху луц-хэ-м-клэ</i>	<i>луц-хэ-м-клэ</i>
	Обст.	<i>цыху луц-хэ-у луц-хэ-р-ауэ</i>	<i>луц-хэ-у луц-хэ-р-ауэ</i>

Склонение относительного прилагательного

Числа	Падежи	С существительными	Без существительных
единств.	Им.	<i>уэрэд «песня» пасэрей уэрэд-ы-р «старинная песня»</i>	<i>пасэрей пасэрей-р «старинная»</i>
	Эрг.	<i>пасэрей уэрэд-ы-м</i>	<i>пасэрей-м</i>
	Посл.	<i>уэрэд-клэ, пасэрей уэрэд-ы-м- клэ</i>	<i>пасэрей-клэ, пасэрей-м- клэ</i>
	Обст.	<i>уэрэд-у, пасэрей уэрэд-ы-ра-уэ</i>	<i>пасэрей-уэ, пасэрей-р-а- уэ</i>
множ.	Им.	<i>пасэрей уэрэд-хэ-р «старинные песни»</i>	<i>пасэрей-хэ-р «старинная»</i>
	Эрг.	<i>пасэрей уэрэд-хэ-м</i>	<i>пасэрей-хэ-м</i>
	Посл.	<i>пасэрей уэрэд-хэ-м-клэ</i>	<i>пасэрей-хэ-м-клэ</i>
	Обст.	<i>уэрэд-хэ-у, пасэрей уэрэд-хэ-р-а-уэ</i>	<i>пасэрей-хэ-у, пасэрей-хэ-р-а-уэ</i>

5.5. Переход причастий в имена прилагательные

В кабардино-черкесском языке имеются имена прилагательные, восходящие к причастиям. Причастия, которые утратили глагольные признаки и приобрели значения чисто качественные, переходят в прилагательные, например: *жэр* «резвый» от *жэр* «бегущий»; *кӀуэр* «иноходец» от *кӀуэр* «идущий»; *гъэва* «вареный»; *кӀута* «разбитый»; *екӀу* «приличный»; *зэкӀуж* «солидный», *зэпырыдз* «клетчатый»; *хэплъыхъа* «отборный», *къызэрыгуэкӀ* «простой».

5.6. Словообразование имен прилагательных

Производные имена прилагательные образуются следующими способами: а) суффиксальным, б) префиксальным, в) префиксально-суффиксальным, г) сложением основ. Наиболее продуктивными являются суффиксальный и основосложение.

5.6.1. Суффиксальный способ

Посредством суффиксов имена прилагательные образуются от различных частей речи. По отношению к основам, от которых образуется прилагательные, словообразовательные суффиксы можно подразделить на четыре группы: а) суффиксы, при помощи которых образуются имена прилагательные от основ имен существительных; б) суффиксы, образующие имена прилагательные от глагольных основ; в) суффиксы, образующие новые прилагательные от имен прилагательных; г) суффиксы, образующие имена прилагательные от основ числительных и наречий.

5.6.1.1. Суффиксы, образующие качественные имена прилагательные от основ имен существительных

-*ншэ* – указывает на отсутствие того, что обозначено производящей основой, например: *узы-ншэ* (букв. «без болезни»), «здоровый»; *фэ-ншэ* «бесцветный»; *акъылы-ншэ* «безумный»; *насыты-ншэ* «несчастный»; *щхъэ-ншэ* «глупый» (букв. «безголовый»).

-*гуэ* – указывает на полное или частичное отсутствие того, что обозначается производящей основой, например: *дза-гуэ* «беззубый», «тупой»; *кла-гуэ* «бесхвостый»; *бза-гуэ* «немой»; *дагуэ* «безухий» (в отношении животных);

-*джэ* – образует прилагательные со значением «имеющий в недостаточной мере что-либо», например: *гуащла-джэ* «бессильный», «слабый»; *фа-джэ* «невзрачный»; *лға-джэ* «короткий»; *ныба-джэ* «тощий»; *игъуэ-д-жэ* «несвоевременный»;

-*флэ* – является антонимом суффиксов -*ншэ*, -*гуэ*, -*джэ*; этот суффикс образует имена прилагательные, указывающие на наличие в достаточной степени или в большом количестве того, что обозначается производящей основой, например: *цэны-флэ* «вежливый», «воспитанный», «скромный»; *гуащла-флэ* «сильный», «энергичный»; *пкъы-флэ* «статный»; *насыты-флэ* «счастливый»; *бгъуфлэ* «широкий»;

-*лгэ* – относится к общим формам, образующим и существительные и прилагательные, например: *мыва-лгэ* «каменистый», *пшахъуа-лгэ* «песчаный», *псылгэ* «водянистый»; *удзылгэ* «травянистый»;

-*фэ* – образует имена прилагательные со значением «подобный», например: *удзы-фэ* «зеленый» (букв. «подобный траве»); *яжъа-фэ* «серый» (букв. «подобный золе»), *тхъэмбылы-фэ* «розовый»; *джэдгыны-фэ* «цвет чебреца»; *къэбы-фэ* «светло-желтый» (букв. «подобный тыкве»);

-*цэ* – образует имена прилагательные со значением «имеющий» или имеющий в большом количестве то, что обозначается именной основой, например: *жъакла-цэ* «бородатый», *щхъэ-цэ* «чубатый», *къуа-цэ* «лохматый»;

-*пцлэ* – показывает качество, свойство, например: *лға-пцлэ* «босой»; *па-пцлэ* «острый»; *набдза-пцлэ* «чернобровый»; *къуа-пцлэ* «смуглый»;

-*зэ* – указывает на качество, свойство, например: *лу-зэ* «узкий»; *на-зэ* «косой»; *щхъэ-зэ* «рассеянный»;

-*хэ* – образует имена прилагательные, указывающие на полное или частичное отсутствие того, что обозначено именной основой, например: *къаруу-хэ* «слабый» (от *къару* «сила»), *дзы-хэ* «невыносливый», «слабый», *гу-хэ* «слабодушный» (от *гу* «сердце»), *мазэ-хэ* «безлунная»;

-*лэ* – выражает склонность или подверженность чему-либо, например: *узы-лэ* «болезненный», *псалға-лэ* «говорливый», *уэлбана-лэ* «дождливый»;

-*хъу* – например: *жъэ-хъу* «широкототый»; «грубый»; *пэ-хъу* «широкоздрый»;

-*ф* – указывает на качество, свойство, например: *псы-ф* «мокрый»; *нэ-ф* «слепой»; *ныбэ-ф* «пузатый»;

-*кэ(-къэ)* – например: *пащлэ-кэ* «усатый»; *ныбэ-кэ* «пузатый», *па-кэ* «курносый», «коротконосый»;

-*клуэ* – образует имена прилагательные типа: *жъа-клуэ* «речистый»; *гуа-клуэ* «приятный»; *па-клуэ* «основной»; *лэ-клуэ* «умелый»;

-*шэ* – указывает на наличие в предмете какого-нибудь недостатка, например: *на-шэ* «косой», *лға-шэ* «кривоногий», «безногий»; *лу-шэ* «кривой»; *пща-шэ* «кривошей»;

-*лэ* – указывает на наличие в предмете какого-либо общего признака, например: *псы-лэ* «влажный», *щлы-лэ* «холодный»;

-*луэ* – обозначает признак очевидный, бросающийся в глаза, например: *на-луэ* «яркий», «ясный»; *цлэры-луэ* «прославленный», «известный»;

-*е* – образует имена прилагательные, обозначающие отрицательные качества, например: *фа-е* «бесцветный», *уа-е* «холодная» (о погоде);

-*нж*: *-бгъу-нж* «наклонный», «косой», *пхэ-нж* «обратный»;

-*хуэ* – образует имена прилагательные типа: *на-хуэ* «известный»; *лэры-хуэ* «ловкий».

5.6.1.2. Суффиксы, образующие качественные имена прилагательные от глагольных основ

Продуктивные суффиксы:

-*гъуафлэ* – образует имена прилагательные, указывающие на то, что действие, состояние, выраженное производящей основой, легко производимо, например: *къэпсэлгы-гъуафлэ* «легко произносимое», *тхы-гъуафлэ* «легкописуемый», *къеджэ-гъуафлэ* «легкочитаемый», *лъагъу-гъуафлэ* «сим-патичный», *щлы-гъуафлэ* «то, что легко делается»;

-*гъу(э)ей* – антоним суффикса -*гъуафлэ*, образует имена прилагательные, показывающие, что действие, состояние, выраженное глагольной основой, трудно производимо, например: *лъагъу-гъуей* «противный» (букв. «на кого трудно смотреть»); *пхырыкы-гъуей* «труднопроходимый»; *шэчы-гъуей* «нетерпимый», *къеджэ-гъуей* «трудночитаемый»; *зэпкъырылхъэ-гъуей* «труднособираемый»;

-*рей* – образует имена прилагательные со значением «подверженный», «склонный к тому, что обозначается производящей основой», например: *гушылэ-рей* «шутливый», *псалъэ-рей* «говорливый», *джэгу-рей* «игривый», *пыджэ-рей* «бодливый», *сымаджэ-рей* «болезненный».

5.6.1.3. Малопродуктивные суффиксы

-*рилэ*, -*ринэ* – означают склонность, подверженность чему-либо, например: *хъуапсэ-рилэ* «завистливый»; *гъы-ринэ* «плаксивый»; *уэлбанэ-рилэ* «дождливый»; *нэпсеи-рилэ* «жадный»;

-*х* – образует имена прилагательные со значением «склонный или подверженный тому, что обозначено производящей основой», например: *укълмэ-х* «стеснительный», *цыгъупщэ-х* «забывчивый»; *гузэвэ-х* «беспокойный»;

-*гъуэ* «образует качественные имена прилагательные типа: *шына-гъуэ* «страшный»; *гурылуэ-гъуэ* «понятный», *зэшы-гъуэ* «скучный».

5.6.1.4. Непродуктивные суффиксы

-*нэд* и -*нэ* – означают склонность, подверженность чему-либо, например: *жей-нэд* «сонливый», *щхъэхы-нэ* «ленивый».

5.6.1.5. Суффиксы, образующие новые имена прилагательные от основ прилагательных

-*жъ*: *плъы-жъ* «красный», *ху-жъ* «белый», *гъуэ-жъ* «желтый»;

-*млэ*//*-нмлэ*: *гъуа-млэ* «темнорыжий», *щхъуан-млэ* «зеленый»;

-*бжэ*: *гъуа-бжэ* «серый».

Все эти суффиксы являются непродуктивными.

5.6.1.6. Суффиксы, образующие относительные имена прилагательные от основ числительных и наречий

-*рей* – образует от наречий времени и места относительные имена прилагательные, выражающие отношение ко времени и месту, например: *нобэ-рей* «сегодняшний»; *иджы-рей* «теперешний», *дыгъуасэ-рей* «вчерашний», *зыгъэ-рей* «относящийся к какому-то прошедшему году», *ад-рей* «другой», *мыд-рей* «здесь», *нетл-рей* «тогдашний».

Посредством суффикса -*рей* от порядковых числительных образуются относительные имена прилагательные, выражающие отношение к числу, например: *етлуанэ-рей*, «второй, относящийся ко второму», *етхуанэ-рей* «пятый, относящийся к пятому», *еянэ-рей* «восьмой, относящийся к восьмому», *епщыклуханэ-рей* «шестнадцатый»,

относящийся к шестнадцатому». Суффикс *-рей* продуктивен.

-цлэ – образует имена прилагательные от количественных числительных, начиная от I до 9, например: *за-цлэ* «одинарный», *ща-цлэ* «тройной», *плла-цлэ* «четверной».

5.6.2. Префиксальный способ

Префиксальный способ образования имен прилагательных в кабардино-черкесском языке является малопродуктивным. Префиксы, образующие имена прилагательные:

зэлэ-: *зэлэ-хъурей* «круглый со всех сторон», *зэлэ-пллмэ* «квадратный», *зэлэ-лэцлэ* «отдаленные друг от друга», *зэлэ-зэв* «тесный»;

и-, я- образуют от основ имен существительных относительные прилагательные, выражающие место, например: *и-цхъэ* «верхний», *и-клэ* «последний», *я-пэ* «передний». Префиксы *и-, я-* восходят к притяжательным местоимениям «его, их», но в подобных сочетаниях они выступают как словообразовательные префиксы;

къэ-: *къа-цхъуэ* «сероватый»;

мы- образует форму имен прилагательных с отрицательной частицей, например: *мы-ин* «небольшой», *мы-дахэ* «некрасивый», *мы-хъу* «зеленый, неспелый», *мы-шу* «несоленый», *мы-цлыху* «незнакомый».

5.6.3. Префиксально-суффиксальный способ

При помощи сложного префикса *зэ-мы-* и суффикса *-гъу* образуются различные имена прилагательные, например: *зэ-мы-фэ-гъу* «разноцвет-ные», *зэ-мыгуэгъу* «разные», «разнопарные». Тип продуктивный.

Посредством префиксов *и-* или *я-* и суффикса *-рей* от основ имен существительных образуются относительные прилагательные: *и-пэ-рей* «первый», *и-ужь-рей* «последний».

5.6.4. Способ основосложения

Сложные имена прилагательные образуются способом основосложения, а также путем сращения словосочетаний. Выявляются следующие основные типы образования сложных прилагательных.

5.6.4.1. Продуктивные типы

1. Оба компонента – антонимичные имена прилагательные с отрицательным префиксом *мы-*, например: *мыфл-мyleй* «средний» < *мыфл* «нехороший» + *мyleй* «неплохой»; *мыин-мыцлыклу* «средний» < *мыин* «небольшой» + *мыцлыклу* «немаленький».

2. Оба компонента состоят из имен прилагательных, обозначающих разные цвета, но вместе образующих новое понятие, например: *морэфлыцлэ* «темно-корич-невый» < *морэ* «коричневый» + *флыцлэ* «черный»; *гъуэплэ* «оранжевый» < *гъуэ* «рыжий» + *плэ* «красный»; *гъуабжэ-уэгущ* «серо-рябой», «веснушчатый» < *гъу-абжэ* «серый», *уэгущ* «с пятнышками», «с веснушками». К компонентам подобно сложных слов может быть присоединен суффикс *-фэ*, например: *плэ-фэ-ху-жыфэ* «светло-красный», *гъуэжыфэ-морэфэ* «желто-коричневый».

3. Слова, состоящие из причастия прошедшего времени и прилагательного *цлэ* «новый» или же *жы* «старый», соединяются слогом *гъэ-*, например: *лхуагъацлэ* «новоотелившаяся» (о корове), *къесагъацлэ* «нововыпавший» (о снеге *къалхуагъацлэ* «новорожденный», *къесагъэжэ* «давно выпавший», *цлагъэжэ* «давно построенный»).

4. Два определительных словосочетания, связанные способом подчинения, могут соединяться по способу сочинения в одно словосочетание, образуя сложное имя прилагательное, например: *лэбыдэлэбыдэ* «прочный» < *лэ быдэ* «крепкорукый», (букв. «рука крепкая») + *лэ быдэ* «крепконогий», (букв. «нога крепкая»); *лэгъумлэгъум* «толстый» < *лэ гъум* «толсторукий» (букв. «рука толстая») + *лэ гъум* «толстоногий»; *лэбыхъулэбыхъу* «просторный» < *лэ быхъу* «широкорукий» (букв. «рука широкая») + *лэ*

быхъу «широконогий» (букв. «нога широкая»).

5. Слова, состоящие из частицы *нэхъ* и имени существительного или прилагательного, например: *нэхъыщхъэ* «главный» (от *щхъэ* «голова»), *нэхъыкIэ* «худший» (от *кIэ* «последний»), *нэхъыщIэ* «младший» (от *щIэ* «новый», «молодой»).

6. Сложные имена прилагательные, образующиеся из сочетания слова *ныкъуэ* «половина», «пол» и качественного прилагательного или глагола, например: *ныкъуэлэфI* «полусладкий», *ныкъуэделэ* «полусумасшедший», *ныкъуэтхъу* «полуседой», *ныкъуэвэ* «полуваренный, недоваренный».

7. Сложные имена прилагательные, образующиеся из сочетания наречия или имени прилагательного в значении наречия и причастия, причем компоненты соединяются при помощи слога *ры*, например: *щабэрыкIуэ* «мягко ходящий», *псынщIэрыпсалэ* «быстро разговаривающий», *жыырытэдж* «рано встающий».

5.6.4.2. Малопродуктивные типы

1. Слова, состоящие из имени существительного и причастия, которые слились и образовали прилагательные, например: *щхъэхуещэ* «своекорыстный» (*щхъэ* «голова», *хуещэ* «стремящийся»), *щхъэщытхъу* «хвастливый» (*щытхъу* «который хвалит»), *щхъэзыфIэфI* «самовольный», «своенравный» (*зыфIэфI* «которому нравится»).

2. Слова, состоящие из имени существительного и глагола, соединенные слогом *ры*, например: *лэзызехъэ* «сильный» (*лэ* «нога», «стопа», *зехъэ* «носи»), *фэрыщI* «лицемерный» (*фэ* «вид», *щIы* «делай»).

3. Слова, состоящие из двух имен существительных, из которых первое определяет второе, а вместе обозначают одно понятие, например: *щхъэпс* «легкомысленный» (*щхъэ* «голова», *псы* «вода»); *дыгъэпс* «солнечный» (*дыгъэ* «солнце», *псы* «вода», «луч»); *фэрэкIнапэ* «конопатый» (*фэрэкI* «оспа», *напэ* «лицо»).

4. Оба компонента – причастия и осложнены префиксом *мы-*, например: *мыкIуэмытэ* «неповоротливый» (*мыкIуэ* «не идущий»), *мыхъумыщIэ* «неладный», «безобразный».

5. Оба компонента – имена существительные, осложненные каким-либо суффиксом и имеющие самостоятельное значение, например: *нэфIэгуфIэ* «веселый» (*нэ* «глаз», *гу* «сердце», *-фIэ* – суффикс); *фейцей* «невзрачный» (*фэ* – «вид», «кожа», *цы* «шерсть», *-ей* – суффикс); *IэкIуэлъакIуэ* «умелый» (*Iэ* «рука», *лэ* «нога», *-кIуэ* – суффикс).

6. Один из компонентов имеет самостоятельное значение, а второй, рифмующийся с ним, является его отзвуком, например: *гъуабжэлъабжэ* «серый» и «разного рода серые»; *къуэлэнпщIэлэн* «пестрый» и «разного рода пестрые».

7. Оба компонента утратили самостоятельное значение, например: *тэрэфарэ* «яркий», «пестрый»; *былуэбышэ* «уродливый».

5.6.5. Заимствованные имена прилагательные

В кабардино-черкесском языке имеются имена прилагательные, заимствованные из других языков. Особенно много заимствовано из русского языка. Значительное место среди заимствованных относительных прилагательных занимают научные, политические, технические и сельскохозяйственные термины, например: *культурнэ* «культурный», *хозяйственнэ* «хозяйственный», *общественнэ* «общественный», *экономическэ* «экономический» и др.

Заимствуемые из русского языка имена прилагательные, подчиняясь нормам заимствующего языка, подвергаются морфологическому изменению: родовое окончание опускается и вместо него прибавляется гласный *-э*, а категории числа и падежа начинают выражаться при помощи средств заимствующего языка, например: художественная литература – *художественнэ литературэ*; художественный руководитель – *художественнэ унафэщI*; художественное произведение – *художественнэ произведенэ*; художественные произведения – *художественнэ произведенэхэр*.

Если в заимствуемом имени прилагательном ударение падает на суффикс, то слово заимствуется в форме мужского рода единственного числа именительного падежа: областная конференция – *областной конференц*; областной совет – *областной совет*;

областные совещания – *областной совещанэхэр*.

Язык использует калькирование и полукалькирование для образования имен прилагательных, например: *дунейпсо* «всемирный» (*дуней* «мир», *псо* «весь»), *мэкъумэшхозяйственнэ* «сельскохозяйственный».

Займствованные качественные прилагательные из тюркских языков: *арэзы* «довольный», *ахъырзэман* «замечательный», *балигъ* «взрослый», *сабыр* «спокойный», «тихий», *мамыр* «мирный», «спокойный», *тынш* «легкий», *сакъ* «осторожный», *чэф* «пьяный», *хъэзыр* «готовый», *жумарт* «щедрый», *хъарзынэ* «хороший», *хъэлэч* «очень плохой», *хъурей* «круглый», *хъэлэмэт* «интересный», *ахьмакъ* «придурковатый» и др.

Займствованные качественные прилагательные из турецкого языка: *белджылы* «определенный», *брул* «чальный», *делэ* «глупый», *залым* «деспотичный», *къарэ* «черный», *къулей* «богатый», *къулейсыз* «бедный», *къуэлэн* «пестрый», *угъурлы* «добрый», *угъурсыз* «вредный» и др.

Некоторые прилагательные образованы от займствованных существительных посредством кабардино-черкесских суффиксов *-ншэ*, *-флэ*: *акъылы-флэ* «умный, мудрый», *насыпы-флэ* «счастливый», *щэны-флэ* «вежливый, скромный», *акъылы-ншэ* «безумный», *насыпы-ншэ* «несчастный», *къару-у-флэ* «сильный», *къаруу-ншэ* «бесцельный» и др.

6. Имя числительное

6.1. Общая характеристика

Имена числительные кабардино-черкесского языка обособляются от других разрядов слов прежде всего тем, что они лишены всякой предметности и обозначают отвлеченную идею числа. Слова, обозначающие количество, в современном кабардино-черкесском языке четко оформились в самостоятельную часть речи. Для них характерно, что они являются наименованиями чисел в абсолютном счете или определениями при имени (*шы тлоуцл* «двадцать коней» – «конь двадцать»). Числительные кабардино-черкесского языка характеризуются специфическими формами образования, хотя и сохраняют общность склонения с именами.

Исходя из значений и форм образования, числительные традиционно подразделяются на количественные, кратные, дробные, разделительные и порядковые. Некоторыми исследователями, кроме того, выделяются «слоевые» («соизмерительные») и «кратно-разделительные» числительные. Ставится вопрос также о неопределенно-количественных числительных и словах, обозначающих бесчисленное множество вообще. Это вызывает необходимость в разграничении слов, обозначающих числа, и числительных как особой части речи.

6.2. Система счисления и лексические единицы

Исторически кабардино-черкесская (как и вообще адыгская) система счисления является двадцатеричной: *60* – *тлоуцлуц* «три двадцатки». Однако со времени усиления кабардино-русских языковых контактов и под влиянием школьной практики развивается десятиричная система: *60* – *хыцл* «шестьдесят». Двадцатеричные образования в настоящее время воспринимаются как архаичные. В близкородственном адыгейском языке, как и в речи представителей черкесской диаспоры дальнего зарубежья, двадцатеричная система счисления сохраняется. Сопоставление типов сложения основ по десятиричной и двадцатеричной системам счисления приводит к выводу, что десятиричная система древнее: на ней основано само слово *тлоуцл* «двадцать», состоящее из *тлу* «два» и *цл* (из *пцл*) «десять».

Независимо от системы счисления адыгские языки имеют особые названия для узловых чисел и чисел алгоритмических. Вторые образуются от первых. Особые названия имеют единицы первого десятка (от 1 до 10) и сотня (*цэ*). В образовании числительных

(особенно разговорных форм) участвуют слова *ныкъуэ* «половина» и *зэхуэдит* «часть из двух равных долей».

Наименования высших классов чисел (*мелуан* «миллион» и под.), а также слово *нол* «ноль» заимствованы из русского языка, слово *мин* «тысяча» – из тюркских языков.

В следующей таблице представлены названия узловых и алгоритмических чисел в адыгских языках и их основных диалектах.

Числительные в	кабардино-черкесском языке				адыгейском языке			
Числа	Баксан. диал.	Кубан. диал.	Малк. говоре	Беслен. диал.	Бжедуг. диал.	Темирг. диал.	Абадзех. диал.	Шапсуг. диал.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	зы	зы	зы	зы	зы	зы	зы	зы
2	тӀу	тӀу	тӀу	тӀу	тӀу	тӀу	тӀу	тӀу (тӀкъу)
3	щы	щы	щы	щы	щы	щы	щы	щы
4	плӀы	плӀы	плӀы	плӀы	плӀы	плӀы	плӀы	плӀы
5	тху	тху	тху	тху	тфы	тфы	тфы	тфы
6	хы	хы	хы	хы	хы	хы	хы	хы
7	блы	блы	блы	блы	блы	блы	блы	блы
8	йы	йы	йы	йы	йы	йы	йы	йы
9	бгъу	бгъу	бгъу	бгъу	бгъу	бгъу	бгъу	бгъу
10	пщӀы	пщӀы	пшы	пшы	пшы	пшы	пшы	пшы
11	пщыкӀуз	пщыкӀуз	пшыкӀуз	пшыкӀуз	пшыкӀузы	пшыкӀузы	пшыкӀузы	пшыкӀузы
12	пщыкӀутӀ	пщыкӀутӀ	пшыкӀутӀ	пшыкӀутӀ	пшыкӀутӀы	пшыкӀутӀы	пшыкӀутӀы	пшыкӀутӀы
13	пщыкӀуц	пщыкӀуц	пшыкӀуц	пшыкӀуц	пшыкӀушы	пшыкӀушы	пшыкӀушы	пшыкӀушы
14	пщыкӀуплӀ	пщыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ	пшыкӀуплӀ
15	пщыкӀутху	пщыкӀутху	пшыкӀутху	пшыкӀутху	пшыкӀутфы	пшыкӀутфы	пшыкӀутфы	пшыкӀутфы
16	пщыкӀух	пщыкӀух	пшыкӀух	пшыкӀух	пшыкӀух	пшыкӀух	пшыкӀухы	пшыкӀухы
17	пщыкӀубл	пщыкӀубл	пшыкӀубл	пшыкӀубл	пшыкӀублы	пшыкӀублы	пшыкӀублы	пшыкӀублы
18	пщыкӀуй	пщыкӀуй	пшыкӀуй	пшыкӀуй	пшыкӀуй	пшыкӀуй	пшыкӀуй	пшыкӀуй
19	пщыкӀубгъу	пщыкӀубгъу	пшыкӀубгъу	пшыкӀубгъу	пшыкӀубгъу(ы)	пшыкӀубгъу(ы)	пшыкӀубгъу(ы)	пшыкӀубгъу(ы)
20	тӀощӀ	тощӀ	тошӀ	тӀочы	тӀокы	тӀокы	тӀокы	тӀокы

30	щэцІ, тощІрэ пщІырэ	щэцІ, тіощІрэ пщІырэ	шэшІ, тіощІрэ пщІырэ	тіочыІрэ, пІчыІырэ	щэкІы	щэкІы	щэІи	щэкІы
40	плыщІ (арх. тіощІитІ)	пІщІипІлІ, тіощІитІ	плыщІ, тіощІитІ	плІычыІ, тіочыитІ	тіокІитІу	тіокІитІу	тіокІитІу	тіокІитІу (тікІокІищ)
50	тхущІ, щэныкъуэ	щэныкъуэ	тхушІ, щэныкъуэ	щэныкъо	щэныкъо	щэныкъо	щэныкъо	щэныкъо
60	хыщІ (арх. тіощІищ)	щэныкъуэрэ пщІыкІуэрэ	хышІ, тіошІиш	хычыІ, тіочыищ	тіокІищ	тіокІищ	тіокІищ	тіокІищ
70	блыщІ	блыщІ	блыш	тіочыищрэ пчыІырэ, блычыІ	тіокІищрэ пшыІрэ		тіокІищрэ пшыІрэ	тікъыокІищрэ пшыІрэ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
80	ищІ, пщІей	ищІ, пщІей	ишІ, пшІей	тіочыищІлІ, пІчыІей	тіокІищІлІ	тіокІищІлІ	тіокІищІлІ	тікъыокІищІлІ
90	бгъущІ	бгъущІ	бгъушІ	тіочыищІлІрэ пІчыІырэ, бгъучыІ	тіокІищІлІрэ пшыІрэ	тіокІищІлІрэ пшыІрэ	тіокІищІлІрэ пшыІрэ	тікъыокІищІлІрэ пшыІрэ
100	щэ	щэ	шэ	щэ	щэ	щэ	щэ	щэ
200	щитІ	щитІ	шитІ	щитІ	щитІу	щитІу	щитІу	щитІу
300	щищ	щищ	шиш	щищ	щищ	щищ	щищ	щищ
400	щипІлІ	щипІлІ	шипІлІ	щипІлІ	щипІлІ	щипІлІ	щипІлІ	щипІлІ
500	щитху	щитху	шитху	щитху	щитф	щитф	щитф	щитф
600	щих	щих	ших	щих	щих	щих	щих	щих
700	щибл	щибл	шибл	щибл	щибл	щибл	щибл	щибл
800	щий	щий	ший	щий	щий	щий	щий	щий
900	щибгъу	щибгъу	шибгъу	щибгъу	щибгъу	щибгъу	щибгъу	щибгъу
1000	мин	мин	мин	мин	мин	мин	мин	мин
10000	мелуан	мелуан	мелуан	мелиуан	милыон	милыон	милыон	милыон

Как видно из приведенной таблицы (см. графу «баксанский диалект»), основной лексический фонд количественных числительных кабардино-черкесского языка составляет четыре десятка слов (вместе с наиболее употребительными названиями высших разрядов чисел и словом *нол*).

Неповторяющихся исконных лексем со строго количественным значением из них всего 11: *зы* «один», *тІу* «два», *щы* «три», *плІы* «четыре», *тху* «пять», *хы* «шесть», *блы* «семь», *и* «восемь», *бгъу* «девять», *пщІы* «десять», *щэ* «сто».

Определенные комбинации этих числительных могут выражать любое количество.

К адыгским языкам можно отнести наблюдение: при ограниченном количестве слов - числительных отдельная такая лексема употребительнее отдельного глагола не менее

чем в 10 раз. А это значит, что малоупотребительность числительных при учете небольшого их числа относительна. В деловой речи употребительность этой категории слов резко возрастает¹.

6.3. Образование количественных числительных

Количественные имена числительные кабардино-черкесского языка характеризуются специфическими формами образования, хотя и сохраняют общность склонения с именами. По структуре они могут быть простыми, сложными и составными. Слова, обозначающие количество от 1 до 10, 100, 1000, являются простыми, состоят из одного корня: *зы* «один», *тлу* «два», *щы* «три», *пщлы* «десять», *щэ* «сто»; сложные состоят из двух корней, а составные – из двух или более слов.

Сложные числительные, обозначающие количество от 11 до 19, образуются сочетанием *пщлы* «десять» с названиями единиц при помощи элемента *клу*, восходящего к *клуэн* «идти, проходить»: *пщыклуз*, где *пщы* из *пщлы* «десять», *клу* < *клуэн* «проходи(ть)», *з<зы* «один» (один проходит (выше) десяти²).

И далее: *пщыклым* «двенадцать», *пщыклуц* «тринадцать», *пщы-клубгъу* «девятнадцать».

В слове *пщлы* этой группы образований обруптивный спирант [цл] оглушился в [ц], а конечный гласный в названиях единиц редуцировался до нуля: *пщыклуцы* > *пщыклуц* «тринадцать» и под.

В названиях десятков присутствуют слова, обозначающие единицы (в количественной или краткой форме), и слово *пщлы* «десять» в эллиптированном виде – *щл*: *тлощл* «два раза десять», *щэщл* «три раза десять»; *плыщл* «четыре десять» и под. Реже, чем числительные *тхущл* (50), употребляется его вариант *щэныкъуэ* «сотни половина». Последнее может иметь значение неполной, недостающей сотни: *Мэлищэм зы мэл щыщлэмэ мэл щэныкъуэц* (Пс.) – «Если до ста овец недостает одной, то сотня уже половинная».

Для числа 80 существует и второй способ образования: *пщлей*, где название единицы [и>й] «восемь». Превращению звука [э] в этом числительном в звук переднего образования [е] – способствовало его положение перед [и].

6.4. Составные количественные числительные образуются сочетанием простых и сложных форм при помощи союзного аффикса -*рэ* «и»: *щэщлрэ тлурэ* «тридцать два», *щитлрэ тхущлрэ зырэ* «двести пятьдесят один» и под.

Склонение числительных кабардино-черкесского языка ничем не отличается от склонения имен вообще. В сложных и составных образованиях падежное окончание получает та часть образования, которая стоит в конце:

Падежи	Числительные	
	Сложные	Составные
Именительный	30 щэщл (щэшлыр)	242 щитлрэ плыщлрэ тлурэ (тлурэр)
Эргативный	щэщл (щэшлым)	щитлрэ плыщлрэ тлу (тлум)
Послеложный	щэщлклэ (щэшлымклэ)	щитлрэ плыщлрэ тлуклэ (тлумклэ)
Обстоятельственный	щэщлуэ (щэшлрауэ)	щитлрэ плыщлрэ тлууэ (тлуррауэ)

Числительное *зы* «один» может употребляться как неопределенное местоимение: *зы*

хьэщлэр зы хьэщлэм и жагъуэщ, хьэщлмтыр бысымым и жагъуэщ (Пс.) – «Один гость одному (другому) гостю не мил, два гостя хозяину не любы».

6.5. Особенности сочетания количественных числительных с существительными

Числительные употребляются после определенных существительных (кроме *зы* «один»). При этом числительные от 2 до 10 (*млы, щы, плы, тху, хы, блы, и, бгъу, пщлы*. числительное *щэ* «сто» сливаются с существительными (и прилагательными), а остальные употребляются отдельно.

Структуру количественно-именных сочетаний можно представить в виде схемы:

существительное + числительное

шы «лошадь» *млощл* «двадцать»

числительное зы (один) + существительное

зыш «одна лошадь»

личный префикс + числительное + существительное

Зэгъунэгъуитл я жэм шыкIэ зыкъым (Пс.) «Соседи два корову доят на разный манер».

Количественно-именные образования могут иметь в своем составе и местоимение – личный префикс, который ставится впереди: *Узижагъуэр къаплъэмэ, къызэплъынур уи щхьэрэ уи лъакъуитлрэщ* (Пс.) «Неприятель, посмотрев на тебя, обратит внимание (прежде всего) на твою голову и две ноги».

Числительные *зы* «один» употребляется перед существительным: *Зы шум шууитлыр и дзэщ* (Пс.) «(Для) одного всадника два всадника есть войско».

Количественно-определятельные конструкции имеют следующую структуру:

существительное + определятельное слово + числительное

Хьэ хужьитлыр зэрощ (Загадка) «Собаки две белые грызутся» (Зубы).

6.6. Дробные числительные

Дробные числительные служат для обозначения частей целых величин, чисел.

Если дробная величина имеет в числителе единицу, числительное образуется простым прибавлением к основе количественного числительного суффикса *-анэ*: *млу* «два» - *млуанэ* (1/2), *щанэ* (1/3), *планэ* (1/4), *тхуанэ* (1/5) и т. п. Этим дробным числительным может предшествовать слово *ыхьэ* «часть, доля»: *ыхьэ тхуанэ* «доля пятая».

Если в числителе названия чисел от двух и выше, дробное числительное образуется прибавлением к наименованиям дробей количественных числительных: *тхуанитл* из *тхуанэ* (пять долей) и *млу* «четыре» (2/5) – «два пятых»; *пщыклубланэ пщыклух* (16/17) и т.п. Этот способ обозначения дробных величин сложился под влиянием русского языка и имеет пока книжный характер.

Таким образом, для обозначения дробной величины вначале употребляется знаменатель, показывающий, на сколько долей поделено целое, а затем числитель, выраженный количественным числительным: 5/9 – *бгъуанитху* – из *бгъуанэ* «девятая доля» и *тху* «пять».

В состав смешанной величины входят:

а) количественные числительные,

б) союзный аффикс *-рэ (-и)*,

в) обозначение дробной величины: *3,4-щырэ пщланипллрэ* «три и десятых долей четыре».

В дробных обозначениях падежное окончание получает последнее слово: *млуаниплл(ыр), млуанипллым* и под.

Дробные числительные кабардино-черкесского языка не имеют категории числа, но доли, обозначаемые ими, могут мыслиться во множественном числе: *щанэхэр* «третьи доли», *планэхэр*, «четвертые доли». Подобные образования носят инновационный

характер. Дробное числительное стоит после имени, обозначающего совокупность чего-либо. При этом, как правило, в конструкцию вводится притяжательное местоимение *и* «его», придающее всей конструкции изафетный характер: *Гъавэм и бланитху* «Урожая его пять седьмых».

6.7. Разделительные числительные

Формы разделительных числительных от *зы* «один» до *пц/ы* «десять» образуются повторением основы счетного слова. При этом между повторяющимся употребляется союзная частица *-ры-*, придающая всему сочетанию значение распределения: *щырыщ* «по три», *хырых* «по шести» и под.

Формы разделительных числительных от десяти и выше образуются простым повторением числительного. Для таких повторяющихся основ принято дефисное написание: *пщык/уш-пщык/уш* «по тринадцати», *щэщ/л-щэщ/л* «по тридцати», *щищ-щищ* «по триста» и под.

При образовании форм, включающих названия высоких разрядов чисел, слова *щэ* «сто», *мин* «тысяча» и под. употребляются впереди собственно распределительной формы числительного: *щэ тхурытху* «по пять сотен», *мин щырыщ* «по три тысячи» и под.

В составных разделительных формах выступает союзная морфема *-рэ*: *щитл-щитлрэ*, *плыщ/л-плыщ/лрэ т/урытлрэ* «по двести сорок два».

6.8. Кратные числительные

При образовании кратных форм от названий чисел *зы* «один», *щы*, «три» *пл/ы* «четыре», *хы* «шесть», *блы* «семь», *пц/ы* исходный гласный [ы] переходит в краткий гласный [э]: *зэ* «один раз», *щэ* «три раза», *пл/э* «четыре раза», *хэ* «шесть раз», *блэ* «семь раз», *пц/э* «десять раз». Эта фонетическая маскировка из-за орфографических правил менее выражена в парах: *и* «восемь» - *йэ* «восемь раз», *тхуы* «пять» – *тхуэ* «пять раз», *бгъу* «девять» – *бгъуэ* «девять раз».

От сложных числительных и слов *щэ* «сто», *мин* «тысяча» и под. кратные формы образуются с помощью элемента *-рэ*, указывающего на повторяемость: *пщык/утху* «пятнадцать» – *пщык/утхурэ* «пятнадцать раз», *щэ* «сто» – *щэрэ* «сто раз» и под.

В составных числительных значение кратности создается формой последнего компонента образования: *щэщ/лрэ т/у* «тридцать два» – *щэщ/лрэ т/лорэ* «тридцать два раза», *щитхурэ* *плыщ/лрэ тхурэ* «пятьсот сорок пять раз».

От собственно кратных числительных следует отличать кратко-разделительные формы:

Количественные числа	Кратное числительное	Кратно-разделительная форма
<i>блы</i> «семь»	<i>блэ</i> «семь раз»	<i>блэрыблэ</i> «по семь раз»
<i>т/оуц/л</i> «двадцать»	<i>т/оуц/лрэ</i> «двадцать раз»	<i>т/оуц/л-тоуц/лрэ</i> «по двадцать раз»

Последние, как видим, указывают не просто на кратность, а на конкретное количество повторяемости действия.

Кратно-разделительные формы отличаются от кратных повтором той же основы. При этом в названиях чисел от 1 до 9 повторяющиеся основы соединяются элементом *ры*: *щэрыщэ* «по три раза», *ерыйэ* «по восьми раз» и под.

Кратно-разделительные формы от сложных и составных числительных образуются повторением одной и той же основы. При этом аффикс *-рэ* присоединяется к последнему компоненту всего образования: *пщы-к/утху-пщык/утхурэ* «по пятнадцати раз», *пщ/ей-пщ/ейрэ* «по восьмидесяти раз».

6.9. Собираательные формы

Кабардино-черкесскому языку известны разновидности количественных числительных, обозначающих совокупность чего-либо, чаще всего лиц. Формальным средством создания собираательного значения является союзный аффикс *-ри* (*-рикI*) со значением присовокупления: *тIу* «два» – *тIури(кI)* «оба (обе)», *тху* «пять» – *тхури(кI)* «пятеро», *щиц* «триста» – *щицри(кI)* «все триста» и под. Формы собирательности успели закрепиться в эпосе и художественной литературе:

АмIэ а тIури плъагъумэ, дэтхэнэра сызэбгъэуэнур? (Н.) «Ну, если ты видишь их обоих, то в которого из них велишь стрелять?»; *А тIури зэтеплъэ хъункIэ Iэмал зимыIэт* (Ш. А.) «Эти двое ни в коем случае не должны были увидеться».

В живой речи совокупное количество обозначается и образованиями наречного характера от различных структурных типов количественных числительных при помощи префикса *зэры-* со значением целостности, совокупности (ср. *зэрыщыту* «целиком, вместе») и аффикса *-у(-уэ)*: *зэрыщу* «все трое вместе», *зэрытIощIу* «все двадцать» и т. д.

Числительные типа *тIури* «оба» употребляются в формах трех падежей (им. *тIури*, эрг. *тIуми*, послел. *тIумкIу*), а формы типа *зэрыщу* по падежам не изменяются.

При субстантивации собираательные числительные могут обозначать как совокупность лиц, так и совокупность предметов: *тхури къэкIуащ* «пришли все пятеро», *тхури къэсщэхуащ* «купил все пять». Такие числительные, кроме значения совокупности, имеют еще значение исчерпывания количества.

Сравним:

В каб.-черк. яз.	В русск. яз.
<i>щыри къыкIэрыхуащ</i> «все трое опоздали»	<i>трое опоздали</i> (из возможно большего количества)

В этом отношении каб.-черк. собираательные числительные семантически больше сближаются с русским числительным «оба».

Проф. Яковлев Н.Ф. считал, что собираательные числительные представляют собой творительно-направительный падеж определенной формы количественного числительного: *тIу* – *тIумкIэ* (Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М., 1948. С. 118–119). Но такие формы значения совокупности, объединенного счета не имеют.

Вопрос о собираательных числительных в предшествующих изданиях «Грамматики кабардино-черкесского литературного языка» не ставился.

6.10. Порядковые числительные

Порядковые числительные соотносительны с количественными числительными и образуются с помощью префикса *е-* и суффикса *-анэ*:

тIу «два» – *етIуанэ* «второй»

щы «три» – *ещанэ* «третий»

плIы «четыре» – *еплIанэ* «четвертый»

тху «пять» – *етхуанэ* «пятый».

Все порядковые числительные имеют равнозначный вариант с суффиксом *-рей*:

хы «шесть» – *еханэрей* «шестой»

блы «семь» – *ебланэрей* «седьмой»

и «восемь» – *еянэрей* «восьмой»

бгъу «девять» – *ебгъуанэрей* «девятый»

пщIы «десять» – *епщIанэрей* «десятый».

Числительные *зы* «один» имеет два варианта порядковых форм: *езанэ* (*-рей*)

«первый» и *япэ (-рей)* – буквально «начальный» (*япэ* – от пэ «нос», «начало»).

Ар Узэырмэс и япэ лъэуриц (Н.) «Это Уазырмеса его первая просьба»;

Абы императорым кърет св. Аннэ езанэ степенир (Ш.А.) «Его император награждает св. Анной первой степени».

В сложных и составных образованиях как порядковые оформляется последнее слово: *щитлрэ щэцлрэ етхуанэ (-рей)* – 235-ый.

В порядковых числительных притяжательные префиксы 1 и 2 лица ставятся перед префиксом 3 лица: *Фыетлуанэу фыкъэсахэц* – «Вы вторыми прибыли». Такие формы обычно снабжаются конечным аффиксом выделения -у: *фыетлуанэу* «вторыми из (других)». Формы же без префиксов 1 и 2 лица и с этим аффиксом -у обозначают кратную последовательность:

– *Уэ хэтхэ укъыцалъхуа?* – жиӀэри ещанэу къеупщӀащ (Н.)

«Ты откуда родом?» – спросил он в третий раз».

6.11. О «слоевых» числительных

Такие слова, образуемые суффиксом *-ащӀэ*, к числительным относят только условно, потому что, во-первых, они образуются только в пределах первой пятерки:

зы «один» – *защӀэ* «одинарный»,

тӀу «два» – *тӀуащӀэ* «двойной»,

щы «три» – *щащӀэ* «тройной»,

плӀы «четыре» – *плӀащӀэ* «в четыре слоя»,

тху «пять» – *тхуащӀэ* «в пять слоев»;

во-вторых, в подобных формах значение признака преобладает над значением отвлеченного количества.

7. Аблаут в именном словообразовании

Особо продуктивным способом словопроизводства в сфере имени в кабардино-черкесском языке является словосложение. Такой прием словопроизводства обычно сопровождается разнообразными морфонологическими изменениями. По морфонологическим признакам можно выделить следующие группы сложных имен:

1. Модели сложных слов, где огласовка *э* в первом компоненте переходит в *а*.

2. Сложения, где наличествует промежуточный гласный *ы* на стыке двух полнозначных основ.

3. Модели, где промежуточный гласный *ы* между двумя основами удерживается, при усечении конечного гласного во втором компоненте.

4. Модели сложных слов с усеченной огласовкой в корне во втором компоненте.

5. Словосложения с соединительным элементом *-ры-*.

6. Сложные слова с отрицательными аффиксами.

7. Словосложение числительных.

7.1. Группа моделей включает сложения, характеризующиеся морфонологическими изменениями в корневой морфеме первого компонента. Последние образуются от основ с разными огласовками (*э*, *ы*, *□*), которые последовательно переходят в *а*. Ср.: *унащхъэ* («крыша дома») < *унэ* «дом» + *щхъэ* «голова»; *жъащӀэ* («ветренная погода») < *жъы* «ветер» + *пщӀэ* «дуть»; *бжъамиящӀэ* («музыкант», играющий на бжамий) < *бжъамий* «труба» + *пщӀэ* «дуть» и т. д.

7.2. Следующий признак морфонологического обособления – это наличие соединительного гласного *ы* на стыке двух основ. Ср.: *блыпкъыщхъэ* («плечевой сустав») < *блыпкъ* «плечо» + *ы* + *щхъэ* «верхняя часть»; *хъэкущӀэ* («печник») < *хъэку* «печь» + *ы* + *щӀэ* «делать»; *мэкъунӀэ* («луг, сенокосные угодья») < *мэкъу* «сено» + *ы* + *плӀэ* «место» и т. д. Интерпретация срединного гласного может быть различной: 1) есть случаи, когда гласная на стыке двух основ является исходом первого компонента; 2) гласная может появиться в результате перестройки сложного существительного; 3) соединительная гласная может развиваться в силу фонетических закономерностей – на стыке

труднопроизносимых согласных. При построении различных вариантов словосложений в языке существуют свои правила, регулирующие появление срединного гласного, как средство оформления сложного слова в целом, а также правила устранения или же, наоборот, сохранения конечных элементов складывающихся основ.

Исходя из трактовки о завершении процесса преобразования многосложных слов с конечным гласным **Ы** в закрытый слог в кабардинском, целесообразно считать вокализм **Ы** на стыке двух основ восстановлением старой огласовки первого компонента.

7.3. В отдельную группу выделяются сложные существительные, где первый компонент утратил исходный вокализм **Ы** в свободном употреблении. Вторым компонентом в такие сложения вступают односложные модели, сохраняющие огласовку **Ы** при самостоятельном употреблении.

В процессе создания таких сложных лексических единиц происходят определенные морфонологические явления. Так, при словосложении между двумя основами либо восстанавливается исходный вокализм **Ы**, либо развивается соединительный гласный **Ы**, тогда как огласовка второго компонента подвергается последовательному усечению. Причиной тому является ударный предпоследний слог, оставляя конечный гласный **Ы** в постударной слабой позиции, что способствует его полному исчезновению. Первым компонентом в них обычно выступает существительное. Ср.: *къазы-хъу* («гусак») < *къаз* «гусь»+*хъу(ы)* «самец»; *цыхуы-бз* («женщина») < *цыху* «человек»+ *бзы* «самка»; *хъыбары-жъ* («предание, сказание») < *хъыбар* «весть, известие»+*жъы* «старый».

7.4. В особую группу объединяются сложные существительные, где второй односложный компонент теряет свою огласовку **Ы** при сложении, тогда как первый компонент сохраняет огласовку. При этом в качестве первого компонента могут выступать основы как с огласовкой **Ы**, так и с огласовкой **Э**. Ср.: *мафлэ-гу* («поезд») < *мафлэ* «огонь»+*гу(ы)* «арба». Усечение конечного гласного **Ы** в этих образованиях не влечет за собой функциональных изменений. Ср.: *лэпэ-хъ* («ажурный») < *лэпэ* «палец»+*хъы* «сеть»; *щхъэ-ц* («волосы») < *щхъэ* «голова»+*цы* «волосы»; *шабзэ-къу(ы)* («ручка стрелы») < *шабзэ* «стрела»+*къу* «ручка», *гуахъуэ-к1* («ручка вилки») < *гуахъуэ* «вилка»+ *к1ы* «ручка».

Итак, сложные существительные рассматриваемой группы, построенные посредством словосложения характеризуются:

- второй односложной частью с вокальным исходом **Ы** при самостоятельном употреблении;

- ударным предпоследним слогом, вызывающим усечение конечного **Ы**, тем самым возникновением моделей с закрытым слогом.

7.5. Большое количество сложных существительных образуется путем сложения двух основ с соединительным элементом *-ры-*. Морфонологическая природа таких сложений довольно разнообразна. Другими словами, включение соединительного элемента *-ры-* в разные типы основ происходит по-разному. В зависимости от фонологической структуры слово-сложений с рассматриваемым элементом *-ры-*, сложные существительные можно определить в отдельные группы.

7.5.1. Очень часто проникновение элемента *-ры-* в середину сложения не вызывает никаких морфонологических изменений. Последние также не знают изменений и в семантическом плане. Ср.: *дыгъэ-ры-жъэ* («пропеченный солнцем») < *дыгъэ* «солнце»+*ры* +*жъэ* «жарить»; *махуэ-ры-лажъэ* («днем работающий») < *махуэ* «день»+ *ры*+ *лажъэ* «работать».

Встречаются модели, складывающиеся из одной, повторяющейся основы, посредством соединительного элемента *-ры-*. Это обычно односложные основы. Характерной чертой таких сложений является то, что основы с огласовкой **Э** сохраняют исходный вокализм как в первой, так и во второй части. Ср.: *жэ-ры-жэ* «бегом», *к1уэ-ры-к1уэ* «на ходу», тогда как односложные модели с огласовкой **Ы** теряют конечный вокализм. Ср.: *цы-ры-ц* «по частям».

7.5.2. В единичных образованиях рассматриваемой группы соединительный элемент *-ры-* выступает без огласовки. Ср.: *гъы-р-нэ1у* «плакса» (букв. «лицо плачущего»). Отпадение огласовки соединительного элемента *-ры-* вызвано соседством сонанта **Н**.

Отсутствие огласовки элемента *-ры-* в сложной модели *ещхъ-ы-р-къабзэ* «совсем похожий», а также появление вокализма **Ы** перед элементом *-р(ы)* при сложении, можно объяснить лишь чисто фонетическими причинами. Ведь переход от придыхательного

спиранта *хь* к сонанту *р* без вокального соединения невозможен, хотя придыхательный смычный *къ* может закрыть звуковой поток, чем вызвано и отпадение огласовки элемента *-р(ы)-*.

7.6. В качестве соединительного элемента в сложных образованиях часто выступает префикс отрицания *мы-*. Основной моделью именного словосложения с соединительным отрицательным префиксом *мы-* является модель «существительное + глагол». При этом аффикс негативности по-разному влияет на фонологическую структуру складывающихся основ. В зависимости от типа аблаута последние обособляются в отдельные группы.

Иногда существительные с разными огласовками могут сочетаться с беспревербными глаголами при помощи отрицательного префикса *мы-* без нарушения фонологической структуры как первой, так и второй части сложения. Ср.: *гу(ы)-мы-загъэ* («беспокойный») < *гу(ы)* «сердце» + *мы+загъэ* «успокоиться»; *хабзэ-мы-щлэ* («не знающий обычаи») < *хабзэ* «обычай» + *мы+щлэн* «знать» и т. д.

Существительные с нулевой огласовкой часто вступают в сложения с беспревербным отрицательным глаголом. При этом происходит усечение огласовки глагола. Последний выступает с консонантным исходом. Ср.: *дзыхь-мы-щл* («недоверчивый») < *дзыхь* «доверие» + *мы+щл1ын* «делать».

Когда в сложной модели первый компонент выступает с огласовкой *э*, исходный гласный сохраняется, тогда как вокализм второго компонента подвергается усечению, если глагол беспревербный. Ср.: *гъусэ-мы-щл* «недружелюбный» < *гъусэ* «напарник» *мы+щл1ын* «делать».

Довольно часто встречаются сложные слова, где превербные глаголы во второй части имеют консонантную финаль, при сохранении исходной огласовки первого компонента. Ср.: *шатэ-те-мы-х* «не сепарированное молоко».

Сложные слова рассматриваемой группы иногда имеют положительный вариант, т. е. употребляются без отрицательного префикса. Ср.: *гу(ы)-къыдэж* «бодрое настроение» и *гу(ы)-къыдэ-мы-ж* «больной, хворый»; *цхъэ-хуит* «свободный» и *цхъэ-хуи-мы-т* «зависимый, несвободный». Но в большинстве случаев сложные модели не употребляются без отрицательного префикса *мы-*.

Для сложений рассматриваемого ряда характерны модели типа «глагол + глагол». При этом префикс отрицания *мы-* наличествует в обоих компонентах. В сложения вступают беспревербные односложные глаголы. Если такой глагол оформлен огласовкой *э*, исходный вокализм удерживается. Ср.: *мы-л1э-мы-псэу* («хилый, больной») < *мы+л1э* «умирать» + *мы+псэу* «жить». Если беспревербный глагол имеет огласовку *ы*, то конечный гласный подвергается усечению на стыке двух основ. Ср.: *мы-хъу-мы-щлэ* («негодный, плохой, недостойный») < *мы+хъуын* «стать» + *мы+щлэн* «делать».

В сложные модели с двойным отрицанием могут вступать существительные. При этом первая основа сохраняет исходную огласовку *э*, тогда как основа, маркированная вокализмом *ы*, теряет исходный гласный. Ср.: *мы-фэ-мы-ц* («неприглядный, невзрачный, безобразный») < *мы+фэ* «кожа» + *цы* «шерсть», но *мы-л1-мы-фыз* «ни мужчина, ни женщина».

Двойное отрицание демонстрирует сложная модель *лэ-мы-к1уэ-лэ-мы-к1уэ* «неловкий, неумелый».

Префикс *мы-* включается в сложения с соединительным элементом *-ры-*. Ср.: *унэ-ры-мы-хъэ* «не входящий в дом». Наличие в языке другого фонетического варианта *унэ-и-мы-хъэ* демонстрирует чередование сонанта *р* с сонантом *й*.

Параллельное сосуществование сложных моделей без отрицательного префикса с соединительным элементом *-ры-* и с отрицательным аффиксом свидетельствует о более позднем включении аффикса отрицания в состав сложных образований. Последние переоформились как самостоятельные лексические единицы. Ср.: *лэ-ры-хъ* «сильный, ловкий», но *лэ-ры-мы-хъ* «тяжелобольной»; *лэ-ры-лэхъэ* «то, что в наличии у кого-л.» и *лэ-ры-мы-лэхъэ* «то, что нет в наличии».

Отглагольные суффиксальные существительные сочетаются с односложными глаголами также при помощи отрицательного префикса *мы-*. Характерной чертой этих моделей является то, что они не употребляются без аффикса отрицания *мы-*. Здесь также не меняется действующий в данной группе тип аблаута. Ср.: *жылэ-к1э-мы-щлэ* «допускающий при разговоре бестактность»; *псэу-к1э-мы-щлэ* «нежизнеспособный, не

приспособленный к жизни, не умеющий жить».

7.7. Система числительных в кабардино-черкесском языке характеризуется многообразием морфонологических процессов.

Количественные числительные от 1 до 10 (кроме 2) оформлены огласовкой **ы**. Ср.: *зы* «один», *щы* «три», *тху(ы)* «пять и т.д.

Чередование гласных **ы:э** используется при образовании кратных числительных от количественных. Ср.: *зэ* «один раз», *щэ* «трижды», *хэ* «шесть раз» и так до 10.

Разделительные числительные образуются от количественных числительных от 1 до 10 с повторяющимися основами, посредством соединительного элемента *-ры*. Ср.: *зы-ры-з* «по одному», *мly-ры-мl* «по два», *щы-ры-щ* «по три». Огласовка второго компонента сложения при этом усекается, тогда как огласовка **э** в идентичных по структуре образованиях продолжает удерживаться. Ср.: *зы-ры-зэ* «по одному разу», *мlэу-ры-мlэ* «по два раза».

Сложные образования от 11 до 20 выражают разделительную функцию без соединительного элемента *-ры-* путем повтора. Ср.: *пщы-кlyы-з=пщы-кlyы-з* «по одиннадцать», *пщы-кlyы-щ=пщы-кlyы-щ* «по тринадцать» и т. д.

Наблюдаются случаи редупликации, когда одно числительное сочетается с разными существительными дважды в одной словоформе. Ср.: *гу-и-мl=щхь-и-мl* «нерешительный»; *ly-и-мl=бз-и-мl* «двуличный».

В системе числительных наблюдаются модели с осложненным вторым компонентом. В словосложениях, строящихся посредством соединительного элемента *-ры-*, по типу «числительное + глагол» второй компонент иногда может сочетаться с суффиксом. Ср.: *зэ-ры-кlyэ-гъуэ* «один слой, один комплект». Подобные модели от кратных числительных образуются исключительно до 10.

Неопределенное, приблизительное количество выражают числительные, складывающиеся из двух числительных с первым компонентом *зы* «один». Ср. *зы-мlоуцl* «около двадцати», *зы-пщl* «около десяти». Иногда встречаются трехчленные модели типа *зы-бгъуы-пщl* «девять-десять» или же *зы-мly-щ* «один-два». Вторые компоненты рассматриваемых моделей выступают без вокального исхода. Когда в составе сложного числительного наличествуют две десятки, появляется не только соединительный элемент *-ры-*, но также гласный **ы** перед *-ры-*. Ср.: *зы-мlоуцlы-ры-пщl* «около двадцати-тридцати».

Образование сложных числительных типа *мlо-щl* «двадцать», *плы-щl* «сорок», *тхуы-щl* «пятьдесят» и др. сопровождается сложными изменениями во втором компоненте. Так, если первая часть вступает в сложение без изменения фонологической структуры, то от второй части остается лишь связанная морфема *-щl*.

Напротив, сложные образования от 100 до 900 в морфонологическом плане более упрощены. Ср.: *щ-и-мl* «двести» > *щ/щэ* «сто»+и+*мl/мly* «два». Огласовка первого компонента в приведенных моделях редуцируется перед соединительным гласным *-и-*, а усечение огласовки второго компонента в абсолютном исходе слова соответствует фонетическим законам языка.

Числительное *мlэу* «два раза» занимает место между существительным и глаголом, образуя трехчленное сложное слово *шэ-мlэу-гъэбл* «молоко, выдоенное напоследок». При этом подвергается усечению лишь корневая морфема глагольного компонента.

Словообразовательное средство «чередование звуков + аффиксация» широко распространено в системе числительных. Префиксально-суффиксальный способ образования числительных часто сопровождается морфонологическими изменениями. Ср.: *е-з-анэ* «первый», *е-мl-анэ* «второй» и так до 20.

С помощью данного же суффикса *-анэ*, но без префикса образуются дробные числительные. Ср.: *пщl-анэ* «десятая часть», *тху-анэ* «пятая часть» и так до 20. Огласовка корневых морфем числительных везде подвергнута редукции.

Это правило распространяется и на образования числительных от 3 до 10 суффиксом *-рауэ*, типа: *я-пэ-рауэ* «во-первых», *е-мly-анэ-рауэ* «во-вторых», *е-щ-анэ-рауэ* «в-третьих» и т.д.

К основам рассматриваемого ряда присоединяется суффикс *-рей*: *е-щ-анэ-рей* «третий» и так до 10. При этом тип аблаутных чередований не нарушается.

С помощью суффикса *-ащlэ* образуются слойные числительные от 1 до 5. При этом

исходная огласовка редуцируется до нуля. Ср.: *з-ащIэ* «одинарный», *щ-ащIэ* «тройной».

Суффикс *-ней* присоединяется лишь к кратным числительным с огласовкой *э*. Ср.: *плIэ-ней* «четыре раза» *щэ-ней* «трижды», *тхуэ-ней* «пять раз» и так до 5.

8. Глагол

8.1. Общая характеристика полисинтетизма глагола

Адыгские языки унаследовали от праязыкового состояния систему глагола, обладающего исключительно сложной структурой и высокой степенью синтеза.

Глагольная словоформа может быть одноморфемной: общеадыг. *ды-* «шить», *хы-* «косить», *зы-* «цедить». Одноморфемная основа указанного типа в зависимости от окружения в современных адыгских языках варьируется в виде CV, C: *ды!* «шей!» /от *ды-* «шить»/, *со-д* «я шью». В подобных случаях общеадыгское строение основы сохраняется в адыгейском: *сэ-ды* «я шью». Однако глубина глагольной словоформы может быть очень большой.

О степени и глубине синтеза глагола дает представление пример, взятый из кабардинского языка:

шэ
е- шэ -ж
з- гъэ- шэ -жы -ф
е- з- гъэ- шэ -жы -ф -а -т
д- е- з- гъэ- шэ -жы -ф -а -т
къIы- д- е- з- гъэ- шэ -жы -ф -а -тэ -къIым
 «вести»
 «он ведет его обратно»
 «заставь меня вести его обратно»
 «я смог тогда заставить его вести обратно»
 «я смог тогда заставить его вести с ним обратно»
 «я не смог тогда заставить его вести с ним обратно сюда»

В этом «треугольнике» корневая морфема *шэ* «вести» последней /шестой/ словоформы осложнена десятью аффиксальными элементами – пятью префиксами и пятью суффиксами. Но бывают и более растянутые цепочки морфем в парадигме слова. Последнюю цепочку можно расширить, включив в парадигму еще несколько аффиксальных морфем: *у-а-къIы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-къIым-и* «я не смог же тогда заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними». Эта парадигма в пределах одного слова состоит из пятнадцати значимых элементов /восемь префиксов + корневая морфема + шесть суффиксов/: *у-* префикс прямого объекта 2-го лица ед. ч., *а-* префикс косвенного объекта 3-го лица мн. ч., *къIы-* направительный префикс «сюда», *ды-* префикс союзности действия, *д-* локальный префикс, *е-* префикс объекта 3-го л.ед.ч., *з-* префикс субъекта 1-го лица ед. ч. *гъэ-*кау-зативный префикс, *шы-* морфема глагола *шэ-н* «вести», *-жы* возвратный суффикс, *-ф* суффикс возможности действия, *-а* суффикс прош.времени, *-тэ* суффикс «тогда», *-къIым* отрицательный суффикс, *-и* суффикс с модальным значением. Высокая степень синтеза в глаголе создается тем, что морфологически выражаются не только категории лица, числа, времени и наклонения, но и отрицание, утверждение, вопрос, каузатив, совместность действия, локализация, направительные отношения и др.

Строение глагола, его основные словообразовательные и словоизменительные категории, их взаимоотношения, иерархия и аранжировка многочисленных основообразующих элементов, дистрибуция личных аффиксов в разных типах основ, их зависимость от других категориальных форм, в том числе переходности-непереходности глагола, и др. восходят к эпохе общеадыгского языкового единства. Более того, важнейшие материальные элементы /аффиксы лица, каузатива, отрицания и ряд других формантов, служащих для выражения форм словообразования и словоизменения/ хронологически возводимы к западнокавказскому уровню.

Важно подчеркнуть, что генетически общие материальные черты, объединяющие

адыгский глагол с глаголом других западнокавказских языков, неотделимы от структурно-типологических общностей, восходящих также к западнокавказскому состоянию. Как увидим, структурные иерархические особенности, уходящие своими корнями в эпоху праязыкового единства западнокавказских языков, оказались чрезвычайно устойчивыми во всей группе языков, что свидетельствует о тесной взаимосвязи генетических и типологических признаков глагола. В этом отношении глагол отличается от других классов слов, сохраняя целый ряд праязыковых структурно-типологических и генетических черт, объединяющих все современные западнокавказские языки. Во всяком случае, с точки зрения удельного веса структурно-типологических признаков, возводимых к западнокавказскому состоянию, глагол не имеет аналога среди других частей речи. Это касается прежде всего распределения словообразовательных и словоизменительных морфов, в том числе субъектно-объектных показателей.

Основные структурные типы глагольной основы совпадают в абхазско-адыгских языках, хотя различия между двумя основными их подгруппами – адыгейско-кабардинской и абхазско-абазинской – настолько значительны, что до сих пор не удалось установить всех последовательных звукосоответствий этих языков. В то же время в абхазско-адыгских языках выявляется настолько много общего в порядке расположения глагольных деривационных морфем, что, зная аранжировку значимых элементов основы в адыгских языках, можно построить модели многоморфемной глагольной основы в абхазском или абазинском. Так, если задан тип основы, включающей корневую морфему /К/ и морфемы, выражающие побудительность /П/, конкретную локализацию /Л/, совместное действие /С/, то во всей группе языков значимые элементы основы распределяются следующим образом: С – Л – П – К.

Основные модели распределения субъектно-объектных, деривационных префиксальных и корневых морфем не могут быть объяснены как результат параллельного развития западнокавказских языков, а должны быть приписаны их праязыковому состоянию.

8.2. Переходные и непереходные глаголы

В сложной системе форм словообразования и словоизменения глагола деления на переходные и непереходные глаголы занимает центральное место. Дело в том, что признак переходности присутствует во всех словах и формах глагола.

Категориальное (инвариантное) значение переходности-непереходности можно считать синтагматическим, так как оно зависит от наличия субъекта и объекта в определенной падежной форме имени и от того, как они представлены в форме глагола. Переходный глагол требует субъекта в эргативном падеже и объекта в именительном: *Дыгъэм щӀыр егъэхуабэ* – Солнце греет землю. Здесь субъект *дыгъэм* в форме эргативного падежа, а объект *щӀыр* в именительном падеже. У непереходного глагола субъект в именительном, а объект в эргативном падеже: *ЩӀалэр тхылъым йоджэ* – Юноша читает книгу. Субъект *щӀалэр* в именительном падеже, а объект *тхылъым* в эргативном. Непереходные (чаще) и переходные (реже) могут быть безобъектными: *ЩӀалэр йоджэр* – Юноша учится и *ЩӀалэм къекӀухъ* – Юноша гуляет.

Синтаксическая конструкция с переходным глаголом называется эргативной, а с непереходным номинативной.

В приведенных конструкциях падежная форма имени (субъекта и объекта) зависит от глагола, но и форма имени предопределяет переходный и непереходный характер глагола (особенно безобъектного), что и свидетельствует об аналитическом отношении имени и глагола.

В меньшей степени переходность-непереходность характеризует порядок расположения аффиксов субъекта и объекта в глагольной словоформе. Так, у переходных глаголов аффиксу субъекта предшествует показатель объекта: *уы-з-олъагъу* – вижу тебя *уы* – показатель объекта во 2-м лице единственного числа, *-з-* аффикс субъекта в 1-м лице единственного числа. Переходные глаголы могут быть двухличными, трехличными и четырехличными. Личные аффиксы располагаются так: у двухличных (см. выше), у трехличных на первом месте префикс прямого объекта, на втором – префикс косвенного

объекта, на третьем – субъекта: *сы-кзы-п-ху-ишаш* – меня к тебе он привел. Двухличные переходные глаголы в возвратной форме становятся одноличными, но переходность сохраняют: ср. *абы ар итхэщлащ* – тот помыл то; *абы зитхэщлащ* – он умылся; *абы ар игъэпсклащ* – тот купал того; *абы зигъэпсклащ* – он купался.

Непереходные глаголы бывают как одноличными, так и многоличными: *Шыр мажэ* – Лошадь бежит – одноличный глагол; *Щалэр хыи-джэбзым йожэ* – Юноша ждет девушку – двухличный глагол и т.д.

Непереходные глаголы образуют еще одну синтаксическую конструкцию – инверсивную, в которой реальный субъект выступает как косвенный объект, а реальный объект и есть грамматический субъект: *Сымаджэм мылэрысэр хуошх* – Больной справляется с яблоком; *Студентым тхылгыр илэц* – Студент имеет книгу. В приведенных предложениях реальный субъект (*сымаджэм, студентым*) выступает в роли косвенного объекта, а реальный объект (*тхылгыр, мылэрысэр*) становится грамматическим субъектом. Такова природа инверсии.

Субъектно-объектные формы глагола – признак синкретизма, но так как они представляют присутствующие в синтаксических конструкциях имена, то одновременно носят и аналитический характер.

8.2.1. Транспозиция непереходных глаголов в переходные

Переходные глаголы могут быть первичными (простыми) и вторичными (производными). К первичным относятся *хын* – нести, *дын* – бросать и другие, ко вторичным – *клуэн* – идти; *клуын* – пройти и *гъэклуэн* – заставить идти, послать; *тхэн* – писать – *тхын* – писать что-то и *гъэтхэн* – заставить писать что-то и т.д.

Способы образования вторичных переходных глаголов разнообразны:

1. Каузативный префикс *гъэ-* транспонирует непереходный (динамический и статический) глагол в переходный: *псэлгэн* – говорить, *гъэпсэлгэн* – заставить говорить, дать повторить; *щытын* – стоять, *щыту* – стоит, *щы-гъэ-тын* – заставить стоять, *щегъэт* – заставляет стоять и др.

2. Преверб *кэ* – переводит непереходные в переходные достаточно активно: *лгыхъуэн* – искать, ар *мэлгыхъуэ* – он ищет, но *кэллгыхъуэн абы сэ сыкългыхъуэ* – он меня ищет (Кумахов М.)

3. Перевод непереходных в переходные с помощью преверба *кэ* сопровождается чередованием основных *э:ы* в глаголах: *гупсысэн* – *мэгупсысэ* – думать – он думает – *кэгупсысын* – *кэгупсысыр* – придумывать – он придумывает; *лэжээн* – *мэлажэ* – *кълэлэжыр* – работать – он работает – он зарабатывает; *дыгъуэн* – ар *мэдыгъуэ* – красть – он крадет – *абы кълэдыгъур* – он крадет что-то.

4. Преверб *кэ* с суффиксом *-хыи* сопровождается чередованием основных *элы*, переводят непереходные в переходные: *жэн* – бежать, *мажэ* – он бежит – *кэжыхын* – бегать вокруг чего-либо, пробегать какое-либо пространство; *джэдэн* – брести куда-либо, – *кэджэдыхын* – бродить без определенного направления.

5. Преверб *кэ* + суффикс *-хыи*: *пын* – *мэпц* – *кьопц* – ползать – ползает – сюда ползет, но *кэпцыхын* – ползать без определенного подавления; *плэн* – *кьоплэ* – смотреть – смотрит – смотрит сюда и др.

6. Единичные глаголы с поствербом *-хыи* с сопутствующим чередованием основных *э/ы*: *кэфэн* – *кэфыхын* – танцевать – танцевать (вокруг кого-чего-либо или оказывая определенное посредство).

7. Переходные глаголы образуются от непереходных с помощью аффикса *-ыи*: *клуэн* – идти – *клуын* – пройти (отдельное расстояние), *тхэн* – писать – *тхын* – написать что-нибудь, *дэн* – шить – *дын* – сшить что-нибудь, *кэлпсэлгэн* – заговорить, выступать – *кэлпсэлгын* – высказать что-нибудь.

Переходные глаголы могут транспонироваться в переходные в определенных формах:

1) в форме потенциалиса с префиксом *хуэ*: *шын* – есть, кушать – *хуошх* – может съесть, *сымаджэм мылэрысэр ешх* (перех. гл.) – больной кушает яблоко, но *сымаджэм мылэрысэр хуошх* (перех. гл.) – больной справляется с яблоком;

2) в форме непроизвольности с превербом *лэцлэ*: *Щаклуэм дыгъужыр кьууклащ*

(перех. гл.) – Охотник пристрелил волка – *Щаклуэм хьэр лэцлэуклащ* (неперех. гл.) – Охотник невольно пристрелил собаку.

3) в форме взаимности с префиксом *зэры-*: *Абы ар ешэ* – (перех. гл.) – Он женится на ней (здесь) – *Ахэр зэррошэхэ* (неперех. гл.) – Они женятся.

4) в форме объектной версии с префиксом *флэ-*: некоторые переходные глаголы становятся непереходными: *Абы ар ещлэ* (перех. гл.) – Он знает то – *Абы ар кыыфлощл* (неперех. гл.) – Ему кажется то; *Хамэ хьэдэр жей кыыпфлощл* (Пс.) – Чужой покойник кажется спящим.

8.2.2. Нейтральные (диффузные) глаголы

Существует определенное количество простых глагольных основ, которые могут быть как переходными, так и непереходными. Такие глаголы имеют лабильную (не стабильную) конструкцию (А. Чикобава). К ним относятся *вэн* – пахать, *сэн* – сеять, *луэн* – молотить, *пцлэн* – копать, *хэн* – жать, *дэн* – шить и др.; *ар мавэ* – он пашет, *абы щлыр евэ* – он землю пашет, *ар мадэ* – он шьет, *абы джанэр ед* – он шьет рубашку; *ар мапцлэ* – он полет, *абы хадэр епцлэ* – он огород полет.

Стабилизация глаголов лабильной конструкции часто сопровождается морфонологическим чередованием, хотя и необязательно: *щлалэр матхэр* – юноша пишет, *щлалэм усэр етхыр* – юноша пишет стихотворение, *хьыджэбзыр мадэ* – девушка шьет, *пцацэм джанэр едыр* – девушка рубашку шьет.

У переходных глаголов возможно усечение основного -ы-: *едыр*, но *ед*; *етхыр*, но *етх*.

Примечание: Полную характеристику форм переходных и непереходных глаголов по лицам и временам можно найти в книге М. Кумахова «Словоизменение адыгских языков». М., 1971.

8.3. Динамические и статические глаголы

Динамические глаголы выражают процесс действия, например: *сэ сотхэ(р)* «я пишу (вообще)»; *сэ ар сотхы(р)* «я пишу (то)»; *сэ ар сошэ(р)* «я веду его»; *сэ абы сожьэ(р)* «я жду его».

Статические глаголы выражают состояние, результат действия: *сэ сыщытц* «я стою»; *сэ ар сцлэщ* «я имею то».

Статическими глаголами являются также предикативные формы имен и местоимений: *ар студентц* «тот студент (есть)»; *ар дахэщ* «тот красивый (есть)»; *студентыр ариц* «студент тот (есть)».

Морфологически динамические и статические глаголы различаются по форме настоящего времени. Динамические глаголы в настоящем времени имеют префикс *о-(уэ-)*: *сэ с-о-клуэ(р)* «я иду»; *сэ ар с-о-бзы(р)* «я режу то»; *сэ с-о-лажьэ(р)* «я работаю».

В непереходных многочисленных динамических глаголах (I) и в одноличных непереходных глаголах с провербами (II) этот префикс имеется в формах всех трех лиц:

Ед. ч.

с-о-жьэ(р) «я жду его-»

у-о-жьэ(р) «ты ждешь его»

й-о-жьэ(р) «тот ждет его»

Ед. ч.

сы-кь-о-клуэ(р) «я иду (сюда)»

у-кь-о-клуэ(р) «ты идешь (сюда)»

кь-о-клуэ(р) «тот идет сюда»

Мн. ч.

д-о-жьэ(р) «мы ждем его»

ф-о-жьэ(р) «вы ждете его»

й-о-жьэхэ(р) «они ждут его»

Мн. ч.

ды-кь-о-клуэ(р) «мы идем (сюда)»

фы-кь-о-клуэ(р) «вы идете (сюда)»

кь-о-клуэхэ(р) «они идут (сюда)»

Во всех переходных глаголах (I) и во всех одноличных динамических глаголах без провербов (II) в форме 3-го лица показатель динамичности *о (уэ)* подвергается изменениям:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>с-о-ды (р)</i> «я шью (то)»	<i>д-о-ды(р)</i> «мы шьем (то)»
<i>у-о-ды(р)</i> «ты шьешь (то)»	<i>ф-о-ды(р)</i> «вы шьете (то)»
<i>е-ды (р) ← й-э-ды(р) ←</i>	<i>я-ды(р) ← а-й-э-ды(р)</i>
<i>*й-уэ-ды (р) ← йы-уэ-ды(-р)</i>	<i>← а-йы-уэ-ды(р) ←</i>
«тот шьет (то)»	<i>*а-йы-уэ-ды(р)</i> «они шьют (то)»

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>с-о-дэ(р)</i> «я шью (вообще)»	<i>д-о-дэ(р)</i> «мы шьем»
<i>у-о-дэ(р)</i> «ты шьешь»	<i>ф-о-дэ(р)</i> «вы шьете»
<i>ма-дэ(р) ← *уэ-дэ(р)</i>	<i>ма-дэ-хэ(р) ←</i>
«тот шьет»	<i>*уэ-дэ-хэ(р)</i> «они шьют»

Кроме того характерной чертой динамических глаголов является наличие факультативного суффикса *-р*. Ср. в форме настоящего времени *сэ сок1уэ//сэ сок1уэ-р* «я иду», *сэ ар сотх//сэ ар сотхы-р* «я пишу то», *сэ абы ар изот//сэ ар абы изоты-р* «я ему даю то».

Статические же глаголы характеризуются отсутствием префикса *о-* (*уэ-*) и наличием копулы-суффикса *-щ*: *сэ сыщыт-щ* «я стою»; *сэ сыстудент-щ* «я студент»; *сэ ар си1э-щ* «я имею то». Копула-суффикс *-щ* по происхождению является корневым суффиксом статического глагола *я-щы-щ-щ* «тот из них есть». В формах прошедшего совершенного и будущего времени динамические глаголы не отличаются от статических глаголов. Формы названных времен образованы от причастий посредством присоединения к ним копулы-суффикса *-щ* или аффикса прошедшего времени *-т*, например, форма прошедшего совершенного времени *к1уащ* «тот пошел» образована от причастия прошедшего времени *к1уа* «пошедший» и копулы-суффикса *-щ*, т. е. букв., «пошедший есть». Форма отдаленно-прошедшего времени *к1уат* «тот пошел (тогда)» образована от той же причастной формы *к1уа* «пошедший» и суффикса прошедшего времени *-т*, т. е. *к1уат* букв. «пошедший был».

Следовательно, формы прошедших совершенных и будущих -времен динамических глаголов с суффиксом *-щ* по образованию статические глаголы.

Количество первичных статических глаголов ограничено: *сэ сы-щыт-щ* «я стою»; *сэ сы-щыс-щ* «я сижу»; *сэ сы-щы-лэ-щ* «я лежу»; *абы ар и-1ыгэ-щ* «тот держит то»; *абы ар и-1э-щ* «тот имеет то» («у него имеется то»); *я-щы-щ-щ* «тот (есть) из них»; *сэ абы сы-хуей-щ* «я хочу то»; *абы ар ф1э-ф1-щ* «тот желает то»; *ар абы щы-гэ-щ* «то одето на него».

Статические глаголы *щыты-н* «стоять», *щысы-н* «сидеть», *щылэы-н* «лежать» могут иметь различные провербы локального значения, например: *стэчаныр ст1олым те-т-щ* «стакан стоит на столе»; *хээр мэкэум те-лэ-щ* «собака сидит на сене»; *кэазыр бжэм лу-т-щ* «гусь стоит у двери»; *мы1эрысэр жыгым пы-т-щ* «яблоко висит (букв. стоит) на дереве»; *щак1уэр мэ-зым хэ-т-щ* «охотник находится (букв. стоит) в лесу»; *луэху мыублэ блэ хэ-с-щ* (Пс.) «В неначатом деле змея сидит»; *лыжэыр унэм щ1э-т-щ* «старик находится в доме» (букв. «стоит в доме»); *Сабыр и щлагэ дыщэ щ1э-лэ-щ* (Пс.) «Под скромностью золото лежит»; *жэмыр пц1ант1эм дэ-т-щ* «корова стоит во дворе».

Отыменные статические глаголы могут иметь иногда провербы места. Например: *дыщэр кэыщыщ1ахым щылэан1эщ* (Пс.) «Золото где добывают, там [оно] дорого [есть]»; *Дзыгэуэр и гэуэм щыхахуэщ* (Пс.) «И мышь в своей норе (там) храбра (есть)».

Статические глаголы, подобно динамическим, могут быть как одноличными (*ар щытщ* «тот стоит», *ар пцащэщ* «та девушка есть»), так и двухличными (*абы ар и1эщ* «тот имеет то», *абы ар и1ыгэщ* «тот держит то»), а также трехличными (*схуи1ыгэщ* «тот для меня держит то»).

Статические глаголы являются обычно непереходными, например: *ар щысщ* «тот сидит»; *ар щытщ* «тот стоит»; *абы ар и1эщ* «тот имеет то»; *ар абы хуейщ* «тот хочет то»; *абы ар ф1эф1щ* «ему нравится то»; *абы ар щыгэщ* «то на него одето»; *абы ар и гугэщ* «ему кажется то»; *ар дахэщ* «тот красив».

В кабардино-черкесском языке встречается и переходный статический глагол: *абы ар и1ыгэщ* «он держит то».

Динамические же глаголы могут быть как переходными (*абы ар етхы(р)* «тот пишет

то», *абы ар ешэ(р)* «тот ведет его»), так и непереходными (*ар маклуэ(р)* «тот идет», *ар абы йожьэ(р)* «тот ждет его»).

Примечание. Статические глаголы при каузативном образовании сохраняют форму статичности; например, от статического глагола *щытыц* «стоит» образуется при каузативном образовании переходный глагол *щ-и-гъэ-т-щ* «тот заставляет его стоять», в котором сохраняется форма статичности, на что указывает отсутствие префикса динамичности *уэ-(о-)* и наличие копулы-суффикса *-щ*, характерного для статических глаголов.

В ряде случаев из одной и той же основы можно образовать как статические, так и динамические глаголы, например: *сэ сыщытыц* (стат.) «я стою» – *сэ сыщотыр* (динам.) «я простаиваю»; *сэ сыщысыц* (стат.) «я сижу» – *сэ сыщосыр* (динам.) «я просиживаю»; *сэ сыщыльц* (стат.) «я лежу» – *сэ сыщолъыр* (динам.) «я пролеживаю».

От некоторых имен также можно образовать как статические, так и динамические глаголы, например: *пхъащлэ* «плотник» – *сэ сыпхъащлэц* (стат.) «я плотник», *сэ сопхъащлэр* (динам.) «я плотничаю»; *егъэдджаклуэ* «учитель» – *сэ сыегъэдджаклуэц* (стат.) «я учитель» – *сэ соегъэдджаклуэ* (динам.) «я учительствую»; *бзаджэ* «злой» – *сэ сыбзаджэц* (стат.) «я злой» – *сэ собзаджэр* (динам.) «я становлюсь злым»; *дахэ* «красивый» – *сэ сыдахэц* (стат.) «я красивый», *сэ содахэр* (динам.) «я красивею».

Таким образом статические глаголы отличаются от динамических системой спряжения, а также формами словообразования:

1) Динамические глаголы здесь имеют форму аориста. Аорист представлен простой основой, без характеристики времени, и встречается:

с одной стороны, вместе с суффиксом *-р* и союзной частицей *-и*, когда в предложении за ним следует другой глагол, например: *Хамэхьэр къыхьэри унэхьэр ирихуц* (Пс.) «Чужая собака пришла и хозяйскую собаку прогнала» – *къыхьэри* «пришла и» есть форма аориста; с другой стороны, аорист встречается с копулой-суффиксом *-щ*, например: *Хамэхьэр къыхьэри унэхьэр ирихуц* «Чужая собака пришла и хозяйскую прогнала». В этой форме аорист встречается очень редко.

Статические глаголы не могут образовывать формы аориста. Это общее явление для всех иберийско-кавказских языков.

Форма аориста динамических глаголов совпадает с формой настоящего времени статических глаголов. Например, в предложении: *сыщытыц, сыщытри сыкъэклуэжащ* «постоял, постоял и ушел» *сыщытыц* «я постоял» — динамический глагол в форме аориста (в настоящем времени будет *сыщотыр* «я простаиваю»), а в предложении *сэ мыбдеж сыщытыц* «я тут стою» *сыщытыц* — статический глагол в настоящем времени.

2) Форма прошедшего несовершенного времени динамических глаголов, в отличие от формы статических глаголов, характеризуется наличием факультативного суффикса *-р*. Динамический глагол в прошедшем несовершенном *сэ сыклуэрт* «я шел» может иметь параллельную форму с суффиксом *-р*: *сэ сыклуэрт* «я шел»; *къэбэрдей жылэр лейуэ гузавэрт* «кабардинское селение очень беспокоилось».

Суффикс *-р* в прошедшем несовершенном *сыклуэрт* «я шел» тот же факультативный суффикс настоящего времени динамических глаголов: *сэ соклуэ(р)* «я иду».

У статических глаголов в форме прошедшего времени названный факультативный суффикс *-р* отсутствует: *сэ сы-щытт* «я стоял», *сэ сыщыльт* «я лежал», *сэ сыучителт* «я был учителем».

3) Первичные статические глаголы встречаются только с превербами, например: *лу-т-щ* «стоит (возле чего-нибудь)»; *лу-с-щ* «сидит (возле чего-нибудь)»; *лу-лъ-щ* «лежит (возле чего-нибудь)»; *те-т-щ* «стоит (на поверхности чего-то)»; *те-с-щ* «сидит (на поверхности чего-то)»; *те-лъ-щ* «лежит (на поверхности чего-то)».

Динамические же глаголы бывают как с превербами (*лу-дэ-н* «обшивать», «пришивать», *хэ-тхэ-н* «вписать», *лу-хы-н* «открыть»), так и без превербов (*содэ* «шью», *солажьэ* «работаю», *сожэ* «бегу»).

Примечание. Некоторые динамические глаголы, выражающие движение, подобно статическим без превербов не встречаются. Например: *сы-д-о-кл* «выхожу», *сы-бл-о-кл* «прохожу (мимо)», *сы-щл-о-хъэ* «вхожу», *й-о-хъэ* «входит».

4) Для первичных статических глаголов характерными являются обычно превербы

локального значения, например: *ly-m-щ* «стоит», *те-т-щ* «стоит (на поверхности чего-нибудь)», *щlэ-т-щ* «стоит под». При глаголах же динамических употребляются как локальные превербы, так и превербы движения: *сы-бл-о-кл* «я прохожу (мимо)», *пх-о-кл* «проходит (сквозь)», *сы-кэ-о-клуэ* «иду сюда», *сы-н-о-клуэ* «иду туда».

Примечание. Иногда превербы направления *кэз-(кэы-)* употребляются и при статических глаголах, но вместе с превербами места *ly-, хэ-, щы-: си гунэмклэ кэы-щы-с-щ* букв. «против меня (сюда) сидит», *щхэзгэу-бжэм кэыly-т-щ* букв. «у окна стоит (сюда)».

5) В современном языке структура причастия настоящего времени от динамических глаголов одинакова со структурой причастия от статических глаголов. В обоих случаях основа причастия совпадает с основой глагола настоящего времени: *клуэ-р* «идущий» (причастие от динамического глагола *со-клуэ* «я иду»), *щыты-р* «стоящий» (причастие от статического глагола *сы-щыт-щ* «я стою»). Но исторически формы причастий от статических и динамических глаголов были различны. Причастия настоящего времени от динамических глаголов образовывались с помощью суффикса *-рэ: клуэ-рэ-р* «идущий», *зытхы-рэ-р* «пишущий». Причастия же от статических глаголов образовывались без какого-нибудь суффикса: *щытыр* «стоящий», *щысыр* «сидящий», т. е. так, как и ныне они образуются: *Псым lусым икlyнlэ ещlэ* (Пс.) «У реки кто живет (сидящий) — тот знает брод».

Причастия от динамических глаголов с суффиксом *-рэ* сохранились в вопросительных формах настоящего времени: *уэ у-клуэ-рэ?* «ты идешь?» (букв. «ты идущий?»), *уэ п-тхы-рэ?* «ты пишешь?» (букв. «ты пишущий?»).

В вопросительных же формах настоящего времени статических глаголов суффикс *-рэ* отсутствует: *уэ ущыт?* «ты стоишь?» (букв. «ты стоящий»); *уэ устудент?* «ты студент?» и т. д.

8.4. Финитные и инфинитные формы глагола

Финитная форма глагола выражает определенное, основное, независимое от какого-либо другого глагола действие, например: *Жэщ сменэм вэн щlидзакlэщ* (Щ. I.) «Ночная смена начала пахать»; *Аргуэру хы-джэбзитlыр кlyфlым кэыхэмышу, я щхэ кэыфlэхуауэ дэгу хэужа тракторым бгээдэтхэщ* (там же) «Опять во тьме ночной, с поникшей головой, у заглохшего трактора, стоят обе девушки».

Финитные глаголы в положительной форме имеют следующие окончания:

-р: *ар маклуэ-р* «тот идет»; *абы ар ешэ-р* «тот ведет его». Но ср. также: *ар маклуэ* «тот идет», *абы ар ешэ* «тот ведет его»;

-щ (копула-суффикс): *ар щыт-щ* «тот стоит»; *абы ар иша-щ* «тот повел его»; *абы ар ишэну-щ* «тот поведет его»; *цlыхухэр тlыса-щ* «люди сели»;

-т - показатель прошедшего времени: *ар тхэр-т* «тот писал», *ар тха-т* «тот писал было», *ар тхэну-т* «тот написал бы»;

-кэз (подтвердительно-вопросительная частица): *сытхэр-кэз?! «ведь я пишу же?!»*.

Инфинитная форма глаголов выражает действие неопределенное, добавочное, зависимое по отношению к основному действию, выраженному финитной формой глагола. Инфинитными образованиями глаголов являются следующие:

а) формы условного наклонения с суффиксами *-мэ// -м, -клэ: тхэ-мэ* «если он пишет»; *тхэ-клэ* «раз он пишет»;

Зы мэл елгэмэ псори йолгэз (Пс.) «Одна овца если перепрыгнет, и все остальные перепрыгнут»; *Щlалэр жэмэ, лlыжбьм и лгакгэуэр мэуэ* (Пс.) букв. «Если юноша бежит, у старика ноги болят»; *Ныбэм измэ, щlакхгэуэр цlынэщ* (Пс.) букв. «Если живот полон – хлеб сырой есть»; *Ар дэ кэыщыдэджэклэ дитlысхээнци дыклуэнци* (ly.) «Раз он нас зовет, так мы сядем и поедем»;

б) уступительные формы с суффиксом *-ми: тхэ-ми* «хотя пишет»; *сыщытми яггэкlынкбьм* «хотя (если) стою, ничего»;

в) глагольные формы с суффиксом *-ху// -хукlэ*, выражающие одновременность данного действия с действием, выраженным финитной формой глагола, например: *сытхэ-ху//сыт-хэ-хукlэ* «пока пишу»; *Щlалэ цlыкlyитlыр шай ефэху, я анэр шыгухум*

епсэлгыллаш (Iy.) «Пока мальчики пили чай, мать торговалась с ямщиком»; *Уэщыр нлэтыхуклэ, пхэм загъэпсэху* (Пс.) «Пока подымаешь топор, дрова отдыхают»;

г) неопределенная форма глагола (масдар): *клуэ-н* «идти», *шхы-н* «кушать (то)»; *Тысынлэ лей щыщытклэ умытысы-н-ыр делагъэщ* (Кl. Т.) «Раз есть свободное место, тебе не садиться глупо»;

д) масдарная форма глагола, образованная при помощи суффикса -у (со значением цели): *Жеслэну сыклуаш* «Чтобы ему сказать, я пошел», ср. отрицательную форму: *жесмылэн мурад сылэу сыклуаш* «пошел, чтобы не сказать»;

е) формы повелительного наклонения: *клуэ!* «иди!» (ср. с отрицательной формой: *у-мы-клуэ!* «не ходи!»); *Тлэу жылэ умыщ!* «Дважды говорить не заставляй»; *иретх!* «пусть он напишет!» (ср. с отрицательной формой: *ире-мы-тх!* «пусть не пишет!»); *щыремылэ зауэ зэцлэгъэста-клуэхэр!* «долой (пусть не будет) поджигателей войны!»; *дывгъэщ!* «давай сделаем мы с вами!» (ср. с отрицательной формой: *дыв-мы-гъэщ!* «давай не сделаем мы с вами!»); *унафэ дывмыгъэщ!* букв. «постановление пусть мы с вами не сделаем»;

з) вопросительные формы глаголов: *уклуэрэ?* «ты идешь?» (ср. с отрицательной формой *умыклуэрэ?* «ты не идешь?»); *алъандэрэ щхэз жумыларэ?* «до этого почему ты не сказал?»).

Инфинитными формами глаголов являются также деепричастные и причастные образования.

Деепричастные формы: *Алий и щхэр кубыдыжауэ, и лъакъутлыр цлэгъэшауэ цлым хэлубауэ щылъщ* (Ш. А.) букв. «Али, за голову схватившись, подвернув ноги, припав к земле, лежит»; *Щлалэхэм я дамэр блынэм егъэщлауэ и бгъуитлымклэ еувэклат* (Кl. Т.) «Юноши, плечами опершись на стену, стояли»; *И пхум жырилэурэ и нысэм ирелуэк1* (Пс.) «Своей дочери говоря, своей снохе намекает».

Причастные образования глаголов при помощи различных обстоятельственных частиц выражают временные, локальные, причинные, целевые, определительные, дополнительные и другие отношения между самими причастиями (инфинитными формами глагола) и финитными глаголами, например: *Бжэ зыдэсым фо дешлэ* (Пс.) «Где пчела находится (обитает), там и мед образуется» (причастная форма глагола *зыдэсым* «где находится» выражает место); *Гек уэрэд жылэн щухым, псори зэрыгъэклияхэщ* (Къэб.) «Когда Гек окончил петь, все зашумели» (причастная форма глагола *щухым* «когда окончил» выражает время); *Мо нэхыщлэр иджыри махуитклэ ишхынукъыми, аращ уэрэд цлыжилэр* (Iуэр.) Ту, младшую, не съест еще два дня, потому она и поет» (причастная форма *цлыжилэр* «потому поет» выражает причину).

Все инфинитные формы глаголов морфологически отличаются от финитных образованием отрицательных форм.

Отрицательную форму финитные глаголы образуют при помощи суффикса -къым (состоящего из подтвердительно-вопросительной частицы -къэ и частицы отрицания -м): *ар тхэркъым* «тот не пишет»; *щаклуэм щыххыр иулаккъым* «охотник не убил оленя»; *Еблагъэ зи бэм и бын мэжаллэркъым* (Пс.) «У кого много гостей, дети того не голодают»; *Абдежым Бэчмырзэ зыхуэлыгъыжаккъым* (Ш. А.) «Тогда Бекмурза не смог сдержаться».

Во всех инфинитных образованиях отрицательная форма образуется при помощи префикса *мы-*:

Гур мыплэмэ нэр плээркъым (Пс.) «Если сердце не почует, глаз не увидит»; *Узэчэнджэщын умыгъуэтым, уи пылэр гъэтлылэи ечэнджэщ* (Пс.) «Если не находишь с кем посоветоваться, положи свою шапку и советуйся с ней» (*мыплэмэ* «если не увидит», *умыгъуэтым* «если ты не находишь» – отрицательные формы глаголов условного наклонения); *Мыпсэлгэху делэри губзыгъэщ* (Пс.) «Пока не говорит, и дурак умен» (*мыпсэлгэ-ху* «пока не говорит» – отрицательная форма глагола, выражающая одновременность действия); *Къапхэным къимыгъацлэу къубыдырккъым* (Пс.) «И капкан, не обманывая, не поймает»; *Софят зыри жимылэу цлэгъуфлыклаш* (Щ. I.) «Софят, ничего не сказав, улыбнулась» (*къи-мы-гъацлэу* «не обманывая», *жи-мы-лэу* «не сказав» – отрицательные формы деепричастий); *Джэду зыдэщымылэм дзыгъуэ щоятэ* (Пс.) «Где нет кошки, таммышь резвится» (*зыдэ-щы-мылэм* «где нет» – отрицательная форма причастия).

8.5. Категория лица

8.5.1. Формы проявления полиперсонализма.

Глагол изменяется по лицам либо субъекта, либо субъекта и объекта. В соответствии с этим бывают одноличные, двухличные и многоличные глаголы.

В отношении лица, как и в отношении переходности непереходности, глагольные основы разграничиваются на стабильные и лабильные (нейтральные). Так, основы глаголов *кӀуэ-н* «идти», *щӀы-н* «делать», *ты-н* «давать» стабильны: *кӀуэ-н* «идти» образует парадигму одноличного глагола (изменяется только по лицам субъекта), *щӀы-н* «делать» – парадигму двухличного глагола (изменяется по лицам субъекта и прямого объекта), *ты-н* «давать» – парадигму трехличного глагола (изменяется по лицам субъекта, прямого объекта и косвенного объекта).

В противоположность стабильным основам нейтральные основы образуют парадигмы одноличных и двухличных глаголов. Ср.: *ма-уэ* «он бьет», *ар абы йо-уэ* «он бьет его», *ар мэ-псалъэ* «он разговаривает», *ар абы йо-псалъэ* «он разговаривает с ним». Нейтральные основы, создающие парадигмы одноличных и двухличных глаголов без специальных аффиксов, по своему строению могут быть простыми и сложными. Ср.: *уэ-* – простая основа, *псалъэ-* – сложная основа. Лицо глаголов нейтральных и стабильных основ может быть преобразовано различными путями.

Изменение количества лиц глагола в зависимости от способа преобразования последнего может влиять или не влиять на лексическое значение основы. Так, формы *ма-плъэ* «смотрит» – *й-о-плъэ* «смотрит на кого-, что-л.» различаются только количеством лиц, выражаемых глаголов, формы *ма-кӀуэ* «идет» – *й-о-кӀуа-лӀэ* «подходит к кому-, чему-л.» различаются и лексически. Для преобразования лица глагола используются парадигма слова, аблаутные чередования, основообразующие аффиксы, основосложение и т. д. Кроме того, транзитивация глагола всегда связана с изменением числа лиц в глаголе. Иначе говоря, все способы транзитивации одновременно являются способами увеличения числа лиц в глаголе.

В многоличном глаголе количество лиц субъекта и прямого объекта ограничено: могут быть представлены только одно лицо субъекта и одно лицо прямого объекта. Количество лиц косвенного объекта в многоличном глаголе может достигать до трех. Отсюда различаются глаголы, включающие: 1) лицо субъекта (одноличные глаголы); 2) лицо субъекта и прямого объекта (двухличные переходные глаголы); 3) лицо субъекта и косвенного объекта (двухличные непереходные глаголы); 4) лицо субъекта, лицо прямого объекта, лицо косвенного объекта (трехличные переходные глаголы); 5) лицо субъекта, два лица косвенного объекта (трехличные непереходные глаголы); 6) лицо субъекта, лицо прямого объекта, два лица косвенного объекта (четырёхличные переходные глаголы); 7) лицо субъекта и три лица косвенного объекта (четырёхличные непереходные глаголы); 8) лицо субъекта, лицо прямого объекта, три лица косвенного объекта (пятиличные переходные глаголы).

Примеры: 1) *сыжащ* «я бежал» (лицо субъекта выражено префиксом *сы-*); 2) *у-с-хъащ* «я тебя носил» (лицо прямого объекта выражено префиксом *у-*, лицо субъекта – префиксом *с-*); 3) *сы-вэ-жьащ* «я вас ждал» (лицо субъекта выражено префиксом *сы-*, лицо косвенного объекта – префиксом *вэ-*); 4) *у-е-с-тащ* «я тебя отдал ему» (лицо прямого объекта выражено префиксом *у-*, лицо косвенного объекта – префиксом *е-*, лицо субъекта – префиксом *с-*); 5) *с-а-д-е-жьащ* «я с ним ждал его» (лицо субъекта выражено префиксом *с-*, лицо первого косвенного объекта – префиксом *а-*, лицо второго косвенного объекта – префиксом *е-*); 6) *у-а-ху-з-и-гъэ-шащ* «он заставил меня (он велел мне) вести тебя для них» (лицо прямого объекта выражено префиксом *у-*, лицо первого косвенного объекта – префиксом *а-*, лицо второго косвенного объекта – префиксом *с-*, *з-*, лицо субъекта – префиксом *и-*); 7) *с-а-фӀы-д-е-плъащ* «я против их воли смотрел с ним что-то» (лицо субъекта выражено префиксом *с-*, лицо первого косвенного объекта – префиксом *а-*, лицо второго косвенного объекта – префиксом *е-*, лицо третьего косвенного объекта – нулевым аффиксом), *къы-б-ды-х-е-з-гъэ-дзащ* «я заставил его вместе с тобой вывести его из чего-то» (лицо первого косвенного объекта выражено префиксом *б-*, лицо второго косвенного объекта – префиксом *е-*, лицо субъекта – префиксом *з-*, лицо прямого объекта

и лицо третьего косвенного объекта – нулевыми аффиксами). Не все многоличные глаголы морфологически дифференцированы по всем лицам. Кроме того, не каждое лицо многоличного глагола формально маркировано.

8.5.2. Омонимия личных форм глагола.

Ниже рассмотрены случаи нейтрализации противопоставления форм лица различных типов переходных и непереходных глаголов. Здесь коснемся лишь причин распространенности структурной омонимии в сфере глагольных форм.

Хотя глагол многоличен, не каждое лицо и не каждая форма числа формально маркированы. Даже в одноличных глаголах непоследовательно реализуется противопоставление форм лица субъекта. Так, 3-е лицо одноличных динамических и статических глаголов характеризуется отсутствием противопоставления форм единственного и множественного числа. Ср.: *жащ* 1) «он бежал», 2) «они бежали»; *щылъащ* 1) «он лежал», 2) «они лежали».

Однако чем выше синтез глагола, тем больше недифференцированных личных форм. В результате омонимия получила широкое распространение у двухличных и многоличных глаголов. Достаточно сказать, что в двухличных глаголах типа *е-плъы-н* «смотреть», *е-жъэ-н* «ждать» и соотносительных трехличных глаголах типа *д-е-плъы-н* «смотреть с кем-л.», *д-е-жъэ-н* «ждать с кем-л.» не реализуется противопоставление форм субъекта и объекта 3-го лица единственного и множественного числа, следствием чего являются омонимичные формы, функция которых определяется контекстом. Ср., например:

<i>ежъащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он ждал его»} \\ \text{«он ждал их»} \\ \text{«они ждали его»} \\ \text{«они ждали их»} \end{array} \right.$	<i>еуащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он бил его»} \\ \text{«он бил их»} \\ \text{«они били его»} \\ \text{«они били их»} \end{array} \right.$
<i>къыздежъащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он со мной ждал его»} \\ \text{«он со мной ждал их»} \\ \text{«они со мной ждали его»} \\ \text{«они со мной ждали их»} \end{array} \right.$		
<i>къыздеуащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он со мной бил его»} \\ \text{«он со мной бил их»} \\ \text{«они со мной били его»} \\ \text{«они со мной били их»} \end{array} \right.$		
<i>къыбдежъащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он с тобой ждал его»} \\ \text{«он с тобой ждал их»} \\ \text{«они с тобой ждали его»} \\ \text{«они с тобой ждали их»} \end{array} \right.$		
<i>къыбдеуащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он с тобой бил его»} \\ \text{«он с тобой бил их»} \\ \text{«они с тобой били его»} \\ \text{«они с тобой били их»} \end{array} \right.$		
<i>дежъащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он с ним ждал его»} \\ \text{«он с ним ждал их»} \\ \text{«они с ними ждали его»} \\ \text{«они с ними ждали их»} \end{array} \right.$		
<i>деуащ</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{«он с ним бил его»} \\ \text{«он с ним бил их»} \\ \text{«они с ними били его»} \\ \text{«они с ними били их»} \end{array} \right.$		

<i>къывдежъащ</i>	«он с вами ждал его»
	«он с вами ждал их»
	«они с вами ждали его»
	«они с вами ждали их»
<i>къывдеуащ</i>	«он с вами бил его»
	«он с вами бил их»
	«они с вами били его»
	«они с вами били их»

Приведенным кабардинским внеоппозитивным личным формам в адыгейском языке соответствуют оппозитивные формы. Ср., например:

<i>ежагъ</i>	«он ждал его»
<i>яжагъ</i>	«он ждал их»
<i>ежагъэх</i>	«они ждали его»
<i>яжагъэх</i>	«они ждали их»
<i>еуагъ</i>	«он бил его»
<i>яуагъ</i>	«он бил их»
<i>еуагъэх</i>	«они били его»
<i>яуагъэх</i>	«они били их»

При отсутствии опознавательных признаков валентность глагольной формы определяется контекстом.

8.5.3. Обычные, возможные и невозможные формы многоличного глагола.

Многоличные глаголы образуют большое число личных форм. Так, от некоторых трехличных переходных и непереходных глаголов образуется свыше ста различных комбинаций субъектно-объектных форм. С точки зрения нормы и продуктивности грамматически возможные (правильные) личные формы глагола разграничиваются на обычные и необычные. Например, форма четырехличного глагола *п-ху-е-с-т-а-щ* «я дал ему что-то для тебя» является обычной. Этого нельзя, однако, сказать о форме четырехличного глагола *сы-п-ху(ы)-д-е-плъ-а-щ* «я смотрел что-то с ним ради тебя», хотя она грамматически вполне возможна, т. е. правильна. В этой связи следует сказать, что с рассматриваемой точки зрения далеко неравнозначны все субъектно-объектные формы (личные формы глагола), которые обычно даются в описательных грамматиках при анализе различных парадигм спряжения многоличного глагола.

Характерно, что среди многоличных форм более обычны и продуктивны формы от переходных глаголов. Например, тогда как грамматически возможные личные формы от четырехличных непереходных глаголов необычны и неупотребительны, очень многие личные формы четырехличных переходных глаголов вполне обычны и употребительны. Продуктивность многоличной формы глагола определяется не только переходностью и непереходностью значения, но и лексическим значением глагольной основы.

Многоличные глаголы дифференцируются не по всем лицам. Так, трехличный непереходный глагол, казалось бы, должен изменяться по лицам субъекта и двух косвенных объектов. Однако далеко не все трехличные непереходные глаголы образуют полную парадигму по лицам субъекта и объектов. Возможность образования личной формы ограничена определенными парадигматическими рядами. Например, возможны формы трехличных непереходных глаголов *сы-д-е-плъ-а-щ* «я с ним смотрел на него», *у-д-е-плъ-а-щ* «ты с ним смотрел на него», *д-е-плъ-а-щ* «он с ним смотрел на него», но невозможны соотносительные трехличные непереходные глаголы со вторым косвенным объектом 1-го и 2-го лица (не образуются формы в значении «он с ним смотрел на меня», «он с ним смотрел на тебя», «он с ним смотрел на нас», «он с ним смотрел на вас» и т. д.). Иными словами, не все трехличные глаголы дифференцируются по всем лицам второго косвенного объекта. С этой точки зрения, как увидим ниже, между адыгскими языками имеются существенные расхождения.

Роль префиксов *къэ-, нэ-* в построении парадигматических рядов. Характерной чертой двухличных и многоличных глаголов является участие в их спряжении превербов *къэ-, нэ-*. Речь идет не о префиксах *къэ-, нэ-*, вносящих в глагол направительное значение, а о префиксах *къэ-, нэ-*, выступающих как компоненты, необходимые для построения парадигматических рядов. В этой функции особенно часто выступает префикс *къэ-*.

Участие префиксов *къэ-, нэ-* в построении парадигм глаголов не является вполне мотивированным в функциональном плане, поскольку они не выступают носителями этимологического (направительного) значения. Например, тогда как личные формы двухличных непереходных глаголов *уо-уэ* «ты его бьешь», *йо-уэ* «он его бьет» не включают преверба *къэ-*, личные формы *къ-уо-жъэ* «ты нас ждешь», *къы-до-жъэ* «он нас ждет», *у-къы-до-уэ* «ты нас бьешь», *къы-до-уэ* «он нас бьет» возможны только при участии указанного преверба. То же самое можно сказать о переходных глаголах. Так, личные формы в трехличных переходных глаголах *е-п-т-а-щ* «ты ему дал», *е-ф-т-а-щ* «вы ему дали» употребляются без преверба, в то время как однотипные формы *къ-у-и-т-а-щ* «он тебе дал», *къы-в-и-т-а-щ* «он вам дал» образуются только с помощью преверба *къ(ы)-*.

Выбор одного из превербов далеко не всегда оказывается строго мотивированным. Например, в личной форме *къы-зо-уэ* «он бьет меня» возможен только преверб *къы-*, за формой же *сы-но-уэ* «я бью тебя» закреплён преверб *н-*. Возможна личная форма *сы-къо-уэ* «я бью тебя», где преверб *къ-*, в отличие от преверба *н-*, вносит дополнительное (направительное) значение. Еще труднее объяснить, почему в личных формах *сы-но-у-а-щ* «я тебя побил», *сы-но-жъ-а-щ* «я тебя ждал» обязательно наличие преверба *н-*, когда без него образуются члены того же парадигматического ряда *сы-вэ-у-а-щ* «я вас побил», *сы-вэ-жъ-а-щ* «я вас ждал».

Участие превербов *къ(ы)-, н(ы)-* в спряжении непереходных и переходных глаголов является вторичным. Об этом свидетельствует материал как адыгских, так и родственных им языков. Субъектно-объектные личные формы типа *со-уэ* «я его бью» подтверждают вторичность осложнения подобных образований превербами *къ(ы)-, н(ы)-*.

Глаголы с префиксом *къэ-* проявляют особенности в распределении личных аффиксов. Если не считать некоторых диалектных особенностей, личные аффиксы в переходных и непереходных глаголах образуют строгую и значимую последовательность. Исключение в этом отношении составляют непереходные глаголы, включающие префикс *къэ-*. В двухличных непереходных глаголах префикс *къэ-* разрывает аффиксы субъекта и косвенного объекта 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Ср. *сы-къы-б-дэ-кӀу-а-щ* «я с тобой пришел», *у-къы-з-дэ-кӀу-а-щ* «ты со мной пришел», *ды-къы-в-дэ-кӀу-а-щ* «вы с нами пришли», *фы-къы-д-дэ-кӀу-а-щ* «вы с нами пришли». В указанных формах префикс косвенного объекта (лица соучастника действия) стоит за префиксом *къы-*. Косвенный объект 3-го лица единственного числа в подобных образованиях выражен нулевым аффиксом. Ср. *сы-къы-дэ-кӀу-а-щ* «я с ним пришел». Косвенный объект 3-го лица множественного числа маркирован префиксом *-а*. Однако место последнего в кабардинском языке не во всех позициях совпадает с местом соотносительных префиксов 1-го и 2-го лица косвенного объекта. Префикс *а-* следует не за префиксом *къы-*, а непосредственно за префиксом субъекта. Ср. *с-а-дэ-кӀу-а-щ* «я с ними ходил», *у-а-дэ-кӀу-а-щ* «ты с ними ходил», *с-а-хуэ-кӀу-а-щ* «я для них ходил», *у-а-хуэ-кӀу-а-щ* «ты для них ходил». Адыгейский язык в соответствующих формах допускает свободный порядок следования префиксов *а-* и *къы-*. Ср. *сы-къ-а-дэ-кӀу-а-гъ* = *с-а-къы-дэ-кӀу-а-гъ* «я с ними пришел», *сы-къ-а-фэ-кӀу-а-гъ* = *с-а-къы-фэ-кӀу-а-гъ* «я для них пришел», *уы-къ-а-дэ-кӀу-а-гъ* = *у-а-къы-дэ-кӀу-а-гъ* «ты с ними пришел», *уы-къ-а-фэ-кӀу-а-гъ* = *у-а-къы-фэ-кӀу-а-гъ* «ты для них пришел».

Отмеченный порядок имеет место при наличии аффикса субъекта. Если же отсутствует аффикс субъекта, то аффиксы направления и косвенного объекта имеют обратную (обычную) аранжировку. Ср. *къ-а-дэ-кӀу-а-щ* «он с ними пришел», *къ-а-хуэ-кӀу-а-щ* «он ради них пришел».

Указанные особенности распределения аффиксов характерны для различных типов двухличных и многоличных глаголов с префиксом *къы-*. Ср., например: *с-а-къы-кӀэры-ху-а-щ* «я от них отстал», но *къ-а-кӀэры-ху-а-щ* «он от них отстал», *с-а-къы-фӀы-дэ-кӀу-а-щ* «я против их воли с ним пришел», но *къ-а-фӀы-дэ-кӀу-а-щ* «он против их воли с ним пришел сюда».

8.6. Глагольные парадигмы¹

8.6.1. Одноличные непереходные глаголы

8.6.1.1. Предварительные замечания.

Одноличные динамические глаголы бывают простые (первичные) и производные (вторичные). Ср., например: простые глаголы – *кIуэ-н* «идти», каб. *жэ-н* «бежать», производные глаголы – *къэ-кIуэ-н* «идти сюда», *кIуэ-фы-н* «суметь идти», каб. *кIуэ-жы-н* «идти обратно».

Одноличные первичные статические глаголы включают, как правило, локальный префикс: *щы-сы-н* «сидеть», *щы-лъы-н* «лежать». Большинство локальных превербов, а также аффиксы совместности, союзности и версии переводят основы одноличных глаголов в основы двуличных непереходных глаголов.

Спецификой одноличных непереходных глаголов является отсутствие целостной и последовательной системы спряжения. Противопоставление форм лица реализуется только в 1-м и 2-м лице. Что касается третьего лица, то здесь либо снимается противопоставление форм лица с помощью аффикса числа. Поскольку же одноличный непереходный глагол может изменяться только по лицам субъекта, отсутствие противопоставления форм лица в 3-м лице свидетельствует о значительном разрушении личного спряжения в адыгских языках.

8.6.1.2. Бесприставочные динамические глаголы типа *джэгу-н* «играть»

(табл.1)

Как показывает приведенная парадигма, субъект 3-го лица прошедшего и будущего времени выражен нулевым аффиксом. В 3-м лице настоящего времени используется нейтральный в отношении числа префикс субъекта *мэ-*. В кабардинском языке в 3-м лице полностью снимается противопоставление форм лица и числа. В настоящем времени субъект 3-го лица как единственного, так и множественного числа выражен префиксом - *мэ*. Ср. немаркированное употребление формы единственного числа: *мэ-джэгу* 1) «он играет», 2) «они играют». Во всех других позициях субъект 3-го лица выражен нулевым аффиксом.

Таблица 1

Время	Префикс субъекта	Корневая морфема	Суффикс времени	Суффикс утвердительн.	Значение
настоящее	<i>со</i>	<i>джэгу</i>			я играю
	<i>уо</i>	<i>джэгу</i>			ты играешь
	<i>мэ</i>	<i>джэгу</i>			он играет
	<i>до</i>	<i>джэгу</i>			мы играем
	<i>фо</i>	<i>джэгу</i>			вы играете
	<i>мэ</i>	<i>джэгу</i>			они играют
прошедшее	<i>сы</i>	<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я играл
	<i>уы</i>	<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты играл
		<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он играл
	<i>ды</i>	<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы играли
	<i>фы</i>	<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы играли
		<i>джэгу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они играли
будущее	<i>сы</i>	<i>джэгуы</i>	<i>н</i>	<i>щ</i>	я буду играть
	<i>уы</i>	<i>джэгуы</i>	<i>н</i>	<i>щ</i>	ты будешь играть
	<i>ды</i>	<i>джэгуы</i>	<i>н</i>	<i>щ</i>	он будет играть
	<i>фы</i>	<i>джэгу</i>	<i>н</i>	<i>щ</i>	мы будем играть
		<i>джэгуы</i>	<i>н</i>	<i>щ</i>	вы будете играть
		<i>джэгуы</i>	<i>н</i>	<i>ш щ</i>	они будут играть

Ср.немаркированное употребление нулевой формы: *джэгуащ* 1) «он играл», 2) «они играли», *джэгуниц*; 1) «он будет играть», 2) «они будут играть». Противопоставление числа с помощью суффикса *-х(э)* является вариантным: *мэ-джэгу* «он играет», *мэ-джэгу-хэ-р* «они играют», *джэгу-а-щ* «он играл», *джэгу-а-хэ-щ* «они играли».

Префикс субъекта в кабардино-черкесском языке представлен двумя алломорфами. Морфемный вариант в продленной ступени огласовки характерен для 1-го и 2-го лица настоящего времени. Ср.: *со-*, *уо-*, *до-*, *фо-*. Эти же префиксы в формах прошедшего и будущего времен оформляют нормальную ступень огласовки. Ср.: *сы-*, *уы-*, *ды-*, *фы-*. Исходный (этимологический) гласный корневой морфемы в кабардинском языке сохраняется лишь в формах будущего времени. В формах настоящего времени конечный гласный *ы* отпадает, в формах прошедшего времени поглощается долгим гласным *а* – аффиксом прошедшего времени.

8.6.1.3. Бесприставочные динамические глаголы типа *кӀуэ-н* «идти» (табл. 2)

Парадигма глаголов типа *кӀуэ-н* «идти» отличается от парадигмы глаголов типа *джэгуы-н* «играть» лишь формой огласовки префикса субъекта 3-го лица и корневой морфемы. Префикс субъекта 3-го лица глаголов типа *кӀуэ-н* «идти» оформляет продленную ступень огласовки. Ср.: *ма-кӀуэ* «он идет», но *мэ-джэгу* «он играет». Форма огласовки префикса 3-го лица зависит от фонетического строения основы. Продленную ступень огласовки префикса субъекта 3-го лица настоящего времени имеют все бесприставочные глаголы, образованные от односложных основ с конечным гласным *э*. Ср.: *ма-жэ* «он бежит», *ма-лӀэ* «он прыгает», *ма-блэ* «он горит». Другие бесприставочные глаголы, в том числе сложные и производные, оформляют нормальную ступень огласовки. Ср.: каб. *мэгуыпсысэ* «он думает», *мэ-пхӀащӀэ* «он плотничает», каб. *мэ-плӀэ* «он (то) накаляется», *мэдаӀуэ* «он слушает».

Бесприставочные глаголы типа *кӀуэ-н* «идти» значительно отличаются от бесприставочных глаголов типа *джэ-гуы-н* «играть» формой огласовки их основ. Основы глаголов типа *кӀуэ-н* «идти», сохраняя исходную (нормальную) ступень огласовки в формах настоящего и будущего времен, оформляют нулевую ступень огласовки в формах прошедшего времени, что является результатом полной редукции гласного *-э* перед временным аффиксом *-а*. Основы глаголов типа *джэ-гуы-н* «играть» сохраняют исходную огласовку лишь в формах будущего времени. Ср.: *со-кӀуэ* «я иду», *сы-кӀуэ-н-щ* «я пойду», но *сы-кӀуа-щ* «я ходил». Как показывают примеры, различия в огласовке основы (или корневой морфемы), как и различия в огласовке (префикса субъекта 3-го лица), обусловлены ее фонетической структурой.

Таблица 2

Время	Префикс субъекта	Корневая морфема	Суффикс времени	Суффикс числа	Значение
настоящее	<i>со</i>	<i>кӀуэ</i>			я иду
	<i>уо</i>	<i>кӀуэ</i>			ты идешь
	<i>ма</i>	<i>кӀуэ</i>			он идет
	<i>до</i>	<i>кӀуэ</i>			мы идем
	<i>фо</i>	<i>кӀуэ</i>			вы идете
	<i>ма</i>	<i>кӀуэ</i>			они идут
прошедшее	<i>сы</i>	<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я пошел
	<i>уы</i>	<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты пошел
		<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он пошел
	<i>ды</i>	<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы пошли
	<i>фы</i>	<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы пошли
		<i>кӀу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они пошли

будущее	сы	кIуэ	н	щ	я пойду
	уы	кIуэ	н	щ	ты пойдешь
		кIуэ	н	щ	он пойдет
	ды	кIуэ	н	щ	мы пойдем
	фы	кIуэ	н	щ	вы пойдете
		кIуэ	н	щ	они пойдут

8.6.1.4. Статические глаголы типа *щысы-н* «сидеть» (табл.3)

В глаголах типа *щысы-н* «сидеть» элемент *щы-* представляет собой локальный префикс. Последний нейтрален в отношении формы лица, т. е. он не изменяет число лиц в глаголе. В парадигме глаголов типа *щысы-н* «сидеть» в обоих языках единообразно оформляется огласовка префиксальных морфем – аффикса субъекта и локального преверба, причем оба морфемных элемента в формах настоящего, прошедшего и будущего времен выступают с унифицированной огласовкой *ы-*.

Таблица 3

Время	Префикс с субъект а	Префикс локальнос ти	Корнева я морфема	Суффикс времени	Суффикс утвердительно сти	Значение
настоящее	сы	щы	с		щ	я сию
	уы	щы	с		щ	ты сидишь
		щы	с		щ	он сидит
	ды	щы	с		щ	мы сидим
	фы	щы	с		щ	вы сидите
		щы	с		щ	они сидят
прошедше е	сы	щы	с	а	щ	я сидел
	уы	щы	с	а	щ	ты сидел
		щы	с	а	щ	он сидел
	ды	щы	с	а	щ	мы сидели
	фы	щы	с	а	щ	вы сидели
		щы	с	а	щ	они сидели
будущее	сы	щы	сы	н	щ	я буду сидеть
	уы	щы	сы	н	щ	ты будешь сидеть
		щы	сы	н	щ	он будет сидеть
	ды	щы	сы	н	щ	мы будем сидеть
	фы	щы	сы	н	щ	вы будете сидеть
		щы	сы	н	щ	они будут сидеть

Корневая морфема представлена двумя алломорфами – вариантом с нормальной ступенью огласовки и вариантом с нулевой ступенью огласовки. Огласовка *ы-* характерна для форм будущего времени, а нулевая ступень – для форм настоящего и прошедшего времени. Нулевая ступень огласовки связана с чередованием этимологического гласного с нулем.

8.6.1.5. Динамические глаголы типа *щос* «он сидит» (табл. 4)

Таблица 4

Время	Префикс субъекта	Префикс локальности	Корневая морфема	Суффикс утвердительности	Значение
-------	---------------------	------------------------	---------------------	-----------------------------	----------

настоящее	<i>сы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>		я сижу
	<i>уы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>		ты сидишь
		<i>що</i>	<i>с</i>		он сидит
	<i>ды</i>	<i>що</i>	<i>с</i>		мы сидим
	<i>фы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>		вы сидите
		<i>що</i>	<i>с</i>		они сидят
аорист	<i>сы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	я сидел
	<i>уы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	ты сидел
		<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	он сидел
	<i>ды</i>	<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	мы сидели
	<i>фы</i>	<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	вы сидели
		<i>що</i>	<i>с</i>	<i>щ</i>	они сидели

Распределение аффикса субъекта и формы его огласовки в парадигме динамических глаголов типа *щос* совпадает с распределением и формой огласовки данного аффикса в парадигме статического глагола *щысын* «сидеть». Кроме того, формы аориста полностью совпадают с формой настоящего времени статического глагола. Различие между формами аориста динамического глагола и настоящего времени статического глагола остается лишь в дистрибутивном плане: форма аориста инфинитна, т.е. она связана с другой аористной формой. Ср., *сыщыщ сыщысри сыкӱэжаш* «я посидел, посидел и ушел». Как видно из таблицы, нормальная ступень огласовки аориста чередуется с продленной ступенью огласовки настоящего времени. Нулевая ступень огласовки является результатом отпадения конечного гласного *ы*.

8.6.1.6. Глаголы с направительным префиксом (табл. 5)

В глаголе, включающем направительный аффикс, личный префикс субъекта 1-го и 2-го лица везде имеет одинаковую огласовку (*сы-*, *уы-*, *ды-*, каб. *фы-*). В третьем лице субъект выражен последовательно нулевым аффиксом в динамических и статических глаголах. Корневая морфема с вокалическим окончанием *э-* (*кӱэ* «идти») в прошедшем времени выступает в усеченной форме: гласный *э* редуцируется до нуля в положении перед аффиксом формы времени. Ср.: *сыкӱаш* *кӱы-кӱа-ш* «я ходил».

Направительный аффикс в парадигме динамического глагола выступает с огласовкой *э*, за исключением формы настоящего времени, где он оформляет продленную ступень огласовки. Характерно, что префикс направления выступает в продленной ступени огласовки и в 3-м лице. Ср.: *ма-кӱэ* «он идет», но *кӱо-кӱэ* «он сюда идет».

В парадигме статического глагола личный префикс субъекта последовательно выступает с огласовкой *ы* (*сы-*, *уы-*, *ды-*, *фы-*). В этой парадигме направительный префикс также имеет огласовку *э*. В 3-м лице (как в парадигме глагола, неосложненного направительным префиксом) не обязательно противопоставление форм числа (ср. *ар кӱы-щы-с-щ* «он сидит сбоку», *ахэр кӱы-щы-с-щ* «они сидят сбоку», *кӱо-кӱэ* «он идет», *ахэр кӱо-кӱэ* «они идут»).

Таблица 5

Время	Префикс субъекта	Префикс направления	Корневая морфема	Суффикс времени	Суффикс утвердительности	Значение
Динамические глаголы						
настоящее	<i>сы</i>	<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			я иду сюда
	<i>уы</i>	<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			ты идешь сюда
		<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			он идет сюда
	<i>ды</i>	<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			мы идем сюда
	<i>фы</i>	<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			вы идете сюда
		<i>кӱо</i>	<i>кӱэ</i>			они идут сюда

прошедше е	сы	кѣэ	кІу	а	щ	я пришел сюда
	уы	кѣэ	кІу	а	щ	ты пришел сюда
		кѣэ	кІу	а	щ	он пришел сюда
	ды	кѣэ	кІу	а	щ	мы пришли сюда
	фы	кѣэ	кІу	а	щ	вы пришли сюда
		кѣэ	кІу	а	щ	они пришли сюда
будущее	сы	кѣэ	кІуэ	н	щ	я приду сюда
	уы	кѣэ	кІуэ	н	щ	ты придешь сюда
		кѣэ	кІуэ	н	щ	он придет сюда
	ды	кѣэ	кІуэ	н	щ	мы придем сюда
	фы	кѣэ	кІуэ	н	щ	вы придете сюда
		кѣэ	кІуэ	н	щ	они придут сюда

1	2	3	4	5	6	7	8
Статистические глаголы							
настоя- щее	сы	кѣы	щы	с		щ	я сижу сбоку
	уы	кѣы	щы	с		щ	ты сидишь сбоку
		кѣы	щы	с		щ	он сидит сбоку
		кѣы	щы	с		щ	мы сидим сбоку
	ды	кѣы	щы	с		щ	вы сидите сбоку
	фы	кѣы	щы	с		щ	они сидят сбоку
прошед- шее	сы	кѣы	щы	с	а	щ	я сидел сбоку
	уы	кѣы	щы	с	а	щ	ты сидел сбоку
		кѣы	щы	с	а	щ	он сидел сбоку
		кѣы	щы	с	а	щ	мы сидели сбоку
	ды	кѣы	щы	с	а	щ	вы сидели сбоку
	фы	кѣы	щы	с	а	щ	они сидели сбоку

8.6.2. Двухличные непереходные глаголы

8.6.2.1 Структура основы двухличных непереходных глаголов

По своему строению основы двухличных непереходных глаголов бывают двоякого типа: простые и производные. К простым относятся, например, основы глаголов *е-уэ-н* «бить», *е-джэ-н* «звать», *е-плѣы-н* «смотреть», *е-жѣэ-н* «ждать», *е-пхѣуэ-н* «хватать», *е-пклэ-н* «прыгать», *е-сэ-н* «привыкнуть» и др. Префикс *е-* в глаголах этого типа является показателем 3-го лица косвенного объекта.

Производными могут быть аффиксальные сложные основы двухличных непереходных глаголов. Ср., например, аффиксальные основы *гуэ-сы-н* «сидеть рядом с кем-л.», *дэ-кІуэ-н* «идти вместе с кем-л.», *хуэ-кІуэ-н* «идти для кого-то»; сложные основы: *е-джэбэ-уэ-н* «бить сбоку», *е-щхѣфэ-уэ-н* «бить по голове».

Двухличные непереходные глаголы различаются на первичные и вторичные. К первичным относятся глаголы типа *е-жѣэ-н* «ждать», к вторичным – глаголы типа *гуэ-сы-н* «сидеть рядом с кем л.», *дэ-кІуэ-н* «идти вместе с кем-л.».

Вторичные двухличные непереходные глаголы образованы от одноличных непереходных глаголов с помощью морфологических средств.

Имеются и нейтральные основы, т.е. основы, от которых парадигматическим путем образуются одноличные и двухличные непереходные глаголы. Ср.: *ар ма-уэ* «он бьет», *ар абы йо-уэ* «он бьет его».

8.6.2.2. Способы преобразования одноличных непереходных глаголов в двухличные непереходные

1) Конверсия, т.е. образование парадигмы двухличных непереходных глаголов без специальных аффиксов. Ср.: *мэ-далуэ* «он слушает», *ар ма-лэз* «он прыгает», *ар абы й-о-лэз* «он перепрыгивает», *ар мэ-хэуапсэ* «он завидует», *ар абы йо-хэуапсэ* «он завидует ему».

2) Чередование гласных. Как средство преобразования одноличных непереходных глаголов в двухличные непереходные аблаутные чередования имеют широкое распространение, охватывая самые различные по своему морфемному строению основы. Ср.: *ар мэ-лэалуэ* «он просит», *ар абы йо-лээлу* «он просит его», *ар ма-плэз* «он смотрит на кого-, что-либо», *ар ма-бгэ* «он проклинаят», *ар абы йо-бг* «он его проклинаят», *ар мэ-банэ* «он борется», *ар абы йо-бэн* «он с ним борется».

3) Направительный суффикс *-кI(ы)*. Ср.: *ма-клуэ*, «он идет», *ар абы йо-клуэкI* «он обходит кого-, что-л.», *ар ма-жэ* «он бежит», *ар абы йо-жэкI* «он обегает кого-что-л.», *ар мэ-пагэ* «он кичится», *ар абы йо-пэгэкI* «он относится к нему кичливо, высокомерно».

4) Морфемный элемент *-кI(ы)+чередование гласных*. При комбинации морфологических и морфонологических средств отмечаются два типа аблаутных чередований: изменение этимологического гласного *ы-* в гласный *э-* и, наоборот, – изменение этимологического гласного *э-* в гласный *ы-*.

а) Морфемный элемент *-кI(ы)+чередование ы-э*: *тIысы-н* «садиться», *е-тIысэ-кIы-н* «садиться вокруг чего-, кого-л.»; *пцы-н* «ползти», *е-пцэ-кIы-н* «ползти вокруг чего-л.»; *уыцы-н* «бежать рысцой», *е-уыцэ-кIы-н* «идти, бежать рысцой в сторону чего-л.»; *уклуры-н* «повалиться», *еуклу-рейкIы-н* «повалиться в сторону чего-л.».

б) Морфемный элемент *-кI(ы)+чередование э-ы*. Ср.: *лэ-н* «умереть», *и-лIы-кIы-н* «умереть от чего-то». Префикс *и-* в форме *и-лIы-кIы-н* восходит к локальному превербу *и-* «в», «внутри». Ср.: также *ар ма-тхэз* «он живет припеваючи», *ар абы хо-тхэы-кI* «он живет припеваючи от чего-то».

5) Суффикс *-лI(э)*. Ср.: *клуэ-н* «идти», *е-клуэ-лIэ-н* «подойти»; *жэ-н* «бежать», *е-жэ-лIэ-н* «подбежать»; *тIысы-н* «сесть», *е-тIысы-лIэ-н* «подсесть». В настоящем времени и аористе основы, оканчивающиеся гласным *э*, оформляют продленную ступень чередования *э-а*. Ср.: *со-клуа-лIэ* «я подхожу», *уо-клуа-лIэ* «ты подходишь», *йо-клуа-лIэ* «он подходит», *е-клуа-лIэри...* «подошел и...». Ср. продленную степень чередования и в формах типа *е-клуа-лIэ* «подходи», *е-клуа-лIэмэ* «если он подойдет».

6) Корневой элемент *-х(ы)*. Ср.: *ар ма-жэ* «он бежит», *ар абы йо-жэх* «он бежит (сбегает) с чего-то»; *ар мэ-пц* «он ползет», *ар абы йо-пцы-х* «он сползает с кого-, чего-л.».

7) Корневой элемент *-х(ы)+чередование гласных*. Ср.: *ар ма-лэз* «он прыгает», *ар абы йо-лэы-х* «он прыгает с чего-то (вниз)».

8) Локальные превербы. Ср.: *цы-сы-н* «сидеть» *гуэ-сы-н* «сидеть рядом, сбоку с кем-, чем-л.», *те-сы-н* «сидеть у кого-, чего-л.», *бгэз-дэ-сы-н* «сидеть рядом с кем-л.»

9) Локальные превербы+чередование гласных. Ср.: *жэ-* «бежать», *гуэ-жы-н*, «отбежать», *бгэздэ-жы-н* «бежать от кого-, чего-л.».

10) Версионные префиксы. Ср.: *клуэ-н* «идти», *хуэ-клуэ-н* «идти для кого-л.», *фIэ-клуэ-н* «идти вопреки желанию кого-л.».

11) Префикс союзности. Ср.: *со-клуэ* «я иду», *сы-до-клуэ* «я иду вместе с ним».

12) Префикс *дэ*+суффикс *-и*. Ср.: *клуэ-н* «идти», *дэ-клуэ-и-н* «подняться на что-то».

Вышеприведенный материал показывает, что во всех случаях преобразования лица глагола одноличный непереходный глагол становится двухличным непереходным. Как увидим ниже, некоторые из описанных способов используются для преобразования двухличных непереходных глаголов в трехличные переходные, двухличных переходных глаголов в трехличные переходные, трехличных переходных глаголов в четырехличные переходные.

8.6.2.3. Глаголы типа *е-жэ-н* «ждать» (табл. 6)

Противопоставление форм лица реализуется далеко не во всех парадигматических рядах. Причем может быть снято противопоставление и форм субъекта, и форм объекта. Ср. возможные омонимичные образования с нейтрализацией:

- 1) формы лица субъекта: *къы-зо-жъэ* «он меня ждет», *къы-зо-жъэ* «они меня ждут»;
- 2) формы лица объекта: *со-жъэ* «я его жду», *со-жъэ* «я их жду»;
- 3) формы лица субъекта и объекта: *йо-жъэ* «он его ждет», *йо-жъэ* «они его ждут», *йо-жъэ* «он их ждет», *йо-жъэ* «они их ждут».

Префикс лица объекта оформляет продленную ступень огласовки, причем консонантные элементы озвончаются в интервокальном положении. Ср.: *къы-з-о-жъэ* «он меня ждет», *къы-в-о-жъэ* «он вас ждет». Кроме того, в ряде форм совпадают огласовки аффиксов объекта и субъекта. Ср. продленную ступень огласовки у аффиксов объекта и субъекта: *къы-до-жъэ* «он нас ждет», *до-жъэ* «мы его ждем».

Структура аффикса лица субъекта и преверба (их распределение и оформление огласовки) в прошедшем времени тождественна их структуре в настоящем времени (табл.7). Различия касаются как парадигмы объектного ряда, так и формы огласовки объектного аффикса. В прошедшем времени лицо объекта 3-го лица последовательно маркировано аффиксом *е-*, хотя нейтрализуются формы числа. Ср., с одной стороны *со-жъэ* «я его (их) жду», *уо-жъэ* «ты его (их) ждешь», *до-жъэ* «мы его (их) ждем», *фо-жъэ* «вы его (их) ждете» а с другой стороны – *с-е-жъащ* «я его (их) ждал», *у-е-жъащ* «ты его (их) ждал», *д-е-жъащ* «мы его (их) ждали», *ф-е-жъащ* «вы его (их) ждали».

Таблица 6
Настоящее время

Префикс субъекта	Преф.на правления	Преф.ков. объекта	Корневая морфема	Значение
<i>сы</i>	<i>н</i>	<i>о</i>	<i>жъэ</i>	я тебя жду
<i>сы</i>		<i>во</i>	<i>жъэ</i>	я вас жду
<i>со</i>			<i>жъэ</i>	я его жду
<i>со</i>			<i>жъэ</i>	я их жду
	<i>къы</i>	<i>зо</i>	<i>жъэ</i>	ты меня ждешь
<i>уы</i>	<i>къы</i>	<i>до</i>	<i>жъэ</i>	ты нас ждешь
<i>уы</i>			<i>жъэ</i>	ты его ждешь
<i>уо</i>			<i>жъэ</i>	ты их ждешь
<i>уо</i>			<i>жъэ</i>	ты их ждешь
	<i>къы</i>	<i>зо</i>	<i>жъэ</i>	он меня ждет
	<i>къ</i>	<i>до</i>	<i>жъэ</i>	он нас ждет
	<i>къы</i>	<i>о</i>	<i>жъэ</i>	он тебя ждет
	<i>къы</i>	<i>во</i>	<i>жъэ</i>	она вас ждет
		<i>йо</i>	<i>жъэ</i>	он его ждет
		<i>йо</i>	<i>жъэ</i>	он их ждет
	<i>н</i>		<i>жъэ</i>	мы тебя ждем
		<i>о</i>	<i>жъэ</i>	мы вас ждем
<i>ды</i>		<i>во</i>	<i>жъэ</i>	мы его ждем
<i>ды</i>			<i>жъэ</i>	мы их ждем
<i>до</i>	<i>къы</i>		<i>жъэ</i>	мы их ждем
<i>до</i>	<i>къы</i>	<i>зо</i>	<i>жъэ</i>	вы меня ждете
		<i>до</i>	<i>жъэ</i>	вы нас ждете
<i>фы</i>			<i>жъэ</i>	вы его ждете
<i>фы</i>	<i>къы</i>		<i>жъэ</i>	вы их ждете
<i>фо</i>	<i>къы</i>	<i>зо</i>	<i>жъэ</i>	они меня ждут
<i>фо</i>	<i>къ</i>	<i>до</i>	<i>жъэ</i>	они нас ждут
	<i>къы</i>	<i>о</i>	<i>жъэ</i>	они тебя ждут
		<i>во</i>	<i>жъэ</i>	они вас ждут
		<i>йо</i>	<i>жъэ</i>	они его ждут
		<i>йо</i>	<i>жъэ</i>	они их ждут

Таблица 7.
Прошедшее время

Преф. субъект	Преф. направ.	Преф. косубъект	Корневая морфема	Суфф. времени	Суфф. утверди-	Значение
---------------	---------------	-----------------	------------------	---------------	----------------	----------

а	ления.	а			тельности	
сы	н	о	жсь	а	щ	я ждал тебя
сы		вэ	жсь	а	щ	я ждал вас
с		е	жсь	а	щ	я ждал его
с		е	жсь	а	щ	я ждал их
уы	къы	зэ	жсь	а	щ	ты ждал меня
уы	къы	дэ	жсь	а	щ	ты ждал нас
у		е	жсь	а	щ	ты ждал его
у		е	жсь	а	щ	ты ждал их
у	къы	зэ	жсь	а	щ	он ждал меня
	къы	дэ	жсь	а	щ	он ждал нас
	къ	о	жсь	а	щ	он ждал тебя
	къы	вэ	жсь	а	щ	он ждал вас
		е	жсь	а	щ	он ждал его
		е	жсь	а	щ	он ждал их
ды	н	о	жсь	а	щ	мы ждали тебя
ды		вэ	жсь	а	щ	мы ждали вас
д		е	жсь	а	щ	мы ждали его
д		е	жсь	а	щ	мы ждали их
фы	къы	зэ	жсь	а	щ	вы ждали меня
фы	къы	дэ	жсь	а	щ	вы ждали нас
ф		е	жсь	а	щ	вы ждали его
ф		е	жсь	а	щ	вы ждали их
	къы	зэ	жсь	а	щ	они ждали меня
	къы	дэ	жсь	а	щ	они ждали нас
	къы	о	жсь	а	щ	они ждали тебя
	къы	вэ	жсь	а	щ	они ждали вас
		е	жсь	а	щ	они ждали его
		е	жсь	а	щ	они ждали их

В прошедшем времени аффикс объекта имеет полную огласовку, а в настоящем – продленную огласовку. Ср.: *у-къы-зо-жсьэ* «ты меня ждешь», *у-къы-зэ-жсьащ* «ты меня ждал», *у-къы-до-жсьэ* «ты нас ждешь», *у-къы-дэ-жсьащ* «ты нас ждал». Исключение составляет аффикс объекта 2-го лица единственного числа *уэ-*, который изменяется в *-о*. Ср. *сы-ны-уэ-жсьащ-> сыножсьащ* «я тебя ждал». Тенденцию к редукции огласовки проявляет аффикс объекта 3-го лица *е-* в закрытых слогах, что орфографически закреплено на письме. Ср.: *сы-е-жсьащ->с-е-жсьащ* «я его ждал».

В отношении корневой морфемы нужно сказать, что исходные данные сохраняются в формах настоящего времени. В корневой морфеме *жсьэ* перед аффиксом прошедшего времени вокалический элемент редуцируется до нуля. Ср.: *сы-н-о-жсьэ* «я жду тебя», но *сы-н-о-жсь-а-щ* «я ждал тебя».

Структура личных аффиксов и превербов (направления) форм будущего времени подобна их структуре в формах прошедшего времени. Ср.: например:

<i>сы-н-о-жсь-а-щ</i>	я тебя	ждал
<i>сы-н-о-жсьэ-н-щ</i>		подожду
<i>уы-къы-зэ-жсь-а-щ</i>	ты меня	ждал
<i>уы-къы-зэ-жсьэ-н-щ</i>		подождешь
<i>е-жсь-а-щ</i>	он его	ждал
<i>е-жсьэ-н-щ</i>		подождет

По оформлению огласовки корневой морфемы совпадают парадигмы настоящего и

будущего времен. В этих парадигмах корневая морфема сохраняет полную ступень огласовки. Ср.:

<i>ды-н-о-жъэ</i>	мы тебя ждем	{ ждем подождем
<i>ды-н-о-жъэ-нщ</i>		
<i>ды-в-о-жъэ</i>	мы вас	{ ждем подождем
<i>ды-вэ-жъэ-нщ</i>		

8.6.2.4. Глаголы типа *хуэ-кIуэ-н* «идти для кого-либо» (табл. 8)

Как и в парадигме первичного (непроизводного) глагола *е-жъэ-н* «ждать», в данной парадигме не реализуется противопоставление форм лица субъекта 3-го лица.

Таблица 8

Преф. субъекта	Преф.косв. субъекта	Преф. версии	Корневая морфема	Значение
сы	n	хуо	клуэ	я для тебя иду
сы	ф	хуо	клуэ	я для вас иду
сы		хуо	клуэ	я для него иду
с	a	хуо	клуэ	я для них иду
уы	с	хуо	клуэ	ты для меня идешь
уы	т	хуо	клуэ	ты для нас идешь
уы		хуо	клуэ	ты для него идешь
у	a	хуо	клуэ	ты для них идешь
	с	хуо	клуэ	он для меня идет
	т	хуо	клуэ	он для нас идет
	n	хуо	клуэ	он для тебя идет
	ф	хуо	клуэ	он для вас идет
		хуо	клуэ	он для него идет
	йа	хуо	клуэ	он для них идет
ды	n	хуо	клуэ	мы для тебя идем
ды	ф	хуо	клуэ	мы для вас идем
ды		хуо	клуэ	мы для него идем
д	a	хуо	клуэ	мы для них идем
фы	с	хуо	клуэ	вы для меня идете
фы	т	хуо	клуэ	вы для нас идете
фы		хуо	клуэ	вы для него идете
ф	a	хуо	клуэ	вы для них идете
	с	хуо	клуэ	они для меня идут
	т	хуо	клуэ	они для нас идут
	n	хуо	клуэ	они для тебя идут
	ф	хуо	клуэ	они для вас идут
		хуо	клуэ	они для него идут
	йа	хуо	клуэ	они для них идут

В отличие от парадигмы *е-жъэ-н* в парадигме *хуэ-клуэ-н* объект 3-го лица единственного числа выражен нулевым аффиксом. Ср.: *хуоклуэ* «он идет для него», но *йо-жъэ* «он его ждет». В парадигме *е-жъэ-н* имеет место немаркированное употребление формы объекта 3-го лица единственного числа, в то время как в парадигме *хуэ-клуэ-н* реализуется противопоставление форм числа объекта 3-го лица. Ср.: *йо-жъэ* «он его (их) ждет», но *хуо-клуэ* «он для него идет», *я-хуо-клуэ* «он для них идет».

Парадигмы форм прошедшего и будущего времени не дают отклонений в распределении аффиксов лица (субъекта и объекта) и оформлении их огласовки. Версионный префикс в парадигмах форм прошедшего и будущего времени отличается своей огласовкой в парадигме настоящего времени. Ср.:

сы-п-хуэ-клу-а-щ   я для тебя ходил
сы-ф-хуэ-клу-а-щ   я для вас ходил

сы-хуэ-клу-а-щ   я для него ходил
с-а-хуэ-клу-а-щ   я для них ходил

сы-п-хуэ-клуэ-н-щ   я для тебя пойду
сы-ф-хуэ-клуэ-н-щ   я для вас пойду

сы-хуэ-клуэ-н-щ   я для него пойду
с-а-хуэ-клуэ-н-щ   я для них пойду

Деривационные аффиксы в личной форме глагола взаимозаменяемы. В парадигме спряжения двухличных непереходных глаголов место версионного аффикса могут занять

другие основообразующие элементы – префиксы союзности, локальные проверки, т.е. аффиксы, преобразующие одноличные непереходные глаголы в двухличные непереходные. При этом дистрибуция личных аффиксов и корневой морфемы, а также форма их огласовки остаются неизменными. Ср., например:

<i>сы-б-до-кIуэ</i>	я с тобой	{	иду ходил пойду
<i>сы-б-дэ-кIу-а-щ</i>			
<i>сы-б-дэ-кIуэ-н-щ</i>			
<i>сы-п-то-лъэ</i>	я на тебя	{	прыгаю прыгнул прыгну
<i>сы-п-те-лъ-а-щ</i>			
<i>сы-п-те-лъэ-н-щ</i>			

8.6.2.5. Отсутствие дифференциации по лицам объекта

Выше отмечалось отсутствие противопоставления форм 3-го лица субъекта и объекта различных типов двухличных непереходных глаголов. Нет ни одного двухличного непереходного глагола, образующего полную парадигму по трем лицам и субъекта и объекта. В этом отношении все двухличные непереходные глаголы, как и все одноличные непереходные глаголы, характеризуются отсутствием целостной системы словоизменения. Однако в некоторых группах двухличных непереходных глаголов снимается противопоставления форм не только 3-го лица.

Глаголы типа *е-сы-н* «плавать», *е-тIысэ-хы-н* «опускаться» отличаются значительной ущербностью своей парадигмы субъектно-объектного спряжения. По своей форме они являются двухличными, о чем свидетельствует префикс 3-го лица косвенного объекта *е-*. Как было показано выше, двухличные непереходные глаголы типа *е-жъэ-н* «ждать», *е-плъы-н* «смотреть» в 1-м и 2-м лице изменяются по лицам субъекта и объекта. Особенностью словоизменения глаголов типа *е-сы-н* «плавать», *е-тIысэ-хы-н* «опускаться» является отсутствие форм объекта 1-го и 2-го лица, ср., например:

<i>с-е-сащ</i>	я	{	плавал
<i>у-е-сащ</i>	ты		
<i>е-сащ</i>	он		
<i>д-е-сащ</i>	мы	{	плавали
<i>ф-е-сащ</i>	вы		
<i>е-сащ</i>	они		
<i>с-е-тIысэхащ</i>	я	{	сел (приземлился)
<i>у-е-тIысэхащ</i>	ты		
<i>е-тIысэхащ</i>	он		
<i>д-е-тIысэхащ</i>	мы	{	сели (приземлились)
<i>ф-е-тIысэхащ</i>	вы		
<i>е-тIысэхащ</i>	они		

Приведенный материал показывает, что 3-е лицо субъекта единственного и множественного числа выражено нулевым аффиксом. В этом отношении рассматриваемые глаголы сближаются с глаголами типа *е-жъэ-н* «ждать», *е-плъы-н* «смотреть». Однако последние в 1-м и 2-м лице изменяются по лицам субъекта и объекта. Ср.: *сы-н-о-жъащ* «я тебя ждал», *у-къы-зэ-жъащ* «ты меня ждал», *сы-вэ-жъащ* «я вас ждал» и т.д. Глаголы же типа *е-тIысэ-хы-н* «приземлиться, сесть на что-то» при изменении по объектному строю могут иметь лишь одну форму – форму 3-го лица косвенного объекта, выраженную префиксом *е-*.

В синхронном плане глаголы типа *е-тIысэ-хы-н* имеют относительно свободную

синтаксическую связь с дополнением, хотя и включают дополнительный грамматический показатель последнего. Этим объясняется тот факт, что анализируемые двухличные непереходные глаголы нередко воспринимаются в функциональном плане как безобъектные, точнее, как одноличные глаголы. Ср., например: *ар йос* «он плавает», *ар йотлысэх* «он садится». Этимологическое значение префикса *й-* в безобъектных (эллиптических) конструкциях всплывает в соотносительных объектных конструкциях типа *ар псым йос* «он плавает на воде», *ар щлым йотлысэх* «он садится на землю».

В подобных случаях глагол остается грамматически двухличным, хотя возможность эллипсиса свидетельствует о тенденции к преобразованию их структуры. Следует отметить, что процесс преобразования структуры некоторых глаголов завершается полной утратой этимологического значения префикса *е-*. Ср., например, *е-шы-н* «устать»: *с-е-шащ* «я устал», *у-е-шащ* «ты устал», *е-шащ* «он устал». Подобные глаголы с точки зрения синхронии фактически стали одноличными, поскольку элемент *е-(е)* выделяется лишь этимологически. Ср. также: *е-плъэкIы-н* «оглянуться»: *с-е-плъэкIащ* «я оглянулся», *у-е-плъэкIащ* «ты оглянулся», *е-плъэкIащ* «он оглянулся».

Итак, далеко не все двухличные непереходные глаголы имеют объектные формы всех трех лиц, как и все глаголы с этимологическим объектным префиксом *е-(йэ-)* остаются по своей структуре двухличными непереходными.

8.6.3. Трехличные непереходные глаголы

8.6.3.1. Типы трехличных непереходных глаголов. Трехличные непереходные глаголы являются производными. Они образуются от непереходных глаголов с помощью аффиксов соучастия и версии. По своему строению трехличные непереходные глаголы бывают нескольких типов.

К особому типу можно отнести глаголы, образованные от двухличных непереходных глаголов. Ср., например: *с-е-плъ-ащ* «я смотрел на кого-, что-л.», *сы-б-д-е-плъ-ащ* «я с тобой смотрел на кого-, что-л.», *сы-п-ху-е-плъ-а-щ* «я для тебя смотрел на кого-, что-л.», *сы-п-фI-е-плъ-а-щ* «я вопреки тебе смотрел на кого-, что-л.» Если двухличный непереходный глагол изменяется по лицам субъекта и косвенного объекта, то трехличный непереходный глагол изменяется по лицам и двух косвенных объектов. Помимо лица косвенного объекта, на которое направляется действие, трехличный непереходный глагол выражает еще лицо соучастника действия или версионного действия.

Другой тип составляют глаголы, включающие аффиксы соучастия и версии. Эти глаголы не выражают объект, на который направлено действие. В соответствии со значением деривационных суффиксов глаголы этого типа выражают субъект действия, соучастника действия и лицо версионного действия. Ср.: *у-а-фIы-дэ-кIу-а-щ* «ты против их воли пошел с ним», *у-с-фIы-дэ-кIу-а-щ* «ты против моей воли пошел с ними». По своей структуре к глаголам данного типа примыкают версионные глаголы от приставочных основ двухличных непереходных глаголов типа *бгъэдэ-хъэ-н* «подойти». Ср.: *уы-с-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «ты ради меня подошел к нему».

Различия между рассматриваемыми типами трехличных непереходных глаголов касаются не только характера производящей основы, но и состава косвенных объектов. Как увидим ниже, рассматриваемые типы трехличных глаголов существенно различаются также в построении парадигматических рядов.

8.6.3.2. Распределение морфем трехличных непереходных глаголов.

Основа трехличного непереходного глагола включает наряду с аффиксами соучастия и версии аффиксы направления, локализации и т.д. Морфемы (личные аффиксы субъекта, косвенных объектов, корень, аффиксы соучастия, версии, направления, локализации и т.д.) в зависимости от глубины слова (степени синтеза) распределяются следующим образом:

а) трехличный непереходный глагол с аффиксом соучастия: префикс субъекта+префикс первого косвенного объекта+префикс соучастия+префикс второго косвенного объекта+корневая морфема. Ср.: *сы-в-д-е-плъ-а-щ* «я с вами смотрел на кого-,

что-л.»;

б) трехличный непереходный глагол с аффиксами соучастия и направления: префикс субъекта+префикс направления+префикс первого косвенного объекта+префикс соучастия+префикс второго косвенного объекта+корневая морфема. Ср.: *у-къы-з-д-е-жьа-щ* «ты со мной ждал его»;

в) трехличный непереходный глагол с аффиксами версии, направления, локализации: префикс субъекта+префикс направления+префикс первого косвенного объекта+префикс версии+префикс второго косвенного объекта+корневая морфема. Ср.: *сы-къы-п-ху-т-е-хъ-а-щ* «я для тебя всходил на поверхность чего-то»;

г) трехличный непереходный глагол с аффиксами версии и соучастия: префикс субъекта+префикс косвенного объекта+префикс версии+префикс соучастия+корневая морфема. Ср.: *с-а-флы-дэ-клу-а-щ* «я против их воли пошел с ним», *с-а-флы-дэ-лэжь-а-щ* «я против их воли работал с ним».

Префиксы соучастия и версии в личной форме взаимозаменяемы. Ср.: *сы-в-д-е-плъ-а-щ* «я с вами смотрел на кого-, что-л.», *сы-ф-ху-е-плъ-а-щ* «я для вас смотрел на кого-, что-л.» *сы-ф-фл-е-плъ-а-щ* «я вопреки вам смотрел на кого-, что-л.»

8.6.3.3. Ущербность парадигмы трехличных непереходных глаголов.

Трехличный непереходный глагол не реализует противопоставления форм всех лиц субъекта и двух объектов. Субъект 3-го лица единственного и множественного числа выражен нулевым аффиксом. Ср.: *къы-б-д-е-плъащ* «он с тобой смотрел на кого-, чего-л.», *къы-б-д-е-плъащ* «они с тобой смотрели на кого-, что-л.». Нулевым аффиксом выражен косвенный объект 3-го лица единственного числа (лицо соучастника действия). Ср.: *д-е-жь-а-щ* «он с ним ждал его», но *я-д-е-жь-а-щ* «он с ними ждал его».

Указанные особенности одинаково характерны для всех трехличных непереходных глаголов. Наряду с ними имеются особенности, свойственные той или иной группе глаголов. Так, трехличные непереходные глаголы типа *флы-дэ-клуэ-н* «идти с ним против его воли», *ху-дэ-клуэ-н* «идти с ним ради него» изменяются не по всем лицам косвенных объектов. 3-е лицо соучастника действия как единственного, так и множественного числа выражено нулевым аффиксом. Ср.: *сы-п-флы-дэ-клу-а-щ* 1) «я против твоей воли пошел с ним», 2) «я против твоей воли пошел с ними», *сы-п-ху-дэ-клу-а-щ* 1) «я ради тебя пошел с ним»; 2) «я ради тебя пошел с ними». Глаголы анализируемого типа не дифференцируются в 1-м и 2-м лице соучастника действия. При наличии, например, *усхуэдэклуащ* «ты ради меня пошел с ним (с ними)», *усфлыдэклуащ* «ты против моей воли пошел с ним (с ними)» невозможны формы в значении «ты ради него пошел со мной», «ты против его воли пошел со мной», «я ради него пошел с тобой», «я против его воли пошел с тобой». Иными словами, парадигматический ряд дефектен: лицо соучастника может быть выражено только в 3-м лице, причем снимается противопоставление форм числа.

Аналогичную структуру имеют трехличные непереходные глаголы типа *ху-бгъэды-хъэ-н* «подойти к кому-, чему-л. ради кого-то». Ср.: *у-с-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «ты ради меня подошел к нему (к ним)», *сы-п-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «я ради тебя подошел к нему (к ним)», *у-т-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «ты ради нас подошел к нему (к ним)», *сы-ф-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «я ради вас подошел к нему (к ним)», *с-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «он ради меня подошел к нему (к ним)», *п-ху-бгъэды-хъ-а-щ* «он ради тебя подошел к нему (к ним)». Изменяясь по лицам субъекта и версионного объекта, глагол обладает только немаркированной формой 3-го лица второго косвенного объекта.

Субъектно-объектные образования со вторым косвенным объектом 1-го и 2-го лица невозможны: нет форм в значении «ты ради него подошел ко мне», «ты ради него подошел к нам», «я ради него подошел к тебе», «я ради него подошел к вам».

8.6.3.4. Расхождения между адыгскими языками в построении парадигмы трехличных непереходных глаголов

Не все трехличные переходные глаголы изменяются по всем лицам субъекта и косвенных объектов. Ущербность парадигмы трехличных переходных глаголов – общее явление для адыгских языков.

Трехличный переходный глагол анализируемого типа изменяется по лицам субъекта действия и соучастника действия, хотя в третьем лице субъект единственного и множественного числа и косвенный объект (соучастник действия) единственного числа формально не маркированы. Что касается второго косвенного объекта, то возможна немаркированная форма 3-го лица. Ср.: *сы-б-д-е-жь-а-щ* 1) «я с тобой ждал его», 2) «я с тобой ждал их». Парадигматические ряды 1-го и 2-го лица второго косвенного объекта отсутствуют в языке.

Омонимия субъектно-объектных форм получила широкое распространение. Ввиду того, что в трехличном переходном глаголе число может остаться формально немаркированным с помощью суффикса *-х(э)*, снимается противопоставление форм числа субъекта и объекта 3-го лица. Ср.: *къыздежьащ* 1) «он со мной ждал его», 2) «он со мной ждал их», 3) «они со мной ждали его», 4) «они со мной ждали их».

8.6.3.5. Парадигмы трехличных переходных глаголов типа *хуэжIуэ-н* «идти с ними ради него» (табл. 9)

Как показывает таблица, последовательно снимается противопоставление форм единственного и множественного числа лица соучастника действия. Распределение личных аффиксов и оформление их огласовки в формах настоящего, прошедшего и будущего времен совпадает.

Таблица 9

Преф. субъекта	Преф. косв. объекта	Преф. версии	Преф. . соучастия	Корн. морфема	Суф. времени	Суф. . числа	Суф. утвердительности	значение
<i>сы</i>		<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	я ради него ходил с ним (с ними)
<i>с</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	я ради них ходил с ним (с ними)
<i>сы</i>	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	я ради тебя ходил с ним (с ними)
<i>сы</i>	<i>ф</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	я ради вас ходил с ним (с ними)
<i>сы</i>		<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	я ради него ходил с ним (с ними)
<i>уы</i>		<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	ты ради него ходил с ним (с ними)
<i>у</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	ты ради них ходил с ним (с ними)
<i>уы</i>	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	ты ради меня ходил с ним (с ними)
<i>уы</i>	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	ты ради нас ходил с ним (с ними)
	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	он ради меня ходил с ним (с ними)
	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	он ради нас ходил с ним (с ними)
	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>дэ</i>	<i>кIу</i>	<i>а</i>		<i>щ</i>	он ради тебя ходил с ним (с ними)

								ними)
	ф	ху	дэ	кIу	а		щ	он ради вас ходил с ним (с ними)
		ху	дэ	кIу	а		щ	он ради него ходил с ним (с ними)
	йа	ху	дэ	кIу	а		щ	он ради них ходил с ним (с ними)
ды		ху	дэ	кIу	а		щ	мы ради него ходили с ним (с ними)
д	а	ху	дэ	кIу	а		щ	мы ради них ходили с ним (с ними)
ды	п	ху	дэ	кIу	а		щ	мы ради тебя ходили с ним (с ними)
ды	ф	ху	дэ	кIу	а		щ	мы ради вас ходили с ним (с ними)
фы		ху	дэ	кIу	а		щ	вы ради него ходили с ним (с ними)
ф	а	ху	дэ	кIу	а		щ	вы ради них ходили с ним (с ними)
			ху	дэ	кIу	а	щ	вы ради меня ходили с ним (с ними)
фы	т	ху	дэ	кIу	а		щ	вы ради нас ходили с ним (с ними)
		ху	дэ	кIу	а		щ	они ради него ходили с ним (с ними)
	йа	ху	дэ	кIу	а		щ	они ради них ходили с ним (с ними)
	с	ху	дэ	кIу	а		щ	они ради меня ходили с ним (с ними)
	т	ху	дэ	кIу	а		щ	они ради нас ходили с ним (с ними)
	п	ху	дэ	кIу	а		щ	они ради тебя ходили с ним (с ними)
	ф	ху	дэ	кIу	а		щ	они ради вас ходили с ним (с ними)

8.6.3.6. Парадигмы трехличного непереходного глагола типа *дежьэ-н* «ждать с кем-л.» (таб. 10)

Таблица 10

Преф. · субъ- екта	Преф. напра- в- ления	Преф. косв. объек- та	Преф. · соуча- · ствия	Преф. косв. объек- та	Корн. · мор- фема	Суф. вре- мен и	Суф. чис- ла	Суф. утвер- дитель- ности.	Значение
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
сы			д	е	жь	а		щ	я ждал с ним его
сы			д	е	жь	а		щ	я ждал с ним их

с		а	д	е	жсь	а		щ	я ждал с ними его
с		а	д	е	жсь	а		щ	я ждал с ними их
сы		б	д	е	жсь	а		щ	я ждал с тобой его
сы		б	д	е	жсь	а		щ	я ждал с тобой их
сы		в	д	е	жсь	а		щ	я ждал с вами его
сы		в	д	е	жсь	а		щ	я ждал с вами их
уы			д	е	жсь	а		щ	ты с ним ждал его
уы			д	е	жсь	а		щ	ты с ним ждал их
у		а	д	е	жсь	а		щ	ты с ним ждал его
у		а	д	е	жсь	а		щ	ты с ними ждал их
уы	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	ты со мной ждал его
уы	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	ты со мной ждал их
уы	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	ты с ним ждал его
уы	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	ты с ними ждал их
			д	е	жсь	а		щ	он с ним ждал его
			д	е	жсь	а		щ	он с ним ждал их
		йа	д	е	жсь	а		щ	он с ними ждал его
		йа	д	е	жсь	а		щ	он с ними ждал их
	кбы	б	д	е	жсь	а		щ	он с тобой ждал его
	кбы	б	д	е	жсь	а		щ	он с тобой ждал их
	кбы	в	д	е	жсь	а		щ	он с вами ждал его
	кбы	в	д	е	жсь	а		щ	он с вами ждал их
	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	он со мной ждал его
	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	он со мной ждал их
	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	он с нами ждал его
	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	он с нами ждал их
ды			д	е	жсь	а		щ	мы с ним ждали его
ды			д	е	жсь	а		щ	мы с ними ждали их
д		а	д	е	жсь	а		щ	мы с ними ждали его
д		а	д	е	жсь	а		щ	мы с ними ждали их
ды		б	д	е	жсь	а		щ	мы с тобой ждали его
ды		в	д	е	жсь	а		щ	мы с вами ждали его
ды		в	д	е	жсь	а		щ	мы с вами ждали их
фы			д	е	жсь	а		щ	вы с ними ждали его
фы			д	е	жсь	а		щ	вы с ними ждали их
ф		а	д	е	жсь	а		щ	вы с ними ждали его
фы	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	вы со мной ждали его
фы	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	вы со мной ждали их
фы	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	вы с нами ждали его
фы	кбы	д	д	е	жсь	а		щ	вы с нами ждали их
	кбы	з	д	е	жсь	а		щ	они со мной ждали его

В кабардинском языке парадигма настоящего времени отличается от парадигм прошедшего и будущего времени отсутствием показателя 3-го лица косвенного объекта *е-*: последний редуцируется до нуля в этом положении. Ср.: *сы-б-д-е-жъ-а-щ* «я с тобой ждал его», *сы-б-д-е-жъ-ну-щ* «я с тобой подожду его», но *сы-б-до-жъ* «я с тобой жду его». Что касается огласовки корневой морфемы, то правила ее оформления подчиняются общим закономерностям изменений конечных этимологических гласных в положении перед аффиксами времен.

8.6.4. Четырехличные непереходные глаголы

8.6.4.1. Строение четырехличных непереходных глаголов. Осложнение глагола *д-е-плъы-н* «смотреть с кем-л.» префиксом версионного лица *фI-* ведет к преобразованию трехличного глагола в четырехличный. Ср.: *сы-д-е-плъ-а-щ* «я с ним смотрел что-то», *с-а-фIы-д-е-плъ-а-щ* «я против их воли смотрел с ним что-то». Можно допустить, что приведенный четырехличный глагол образован от двухличного непереходного глагола *е-плъы-н* «смотреть» с помощью двух аффиксов – префикса соучастия *д-* и префикса версии *фI-*. Иными словами, рассматриваемый четырехличный глагол не допускает членения по принципу непосредственно составляющих, поскольку из его структуры свободно выключаются оба деривационных аффикса или один из них. Поэтому и не представляется возможным установить единый способ образования данного четырехличного глагола. Членение его можно начать с любого деривационного аффикса (и с префикса версии, и с префикса соучастия), а корневая морфема регулярно соединяется с каждым из них, что, собственно, делает невозможным образование целого в виде последовательных пластов. Впрочем, неприемлемость членения по принципам непосредственно составляющих не является спецификой только четырехчленных глаголов. Двухличный глагол (точнее основа глагола) *хуэкIуэн* «идти ради него» поддается членению по принципам непосредственно составляющих. Отсюда мы говорим, что глагол *хуэкIуэн* «идти ради него» образован с помощью префикса версии *хуэ-* от глагола *кIуэн* «идти». Этого, однако, нельзя сказать о трехличном глаголе *худэкIуэн* «идти ради него с кем-л.», который не допускает членения по непосредственно составляющим, ввиду регулярности сочетания корневой морфемы с каждой из двух префиксальных морфем. Вообще структура многочисленных глаголов показывает ограниченность сферы применения дихотомического принципа и метода непосредственно составляющих на грамматическом уровне.

8.6.4.2. Иррегулярность образования форм четырехличных непереходных глаголов.

Личные формы многочисленных глаголов бывают обычные и необычные. Не все формы четырехличного непереходного глагола могут быть отнесены к обычным и употребительным образованиям. Формы типа *с-а-фIы-д-е-плъ-а-щ* «я против их воли с ним смотрел что-то» грамматически правильны, т. е. они вполне возможны в языке. Но частотность их употребления весьма ограничена в живой речи. Кроме того, далеко не от всех двухличных и трехличных непереходных глаголов образуются четырехличные непереходные глаголы. Так, не образуется четырехличный непереходный глагол от двухличного непереходного глагола *е-кIуэ-лIэ-н*, «подойти» и трехличного непереходного глагола *ху-е-кIуэ-лIэ-н* «подойти ради него». Число производящих основ четырехличных непереходных глаголов невелико.

Образование от одной же производящей основы форм четырехличного непереходного глагола носит иррегулярный характер. Например, если возможна форма *с-а-фIы-д-е-плъ-а-щ* «я против их воли с ним смотрел что-то», то невозможна форма в значении «я для них с ним смотрел что-то». Более того, возможны не все формы одного и того же парадигматического ряда. При наличии *с-а-фIы-д-е-плъ-а-щ* «я против их воли с ним смотрел», *сы-фIы-д-е-плъ-а-щ* «я против его воли с ним смотрел» отсутствуют формы в значениях «я против вашей воли с ним смотрел», «ты против нашей воли с ним смотрел», «он против вашей воли с ним смотрел» и т.д.

8.6.4.3. Четырехличный непереходный глагол предполагает наличие субъекта и трех косвенных объектов. В кабардино-черкесском языке, как правило, не бывает формы четырехличного непереходного глагола, в котором все члены лица – субъект и три косвенных объекта – формально были бы маркированы, т.е. имели бы положительное языковое выражение. Тогда как трехличный глагол имеет парадигматические ряды, оформляющие субъект и два косвенных объекта специальными (выраженными) аффиксами (ср.: *сы-б-д-е-плъ-а-щ* «я с тобой смотрел»), четырехличный глагол не оформляет положительными аффиксами более трех лиц – субъекта и двух косвенных объектов. Третий косвенный объект в парадигматических рядах получает, как правило, нулевое оформление. В отличие от кабардинского, в адыгейском возможны формы, формально маркирующие и третий косвенный объект. Ср.: *у-а-къы-ды-шъы-с-ф-е-жа-гъ* «ты там с ними для меня ждал его».

8.6.5. Одноличные переходные глаголы

Одноличные переходные глаголы могут быть только производными.

Простые переходные глаголы в отличие от простых непереходных глаголов не могут быть одноличными – они предполагают наличие двух или более лиц. Одноличные переходные глаголы образуются от двухличных простых и производных глаголов с помощью префикса *зы-*. Ср.: *абы з-е-тхъэщI* «он умывается», *сэ зы-зо-тхъэщI* «я умываюсь», *уэ зы-бо-тхъэщI* «ты умываешься». От формы возвратности логически невозможно образование двухличного глагола, хотя конструкция остается эргативной как в синтаксическом, так и в морфологическом плане (подлежащее в 3-м лице стоит в эргативе, налицо префикс субъекта 3-го лица *е-*).

8.6.6. Двухличные переходные глаголы

8.6.6.1. Простые двухличные переходные глаголы

Двухличные переходные глаголы, как и двухличные непереходные глаголы, могут быть производными и непроизводными. Простые глаголы (глаголы с простыми основами) бывают непроизводными (первичными) и производными (вторичными). К непроизводным относятся глаголы типа *хъы-н* «нести», *щIы-н* «делать» *зы-н* «цедить». Производными являются глаголы типа *кIу-н* «пройти», *жы-н* «пробежать» и др. Последние образованы от одноличных непереходных глаголов путем аблаутного чередования *э-ы*. Исторически производны и двухличные переходные глаголы типа *ды-н* «шить», *тхы-н* «писать», *шхы-н* «есть». Эти глаголы образованы в результате аблаутного чередования *э-ы* от нейтральных основ. Исходная форма огласовки сохранилась за непереходными глаголами, а соотносительные переходные глаголы принимают огласовку *ы*. Ср.: *тхэ-н* «писать» (неперех.), *тхы-н* «писать» (перех.). Исходная форма огласовки восстанавливается (сохраняется) в префиксальных образованиях. Ср.: *кIэрытхэ-н* «писать на чем-то», *хэтхэ-н* «вписать».

Морфемы простого двухличного переходного глагола распределяются так: префикс объекта+префикс субъекта+корневая морфема. Ср.: *у-с-хъащ* «я тебя носил», *сы-п-хъащ* «ты меня носил».

Указанный принцип распределения морфем не является универсальным с точки зрения последовательности противопоставления личных форм глагола. Как показывают приведенные ниже таблицы, отсутствует противопоставление форм объекта 3-го лица, что создает необходимость немаркированного употребления личной формы. Ср.: *яхъащ* 1) «они его несли», 2) «они их несли».

Фономорфологические изменения морфем (оформление огласовки) зависят от морфологических и фонологических условий их окружения.

Таблицы глагольных форм (11,12) показывают расхождения между парадигмами разных времен в оформлении огласовки личных аффиксов. В парадигме настоящего времени формы огласовки личных аффиксов разно-образны: 1-е и 2-е лицо имеют продленную ступень огласовки *о*, в 3-м лице – нормальная ступень огласовки *э* ед. числа чередуется с продленной ступенью огласовки *а* во мн. числе. Ср.: *сохъ* «я его несу», *уохъ* «ты несешь», *ехъ* «он его несет», каб. *яхъ* «они его несут». Аффикс субъекта 3-го лица мн.

числа в парадигме настоящего времени представлен без сонантного элемента при наличии аффикса объекта. Ср.: *сахъ* «они меня несут». При наличии аффикса объекта аффикс субъекта 2-го лица ед. числа имеет форму *бо-*, при отсутствии же аффикса объекта *бо-* чередуется с *уо-*. Ср.: *сыбохъ* «ты меня несешь», но *уохъ*, *бохъ* «ты его несешь». Кроме того, аффикс субъекта 1-го лица ед. числа и аффикс субъекта 2-го лица мн.числа в интервокальном положении озвончаются. Ср.: *у-з-охъ* «я тебя несу», *сы-в-охъ* «вы меня несете».

Таким образом, аффикс субъекта в парадигме настоящего времени оформляет тождественную (унифицированную) ступень огласовки только в 3-м лице единственного числа. Нулевая ступень огласовки аффикса объекта в положении перед аффиксами субъекта 3-го лица ед. и мн. числа чередуется с полной ступенью огласовки *ы* в остальных позициях. Ср.: *дыбохъ* «вы несете нас», но *дахъ* «они несут нас», *дехъ* «он несет нас».

В парадигме прошедшего времени аффиксы субъекта 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа оформляют нулевую огласовку. Ср.: *усхъащ* «я тебя нес», *сыпхъащ* «ты меня нес».

Различие в ступени огласовки личных аффиксов субъекта 1-го и 2-го лица в парадигме прошедшего времени может быть связано с фонетической структурой основы (или корня). В парадигме от основ (или корня) с начальным сонантом *у* личные аффиксы 1-го и 2-го л. имеют огласовку *ы*. Ср.: *сы-убыдащ* «я его схватил», но *с-хъащ* «я его носил», *фы-убыдащ* «вы его схватили», но *ф-хъащ* «вы его несли». Характерно, что в этой позиции возможны разные (свободные) фонетические варианты аффикса субъекта 2-го л.ед. числа. Ср.: *у-убы-дащ=бы-убыдащ* «ты его схватил», *у-узэдащ= бы-узэдащ* «ты зарядил что-то», но только *п-хъащ* «ты его носил», *б-дащ* «ты сшил что-то».

В парадигме прошедшего времени варианты аффикса субъекта 3-го лица позиционно обусловлены. В начале словоформы аффиксы субъекта 3-го лица ед. и мн. числа противопоставляются огласовкой. Ср.: *и-хъащ* «он его носил», *я-хъащ* «они его носили». При наличии префиксов объекта 1-го и 2-го лица аффикс субъекта 3-го лица ед.числа представлен сонантом *й-*, а аффикс субъекта 3-го лица мн. числа – долгим гласным *а*. Ср.: *сы-й-хъащ* (орф. *с-и-хъащ*) «он меня носил», *с-а-хъащ* «они меня носили».

В глагольных формах прошедшего времени наряду с описанными закономерностями оформления огласовки личных аффиксов происходят фонетические изменения на стыке субъектного аффикса в нулевой ступени чередования и консонантного элемента корневой морфемы. Аффикс субъекта 1-го лица ед. числа в положении перед звонким согласным изменяется в *з-*. Ср.: *с-жъыщлащ→зжъыщлащ* «я постирал», *сгъэлъэтащ→згъэлъэтащ* «я заставил его улететь».

Аффикс субъекта 1-го лица мн.числа *д-* изменяется в *мл-* перед абруптивами. Ср.: *д-плащ→млплащ* «мы воспитали». Исключение составляет позиция перед абруптивом *щл*. В этом положении *д-* и *щл*, подвергаясь взаимной ассимиляции дают аффрикату *цлъ*. Ср.: *т-щлащ→цлълащ* «мы сделали». Аффикс *д-* в положении перед глухими придыхательными, за исключением свистяще-шипящего спиранта *щ*, повсеместно изменяется в *т-*. Ср. *д-хъащ→тхъащ* «мы несли». Аффикс *т-* (*д-*) и спирант *щ* в соседстве дают аффрикату *цъ*. Ср.: *т-щащ→цъащ* «мы продали».

Аффикс субъекта 2-го лица ед. числа *у-* изменяется в *б-* перед звонкими согласными, в *п-* перед глухими согласными, в *мл-* перед абруптивами. Ср.: *бжъыщлащ* «ты постирал», *пхъащ* «ты носил», *пщлащ* «ты сделал».

Аффикс субъекта 2-го лица мн.числа *ф-* подвергается озвончению перед звонкими согласными и абруптивации перед абруптивными. Ср.: *ф-жъыщлащ→вжъыщлащ* «вы постирали», *ф-щлащ→флщлащ* «вы сделали».

Ниже даются парадигмы простого двухличного глагола настоящего и прошедшего времен. Парадигма будущего времени в распределении личных префиксов и оформлении их огласовки тождественна парадигме прошедшего времени. Парадигмы прошедшего и будущего времен объединяются также однотипностью ассимилятивных процессов, происходящих на стыке личных аффиксов субъекта и корневой морфемы.

8.6.6.2. Парадигмы двухличных переходных глаголов типа *хъын* «нести»

(табл. 11,12)

Настоящее время

Преф. объекта	Преф. субъекта	Корневая морфема	Значение
<i>у</i> <i>фы</i>	<i>со</i>	<i>хъ</i>	я его несу
	<i>со</i>	<i>хъ</i>	я их несу
	<i>зо</i>	<i>хъ</i>	я тебя несу
	<i>зо</i>	<i>хъ</i>	я вас несу
<i>сы</i> <i>ды</i>	<i>уо</i>	<i>хъ</i>	ты его несешь
	<i>уо</i>	<i>хъ</i>	ты их несешь
	<i>бо</i>	<i>хъ</i>	ты меня несешь
	<i>бо</i>	<i>хъ</i>	ты нас несешь
<i>с</i> <i>д</i> <i>у</i> <i>ф</i>	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он его несет
	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он их несет
	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он меня несет
	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он нас несет
<i>у</i> <i>фы</i>	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он тебя несет
	<i>е</i>	<i>хъ</i>	он вас несет
	<i>до</i>	<i>хъ</i>	мы его несем
	<i>до</i>	<i>хъ</i>	мы их несем
<i>сы</i> <i>ды</i>	<i>до</i>	<i>хъ</i>	мы тебя несем
	<i>до</i>	<i>хъ</i>	мы вас несем
	<i>фо</i>	<i>хъ</i>	вы его несете
	<i>фо</i>	<i>хъ</i>	вы их несете
<i>с</i> <i>д</i> <i>у</i> <i>ф</i>	<i>во</i>	<i>хъ</i>	вы меня несете
	<i>во</i>	<i>хъ</i>	вы нас несете
	<i>я</i>	<i>хъ</i>	они его несут
	<i>я</i>	<i>хъ</i>	они их несут
<i>с</i> <i>д</i> <i>у</i> <i>ф</i>	<i>а</i>	<i>хъ</i>	они меня несут
	<i>а</i>	<i>хъ</i>	они нас несут
	<i>а</i>	<i>хъ</i>	они тебя несут
	<i>а</i>	<i>хъ</i>	они вас несут

Таблица 12

Прошедшее время

Преф. объекта	Преф. субъекта	Корневая морфема	Суф. времени	Суф.утвер- дительности	Значение
<i>у</i> <i>фы</i>	<i>с</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я его нес
	<i>с</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я их нес
	<i>с</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я тебя нес
	<i>с</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я вас нес
<i>сы</i> <i>ды</i>	<i>п</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты его нес
	<i>п</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты их нес
	<i>п</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты меня нес
	<i>п</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты нас нес
<i>с</i> <i>д</i> <i>у</i> <i>ф</i>	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он его нес
	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он их нес
	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он меня нес
	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он нас нес
<i>у</i> <i>фы</i>	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он тебя нес
	<i>и</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он вас нес
	<i>т</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы его несли
	<i>т</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы их несли
<i>у</i> <i>фы</i>	<i>т</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы тебя несли
	<i>т</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы вас несли
	<i>ф</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы его несли

	<i>ф</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>вы их несли</i>
<i>сы</i>	<i>ф</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>вы меня несли</i>
<i>ды</i>	<i>ф</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>мы вас несли</i>
	<i>йа</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они вас несли</i>
	<i>йа</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они их несли</i>
<i>с</i>	<i>а</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они меня несли</i>
<i>д</i>	<i>а</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они нас несли</i>
<i>у</i>	<i>а</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они тебя несли</i>
<i>ф</i>	<i>а</i>	<i>хъ</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	<i>они вас несли</i>

8.6.6.3. Двухличные переходные глаголы от производных основ. Есть разные способы образования переходных глаголов от производных основ. Морфемы распределяются следующим образом:

1) двухличный глагол с префиксом направления: префикс объекта+ префикс направления+префикс субъекта+ корневая морфема; ср.: *у-къэ-с-хъ-а-щ* «я тебя принес сюда», *у-къэ-с-ш-а-щ* «я тебя привез сюда»;

2) двухличный глагол с префиксом каузатива: префикс объекта+префикс субъекта+префикс каузатива+корневая морфема; ср.: *у-з-гъэ-к/у-а-щ* «я заставил тебя идти», *у-з-гъэ-ж-а-щ* «я заставил тебя бежать»;

3) двухличный глагол с префиксом направления и каузатива: префикс объекта+префикс направления+префикс каузатива+ префикс субъекта+ корневая морфема; ср.: *у-къэ-з-гъэ-к/у-а-щ* «я заставил тебя идти сюда»; *у-нэ-з-гъэ-ж-а-щ* «я заставил тебя бежать туда».

Морфемное строение основы оказывает существенное влияние на характер огласовки личных аффиксов. Так, если в парадигмах простого двухличного глагола аффиксы объекта 1-го и 2-го лица в положении перед личными аффиксами субъекта 3-го лица ед.числа *е-*, *а-* представлены с нулевой ступенью гласного, то в соотносительных формах с префиксом направления они оформляют нормальную ступень *ы*. Ср.: *с-е-хъ* «он меня несет», но *сы-къ-е-хъ* «он меня несет сюда», *с-а-хъ* «они меня несут», но *сы-къ-а-хъ* «они меня несут сюда», *у-а-хъащ* «они тебя несли», но *у-къ-а-хъащ* «они тебя несли сюда».

Личный префикс субъекта 3-го лица ед.числа после префикса направления в парадигмах прошедшего и будущего времен выступает с нулевой ступенью гласного. Ср.: *къ-и-хъащ* «он его принес сюда». В той же позиции личный аффикс субъекта 3-го лица представлен без сонанта *й*. Ср.: *къ-а-хъащ* «они его принесли сюда», но *йа-хъащ* (орф. *яхъащ*) «они его унесли». Префикс направления всегда создает в парадигме настоящего времени интервокальное положение для личных аффиксов субъекта, результатом чего является озвончение *с-*, *ф-*: ср.: *къы-зо-хъ* «я его несу сюда», но *со-хъ* «я его несу», *къы-во-хъ* «вы его несете сюда», но *фо-хъ* «вы его несете».

Личные аффиксы субъекта *с-*, *ф-* озвончаются в производных глаголах перед каузативным префиксом *гъэ-*. Ср.: *у-з-гъэ-к/уащ* «я заставил тебя идти», *ды-в-гъэ-к/уащ* «вы заставили нас идти».

Особенностью построения парадигм двухличных переходных глаголов и в том числе глаголов от производных основ является возможное снятие противопоставления форм объекта 3-го лица единственного и множественного числа. В результате имеем формы с немаркированным значением числа объекта 3-го лица.

<i>къызогъак/уэ</i>	заставляю его	}	идти сюда
	заставляю их		
<i>къыбогъак/уэ</i>	заставляешь его		
	заставляешь их		
<i>къыдогъак/уэ</i>	заставляем его		
	заставляем их		
<i>къывогъак/уэ</i>	заставляете его		
	заставляете их		
<i>къагъак/уэ</i>	заставляют его	}	
	заставляют их		

Префиксы лица и направления в парадигмах прошедшего и будущего времени

объединяются тождественностью огласовки, отличаясь в этом отношении от префиксов лица и направления в парадигме настоящего времени. Ср.: *кѣэ-з-гѣэ-кѣуэнц* «я заставляю его идти сюда».

Огласовка же префикса каузатива определяется не только формой времени, но и фонетической структурой производящей основы. Каузативный префикс характеризуется стабильной огласовкой в глаголах от двухсложных основ типа *лѣжѣ-н* «работать», *псѣлѣ-н* «разговаривать». В глаголах этого типа каузативный префикс независимо от формы времени постоянно оформляет нормальную огласовку э. Ср.: *у-зо-гѣэ-ла-жѣэ* «я заставляю тебя работать», *у-з-гѣэ-лѣжѣащ* «я заставил тебя работать», *у-з-гѣэ-лѣжѣэнц* «я заставляю тебя работать».

В двухличных глаголах типа «каузативный префикс+односложная открытая основа» огласовка префикса каузатива варьируется по временам. В парадигмах прошедшего и будущего времени префикс каузатива оформляет нормальную огласовку, в парадигмах настоящего времени – продленную степень гласного. Ср.:

<i>у-зо-гѣа-кѣуэ</i>	я заставляю	}	тебя идти
<i>у-з-гѣэ-кѣуащ</i>	я заставил		
<i>у-з-гѣэ-кѣуэнц</i>	я заставляю		
<i>фы-до-гѣа-тхэ</i>	мы заставляем	}	вас писать
<i>фы-д-гѣэ-тхащ</i>	мы заставили		
<i>фы-д-гѣэ-тхэнц</i>	мы заставим		

8.6.6.4. Парадигмы двухличных переходных глаголов с аффиксами направления и каузатива (табл. 13)

Таблица 13

Преф. объект	Преф. направления	Преф. субъекта	Преф. каузатива	Корн. морфема	Суф. времени	Суф. числа	Значение
та	лениа	та	тива	а	мени	числа	
	<i>кѣэ</i>	<i>з</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я заставил его идти сюда
<i>у</i>	<i>кѣэ</i>	<i>з</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я заставил тебя идти сюда
<i>фы</i>	<i>кѣэ</i>	<i>з</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	я заставил вас идти сюда
	<i>кѣэ</i>	<i>б</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты заставил его идти сюда
<i>сы</i>	<i>кѣэ</i>	<i>б</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты заставил меня идти сюда
<i>ды</i>	<i>кѣэ</i>	<i>б</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	ты заставил нас идти сюда
	<i>кѣ</i>	<i>и</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он заставил его идти сюда
<i>сы</i>	<i>кѣ</i>	<i>и</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он заставил меня идти сюда
<i>ды</i>	<i>кѣ</i>	<i>и</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он заставил нас идти сюда
<i>уы</i>	<i>кѣ</i>	<i>и</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он заставил тебя идти сюда
<i>фы</i>	<i>кѣ</i>	<i>и</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	он заставил вас идти сюда
	<i>кѣэ</i>	<i>д</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его идти сюда
<i>у</i>	<i>кѣэ</i>	<i>д</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили тебя идти сюда
<i>фы</i>	<i>кѣэ</i>	<i>д</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили вас идти сюда
	<i>кѣэ</i>	<i>в</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	заставили его идти сюда
<i>сы</i>	<i>кѣэ</i>	<i>в</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили меня идти сюда
<i>ды</i>	<i>кѣэ</i>	<i>в</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили нас идти сюда
	<i>кѣ</i>	<i>а</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили его идти сюда
<i>сы</i>	<i>кѣ</i>	<i>а</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили меня идти сюда
<i>ды</i>	<i>кѣ</i>	<i>а</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили нас идти сюда
<i>у</i>	<i>кѣ</i>	<i>а</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили тебя идти сюда
<i>фы</i>	<i>кѣ</i>	<i>а</i>	<i>гѣэ</i>	<i>кѣу</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили вас идти сюда

8.6.7. Трехличные переходные глаголы

8.6.7.1. Простые трехличные переходные глаголы

Трехличные переходные глаголы с простыми (непроизводными) основами немногочисленны. Сюда относятся *е-ты-н* «дать что-, кого-л. кому-л.», *е-щэ-н* «продать что-то кому-то» и др. Префикс *е-* в этих глаголах выражает косвенный объект 3-го лица ед. числа. Морфемы простого трехличного переходного глагола распределяются в такой последовательности: префикс прямого объекта+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+корневая морфема. Ср.: *у-е-с-т-а-щ* «я тебя отдал ему».

От простых трехличных глаголов образуются не все личные формы. Например, личная форма *фэ-с-т-а-щ* «я вам отдал что-то» образуется от глагола с простой основой, личная форма в значении «он вам дал что-то» возможна лишь с префиксом направления: *кзы-в-и-та-щ* «он вам дал что-то». Ср.: *уз-с-т-а-щ* «я тебе дал что-то»; *е-с-т-а-щ* «я ему дал что-то», но *кэ-у-и-т-а-щ* «он тебе дал что-то», *кзы-з-и-т-а-щ* «он мне дал что-то».

Далеко не все личные формы трехличных переходных глаголов формально маркированы. Субъект по всем лицам, прямой и косвенный объект 1-го и 2-го лица последовательно выражены положительными аффиксами; прямой объект 3-го лица выражен нулевым аффиксом. Форма выражения косвенного объекта 3-го лица очень специфична. Ее своеобразие определяется формой времени, строением основы и морфологической позицией.

Все парадигматические ряды с прямым объектом 3-го лица являются внепарными и немаркированными. Ср.: *естащ* 1) «я ему отдал его», 1) «я ему отдал их»; *ептащ* 1) «ты ему отдал его»; 2) «ты ему отдал их»; *иритащ* 1) «он ему отдал его», 2) «он ему отдал их»; *кзызитащ* 1) «он мне отдал его», 2) «он мне отдал их»; *кзуитащ* 1) «он тебе отдал его», 2) «он тебе отдал их».

При наличии префикса прямого объекта в личных формах настоящего времени от простых глаголов косвенный объект 3-го лица ед. числа выражен нулевым аффиксом. Ср.: *сы-ре-т* «он ему дает меня», но *и-зо-т* «я ему даю его (их)». В этой же позиции косвенный объект 3-го лица мн.числа выражается по-разному, в зависимости от формы времени и лица субъекта. В личной форме с аффиксами субъекта 1-го и 2-го лица косвенный объект 3-го лица мн.числа, как и косвенный объект 3-го лица ед.числа, выражен нулем. Тем самым создаются немаркированные формы типа *у-зо-т* 1) «я ему даю тебя», 2) «я им даю тебя»; *фы-зо-т* 1) «я ему даю вас», 2) «я им даю вас». Более того, личные немаркированные формы типа *узот* «я ему (им) даю тебя» фонетически тождественны личным формам другого парадигматического ряда. Ср.: *узот* «я ему (им) отдаю тебя», *узот* «мы тебе отдаем его (их)»; *фыдот* «мы ему (им) отдаем вас», *фыдот* «мы вам отдаем его (их)», где сегменты *у-*, *фы-* включают функцию личного аффикса прямого объекта в одних образованиях и функцию личного аффикса косвенного объекта в других образованиях.

В формах прошедшего и будущего времени в рассматриваемой позиции косвенный объект 3-го лица ед.числа выражен префиксом *е-*. Ср.: *у-зо-т* «я ему отдаю тебя», но *у-е-с-т-а-щ* «я ему отдал тебя». Противопоставление форм числа косвенного объекта слабо маркировано в формах прошедшего и будущего времени. Ср. формы типа *с-е-п-т-а-щ* «ты меня ему отдал», *с-ай-п-т-а-щ* «ты меня им отдал», *ф-е-с-т-а-щ* «я вас ему отдал»; *ф-ай-с-т-а-щ* «я вас им отдал»: наряду с маркированными употребляются формы ед. числа типа *с-е-п-т-а-щ* «ты меня ему (им) отдал», *ф-е-с-т-а-щ* «я вас ему (им) отдал».

В личной форме с аффиксом субъекта 3-го лица ед. числа (при наличии префиксов прямого объекта) косвенный объект 3-го лица мн.числа выражен аффиксом *а-*. Ср.: *у-а-ре-т* «он тебя им отдает», *ф-а-ре-т* «он вас им отдает». Если же в образованиях типа *у-а-ре-т* «он тебя им отдает» префикс субъекта 3-го лица ед. числа *ре-* заменяется префиксом субъекта 3-го лица мн. числа *ра-*, то косвенный объект 3-го лица мн.числа выражается нулем, т. е. снимается противопоставление форм ед. и мн. числа косвенного объекта 3-го лица. Ср.: *у-а-ре-т* «он тебя им отдает», но *у-ра-т* 1) «они тебя им отдают», 2) «они тебя им отдают».

При отсутствии префикса прямого объекта в личных формах настоящего времени от простых глаголов косвенный объект 3-го лица маркирован специальным аффиксом.

Однако противопоставление форм числа косвенного объекта 3-го лица в указанной позиции нерегулярно. Тогда как в образованиях *ирет* «он ему дает его (их)», *ярет* «он им дает его (их)» реализуется противопоставление форм числа косвенного объекта 3-го лица, в образованиях того же парадигматического ряда *ибот* «ты ему (им) отдаешь его (их)», *ивот* «вы (ему) им отдаете его (их)» снимается противопоставление форм числа косвенного объекта 3-го лица. В кабардинском языке в этой позиции наряду с маркированными и немаркированными личными формами числа косвенного объекта 3-го лица встречаются слабо маркированные образования. Так, в образованиях *изот* «я ему даю его (их)», *язот* «я им даю его (их)» возможно снятие противопоставления форм числа косвенного объекта. Ср. *изот* «я ему (им) даю его (их)».

В разных морфологических позициях косвенный объект 3-го лица выражается по-разному. Ср.: *естащ* «я ему отдал то», *иритащ* «он ему отдал то». В форме *естащ* «я ему отдал то» представлены префикс косвенного объекта ед.числа *е-* и префикс субъекта ед.числа *с-*.

Сонорный *р* в личной форме *иритащ* «он ему дал то» не несет функции личного аффикса, поскольку вычлениаются префикс объекта *и-* и префикс субъекта *и-(-йы-)*. Сонорный *р* представляет собой эпентезу на стыке морфем. Ср. появление этого согласного в аналогичных морфологических условиях, например, сонорный *р(ы)* на стыке морфем: *пыхун=пхырыхун* «пробить», *пыхтхын=пхырытхын* «прорвать», *пхышын=пхырышын* «провести через что-то», *пхыудын=пхырыудын* «пробить», где *р(ы)* свободно чередуется с нулем, т.е. не несет никакой информации. В других образованиях *р(ы)* выполняет соединительную функцию. Ср.: *бгъурысын* «сидеть сбоку», *щхъпырыкIын* «пройти над кем-,чем-л.», *псынцIэрыпсалъэ* «скороговорчивый», *щабэрыкIуэ* «мягко ступающий, с легкой походкой». То, что *ры* в образованиях типа *бгъурысын* «сидеть сбоку», *щхъпырыкIын* «пройти над кем-,чем-л.» не выражает косвенный объект, подтверждается не только дублетными образованиями типа *пхырыудын=пхыудын* «пробить», но и однотипными формами типа *бгъэдэсын* «сидеть около кого-, чего-л.», *щхъэщыкIын* «пройти над кем-, чем-л.»

При членении личной формы *р* условно отнесен в приводимых ниже таблицах к префиксу субъекта, поскольку последний самостоятельно выделяется и без *р*.

Префикс направления *къ-* в позиции перед префиксом косвенного объекта 2-го лица ед. числа *у-* в результате взаимной ассимиляции (этот процесс не отражен в таблицах парадигм) подвергается лабиализации. Ср. *къы-у-а-т-а-щ* → *къуатащ* «они тебе дали его (их)».

В формах настоящего времени префикс косвенного объекта 2-го лица ед.числа допускает свободное варьирование. Ср. *ибот-йот* «ты ему (им) даешь его (их)».

Ступени чередования гласных аффиксов лица (субъекта, прямого объекта и косвенного объекта) и направления настоящего, прошедшего и будущего времен тождественны во всех личных формах, включающих аффикс субъекта 3-го лица мн. числа. Ср.: *у-къы-з-а-т-а-щ* «они мне отдали тебя», *у-къы-з-а-ты-нщ* «они мне отдадут тебя». Другие парадигматические ряды в оформлении огласовки аффиксов лица и направления обнаруживают существенные расхождения между формами настоящего времени, с одной стороны, прошедшего и будущего времени – с другой, что видно из приведенных ниже таблиц парадигм трехчленного переходного глагола.

8.6.7.2. Парадигмы трехличных переходных глаголов типа *еты-н* «дать ему кого-, что-л.» (табл. 14)

От глаголов с простыми основами образуется неполная парадигма личных форм. Для построения полной парадигмы используется префикс направления. Глаголы с префиксом направления являются производными. Имеются специальные деривационные аффиксы, служащие для преобразования двухличных глаголов в трехличные. Среди них продуктивен суффикс *-лIэ* для образования трехличных переходных глаголов от соотносительных двухличных глаголов. Ср.: *е-шэ-лIэн* «подвести кого-,что-л. к кому-,чему-л.», *е-дзы-лIэ-н* «подбросить кого-,что-л. к кому-,чему-л.». Префиксы соучастия *дэ-*, версии *фIэ-*, каузатива *гъэ-* также производят трехличные

глаголы от двухличных глаголов. Ср.: *дэ-хьы-н* «нести кого-, что-л. с кем-л.», *фIэ-хьы-н* «нести кого-, что-л. против воли кого-л.», *е-гъэ-хьы-н* «заставить кого-л. нести кого-, что-л.».

Морфемы трехличного переходного глагола с производной основой распределяются следующим образом:

1) трехличный глагол с префиксом соучастия: префикс прямого объекта+префикс косвенного объекта+префикс соучастия+префикс субъекта+корневая морфема; ср.: *у-а-дэ-с-хь-а-щ* «я носил вместе с ними тебя»;

2) трехличный глагол с префиксом каузатива: префикс прямого объекта+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+префикс каузатива+корневая морфема; ср.: *у-е-з-гъэ-хь-а-щ* «я заставил его нести тебя»;

3) трехличный глагол с префиксом направления: префикс прямого объекта+префикс направления+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+корневая морфема; ср.: *ды-къы-в-а-та-щ* «они нас дали вам»;

Таблица 14
Настоящее время

Преф. прямо го объек та	Преф. направ- ления	Преф. косв. объект а	Преф. субъекта	Корневая морфема	Значение
у фы	къы къы къы къы къы къы къы къы къы къы къы	и	зо	т	я ему
		я	зо	т	я им даю его (их)
		у	зо	т	я тебе
			зо	т	я ему (им) даю тебя
			зо	т	я ему (им) даю вас
		и	бо	т	ты ему (им) даешь его (их)
		зы	бо	т	ты мне даешь его (их)
		ды	бо	т	ты нам даешь его (их)
			бо	т	ты ему (им) даешь меня
			бо	т	ты ему (им) даешь нас
		и	ре	т	он ему
		йа	ре	т	он им
сы ды	къы къы къ къы къы къы къы къы къы къы къы	з	е	т	он мне дает его их
		д	е	т	он нам
		у	е	т	он тебе
		в	е	т	он вам
			ре	т	он ему
		а	ре	т	он им
		у	е	т	он тебе дает меня
		в	е	т	он вам
			ре	т	он ему
		а	ре	т	он им
		у	е	т	он тебе дает нас
		в	е	т	он вам
сы	къы къы къ къы къы къы къы къы къы къы къы		ре	т	он ему
		а	ре	т	он им
		з	е	т	он мне дает тебя
		д	е	т	он нам
			ре	т	он ему
		а	ре	т	он им дает вас
		з	е	т	он мне
		д	й	т	он нам
		и	до	т	мы ему
		я	до	т	мы им даем его (их)
		у	до	т	мы тебе
		фы	до	т	мы вам
фы	къы къы къы къы къы къы къы къы къы къы къы		до	т	мы ему (им) даем тебя
			до	т	мы ему (им)даем вас
		и	во	т	вы ему
		я	во	т	вы им
		зы	во	т	вы мне даете его (их)

		ды	во	т	вы нам
сы			во	т	вы ему (им) даете меня
ды			во	т	вы ему (им) даете нас
		и	ра	т	они ему (им)
	кЪЫ	з	а	т	они мне
	кЪЫ	д	а	т	они нам дают его (их)
	кЪ	у	а	тт	они тебе
	кЪЫ	в	а		они вам
				т	
сы			ра	т	они ему (им)
сы	кЪ	у	ра	т	они тебе дают меня
сы	кЪЫ	в	а		они вам
				т	
ды	кЪЫ	в	а	т	они вам
ды			ра	т	они тебе дают нас
ды	кЪ	у	а		они вам
				т	
у	кЪЫ	в	а	т	они ему (им)
у			ра	т	они ему (им) дают тебя
у	кЪЫ	з	а		они нам
				т	
фы			ра	т	они ему (им)
фы	кЪЫ	з	а	т	они мне дают вас
фы	кЪЫ	д	а		они нам

Таблица 15
Прошедшее время

Преф. пря- м. об- ъек- та	Преф. напра- в- ления	Преф. косв. объек- та	Пре- ф. суб- та	Корнева я морфем а	Суф. времен и	Суф. утверди- тельность и	Значение
1	2	3	4	5	6	7	8
		<i>е</i> <i>я</i> <i>уэ</i> <i>фэ</i>	<i>с</i> <i>с</i> <i>с</i> <i>с</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	я ему я им я тебе я вам отдал его (их)
<i>у</i> <i>у</i>		<i>е</i> <i>ай</i>	<i>с</i> <i>с</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	я ему я им отдал тебя
<i>ф</i> <i>ф</i>		<i>е</i> <i>ай</i>	<i>с</i> <i>с</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	я ему я им отдал вас
		<i>е</i> <i>я</i>	<i>п</i> <i>п</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	ты ему ты им отдал его (их)
	<i>кэы</i> <i>кэы</i>	<i>зэ</i> <i>дэ</i>	<i>п</i> <i>п</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	ты мне ты нам отдал его (их)
<i>с</i> <i>с</i>		<i>е</i> <i>ай</i>	<i>п</i> <i>п</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	ты ему ты им отдал меня
<i>д</i> <i>д</i>		<i>е</i> <i>ай</i>	<i>п</i> <i>п</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	ты ему ты им отдал нас
		<i>и</i> <i>я</i>	<i>ри</i> <i>ри</i>	<i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i>	он ему он им
	<i>кэы</i> <i>кэы</i> <i>кэ</i> <i>кэы</i>	<i>зы</i> <i>ды</i> <i>у</i> <i>вы</i>	<i>й</i> <i>й</i> <i>й</i> <i>й</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	он мне он нам он тебе он вам отдал его (их)
<i>сы</i> <i>с</i> <i>сы</i> <i>сы</i>	<i>кэ</i> <i>кэы</i>	<i>а</i> <i>у</i> <i>вы</i>	<i>ри</i> <i>ри</i> <i>ри</i> <i>й</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	он ему он им он тебе он вам отдал меня
<i>ды</i> <i>д</i> <i>ды</i> <i>ды</i>	<i>кэ</i> <i>кэы</i>	<i>а</i> <i>у</i> <i>вы</i>	<i>ри</i> <i>ри</i> <i>ри</i> <i>й</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	он ему он им он тебе он вам отдал нас
<i>у</i> <i>у</i> <i>у</i> <i>у</i>	<i>кэы</i> <i>кэы</i>	<i>а</i> <i>зы</i> <i>ды</i>	<i>ри</i> <i>ри</i> <i>й</i> <i>й</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	он ему он им он мне он нам отдал тебя
<i>ф</i> <i>ф</i> <i>фы</i>	<i>кэы</i> <i>кэы</i>	<i>а</i> <i>зы</i> <i>ды</i>	<i>ри</i> <i>ри</i> <i>й</i> <i>й</i>	<i>т</i> <i>т</i> <i>т</i> <i>т</i>	<i>а</i> <i>а</i> <i>а</i> <i>а</i>	<i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i> <i>щ</i>	он ему он им он мне он нам отдал вас

		<i>е</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы ему	
		<i>уэ</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы тебе	отдал его (их)
		<i>фэ</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы вам	
<i>у</i>		<i>е</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы ему	отдали тебя
<i>у</i>		<i>ай</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы им	отдали тебя
<i>ф</i>		<i>е</i>	<i>т</i>	<i>т</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы ему	отдали вас

4) трехличный глагол с префиксом направления и каузатива: префикс прямого объекта+префикс направления+префикс косвенного объекта+ префикс субъекта+префикс каузатива+корневая морфема; ср. *у-къ-е-з-гъэ-хъ-а-щ* «я заставил его нести тебя сюда».

В строении парадигмы личных форм глаголов с производными основами имеются некоторые особенности. Так, косвенный объект 3-го лица ед. числа в глаголах, включающих префиксы версии или соучастия, выражен нулевым аффиксом. Ср.: *хуэ-с-хъ-а-щ* «я носил для него», но *е-с-т-а-щ* «я отдал ему». Зато противопоставление форм числа 3-го лица косвенного объекта, за исключением форм, включающих префикс субъекта 3-го лица мн.числа, реализуется последовательно. Ср.оппозитивные формы числа косвенного объекта 3-го лица *дэ-с-хъ-а-щ* «я носил его (их) вместе с ним», *я-дэ-с-хъ-а-щ* «я носил его (их) вместе с ними» при возможности употребления внеоппозитивных форм числа косвенного объекта 3-го лица типа *е-с-т-а-щ* «я отдал ему (им)», *е-п-т-а-щ* «ты отдал ему (им)». В производных глаголах (как и в простых) с префиксом субъекта 3-го лица мн.числа *а-* снимается противопоставление форм числа косвенного объекта 3-го лица. Ср.: *у-ху-а-пI-а-щ* «они воспитали тебя для него (них)», *у-д-а-ш-а-щ* «они повели тебя вместе с ним (с ними)». Существенные расхождения между простыми и производными глаголами обнаруживаются в оформлении огласовки личных аффиксов, что видно из материала таблиц парадигм личных форм (табл. 16).

Таблицы 16

Преф. прямог о объект а	Преф . косв. объе к	Пре ф. вер- сии	Преф субъек та	Корнева я морфем а	Суфф вре- мени	Суфф. утверди тельностьн ост и	Значение
		хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал его (их) для него
	я	хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал его (их) для них
	п	хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал его (их) для тебя
	ф	хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал его (их) для вас
у		хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал тебя для него
у	а	хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал тебя для них
фы		хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал тебя для него
ф	а	хуэ	с	nl	а	щ	я воспитал тебя для них
		хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал его (их) для него
	я	хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал его (их) для них
	с	хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал его (их) для меня
	т	хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал его (их) для нас
сы		хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал меня для него
с	а	хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал меня для них
ды		хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал нас для него
д	а	хуэ	nl	nl	а	щ	ты воспитал нас для них
		ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для него
	я	ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для них
	с	ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для меня
	т	ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для нас
	п	ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для тебя
	ф	ху	й	nl	а	щ	он воспитал его (их) для вас
сы		ху	й	nl	а	щ	он воспитал меня для него
с	а	ху	й	nl	а	щ	он воспитал меня для них
сы	п	ху	й	nl	а	щ	он воспитал меня для тебя
сы	ф	ху	й	nl	а	щ	он воспитал меня для вас
ды		ху	й	nl	а	щ	он воспитал нас для него
д	а	ху	й	nl	а	щ	он воспитал нас для них
ды	п	ху	й	nl	а	щ	он воспитал нас для тебя
ды	ф	ху	й	nl	а	щ	он воспитал нас для вас
у		ху	й	nl	а	щ	он воспитал тебя для него
у	а	ху	й	nl	а	щ	он воспитал тебя для них
у	с	ху	й	nl	а	щ	он воспитал тебя для меня
у	т	ху	й	nl	а	щ	он воспитал тебя для нас
фы		ху	й	nl	а	щ	он воспитал вас для него
ф	а	ху	й	nl	а	щ	он воспитал вас для них
фы	с	ху	й	nl	а	щ	он воспитал вас для меня
фы	т	ху	й	nl	а	щ	он воспитал вас для нас
		хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали его (их) для
	я	хуэ	ml	nl	а	щ	него
	п	хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали его (их) для них
	ф	хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали его (их) для
у		хуэ	ml	nl	а	щ	тебя
у	а	хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали его (их) для вас
фы		хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали тебя для него
ф	а	хуэ	ml	nl	а	щ	мы воспитали тебя для них
		хуэ	ф	nl	а	щ	мы воспитали вас для него
	я	хуэ	ф	nl	а	щ	мы воспитали вас для них
	с	хуэ	ф	nl	а	щ	вы воспитали его (их) для него
	т	хуэ	ф	nl	а	щ	вы воспитали его (их) для них
сы		хуэ	ф	nl	а	щ	вы воспитали его (их) для меня

<i>с</i>	<i>а</i>	<i>хуэ</i>	<i>ф</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали его (их) для нас
<i>ды</i>		<i>хуэ</i>	<i>ф</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали меня для него
<i>д</i>	<i>а</i>	<i>хуэ</i>	<i>ф</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали меня для них
		<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали нас для него
	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали нас для них
	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы воспитали его (их) для
	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	него(них)
	<i>ф</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали его (их) для
<i>сы</i>		<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	меня
<i>сы</i>	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали его (их) для нас
<i>сы</i>	<i>ф</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали его (их) для
<i>ды</i>		<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	тебя
<i>ды</i>	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали его (их) для вас
<i>ды</i>	<i>ф</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали меня для него
<i>у</i>		<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	(них)
<i>у</i>	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали меня для тебя
<i>у</i>	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали меня для вас
<i>фы</i>		<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали нас для
<i>фы</i>	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	него(них)
<i>фы</i>	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>а</i>	<i>nl</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они воспитали нас для тебя
							они воспитали нас для вас
							они воспитали тебя для него
							(них)
							они воспитали тебя для меня
							они воспитали тебя для нас
							они воспитали вас для него
							(них)
							они воспитали вас для меня
							они воспитали вас для нас

8.6.7.3. Позиционная обусловленность полноты парадигмы. Степень дифференциации глагола по лицам косвенного объекта определяется не только строением основы и парадигматическим рядом.

Трехличные производные глаголы (с префиксом версии и соучастия) позиционно ограничены с точки зрения их дифференциации по лицам косвенного объекта. Глаголы с указанными основообразующими префиксами не маркируют противопоставления форм числа косвенного объекта 3-го лица, если личная форма включает аффикс субъекта 3-го лица мн.числа. Формы *у-хуэ-с-ш-а-щ* «я тебя повел для него», *у-а-хуэ-с-ш-а-щ* «я тебя повел для них», *у-дэ-с-ш-а-щ* «я тебя повел с ним», *у-а-д-э-с-ш-а-щ* «я тебя повел с ними» противопоставляются тем, что косвенный объект 3-го лица ед.числа выражается нулевым аффиксом, а косвенный объект 3-го лица мн. числа – префиксом *а-*, тогда как формы *у-ху-а-ш-а-щ* «они тебя повели для него (них)», *у-д-а-ш-а-щ* «они тебя повели с ним (с ними)» остаются немаркированными: лицо и число косвенного объекта выражены нулем.

Характерны позиционные ограничения форм выражения косвенного объекта 3-го лица. Ср., например:

<i>ху-а-nl-а-щ</i>	«они воспитали его для него» «они воспитали его для них»
<i>у-ху-а-nl-а-щ</i>	«они воспитали тебя для него» «они воспитали тебя для них»
<i>сы-ху-а-nl-а-щ</i>	«они воспитали меня для него» «они воспитали меня для них»

Ущербоность парадигмы трехличных переходных глаголов показывает формы типа:

<i>ху-а-л-а-щ</i>	«они воспитали его для него»
	«они воспитали его для них»
	«они воспитали их для него»
	«они воспитали их для них»

Отсутствие противопоставления форм числа прямого и отчасти косвенного объектов 3-го лица создает широкую базу для морфологической омонимии в языке.

8.6.8. Четырехличные и пятиличные переходные глаголы

Ниже даются парадигмы четырехличного глагола (табл. 17).

Четырехличные и пятиличные глаголы могут быть только производными. Они образуются с помощью префиксов каузатива, версии и соучастия. Так, посредством каузатива трехличный глагол *хэшы-н* «выводить» становится четырехличным. Ср. *гупым у-а-х-е-згэ-ш-а-щ* «я заставил его вывести тебя из группы (людей)». Осложнение последнего префиксом соучастия или версии ведет к преобразованию его в пятиличный глагол. Ср.: *гупым у-а-ды-х-е-з-гэ-ш-а-щ* «я заставил его вывести тебя с ним из группы (людей)».

Морфемы четырехличных и пятиличных переходных глаголов имеют следующую последовательность:

1) Четырехличный глагол с префиксом соучастия (или версии): префикс прямого объекта+префикс косвенного объекта+префикс соучастия (или префикс версии)+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+корневая морфема. Ср. *у-а-д-е-с-шэ-л-а-щ* «я тебя вместе с ним подвел к нему».

2) Четырехличный глагол с префиксами направления, локализации и каузатива: префикс объекта+префикс косвенного объекта+префикс направления+префикс локализации+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+префикс каузатива+корневая морфема. Ср. *гупым д-а-кзы-х-е-б-гэ-ш-а-щ* «(из группы людей) ты заставил его (велел ему) вывести нас».

3) Пятиличный глагол с префиксами направления, версии (или соучастия) и каузатива: префикс прямого объекта+префикс косвенного объекта+префикс версии (или соучастия)+префикс косвенного объекта+префикс субъекта+префикс каузатива+корневая морфема. Ср. *у-а-ху-ре-з-гэ-шэ-л-а-щ* «я заставил его (велел ему) подвести тебя к нему для них».

В пятиличном глаголе могут быть выражены положительными аффиксами, как правило, не более двух косвенных объектов (третий косвенный объект выражается нулевым аффиксом).

Формы четырехличных глаголов, вопреки распространенному мнению, часто встречаются в языке. Продуктивны и обычны для живого языка формы четырехличных глаголов типа *схуритащ* «он дал ему что-то для меня», *схужырилащ* «он сказал ему что-то для меня», формы пятиличных глаголов типа *кзысхухебгэшащ* «ты заставил его вывести что-то из чего-то для меня», *хутирезгэлхьащ* «я заставил его класть что-то на что-то для него» и др.

Однако не все четырехличные (не говоря уже о пятиличных) глаголы образуют полную парадигму личных форм. Полнота парадигмы зависит от строения личной формы. Личная форма *схуригэшащ* «он заставил его вести что-то для меня» является грамматически правильной и стилистически нейтральной, тогда как невозможна соотносительная форма соучастия в значении «он заставил его вести что-то вместе со мной». В то же время от трехличного глагола *еггэшэ-н* «заставить его вести что-то» образуются формы соучастия четырехличного глагола *дезгэшащ* «я заставил его вести что-то вместе с ним», *удезгэшащ* «я заставил его вести тебя вместе с ним», *сыдебгэшащ* «ты заставил его вести меня вместе с ним» и др.

Структура аффиксов лица, версии и соучастия (их фонетическое оформление, степень огласовки) четырехличных и пятиличных глаголов имеет некоторые

особенности. Ср., например, личные формы трехличных и четырехличных глаголов: *дэ-с-хь-а-щ* «я нес что-то вместе с ним», *д-е-з-гъэ-хь-а-щ* «я заставил его нести что-то вместе с ним», *хуэ-с-хь-а-щ* «я нес что-то для него», *зы-ху-е-з-гъэ-хь-а-щ* «я заставил его нести что-то для меня».

Различие в оформлении огласовки аффиксов не всегда мотивировано в функциональном плане. Ср. *хуэ-зы-б-гъэ-ш-а-щ* «ты заставил меня вести его (их) для него (них)», но *ху-вэ-з-гъэ-ш-а-щ* «я заставил вас вести его (их) для него (них)», где префиксы версии и косвенного объекта оформляют различные ступени огласовки в тождественных позициях. Не все личные формы одного и того же глагола равноценны с точки зрения их продуктивности и употребительности. Ср. обычные формы типа *я-ху-з-и-гъэ-ш-а-щ* «он заставил меня вести его (их) для них» и возможные, но непродуктивные формы типа *я-ху-вэ-з-гъэ-ш-а-щ* «я заставил вас вести его (их) для них».

В четырехличных и пятиличных глаголах (как и в трехличных) снимается числовое противопоставление косвенного объекта 3-го лица в личных формах с префиксом субъекта 3-го лица мн. числа. Ср.: *у-ху-ри-гъэ-ш-а-щ* «он заставил его вести тебя для него», *уа-ху-ри-гъэ-ш-а-щ* «он заставил вести тебя для них», но *у-ху-ра-гъэ-ш-а-щ* «они заставили его вести тебя для него (для них)».

Таблица 17

Пре ф. прям . объ-екта	Пре ф косв объ-екта	Пре ф вер-сии	Преф . косв. объ-екта	Пре ф суб-ъ-екта	Пре ф кау-зати-ва	Корн е-вая мор-фема	Суф ф. вре-мени	Суфф. утвер-дитель-ности	Значение
1	2	3	4	5	6	7	8	9	
		ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его (их) ве-сти его (их) для него
	я	ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его (их) вести его (их) для них
	п	ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его(их) ве-сти его (их) для тебя
	ф	ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его (их) вести его (их) для вас
у		ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его(их) вести тебя для него
у	а	ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его(их) вести тебя для них
фы		ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его(их) вести вас для него
ф	а	ху	е	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил его(их) вести вас для них
		ху	о	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил тебя вести его(их)для него
	я	ху	о	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил тебя вести его (их) для них
		ху	вэ	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил вас вести его (их) для него
	я	ху	вэ	з	гъэ	ш	а	щ	я заставил вас вести его(их)для них
		ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести его(их)для него

	я	ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести его(их)для них
	с	ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести его(их)для меня
	т	ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести его(их)для нас
сы		ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их)ве сти меня(их)для него
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
с	а	ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести меня для них
ды		ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести нас для него
д	а	ху	е	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил его(их) вести нас для них
		хуэ	зы	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил меня вести его(их)для него
	я	хуэ	зы	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил меня вести его(их)для них
		хуэ	ды	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил нас вести его(их)для него
	я	хуэ	ды	б	гъэ	ш	а	щ	ты заставил нас вести его(их)для них
		ху	з	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил меня вести его(их)для него
	я	ху	з	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил меня вести его(их)для них
	п	ху	з	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил меня вести его(их)для тебя
ф	ф	ху	з	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил меня вести его(их)для вас
		ху	д	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил нас вести его(их)для него
	я	ху	д	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил нас вести его(их)для них
	п	ху	д	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил нас вести его(их)для тебя
	ф	ху	д	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил нас вести его(их)для вас
		ху	(у)	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил тебя вести его(их)для него
	я	ху	(у)	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил тебя вести его(их)для них
		ху	в	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил вас вести его(их)для него
	я	ху	в	и	гъэ	ш	а	щ	он заставил вас вести его(их)для них
		ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их)

									вести его(их)для него
	я	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести его(их)для них
	с	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести его(их)для меня
	т	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести его(их)для нас
	п	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести его(их)для тебя
	ф	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести его(их)для вас
сы		ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести меня для него
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
с	а	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести меня для них
сы	п	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести меня для тебя
сы	ф	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести меня для вас
ды		ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести нас для него
д	а	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести нас для них
ды	п	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести нас для тебя
ды	ф	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести нас для вас
у		ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести тебя для него
у	а	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести тебя для них
у	с	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести тебя для меня
у	т	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести тебя для нас
фы		ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести вас для него
ф	а	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести вас для них
фы	с	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести вас для меня
фы	т	ху		ри	гъэ	ш	а	щ	он заставил его(их) вести вас для нас
		ху	е	д	гъэ	ш	а	щ	мы заставили его(их) вести его(их)для него
	я	ху	е	д	гъэ	ш	а	щ	мы заставили его(их) вести его(их)для них

	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести его(их)для тебя
	<i>ѣ</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести его(их)для вас
<i>у</i>		<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести тебя для него
<i>у</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести тебя для них
<i>ѣы</i>		<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести вас для него
<i>ѣ</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили его(их) вести вас для них
		<i>ху</i>	<i>о</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили тебя вести его(их)для него
	<i>я</i>	<i>ху</i>	<i>о</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили тебя вести его(их)для них
		<i>ху</i>	<i>ѣ</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили вас вести его(их)для него
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	<i>я</i>	<i>ху</i>	<i>ѣ</i>	<i>Ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	мы заставили вас вести его(их)для них
		<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести его(их)для него
	<i>я</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести его(их)для них
	<i>с</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести его(их)для меня
	<i>т</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести его(их)для нас
<i>сы</i>		<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести меня для него
<i>с</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести меня для них
<i>ды</i>		<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести нас для него
<i>Ѣ</i>	<i>а</i>	<i>ху</i>	<i>е</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили его(их) вести нас для них
		<i>хуѢ</i>	<i>зы</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили меня вести его(их)для него
	<i>я</i>	<i>хуѢ</i>	<i>зы</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили меня вести его(их)для них
		<i>хуѢ</i>	<i>ды</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили нас вести его(их)для него
	<i>я</i>	<i>хуѢ</i>	<i>ды</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	вы заставили нас вести его(их)для них
		<i>ху</i>	<i>з</i>	<i>а</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили меня вести его (их) для него (них)
	<i>п</i>	<i>ху</i>	<i>з</i>	<i>а</i>	<i>ѣ</i>	<i>ш</i>	<i>а</i>	<i>щ</i>	они заставили меня

									вести его(их)для тебя
	ф	ху	з	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили меня вести его(их)для вас
		ху	д	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили нас вести его(их)для него(них)
	п	ху	д	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили нас вести его(их)для тебя
	ф	ху	д	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили нас вести его (их) для вас
		ху	(у)	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили тебя вести его (их) для него(них)
		ху	в	а	гъэ	ш	а	щ	они заставили вас вести его(их)для них
		ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести его(их)для них
	с	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести его(их)для меня
	т	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести его(их)для нас
	п	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести его(их)для тебя
	ф	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести его(их)для вас
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
сы		ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести меня для него (них)
сы	п	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести меня для тебя
сы	ф	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести меня для вас
ды		ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести нас для него (них)
ды	п	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести нас для тебя
ды	ф	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести нас для вас
у		ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести тебя для него (них)
у	с	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести тебя для меня
у	т	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести тебя для нас
фы		ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его(их) вести вас для него (них)
фы	с	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их) вести вас для меня
фы	т	ху		ра	гъэ	ш	а	щ	они заставили его (их)

									вести вас для нас
--	--	--	--	--	--	--	--	--	-------------------

8.7. Категория времени

8.7.1. Предварительные замечания.

Временные формы адыгских языков в отдельности анализируются не только в описательных грамматиках, но и в специальных исследованиях¹. Вместе с тем, не говоря уже о диахроническом аспекте проблемы, многие вопросы синхронного описания категории времени остаются еще недостаточно разработанными. Нет единого мнения у исследователей даже по вопросу о количестве временных форм в адыгских языках.

В последних описательных грамматиках кабардино-черкесского языка господствует концепция, согласно которой различаются две группы времен. К первой группе относятся временные формы, выражающие отношение времени действия к моменту речи, ко второй группе – временные формы, показывающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом. В соответствии с этим выделяются настоящее первое, настоящее второе, прошедшее первое, прошедшее второе, будущее первое, будущее второе. Морфологическим показателем второй группы времен считается формант *-m*².

Классификация форм времен строится также на противопоставлении форм на *-m* формам времен, составляющим, другую группу. Вместе с тем подобный принцип классификации остается спорным. Группировка форм времен по указанному принципу предполагает однозначность форматива *-m* во всех формах времен, что необходимо для образования в индикативе временной оппозиции по дифференциальному признаку – форма на *-m*: форма без *-m*. Между тем анализ материала показывает, что форматив *-m* неоднозначен в сочетании с основами разных времен. Ср.: *кӀуэрт* «он шел тогда», но *кӀуэнут* «он хотел бы пойти». Иными словами, не все временные формы с формативом *-m* имеют значение индикатива. Если формы *кӀуэрт*, *кӀуат*, *кӀуэгъат* являются формами индикатива (изъявительного наклонения), то формы *кӀуэнт*, *кӀуэнут* имеют значение конъюнктива (сослагательного наклонения).

Согласно рассматриваемой классификации, *кӀуэрт* «он тогда шел» является формой настоящего времени, поскольку представляет действие в его течении в прошлом. Не говоря уже о том, что выражение действия (процесса) в его течении (протекании) в прошлом является функцией имперфекта, с грамматической точки зрения *кӀуэрт* попадает в парадигматический ряд прошедшего времени. Ср., например:

а) <i>со-кӀуэ</i>	б) <i>сы-кӀуащ</i>	в) <i>сы-кӀуэрт</i>
«я иду»	«я ходил»	«я тогда шел»
<i>уо-кӀуэ</i>	<i>у-кӀуащ</i>	<i>у-кӀуэрт</i>
«ты идешь»	«ты ходил»	«ты тогда шел»
<i>ма-кӀуэ</i>	<i>кӀуащ</i>	<i>кӀуэрт</i>
«он идет»	«он ходил»	«он тогда шел»

Как видно, парадигматический ряд (а) по форме выражения 3-го лица и оформлению огласовки личных аффиксов 1-го и 2-го лица отличается от парадигматических рядов (б) и (в), обнаруживающих в этом отношении полное тождество. Ряд (в) совпадает с другими формами прошедшего времени в оформлении огласовки корневой морфемы. Ср.: *сы-кӀуэ-рт* «я тогда шел», *сы-кӀуэ-щ* «я ходил» (аорист), *сы-кӀуэ-ри ...* «я ходил и ...» (аорист). Веским доказательством того, что образования типа *кӀуэ(р)т* «он шел (тогда)» являются имперфектом, служит их функциональное тождество с адыгейским имперфектом на *-щтыгъэ*.

Вопрос о классификации форм времен менее дискуссионен в отношении адыгейского языка, хотя и здесь нет единодушия между специалистами.

8.7.2. Настоящее время. Форма настоящего времени динамических глаголов противопоставляется формам других времен строением основы личных парадигматических рядов. Ср., например: *со-кӀуэ* «я иду», *сы-кӀу-а-щ* «я ходил», *ма-кӀуэ*

«он идет», *кIу-а-щ* «он ходил». Форма настоящего времени отличается от формы прошедшего времени необозначенностью (немаркированностью) основы и оформлением личных аффиксов. Различие между формами настоящего и других времен в строении производной основы является постоянным, тогда как различия между ними в строении личных парадигматических рядов носит позиционный характер. Так, в отличие от приведенных примеров полностью снимается противопоставление формы настоящего времени формам других времен с точки зрения оформления личных аффиксов в следующих образованиях:

<i>у-д-а-шэ</i>	«они везут тебя с ним»
<i>у-д-а-ш-а-щ</i>	«они везли тебя с ним»
<i>у-д-а-шэ-ну-щ</i>	«они повезут тебя с ним»

Нейтрализация противопоставления формы настоящего времени формам других времен в плане строения личных аффиксов и аффиксов деривации (версии, союзности, направления и т. д.) обусловлена морфологической структурой производящей основы и составом субъектно-объектных аффиксов. Между адыгскими языками имеются расхождения в оформлении огласовки аффиксов лица и префиксальной деривации (об этом см. ниже).

Судьба этимологического гласного *ы* в исходе основы может быть проиллюстрирована следующими примерами: адыг. *етхы*=каб. *етх* «он пишет», адыг. *ещIы*=каб. *ещI* «он делает», адыг. *еды*=каб. *ед* «он шьет», адыг. *мэгъуэгы*=каб. *мэгъуэг* «он ревет, плачет». Различие в ступени чередования гласных может быть фонетическим и морфологическим: различие в огласовке основы адыг. *мэгъуэгы*, каб. *мэгъуэг* «он плачет» носит чисто фонетический характер, тогда как различие в огласовке основы адыг. *еды*, каб. *ед* «он шьет» связано с дифференциацией переходных и непереходных парадигм. Ср. адыг., каб. *мадэ* «он шьет», «он занимается шитьем».

Этимологический гласный *ы* восстанавливается в позиции перед суффиксом *-р*. Последний возможен только в кабардино-черкесском языке, причем грамматически он не имеет релевантного значения: он выступает как свободный вариант нуля. Ср.: *етх*=*етхыр* «он пишет», *ещI* = *ещIыр* «он делает», *ед*=*едыр* «он шьет», *мэгъуэг*=*мэгъуэгыр* «он плачет».

Форма настоящего времени статических глаголов отличается от формы настоящего времени динамических глаголов оформлением огласовки личных аффиксов и основы. В настоящем времени редуцируется до нуля исходный этимологический гласный *-ы* основ первичных статических глаголов. Для времен изъявительного наклонения характерен суффикс утвердительности *-щ*. Ср., например:

<i>сы-щылъ-щ</i>	«я лежу»
<i>у-щылъ-щ</i>	«ты лежишь»
<i>щылъ-щ</i>	«он лежит»

Суффикс *-щ* - явление новое. Он утвердился не во всех кабардинских диалектах. Ср., например: куб. *сыщыс*, бел. *сышьыс* «я сажу», куб. *ущыс*, бел. *ушьыс* «ты сидишь».

В непереходных статических глаголах, в отличие от непереходных динамических, независимо от строения основы субъект 3-го лица регулярно выражается нулевым аффиксом. Ср.: *ма-кIуэ* «он идет», но *щыс-щ* «он сидит».

8.7.3. Будущее I. Характеристикой основы будущего I является формант *-н*. Утвердительная форма будущего I отмечена суффиксом *-щ*. Ср.: адыг. *сы-кIуэ-н*, каб. *сы-кIуэ-н-щ* «я пойду», адыг. *схьы-н*, каб. *схьы-н-щ* «я понесу». Примеры:

Мурад щэхуу уэ блэжьыну́р Мис ныщхьэбэ кэ́схутэ́нщ (А. З.) «То, что ты задумал тайно осуществить, я сегодня вечером выясню».

В двух диалектах – кубанском и бесленеевском – в утвердительной форме отсутствует суффикс *-щ*. Будущее I в бесленеевском диалекте (как и в адыгейском языке) маркировано формантом *-н*, а в кубанском диалекте – формантом *-нэ*. Ср.: бел. *сщIын*, куб. *сщIынэ* «я сделаю».

Будущее I сложилось в эпоху общеадыгского языкового единства. Общеадыгская форма будущего I сохранилась в адыгейском языке и бесленеевском диалекте. Вариант суффикса будущего I с огласовкой *э*, характерный для кубанского диалекта, представляет

собой инновацию, возникшую после диалектной дифференциации кабардинского языка. Суффикс *-щ* в утвердительной форме диалектов относится также к новообразованиям.

Удовлетворительного объяснения генезиса общеадыгского суффикса будущего I *-н* пока нет в специальной литературе. Нет никаких оснований согласиться с мнением Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа, согласно которому разбираемый суффикс генетически восходит к общеадыгскому слову *нэ* «глаз», «отверстие»¹. На данном этапе изученности адыгских языков не представляется возможным решить вопрос о происхождении общеадыгского форманта будущего I *-н*. Можно предположить, что по происхождению форма на *-н* является не финитной, а инфинитной, причем со значением намерения, цели или долженствования. Именно в этой функции разбираемая форма широко употребляется в современных адыгских языках. В этой связи обращает внимание также убыхский суффикс *-н* в будущем цели и намерения. Ср. убых. *айнащутын* «(они) чтобы сделать».

8.7.4. Будущее II (категорическое). Будущее II образуется от основы будущего I с помощью суффикса *-у*. Утвердительная форма будущего II отмечена суффиксом *-щ*. Ср.: *сы-кIуэ-ну-щ* «я пойду», *с-хьы-ну-щ* «я понесу».

Характерно, что между будущим I и будущим II нет парадигматического параллелизма. Ср., например, в кабардинском отсутствие инфинитной (союзной) формы у будущего II в индикативе: *сыкIуэныи* «пойду и», но *сыкIуэнущи* «так как я пойду». Иначе говоря, не во всех формах реализуется противопоставление будущего I будущему II, что также свидетельствует о возникновении этой временной оппозиции в более позднюю эпоху развития адыгских языков.

Итак, будущее II, в отличие от будущего I, не может быть отнесено к общеадыгскому языковому единству. Вместе с тем происхождение формантов будущего II остается еще неясным, несмотря на то, что сама временная форма сложилась после дифференциации языка-основы на отдельные диалекты.

8.7.5. Перфект I. Основа перфекта I образуется с помощью суффикса *-а*. Ср.: *зд-а-щ* «я сшил», *сыщыс-а-щ* «я сидел».

Перфектный суффикс *-а* является инновацией, возникшей в эпоху индивидуального развития адыгских языков на базе исходного *-гъэ*. Последний восходит к общеадыгскому языковому единству.

Исходный перфектный суффикс *-гъэ* прослеживается в образованиях типа *тхыгъэ* «письменность», *тыгъэ* «подарок», *бжыгъэ* «число», *къэкIыгъэ* «растение». Последние по происхождению являются перфектной формой причастия¹. Образованию перфекта сопутствуют фонетические изменения основы. Конечные этимологические гласные *э*, *ы* поглощаются долгим гласным *а*, выполняющим функцию перфектного суффикса. Ср.: *зд-а-щ* < **зды-а-щ* «я сшил», *сы-кIу-а-щ* < **сы-кIуэ-а-щ* «я ходил».

Вопрос о генезисе перфектного суффикса *-гъэ* остается неясным. Ни Р. Эркерт, возводивший *-гъэ* к наречию *дыгъуасэ*², ни Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, отождествлявшие его с основой *гъэ* «год»³, не дали сколько-нибудь убедительного объяснения этимологии рассматриваемого суффикса. Не лишено интереса сближение Ж. Дюмезилем общеадыгского перфектного суффикса *-гъэ* с убыхским перфектным суффиксом *-къа* и абхазским суффиксом плюсквамперфекта *-хъа*⁴, хотя для решения вопроса об их генетическом единстве еще нет достаточного материала. Ср. адыг. *сыкIуа-гъэ*, убых. *сыкIа-къа*, абх. *сцахъейгI* «я ходил».

8.7.6. Перфект II образуется от перфекта I посредством суффикса *-т*, указывающего на то, что действие протекало в ограниченное время. Ср.: *сыкIуащ* «я ходил», *сыкIуат* «я ходил тогда».

Нартхэр мы щIыIнIэм исат, Нарт Сосрыкъуэ и джатэр А зэман жыжжэм щыбзат (П.Б.) «Нарты жили в этом краю, Сосрыко (букв.: сабля Сосрыко) в те далекие времена совершал здесь ратные подвиги»; *ЩIэсэнэгъэм гур щигъэбзэрабзэм ПцIы зыхэмылъ усэхэр бжесIат* (КIу. Б.) «Когда от любви сердце радовалось, я читал тебе искренние стихи».

Перфект II – кабардинское новообразование.

8.7.7. Имперфект. Основа имперфекта образуется с помощью суффикса *-т*. Ср.: *сыкIуэ-т* «я шел».

Имперфект от динамических глаголов включает факультативный суффикс *-р*. Ср.,

например:

Зэманыр кӀуэрт, Узызмэси щакӀуэу мэзым шыпсэурт (Н.) «Время шло, а Уазирмас, промышляя охотой, жил в лесу»; *Зыкъомми «ар тэрэзщ» жалэм. НэгъуэщӀ зыкъомми «ар тэрэзкъым» жалэм. Къамбот и фэм цукӀытыхьт* (Гъу. Хъу.) «Некоторые говорили, что это правильно. Другие говорили, что это неправильно. Камбот стеснялся».

8.7.8. Плюсquamперфект I. Основа плюсquamперфекта I включает -гъа. Ср., например:

Нобэ хуэдэу адыгэкъуэр пшэм пхылгэту щытыгъакъым (Щ. А.) «Не парил в старину сын адыга в облаках».

Необычен состав -гъа в плюсquamперфекте. В нем обычно усматривают один суффикс⁵. В этом случае плюсquamперфект I должен быть исторически отождествлен с перфектом I и хронологически отнесен к периоду индивидуального развития адыгских языков, что маловероятно.

Есть основания утверждать, что плюсquamперфект I образован в эпоху общеадыгского языкового единства. Каб. -гъа, по-видимому, состоит из двух перфектных суффиксов – старого (исходного) -гъ (← гъэ) и нового (кабардинского) -а. Исходным для -гъа, как и для адыг. -гъа-гъ(э), является -гъэ-гъэ.

Почему же из двух перфектных суффиксов, посредством которых образован плюсquamперфект I, один представлен в исходной форме, а другой изменился в -а? Порядок следования -гъ-/а свидетельствует о том, что образование плюсquamперфекта I хронологически предшествует изменению суффикса -гъэ в -а. В противном случае пришлось бы допустить возможность образования плюсquamперфекта путем инкорпорирования суффикса -гъэ в состав перфекта: *сыкӀу-а-щ* «я ходил».

В положении перед долгим гласным а, полученным из второго перфектного -гъэ, утрачена этимологическая огласовка первого перфектного суффикса -гъэ. Ср. *сыкӀуэ-гъ-а-щ* *←*сыкӀуэ-гъэ-гъэ «я ходил тогда». Устойчивость первого суффикса, в то время как второй изменился в -а, объясняется стремлением языка к сохранению противопоставления плюсquamперфекта I перфекту I: изменение и первого -гъ в -а привело бы к омонимии плюсquamперфекта и перфекта, т.е. к утрате одной из этих форм.

8.7.9. Плюсquamперфект II образуется от основы плюсquamперфекта I с помощью суффикса -т, указывающего на то, что действие происходило в ограниченное время. Ср. *сыкӀуэ-гъа-т* «я ходил тогда».

Суффикс -т вносит в плюсquamперфект то же значение, что и в перфект. Иными словами, плюсquamперфект I отличается от плюсquamперфекта-II тем же, чем отличается перфект I от перфекта II. В этом отношении формы перфекта и плюсquamперфекта соотносительны.

8.7.10. Аорист. Вопрос об аористе в адыгских языках до сих пор остается недостаточно изученным. Аорист обладает целым рядом специфических особенностей, между тем выявлены не все его формы, описаны не все конструкции, синтаксически связанные с аористом.

По вопросу об аористе существуют разные точки зрения. Не все исследователи признают существование аористной формы глагола. Так, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф не выделяют аориста в системе глагола. Другие исследователи, выделяя аорист как особую временную форму глагола, по-разному объясняют его сущность и место в системе глагола. Под понятие аориста исследователи подводят явления, генетически не связанные друг с другом. В качестве аористной формы глагола рассматриваются формы типа *кӀыхъэри* «он вошел и», *ирихуш* «он выгнал» (ср. *Хамэхъэ кӀыхъэри унэхъэр ирихуш* (Пс.) «Чужая собака пришла и хозяйскую собаку прогнала», *къыплгысыт* «ты получил, тебе досталось» (ср. *Хэт и лей къыплгысыт* «От кого ты пострадал»)¹.

В литературе получила распространение точка зрения, согласно которой аорист якобы представляет собой «чистую» основу. Положение о тождестве аориста и «чистой» основы глагола содержит некоторые противоречия: во-первых, при синхронном анализе выделяется не одна, а несколько разновидностей аориста, во-вторых, аорист функционирует как личная форма, а не как основа глагола.

Из всех форм, рассматриваемых разными авторами как аористные, представляется

возможным отнести к аористу лишь формы типа *ирихуш* «он выгнал» и инфинитные (союзные) формы типа *клуэри* «он пошел и».

Форма типа *ирихуш* «выгнал» имеет широкое распространение в поэтической речи устного народного творчества. Ср., например:

Уей, хъэзэрыдзэр дзэшхуае, дзэ фыцлэт, Хы фыцлэжъым къытехъэщ, къысыкълэ, Псыжъыкълэ къызгазэщ, къыбзыхъщ, Тыхъаер хэку гъунэм къыццылэщ, Нартыцълэ щыятэщ, щытлысц (Ад. Iy.) «Армия хазаров была большая, страшная, она вошла в Черное море, переплыла его, двинулась к низовьям Кубани, укрепились там, устроила побоище в краю, на земле нартов бесчинствовала, остановилась там»; *Хы гъунэмкълэ сыщекълэжъы, Пцлэгъуэлэжъы сыкыхуэзэщ. А пцлэгъуэлэми сыкъэшэсри Хы гъунэмкълэ сырежэжълэу Зы джатэжъы къэзэгъуэтиц* (там же) «Когда я шел вдоль берега моря, я встретил старого (бывалого) коня серой масти; сел на него и, проезжая вдоль берега, нашел старую (видавшую виды) саблю».

Разбираемая форма аориста часто употребляется в языке поэтов, продолжающих традиции устного народного творчества. Часто использовал эту форму Б. Пачев. Ср., например:

Гужъегъуэшхуэм укъыбгъэдашри, Уи анэжъ тхъэмыцкълэм укъыхуа-шэжъи (П. Б.) «Увели тебя от большой беды и привели к твоей старой матери»; *Клэрахъуэ фыцлэр цэ зэтебгъэуащ, Зэ уэгъуэ закъуэти Алихъаныр епсыхъыжъи* (Там же) «Ты выстрелил трижды из черного пистолета, одним выстрелом убит Алихан».

Рассматриваемая форма аориста употребляется в соединительных конструкциях в сочетании с союзным аористом или союзным словом. Имеется несколько типов конструкций, включающих связанный аорист типа *сылуэщ* «я пошел».

1) Конструкция типа адыг. *сытхэ-сытхи сыуцужъыгъ*, каб. *сытхэщ-сытхэри сыувылэжащ* «я писал, писал и перестал (писать)», *къикълухъщ-къикълухъри къекълуэлэжащ* «он ходил, ходил и вернулся» включает второй (союзный) аорист. Последний употребляется не только в указанном синтаксическом окружении (о чем см. ниже).

2) Конструкция типа *сылуэщ аби къэхъащ* «я пошел и принес» чаще всего употребляется в живой разговорной речи. Сочетание «аорист типа *сылуэщ* + соединительный союз *аби*» выступает функциональным эквивалентом союзной формы аориста типа *сылуэри* «пошел и». Ср. синонимические конструкции *сылуэщ аби къэхъащ=сылуэри къэхъащ* «я пошел и принес»; *сытлысц аби стхащ=сытлысри стхащ* «я сел и написал»; *унэм цълыхъэщ аби тлысащ=унэм цълыхъэри тлысащ* «он вошел в комнату и сел».

Нередко рассматриваемая конструкция осложняется, вторым (союзным) аористом. Ср., например:

Еуэщ аби ежъэри аргуэру япэм хуэдэу и шым и лъэр зэцълыхъуэрэ, бэмплэгъуэ лэджэ игъэващ (Н.) «Он взял да отправился и снова, как прежде, испытал много неприятностей из-за того, что его конь плохо скакал».

3) Конструкция типа *клуэщ цълалэри кълыхъащ* «юноша пошел и принес», *цълыхъэщ унэми тлысащ* «он вошел в комнату и сел» употребительна не только в живой разговорной речи, но и в литературном языке. Ср., например:

Апхуэдэу жилэщ Лъэпци мывэр зэгъуэду цълудзащ (Н.) «Сказав так, Тлепш начал разбивать (на части) камень»; *Инал еплъщ Жыраслэни и псалъэм къыпищащ* (К.А.) «Посмотрев на Жираслана, Инал продолжил свой разговор».

Конструкция типа *клуэщ цълалэри кълыхъащ* «юноша пошел и принес» по своей функции совпадает с конструкциями типа *цълалэр клуэщ аби кълыхъащ, цълалэр клуэри кълыхъащ*. Иными словами, образуются три взаимозаменяемые, т.е. синонимичные конструкции с аористной формой, хотя по своей употребительности они не тождественны. Ср.: *ар цълыхъэщ унэми тлысащ=ар унэм цълыхъэщ аби тлысащ=ар унэм цълыхъэри тлысащ* «он вошел в комнату и сел».

Обращает на себя внимание союзный аорист без *-р*. Употребление его стилистически ограничено: форма без *-р*, как правило, встречается в поэтических произведениях устного народного творчества. Эта форма имеет и некоторые другие особенности.

Ср.: *жилу дыкълыш... сэр флэкл кълумыгъанэу пыхыгъащ* (Ад. Iy.) «(она) сказала и привела нас сюда... кроме меня ты съел всех»; *Щынэхъу жэяхэм сахыхъы, Щынэхъу*

пшэрыр къахэсхи, «Къуацэ лъапэр жъауэщ», – *жыслэри есхъэчи* (Там же) «И вошел я в стадо спящих ягнят, и выбрал я жирного ягненка, и «под кустом прохладно», сказал я, и унес (ягненка)».

В первом предложении аористная форма *жили* употребляется в функций инфинитного аориста *жилэри* «(она) сказала и», во втором предложении аналогичная форма по своему месту и значению выступает как финитное образование: форма *есхъэчи* следует за инфинитной формой *жыслэри*, завершая предложение в целом. Употребление формы типа *есхъэчи* в финитном значении – явление вторичное.

Союзная форма аориста типа *сыклуэри* «я пошел и» чаще всего используется для синтаксической связи с перфектом I. Конструкция «союзная форма+перфект I» высоко продуктивна. Соединительный суффикс *-и* присоединяется к форманту *-р*, что способствует сохранению конечных этимологических гласных производящей основы в союзной форме аориста. Ср.: *стхыри* – «я написал и», *сыклуэри* «я пошел и». Союзная форма аориста либо непосредственно предшествует перфекту I, либо отделена от последнего другими членами предложения. Ср., например:

Зы махуэ гуэрым Уэзырмэс нартыжъхэр къызэхуишэсри яжыри-лащ (Н.) «Однажды Озермес собрал старых (почтенных) нартов и сказал им»; *Лъэпщ дей клиэри Сэтэней джатэ иригъэщлащ* (Н.) «Сатаней отправилась к Тлепшу и заставила (попросила) его сделать саблю».

Финитная форма перфекта следует за союзной формой аориста, хотя между ними могут быть другие члены предложения. Такой порядок следования союзного аориста и перфекта является обычным для языка. Обратный порядок следования разбираемых форм имеет место при сочетании прямой речи и авторского повествования. Ср., например:

Инал къэтэджащ: Сыноклуэ, сыноклуэ, – жилэри (Кl. А.) «Инал встал и сказал: иду, иду»; *Ар губжъауэ дэкIыжащи къэшэжыфи си пхъум ухуэфашэщ, – жилащ Джылахъстэн, Сосрыкъуэр Бэдынокъуэм кIэлъыжэнкIэ шынэн къыфIэщIри* (Н.) «Он в состоянии гнева выехал: если сможешь вернуть его, ты достоин моей дочери, — сказал Джылахстан, думая, что Сосруко не осмелится побежать за Бадиноко».

Инфинитная форма аориста чаще всего служит для соединительной связи с перфектом I. Однако отношения сочинения существуют также между инфинитным аористом и перфектом II, плюсквамперфектом I, II. Ср.: *сыклуэри сеплът* «я пошел и посмотрел тогда», *сыклуэри сеплът-гъащ* «я пошел и посмотрел было», *сыклуэри сеплътгъат* «я пошел и посмотрел было тогда». Встречается также сочетание двух аористных форм – инфинитной (союзной) и финитной. Ср., например:

Удын бзаджэри къуадзри... укъаутIыпчыжщ (Ад. Iу.) «Они нанесли тебе страшный удар и ... отпустили тебя».

Аорист относится к общеадыгскому языковому единству. Есть основание предполагать, что в общеадыгскую эпоху существовали как финитные, так и инфинитные формы аориста. Основа общеадыгского финитного аориста формально не маркирована. В этой форме финитный аорист до сих пор сохраняется в адыгейском языке. Ср. финитный аорист *къэтщI* в предложении *Казбеке иуэс шыгу Тыкъуцуу макъэ къэтщI* «Встали мы на вершину Казбека и воскликнули». Кабардино-черкесский суффикс *-щ* в финитном аористе (ср. *сыклуэщ* «я пошел»), как, впрочем, и в других формах времени, – явление вторичное. То же самое нужно сказать о суффиксе *-р* инфинитном (союзном) аористе (ср. *сыклуэри* «я пошел и»). Суффикс *-р* в союзном аористе является продуктом индивидуального развития кабардино-черкесского языка. Это подтверждается не только данными адыгейского языка, но и наличием старой формы союзного аориста без *-р* в фольклорных текстах. Ср. *Щынахъуэ щIалэм сылушIу Щынахъуэ щIалэр згъэжсеи*, *Щынэхъу жейхэм сахыхъи...* (Ад. Iу.) «И встретил я молодого чабана, и Молодого чабана заставил уснуть, и Вошел я в стадо спящих ягнят...».

Древность инфинитного аориста по сравнению с другими формами прошедшего времени доказывается не только тем, что он базируется на формально немаркированной основе, но и его сочетаемостью и полифункциональностью. Как показывает приведенный выше материал, инфинитный (союзный) аорист и финитная форма прошедшего времени образуют следующие сочинительные конструкции:

- 1) инфинитный аорист + финитный перфект I (*сыклуэри сеплът*);

- 2) финитный аорист+финитный перфект II (*сыкӀуэри сеплӀат*);
- 3) инфинитный аорист + финитный плюсквамперфект I (*сыкӀуэри сеплӀыгъащ*);
- 4) инфинитный аорист + финитный плюсквамперфект II (*сыкӀуэри сеплӀыгъат*);
- 5) инфинитный аорист + финитный аорист (*сыкӀуэри сеплӀы*).

Возможность сочетания союзного аориста с финитными формами перфекта I, II и плюсквамперфекта I, II объясняется отсутствием у последних союзной формы в указанной позиции. При наличии сочинительной конструкции *сыкӀуэнищи кӀэсхъынищ* «я пойду и принесу» невозможна соотносительная конструкция *сыкӀуащи кӀэсхъащ* в значении «я пошел и принес». Вместо ожидаемого союзного перфекта *сыкӀуащи* для построения сочинительной конструкции используется союзный аорист *сыкӀуэри*. Ср. *сыкӀуэри кӀэсхъащ* «я пошел и принес». Союзный аорист сочетается также с финитными формами плюсквамперфекта, поскольку невозможны конструкции типа *сыкӀуэгъащи кӀэсхъыгъащ*, *сыкӀуэгъати кӀэсхъыгъат*.

Обращает на себя внимание невозможность сочетания инфинитной формы *сыкӀуащи* с финитной формой *сыкӀуащ* по модели *сыкӀуэнищи сеплӀынищ* «я пойду и посмотрю», *сокӀуэри соплӀ* «я иду и смотрю», *сыкӀуэти сеплӀт* «я ходил и смотрел». Обычно инфинитный перфект типа *сыкӀуащи* сочетается не с соотносительной финитной формой перфекта, а с финитными формами других времен. При этом в плане содержания инфинитный перфект типа *сыкӀуащи* характеризуется синкретичностью. Актуализация значения инфинитного перфекта зависит от второго члена конструкции или контекста в целом. Ср., например: *кӀэкӀуащи ищӀынищ* «так как он пришел, он сделает» («раз он пришел, он сделает»), но *кӀэкӀуащи щысщ* «он пришел и сидит». Как видно, инфинитный перфект I (*кӀэкӀуащи*) имеет не только функцию индикатива (изъявительного наклонения), но и функцию обстоятельственных форм. Что касается инфинитного перфекта II, то он, как правило, не употребляется в индикативе. Ср., например: *кӀэкӀуати ищӀлащ* «он приходил, поэтому и сделал», *кӀэкӀуати илӀэгъуащ* «он приходил, поэтому и видел».

Итак, в сочинительной конструкции типа *сыкӀуэри сеплӀащ* «я пошел и посмотрел» первый член вместо ожидаемой перфектной формы имеет форму аориста, что связано с более поздним образованием союзного перфекта по сравнению с союзным аористом.

8.8. Категория наклонения

8.8.1. Предварительные замечания. Вопрос о категории наклонения в адыгских языках не получил еще однозначного решения в литературе. Нет необходимости рассматривать все существующие классификации форм наклонений в адыгских языках. Исследователи, занимавшиеся проблемой классификации форм наклонений, не повторяли друг друга, а каждый строил свою классификацию, отличную от других.

Категория наклонения более разработана в адыгейском языкознании. Наиболее значительной является здесь кандидатская диссертация Ж. А. Шаова, давшего синхронный анализ адыгейских наклонений на богатом фактическом материале¹. Имеются специальные статьи, посвященные наклонениям или отдельным формам наклонений адыгейского языка². Довольно подробно рассматриваются формы наклонений (хотя и не очень четко и не дифференцированно с точки зрения отграничения их от других языковых явлений) в последней грамматике адыгейского языка³. Вместе с тем вопрос о категории наклонения остается спорным в адыгском языкознании. Исследователи значительно расходятся в понимании сущности категории наклонения и ее отношения к другим категориальным образованиям. Нет даже единства среди специалистов по вопросу о том, какие формы глагола должны быть отнесены к наклонениям, что в целом отражает состояние разработки адыгского глагола, чрезвычайно сложного и многообразного по своей структуре.

Вопрос о синхронной характеристике категории наклонения в кабардино-черкесском языке не является таким дискуссионным, как в отношении адыгейского языка. Это объясняется, однако, не глубокой разработкой категории наклонения в кабардино-черкесском языке, а напротив, отсутствием сколько-нибудь серьезного интереса к ней со стороны исследователей. История развития и становления категории

наклонения в адыгских языках до сих пор не изучена.

8.8.2. Изъявительное наклонение. Категориальные формы, указы-вающие на соответствие между содержанием высказываемого и действительностью, противопоставляются другим категориальным формам наклонения, выражающим отношение содержания высказываемого к действительности как к предполагаемому, желаемому, требуемому и т. д. Изъявительное наклонение (индикатив) отличается от косвенных наклонений не только в функциональном плане, но и наибольшей полнотой системы форм словоизменения. Это касается прежде всего образования времен, характеризующихся наибольшим разнообразием форм в индикативе (см. раздел «Категория времени»). Формы индикатива сочетаются с суффиксальными морфемами типа *-п*, *-х*, *-уэ*, *-щэ* и др., которые являются, однако, спецификой не только индикатива. В этом отношении индикатив объединяется с другими наклонениями. Ср.: *кӀуэпаш* «он окончательно пошел», *кӀуэпамэ* «если он окончательно пошел», *кӀуапэ* «иди окончательно», *жесӀэхэни(и)* «я ему скажу сначала (и)», *жесӀэхэмэ* «если я ему скажу сначала», *жесӀэхэ* «скажи ему сначала», *еджэщаш* «он чрезмерно (много) учился», *еджэщэмэ* «если он чрезмерно (много) будет учиться», *уемы-джэщэ* «не учись чрезмерно (много)». Особенностью индикатива считается обычно суффикс утвердительности *-щ*. Однако форма на *-щ* оказывается общей у индикатива и предположительного наклонения. Ср.: *кӀуаш* «он пошел», *кӀуагъэни* «он, наверное, пошел».

Отрицательная форма во всех временах индикатива, за исключением аориста, образуется с помощью суффикса *-къым*. Ср.: *кӀуэр-къым* «он не идет», *кӀуэн-къым* «он не пойдет», *кӀуа-къым* «он не пошел». С этой точки зрения индикатив не стоит особняком. Ср., например: *кӀуакъым* «он не пошел» (индикатив), *кӀуэнутэкъым* «он не пошел бы» (конъюнктив), *кӀуэ-гъэ-нукъым* «он, наверное, не пошел» (предположительное наклонение).

8.8.3. Условное наклонение. Основная форма образуется посредством общеадыгского суффикса *-мэ*. При наличии суффиксов времени и числа суффикс *-мэ* занимает место после них. Ср.: *кӀуэ-мэ* «если он идет», *кӀуа-мэ* «если он пошел», *кӀуа-хэ-мэ* «если они пошли».

Гласный элемент суффикса *-мэ* носит факультативный характер. Ср.: *итхы-мэ=итхы-м* «если он пишет», *еджэ-мэ=еджэ-м* «если он читает». Например: **Яримытмэ** *ехъулӀаш* (Щ. А.) «Если ее не отдадут замуж, ей повезло»; *А сэ слӀагъум гу къыслӀитэм, СыӀуиӀэниӀэ тхэ пхузоӀуэ* (А. З.) «Если он меня заметит, убьет меня, клянусь тебе!».

Как суффикс наклонения рассматривается также *-тэмэ* в формах типа *уеджатэмэ* «если бы ты учился»¹. Однако *-тэмэ* представляет собой сочетание суффикса времени *-т(э)* и суффикса наклонения *-мэ*. Форма *уеджатэмэ* членится на *уеджат(э)-/-мэ*. Иными словами, форма *уеджатэмэ* образована не с помощью *-тэмэ* от основы перфекта I *уеджа*, а с помощью *-мэ* от перфекта II *уеджат* «ты учился тогда». Ср. аналогичные формы *уеджэтэ-мэ* (имперфект), *уеджэгъатэ-мэ* (плюсquamперфект II).

К условному наклонению обычно причисляют формы типа *къакӀуи*, *ирекӀуи*, *дыщыкӀуэкӀэ*. Однако отнесение подобных форм к условному наклонению без учета их окружения по меньшей мере является условным.

Формы с суффиксом *-и* в определенных конструкциях приобретают функцию условного наклонения. Ср.: *лажы зыбгъэпсэхуни* «если поработаешь, отдохнешь». Суффикс *-и* в указанной функции восходит к соединительному форманту *-и*. Вторичность условного значения суффикса *-и* можно показать на следующих примерах. Ср.: *къакӀуи* *плӀагъуни* «если придешь, увидишь его», но *къакӀуи* *лӀагъу* «приходи и повидайся с ним», *къэхы уэстыни* «если принесешь, я отдам тебе», но *къэхы къызэт* «принеси и отдай мне», *тэджи улӀэӀэсыни* «если встанешь, дотянешься», но *тэджи щӀы* «встань и сделай». Как видно, формы с суффиксом *-и* восходят к союзной форме повелительного наклонения. Об этом свидетельствует не только отсутствие в этих конструкциях формы I-го лица со значением условного наклонения, но и префикса 2-го лица единственного числа, как это имеет место в императиве. Сочетание *къакӀуи* *плӀагъуни* «если придешь, увидишь» дословно означает «приходи и увидишь». Как и соотносительные формы императива, формы на *-и* с условным значением не знают временной дифференциации.

В значении условного наклонения употребляются формы типа *ирекӀуи* «если он

пойдет». Ср.: *иретхи естынц* «если он напишет, я отдам ему», *иретхи нэхъыфц* «лучше, если он напишет». Суффикс *-и* в подобных формах восходит также к соединительному суффиксу *-и*. Данные формы восходят к союзному оптативу: *иретхи къырехъ* «пусть он напишет и принесет сюда», *иреклуи иреплъ* «пусть он пойдет и посмотрит». Иными словами, как и условно-императивные формы, условно-желательные формы типа *иреклуи*, *иретхи* в разных окружениях употребляются в разных функциях, хотя вторичность функции условного наклонения очевидна.

Вызывает возражения безоговорочное отнесение к условному наклонению форм с формантом *-кIэ*, как это имеет место в специальной литературе. Формы, включающие формант *-кIэ*, выступают в разных функциях. Ср., например, в кабардинском следующие предложения: а) *Абы уепсалъэ-кIэ зыри къикIынкъым* «От того, что ты с ним будешь разговаривать, ничего не получится»; *УчыскIэ Iуэхур цIа хъункъым* «От того, что ты сидишь, дело не будет сделано»; *УкъэкIуакIэ псори зэфIэкIа уи гугъэ?* «От того, что ты пришел, думаешь все сделано?»; б) *ФыкъыщыкIуакIэ фыщыс* «Раз вы пришли, посидите»; *Сыт пцIэн апхуэдэу щыхъуакIэ?* «Что поделаешь, раз такое случилось?»

В предложениях группы (а) формы с формантом *-кIэ* не могут быть отнесены к условному наклонению. Не только генетически, но и функционально формант *-кIэ* в этих формах неотделим от падежного окончания *-кIэ*. Орудийная функция этих форм слишком очевидна. Характерно, что разбираемые формы изменяются не только по лицам, но и по временам. Ср.: *УкъэкIуакIэ (сыкъэкIуакIэ) псори зэфIэкIа уи гугъэ* «От того, что ты пришел (я пришел), думаешь все сделано?»; *УкъакIуэкIэ (сыкъакIуэкIэ) псори зэфIэкIа уи гугъэ?* «От того, что ты идешь (я иду), думаешь все сделано?»

В предложениях группы (б) формант *-кIэ* выражает не условие, а причину, т. е. вносит значения «раз», «поскольку», «так как». Формант *-кIэ* в этих формах в дистрибутивном плане связан с обстоятельственным префиксом времени *-щ*. Функция последнего, утраченная в разбираемых формах, восстанавливается в других конструкциях. Ср.: *ЛэжъапIэм сыщыкIуэкIэ ар солъагъу* «Когда иду на работу, вижу его». Суффикс *-кIэ* в подобных конструкциях близок по значению суффиксу *-м*: *ЛэжъапIэм сыщыкIуэм ар солъагъу* «Когда иду на работу, вижу его». Вместе с тем формы типа *сыщыкIуэкIэ* неоднозначны. Ср.: *СыщыкIуэкIэ ар солъагъу* «Когда я иду, вижу его», но *СыщыкIуэкIэ ар слъагъуни* «Раз (поскольку, так как) я иду, увижу его». Здесь мы имеем дело по существу с двумя омонимичными грамматическими формами, различающимися не только в плане функциональном, но и в словоизменительном: *сыщыкIуэкIэ* «когда я иду» не знает временной дифференциации, *сыщыкIуэкIэ* «раз я иду» изменяется по временам. Ср.: *сыщыкIуакIэ* «раз я пошел», *сыщыкIуэнукIэ* «раз я пойду». В то же время формы типа *сыщыкIуэкIэ* «раз я иду» в отличие от форм *сыкIуэмэ* «если я пойду» лимитированы с точки зрения временной дифференциации. От *сыщыкIуэкIэ* «раз я иду» не образуются формы имперфекта, перфекта II, плюсквамперфекта I и II, будущего I.

Суффикс *-и*, восходящий к соединительному элементу, в сочетании с суффиксами *-кIэ*, *-мэ* вносит различные модальные оттенки. Так, форма на *-кIу* (<- *кIэ-{-и}*) употребляется в функции условного наклонения. Ср.: *Сэри быдэу уэ бжысолэ ИлгъэсищкIу сыппэлъэну*, *Тхьэлхуэу дахэ слъагъукIу* *Укъэзгъанэу къэзмышэну!* (А. З.) «Говорю тебе честно, что подожду тебя три года, если и увижу красавицу, не возьму ее в жены».

Форма на *-кIу* употребляется в условно-уступительном значении. Однако, нет достаточных оснований рассматривать подобные формы, как формы уступительного наклонения, хотя в разных позициях *-кIу*, *-ми* выступают с разными, но логически связанными между собой оттенками.

На условное наклонение накладываются словоизменительные ограничения. Даже основная форма условного наклонения не образуется от будущего I, свойственного индикативу. Так, в языке имеется форма *сыкIуэнум(э)* «если я пойду», но нельзя сказать *сыкIуэнмэ*.

Условное наклонение не образуется от личных форм настоящего времени. Отсюда оппозиция *кIуэмэ* «если он пойдет» – *макIуэмэ* «если он идет», представленная в адыгейском языке, не реализуется в кабардино-черкесском языке. Формы типа *сыкIуэмэ*, *укIуэмэ*, *кIуэмэ* в кабардино-черкесском используются для обозначения настоящего и будущего времени. Ср. *сыкIуэмэ къэсхъынц* «если я пойду (иду), я принесу». Смысловая структура форм типа *сыкIуэмэ*, *укIуэмэ*, *кIуэмэ* не мотивирована синхронным

морфологическим строением производящих форм, поскольку *сыклуэ-*, *уклуэ-*, *клуэ-* по своему оформлению не совпадают ни с формой настоящего, ни с формой будущего времени.

Форма условного наклонения, образованная с помощью суффикса *-мэ*, бесспорно, должна быть возведена к общеадыгскому единству. Не менее бесспорно, однако, то обстоятельство, что в общеадыгском условное наклонение характеризовалось менее развитой системой форм словоизменения по сравнению с индикативом. Тот факт, что будущее I, восходящее к общеадыгскому единству, лишено формы условного наклонения, а будущее II, относящееся к эпохе индивидуального развития адыгских языков, обладает формой этого наклонения, свидетельствует о том, что оппозиция будущего времени другим временам условного наклонения является инновацией. То же самое нужно сказать об оппозиции настоящего времени условного наклонения другим формам времен. Речь идет о формах типа *сэклуэмэ* «если я иду», *уэклуэмэ* «если ты идешь», *маклуэмэ* «если он идет», характерных для адыгейского языка. Общеадыгский язык, как и современный кабардинский язык, не знал подобных форм, образованных от парадигматического ряда настоящего времени. Ср.: адыг. *сэклуэ* «я иду», *уэклуэ* «ты идешь», *маклуэ* «он идет».

Другие формы, употребляемые в определенных синтаксических конструкциях в функции условного наклонения, относятся к более поздней эпохе и носят промежуточный (переходный) характер.

8.8.4. Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение (конъюнктив) тесно связано с категорией времени. Взаимосвязь между ними проявляется, в частности, в том, что форманты конъюнктива генетически тождественны формантам временных форм.

Конъюнктив образуется с помощью форманта *-т* от основы будущего I и II. Ср., например: *сыклуэнт*, *сыклуэнут* «я пошел бы», *стхынт*, *стхынут* «я написал бы», *сщлынт*, *сщлынут* «я сделал бы». Выше отмечалось, что тот же формант применяется для образования имперфекта (*клуэнт*), перфекта II (*клуат*), плюсквамперфекта II (*клуэгъат*). Иными словами, в сочетании с разными производящими основами формант *-т* образует формы разных наклонений.

Конъюнктив с формантом *-т* обладает различными значениями, в частности так называемым волитивным значением. Ср., например: *Цыхубз съездым сыщыклуам езы Инал жеслэнут ар...* (К. А.) «Когда я поехала на съезд женщин, я хотела сказать об этом самому Иналу»; *Емыклушэу сыкъэплъытэм, НэгъуэщI гуэркли солъэлунут* (А. З.) «Если ты позволишь мне, я хотел бы и о другом просить тебя»; *Хуитыгъамэ, пщащэ цылыклар Къамбот псэгъуу дэклуэсэнут* (Щ. А.) «Если бы это было в ее воле, девушка хотела бы тайно выйти за Камбота».

Обращает на себя внимание снятие смыслового противопоставления индикатива конъюнктиву. Ср., например: *ар «клуат* «он ходил тогда», но *абы женIамэ клуат* «если бы ты сказал ему, он пошел (ходил) бы». Конъюнктив в подобных случаях не выделяется морфологически. Иными словами, речь идет о снятии смысловой оппозиции индикатива конъюнктиву в определенных условиях¹.

Из вышеизложенного видно, что возникновение конъюнктива относится к более поздней эпохе развития адыгских языков.

Нет достаточных оснований для возведения конъюнктива к общеадыгскому языковому единству.

8.8.5. Предположительное наклонение. Внешним показателем предположительного наклонения является суффикс *-н*. Ср.: *клуагъэ-н-щ* «он, наверное, пошел». Суффиксы предположительного наклонения восходят к суффиксам будущего времени.

Временные формы образуют одну двухчленную оппозицию, причем оба члена оппозиции базируются на старой (общеадыгской) перфектной основе. Ср.: *клуагъэ-н-щ* «он, наверное, пошел» – *клуагъэ-н-т* «он, наверное, тогда пошел». Как видно, в кабардино-черкесском предположительное наклонение объединяется с индикативом общностью утвердительного суффикса *-щ*.

Форма предположительного наклонения может быть осложнена суффиксом *-клэ* (-

кlu), вносящим оттенок возможности, вероятности в сочетании с глаголом *хъун* «быть». Ср.: *кluагъэн-кlu мэхъу* «он, возможно, пошел», *итхагъэн-кlu мэхъу* «он, возможно, написал». В этом же значении *-кlэ(-кlu)* может сочетаться непосредственно с основой будущего времени индикатива, причем конструкция «форма на *-кlэ(-кlu)* + глагол *хъун* «быть» продуктивна. Ср.: *Си хъыджэбз цlыкlур нэзгъэкluэнкlэ хъунт, унеблагъэрэ зэбгъэлъэгъуамэ* (Кl. А.) «Я, возможно, отправил бы к вам свою девочку, если бы вы зашли ко мне и увидели ее».

Характерно, что в подобных конструкциях глагол *хъун* «быть» выступает в качестве вспомогательного элемента, лишённого форм лица. Ср.: *сыкluэн-кlэ мэхъу* «я, возможно, пойду», *укluэн-кlэ мэхъу* «ты, возможно, пойдешь», *ар кluэн-кlэ мэхъу* «он, возможно, пойдет». То же самое наблюдается в отношении конструкций с вспомогательным глаголом *хуейщ*, имеющим ущербную парадигму. Ср.: *сыкluагъэн хуейщ* «я, наверное, пошел», *укluагъэн хуейщ* «ты, наверное, пошел», *кluагъэн хуейщ* «он, наверное, пошел».

Ср. также формы, *итхагъэн-ти* «он, наверное, написал, поэтому и», *ищlагъэн-ти* «он, наверное, сделал, поэтому и».

Общеадыгское состояние предположительного наклонения в какой-то мере продолжает кабардино-черкесский язык. Для общеадыгского единства может быть реконструирована перфектная форма предположительного наклонения с суффиксом *-н*: **сыкluэ-гъэ-н* «я, наверное, пошел». Примечательно, что в предположительном наклонении сохраняется общеадыгская форма перфектного суффикса, изменившегося в долгий гласный *-а* в индикативе. Ср.: *кlu-а-ищ* «он пошел», но *кluэ-гъэ-н-ищ* «он, наверное, пошел».

8.8.6. Желательное наклонение. Среди специалистов нет единодушия по вопросу о том, какие формы должны быть отнесены к желательному наклонению. Частично это объясняется функциональным разнообразием некоторых форм, совмещающих значения разных косвенных наклонений. Представляется целесообразным разграничение нескольких типов выражения оптатива.

Для образования оптатива I используются суффикс *-рэт (-ицэрэт)*. Ср.: *итхарэт* «хотя бы он написал», *кluарэт* «хотя бы он пошел». Приведенные формы образованы от основы перфекта I.

Вариант *-ицэрэт* по-видимому представляет собой слияние частицы *гуицэ*, используемой в оптативных конструкциях, с суффиксом *-рэт*: *къэкluа гуицэрэт→къэкluаицэрэт* «хотя бы он пришел», *кluэжа гуицэрэт→кluэжаицэрэт* «хотя бы он ушел».

Исходное значение временных суффиксов не всегда сохраняется в оптативе. Более того, некоторые формы, исторически образованные от разных временных основ, в синхронном плане взаимозаменяемы, т. е. функционально тождественны. Можно предположить, что в оптативе I временные оппозиции более четко были обозначены с функциональной точки зрения в прошлом, поскольку морфологически формы оптатива I базируются не на одной, а на разных временных основах. Однако нет оснований согласиться с точкой зрения, согласно которой «временные формы желательного наклонения представляют собой только остаток некогда существовавшей полной системы времен»¹. Данные как внешней, так и внутренней реконструкции не позволяют постулировать, например, наличие форм настоящего и будущего времен для истории оптатива I адыгских языков. Вместе с тем образование оптатива I хронологически следует отнести к ранней эпохе развития адыгских языков. Общие тенденции в формировании оптатива I были заложены в языке-основе, поскольку не вызывает сомнений генетическое единство как участвующего в образовании оптатива I суффикса *-т*, так и производящих временных основ, в частности основ перфекта I и плюсквамперфекта I.

Для выражения желательности, соизволения употребляется форма косвенного наклонения, образованная с помощью префикса *ре-*. В зависимости от контекста форма на *рэ-*, *ре-*, т. е. оптатив II, имеет оттенки желания или повеления. Именно поэтому специалисты нередко относят разбираемую форму к повелительному наклонению, что не лишено известных оснований с функциональной точки зрения. Вместе с тем оптатив II отграничивается от собственно повелительного наклонения не только в грамматическом

плане, но и в функциональном. Ср., например, формы 2-го лица единственного числа в императиве и оптативе: *жэ* «беги», *урезэ* «пусть ты бежишь». В то же время объединение оптатива I с оптативом II под общим названием «желательное наклонение» также является в какой-то мере условным, хотя с функциональной точки зрения оптатив II ближе к оптативу I, нежели к императиву.

В оптативе II, как и в индикативе, реализуется противопоставление 2-го и 3-го лица единственного числа. Ср.: *уреклуэ* «пусть ты пойдешь», *иреклуэ* «пусть он идет».

К оптативу III относятся формы типа *уихъ* «пусть он тебя унесет», *уишхъ* «пусть он тебя съест». Личные префиксы оптатива III оформляются в адыгейском по образцу парадигмы настоящего времени, в кабардинском — по образцу прошедшего и будущего времен. Ср. *у-и-хъащ* «он тебя носил».

Обращают на себя внимание некоторые фразеологически связанные формы типа *ухъу* «пусть он будет». Они встречаются лишь в некоторых устойчивых словосочетаниях, причем характеризуются отсутствием противопоставления личных префиксов 2-го и 3-го лица единственного числа. Ср. каб. *уэ насыныфлэ ухъу* «будь ты счастливым», *фи нысэр махуэ ухъу* «пусть будет (да будет) счастливой ваша невестка» («да придет счастье с вашей невесткой»). Ср. также: *уэ зэпытрэ зэклэсу уклуэ* «скатертью тебе дорога», *ар зэпытрэ зэклэсу уклуэ* «скатертью ему дорога».

До последнего времени считалось, что отсутствие противопоставления личных форм 2-го и 3-го лица единственного числа характерно только для некоторых форм адыгейского языка. Как показывает приведенный материал, в этом отношении кабардинские формы типа *ухъу*, *уклуэ* тождественны адыгейским формам оптатива II *уэрэклэ* «пусть ты идешь», *уэрэклэуэ* «пусть он идет». Не реализуется в кабардинском оптативе числовое противопоставление в 3-м лице с помощью префиксов. Ср. *ар насыныфлэ ухъу* «пусть он будет счастливым», *ахэр насыныфлэ ухъу* «пусть они будут счастливыми».

Обращают на себя внимание глагольные формы типа *даух* «пусть они вынесут», *щлаульхъэ* «пусть они кладут (похоронят)» и т.д. Последние входят в состав некоторых устойчивых словосочетаний. Ср.: *и хъэдэр щла-ульхъэ* «пусть он умрет», букв. «пусть они похоронят его труп», *и хъэдэр даух* «пусть он умрет», букв. «пусть они выносят его труп». Аналогичную структуру имеют формы *яугъащлэ* «пусть он живет (да здравствует)», *иугъа-щлэ* «пусть они живут (да здравствуют)». Не вызывает сомнений тот факт, что разбираемые формы функционально тождественны формам типа *ухъу* «пусть он будет» (ср. *ар насыныфлэ ухъу* «пусть он будет счастлив», *уклуэ* «пусть он пойдет» (ср. *ар зэпыту уклуэ* «скатертью ему дорога»).

Префикс *у-* в формах *д-а-у-х* «пусть выносят», *щл-а-у-ль-хъэ* «пусть кладут (похоронят)», *и-у-гъа-щлэ* «пусть живет», *я-у-гъащлэ* «пусть живут» не является личным показателем. В формах *д-а-у-х*, *щл-а-у-ль-хъэ* выделяются локальные превербы *д-*, *щл-*, личный префикс субъекта 3-го лица мн. ч. *а-*, префикс *у-* и основы *-х*, *льхъэ*; формы *и-у-гъащлэ*, *я-у-гъащлэ* включают префиксы субъекта 3-го лица ед. ч. *у-* не служит выразителем лица, но и не входит в состав производящей основы. Сравнение форм *д-а-у-х*, *щл-а-у-ль-хъэ*, *и-у-гъащлэ*, *я-у-гъащлэ* с соотносительными формами индикатива *д-а-х* «они выносят», *щл-а-льхъэ* «они кладут», *е-гъащлэ* «он живет» (ср. *илъэс куэд егъащлэ* «он живет много лет»), *я-гъащлэ* «они живут» показывает, что префикс *у-* выражает оптатив, т.е. модальное значение желательности.

Итак, некоторые глагольные формы, и в том числе формы, входящие в состав устойчивых словосочетаний, включают префиксальный элемент *у-*, выражающий функцию косвенного наклонения желательности.

8.8.7. Повелительное наклонение. Категориальная форма наклонения, выражающая просьбу, приказание, побуждение, характеризуется отсутствием временной дифференциации и ущербностью парадигмы личного спряжения. Императив не образуется от субъектного ряда 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа. Субъект 2-го лица ед. числа в утвердительном императиве выражен нулевым аффиксом. Ср.: *тхы* «пиши», но *у-мы-тх* «не пиши», *щлы* «делай», но *у-мы-щл* «не делай». 2-е лицо мн. числа в императиве утвердительной и отрицательной форм выражено префиксом *фы-* (*ф*, *в-*). Ср.: *фы-тхэ* «пишите» (неперех.), *ф-тхы* «пишите» (перех.), *в-ды* «шейте».

Хотя от субъектного ряда первого лица не образуется императив, имеются

глагольные формы для выражения убеждения, призыва к совместному действию, в котором принимает участие говорящий. Ср.: например: *дыгъаклуэ* «пойдем с тобой», *дыгъэтх* «напишем с тобой», *дывгъаклуэ* «пойдемте»; *Зэгъусэу дывгъаклуэ, Бибэ!* (К. А.) «Пойдемте вместе, Биба!» Ср. также: *дывгъэтх!* «напишем!». Формы этого типа, в сущности, представляют собой каузативные глаголы с личными префиксами субъекта 2-го лица и прямого объекта 1-го лица мн. числа, что видно из сравнения с нижеследующими примерами: *уэ дыгъаклуэ* «ты разреши нам идти», *уэ дыгъэтх* «ты разреши нам писать», *фэ дывгъаклуэ* «вы разрешите нам идти», *фэ дывгъэтх* «вы разрешите нам писать».

Императив в отыменных статических глаголах выражается возврат-но-каузативной формой. Ср., например: *зы-гъэ-хъэзыр* «приготовься», *зы-в-гъэ-хъэзыр* «приготовьтесь».

Форма императива может быть одноличной, двухличной и множественной. Ср.: *жэ* «беги», *схуэжэ* «беги ради меня, для меня», *схуэжэ* «беги с ним ради меня».

Глагол в императивной форме сочетается с суффиксом *-т*. Этот суффикс вносит экспрессивные оттенки (усиление или ослабление значения императивной формы). Ср.: *клуэ-т* «иди-ка».

Ср.: *Наклуэт, наклуэт, дыццлэгъэкIыт...* (А. З.) «Идемте, идемте, выйдемте...»; *Уий, нартхэ, илэт жыфIлэт, Сэтэнейри зыццлэуиццлэр* (Н.) «Эй, нарти, давайте, скажите, о чем спрашивает Сатаней».

Императив является одним из древних наклонений не только адыгских, но и всей группы абхазо-адыгских языков, у которых в образовании императива много общего. В этой связи обращает на себя внимание не только отсутствие временной дифференциации, характерное для всех языков данной группы, но тождество самой модели императива и некоторые общие тенденции его развития. Императив образуется от чистой основы глагола. Ср.: адыг., каб. *клуэ*, убых. *у-кIъа*, абх. *у-ца* «иди». Отсутствие внешнего показателя субъекта 2-го лица единственного числа в адыгских языках – бесспорно адыгское новообразование, хотя хронологически его можно приписать общеадыгскому состоянию. В пользу этого говорит не только материал адыгских языков (ср., например, императив в отрицательной форме: *у-мы-клуэ* «не ходи»), но и данные внешней реконструкции (ср. абх. *у-ца* (класс мужчин), убых. *у-кIъа* «иди»). Говоря о тенденциях развития императива в абхазо-адыгских языках, следует также указать на использование каузатива для выражения I-го лица данного наклонения. Ср.: *дывгъаклуэ*, убых. *щыгъакIъан* «идемте» (убых. *щы-* префикс I-го лица мн. ч., *гъа-* каузативный префикс).

8.8.8. Наклонение удивления. Наклонение удивления образуется с помощью суффикса *-и(-й)*. Ср.: *маклуэри* «он, оказывается, идет», *матхэри* «он, оказывается, пишет», *ещIыри* «он, оказывается, делает». С точки зрения особенностей образования форм словоизменения наклонение удивления ближе стоит к индикативу. Глаголы в наклонении удивления изменяются по лицам и временам. Ср. в кабардинском:

<i>сыщыси</i>	«я ведь (оказывается)»	сизу»
<i>сыщысаи</i>	---	сидел»
<i>сыщысати</i>	---	сидел тогда»
<i>сыщысынуи</i>	---	буду сидеть»
<i>ущыси</i>	«ты ведь (оказывается)»	сидишь»
<i>ущысаи</i>	---	сидел»
<i>ущысати</i>	---	сидел тогда»
<i>ущысынуи</i>	---	будешь сидеть»
<i>щыси</i>	«он ведь (оказывается)»	сидит»
<i>щысаи</i>	---	сидел»
<i>щысати</i>	---	сидел тогда»
<i>щысынуи</i>	---	будет сидеть»

Наклонение удивления образуется не от всех временных форм. Не все указанные временные формы в наклонении удивления возводятся к общеадыгскому единству. Так, наклонение удивления образуется не от будущего I, восходящего к общеадыгскому языковому единству, а от будущего II, относящегося к эпохе самостоятельного развития адыгских языков. В адыгейском языке менее развита категория времени в

наклонении удивления, что, бесспорно, отражает более древнее состояние развития описываемого наклонения.

Анализируемая форма косвенного наклонения, как и формы типа *къакъуи* «если ты придешь», *къэкъуэнкъуи* (*мэхъу*) «он, возможно, придет», включает суффиксальный элемент, генетически тождественный суффиксу *-и(й)*. Несмотря на то, что модальное значение у суффикса *-и* является производным, вторичным, общность модели в адыгских языках и диалектах дает основание полагать, что рассматриваемое наклонение восходит к общеадыгскому единству.

8.9. Отрицательные формы

В кабардино-черкесском языке отрицание выражается:

- 1) префиксом *-мы* и суффиксом *-къым*;
- 2) отрицательными местоимениями и наречиями: *зыми* – «никто», *зыри* – «никто, ничто», *зыуи* – «никак», *зыщылыи* – «нигде», «никуда», *зыкъи* – «ничем», *зэи* – «никогда».... При этом последние сочетаются со словами, которые включают в себя либо аффикс отрицания *мы-*, либо суффикс отрицания *-къым*, создавая двойное отрицание;
- 3) отрицательным словом *хъуэ* «нет» (*ылы, алэ, аууей*).

Основными средствами выражения отрицания в кабардино-черкесском языке являются суффикс *-къым* и префикс *мы-*. Они употребляются в предложении при отрицании действия, состояния, существования, наличия.

Суффикс *-къым* исторически составной, т. е. состоит из общеабхазско-адыгского аффикса отрицания *м-* и суффикса *-къы/-къэ*, восходящего к вопросительному аффиксу *-къы/-къэ*.

В финитных формах показатель отрицания – суффикс *-къым* следует после показателей времени и наклонения.

Суффикс *-къым* стоит в конце сказуемой лексемы или главного члена односоставного предложения. В подобных конструкциях отрицается предикативный признак.

Суффикс *-къым* способен сочетаться со сказуемым в изъявительном наклонении, выраженном практически всеми частями речи: *Ар тхэркъым* «Он не пишет»; *Акъылыр жьыгъэ-щлагъэкъым* (Пс.); «Ум – не старость–молодость»; *Сыгъушхъэн слъэкъыркъым а бзылхуэу къызырызлэуар*. «Не могу забыть, как эта женщина меня просила»; *Хабзэжъ хъужъ къранэркъым* (Пс.); «Старые законы на старой родине не оставляют»; *Укыщыс-схъэжъар залымыгъэ уэхъуу аракъым, пщыр къызырыпкъэлъежъэнур щлэрти араш* (Къ. Хъ.). «Я похитил тебя не потому, что хочу причинить (тебе) зло, а потому, что знаю, что за тобой приедет князь»; *Дахэ псори дахэкъым* (Пс.). «Не все красивое красиво».

Глагол в изъявительном наклонении всегда стоит в постпозиции.

Абсолютную постпозицию в таком сказуемом после негативного суффикса может занимать только координативный суффикс *-и*, выполняющий в зависимости от структуры предложения и коммуникативной целеустановки двойную функцию: функцию суффикса наклонения удивления и дополнительную функцию причинности.

Негативный суффикс *-къым* следует за суффиксом *-р* в презенсе, а в других временах после временного суффикса:

Сэ фы-с-цыху-р-къым-и сы-вэ-псэлъэ-ну-къым «Я вас не знаю, и поэтому не буду с вами разговаривать».

В инфинитных формах отрицание выражается префиксальным способом. Негативный префикс *мы-* стоит перед каузативным префиксом, при отсутствии последнего – непосредственно перед корнем глагола.

Префикс отрицания употребляется в глаголах в форме желательного, повелительного, условно-сослагательного наклонений, а также в отглагольных образованиях, в клятвенных предложениях: *Щхэм имылэм, лэм и мыгъуэц* (Пс.) «Если в голове пусто, ногам трудно»; *Хъэ здэщымылэм бажэ щоятэ* (Пс.) «Где нет собаки, лиса лает»; *Умылажъэу пшхыр хъэрэмщ* (Пс.) «Незаработанное есть – грех».

В главном предложении отрицание выражается суффиксом *-къым*. Это правило

строго действует в финитных главных предикатах:

Сэ зэхэ-с-хы-р-къым ар кӀуэ-уэ «Я не слышу, что он идет».

Инфинитный главный предикат возможен, когда последний представлен императивом:

Фы-мы-шынэ зы-в-гъэпскӀы-н «Не бойтесь купаться».

Глагол с префиксом отрицания может выражать предикацию, законченное действие, синтаксически завершая предложение. Это наблюдается чаще всего в устно-поэтическом языке, сохраняющем наиболее древние и традиционные формы.

Сосрыкъуэ слъэгъуакъым, Ар зыдэщӀлэр сымыщӀлэ (Н.) «Сосруко я не видел, Где он находится, не знаю»; *-Зэ дызылъэгъуами, долуэр, Нарт удын щымыгъупцэнкӀлэ!* (Там же) - «Кто нас один раз видел, клянемся, Побой нар-тов не забудет»; *Нарт Щэбэтэныкъуэ сипсэлъыхъуц, Бэрэ укъыслъыхъу цхъэкӀлэ сыбдэмыкӀуэн* (Н.) «Нарт Шабатынуко хочет взять меня в жены, Сколько бы ни сватался, не пойду за тебя».

Как показывают приведенные примеры, формы *сымыщӀлэ* «это мне неизвестно, я не знаю», *щымыгъупцэнкӀлэ* «он не забудет», *сыбдэмыкӀуэн* «Я не пойду за тебя замуж» – занимают позицию финитного глагола, составляя предикативную основу предложения. Подобные явления свидетельствуют о том, что префиксальная форма отрицания имела более широкое применение в адыгских языках.

Аффикс отрицания *мэ-* восходит к абхазо-адыгскому единству. Этот же аффикс представлен в абхазском, абазинском и убыхском языках.

Другой случай употребления инфинитных форм в функции финитных лексически связан с клятвенными конструкциями, включающими слова *Инджыл* «Евангелие», *КъурӀэн* «Коран», *тхъэ, уэлэхьы* «бог»..., где последнее является мужским, а *тхъэ* – женским: *уэлэхьы* употребляется в мужской клятве, *тхъэ* – в женской клятве. В обоих вариантах глагольное сказуемое включает префикс отрицания: *Тхъэ, симылэ* «Ей богу (клянусь), нет у меня» *Уэлэхьы, симылэ* «Валлаги (клянусь), нет у меня».

В данных клятвенных выражениях инфинитная форма выполняет функцию финитного глагола, т.е. образует отрицательное предложение.

Заслуживают внимания случаи употребления отрицательной формы в клятвенных выражениях с положительной семантикой. При этом глагол употребляется с одной из отмеченных выше суффиксов: *Тхъэ (алыхь, уэлыхьы), уэзмытмэ* «Тха (Аллах, Валлаги), отдам».

Судя по всему, мы имеем дело с усеченной формой.

Глагольное сказуемое с префиксальным отрицанием в финитной форме в современном кабардино-черкесском имеет ограниченное употребление. Финитный глагол с префиксальным отрицанием более характерен для повелительной формы.

Встречаются случаи десемантизации с префиксальным отрицанием в клятвенных предложениях:

[Дыгъужъым:] – И гугъу умыщӀ, мыщэ, абы зылӀ илэщи – уэлэхьы, емынэр уи унэм иримыгъыхъэмэ (Ю.) [Волк:] – Оставь ее в покое, медведь, у нее есть такой муж, что чуму в твой дом пустит.

Финитный глагол *иримыгъыхъэмэ* включает отрицательный префикс *мы-*, но благодаря суффиксу *-мэ* воспринимается с положительным значением, т. е. отрицательная конструкция преобразуется с помощью *-мэ* в утвердительную (финитную) конструкцию.

На основе приведенных примеров можно сказать, что различие выражается не формой отдельных слов, не интонацией и не порядком слов, а исключительно аффиксами отрицания *-къым* и *мы-*.

Категория отрицания находится в определенных взаимоотношениях с категорией сказуемости. Именно только отрицание, стоящее при сказуемом, делает все высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом члене предложения, не меняет общего утвердительного смысла высказывания: *Мурат нобэ къалэкъым къыздэкӀуар* «Мурат сегодня приехал не в город»; *Мураткъым нобэ къалэм къэкӀуар* «Не Мурат сегодня приехал в город»; *Мурат нобэкъым къалэм къыщыкӀуар* «Мурат не сегодня приехал в город».

В этих конструкциях различаются синтаксическое и логико-грамматическое членения предложения. Отрицательный суффикс *-къым*, маркируя в каждом из этих

предложений логико-грамматический предикат, который не совпадает со сказуемым, находится перед соответствующим членом предложения (не город, не Мурат, не сегодня). Подобные предложения относятся к частноутвердительным.

А в предложении *Мурат нобэ к̑алэм к̑эк̑уак̑ым* «Мурат сегодня в город не приехал» общеотрицательное значение на уровне как синтаксического, так и логико-грамматического членения одинаково.

Два показателя отрицания *мы-* и *-к̑ым* могут присутствовать в составе сказуемого или при обоих главных членах общеотрицательного предложения. В результате происходит снятие отрицания и возникает категорическое утверждение с разными оттенками. Такое явление называется двойным: *Ар щ̑алэ мыг̑эсак̑ым* букв.: «Он парень не невоспитанный» (в значении воспитанный); *Ар ем̑джак̑ым* букв.: «Он не неученый» (в значении ученый) *Сэ сыхабзэмыщ̑эк̑ым* букв.: «Я не незнающий обычаев» (в значении знающий).

Случаи двойного отрицания («двойной негации») представляют особый интерес. Этим термином мы обозначаем:

1) наличие в составе предложения отрицательного префикса *мы-* или отрицательного суффикса *-к̑ым* и отрицательных местоимений и наречий; 2) наличие двух отрицаний при одном и том же члене (или группе членов) предложения.

Отрицание отрицания – одна из разновидностей двойного отрицания. В этом случае отрицание относится к одному и тому же отрицательному члену предложения.

В кабардино-черкесском языке отрицание отрицания в пределах простого предложения выражается одновременным оформлением сказуемого префиксом отрицания *мы-* и суффиксом отрицания *-к̑ым*:

Сэри сымык̑уэмытэтэк̑ым,

Сэри сымыжэщ̑ хуарэтэк̑ым. (Н.)

Букв.: «Я тоже не нерасторопный,

Я тоже не лошадь, не способная к бегу».

Сызыраг̑эзым семыл̑эщ̑тэк̑ым,

Сызэл̑ами сык̑ыдэмык̑ыжыщ̑тэк̑ым. (Там же)

Букв.: «Я не тот, кто не может не перепрыгнуть,

А перепрыгнув не способен не возратиться».

Сэ сыхабзэмыщ̑эк̑ым;

Спк̑ырит л̑аг̑уныг̑эм сыриг̑уэгурык̑уэщ̑. (Там же)

Букв.: «Я не невежа,

Я следую дорогой моей любви».

Двойное отрицание наблюдается при наличии префикса *мы-* и в сказуемом, и в подлежащем:

Ямыг̑эпх̑у пх̑ук̑лэ ищ̑л̑рк̑ым: «К кому не относятся, как к дочери, не умеет быть дочерью»; *Ах̑шэз мыбж̑ зэл̑ах̑ырк̑ым* «Не посчитанные деньги не передают друг другу».

В конструкциях данного типа отрицание выражено дважды: общее отрицание с помощью отрицательного суффикса *-к̑ым*, частное отрицание с помощью отрицательного префикса *мы-*.

Два отрицания могут присутствовать при обоих главных членах. В результате взаимодействия происходит снятие отрицания и возникает категорическое утверждение с оттенками долженствования, неизбежности, необходимости, обязательности. Такое явление называется двойным отрицанием.

Два отрицания могут присутствовать также и в составе сложного сказуемого, в частности составного глагольного сказуемого. Это означает, что отрицательным по форме могут быть одновременно разные сказуемые – вспомогательное и основное. Например: *Ар к̑омыпл̑ыну л̑эк̑л̑ынк̑ым.* «Он не посмотреть на тебя не сможет» (= «посмотрит»). Сложное сказуемое, выраженное сочетанием деепричастия и финитного глагола, также может дать утверждение: *зэх̑имых̑ауэ щ̑ытк̑ым* «он услышал то»; *имыл̑эг̑уауэ щ̑ытк̑ым* «он увидел то».

В результате двойного отрицания *мы-* + *-к̑ым* здесь тоже происходит снятие отрицания с выражением утверждения.

– *Тх̑э, «уэ ф̑л̑к̑ла зымы к̑ах̑уиг̑эк̑л̑уэнк̑ым», ж̑ал̑эри сак̑ыдэмык̑уэу ямыда.* (Н. А.)

«– Тха, когда они сказали... что он только тебе придет, я не могла не пойти» (=«Я пошла»).

Как видим, два отрицания дают утверждение. В данном случае – это сочетание двух отрицательных префиксов (глагольное сказуемое становится утвердительным по своей семантике).

Случаи образования двойного отрицания следующие:

1) В предложениях с отрицательным предикативом *хъунукъым* «нельзя, невозможно» и отрицанием в инфинитной части:

жомыІэу хъунукъым = *жыпІэн хуейщ*

«нельзя не сказать = надо, необходимо сказать»;

демыпІэу хъунукъым = *деплъын хуейщ*

«нельзя не посмотреть = надо, необходимо посмотреть»;

сымыкІуэу хъунукъым = *сыкІуэн хуейщ*

«нельзя не идти = надо, необходимо идти».

2) При сочетании *лъэкІын* «мочь» в отрицательной форме с отрицательным инфинитивом:

семыгупсысын слъэкІыркъым «я не смогу не думать об этом»,

къэмыкІуэн лъэкІыркъым «он не может не идти сюда»

имылъагъун лъэкІакъым «он не смог не увидеть его»

Здесь двойное отрицание выражает действие, которое субъект не может не совершить, значение необходимости выражается двойным отрицанием.

Синонимом конструкции *мы- + лъэкІыркъым* «не может не...» является отрицательный предикатив *хъунукъым* «нельзя, невозможно», который в сочетании с отрицательным инфинитным глаголом выражает утвердительное значение необходимости, т.е. значение долженствования.

Всегда утвердительный смысл (значение необходимости) имеют модальные выражения – сочетания типа *къомыгъэлъагъуэу хъунукъым...* «нельзя не отметить...»; *къомылъытэу хъунукъым...* «нельзя не учесть...»; *жомыІэу хъунукъым...*; *арэзы утемыхъуэу хъунукъым* «нельзя не согласиться» и т.д.

3) При сочетании отрицательной формы *хуиткъым* «не может» со значением «не имеет права» с отрицанием в инфинитной части: *сымыкІуэну сыхуиткъым* «не имею права не пойти», букв.: «не волен не идти», *ярымтыну хуиткъым* «не имеет права не дать»; *Тхылъыр фІуэу сымылъагъуну сыхуиткъым* «Книгу не любить (я) не имею права».

Главная финитная часть составного сказуемого требует согласования с другой составной частью в лице и числе. Поэтому в подобных сочетаниях они приобретают личные и числовые показатели.

Нейтрализация двух отрицаний имеет место также и в том случае, когда отрицание выражено в разных предикатах – главном и зависимом, что приводит к двойному отрицанию: *Алыхъым Іэмыр имыщІатэмэ, ядыгъунтэкъым джэдыр* (КІ. А.) «Если бы не было предпрешено Аллахом, то не украли бы курицу».

Сэ сщІэркъым ар мыкІуэу «Я не знаю, что он не идет»; *Сэ слъэгъуакъым ар мышхэу* «Я не видел, что он не кушает».

Здесь двойное отрицание в предложении делает возможным употребление отрицательного герундия в позиции зависимого предиката.

Разновидностями двойного отрицания в кабардино-черкесском языке (в отдельных случаях) являются:

1) сочетание отрицательного префикса *мы-* с суффиксом *ншэ-* (без, бес-), содержащим семантику отсутствия чего-л.: *СызэригъгъэмкІэ ар мыахъшэншэ* «Я думаю, что он не без денег»; *Ар мы-щІэныгъэ-ншэ* «Он не безграмотный».

2) сочетание отрицательного суффикса *-къым* с суффиксом *-ншэ* (без-, бес-): *Ар тхылъыншэкъым* «Он не без книги» = «у него есть книга»; *Ар Іыхъэншэкъым* «Он не без доли»; *Улажъэмэ, Іыхъэншэ ухъунукъым* (Пс.) «Поработаешь – без доли не будешь (=будет и доля)».

3) наличие в предложении слова *щыІэкъым* «нет» и суффикса *-ншэ*: *Насытыншэ щыІэщи, гугъэншэ щыІэкъым* (Пс.) «Несчастливые бывают, да нет таких, кто бы не жил надеждой»; *Улажъэмэ, Іыхъэншэ ухъунукъым* (Пс.) «Поработаешь – без доли не будешь (=будет и доля)».

Примеры показывают, что отрицание отрицания дает «чистое утверждение» без какого-либо ослабления и модального значения. Об этом свидетельствует также и усиление отрицания.

Есть основания полагать, что отрицание отрицания неравносильно утверждению. Например, предложение с двойным отрицанием *Ар насыпыншэкъым* «Он не несчастлив» не эквивалентно предложению без *-ншэ + къым*. Но это еще не означает, что отрицание отрицания не дает утверждения. Двойное отрицание дает положительный результат, не эквивалентный исходной форме *насыпыфлэц* «счастлив». Например, формы типа *къарууфлэ* «сильный» – *къарууншэ* «несильный» (ср. *махэ* «слабый») *цлалэ* «молодой» – *мыцлалэ* «немолодой» (ср. *жыы* «старый») не образуют антонимов. Точно также образования типа *насыпыфлэц* «счастлив» и *насыпыншэц* «несчастлив», *дахэц* «красив», *дахэкъым* «не красив» семантически находятся в оппозитивных отношениях. Однако рассмотренный случай скорее всего исключение: отрицание отрицания, как правило, равносильно утверждению.

Обращает на себя внимание клятвенное клише с положительным значением, в котором сказуемое выступает с отрицательным префиксом: *Тхэ уэзмыштмэ* «Ей богу, отдам».

В подобных выражениях опускается глагол с положительным значением, чью функцию выполняет глагол в условном наклонении: *Тхэр согъэпцI, уэзмыштмэ* «Тха предаю, если не отдам».

Формы типа *Тхэр согъэпцI* = букв. «Тха (бога) = предаю», «Клянусь богом» сами по себе имеют отрицательный смысл. В сочетании с отрицательным значением глагола (двойное отрицание) конструкция приобретает положительную семантику.

В клятвенных выражениях положительная форма не соотносительна с отрицательной, так как перевод отрицательной формы в положительную достигается не простым исключением из основы отрицательного аффикса, а путем структурно-семантической перестройки самого глагола. Два финитных глагола соотносительны по признаку отрицательная форма – положительная форма, например: *уэстынуц* – «отдам тебе», *уэстынкъым* – «не отдам тебе». Финитный глагол с суффиксальным отрицанием употребляется весьма редко, и то при условии, что клятвенное слово должно следовать за глаголом: *уэстынкъым, уэлэхы* «не отдам, валлаги», *уэстынц, уэлэхы* «отдам валлаги»; *уэстынц, тхэ* «отдам ей богу», *уэстынкъым, тхэ* «не отдам, ей богу», в данном случае обе формы соотносительны, они находятся на одной структурно-семантической плоскости. При префиксальном отрицании клятвенное слово может стоять до и после глагола: *Тхэ уэзмышын* – *уэзмышын, Тхэ* «ей богу, не отдам» – «не отдам, ей богу». Соотносительная положительная форма возможна только в том случае, если клятвенное слово следует за глаголом: *узот, Тхэ* – «даю тебе, ей богу», но невозможно сочетание *Тхэ узот* без инфинитной формы: $\square$ *Тхэ, узотмэ // Тхэ, узотклэ*. Это делает ее не соотносительной в структурно-семантическом плане с приведенной отрицательной формой.

Сочетательные возможности групповых и одиночных клятвенных слов с отрицательными формами глагола имеют свои особенности. Одиночные клятвенные слова могут предшествовать глаголу, а также следовать за ним: *Тхэ, уэзмышын; уэзмышын, Тхэ* «Ей богу, не отдам тебе» – «Не отдам тебе, ей богу». Такое свободное размещение нехарактерно для групповых клятвенных слов:

Алыхъым и цлэклэ солуэ, уэзмышын – «Именем Аллаха клянусь, не отдам тебе»; не принято обратное расположение – *Уэзмышын, Алыхъым и цлэклэ солуэ*.

Если одиночные клятвенные слова могут сочетаться с суффиксальным отрицанием, занимая позицию после отрицательного глагола, то групповые вообще не могут сочетаться с глаголами с суффиксальным отрицанием. Неупотребительны, например, выражения: *Алыхъым и цлэклэ солуэ, уэстынкъым* и *Уэстынкъым, Алыхъым и цлэклэ солуэ*. Не употребляется также и положительная финитная форма: *Уэстынц, Алыхъым и цлэклэ солуэ* и *Алыхъым и цлэклэ солуэ уэстынц*. Но инфинитная положительная форма с суффиксами *-мэ* и *-клэ* употребляется без ограничений: *Алыхъым и цлэклэ солуэ, уэстынмэ // Алыхъым и цлэклэ солуэ, уэстынклэ*. Однако глагол должен следовать после клятвенного сочетания. Это правило распространяется и на отрицательные глаголы с префиксальным отрицанием. Например, обычной формой употребления является выражение *Тхэ солуэ,*

уэзмытын – «Клянусь, не дам тебе», но не выражение *Уэзмытын, тхэ солуэ* – «Не дам тебе, клянусь».

Клятвенные слова могут употребляться в предикативной форме, например: *си тобэ-щ, си тхэрылуэ-щ*. Обычным компонентом таких клятвенных слов является притяжательное местоимение:

– *Уий, Имыс, мафлэ уилэ?*

– *Си тхэрылуэщ, симылэ.* (Н.)

«– Ой, Имис, у тебя есть огонь?

– Клянусь/ букв.: моя клятва есть/ нет у меня».

[Ашэмэз:] – *Птезмышыжынклэ,*

Уащхуэр си къанщ!

[КъуиижьцЫкы:] – *Уэзмытыжынклэ,*

Уащхуэр си къанщ! (Н.)

«[Ашамаз:] – Клянусь, что не отберу его у тебя!

[Куижцук:] – Клянусь, что не верну его тебе».

В первом примере клятвенное выражение *си тхэрылуэщ* в буквальном смысле означает «моя клятва есть». Подобно другим клятвенным сочетаниям, отрицательный глагол с префиксальным отрицанием следует за ним, однако положительная форма не употребительна, даже и при трансформации в инфинитную форму, чем отличается данное клятвенное сочетание от других сочетаний.

Второй пример также своеобразен. Здесь клятвенное сочетание не предшествует отрицательной форме глагола, а следует за ней. Но в то же время и сама глагольная форма является инфинитной. Такая конструкция весьма оригинальна. Инфинитная отрицательная форма глагола редко сочетается с клятвенными словами. Возможно выражение *Уэзмытыжынклэ, тхэ солуэ* «Клянусь, что не верну тебе», но с одиночными клятвенными словами такая глагольная форма не сочетается, хотя последние более свободно сочетаются с глаголами. Употребительная форма *Уэзмытынклэ си тобэщ* – «Не дам, клянусь/ букв.: «моя клятва есть» структурно похожа на сочетание *Уащхуэр си къанщ*.

Вообще имя языческого божества *Уащхуэ* (Бог неба), одного из наиболее почитаемых божеств адыгского языческого пантеона, в клятвенном арсенале занимает особое место. Оно может употребляться отдельно, а также в различных сочетаниях:

Сэ уэ пхузолуэ Уащхуэ лъэщклэ, Езы Лъэпци къэмыштауэ, Нартхэм сэ самыгъэштэнклэ (Н.) «Я тебе клянусь Уащхо могучим, Пока сам Тлепш не испугается, Нарты меня не испугают».

– *Нэсрэн-жъаклэ, орэ-рирэ,*

Мафлэ уилэ? Э-ей!

– *Уащхуэ солуэ, силэлым, уорэ-ра.* (Н.)

«– Насрен-жача, орэ-рирэ,

Огонь есть у тебя? Э-ей!

– Уащхо клянусь, нет у меня, ора-ра».

– *Сосрыкхуэуэ уэ ди къан, уорэ-рирэ,*

Мафлэ уилэ? – уэ кълэгуэуи.

– *Уащхуэ къан, э-ей*

Симылэми къыпхуэзгъуэтынщ. (Н.)

«Сосруко, ты наш любимец, ора-рира

Огонь есть у тебя? – они попросили.

– Уащхо любимец, э-ей. Хоть и нет, но найду для тебя».

Встречается это имя и в сочетаниях *Уащхуэуэ ди къан* – «Уащхо – наш любимец», *Уащхуэр си къан* – «Уащхо – мой любимец (есть)», *Уащхуэ мыващхуэ кланэ* – «Уащхо серого камня кусок» («Небо серое (голубое), серого (голубого) камня кусок»). Эта клятва занимает особое место среди других и восходит к общеадыгскому состоянию. В нем

можно увидеть бога неба и дождя, презентантом которого на земле является камень – второй компонент клятвенной формулы.

Сочетательные возможности имени этого языческого божества определяются составом клятвенного выражения, но не столь жестко, как выражение *Алыхьым и цлэкIэ соIуэ* «Именем Аллаха клянусь».

Категория отрицания характерна для фразеологизмов: *ИэфракIэ кэмыгэзын* «и локтя не согнуть», *и фи и ныби жымыIэн* «не думать о себе, быть бескорыстным», *и фэм ихуэжыркэым* 1). «разжирел», «растолстел», «тесно в своей шкуре», 2) «рассвирепел» и т.д.

Отрицание, как правило, выражается во фразеологизмах двояко: префиксально и суффиксально – с помощью суффикса отрицания *-кэым* и префикса отрицания *мы-*.

В отдельных случаях отрицательная форма выражается при помощи суффикса *-ншэ* в значении «отсутствие чего-л.»: *кIыц уэцыншэ* «кузница без топора, сапожник без сапог», *псалгэ купцIэншэ* «пустое слово», букв.: «слово без зерна, зародыша», *лэпкэыншэ хэун* «остаться без потомства», *шэцыншэу цыгугэын* «твердо надеяться на кого-что-л.», *гэуэншэджыншэ вакэ* «без порток, а в шляпе», букв.: «В обуви, а без штанов», *нэмысыншагэ кIэлгэзехээн* – «непристойно относиться к кому-л., поступать оскорбительно по отношению к кому-л.», *бгэ дамэншэ* «орел без крыльев», *нэпыншэ хэдагэ* «притворное сострадание, сочувствие кому-л.».

Как видно из изложенного, перечисленные аффиксы входят в состав компонентов фразеологических единиц, выражая негативную форму.

К числу фразеологизмов, имеющих две формы, могут быть отнесены: *бэуэгэуэ гэуэтын* «иметь возможность сделать перерыв, перевести дух», *бэуэгэуэ мыгэуэтын* «не иметь возможности сделать перерыв, перевести дух», *шэч кэытехээн* «ставить под сомнение что-л.», *шэч кэытемыхээн* «не сомневаться, быть уверенным в чем-л.».

Примеры демонстрируют возможность образования фразеологизмов в утвердительной и отрицательной формах. Речь идет об антономических отношениях, т.е. фразеологизм, употребляемый с отрицанием, выражает значение, противоположное значению, выраженному в позитивной форме.

Абсолютное большинство фразеологических сочетаний, имеющих исходную положительную форму, могут быть включены в отрицательную форму в зависимости от речевой ситуации.

Другой случай, когда фразеологизмы в кабардино-черкесском языке обладают только негативной формой:

И сурэтым итыжкэым «на нем лица нет», *пцIыхэпIэу гум кэмыкIыжын* (*кэмыкIын*) «забыть, вылететь из головы», */и/ натIэгэу нэ закэуэ исми мыцIэн* «совершенно не знать кого-л., не иметь никакого представления о ком-л.», */и/ нэм цIы имылгэгу/ж/ын* 1) «быть страшно разгневанным», 2) «не чуют под собой ног»; *напафэкIэ мылгагэун* «быть лишенным возможности видеть, иметь кого-что-л.», *цысхырабгэу имыIэу* «безжалостно, беспощадно».

Включение подобных фразеологизмов в позитивную форму разрушает их внутреннюю и внешнюю структуру.

Отрицательный аффикс присоединяется непосредственно к глаголу, реже к именному компоненту или располагается дистантно, употребляясь при последнем слове.

Если негативная форма лексической единицы образуется путем прямого введения в ее структуру отрицательной морфемы, то негативная форма фразеологизма создается посредством компонента, включающего в свою структуру отрицательную морфему. В первом случае отрицание моделируется по схеме «негативная морфема > негативное слово», а во втором – «негативная морфема > негативное слово > негативная фразеологическая единица». Таким образом, в структуре лексической единицы отрицание носит двухступенчатый характер, а в структуре фразеологизма – трехступенчатый, что обусловлено сложностью фразеологической структуры по сравнению со структурой лексической.

Отрицательное значение в семантической структуре фразеологизма, формально выражаемое негативными морфемами (*-кэым*, *-мы*, *-ншэ*), употребляется:

а) в составе глагольного компонента: *жиIэр ицIэжыркэым* «не знает, что говорит; болтает, что попало», *цымыуэн цыIэкэым* «нет такого, кто никогда не ошибается», *лэапэ*

щымылгэщлын «не переступать чьего-л. порога», *жилэм темытыжын* «не сдержать своего слова»;

б) в составе деепричастия: *псалгэ лей хэмылгу* «без лишних слов, без предисловий», *щысхырабгэу имылэу* «безжалостно, беспощадно», *псалгэ пимыдзыжу* «безоговорочно, без оговорок», *гукгыхэщт имылэу* «спокойно, с легким сердцем», букв.: «без трепета сердца», *хэлым кэмынэу* «чрезвычайно крайне», *зикл мыувылэу* «не переставая», *зы дакы-кэз флэмыкыу* «минута в минуту», *ицлэр имыцлэжу* «не осознавая то, что делает», *флэкыплэ (флэкл) имылэу* «обязательно».

в) в составе причастия (нередко как части сложного слова): *гум имыкыж (имыхуж)* «незабываемый, незабвенный», (букв.: не выпадающий из сердца), *луэхум щымыщ* «к делу не относящийся, ни к селу, ни к городу», *джыдэхэмыхэз мэз* «девственный лес».

В образовании отрицательных фразеологизмов принимают участие отрицательные местоимения и наречия: *зыри* «никто, ничто», *зыми* «никто, ничто, ни один», *зыри мыцлэн* «бездельничать, ничего не делать», *зикл мыувылэу* «никак не переставая», *зыми имыцлысын* «ничего собой не представлять (о ком-л.)», *зыми хуэмыдэу (хуэмыдэжу)* «как никто другой», *зыми щыцктым* «это ничего, это не в счет», *зыми щымыщын = зыми имыцлысын*, *зыри жымылэн* «ничего не говорить, молчать», *зыми хуэмыгэдэн* 1) «ни во что не ставить», 2) «ценить, ставить кого-что-либо очень высоко», *зыуи кэмыдзэн* «не ставить кого-либо ни во что, и в ус не дуть».

Таким образом, в подобных фразеологизмах, где отрицание уже выражено в глагольном компоненте, отрицательные местоимения способствуют интенсификации общенегативной семантики.

В кабардино-черкесском языке отрицательная форма характерна также для фразеологизмов сочиненного типа. В этих фразеологизмах именные компоненты сами по себе лишены какой-л. семантики (один из двух или оба компонента). Если лишен семантики один из двух – постпозитивный: *куэбжи набжи (улэктым)* «ни кожи, ни рожи», *Уи луэхуи уи дэлэи (хэлэктым)* «не твоего ума дело», *лэмплу бжээмплу (улэктым)* «ни ложки, ни плошки», *ахэи быхэи (щылэктым)* «ни слуху, ни духу; ни гу-гу; ни вестей, ни костей», *хыбары бжээбары (улэктым)* «ни слуху, ни духу о нем», *хабзи бзыпхэи (ицлэрктым)* «ни обычаев, ни традиций не знает», *нэпси лупси (кыыхуэмынэжауэ)* «изо всех сил», *жэуапи бжэуапи (улэктым)* «ни ответа, ни привета», *лэхэлыи лыджани (улэктым)* «ни родни, ни друзей», *улэли ууди* «не подойти, не подъехать»; «на козе не подъедешь», *клэи пэи (улэктым)* «ни начала, ни конца».

Наличие рифмы в значительной степени обуславливает твердый порядок расположения во фразеологизмах этого типа. Изменение порядка расположения не всегда возможно. Например: *фэи бжэи (улэктым)* «ни кожи, ни рожи».

В других случаях такое нарушение воспринимается как нарушение привычной нормы, например: *клэи пэи* «ни начала, ни конца». ...[кэуэм] *сытолгэри, хыбары-бжээбары улэктым...* (Кл. А.). «Жду его [сына], но ни духа, ни слуха». *Ауэ Залым апхуэдэ луэхур апхуэдиэклэ и жагэуэци, ауи идэрктым: улэли-ууди* (Щ. I.) «Но Залиму такое дело настолько неприятно, что никак не соглашается: не подойти не подъехать»

Особой формой выражения во фразеологизмах являются глаголы-повторы, т. е. «тавтологические фразеологизмы», состоящие из двух повторяющихся глаголов, которые соединяются как при помощи союзов и союзных аффиксов, так и без союзов.

В таких фразеологизмах первый компонент употребляется в утвердительной форме, а второй выражен отрицательным аффиксом, например: *хэуаи мыхэуаи* «была не была», *хуэйми хуэмейми* «хочет или не хочет; рад не рад», *псэуаи мыпсэуаи* «жил ли, не жил ли (о таком покойнике, которого очень быстро забыли)», *кэлыни кэмылыни* «уцелеет или не уцелеет»; *Нащхуи, тхэм ецлэ, унэ нэцлэ кызыщлэнэнур, жэным кэлыни кэмылыни* (Кл. А.) «Бог знает, в каком пустом доме останется Нашхо, уцелеет ли или не уцелеет он от чихотки».

Здесь оба компонента снабжены союзным аффиксом, противопоставляются положительная и отрицательная формы одного и того же глагола, передающего отношения взаимного исключения двух действий. Эти действия носят характер неопределенности, где трудно определить, какое из них более вероятно, более ближе к совершению. Поэтому отрицательное значение здесь имеет оттенок сомнения. Однако некоторые действия с оттенком отрицательного значения выражают а) мгновенность

действия, например: *пытаи пымытаи* «словно и не было»; б) оттенок уверенности с положительной семантикой, но с отрицательным суффиксом: *и нэ кэаткэым, и лэ кэаткэым* «совершенно здоров, букв.: «и глаза, и руки на месте».

Незначительную группу сочиненного типа составляют фразеологизмы, компоненты которых соединены без союзов и союзных аффиксов в отрицательной форме и имеют негативно характеризующее значение:

Акэылкэым, былымкэым «ни ума, ни богатства», *гээшкэым, шыпскэым* «ни молока, ни подлив», *унэкэым, жээгукэым* «ни кола, ни двора», букв.: «ни дома, ни очага». *Сышкэым, сывкэым* (КІ. А.) «Ни кола, ни двора у меня»...; *гэуапэкэым, пщамплэкэым* «пустое место» букв.: «не ворот, не рукав», *благэкэым, жэагэкэым* «никого нет», букв.: «не родственник, не знакомый», *ныбжээгукэым, жэрэгукэым* «ни друзей, ни сподвижников», *гуащэкэым, тхэмадэкэым* «ни свекрови, ни свекра», *кэамылкэым, мылыфкэым* «ни то, ни се; ни жизни земной, ни жизни небесной», *дунейкэым, ахэрэкэым* «ни жизни земной, ни жизни небесной», *фызкэым, бынкэым* «ни жены, ни детей (одинок)»; [Мусэ:] – *Сэ сымт сцлэн: сыгэуапэкэым, сынщамплэкэым*. (Къ.Хъ.) «[Муса:] – Я что буду делать: у меня ничего нет».

Отрицательная форма в этих образованиях, которые представляют собой неразложимые словосочетания, оформляется суффиксом отрицания – *кэым*. Однородные члены обладают одинаковой грамматической формой, содержат отрицание в каждом из своих компонентов, т. е. имеют в своем составе двойное отрицание. По своей структурной организации такие единицы сходны с обобщенно-личным предложением. Такие фразеологизмы, основанные на отношениях сочинения, не имеют смыслового центра. Равноценность знаменательных компонентов здесь определяется самой структурой фразеологизмов.

Отрицательную форму имеют также речевые штампы: *нэгэуэцл* *мыхэуми* «хотя бы», *нэхъ мыхэуми* «хотя бы, хоть бы», *дуней лэмал илэкэым* «ни в коем случае».

Усиление отрицания в языке достигается включением в предложение местоимений и наречий *зыри-* «ничто», *зыми-* «никто», *зыкли-* «ничем», *зыщлыпнл-* «нигде, никуда» *зэи-* «никогда», *ауи-* «и не...», элемента *зы-* «один», союзного суффикса *-и* в значении «ни». При этом местоимения и наречия сочетаются со словами, в составе которых находятся либо аффикс отрицания *мы-*, либо суффикс отрицания *-кэым*, создавая двойное отрицание.

Мусэ флэкл зыми ицлхуркэым (Н. А.) «Кроме Мусы никто его не знает»; *Кэыщиудыну хэзырти, Лела зыри хужыларкэым* (КІ. А.) «Лейла была готова расплакаться и ничего не могла говорить»; *Зы унэ лей зыри зыщлэмысым дыщлыхэмэ нэхъыфлт*. (Іу.) «Да было бы удобнее зайти нам в свободную комнату, где никого нет»; *Ауэ иджы хыджэбз цыклым а тхыгэхэр унэм цлхэркэым, зыми иригэлгагукэым*. (КІ. А.) «Но теперь девочка эти записи домой не приносит, никому не показывает».

С тем же значением, что предыдущие местоимения и наречия, в предложение может включаться специальное слово *хэуэ*. Частица *хэуэ* «нет» широко употребляется как препозитивный член при именах и местоимениях, а также возможно в предложении употребление как с отрицательным префиксом *мы-*, так и с отрицательным суффиксом – *кэым*:

Хэуэ, зэран фохэу... (Щ. І.) «Нет, вы мешаете».

Хэуэ + мы-:

– *Хэуэ, – желэ игуклэ бзагуэм,* –

Напэр узэмытын (Н. З.).

– «Нет, говорит про себя немой, –

Совестью не поступлюсь»; – *Хэуэ, хэдрыхэ напэ лэагэу цылэкэым* «Нет, на том свете не бывает встреч».

Хэуэ + -кэым:

– *Хэуэ, Дисэ, дыклуэжынкэым* «Нет, Диса, не будем возвращаться».

В разговорной речи используются синонимы частицы *хэуэ* – *лылы, алэ, аууей*.

Лылы, сыхуейкэым сыклуэну «Нет, не хочу идти»; *Алэ, алэ, а жыплэр сым?!* «Нет, нет! Что ты говоришь?» – *Хэуэ, хэунукэым дгэазэ!* – *желэ Тхэуэжэем* (Н.).

– «Нет, нельзя нам возвращаться! – говорит Тхожей».

Отрицание в кабардино-черкесском языке часто выражается и без специальных

аффиксов, с помощью различных конструкций и отдельных слов, которые произносятся с определенной интонацией:

В качестве таких слов выступают: *нытлэ* – «да», *лейуэ* – «ну да», *иджыпсту* – «сейчас», *цыгузъ* – «надеюсь».

Функцию отрицания выполняют конструкции типа *цыгузъи цыс* – «жди» (букв. «надеюсь и жди»), *нэхъ къэпщтэнт?* – «больше ничего не хотел?», а также фразеологизмы:

Нытлэ. Уэ къожъэри зэхэсц «Да. Ждут тебя и сидят»; – *Цыгузъи цыс, къыпхуитхынц* «Жди и сиди, он напишет»

8.10. Вопросительные формы

Для образования вопросительной формы глагола используются интонация, аффиксация и специальные частицы.

8.10.1. Интонационный способ выражения вопроса

Выражение вопроса с помощью интонации характерно для кабардино-черкесского языка. Интонационным способом выражается вопрос в индикативе будущего I, будущего II, перфекта I, перфекта II, плюсквамперфекта I и плюсквамперфекта II. Ср.: каб. будущее I *сцлын?*, будущее II *сцлыну?* «я сделаю?», перфект I *сцла?*, перфект II *сцлат?* «я сделал?», плюсквамперфект I *сцлыгъа?*, плюсквамперфект II *сцлыгъат?* «я сделал тогда?» С помощью интонации вопрос выражается в форме настоящего времени статических глаголов. Ср.: *сыщыт ?* «я стою?», *сыщылъ ?* «я лежу?», *сыщыс ?* «я сижу?», *слыгъ ?* «я держу?», *сытхъацлэ ?* «я плотник?», *сые-джаклуэ ?* «я учащийся?»

8.10.2. Аффиксальный способ выражения вопроса

Суффикс *-рэ*. С помощью суффикса *-рэ* выражается вопрос в настоящем времени индикатива. Ср.: *еджэ-рэ?* «он читает?», *клуэрэ?* «он идет?», *тхэрэ?* «он пишет?»: *Бадынокъуэ, сынолгъэлу, мы цлалэр унэшхуэм сшэну* **хуит сыкъэпщлрэ?** (Н.) «Бадинокко, прошу тебя, ты разрешаешь мне отвести этого молодого человека в большой дом?»

В исходной форме рассматриваемый суффикс сохраняется в имперфекте, причем он предшествует временному форманту *-т*. Ср.: *еджэ-рэ-т?* «он читал тогда?», *клуэ-рэ-т?* «он шел тогда?», *итхы-рэ-т* «он писал тогда?»

Заслуживает внимания употребление формы на *-рэ* в значении, не требующем вопроса. Ср.: *Сыту флыуэ ептрэ, сытуи дахэ хъурэ!* (Щ. I) «Как хорошо ты красишь (стену), как красиво становится!», *Сыту псынцлэу птхырэ!* «Как ты быстро пишешь!»

Интересны формы глагола прошедшего времени типа *умыкларэ ?*, *умытхарэ ?* Последние могут быть только вопросительно-отрицательными формами глагола, причем в дистрибутивном плане они связаны с вопросительными словами. Ср.: *сыту умыкларэ ?* «почему ты не пошел?», *сыту умытхарэ?* «почему ты не писал?». Например: *Уэ сыту удэмыкларэ, тласэ, абыхэм урагъусэу ?* (А. З.) «Ты почему не вышла вместе с ними, дорогая?» Возможны формы не только перфекта I, но и перфекта II, плюсквамперфекта I, плюсквамперфекта II. Ср. *сыту къэмыкларэ-рэ-т?* «Почему он не пришел?», *сыту къэмыклуэгъа-рэ ?*, *сыту къэмыклуэгъа-рэ-т?* «почему он не пришел тогда?» Аналогичная форма не образуется от будущего I, будущего II. Но имеются формы на *-рэ* в сочетании с частицей *амлэ (млэ)*: *сылуэн-млэ* «пойду что ли? идти мне что ли?» Ср.: *сы-мыклуэн-рэ-млэ* «не пойду что ли? не идти мне что ли?», *сы-мытхын-рэ-млэ* «не напишу что ли? не писать мне что ли?» В подобных образованиях суффикс *-рэ* связан с отрицательной формой на *-м*. В других формах этого типа *-рэ* в сочетании с *амлэ (млэ)* вносит разные оттенки, причем синтаксически элементы *-рэ*, *амлэ (млэ)* независимы от отрицательного суффикса. Ср. *сылуэ-рэ-млэ* «стало быть, я иду?», *сымыклуэ-рэ-млэ* «стало быть, я не иду?»

Суффикс *-и*. Для выражения вопроса в глаголе *-и* чаще всего связан с формой на *-у*. В сочетании с *-у* суффикс *-и* вносит оттенок сомнения, колебания: *сытлысуи?* «сяду ли я?» Вопросительный суффикс *-и* широко употребляется в составе именных частей речи и

местоимений. Ср.:

Уэ уоклуэ. Хэт? сэри? «Ты идешь. Кто? Я?»; *Хьэщлэ кьо-клуэ. – Хьэщлу?* «Гость идет. – Гость?»

Суффикс *-кэз*. Данный суффикс используется для образования вопросительно-подтвердительной формы. Ср. *уеджа-кэз?* «ты ведь читал? ты разве не читал?», *уклуа-кэз* «ты ведь пошел? ты разве не пошел?» В зависимости от контекста формы на *-кэз* приобретают различные оттенки: *стхыркэз!* «я же пишу!», *сцлыр-кэз!* «я же делаю!», *птхыркэз!* «пиши же!», *уклуэркэз!* «иди же!»

8.10.3. Выражение вопроса с помощью частиц

В глаголе вопросительные частицы *цлэ, цэ* синтаксически связаны с формой условного наклонения. Ср. *уклуэмэ-цэ* «если ты пойдешь», *уклуамэ-цэ* «если ты пошел?»

Частица *цэ* очень употребительна как постпозитивный вопросительный член при именах и местоимениях. Ср.: *Пэщхъан и гупыр-цэ? А лыжэ цлыкыр-цэ?* (Щ. I) «А группа Пашхан? А этот маленький старичок?»; *Уэ-цэ, уэ цы птемыту ара?* (Кl.A.) «А ты? На тебе волос нет, что ли?»

Частица *плэрэ*. Частица *плэрэ* синтаксически неотделима от формы на *-у(э)*. Ср.: *Ар кээклуауэ плэрэ?* «Пришел ли он?» *Мурату плэрэ ар зыщлар?* «Не Мурат ли это сделал?»; *Уэрауэ плэрэ ар зытхар?* «Не ты ли это написал?»

Для общеадыгского состояния возможно постулировать образование вопросительных форм с помощью суффикса *-рэ* в настоящем времени и интонационным способом в других временах. В этом отношении более архаичное состояние форм выражения вопроса сохраняется в кабардинском языке, хотя в последнем имеются и новообразования. В частности, к области инновации должно быть отнесено выражение вопроса путем суффикса *-кэз*. Во всяком случае, нет оснований возводить к общеадыгскому единству суффикс *-кэз* как средство выражения вопросительной формы. Вопросительный суффикс *-и* генетически тождествен с общеадыгским соединительным суффиксом *-и*. Использование суффикса *-и* для выражения вопроса хронологически может быть возведено к эпохе общеадыгского единства, поскольку в современных адыгских языках данный суффикс повсеместно употребляется в вопросительном значении. Вместе с тем вопросительное значение у суффикса *-и* является вторичным.

Вопросительные формы в отличие от отрицательных форм образовались на адыгской языковой почве.

8.11. Способы глагольного словообразования

В кабардино-черкесском языке имеются следующие способы образования глаголов:

а) Префиксальный, например: *с-о-гъа-клуэ* «я заставляю его идти» (*клуэ-н* «идти»); *ху-з-о-тх* «я для него пишу» (*тхы-н* «писать»); *ды-з-о-хь* «я несу вместе с ним» (*хьы-н* «нести»); *с-ху-о-щл* «я умею делать» (*щлы-н* «делать»); *сы-т-о-плэз* «я смотрю на поверхность чего-либо» (*плэз-н* «смотреть»); *сы-хэ-с-щ* «я сижу внутри чего-то» (*сы-основа глагола «сидеть»*); *мэ-у-флыцл* «он (она, оно) чернеет» (*флыцлэ* «черный»).

Префиксальный способ является самым древним и производительным среди аффиксальных типов глагольного словообразования. Содержание глагольных префиксов не исчерпывается их основообразующей ролью. Основообразующие глагольные префиксы тесно связаны с грамматическими категориями, в особенности с категориями лица и переходности-непереходности. Совмещая функции деривационных (основообразующих) и грамматических категорий, такие префиксальные образования, как каузатив, версия и др., являются синкретическими.

б) Суффиксальный, например: *у-о-лэа-тэ* «ты летаешь» (*лэз-н* «прыгать»); *у-о-плэз-кл* «ты оглядываешься» (*плэз-н* «смотреть»); *у-о-пэгэ-кл* «относишься высокомерно к нему» (*пагэ* «высокомерный», «гордый»); *у-о-шэ-ж* «ты ведешь (везешь) его обратно» (*шэ-н* «вести», «везти»); *у-о-щлы-ф* «ты в силах делать» (*щлы-н* «делать»); *у-о-джа-щэ* «ты слишком много учишься» (*е-джэ-н* «учиться»); *у-о-шхэ-луэ//у-о-шхэ-кэуэ* «ты переедаешь» (*шхэ-н* «есть»); *у-о-хьы-пэ* «ты несешь окончательно» (*хьы-н* «нести»).

Способ суффиксального образования глагольных основ менее развит по сравнению с префиксальным. Основообразующие суффиксы более позднего происхождения по сравнению с префиксами. Некоторые из них, например *-лэ*, *-клэ*, по своему значению связаны с косвенным объектом (ср. *е-клуэ-лэ-н* «подходить», *е-плэ-кы-н* «оглянуться»); префикс *е-*, выражающий косвенный объект в глаголе, не входит в основу (ср. *е-с-хэ-ла-щ* «я подносил к нему», *уэ-с-хэ-л-а-щ* «я подносил к тебе», *е-с-щлэ-кл-а-щ* «я построил вокруг него», *фэ-с-щлэ-кл-а-щ* «я построил вокруг вас»).

в) Комбинированный, т.е. осуществляемый с помощью префиксации и суффиксации производящей основы. Этим способом образуются глагольные основы, обозначающие различные направления действия и движения. Например: *сы-д-о-клуэ-й* (*сыдоклеуей*) «я поднимаюсь вверх»; *у-д-о-лэ-й* (*удолзей*) «ты прыгаешь вверх»; *ды-ре-хэ-й* (*дырехей*) «он несет вверх», «он поднимает»; *ды-д-о-щлэ-й* (*дыдоцлей*) «мы воздвигаем»; *кы-з-о-уэ-кл* «(он) бьет кого-то позади себя».

г) Основосложение, например: *д-о-плы-х* «мы смотрим вниз» (*е-плы-н* «смотреть на кого-что-либо»), *е-хы-н* «спускаться» (ср. адыг. *ы-хэ* «его низ», «его конец»); *и-д-о-дзы-х* «мы бросаем вниз» (*дзы-н* «бросать» *е-хы-н* «спускаться»); *д-о-жа-жэ* «мы бежим, катимся куда-то» (*жэ-н* «бежать», *е-жэ-н* «отправиться»); *и-д-о-хэ-жэ* «мы несем» (*хы-н* «нести», *е-жэ-н* «отправиться»); *е-лэ-дэ-кэ-уэ-н* «пришпорить» (*лэ-да-кэ* «пятка», *уэ-н* «бить»); *со-гу-флэ* «я радуюсь» (*гу* «сердце», *флы* «хороший»).

Основосложение в чистом виде не является производительным способом глагольного основообразования.

В качестве второго корневого элемента сложной глагольной основы чаще всего выступают: *хы* (*е-хы-н* «спускаться»), *-жэ* (*е-жэ-н* «отправиться»); *-уэ* (*е-уэ-н* «бить»). Корень *-хы* сочетается с глагольными и реже именными основами, например: *е-жэ-хы-н* «бежать вниз», *е-лэ-хэ-шэ-хы-н* «понижаться», «понизиться». Корень *-жэ*, как правило, образует сложную основу в сочетании с глагольными основами, например: *е-лэ-фэ-жэ-н* «волочить», «тащить», *е-ху-жэ-н* «погнать», «угнать». Корень *-уэ* сочетается обычно с именными основами, как-то: *е-щхэ-фэ-уэ-н* «бить, ударить по голове», *е-лэ-бышэ-уэ-н* «прихрамывать».

Морфемы *-хы*, *-жэ* исторически являются основами двухличных непереходных глаголов, хотя в синхронном плане они воспринимаются как одноличные непереходные глаголы вследствие эллипсиса (пропуска) подразумеваемого члена предложения, на что указывает префикс *е-(е)* (ср. ар *джабэм е-х-а-щ* «он спустился с горы», ар *е-х-а-щ* «он сошел, спустился с чего-то», ар *гуэгуанэм е-жэ-а-щ* «он отправился в путешествие», ар *е-жэ-а-щ* «он отправился в путь»). Морфемы *-хы*, *-жэ* как основы двухличных непереходных глаголов всегда связаны с префиксом косвенного объекта *е-*. Основы, связанные с префиксом *е-*, многочисленны. К ним относятся основы двухличных непереходных глаголов: *е-фэ-н* «пить», *е-жэ-н* «ждать», *е-щэ-н* «охотиться», *е-кэ-н* «тянуть», «потянуть», *е-сы-н* «плавать», *е-гий-н* «упрекать», «укорять», *е-бэ-н* «наклониться», «крениться» и т. д.

В отличие от основ двухличных непереходных глаголов, постоянно связанных с префиксом *е-*, основы *уэ*, *лэ* используются как основы одноличных и двухличных непереходных глаголов (ср. ар *ма-уэ* «он бьет», ар *ма-лэ* «он прыгает», ар *йо-лэ* «он перепрыгивает через что-то»).

д) Конверсия, т. е. образование глаголов парадигматическим путем. Сущность этого способа словообразования состоит в том, что глагол образуется путем включения готовых основ в вербальную парадигму без каких-либо специальных деривационных морфем. Основа *щабэ* «мягкий» может быть включена в полную парадигму динамических глаголов лишь с помощью специальных деривационных морфем (ср. *со-гэ-щабэ* «делаю мягким»). Но основа *пхэ-щлэ* «плотник» (*пхэ* «дерево»+основа глагола *щлэ-н* «делать») включается в парадигму глагола без основообразующей морфемы (ср. *с-о-пхэ-щлэ* «я плотничаю»). В связи с наличием слов, соотносительных по конверсии, необходимо разграничить основообразование и словообразование. Из приведенного примера видно, что глагол *со-пхэ-щлэ* образован с помощью конверсии, а основа этого глагола – с помощью сложения. В синхронном плане основу *пхэ-щлэ*, свободно включаемую в парадигмы имени и глагола, следует считать нейтральной, хотя диахронически субстативное значение предшествует глагольному значению.

е) Включение самостоятельных глагольных основ (непроизводных и производных)

в состав прерывистых основ типа – преверб+хъэ, пре-верб+к/ы, преверб+сы, преверб+хы, например: *дэ-т/ыс-хъэ-н* «сесть, садиться между кем-чем-либо» (ср. *дэ-хъэ-н* «входить между кем-чем-либо», *т/ыс-н* «сесть, садиться»); *и-пц-хъэ-н* «вползти внутрь чего-либо» (ср. *и-хъэ-н* «входить внутрь чего-либо», *пц-н* «ползти»); *дэ-лу-к/ы-н* «звучать откуда-либо» (ср. *дэ-к/ы-н* «входить откуда-либо», *къэ-лу-н* «раздаваться», «разноситься» - о звуках); *хэ-п/ыи-к/ы-н* «торчать из чего-либо» (ср. *хэ-к/ы-н* «выходить из чего-либо», *п/ыи-н* «торчать»); *нэ-хъэ-сы-н* «донести туда» (ср. *нэ-сы-н* «дойти, доехать туда», *хы-н* «нести»); *дэ-шэ-хын* «отвести в сторону» (ср. *дэ-хы-н* «обойти, обогнать», *шэ-н* «вести»).

В качестве корневых морфем прерывистых основ выступают связанные (несамостоятельные) основы -хъ(э), -к/ы(ы), -с(ы), -х(ы). По своей сочетаемости морфемы -хъ(э), -к/ы(ы) имеют значение «идти». Морфема -хъ(э) обозначает действие, направленное к предмету; противоположное значение действия, направленного от предмета, имеет морфема -к/ы(ы). Морфема -хъ(э), -к/ы(ы) сочетаются со всеми местными превербами, образуя с ними множество прерывистых основ типа *хэ-хъэ-н* «войти», *хэ-к/ы-н* «выйти», *гуэ-хъэ-н* «присоединиться», *гуэ-к/ы-н* «отделиться», *дэ-к/ы-н* «отходить». Последние включают в свой состав основы переходных и непереходных глаголов, ср.: *хэ-ды-хы-н* «вшивать» (*ды-н* «сшить»), *те-у-ф/эи-хы-н* «загрязниться на чем-то» (*уф/эи-н* «загрязниться»), *дэ-п/ыи-хы-н* «смотреть внутрь» (*п/ыи-н* «смотреть»).

В отличие от хъэ-, к/ы-, морфемы сы-, хы- сочетаются лишь с некоторыми префиксами, что ограничивает их словообразовательные возможности. Так, корневая морфема сы- образует прерывистые основы в сочетании с аффиксами нэ-, къэ-, зэхуэ-, а корневая морфема хы- в сочетании с *дэцхъэдэ-* (ср. *нэ-сы-н* «дойти, доехать туда», *къэ-сы-н* «дойти, доехать сюда», *зэхуэ-сы-н* «собраться», *дэ-хы-н* «обойти, обогнать»).

Прерывистые основы типа «префикс+сы» допускают включение между их частями только основ переходных глаголов движения: *зэхуэ-хъэ-сы-н* «собрать, снести в одно место», *зэхуэ-дзы-сы-н* «сбросить в одно место», *зэхуэ-лъэфэ-сы-н* «стащить в одно место», *зэхуэ-тхъу-сы-н* «сгрести в одно место», *зэхуэ-ху-сы-н* «согнать в одно место». Префикс *зэхуэ-* имеет фонетический вариант *зыхуэ-*: *зыхуэ-дзы-сы-н* «собрать в одно место» и др.

Основа *дэ...хы* сочетается только с ограниченным количеством основ глаголов движения. Помимо приводившихся выше *шэ-н* «вести, везти», *жэ-н* «бежать», к ним относятся основы глаголов *хы-н* «нести», *ху-н* «гнать», *дзы-н* «бросить» и др. (ср. *дэ-хъэ-хы-н* «отнести в сторону», перен. «очаровать», «увлечь», *дэ-ху-хы-н* «отгонять в сторону»).

Более продуктивна основа *цхъэдэ...хы-*, которая сочетается с основами переходных и непереходных глаголов (ср. *цхъэдэ-хы-н* «переходить через то»; *цхъэдэ-хъэ-хы-н* «перенести через что»; *цхъэдэ-лъэфы-хы-н* «перетащить через что-то»; *цхъэдэ-шэ-хы-н* «перевести через что-то»; *цхъэдэ-ху-хы-н* «перегонять через что-то»; *цхъэдэ-п/ыи-хы-н* «перепрыгнуть через что-то»; *цхъэдэ-пц-хы-н* «перелезть через что-то»).

Корневые морфемы хъэ-, к/ы-, сы-, хы- в сочетании с превербами образуют основы только переходных глаголов. Но глаголы, образованные путем включения основы переходных глаголов в состав прерывистых основ, приобретают переходное значение, например: *абы т-ри-ц/ы-хъа-ц* «он построил что-то над чем-то», *абы х-е-ды-к/ы* «он вышивает», *абы зэху-е-лъэфэ-с* «он собирает в одно место», *абы и лэр ди-шии-к/ы-ц* «он просунул свою руку».

Итак, производные основы, образованные способом включения, распределяются по следующим четырем моделям:

- Преверб+основа+хъэ
- Преверб+основа+к/ы
- Преверб+основа+сы
- Преверб+основа+хы

В результате переразложения моделей «преверб+основа+к/ы», «преверб+основа+хъэ» появились синонимичные пары типа: *дэ-п/ыи-к/ы-н* // *дэ-п/ыи-н* «выглядывать откуда-либо»; *дэ-п/ыи-хы-н* // *дэ-п/ыи-н* «заглядывать куда-либо»; *дэ-шии-к/ы-н* // *дэ-шии-н* «просунуть»; *дэ-лэбы-к/ы-н* // *дэ-лэбы-н* «просунуть руку откуда-либо». Основы-дубликаты возникли вследствие утраты корневыми морфемами к/ы-, хъэ- своей функции. Функцию к/э-, хъэ- приобретает чередование гласных ы/э. Однако эта новая модель охватывает не все производные основы, образованные путем включения (ср. также *кы-цхъэдэ-дзы-хы-н* // *кы-цхъэдэ-дзы-н* «перебросить сюда через что-то»; *кы-*

щхъ-дэ-лээфэ-хы-н//къы-щхъэдэ-лээфы-н «перетаскивать сюда через что-то», но только *къы-щхъэдэ-бэкъу-хы-н* «перешагнуть сюда через что-то», *къы-щ-хъэ-дэуклурие-хы-н* «перевалиться сюда через что-то».

ж) Фонетический, т. е. осуществляемый с помощью чередования гласного основы. Сущность этого способа образования глагольных основ заключается в следующем.

Если основа глагола оканчивается на гласный э, то в сочетании с превербом она обозначает действие, направленное к предмету. При этом преверб выражает конкретную локализацию (внутри, наверху, сбоку), например: *шэ-н* «водить, возить», *и-шэ-н* «вводить», «ввозить куда-либо», *те-шэ-н* «водить, возить наверх». Противоположное направление действия выражается с помощью чередования э/ы в основе (ср. *и-шы-н* «выводить, вывозить откуда-либо», *те-шы-н* «выводить, вывозить с поверхности»).

Если же основа глагола оканчивается на гласный ы, то в сочетании с превербом она обозначает действие, направленное от предмета, ср. *дзы-н* «бросить», *и-дзы-н* «выбросить», *те-дзы-н* «сбросить». Противоположное направление действия выражается чередованием ы/э в основе, ср. *и-дзэ-н* «бросить внутрь», *те-дзэ-н* «бросить наверх».

Таким образом, основа с исходом на э выражает действие, направленное к предмету, а основа с исходом на ы – действие, направленное от предмета. В форме прошедшего времени указанное противопоставление фонетических форм выражения различных направлений нейтрализуется полной ассимиляцией гласных э и ы перед гласным а – аффиксом прошедшего времени. Поэтому одна и та же форма прошедшего времени с нулевой огласовкой в разных контекстах может выражать противоположные направления, ср. *цлэ-с-и-ащ* «я его вел туда» и «я его вывел оттуда».

Как видим, гласные э и ы в основе глагола по своей функции напоминают простые основы *-хъ(э)* и *кI(ы)* в глагольных основах, образованных сложно-префиксальным способом. Здесь мы имеем дело с инновацией. Это доказывается наличием основ типа: *хэ-у-н*, *хэ-у-кIы-н* «бить откуда-либо», *хэ-уэ-н*, *хэ-у-хъы-н* «бить», «ударить куда-либо, во что-либо» наряду с основами типа *хэ-тIы-кIы-н* «выкопать из чего-либо», *хэ-тIы-хъы-н* «копаться в чем-либо», в которых противоположные направления выражаются лишь с помощью морфологических элементов.

8.11.1. Порядок распределения аффиксов глагольного словообразования

Чтобы описать структуру глагола, необходимо прежде всего определить порядок распределения аффиксов основообразования¹. Индивидуальность морфем создает трудности при попытке сформулировать правила всех возможных способов их сочетания. Однако многие морфемы обладают либо сходными, либо тождественными окружениями, что позволяет четко сгруппировать их в отдельные классы.

Основообразующие аффиксы, как и аффиксы словоизменения, имеют строгую последовательность. Деривационные морфемы, хотя и образуют чрезвычайно разнообразные комбинации в сочетании с корневой морфемой, все же ограничены с точки зрения сочетаемости с другими морфемами. Ограничения, касающиеся сочетаемости морфем, входящих в глагольную основу, создают структуру последней. Каждая группа префиксов или суффиксов имеет свой порядок расположения в последовательности морфем, образующих основу глагола.

Морфемы одного порядка являются взаимоисключающими, это значит, что в последовательности морфем не может быть двух морфем одного порядка. Если в слове появляются два морфемных элемента, которые являются взаимоисключающими (однопорядковыми), то это означает, что в определенных условиях данные морфемные элемент с точки зрения синхронного анализа составляют одну, хотя этимологически производную, морфему. Так, взаимоисключающие, однопорядковые локальные превербы *хэ(ы)-*, *фIэ-*, (*хэ-чы-н* «вырвать», *фIэ-чы-н* «сорвать») образуют одну морфему *хы-фIэ-* (*хыфIэ-дзэ-н* «бросать»). Дистрибуционный критерий выделения морфемы в данном случае дополняется также критерием словообразования: *фIэдзэн* «вешать» и *хыфIэдзэн* «бросать» не являются членами дихотомии, т. е. нельзя сказать, что *фIэдзэн* – исходное слово, а *хыфIэ-дзэн* – производное от него.

Если же морфемные элементы, тождественные по звучанию и происхождению,

входят в разные порядки, то в синхронном плане они являются разными морфемами. Так, противопоставление *гъэ-къэбзэ-н* «чистить» – *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* «заставить чистить» позволяет выделить с точки зрения синхронного анализа в слове *е-гъэ-гъэ-къэбзэ-н* префикс каузатива *гъэ-* и префикс фактитива *гъэ-* (ср. *къабзэ* «чистый» и *гъэ-къэбзэ-н* «чистить»).

8.11.2. Префиксация

Префиксы глагольного основообразования составляют семь порядков, занимающих определенное (фиксированное) место в последовательности морфем.

Порядок 1 – префиксы фактитива *у-*, *гъэ-*, которые производят глагольные основы от именных основ. Эти префиксы всегда стоят непосредственно перед производящей основой (ср. *у-щэбы-н* «толочь», «истолочь», *гъэ-хуэбэ-н* «нагреть», «нагревать»).

Порядок 2 – префикс каузатива *гъэ-*, который стоит перед префиксами I-го порядка или непосредственно перед производящей основой, когда отсутствуют префиксы I-го порядка (ср. *е-гъэ-у-щэбы-н* «заставить толочь», «истолочь», *е-гъэ-гъэ-хуэбэ-н* «заставить подогревать», *гъэ-клуэ-н* «заставить идти»). Как видим, возможна модель типа: каузативный префикс+свободная корневая морфема. Но невозможна модель типа: каузативный префикс *гъэ-*+несвободная (связанная) основа. Каузативный префикс может сочетаться с несвободными корневыми морфемами лишь в окружении с локальным превербом. Каузативный префикс *гъэ-* включается в основу типа: локальный преверб+несвободная основа. Иначе говоря, в сочетании с несвободными корневыми морфемами каузативный префикс *гъэ-* связан с локальными превербами, которые составляют последующий (третий) порядок расположения.

Порядок 3 – префиксы, стоящие перед морфемами I-го и 2-го порядков, а при отсутствии последних – непосредственно перед производящей основой. К 3-му порядку относится самая многочисленная группа основообразующих префиксов – локальные превербы [ср. *и-гъэ-хъэ-н* «внутри (*и-*) заставить (*гъэ-*) идти (*хъэ-н*)», «заставить войти», *и-хъэ-н* «войти», *и-гъэ-ты-н* «заставить находиться внутри», *и-ты-н* «находиться внутри», *блэ-гъэ-клы-н* «заставить пройти мимо»].

Порядок 4 – префиксы, стоящие перед морфемами предшествующих порядков или непосредственно перед свободной основой. Этот порядок составляют префиксы союзности, взаимности и совместности действия, например: *дэ-гъэ-клуэ-н* «вместе с кем-чем-либо» (*дэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*клуэ-н*), *дэ-клуэ-н* «вместе с кем-чем-либо идти». Префиксы 4-го порядка не могут сочетаться непосредственно с несвободными корневыми морфемами, поскольку последние употребляются лишь в сочетании с локальными превербами.

Порядок 5 – версионные префиксы *хуэ-* «ради кого-чего-либо», *флэ-* «вопреки чему-либо» и префикс возможности действия *хуэ-*. Префиксы этого порядка могут стоять перед префиксами предшествующих порядков, а при отсутствии последних – непосредственно перед самостоятельной корневой морфемой, например: *ху-дэ-гъэ-клуэ-н* «для кого-чего-либо (*ху-*) вместе с кем-чем-либо (*дэ-*) заставить (*гъэ-*) идти (*клуэ-н*)»; *хуэ-гъэ-клуэ-н* «ради кого-чего-либо заставить идти»; *хуэ-клуэ-н* «ради кого-чего-либо идти»; *ху-дэ-гъа-клуэ-р-къым* «(он) не может заставить (его) идти вместе с кем-чем-либо». Префикс возможности действия может стоять перед основой лишь в том случае, если эта основа является переходной. Поэтому *хуэ-*, сочетаясь непосредственно с основой глагола *щлы-н* «делать» (ср. *хуэ-щлы-р-къым* «не может сделать»), может сочетаться лишь с каузативной формой основы глагола *клуэ-н* «идти» (ср. *хуэ-гъа-клуэ-р-къым* «не может заставить его идти»). Как и префиксы 4-го порядка, префиксы 5-го порядка не могут стоять непосредственно перед связанными основами, например: *флы-ды-хэ-гъэ-ты-н* «вопреки желанию кого-чего-либо» (*флы-*) «вместе с кем-чем-либо (*ды-*) внутри чего-либо (*хэ-*) заставить (*гъэ-*) находиться (*ты-н*)»; *флы-хэ-гъэ-ты-н* «вопреки желанию кого-чего-либо внутри чего-либо заставить находиться»; *флы-хэ-ты-н* «вопреки желанию кого-чего-либо внутри чего-то находиться».

Порядок 6 – направительные префиксы (превербы) *къэ-/къы-, къа-, къ-* «сюда», *нэ-/ны-, на-, н-*, например: *къы-флы-ды-щлэ-гъэ-клы-н* (*къы-*) «вопреки желанию кого-чего-либо (*флы-*) вместе с кем-чем-либо (*ды-*) из (*щлэ*) заставить (*гъэ-*) идти (*клы-н*)», т. е.

«заставить выйти вместе с кем-чем-либо сюда»; *кзы-щлэ-гъэ-клы-н* «заставить выйти сюда», *кзы-щлэ-клы-н* «выходить, выйти сюда». Префиксы 6-го порядка, т. е. направительные превербы, в отличие от локальных превербов, не сочетаются непосредственно с несвободными корневыми морфемами. Исключение составляют несколько корневых морфем: *-сы* (*къэ-сы-н* «прибыть»), *-нэ* (*къэ-нэ-н* «остаться»). Но невозможна модель *нэ-нэ-н*.

Порядок 7 – префикс *зы-*, *з-*, *з-*, с помощью которого образуются возвратные глаголы, например: *зы-кзы-ху-хэ-дзы-н* «для него выброситься оттуда сюда»; *зы-ху-хэ-дзы-н* «для него выброситься»; *зы-хэ-дзы-н* «выброситься»; *зы-дзы-н* «броситься, бросаться». Возвратный префикс также не может сочетаться непосредственно с несвободными основами, ср. *зы-кз-и-нэ-н* «остаться внутри чего-либо».

Сложные форманты, образованные путем сложения двух разнопорядковых морфем, одновременно относятся к двум порядкам, т.е. занимают место элементов, входящих в их состав. Так, формант *зэлъы-*, образованный путем слияния префиксов 4-го порядка (*зэ-*) и 3-го порядка (*лъы-*), соответственно занимает место префиксов двух порядков.

8.11.3. Суффиксация

Глагольные основообразующие суффиксы составляют четыре порядка в последовательности морфем.

Порядок 1 включает непродуктивные суффиксы *-тэ*, *-и*, и др., стоящие непосредственно за производящей основой, например: *клуэ-тэ-н* «продвинуться, продвигаться».

Порядок 2 образуют суффиксы *-лэ*, *-и(-и)*, которые следуют за суффиксами 1-го порядка, а при отсутствии последних – непосредственно за производящей основой. Появление морфемы *-лэ* в слове непременно связано с косвенным объектом, например: *е-клуэ-тэ-лэ-н* «подойти к кому-чему-либо». Морфема *и(ы)* также относится к несвободным, т. е. употребляется только в сочетании с префиксом *д(э)-*, например: *дэ-клуэ-тэ-и-н* «продвигаться снизу вверх», *дэ-клуэ-и-н* «подниматься».

Порядок 3 – суффикс возвратного действия *-жы*, например; *е-клуэ-тэ-лэ-жы-н* «подходить, приближаться к кому-чему-либо снова»; *клуэ-тэ-жы-н* «подвигаться снова», *клуэ-жы-н* «возвращаться, вернуться, идти обратно».

Порядок 4 включает суффикс возможности действия *-ф(ы)-*, суффиксы *-щэ-*, *-луэ*, *-нэ*. Ср. *е-клуэ-тэ-лэ-жы-фы-н* «суметь подойти к кому-чему-либо снова», *е-клуэ-тэ-лэ-фы-н* «суметь подойти к кому-чему-либо», *клуэ-тэ-фы-н* «суметь подвинуться», *клуэ-фы-н* «суметь идти»; ср. также *еклуэ-тэ-лэ-жы-луэ-н* «слишком подойти, приблизиться к кому-чему-либо снова», *е-клуэ-тэ-лэ-жы-нэ-н* «совсем подойти, приблизиться к кому-чему-либо снова». Покажем это в таблицах.

8.11.4. Аранжировка деривационных морфем глагола

Таблица 1

Порядок	Префиксы
1	фактитивные <i>у-</i> , <i>гъэ-</i>
2	каузативный <i>гъэ-</i>
3	локальные <i>дэ-</i> , <i>хэ-</i> и др.
4	союзности, взаимности, совместности <i>дэ-</i> , <i>зэ-</i> , <i>здэ-</i>
5	версионные <i>хуэ-</i> , <i>флэ-</i> ; возможности (потенциалиса) <i>хуэ-</i>
6	направительные <i>къэ-</i> , <i>нэ-</i>
7	возвратный <i>зы-</i>

Таблица 2

Порядок	Суффиксы
1	непродуктивные <i>-тэ</i> , <i>-и</i> и др.
2	локальный <i>-лэ</i> , направительный <i>-и</i>
3	возвратный <i>-жы</i>

4	возможности (потенциалиса) -фы, суффиксы -луэ, -щэ, -пэ
---	---

Таблица 3

	Префикс с косв. объекта	Корневая морфема	Поря- док 1	Поря- док 2	Поря- док 3	Поря- док 4	Окончание инфинитива
клуэн «идти»		клуэ					н
клуэтэн «продвигаться»		клуэ	тэ				н
еклуэтэлэн «подойти»	е	клуэ	тэ	лэ			н
еклуэтэлэжын «подойти снова»	е	клуэ	тэ	лэ	жы		н
еклуэтэлэжы- луэн «подойти снова слишком»	е	клуэ	тэ	лэ	жы	луэ	н

Таблица 4

	Пор я- док 7	Пор я- док 6	Поря - док 5	Поря - док 4	Поря - док 3	Поря- док 2	Поря - док 1	Корне- вая морфе ма	Оконча- ние инфи- нитива
								клуэ	
клуэн «идти»								клуэ	н
ущэбын «делать мягким»							у	щэбы	н
егэуущэбын «заставить делать мягким»						(е)гээ	у	щэбы	н
хэггэклын «заставить выйти»					хэ	ггэ		клы	н
здыхэггэклын «вместе заставить выйти»				зды	хэ	ггэ		клы	н
хуздыхэггэхэн «ради кого- либо вместе заставить выйти»			ху	зды	хэ	ггэ		хьэ	н
кыыхуздыхэггэхэн «сюда ради кого-либо вместе заставить выйти»		кыы	ху	зды	хэ	ггэ		хьэ	н
зыкыыхуздыхэдзэн «сюда ради кого-либо вместе внутри бросаться»	зы	кыы	ху	зды	хэ			дзэ	н

8.12. Фактитивные глаголы

Префикс у- образует от именных основ глаголы со значением «делать или делаться в соответствии со значением производящей именной основы», например: *ущхуэнтлын* «синеть», «сделать синим» – *щхуантлэ* «синий»; *уфлыцлын* «чернеть», «сделать черным» – *флыцлэ* «черный», *уфлэин* «грязнить», «загрязнить» – *флэй* «грязный»; *укэбзын* «чистить», «очистить» – *кэабзэ* «чистый». Префикс у- образует от именных основ как переходные,

так и непереходные глаголы, например: *уфЫнкЫн*, *ункЫфЫн* (неперех.) «гаснуть», «тухнуть»; *упцІэнын* (перех.) «раздевать».

Многие глагольные основы, образованные посредством префикса *у-*, являются нейтральными, т.е. выступают как основы переходных и непереходных глаголов без морфологической характеристики.

Эти глагольные основы, не дифференцированные в отношении переходности, имеют древнюю (лабильную) конструкцию предложения, например: *вабдээр удзэгуащ* «лемех притупился» (номинативная конструкция), *абы вабдээр иудзэгуащ* «он притупил лемех» (эргативная конструкция); *щІакхъуэр мэущыкъуей* «хлеб крошится», *абы щІакхъуэр еущыкъуей* «он крошит хлеб»; *щхъэцыр убэлэцащ* «волосы взлохматились», *абы и щхъэцыр иубэлэцащ* «он взлохматил свои волосы».

Префикс *у-* генетически связан по-видимому, с абхазско-абазинской глагольной основой *у-* «делать». Ср. абх. *а-у-ра* «делать», каб. *укъэбзын* «делать чистым».

В современном кабардино-черкесском литературном языке префикс *у-* производит глаголы в основном от имен, обозначающих качество предмета. Но ранее этот префикс имел более широкое распространение. Это доказывается наличием большого количества глагольных основ с окаменелым префиксом *у-*.

Префикс *гъэ-* по своему значению совпадает с префиксом *у-*, например: *гъэ-къэбзэн* «чистить», «делать чистым»; *гъэ-цэбэн* «размягчить», «делать мягким». Но в отличие от префикса *у-*, служащего средством образования от именных основ как переходных, так и непереходных глаголов, префикс *гъэ-* производит от именных основ лишь переходные глаголы.

Этимологически префикс фактитива *гъэ-* восходит к каузативному аффиксу *гъэ-*. Но в синхронном плане фактитивный префикс нельзя смешивать с его омофоном – каузативным *гъэ-*, ср. *гъэ-кІуэ-н* «заставить идти» (форма каузатива), *гъэ-цэбэн* «делать мягким» (форма фактитива). С точки зрения словообразования префикс фактитива *гъэ-* также отличается от префикса каузатива *гъэ-*: фактитивный префикс *гъэ-* служит средством образования переходного глагола от именной основы, а каузативный префикс *гъэ-* производит каузативный глагол от глагольной основы, т. е. является внутриглагольным деривационным элементом. Наконец, – и это главное – в грамматическом, точнее, структурном плане префикс фактитива *гъэ-* и префикс каузатива *гъэ-* представляют разные морфемы: в последовательности морфем, составляющих основу глагола, каждый из этих аффиксов занимает свое фиксированное место. Противопоставление *гъэ-хуэбэн* «подогревать» – *е-гъэ-гъэ-хуэбэн* «заставить его подогревать» ясно показывает, что в структурном отношении разбираемые аффиксы относятся к разнопорядковым морфемам.

8.13. Категория каузатива

Категория каузатива выражает побуждение одного лица другим к осуществлению какого-либо действия. Каузатив выражается в глаголе посредством префикса *гъэ-//гъа-*. Он характерен для глаголов всех категорий.

При образовании каузатива количество лиц глагола увеличивается на одно. Аффикс каузатива *гъэ-//гъа-* ставится непосредственно за префиксом побуждающего лица.

При каузативных образованиях имя побуждающего лица стоит в эргативном падеже: *фызым сабийр егъэжей* «женщина убаюкивает ребенка» (букв. «женщина заставляет ребенка заснуть»). Что касается имени побуждаемого лица, то оно по падежному оформлению совпадает с именем субъекта при том же глаголе, взятом в некаузативной форме. Имя побуждаемого лица ставится в именительном падеже, если каузатив образован от непереходного глагола (*дохутырым сымаджэр хушхъуэм иригъэфаш* «доктор заставил больного принять лекарство»); оно ставится в эргативном падеже, если каузатив от переходного глагола (*абы щІалэм бэлътор лы-гъэкІэ щригъэтІэгъащ* «он насильно заставил юношу надеть пальто»).

В каузативе непереходные глаголы превращаются в переходные. Об этом свидетельствует, кроме падежного оформления субъекта и объекта, и то, что по порядку расположения личных префиксов непереходные глаголы в каузативе полностью совпадают с переходными: *у-зо-гъа-тхэ* «тебя я заставляю писать» (ср. *у-зо-тх* «тебя

записываю»).

По грамматическому взаимоотношению имен побуждающего и побуждаемого лиц каузативные образования от переходных глаголов представляют собой своеобразные глаголы с косвенным объектом.

Побуждаемое лицо по отношению к побуждающему является лицом косвенного объекта. Эргативный падеж, в котором стоит имя этого лица, выступает здесь в косвенном значении.

Характерно, что побуждаемый объект по личному префиксу в глагольной форме совпадает с косвенным объектом, ср. *уэ-з-гъэ-цлащ* «тебя я заставил сделать то», *уэ-с-тащ* «тебе я дал то», в обоих случаях личный префикс с гласным э: *е-з-гъэ-мхащ* «его я заставил написать то»; *е-плъащ* «(на) то он посмотрел», в обеих формах префикс *е-*.

В то же время нельзя не учитывать, что по месту, занимаемому в переходном глаголе префиксом побуждаемого лица, последнее совпадает с прямым объектом, например: ср. *сы-в-о-гъэтх* «меня вы заставляете писать то»; *сы-в-о-мх* «меня вы записываете».

При отсутствии в предложении имени побуждаемого лица каузативное образование от переходного глагола выступает как обычный переходный глагол: объект, стоящий в именительном падеже, воспринимается как непосредственный объект действия побуждающего лица: *цлалэм документхэр къалэм иригъэхъащ* «юноша послал документы в город»; ср. *ллыжьым документхэр и къуэм къалэм иригъэхъащ* «старик документы послал с сыном в город» (букв. «старик заставил сына понести документы в город»).

В данном случае аффикс *гъэ-* выступает обычно как словообразовательный элемент.

В этой функции аффикс *гъэ-//гъа-* выступает иногда и при наличии имени побуждаемого лица, например: *мхылъыр си ныбжьэгъум езгъэлъэгъуащ* «я показал книгу своему товарищу», а не «я заставил своего товарища увидеть книгу».

В роли словообразовательного элемента *гъэ-//гъа-* встречается и в формах от одноличных непереходных глаголов: *згъэуклуриящ* «я его повалил». Утрата каузативного значения аффиксом *гъэ-//гъа-* имеет место, как правило, в тех случаях, когда действие побуждаемого лица представлено как действие пассивное.

Аффикс *гъэ-//гъа-* может быть представлен в глагольной форме дважды. При этом количество лиц глагола увеличивается на два: одноличный становится трехличным (*шхэн* «есть», «заниматься едой», *егъэгъэшхэн* «заставить кого-либо покормить кого-то»), двухличный – четырехличным (*мхын* «написать то», *ирегъэгъэтхын* «заставить кого-то заставить третье лицо написать то»).

8.14. Категория союзности

Категория союзности передается с помощью глагольного префикса *дэ-//ды-*.

Префикс *дэ-//ды-* показывает, что действие, обозначенное глаголом, осуществляется одним лицом (или одними лицами) в союзе с другим (или другими). В этой своей функции префикс *дэ-//ды-* выступает во всех глаголах.

Имя лица, в союзе с которым осуществляется выраженное глаголом действие, ставится в эргативно-косвенном падеже (в его косвенном значении). Что касается имени лица, которое действует в союзе с другим лицом, то это имя ставится в именительном падеже, если форма союзности образована от непереходного глагола, в эргативно-косвенном падеже, если форма союзности от переходного глагола.

Примеры: *хъыджэбыр янэм долажьэ* «девушка работает со своей матерью»; *цлалэр партизанхэм ядэзэуащ* «парень воевал вместе с партизанами»; *ллыжьым хъэщлэхэм махъсымэ ядефащ* «старик пил с гостями бузу»; *ллыжьым пхъащлэм унэ децл* «старик строит дом вместе с плотником».

При глагольной форме союзности отношения между действующими лицами являются, как видим, отношениями субъекта и косвенного объек-та, причем субъектом служит лицо, которое действует в союзе с другим лицом и имя которого ставится в одних случаях в именительном падеже, в других – в эргативно-косвенном (в его эргативном значении).

Если форма союзности образована от переходного глагола, то личный префикс

субъекта ставится за личным префиксом косвенного объекта, а префикс союзности – между этими двумя личными префиксами: *бдызошх* «я кушаю с тобой то»; *вдэстхаш* «я с вами написал то».

Если же форма союзности образована от непереходного глагола, то личный префикс субъекта стоит перед личным префиксом косвенного объекта, а префикс союзности ставится на третьем месте: *сыбдолажэ* «я работаю с тобой»; *сывдоплэ* «я смотрю с вами (на) то».

Префикс союзности *дэ-//ды-*, оказавшись или перед префиксом динамичности *о-* или перед одним из префиксов 3-го лица или же перед префиксом множественного числа 3-го лица *а-*, теряет гласные *э* и *ы* (см. вышеприведенные примеры).

В переходных глаголах префиксом *дэ-//ды-* выражается союзность не только действующих лиц (субъектов), но и объектов. Имена объектов, находящихся в союзных отношениях (или в отношениях совместности), оформляются так же, как и имена действующих лиц, находящихся в тех же отношениях, например: *кхэуейм шлакхэуэ дэшх!* «сыр ешь с хлебом!» (точнее: «ешь с сыром хлеб!»); *Хьэсэн си нартыху кэпыр езым ейхэм дихьэжаш* «Хасан смолот мой мешок кукурузы вместе со своими».

8.15. Категория совместности

Показателем категории совместности служит префикс *зэдэ-//зэды-*.

Данным префиксом выражается прежде всего совместное или одновременное осуществление действия двумя или несколькими лицами. В этой своей функции префикс *зэдэ-//зэды-* выступает во всех глаголах.

Примеры: *Мэжидрэ дэрэ дызэдэлэжэаш* «мы с Мажидом работали вместе» (букв. «Мажид и я вместе работали»); *хьэщлэмрэ лыжэмырэ зэдэшхаш* «гость и старик ели вместе»; *хьэщлэмрэ сэрэ дыкызэдэуаш* «гость и я проснулись вместе (одновременно)»; *ди гьунэгьумрэ сэрэ кино дызэдеплэаш* «наш сосед и я вместе смотрели кино»; *пабжээм кьыхэжа тхэкълумэкълыхым щыри зэдеуаш* «в выскочившего из-под куста зайца все трое выстрелили вместе (одновременно)»; *си ныбжээгьумрэ абырэ тхылъ кьызэдашэуаш* «мой товарищ и он вместе покупали книги»; *ди гьунэгьумрэ дэрэ унэ шлын зэдэдуаш* «наш сосед и мы вместе (одновременно) закончили строительство (своих) домов».

Префикс *зэдэ-//зэды-* выступает в переходных глаголах гораздо чаще, чем в непереходных.

Переходные и двухличные непереходные глаголы префиксом *зэдэ-//зэды-* выражают совместность или одновременность и по отношению к объектам. Но для двухличных непереходных глаголов это менее характерно и имеет место лишь в тех случаях, когда в качестве косвенного объекта представлено 3-е лицо, например: *фызым джанэмрэ гьуэншэджымырэ зэдижышлэаш* «женщина постирала вместе гимнастерку и брюки»; *Мурат факультетитл кьызэдиухаш* «Мурат окончил одновременно два факультета»; *Хьэсэнрэ уэрэ фызэдэстхаш* «Хасана и тебя я записал вместе»; *хуцхьуитлми сызэдефац* «оба лекарства я пил вместе (в одно и то же время)».

Некоторые переходные глаголы (как правило, глаголы движения) с префиксом *зэдэ-//зэды-* выражают также совместность переходного объекта с субъектом. В таких случаях префикс орфографически оформляется как *зыдэ-//зыды-*, например: *Зыгэпсклаклуэ сыщыкълуэкълэ тхылъ кьызыдызоштэ* «Когда я иду на речку купаться, я беру с собой книгу»; *Мурат и кьуэш нэхьышлэр кьалэм кьызыдышаш* «Мурат привез с собой в город своего младшего брата».

В глаголах с префиксом совместности субъекты, представленные именами или именем и местоимением 3-го лица, выражаются обычно нулевым показателем или аффиксом мн. ч. *а-*. Если в качестве субъектов или объектов¹ выступают местоимения 1-го и 2-го лица единственного или множественного числа, то в форме совместности ставится префикс 1-го лица множественного числа, например, *уэрэ сэрэ дызэдэлажэ* «ты и я работаем вместе» (т. е. «мы с тобой работаем вместе»); *фэрэ дэрэ унэ зэдэтишлэаш* «вы и мы вместе построили дом» (т. е. «мы с вами вместе построили дом»).

Наконец, если один из субъектов или объектов выражен местоимением 1-го или 2-го лица единственного или множественного чисел, то в форме совместности ставится

соответственно префикс 1-го или 2-го лица множественного числа: *Хъэсэнтрэ сэрэ дызэдэптхац* «Хасана и меня ты записал вместе»; *Муратрэ фэрэ фызэдеджац* «Мурат и вы учились вместе».

В форме совместности префиксы 1-го и 2-го лица предшествуют префиксу совместности, если они представляют в глаголе лицо субъектов непереходного глагола или объекта переходного глагола, например: *ды-зэдэ-лэжъац* «мы вместе работали», *фы-зэды-зотх* «я вас вместе записываю» и т. п. Если же данные личные префиксы представляют лица субъектов переходных глаголов, то они стоят за префиксом совместности, например: *зэдэ-т-цлац* «мы вместе сделали то», *къы-зэдэ-ф-цэхуац* «вы вместе купили то» и т. д.

Аффикс совместности *зэдэ-//зэды-*, оказавшись перед префиксом динамичности *о* или перед одним из префиксов 3-го лица единственного и множественного числа, теряет конечный гласный (см. вышеприведенные примеры).

8.16. Категория взаимности

Категория взаимности выражается с помощью префиксов *зэ-* и *зэры-*.

Глаголы с этими префиксами обозначают действие двух или нескольких лиц, из которых каждое является субъектом действия, а вместе с тем и объектом того же действия со стороны другого субъекта (или субъектов).

Категория взаимности характерна для двухличных и трехличных глаголов.

Префикс взаимности *зэ-* используется в трехличных переходных и двухличных непереходных глаголах. К последним относятся глаголы с косвенным объектом, не имеющие префиксов местных отношений, и глаголы с косвенным объектом, включающие в себя префиксы местных отношений.

Примеры: *лЫжъымрэ цлалэмрэ зэпсэлъац* «старик и парень поговорили друг с другом» (ср. *лЫжъыр цлалэм эпсэлъац* «старик поговорил с парнем»); *си ныбжъэгъумрэ сэрэ дызэхуэзэри зэгъусэу кинон дыклуац* «мой товарищ и я встретились и вместе пошли в кино» (ср. *клубым сызэрыцлыхъэу си ныбжъэгъум сыхуэзац* «как только я вошел в клуб, я встретил своего товарища»); *лЫжъымрэ цлалэмрэ эбгъэдыхъэри сэлам зэрахац* «старик и парень подошли друг к другу и поздоровались за руку» (ср. *цла-лэр лЫжъым бгъэдыхъэри сэлам ирихац* «парень подошел к старику и поздоровался с ним за руку»); *си ныбжъэгъумрэ сэрэ дызэхуэзэну плалъэ зэттац* «я и мой товарищ назначили (букв. «дали друг другу») срок встретиться».

Двухличные переходные глаголы для выражения категории взаимности используют префикс *зэры-*.

Примеры: *Хъэсэнтрэ и къуэмрэ куэд цлауэ зэрылгъэгъуакъым* «Хасан и его сын давно не виделись» (ср. *Хъэсэн куэд цлауэ и къуэр илгъэгъуакъым* «Хасан давно не видел своего сына»); *цлалэмрэ хъыджэбзымрэ зэрышац* «парень и девушка поженились» (ср. *а цлалэм мо хъыджэбзыр къишац* «тот парень женился на этой девушке»); *хъыджэбз цыклухэм зэрылы-гъыу* «девочки бегают, держа друг друга за руки».

При взаимной форме как переходных, так и непереходных глаголов имена субъектов и объектов ставятся, как видим, в эргативно-косвенном падеже. Это объясняется наличием энклитической союзной частицы *рэ* «и», требующей всегда оформления склоняемого имени показателем эргативно-косвенного падежа (ср. также конструкцию с одноличным глаголом: *нысацлэмрэ нысацлэм и пцыпхъумрэ зэгъусэу мэжъыцлэхэр* «невестка и ее золовка вместе стирают»).

Если при взаимной форме глагола субъекты представлены именами или именем и местоимением 3-го лица, то глагольная форма выступает обычно с нулевым показателем лица или аффиксом мн. ч. *а-*, например: *зэхуэзахэц* «они встретились друг с другом»; *зэратац* «они дали друг другу».

Если в качестве субъектов и объектов выступают местоимения 1-го и 2-го лица единственного или множественного числа, то в форме взаимности употребляется префикс 1-го лица множественного числа, например: *уэрэ сэрэ ды-зэпсэлъац* «ты и я поговорили друг с другом» (т. е. «мы с тобой поговорили»); *фэрэ дэрэ куэд мыцлэу дызэрылгъэгъуниц* «вы и мы скоро увидимся» (т. е. «мы с вами скоро увидимся»).

Наконец, если один из субъектов или объектов выражен местоимением 1-го или 2-го лица единственного или множественного числа, то в форме взаимности имеется соответственно префикс 1-го или 2-го лица множественного числа, например: *лЫжсьхэмрэ дэрэ куэдрэ дЫзэхуозэ* «старики и мы часто встречаемся друг с другом»; *лЫжсьхэмрэ фэрэ махуэ кэс фЫзэрылгагьунуш* «старики и вы будете видеть друг друга каждый день».

8.17. Категория версии

Категория версии передает действие, которое совершается для субъекта или для косвенного объекта (объектная версия).

Морфологическими средствами выражения объектной версии служат префиксы *хуэ-* и *флэ-*.

8.17.1. Формы объектной версии

8.17.1.1. Версия с аффиксом *хуэ-*

Префикс *хуэ-* следует непосредственно за показателем косвенного объекта. Основное версионное значение, связанное с этим аффиксом, в различных словах может принимать разнообразные оттенки:

1) показывает, в чью пользу, ради кого совершается действие: *сы-п-ху-о-дэсэ* «читаю для тебя»; *сы-п-ху-о-плэ* «смотрю для тебя», *сы-п-ху-щлэхэ* «захожу для тебя»;

2) указывает на то, что субъект своим действием поддерживает действие косвенного объекта: *хуэгүзэвэн* «выражать кому-то свое сочувствие», *хуэгүфлэн* «радоваться чьему-либо счастью, успеху» – версионное значение несколько ослаблено;

3) выражает направленность действия к чему-нибудь, к кому-нибудь, например: *Шыхэр кьуэгьэнанлэм цагьэувылэри езыхэм Бахьсэн цлыкүм хуаунэтлаш* (Кл. Т.) «Коней спрятав, они сами направились к малому Баксану»; *Си Борису псэм и тласэ, уэ ажалыр бийм ятесэ, уатеклуауи кьыхуэгьазэ* (песня) «Мой милый Борис, посей смерть среди врагов и с победой ко мне вернись»; *Ныбгьуэр хьэм хэсми, хум и гур хуэгьэзаш* (Пс.) «Перепелка сидит в ячмене, но сердцем находится в просе (направлена к просу)»; *Шур кьэжьэм хуонлашлэ* «Всадник к ждущему его стремится (торопится)»;

4) указывает на адресата действия, на распространение действия на объект, например: *Етлуанэ махуэм си анэм кьыхуауэхуаш...* (Щ.И.) «На второй день моей матери сообщили»; *Сосрыкьуэ кьопсалэр, мыр иныжьым жырелэ: ...и хьыбар пхуэслэтэнш* (Н.) «Сосруко, обращаясь к великану, говорит: ...я тебе о нем расскажу»; *Си анэм абыклэ гушылэн флэфлэкьыми си адэм хуэтхьэусыхаш* (Ю.) «Мать шутить этим не любила, и пожаловалась отцу»;

5) обозначает обнаружение какого-то признака, например: *Зеиншагьэр куэд гьэхьуным а бзаджэжьхэр хуэжыджэриш* (Щ. А.) «Умножить сиротство эти злодеи всегда готовы»; *Кьызбыруным и мэз лувхэр абы и махуэм уафэ хуэплээт* (Щ. А.) «Густые леса Кызбуруна в тот день на небо смотрели»; *Льагьуэр хуэдэгьэзеигьуэти испыхэр кьэуэху Пашэжьхэм кьытехуэрт* (Н.) «Тропинка шла в гору, и испы каждый раз попадали в Пашеж»; *псэлэным хуэлэзэш* «разговаривать мастер»; *кьэклухьыным хуэцлэш* «создан для бездельничанья».

Другие значения аффикса *хуэ-* менее определены, например: *Ар кьызырымыклуам хуцлэгьуэжэшт* «Он жалел, что не пришел»; *Апхуэдизу кьыщыжыралэм Хьыжьокьуэ Шужьей и напцлэ хуэдакьым, яхуэгүзэва- кьым* (Н.) «Хужоков Шужей не побоялся их угрозы».

Версионные аффиксы употребляются и в формах повелительного наклонения. Примеры: *с-хуэ-щл* «сделай для меня»; *с-хуэ-тх* «напиши для меня»; *Пшацэм и гур кьэпхэхунум... кьыбжылар хуумышлэ* (Кл. А.) «Если сердце девушки хочешь покорить, не выполняй ее желаний»; *Уэ кьэблагьэ, дотэ льанлэ, унэ силэш, хьэцлэ схуэху...* (Кл.А.) «О пожалуйста, дорогой, дом есть у меня, будь моим гостем».

Форма версии образуется от переходных и непереходных глаголов, причем одноличный глагол становится двуличным, двуличный – трехличным, например: *с-о-лажьэ* «я работаю», *сы-п-ху-о-лажьэ* «я для тебя работаю», *с-о-плэ* «я смотрю», *сы-п-ху-о-плэ* «я для тебя смотрю», *у-з-о-лэагьу* «я тебя вижу», *у-ху-з-о-лэагьу* «я для него вижу».

При непереходных глаголах личные аффиксы располагаются в следующем порядке: субъект – косвенный объект (версии) – показатель версии – основа глагола; а при переходных глаголах: прямой объект – косвенный объект версии – показатель версии – субъект – основа глагола.

Версия всегда связана с косвенным объектом. Поэтому такое версионное образование называется объектным в отличие от субъектного, иначе называемого возвратным глаголом.

Аффикс *хуэ-* в результате десемантизации нередко утрачивает версионное значение. В таких случаях он теснее связан с корнем глагола. Но в форме каузатива аффикс удаётся отделить от корня глагола. Отсюда надо заключить, что *хуэ-* не окончательно слился с корнем, хотя и составляет с ним в смысловом отношении единое целое. Более того, большинство таких глагольных форм не существует без аффикса *хуэ-*: *хуэфациц* «достойн», *хуитиц* «свободен, волен», *хуейиц* «нуждается», *хуэфлиц*, *хуохуэ* «подходит (об одежде и обуви)», *хуцлохэ* «у него есть время», *хуцлобжэ* «завидует», *хуоупсэ* «одаривает».

Во многих словосочетаниях данный аффикс представляет более или менее устойчивую часть. Версионное значение *хуэ-* в подобных оборотах осознаётся легко, например: *хузилуэхуц* «у меня есть отношение к этому»; *кысхуиухац* «мне суждено», «выпало на долю»; *кысхуиухутац* «мне попался он», «он в моих руках»; *цйлысхуедеху* «меня знобит»; *унэгъацлэ хьэцлэ хуэфлиц* (Пс.) «молодая семья к гостям приветлива»; *цхьэ хуэпсэлээн* «думать вслух»; *псы хуэлэн* «жаждать воды»; *сигу хуэклуэркыым* «сердце не лежит к этому», «не догадываюсь»; *бжэр хуэцлын* «закрывать дверь».

В формах с затемненной версией аффикс *хуэ-* повторяется, т. е. налицо имеется удвоенная версия. Такие формы – результат утраты вторым аффиксом версионного значения, например: *Кхъухьым узэриклыжу ди хэкум цхьэцэ тхухуэцлыж* (Т.Хь.) «Как только с парохода сойдешь, поклонись (для нас) нашей родине»; *Адэ и хэку илэпхуклауэ абы дэс адыгэхэм факты-рэлус хуэхуахэсурэ ар яплац* (Т.Хь.) «Но эмигранты-кабардинцы, живущие там, собирая милостыню для него, его кормили».

8.17.1.2. Версия с аффиксом *флэ-*

Аффикс *флэ-* противоположен по функции аффиксу *хуэ-*, так как выражает действие, происходящее против воли, вопреки желанию косвенного объекта. Как и *хуэ-*, аффикс *флэ-* ставится непосредственно после показателя косвенного объекта, вопреки которому совершается действие. Форма версии с аффиксом *флэ-* образуется от непереходных и переходных глаголов.

Аффикс *хуэ-*

п-хуэ-с-хьынц

«для тебя отнесу»

с-хуэ-п-хьынц

«для меня отнесешь»

хуэ-с-хьынц

«для него отнесу»

Аффикс *флэ-*

п-флэ-с-хьынц

«против тебя отнесу»

с-флэ-п-хьынц

«против моей воли отнесешь»

флэ-с-хьынц

«против его воли отнесу»

Примеры: *Иныжь гуэр нартхэм къатеуэрти хьыджэбзым я нэхь дахэр яфлихьырти зырикI лъэцлэмышьэу яфлэклуэжырт* (Н.) «Один великан напал на нартов, и, унеся самую красивую девушку, уходил»; *Шыр цлолэтри, усфлохуэх, уэр си лэдииху, усфлохуэхри усфлеукI, уэр си лэдииху* (песня) «Конь, рванувшись, ты падаешь, о моя Адиях, падая, ты гибнешь, о моя Адиях»; *Хуэзгъэцагъэ сахуеклуэри ди унэ сакъыфлэклуэжац* (Н.) «Пошел на хитрость и домой вернулся».

Во многих случаях грамматическое значение *флэ-* почти утратилось, например: *Сэ си закъуэтэкъым, псори еплъырт абы, псоми яфлэгъэцлэгъуэнт* (Ю.) «Не я один, все смотрели на нее, все дивились ей»; *Дызэрыгъэцлыху, кытхуэклуэ, уи цэуэгъуныр сфлэигъуэц, – жиIац Сосрыкъуэ* (Н.) «Давайте познакомимся, в гости приезжай, твоя дружба кстати, – сказал Сосруко»; *унацхьэм нытыр флэлэц* «на крыше флаг висит».

Иногда в пределах одного глагола встречаются аффиксы *хуэ-* и *флэ-*, причем каждый

сохраняет свою функцию: *Ашэмэз щлалэр къэтэдджыжарэ си щхьэр схуфлхыу слъэгъуащ* (Н.) букв. «Ашамаз как будто ожил и мне голову снимал».

8.17.2. Субъектная версия

Субъектная версия иначе называется возвратной формой глагола. Она обозначает, что действие совершается для субъекта. Субъектная версия образуется как от непереходных, так и от переходных глаголов при помощи префикса *зы-//зэ-*. Часто данный аффикс сопровождается суффиксом *-ж*, имеющим значение «обратно», «снова». Он усиливает переход действия на деятеля. Примеры:

1) субъектная версия от непереходных глаголов: *сы-з-о-уицлыж* «я себя спрашиваю»; *уз-о-плъыж* «ты себя спрашиваешь»; *з-о-уицлыж* «он себя спрашивает»; *сы-з-о-плъыж* «я на себя смотрю». Личные показатели субъекта стоят перед аффиксом версии *зы-*;

2) субъектная версия от переходных глаголов: *зы-з-о-тхьэщI* «я мою себя»; *зы-б-о-тхьэщI//з-о-тхьэщI* «ты моешь себя»; *з-е-тхьэщI* «он моется»; *зы-з-о-хуапэ* «я одеваюсь»; *зы-б-о-хуапэ//з-о-хуапэ* «ты одеваешься». В переходных глаголах аффикс субъектной версии стоит перед показателями субъектов.

Очень распространена субъектная версия от каузативных форм. Субъект побуждает самого себя к действию, которое для него же делается: *зызогъэщIэращIэ* «наряжаюсь», *зызогъэгъуащ* «горжусь».

Примеры: *Пагэу дахэм щлхь хуумыщIмэ щлхьыу зегъэгъусэ* (КI. А.) «Если гордой красавице не окажешь чести, она быстро обижается»; *ЗауэлI шу закъуэм и къалэн игъэащIэри унэм клуэжащ, шымы увылэнIэ иритри езым зигъэгъэгъащ* (Н.) «Всадник – воин, выполнив свой долг, домой вернулся, коня поставил и сам лег [спать]».

Другую группу глаголов субъектной версии представляют собой образования с префиксами *зы-* и *хуэ-*, а иногда и *фIэ-*. Такие формы называются субъектно-объектной версией. По своему значению они делятся на две группы.

1. В глаголах первой группы действие распространяется на субъект и предназначено ему, например: *зы-ху-з-о-тх* «для себя пишу»; *зы-ху-б-о-тх* «для себя пишешь»; *зы-ху-е-тх* «для себя пишет»; *Уэзырмэс щхьэ уасэу вы щитху зыхуицлыжащ* (Н.) «Озермес оценивал себя в 500 волов»; *ар зыхуэарэзыжщ* «он доволен собой»; *ар зыхуосакъыж* «он бережет себя (следит за собой)».

2. В глаголах второй группы действие также распространяется на субъект, но результат предназначен объекту, например: *Сыбгъэдыхъэнищ сыкъымыщIэуи и быдзышэ сефэнищ, къуэ зыхуэсщIынищ* (Н.) «Незаметно подойду, грудного молока выпью и сделаюсь ей сыном»; *Къамбот цэхуу зыхуегъафIэ* (Щ. А.) «Для Камбота она себя лелеет».

Категория версии переплетается и с категорией взаимности. Аффикс *хуэ-* придает этой категории значение «совершения действия друг для друга», например: *къызэхуагъанэрт* «друг для друга оставляли»; *зэхуагуатэ* «друг другу рассказывают»; *зэхуогуфIэ* «друг другу улыбаются»; *Кооперативнэ еджапIэм дыщыщIэсам щыгъуэ абы сэрэ ныбжьэгъу дызэхуэхъуат* (КI. Т.) «Когда в кооперативной школе учились, он и я друзьями стали»; *ЗэмыщхьитI зэхуэзэркъым* (Пс.) «Не похожие друг с другом не встречаются»; *уи жьэ зэсэм нэмыс зэхуэицлыжыркъым* «частая ссора приводит к взаимной неприязни».

Всем формам версии противопоставляется нейтральная версия. Она обозначает, что действие происходит вообще, а не для кого-либо, например: *с-о-клуэ* «иду», *с-о-щI* «делаю», *с-о-тх* «пишу».

8.18. Категория потенциалиса (возможности)

Глагольная категория, обозначающая возможность осуществления того или иного действия, называется потенциалисом. Морфологически он выражается префиксально и суффиксально. Отсюда условные названия «префиксальный потенциалис» и «суффиксальный потенциалис». Иногда оба аффикса используются в пределах одного и того же глагола. Потенциалис характерен в основном для отрицательных форм глагола.

8.18.1. Префиксальный потенциалис

Префиксальный потенциалис образуется от двухличных и трехличных переходных глаголов. Морфологическим признаком данного потенциалиса является префикс *хуэ-*. Он ставится после показателя субъекта, с которым связан, примеры:

от двухличных переходных глаголов: *с-шхыркъым* «не ем» – *с-хуэшхыркъым* «не могу то есть»; *Батыр жыгым къелэри кыгъэлъэныкъуэба флэкIа къыхуичакъым* (Къ. Т.) «Батыр только наклонил дерево в сторону, не смог вырвать»;

от трехличных переходных глаголов: *е-с-тыркъым* «то ему не даю», *с-хуетыркъым* «то ему я не могу дать»; *Ауэ, дауэ сызэрыкIуэжынур, сэ шым уанэ схутелъхъэркъым, – жиIащ Наурыз* (Къ. Т.) «Но как поеду, я не умею оседлать коня, – сказал Наурыз»; *Нартым «сысымаджэщ» жыпIэу дауэ пхужелэ?.. – жиIэри фызыр къегиящ* (Н.) «Нарту как ты мог сказать «болен»?.. – упрекнула жена его».

Особенности спряжения глагола в потенциальной форме

Образование категории потенциалиса ведет к изменению структуры, а именно переходные глаголы становятся непереходными и инверсивными, например: *у-з-укIыркъым* «тебя я не бью» и *у-с-хуэ-укIыркъым* «тебя я не могу бить».

В трехличных глаголах наблюдается перемещение личных аффиксов: *у-е-с-тыркъым* «тебя ему я не отдаю», но *у-с-ху-е-тыркъым* «тебя я не смогу ему отдать». В первом примере показатель прямого объекта (*у-*) стоит на первом месте, на втором – аффикс косвенного объекта (*-е-*) и на третьем – субъекта (*с-*). Второй пример представляет потенциальное образование от первого, поэтому и личные аффиксы располагаются по-иному: на первом месте – показатель прямого объекта (*у-* – грамматический субъект), на втором – показатель реального субъекта (*с-* – грамматический объект) и на третьем – косвенного объекта (*е-*).

Такая постановка личных аффиксов происходит и в сложносоставном глаголе *жыIэн* «говорить»: *жы-з-о-Iэ* или *ж-и-з-о-Iэ* «то ему говорю». Субъектный аффикс *-з-* помещается внутрь основы. Но в потенциальной форме он выходит за пределы основы: *с-ху-ж-о-Iэ* «то ему я могу сказать».

Префиксальный потенциалис употребляется: 1) во всех временных формах глагола, например: настоящее время – *схуэтхыркъым* «не могу писать (то)», прошедшее несовершенное время – *схуэтхыртэкъым* «не мог писать (то)»; 2) для всех наклонений, кроме повелительного: условное наклонение – *схуэмытхмэ* «если не смогу написать», наклонение вероятности – *схуэтхагъэнкъым* «наверное, я не смог написать»; 3) для категории каузатива – *схуегъэтхыркъым* «не могу заставить (его) написать (то)».

Префиксальный потенциалис не употребляется с глаголами в форме взаимности, ибо переходный глагол в этой форме становится непереходным.

8.18.2. Суффиксальный потенциалис

Данная потенциальная форма образуется при помощи суффикса *-ф*. В отличие от префиксального, суффиксальный потенциалис одинаково употребляется в положительной и отрицательной формах, например: *щытщ* «стоит» – *щытыфщ* – «может стоять»; *макIуэ* «идет» – *мэкIуэф* «может идти»; *йоджэ* «читает» – *йоджэф* «может читать»; *ешэ* «ведет» – *ешэф* «может вести».

Примеры: *Сабий быдзафэр нартыхъэхэм дауэ къытщхъэпэфынт?* (Н.) «Грудной ребенок бывалым нартам чем мог пригодиться?»; *Хъэуэ, сэ икъукIэ сынасыпыфIэт, сэ сыжеифынутэкъым* (Iу.) «Нет, я слишком был счастлив, я не мог спать»; *Уэ сэ укъызэмышуэу уи адэр зыукIам уеуэжыфащэрэт* (Н.) «Ты бы ударил того, кто твоего отца убил»; *Лыгъэм хуэлъащэм батэр егъэшыф* (Н.) «Кто храбро действует, тот чудеса творит».

В языке художественной литературы суффиксальный потенциалис получил большое распространение. Здесь язык обнаруживает тенденцию к единообразию в выражении данной грамматической категории. В этом отношении суффикс *-ф* оказывается более удобным, так как образует потенциалис как от статических и

динамических глаголов, так и от переходных и непереходных.

Примечание. В пределах одного глагола иногда встречаются оба аффикса потенциалиса. Это явление малопродуктивное: *щІын* «делать», *сщІынукъым* «не сделаю», *схуэщІыфынукъым* «не могу сделать»; *Батыр къелэри жыгыр къричащ, ауэ щхъэкІэ хухэсэжыфакъым* (Къ. Т.) «Батыр вырвал дерево, но верхушкой вниз не смог вновь посадить».

8.18.3. Описательная форма потенциалиса

При помощи глагола *лъэкІын* «мочь» образуется описательная форма потенциалиса, например: *сэ сыкІуэн слъэкІыркъым* «я не могу идти». Здесь само слово в соединении с другими глагольными формами выражает возможность. Глагол *лъэкІын* – инверсивный, на что указывает и отсутствие субъектного аффикса 3-го лица единственного числа. Но несмотря на это, он встречается с аффиксом *ху(э)-*, который уже не вносит добавочного оттенка в значение глагола: *сыкІуэн схулъэкІакъым* «я идти не смог».

В современном языке наблюдается полная произвольность в использовании потенциальных аффиксов. Об этом свидетельствуют такие случаи, когда в одном и том же предложении один и тот же глагол в первый раз встречается с префиксом *хуэ-*, но во втором с суффиксом *-ф-*, например: *Адэжъыр лым еплъа щхъэкІэ лыр зи лы лъэкІыркъыхуэщІакъым. Сэ къыхуэмыщІами нартхэм къащІэфынкъэ* (Н.) «Ее отец, хотя и посмотрел на мясо, не смог узнать, что за мясо. Если я не смог узнать, то нарты смогут узнать».

8.19. Категория непроизвольности

Данная категория означает, что действие совершается субъектом невольно. Образуется от непереходных и переходных глаголов при помощи сложного аффикса *ІэщІэ-*, например: *с-ІэщІэ-кІащ* «то у меня невольно вышло»; *с-ІэщІэ-гъуныщІащ* «то мною невольно забыто»; *с-ІэщІэ-кІуэдащ* «то у меня невольно пропало»; *с-ІэщІэ-шхыкІащ* «то я невольно растратил»; *с-ІэщІэ-ужэгъуащ* «то мне невольно надоело». Произвольность больше связана с положительными формами глагола. Она употребляется редко.

8.20. Направительные и местные префиксы (превербы)

8.20.1. Предварительные замечания

Для кабардино-черкесского языка характерно образование глагольных основ с помощью превербов, выражающих местное и направительное значения. Как и в других абхазско-адыгских языках, местные и направительные превербы в кабардино-черкесском по своему составу разнообразны и многочисленны. Но, в отличие от абхазского и абазинского языков, здесь менее распространены превербы – основы, функционирующие в одних случаях в роли превербов, а в других – в роли основ (носителей основного лексического значения глагола).

Особенностью кабардино-черкесского языка является то, что выражение места максимально дифференцировано, например: *тепщэчым и-лъы-н* «лежать в тарелке»; *шкафым дэ-лъы-н* «лежать в шкафу»; *дагъэм хэ-лъын* «лежать в масле»; *унэм щІэ-лъы-н* «лежать в комнате»; *шхылэным кІуэщІы-лъы-н* «лежать в одеяле».

Из этих примеров видно, что положение внутри разных предметов (*тепщэч* «тарелка», *шкаф* «шкаф», *дагъэ* «масло», *унэ* «комната», *шхылэн* «одеяло») выражается разными превербами.

С этимологической точки зрения превербы делятся на превербы первичные и вторичные. В группу первичных входят превербы, которые уже не представляется возможным связывать с конкретными основами автономных или служебных слов. К ним относятся, например, превербы *дэ-*, *хэ-*, *и-*, *т-*. Вторую группу составляют превербы, которые соотносятся с единицами, функционирующими в языке самостоятельно, в качестве именных основ. Сюда входят такие превербы, как *блэ-*, *пэ-*, *лъы-*, *гуэ-*, *кІуэщІы-*, *Іэпы-*.

С точки зрения морфемного строения превербы можно разделить на простые (непроизводные) и сложные (составные). В группу простых входят все первообразные и многие вторичные превербы, ср. *дэ-, хэ-, и-, те-, блэ-, пы-, лғы-, гуэ-*. Группу составных превербов образуют превербы типа *Іэпы-, щхъэщы-, бгъэдэ-, кІэры-, пхыры-*.

В дистрибутивном плане, т. е. с точки зрения взаимосвязи преверба с корневой морфемой глагола, превербы также делятся на две группы. Местные превербы составляют третий порядок, а направительные – шестой порядок (см. таблицу аранжировки глагольных деривационных морфем на стр. 246).

8.20.2. Об основной форме преверба

Фонетический состав основообразующих морфем, в том числе превербов, характеризуется тем, что они начинаются с согласной или полугласной фонемы. В зависимости от фономорфологического окружения изменяется вариантная форма основообразующей морфемы, причем фонетическим изменениям подвергается гласный элемент. Так, в словоформах *хэ-дзэ-н* «бросить что-то во что-либо», *хы-з-о-дзэ* «я бросаю что-то во что-либо», *х-и-дз-а-щ* «он бросил что-то во что-либо» элементы *хэ-, хы-, х-* являются вариантами одной морфемы. Каждый из них встречается в таком окружении, в котором не встречаются остальные варианты. Иными словами, элементы *хэ-, хы-, х-* находятся в отношении дополнительной дистрибуции. При описании превербов затруднительно каждый раз перечислять все их вариантные формы, хотя они равноценны с точки зрения синхронного анализа. Поэтому один из вариантов принято брать в качестве основного для условного обозначения преверба. Основной формой из вариантов *хэ-, хы-, х-* считается вариант *хэ-*. Выбор этого варианта оправдан не только частотой его употребления, но и соображениями исторического характера. Вариант *хэ-* встречается в масдаре, в формах прошедшего и будущего времени от простых основ; варианты *хы-, х-* исторически восходят к *хэ-*.

Соответственно решается вопрос о выборе основных вариантов других префиксов.

8.20.3. Направительные превербы

Преверб *къэ-* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. С помощью этого преверба образуются глагольные основы, которые обозначают направление к говорящему (оттуда сюда), например: *къэ-кІуэн* «идти сюда», *къэ-сын* «прибыть сюда», *къэ-жэн* «бежать сюда», *къэ-тхэн* «писать сюда», *къэ-хыын* «нести сюда», *къэ-джэн* «кричать сюда».

Преверб *къэ-* может образовать от имени глагольную основу, которая обозначает направление действия к говорящему, например: *Іуэху* «дело», *кы-зо-Іуэху* «сообщаю, передаю сюда», *къ-о-Іуэху* «сообщаешь, передаешь сюда», *къ-е-Іуэху* «сообщает, передает сюда».

Основной функцией преверба *къэ-* является не только выражение направления действия. По своей семантике рассматриваемый преверб многозначен.

В динамических глаголах преверб *къэ-* может не выражать направительного значения. Ср. *къэ-нэн* «оставаться где-либо»; *къэ-хъун* «возникать, вырасти»; *къэ-укІын* «убить (о животных и птицах)»; *къэ-пцІэн* «ошибиться в чем-либо»; *къэлгытэн* «подсчитать, учесть»; *кыы-бгъу-ры-щІэн* «привязывать сбоку»; *кыы-бгъу-ры-нэн* «оставлять рядом»; *кыы-гуэ-нэн* «оставлять сбоку, рядом»; *кыы-гуэ-кІын* «отделяться от кого-либо, от чего-нибудь»; *кыы-кІэ-ры-хун* «отставать»; *кыы-кІэ-ры-шыын* «отводить, отвести».

Преверб *къэ-* образует основы глаголов, которые обозначают результативность и полноту действия, например: *гуп-сысэн* «думать» – *къэ-гупсысын* «придумать что-нибудь»; *псэ-лгэн* «говорить, сказать» – *къэ-псэлгэн* «произнести слово, речь»; *вэн* «кипеть» – *къэ-вэн* «вскипеть, закипеть»; *губжыын* «злиться, гневаться» – *къэ-губжыын* «разозлиться, разгневаться».

С основами статических глаголов преверб *къэ-* имеет конкретно-локальное значение, например: *кыы-щысын* «сидеть рядом, со стороны»; *кыы-щы-тын* «стоять рядом, со стороны»; *кыы-щылгыын* «лежать рядом со стороны». Ср. также динамический глагол *къэ-тысын* «сесть рядом, поблизости».

С парадигматической точки зрения личная форма 3-го лица глаголов с превербом *къэ-* отличается от соответствующих бесприставочных глаголов. Ср. *ар къоклуэ* – «он идет сюда» – *ар маклуэ* – «он идет».

Преверб *нэ-* образует глагольные основы, обозначающие направление действия от говорящего (отсюда туда); *сы-нэ-плъащ* «смотрел туда»; *сы-нэ-сащ* «я прибыл туда»; *нэ-с-тхащ* «я написал туда»; *нэ-с-хъащ* «я носил туда».

8.20.4. Местные превербы

Превербы *дэ-, и-, хэ-* по своей семантике объединяются в одну группу. Они относятся к категории простых превербов, которые на данном этапе развития адыгских языков генетически не удается связывать с той или иной частью речи. Однако теоретически можно предположить, что эти простые местные превербы восходят к именным основам локального значения. В пользу этого предположения говорит общая тенденция к трансформации полнозначных самостоятельных основ с конкретным локальным значением в местные превербы в абхазско-адыгских языках.

Простые превербы *дэ-, и-, хэ-* употребляются с основами как динамических, так и статических глаголов. От основ динамических глаголов с помощью превербов *дэ-, и-, хэ-* образуются производные основы, которые обозначают направление действия, движение внутри или изнутри предмета. Основы статических глаголов с этими превербами обозначают положение, пребывание внутри предмета, например:

дэ-: *къалэм ды-хъэ-н* «входить, заходить в город», *къалэм дэ-сы-н* «быть, находиться в городе», *пцлантлэм дэ-кы-н* «выходить со двора», *пцлантлэм дэ-тын* «находиться, стоять во дворе»;

хэ-: *псым хэ-клэ-н* «вливать в воду», *псым хэ-сы-н* «сидеть, находиться в воде», *ятлэм хэ-нэ-н* «застрять, увязнуть в грязи», *уэсым хэ-куэ-н* «повалить в снег», *уэсым хэ-ты-н* «стоять, находиться в снегу»; *мэзым хы-хъэ-н* «входить, войти в лес», *мэзым хэ-сы-н* «находиться, сидеть в лесу»;

и-: *жыным и-лхъэ-н* «положить в карман», *бытулгклэм и-клэ-н* «налить в бутылку», *бытулгклэм и-лгы-н* «находиться в бутылке», *матэм и-кнутэ-н* «всыпать в корзину», *матэм и-сы-н* «сидеть в корзине».

Как видно из примеров, превербы *дэ-, хэ-, и-* имеют значение «внутри». Но следует отметить, что эти превербы, хотя и объединяются своей семантикой, все же не являются превербами-синонимами. Дело в том, что каждый из этих превербов закреплен за определенной группой имен существительных. Наличие того или иного преверба со значением «внутри» в глагольной основе обуславливается именем существительным, вступающим в синтаксические связи с глаголом. При этом имена существительные, которые обозначают понятия, объединяющиеся какими-то общими свойствами, связаны с определенным превербом. Поэтому употребительность того или иного преверба определяется количеством имен существительных, закрепленных за ним.

Наиболее многочислен круг имен существительных, требующих присутствия в глагольной основе преверба *хэ-*. Наличие данного преверба в глагольной основе требуют имена существительные, которые имеют:

1) предметно-вещественное значение: *псы* «вода», *лы* «мясо», *хугу* «пшено», *нартыху* «кукуруза», *прунж* «рис», *гуэдз* «пшеница», *мылэрысэ* «яблоко», *кхъужь* «груша», *бжъын* «лук», *фо* «мед», *шыгъу* «соль», *фошыгъу* «сахар», *махъсымэ* «махсыма» (национальный напиток), *санэ* «вино», *жызум* «виноград», *цлакхъуэ* «хлеб», *кхъуей* «сыр», *шэ* «молоко», *гъуцл* «железо», *дыщэ* «золото», *жы* «воздух», *нэху* «свет», *уэс* «снег», *уэшх* «дождь»;

2) абстрактное значение: *зукъеуэ* «горе», *гуфлэгъуэ* «радость», *гупсысэ* «дума, мысль», *дыхъэшх* «смех», *цфылэ* «холод», *хуабэ* «жара», *мамырыгъэ* «мир», «тишина», *пэж* «правда», *пцлы* «ложь»;

3) собирательное значение: *гуп* «группа», *цлалэгъуалэ* «молодежь», *зэшхэр* «братья», *ныбжъэгъухэр* «друзья», *бийхэр* «враги», *дзэ* «армия».

Более конкретными значениями обладают превербы *и-, дэ-*. Преверб *и-* закреплен за теми именами существительными, которые обозначают предметы, имеющие отверстие, углубленное место, полое пространство и т. д., например: *бытулгклэ* «бутылка», *шакъалгэ*

«чернильница», *шыгъу-лэ* «солонка», *фошыгъулэ* «сахарница», *жып* «карман», *унэ* «дом», *мащэ* «яма», *гъуэ* «нора, берлога», *гу* «арба», *машынэ* «машина», *кхъухъ* «пароход», *кхъухълъатэ* «самолет», *тебэ* «сковорода», *пэгун* «ведро», *тепщэч* «тарелка», *стэчан* «стакан», *матэ* «корзина».

По сравнению с провербами *хэ-*, *и-* реже используется проверб *дэ-*, так как количество имен существительных, закрепленных за ним, не очень многочисленно. Наличие проверба *дэ-* в глагольной основе требуют такие имена существительные, как: *къуажэ* «село», *къалэ* «город», *пцлантлэ* «двор», *ныджэ* «пойма реки, заливной луг», *псыхъуэ* «берег», *уэрам* «улица», *пхъуантэ* «сундук», *шкаф* «шкаф». Словоформы типа *(и)щлэб*, *(и)щлэбагъ* «позади», «за», «вне», *языхуаку* «между» требуют также проверба *дэ-*, например: *абы и щлэбагъым сыдэсц* «я сижу за ним»; *къалэр пситлым* я *зэхуакум дащлэхъащ* «между двумя реками построили город».

Проверб *щлэ* – образует основы статических и динамических глаголов и вносит в основу глагола значение «под» (ср. *щлэ* – «дно»): *мывэфламышлэр щлым щлэлъщ* «каменный уголь лежит под землей»; *пхъэщхъемыщхъэр щлыунэм щлалъхъащ* «фрукты положили в подвал»; *щлалэр жыг щла-гъым щлэсц* «парень сидит под деревом».

Проверб *т(е)* – употребляется как со статическими, так и с динамическими глаголами и указывает на то, что действие совершается на поверхности предмета, например: *те-сын* «сидеть на чем-то», *те-лэын* «лежать на чем-то», *те-клын* «сходить с поверхности чего-то», *те-хын* «снести с поверхности чего-то», *те-щлэн* «сделать что-нибудь на поверхности чего-то», *те-лэхъэн* «класть на поверхность чего-то».

В отличие от местных провербов *дэ-*, *хэ-*, *и-*, которые не могут выражать положение или действие внутри предмета независимо от его внешних форм (т.е. зависят от семантики существительного), проверб *т(е)* – обозначает положение или действие на поверхности предмета любой формы, например: *псым т-е-лэын* «лежать на воде», *псым хэ-лэын* «лежать в воде»; *матэм т-е-лэын* «лежать на корзине», *матэм и-лэын* «лежать в корзине»; *пхъуантэм т-е-лэын* «лежать на сундуке», *пхъуантэм дэ-лэын* «лежать в сундуке».

Проверб *щы-* употребляется с основами статических и динамических глаголов. С его помощью образуется основная лексическая форма основ статических глаголов: *щысын* «сидеть», *щытын* «стоять», *щылэын* «лежать».

В этих глаголах проверб *щы-* не имеет локального значения. Об этом свидетельствует то, что эти статические глаголы, образованные посредством проверба *щы-*, употребляются в предложении, где не указывается конкретно-локальное место субъекта: *ар жэщкIэ куэдрэ щысц* «он по ночам долго сидит»; *сэ нобэ сыщысц* «я сегодня сижу (т.е. не работаю, отдыхаю)».

Утрата провербом *щы-* своего местного значения – явление вторичное. Проверб *щы-* в прошлом указывал на то, что действие совершается на поверхности предмета. Основным доводом в пользу этого предположения является тот факт, что этот проверб доныне сохраняет еще следы своего этимологического значения. Как отмечалось выше, проверб указывает на совершение действия на поверхности предмета независимо от ее формы, т.е. круг имен существительных закрепленных за этим провербом, количественно не ограничен.

Однако исключение среди имен составляет слово *щлы* «земля». Состояние на поверхности земли может быть выражено основами статических глаголов, образованных с помощью проверба *щы-*, ср. *щлым щысын* «сидеть на земле», *щлым щылэын* «лежать на земле».

Былое значение проверба *щы-* сохраняется также в ряде динамических глаголов, например: *щыхун* «свалиться с поверхности», *щыдзын* «свалить, сбросить», *щыхъуэн* «тереть обо что-либо», *щыцлэлэын* «намазать на что-либо», *щытлэгъэн* «надеть, одеть».

Этот же проверб представлен в глаголах: *щыклын* «зазнаваться», *щыуэн* «ошибаться».

Таким образом, исторически проверб *щы-* был местным провербом.

Следовательно, действие, совершающееся на поверхности предмета, выражается в глаголе не только провербом *т-*, но и провербом *щы-*. Очевидно, как для выражения действия и состояния внутри предмета, так и для выражения действия и состояния на поверхности его в глаголе использовались разные провербы в зависимости от формы самого предмета. Иначе трудно объяснить, почему с одним и тем же глаголом «сидеть»

употребляются разные превербы (*щӀым щысщ* «сидит на земле», *шэнтым тесщ* «сидит на стуле»).

В этой связи обращает на себя внимание сложный преверб *щхъэ-щы-*. Первая часть его возводится к слову *щхъэ* «голова», а вторая представляет собой преверб *щы-*. В ряде случаев преверб *щхъэщы-* выступает как синоним преверба *щы-*, что в известной мере проливает свет на первоначальное значение последнего, например: *бгым щхъэщыхун*, *бгым щыхун* «свалиться с горы, с утеса».

Преверб *фӀэ-* образует основы статических и динамических глаголов. Основы глаголов, образованные посредством этого префикса, обозначают:

действие или состояние на поверхности или конечной части предмета, например: *фӀэлъын* «лежать наверху», *и пэм фӀэтын* «стоять на передней части»;

положение на поверхности предмета: *блыным фӀэлъын* «висеть (букв.лежать) на стене», *кӀапсэм фӀэлъын* «висеть (букв.лежать) на веревке», *пыщӀэн* «привязать на поверхности, на конечной части», *фӀэдэн* «пришить на поверхности, на передней части», *фӀэсысыхын* «болтаться, шататься на чем-то».

Кроме того, основы динамических глаголов с превербом *фӀэ-* обозначают действие на поверхности или на конечной части предмета; действие, направляемое на острие, на конец предмета или с конца предмета: *фӀэлъхъэн* «насадить, надеть на что-то», *фӀэкӀын* «отделиться от чего-то», *фӀэхын* «снять с чего-либо».

По своему звуковому облику местный преверб *фӀэ-* совпадает с версионным аффиксом *фӀэ-*, ср. *фӀэдзын* «сбросить с чего-либо» и *фӀэдзын* «бросить вопреки желанию кого-либо»; *фӀэдэн* «пришить» и *фӀэдэн* «шить вопреки желанию кого-чего-либо». Очевидно, здесь мы имеем дело с аффиксами-омонимами, которые совпали в результате звуковых изменений.

Преверб *пы-*. Глагольные основы, образованные с помощью данного преверба, обозначают состояние и действие, происходящее в передней части чего-либо, например: *пытын* «находиться, стоять в передней части»; *пысын* «находиться, сидеть в передней части»; *пыхъэн* «присоединиться спереди», *пыхын* «снять спереди»; *пыдэн* «пришить спереди».

Преверб *пы-* имеется в абхазском и абазинском языках в том же значении, например: абх. *а-пылара* «встречаться, идти навстречу».

Общеабхазско-адыгский преверб *пы-* возводится к именной основе *пэ*: адыг.-каб. *пэ*, абх.-абаз. *а-пынцӀа* «нос», «передняя часть чего-то».

По своему значению преверб *пы-* близок к превербу *фӀэ-*. Эти превербы иногда могут заменять друг друга, например:

жыг щхъэкӀэм пысщ

«сидит на верхушке дерева»

жыг щхъэкӀэм фӀэсщ

бжэгъум пылъщ

«находиться на конце кола»

бжэгъум фӀэлъщ

къудамэм пыщӀэн

«привязать к ветке»

къудамэм фӀэщӀэн

Преверб *хыфӀэ-*, будучи сложным, состоит из простых превербов *хы-* и *фӀэ-*. Если составляющие его компоненты сочетаются с основами переходных и непереходных глаголов, то сложный преверб *хыфӀэ-* сочетается лишь с некоторыми основами переходных глаголов движения. Значение сложного преверба *хыфӀэ-* также не соответствует сумме значений составляющих его простых превербов *хы-* и *фӀэ-*, ср. *хыфӀэ-хуэ-н* «толкать», «толкнуть», «швырять» (от основы глагола *ху-н* «гнать»), *хыфӀэ-дзэ-н* «бросить», «бросать», «швырнуть» (от основы глагола *дзы-н* «бросить»). Как видно, образование глагола с помощью преверба *хыфӀэ-* сопровождается изменением гласного основы *ы* в *э*.

Преверб *пэры-*, в состав которого входят отыменный преверб *пэ-* и элемент *-ры-*. Последний представляет собой, очевидно, фонетическое наращение на стыке отыменного преверба и глагольной основы. Как увидим ниже, этот сонорный согласный нередко появляется после местных отыменных превербов. По значению преверб *пэры-* близок к превербу *пы-*, например: *пэрытын* «стоять перед кем-чем-либо»; *пэрылын* «лежать перед кем-чем-либо»; *пэрыхэн* «подойти спереди»; *пэрылэдэн* «подбежать спереди»; *пэрылхэн* «класть спереди».

Преверб *пэцлэ-*, будучи сложным, состоит из простых превербов *пэ-* и *цлэ-*. Синхронное значение преверба не соответствует сумме значений составляющих его компонентов. Десемантизации подвергся второй компонент *-цлэ-*, этимологическое значение которого сильно поблекло в сочетании с *пэ-*. Преверб *пэцлэ-* сочетается с основами как переходных глаголов, так и непереходных глаголов, например: *пэцлэдзын* «выбрасывать, выбросить из-под чего-либо», *пэцлэклын* «отходить, отъезжать от кого-чего-либо», *пэцлэхын* «убирать, убрать из-под чего-либо»; *пэцлэлэдэн* «подбегать, подбежать к кому-либо, чему-либо»; *пэцлэклүэтэн* «приближаться, приблизиться к кому-чему-либо»; *пэцлэтын* «стоять против кого-чего-либо».

Рассматриваемый сложный преверб имеет фонетический вариант *пыщлэ-*, ср. *пэцлэхуэн/пыщлэхуэн* «попадаться», «встречаться», *пэцлэу-вэн/пыщлэу-вэн* «противостоять».

Преверб *кэуэ-*. Глагольные основы с этим местным превербом обозначают состояние и действие за предметом, сзади чего-нибудь, а также направление движения за предмет или из-за предмета. Примеры: *кэуэлзын* «лежать за каким-нибудь предметом»; *кэуэсын* «сидеть за каким-нибудь предметом»; *кэуэтын* «стоять за каким-нибудь предметом»; *кэуэцлыхын* «сделать что-нибудь сзади, за каким-нибудь предметом»; *кэуэхэн* «заходить за какой-нибудь предмет»; *кэуэклын* «выходить из-за какого-нибудь предмета».

Местный преверб *кэуэ-* генетически связывается с послелогом *кэуагъ* «угол», «место, находящиеся за кем-чем-либо», ср. *унэ кэуагъым* «за домом», *и кэуагъ* «за ним, сзади него».

Преверб *лэы-* возводится к общеадыгской именной основе *лэз-* «след», «нога», «нижняя часть чего-то». Посредством преверба *лэз-* образуются основы динамических глаголов, которые обозначают действие, движение, вслед за кем-чем-либо: *лэыщлэхэн* «догнать кого-что-либо», *лэыклүэтэн* «двигаться вслед за кем-чем-либо».

Этимологическое значение местного преверба *лэы-* сохранилось в таких производных основах, как *лэытлэггэн* букв. «надеть на ноги», *лэыхын* «снять с ног». Ср.: *лыхын* «отнять, взять из рук», *щхьэрытлэггэн* «надеть на голову».

Из основ статических глаголов с превербом *лэы-* сочетается основа *-гъ:* *вакъэ слэыгъыщ* «я обут», букв. «мои ноги в обуви».

Преверб *кэлэы-*, будучи сложным, состоит из двух простых превербов *клэ-* и *лэз-*. По значению преверб *кэлэы-* близок к превербу *лэы-*: *кэлэыжэн* «бежать вслед за кем-чем-либо»; *кэлэыхын* «нести вслед за кем-чем-либо», *кэлэыдзын* «бросить вслед за кем-чем-либо».

Выражение действия и движения вслед за кем-чем-либо глагольными основами с одним местным превербом *лэы-* – это архаичное явление. Перераспределение функции одного преверба *лэы-* между двумя превербами *клэ-* и *лэы-(кэлэы-)* – явление более позднее. Это доказывается наличием параллельных (синонимичных) производных образований типа: *лэыщлэхэн* // *кэлэыщлэхэн* «догнать кого-что-либо»; *лэыклүэтэн* // *кэлэыклүэтэн* «двигаться вслед за кем-чем-либо»; *лэхьэжэжэн* // *кэлэхьэжэжэн* «понести за кем-чем-либо».

Общеадыгский язык не знал сложного преверба *кэлэы-*, состояние общеадыгского языка-основы в этом отношении сохраняет до сих пор адыгейский язык, ср. адыг. *лэыджэн*, каб. *кэлэыджэн* «кричать вслед за кем-чем-либо».

Преверб *блэ-* восходит к именной основе, ср. *блэ* «предплечье». С помощью преверба *блэ-* образуются основы динамических глаголов, которые обозначают движение поблизости кого-чего-либо: *блэлэтын* «летать мимо кого-чего-либо»; *блэхын* «нести мимо кого-чего-либо»; *блэжын* «бежать мимо кого-чего-либо»; *блэшын* «вести мимо кого-чего-либо».

Данный преверб имеется в убыхском языке, но имеет другое значение, ср. убых. *сы-бла-с* «я сижу внутри чего-то»; *сы-бла-лъ* «я лежу внутри чего-то»; *сы-бла-т* «я стою внутри чего-то».

Преверб *гуэ-* возводится к именной основе *гу-* «сердце» (ср. убыхский преверб *гъ-*, восходящий к убыхской именной основе *гъы-* «сердце»). В отличие от *блэ-* преверб *гуэ-* употребляется с основами как динамических, так и статических глаголов. Основы статических глаголов с превербом *гуэ-* обозначают положение рядом с кем-чем-либо, например: *гуэсын* «сидеть рядом с кем-чем-либо»; *гуэтын* «стоять рядом с кем-чем-либо»; *гуэльын* «лежать рядом с кем-чем-либо».

Основы динамических глаголов, образованные с помощью преверба *гуэ-*, обозначают слияние с предметом, отделение от предмета, движение к предмету или от предмета, например: *гуэцлэн* «привязать к кому-чему-либо»; *гуэдэн* «пришить к кому-чему-то»; *гуэхэн* «соединиться с кем-чем-либо»; *гуэхын* «отделить от кого-чего-либо»; *гуэувэн* «пристать сбоку», *гуэун* «отпасть сбоку».

Преверб *клуэцлы-* восходит к основе *клуэцл* «внутренности», «нутро». Именная основа *клуэцл* является производной: *клуэ+цлы*. Первая часть *клуэ* связывается с абхазско-абазинской основой *клуа* «пазуха». К этой основе в абхазском и абазинском языках возводится местный преверб *клуа-*, ср. абх. *а-клуа-ла-ра* «находиться за пазухой». Происхождение второго компонента преверба *клуэ-цлы-* не совсем ясно. По семантике и по фонетическому облику элемент *цлы-* напоминает абхазско-абазинский преверб *цла-*, восходящий к имени *а-цла* «дно».

С помощью преверба *клуэцлы-* образуются основы статических глаголов, которые обозначают положение внутри предмета, например: *клуэцлытын* «стоять, быть внутри чего-то»; *клуэцлысын* «сидеть, быть внутри чего-то»; *клуэцлылын* «лежать, быть внутри чего-то».

Основы динамических глаголов с превербом *клуэцлы-* обозначают действие внутри предмета, движение внутрь или изнутри предмета, например: *клуэцлыдэн* «вшить, обшить»; *клуэцлылхэн* «класть внутрь»; *клуэцлыхын* «взять, извлечь изнутри»; *клуэцлылун* «вогнать внутрь»; *клуэцлыкын* «выйти, выбраться»; *клуэцлыхэн* «войти, проникнуть».

Преверб *клуэцлыры-*. Элемент *р-* в этом превербе – наращение. С помощью данного преверба образуются основы динамических глаголов, которые обозначают действие, движение через, сквозь предмет, например: *клуэцлырыкын* «пройти сквозь что-то»; *клуэцлырыжын* «бежать сквозь что-то»; *клуэцлырылтын* «смотреть сквозь что-то»; *клуэцлырыцкын* «проложить, прорвать».

Преверб *пхы-* близок по семантике к превербу *клуэцлыры-*, например: *пхыкын* // *клуэцлырыкын* «пройти через что-либо»; *пхыжын* // *клуэцлы-рыжын* «бежать через что-то»; *пхышын* // *клуэцлырышын* «пройти через что-либо»; *пхылэфын* // *клуэцлырылэфын* «протаскивать через что-то».

Рассматриваемый преверб выступает также в виде *пхыр-*, где элемент *р* является наращением, например: *пхыудын* // *пхырыудын* «пробить, прорвать»; *пхыхын* // *пхырыхын* «прорубить, просверлить»; *пхылтын* // *пхырылтын* «смотреть сквозь что-то».

Преверб *лу-* связан общностью происхождения с основой адыгского динамического глагола *луэ-н* «говорить, сказать». Как преверб *лу-*, так и основа глагола *луэн* «говорить, сказать» возводятся к общеадыгской именной основе *лу* «рот».

Основы статических глаголов с превербом *лу* обозначают положение возле кого-чего-либо, например: *лутын* «стоять возле кого-чего-либо»; *лусын* «сидеть возле кого-чего-либо»; *лултын* «лежать возле кого-чего-либо».

Основы динамических глаголов с превербом *лу-* обозначают действие возле предмета, движение к предмету или от предмета, например: *луувэн* «становиться у кого-чего-либо»; *лухын* «убрать, унести»; *лухэн* «подойти»; *лукын* «отойти».

Преверб *бгъэдэ-* является составным. Первая часть *бгъэдэ-* восходит к именной основе *бгъэ* «грудь». Вторая часть в этом превербе представляет собой общеадыгский местный преверб *дэ-*, например: *пцлантлэм дэтын* «быть во дворе».

По своему значению преверб *бгъэдэ-* близок к превербу *лу-*. Основы статических глаголов с этим превербом обозначают положение в близком расстоянии от предмета, например: *бгъэдэтын* «стоять возле, рядом»; *бгъэдэсын* «сидеть возле, рядом»;

бгъэдэлъын «лежать возле, рядом».

Основы динамических глаголов с превербом *бгъэдэ*- обозначают действие движения к предмету или от предмета, например: *бгъэдыхъэн* «подойти к кому-чему-нибудь»; *бгъэдэкIын* «отойти от кого-чего-нибудь»; *бгъэдэдзэн* «подбросить к кому чему-нибудь»; *бгъэдэхын* «отстранить от кого-чего-нибудь».

Семантика *бгъэдэ*- близка к семантике *пэры*-, ср. *бгъэдэсын*, *пэрысын* «сидеть перед кем-чем-либо, возле кого-чего-либо».

Ср. убых. *сыбгъас* «сиду на чем-то»; *сыбгъалъ* «лежу на чем-то»; *сыбгъат* «стою на чем-то».

Преверб *бгъуры*-. Первая часть этого преверба восходит к *бгъу* «бок»; элемент *р* – наращение. Употребляется с основами статических и динамических глаголов. Основы, образованные с помощью данного преверба, обозначают положение сбоку, рядом или действие, связанное с боковой стороной предмета. Примеры: *бгъурысын* «сидеть сбоку, по соседству»; *бгъурытын* «стоять сбоку, по соседству»; *бгъурылъын* «лежать сбоку, по соседству»; *бгъурыхъэн* «подойти сбоку»; *бгъурытIысхъэн* «сесть сбоку, рядом»; *бгъурыцIэн* «присоединить сбоку, рядом».

Преверб *бгъуры*-. в глаголах движения может выступать как синоним преверба *блэ*-, например *бгъурыхын* // *блэхын* «нести сбоку, мимо»; *бгъурыкIын* // *блэкIын* «идти сбоку, мимо», *бгъурыжын* // *блэжын* «бежать сбоку, мимо».

Преверб *кIэры*-. состоит из отыменной части *кIэ* «конец, хвост» и фонетического наращения *р*. Глагольные основы с этим превербом означают состояние и действие на поверхности, на конце, на склоне чего-то, возле чего-нибудь, например: *кIэрысын* «сидеть на поверхности, на склоне», *кIэрыцIэн* «прикрепить к чему-то»; *кIэрылъхъэн* «прикладывать, приложить к чему-то»; *кIэрыгъуэлъхъэн* «прилечь к чему-то».

Преверб *жъэхэ*-. Первая его часть возводится к именной основе *жъэ* «рот», вторую часть составляет общеадыгский простой местный преверб *хэ*- (адыг.-каб. *псым хэсын* «быть, сидеть в воде»). Семантика составного преверба *жъэхэ*- близка к семантике превербов *Iу*-, *бгъэдэ*-.

Основы статических глаголов с превербом *жъэхэ*- обозначают положение перед кем-чем-либо, например: *жъэхэтын* «стоять перед кем-чем-либо»; *жъэхэсын* «сидеть перед кем-чем-либо».

Преверб *жъэхэ*- употребляется также с основами динамических глаголов, например: *жъэхэхъэн* «подойти вплотную кому-чему-либо», *жъэхэлъэдэн* «подбежать к кому-чему-либо», *жъэхэкIуэтэн* «наступить, надвигаться на кого-что-либо».

Преверб *цхъэдэ*-. Первая часть восходит к общеадыгской основе *цхъэ* «голова», а вторая часть представляет собой простой преверб *дэ*- (каб. *пцIантIэм дэтын* «быть во дворе»).

С помощью преверба *цхъэдэ*- образуются основы динамических глаголов, которые обозначают движение через какой-нибудь предмет, например: *цхъэдэхын* «перешагнуть, перелезть через что-либо»; *цхъэдэдзын* «перебросить через что либо»; *цхъэдэхун* «перегнать через что-либо».

Преверб *цхъэры*-. указывает на голову, на верхнюю часть предмета. С помощью него образуются основы статических и динамических глаголов, например: *цхъэрысын* «сидеть над кем-чем-либо»; *цхъэрытын* «стоять над кем-чем-либо»; *цхъэрылъын* «лежать над кем-чем-либо»; *цхъэрыхын* «снять с головы»; *цхъэрытIэгъэн* «надеть на голову».

Элемент *р* в этом превербе – фонетическое наращение.

Преверб *цхъэщы*-. Состоит из *цхъэ* «голова» и простого преверба *щы*. По своему значению *цхъэщы*- сближается с превербом *цхъэдэ*-, *цхъэры*-, например: *цхъэщытын* «стоять на верху чего-то»; *цхъэщылъын* «лежать на верху чего-то», *цхъэщыкIын* «пройти над чем-то», *цхъэщыхын* «снять сверху чего-то».

Преверб *цхъэпыры*-. В его состав входят: *цхъэ* «голова», *пы(пэ)* «нос, начало», *р* – наращение. Преверб *цхъэпыры*-. употребляется с основами динамических глаголов. По значению *цхъэпыры*-. близок к *цхъэщы*-. Ср. *цхъэпырыкIын* // *цхъэщыкIын* «пройти над кем-чем-либо»; *цхъэпырылъэтын* // *цхъэщылъэтын* «пролететь над кем-чем-либо».

Преверб *Iэпы*-. Восходит к сложной основе *Iэпэ* «палец (на руке)», которая состоит из двух компонентов: *Iэ* «рука», *пэ* «начало, передняя часть чего-либо». По значению преверб *Iэпы*-. близок к *IэцIэ*-. Но в отличие от последнего *Iэпы*-. употребляется лишь с

немногочисленными основами динамических глаголов, например: *ІэпыкІын* «выйти из подчинения, уйти, бросить»; *Іэпыхун* «уронить из рук». Ср. также: *Іэрыхээн* «получить в руки, на руки»; *ІэрытІэгээн* «надевать на руку», *Іэрыхын* «снимать с руки».

8.20.5. Сложные префиксы

Префикс взаимности *зэ-* входит в состав ряда сложных аффиксальных морфем. Как уже отмечалось, сложные аффиксальные морфемы в основе глагола занимают место составляющих их элементов.

Глаголы с префиксом *зэхэ-* (<*зэ-*+ местный преверб *хэ-*) выражают:

а) совместное положение, совместное действие, например: *зэхэтын* «стоять вместе», *зэхэлтын* «лежать вместе», *зэхэсын* «сидеть вместе», *зэхэгээлыбжээн* «поджарить вместе», *зэхэпцэн* «смесить вместе», *зэхэхэжээн* «размолоть вместе»;

б) полноту действия, например: *зэхэцІэлэн* «испачкать (целиком)», *зэхэчэтхээн* «разорвать (все)».

Иное значение вносит префикс *зэхэ-* в глаголы типа *зекІуэн* «ходить», ср. *зэхэзекІуэн* «ходить в разных направлениях», *зэхэзежээн* «бежать в разных направлениях».

Префикс *зэцІэ-* (<*зэ-*+местный преверб *цІэ-*), который вносит в глаголы значение полноты, интенсивности и совместности действия, например: *зэцІэлхээнкІэн* «замести»; *зэцІэкхуэн* «собрать, сгребать»; *зэцІэкІэн* «зарастать»; *зэцІэдыен* «остывать»; *зэцІэлэн* «красить»; *зэцІэллээн* «разогреться»; *зэцІэхэеэн* «всколыхнуться», «прийти в движение»; *зэцІэшэсэн* «сесть на коней (о многих)»; *зэцІэбэгэн* «опухнуть (целиком)».

Префикс *зэхуэ-* (<*зэ-*+версионно-направительный аффикс *хуэ-*) выражает движение с разных сторон к одной точке, например: *зэхуэсын* «собраться», *зэхуэкІуэн* «идти навстречу друг другу», *зэхуэунэтІын* «направиться навстречу друг другу». Такую же структуру имеют: *зэхуэтхэуэсхэн* «жаловаться друг другу», *зэхуэупсэн* «одарить друг друга», *зэхуэээн* «встретиться друг с другом».

Отсутствие в возвратно-версионных глаголах показателя косвенного объекта 3-го лица единственного числа создает грамматическую омонимию, ср. *зы-ху-з-о-цІ 1* «для него готовлюсь» (букв. «для него делаю себя»), 2) «для себя делаю»; *зы-ху-б-о-цІ 1* «для него готовишься» (букв. «для него делаешь себя»), 2) «для себя делаешь»; *зы-ху-е-цІ 1* «для него готовится» (букв. «для него делает себя»), 2) «для себя делает».

Такие омонимичные возвратно-версионные формы образуются от немногих переходных глагольных основ.

Глаголы с префиксом *зэбгыры-* (*зэ-*+*бгы*, ср. *бгы* «поясница», «талия») обозначают:

а) движение от центра, движение в разные стороны, например: *зэбгырыжын* «разбегаться, разбежаться»; *зэбгырыкІын* «расходиться»; *зэбгырылгэлтын* «распасться, распадаться»;

б) рассредоточение, распространение действия в разные стороны и направления, например: *зэбгырыдзын* «разбросать, разбрасывать»; *зэбгырытхун* «разгребать, разгрести»; *зэбгырыхын* «разносить, растащить».

Префикс *зэлгы-* (<*зэ-*+местный преверб *лгы-*) сочетается обычно с основами динамических глаголов, образованных с помощью префикса *Іу-*. Глаголы с префиксом *зэлгы-* по значению близки к глаголам с префиксом *зэбгыры-*, ср. *зэлгыІутхун* «разгребать, разгрести»; *зэлгыІукІуэтын* «раздвинуться»; *зэлгыІукІын* «разойтись».

Префикс *зэпкгыры-* (<*зэ-*+местный преверб *пкгыры-*). Глаголы с этим сложным префиксом обозначают:

а) деление на части, например: *зэпкгырыхын* «разобрать», *зэпкгырыудын* «разбирать на части»;

б) соединение из частей, например: *зэпкгырылгхээн* «собрать», *зэпкгырыукІэн* «сколотить».

Префикс *зэпкгыры-* сочетается также с основами статических глаголов (*щы-*)-*ты-н* «стоять», (*щы-*)-*лгы-н* «лежать», ср. *зэпкгырытын*, *зэпкгырылгын* «состоять из частей».

По значению сложный префикс *зэІы-* (<*зэ-*+местный преверб *Іы<Іу-*) близок к *зэпкгыры-*, но отличается от него большей продуктивностью, например: *зэІытхын* «разорвать», *зэІышын* «растянуть», *зэІытІэтын* «расползтись», *зэІыудын* «разбивать»,

зэ/ыхын «разделявать».

Префикс *зэ/лэ-* (<зэ-+местный преверб *лэ-*); *зэ/лэмэхэн* «падать в обморок»; *зэ/лэдыкээн* «окоченеть, застыть». Тип малопродуктивный.

8.21. Аблаут в глагольном словообразовании

8.21.1. Модели с локальными и направлятельными превербами в сочетании с суффиксом *-кл*, маркированные огласовкой *ы* в корневой морфеме

1. В словообразовательные модели, производимые посредством преверба *т(е)-* и суффикса *-кл* в сочетании с аблаутом приносят следующие семантические изменения:

1) Направление действия меняется в противоположную сторону. Ср., например: *те-луэнтлэ-н* «завернуть туда» и *те-луэнтлы-кы-н* «повернуть оттуда».

2) В некоторых глагольных лексемах суффикс *-кл* в сочетании с аблаутом выполняет такую функцию дополнения, пояснения локального значения преверба *т(е)-*: Ср., например: *те-убзытэ-н* «резать, шинковать что-л. на поверхности чего-л.» и *те-убзыты-кы-н* «произвести процесс резания, шинкования именно на поверхности чего-л.»

3) Создается новая лексическая единица, где отсутствует локальное значение. Ср., например, глаголы *те-тхэ-н* «написать что-л. на поверхности чего-л.» и *те-тхы-кы-н* «списать что-л. откуда-л.»

4) Суффиксальные и бессуффиксальные глаголы рассматриваемой группы могут создать синонимичные оппозиции типа: *телэн* и *те-лы-кы-н* «умирать по ком-л., чем-л.»

Словообразовательные модели рассматриваемого ряда могут образовать категорию взаимности посредством префикса *зэ-*, при этом суффиксальные и бессуффиксальные оппозиции имеют противоположные значения. Ср., например: *зэ-те-луэнтлэ-н* «привинтить что-л. друг к другу» и *зэ-те-луэнтлы-кы-н* «развинтить, отвинтить что-л. от чего-л.» Производный глагол в форме взаимности теряет одно лицо – лицо косвенного объекта. Так, трехличный переходный глагол в форме взаимности становится двухличным, ср.: *абы ар абы т-ре-утклэпцлы-кл* «он лушит, очищает то от чего-л.» (трехличн. перех. гл.) и *абы ар зэ-тре-утклэпцлы-кл* «он лушит, очищает то» (двухличн. перех. гл.). Двухличный непереходный глагол при включении префикса взаимности *зэ-* становится одноличным. Ср., например: *ар абы топцлы-кл* «он происходит, образуется от кого-чего-л.» (двухличн. неперех. гл.) и *ахэр зэтопцлы-кл* «они роятся (о пчелах)» – (одноличн. неперех. гл.).

2. Каждый из превербов *дэ-*, *хэ-*, *ы-* может выразить значение о том, что действие происходит «внутри чего-л.». Однако их нельзя считать синонимичными, поскольку словообразовательные модели, включающие тот или иной из перечисленных превербов, обладают своей спецификой.

Модели с превербом *дэ-* при участии суффикса *-кл* в сочетании с аблаутом создают основы, в которых:

1) направление действия меняется в обратную сторону: *дэ-луэнтлэ-н* «завернуть, свернуть куда-л.», но *дэ-луэнтлы-кы-н* «выехать за»;

2) выражается, что действие глагола происходит «между кем-чем-л.». Ср.: *дэ-пцлы-кы-н* «прополоть что-л., между чем-л.»;

3) в некоторых случаях полностью изменяется лексическое значение слова. Ср. глаголы *дэ-шхэ-н* «покушать вместе с кем-л.» и *дэ-шхы-кы-н*. Последний потерял семантическую связь с исходной основой *шхэн* «кушать», получив значение «обсчитать кого-что-л.»

При всей продуктивности префикса *зы-* и тем более локального преверба *дэ-* последние сочетаются с суффиксом *-кл* лишь в единичном глаголе *зы-дэ-шии-кы-н* «высунуться откуда-л.». Данный глагол, употребляясь без суффикса *-кл*, демонстрирует огласовку *э* и направление «туда» (*зы-дэ-шие-н* «сунуться туда, во внутрь чего-л.»), тогда как суффиксальный глагол оформлен вокализмом *ы* и выражает направление «оттуда».

3. Производные глаголы с превербом *хэ-* представляют наиболее продуктивный тип

моделей. Превербный глагол в корне оформлен вокализмом Э последовательно, тогда как за суффиксальным глаголом закреплён исключительно гласный ы.

1) Выделяется группа производных основ, где суффикс *-kI* с аблаутом меняет направление действия в обратную сторону. Ср.: *хэ-шие-н* «протянуть кого-что-л. в какую-л. массу» и *хэ-шии-кIы-н* «вытянуть кого-что-л. из какой-л. массы».

2) Глаголы с превербом *хэ-* и суффиксом *-kI* в определенных типах основ выражают значение «выделиться, выделяться из чего-л. (массы)»: *хэ-nliu~kIы-н* «выделиться по высоте из какой-л. массы».

В подобных случаях, как правило, для дополнительной характеристики, пояснения направления «сюда» привлекается преверб *къ-*, который связан с суффиксом и без него не употребляется: *хэnliukIын // къы-хэnli-ukIын*.

3) Следующее значение, привносимое в действие глагола суффиксом *-kI* и превербом *хэ-* – это «выборочное действие». Ср.: *хэ-щыты-кIы-н* «выбирать, отсортировать что-л. из чего-л.».

4) Основное действие глагола может характеризоваться дополнительным значением «немного», «изредка», «время от времени». Ср.: *хэ-ущы-кIы-н* «бежать рысцой временами, переходить на рысцу периодически».

5) Образование синонимических пар характерно также для словообразовательных моделей, содержащих преверб *хэ-* и суффикс *-kI*: *хэ-гъуэтэ-н* и *хэ-гъуэты-кIы-н* «найти кого-что-л. (из кучи)». Здесь чаще всего включается направительный преверб *къ-*: *хэ-фыщIы-кIы-н // къы-хэ-фыщIы-кIы-н* «вырывать что-л. из чего-л.».

К производным образованиям, содержащим преверб *хэ-* и суффикс *-kI*, может присоединяться префикс взаимности *зэ-*. В моделях исследуемой группы префикс *зэ-* может выражать обоюдное действие даже при отсутствии суффикса *-kI*. Тип чередований *ы:э* по аблауту в превербных образованиях при этом не нарушается. Ср., например: *зэ-хэ-джэрэзэ-н* «перекатываясь, вертаться, соединяться в одну кучу». Однако производный двухличный глагол становится одноличным. Последний теряет лицо косвенного объекта, а субъект выступает во множественном числе. При включении суффикса *-kI* в состав образований указанного типа движение глагольного действия меняется в противоположную сторону, а также восстанавливается чередование по аблауту *э:ы*, характерный для суффиксальных глаголов. Ср.: *зэ-хэ-джэрэзы-кIы-н* «перекатываясь, отделиться друг от друга».

Словообразовательные модели, выступающие без суффикса *-kI*, имеют свои особенности. Так, если глаголы, произведенные с помощью превербов *зэ-* и *хэ-* выражают значение «всем вместе или все вместе», то «деление (по частям)» является функцией суффикса *-kI* и обязательно в сочетании с аблаутом. Ср.: *зэхэ-тхэ-н* «записать всех в один список», но *зэхэ-тхы-кIы-н* «выписать, переписать что-л. по частям».

4. Не меньший интерес представляют модели, формируемые превербом *и-(йы)* и суффиксом *-kI* в сочетании с аблаутом, как от переходных, так и от непереходных глаголов.

1) Среди них также выделяется суффиксальная группа глаголов, выражающих действие, направленное в обратную сторону. Ср.: *и-шие-н* «протянуть внутрь кого-что-л.», *и-шии-кIы-н* «вытянуть из чего-л. кого-что-л.».

2) Глаголы рассматриваемого ряда характеризуют место, где происходит действие, а именно выражают значение «внутри чего-л.». Ср.: *и-шхы-кIы-н* «кушать-то, что находится внутри чего-л.».

3) Группа глаголов выражает значение «все, полностью». Ср.: *и-гъуэлъы-кIы-н* «разлечься всем».

4) Данные словообразовательные модели могут противопоставляться как суффиксальные и бессуффиксальные. Ср.: *и-дэ-н* «пришить» (например, пуговицу), но *и-ды-кIы-н* «шить что-л.».

5. В моделях, содержащих преверб *цIэ-* и суффикс *-kI*, *цIэ-* в большинстве случаев сохраняет свое основное значение «снизу», «под». Характеризуя место, где происходит действие, он остается связанным с суффиксом *-kI*, т.е. в этом значении преверб *цIэ-* без суффикса *-kI* не выступает. Последний является уточняющим определителем содержания глагольной лексемы. Ср.: *цIэ-лущIы-кIы-н* «стесать низ чего-л.».

Преверб *цлэ-* и суффикс *-кл* образуют переходные и непереходные глаголы как от глагольных, так и от именных основ.

1) Локальный преверб *цлэ-* и суффикс *-кл* образуют глаголы, где *-кл* выражает направительное значение, обязательно противоположное лексическому содержанию производящей основы. Ср., например: *цлэ-шии-н* «протянуть что-л., куда-л., подо что-л.», но *цлэ-шии-клы-н* «высунуть что-л., откуда-л. (из помещения)».

2) Отдельную группу составляют глаголы рассматриваемого типа, имеющие содержание «покинуть какое-л. крытое место». Ср., например: *цлэ-клуэсы-клы-н* «выйти тайком откуда-л., из-под чего-л.».

3) Для производных глаголов анализируемого типа характерно выражение полноты охвата действия: «все, всюду». Ср.: *цлэ-цы-клы-н* «обыскать все полностью».

4) Выделяются несколько моделей, которые выражают значение «слегка, чуть-чуть». Ср.: *цлэ-гуфлы-клы-н* «улыбнуться слегка».

5) Образование синонимических пар характерно и для глаголов рассматриваемого ряда. Ср.: *цлэ-и-клы-н* и *цлэ-е-н* «обмазывать что-л. (потолок)».

При включении исследуемых аффиксов в состав глаголов количество лиц в производных образованиях увеличивается. Ср.: *ар мэбакъуэ* «он шагает» (одноличн. неперех. гл.) и *ар абы цлобэкъукл* «он шагает изнутри чего-л.» (двухличн. неперех. гл.).

Направительный преверб *кэ-* присоединяется к моделям, содержащим преверб *цлэ-* и суффикс *-кл*, образуя синонимичные пары. Ср.: *кэы-цлэ-лээсы-клы-н* и *цлэ-лээсы-клы-н* «вымыть под чем-л., низ чего-л.».

В группе производных основ с суффиксом *-кл* одновременным включением двух префиксов *зэ-* и *цлэ-* создается значение «вдруг»: *зэцлэ-тлысы-клы-н* «присесть вдруг».

6. Локальный преверб *флэ-* с суффиксом *-кл* сочетается в большой группе переходных и непереходных глаголов. Продуктивность таких моделей диктуется их сочетаемостью как с глагольными, так и именными основами. При этом строятся исключительно динамические глаголы.

Словообразовательные модели, объединяющиеся в данной группе, разнообразны в дистрибутивном плане. Если большая часть производных образований исследуемого ряда имеет употребление без суффикса *-кл* с превербом, то выделяется небольшое количество глаголов, где рассматриваемые аффиксы взаимосвязаны. Между тем, свободное выступление превербных глаголов демонстрирует не только семантическую нагрузку преверба *флэ-*, но также, и это главное, морфонологическую структуру как бессуффиксальных, так и суффиксальных образований – два типа аблаута: *ы:э* – для превербных глаголов и *э:ы* – для суффиксальных образований. Огласовка *э* характеризует корневую морфему бессуффиксальных моделей, тогда как появление огласовки *ы* связано с суффиксальной морфемой *-кл*. Ср., например: *флэ-бэгэ-н* и *флэ-бэгы-клы-н* «распухнуть, опухнуть (в конечностях)».

1) Преверб *флэ-* и суффикс *-кл* обладают способностью изменить направление действия глагола в обратную сторону. Ср.: *флэ-луэнтлэ-н* «привинтить что-л. к чему-л.», но *флэ-луэнтлы-клы-н* «отвинтить, открутить что-л. от чего-л.».

2) Отдельную группу образуют модели с конкретным определением содержания действия «на конце чего-л.». В данных образованиях присутствует непосредственный семантический уточнитель-определитель *-кл*. Ср.: *флэ-нлы-клы-н* «отдавить что-л. с конца».

На изменение количества лиц в производных глаголах данной группы влияет преверб *флэ-*. Включение указанного аффикса в их состав сопровождается увеличением числа лиц в глаголе на одно лицо косвенного объекта.

Двухличные переходные глаголы с помощью преверба *флэ-* преобразовываются в трехличные.

7. Следующую группу словообразовательных моделей составляют производные глаголы как переходного, так и непереходного значения, где суффикс *-кл* сочетается с локальным превербом *цы-*. Произведенные таким образом динамические глаголы делятся на две группы: группа, где превербному глаголу противопоставляется глагол, осложненный суффиксом *-кл*, и вторая группа глаголов, не употребляющаяся без суффикса *-кл*. Характерный тип аблаута *ы:э* в превербных глаголах и в данном случае имеет место, а для суффиксальных глаголов строго удерживается обратный

морфонологический процесс *э:ы*. Ср., например: *щы-бэгэ-н* и *щы-бэгы-кы-н* «вспухнуть где-л.».

1) В силу десемантизации преверба *щы-* (он служит также средством образования статических глаголов типа *щы-сы-н* «сидеть», *щы-лгы-н* «лежать») в глаголе он на конкретное место не указывает. В них наиболее конкретным определителем локального значения выступает суффикс *-кI*. Это заметно при противопоставлении бессуффиксальных и суффиксальных образований. Так, например, из вариантов *щы-дэ-н* и *щы-ды-кы-н* – «защитить конец чего-л. (напр., мешка)» наиболее конкретен и употребителен последний. Но подобные оппозиции образуют иногда равнозначные синонимичные пары. Ср.: *щы-бэгэ-н* и *щы-бэгы-кы-н* «вспухнуть на конце чего-л.».

2) В ряде глаголов преверб *щы-* не употребляется без суффикса *-кI*: *щы-пхы-кы-н* «перевязать, завязать что-л.», *щы-ункыфы-кы-н* «потемнеть (в глазах)».

Непереходные глаголы, содержащие преверб *щы-* в сочетании с суффиксом *-кI*, обычно образуются от именных основ.

8. Преверб *пы-* в сочетании с суффиксом *-кI* образуют глаголы как от глагольных, так и от именных основ. Указанные аффиксы включаются в состав переходных и непереходных глаголов с одинаковой степенью регулярности. В производных глаголах, содержащих преверб *п-* и суффикс *-кI*, лишь несколько основ имеют свободное употребление без суффикса *-кI*. Эта небольшая группа глаголов дает возможность проследить за морфонологическими явлениями в моделях данного ряда, а именно, что регулярный тип аблаута *ы:э* в превербах и *э:ы* – в суффиксальных образованиях не нарушается.

1) Превербный глагол в некоторых случаях имеет оппозицию, осложненную суффиксом *-кI* в сочетании с аблаутом, который выступает с диаметрально противоположным значением. Ср.: *пы-луэнтIэ-н* «прикрутить что-л. к чему-л.» и *пы-луэнтIы-кы-н* «открутить что-л. от чего-л.».

2) Аналогичными дистрибутивными признаками обладают несколько производных глаголов с превербом *п-* и суффиксом *-кI* в сочетании с аблаутом. Исследуемые аффиксы характеризуют место на конечной части чего-л., краю чего-л.» Ср.: *пы-уты-кы-н* «заляпать грязью что-л. с конца (напр. подол плаща)».

3) Выделяется группа производных глаголов, где суффикс *-кI* в сочетании с превербом *п-* выражает неполноту охвата действия, т.е. действие охватывает часть целого. Ср.: *пы-джэрэзы-кы-н* «откатиться от чего-л.».

4) В производном глаголе *пы-гуфы-кы-н* «улыбнуться слегка, незаметно» суффикс *-кI* и преверб *п-* потеряли полностью свое локальное или направительное значение.

Включение преверба *и-* и суффикса *-кI* в состав глаголов исследуемого ряда сопровождается увеличением в них числа лиц. Ср.: *ар мэбзэх* «он исчезает» (одноличн.неперех.гл.) и *ар абы побзэхыкI* «тот исчезает с чего-л.» Ср. также: *абы ар ебж* «он считает то» (двухличн.перех.гл.) и *абы ар (абы) небжыкI* «он считает то с чего-л.» и т. д.

Словообразовательные модели, содержащие два префикса *зэ-* и *пы-* в сочетании с суффиксом *-кI*, образуют отдельную группу: *зэ-пы-кэузы-кы-н* «перетянуть что-л. посередине, поперек», *зэ-пы-фыщIы-кы-н* «перервать что-л. во многих местах».

9. Семантическая близость превербов *пэ-* и *пэры-* очевидна. Однако словообразовательные модели, содержащие преверб *пэры-* и суффикс *-кI* в сочетании с аблаутом, отличаются все же не только по семантическим, но также по дистрибутивным признакам. В глаголе рассматриваемого типа суффиксация и аблаутные чередования меняют направление действия в обратную сторону. Такие глаголы могут употребляться с одним превербом без суффикса. Ср.: *пэры-увэ-н* «встать перед чем-л.» и *пэры-увы-кы-н* «отойти от чего-л.». В бессуффиксальных моделях именно аблаут выполняет функцию изменения направления действия, т. е. альтернация корневых морфем изменяет направление действия, например, *пэры-кIуэтэ-н* «подойти к чему-л. близко» и *пэры-кIуэты-н* «отойти от чего-л.».

Когда нет оппозиции без суффикса, (например, *пэры-увэ-н*, но нет модели *пэры-увы-н*), глагол для изменения направления действия требует наличия суффикса *-кI*, последний и производит альтернирование корневых морфем. Например, если в глаголе *пэры-увэ-н* «встать перед чем-л.» преверб *пэры-* выражает действие, которое происходит

перед чем-л., то при включении суффикса *-кI* выражается уже удаление от предмета: *пэры-увы-кIы-н* «отойти, удалиться от чего-л».

Непродуктивность моделей исследуемого типа диктуется ограничением дистрибутивных возможностей преверба *пэры-*. Последний включается в состав глаголов непереходного значения. При этом преверб *пэры-* влияет не только на семантику и на морфонологическую структуру, но а также увеличивает число лиц в глаголе. Например, одноличный непереходный глагол становится двухличным, приобретая лицо косвенного объекта. Ср., например: *ар мэлъатэ* «он летает» (одноличн. неперех. гл.), но *ар абы пэро-лъатэ* «он подлетает к кому-чему-л.» (двухличн. неперех. гл.) и *ар абы пэро-лъэты-кI* «он отлетает от кого-чего-л.» (двухличн. неперех. гл.).

Сложный преверб *зэ-, пры-* и суффикс *-кI* образуют глаголы со значением «поперек чего-л.». Рассматриваемые аффиксальные морфемы всегда взаимосвязаны, они дополняют друг друга в выражении направительного действия. Ср.: *зэ-пры-вы-кIы-н* «пахать поперек».

10. Небольшое количество переходных и непереходных глаголов включает в свой состав преверб *пэцIэ-* и суффикс *-кI*. Локальный преверб *пэцIэ-* выражает в них пространственное значение «перед чем-л., спереди чего-л.». А суффикс *-кI* в сочетании с аблаутом в этих производных моделях используется для образования значения обратного действия. Ср., например: *пэцIэ-уклурие-н* «упасть, повалиться подо что-л. спереди» и *пэцIэ-уклурии-кIы-н* «выпадать, вывалиться из-под чего-л. спереди».

Данная модель сближается с предыдущими в том, что тоже демонстрирует действующий в предыдущих группах тип альтернатив, а также тем, что последний приобретает дополнительное лицо – лицо косвенного объекта.

11. Словообразовательный преверб *кэуэ-* сочетается с суффиксом *-кI* в глагольных основах непереходного значения. Небольшое количество производных глаголов рассматриваемого ряда употребляется без суффикса *-кI* с превербом. В таких случаях происходит противопоставление двух диаметрально противоположных значений. Например, если глагол *кэуэ-бзэхэ-н* означает «исчезнуть за кем-чем-л.», то *кэуэ-бзэхы-кIы-н* имеет значение «исчезнуть из-за кого-чего-л.». Соответственно действуют разные типы аблаутных чередований: превербных образованиях *ы:э* и, наоборот, – *э:ы* в суффиксальных глаголах. Ср.: *кэуэ-лъэтэ-н* «залететь за кого-что-л.» и *кэуэ-лъэты-кIы-н* «вылететь из-за кого-чего-л.».

Имеются производные глаголы с превербом *кэуэ-*, не употребляющиеся без суффикса *-кI* и аблаута. Например, *кэуэ-пIиу-кIы-н* «торчать из-за чего-л.».

12. Глагольный преверб *блэ-* с суффиксом *-кI* сочетается чаще всего в глаголах непереходного значения. Пространственную характеристику преверба *блэ-* усиливает направительное значение суффикса *-кI*, в результате такие образования выражают в глаголе движение «мимо кого-чего-л., поблизости, близко от кого-чего-л.». Ср.: *блэ-у-кIы-н* «стрелять мимо кого-чего-л.», (уэн «бить, ударить»).

Производный глагол с превербом *блэ-* редко употребляется без суффикса. При этом превербный глагол оформляется огласовкой *ы*, что нарушает общую морфонологическую картину. При сравнении оппозиций суффиксального и бессуффиксального глагола обнаруживается их семантическая близость, т. е. они образуют синонимическую пару. Альтернатива в корне в данном случае никакой функциональной нагрузки не несет. Ср.: *блэ-лъэты-н* и *блэ-лъэты-кIы-н* «пролетать мимо кого-чего-л., близко, поблизости от кого-чего-л.».

13. Анализ основ, произведенных с помощью преверба *гуэ-* и суффикса *-кI* в сочетании с аблаутом показывает, что глаголы рассматриваемого ряда большей частью являются переходными.

В основной группе производных глаголов преверб *гуэ-* и суффикс *-кI* взаимосвязаны. Лишь в единичных случаях модели исследуемого ряда могут выступить без суффикса *-кI* с одним превербом. В таких случаях превербный глагол и глагол с суффиксом образуют привативную оппозицию, т. е. суффиксальный глагол выступает с отрицанием того признака, который выражен в превербном глаголе. Данное противопоставление достигается также действием разных типов чередований гласных в корневой морфеме превербных глаголов *ы:э* и обратный морфонологический процесс *э:ы* в суффиксальных моделях, вызванный суффиксальной морфемой *-кI*. Ср., например: *гуэ-пIымIэ-н*

«прилепить что-л. к чему-л. сбоку» и *гуэ-плымь-кы-н* «отдавить что-л. от чего-л. сбоку».

В словообразовательных моделях, где преверб *гуэ-* и суффикс *-кI* взаимосвязаны, пространственную характеристику «сбоку» вносимую превербом усиливает направительное значение суффикса.

Двухличные переходные глаголы при включении исследуемых аффиксов преобразовываются в трехличные за счет приобретения лица косвенного объекта.

В исследуемой группе глаголов с превербом *гуэ-* сочетается префикс *зэ-*. Такие усложненные образования в семантическом плане отличаются от однопревербных моделей. Ср., например: *гуэ-упщымь-кы-н* «отрубить, обрезать что-л. сбоку, с краю» и *зэ-гуэ-упщымь-кы-н* «разрубить, разрезать что-л. пополам». Если в этих моделях преверб *гуэ-* и суффикс *-кI* развивают пространственную характеристику «с краю, с боковой стороны», то производимый включением префикса *зэ-* глагол имеет уже значение «поделить на части».

14. При помощи преверба *кIуэцымь-* и суффикса *-кI* в сочетании с аблаутом образуется всего несколько глаголов. Такие словообразовательные модели образуют суффиксальные и бессуффиксальные оппозиции. Наличие или отсутствие суффикса *-кI*, а также разные морфонологические альтернации, вызванные префиксом *ы:э*, и, соответственно, суффиксом *э:ы*, приводят к тому, что глаголы данной оппозиции выражают взаимообратные процессы. Например: *кIуэцымь-джэрэзэ-н* «завернуться во что-л.» и *кIуэцымь-джэрэзы-кы-н* «вывалиться из чего-л.».

Словообразовательные модели, входящие в рассматриваемую группу, все непереходные. Употребление их с суффиксом или без суффикса не влияет на переходность или непереходность глагольного значения. На увеличение числа лиц в глаголах исследуемой группы влияет локальный преверб *кIуэцымь-*. Он способствует преобразованию одноличного непереходного глагола в двухличные. Последние приобретают косвенный объект.

15. Группа производных основ, содержащих преверб *кIуэцIры-* и суффикс *-кI* в сочетании с аблаутом имеет одну отличительную дистрибутивную особенность, не наблюдающуюся в других словообразовательных моделях с рассматриваемым суффиксом: нет ни одного случая, когда такой превербный глагол употреблялся бы без суффикса *-кI*.

В рассматриваемой модели преверб *кIуэцIры-* развивает пространственную характеристику «сквозь, через», а суффикс *-кI* определяет направление действия. Морфонологические альтернации, происходящие при этом, не нарушают общую схему аблаутных чередований: суффикс *-кI* оформляет корневую морфему огласовкой *ы* последовательно. Ср., например: *кIуэцIры-кэуты-кы-н* «проломиться сквозь что-л.» (от *кэутэ-н* «ломать»).

16. Аналогичную с превербом *кIуэцIры-* семантику имеет преверб *пхры-*. Переходные и непереходные глаголы с этим превербом и суффиксом *-кI* образуются как от глагольных, так и от именных основ. Ср., например, *пхры-угэуэны-кы-н* «продырявить, проколоть что-л. насквозь» (от *гэуанэ* «дырявый»), *пхры-упщымь-кы-н* «порезать что-л. насквозь» (от *упщIэн* «сделать надрез»). В производных глаголах суффикс *-кI* производит маркировку гласным *ы* корневой морфемы.

Исследуемые аффиксы способствуют увеличению числа лиц в производном глаголе. Так, одноличный непереходный глагол *ущын* «бежать рысью» становится двухличным с помощью преверба *пхры-* и суффикса *-кI*: *пхрыущымькы-н* «пробегать рысью через что-л.». А двухличный переходный глагол *кэутэн* «ломать что-л.» преобразовывается в трехличный: *пхры-кэуты-кы-н* «проламывать что-л. через что-л.». Однако те и другие модели рассматриваемой группы могут изменяться лишь по лицам субъекта.

17. Преверб *Iу-* и суффикс *-кI* в основном включаются в состав непереходных глаголов. Лишь небольшое количество глагольных основ переходного значения употребляется с указанными аффиксами.

Словообразовательные модели рассматриваемой группы в редких случаях употребляются без суффикса с превербом. В суффиксальных и бессуффиксальных моделях наблюдаются разные типы чередований гласных *ы:э* в корневой морфеме превербных глаголов и *э:ы* – у суффиксальных глаголов. Разница структур приводит к расхождению семантики: суффиксальные и бессуффиксальные пары обозначают процессы, с

взаимобратным направлением. Ср.: *лу-лэ́тэ-н* «подлететь к чему-л.» и *лу-лэ́ты-кы-н* «отлететь от чего-л.».

Преверб *лу-* способствует увеличению числа лиц в производных глаголах исследуемого ряда.

Словообразовательные модели, включающие преверб *лу(ы)-* и с суффикс *-кI*, имеют синонимичные варианты с направительным превербом *кэ(ы)-*. Примерами такой синонимии могут служить глаголы типа *кэы-лу-клуэсы-кы-н* и *лу-клуэсы-кы-н* «отойти от кого-чего-л. тихо, незаметно».

18. Некоторые производные глаголы, образованные с помощью преверба *кIэры-* и суффикса *-кI* в сочетании с аблаутом иногда сохраняют возможность употребления без суффикса с одним превербом, но значение подобных глаголов противоположно значению глагола с суффиксом. Ср., например: *кIэры-уңцIэ-н* «пришлепнуть что-л. к чему-л.», но *кIэры-уңцIы-кы-н* «отшлепнуть что-л. от чего-л.».

Сопоставление бессуффиксального глагола *кIэры-бзее-н* «лизать что-л.» и суффиксального глагола *кIэры-бзеи-кы-н* «слизать что-л. с чего-л.» показывает, что в превербных глаголах действует тип альтернатив *ы:э*, тогда как суффиксальные глаголы маркируются огласовкой *ы* в корне. Другими словами, для суффиксальных моделей характерен противоположный тип аблаута *э:ы*.

Модели данной группы с превербом *кэ-* и без него образуют синонимичные пары. Ср.: *кэы-кIэры-тхэуңцIы-кы-н* и *кIэры-тхэуңцIы-кы-н* «соскоблить что-л. с поверхности чего-л.».

19. Производные глаголы, содержащие локальный преверб *щхэщы-* и суффикс *-кI*, отличаются от других моделей предыдущих групп тем, что в них функциональную нагрузку сохраняют обе морфемы, образующие глагол.

В единичных случаях образуются бессуффиксальные глаголы с превербом *щхэщы-*. Ср.: *щхэщы-уклурие-н* «повалиться на кого-что-л. сверху» и *щхэщы-уклурии-кы-н* «повалиться сверху с кого-чего-л., упасть с кого-чего-л.». В данном случае семантический признак преверба *щхэщы-* «сверху» – прозрачен, да и направительное значение в суффиксальном глаголе не затемнено. В других образованиях они взаимосвязаны и выражаемые ими движения или действия происходят «сверху». Ср., например: *щхэщы-ды-кы-н* «защитить что сверху (верхнюю часть)».

В суффиксальных и бессуффиксальных моделях происходят те же морфонологические процессы, что и в предыдущих группах производных глаголов.

20. Производные образования с превербом *щхэпры-* в сочетании с суффиксом *-кI* непродуктивны. Преверб *щхэпры-* близок по семантике превербу *щхэщы-*. Последний выражает действие, которое происходит «над кем-чем-л.», а также «через кого-что-л.».

Группа глаголов, образованная по этой модели, не употребляется без суффикса *-кI*. Здесь действует тип аблаута *э:ы*, характерный для суффиксальных глаголов. Ср., например: *щхэпры-лэ́ты-кы-н* «пролетать над кем-чем-л.» (от *лэ́тэ-н* «летать»).

Следует заметить, что преверб *щхэпры-* и суффикс *-кI* включаются в состав глаголов непереходного значения. В таких случаях одноличные непереходные глаголы преобразовываются в двухличные.

21. Локальный преверб *IэцIэ-* и суффикс *-кI* включаются в состав глаголов переходного и непереходного значения. При этом каждая из данных морфем сохраняет свою семантику. Так, локальный преверб *IэцIэ-* характеризует место, где происходит действие, а именно – «в руках», а суффикс *-кI* свойственное ему направительное значение. Это хорошо заметно при противопоставлении суффиксальных и бессуффиксальных основ. Такое противопоставление в данной группе часто сводится также к привативной оппозиции, т. е. глагол с превербом выражает значение «в руках», а суффиксальный, наоборот, «из рук». Ср., например: *IэцIэ-кIэрэхэуэ-н* «попасться кому-л. в руки» и *IэцIэ-кIэрэхэу-кы-н* «выскочить из рук (о чем-л.)».

Наличие глагола с суффиксом и без суффикса дает возможность выявить тип альтернатив, действующий в первом и во втором случаях: превербный глагол должен быть оформлен в корне огласовкой *э*, тогда как маркировка корневой морфемы гласным *ы* связана с суффиксацией. Ср.: *IэцIэ-нIытIэ-н* «раздавить что-л. у кого-л. в руке» и *IэцIэ-нIытIы-кы-н* «выдавить что-л. у кого-л. из рук» (от *нIытIы-н* «раздавить»).

22. Суффикс *-кI* в сочетании со сложными провербами выражает направительное значение по-разному. Из сложных провербов этот суффикс чаще всего сочетается с провербом *зэбгры-*, указывая на распространение действия «в разные стороны». Глаголы, объединяющиеся в этой группе, оформлены огласовкой *ы* в корневой морфеме. Ср.: *абы ахэр зэбгрегуэшыкI* «он их раздает, распределяет (между многими)» и *абыхэм ахэр зэбграгуэшыкI* «они их раздают, распределяют (между многими)».

23. Сложный проверб *зэIы-* сочетается с суффиксом *-кI* в единичном глаголе *зэIы-пцIы-кIы-н* «перебирать что-л., рыться, копаться в чем-л.».

8.21.2. Модели с локальными и направительными провербами в сочетании с суффиксом *-хь*

Суффикс *-хь* по своей регулярности следует за суффиксом *-кI*. Продуктивность данной суффиксальной морфемы диктуется ее сочетаемостью со многими локальными провербами. Суффикс *-хь* включается в состав переходных и непереходных глаголов, образуя при этом только динамические глаголы. Последние могут производиться как от глагольных, так и от именных основ. Такие модели в словообразовательной системе глагола представлены двумя вариантами огласовок в корневой морфеме. Первый вариант с огласовкой *ы*, второй вариант с нулевой огласовкой.

8.21.2.1. Модели, маркированные огласовкой *ы* в корневой морфеме

Словообразовательные модели, маркированные огласовкой *ы*, более продуктивны.

Суффикс *-хь* имеет свои особенности сочетаемости с локальными провербами. Суффикс *-хь*, образуя глаголы в сочетании локальными провербами, остается связан с ними, т.е. без них не выступает, тогда как глагол с провербами без суффикса *-хь* имеет свободное употребление.

Когда проверб в сочетании с суффиксом *-хь* служит средством образования новых лексических единиц, морфонологическую структуру корневой морфемы определяет суффикс. Последний оформляет корневую морфему огласовкой *ы*. А в том случае, когда глагол выступает без суффикса *-хь*, проверб производит маркировку корня огласовкой *э* последовательно. Подобная морфонологическая картина наблюдалась и при анализе образований, содержащих суффикс *-кI*.

2. Глагольный суффикс *-хь* характеризуется широкой сочетаемостью с провербом *хэ-* как в отглагольных, так и в отыменных основах. Исследуемые аффиксы в основном включаются в состав глаголов непереходного значения.

В производных образованиях в сочетании с провербом *хэ-* суффикс *-хь* передает значение действия, происходящее выборочно, «местами». Ср.: *хэ-джы-хьы-н* «читать что-л. выборочно».

3. Большое количество глаголов образуется с помощью суффикса *-хь* в сочетании с провербом *йы-(и-)*. Они присоединяются к глагольным и именным основам. С помощью исследуемых аффиксов строятся большей частью непереходные глаголы. Гораздо меньшее количество составляют переходные глаголы.

Словообразовательные модели, содержащие суффикс *-хь*, имеют одинаковую огласовку *ы* в корневой морфеме. Небольшое число производных глаголов рассматриваемой группы употребляется без суффикса *-хь* с провербом *йы-(и-)*. В таких случаях проверб *йы-(и-)* оформляет исходную огласовку вокализмом *э*. Ср.: *иплээн* и *иплэы-хьы-н* «искать глазами кого-что-л. где-л., в чем-л.». Как видно, употребление глагола без суффикса *-хь* ведет к образованию синонимических пар. Ср. также: *илэхуэн* и *илэху(ы)хьын* «ощениться, окотиться где-л., внутри чего-л.».

Пространственную характеристику «внутри чего-л.» привносит в действие глагола локальный проверб *и-*. В таких случаях суффикс *-хь*, поддерживая семантику проверба, остается связан с ним. Ср.: *и-сысы-хьы-н* «шататься, болтаться, колебаться внутри чего-л.».

При включении словообразовательных аффиксов в состав глаголов исследуемой группы количество лиц в производном глаголе увеличивается на одно лицо. На

увеличение числа лиц в глаголе может влиять преверб *и-*. Ср.: *абы ар елуантлэ* «он крутит (или вращает) что-л.» (двухличн. переходн. гл.) и *абы ар(абы) ирелуантлэ* «он ввинчивает что-л. куда-л.» (трехличн. переходн. гл.) и *абы ар(абы) ирелуантлыхь* «он вращает, вертит что-л. внутри чего-л.» (трехличн. перех. гл.).

Встречаются случаи, когда одна и та же производная основа совмещает в себе транзитивность и интранзитивность процесса. Ср.: *ар мэтхэщлэ* «она занята мытьем посуды» (неперех. одноличн. гл.) и *абы ар етхэщлэ* «он вымывает то» (двухличн. переходн. гл.). Включение преверба *и-* в состав данной основы приводит к образованию трехличного переходного глагола. Ср.: *и-тхэщлэ-н* «вымывать, помыть что-л. внутри чего-л.». Однако аблаут + суффикс *-хь* способствуют преобразованию переходного глагола в непереходный. При этом происходит уменьшение числа лиц в производном образовании: *и-тхэщлэ-хь-н* «сполоснуть, вымыть что-л. изнутри» (двухличн. непереходн. гл.).

4. Локальный преверб *дэ-* с суффиксом *-хь* образуют множество производных глаголов, в которых они выражают пространственную характеристику процесса, происходящего «между кем-чем-л.».

Исследуемые аффиксы включаются в состав как глагольных, так и именных основ. При этом строятся только динамические глаголы.

Словообразовательные модели, составляющие данную группу, иногда могут выступать без суффикса *-хь* с превербом, образуя синонимичные оппозиции. Ср.: *дэ-плымлэ-н* и *дэ-плымлэ-хь-н* «раздавить что-л. между чем-л.».

Аблаутное чередование *ы:э* в корневой морфеме характерно для превербного глагола: *дэ-жее-н* «заснуть где-л., между чем-л.».

Обратный морфонологический процесс *э:ы* является результатом включения суффиксальной морфемы *-хь* в состав данной основы. Ср.: *дэ-уклы-хь-н* «избить, убить, уничтожить кого-л. где-л., в пространстве между чем-л.».

Суффикс *-хь* с локальным превербом *дэ-* чаще всего включаются в состав глаголов непереходного значения. Число переходных глаголов с этими аффиксами значительно ограничено.

5. Локальный преверб *те-* в сочетании с суффиксом *-хь* могут включаться в состав переходных и непереходных глаголов. При этом большей частью присоединяются они к глаголам непереходного значения. Преверб *те-* и суффикс *-хь* образуют динамические глаголы и от глагольных, и от именных основ.

Наличие суффиксальных и бессуффиксальных оппозиций рассматриваемых основ позволяет определить морфонологические характеристики противопоставляемых лексических единиц. Превербный глагол последовательно имеет огласовку *э* в корневой морфеме, тогда как включение суффикса *-хь* сопровождается аблаутным чередованием типа *э:ы*. Таким образом суффиксальные глаголы маркируются огласовкой *ы* в корне независимо от переходности или непереходности глагольного значения. Ср.: *тхэунцлэ-н* «скоблить что-л.» > *те-тхэунцлэ-н* «скоблить что-л. на поверхность чего-л.» > *те-тхэунцлэ-хь-н* «соскоблить что-л. с поверхности чего-л.». Ср. также: *лэбэ-н* «протянуть руку» > *те-лэбэ-н* «тронуть кого-что-л. на поверхности чего-л.» > *те-лэбы-хь-н* «ощупывать, трогать что-л.».

Альтернация гласных в корне в сочетании с суффиксацией иногда приводит к возникновению новых лексических значений, чаще связанным с изменением направления действия, выраженного в превербном глаголе. Ср.: *те-пхээнклэ-н* «замести что-л. на поверхность чего-л.» и *те-пхээнкы-хь-н* «смести что-л. с поверхности чего-л.».

6. При помощи локального преверба *цлэ-* и суффикса *-хь* в сочетании с аблаутом образуется большое количество непереходных глаголов с пространственной характеристикой «где-л., под чем-л., внутри чего-л.». Число глаголов переходного значения, включающих указанные суффиксы, значительно меньше.

По типу аблаута бессуффиксальные и суффиксальные модели и здесь расходятся точно также, как и в предыдущей группе, т.е. альтернация *э:ы* характерна для суффиксальных глаголов, тогда как чередование гласных в корне типа *э:ы* регулярно демонстрируют превербные глаголы. Ср.: *цлэ-клэзызы-хь-н* и *цлэ-клэзыэ-н* «дрожать (о нижней части чего-л.)» (от *клэзызы-н* «дрожать»).

7. Небольшая группа глаголов, в основном непереходных с локальным превербом *флэ-* включает в свой состав суффикс *-хь*, образуя при этом глаголы переходные и

непереходные. Для подобных производных глаголов характерна пространственная характеристика процесса «на конце чего-л.». Ср.: *флэ-шы-хы-н* «намотать что-л. на что-л. на конец чего-л.» (перех. гл.), *флэ-сысы-хы-н* «болтаться, шататься на чем-л. на конце чего-л.» (неперех. гл.).

В отыменных образованиях рассматриваемой группы пространственная характеристика «на конце чего-л.» сохраняется. Ср.: *флэ-быды-хы-н* «закрепиться на конце чего-л.» (от *быдэ* «крепкий»).

Морфонологическая структура глаголов с превербом *флэ-* и суффиксом *-хь* идентична морфонологической структуре предыдущих групп.

8. Локальный преверб *пы-* сочетается с суффиксом *-хь*, образуя при этом динамические глаголы переходного и непереходного значения, как от глагольных, так и от именных основ. Число непереходных глаголов, содержащих исследуемые аффиксы, гораздо больше, чем глаголов переходного значения. Все производные глаголы выражают пространственную характеристику «на чем-л., на конце чего-л.». Ср.: *пы-кэу-хы-н* «разбить что-л. висящее на чем-л.» (перех. гл.) < *кэутэ-н* «разбить что-л.»

Группа словообразовательных моделей рассматриваемого ряда употребляется без суффикса *-хь* с одним превербом. В этом случае превербный глагол последовательно принимает огласовку *э*. Ср.: *пы-уэ-н* «обивать что-л.» (от *уэ-н* «бить»). Включение суффиксальной морфемы *-хь* сопровождается маркировкой *ы* корневой морфемы. Ср.: *пы-у-хы-н* «обивать чем-л. (дерево, куст)».

9. Глаголы, содержащие преверб *пэры-* и суффикс *-хь*, немногочисленны, указанные аффиксы образуют динамические переходные и непереходные глаголы как от глагольных, так и от именных основ.

Характерной особенностью производных образований исследуемого ряда является тесная взаимосвязь словообразующих аффиксов. Тем не менее, при распределении нагрузки пространственное значение преверба «перед» все же доминирует. Ср.: *пэры-щы-хы-н* «построить что-л. перед чем-л.»

Для словообразовательных моделей рассматриваемой группы характерен такой же тип аблаута *э:ы*, как и в других предыдущих образованиях. Ср.: *маллэ* «он умирает» и *пэро-ллы-хь* «он умирает перед кем-чем-л.»; *ес* «он горит» и *пэре-сы-хь* «он горит перед чем-л.»

10. Группа словообразовательных моделей с превербом *кэуэ-* и суффиксом *-хь* образуют динамические переходные и непереходные глаголы как от глагольных, так и от именных основ.

Производные глаголы исследуемой группы выражают пространственную характеристику процесса «за чем-л., (в углу)». Ср.: *кэуэ-гэу-хы-н* «засохнуть, высохнуть где-л., за чем-л. (напр., в углу)».

Определенное количество глаголов рассматриваемого ряда имеют употребление без суффикса *-хь* с превербом *кэуэ-*. Противопоставление суффиксальной и бессуффиксальной оппозиции дает возможность проследить за морфонологической структурой исследуемых глаголов. Так, превербные глаголы демонстрируют альтернацию типа *ы:э*, тогда как для суффиксальных глаголов характерен аблаут типа *э:ы*. Ср.: *кэуэ-жее-н* и *кэуэ-жеи-хы-н* «заснуть где-л., за чем-л. (в углу)» (от *жеи-н* «спать»). Ср. также: *кэуэ-ллэ-н* и *кэуэ-ллы-хы-н* «умереть где-л. за чем-л. (в углу)» (от *ллэ-н* «умереть»).

Отыменный глагол *кэуэ-у-щэбы-хы-н* «раскрошить, растолочь что-л. где-л., за чем-л.» содержит фактитивный префикс *у-*, который участвует в морфонологическом процессе. образуя глагол *у-щэбы-н* «раскрошить ударами что-л.» от именной основы *щабэ* «мягкий», префикс *у-* способствует построению переходного двухличного глагола *еушэб* «он разрыхляет что-л.». При этом, происходит альтернирование корневой морфемы с нулем, вызванный префиксальной морфемой. Однако, включение в состав глагола преверба *кэуэ-* сопровождается вокализацией корневой морфемы огласовкой *э*, что характерно для превербных глаголов: *кэуэ-у-щэбэ-н*, «раскрошить, разрыхлять что-л., за чем-л. где-л.». Между тем с присоединением суффикса *-хь* к данной основе возникает другой тип аблаута *э:ы*, характерный для глаголов, содержащих суффикс *-хь*. Ср.: *кэуэ-у-щэбы-хы-н* «растолочь, раскрошить что-л. где-л., за чем-л.»

11. При помощи локального преверба *лэщлэ-* и суффикса *-хь* образуются исключительно динамические непереходные глаголы. Для них характерна

пространственная характеристика процесса, «находящегося в чьих-л. руках». Ср.: *лэщлэ-сысы-хьы-н* «дрожать, трястись у кого-л. в руке» < *сысы-н* «дрожать, трястись».

Производные глаголы, входящие в состав данной группы, могут выступать без суффикса -хь с превербом. В таких случаях превербные глаголы демонстрируют один тип альтернатив – *ы:э*, тогда как для суффиксальных глаголов характерен другой тип аблаута – *э:ы*. Ср.: *лэщлэ-кэутэ-н* и *лэщлэ-кэуты-хьы-н* «разбиться, треснуть, разломаться в чьих-л. руках» (от *кэутэ-н* «ломаться, разбиться»).

12. Локальный преверб *лу-* и суффикс -хь, как и в предшествующем случае, образуют динамические глаголы переходного и непереходного значения, которые выражают пространственную характеристику «около». Ср.: *лу-тклу-хьы-н* «растаять около чего-л.».

Производные образования рассматриваемого ряда часто могут выступать с одним превербом, без суффикса. Такое противопоставление суффиксальных и бессуффиксальных оппозиций четко демонстрирует их морфонологическую структуру. Бессуффиксальные модели с превербом оформляются огласовкой *э*, тогда как модели с суффиксом -хь маркируются всегда огласовкой *ы*. Ср.: *лу-тклуэ-н* «капнуть около чего-л.» и *лу-тклу(ы)-хьы-н* «растаять около чего-л.» (от *тклу(ы)н* «таять»).

13. Сочетаемость суффикса -хь с направительным превербом *кэ-* характеризуется конкретными особенностями. Если к моделям с суффиксом -*к/* направительный преверб *кэ-* мог присоединяться лишь при наличии в словоформе другого локального преверба, то в моделях с суффиксом -хь последний не нуждается в соседстве с другим превербом: он сразу присоединяется к основе, содержащей суффикс -хь. При этом степень спаянности глаголообразующих аффиксов не всегда одинакова. В этом плане глаголы можно разделить на две группы: модели, имеющие употребление без суффикса -хь и модели, не употребляющиеся без суффикса -хь. Ср.: *кээ-тлысы-н* «сесть около, чего-л.» и *кээ-тлысы-хьы-н* «сесть вокруг кого-чего-л.».

Словообразовательные модели рассматриваемой группы образуются от основ с разными огласовками. При этом, глаголы, содержащие суффикс -хь маркируются последовательно огласовкой *ы* в корневой морфеме. Превербный глагол выступает без изменения огласовки, поскольку преверб *кэ-* не влияет на форму их огласовки. Ср.: *лээтэ-н* «летать» и *кээ-лээтэ-н* «прилететь сюда», но *кээ-лээты-хьы-н* «летать вокруг, везде».

Производные глаголы с превербом *кэ-* и суффиксом -хь иногда допускают наличие второго преверба, например *хэ-*. Ср.: *кэы-хэ-лэжы-хьы-н* «принять участие в какой-л. работе». Или же с превербом *те-*: *кэы-те-лэжы-хьы-н* «стереть что-л. с какой-л. поверхности». Интересен тот факт, что огласовка *э* направительного преверба *кэ(э)-* меняется на *ы* лишь при его сочетании с другими локальными превербами. Ср.: *кэы-лэщлэ-кэуты-хьы-н* «сломаться чему-л. у кого-л. в руках», но *кээ-лэы-хьы-н* «скакать, прыгать вокруг кого-чего-л.».

8.21.2.2. Модели с нулевой огласовкой

1. Отдельную группу образуют словообразовательные модели, содержащие суффикс -хь и оформленные нулевой огласовкой. Этот альтернативный ряд немногочислен. Их всего около десяти основ. Однако, сочетаясь с разными превербами вместе с суффиксом -хь, от них образуется множество производных основ, имеющих нулевую огласовку. Общим для данных моделей является еще и то, что последние производятся исключительно от основ с огласовкой *ы* в корневой морфеме, а при включении в их состав преверба и суффикса -хь исходная огласовка *ы* редуцируется до нуля. Характерно еще одно обстоятельство. При отпадении огласовки *ы*, суффикс -хь присоединяется к основам с финальными согласными *щ*, *т*, *лэ*, *с*. Присоединение словообразующих суффиксов к производящей основе вызывает определенные морфонологические преобразования, т. е. происходит взаимоприспособление словообразующих морфем.

В данном ряде словообразовательных моделей наблюдается усечение основы. Поскольку при образовании слов на стыке производящей основы и словообразующего аффикса могут возникнуть звуко сочетания, не характерные для языка, не отвечающие нормам сочетания фонем на морфемных швах. Это часто приводит к тому, что конец

производящей основы упрощается, подвергается усечению.

Основным структурно-различительным признаком моделей этого ряда является их морфонологическая структура, которая отличается своей последовательностью.

В этой небольшой группе глаголов, содержащих суффикс *-хь*, усечение корневой морфемы характерно для глаголов с вокалическим исходом на *ы*. При этом морфонологическим преобразованиям подвергаются также и структура самой суффиксальной морфемы *-хь*. Так, если в производных образованиях с огласовкой *ы* в корневой морфеме суффикс *-хь* (*ы*) имел такую же огласовку *ы*, то в данном случае, когда глагол выступает с нулевой огласовкой, а суффиксальная морфема принимает другую огласовку на *э* – *-хь* (*э*).

2. Больше всего производных основ образуется от связанной (несвободной) корневой морфемы *-лъ-*. Глаголы, произведенные от данной основы при помощи локальных превербов, остаются статическими. Ср.: *дэ-лъы-н* «лежать между чем-л.», *бгъэдэ-лъы-н* «лежать около, кого-чего-л.» и т. д. Кроме того, статические превербные глаголы, строящиеся от несвободной корневой морфемы *-лъ-* являются непереходными. Глаголы рассматриваемой группы могут употребляться без суффикса *-хь*. Включение суффикса *-хь* в состав таких образований сопровождается усечением огласовки корневой морфемы. Ср.: *лэры-лъы-н* «лежать перед кем-чем-л.» и *лэры-лъ-хьэ-н* «положить, класть что-л. перед кем-чем-л.».

3. Производные глаголы от основы *пщын* «ползти» близки предыдущим образованиям по степени их регулярности. От данной основы с помощью суффикса *-хь* и локальных превербов образуются динамические непереходные глаголы. Более двадцати локальных превербов сочетается с суффиксом *-хь* в данной основе. При этом, такие словообразовательные модели могут выступать с превербом, но без суффикса. Включение суффиксальной морфемы *-хь* сопровождается также усечением огласовки корневой морфемы. Ср.: *лу-пщы-н* «уползти, отползти от передней части чего-л.» и *лу-пщ-хьэ-н* «подползти к чему-л. спереди».

4. Следующая группа моделей с усеченной огласовкой в корне строится от основы *тлысын* «садиться» при помощи суффикса *-хь* и различных локальных превербов.

Динамические непереходные глаголы, произведенные подобным образом отличаются от предыдущих групп тем, что не употребляются без суффикса *-хь* с превербами. Функция суффикса *-хь* в них затемнена. Ср.: *къуэ-тлыс-хьэ-н* «сесть за кого-что-л. (за углом)», *те-тлыс-хьэ-н* «сесть на кого-что-л. (на коня, на стул)».

5. От непереходного одноличного динамического глагола *гъуэлъы-н* «лечь» при помощи суффикса *-хь* и других локальных превербов образуется группа моделей с усеченной огласовкой. Присоединение суффикса *-хь* к корневой морфеме данного глагола сопровождается исчезновением вокальной огласовки корня. Производные при этом модели выступают с нулевой огласовкой. Ср.: *бгъуры-гъуэлъ-хьэ-н* «лечь рядом с кем-чем-л.» < *гъуэлъы-н* «лечь».

6. От переходного одноличного глагола *сын* «гореть» образуется группа производных глаголов при помощи суффикса *-хь* и различных локальных превербов. Следствием включения этих аффиксов в состав данной основы является их преобразование в двухличные, поскольку производные глаголы при этом приобретают косвенный объект. Однако, рассматриваемые аффиксы не влияют на переходность или непереходность глагольного значения. Ср.: *ар ес* «он горит» (одноличн. неперех. гл.) и *ар абы хесхэ* «он горит в чем-л.»; *ар абы иресхэ* «он горит внутри чего-л.» (двухличн. неперех. гл.).

Исследуемые словообразовательные модели не употребляются без суффикса *-хь* с превербами. Их морфонологическая особенность в том, что вокальная огласовка корня усекается до нуля. Такая последовательность не нарушается при сочетании суффикса *-хь* с разными локальными превербами. Ср.: *къуи-с-хьэ-н* «сгореть в углу», *пи-с-хьэ-н* «сгореть – о чем-л., находящемся в висячем положении (на дереве)».

7. В глаголах, произведенных от (односложной) одноличной непереходной основы *щтын* «замерзнуть», превербы неразрывно связаны с суффиксом *-хь*. Ср.: *дэ-щт-хьэ-н* «замерзнуть где-л. между чем-л.», но нет модели *дэщтэн*.

Производные глаголы данной группы представлены двумя вариантами огласовки в корневой морфеме: полной ступенью с огласовкой на *ы* и нулевой степенью огласовки.

Ср.: *дэ-щты-хъэ-н* и *дэ-шт-хъы-н* «замерзнуть между чем-л.».

Варьирование огласовки корня в глаголах исследуемого ряда не несет никакой функциональной нагрузки.

8. Глагольная основа *утлыпщын* «отпустить» допускает в свой состав множество локальных превербов в сочетании с суффиксом *-хъ*, образуя при этом модели, оформленные нулевой огласовкой. Строящиеся таким образом модели не выступают без суффикса *-хъ* с превербами.

К моделям рассматриваемого типа, содержащим суффикс *-хъ*, направительные превербы присоединяются также при наличии другого локального преверба. Ср.: *къ-и-утлыпщ-хъэ-н* «впустить кого-что-л. сюда», *н-и-утлыпщ-хъэ-н* «впустить кого-что-л. туда».

8.21.3. Беспрефиксальные модели, содержащие направительные суффиксы *кI*, *-х*, *-лI*, *-с*, *-жъэ*

1. Беспревербные глаголы, содержащие суффикс *-кI*, представляют собой наиболее продуктивный тип моделей. Они отличаются своеобразием в морфонологическом плане. Суффикс *-кI* в этих моделях требует огласовку *э* в корневой морфеме и наличия косвенного объекта независимо от переходности и непереходности глагола. У основ с огласовкой *э* включение суффикса *-кI* происходит без изменения огласовки корня. Ср.: *кIуэ-н* «идти» < *е кIуэ-кIы-н* «обходить, обойти кого-что-л. вокруг чего-л.» (неперех.гл.), но *пщы-н* «ползти» < *е-пщэ-кIы-н* «отползти в сторону», *шэ-н* «вести» < *е-шэ-кIы-н* «отвести кого-что-л. в сторону, вокруг, назад», но *къузы-н* «натянуть» < *е-къузэ-кIы-н* «натянуть что-л. вокруг кого-чего-л.».

Односложные непереходные глаголы с конечным гласным *э* имеют продленную ступень огласовки префикса субъекта в 3 лице настоящего времени. Ср.: *ма-жэ* «он бежит», *ма-тхэ* «он пишет». Сложные и производные непереходные глаголы оформляют нормальную ступень огласовки. Ср.: *мэ-псалъэ* «разговаривает», *мэ-кIэрахъуэ* «кружится».

С помощью суффикса *-кI* образуются беспрефиксальные отыменные глаголы, в которых также происходит чередование гласных *ы:э* в корневой морфеме. Ср.: *е-фIэ-кIы-н* «превосходить кого-что-л.» < *фIы-н*, «быть хорошим» < *фIы* «хороший».

2. Суффикс *-х* образует исключительно динамические глаголы с семантической направленностью «сверху вниз». Такие модели строятся от основ с разными огласовками в корневой морфеме. При однотипности таких моделей в семантическом плане морфонологическая картина оказывается весьма разнообразной. Альтернирование корневых морфем здесь наблюдается двух типов, причем, с одинаковой регулярностью, как переход *ы* в *э*, так и обратный процесс *э* в *ы*.

Словоизменительная парадигма бессуффиксальных моделей позволяет установить некоторые закономерности в колебании вокализма корневых морфем рассматриваемых глаголов. Большая группа бессуффиксальных моделей, имеющих консонантную финаль или нулевую огласовку в формах настоящего времени, в сочетании с суффиксом *-х* получают огласовку *э*. Ср.: *лъэфын* «тащит» < *е-лъэф* «он тащит то» < *и-ре-лъэфэ-х* «он тащит то вниз».

Другая группа непроизводных глаголов, имеющих огласовку *э* в формах настоящего времени, при включении суффикса *-х* в их состав последовательно принимает огласовку *ы*. Ср.: *блэн* «украшать что-л.» < *е-блэ* «он украшает что-л.» < *и-ре-блы-х* «он украшает что-л. (сверху вниз)».

Отдельную группу образуют глаголы, сохраняющие исходный (этимологический) гласный (*э* или *ы*) при сочетании с суффиксом *-х*. Ср.: *пщын* «ползти» < *мэ-пщ* «он ползет» < *йо-пщы-х* «сползает, спускается с чего-л.»; *щIын* «делать, строить что-л.» < *е-щI* «делает, строит» < *и-ре-щIы-х* «строит что-л. сверху вниз». Ср., также: *шэ-н* «вести, везти кого-что-л.» < *е-шэ* «везет кого-что-л.» < *и-ре-шэ-х* «везет кого-что-л. с чего-л. вниз».

Альтернирование конечных гласных в рассматриваемых моделях не зависит от переходности или непереходности глагольного значения.

3. Динамические глаголы, строящиеся посредством направительного суффикса *-лI*, выражают действия, происходящие «вплотную к чему-л., вблизи, около кого-чего л.».

Аддитивные глаголы с направительным значением «вплотную» могут производиться как от основ с огласовкой *ы*, так и от основ с огласовкой *э* в корневой морфеме. В зависимости от позиционных условий, в которых находится корневой гласный, чередование в производном глаголе реализуется в нескольких вариантах. Нередко однозначные модели обнаруживают разные варианты огласовки.

В связи с этим рассматриваемые модели можно разделить на три группы:

а) большое количество глаголов включает суффикс *-лI* без изменения исходной огласовки корня.

б) вторую группу составляют также значительное количество глаголов, содержащих суффикс *-лI*, у которых наблюдается изменение огласовки корня *э* на *ы*.

в) третий тип альтернатив – *ы:э*. Данный тип альтернатив охватывает меньшее количество глаголов.

Итак, определенная группа производных глаголов с суффиксом *-лI* обладает определенной ступенью аблаута, но имеются и нарушения этой закономерности, что создают дополнительные типы аблаута.

В ряде случаев преверб *къэ-* является необходимым элементом непереходных глаголов исследуемой группы. Так, при выступлении глагола *е-хуты-лIэ-н* «подоспеть, поспеть к чему-л.» без суффикса *-лI* требуется наличие преверба *къэ-*: *къэ-хутэ-н* «появиться, очутиться где-л. внезапно». Исключение суффикса *-лI* из состава основы сопровождается аблаутным чередованием *э:ы* в корне и уменьшением количества лиц в глаголе на одно лицо – лицо косвенного объекта.

Суффикс *-лI* обычно увеличивает число лиц в глаголе. Так, одноличные непереходные глаголы становятся двухличными непереходными. Ср.: *ар мэ-лъатэ* «он летает» и *ар абы йо-лъаты-лIэ* «он подлетает к кому-чему-л. вплотную, близко».

Однако встречается группа двухличных непереходных глаголов, где включение суффикса *-лI* не сопровождается увеличением числа лиц. В таких производных образованиях с косвенным объектом морфема *-лI* влияет на изменение исходной огласовки *э:ы*, тогда как лексическое значение основы сохраняется. Ср.: *ар абы йо-псалъэ* и *ар абы йо-псалъы-лIэ* «он разговаривает с ним».

С двухличными переходными глаголами дело обстоит несколько иначе. При включении суффикса *-лI* в состав последних двухличные переходные глаголы преобразовываются в трехличные переходные. Ср.: *ар абы ешэ* «он везет его» и *ар абы (абы) ирешалIэ* «он подводит кого-что-л. к кому-чему-л.».

4. Словообразовательные модели, содержащие суффикс *-жъэ* образуют отдельную небольшую группу. Суффикс *-жъэ* не сочетается с локальными превербами, что ограничивает его словообразовательные возможности. Однако, суффикс *-жъэ* включается в состав переходных и непереходных глаголов. При этом исследуемая морфема образует исключительно динамические глаголы и только от глагольных основ. В производные глаголы суффикс *-жъэ* вносит пространственное значение «начало процесса, связанное с движением». Ср.: *е-жэ-жъэ-н* «вдруг тронуться с места» (от *жэ-н* «бежать»). При включении суффикса *-жъэ* в состав глаголов рассматриваемой группы количество лиц в них не увеличивается, как это было в предыдущих разделах. В моделях исследуемого ряда также наличествует префикс *йэ-(е-)*, о природе которого существуют разные точки зрения.

Модели с суффиксом *-жъэ* строятся как от основ с огласовкой *э*, так и от основ с огласовкой *ы*. Оформление огласовки корневой морфемы в производных глаголах с *-жъэ* реализуется в двух вариантах: сохранением исходной огласовки *э* и изменением огласовки *ы* на *э*, причем чередование наблюдается в моделях, имеющих консонантную финаль в формах настоящего времени без суффикса. Ср.: *е-цIывэ-жъэ-н* «быстро побежать куда-л.» < *цIывы-н* «мчаться» и *мэ-цIыв* «мчится»; *е-хъэ-жъэ-н* «унести кого-л. куда-л.» < *хъы-н* «нести» и *ехъ* «он несет».

5. Суффикс *-с* включается в состав переходных и непереходных глаголов, но его словообразовательные возможности ограничены тем, что сочетается с определенными типами основ, а также небольшим числом префиксальных элементов. Морфема *-с* чаще всего встречается с направительным превербом *нэ-*. Пространственное значение, выраженное исследуемыми аффиксами при этом можно сформулировать так – направление «туда». Особенностью таких производных глаголов является то, что модели

с направительным превербом *нэ-* могут выступать без суффикса, но не наоборот. Ср.: *нэ-хьэ-сы-н* «донести кого-что-л. до кого-л. места» и *нэ-хьы-н* «нести что-л. туда-л.» (от *хьы-н* «нести»).

Глаголы, строящиеся посредством исследуемых аффиксов (*нэ-* и *-с*), могут образоваться от основ как с огласовкой *э*, так и от основ с огласовкой *ы* с одинаковой степенью интенсивности. Такие производные глаголы характеризуются разными типами чередований в корне. В зависимости от типа чередований глаголы, с *нэ-* и *-с* можно распределить на три группы.

В первую группу входят производные глаголы с сохранением исходной огласовки. Ср.: *нэ-пщы-сы-н* «доползти до чего-л.» (от *пщы-н* «ползти»).

Группа с сохранением огласовки включает больше производных глаголов с исходом на гласный *ы*, тогда как с вокалической финалью на *э* в исходе встречаются лишь единичные модели типа *шэн* «вести», *жэн* «бежать». Ср.: *нэ-шэ-сы-н* «довезти кого-что-л. до какого-л. места».

Наибольшее количество производных глаголов содержит вторая группа, где наблюдается чередование типа *э:ы* в корневой морфеме. Данный тип альтернатив более продуктивен в глаголах с суффиксом *-с*. Ср.: *нэ-плъы-сы-н* «достичь взором какого-л. предела, места, охватить взором что-л.» и *нэ-плъэн* – «смотреть туда» < *плъэн* «смотреть». В бессуффиксальных моделях исходная огласовка удерживается, тем самым можно утверждать, что альтернирование корневых гласных вызвано суффиксальной морфемой. Этот тип чередования характеризуется еще определенными особенностями. Бессуффиксальные модели с превербом *нэ-* или без него в формах настоящего времени имеют вокальную огласовку *э*. Именно в корнях с подобной структурой и происходит чередование *э:ы*. Ср. *ар малъэ* «он прыгает» – *ар но-лъэ* «он прыгает туда» – *ар но-лъы-с* «он допрыгивает до какого-л. места или предела». Известно, что в кабардино-черкесском языке имеется определенное число глаголов, совмещающее в одной и той же лексеме переходность и непереходность процесса. Последние различаются формой огласовки корневого морфа в формах настоящего времени. Другими словами, корневой морф в непереходных глаголах выступает с огласовкой *э*, тогда как переходные глаголы имеют другой вариант с нулевой огласовкой в исходе. В данном случае, именно вариант с вокальной огласовкой *э*, т. е. форма от непереходного глагола подвергается изменению на *ы* при включении в их состав суффикса *-с*. Ср.: *абы е-тх* «он пишет» (переходн. гл.), *ар ма-тхэ* «он пишет» (неперех. гл.), *нэ-тхы-сы-н* «дописать (докончить) что-л.».

Третью группу составляют значительно меньшее число глаголов, содержащих суффикс *-с*. В них наблюдается обратный морфонологический процесс – изменение огласовки корневой морфемы *ы* в *э*. Последние, когда выступают без аффиксов, характеризуются консонантной финалью в формах настоящего времени. Ср.: *е-лъэф* «он тащит» – *н-е-лъэф* «тащит туда» и *нэ-лъэфэ-сы-н* «доволочить кого-что-л. до какого-л. места, предела» (от *лъэфы-н* «тащить»).

В производных образованиях суффикс *-с* может сочетаться с версионно-направительным аффиксом *зэхуэ-*. Пространственная характеристика, вносимая при этом данными аффиксами в действие глагола, – это движения, направленные «со всех или с разных сторон к одной точке». Ср.: *зэхуэ-тхъуы-сы-н* «сгрести, собрать в кучу что-л.» (от *тхъуы-н* «грести что-л.»); *зэхуэ-жэ-сы-н* «собраться в одном месте, сбежаться в одно место» (от *жэ-н* «бежать»).

Преверб *зэхуэ-* не влияет на форму исходной огласовки. Это еще раз подтверждает, что альтернирование гласных в корневых морфемах рассматриваемых глаголов реализуется при помощи суффикса *-с*. Ср.: *зэхуэ-хьэ-сы-н* «собрать, накопить что-л.» (от *хьы-н* «нести»).

9. Отглагольные образования

9.1. Причастие

9.1.1. Разряды причастий

Причастие в кабардино-черкесском языке – это глагольно-именная форма, имеющая категории лица, числа, времени и падежа.

В основе их классификации, ставшей традиционной в адыгovedении с 1960-х гг., лежит отношение определяемых причастиями предметов к действиям, передаваемым в тех же причастиях. По этому признаку причастия делятся на субъектные, объектные, орудные (инструментальные) и обстоятельственные. Последние в свою очередь подразделяются на обстоятельственные причастия места, времени, образа действия, причины и цели.

Субъектные причастия указывают предмет, служащий субъектом причастного действия: *кӀуэр* «идущий», «тот, который идет» (от динамического глагола *кӀуэн* «идти»), *щысыр* «сидящий», «тот, который сидит» (от статического глагола *щысын* «сидеть»).

Объектные причастия определяют объект причастного действия: *ишэр* «тот, которого (он) ведет» (от динамического глагола *шэн* «вести (кого-л.)»), *зытетыр* «то, на чем он стоит» (от статического глагола *тетын* «стоять на чём-л.»).

Орудные (инструментальные) причастия указывают на орудие или средство действия, заключенного в причастии: *зырыкӀуэр* «на чем (он) едет» (от глагола *кӀуэн* «идти»), *зырылажьэр* «чем (он) работает» (от глагола *лэжьэн* «работать») и т. д.

Обстоятельственные причастия места указывают на место осуществления действия, заключенного в причастии: *зыдӀкӀуэр* «куда (он) идет» (от *кӀуэн* «идти»), *зыщыс-лӀэгъуар* «где я его видел» (от глагола *лӀэгъун* «видеть кого-, что-л.») и т. д.

Обстоятельственные причастия времени указывают на время осуществления действия, заключенного в причастии: *щыкӀуэр* «когда он идет», *щылажьэр* «когда он работает» и т. д.

Обстоятельственные причастия образа действия указывают на способ осуществления действия, заключенного в причастии: *зырыкӀуэр* «как он идет», *зырылажьэр* «как он работает» и т. д.

Обстоятельственные причастия причины, цели указывают на причину, цель осуществления действия, заключенного в причастии: *щӀӀэкӀуэр* «почему он идет», *щӀыщысыр* «почему он сидит» (от глагола *щысын* «сидеть») и т. д.

Основные положения приведенной классификации были сформулированы А. К. Шагировым, предложившим отказаться от залогового принципа при выделении разрядов причастий¹. Среди других подходов вызывает интерес классификация причастий, основанная на их словоизменительном строении. Ее автор З. И. Керашева делит причастия в адыгских языках на нейтральные, субъектные, объектные, субъектно-объектные, обстоятельственные и бессубъектные².

9.1.2. Образование причастий

9.1.2.1. Образование субъектных и объектных причастий

Субъектные и объектные причастия производятся как от динамических, так и от статических глаголов с помощью префикса *зы-* (*зэ-*) или же без специального аффикса.

С помощью префикса *зы-* образуются:

1) субъектные причастия от переходных глаголов: *зышэр* «тот, который ведет (его)» (от *шэн* «вести (кого-л.)»);

2) косвенно-объектные причастия от переходных глаголов: *зы-хуэсшэр* «тот, для которого я его веду» (от *хуэшэн* «вести кого-л. для кого-л.»);

3) косвенно-объектные причастия от непереходных глаголов: *зы-дӀкӀуэр* «тот, с которым он идет» (от *дӀкӀуэн* «идти с кем-л.»).

Без префикса *зы-* образуются:

1) субъектные причастия от непереходных глаголов: *лажьэр* «тот, который работает» (от *лэжьэн* «работать»);

2) ближайше-объектные причастия от переходных глаголов: *ишэр* «тот, которого он ведет» (от *шэн* «вести (кого-л.)»).

Иными словами, префикс *зы-* наличен в причастиях тогда, когда относительное имя при исходном для причастия глаголе представлено в эргативном падеже. Ср.: *сэ ар зы-хуэсшэр* «тот, для которого я его веду» – *Сэ ар лӀыжьым хузошэ* «Я его веду для старика». Относительное слово *лӀыжь* «старик» находится в форме эргативного падежа.

Префикс *зы-* отсутствует в причастиях тогда, когда относительное имя при

исходном для причастия глаголе представлено в именительном падеже. Ср.: *абы ишэр* «тот, которого он ведет» – *Абы лЫжьыр ешэ* «Он ведет старика». Относительное имя *лЫжь* «старик» находится в форме именительного падежа.

Огласовка префикса *зы-* может измениться в некоторых случаях. Например, в косвенно-объектных причастиях, построенных от непереходных глаголов с префиксами косвенного объекта *е-*, *и-* типа *еджэн* «читать», *исын* «сидеть (в чём-л.)», причастный префикс получает форму *зэ-*: *зэ-джэр* «то, что он читает», *зэ-псалъэр* «тот, с которым он разговаривает» (от глагола *е-псалъэн* «говорить с кем-л.»), *зэ-далуэр* «тот, которого он слушает» (от глагола *е-дэлуэн* «слушать кого-л.») и т.д.

Количество причастий, образующихся от того или иного глагола, зависит от формы лица глагола – чем больше лиц у глагола, тем больше, как правило, количество причастий, образующихся от него. Однако имеются и другие факторы, влияющие на формообразовательные возможности глагола. Поэтому следует более подробно остановиться на этом вопросе.

1. От одноличных непереходных глаголов производятся только субъектные причастия, ср. *клуэр* «идуший», «тот, который идет» (от *клуэн* «идти»), *щысыр* «сидящий», «тот, который сидит» (от *щысын* «сидеть»).

2. От двухличных непереходных глаголов образуются субъектные и косвенно-объектные причастия.

1) Субъектные причастия производятся безаффиксально: *ежъэр* «тот, который его ждет» (от *ежъэн* «ждать (кого-л.)»), *хуэ-клуэр* «тот, который идет ради него» (от *хуэклуэн* «идти (куда-л.) ради кого-л.») и т. д.

2) Косвенно-объектные причастия от двухличных непереходных глаголов строятся с помощью префикса *зы-* (*зэ-*): *зэжъэр* «тот, которого он ждет» (от *ежъэн* «ждать (кого-что-л.)»); *зэ-уэр* «тот, которого он бьет» (от *еуэн* «бить кого-л.»).

3. От трехличных непереходных глаголов образуются субъектное и одно косвенно-объектное причастия.

1) Субъектное причастие строится безаффиксально: *дежъэр* «тот, который ждет его вместе с ним» (от *дежъэн* «ждать кого-л. вместе с кем-л.»), *худэклуэр* «тот, который идет с ним ради него» (от *худэклуэн* «идти с кем-л. ради (для) кого-л.») и т. д.

2) Косвенно-объектное причастие производится с помощью префикса *зы-*: *зы-дежъэр* «тот, вместе с которым он ждет его» (от *дежъэн* «ждать кого-что-л. вместе с кем-л.»), *зы-худэклуэр* «тот, для (ради) которого он пошел вместе с ним» (от *худэклуэн* «идти куда-л. с кем-л. ради кого-л.») и т.д.

От трехличных непереходных глаголов не образуется второе косвенно-объектное причастие: от глагола *дежъэн* «ждать кого-л. с кем-л.», например, невозможно построить причастие в значении «тот, которого он ждет с ним».

4. Четырехличными непереходными глаголы немногочисленны и малоупотребительны. Кроме того, они обнаруживают значительную ущербность в построении парадигм. Эта ущербность распространяется и на возможность образования причастий. Логически от четырехличных непереходных глаголов должны производиться четыре причастия – одно субъектное и три косвенно-объектных. Например, от глагола *фЫдеплъын* «смотреть вместе с кем-л. на кого-, что-л. против чьей-л. воли» должны образоваться причастные формы со следующими значениями:

- 1) «тот, который смотрит вместе с ним на него против его воли»;
- 2) «тот, против чьей воли он смотрит вместе с ним на него»;
- 3) «тот, с которым он смотрит на него против его воли»;
- 4) «тот, на которого он смотрит вместе с ним против его воли».

Из-за неупотребительности подобные формы трудно обнаружить в языке художественной литературы и других письменных формах существования языка. Опрос же носителей языка показывает следующее: субъектное причастие от четырехличных глаголов образуется безаффиксально: *фЫдеплъыр*. Правда, в аранжировке основообразующих аффиксов допускаются колебания – в данном случае чередуются местами аффикс совместности *ды-* и аффикс версии *фЫ-*, в результате чего существуют варианты *фЫдеплъын* и *дыфЫеплъын*. Литературной нормой принято считать *фЫдеплъын*. Эта особенность четырехличных непереходных глаголов отражается и на причастных формах – возможны два варианта субъектного причастия: *фЫдеплъыр* и

дыфлепльыр.

Что касается форм косвенно-объектных причастий, то здесь обнаружились большие расхождения между информантами. Оказалось, что непостоянством местоположения характеризуется наряду с основообразующими аффиксами также и аффикс *зы-*, образующий причастные формы. В результате как косвенно-объектное причастие со значением «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него» носители языка предложили следующие формы:

сызыфыдепльыр// сызыдыфлепльыр// сыфызыдепльыр// сыдызыфлепльыр.

Данные проведенного опроса показывают, однако, что те же самые формы могут употребляться также в значении «тот, с которым я смотрю на него против его воли». Что касается причастия со значением «тот, на которого я смотрю вместе с ним против его воли», то оно наряду с приведенными выше может иметь и такие формы, как:

сызыфыдызепльыр// сызыдыфызепльыр// сыдызыфызепльыр// сыфызыдызепльыр.

Характерной особенностью этих форм является то, что в них префикс *зы-*, образующий причастие, повторяется дважды. Более того, носители языка считают вполне приемлемыми даже и такие формы, как *сызыдызыфызепльыр* и *сызыфызыдызепльыр*, где префикс *зы-* повторяется трижды.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что процесс становления косвенно-объектных причастий от четырехличных переходных глаголов остается незавершенным в языке. Учитывая литературные нормы кабардино-черкесского языка, следует, на наш взгляд, выбрать как формы косвенно-объектных причастий от глаголов типа *фыдепльын* следующие:

- 1) *сы-зы-фыдепльыр* «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него»;
- 2) *сыфы-зы-депльыр* «тот, с которым я смотрю на него против его воли»;
- 3) *сыфыды-зз-пльыр* «тот, на которого я смотрю вместе с ним против его воли».

В этих причастных формах префикс *зы-*, производящий причастие, находится непосредственно перед аффиксом относительного имени (объекта).

5. От одноличных переходных глаголов строятся субъектные причастия с помощью префикса *зы-*: *зы-зытхьэщыр* «тот, который умывается» (от *зытхьэщын* «умываться»); *зы-зыгъэпсэхур* «тот, который отдыхает» (от *зыгъэпсэхун* «отдыхать») и т. д.

6. От двухличных переходных глаголов образуются субъектные и ближайше-объектные причастия.

1) Субъектные причастия от двухличных переходных глаголов производятся с помощью префикса *зы-*: *зы-щлэр* «тот, который делает (что-л.)» (от *щлэн* «делать (что-л.)»); *зы-хьыр* «тот, который несет (что-л.)» (от *хьын* «нести (кого-, что-л.)»).

2) Ближайше-объектное причастие от двухличных переходных глаголов строится безаффиксально: *ихьыр* «то, что он несет» (от *хьын* «нести (кого-, что-л.)»), *ищлэр* «то, что он делает» (от *щлэн* «делать что-л.») и т. д.

7. От трехличных переходных глаголов образуются субъектное, ближайше-объектное и косвенно-объектное причастия.

1) Субъектное причастие производится с помощью префикса *зы-*: *е-зы-тыр* «тот, который отдает то ему» (от *етын* «отдать кому-л. кого-, что-л.»); *хуэ-зы-щлыр* «тот, который делает то для него» (от *хуэщлэн* «сделать что-л. для кого-л.») и т. д.

2) Ближайше-объектное причастие от трехличных переходных глаголов строится безаффиксально: *хуишэр* «тот, которого он ведет для него» (от *хуэшэн* «вести кого-л. для кого-л.»); *къыхуищэхуар* «то, что он купил для него» (от *къыхуэщэхун* «купить что-л. для кого-л.») и т. д.

3) Косвенно-объектное причастие от трехличных переходных глаголов образуется, как и субъектное причастие, с помощью префикса *зы-*, однако здесь префикс *зы-* занимает иную позицию – позицию личного аффикса косвенного объекта: *зы-ритыр* «тот, которому он отдает то» (от *етын* «отдать кому-л. кого-что-л.») (ср. субъектное причастие от того же глагола *е-зы-тыр* «тот, кто отдает ему то»); *зы-флхьыр* «тот, против чьей воли он несет (уносит) то» (от *флэхьын* «(у)нести что-л. против чьей-л. воли») (ср. субъектное причастие *флэ-зы-хьыр* «тот, кто уносит то против его воли») и т. д.

8. От четырехличных переходных глаголов строятся субъектное, ближайше-объектное и одно косвенно-объектное причастия.

1) Субъектное причастие образуется с помощью префикса *зы-*: *де-зы-тар* «тот, который вместе с ним отдал ему то» (от *детын* «отдать вместе с кем-л. что-л. кому-л.»); *хуе-зы-гъэшар* «тот, который заставил его вести его ради него» (от *хуегъэшэн* «заставить кого-л. вести кого-л. ради ко-го-л.») и т. д.

2) Ближайше-объектное причастие производится безаффиксально: *дыритар* «то, что он вместе с ним отдал ему» (от *детын* «отдать вместе с кем-л. что-л. кому-л.»); *хуригъэшар* «то, что он заставил его везти для него» (от *хуегъэшэн* «заставить кого-л. везти кого-л. для кого-л.») и т. д.

3) Косвенно-объектное причастие от четырехличных переходных глаголов образуется с помощью префикса *зы-*: *зы-дыритыр* «тот, с которым он отдает ему то» (от *детын* «отдать с кем-л. что-л. кому-л.»); *зы-хуригъэшар* «тот, ради которого он заставил отвезти то ему» (от *хуегъэшэн* «заставить кого-л. везти (вести) кого-что-л. кому-л. ради кого-л.») и т. д.

Форма косвенно-объектного причастия заслуживает особого внимания. Дело в том, что логически от четырехличных переходных глаголов должны образоваться две формы косвенно-объектного причастия. Например, от глагола *детын* должны образоваться косвенно-объектные причастия со значениями:

1) «тот, с которым я отдаю то ему»; 2) «тот, которому я отдаю то вместе с ним». Употребительной в языке является единственная форма косвенно-объектного причастия, которая приведена выше. Однако эта форма может пониматься двояко. Так, форма *зыдыритар* употребляется в значениях:

1) «тот, с которым он отдал то ему»; 2) «тот, которому он вместе с ним отдал то».

9. Причастия от пятиличных переходных глаголов малоупотребительны. Кроме того, пятиличные переходные глаголы отличаются значительной ущербностью в образовании причастных форм. Логически от них должны производиться пять причастных форм — субъектное, ближайше-объектное и три косвенно-объектных причастия. Например, от глагола *яхурегъэшэлэн* «заставить кого-л. подвести (подвезти) его к нему для них» должны были бы образоваться причастия со значениями:

1) тот, который заставил его подвести его к нему для них (субъектное причастие);

2) тот, которого я его заставил подвести к нему для них (ближайше-объектное причастие);

3) тот, которого я заставил подвести его к нему для них (косвенно-объектное причастие);

4) тот, к которому я заставил его подвести его для них (косвенно-объектное причастие);

5) те, для которых я заставил его подвести его к нему (косвенно-объектное причастие).

Однако образуется не более трех форм:

1) субъектное причастие образуется с помощью префикса *зы-*: *яхуре-зыгъэшэлэр* «тот, который заставил его подвести его к нему для них»;

2) ближайше-объектное причастие образуется безаффиксально: *яхурезгъэшэлэр* «тот, которого я заставил подвести к нему»;

3) Косвенно-объектное причастие образуется с помощью префикса *зы-*: *зы-хурезгъэшэлэр* «тот, для которого я заставляю его подвести его к нему».

Как показывают примеры, вместо трех форм косвенно-объектных причастий производится только одна. Хотя эту форму мы даем в значении «тот, для которого я заставляю его подвести его к нему», она же может употребляться носителями языка также и в значении «тот, к которому я заставил его подвести его для них».

Что касается значения «тот, которого я заставил его подвести того для них», то формы косвенно-объектного причастия с подобным значением не существует (для выражения этого значения используются описательные конструкции).

9.1.2.2. Образование обстоятельственных и орудных (инструментальных) причастий

Как показано выше, особенностью образования субъектных и объектных причастий является то, что в зависимости от переходности-непереходности глаголов эти разряды причастий производятся или с помощью специального аффикса *зы-*, или же безаффиксальным способом. В отличие от субъектных и объектных причастий, обстоятельственные и орудные причастия строятся с помощью одних и тех же аффиксов как от переходных, так и от непереходных глаголов.

Рассмотрим в отдельности образование каждого разряда обстоятельственных и орудных (инструментальных) причастий.

1. Обстоятельственные причастия места строятся при помощи префиксов *зидэ-* и *(зы) шы-*: *зидэклуэр* «куда (он) идет» (от *клуэн* «идти»), *(зы) шы-слээгъуар* «где я его видел» (от *лэагъун* «видеть кого-что-л.») и т. д.

Огласовка префикса *зидэ-* может изменяться в зависимости от строя глагола. Например, конечный гласный *э* префикса *зидэ-* в положении перед личным аффиксом 3-го лица *йы-* редуцируется до нуля: *зидыхъыр* «куда он его несет». Наблюдается и другое фонетическое явление: когда перед префиксом *зидэ-* стоит какой-либо префикс с огласовкой, гласный *ы* элемента *зы-* подвергается редукции: *сы-з-дэ-шысыр* «где я сижу», *кзы-з-ды-шы-хъуар* «где (это) случилось» и т. д.

Огласовка префикса *шы-* тоже может измениться в зависимости от строя глагола: *сыщезъэнур* «где я буду его ждать».

Наряду с изменением огласовки наблюдается также и другой фонетический процесс – редукция гласного *ы* префикса *зы-*.

Префиксы *зидэ-* и *шы-* различаются тем, что префикс *зидэ-* не допускает форму без относительного префикса *зы-*, в то время как возможны формы *зышы-* и *шы-*, причем, по нашим наблюдениям, наиболее употребительна форма на *шы-*.

Причастная форма на *шы-* омонимична, т. е. причастия на *шы-* могут в зависимости от контекста обозначать и место, и время действия, ср. *шылажъэр*: 1) *Ар шыла-жъэр пцэдейц* «Он работает завтра» и 2) *Ар шылажъэр унэриц* «Он работает дома». Еще более показательны конструкции типа *Ар шылажъэр соцлэ*: 1) «Я знаю, где он работает»; 2) «Я знаю, когда он работает».

Наличие двух префиксов *зидэ-* и *зышы-*, производящих обстоятельственные причастия места, казалось бы, допускает синонимию, однако эти префиксы семантически различаются: префикс *зидэ-*, в отличие от префикса *зышы-* (*шы-*), имеет направительное значение. Поэтому к глаголам, обозначающим движение в определенном направлении, при образовании обстоятельственных причастий места присоединяется префикс *зидэ-*: *зидэклуэр* «куда он идет», *зидэжэр* «куда он бежит» и т. д. Ср. соответствующие формы на *зышы-/шы-*: *(зы)шыклуэр* «где он идет (ходит)», *(зы)шыжэр* «где он бежит (бегает)». Эти формы, во-первых, малоупотребительны (говорят обычно *кзы(зы)шыклухъыр* «где он ходит», *кзы(зы)шыжыхъыр* «где он бежит»), во-вторых, они по смыслу отличаются от форм с префиксом *зидэ-* тем, что обозначают уже не действие в определенном направлении, а место действия. Чтобы представить отчетливее разницу между двумя префиксами места, приведем следующий пример. Еще сравнительно недавно глаголы *псэлээн* «говорить» и *клин* «кричать» различались тем, что от *клин* можно было производить два обстоятельственных причастия места *шыклийр* «где он кричит» и *зидэклийр* «куда (в какую сторону) он кричит», а от глагола *псэлээн* – только одно *шыпсалээр* «где он говорит», понятия же «говорить куда-то, в какую-то сторону» в языке не было. После появления же в быту телефона появилось и новое понятие *зидэпсалээр* «куда он говорит (по телефону)»: *Ар зидэпсалэар Налшыкц* «Он звонил в Нальчик».

По способу образования обстоятельственных причастий места глаголы можно разделить на две группы:

- 1) глаголы, образующие только форму с *зышы-/шы-*;
- 2) глаголы, образующие формы с *зышы-/шы-* и *зидэ-*.

К первой группе относятся довольно многочисленные глаголы, которые не могут обозначать направленного действия: *лэжээн* «работать», *жеин* «спать», *шхэн* «есть» и т. д.; переходные глаголы, построенные от непереходных с помощью префикса *кзэ-* и суффикса *-хъ*: *кзышыжыхъыр* «где он бежит», *кзышыклухъыр* «где он ходит» и т. д.; глаголы с префиксом взаимности *зэры-*, *зэ-*: *шызэрылэагъур* «где они видятся», *шызэлушлар* «где они встретились» и т. д.; глаголы в форме совместности: *шызэдэлажъэр*

«где они вместе работают», *щызэдэуэршээр* «где они поговорили друг с другом» и т.д.; глаголы в форме субъектной версии (возвратные глаголы): *щызэплъыжыр* «где он осматривает себя», *зызыщитхъэцлар* «где он умылся» и т.д.; глаголы в форме непроизвольности: *щылэццлуклар* «где он невольно убил его», *щылэццлэклар* «где он ускользнул от него» и т. д.; глаголы с нейтральными основами (как первичные, так и производные): *щылуэр* «где он молотит» (непереход.), *щылуэр* «где он молотит что-то» (переходн.), *щыудзэгур* «где он притупляется», *щыудзэгур* «где он притупляет что-то» и т. д.; статические глаголы, образованные от имен существительных: *щыстудентыр* «где он является студентом», *щыегъэджаклуэр* «где он является учителем» и т. д.

Ко второй группе можно отнести глаголы, обозначающие направленное действие: *клуэн* «идти» – *зыдэклуэр* «куда он идет» и *щыклуэр* «где он идет»; *плъэн* «смотреть» – *зыдэплъэр* «куда он смотрит» и *щыплъэр* «где он смотрит»; *жэн* «бежать» – *зыдэжэр* «куда он бежит» и *щыжэр* «где он бежит» и т. д.

Как нетрудно заметить, префикс *зыдэ-* значительно ограничен в употреблении, в то время как префикс *зыщы-/щы-* практически охватывает все глаголы. Это можно объяснить семантикой глаголов, которые почти всегда могут обозначать место, тогда как направительное значение имеет лишь ограниченный круг глаголов.

Встречается в языке форма обстоятельного причастия места с *зыдэщы-*, где наличествуют оба локальных префикса: *зыдэ-щы-лажъэр* «где он работает», *зыдэ-щы-сцлэр* «где я делаю что-то» и т. п.

В подобных формах *дэ-* имеет факультативный характер, т. е. возможны варианты *зыдэщылажъэр* и *зыщылажъэр* «где он работает» и т. д. Наличие же префикса *щы-* обязательно: нет литературных форм *зыдэлажъэр* в значении «где он работает», *зыдэсцлэр* в значении «где я делаю то» и т. д.

Следует отметить своеобразие образования обстоятельных причастий места от глаголов, в основу которых входят другие локальные превербы (*хэ-*, *т-*, *йы-*, *цлэ-* и др.). Хотя для литературного языка является нормой присоединение к подобным глаголам одного из префиксов причастия места *дэ-* или *щы-*, часто эта норма не соблюдается, в результате чего возможны вариантные формы. Ср.: *зыды-тетыр* и *зы-тетыр* «где он стоит», *зыды-хэсыр* и *зы-хэсыр* в «чем (где) он сидит» и т.п. При этом в подобных формах выпадает обычно префикс *дэ-*, а префикс *щы-* не допускает чередования нулем.

2. Обстоятельные причастия времени строятся с помощью префикса *щы-*: *щы-клуэр* «когда он идет», *щы-лажъэр* «когда он работает» и т. д.

Многозначность аффикса *щы-* создает широкую омонимию глагольных форм с этим аффиксом. Например, глагольная форма *щылажъэр* вне контекста может иметь следующие значения: 1) «тот, кто там работает»; 2) «место, где он работает»; 3) «время, когда он работает». Как видим, омонимию с формой обстоятельного причастия места и времени образуют также субъектно-объектные причастия, построенные от глаголов с локальным превербом *щы-*. Подобное явление характерно для субъектно-объектных причастий, строящихся без относительного аффикса *зы-*. Это значит, что омонимию с обстоятельными причастиями места и времени образуют субъектные причастия от непереходных глаголов и ближайше-объектные причастия от переходных глаголов.

В функциональном плане префикс обстоятельного причастия времени *щы-* и префикс обстоятельного причастия места *щы-* имеют расхождения: обстоятельный префикс места, как отмечено выше, имеет две формы - *зыщы-* и *щы-*: *зыщы-лажъэр//щы-ла-жъэр* «где он работает», а префикс времени *щы-* не допускает наличия *зы-*.

Форма обстоятельного причастия места с *зыщы-*, в отличие от формы с *щы-*, уже не образует омонимии.

3. Обстоятельные причастия образа действия производятся с помощью префикса *зэры-*: *зэры-клуэр* «как он идет», *зэры-лажъэр* «как он работает» и т.д.

Между специалистами нет единого мнения относительно глагольных форм с *зэры-*. Существует точка зрения, согласно которой не следует смешивать с причастиями «омонимичные орудным причастиям предикативные образования, соответствующие сочетанию союза «что» и «как» со сказуемым в русском языке»¹. Основным аргументом при этом выдвигается то, что подобные образования, в отличие от других разрядов

причастий, не могут сочетаться с определяемым словом.

Между тем наблюдаются существенные расхождения в этом плане между формами со значением «что + сказуемое» и «как + сказуемое». В первом случае, действительно, форма с *зэры-* не может сочетаться с определяемым словом, т. е. не может выполнять основную функцию причастий в языке – функцию определения. Что же касается форм со значением «как + сказуемое», то они могут образовывать сочетания с определяемым словом. Правда, количество слов, с которыми подобные формы сочетаются, ограничено: в основном, это слова *Іэмал* «прием», «способ», *щІыклэ* «способ» и др.: *зэрымыкІуэн Іэмал* «как ему не ехать».

В настоящее время широко употребительны в языке сочетания с заимствованным словом *формэ*: *зэрылажээ формэр* «способ, по которому он работает» и т. п. Возможность образования сочетаний с определяемым словом (хотя бы и в ограниченном количестве) сближает разбираемые формы с причастиями и в то же время резко отделяет их от омонимичных предикативных образований со значением «что + сказуемое», не имеющих вообще возможности сочетаться с определяемым словом.

4. Обстоятельственные причастия причины и цели строятся с помощью префикса *щІэ-*: *щІэ-кІуэр* «почему он идет», *щІы-щысыр* «почему он сидит» и т. д.

Интересны, на наш взгляд, формы выражения значения причины и цели другими способами:

Блэр зытраукІэр и шэрэщ (Пс.) «Змею убивают из-за ее жала»; *Зи ныбэ из хъуа щІыхухэми ящыгъупщэжат нобэ щІызэхуэсари, тхэлъэлу_зытращІыхъари* (КІ. А.) «Наевшиеся люди уже не помнили, почему они сегодня собрались, для чего (почему) они устроили праздник»; *СыкъыщІэкІуам ухуеймэ – уи пхъуращ сы-къызытекІухъар* (Іу.) «Если хочешь знать, почему я пришел, то я пришел из-за твоей дочери».

Выделенные формы можно заменить формами с *щІэ-*, но значение не изменится: *зытраукІэр* – *щІаукІыр* «почему (из-за чего) убивают»; *зытращІыхъар* – *щІащІар* «для чего (почему) сделали»; *сыкъызытекІухъар* – *сыкъыщІэкІуар* «почему (из-за чего) я пришел».

5. Орудные (инструментальные) причастия строятся с помощью префикса *зэры-*: *зэры-кІуэр* «на чём едет», *зэры-лажээр* «на чём (чем) работает» и т. д.

Некоторые исследователи адыгских языков причисляют инструментальные причастия к объектным. Однако по способу образования и по парадигмам словоизменения они тесно примыкают не к объектным, а к обстоятельным причастиям.

В области способов образования это заключается в следующем. Косвенно-объектные причастия производятся с помощью префикса *зы-* как от переходных, так и от непереходных глаголов, однако далеко не от всех глаголов они образуются. Косвенно-объектные причастия не строятся, например, от одноличных непереходных глаголов, от одноличных и двухличных переходных глаголов. Инструментальные причастия, в отличие от объектных причастий, образуются, как и все разряды обстоятельных причастий, одинаково от всех переходных и непереходных глаголов: *зэры-кІуэр* «на чем он едет» (от одноличного непереходного глагола *кІуэн* «идти»), *зэры-зитхъэщІыр* «чем он умывается» (от одноличного переходного глагола *зытхъэщІын* «умываться»), *зэри-щІэр* «чем он делает» (от двухличного переходного глагола *щІэн* «делать что-л.»). Как показывают приведенные примеры, орудные причастия строятся, в отличие от косвенно-объектных причастий, и от одноличных глаголов.

9.1.3. Словоизменение причастий

9.1.3.1. Изменение по лицам

Особенностью кабардино-черкесских причастий является наличие у них личных форм. Спряжение субъектных и объектных причастий отличается от спряжения финитных глаголов, от которых они построены. В последней описательной грамматике кабардино-черкесского языка эта особенность спряжения причастий формулируется следующим образом: «Спряжение субъектных и объектных причастий имеет ту специфику, что первые изменяется только по лицу объекта, а вторые – только по лицу

субъекта...»¹. Однако эта формулировка требует уточнения. Если учесть, что в причастии соотносительное имя представлено аффиксом *зы-*, который не различает ни лиц, ни числа, или же вовсе не представлено, то вполне понятно, что субъектное причастие не может изменяться по лицам субъекта, ближайше-объектное причастие – по лицам ближайшего объекта и т.д. Но авторы указанной работы не учли, что в причастной форме могут наличествовать несколько объектов. В подобных случаях объектное причастие не изменяется лишь по лицам соотносительного объекта, по лицам же других объектов – изменяется. Например, ближайше-объектное причастие от трехличного переходного глагола *кзыхуишэр* «тот, которого он ведет к нему» изменяется по лицам косвенного объекта:

сэ абы кзы-с-хуишэр «тот, которого он ведет ко мне»

уэ абы кзы-пхуишэр «тот, которого он ведет к тебе»

абы абы кзыхуишэр «тот, которого он ведет к нему» и т. д.

Косвенно-объектное причастие от того же глагола – *зыхуишэр* «тот, к которому он его ведет» – изменяется по лицам ближайшего объекта:

абы сэ сы-зыхуишэр «тот, к которому он меня ведет», *абы уэ у-зыхуи-шэр* «тот, к которому он тебя ведет», *абы ар зыхуишэр* «тот, к которому он его ведет» и т. д.

Как показывает материал, нельзя утверждать, что объектные причастия изменяются лишь по лицам субъекта.

Кроме указанной особенности, спряжение причастий имеет и другие специфические черты в зависимости от конструкции глагола, от которого они произведены. Поэтому ниже дается подробная характеристика парадигматики личных форм причастий.

Спряжение субъектных и объектных причастий

1. Субъектные причастия, образованные от одноличных непереходных глаголов, по лицам не изменяются. Например, *цытыр* «тот, который стоит» (от *цытын* «стоять») не различает лиц.

2. Субъектные и объектные причастия, построенные от двухличных непереходных глаголов, изменяются по одному лицу.

1) Субъектные причастия изменяются по лицам косвенного объекта. Ниже приводится парадигма спряжения субъектного причастия от двухличного непереходного глагола *хуэклуэн* «идти (куда-л.) для кого-л.» по лицам косвенного объекта:

сэ с-хуэклуэр «тот, который идет для меня»

уэ пхуэклуэр «тот, который идет для тебя»

абы хуэклуэр «тот, который идет для него»

дэ т-хуэклуэр «тот, который идет для нас»

фэ ф-хуэклуэр «тот, который идет для вас»

абыхэм я-хуэклуэр «тот, который идет для них»

Число соотносительного имени (субъекта) может быть выражено с помощью суффикса множественного числа *-хэ*, что расширяет парадигму спряжения субъектных причастий от двухличных непереходных глаголов вдвое: *сэ с-хуэклуэ-хэ-р* «те, которые идут для меня», *уэ п-хуэклуэ-хэ-р* «те, которые идут для тебя» и т. д.

2) Косвенно-объектные причастия от двухличных непереходных глаголов изменяются по лицам субъекта. Ср.: косвенно-объектное причастие *зы-хуэклуэр* «тот, для которого он идет» от того же глагола *хуэклуэн*:

сэ сы-зыхуэклуэр «тот, для которого я иду»

уэ у-зыхуэклуэр «тот, для которого ты идешь»

ар зыхуэклуэр «тот, для которого он идет»

дэ ды-зыхуэклуэр «тот, для которого мы идем»

фэ фы-зыхуэклуэр «тот, для которого вы идете»

ахэр зыхуэклуэр «тот, для которого они идут»

Число соотносительного имени (косвенного объекта) выражается с помощью суффикса *-хэ*: *сэ сы-зыхуэклуэ-хэ-р* «те, для которых я иду», *уэ у-зыхуэклуэ-хэ-р* «те, для которых ты идешь» и т.д.

Парадигма некоторых групп причастий, образованных от двухличных непереходных глаголов, имеет некоторые особенности, отличающие их от вышеприведенных. Например, причастия от глаголов типа *дэклуэн* «идти с кем-л.», *гуэсын* «сидеть рядом с

кем-л.». Характерной чертой субъектных причастий от подобных глаголов является сочетание с направительным префиксом *кзы-* при спряжении по лицам косвенного объекта: *сэ кзы-з-дэкуэр* «тот, который идет вместе со мной», *уэ кзы-б-дэкуэр* «тот, который идет вместе с тобой» и т. д.

Особо следует остановиться на группе причастий от глаголов типа *есын* «плавать», *етлысэхын* «опускаться». Глаголы приведенного типа отличаются значительной ущербностью парадигмы спряжения. Особенностью их спряжения является отсутствие форм объекта 1-го и 2-го лица. Это свидетельствует о тенденции к преобразованию их структуры, т. е. к переходу к одноличным непереходным глаголам. Субъектные причастия от подобных глаголов не изменяются по лицам объекта, т. е. ведут себя так же как и субъектные причастия от одноличных непереходных глаголов: субъектное причастие *есыр* «тот, который плавает» не различает лиц. В то же время от глаголов рассматриваемого типа образуются объектные причастия, что не характерно для одноличных непереходных глаголов: *зэ-сыр* «то, по которому он плавает» и т.п., причем это объектное причастие имеет полную парадигму спряжения по лицам субъекта:

сэ сы-зэсыр «то, по которому (по чему) я плаваю»

уэ у-зэсыр «то, по которому (по чему) ты плаваешь»

ар зэсыр «то, по которому (почему) он плавает» и т. д.

Возможность образования объектного причастия тесно сближает глагол *есын* с двухличными непереходными глаголами. В то же время следует отметить, что далеко не от всех глаголов рассматриваемого типа строятся объектные причастия, ср., например, *ешын* «устать», *еплэклын* «оглянуться» и т.д. Подобные глаголы фактически стали одноличными, поскольку аффикс косвенного объекта *е-* выделяется теперь лишь этимологически.

3. Причастия от трехличных непереходных глаголов должны изменяться по двум лицам. Однако они отличаются, как увидим ниже, значительной ущербностью парадигмы.

1) Субъектные причастия изменяются по лицам косвенных объектов. Ср.: причастие *дежьэр* «тот, который вместе с ним ждет его» от глагола *дежьэн* «ждать кого-, что-л. вместе с кем-л.»:

а) по лицам первого косвенного объекта:

сэ абы кзы-з-дежьэр «тот, который вместе со мной ждет его»

уэ абы кзы-б-дежьэр «тот, который вместе с тобой ждет его»

абы абы кзыдежьэр «тот, который вместе с ним ждет его»

дэ абы кзы-д-дежьэр «тот, который вместе с нами ждет его»

фэ абы кзы-в-дежьэр «тот, который вместе с вами ждет его»

абыхэм абы кыадежьэр «тот, который вместе с ними ждет его»;

б) причастия типа *дежьэр* не изменяются по лицам второго косвенного объекта. Возможна лишь одна немаркированная форма 3-го лица второго косвенного объекта – *кзыдежьэр* 1) «тот, который с ним ждет его»; 2) «тот, который вместе с ним ждет их». Отсутствие причастных форм со значениями «тот, который вместе с ним ждет меня», «тот, который вместе с ним ждет тебя» и т. д. носители языка компенсируют часто тем, что используют для выражения подобных значений формы парадигмы спряжения по лицам первого косвенного объекта. Например, причастная форма *кзыздежьэр* «тот, который вместе со мной ждет его» может быть употреблена также в значении «тот, который вместе с ним ждет меня» и т. п.

Ввиду того, что не всегда число формально маркируется с помощью суффикса *-хэ*, снимается противопоставление форм числа субъекта и объекта 3-го лица. Поэтому омонимия субъектно-объектных форм получила широкое распространение, ср. *кзыздежьэр* 1) «тот, который вместе со мной ждал его», 2) «тот, который вместе со мной ждал их», 3) «те, которые вместе со мной ждали его», 4) «те, которые со мной ждали их».

2) Первое косвенно-объектное причастие, построенное от трехличных непереходных глаголов, изменяется по лицам субъекта и второго косвенного объекта.

а) по лицам субъекта:

сэ абы сы-зыдежьэр «тот, с которым я жду его»

уэ абы у-зыдежьэр «тот, с которым ты ждешь его»

ар абы зыдежьэр «тот, с которым он ждет его»

дэ абы ды-зыдежсьэр «тот, с которым мы ждем его»
фэ абы фы-зыдежсьэр «тот, с которым вы ждете его»
ахэр абы зыдежсьэр «тот, с которым они ждут его»;

б) косвенно-объектное причастие от трехличных непереходных глаголов не изменяется по лицам второго косвенного объекта. Здесь имеется лишь одна немаркированная форма 3-го лица второго косвенного объекта – *зыдежсьэр*. Так как число субъекта и объекта часто формально не маркируется, то эта форма омонимична и вне контекста может иметь следующие значения: 1) «тот, с которым он ждет его»; 2) «тот, с которым они ждут его»; 3) «тот, с которым он ждет их»; 4) «тот, с которым они ждут их»; 5) «те, с которыми он ждет его»; 6) «те, с которыми он ждет их»; 7) «те, с которыми они ждут его»; 8) «те, с которыми они ждут их».

4. Причастия от четырехличных непереходных глаголов отличаются еще большей ущербностью словоизменительной парадигмы по сравнению с причастиями от трехличных глаголов. Ср.: парадигму личных форм субъектного и косвенно-объектного причастия от глагола *фЫдеплъын* «смотреть вместе с кем-л. на кого-что-л. против чьей-л. воли».

1) Субъектное причастие *фЫдеплъыр* «тот, который смотрит вместе с ним на него против его воли» изменяется по лицам косвенного объекта:

с-фЫдеплъыр «тот, который смотрит вместе с ним на него против моей воли»
п-фЫдеплъыр «тот, который смотрит вместе с ним на него против твоей воли»
фЫдеплъыр «тот, который смотрит вместе с ним на него против его воли»
т-фЫдеплъыр «тот, который смотрит вместе с ним на него против нашей воли»
ф-фЫдеплъыр «тот, который смотрит вместе с ним на него против вашей воли»
я-фЫдеплъыр тот, который смотрит вместе с ним на него против их воли».

2) Косвенно-объектное причастие *зыфЫдеплъыр* «тот, против чьей воли он смотрит вместе с ним на него» изменяется по лицам субъекта и одного косвенного объекта:

а) по лицам субъекта:

сы-зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него»
у-зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли ты смотришь вместе с ним на него»
зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли он смотрит вместе с ним на него»
ды-зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли мы смотрим вместе с ним на него»
фы-зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли вы смотрите вместе с ним на него»
зыфЫдеплъыр «тот, против чьей воли они смотрят вместе с ним на него»;

б) по лицам косвенного объекта:

зы-с-фЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против моей воли»
зы-п-фЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против твоей воли»
зыфЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против его воли»
зы-т-фЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против нашей воли»
зы-ф-фЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против вашей воли»
з-а-фЫдеплъыр «тот, на которого он смотрит вместе с ним против их воли».

Количество членов парадигм субъектного и косвенно-объектного причастий от четырехличных непереходных глаголов может быть увеличено за счет того, что число субъектов и объектов может быть формально маркировано. Ср., например, субъектное причастие *с-фЫдеплъыр* «тот, который смотрит вместе с ним на него против моей воли» – *с-фЫ-а-деплъыр* «тот, который смотрит вместе с ними на него против моей воли» – *с-фЫдеплъ-хэ-р* «те, которые смотрят вместе с ним на него против моей воли» – *с-фЫ-а-деплъ-хэ-р* «те, которые смотрят вместе с ними на него против моей воли» и т. д.; косвенно-объектное причастие: *сы-зыфЫдеплъыр* «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него» – *сы-зыфЫдеплъ-хэ-р* «те, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него» – *с-а-зыфЫ-деплъыр* «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ними на него» – *с-а-зыфЫдеплъ-хэ-р* «те, против чьей воли я смотрю вместе с ними на него»; *зы-с-фЫдеплъыр* «тот, на которого он смотрит вместе с ним против моей воли» – *зы-с-фЫдеплъ-хэ-р* «тот, на которого они смотрят вместе с ним против моей воли» и т. п.

Следует отметить, что аффикс множественного числа *-хэ* в одной и той же форме, в зависимости от контекста, может обозначать число разных лиц. Ср., например, значения форм косвенно-объектного причастия: *сызыфЫдеплъхэр* 1) «те, против чьей воли я смотрю вместе с ним на него»; 2) «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ним на

них»; *сазыфлыдеплэхэр* 1) «те, против чьей воли я смотрю вместе с ними на него»; 2) «тот, против чьей воли я смотрю вместе с ними на них»; *зысфлыдеплэхэр* 1) «тот, на которого они смотрят вместе с ним против моей воли»; 2) «те, на которых он смотрит вместе с ним против моей воли». Кроме того, в каждой из приведенных форм аффикс *-хэ* может обозначать одновременно множественное число обоих лиц, т. е. причастная форма *сазыфлыдеплэхэр*, например, может иметь еще значение «те, против чьей воли я смотрю вместе с ними на них», причастная форма *зысфлыдеплэхэр* – «те, на которых они смотрят вместе с ним против моей воли» и т. д.

5. Субъектные причастия, построенные от одноличных переходных глаголов, не изменяются по лицам. Так, например, причастие *зы-зытхьэцлыр* «тот, который умывается» от одноличного переходного глагола *зытхьэцлын* «умываться» не может иметь спряжения.

6. Причастия, произведенные от двухличных переходных глаголов, изменяются по одному лицу. Приводим парадигмы причастий от двухличного переходного глагола *хьын* «нести».

Субъектные причастия изменяются по лицам ближайшего (прямого) объекта:

сэ сы-зыхьыр «тот, который несет меня»
уэ у-зыхьыр тот, который несет тебя»
ар зыхьыр «тот, который несет его»
дэ ды-зыхьыр «тот, который несет нас»
фэ фы-зыхьыр «тот, который несет вас»
ахэр зыхьыр «тот, который несет их».

Множественное число лица субъекта выражается с помощью аффикса *-хэ*, ср.: *сызыхьыр* «тот, который несет меня» – *сызыхь-хэ-р* «те, которые несут меня», *дызыхьыр* «тот, который несет нас» – *дызыхь-хэ-р* «те, которые несут нас» и т. д.

2) Ближайше-объектные причастия изменяются по лицам субъекта:

сэ с-хьыр «тот, которого я несу»
уэ п-хьыр «тот, которого ты несешь»
абы и-хьыр «тот, которого он несет»
дэ т-хьыр «тот, которого мы несем»
фэ ф-хьыр «тот, которого вы несете»
абыхэм я-хьыр «тот, которого они несут».

Множественное число ближайшего объекта может быть выражено с помощью аффикса *-хэ*, ср.: *схьыр* «тот, которого я несу» – *схьы-хэ-р* «те, которых я несу»; *тхьыр* «тот, которого мы несем» – *тхьы-хэ-р* «те, которых мы несем» и т. д.

7. Причастия от трехличных переходных глаголов имеют наиболее полную парадигму спряжения по сравнению с другими разрядами причастий. Как правило, и субъектное, и объектное причастия, образованные от трехличных переходных глаголов, изменяются по двум лицам.

1) Субъектное причастие изменяется по лицам ближайшего и косвенного объектов. Приводим парадигму спряжения субъектного причастия от глагола *хуэшэн* «вести (везти) кого-, что-л. для кого-л. (к кому-л.)».

а) по лицам ближайшего объекта:

сэ абы сы-хуэзышэр «тот, который ведет меня для него (к нему)»
уэ абы у-хуэзышэр «тот, который ведет тебя для него (к нему)»
ар абы хуэзышэр «тот, который ведет его для него (к нему)»
дэ абы ды-хуэзышэр «тот, который ведет нас для него (к нему)»
фэ абы фы-хуэзышэр «тот, который ведет вас для него (к нему)»
ахэр абы хуэзышэр «тот, который ведет их для него (к нему)».

Парадигма может быть значительно расширена за счет того, что формально маркируется число субъекта и косвенного объекта, ср.: *сы-хуэзышэр* «тот, который ведет меня для него (к нему)» – *сы-хуэзышэ-хэ-р* «те, которые ведут меня для него (к нему)» – *с-а-хуэзышэр* «тот, который ведет меня для них (к ним)» – *с-а-хуэзы-шэ-хэ-р* «те, которые ведут меня для них (к ним)» и т. д.

б) по лицам косвенного объекта:

ар сэ кьы-с-хуэзышэр «тот, который ведет его ко мне (для меня)»
ар уэ кьы-п-хуэзышэр «тот, который ведет его к тебе (для тебя)»

ар абы кыыхуэзышэр «тот, который ведет его к нему (для него)»
ар дэ кыы-т-хуэзышэр «тот, который ведет его к нам (для нас)»
ар фэ кыы-ф-хуэзышэр «тот, который ведет его к вам (для вас)»
ар абыхэм кы-а-хуэзышэр «тот, который ведет его к ним (для них)».

Множественное число субъекта обозначается аффиксом -хэ, ср.: *кыысхуэзышэр* «тот, который ведет его ко мне (для меня)» – *кыы-с-хуэзышэ-хэ-р* «те, которые ведут его ко мне (для меня)» и т.д. Суффикс -хэ в 1-м и во 2-м лице может обозначать множественное число не только субъекта, но и ближайшего объекта, а также множественное число субъекта и ближайшего объекта одновременно, т.е. причастная форма *кыысхуэзышэхэр*, например, может иметь, в зависимости от контекста, три значения: 1) «те, которые ведут его ко мне», 2) «тот, который ведет их ко мне», 3) «те, которые ведут их ко мне».

2) Косвенно-объектные причастия от трехличных переходных глаголов изменяются по лицам субъекта и ближайшего объекта.

а) по лицам субъекта:

сэ ар зыхуэ-с-шэр «тот, к которому (для которого) я его веду»
уэ ар зыхуэ-п-шэр «тот, к которому (для которого) ты его ведешь»
абы ар зыху-и-шэр «тот, к которому (для которого) он его ведет»
дэ ар зыхуэ-т-шэр «тот, к которому (для которого) мы его ведем»
фэ ар зыхуэ-ф-шэр «тот, к которому (для которого) вы его ведете»
абыхэм ар зыхуашэр «тот, к которому (для которого) они его ведут».

Множественное число косвенного объекта выражается с помощью суффикса -хэ, ср.: *зыхуэсшэр* «тот, к которому (для которого) я его веду» – *зыхуэсшэхэр* «те, к которым (для которых) я его веду» и т. д.

Ближайший объект выступает недифференцированно по числам, поэтому каждый ряд приведенной выше парадигмы многозначен, ср.: *зыхуэсшэр* 1) «тот, к которому (для которого) я его веду»; 2) «тот, к которому (для которого) я их веду» и т. д.

Аффикс -хэ в подобных формах, в зависимости от контекста, может обозначать множественное число не только косвенного объекта, но также и ближайшего объекта, а иногда число ближайшего и косвенного объектов одновременно, т.е. форма *зыхуэсшэхэр* может иметь три различных значения: 1) «те, к которым (для которых) я его веду»; 2) «тот, к которому (для которого) я их веду»; 3) «те, к которым (для которых) я их веду».

б) по лицам ближайшего объекта:

абы сэ сы-зыхуишэр «тот, к которому он ведет меня»
абы уэ у-зыхуишэр «тот, к которому он ведет тебя»
абы ар зыхуишэр «тот, к которому он ведет его»
абы дэ ды-зыхуишэр «тот, к которому он ведет нас»
абы фэ фы-зыхуишэр «тот, к которому он ведет вас»
абы ахэр зыхуишэр «тот, к которому он ведет их».

Парадигма спряжения может быть расширена за счет того, что формально маркируется множественное число субъекта и косвенного объекта, ср.: *сызыху-и-шэр* «тот, к которому он ведет меня» – *сызыху-и-шэ-хэ-р* «те, к которым он ведет меня» – *сызыху-а-шэ-р* «те, к которому они ведут меня» – *сызыху-а-шэ-хэ-р* «те, к которым они ведут меня» и т. д.

3) Ближайше-объектные причастия от трехличных переходных глаголов изменяются по лицам субъекта и косвенного объекта.

а) по лицам субъекта:

сэ абы хуэ-с-шэр «тот, которого я к нему (для него) веду»
уэ абы хуэ-п-шэр «тот, которого ты к нему (для него) ведешь»
абы абы ху-и-шэр «тот, которого он к нему (для него) ведет»
дэ абы хуэ-т-шэр «тот, которого мы к нему (для него) ведем»
фэ абы хуэ-ф-шэр «тот, которого вы к нему (для него) ведете»
абыхэм абы ху-а-шэр тот, которого они к нему (для него) ведут.

Множественное число ближайшего объекта выражается с помощью суффикса -хэ, ср.: *хуэсшэр* «тот, которого я к нему веду» – *хуэс-шэ-хэ-р* «те, которых я к нему веду» и т. д.

Множественное число косвенного объекта выражается с помощью аффикса *я-*: *хуэсшэр* «тот, которого я к нему веду» - *я-хуэсшэр* «тот, которого я к ним веду» и т.д.

б) по лицам косвенного объекта:

сэ абы кзы-с-хуишэр «тот, которого он ведет ко мне»
уэ абы кзы-п-хуишэр «тот, которого он ведет к тебе»
абы абы кзыхуишэр «тот, которого он ведет к нему»
дэ абы кзы-т-хуишэр «тот, которого он ведет к нам»
фэ абы кзы-ф-хуишэр «тот, которого он ведет к вам»
абыхэм абы кэ-а-хуишэр «тот, которого он ведет к ним».

Число субъекта и ближайшего объекта формально маркируется, поэтому каждый ряд вышеприведенной парадигмы можно значительно расширить, ср.: *кзысху-и-шэр* «тот, которого он ведет ко мне» – *кзысху-и-шэ-хэ-р* «те, которых он ведет ко мне» – *кзысху-а-шэр* «тот, которого они ведут ко мне» – *кзысху-а-шэ-хэ-р* «те, которых они ведут ко мне» и т. д.

8. Причастия от четырехличных и пятиличных переходных глаголов имеют в основном одинаковую парадигму спряжения. Поэтому для их характеристики достаточно привести парадигму изменений по лицам субъектного и объектного причастий, образованных от четырехличного переходного глагола *детын* «отдать вместе с кем-л. кого-что-л. кому-л.».

1) Субъектное причастие *дезытыр* «тот, который вместе с ним отдает ему то» изменяется по лицам ближайшего и косвенного объектов.

а) по лицам ближайшего объекта:

сэ абы сы-дызыритыр тот, которому он отдает меня вместе с ним»
уэ абы у-дызыритыр «тот, которому он отдает тебя вместе с ним»
ар абы дызыритыр «тот, которому он отдает его вместе с ним»
дэ абы ды-дызыритыр «тот, которому он отдает нас вместе с ним»
фэ абы фы-дызыритыр «тот, которому он отдает вас вместе с ним»
ахэр абы дызыритхэр «тот, которому он отдает их вместе с ним».

Множественное число субъекта, первого и второго косвенных объектов формально маркируется, ср.:

1) число субъекта: *сыдызыр-и-тыр* «тот, которому он отдает меня вместе с ним» – *сыдызыр-а-тыр* «тот, которому они отдают меня вместе с ним» и т. д.

2) число первого косвенного объекта: *с-ы-дызыритыр* «тот, которому он отдает меня вместе с ним» – *с-а-дызыритыр* «тот, которому он отдает меня вместе с ними» и т. д.

3) число второго косвенного объекта: *сыдызыритыр* «тот, которому он отдает меня вместе с ним» – *сыдызырит-хэ-р* «те, которым он отдает меня вместе с ним» и т. д.

Аффикс *-хэ* в разговорной речи может обозначать число не только второго косвенного объекта, но и первого косвенного объекта (если число последнего не выражено префиксом *а-*), а в некоторых случаях обозначает число обоих косвенных объектов одновременно.

б) по лицам первого косвенного объекта:

абы сэ ар кзыдызы-з-итыр «тот, вместе с которым он отдает мне то»
абы уэ ар кзыдызы-у-итыр «тот, вместе с которым он отдает тебе то»
абы абы ар кзыдызыритыр «тот, вместе с которым он отдает ему то»
абы дэ ар кзыдызы-д-итыр «тот, вместе с которым он отдает нам то»
абы фэ ар кзыдызы-в-итыр «тот, вместе с которым он отдает вам то»
абы абыхэм ар кэадызыритыр «тот, вместе с которым он отдает им то».

За счет того, что формально маркируется число и других лиц, каждый член парадигмы образует оппозиционные ряды, ср.: *зыритыр* «тот, вместе с которым он отдает ему то» – *кзыдызырит-хэ-р* «те, вместе с которыми он отдает ему то» – *кзыдызыр-а-тыр* «тот, вместе с которым они отдают ему то» – *кзыдызыр-а-т-хэ-р* «те, вместе с которыми они отдают ему то» и т. д.

в) по лицам второго косвенного объекта:

абы сэ ар кзы-з-дызыритыр тот, которому вместе со мной он отдает то»
абы уэ ар кзы-б-дызыритыр «тот, которому вместе с тобой он отдает то»
абы абы ар кзыдызыритыр «тот, которому вместе с ним он отдает то» и т. д.

Как и в предыдущей парадигме, здесь также возникают оппозиционные ряды, ср.: *кзыдызыритыр* «тот, которому вместе со мной он отдает то» – *кзыдызырит-хэ-р* «те, которым вместе со мной он отдает то» – *кзыдызыр-а-тыр* «тот, которому вместе со мной

они отдают то» – *къыздызыр-а-т-хэ-р* «те, которым вместе со мной они отдают то» и т.д.

2) Ближайше-объектное причастие – *дыритыр* «то, что он вместе с ним отдает ему» – изменяется по лицам субъекта и косвенных объектов.

а) по лицам субъекта:

сэ абы абы де-с-тыр «то, что я вместе с ним отдаю ему»

уэ абы абы де-п-тыр «то, что ты вместе с ним отдаешь ему»

абы абы абы дыр-и-тыр «то, что он вместе с ним отдает ему»

дэ абы абы де-т-тыр «то, что мы вместе с ним отдаем ему»

фэ абы абы де-ф-тыр «то, что вы вместе с ним отдаете ему»

абыхэм абы абы дыр-а-тыр «то, что они вместе с ним отдают ему».

Множественное число ближайшего объекта выражается с помощью суффикса -хэ, ср.: *дестыр* «то, что я вместе с ним отдаю ему» – *дест-хэ-р* «те, что я вместе с ним отдаю ему» и т. д.

б) по лицам первого косвенного объекта:

абы сэ абы къыды-з-итыр «то, что он вместе с ним отдает мне»

абы уэ абы къыды-у-итыр «то, что он вместе с ним отдает тебе»

абы абы абы къыдыритыр «то, что он вместе с ним отдает ему»

абы дэ абы къыды-д-итыр «то, что он вместе с ним отдает нам»

абы фэ абы къыды-в-итыр «то, что он вместе с ним отдает вам»

абы абыхэм абы къ-а-дыритыр «то, что он вместе с ним отдает им».

Множественное число ближайшего объекта выражается с помощью аффикса -хэ, ср.: *къыдызитыр* «то, что он вместе с ним отдает мне» – *къыдызит-хэ-р* «те, что он вместе с ним отдает мне» и т. д.

Множественное число субъекта также формально маркировано, ср.: *къыдыз-и-тыр* «то, что он вместе с ним отдает мне» – *къыдыз-а-тыр* «то, что они вместе с ним отдают мне» и т. д.

в) по лицам второго косвенного объекта:

абы абы сэ къы-з-дыритыр «то, что он вместе со мной ему отдает»

абы абы уэ къы-б-дыритыр «то, что он вместе с тобой ему отдает»

абы абы абы къыдыритыр «то, что он вместе с ним ему отдает»

абы абы дэ къы-д-дыритыр «то, что он вместе с нами ему отдает»

абы абы фэ къы-в-дыритыр «то, что он вместе с вами ему отдает»

абы абы абыхэм къ-а-дыритыр «то, что он вместе с ними ему отдает».

3) Косвенно-объектное причастие *зыдыритыр* «тот, вместе с которым он отдает ему то» изменяется по лицам субъекта, ближайшего объекта и второго косвенного объекта:

а) по лицам субъекта:

сэ абы ар зыде-с-тыр «тот, вместе с которым я ему отдаю то»

уэ абы ар зыде-п-тыр «тот, вместе с которым ты ему отдаешь то»

абы абы ар зыдыр-и-тыр «тот, вместе с которым он ему отдает то»

дэ абы ар зыде-т-тыр «тот, вместе с которым мы ему отдаем то»

фэ абы ар зыде-ф-тыр «тот, вместе с которым вы ему отдаете то»

абыхэм абы ар зыдыр-а-тыр «тот, вместе с которым они ему отдают то».

Множественное число косвенного объекта выражается с помощью аффикса -хэ, ср.: *зыдестыр* «тот, вместе с которым я ему отдаю то» – *зыдест-хэ-р* «те, вместе с которыми я ему отдаю то» и т. д. Следует отметить однако, что аффикс -хэ в подобных формах может обозначать число не только одного косвенного объекта, но и других лиц. Причастная форма *зыдестхэр*, таким образом, может иметь следующие значения: 1) «те, вместе с которыми я ему отдаю то»; 2) «тот, вместе с которым я ему отдаю тех»; 3) «тот, вместе с которым я им отдаю то». Если же учесть, что аффикс -хэ может обозначать также одновременно множественное число двух, а то и трех лиц, то количество значений, которые может иметь вышеприведенная форма, намного больше.

б) по лицам ближайшего объекта:

абы абы сэ сы-зыдыритыр «тот, вместе с которым он меня отдает ему»

абы абы уэ у-зыдыритыр «тот, вместе с которым он тебя отдает ему»

абы абы ар зыдыритыр «тот, вместе с которым он его отдает ему»

абы абы дэ ды-зыдыритыр «тот, вместе с которым он нас отдает ему»

абы абы фэ фы-зыдыритыр «тот, вместе с которым он вас отдает ему»

абы абы ахэр зыдырит-хэ-р «тот, вместе с которым он их отдает ему».

Если учесть, что формально может быть маркировано число других лиц, то каждый член парадигмы может образовать ряд оппозиций, ср., например: *сы-зыдыр-и-тыр* «тот, вместе с которым он меня отдает ему» – *сы-зыдыр-и-т-хэ-р* «те, вместе с которыми он меня отдает ему» – *с-а-зыдыр-и-тыр* «тот, вместе с которым он меня отдает им» *сы-зыдыр-а-тыр* «тот, вместе с которым они меня отдают ему» и т. д. Аффикс *-хэ* и здесь, как и в предыдущем случае, многозначен – форма *сызыдыритхэр*, в зависимости от контекста, может иметь значения: 1) «те, вместе с которыми он меня отдает ему»; 2) «тот, вместе с которым он меня отдает им»; 3) «те, вместе с которыми он меня отдает им». В форме 3-го лица число ближайшего объекта формально не маркируется, и здесь *-хэ* обозначает еще множественное число ближайшего объекта, ср.: *зыдыритхэр* «тот, вместе с которым он их отдает ему».

в) по лицам второго косвенного объекта:

абы сэ ар кызыды-з-и-тыр «тот, вместе с которым он мне отдает то»

абы уэ ар кызыды-у-и-тыр «тот, вместе с которым он тебе отдает то»

абы абы ар кызыдыриты «тот, вместе с которым он ему отдает то»

абы дэ ар кызыды-д-и-тыр «тот, вместе с которым он нам отдает то»

абы фэ ар кызыды-в-и-тыр «тот, вместе с которым он вам отдает то»

абы абыхэм ар кы-а-зыдыриты «тот, вместе с которым он им отдает то».

Ряды парадигмы можно расширить за счет того, что формально маркируется множественное число других лиц, ср., например: *кызыды-з-и-тыр* «тот, вместе с которым он мне отдает то» – *кызы-ды-з-и-т-хэ-р* «те, вместе с которыми он мне отдает то» – *кы-зыды-з-а-тыр* «тот, вместе с которым они мне отдают то» и т. д.

Спряжение обстоятельственных и орудных (инструментальных) причастий

Обстоятельственные и орудные причастия изменяются по всем лицам, по которым изменяются глаголы, от которых они образованы. В этом плане они отличаются от субъектных и объектных причастий, имеющих неполную парадигму.

Парадигмы спряжения всех разрядов обстоятельственных причастий и орудного причастия идентичны, поэтому ограничимся тем, что приведем парадигмы спряжения одного из разрядов обстоятельственных причастий.

1. Обстоятельственные и орудные причастия от одноличных непереходных глаголов изменяются по лицам субъекта. Ср., *зыхэ-кхуэр* «куда он идет»:

сэ сы-зыхэ-кхуэр «куда я иду»

уэ у-зыхэ-кхуэр «куда ты идешь»

ар зыхэ-кхуэр «куда он идет» и т. д.

2. Обстоятельственные и орудные причастия от двухличных непереходных глаголов изменяются по лицам субъекта и косвенного объекта. Ср., *(зы)щепльыр* «где он смотрит на него»:

а) по лицам субъекта:

сэ сы-щепльыр «где я смотрю на него»

уэ у-щепльыр «где ты смотришь на него»

ар щепльыр «где он смотрит на него» и т. д.;

б) по лицам объекта:

ар сэ кыыщепльыр «где он смотрит на меня»

ар уэ кыыщепльыр «где он смотрит на тебя»

ар абы кыыщепльыр «где он смотрит на него» и т. д.

3. Обстоятельственные и орудные причастия от трехличных непереходных глаголов изменяются по лицам субъекта и косвенных объектов. Ср., *щыхэ-жхуэр* «где он ждет вместе с ним его»:

а) по лицам субъекта:

сэ абы абы сы-щыхэ-жхуэр «где я вместе с ним жду его»

уэ абы абы у-щыхэ-жхуэр «где ты вместе с ним ждешь его»

ар абы абы щыхэ-жхуэр «где он вместе с ним ждет его» и т. д.;

б) по лицам косвенного объекта:

ар абы сэ кыычыдызэжээр «где он вместе с ним ждет меня»

ар абы уэ кыычыдожээр «где он вместе с ним ждет тебя»

ар абы абы кыычыдежээр «где он вместе с ним ждет его» и т. д.;

в) по лицам второго косвенного объекта:

ар сэ абы кыычыздежээр «где он вместе со мной ждет его»

ар уэ абы кыычыбдежээр «где он вместе с тобой ждет его»

ар абы абы кыычыдежээр «где он вместе с ним ждет его» и т. д.

4. Обстоятельственные и орудные причастия от одноличных переходных глаголов изменяются по лицам субъекта. Ср., *зычитхэщылыр* «где он умывается»:

сэ зыщы-с-тхэщылыр «где я умываюсь»

уэ зыщы-п-тхэщылыр «где ты умываешься»

абы зыщ-и-тхэщылыр «где он умывается»

дэ зыщы-т-тхэщылыр «где мы умываемся»

фэ зыщы-ф-тхэщылыр «где вы умываетесь»

абыхэм зыщ-а-тхэщылыр «где они умываются».

5. Обстоятельственные и орудные причастия от двухличных переходных глаголов изменяются по лицам субъекта и ближайшего объекта. Ср., *зыдихыыр* «куда он несет»:

а) по лицам субъекта:

сэ ар зыдэ-с-хыыр «куда я его несу»

уэ ар зыдэ-п-хыыр «куда ты его несешь»

абы ар зыд-и-хыыр «куда он его несет»

дэ ар зыдэ-т-хыыр «куда мы его несем»

фэ ар зыдэ-ф-хыыр «куда вы его несете»

абыхэм ар зыд-а-хыыр «куда они его несут»;

б) по лицам ближайшего объекта:

абы сэ сы-здихыыр «куда он меня несет»

абы уэ у-здихыыр «куда он тебя несет»

абы ар зыдихыыр «куда он его несет»

абы дэ ды-здихыыр «куда он нас несет»

абы фэ фы-здихыыр «куда он вас несет»

абы ахэр зыдихыыр «куда он их несет».

6. Обстоятельственные и орудные причастия от трехличных переходных глаголов изменяются по лицам субъекта, косвенного и ближайшего объектов. Ср., *зыдыдэсшэр* «куда я его веду вместе с ним»:

а) по лицам субъекта:

сэ абы ар зыдыдэ-с-шэр «куда я его веду вместе с ним»

уэ абы ар зыдыдэ-п-шэр «куда ты его ведешь вместе с ним»

абы абы ар зыдыд-и-шэр «куда он его ведет вместе с ним»

дэ абы ар зыдыдэ-т-шэр «куда мы его ведем вместе с ним»

фэ абы ар зыдыдэ-ф-шэр «куда вы его ведете вместе с ним»

абыхэм абы ар зыдыд-а-шэр «куда они его ведут вместе с ним»;

б) по лицам косвенного объекта:

абы сэ ар кыызыды-з-дишэр «куда он ведет его вместе со мной»

абы уэ ар кыызыды-б-дишэр «куда он ведет его вместе с тобой»

абы абы ар кыызыдыдишэр «куда он ведет его вместе с ним»

абы дэ ар кыызыды-д-дишэр «куда он ведет его вместе с нами»

абы фэ ар кыызыды-в-дишэр «куда он ведет его вместе с вами»

абы абыхэм ар кы-а-зыдыдишэр «куда он ведет его вместе с ними»;

в) по лицам ближайшего объекта:

абы абы сэ сы-кыызыдыдишэр «куда меня он ведет вместе с ним»

абы абы уэ у-кыызыдыдишэр «куда тебя он ведет вместе с ним»

абы абы ар кыызыдыдишэр «куда его он ведет вместе с ним»

абы абы дэ ды-кыызыдыдишэр «куда он нас ведет вместе с ним»

абы абы фэ фы-кыызыдыдишэр «куда он вас ведет вместе с ним»

абы абы ахэр кыызыдыдишэр-хэ-р «куда он их ведет вместе с ним».

В обстоятельственных и инструментальных причастиях есть определенный

порядок в распределении аффиксов: в непереходных глаголах обстоятельственные и орудный аффиксы находятся после личного аффикса субъекта, но перед аффиксами объекта, ср.: *сы-ще-плгыр* «где я смотрю на него», но *кзыщы-зэ-плгыр* «где он смотрит на меня». В переходных же глаголах обстоятельственные и орудный аффиксы находятся после личных аффиксов ближайшего объекта, но перед личными аффиксами субъекта и косвенного объекта:

сы-кзыздыдишэр «куда меня он ведет вместе с ним», но *зыдыдэ-с-шэр* «куда я его веду вместе с ним».

При наличии в основе глагола определенных категориальных аффиксов наблюдаются отклонения от этого порядка. Например, при наличии префикса союзности *дэ-* возможны варианты *сы-б-ды-щы-клуэр* // *сы-щы-б-дэ-клуэр* «когда я иду с тобой вместе»; при наличии аффиксов версии *хуэ-* и *флэ-*: *сы-щы-п-хуэ-плгар* // *сы-п-ху-ще-плгар* «когда я смотрел на него ради тебя», *сы-щы-п-флэ-п-лгар* // *сы-п-флэ-ще-плгар* «когда я смотрел на него против твоей воли» и т. д.

Множественное число в причастных формах, как показывают приведенные выше парадигмы спряжения, выражается с помощью личных аффиксов, а также суффикса множественного числа *-хэ*. Требуют более подробного рассмотрения функции суффикса *-хэ* в формах обстоятельственных и орудных причастий.

При наличии соотносительного с причастием слова аффикс *-хэ* присоединяется к одному из членов словосочетания, а именно к постпозиционному слову: *зыдэклуа кзуажэхэр* // *кзуажэ зыдэклуахэр* «села, которые они посетили». Во втором случае возможен и другой вариант: *кзуажэхэу зыдэклуар*.

В приведенном словосочетании аффикс *-хэ* обозначает множественное число соотносительного имени *кзуажэ* «село», хотя вне контекста не всегда можно определить функцию *-хэ* – обозначает ли этот аффикс множественное число субъекта действия или же число соотносительного имени. Когда причастие находится в форме 1-го и 2-го лица единственного числа, личные аффиксы субъекта вносят ясность – здесь аффиксы *сы-*, *у-* показывают, что лицо субъекта в единственном числе, поэтому *-хэ* может относиться лишь к соотносительному имени: *кзуажэ сы-здэклуахэр* «селения, которые я посетил», *кзуажэ у-здэклуахэр* «селения, которые ты посетил». 3-е лицо субъекта выражается недифференцированно по числам, поэтому здесь аффикс *-хэ* может иметь 2 значения: *кзуажэ зыдэклуахэр* 1) «село, которое они посетили» и 2) «селения, которые он посетил». Аффикс *-хэ* в данной словоформе может также одновременно обозначать число субъекта и соотносительного имени, т.е. возможно и третье значение: «селения, которые они посетили».

В форме 1-го и 2-го лица множественного числа субъекта аффикс *-хэ* также многозначен – его можно понимать как множественное число соотносительного имени или же как признак книжного стиля типа *кзуажэм ды-клуа-хэ-щ* «мы поехали в село», где множественное число субъекта выражено личным аффиксом *ды-*, а аффикс *-хэ* не несет функциональной нагрузки с грамматической точки зрения: *кзуажэ ды-здэклуа-хэ-р* 1) «селения, которые мы посетили»; 2) «село, которое мы посетили».

Мы показали полифункциональность аффикса *-хэ* на причастии *зыдэклуэр*, построенном от одноличного глагола *клуэн* «идти». В обстоятельственных и орудных причастиях, образованных от многочисленных глаголов, аффикс *-хэ* может иметь еще больше значений. Для наглядности приведем два примера – причастные формы от трехличного непереходного глагола *дылэллэн* «ждать кого-л. с кем-л.» и трехличного переходного глагола *этын* «отдать кого-, что-л. кому-л.»:

1. *щыдылэллэхэр* 1) «места, где он вместе с ним ждет его»; 2) «место, где они вместе с ним ждут его»; 3) «место, где он вместе с ним ждет их»; 4) «места, где они вместе с ним ждут его»; 5) «места, где они вместе с ним ждут их».

2. *щыратхэр* 1) «места, где они отдают ему его»; 2) «место, где они отдают ему его»; 3) «места, где они отдают ему их»; 4) «место, где они отдают ему их»; 5) «места, где они отдают им их»; 6) «места, где они отдают им его».

Если субъект и объекты в приведенных причастиях находятся в форме 1-го и 2-го лица единственного числа, количество значений аффикса *-хэ* сокращается, ср., например: *сыщыбдылэллэхэр* 1) «места, где я с тобой жду его»; 2) «место, где я вместе с тобой жду их»; 3) «места, где я вместе с тобой жду их».

9.1.3.2. Изменение по временам

Причастия имеют значительно меньше временных форм, чем глаголы, от которых они образованы. Ущербоность временной парадигмы причастий в литературном языке проявляется в том, что они не образуют формы т.н. второй группы времен, т. е. временные формы, строящиеся с помощью суффикса *-т* и показывающие отношение времени действия к определенному моменту в прошлом. Причастия имеют следующие временные формы: настоящее, перфект I, плюсквамперфект I, будущее II.

1. Настоящее время: *телгыр* «тот, который лежит на чем-то», *цыхэтыр* «где он находится», *зыфIэкIуэдыр* «тот, кто теряет» и т. д.:

2. Перфект I: *исар* «тот, который сидел где-то», *зыдэцытар* «где он стоял» и т. д.

3. Плюсквамперфект I: *кIуэгъар* «тот, который пошел (тогда)», *зыукIы-гъар* «тот, который убил его (тогда)» и т. д.

Следует отметить, что форма плюсквамперфекта I на *-гъа* чаще встречается в фольклорных текстах. Однако во многих случаях форма на *-гъа* в фольклоре является общеадыгской формой перфекта I, которая сохранилась в языке фольклора, ср.: *Уи адэр зыукIыгъэр* *Лъэбыцэжъейц* (Н.) «Отца твоего **убил** Тлябцажей»; *Къэнэжыгъэ тIэкIур къызылуоцIэжри*, *Аузыжъ гъуэгужъ жалэри нрагъэзых* (Н.) «**Оставшаяся** малая часть (отряда), собравшись вместе, направляется по долине вниз по течению реки»; *Уэ, цIалэ цIыкIу, шыбз тIэкIу яхугуэ плъэгъугъэ?* (Н.) «Мальчик, **не видел** ли ты, как мимо прогоняли небольшой табун?» и т. д. В современном языке форма плюсквамперфекта I малоупотребительна. Для выражения значения плюсквамперфекта I чаще всего используются описательные конструкции, которые строятся с помощью вспомогательного глагола *цытын* «быть» в форме прошедшего времени. Например, говорят обычно вместо *кIуэгъар* – *кIуауэ цытар* «сходивший (тогда)», *зыцIауэ цытар* вместо *зыщIыгъар* «сделавший (тогда)» и т. д.:

Колхозхэтхэр мэкъу цеуауэ цыта джабэ нэкIухэр цIэзыгъэна уэсым фIыцIагъэ Iуащхэ гуэрхэр къызыпхоц (Iу.) Из-под снега, покрывшего склоны, **где** колхозники **косили (тогда) сено**, выделяются какие-то черные бугры».

4. Будущее II: *цысынур* «тот, который будет сидеть», *зыдагъэувынур* «куда поставят» и т. д.

В Грамматике кабардино-черкесского языка (1970) приводятся две причастные формы будущего времени: 1) будущее I на *-н*: *кIуэн* «который пойдет», «который сможет пойти»; 2) будущее II на *-ну*: *кIуэнур* «который будет (туда) ходить», «который собирается пойти». Однако имеются веские, на наш взгляд, основания сомневаться в том, что приводимые там формы на *-н* являются причастиями.

Во-первых, известно, что субъектные и объектные причастия, произведенные от одноличных глаголов, по лицам не изменяются. Между тем форма *кIуэн* спрягается по лицам: *сы-кIуэн(ыр)*, *у-кIуэн(ыр)*, *ды-кIуэн(ыр)* и т. д. В форме же всех остальных возможных времен причастие от глагола *кIуэн* по лицам не изменяется.

Во-вторых, приводимые как причастные формы будущего I на *-н* нельзя сопоставить с причастными формами будущего II на *-ну* по тому принципу, по которому сопоставляются формы будущего I и будущего II финитных глаголов. Например, финитные формы *кIуэнц* (будущее I) и *кIуэнуц* (будущее II) четко различаются по смыслу: форма на *-н* выражает возможность или необходимость действия, а форма на *-ну* выражает фактическое, предрешенное осуществление действия в будущем. Что касается причастий, то вполне очевидно, что формы *кIуэн* и *кIуэнур* в подобную оппозицию не вступают.

Таким образом, существуют серьезные аргументы против отнесения инфинитных форм на *-н* к причастиям. Следует, однако, отметить, что не всегда легко можно различить форму причастия на *-ну* и инфинитную форму на *-н*. Носители языка во многих случаях затрудняются в выборе той или иной формы, путают их друг с другом. Это проявляется и в художественной литературе, ср. примеры из романа А. Кешокова «Сломанная подкова»: *Нэхъыбэм шэч къытрахъэртэкъым унагъуэ Iэщхэми я цхъэфэ къызырIэбэным* «Большинство не сомневалось в том, что **доберутся** и до индивидуального скота»; *Дэнэ иджы гъуцI гъуэгу управленэ къызыдипхыжыныр?* «**Где**

найдешь теперь железнодорожное управление?»; *Игъащлэ псоклэ щымыгъуцъэжынщ абы есщлэныр* «**То, что я ему сделаю**, он никогда не забудет» и т. д.

Смещение форм на *-н* и *-ну* обусловлено еще и тем, что в причастной форме будущего времени на *-ну* наблюдается фонетический процесс чередования *у//ы*, в результате чего возможны варианты *клуэнур сэращ//клуэныр сэращ*. В подобных случаях, несомненно, литературной формой является *клуэнур*, что должно быть закреплено, на наш взгляд, в правилах орфографии.

9.1.3.3. Склонение причастий

Как известно, в определительных словосочетаниях аффиксом падежа оформляется тот член сочетания, который находится в постпозиции. В соответствии с этим, причастия, выступающие в определительной функции в словосочетаниях, оформляются падежным аффиксом в том случае, если находятся после определяемого имени, ср.: *тхылъ сызэджэр* «книга, которую я читаю», но *сызэджэ тхылъыр, къалэ уцыпсэу-м, но уцыпсэу къалэм* «город, в котором ты живешь» и т. д.

Выступая не в определительной, а в других функциях, причастия изменяются по падежам как имена. По типу склонения они ближе примыкают к именам нарицательным.

Именительный падеж

1. Именительный падеж единственного числа выражается формантом *-р*: *здэклуэр* «куда он идет», *щылажсэр* «где он работает», *жей-р* «тот, который спит» и т. д.

Следует отметить, однако, что формант *-р* не всегда является падежным аффиксом, ср. в следующих примерах: *Щлалэр дунейм теклы-жакъым, сэ сощлэ ар щыхэтыр* (Кл. А.) «Парень не покинул землю, я знаю, где он находится»; *Ар щыжсейр, зыщигъэпсэхур зыми ищлэркъым* (Лу.) «Никто не знает, **когда он спит, когда отдыхает**». В выделенных причастиях *-р* является аффиксом определенности. Об этом свидетельствует тот факт, что в этих формах *-р* свободно чередуется с нулем, ср.: *Щлалэр дунейм теклыжакъам, сэ сощлэ ар щыхэт; Ар щыжсей, зыщигъэпсэху зыми ищлэркъым*.

2. Когда причастие сочетается с указательными элементами *а*, *мы*, *мо*, последние обязательно предполагают наличие в именительном падеже причастия постпозитивного артикля *-р*, т. е. между ними устанавливаются отношения двусторонней зависимости. Ср., например: *А жыхуэлэр дэнэ щылэ езыр?* «А где он сам, **о котором говоришь?**»

3. Именительный падеж причастия в обобщающей форме может быть выражен различными морфологическими средствами, ср.: *Зылэгъуа щылэмэ, зэхэзыха умылгыхуэ* (Пс.) «Если имеется **тот, кто видел**, то не ищи **того, кто слышал**»; *Зыгуэтыр мэгуфлэри, зыфлэклуэдыр магъ* (Пс.) «**Тот, кто находит**, радуется, **тот, кто теряет**, плачет».

Как показывают примеры, именительный падеж может быть выражен нулевым формативом или же оформляться формативом *-р*. Употребление обеих форм факультативно, т. е. они взаимосвязаны; в первом примере нулевую форму можно заменить формой на *-р*, но это не приведет к изменению грамматического значения, т. к. в пословице речь может идти только об обобщенном лице, а не об определенном, конкретном лице; во втором примере также форма на *-р* может чередоваться с нулем, что свидетельствует о том, что формант *-р* не выполняет падежной функции.

4. В причастиях, выступающих членами морфологической оппозиции «определенность-неопределенность», в союзной форме именительный падеж единственного числа выражается нулевым формативом, ср.: *Шхэи солъагъу* «Вижу и **того, кто ест**» (неопред.) – *Шхэри солъагъу* «Вижу и **того, кто ест**» (опред.).

Форматив *-р* вносит здесь значение определенности.

5. В именительном падеже причастий, выступающих в конструкциях с предикативными членами типа *сэрщ//сэращ, арщ//аращ, мырщ//мыращ*, форматив *-р* характеризуется абсолютной устойчивостью. Местоименные предикативы предполагают обязательное наличие в причастии форматива *-р*: *Къызэрыттеклуар гуауэ дыдэ зыщыхуар сэрат* (Т. Хь.) «**Тот, кто особенно переживал** поражение, – это был я».

6. Форматив множественного числа -хэ обязательно предполагает наличие формата падежа -р у причастий: *Шы зызыгъэпсэхуахэр, фыуэ шхахэр шлэушыхьт...* (КІ. А.) «Отдохнувшие, хорошо поевшие лошади шли бодро...»

Эргативный падеж

1. Эргатив единственного числа в причастиях выражается с помощью формата -м: *Уи жаныгъэр жьы борэнхэр зыщыхъэцлэм кьытешащ* (Щ. А.) «Твоя смелость проявилась там, где гостят бураны».

2. Когда причастия выражают обобщенное понятие, возможно отсутствие форманта -м в эргативном падеже, ср.: *Зыгуэр цыжжалэм зыгуэр цыщылэщ* (Пс.) «Где что-то говорят, там что-то есть»; *Хьэр зыцагъашхэм щобанэ* (Там же) «Собака лает там, где ее кормят». В выделенных причастных формах формант -м свободно чередуется с нулем: *Зыгуэр цыжжалэ зыгуэр цыщылэщ; Хьэр зыцагъашхэ щобанэ*.

3. В союзной форме эргативного падежа единственного числа причастий обычно наличествует формант -м, однако в подобных формах далеко не всегда -м является падежным аффиксом. В тех случаях, когда в союзной форме причастий формант -м свободно чередуется с нулем, он является показателем определенности, ср.: *Шыклуэми кьыщыклуэжми сыхуэзэркьым // Шыклуи кьыщыклуэжи сыхуэзэркьым* «Я не встречаюсь с ним ни тогда, когда он идет (туда), ни тогда, когда возвращается (оттуда)».

4. Эргативный падеж множественного числа оформляется агглютинативным путем – формантом числа -хэ и формантом падежа -м: *Шыд лъагъуэ здэщымылахэм машинэхэр кьыщызэдожэ* (Щ. А.) «Там, где не было_ (даже) троп для ослов, теперь бегают наперегонки автомобили».

Послеложный падеж

Причастия образуют форму послеложного падежа с помощью форманта -клэ от основы на -м: *Шым занцлэу игъэклархъуэри кьыздикламклэ игъээзжащ* (КІ. А.) «Лошадь, резко развернувшись, вернулась в ту сторону, откуда пришла».

Форматив -м выступает здесь как детерминатив, восходящий к формативу эргатива, иными словами, форма послеложного падежа причастий производится от основы эргатива. В редких случаях -м в причастиях является формативом определенности, ср.: *Уи благъэм кьыпхуащлэмклэ уопсэу // Уи благъэм кьапхуащлэклэ уопсэу* «Ты живешь на то, что тебе дают родственники». Как видно, в первом случае форматив -м маркирует форму определенности, т.е. выражает артиклевую функцию. Отсутствие формата -м во втором примере обусловлено неопределенностью формы причастия.

Следует особо остановиться на способе образования послеложного падежа обстоятельственных причастий времени в форме настоящего времени – на формах типа *щыклуэ-клэ* «когда он идет», ср.: *Шыгъыныщлэр цызригъапцэклэ, Былэ и лупэхэр фызэтож* (КІ. А.) «Когда примеряет обнову, губы Били невольно расплываются в улыбке».

Как видим, послеложный падеж здесь производится от основы без -м, отличаясь в этом отношении от всех других разрядов причастий. В форме других времен послеложный падеж причастия времени строится уже от основы на -м: *щыклуа-м-клэ* «когда он сходил», *щыклуэ-ну-м-клэ* «когда он пойдет». Соответствующие им формы без -м уже имеют не временное, а уступительное значение, ср.: *щыклуа-клэ* «раз он сходил», *щыклуэну-клэ* «раз он пойдет». Форма типа *щы-клуэклэ* тоже многозначна – в зависимости от контекста может иметь значения времени и уступки: *щыклуэклэ* 1) «когда он идет» и 2) «раз он идет». Когда же эта форма обозначает время, она не всегда имеет значение настоящего времени, ср.: *Афицарыр шыпсалгъэклэ, стлол зыбгъэдэтым шлопщыкълэм теулуэт, стлолым тет шакъалгъэр кьыдригъэлгъейуэ* (КІ. А.) «Когда офицер говорил, он стучал по столу, заставляя подпрыгивать стоящую на нем чернильницу» (значение перфекта I); *Абы и хьыбар дыщыклуэжклэ бжеслэни, – жилэри Бэлацэ идакьым* (КІ. А.) «Об этом я расскажу тогда, когда будем ехать домой», – не согласился Баляцо» (значение будущего времени).

Множественное число послеложного падежа причастий производится также от основы на -м: *кӀуэ-хэ-м-кӀэ* от причастия *кӀуэр* «идуший», *зытха-хэ-м-кӀэ* от причастия *зытхар* «написавший», *зыдэ-кӀуа-хэ-м-кӀэ* от причастия *зыдэкӀуэр* «куда он идет» и т.д. Как видим, морфемы словоформы послеложного падежа множественного числа распределяются следующим образом: основа + суффикс числа + окончание эргатива + окончание послеложного падежа, т.е. послеложный падеж множественного числа причастий базируется на эргативе множественного числа.

Обстоятельственный падеж

Обстоятельственный падеж оформляется с помощью форманта -у/-уэ: *кӀуэ-уэ* от причастия *кӀуэр* «идуший», *зытх-у* от причастия *зы-тхыр* «пишущий», *зыдэкӀуа-уэ* от *зыдэкӀуэр* «куда он идет» и т.д.

С помощью форматива -у/-уэ образуется не только обстоятельственный падеж, но также различные формы глагола, и не всегда легко отличить обстоятельственный падеж причастий от омонимичных глагольных форм. Более или менее надежным способом их различения является синтаксический критерий.

Процесс парадигматизации указательного местоимения *ар* в форме обстоятельного падежа охватил и разряды причастий, поэтому здесь встречаются формы обстоятельного падежа типа *кӀуэрауэ* < *кӀуэр+арауэ*, *зыдэкӀуэрауэ* < *зыдэкӀуэр+арауэ*, *цӀэкӀуэрауэ* < *цӀэкӀуэр+арауэ* и т.д.

Обстоятельственный падеж множественного числа причастий образуется с помощью аффикса множественного числа -хэ и форманта обстоятельного падежа: *кӀуэ-хэ-у*, *зыдэкӀуа-хэ-у* и т.д.

9.2. Деепричастие

Деепричастие – инфинитная форма глагола, обозначающая в предложении сопутствующее финитной форме действие. В своем обычном употреблении деепричастие и финитная форма глагола имеют один и тот же субъект действия. Однако в кабардино-черкесском языке очень часто действие деепричастия относится к одному субъекту, а действие финитной формы глагола к другому субъекту. В таких конструкциях деепричастие носит более самостоятельный характер и образует предикативный компонент предложения. Синтаксические конструкции, в которых деепричастие выступает в указанной роли, представляют собой целостные образования, где инфинитная и финитная формы взаимосвязаны как в сложносочиненном предложении. Деепричастие как бы прогнозирует основной глагол.

Примеры: *Унэм цыӀэр псалгӀэурэ губгъуэм цыӀэр къэсыжащ* (Пс.) «Дома находящиеся разговаривая в поле находящиеся вернулись»; *Хуэмышум зымыгъазурэ мазэр къуохъэж* (Пс.) «Ленивый не поворачиваясь луна заходит»; *Джэду цысу шыпсэ умыӀуатэ* (Пс.) «Кошка сидя не рассказывая сказку»; *ПцӀэдджыжь дыгъэр мыушу еджакӀуэ цӀыкӀухэр мэхъей* (Щ. А.) «Утреннее солнце не пробудясь ученики уже поднялись»; *Уи джатэр пшагъуэбэм цылыду узауэрт* (Щ. А.) «Твой меч в тумане блестя ты дрался».

Приведенные конструкции подтверждают высказанную выше мысль. Возьмем предложение *Уи джатэр пшагъуэбэм цылыду узауэрт*. Оно состоит из двух синтаксических компонентов: 1) *Уи джатэр пшагъуэбэм цылыду* и 2) *(уэ) узауэрт*. В первой части *джатэр* является субъектом действия *цылыду*, во второй – субъектом является второе лицо, а его действие обозначено финитной формой *узауэрт*.

Однако наиболее продуктивным являются случаи, когда деепричастие с сопутствующим значением и финитная форма имеют один и тот же субъект.

Обычно деепричастие нейтрализует грамматические различия между статическими и динамическими глаголами.

Для деепричастия характерны почти все глагольные категории. Отрицательная форма образуется при помощи префикса *мы-*: *мыкӀуэу* «не идя», *мылажьэу* «не работая».

В кабардино-черкесском языке имеются следующие деепричастные формы: 1) с суффиксом -у//уэ; 2) с суффиксом -урэ(-уэрэ) и 3) с суффиксом -рэ.

9.2.1. Деепричастие с суффиксом -у//уэ

Суффикс -у//уэ является основным аффиксом, образующим форму деепричастия. Этот суффикс присоединяется непосредственно к основе глагола, например:

лажсьэ-у «работая», *щыс-у* «сидя», *псалъэ-у* «разговаривая». При наличии же других суффиксов он переходит на конец глагола, например: *лажсьэхэ-у* «они работая», *щысхэ-у* «они сидя».

При помощи суффикса -у//уэ можно образовать деепричастие как от статических и динамических глаголов, так и от переходных и непереходных глаголов, например: *щытц* «стоит» – *щыту* «стоя»; *мажэ* «бежит» – *жэуэ* «бегая»; *ещI* «делает» – *ищIу* «делая»; *йоплэ* «смотрит» – *еплэу* «смотря».

Данное деепричастное образование может обозначать действие, одновременно происходящее с основным действием, предшествующее ему, либо следующее за ним. При этом форма деепричастия не изменяется, основной глагол может стоять в любом времени.

Деепричастия могут употребляться и в сочетании с формой повелительного наклонения, например: *Къабзийуэ уи Iэпэр фоч Iлакхъум щыгъа-бзэ, уи гъуазэм фIэмькIыу шэ икIхэр тегъахуэ!* (Щ. А.) «Ты пальцами работай с ружейным курком, и в цель, не промахиваясь, попадай точно!»; *Дыгъужь гупым сомьгъэшхыу жыпIа псалъэр схуэгъэзащIэ* (Щ. А.) «Стае волков не давая меня съесть, данное слово ты выполняй».

Деепричастия на -у//уэ могут сочетаться и с причастиями, например: *Умылажсьэу пшхыр IэфI хъуркъым* «Не поработаешь, вкусно не поешь»; *Къыпхуэупсэу къуатыр гунэс хъуркъым* (Пс.) «Что дают, пожалев тебя, сердце не принимает».

В этих примерах деепричастие употребляется в сочетании с различными временными формами причастия.

В отдельную группу выделяются деепричастия с суффиксом -у//уэ, в которых имеется аффикс прошедшего времени -а. Такие формы примыкают к основному глаголу в любой временной форме, обозначая действие, предшествующее действию, выраженному в основном глаголе, например: *Дыгъэр нэщхъыфIэу къухъэпIэм хуигъэзэжауэ мэнIащIэ* (Щ. А.) «Солнце, к западу направившись, спешит»; *Езы Джылэхъстэни и пхъум и дахагъым иригушхуэжауэ зигъэпагэрт* (Н.) «И сам Джиялхстан, от красоты своей дочери возгордившись, нос задирает»; *Абы хэту Къамбот псыныщIэу щIегъуэжауэ йокIуэталIэ* (Щ. А.) «В это время Камбот, мгновенно раскаявшись, приближается к ней».

Кроме одновременности и предшествования, деепричастные образования могут выражать действие, следующее за основным глаголом. Это значение встречается реже, например: *Нарт Гуэгъуэжъым и шабзэр жыгеижъым пхолъэт, тхъэмпэ закъуэ фIэмькIу* (Н.) «Стрела старого нарта Гуагуо через старый дуб пролетает, ни одного листа не трогая и единственного кольца не захватя»; *Емынэжъ къэсыжащ гъумэтIымэу* (Н.) «Еминеж вернулся, бранясь»; *Сосрыкъуэ щытт мыхъейуэ* (Н.) «Сосруко стоял, не двигаясь».

Примечание. В сложных сочетаниях деепричастий на -у с вспомогательными глаголами типа *щытын* «быть», *хуежъэн* «приступать», *щIэдзэн* «начать» первые под влиянием последних теряют функцию деепричастия, и все сочетание приобретает финитный характер. Объясняется это утратой лексической самостоятельности данными вспомогательными глаголами и их слиянием с деепричастиями, например: *Къэсри шхыдэу щIидзащ* (Н.) «Прибыв, начал браниться».

Близка к формам на -у//уэ деепричастная форма на -урэ//уэрэ. Суффикс -урэ является производным от -у, вторая часть -рэ вносит в деепричастие оттенок длительности, повторяемости действия. Главное значение данной формы – выражать одновременность действия деепричастия с основным глаголом. Она может быть соотнесена с любой временной формой финитного глагола, например:

С формой настоящего времени:

И пхъум жыриIэурэ и нысэм иреIуэкI (Пс.) «Говоря дочери, намекает невестке»; *Ар игъэщIагъуэурэ Сосрыкъуэ адкIи макIуэ* (Н.) «Этому удивляясь, Сосруко дальше идет»; *Жъындуужь набдзэу щIалэжъыр хэцэтыкIы-журэ мэпсалъэ* (Щ. А.) «С бровями как у старой совы парень, вздыхая, говорит»;

С формой прошедшего времени:

Си лъакъуэхэр псынцлэу къытеспхъуэтурэ сыкълурт (Щ. А.) «Ноги быстро поднимая, шел я»;

С формой давнопрошедшего времени:

Зэманьжъым цыла псэуклэмрэ луэхухэмрэ къигъэлъагъуэрэ Що-джэнылыкълу Алий итхыгъащ (Т. Хь.) «Показывая быт и дела прошлого, Шогенцуков Алий писал»;

С формой будущего времени:

Ауэ, Сосрыкъуэ, зэгъащлэ: сэ уэ къэт пшынэр пхуезгъауэрэ укъэзгъэфэнукъым (Н.) «Но, Сосруко, знай, я не буду играть на отсутствующей гармонии, чтобы ты заплясал»;

С формой повелительного наклонения:

– *Иджы, нартхэ, мы сэ фэста ху жылэр Амыщ и лэщым дэфхъумэ. Гъэ къэс жылэр тефси, япэ къефхъэллэж хъэсэм къыщлэфлукл хур жылапхъэу вгъэтильлурэ фыпсэу!* – *жилащ Тхъэгъэлэдж* (Н.) «Теперь, нарты, берегите семена проса вместе со скотом Амиша. Каждый год сейте семена – первый урожай откладывая на семена, живите! – сказал Тхагаледж».

Формы на -урэ иногда выражают действие, происходящее ранее основного действия или же следующее за ним, например: *Си гугъэщ си дуней техъэгъуэу, – жилащ Сосрыкъуэ, и анэ Сэтэней хуэгъуфлурэ* (Н.) «Думаю мне пора выходить в люди, – сказал Сосруко, радостно смотря на свою мать Сатаней».

9.2.2. Деепричастие с суффиксом -рэ

Данный суффикс связан по происхождению со второй частью аффикса -урэ. В качестве самостоятельного суффикса деепричастия суффикс -рэ непродуктивен. В предложениях, где встречается -рэ, обязательно имеется другое деепричастие на -у или какой-нибудь инфинитный глагол, к которому он примыкает. Суффикс -рэ выражает предшествование действия деепричастия действию глагола, поэтому оно примыкает к основному глаголу, например: *Сосрыкъуэ жъэгум дэст дэным иридгъэуу, дэпыр къищтэрэ зэм и лэм иридзэу, зэм и жъэм жъэдидзэрэ ункълыфлауэ къыжъэдидзыжу* (Н.) «Сосруко у очага сидел, играя огнем, огонь беря и сперва в руку бросая, потом в рот бросая и оттуда потухшим выплевывая»; *Сыт а Сыбырым сэ бэлыху цызмылгъэгъуар, цълым и цлагъым фламышл цызесхъэу, абы сыкъыщлэклрэ дунейм сыкъытехъэм пхъэ зэпысху илгъэситлклэ сыщылэжъащ* (Щ. А.) «Каких только мучений я не видел в Сибири в течение двух лет работы, под землей уголь таская, на земле дрова пиля».

В приведенных примерах -рэ может заменяться суффиксом -у без ущерба для значения. Это свидетельствует о функциональной тождественности обоих суффиксов.

9.2.3. Грамматика деепричастия

Деепричастия сохраняют глагольные формы лица (*сылажъэу* «я работаю», *улажъэу* «ты работаю», *ар лажъэу* «он работаю»), числа (*сылажъэу* «я работаю», *дылажъэу* «мы работаю»), отрицания (*ар мылажъэу* – «он не работаю»), каузатива (*абыхэм ягъэлажъэу* «они заставляя работать»), версии (*ар яхуэлажъэу* «он ради них работаю»), потенциалиса (*уэ улэжъэфу* «ты умея работать»), союзности (*цлалэр адэм дэлажъэу* «юноша с отцом работаю»), совместности (*дэ дызэдэлажъэу* «мы вместе работаю»), переходности-непереходности (*ар лажъэу* «он работаю», *абы илгъэгъуу* «он видя то»).

Динамические и статические глаголы в деепричастной форме не различаются: *ар цысу* «он сидя» и *ар клуэу* «он идя».

У деепричастия в отношении времени есть свои особенности. Так как оно обозначает сопутствующее действие, для него естественно относительное грамматическое время: *сыщысу соджэ* – «сидя читаю» (наст. вр.), *сыщысу седжэнуу* – «сидя буду читать» (буд.), *сыщысу седжащ (тхылъым)* «сидя читал/прочитал (книгу) (прош. вр.)».

Что касается абсолютного времени, то у деепричастия оно носит реликтовый характер. Форма *седжэу* – «читаю» не восходит к настоящему времени – *соджэ* – «читаю». Данная форма не настоящее время, а нейтральная грамматически по отношению к

абсолютному настоящему времени. Этой форме можно противопоставлять *сылэжьауэ* – «поработав». Таким образом, абсолютное время в кабардино-черкесском языке представлено *седжэу* – *седжауэ*.

Дополнение к разделу «Деепричастие»

М. А. Кумахов считает, что деепричастие управляется предикатами (финитными глаголами) воображения, речи, знания, желания, прямого восприятия и др.:

Абы жиІащ фэ фыкІуэу «Он сказал, что вы идете»

Абы жеІэ фэ фыкІуэу «Он говорит, что вы идете»

Абы жиІэнуу фэ фыкІуэу «Он скажет, что вы идете»

Абы жиІэгъащ фэ фыкІуэу «Он говаривал, что вы идете»

Так и: *Абы еІагъу (илъэгъуащ, иІагъунуу) уэ уеджэу* «Он видит (видел, увидет), что ты читаешь».

Приведенные примеры свидетельствуют о зависимости времени деепричастия от времени глагола (относительное время), что касается структуры подобных сочетаний, они напоминают сложные предложения с двумя предикативными центрами: 1) главный глагол и 2) деепричастие.

9.3. Инфинитив¹

Инфинитив в языкознании понимается как неопределенная форма глагола, т. е. как исходная форма глагольной парадигмы, которая только называет действие, не обозначая его соотношенности к лицу, числу, времени, реальности или ирреальности.

Кабардино-черкесский инфинитив резко отличается от инфинитива в индоевропейских языках, поэтому и сам термин «инфинитив» применительно к кабардино-черкесскому языку во многом условен.

В кабардино-черкесском языке нет специального аффикса, образующего только форму инфинитива. Вопреки существующему мнению о том, что инфинитив происходит здесь от формы повелительного наклонения с помощью специального аффикса *-н* (напр. *тхы* «пиши» – *тхын* «писать», *кІуэ* «иди» – *кІуэн* «идти» и т. д.), мотивирующая основа инфинитива ничего общего не имеет с основой повелительного наклонения, кроме внешнего фонетического сходства. Кроме того в функции инфинитива используется не одна, а несколько форм, и одна из них образуется с помощью того же суффикса, что и будущее время: *еджэ-н* «учиться», *шхэ-н* «кушать, есть», *лэжьэ-н* «работать» и т. д.

В инфинитивной форме суффикс *-н* утрачивает свое временное значение.

В функции инфинитива выступает также:

а) глагольная форма с суффиксом будущего времени *-ну*: *еджэ-ну*, *шхэ-ну*, *лэжьэ-ну* и т. д.;

б) чистая глагольная основа: *еджэ*, *шхэ*, *лэжьэ* и т. д.

Характерной чертой каждой из перечисленных форм является избирательная сочетаемость, т.е. обусловленность функционирования инфинитивной формы финитными глаголами определенного лексико-грамматического класса. Форма на *-н/-ну*, например, встречается при главных предикатах намерения (*Абы ежъэжын мурад ещІ* «Он намеревается уехать»), желания (*Сабийм фІэфІу джэгун* «Ребенок любит играть»), а также при фазовых (*Дэ щІэддэнуу еджэн* «Мы начнем учиться»), модельных (*Сэ слъэкІащ а унэр сщІын* «Я смог построить этот дом»), манипулятивных (*Сэ абы жесІащ унэм щІэмыкІыну* «Я ему сказал, чтобы он не выходил из дома»), комментативных (*Дэ фыкІедгъэблэгъэну къытыгъгъуищащ* «Мы забыли пригласить вас») и других предикатах (*Сэ уэ укъэзгъэгъуащ тхылъыр къыпхуэсщэхуну* «Я обещал купить тебе книгу»).

В ряде случаев возможно использование как форм с *-н*, так и с *-ну*:

Сэ сежъэ-н си мурадщІ // *Сэ сежъэ-ну си мурадщІ* «Я намерен уехать».

Однако отдельные главные предикаты допускают только один из этих суффиксов:

Дэ дыхэщІ къалэм дыкъэнэну «Мы пытаемся остаться в городе», но нельзя говорить: *Дэ дыхэщІ къалэм дыкъэнэн*.

Для выбора инфинитивного суффикса *-н/-ну* имеет значение наличие субъектного

префикса в инфинитиве. При отсутствии субъектного префикса допускается только форма на -н:

Сэ сержьэ-н(-ну) си мурадц «я намереваюсь уехать», но *Сэ шхэ-н мурад си* «я намереваюсь кушать».

В последнем примере форма на -ну уже невозможна.

Что касается форм инфинитива от чистой основы глагола, то лишь очень ограниченное количество глаголов допускают сочетание с ними:

Сы-тхэ *хъунуц* «Мне можно писать», **Абы** **щыс** и **хабзэц** «Он имеет привычку сидеть» и т.д.

Инфинитив от чистой основы часто имеет вариант на -у/-уэ, который совпадает с формой деепричастия на -уэ:

щыс и *хабзэц* // *щысу* и *хабзэц* «он имеет привычку сидеть»; *кӀуэ* и *гугъэц* // *кӀуэуэ* «Мне кажется, что он идет».

Наиболее отличительной чертой кабардино-черкесского инфинитива является то, что он изменяется по лицам. Ниже приводим таблицу спряжения инфинитива *лэжъэн* «работать»:

Единственное число		Множественное число
1-е л.	<i>сы-лэжъэн(у)</i>	<i>ды-лэжъэн(у)</i>
2-е л.	<i>у-лэжъэн(у)</i>	<i>фы-лэжъэн(у)</i>
3-е л.	<i>лэжъэн(у)</i>	<i>лэжъэн(у)</i>

Множественное число 3-го лица может быть выражено суффиксом -хэ: *лэжъэн(у)хэ*.

Аффиксами лица и числа инфинитив оформляется в зависимости от синтаксического окружения.

Отрицание в инфинитиве выражается, как и в других инфинитных формах глагола, с помощью префикса *мы-*:

щысын «сидеть» – *щы-мы-сын* «не сидеть», *кӀуэн* «идти» – *мы-кӀуэн* «не идти» и т. д.

В зависимости от цели высказывания и синтаксического окружения отрицание выражается или подобным образом в инфинитиве, или же с помощью суффикса -къым в финитном глаголе, ср.:

Е-мы-жъэну мурад ищӀащ «Он решил не ехать»; *кӀуэну хуей-къым* «не хочет идти».

9.4. Масдар

Традиционно в исследованиях по кабардино-черкесскому языку выделяется одно из двух – инфинитив или масдар. В академической же Грамматике 1970 г. эти два понятия по сути объединены в одно. Между тем нельзя согласиться с мнением, что масдар не отличается от инфинитива. Хотя формально они оба образуются с помощью одного и того же суффикса -н, каждый из них имеет свою специфику по своему строению и функционированию.

Масдар – отглагольное образование, характеризуется неглагольным словоизменением, и прежде всего склонением по падежам: *кӀуэны-р* (именительный падеж), *кӀуэны-м* (эргативный падеж) «хождение»; *лэжъэны-р* и *лэжъэны-м* «занятие трудом» и т. д. Не следует смешивать подобные формы с причастиями будущего времени. Последние лишены, например, форм посессивности, а масдар образует посессивные формы по модели имен существительных: *уи кӀуэныр* «твое хождение», *фи щысыныр* «ваше сидение»...

К именным признакам масдара наряду с указанными формами падежа и посессивности относится наличие у него категории союзности:

Сэ си тхэн-р-и сыублащ «Я начал и свое писание»; *Щысын-м-и чэзу илэщ* «Сидению тоже есть своя пора».

Масдар определяется прилагательным, что сближает его синтаксически с именем:

Уэ уи дын кӀыхъы-р бухащ «Ты закончил свое длинное (большое) шитье».

В ряде случаев от масдара образуется также именная форма числа с помощью суффикса -хэ:

Дэ ди еджэн-хэ-р щӀэддзэжынуц «Мы возобновим наши чтения».

Оформление масдара падежными окончаниями имеет ряд особенностей, связанных

с синтаксическим окружением. При транзитивном масдаре прямой объект может находиться в эргативном падеже: *Фэ тхылъым и тхыныр фухащ* «Вы закончили писать книгу». Здесь формант *-м* в прямом объекте масдарной конструкции обусловлен посессивным показателем 3-го лица *и-*. Приведем другой пример: *Фэ тхылъы-р тхын фухащ* «Вы закончили писать книгу». В данном случае прямой объект находится в именительном падеже, а сам масдар не оформлен падежным аффиксом. Эти различия связаны с посессивностью прямого объекта в первом примере.

Именной член масдарной конструкции может быть оформлен также окончаниями обстоятельственного и послеложного падежей:

Гугъущ мывэ-у унэ щыныр «Трудно строить дом из камня»;

Тыныщ къуажэм машинэ-кIэ кIуэныр «Легко ехать в село на машине».

Масдар, в отличие от инфинитива, не имеет категории лица. Среди вербальных признаков масдара можно отметить транзитивность-интранзитивность, возвратность, ориентацию, завершенность действия.

Транзитивность-интранзитивность проявляется в том, что при транзитивном масдаре может быть только прямой объект в абсолютиве, а при интранзитивном масдаре – косвенный объект в эргативе:

Фэ тхылъы-р тхын фухащ «Вы закончили писать книгу».

Фэ тхылъы-м еджэныр фухащ «Вы закончили чтение книги».

В первом предложении окончание именительного падежа *-р* в прямом объекте *тхылъы-р* определяется транзитивным масдаром *тхын*, как и показатель косвенного эргатива *-м* в косвенном объекте *тхылъы-м* определяется интранзитивным масдаром *еджэныр*.

Показатели ориентации, возвратности, завершенности действия в масдаре сохраняют свои позиции, свойственные им в глаголе.

10. Наречие

10.1. Общая характеристика

Наречие – это неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета. Наречия в предложении выступают в роли обстоятельства или несогласованного определения, например: *Наурбэк и фызым и блыпкъитIыр еубыдри и нэкIур и фызым и нэкIум гъунэгъуу ирехъэлIэ*. (КI. А.) – «Наурбек берет свою жену за плечи и свое лицо близко преподносит к лицу своей жены». *Софият икъукIэ насыныфIэт икIи нэжэгужэт* (Щ. А.). – «Софият была очень счастлива и весела». *Зэщэр къехъулIэну икъукIэ гугъэшхуэ ещI Аббас-Мирза, ар икъукIэ делагъэу щыт пэтми*. (Ш. А.) – «Аббас-Мирза очень надеется (делает очень надежду большую), хотя это было слишком (очень) дурачеством». В пределах словосочетания наречия примыкают к глаголу, прилагательным, наречиям и, реже, существительным.

Морфологически наречия характеризуются тем, что не изменяются (не склоняются, не спрягаются и не согласуются), не обладают грамматическими категориями.

Важнейшими синтаксическими свойствами наречий являются: а) спо-собность сочетаться с другими знаменательными словами по способу примыкания; б) употребление в функции обстоятельства.

Наличие в предложении обстоятельства вызывается тем, что главный член не закончен семантически и синтаксически и требует дополнительных средств для выражения своих признаков. Но признаки глагола-сказуемого в кабардино-черкесском языке очень часто передаются не самостоятельными словами, а различными аффиксами, входящими в основу глагола. Так, например, в таких глаголах как *екIуэлIэнащ* «подошел совсем близко», *къэкIуэжынащ* «вернулся сюда обратно совсем», *щылъыщащ* «пролежал слишком много (долго)», *кIэлъытелъхъэж* «положи обратно наверху (за ним, после него)» и др. заключено не только само действие, но также признаки этого действия. В данном случае глаголы употребляются без обстоятельственных СЛОВ, но при этом действие, выраженное каждым из них, имеет все требуемые признаки.

В современном кабардино-черкесском языке часты случаи, когда глагол одновременно характеризуется формантами и со стороны его качества, и со стороны

временных, пространственных и других отношений. Тогда к глаголу наречия вовсе не примыкают: *Пшлщэхэр пылгэлъыжыпэху бжэндэхухэр лъэтэжыркъым* – «Пока листья деревьев полностью не осыплются (совсем), скворцы не улетают».

Наречия не сочетаются или реже (частично) примыкают к тем глаголам, которые содержат ряд агглютинативных прилеп, выражающих различные признаки действия. Если в основе глагола содержатся форманты, передающие качественные характеристики действия, то к ним, как правило, примыкают наречия обстоятельственные, а если же они (форманты) имеют временные, пространственные и иные обстоятельственные значения, то к таким глаголам обычно примыкают определительные наречия. Например, в предложении: *Щлалэр дзэм дыгъуасэ къиклыжыптац* – «Парень вчера вернулся (пришел) из армии» глагол *къиклыжыптац* не имеет аффикса временного значения, поэтому возможно употребление его с наречием времени (*дыгъуасэ*).

Неизменяемость при связи с другими словами является основным морфологическим признаком наречий как части речи (исключение могут составлять качественные наречия, которым свойственно изменение по степеням сравнения), например: *Хьэр ину мэбанэ* – «Собака лает громко». *Жэщым хьэр нэхъ ину мэбанэ* – «Собака ночью лает громче». *Хьэр ин дыдэу мэбанэ* – «Собака лает очень громко».

Наречия примыкают к глаголам, причастиям, деепричастиям, прилагательным и другим наречиям, являясь обстоятельствами при них, например: 1. *Удыр хьэмбылуу мэтлыс, и нэхэр хуэму егъэунлэра-нлэ* (Ад. Т.) – «Баба-Яга садится на **корточки** и **медленно** хлопает глазами». Наречия **хьэмбылуу** «на корточки» и **хуэму** «медленно» примыкают к глаголам *мэтлыс* «садится» и *егъэунлэранлэ* «хлопает». 2. *Гум ерагъыу иралъхъа ентлырым и щылым шыгухур тетлысхъащ* (Иу.) «На еле положенное в подводу бревно сел кучер». Наречие *ерагъыу* «еле» примыкает к при-частию *иралъхъа* «положенный». 3. *Лыжъым и жьаклэр еклуу къэщыхъауэ унэм кыщлэклащ* (Иу.) «Старик вышел из дома с аккуратно остриженной бородой». Наречие *еклуу* «аккуратно» примыкает к дее-причастию *къэщыхъауэ*. 4. *Ныщхъэбэ сыклуат мэжджытми, тхъэ гулэ, ефэн-дышхуэ Хьэжы-Исмел лъэкI кымыгъанэу дигъэныщкыуакIэ* (Ш. А.) – «Я ходил сегодня вечером в мечеть, клянусь, и без устали большой эффенди Хаджи-Исмел наговаривал на нас». Наречие *ныщхъэбэ* «сегодня вечером» примыкает к глаголу *сыклуат* «пошел». 5. *Мэзхъумэм и къуэр зыщлы-нли щылэжъэн имыдэу унэм кыгъэзэжащ* (Ад. т.) «Сын лесника, не захотев нигде работать вернулся домой». Наречие *зыщлы-нли* «нигде» примыкает к глаголу *щылэжъэн* «работать». 6. *Мащлэу фэрэкланэ мэзхъумэр зэрилъа-гъуу, Къубатий игу куэд къэкIыжащ* (Иу.) – «Как только Кубатий увидел чуть-чуть рябоватого лесника, он вспомнил очень многое». Наречие *мащлэу* «чуть-чуть» примыкает к прилагательному *фэрэкланэ* «рябоватый». 7. *Унэкум ис нанэм икъукIэ IэкIуэлъакIуэу джанэр иды--жырт* (Иу.) «Бабушка, сидевшая по середине комнаты, очень искусно латала рубашку». Наречие *икъукIэ* «очень» примыкает к наречию *IэкIуэлъакIуэу* «искусно».

В кабардино-черкесском языке очень редко используются наречия для обозначения признака предметов. Тем не менее, некоторые наречия могут примыкать к существительным. Чаще всего это бывает в письменной речи и в таких случаях: 1) когда существительное обозначает действие, например: *Бажэм икъукIэ бзаджагъэ зэрехъэрт*. (Д. кI.) «Лиса вершила **очень** зло». *Мы школым куэд щлауэ кыдогъуэгурыкIуэ зэпэщу егъэдджэныгъэ-гъэсэныгъэ лэжъыгъэр* (Ад. п.) «Слаженно поставленная учебно-воспитательная работа уже давно сопутствует этой школе». *Мурадин хуабжъу лэжъы-гъэшхуэ кыхуагъэлъагъуэ* «Мурадину пророчат исключительно важную должность»; 2) Когда существительное обозначает качество, например: *Апхуэдэу Iуэхум убгъэдыхъэныр икъукIэ щлэныгъэншагъэу къалъытащ икIи къезэгъыркъым* (Иу.) «Так поступать посчитали **очень** безграмотно и нельзя было». *Хуабжъу узыншагъэшхуэ иджыри илэм мэзхъумэм* (Ад. п.) «Лесник еще имел достаточно здоровье (большое)».

Наречия, примыкающие к существительным, являются его несогласованными определениями.

Лексическая и словообразовательная соотносительность наречий со всеми основными классами изменяемых слов также является одним из морфологических признаков производных наречий. По своей форме наречия соотносительны с различными падежами имен: *махуэм* «днем», *шууэ* «верхом», *дахэкIэ* «по-хорошему»,

апхуэдэу «так», *дыгъужь* «по-волчьи» и т. д.

По своему значению наречия имеют самые разнообразные оттенки. Показывая признак действия или другого признака, они делятся на различные грамматико-семантические категории – одни из них являются пространственными, другие дают качественную характеристику действия или характеризуют действие со стороны времени его совершения и т. д. Этот весьма разнообразный класс слов может быть объяснен в рамках двух грамматико-семантических классов – наречий определительных и наречий обстоятельственных.

Далеко не каждое наречие может употребляться с любой частью речи, хотя наречия, взятые в целом, могут выступать в качестве определяющего слова со всеми знаменательными частями речи.

Употребление наречия с тем или иным словом определяется как собственным значением наречий, так и значением того слова, к которому они примыкают. Так, наречия, обозначающие способ проявления признака, обычно примыкают к словам со значением действия, процесса, другими словами, они определяют либо глагол, либо отглагольное имя, являющееся носителем действия; наречия, обозначающие степень, интенсивность проявления признака, в своем большинстве примыкают к прилагательному или качественному наречию, а наречия, выражающие временные, пространственные, целевые и другие отношения – спутники глагола, например: *Абы и вакъитыр псыныцлэу лъегъэпкIри гъэмахуэ дыгъэм гуапэу кыигъэхуэба псы чэнж къабзэм лъапыцлэу зэпрокI* (Хь. Хь.) – «Он быстро снимает свою обувь и переходит босиком мелкую чистую речку, нагретую летним солнцем». *Дэтхэнэ зы лъэлуми мыарэзыуэ иригъумэтIымэ Иван бзылхуэгъэм къыхуищIа гулътэр Хъишэт ину гуапэу кылътытащ* (КI. Т.) – «Хаишат стало (посчитала) очень сильно приятно, что Иван, который неохотно отзывался на всякого рода просьбы, оказал женщине внимание». *Ауэ Мос сьт щыгъуи хъэзырт мэкъумэшыщIэ мамырхэм я псэм емыблэжу дапыцэци къащыжыну.* (КI. Т.) – «Но Мос всегда был готов заступиться в любое время за мирных крестьян, не жалея самого себя». *Ар сеялкэхэм я лэжъэкIэм кIэлъыплъу здыхэтым, Мурат къыбгъэдыхъащ, дэнэкIэ кыкIами гу лъимытэу* (Къаш.Хь.) – «Когда он следил за работой сеялки, к нему подошел Мурат, но тот не заметил, откуда он появился».

Для более четкого определения функции наречия и влияния его на семантику определяемого слова разграничивают по значению наречия на определительные и обстоятельственные. Наречия каждой группы имеют свои отличительные особенности, по-разному примыкают к определяемым словам. Наречия определительные наиболее тесно примыкают (больше сливаются) к определяемому слову, при этом несколько обогащают его семантику, в отличие, например, от наречий времени, которые обычно характеризуют лишь внешние обстоятельства, при которых протекают действия, например: *Бгыщхэм хуэму къыщезжъэ псыр кIуэтэху нэхъ хуабжъу ежэх мэхъу* (Ад. п.) – «Река, которая медленно берет свое начало вторых, постепенно начинает быстрее течь». *Ныжэбэ ди деж нэху фыкы-щекIыныци пцэдэи нэху зыдэщым фежъэжыныци, фыздэкIуэми гупсэхуу фыкIуэныц* (КI.Т.) – «Сегодня ночью побудьте у нас и завтра на рассвете поедете, доберетесь туда (куда едете) спокойно». *Лыжъым и къуэр зыщIы-пIу щылэжъэн имыдэу унэм кыигъээзжащ* (Ад. Iу.) – «Сын старика, не желая работать нигде, вернулся домой».

По морфологическому составу наречия в современном кабардино-черкесском языке делятся на корневые и производные.

10.2. Корневые наречия

К корневым¹ относятся наречия, которые в современном кабардино-черкесском языке не распадаются на составные части, не имеют деривационных морфем. Корневыми являются *нобэ* «сегодня», *нетIэ* «давеча», *ныщхъэбэ* «сегодня вечером», *нышэдибэ* «сегодня утром», *дыгъуасэ* «вчера», *нэгъабэ* «в прошлом году», *дауэ?* «как?», *дапыцэц?* «когда?» и др.

Корневые наречия составляют небольшое количество слов и они в своем большинстве являются наречиями времени. Некоторые корневые наречия с генетической точки зрения представляют собой результат опрощения основы слова.

В группу корневых входят наречия, этимологически восходящие к местоимениям: *дауэ?* «как?», *дапыцэц?* «когда?», *дэнэ?* «где? куда? откуда?», *дапыцэ* «сколько?», *щхъэ*

«зачем?». Эти наречия представлены в виде одной простой основы, а другие являются сочетанием вопросительного местоимения *сыт?* «что?» и слов послеложного происхождения, которые не употребляются вне сочетания с другими словами: *сыт щыгъуэ?* «когда?» *сыт пцлондэ?* «до каких пор?», *сыт пачцлэ?* «зачем?», *сыт щхьэкклэ?* «почему?».

Корневые наречия местоименного происхождения делятся на две группы: 1) вопросительные наречия и 2) относительные наречия.

Если вопросительные наречия обозначают вопрос об обстоятельствах способа, времени, места и направления действия, причины действия, то относительные обозначают различные обстоятельства, при которых совершаются действия (образа, времени, места и направления действия и т. д.) и в силу которых совершаются действия (цели, причины).

Дауэ лажьэрэ гъуклэр? «Как работает кузнец?» *Дачцэц яухыну губгъуэ лэжыгъэхэр?* «Когда закончат полевые работы?» *Дэнэ щеджэрэ уи къуэшыр?* «Где учится твой брат?» *Шыхэр пцлантлэм дауэ дэклами зыми ицлэркъым* «Никто не знал, как кони вышли со двора». *Дачцэц концертм щлудзэну радиоклэ къатащ* «Когда начнется концерт передавали по радио». *Хьэщлэхэр дэнэ къиклами къэтицлэн хуейт* «Мы должны были узнать откуда приехали гости».

Некоторые корневые наречия не употребляются с удвоенными основами: нет, например, образований *нобэ-нобэ*; *пцэдей-пцэдей*, как производные определительные наречия *хуэм-хуэму*, *псынцилэ-псынцилэу*, но встречаются случаи соединения двух разных основ: *нобэ-ныжэбэ* «сегодня или сегодня ночью», *нобэ-пцэдей* «не сегодня, так завтра».

Некоторые непроизводные наречия (*нобэ* «сегодня», *ныжэбэ* «сегодня ночью», *нэгъабэ* «в прошлом году» и др.) употребляются в сочетании с *ризэм*. Присоединяясь к основе наречия, оно придает дополнительное значение неповторяемости: *«Ныжэбэризэм дызэхэвгъэсыж», – желэ Рашид-паша* (Ш. А.) «Сегодня ночью (только, лишь сегодня ночью) давайте посидим вместе», – говорит Рашид-паша».

10.3. Производные наречия

К производным относятся наречия, которые образовались от других частей речи и слов-наречий путем присоединения различных словообразующих аффиксов или основосложения.

Производные наречия по своей структуре делятся на простые производные и сложные производные.

К простым производным относятся наречия, которые образовались от простой основы различных частей речи путем аффиксации: *Клурушклэр Лусэ къретыжри езыр гууэщлэу мэгъуэлъ, зызэщлеуфэ* (Щ. I.) – «Кружку отдает Люсе и сама ложится навзничь, закутывается», *Мыгувэу ар пцлантлэм къыщохутэ, зы дакъыккъэ хуэдицклэ теувылэу тлэклу бэуа нэужьым, щхьэгъубжэ бгъуэшхуэхэр зыхэлъ унэм лут зонтиком псынцилэу до-жей* (Хь. Хь.) «Вскоре она очутилась во дворе; остановившись на одну минуту и передохнув немного, быстро вбегает в коридор дома с большими окнами». *Иджыклэ жэуап къыдитакъым* (Ш. А.) – «Пока (еще) не дал ответа».

К сложным производным относятся наречия, образованные 1) путем сложения двух и более основ; 2) путем редупликации одной и той же основы или разных основ; 3) путем закрепления устойчивого сочетания двух и более слов с наречным значением: *Уд фызыжъ цлыклум щлалэр зымахуэ къызэриутлэпщыжрэ нэхъ сакъ хъуат* (А. Т.) – «Баба-Яга, отпустив парня на днях, стала гораздо внимательнее». *Бажэмрэ Уашхэмрэ хуэм-хуэмурэ зэгурыуащ* (Ад. т.) «Лиса и Барсук мало-помалу договорились». *Маринэ къызэригъэпэща гупым лэхуэзгъуэтегъэкълэу лажьэ яхэткъым* (Ад. т.) «В группе, организованной Мариной, нет работающих спустя рукава».

10.4. Образование наречий

10.4.1. Образование простых производных наречий от качественных прилагательных

Самая большая группа наречий образуется от основ качественных прилагательных с помощью суффиксов. Особенно продуктивна группа определительных наречий, образованных от качественных прилагательных с суффиксом *-у/-уэ*: *псынцлэ* «быстрый» – *псынцлэ-у* «быстро», *класэ* «поздний» – *класэ-у* «поздно», *флы* «хороший» – *флы -уэ* «хорошо».

И лъакъуэ хъэлъэхэр шхъэхынэу зблхъуурэ мэкъу лэмбатэ игъэтлы-лъам бгъэдыхъащ (КІ. Т.) – «Лениво передвигая свои тяжелые ноги, он подошел к лежащей кучке сена». *«Клуэ, тыншу шхэи дешъэнц», – жилащ къарэ лъакъуищым* (Ад. т.) – «Иди, спокойно покушай и поедем дальше», – сказала трехногая ворона.

Не от всех качественных прилагательных образуются наречия с помощью суффикса *-у/-уэ*. Так, от прилагательных, обозначающих постоянно пребывающие физические качества (например: *нэф* «слепой», *дэгү* «глухой») и обозначающих масти животных *пцлэгъуалэ* «серый», *пцлэгъуэлъ* «гнедой» и т. д.), наречия на *-у/-уэ* не образуются.

Производящей основой наречия *цлэху* «быстро» является *цлэх*, но в отличие от других качественных наречий с суффиксом *-у/-уэ*, производящая основа которых является носителем признака предмета, в современном языке оно уже не употребляется в значении имени прилагательного. Слово *цлэх* можно считать перешедшим в разряд наречий и без оформления суффиксом *-у/-уэ*: *Сыту цлэх птха сочиненэр* – «Как скоро (быстро) ты написала сочинение».

Наречие *жыжъэу* «далеко» образовано от *жыжъэ* «далекий» с помощью суффикса *-у*. Производящая основа *жыжъэ* в отличие от *цлэх* в современном языке выступает не только в значении наречия, но и имени прилагательного: *Мэзыр жыжъэу кълэгъуащ* – «Лес показался далеко»; *Мухъэмэд жыжъэ цопсэу* «Мухамед живет далеко»; *Хъэцлэр цлылэ жыжъэ кыклащ* «Гость приехал из далекого края».

Отличительной особенностью простых производных от качественных прилагательных посредством суффикса *-у/-уэ* является их изменение по степеням сравнения, как и прилагательных, от которых они образованы: *псынцлэу матхэ* «пишет быстро», *нэхъ псынцлэу матхэ* «пишет быстрее», *псынцлэ дыдэу матхэ* «пишет очень быстро».

Качественные наречия с суффиксом *-у/-уэ* могут употребляться с аффиксом *-рэ*, который показывает длительность, повторяемость действия: *Хъэмид хуэмурэ къыщхъэщыкыжри езыр лыгъэклэ Андрон зэрыщымышъар яригъащлэу сабийхэм еплъащ* (Гъу. н.) – «Хамид медленно-медленно приподнялся и посмотрел на детей, показывая, что он не пристал к Андрону».

Для группы производных наречий с суффиксом *-у/-уэ* характерно и то, что они (за малым исключением – *флыуэ*, *лъэсу*, *шууэ* и др.) допускают редупликацию деривационно мотивирующей основы, при этом аффиксом *-у/-уэ* оформляется только второй компонент: *псынцлэ-псынцлэу* «быстрее, живо», *дахэ-дахэу* «как следует», *лэфл-лэфлу* «вкусно». При редупликации деривационно мотивирующей основы эти наречия приобретают несколько иное лексическое значение – показывают менее конкретное качество, чем наречия от простой основы с суффиксом *-у/-уэ*: *Сыт уцлэнлащлэр, Софият, пасэщ иджыри. Зыгъэхъэзыр дахэ-дахэу.* (Щ. І.) – «Почему спешишь, Софият, еще рано, приготовься как следует»; *Дахэу, лэкълэлакълэу зэкълэцылъхъа псымор къыдех* (Ш. А.) – «Красиво, аккуратно сложенное письмо вынимает».

Определительные наречия образуются посредством суффикса *-клэ*: а) от основ качественных прилагательных (тип малопродуктивный): *дахэклэ* «по-хорошему», *флыкклэ* «по-доброму», *лейклэ* «по-плохому»; *Ахэр зэчэнджэщри Гъуцлыпс я пашэу лыжъыр хахащ, иклу ахэр Гулээхэ я деш клуащ, луэхур дахэклэ яухыну* (КІ. Т.) – «Они посоветовались, выбрали трех стариков, во главе с Гучипсом, и они пошли к Гулез, чтобы дело закончить по-хорошему». *Дахэклэ мыхъум лейклэ сытыхъэнц* (Къ. З.) – «Если не удастся по-хорошему, то начну по-плохому»; б) обстоятельственные наречия от основ относительных прилагательных: *ипцэ* «верхний» – *ипцэклэ* «вверх», *ицхъэрэ* «нижний» – *ицхъэрэклэ*

«вниз», *ялэ* «первый» – *япэкIэ* «вперед», *цужь* «последний» – *цужькIэ* «потом»: *Зыпэмыплъа йуэху цызыхахым джэгум хэт псори цым хъуаш, цужькIэ занцIэу плейтей къэхъуаш, псалъэмакъ ин къалэтамц* (КI. Т.) «Когда услышали что-то неожиданное, все участники торжества замолчали, потом сразу всех охватило беспокойство, подняли большой шум». *Лыжъыр хуэму зэ ипцэкIэ, зэ ипцхэрэкIэ маплъэ, уэрэд гуэри цэхуу желэ* (Хь. Хь.) – «Старик смотрит то вверх, то вниз не спеша, поет тихо какую-то песню».

К данной группе наречий относится *кIэщIкIэ* от *кIэщI* «короткий», которое, в отличие от первых, в предложении может выступать и в роли определительного и в роли обстоятельственного слова: *Ауэ псом хуэмыдэжу абы фIэфIыр, пцым и ужь кIэщIкIэ иту шууэ а пцIантIэм къыщыдэкIкIэ цIыху нэхъыбэлэуэм къалъагъумэт* (Ш.А.) «Больше всего ему нравилось, когда он выезжал верхом со двора следом вплотную (коротко) за князем, чтобы больше людей видели его». *Узыншэу, кIэщIкIэ нэгъэгъэну дыпцогугъ* (Къ. З.) – «До свидания, до скорой встречи (скоро ты вернешься, мы надеемся)».

Наречия с суффиксом **-кIэ** не имеют степеней сравнения и не допускают редупликации основ.

Наречия с усилительным значением образуются от качественных прилагательных посредством присоединения к основе суффикса *кIэкIэ*: *дахэкIэкIэ, хуабжъыкIэкIэ, псынцIэкIэкIэ. ЕджакIуэр зы дахэкIэкIэ дахэу матхэри* «Ученик так красиво пишет».

10.4.2. Образование простых производных наречий от местоименных основ

Морфемная сегментация многих производных наречий подтверждает, что по своему происхождению они примыкают к классу местоимений. Деривационная структура производных наречий местоименного происхождения достаточно прозрачно: они хранят тесную смысловую связь с производящей основой. Например, наречие *мыдэ* «сюда» состоит из указательного местоимения *мы* «это» и суффикса *дэ*; *модэ* «там, туда» – из указательного местоимения *мо* «тот» и суффикса *дэ*; *сыту* «как» – из относительного местоимения *сыт* «что» и дериватора *у*, *дапцэрэ* «сколько раз» из вопросительного местоимения *дапцэ?* «сколько?» и суффикса *-рэ*, *зыбжанэрэ* «несколько раз» – из неопределенного местоимения *зыбжанэ* «несколько» и словообразовательной морфемы *рэ*: *Адэ жыжъэу ерагъкIэ тхэкIумэм къыщтэф къудейуэ къэлуаш шы пырхъ макъ гуэр!* (КI. Т.) – «Оттуда далеко с трудом уловимое слухом дошло фыркание лошади». *Абы нэхърэ моуэ тцIынщи нэхъыфIц: шым нэхъ и гъунэгъуу мо мээ къуапэм дыхэтIысхъэнц* (КI. Т.) – «Лучше мы сделаем так: ближе к лошади вот в тот куст сядем». *«Сыту фIыт, сыту фIыт, игъуэ дыдэу фыкъэса, фынеблагъэ», – дэфтэрзехъэм сэлам ярех* (Ш. А.) «Как хорошо, как своевременно приехали, добро пожаловать», – писарь здороваются». *Дапцэрэ ухуей-ми тхъэусыхэ, дэнэ ухуейми щытхъэусыхэ, ауэ умылажъэу ддэнуэкIым!* (КI. Т.) «Сколько (раз) хочешь жалуйся, куда хочешь жалуйся, но мы тебе не позволим не работать!»

Неопределенные местоимения – *зыбжанэ* «много», *Iэджэ* «много», *зыкIом* «немного» служат определенным гнездом для образования наречий с помощью суффикса **-кIэ** и **-рэ**: *МэкIумэшыщIэм и пхъур IэджэкIэ нэхъ цэныфIэт хъаным и пхъум нэхърэ* (Ад. Т.) – «Дочь крестьянина была намного скромнее дочери хана». *Мыщэм уашхэм нэхърэ зыбжанэкIэ нэхъ акъылыфIэу и фIэщ хъужаш.* (Ад. т.) – Медведь поверил, что он намного умнее барсука. *Сэ абы зыбжанэрэ сригъусащ, лIы гуа-щIэт ар!* (Ш. А.) – «Я был с ним долго (много раз), он был строгий мужчина»; *Псэуми мыпсэуми умыщIэу ар Iэджэрэ госпиталхэм щIэлъат, ауэ аргуэру зилэтыжаш* (Хь. Хь.) – «Его неоднократно (много раз) клали в госпиталь, не зная, жив он или нет, но он опять поправлялся». *Зонтикым зыкIомрэ теса нэужьым, ар къызэфIоувэж, бгым тет унэмкIэ маплъэ.* – «После того, как он просидел в коридоре долго, он встает, смотрит в сторону дома, стоявшего на склоне горы».

Деривационная структура производных наречий *дэрыншэу* «без нас», *сэрыншэу* «без меня», *фэрыншэу* «без вас», *арыншэу* «без него» восходит к основам личных местоимений *дэ* «мы», *сэ* «я», *фэ* «вы», *ар* «он», словообразовательных суффиксов **-ншэ** «без» и **-у//уэ**. Но без суффикса **-у//уэ** производные основы *дэрыншэу*, *сэрыншэу*, и т.д. не употребляются, точно также один суффикс **-у//уэ** не присоединяется к непроизводным

основам (дэ, сэ, фэ, ар и т. д.) без аффикса -ншэ: *Хъуниш, абыхэм дащлы-тепсэлъыхын щылэкъым, дэрынишэу абыхэм къащыщлынуур къащыщлынц* (Хъ. Хъ.) – «Ладно, нечего говорить о них, без нас случится с ними то, что должно случиться».

Словообразовательной базой наречий *анхуэдэу* «так», *мыпхуэдэу* «таким образом», *мыпхуэдицу* «таким образом» являются местоименные основы *анхуэдэ* «такой», *мыпхуэдэ* «такой», *мыпхуэдиц* «столько» и суффикс -у. *Апхуэдицу бэлыхъ уи шы къарэ лъакъуищыр къыздицхар къызже-лэ* (Ад. Iу.) – «Скажи мне, откуда ты взял твою трехногую вороную настолько удалую лошадь».

По своей словообразовательной структуре к ним примыкает наречие *аргуэру* «опять», которое восходит к местоименным основам *а* «тот», *гуэр* «что-то, кто-то» с суффиксом у. *Ар и цхъэусыгъуэу аргуэру Салтер Аббас-Мирзам ахъшэшхуэ къылех* (Ш. А.) – «По этой причине Салтер опять берет большие деньги у Аббас Мирзы».

Наречия *анхуэдэу* «так», *мыпхуэдэу* «таким образом», *монхуэдэу* «наподобие тому» употребляются с союзным аффиксом -рэ, что придает значение длительности, повторяемости действия: *Апхуэдэурэ нэху мэц* (Ш. А.) – «Так (таким образом) светает». *Мыпхуэдэурэ дызэхэсклэ луэхур зэфлэклынкъым, къуажэм зыгуэр дывгъэгъаклуэ», – жилащ Бажэм* (Iуэр.) – «Так (если) нам сидеть, ничего не выйдет, пошлем кого-нибудь в село» – сказала Лиса».

Аффикс -клэ – дериватор наречий *анхуэдицклэ, монхуэдицклэ*, производящей основой являются указательные местоимения *анхуэдиц, мыпхуэдиц, монхуэдиц*: *Цыхубэр апхуэдицклэ зэхэвзэхэжъэрти, дэклы-нли дэпцынли илэтэкъым* (Ш. А.) – «Была такая (настолько) суматоха, что через людей нельзя было ни проехать, ни пройти».

10.4.3. Образование простых производных наречий от имен существительных

Широко распространены наречия, образованные различными способами от существительных. Такие наречия, как *игъащлэм* «никогда, всегда», *жэщклэ* «ночью, по ночам», *хъэмбылуу* «на корточках» и другие, образовались в своей обстоятельственной функции, например: *Астемыр гупсысэрт, игъащлэм мыхъумыщлагъэу ищлар игу къинэжати, тетыр къыщледжэн къыхуэгъэуэтакъым* (КI. А.) «Астемир думал, он вспомнил все, что отрицательного когда-либо (в жизни) он совершал, и не нашел такого, за что мог вызвать его пристав». *Лыжьэ нэ памцлэ цлыклу гуэр, жыг цлагъым хъэмбылуу цлэсыр, къэтэдджри, шур заныцлэу къыщицлыкхум, и жъэм къыжъэдэлъэтащ: «Жыраслээн!»* (КI. А.) – «Остроносый старичок, который сидел на корточках под деревом, встал и, узнав сразу всадника, выронил: «Жираслан!»; *Иужьым, мис, махуэклэ соджэ, пцыхъэщхъэклэ ар цлэрыщлэу Муса сегъэдджыж* (Къаш.Хъ.) – «Потом, вот, днем (по дням) учусь, вечером (по вечерам) снова это повторяю с Мусой».

В этих наречиях аффиксы -м, -клэ являются синкретическими, они выполняют грамматическую (падежные окончания) и словообразовательную (существительные перешли в разряд наречий) функции.

Наречие *игъащлэм* содержит словообразовательный аффикс *и*, который восходит к притяжательной форме *и* «его».

С помощью аффикса -м (форма эргативного падежа) наречия образуются от лексически ограниченной группы слов – от существительных, обозначающих времена года и части суток: *гъатхэм* «весной», *махуэм* «днем», *пцэдджыжъым* «утром» и др.: *Нэмыцэхэм сакъыхэклыжыным махуитI илэжу, пцыхъэщхъэм машинэм дагъэ изгъэхъуауэ сыкъэклуэжырт* (Iу.) «За два дня перед тем, как распрощаться с немцами, вечером еду с заправки». *Щымахуэм зы бэкхъ пцлы нэхърэ гъэмахуэм бэкхъитху пцлым нэхъ тыншиц* (Къаш.Хъ.)- «Лучше летом построить пять коровников, чем зимой один». *Дэ сыт цыгъуи, махуэми, жэщми, гъэмахуэми, цлымахуэми ди лэжыгъэр къабзэу, ди луэхур цапхъэу дыщытыну и чэзуц* (Къаш. Хъ.) – «Уже время, чтобы у нас всегда, и днем и ночью, и летом и зимой работа была чистой, а наше дело было примерным».

10.4.4. Образование простых производных наречий от имен числительных

От основ количественных числительных от 1 до 10 образуются качественные наречия посредством присоединения суффикса -э. *Хъэма тl абыхэм здеплъым аргуэру пцlыхъэплэр зэ и нэзум цlыгъэкlыжащ* (Къаш. Хъ.) – «Хамат, глядя на них, опять (еще) один раз вспомнил сон».

Наречие **зэ** может употребляться в речи и в значении обстоятельства времени: *Зэ а тlум я командирым Джон хуицlащ къалэн*. (Кlу. Б.) – «Однажды командир этих двух дал задание Джону».

Сложные числительные *пцыкlуз* «одиннадцать», *тlоуцl* «двадцать», *пцыкlутху* «пятнадцать» и др. и слова *мелуан* «миллион», *мин* «тысяча», *мелард* «миллиард» переходят в разряд наречий при помощи суффикса -рэ: *пцыкlузрэ* «одиннадцать раз», *тlоуцlрэ* «двадцать раз», *минрэ* «тысячу раз».

Неопределенные количественные числительные *куэд* «много», *мащlэ* «мало», *тlэкlу* «немного» являются гнездом для образования наречий, выражающих значение количества или повторяемости действия, и наречий степени. От основ этих числительных наречия образуются разными суффиксами: *куэд-рэ* «много раз», *куэд-кlэ* «намного», *мащlэрэ* «немало раз», *мащlэкlэ* «на немного»: *Бей-Булат куэдрэ Къэбэрдей къуажэхэм зыцихуцыхъу ялъагъурт* (Ш. А.) – «Бей-Булата много раз (часто) видели рыщущим по кабардинским селам»; *Цlыхубзым и цхъэр къилэтри тlэкlурэ къыскlэлъыплъри иридзыхыжащ* (Iу.) «Женщина подняла свою голову и, немного посмотрев на меня (следом), опустила голову опять». *Мащlэрэ екlуэллакъым уащхэр джэд хъэрэмым* (Iу.) – «Немало раз (несколько раз) подходил Барсук к дохлой курице».

Присоединяясь к основе неопределенных количественных числительных *куэд* «много», *мащlэ* «мало», *тlэкlу* «немного», аффикс *кlэ* образует наречия степени: *куэдкlэ* «намного раз», *мащlэкlэ* «чуть-чуть, немного», *тlэкlукlэ* «чуть-чуть, немного». Наречие с суффиксом -кlэ от числительного *мащlэ* «мало» обычно употребляется с количественным числительным *зы* «один» – *зымащlэкlэ*: *Щlымахуэм зекlуэр куэдкlэ зэтебъауат* (Ш. А.) – «Зимой намного прекращались (становились реже) набеги». *И даматlыр тlэкlу мащlэу зэцlэхъаеу, и дамэ сэмэгур зымащlэкlэ япэ етауэ, зигъэуардэу кlуэрт* (Ш. А.) – «Чуть-чуть шевеля плечами, левое плечо немного подав вперед, солидно он ехал».

От основ разбираемой группы числительных наречия образуются также при помощи суффикса -у//уэ: *Щlалэ цlыкlур къызэрыгуэкlыу, ауэ екlуу хуэпат: мащlэу техъукlа клагуэ кlэ кlыхъ цlыкlур абы и пкъым хуэфlу цыгът* (Ш. А.) «Мальчик был одет просто, но добротнo: на нем хорошо сидел немного протертый длиннополый пиджачок» *Ерэхъу, си хъы-джэбз, ерэхъу, куэдду фlыш, тlэкlу едзакъэ* (Ш. I.) – «Ладно, моя девочка, ладно, очень хорошо, закуси немного»

Существуют наречия, которые образовались от слоевых числительных посредством присоединения к основе суффикса -у//уэ: *тlуащlэ* «двойной» – *тlуащlэу* «в два слоя, ряда», *щащlэ* «тройной» – *щащlэу* «в три слоя, ряда» и др. Сами слоевые числительные лексически ограничены – они обычно употребляются до пяти – шести, поэтому данная группа производных наречий немногочисленна.

Определительное наречие *зи* «никак» восходит к количественному числительному *зы* «один» и словообразовательному суффиксу -и: *Мыкъэ игу lэнэм зи хуэкlуэртэкъым* (Ш. А.) – «Мику никак не тянуло к столу (еде)».

10.4.5. Отглагольные наречия

В кабардино-черкесском языке существуют наречия, соотносительные с глагольными формами. Они образовались от деепричастий. Дериваты от глагольных наречий характеризуется тем, что лишены полностью или частично тех грамматических категорий, которые присущи деепричастиям как глагольной форме – лица, числа, времени: *Сэ гувауэ сыкъэкlуэжаш* – «Я пришел поздно».

Суффикс -у//уэ является синкретическим (ср. с деепричастием *сыгувауэ сыкъэкlуэжаш* – «Я вернулся запоздавшим», где *уэ* является показателем глагольной

формы).

Основным морфологическим признаком отглагольных наречий является, в отличие от деепричастий, их неизменяемость при связи с другими словами: *Шурлуащхэ кэуаггым зэпымычу кэухэрти клуэдыжырт, икли абы и ужьклэ тхэмыщклэу хуэна цлыхур мыгувэу кэыкэуэклэрт...* (Ад. т.). «Всадник беспрерывно заходил за курган и исчезал, после этого скоро (недолго) выходил человек, одетый бедно». *Сэ ар псэууэ кээсшэсын хуейт, абы дыдейхэм лэджэ яхуилуэтэфынут* (Iy.) – «Мне надо было его живым доставить, он мог бы нашим много кое чего порассказать».

Отдельные отглагольные наречия образуются и при помощи аффикса *-клэ*: *жэклэ* «бегом», *зэрымыщлэклэ* «случайно». *Зыри жамылэу абы фалгэ тлэклур лахырт, шэ тлэклу зэрыхуаклэу, хыдэжэбз цлыклур жэклэ клуэжырт.* – «Молча у нее брали чашу, как только нальют немного молока, девочка бегом отправлялась домой».

Выделяется еще одна группа отглагольных наречий, образованных путем присоединения к основе суффикса *клэклэ*. Они обычно употребляются при глаголах того же корня и усиливают выражаемое им действие: *щысыклэклэ* *щысащ* «порядком (долго) сидел», *лэжэжэклэклэ* *лэжэащ* «порядком (упорно) поработал», *уклыклэклэ* *уыклащ* «порядком (сильно) избил», *жэклэклэ* *жащ* «старательно (быстро) бежал».

10.4.6. Образование простых производных наречий от основ непроизводных наречий

Образование простых производных наречий от основ вторичных или собственно наречий происходит различными способами. Самым продуктивным является при помощи деривационных морфем.

При помощи суффикса *-клэ* наречия образуются: а) от некоторых непроизводных наречий, имеющих значение обстоятельства времени: *нобэ* «сегодня» – *нобэклэ* «на сегодняшний день, пока», *иджы* «теперь» – *иджыклэ* «в настоящее время, пока», *иджытсту* «сейчас» – *иджытстуклэ* «в данный момент». При этой семантике базового слова аффикс *-клэ* придает значение неопределенности: *Кыхьлыхьу гупсысэри иджытстуклэ* *имычэзууэ кэыщлэклащ* (Къаш. Хь.) – «А думать долго оказалось сейчас неуместным». *Шынагэуэ кэыхуэзышэ гуэри абыхэм щыщ зыми Гулэз иджыклэ хилгэгуэтэкъым* (Кл. Т.) – «Среди них Гулез пока что (в настоящее время) не видела никого, кто мог бы принести ей неприятности»; б) от вопросительно-относительного наречия *дэнэ?* «где? куда?» и производных от основ указательных местоимений суффиксом *-дэ* (*мыдэ-мыдэклэ*, *модэ-модэклэ*, *адэ-адэклэ*): *Жэмал шууэ зэ адэклэ, зэ мыдэклэ жэрт, зыгуэрхэм ятеклиерт...* (Къаш. Хь.) «Жамал верхом ехал то туда, то сюда, кричал на кого-то». *Дэнэклэ уклуэми мыр уи гэусэу кэыздехьэклэ* – «Куда бы ни ходил, носи это с собой»...; в) от производного наречия *зэ* «один раз» – *зэклэ*. Вновь образованное наречие, в отличие от производимой основы, имеет значение обстоятельства времени: *зэ* «один раз, однажды» – *зэклэ* «пока что, на сей раз, пока»: *Шэч хэмылгу зэклэ кээрабгэу сыкыщлэклащ* (Хь. Хь.) – «Безусловно, на сей раз я оказался трусом».

От производных наречий от *тлэу* «два раза» до десяти *пцлэ* «десять раз» образуются наречия посредством присоединения суффикса *ней/-нейрэ*: *цэней* «трижды», *тлонеийрэ* «дважды». *Лыжбыр тлонеийрэ* *и бгэуитлымклэ щызэхэт бжэ ашыкхэм я кум дэклащ, зэиплгыхьу* (Хь. Хь.). – «Старик рассматривая, дважды прошел между ульями, стоявшими по бокам».

Суффикс *и* является словообразовательным формантом для наречия от основ непроизводных и производных наречий:

а) он образует наречие *зэи* «никогда, ни разу» от наречия *зэ*: *Берычэт бесын, абыклэ зэи дыпхуэшэчакъым* (Ш. А.) «Спасибо, мы в тебе никогда не сомневались»;

б) присоединяясь к непроизводным наречиям *дапцэщ?* «когда?», *дауэ?* «как?», *дэнэ?* «куда? где?», *дэнэклэ?* «куда? в каком направлении?», этот суффикс образует наречия *дапцэщи* «всегда», *дауи* «как угодно», *дэни* «везде», *дэнэкли* «отовсюду»: *Дахэлинэ и щхэцыр дапцэщи* *и зэхуэдитлым нэсыхуэ зэрихуэныр, адрей кээнэр хуиту еутлымщ* (Хь. Хь.) – «Дахалина всегда заплетает свои волосы только до половины, остальные отпускает

свободно». *Гузэвэгзүэ псалъэ макъ, цыхубзхэм я гъы макъ дэнэклъ кылукурт* (К. Т.) – «Тревожные разговоры, плач женщин доносились отовсюду».

Наречие **зэуэ** «сразу, одновременно» по своему образованию восходит к наречию **зэ** «один раз»: *Набдзэгубдзэплъэу ззакъуэ кыхудэплъейри зэуэ и щхэр ирихъхыжащ* – «Прищуренными глазами он единственный раз посмотрел на них и сразу опустил свою голову».

10.4.7. Сложные производные наречия

Основными способами образования сложных наречий являются: а) сложение двух и более основ; б) редупликация одной и той же основы слов или разных основ; в) фразеологическая деривация.

10.4.7.1. Образование сложных наречий путем основосложения

Образование наречий путем сложения основ – результат объединения в одно словесное целое (наречие) двух и более основ. При образовании сложных наречий в одно слово могут объединяться как основы полные, которые не подверглись различным изменениям, так и неполные, которые претерпели какие-либо изменения морфологического или фонетического характера: *асыхъэту* «сразу, моментально» состоит из указательного местоимения *а* «тот» и имени существительного *сыхъэт* «час», *дэндеж* – *дэндей* «где» складывается из наречия *дэнэ* «где, куда» и послелога *деж//дей*.

При образовании наречий сложение основ происходит по-разному: а) без деривационной морфемы (*зымахуэ* – «на днях», *зыжэщ* – «недавно ночью»); б) один из компонентов сложного наречия содержит деривационную морфему (*асыхъэту* «сразу, моментально», *игъащлэклэ* «никогда, всегда»); в) обе основы содержат словообразовательные морфемы (*мыбдежым* «здесь»).

Наиболее продуктивны группы наречий, образованных путем сложения основ имен существительных, местоимений и числительных с другими словами.

а) сочетание количественного числительного *зы* «один» с существительными, обозначающими названия частей суток (*махуэ* – «день», *жэщ* – «ночь», *пцэдджыжъ* – «утро», *пыхъэщхъэ* – «вечер» и *гъэ* «год»: **Зымахуэ** *Гуащэлизэ ди деж кыщыщыхъам жидащ псым адрыщлэклэ щылэ бригадэм яххэм сэрмэлычыр къахыхъауэ* (Хь.Хь.) – «Когда на днях к нам Гуашализа заходила, она сказала, что лошади бригады, находящейся за рекой, болеют сибирской язвой». **Зыпцэдджыжъ** *хъэсэпэбжыхъым деж лы гуп щызэхэтт* – «Однажды утром на околице стояла группа мужчин».

По своему происхождению сложное наречие *зыщыллэ* «где-нибудь, куда-нибудь» примыкает к данной группе – оно восходит к количественному числительному *зы* «один» и существительному *щыллэ* «место». От основы данного сложного наречия образуются наречия *зыщыллэклэ* «где-нибудь, куда-нибудь», *зыщыллэ* «нигде, никуда» с помощью суффиксов **-клэ**, **-и**: *Зыгуэр кысхуэщэ жилэу сымаджэр дащэрэ лъэлуамы, хъэжым зыщыллэ клуэн идактым* (К. А.) – «Сколько раз ни просила больная привести кого-нибудь, хаджи не пошел никуда». *Си щхэклэ сэ зы мазэ хуэдизклэ си щхэр зыщыллэклэ щлэзмышэмэ, сымаджэ сохъу* (Ш.А.) – «Лично я, если примерно на месяц куда-нибудь не уезжаю, то заболеваю».

б) Путем сочетания местоименного корня с другими словами, при этом словообразовательными морфемами оформляется только второй компонент. Указательные местоимения *а* «тот» и *мы* «этот», присоединяясь к существительному *сыхъэт* «час», образуют наречия времени *асыхъэту* «сразу, в этот момент», *мысыхъэтклэ* «пока что, на этот раз»: *Псори асыхъэту щым хъуащ, я офицерхэр къащлэгубжъати* (Гу.) – «Все сразу успокоились так как офицеры накричали на них». **Мысыхъэтклэ** *сэ абы сыпэлъэщынукутым, ауэ зыгуэр кыхуэзгупсысынщ*, – *къэтэджащ Бажэр* (Гу.) – «Сейчас (в данный момент) я не смогу его победить, но соображу что-нибудь», – сказала Лиса.

Указательное местоимение *а* «этот» с послелогом *лъандэ(рэ)* образуют наречие *алъандэрэ* «до сих пор», а сложное наречие *апщлондэху* состоит из местоимения *а*, послелога *лъандэ* и суффикса **-ху**.

Образование сложного наречия *зэгуэрым* «когда-то, когда-нибудь, однажды» – результат соединения производного наречия времени *зэ* «однажды» и неопределенного местоимения *гуэр* «что-то, кто-то» в форме эргативного падежа. *Зыбжанэрэ щымылауэ зэгуэрым Жыраслэн кыгъээзэжащ, зи ныбжъ хэкIуэта хъыджэбз и гъусэу* (КI. А.) – «Долго отсутствовав, однажды Жыраслан вернулся со старой девой».

в) Путем соединения служебных слов с основами знаменательных частей речи. От имени существительного *нэ* «начало» в сочетании с частицей *нэхъ* в форме эргативного падежа образуется сложное наречие – *нэхъа-нэм* «раньше»: *Нэхъанэм Алджыкъуэ Гулэзыр зыкIи къыфIэIуэху-тэкъым* (КI. Т.) – «Раньше (в прошлом) Алджуко никак не интересовался Гулез».

Сложные наречия *дэндэж* «где?», *абдеж* «там», *мыбдеж* «вот там» и др. образуются посредством сочетания наречия места *дэнэ* «где» и местоимения 3 лица в форме эргативного падежа с послелогом *деж*: *Абдеж цхъэ фыщыт?* «Почему там стоите?»

г) Путем соединения более двух основ. Таких наречий немного, но они очень употребительны. Сложное наречие *нанIэзынIэм* «мгновенно» образовалось путем соединения следующих основ: существительного *нанIэ* «веки», количественного числительного *зы* «один», глагола *нIэн* «закрывать». Оно может иметь формы эргативного, обстоятельственного или послеложного падежей. *ЗынанIэзынIэм Анчокъу илэгъуащ езым и дежкIэ Гулэз псынцIэу къызырыкIуэр* (КI. Т.) – «В этот миг (моментально) Анчок увидел, как шла Гулез быстро в его сторону».

В составе сложного наречия *нэуфIыцIцхъэрыуэу* «вслепую, наугад» обнаруживаются имя существительное *нэ* «глаз», глагол *уфIыцIын* «закрывать», глагольная форма *цхъэрыуэу* «блуждая»: *«Люся и цIэщыгъуэщ», – жиIэри Ленэ зыкIылэтащ, и анэр абы нэуфIыцIцхъэрыуэу зэрыдэгъузавэм иризэгъуэу* (Къаш. Хъ.) – «Люсе в охотку», – сказала Лена и поднялась, возмущаясь тем, что ее мать вслепую (не понимая) беспокоилась за нее».

10.4.7.2. Образование сложных наречий путем редупликации одной основы или разных основ

Одним из продуктивных способов образования сложных наречий в кабардино-черкесском языке служит редупликация различных частей речи. При редупликации сочетание основ происходит по-разному. Одни соединяются без каких-либо связочных элементов (повтор асиндетический): *дахэ-дахэу* «как следует», *нобэ-пцэдей* «сегодня-завтра», *зэзэмызэ* «иногда, временами»; другие при помощи соединительных аффиксов (копулятивный повтор): *зэрызэ* «по одному разу», *жэрыжэкIэ* «бегом». В одних случаях повторяются одни и те же основы: *псынцIэ-псынцIэу* «быстро», *гуп-гупу* «группами», в других случаях разные основы: *адкIэ-мыдкIэ* «туда-сюда», *нобэ-ныжэбэ* «сегодня-сегодня ночью».

10.4.7.3. Образование сложных наречий путем удвоения одной основы

Образование сложных наречий путем удвоения основы происходит по-разному:

а) при редупликации обе основы оформляются словообразовательными элементами: *зэрызэ* «по одному разу», *тхуэрытхуэ* «по пять раз». Происходят от простых производных наречий *зэ* «один раз», *тхуэ* «пять раз» при помощи производительного аффикса **ры**. Тип малопродуктивный;

б) первый компонент не оформляется, а ко второму присоединяется суффикс **-у-уэ**: *Iыхъэ-Iыхъэу* «по частям», *IэнанIэ-IэнанIэу* «пятнисто», *чэзу-чэзууэ* «по очереди», *хуэм-хуэму* «медленно», *хуабэ-хуабэу* «тепло».

Употребительны в речи наречия, образованные от местоименных основ. К ним относятся личные местоимения первого и второго лица *сэ* «я», *уэ* «ты», *дэ* «мы», *фэ* «вы» и определительное местоимение *езы* «сам». При редупликации местоимений обе основы оформляются детерминативным суффиксом **-р**, а ко второму компоненту присоединяется суффикс: *сэр-сэру* «я сам», *уэр-уэру* «ты сам», *езыр-езыру* «он сам» и т. д. *«Къуажэри*

жыжъэжкъым, *сэр-сэру* сыкӀуэжыныщ, тхъэм фигъэпсэу», – и фӀэшу жиӀэри лӀыжъыр лукӀыжащ (КӀ. Т.) – «Селение уже недалеко, я сам дойду, дай бог вам здоровье», сказал старик всерьез и ушел».

Встречаются также наречия с редупликацией глагольных основ: *ундэрэбжъа-ундэрэбжъауэ* «бесчувственно, туповато», *кӀуэр-кӀэкӀуэжу* «идти, ехать с возвратом обратно», *жэрыжэкӀэ* «бегом», *хуей-хуэмейуэ* «нерешительно, хотя не хотя». *Ӏэцыхъуэхэм унафӀэ ящӀащ гъунэгъу колхозым етӀуанэ махуэм кӀуэр-кӀэкӀуэжу* я лӀжъыгъэм еплъыну (Къаш. Хъ.) – «Животноводы решили поехать на второй день с возвратом обратно в соседний колхоз и посмотреть их работу».

От основ существительных способом редупликации образуются сложные наречия времени, места, образа действия: *пцӀантӀэ-пцӀантӀэ-кӀэ* «подворно», *лӀэщӀыгъуэ-лӀэщӀыгъуэкӀэрэ* «веками», *кӀуажэ-кӀуажэкӀэ* «по селам», *ӀэпанӀэ-ӀэпанӀэу* «пятнисто», *гурэ-псэкӀэ* «сердцем и душой».

10.4.8. Идиоматические словосочетания, употребляемые в значении наречия

В кабардино-черкесском языке в значении наречия и в присущей ему синтаксической функции обстоятельства часто употребляются идиоматические словосочетания. По своему смыслу они являются одним словом – наречием (*щам и бжыхъу* «небрежно, поверхностно», *Ӏэхъуэгъуэ тегъэкӀыу* «небрежно, спустя рукава», *Ӏэцхъэлъащхъэр дэхъеуэ* «усердно, старательно»). *Ди директорри и шыкӀэ мафӀэ егъэуауэ нэсыныщ* (Щ. Ӏ.) – «И наш директор прибудет быстро».

10.5. Разряды наречий по значению (семантическая квалификация)

Несмотря на большое разнообразие наречий по значению, все они, показывая признак действий или другого признака, группируются вокруг двух основных типов: определительные и обстоятельственные. Определительные наречия обозначают качественные и количественные признаки действий, свойств, а обстоятельственные наречия – временные, пространственные, причинные и целевые отношения к ним.

10.5.1. Определительные наречия

Определительные наречия делятся на такие разряды: а) качественные наречия, б) количественные наречия.

10.5.1.1. Определительные качественные наречия

Определительные качественные наречия – один из самых продуктивных разрядов. К ним относятся наречия, образованные от прилагательных суффиксом -*у//уэ*. Они примыкают только к глаголам и глагольным формам (причастиям, деепричастиям): *Чачэ тыншу ищӀэрт сымаджэр хуэмыгъэхъужми, ар гугъу зэрехъар пцӀэншэу зэрымыкӀуэдынур* (КӀ. А.) – «Чача точно знала, что ее труд не пропадет даром, если даже она не сможет вылечить больного»...

Одной из характерных особенностей определительных качественных наречий является то, что они имеют степени сравнения и формы субъективной оценки: *Гъатхэпэ уэфӀыр зыгъэбжъыфӀэ удз зэмыфэгъу къомыр зым нэхърэ адрейр нэхъ дахэу, нэхъ гуа-кӀуэу къыизэщӀэрыуат* (Ш. А.) – «Украшавшие раннюю погожую весну разноцветные растения переливались один краше, приятнее другого». *ЕмыкӀу къысхуумыщӀ, си щӀалэ, дэ къулай дыдэу дыпсэуркъым* (Къэб.) – «Ты извини нас, мой мальчик, мы живем не очень богато». *ЕупщӀ, хэтхэ ящыщ?» – жиӀащ ццэху цӀыкӀуу фы-зым* (КӀ. Т.) – «Спроси, откуда он родом?» – сказала женщина тихонько».

10.5.1.2. Определительные количественные наречия

Количественные наречия определяют количество и меру действия, степень его интенсивности.

Определительные количественные наречия могут примыкать к глаголу, причастию, деепричастию, имени прилагательному, к качественному наречию: *Ауэ иджытсту Шорэ укьуклэ гъэщлэгъуэн къыщыхъуаш Зэчрей жиар* (Ш. А.) – «Но сейчас Шоре показалось очень интересным, что сказал Зачрей». *Уафэм хуэдэу лъащлэху и нэхэмклэ занцлэу къызэллэу, тлэклу мащлэу щлэгуфлыкълэу къэуващ.* (Іу.) – «Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небо, глазами, чуть-чуть улыбаясь, стал». *Астемыр кълэм куэдрэ клуэу и хабзэтэкъыми, илъагъу псори флэгъэщлэгъуэну еплът* (КІ. А.) – «Много раз (часто) Астемир в город не ездил, поэтому он с интересом рассматривал все, что ему попадалось на глаза».

Некоторые количественные наречия по значению близки к качественным. Этим объясняются случаи употребления одного и того же наречия в значении качественной и количественной характеристики слов. Например: *флыуэ мэлэжъэ* «хорошо работает» и *флыуэ дытэллэу* «ждали порядком», *хуабжъу зоклуэ* «ходит быстро» и *хуабжъу дахэу зоклуэ* «ходит исключительно красиво», *лейуэ матхэ* «пишет плохо» и *лейуэ сошынэ* «очень боюсь».

10.5.2. Обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия в кабардино-черкесском языке представлены несколькими семантическими разрядами. Особо выделяются два основных разряда, выражающих пространственные и временные отношения – это наречия времени и наречия места.

10.5.2.1. Наречия времени

В своем большинстве наречия времени обозначают дни и различное время суток: *нобэ* «сегодня», *ныжэбэ* «сегодня ночью», *дыгъуасэ* «вчера», *ныщхъэбэ* «сегодня вечером», *дыгъуэпшыхъ* «вчера вечером». Примеры: *Ныжэбэ ди деж нэху фыккыщекълынщи пцэдей нэху зыдэщым фэжъэ- жыныщ* (КІ. Т.) – «Сегодня ночью побудьте у нас и завтра на рассвете поедете»... *Ныщхъэбэ сыклуат мэжджытым, тхъэ гулэ, ефэндыххуэ Хъэжы-Исмел лъэкІ къимыгъанэу дигъэныщкълуаклэ* (Ш. А.) – «Я пошел сегодня вечером в мечеть, и большой эфенди Хаджи-Исмел отзывался о нас, честное слово, как мог».

В роли наречия времени выступают наречия местоименного происхождения, которые представлены в виде простой основы или сочетания различных местоимений и слов послеложного происхождения *дапцэщ?* «когда?», *сыт цыгъуэ?* «когда? в какое время?», *дапцэщи* «всегда», *сыт цыгъуи* «всегда, в любое время», *абы цыгъуэ* «тогда», *апцлондэху* «до тех пор», *алъандэрэ* «до сих пор»: *Ар дапцэщ атлэ къыщыхъунур?* – «когда? абы и ныбжъэгъур...» (Къаш. Хъ.) – «А когда же это случится?» – спрашивает его товарищ...; *Алъандэрэ гулътэ зрыхуимыщлам папцлэ, укълэтэжауэ Бэчмырзэ кълэт Наташэ.* (Ш. А.) – «Бекмурзе стало неловко, что он до сих пор не заметил Наташу и поднимает ее». *Дэбэч и кълыбыбжэр сытым дежи хэт цхъэкІи зэлухат.* (Ш. А.) – «Двери кузни Дабеча всегда были открыты для всех».

В роли наречия времени выступают также слова, обозначающие названия времен года и частей суток в форме послеложного и эргативного падежей: *щлымахуэм* «зимой», *пщыхъэщхъэм* «вечером», *жэщкІэ* «по ночам». *Гъэмахуэм щлынлэ-щлынлэкІэрэ псы цлыкълур йогъушыкълэж* (Іу.) – «Летом местами пересыхает речушка»; *ПцэдджыжъыкІэ лэжъаклуэ сыщыкълуэкІэ солъагъу псыхъэ клуэ фызхэр къэувылэурэ къызэрыскІэлъыплъыр* (Іу.) – «Когда иду на работу по утрам, вижу, как женщины, идущие за водой, останавливаясь, смотрят на меня»; *Жэщми ващ, махуэми ващ. Пцэдджыжъыым пщым плъаклуэ хуи-гъэкІуаш* (Іу.) – «И днем пахал и ночью пахал. Утром князь послал к нему наблюдателя».

К наречиям времени следует причислить такие словосочетания с послелогом *къэс*, *лъандэрэ*, *пцлондэ*: *иджыри къэс* «до сих пор», *нобэ лъандэрэ* «сегодня весь день», *гъатхэ лъандэрэ* «с весны». *Иджыри къэс лэжъаклуэ дэмыкІа щылэжкълым, ауэ хэт хъуну а машинэм дэлъеар?* (Іу.) – «Нет никого, кто бы не вышел на работу до сих пор, но кто же будет этот прыгнувший в машину?»; *Дыгъуасэ лъандэрэ зэпымыуэ къешх уэшхыр щлы*

щхьэфэм тету ирижэрт (Къэб.) – «Дождь, шедший беспрерывно со вчерашнего дня, бежал по поверхности земли».

К разряду наречий времени относятся производные отглагольные наречия: *хэлуэтауэ* «поздно», *гувауэ* «поздно», *мыгувэу* «скоро», *зэпымыууэ* «беспрерывно»: *Дахэлинэ мыгувэу* илгагъунут «*Фи пцэдджыжъ фЫуэ*» *жиЛэу* Албэч лэжъяклуэхэм яхыхьэу. (Хь. Хь.) – «Скоро Дахалина должна была увидеть, как Алибек придет к рабочим и поздоровается: «С добрым утром.»; *Мурат гуапэ ин щыхъуаш икIу* *Лэбэри зэпымыууэ* абы кыигъаблэ уэздыгъэ *цIыклур кыИлахаш* (Къаш. Хь.) – «Мурат, довольный этим, взял у нее лампочку, которой она беспрерывно (все время) светила».

Некоторые наречия времени представляют собой редупликацию основ, причем обе части удвоения бывают 1) с одинаковыми основами, второй компонент оформляется аффиксами *-у//уэ*, *-кIэ*: *зымахуэ-зымахуэкIэ* «когда-нибудь», *зэман-зэманкIэрэ* «временами», *цIэх-цIэху* «скоро»; 2) с разными и неоформленными: *нобэ-ныжэбэ* «не сегодня, так сегодня ночью», *пцэдей-пцэдеймыщкIэ* «не завтра, так послезавтра», 3) с основами антонимами, в которых второй компонент оформляется аффиксом *-ми*: *гува-цIэхами* «рано или поздно». Примеры: *«Лэцхэм я гъушанIэр nobэ-пцэдей кыизэфIэдмыгъэуэжсу хъунукъым», – жиIаш Мурат.* (Къаш. Хь.) – «Мы должны восстановить укрытие для скота сегодня-завтра», – сказал Мурат». *Ар и нэбжъыц кIыхь тIеяхэм кыицIэплъу цIэх-цIэху кыизэплъурэ щатэрт* (Iу.) – «Он часто смотрел на меня из-под длинных, загнутых вверх ресниц и вздыхал». *Гува-цIэхами* абы и бзэу мыхъумыщIэр, укIытэншэр кыисчыныц (КI. Т.). – «Рано или поздно я вырву его негодный, бесстыжий язык».

В роли временных наречий выступают также слова и словосочетания: *япэм* «раньше», *пцэдджыжъым жъыуэ* «утром рано», *куэд цIауэ* «давно», *асыхъэту* «сразу, в этот миг», *языныкъуэм* «иногда». *Асыхъэту* хъыджэбзхэр зэцIэкIыищ, *цIалэ гъурыр боф жиЛэу и лъабжъэм цIэтхэм къахэхуаш* (Iу.) – «Сразу (моментально) девушки закричали, худощавый парень упал на стоявших внизу». *Пцэдджыжъым жъыуэ* гъуэгуи къащыхуэза гу гуэрым зыкърадзэри я къуажэ къэкIуэжаш зэныбжъэгъуитIыр. (КI. Т.) – «Утром рано на дороге они сели на встретившуюся подводу, и приехали два друга в свое село».

10.5.2.2. Наречия места

Внутри обстоятельственных наречий места отчетливо выделяются две группы: наречия, обозначающие место действия, и наречия, обозначающие направление действия.

Наречия первой группы обычно отвечают на вопросы *дэнэ?* «где?» или *дэнэ деж // дэндеж* «где?» примыкают к глаголам со значением нахождения и прибывания: *адэ* «там», *дэнэ?* «где?», *дэни* «везде», *абдеж* «там», *жыжъэу* «вдалеке». *Гъуэгушхуэм жыжъэу* кыдэзыдыха машинэр щилъа-гъум къэувыIаш... (Къаш. Хь.) – «Увидев машину, свернувшую с большой дороги далеко, он остановился»... *Дэнэ* зэхыхъэ щылэми сэ кысщытхъуу, *адрейхэм емыгугъу къахэкIми си щапхъэр хукъуагъэплъу цIа-дзэ* (Къаш. Хь.) – «Где бы ни были сходы, везде меня стали хвалить, и другим меня ставили в пример»; *Лыжъым и къуэм зыщIынтIу* цылэжъэн имыдэу унэм кыигъээзжаш (Iуэр.) – «Сын старика, не желая работать нигде, вернулс домой».

Ко второй группе относятся наречия, примыкающие к глаголам со значением направления действия и отвечающие на вопросы *дэнэ?* «куда?», *дэнэкIэ?* «куда?», *дэндежкIэ?* «в какую сторону? куда?», *модэкIэ* «туда», *зыщIынтIу* «нигде», *зыщIынтIэкIэ* «куда-то», *ипцэкIэ* «вверх». *Псы цIэгъэлъэданIэ лъагъуэхэр дэнэкIу* зэбгъышаш... (Къаш. Хь.) – «Оросительные борозды раскинулись повсюду...»; *БгымкIэ къриху жъым зыр зым кIэлъы-кIуэу пшэ мащIэ телъыр ицхъэрэкIэ ехь* (Хь. Хь.) – «Ветер с гор погнал одну за другой редкие пучки туч вниз».

Часты случаи, когда одно и тоже наречие выступает в роли выразителя и места, и направления действия: *дэнэ?* «где? куда? откуда?», *зыщIы-нIэ* «где-то, откуда-то», *зыщIынтIу* «нигде, ниоткуда». Примеры: *Абы и ужькIэ си анэм еупцIаш: «Си къуэр дэнэ щылэ?»* (Iу.) – После этого он спросил мою мать: «Где мой сын?» *Езыри сэ кыизоупцI,*

унащхэмкIи доплъей: «Папкэ, **дэнэ** уэ уи фэ бэлътор здэпхьар?» (Iу.) – «Папка, куда ты дел свое кожаное пальто?» – спрашивает и он меня».

10.5.3. Наречия причины

Группа наречий причины в кабардино-черкесском языке малочисленна. Это объясняется тем, что причинные отношения в большинстве случаев выражаются провербами **щIэ-** / **щIы-**: *щIеджэр* «почему он учится», *щIэлэхъуэр* «почему он является пастухом».

Наречием причины являются *щхэкIэ* // *щхэ* «зачем, почему»: *Елдар пашэ хъун? Щыгугъ!* – *Плъагъункъэ, щхэ унIащIэрэ?* (КI. А.) – «Что Елдар станет руководителем? Жди! – Увидишь, зачем спешишь?»

10.5.4. Наречия цели

В кабардино-черкесском языке целевые отношения в большинстве случаев передаются инфинитивом в форме обстоятельственного падежа. Целевые отношения выражаются наречиями очень редко. Наречия *щхэ* // *щхэкIэ* «зачем, с какой целью» причинное значение совмещают с целевым, поэтому они функционируют в языке и как наречия цели: *Сыт бжыхъым ар щIепсылэр, Мухъэмэд ? – Къэмыуэн щхэкIэ.* – «Почему ты подпорку ставишь к плетню, Мухамед? – Затем, чтобы не развалился».

11. Служебные слова

Слова языка по своему грамматическому статусу не одинаковы. Одни являются самостоятельными, другие служебными. По этому принципу в языке выделяются два класса слов: самостоятельные и служебные. В основу деления слов на самостоятельные и служебные лежат три исходных положения: реальное значение, морфологический признак и синтаксические особенности. Служебные слова не обладают ни лексическим значением, ни морфологическим, ни синтаксическими признаками. Они в языке выполняют лишь функции выражения грамматических отношений между словами, между частями предложения.

К служебным частям речи в кабардино-черкесском языке относятся: послелого, союзы, частицы. Междометие как часть речи не легитимен. От знаменательных частей речи междометие отличается отсутствием номинативности, от служебных – отсутствием функции связующего звена в словосочетании и предложении. Его роль в языке заключается в выражении эмоций и волевых побуждений.

Самостоятельные слова являются основным материалом для построения предложения. Предложение может состоять из одних самостоятельных слов. Например: *хъэр мэбанэ* «собака лает», *сэ пэшым сыщIэсщ* «я сижу в комнате», и т. д. Но предложение не может состоять из одних служебных слов. Например: *лъандэрэ* «с», *деж* «к, у, от», *ауэ* «но», *атIэ* «так» ничего конкретного не выражают. Служебные слова не являются ни названиями предметов и явлений, ни признаками кого-чего-либо, и поэтому в предложении они не могут функционировать в качестве членов предложения. Самостоятельные слова по своей семантике конкретны, служебные абстрактны. Последние употребляются в языке для выполнения служебных функций. Так, например, в предложении: *Гур куэбжэм деж щытщ* – «Повозка стоит у ворот» послелог *деж* «у», входящий в состав предложения, выражает отношение между существительным *куэбжэм* «ворот» и глаголом *щытщ* «стоит» (отношение между обстоятельством и сказуемым). В предложении: *Сэ зэлущIэм сыщIащ, ауэ Мурат абы щыслъэгъуакъым* – «Я был на собрании, но Мурата там не видел» союз *ауэ* связывает две части предложения.

Служебные слова в кабардино-черкесском языке исторически восходят к самостоятельным словам с конкретными лексическими значениями. В процессе длительного развития языка некогда самостоятельные слова, «оказационально» выполняя в предложении служебные функции, с течением времени теряют свои первоначальные лексические значения и постепенно переходят в разряд служебных

частей речи.

По степени потери лексических значений (десемантизации) служебные слова в кабардино-черкесском языке можно разделить на две группы. Первая – это слова, которые полностью потеряли свою связь со словами, от которых они произошли. Например: послелого: *деж* «с, у, от», *лъандэрэ* «с», *пцлондэ, пцлондэклэ* «до», *щыщ* «из»; союзы: *е* «или», *ауэ* «но», *хъэмэ* «либо»; частицы: *кхъылэ* «пожалуйста», *хъэуэ* «нет», *нымлэ* «да», *сымэ* «с, вместе с» и др. Неизвестно, от каких слов они ведут свое начало.

Вторую группу служебных слов составляют такие слова, у которых первоначальный облик уже «поблек», но можно без особого труда их возвести к словам, от которых они произошли. К таким служебным словам можно отнести послелого: *хуэдиз* «около», *щхъэклэ* «о, для», *панцлэклэ* «о, ради», *флэкла* «кроме», *нэс* «до, туда», *къэс* «до (сюда)», *нэгъунэ* «вплоть до»; союзы: *арщхъэклэ* «но», *аби* «и», *сыт щхъэклэ жыплэмэ* «потому что», *ауэ щыхъуклэ* «раз так» и др.; частицы: *ерэхъу, улэ, еуэ* и др. Послелог *хуэдиз* «около», например, восходит к наречию *хуэдэ* «подобный», *панцлэ // панцлэклэ* «для, ради, о, из-за» восходит к основе существительного *пцлэ* «цена», послелог *нэгъунэ* «вплоть до» – к основе *гъунэ* «межа, граница», послелог *щхъэклэ* «из-за, о, ради, для» – к вопросительному местоимению *щхъэ?* «зачем?»; частицы: *улэ* «давай» восходит к глаголу *елэ* «тяни», *ерэхъу* «ладно» – к глаголу *ипрэхъу* «пусть будет». Полностью десемантизированных групп служебных слов в современном языке количественно гораздо меньше, чем производных, у которых, хотя и слабо, но прослеживается первоначальное лексическое значение.

Следовательно, служебные слова – это ничто иное, как слова, в разное время оторвавшиеся от различных частей речи, и в современном языке представляющие собой застывшие их формы. По основам, к которым восходят, и по прежним их словообразовательным и словоизменительным признакам они не одинаковы. Одни восходят к именам и местоимениям, другие к глаголам и наречным словам. Некоторые служебные слова, происшедшие от разных частей речи, в настоящее время сохраняют прежние словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Однако они живых связей со словами, от которых ведут свое начало, уже не имеют. Например: *Уэр панцлэ сэ сымышцлэн зыри щылэкъым* и *Уэр панцлэклэ сэ сымышцлэн зыри щылэкъым* – «Ничего нет такого, чтобы я ради тебя не сделаю». В последнем предложении в послелого *панцлэклэ* окончание инструментального падежа *-клэ* уже не имеет прежнего значения, оно только пережиточно сохраняется при нем. Некоторые из послелогов употребляются только в инструментальной падежной форме. Эти послелого, отделившись от падежной системы в этой форме, «застыли» в прежнем виде. Например: *щхъэклэ* «для, ради, из-за, о», *къыхэкклэ* «исходя из», *дежклэ* «к, в сторону», *дежклэ* «для». У этих послелогов окончание *-клэ* прежнего значения уже не имеет. Префикс органической принадлежности *и* (*йы*) при послелого *деж* может присутствовать, а может и отсутствовать. От этого в его значении ничего не меняется. Ср. *Сэ унэм деж сыщытц* – *Сэ унэм идеж сыщытц* «Я стою у дома». Кроме собственно-послелогов для выражения различных локальных значений в кабардино-черкесском употребляются имена существительные, которые являются названиями частей тела. К ним относятся: *ищхъэ* «наверху», *ипэ* «впереди», *ибгъу* «рядом», *иклуэцл* «внутри», *игупэ* «впереди» и т. д. Обычно они употребляются с посессивным префиксом *и-*. Эти служебные имена в необозримом будущем имеют потенциальную возможность к переходу в собственно-послелого, постепенно лишаясь своих лексических значений.

Служебные слова могут быть базой для образования новых слов. Они также не лишены формообразовательных способностей.

Так, союз *арщхъэклэ* «но» образовался из сложения указательного местоимения *ар* «тот» и послелога *щхъэклэ* «для, ради». Наречие *апхуэдиз* «столько» образовано от указательного местоимения *а* «тот» (в эргативе *абы*) и послелога *хуэдиз*: *абы хуэдиз* → *абхуэдиз* → *апхуэдиз*; в результате сложения числительного *зы* «один» и частицы *гуэр* образовалось неопределенное местоимение *зыгуэр* «некто», наречие *аркъудей* «даже» – результат сложения указательного местоимения *ар* «тот» и ограничительной частицы *къудей* «лишь», наречие *мыбдеж* образовался путем сложения указательного местоимения *мыбы* и послелога *деж* (*мыбы деж* → *мыбдеж*). А частицы *плэрэ, щэ, -къэ, -млэ, -ла*, употребляемые с глагольными формами, выражают отношение говорящего к действительности, т.е. модальность и предикативность.

11.1. Послелогои

Послелогои – одна из характерных структурных особенностей кабардино-черкесского языка. Будучи служебными словами, они сочетаются с именами, местоимениями, именными формами глагола, некоторыми наречиями и семантически выражают новые оттенки субъектно-объектных отношений и тем самым в языке восполняют ущербность падежной системы.

Занимая место после сопровождаемых ими слов, они выражают различные грамматические отношения: пространственные, временные, причинные, целевые, ограничительные, сравнительные, определительные и т. д. Они могут также указывать на источник, на выделение части целого, на соучастие в каком-либо действии. Послелогои часто связываются с сопровождаемыми словами с помощью поссессивных префиксов. Кабардино-черкесские послелогои главным образом управляют эргативным падежом. Однако бывают случаи, когда послелогои следуют за абсолютивом, косвенным и инструментальным падежами. Например: *Ллыжъ нэгъунэ шыгъажэм щылащ* – «На скачках были вплоть до стариков»; *А гъуэгумклэ флэкла мэзым узэпхрыкыфынутэкъым* (КІ. Т.) – «Кроме как этой дорогой через лес нельзя было пройти».

В кабардино-черкесском языке довольно развитая система послелогов. Одни из них восходят к прошлому состоянию языка (например: *деж / дей, щыщ, пщлондэ, лъандэрэ*), другие – продукт более позднего развития. Послелогои, выражающие пространственные отношения, ничто иное как названия различных частей тела, выделившиеся из языка в специальном назначении послелогов и сохранившие в застывшем виде прежние формы слов. Они всегда связываются с сопровождаемым словом с помощью поссессивных префиксов.

Примечание. В кабардино-черкесском языке послелог может выступать в качестве вспомогательного члена составного сказуемого. В таком случае послелог оказывается в самом конце предложения и принимает предикативный аффикс. Например: *Нобэррей щылащ хъэщлэхэм ящыщт* – «Сегодняшний парень был из гостей». *Ар къыздэкъуар ди дежщ* – «Он приехал к нам». В такой ситуации послелог выполняет другую грамматическую функцию. Послелог также может стоять в начале или в конце предложения при инверсии. Например: *Куэдрэ щыхъэщлащ Алкар Къэзбэч деж* (КІ. Т.) – «Долго гостил Алкар у Казбека». *Пщэдей щыгъуэщ сэ сыщезъэнур* «Завтра я уеду».

11.1.1. Морфологическая характеристика послелогов

По своему морфологическому составу послелогои можно разделить на две группы: на первичные (первообразные) и вторичные (производные). К первичным относятся: *(и) дей// (и) деж* «у, от, около, возле», *дежклэ¹* «в сторону, к»; *(и) дежклэ²* «для»; *щыщ* «из»; *лъандэрэ* «с»; *пщлондэ* «до»; *нэгъунэ* «до, вплоть до»; *нэужь/ нэужьклэ* «после»; *щыгъуэ* «в, во время»; *пашлэ // пашлэклэ* «для, ради, из-за»; *хуэдиз/ хуэдизклэ* «около»; *щхъэклэ* «для, ради, из-за, за»; *щылыкэ* «до»; *нэмыщлэ/ нэмыщлэклэ* «кроме, помимо». Эти послелогои утратили свою лексическую самостоятельность и полностью превратились в формально-грамматические показатели.

К вторичным следует причислить: *нэс// нэсклэ* «до (туда)»; *къэс// къэсклэ* «до (сюда)»; *иклуэцклэ* «кроме, помимо»; *къыхэкклэ* «исходя из»; *унлэклэ* «вместо»; *игупэклэ* «впереди»; *ипашхъэ* «перед»; *ищлагъ* «под»; *ипэклэ* «впереди»; *ибгъуклэ* «рядом»; *щыгъуэ* «вместе с, с». Послелогои второй группы являются переходной формой от полнозначных слов к первой группе, т. е. к первичным. Данные послелогои восходят к различным частям речи и происхождение их прозрачно. Например: от глагольных основ происходят послелогои *къэс* «до сюда», *нэс* «до туда», *флэкла* «кроме», *къыхэкклэ* «исходя из, из»; от существительных: *ипашхъэ* «перед», *унлэклэ* «вместо», *ипэклэ* «перед», *иклуэцклэ* «внутри, в», *ибгъуклэ* «рядом», *ищлагъ* «под» и т.д. Все они сохранились в формах, в которых застыли и сейчас выполняют функцию послелогов.

11.1.2. Грамматическая характеристика послелогов

Послелог *дей / деж* «у», «к», «в», «от». Употребляется с именами, местоимениями и именными формами глагола, управляет эргативным падежом. В зависимости от семантики слова, которого сопровождает, может выражать различные пространственные и временные отношения. Например: *Бжъыхъэм, сентябрым икухэм деж, банэкIэ зэцIэкIа псы-луфэм деж сэ шэмэджкIэ гъэужь щыпызупщIырт* (Къ. Хь.) – «Осенью, в середине сентября, у поросшего колючками берега реки я косил жухлую траву»; *ИлгъабжъэмкIэ ерагъыу узыхыкIыф мэзыр чыцэкIэ уфэбгъуат, языныкъуэм деж щIым утеувэмэ, псы къызыпхивырт* (КI. Т.) – «Внизу, в заросшем кустарником лесу, в отдельных местах, когда наступаешь, выступала вода»; *Дыгъэр щыкъухъэм деж бзухэр щым мэхъу* (КI. А.) – «К закату солнца птицы умолкают»; *Сталинград дей къыщыцIэдзауэ, а ротэр Берлин нэс кIуаш, цIагъуэ хэмыщIу* «От Сталинграда до Берлина прошагала эта рота без особых потерь»; *луашхъэмахуэ лъапэм и деж лыжэхэмкIэ зэхъзэхуэ щекIуэкIырт* (Щ. I.) – «У подножия Эльбруса проходили соревнования по лыжному спорту»; *Ар пщыхъэщхъэхуэкIуэ хъуауэ ди деж къэсащ* (Щ. I.) – «Он к вечеру прибыл к нам»; *Мыпхуэдэхэм деж Къаней ешаеллауэ нэху къекIырт* (Къ. Хь.) – «В таких случаях Каней утром просыпался еще не отдохнувшим»; *Си дей унакIуэрэ тхылъыр къэпхъыжмэ, хъунт.* – «Было бы хорошо, если бы ты пришел ко мне и забрал книги».

Послелог *дейкIэ / дежкIэ*¹ «к», «в сторону» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает направление действия к объекту, лицу. Например: *Сэримэ Елдар дейкIэ еплгэкIырт* (КI. А.) – «Сарима смотрела в сторону Елдара»; *Мис иджы, плгэгъуркъэ, – щакIуэм зрыуэнтIэкIащ лэгъупэжъым дежкIэ, – и лIыгъэкIэ аслгэным хуэдэу, и*
 п с ы н
цIагъэкIэ къэплгэным ещхъу, гъусэ сыхуейти сыккъэлуаш уи деж (Къаш. Хь.) – «Вот теперь, видишь ли, – охотник повернулся к старшему чабану, – мне нужен был сопроводитель, мужеством подобный льву, быстротой на тигра, и потому пришел к тебе»; *ЛIым гъуэгубгъум Iут жыгъыжъым дежкIэ цунэтIащ, абы и шыр ирипхын мурад илэу* (Ад. т.) – «Мужчина направился к старому дереву, стоящему у обочины дороги, с намерением привязать к нему свою лошадь».

Послелог *дейкIэ / дежкIэ*² «для». Омонимичен предыдущему послелогу. Сочетается также с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает значение: в отношении кого-чего-л., в пользу кого-чего-н. Например: *Си дежкIэ Iуэху тынштэкъым абы занщIэу епсэлгэныр* (КI. А.) – «Для меня не было легким делом открыто говорить с ним». *Лу дежкIэ нэгъузыужьышхуэт мэкъугум утесу, гуащэри уи гъусэу, бээрэм укIуэныр* (КI. А.) – «Для Лю было большим наслаждением, сидя на возе сена, вместе с княгиней ехать на базар»; *Ар дэтхэнэ зым дежкIу белджылыт* (Къаш. Хь.) – «Это для каждого было ясно»; *Дэтхэнэ къуажэдэхэм я дежкIу налуэт Мысост лей зэрихъуэ, хъэаб мыухыжыр лIыщIэхэм ятрилгъхъуэ зэрыщытар* (Къаш. Хь.) – «Для каждого селянина было ясно, что Мисост издевался над батраками, создавая тяжелые условия жизни».

Примечание. В кабардино-черкесском языке имеются два омонимичных послелога «*дежкIэ*». Видимо, источник происхождения у них один, но позже они разошлись по значениям.

Послелог *щыщ / ящыщ* «из». Употребляется с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает генетивные отношения, указывая на источник, происхождение, на выделение части из целого. Например: *Хъэр IуахыжакIэт, гуэдзым щыщуи къэнэжа щыIэтэкъым* (Iу.) – «Рожь уже была убрана, из пшеницы оставалось немного». *Нэгумэм итхыжа уэрэд пщыкIуийм щыщу ди зэманым, нэхъыжхэм жалгъыф, къэсар уэрэдитху къудейщ.* (Ш. А.) – «Из восемнадцати песен, записанных Ногмовым, до нас дошли только пять, исполняемых теперь только старшим поколением»; *Махуэ зыбжанэ хъуауэ Къетыкъуэхэ ящыщ дунейм къытехъауэ слгэгъуакъым* (Къ. Хь.) – «Из Кайтуковых уже несколько дней я никого не видел». *Псыгуэнсу щыщ цIалищи, экзаменхэр фIуэ ятри, ГИТИС-м цIэтIысхъахэт* (Iу.) – «Из Псыгансу три парня тогда хорошо сдали экзамены и поступили в ГИТИС»; *Фызым къыхъахэм щыщ Iэнэм къытригъэувэри пэшым цIэкIыжащ* (Iу.) – «Женщина поставила на стол кое-что из того, что принесла, и вышла из комнаты»; *Фызыжъыр къэпсалгэри жилащ: джэдыгум щымыщ щадыжрэ-тIэ?!»* (Ад. т.) – «Старуха сказала: «Разве на шубу накладывают латку из другого материала?!»; *Дэ тщыщ*

нобэрей зэлуцлэм зыри нэклуэфынукуым (Щ. I.) – «Из нас никто на сегодняшнее собрание не сможет пойти».

Примечание. Послелог *щыц* – один из своеобразных (загадочных) послелогов. Генезис его не совсем ясен. Он может принимать на себя почти все релятивные аффиксы: может склоняться, изменяться по временам. К нему могут присоединяться лично-притяжательные префиксы, союзные суффиксы, отрицательные префикс и суффикс, суффикс множественно-сти и т. д. Можно полагать, что он именно происхождения.

Послелог *лъандэрэ* «с» употребляется с существительными, имеющими семантически значение времени, с указательными местоимениями, с обстоятельственными причастиями, с наречиями времени. Указывает на исходный момент, исходную точку во времени. Например: *А махуэм лъандэрэ мэлыхуэм гупсысэу ялэр Зарэт* (КI. Т.) – «С того дня овцеводы переживали за Зару»; *Кавказым ис лъэпкхэм ижъ-ижъыж лъандэрэ къадогъуэгурыкхуэ эпическэ культурэшхуэм я фыпхэм ящыц зыуэ ялхытэ нарт эпосыр* (Ш. А.) – «С древнейших времен кавказским народам известна одна из сокровищ мировой эпической культуры – нартский эпос». *Дыгуасэ лъандэрэ мыувылуэуэх къошх* (Къаш. Хъ.) – «Со вчерашнего дня непрерывно льет дождь». *Рамэзан зэрэжъэ лъандэрэ и ыхьыхэм и хыбар яцлэртэкхым* (Iy.) – «Со времени отъезда Рамазана его родственники ничего о нем не знали»; *Абы лъандэрэ илэс куэд дэклац* (КI. Т.) – «С этих пор прошло много лет».

Послелог *пцлондэ / пцлондэкIэ* «до» сочетается с именами существительными, имеющими семантические значения времени, с вопросительным местоимением *сыт* «что», с обстоятельственными причастиями, с наречиями времени. Указывает на предел во времени. Например: *Нэхуц пцлондэ дыщысынц мыбдеж, – жилац хуэм цыкхуэ Дэгъуэтлыкхуэ, пхэдакхэжхым гупсэхуэ егъуэлхылуэрэ* (КI. Т.) – «До рассвета мы останемся здесь, – сказал тихо Доготлуко, осторожно прилегая к пылающему кряжу»; *Пцэдей пцлондэ къызэжъэ* (Iy.) – «Подожди меня до завтра». *Укхэкуэжыху пцлондэкIэ сэ луэхур и клэм нэзгъэсынц* (Къаш. Хъ.) – «До твоего приезда я доведу дело до конца»; *Сыт пцлондэ укхэтыну уежъэрэ?* «До каких пор будешь отсутствовать в поездке?».

Послелог *и гугъу* «о» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. С сопровождаемым словом указывает на предмет суждения, предмет разговора. Например: *Ищыхуэхэм зэпымыуэ щакхуэ гуэрэм и гугъу ящлырт* (Къаш. Хъ.) – «Животноводы постоянно рассказывали о каком-то охотнике»; *Лу и гум къэкхыжащ: гуащэр щегъэжхым цыгъуэ пхуантэ цыкхуэ гуэрэм и гугъу ищлат* (КI. А.) – «Лю вспомнил: когда уезжала княгиня, говорила о какой-то шкатулке»; *Абы и гугъу къысхуомыцI – согузавэ сэ* (Iy.) – «Не говори ты мне о нем – я переживаю». *Пэжщ, сэ абы жила псори зэхэсхакхым, ауэ Каппаррэ Суюнчбийрэ фоч гугъу ящлац* (Iy.) – «Правда, я всего разговора не слышал, но Каппар и Суюнчбий говорили о винтовке».

Послелог *цыгъуэ* «в», «во время» сочетается с именными существительными, имеющими семантически значение времени, а также с обстоятельственными причастиями. Выражает момент, время совершения действия. Например: *Хэку зауэшхуэм цыгъуэ ди сэлэхэм пхуэмылуэтэжын хуэдэ лыгъэ зэрахъащ* (Ад. п.) – «В Великую отечественную войну наши солдаты совершили беспримерный подвиг»; *Уэ укхыщыкхуэжам цыгъуэ сэ унэм сыщылакхым* (Iy.) – «Во время твоего приезда меня не было дома»; *Си шыххур къыщалхуам цыгъуэ сэ илэсибл сыхуат* (Щ. I.) – «В момент рождения моей сестры мне уже было семь лет».

Послелог *папцлэ / папцлэкIэ* «ради», «для», «из-за», «о» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Управляет эргативным падежом. Указывает на причину, на цель, на предназначение чего-л. кому-чему-н.; побуждение к какому-л. действию в пользу кого-н. Например: *Клэцху жыпхэмэ, нобэрей зэныкхуэкхым текхуэныгъэр къыщыхын папцлэ Мыхэмэт и гъацлэм и зэхуэдитхыр итынт* (КI. Т.) – «Короче говоря, чтобы победить на сегодняшних соревнованиях, Махомет отдал бы половину своей жизни»; *Лыгъэм ныбжэ илэкхым, – жицлэри кхыргъэжъащ мы хыбарыр зи цхъэ тхуэ майор цлалэм, Алий папцлэкIэ псоми дгъэв гузэвэгъуэр нэх ттригъэун и мураду* (Къэб.) – «Мужество не знает возраста, – начал седой, но молодой майор этот рассказ с надеждой смягчить тревогу товарищей из-за Али»; *Цыхум ягу имыкхыж ухун папцлэ зы луэхуэуэ закхуэц узыхуейр* (Ш. А.) – «Ради того, чтобы тебя люди помнили, нужно совершить одно

лишь благородное дело»; *Мусэ дэтхэнэ зыуэ фермэм кэссым Зинэ **панцлэ** еунцл хэунут, ауэ и гурылхэр кэацлэн гурыцхэуэм кызыэтригэувылэрт* (Къаш. Хь.) – «Муса мог бы справиться о Зине, но боялся выдать себя». *Уэр **панцлэ** сэ сымыцлэн цылэккыым, Ленэ (Iy.)* – «Нет ничего, что ради тебя я не сделал бы, Лена»; *Уи гур здэпхэм уи лэр лээлэсын **панцлэ** абы ерыцу хуцлэккун хуейц* (Кл. Т.) – «Для достижения заветной цели нужно очень сильно стремиться к нему». *Ар хээгэуэллыгэуэм кызыэрихэллам **панцлэкклэ** Лу икбуклэ гуфлэрт* (Кл. А.) – «Из-за того, что он успел к свадьбе, очень радовался Лю».

Послелог цхэкклэ «для», «ради», «из-за», «о» сочетается с именами, местоимениями, отглагольными именами, наречиями времени. По значению синонимичен послелогу *панцлэ*. Выражает цель, причину, предназначение, указывает на то, что составляет предмет суждения. Например: *Селекционнэ станцым **цхэкклэ** Салим гуэдз жылэ кэп кэишат* (Къаш. Хь.) – «Для селекционной станции Салим привез мешок семян пшеницы»; *Емланэ махуэм уэтэрым кэзакъ шу гуп кытелгадэри Кэемэт **цхэкклэ** кэахэупцыхьащ, ауэ абрэджыр илээгэуауэ зыми зригэуумысаккыым* (Кл. Т.) – «На второй день на стан животноводов заехала группа казаков-всадников справиться о Кемате, но никто не признался, что видел абрека»; *Уэр **цхэкклэ** сэ сымыцлэн цылэккыым, си ныбжээгэу пэж* (Iy.) – «Нет ничего такого, чтобы я не сделал ради тебя, мой верный друг»; *Лажэ уимылэу укызыэрыклуэжам **цхэкклэ** псори догуфлэ* (Iy.) – «Мы радуемся из-за того, что ты вернулся невредимым»; *Хэт **цхэкклэ** укэккыа мыбы, ди адэ? – Ди цлалэм **цхэкклэ** сыкэккыат, университетым цлэтысхэну экзамен итырти.* (Ад. п.) – «Из-за кого ты пришел сюда, отец? – Из-за нашего парня пришел, он сдает вступительные экзамены в университет».

Послелог нэмыцл / нэмыцклэ / инэмыцла «кроме», «помимо» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает значение ограничения, исключения. Например: *Уруштен и Изуэлгауэм **нэмыцл** мэзым зыри цыдымыртэккыым* (Кл. Т.) – «Кроме шума Уруштена в лесу ничего не было слышно»; *Хэцэпэцэхэм **нэмыцклэ** мыбы целэжырт пхэцхэмыцхэхэм, хадэхэкхэм, санэм* (Iy.) – «Кроме колосовых здесь выращивали овощи, фрукты и виноград»; *Дыггэ напэху жээражээм **инэмыцла** псори а махуэм нэцхэйт – кэурихэри, мэзхэри, тафэри* (Щ. А.) – «Кроме огнедышащего лика солнца все в этот день были мрачны – и горы, и леса, и степи»; *Кызыэптам **нэмыцл** ахшэ сыхуейккыым* – «Кроме того, что ты мне дал, мне больше денег не нужно».

Послелог нэггунэ «до», «вплоть до» сочетается с именами существительными, прилагательными, именными формами глагола. Указывает на предмет, лицо, на которое направлено действие. Выражает значение: включая до точности все. Например: *Лыжс-фызыжс **нэггунэ** нобэрей зэлуцлэм хэтац* (Кэб.) – «На сегодняшнем собрании были вплоть до стариков»; *Си анэм школ цлэтысхээгэуэм ирихэллэу кээрэндац зэмыфэгэу **нэггунэ** кысхуицэхуащ* – «Мать моя купила мне к началу учебного года вплоть до разноцветных карандашей»; *Хэцлэхэм **нэггунэ** псори джэгуэм кэашат* (Iy.) – «Вплоть до гостей все были приглашены на танцы».

Послелог нэс / нэсклэ / нэсыху / нэсыхуклэ «до» сочетается с именами, местоимениями, наречиями. Сопровожаемое имя ставит в эргативный падеж. Выражает предел протяженности в плоскости, в пространстве и времени с центробежной ориентацией. Например: *Лэс лэагэуэр мэзым **нэс** ишат* (Къаш. Хь.) – «Тропинка тянулась до самого леса»; *Лыжыр лэсу дауэ калэм **нэсыху** кыа?* – «Как старик пошел до города пешком?» *Клэпсэм метрицым **нэсыху** кыныуцлэ* – «От шнура отрежь до 3-х мет-ров»; *Пыцхэцхэ **нэсыхуклэ** кызэжэ* – «Подожди меня до вечера».

Послелог цлыгэуу «с», «вместе с» употребляется с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает отношения сопровождения, совместности, соучастия. Представляет собой застывшую форму причастия образа действия. Например: *Абы **цлыгэуу** гэацлэр цлэныгэм кыггэнэхуащ, техникэм, искусствэм, литературэм зиужащ* (Кэб.) – «Вместе с ним жизнь осветила наука, развивались техника, искусство и литература»; *Аслэн Анзор **цлыгэуу** Москва кыащ* – «Аслан с Анзором поехали в Москву»; *Тхылхэм **цлыгэуу** тетрадхэри стллым телхэ* – «Положи с книгами и тетради на стол».

Послелог кэс / кэсклэ / кэсыхунклэ «до» сочетается с именами, местоимениями, наречиями. Обычно требует постановки слова, которого сопровождает, в эргативный

падеж, но может сочетаться и с абсолютивом. Выражает предел протяженности в пространстве и времени с центростремительной ориентацией. Например: *Россием къэкӀуэну къежъауэ щыта дзэ мин 600-м щыцу Бородино къэс Наполеон кӀишэфар 130–140 кӀу-дейц* (Ш. А.) – «Из 600-тысячной армии, направлявшейся в Россию, Наполеон довел до Бородино лишь 130–140 тысяч»; *Иджыри къэс зэлуцӀэр зэхэтац* – «До сих пор собрание продолжалось»; *Гъатхэм уэста хъэжыгъэ путым нобэм къэскӀэ сымт хуэдиз хэхуэу кӀысхуихъынут* (Щ. А.) – «Пуд муки, который я дал тебе весной, до сегодняшнего дня много прибыли бы принес мне»; *Мыбы къэс зы Ӏыхъэ кӀыпыгъэжи цӀкӀыр зейм хуегъэхъыж* (Къаш. Хь.) – «До этого отрежь один кусок и отправь обратно владельцу материала»; *Иджыри къэсыхукӀэ дэнэ учыла?* – «Где ты был до сего времени?».

Послелог *фӀэкӀа/фӀэкӀакӀэ* «кроме», «помимо» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола, наречиями времени. Выражает значение ограничения, исключения кого-чего-н. Например: *Ӏуэхур здэщӀӀэр зымы ищӀэртэкӀым езы Мэтхъаным фӀэкӀа* (КӀ. А.) – «Кроме самого Матханова никто ничего не знал о положении дел»; *Абы зэхелъхъэ мыин дыдэ поэмэхэр, ди Ӏэцэм и Ӏыгъэм щытхуу, ауэ ахэр и ӀэпкӀэ цӀы-хухэм гукӀэ фӀэкӀакӀэ яригъэцӀэфыртэкӀым* (Т. Хь.) – «Он сочиняет небольшие поэмы, в которых прославляет доблесть нашего оружия, но передать своим соплеменникам их содержания, кроме как изустно, не может»; *Астемыр жэщ-махуэ имыӀу цӀыхухэм яхэтти Лу ар зэзэмыз фӀэкӀа иӀагъуртэкӀым* (КӀ. А.) – «Астемир был днем и ночью среди людей, поэтому Лю его кроме как изредка не видел»; *Сэ ар иджы фӀэкӀа слэзгъуатэкӀым* – «Я его никогда не видел, кроме как сейчас»; *Сэр фӀэкӀа а махуэм ар зымы хуэзатэкӀым* (Ӏу.) – «Кроме меня в тот день никто с ним не встречался». *А цӀалэм фӀэкӀа нобэ зыри ди пцӀантӀэм кӀыдыхъатэкӀым* – «Кроме этого парня к нам сегодня во двор никто не заходил»; *КъэрэндацӀкӀэ фӀэкӀа сэ сымтхэфыркӀым* – «Кроме как карандашом я не могу писать»; *БелкӀэ фӀэкӀа мыр кӀэптӀ хуанукӀым* – «Кроме как лопаткой здесь не выроешь».

Примечание. Послелог *фӀэкӀа* кроме эргативного падежа управляет и послеложным падежом.

Послелог *икӀуэцӀкӀэ* «в» сочетается с именами существительными в эргативном падеже. В зависимости от семантики слова, с которым употребляется, выражает временное или локальное значение. Например: *Араци, икӀуэцӀырыпӀыуэмэ, гъащӀэм икӀуэцӀкӀэ псом ящхъэри нэхъ ӀапанӀэри Ӏагъуныгъэрщ* (КӀ. Т.) – «Итак, если поразмыслить хорошо, то в жизни самое главное и самое ценное – это любовь»; *Мэзым кӀызырыщӀэхутэрэ екӀуэцӀа зэманым икӀуэцӀкӀэ япэу Локъан набдзэгубзаплъэу хъыджэбзыр кӀызыпӀыыхъащ* (КӀ. Т.) – «За период пребывания в лесу, Локан впервые рассмотрел девушку»; *КӀуэ, кӀуэ, Къербэц, тӀыс, кӀэбгъэцӀа гъащӀэм икӀуэцӀкӀэ уэ узырыщытар куэдц* (КӀ. Т.) – «Иди, иди, Кербек, садись, хватит как в жизни ты стоял долго»; *Къуажэм икӀуэцӀкӀэ абы нэхъ хъы-джэбз дахэ дэсакӀым* (Ӏу.) – «В селении не было краше этой девушки». *Къэбэрдейм икӀуэцӀкӀэ цызекӀуэ хабзэр, зыри кӀэмынэу, Хъымсадым фӀыуэ ищӀэрт* (Ад. т.) – «Все правила этики, которые бытовали в Кабарде, Хамсад знала хорошо».

Послелог *кӀыхэкӀкӀэ* «из-за», «исходя из» обычно сочетается с причастиями. Выражает причинные отношения: *Къуэр деилъэу зырыщытым кӀыхэкӀкӀэ мы гъуэгур Ӏэс зекӀуанӀуэ, зэзэмызи гу кӀыдыхъэу цы- тац* (Къаш. Хь.) – «Из-за того, что балка была усеяна орешником, она стала дорогой для пешех, иногда на ней ездили и на арбах»; *Ӏуэхур абы хуэдэу мыхъумыщӀуэ кӀызырекӀуэкӀым кӀыхэкӀкӀэ нэхъыжхэр хамыгъэхъэу хъуакӀым* (КӀ. А.) – «Из-за неправильного поворота дела пришлось в него вмешать старших»; *ФӀыуэ узэремыджэм кӀыхэкӀкӀэ уи адэр нэщхъейщ* – «Из-за того, что плохо учись, отец переживает».

Послелог *нэужь / нэужькӀэ* «после» сочетается с именами, семантически имеющими значение времени, с причастиями прошедшего времени. Выражает время, предшествовавшее основному действию в предложении. Например: *Шэджагъуэ нэужьым кӀэзубла ищхъэрэ жъы цӀыӀэм цӀигъэхуэбжъащ* (Къаш. Хь.) – «Начавшийся после полудня холодный северный ветер еще больше усилился»; *Псори зэхуэса нэужь, спектаклым цӀидзащ* (Щ. Ӏ.) – «После того, как все собрались, начался спектакль»; *Си шыпхуэ яшар кӀэкӀуэжа нэужь ди Ӏыхъыхэр кӀызэхуэсырт* (Ӏу.) – «После приезда моей замужней сестры все родственники собирались».

Послелог *цуужь / цуужькӀэ* «за», «вслед за», «после» сочетается с именами,

местоимениями. Имеет локально-временное значение. *Зауэм цужьсклэ гъаблэ хъуат* (Къ. З.) – «После войны начался голодный год»; *Зэлуцлэм цужьсклэ джэгушхуэ ящлынуц* (КІ. Т.) – «После собрания устроят огромные танцы»; *Аслъэнбэч цужь пицлантлэм зы щлалэцлэ гуэр къыдыхъащ* (Іу.) – «Вслед за Асланбеком во двор вошел какой-то молодой парень».

Послелог хуэдиэ «около» (в значении «примерно») сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает степень меры, а также сравнительно-определительные отношения. Например: *Дзэл закъуэтлакъуэ зэрыт псы Іуфэм Іутурэ Локъан зы километыр хуэдиэ иклуащ...* (КІ. Т.) – «Локан, гуляя вдоль берега, где росли несколько ивовых деревьев, прошел около километра»; *Щлалищ хуэдиэ елъэдэкъауэри япэклэ щлэлхъуащ* (Ад. т.) – «Около трех парней, пришпорившись, ринулись вперед»; *МазитІ хуэдиэ къэтауэ, щлалэр къэсыжащ* (Ад. т.) – «Отсутствовал около двух месяцев, парень вернулся»; *Нобэ ЛутІэ клэртлоф къэп хуэдиэ къысхуишащ* – «Сегодня мне Лута привез около мешка картошки»; *Тху хуэдиэ тетраду къызэптамэ, хъунт.* – «Было бы хорошо, если бы ты мне дал около пяти тетрадей».

Послелог ипацхъэ «перед» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает локальные отношения. Например: *Лу ипацхъэ кыхутащ зы лы гуэр, и цхъэр башлыкклэ флэхыклауэ, щлаклуэ флыцлэ ин шыгыу* (КІ. А.) – «Перед Лю очутился какой-то мужчина с повязанной башлыком головой и в большой черной бурке»; *Бекович-Черкасскэр пащтыхьым ипацхъэ итиц, гуфлэгъуэм, и цхъэр игъэунэзауэ* (Ш. А.) – «Бекович-Черкасский стоит перед царем, взволнованный от радости»; *Николай І-м и унафэкІэ Шорэ цлэныгъэм теухуа тхыгъэхэр Академием ипацхъэ ирилхъэн хуейт* (Ш. А.) – «По велению Николая І-го Шора должен был представить перед Академией Наук свои научные труды»; *Аслъамырзэ аргуэру лъэбакъуэ быхъуитІ кычри цаклуэм ипацхъэ къыщыувылащ* (Къ. Хъ.) – «Асламурза еще сделал два широких шага и встал перед охотником».

Послелог ицлагъ / щлагъ «под» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает пространственные отношения. Например: *Уэсыр къеухыным ипэкІэ Іэцхэм хуабанІэм зыкъратащ: Іэбгъэхэмрэ мэлхэмрэ мэз щлагъым клуэжащ, шыхэмрэ жэмхэмрэ тлуащІэм дыхъащ* (Къаш. Хъ.) – «До снегопада скот устремился к теплым местам: молодняк и овцы направились под лес, лошади и коровы – в меж-дуречье»; *Уафэ цхъуантІэпсым, уэсым хуэдэу, пшэху Іэрылхъэ щесыкІырт, и дамитІыр ишауэ, абы ицлагъым къашыргъэ шыуфэразэрт* (КІ. Т.) – «По синему небу плавало, белое как снег, облако, а под ним, расправив свои крылья, парил ястреб».

Послелог ипэкІэ «впереди», «перед», «до» употребляется с именами, местоимениями, с именными формами глагола. Имеет локально-временное значение. Например: *Софят ипэкІэ щыт щлалэр ицыхуртэкъым* (Щ. І.) – «Софят не была знакома с впереди стоящим парнем»; *Унэм ипэкІэ тутей жыгышхуэ щытт* (Къаш. Хъ.) – «Перед домом стояло огромное тутовое дерево»; *Бригадирыр зауэм ипэкІэ мэкъумэшым пыцлауэ зэрыщыта щлагъуэ щылэтэкъым* (Щ. І.) – «До войны не так чтобы бригадир сильно был связан с сельским хозяйством»; *Бахъшысэрей клуэным ипэкІэ Къазджэрий я унэ къэкІуэжащ, зигъэхъэзырын сыту* (КІ.А.) – «Перед отъездом в Бахчисарай Казы-Гирей вернулся домой, чтобы собраться в дорогу»; *Ежъэн ипэкІэ ар си деж къыщыхъат* – «Перед отъездом он заходил ко мне».

Послелог иплэкІэ «вместо» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. Выражает отношение замещения, функционального пре-бывания в роли кого-чего-либо. Например: *Анчокъу иплэкІэ жэуап кытащ хъэщІэм къыбгъурыт лыжъым* (КІ. Т.) – «Вместо Анчока ответил старик, стоявший рядом с гостем»; *Уэ иплэкІэ сэ нобэ сълэжъэнищ...* (Іу.) – «Вместо тебя сегодня я поработаю...»; *Миниблым иплэкІэ минипцІ слых;, кІийуэ щыхъащ Беслээн Лъостэнбэч деж* (Ш. А.) – «Вместо семи миллионов возьми десять с меня, – крича вошел Беслан к Тлостанбеку».

Послелог адэкІэ «за» сочетается с именами, местоимениями, именными формами глагола. С сопроводительным словом имеет пространственное значение. Например: *Гъавалгъэ губгъуэхэр гъуабжэрэ-гъуэжъыфэу къызэхэнамэ, мэзылгъэ бгъуэщІхэм адэкІэ жыгынищ хъупІэхэр иджыри цхъуантІэм* (Щ. І.) – «Если поле после уборки урожая имела серовато-желтый вид, то за лесистой частью склона пастбища еще были зелеными»; *Мес, пІащІэу зауэлІ зыщытІл блокІ; уэрамым адэкІэ пицлантІэшхуэм адреихэм обозхэр ягъэхъэзыр* (Къ. Б.) – «Вон в спешке идут несколько солдат; за дорогой, в большом дворе другие готовят обозы»; *Къуажэ клубыр утыкум итт, абы адэкІэ тыкуэныр къыщытт* (Іу.) –

«Сельский клуб стоял посреди площади, за ним был магазин».

Послелог *ибгъуклэ* «рядом» (с кем-чем-л.) сочетается с именами существительными, местоимениями и причастиями. Управляет эргативным падежом. Выражает локальные отношения. Например: *Еджаклуэ цыклу-хэм школ пцлантлэм мыларысейм ибгъуклэ дей цыхасащ* – «Ученики в школьном дворе ореховое дерево посадили рядом с яблоней»; *Сакинат ибгъуклэ линейкэм Ленэ уващ* – «На линейке Лена встала рядом с Сакинат».

Послелог *игупэклэ* «перед кем-чем-л.» сочетается с именами, местоимениями, причастиями в эргативном падеже. Выражает локальные отношения. Например: *Къуажэм игупэклэ цыхухэр топджэгум еплъыну цызэхуэсат* (Iy.) – «Люди собрались перед селом посмотреть на футбольный матч»; *Абы игупэклэ цлалэ цыклуыр цытм* «Перед ним стоял мальчик».

Послелог *ицлыбклэ* «за» сочетается с именами, местоимениями. Выражает локальные отношения. Употребляется с поссесивным префиксом. Например: *Къызэхуэсахэм япэм иту клэлындор дэклуеунлэм деж уардэу лы-жъхэр цызэхэтт, абыхэм ицлыбклэ цлалэгъуалэхэр къыдэтт* (Kl. T.) – «Впереди собравшихся у лестничной площадки величаво стояли старики, за ними стояла молодежь»; *Къуажэм ицлыбклэ, губгъуэшхуэм шыгъажэ цеклуэклырт* (Iy.) – «За селом, на просторном поле проходили скачки».

Послелог *яку(м)* «между», «посредине» сочетается с именами, местоимениями. Выражает пространственные отношения. Например: *Фэхум адэклэ мэзым цлэдзанлэу къыщыт мей жыгитлым якум дыгъэр нэцхъыфлэу къыдэплъырт* (Къаш. Хь.) – «В голой степи, граничащей с лесом, между старыми дикими яблонями выглядывало радужно солнце». *Щлалитлым яку Заретэ дэту къаклуэрт* (Iy.) – «Зарета шла между двумя парнями».

Послелог *зэхуаку* «между», «посреди». Употребляется с поссесивным префиксом во множественном числе. Сочетается с именами, местоимениями, причастными формами в эргативном падеже. Выражает пространственные отношения. Например: *Нэтхъуэджэхэм нэмыщл хы луфэмрэ Псыжърэ язэхуаку дэса адыгэ лъэпкъ куэдым я цлэ ихъумащ тхыдэм: шапсыгъхэм, абазэхэхэм, бжъэдыгъухэм, клэмыргуейхэм, жанейхэм, хэгъа-клхэм, мэхъуэцхэм, мамхэгъхэм, хъэтыкъуейхэм, еджэрыкъуейхэм, адэмейхэм* (Къ. Хь.) – «Кроме названия натухайцев, история сохранила названия других многочисленных адыгейских племен: шапсугов, абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, жанеевцев, хачагов, махошевцев, мамхегов, хатукайцев, егерухайцев, адамеевцев, живших между морем и Кубанью»; *Луащхэмрэ жылэмрэ язэхуаку цлыфл дэлът – мэкъуплэрэ гъавэ цланлэу* (Ж. Б.) – «Между холмом и селом лежала внушительная часть земли – сенокосное угодье и невозделанное поле»; *Бгымрэ псыежэх мыин дыдэмрэ и зэхуакум цлы кланэ тлэклум, нартыху цытесат* (Къаш.Хь.) – «Между скалой и небольшой речкой, на малом клочке земли, росла кукуруза»; *Къэклуахэмрэ ежъэжынухэмрэ, я зэхуаку а псалгэмакъыр къыщомыгъэхей, Мысхуд!* (Къаш. Хь.) – «Между отъезжающими и прибывшими этот разговор не поднимай, Мусхуд!»

11.2. Союзы

Союзы – служебные слова, которые употребляются для связи членов предложения, словосочетания и частей сложного предложения. Союзы, в отличие от послелогов и частиц, выполняют исключительно синтаксические функции.

Союзы делятся на простые и сложные. К простым союзам относятся: *ауэ* «но», *икли* «и», *хъэмэ (рэ)* «или, либо», *аби* «и», *атлэ* «но», *е* «или», *е...е* «или... или», *итлани(кл)* «но», *пэт пэтми* «хотя», *папцлэ* «для». В эту группу входят союзные суффиксы *-и*, *-рэ...* *-рэ*, *-ри...* *-ри(кл)* – «и». Союзный суффикс *и* может быть одиночным и повторяющимся, союзные суффиксы *-рэ...-рэ*, *-ри...-ри (кл)* являются повторяющимися.

Производными союзами являются: *арцхэкклэ* «но, однако», *сыт цхъэкклэ жыплэмэ* «потому что», *сыту жыплэмэ* «потому что», «ибо», *абы къыхэкклэ* «поэтому», *ауэ цыхъуклэ* «так что», *армышхумэ* «а не то», *(ар)къудейкъым атлэ* «не только, но и», *зэ...зэ* «то...то».

В сфере синтаксического использования союзы подразделяются на сочинительные и подчинительные.

11.2.1. Сочинительные союзы

В группу сочинительных союзов входят: соединительные, разделительные и противительные. К ним относятся: *е* «или», *е...е* «или», «либо ...либо», *хьэмэ* «или», *ауэ*, *атлэ* «но», *иклу* «и», *итланикл* «однако», *арцхьэклэ* «но», *зэ...зэ* «то...то».

Соединительные союзы связывают между собой части сложного предложения или члены предложения. Соединительными союзами являются: *иклу*, *аби* «и», союзные суффиксы *-и/-икл*, *-ри/-рикл*, *-рэ* «и». Союз *иклу* чаще связывает части сложного предложения и реже члены предложения: *Жыгхэм я лъэдий абрагъуэхэр жыжъэу зэпэцлэхуэ зэхэтт иклу жыгыщхэ кудамабэ зэхэлъэрыхъахэр абыхэм цлалыгъэрт* (К. Т.) – «Мощные стволы вековых деревьев росли на расстоянии и они поддерживали сросшие ветви их верхушек»; *А хьыджэбзыр иклу лъагъугъуафлэт иклу лушт* (Лу.) – «Эта девушка была и симпатичная и умная».

Соединительный союз *аби* обычно связывает члены предложения. Соединительный суффикс *-и* может связать части предложения и члены предложения: *Мы гъэм Италием сыклуэц аби сыкэклуэжащ.* – «В этом году я поехал в Италию и вернулся»; *Мазагъуэр пшэхэм яуфыхъри, дунейр зэу кыфл хъуат* (Къ.М.) – «Луну закрыли тучи, и вокруг сразу стало темно»; *Къуршхъри, мэххъри, тафъри — псори нэщхъейт* (Щ. А.) – «Все в этот день были мрачны: и горы, и леса, и равнины»; *Инжыджышхуикл Инжыдж Цыклуикл Псыжъ холъэдэж* (Лу.) – «Большой Зеленчук и Малый Зеленчук впадают в Кубань»; *Мыщэрэ Дыгъужьрэ щаклуэ клуэну здежъат* (Луэр.) – «Медведь и Волк вместе отправились на охоту»; *Дадикл, уэрикл, сэрикл нобэ бдзэжъеяцэ доклэу* (Лу.) – «И дедушка, и ты, и я сегодня идем на рыбалку».

Разделительные союзы (или альтернативные) связывают между собой предложения или члены предложения, показывая, что содержание одного из них исключает содержание другого. Они бывают одиночными и повторяющимися. К разделительным союзам относятся: *е* «или», «либо», *е...*, *е* «или...или», *хьэмэ* /*хьэмэрэ* «или», «либо», *зэ...зэ* «то...то»: *Къэушыжу псэуклэцлэ инклэ псэуэу цлэзыдзэжа мэзыр зэрыслъэгъуар ара, е си ныбжъэгъухэм си нэгу зэрызрагъэужьар ара, хьэмэрэ си адэм флэфлу шыта квалэрыр си лэплэм зэрызыр ара, сытми, си шытыклэр нэгъуэцл хъуауэ сыкэклуэжьырт* (Т. Хь.) – «Из-за того ли, что я видел только что проснувшийся красивый лес, который снова зажил новой жизнью, или из-за того, что меня развлекли друзья, или из-за того, что я держал охапку черемши, которую обожал отец, я возвращался как-то с другим настроением»; *Иджы е зигъэнэмысыфлэу Биболэт лыжъхэм япэцлэклуэтын хуейт, е а луэхум хэплъэхэм яхэзыгъэсын щхъэусыгъуэ кыгъуэту, псори лыжъхэм я пащхэ шыжилэн хуейт* (К. Т.) – «Теперь Биболат должен был или смиренно уступить старикам или же придумать причину, которая помогла бы ему оказаться среди рассматривающих это дело, чтобы перед ними сказать все»; *Е бжэн, е шыхъ, е бланэ кымьуклауэ нартхэ я щаклуэжъым зэи кыгъэзэжьыртэкъым* (Н.) – «Старый охотник нартов никогда не возвращался, не убив либо козла, либо лани, либо оленье»; *Е улын, е улэн* (Пс.) – «Или быть мужчиной (мужественным), или умереть»; *А бжэр адрей махуэхэм нэхърэ нобэ нэхъыбэрэ мэлэуэлъауэ: зэ фызыжъыр зэсбауэу кыщлокл, зэ клэпхын къуэлэн зылул фызым хьэкъушыкъухэр цызэрехъэ, зэ зи ныбжъыр илгэс пцыклутым ит цлалэ цыклу кыщлокл* (Къаш. Хь.) – «Та дверь сегодня необычно часто открывается: то, встряхивая себя, выходит старушка, то женщина в пестром переднике таскает посуду, то выскакивает двенадцатилетний мальчик»; *Нобэрэи зэлуцлэм уэ уклуэну, хьэмэ сэра клуэнур, Бот?* (Лу.) – «На сегодняшнее собрание ты пойдешь или я пойду, Бот?».

Противительные союзы употребляются для связи членов предложения и целых предложений, в которых выражаемые мысли противопоставляются. К противительным союзам относятся: *ауэ*, *атлэ*, *арцхьэклэ* «а», «но»: *«Ди дежклэ зы дакхьэкъэри лъанлэщ, ауэ ар мылажъэу шытц»* – *езым и щхъэм хужилащ Аслъэныкъуэ* (Т. Хь.) – «Для нас и одна минута дорога, а он стоит, не работая», – подумал про себя Аслануко»; *Барклай чинклэ Багратион нэхърэ нэхъыцлэт, ауэ къулыкъуклэ – ар военнэ министрты – нэхъыщхъэт* (Ш. А.) – «По чину Барклай был ниже Багратиона, но по службе старше – он был военным министром»; *Щымахуэ псор Сурэ цлэхъуэпсу, цлэгупсысу Локъан ирихаш, ауэ, япэми хуэдэу, таучэл ицлу*

зыкъригъэцлэфыртэкъым (КІ. Т.) – «Всю зиму Локан провел в думах, в мечте о Суре, но, как и прежде, он не отважился объясниться»; **Ауэ** а пцлэхъэплэм Аслэмырзэ кърхыр нэцхыфлагъэтэкъым, **амлэ** нэцхъея- гъуэт (Къаш. Хь.) – «Но Асла-мирза с виденным им сном связывал не радость, а печаль»; *Василь и гъацлэр къуршым шрихъэклат, ауэ Къемэтрэ абырэ иджы къыщаклухъ мы цлэплэхэр сыт имыцлэми къыхуэгубзыгъыжыртэкъым* (КІ. Т.) – «Василь всю свою жизнь почти провел в горах, но он никак не мог вспомнить эти места, где он и Кемат сейчас ходили»; *А зэзэмызэхэми цлэхухэр зэплгыр езы цлалэртэкъым, амлэ абы и фащэ гъэцлэгъуэнырт* (Ш. А.) – «И изредка люди разглядывали не самого парня, а его экзотическую одежду»; *Елдар цлалэ цлэкуитлым ядэгущылэрт, Лу зигъэнцлати занцлэу Дисэхэ я деж жэнут, арицхъэклэ и анэм цымышынэу къанэртэкъым* (КІ. А.) – «Элдар шутил с обоими мальчиками, а Лу уже было наелся и хотел побежать к Дисе, но боялся матери»; *Башыр зылэрыхъэжа ефэндым зишэцлат Бетлал еуэну, арицхъэклэ ар мыдрысэм цлэцлэфтри и лэр шэцлауэ къэнац.* (Ш. А.) – «Эфенди, который снова завладел палкой, размахнулся на Бетала, но он выскочил из медресе, и Эфенди остался с вытянутой рукой»; *Ар Невскэм шриклуэм къалэр къэуша къудейт: нэхуцым зыкызэклэцлэухъат, арицхъэклэ иджыри нэху мыщыпауэ пшагъуэм къыпфлигъэцлэрт* (Ш. А.) – «Когда он шел по Невскому, город только просыпался; был уже рассвет, но от тумана ему казалось, что еще темно»; *Аргуэру шыхъуэ цлалэр цлаклуэм адклэ зэрыцылэр игу къэкыжри Сурэ зэцлэдэлукац, арицхъэклэ абыклэ лэуэлъауэншэт* (КІ. Т.) – «Снова Сура вспомнила, что табунщик находится за висящей буркой, и она стала прислушиваться, но там было тихо».

11.2.2. Подчинительные союзы

Подчинительные союзы употребляются для выражения отношений подчинения, зависимости в сложном предложении. Они связывают только части сложного предложения, но не члены предложения. В роли подчинительных союзов в кабардино-черкесском языке употребляются некоторые послелог.

К подчинительным союзам и союзным словам относятся: *хъумэ, щыхъуклэ* «если», *щхъэклэ* «хотя», *пацилэклэ* «для того, чтобы», *инлэклэ* «вместо того, чтобы», *дэнэ къэна* «не то что; не то, чтобы», *сыту жынлэмэ, сыт щхъэклэ жынлэмэ* «потому что», *абы къыхэкклэ* «вследствие этого; почему; поэтому», *ауэ щыхъуклэ* «так что».

Подчинительные союзы делятся на причинные, уступительные, цели, условные, следствия.

К **причинным** относятся союзные словосочетания: *сыт щхъэклэ жынлэмэ, сыту жынлэмэ* «потому что» и союзный суффикс *-и*. Данные союзы указывают на причину, невозможность осуществления действия в главном предложении: *Лэгъупэжыыр пшафлэм пэрыуакъым, сыту жынлэмэ лыцлэхэр зэрышхэн хуеймклэ Мысост къыбгъэдэклауэ унафэ щхъэхуэ цылэт* (Къаш. Хь.) – «Старший чабан не возразил повару, потому что от Мисоста было специальное распоряжение о том, как нужно кормить слуг»; *Гугъэм нэхъ игъэлъанлэ цылэкъым цлэхум, сыт щхъэклэ жынлэмэ ар зыцлэхуэпсу, зыхуэпабгъэу цытыр къыхуэзыгъэнлиир арац* (Къаш. Хь.) – «Человек ничего так не ценит, как надежда, потому что она зовет, привлекает его»; *Президиумым хэсыну хахахэр игъэтлысыным Дэгъуэт- лыкъуэ куэдрэ емыллалэу хъуакъым, сыт щхъэклэ жынлэмэ дэклуеинлэм япэ теувэн къахэклыртэкъым, зым адрейм нэмыс хуицлырти...* (КІ. Т.) – «До-готлуко сразу не смог определить президиум, потому что по ступенькам никто не осмеливался подняться первым, уважительно уступая другому»; *Егъэджаклуэу еджэну и мурадти, Астемыр и шыр ишац* (КІ. А.) – «Астемир продал свою лошадь, потому что решил учительствовать».

Уступительными союзами являются: *щхъэклэ, пэт /пэтми/ пэтрэ* «хотя».

Уступительные союзы в придаточном предложении указывают, в противовес чему осуществляется действие в основном предложении: *Уэ хабзи цлэхугъи ухуэмей щхъэклэ, жылэр хуейц* (КІ. Т.) – «Хотя тебе не нужны правила поведения и приличия, жителям села это нужно»; *И дэлъхум лулгъа щхъэклэ, мыцлэху ицлри Хъэишэт пэшым цлэклуэтэжац* (КІ. Т.) – «Хотя взор Хайшат упал на брата, она не узнала его и шагнула обратно в комнату»; *Зарэ ерыскъым зикл игу хуэмыклуэ пэтми, Къемэт ебзэджэклыурэ, цлэх-цлэхуэрэ игъашхэрт* (КІ. Т.) – «Хотя Зара отказывалась есть, Кемат, ухищрясь, частенько ее кормил»; *Зы мазэр махуэ тлоцлрэ пцлырэ хъу пэтми, икъуклэ плалгъэ клэцлц Мэзкуу театрхэр, музейхэр, библиотекэхэр, нэгъуэцл къулыкъуцлалэхэр къызэхэклухъыну.* «Хотя

в месяце тридцать дней, этого очень мало, чтобы в Москве посетить театры, музеи, библиотеки и нужные учреждения»; *Апхуэдэу жилэ пэтми, иджыпсту Степан Игнатьевич псэкли, гукли зытхэкъуар зы луэхугъуэ закъуэт* (Ш. А.) – «Хотя так и говорил, сейчас душу и сердце Степана Игнатьевича занимало только одно единственное дело».

Условная связь в предложении устанавливается вариативными союзными суффиксами *-м/-мэ*, выражающими условие осуществления действия в главном предложении. Например: *Пицэдей укъаклуэмэ, уэрэ дэрэ дызэпсэлъэнц* – «Если завтра придешь, мы с тобой поговорим».

К союзам цели относятся подчинительные союзы *паницлэ, цхъэклэ* «для того, чтобы». Они связывают придаточное предложение с главным и выражают в придаточном цель действия, названного в главном предложении. При таких союзах сказуемое придаточного предложения обычно бывает инфинитивным глаголом: *Цыхум ягу имыкълэж ухъун паницлэ, зы лыгъэ закъуэц узыхуейр* (Ш. А.) – «Для того, чтобы ты остался в памяти людей, нужен только один подвиг»; *И мылкур ихъумэн паницлэ, и адэр дунейм ехыжа нэужь, Мысост къуажэм къыдэмытлысхъэжу хъуакъым* (Къаш. Хь.) – «Для того, чтобы сохранить свое состояние после смерти отца, Мисост вынужден был вернуться в село»; *Ауэ а уанэгум исыр псынцилагъуэу, тегушхуэгъуафлэу шым къыфлэмыцлын паницлэ, цлалэ цыкълум ихуэмылаклэр тклиуэ зэцлеубыдэ, шым цлопц уэгъуиц ирех...* (К. Т.) – «А для того, чтобы сидящий в седле не казался лошади легковесным, трусливым, мальчик вожжи держит туго, коня ударяет кнутом три раза»; *Луашхэм удэклуеин цхъэклэ, абы и ижърабгъу лъэныкъуэм утетурэ уклуэн хуейт* (Ж. Б.) – «Для того, чтобы подняться на гору, нужно было взбираться по его правой стороне»; *Дисэ емыкълу къримыгъэхын цхъэклэ, Елдар и унэм цагъэхъэзыра гъуэмылэм, фадэм цыц иклэцлэпклэ къигъэсыну жилэри, Дадусэ дэкълэжащ* (К. А.) – «Для того, чтобы Дисе не было неудобно, Дадуса ушла, сказав, что быстро доставит еду и напитки, приготовленные в доме Елдара»; *Хадэхэклэр бэв хъун цхъэклэ, ар и палгэм хэсэн, пцлэн, псы цлэгъэлгэдэн хуейц* – «Для того, чтобы овощи были урожайными, нужно их сажать, полоть, поливать вовремя».

Союзы следствия показывают, что присоединяемая с их помощью придаточная часть раскрывает содержание главной части. К ним относятся: *абы къыхэкклэ, ауэ цыхъуклэ* «так что», «почему», «вследствие чего». *Си насыпци, уэ уапхуэдэкъым, абы къыхэкклэ гъацлэри ажалри бдэгъуэшэну сыхъэзыриц* (К. Т.) – «К счастью, ты не такая, почему я готов разделить с тобой и жизнь и смерть»; *Студентхэр практикэ яшат, абы къыхэкклэ факультетым лекцэхэр иджыпсту цеклуэкълэртэкъым* – «Студентов отправили на практику, поэтому на факультете сейчас не читались лекции»; *Сэ пицэдей сожъэ, ауэ цыхъуклэ луэху едгъэжъар зэклэ гъэтылгын хуейц* – «Я завтра уезжаю, так что начатое нами дело следует отложить». *Ар цыху тэмэкъым, ауэ цыхъуклэ абы уи дзыхъ йомыгъэзым нэхъыфлэц* – «Он не правдивый человек, так что лучше ему не доверять».

11.3. Частицы

Частицы – это незначительные слова, которые выражают в предложении смысловые, эмоциональные, модально-волевые оттенки, связанные с основным содержанием отдельного слова, словосочетания и предложения.

Частицы делятся на собственно-частицы и частицы-прилепы. К собственно-частицам относятся, например, *хъуэ, алэ* «нет», *ерэхъу, хъуниц* «ладно», *илэ* «давай», *уеблэмэ, ауи* «даже», *нэхъей* «словно», *кхъылэ* «пожалуйста» и др.

К частицам-прилепам относятся *-къэ, -ла*. Эти частицы употребляются постпозитивно в составе глагольных форм. Агглютинативно присоединяясь к основам глагола, они могут выражать и предикативность: *Плъа-гъуркъэ иджы, абы жилэ псом луэхур теппыльхъ хъунукъым* (Къаш. Хь.) – «Видишь ли, нельзя полагаться на все, что он говорит»; *Дыгъуасэ си дей къэкълуала?* – *цлэупцлащ председателыр* (Ж. Б.) – «Вчера не приходил ли ко мне кто-либо?» – спросил председатель».

В кабардинском языке употребляются еще две односложные постпозитивные частицы: *-млэ* «ка», «же» и *щэ* «а». Частица *-млэ* следует после глаголов, имен, местоимений, причастий, наречий. Напр.: *Клуэм-млэ унэм* – «Иди-ка в дом»; *Хъыджэбз-млэ уи хъэцлэр?* – «Девушка ли у тебя в гостях»; *Сытым-млэ къэхъуар?* «Что же

произошло?»; **Къэкъларат-млэ** къомицлэхужар? – «Приехавшего ли ты не узнал?»; **Нобэт-млэ** кино дыщыкълэунур? – «Сегодня ли мы пойдем в кино?».

Частица *цэ* может следовать также за именами, местоимениями, причастными формами, наречиями. Однако она не употребляется с глаголами (кроме формы с суффиксом *-мэ*) и вопросительными местоимениями, например, *хэт?* «кто?», *сыт?* «что?».

По занимаемому месту в предложении частицы бывают препозитивными, постпозитивными и свободно перемещающимися. К препозитивным относятся: *ублэмэ* «даже», *хъэуэ* «нет», *ерэхъу* «ладно», *илэт* «давай-ка», *мес* «вон», *атлэ* «итак», «да» и др.: **Илэ**, *наклэуэ зэ!* – «Давай, пойдем же!»; **Ерэхъу**, *уэ жынлэм седэлэуэнц* «Ладно, я тебя послушаю»; **Хъэуэ**, *сэ абы сынэкълэуэнукъым* – «Нет, я туда не пойду»; **Мес** *школыр* – «Вон школа»; **Атлэ** *дэнэ уэ уздэкълэур?* – «Так куда ты идешь?».

К постпозитивным частицам относятся: *къудей* «лишь», *нэхъей* «словно», *дыдэ* «очень», «весьма», *плэрэ*, *цэ* «а», *жи*, *жер* «мол» и др. К свободно перемещающимся: *зи*, *зикл* «ну», «пусть», *кхъылэ* «пожалуйста». Например: **Зи**, *наклэуэ си гъусэу / наклэуэ, зи, сигъусэу* – «Ну пойдем со мной»; **Кхъылэ**, *къызэт тхылъыр / къызэт, кхъылэ, тхылъыр* – «Пожалуйста, дай книгу / книгу дай, пожалуйста».

По своему происхождению частицы восходят к различным частям речи: к именам, глаголам, местоимениям, наречиям, союзам и т.д. По существу частицы – это осколки знаменательных частей речи. Происхождение многих из них и сейчас прозрачно. Частица *плэрэ*, например, ничто иное, как прежняя форма глагола *плуэрэ?* «говоришь?»; *икъуклэ* восходит к слову *икъу* «подлинный», истинный, настоящий»; *ауи* ведет свое начало от *ауэ* «просто» и союзного суффикса *-и* т.д.

С семантико-функциональной точки зрения частицы делятся на следующие разряды:

1. **указательные:** *мис*, *мес*, *мыдэ* «вот», *модэ* «вон»;
2. **утвердительные:** *атлэ* «да», *хъуни*, *ерэхъу* «ладно», *нымлэ*, *атлэ*, *ы-ы-ы*, *ахъей*, *ыхъы* «да»;
3. **отрицательные:** *хъэуэ*, *алэ* «нет»;
4. **вопросительные:** *плэрэ*, *цэ*, *ий*, «а»;
5. **сравнительные:** *хуэдэ*, *нэхъей* «словно»;
6. **побудительные:** *илэ*, *илэт*, *илэт-зэ*, *илэт-млэ*, *еуэ* «давай, давай-ка»;
7. **ограничительный:** *къудей* «лишь»;
8. **упреждающие:** *догуэ*, *догуэт*, *догуэт-зэ*, *догуэт-млэ*, *зэ-зэ*, *зэ* «подожди, подожди-ка»;
9. **усилительные:** *икъуклэ* «очень», «слишком», *ублэмэ*, *аркъудей*, *ауи* «даже», *нэхъ*, *дыдэ* «очень», «слишком»;
10. **частица вежливого обращения:** *кхъылэ* «пожалуйста»;
11. **частица, усиливающая обращение к кому-нибудь:** *уа-*;
12. **репрезентативная частица множества:** *сымэ* «вместе с другими», «вместе с»;
13. **позволительные частицы:** *зикл*, *зи*, «ну ладно»;
14. **частицы субъективной передачи чужой речи:** *жи*, *жер* «мол»;
15. **неопределенная частица:** *гуэр* «некий»;
16. **модально-экспрессивные частицы:** *мыгъуэ*, *гуцэ*, *аджыдэ*, *асымыгъуэт*, *афэрым* «ой-же», «ой-ой-ой»;
17. **частицы, выражающие удивление, неодобрение:** *мырелъ*, *арелъ* «вишь», «смотри».

11.3.1. Значения частиц

По выражаемому значению частицы делятся на:

1. **Указательные частицы** *мис*, *мес*, *мыдэ*, *модэ* «вон, вот» указывают на предметы или явления внешнего мира. Частицы *мис*, *мыдэ* употребляются при указании на что-то, находящееся вблизи; частицы *мес*, *модэ* при указании на что-нибудь находящееся на расстоянии» **Мес** *си ныбжъэгъу-хэри къэсащ*, – *желэ Степан Игнатъевич, крепостым къылухъа выгум иригъэплъу*, – *наклэуэ дапешъэнц*, *сэрыншэу ахэр мыбы къыдыхъэнц* *къыщлэкълынкъым* (Ш. А.) – «Вон и мои друзья прибыли, – говорит Степан Игнатъевич,

показывая на арбу, которая подъехала к крепости, – пойдёмте их встретим, без меня они, наверное, не войдут сюда»; **Мис** *мы жыг цлагъым дыцлэтысхъэнц* (Ж.Б.) – «Вот под этим деревом мы и сядем»; **Модэ**, *мо плагъуэ кьаклуэр Борискэ?* – «Вон, тот, который спешит к нам, не Борис ли?».

2. **Утвердительные частицы** *амлэ, нымлэ, нмлэ, ае, ы-ы-ы* «да», *хъуниц, ерэхъу* «ладно» употребляются для подтверждения сказанного, при согласии на какое-либо действие. Частицы *амлэ, нымлэ, нмлэ, ае, ы, ы-ы* являются ответами на вопрос, а частицы *хъуниц, ерэхъу* ответами на повеление. Утвердительные частицы обычно функционируют как отдельные слова, а если они в предложении, то занимают препозицию: *Сэ, нанэ, школым сыпшэну?* – **Амлэ**, *си цлалэ, амлэ, си тласэ, сэ уэ мо школышхуэм уцлэгъэтысхъэнущ.* (Къ. Хъ.) – «Меня, бабушка, поведешь в школу? – Да, мой мальчик, да, мой милый, я тебя определю вот в ту большую школу»; *Азмэт шумэданыр дихаш, Хъэпацлэ дэцлыгъущ.* – *Хъэклумыцлэхэ я цлалэри?* – **Амлэ**. (Ш. I.) – «Азамат забрал чемодан, а с ним Хапача. – Сын Хакумашевых? – Да»; *А шур хэт езыр?* – *Мо луащхэм нэсари?* – **Нмлэ** (Ш. А.) – «Тот всадник кто? – Вон, который доехал до холма? – Да»; *Зэлуцлэм цыхубзхэми лэ ялэта?* – *желэри гуащэр цлоуп-цлэр.* – **Ы-ы, ялэтац.** (К. А.) – «Женщины, которые были на собрании, голосовали? – спросила княгиня. – Да, голосовали»; *Дадэ, Мусэ желэ «Фэкъу» емыуэну.* – **Ерэхъу, жеслэни** (К. А.) – «Дед, скажи Мусе, чтобы он не бил «Фок» (лошадь) – Ладно, скажу; – *Пцэдей кьаклуэ, Азмэт.* – **Хъуниц.** – «– Завтра приходи, Азамат». «Ладно»; *Уэ нобэ уежхэрэ?* – **Амлэ** – «Ты сегодня уезжаешь? – Да».

Утвердительные частицы *хъуниц* и *ерэхъу* произошли от глагольных форм: первая от формы индикатива, вторая от желательной формы *ирэхъу* «пусть будет».

3. **Отрицательные частицы** *хъуэ, алэ* «нет» употребляются для выражения отрицания кого-(чего-) либо. Могут употребляться единично после вопроса или в составе предложения, в котором занимают препозицию: *Уэ, Мурат, пцлэуэ нлэрэ ди нэхъыжъым жилэр?* – **Хъуэу**, *сцлэркъым* (Ю.) «Ты, Мурат, не знаешь ли, что сказал наш старший? – Нет, не знаю»; *Хъуэу, аракъым абы кьиклыр* (Къ.М.) – «Нет, это нельзя так истолковывать»; **Алэ**, *колхоз танэр уэзгъэцэнукъым*, – *желэри Шакъ и цхъэгъусэр игъэпсалгэр-къым* (Къаш. Хъ.) – «Нет, колхозного телка не разрешу продать, – говорит Шак и своей супруге не дает слово сказать»; **Алэ**, *умыклуэ хадэм, абы къэбыстэ итыжкъым* – «Нет, не ходи в огород, там уже нет капусты».

Отрицательные частицы в предложении обычно связаны со сказуемым.

4. **Вопросительные частицы** *нлэрэ?, цэ?, ий?* «ли?, же?, а?». Они сочетаются со всеми частями речи. Наряду с вопросительной функцией эти частицы иногда могут внести в предложение отдельные оттенки модальных и эмоциональных значений.

Частица *нлэрэ* может выражать вопрос, оттенок любопытства, сомнения или неуверенности: *Хэту нлэрэ мо шу бэлыхыр?* – *жалэу, цыху-хэр кьеплаклуэу, пцы Аслэнджерий сымэ быданлэм луохэ* (Ш. А.) – «– Кто же эти важные всадники, – говорят люди, наблюдая за князем Аслангерий и его спутниками, подъезжающими к крепости»; *Дыгъуасэ бригадэм къэмыклуауэ нлэрэ Шакъ?* (Къаш. Хъ.) – «Не приходил ли вчера Шак в бригаду?».

При частице *нлэрэ* препозитивное слово всегда имеет аффикс *у//уэ*. *Мухъэмэду нлэрэ ар жызылар?* «Не Мухамед ли это сказал?»; *Тхууэ нлэрэ кьызэптар?* – «Пять ли ты мне дал?»; *Къэклуауэ нлэрэ егъэджаклуэр?* «Пришел ли учитель?»; *Нобэу нлэрэ дыщегъэнур?* – «Сегодня ли мы уезжаем?»; *Сэрауэ нлэрэ ар зэджэр?* – «Не меня ли он зовет?»; *Лентл пльыжъу нлэрэ абы кьичэхуар?* – «Красную ли ленту она купила?».

Если вопросительная частица *цэ* употребляется с глаголом, то последний обязательно оформляется суффиксом *-мэ*. Если же данная частица употребляется с другими частями речи, то словоформа может оформляться суффиксом *-мэ*, а может и не оформляться: *Мафлэгур сыхъэтыр хым къэсынуу.* *Къыкларыхумэ цэ?* – «Поезд прибывает в шесть часов. А если он опоздает?»; *Нобэ нартыхудэч дыклуэнуу.* *Пцэдей цэ?* – «Сегодня пойдём на уборку кукурузы. А завтра?»; *Данцэ хъуми, псори зэхэлхъи «зы» хъун къыцлэгъэдз.* – *Итланэ цэ?* (Къ. М.) – «Сколько ни было бы, все сложи, чтобы получился «один». – А потом?».

5. **Усилительные частицы** *уеблэмэ, аркъудей, ауи, нэт/нэтрэ* «даже»; *икъуклэ* «слишком, очень»; *нэхъ* «более»; *дыдэ* «очень»: *Къэбард адыгэ тхыдэм лъэужъышхуэ къыхинаш, уеблэмэ, абы и цлэрауэ жалэ «къэбэрдей» лъэпкыцлэр къызытеклар* (Ю.) «Кабард в истории адыгов оставил большой след, даже говорят, что от его имени произошло название «кабардинцы»;

Уеблэмэ, Къемэт шаклуэми дихъэхьжыртэкъым (К. Т.) – «Даже охота Кемата больше не прельщала»; *Дыгъуасэ абы сепсэлъэну сыклуати, ауи сызэбгъэдигъэхьакъым* (Ю.) – «Вчера я пошел поговорить с ним, но он даже не подпустил меня к себе»; *Сыту цыыху зэгъуэдыгъуэ мыр! Ауи зиугъэумысыр- къым* (Ж. Б.) – «Какой он невозможный человек! Даже не признается»; *Мухъэмэд цыкы нэт нобэ шыгъажэм цылаш* – «Даже маленький Мухамед сегодня был на скачках»; *Хъэцлэхэр икъуклэ хэклуэтауэ къэсати хэгъэрейхэр цыкыуэжар нэхуцыриш* (Ж. Б.) – «Гости слишком поздно приехали, и поэтому знакомые разошлись только на рассвете»; *Аркъудей умыгузавэ сэр цхъэклэ* (Ю.) – «Даже не беспокойся за меня»; *Жеслар аркъудей кыгурыуакъым* (Къаш. Хь.) – «То, что я сказал, он даже не понял»; *Зэгъуэрым абы танэ дэгъуэ дыдэ, и натлэр фэкъуу, ншэру, и цыр цыуэ кышэуат* (Т. Хь.) – «Однажды он купил очень хорошую телку, со звездочкой на лбу, жирную, с блестящей шерстью»; *Адыгэ хабзэклэ зэджем ныбжышхуэ илэц, абы нарт хъыбархэр цыхъэт зэрытэхуэци, пасэ дыдэу къежыаш* (Н.) – «Так называемый «адыгский этикет» имеет большой возраст, и как об этом свидетельствуют нартские сказания, он сложился очень рано».

6. **Сравнительные частицы** *хуэдэ, нэхъей* «словно» постпозитивны. Они всегда становятся после слова, к которому относятся. *Хуэдэ, нэхъей* относятся к модальным частицам. Они употребляются при сопоставлении близких, похожих явлений, действий и событий: *Шлакыуэ фыцлэ хуэдэ, Марят и цхъэцышхуэхэр и плэм теубгъуат* (Ю.) – «Длинные волосы Марят, словно черная бурка, спускались с плеч»; *Къемэт жылэхэр зэхимышкыкы хуэдэ, Сурэ и цхъэр кылэту и нэгу цлэплъакъым* (К. Т.) – «Словно не понимая то, что говорит Кемат, Сура ни разу не посмотрела ему в лицо»; *И жьэм хъэкъурт жьэдэлъ нэхъей, мыпсалъэу ар цыст* (Ю.) – «Словно во рту у него лежит сушеная пшеничная мука, он сидит молча»; *Къыхуахъахэр зэрымипсэ нэхъей, къэтэджу Абчарэ фыцлэ лъэпкъ къэкыуахэм яхуишкыкы-кы* (К. А.) – «Словно не понравилось то, что принесли, Абчара не встала и не поблагодарила пришедших».

7. **Ограничительная частица** *къудей* «лишь» в предложении всегда занимает постпозицию по отношению к слову, к которому относится. Она чаще всего сочетается с глагольными формами, чем с другими словами. Сообщает ограничительный оттенок слову или группе слов в предложении: *Къемэт и ныбжыр илэс цыцлэ тхурэ ирикъуа къудейт* (К. Т.) – «Возраст Кемата достиг лишь тридцати пяти лет»; *Ар сымаджэ хъэлъэу цытауэ кызырэтэдджыжэ къудейт гу лъыптэрт: башыр зыцлэгъакъуэурэ хуэмурэ бэкъуэф къудейт, цлэх-цлэхуэрэ къэуылэурэ зигъэпсэхурт* (К. Т.) – «Было заметно, что он только-что встал после тяжелой болезни: шагал только опираясь на палку, часто останавливаясь и отдыхая»; *Зэфлэтыф къудейт лым хуэр кызырэдзам Шакъ апхуэдизкы кыгъэгубжыати, ицлэнур имышкыуэ, еплъу увыжаш* (Къаш. Хь.) – «Шак настолько обозлился на колкие слова лишь еле стоящего на ногах мужчины, что, не зная что сказать, уперся в него взглядом».

8. **Побудительные частицы** *илэ, илэт, еуэ* «давай, ну-ка» всегда препозитивны. Употребляются обычно при глаголе-сказуемом, привнося в значение сказуемого предложения оттенок побудительности. *Илэ, сомыгъэгувэ* (Ш. А.) – «Давай, не задерживай меня»; *«Илэ, иджы, си цлалэ, уэрэ сэрэ мафлэ дыгъэцлэ, – жылаш Михаил Иванович* (Т. Хь.) – «Давай, теперь, мой мальчик, мы с тобой разведем огонь», – сказал Михаил Иванович»; *Еуэ, жылэ, уэлэхы, абыкы, сыарэзымэ!* (Къ. М.) – «Давай, говори, валаги, я не возражаю».

9. **Модально-волевая частица вежливого обращения** *кхъылэ* «пожалуйста» обычно препозитивна. В предложении она относится к глаголу-сказуемому, выражающему повеление, просьбу: *Кхъылэ, мыр трегъадзи, умыгъэгувэу секретариатым цлэлгъэ, пцэдей номерым тетын хуейш* (Къ. М.) – «Пожалуйста, это отпечатай, и, не задерживая, отдай в секретариат, материал должен быть завтра у меня в номере»; *Кхъылэ, зомыгъэгувэу къэкыуэж* (Ю.) – «Пожалуйста, не задерживаясь вернись».

10. **Частицы, выражающие упреждения** *догуэ, догуэт, догуэ зэ, догуэт зэ, зэ-зэ* в предложении вносят значения замедления, приостановки действия, выраженного в глаголе-сказуемом. В предложении занимают препозицию. Они относятся всегда к глаголу-сказуемому: *Догуэ, сэ жыслэм къедалуэ!* (Къаш. Хь.) – «Подожди, ты послушай что скажу»; *«Догуэ, Батыр узэрыдэкыуэ матэцлэдзуэ утлысыжын уи гугъэ?» – анэм ипхум зыкъриупсеяш* (Къаш. Хь.) – «Позволь, как только выйдешь замуж за Батыра, думаешь жить припеваючи? – мать пристала к дочке»; *Зэ-зэ, цыгъэтыт, Бетлал* (Ш. А.) – «Ну-ну, перестань, Бетал». *Зэт-зэт, цлумыгъэлъашэт иджы, Нацхуэ!* (Ш. I.) – «Ну-ну, не

преувеличивай теперь, Нашхо».

11. **Частица** *уа* «о» всегда препозитивна. Употребляется для обращения внимания к высказыванию со стороны лица, с которым говорят: «*Уа, Пытлыкъ, ужей си гугъэкъым сэ*», – *жилац Бот* (Ж. Б.) – «О, Питик, кажется ты не спишь», – сказал Бот»; *Уа, узыхуейр сым?* – «О, что ты хочешь?».

12. **Репрезентативная частица множества** *сымэ* «вместе с другими, вместе с» в предложении стоит всегда после слова, к которому относится. Сочетается только с нарицательным именем человека или с вопросительным местоимением *хэт?* «кто», который ставится в кабардино-черкесском языке только к человеку. Выражает значение сопровождения, сопутствования кого-либо с каким-нибудь лицом или же с группой лиц. **Примечание.** Следует полагать, что данная частица пережиточно увязывается с категорией класса человека (с вопросительным местоимением *сыт* она не сочетается).

Хэту нлэрэ мы шу бэлыхьыр? – *жалэу, цыхухэр къеплъаклуэу, пцы Аслъэнджэрий сымэ быданлэм луохэ* (Ш. А.) – «Кто же эти важные всадники?» – думают люди, и в это время князь Аслангерий и сопровождающие его подъезжают к крепости»; *Хэт зымыщлэр нарт пцацэхэу Сэтэней, Мэлычпху, Идииху, Дахэнагъуэ сымэ, я дахагъым хуэдэу лыгъэшхуэ, хабзэшхуэ, нэмысышхуэ яхэлэу зэрыщытар* (Н.) – «Кто не знает нартских женщин – Сатаней, Маличпх, Адиюх, Даханаго – и всех их, которые обладали, кроме красоты, и такими замечательными чертами характера, как: доблесть, хорошие манеры поведения, уважительное отношение к людям»; «*Хэт сымэ зи гугу пцыр, Кургъокъуэ?*» – *щлэупцлац Мудар* (Ж. Б.) – «Кто они, о ком ты говоришь, Кургоко? – спросил Мудар»; *Хэт сымэ зэлуцлэм къэклуахэр?* – «Кто они, которые пришли на собрание?».

13. **Позволительная частица** *зи / зикI* «ну, ладно, пускай» выражает оттенки разрешения, допущения, уступку. В предложении может занимать препозицию или постпозицию. Употребляется преимущественно как ответ на просьбу, желание. – *Уэсмэн, Заур цыклу шым тезгъэтысхэ хэун?* – *Зи, тезгъэтысхэ* (Ш. А.) – «Осман, можно я посажу на лошадь маленького Заура? – Ну, посади»; – *Нанэ, Линэ цыклу паркым здызошэ.* – *ЗикI, наклэми хэуни* «– Бабушка, Линочку я возьму с собой в парк. – Ну, можно взять».

14. **Частицы субъективной передачи чужой речи** *жи, жери* «мол, дескать» употребляются в основном в разговорной речи. Восходят к основе глагола *жылэн* «говорить»: *Дисэ «пцэдей хъэгъуэллыгъуэм фымыклуэу хэунукъым»,* – *жи* – «Диса говорит, что нужно, мол, идти на свадьбу»; «*Апхуэдизу цхэ фыцыху гугъусыгъуэ!*», – *жеру ар къызыццэ* – «Почему вы такие, дескать, трудные люди, – с укором сказал он мне».

15. **Неопределенная частица** *гуэр* «некий» всегда постпозитивна. Со словом, с которым сочетается, выражает значение неопределенности. Употребляется обычно с именами, отглагольными формами имен: *Лыжэ гуэр цхэлым къыкыжырт, лэжэ гублацхэм дэсу* (Ад. т.) – «Некий старик возвращался с мельницы, сидя на облучке саней»; *Гъавэ сцлэм, былымитI си пцлантлэм дэтмэ, зы цыхубз гуэр къэзгъуэтынклэ цхэ мыххурэ?* (Т. Хь.) – «Если я буду сеять и убирать урожай, а во дворе будут два крупных рогатых скота, почему я не смогу найти некую женщину, чтобы на ней жениться?» *А пцыхъэххэм сэ унэ гуэрым сыкыщыхутац* (Н.) – «Я в тот вечер оказался в каком-то доме»; *Фермэм къытехъа гуэрым кыхъауэ къыщлэкынутац газетыр* (Къаш. Хь.) – «Газету принес, видимо, некий явившийся на ферму».

16. **К модально-экспрессивным частицам** относятся: *мыгъуэ, гуцэ, аджыдэ, аллоуэх, асымыгъуэ, афэрым, арелъ/мырелъ*. Частицы *мыгъуэ, гуцэ* выражают сострадание, сопереживание, сочувствие. Эти частицы всегда постпозитивны по отношению к слову, которого сопровождают, семантически соответствуют по значению словам «несчастный», «несчастье»: *Абы и адэ мыгъуэр зауэм хэклэудат* – «Его несчастный отец погиб на войне»; «*Сыт гуцэ къэхуар?*» – *жилэурэ тезадэ псынцлэу уэрамым дэлъадац* (Лу.) – «Что за несчастье случилось?» – говоря, Тезада быстро выбежала на улицу»; *Хэт гуцэ узыгъэунэхуар?* – «Кто этот несчастный тебя погубил?»; *Нобэ мыгъуэ илъэс мэху ди анэр дызэрымилэжрэ!* «Сегодня – в несчастный день – исполнился уже год, как мы потеряли свою мать».

Частица *аджыдэ* «ох бы» в предложении занимает препозицию, выражает значение сильного желания чего-либо. Обычно употребляется с оптативом, усиливая ее семантику: *Аджыдэ, слэгъуацэрэрэт уэ пхузэфлэкы-нур зыхуэдизыр!* – «Ох, увидеть бы, на что ты способен (горазд)!»; *Аджыдэ, сыклуацэрэт Бытырбыху!* «Ох, поехал бы я в Петербург».

Частица *аджыдэ* употребляется чаще в разговорной речи.

Частица *ал-ло-уэхъ* употребляется препозитивно. Выражает изумление, восторг, одобрение: «**Ал-ло-уэхъ**, – *жилащ абы и пащлэ ныкхуэтхур лэгуклэ ирилхэцлэкIри*, – *зымышхыр хэнауэ лэпс хьэлэмэтц*» (М. Б.) – «О-уу, сказал он, приглаживая свои усы, – какой прекрасный бульон, кому не достанется, тот пожалеет»; **Ал-ло-уэхъ**, *сыту куэд фыххурэ!* – «О-уу, как вас много».

Частица *асымыгхуэт* употребляется препозитивно. Выражает испуг, огорчение, неодобрение, порицание: **Асымыгхуэт**, *мы кхэхуар сыхт?!* – «Ой-ой-ой, что же это случилось?!»; **Асымыгхуэт!** *Ххуну нлэрэ а уэ пщла хьэдыгхуэдахэр?* – «Ой-ой-ой! Можно ли такое безобразие сотворить?!»

Афэрым – Обычно занимает в предложении препозицию. Выражает значение одобрения чьего-либо поступка: **Афэрым**, *нобэ уэ лыгхэ зепхьащ* – «Молодец, ты сегодня поступил как настоящий мужчина».

Модально-экспрессивные частицы встречаются чаще в разговорной речи.

Частицы, выражающие удивление, неодобрение: *мырелъ, арелъ*. Они занимают всегда препозицию: **Мырелъ**, *мыбы и дахагхэр!* – «Вишь, какая красота!»; **Арелъ**, *ар зэрымыукIытэр!* – «Вишь, какая у него (нее) совесть!».

12. Междометия

Междометия – это неизменяемые слова, употребляемые в языке для выражения говорящим различных эмоций, ощущений, волевых побуждений и других реакций на окружающую действительность. Например, *ай!* «ой!», *уей!* «ой!», *ей-ехъ* «ой-ой-ой», *ау-уей* «нет», *-лау лагъу* «ах», *уэ-хъэ-хъей* «о-го-го», *алыхъ-алыхъ* «о боже» и др. Такие слова не входят в систему частей речи в прямом смысле этого слова: ни в группу знаменательных, ни в группу служебных. К знаменательным частям речи не относятся потому, что не имеют грамматической формы и не являются членами предложения, а к служебным не причисляются ввиду того, что они не устанавливают какие-либо грамматические отношения между словами в предложении, как послелоги, не связывают слова и предложения, как союзы. В предложении они обычно занимают автономную позицию.

По своему образованию междометия делятся на две группы: на первичные (простые) и вторичные (производные). К первичным относятся нечленимые образования, представляющие собой слова-выкрики. В основном они выражают испуг, неожиданность, восторг, удивление, упрек, возмущение, отвращение, одобрение, неодобрение, сожаление, возмущение, отрицание, неприятие, боль, раздражение, злорадство и т.д.

К первичным междометиям относятся: *ей, еl, уай, уей, уий, уарэ, ей-ехъ, еl, ау-уей, уэ-хъэ-хъей, уэ-уэу, адыдыд, адыдыд гуцэ, адыдыд мыгъуэ, е-ей, еу-уей мыгъуэ, уэу, уэу мыгъуэ, ей мыгъуэ, лагъ, лагъу, лау, лэу, ну-ну, ыхъ, уо-о, цылу*.

К производным относятся междометия, которые происходят от знаменательных и служебных частей речи. Производными междометиями являются: *алыхъ-алыхъ, адыдыд мыгъуэ, ейей мыгъуэ, уэху мыгъуэ, зиунагъуэрэ, фlыклэ, гъуэгу махуэ, фlохъусыж // къохъусыж, тхъэразы кыпхухъу, зегъэхъ адэ, тобэ lэстофрилэхъ, уарэ, сыт на-а гуlэгъуэ*. Число вторичных междометий меньше, чем первичных. Большинство производных междометий по происхождению этимологически связаны с самостоятельными словами и словосочетаниями. Например, *алыхъ-алыхъ* – это удвоенная основа заимствованного слова *Алыхъ* «Аллах», *фlы-клэ* – восходит к прилагательному *фlы* «хороший», *зи унагъуэрэ* – к словосочетанию *зиунагъуэр бэгъуэн* «чей дом станет обильным», *фlохъусыж* к *фlо-хъус* (*фlы ухъу* + корень *с* + суффикс *-ж* «добратся, достигнуть»), *уарэ* к словосочетанию *уа ара?* «о, это» и т. д.

12.1. Разряды междометий по значению

По своим значениям междометия можно разделить на две группы: междометия, выражающие различные эмоции, и побудительные междометия.

Эмоциональные междометия являются выразителями различных чувств. Они информируют о том, что испытывает говорящий в момент речи. Например, *Уэхъэ-хъей! Жылэ махуэ хъун! Фи мэлхэр хъэм сфlешх!* (Къ. Хъ.) (Испуг) – «Ого-го-о! Добрые сельчане! Ваших овец раздирают волки!»; *Еу-уей, хъуакъым ар! Уи гъусэу къалэм сынэкlуатэмэ, си lуэхур тэмэм хъуатэкъэ!* (lу.) (Сожаление) – «Увы, если бы я с тобой поехал в город, дело мое завершилось бы как надо!»; *Уэ-уэу мыгъуэ! Си си закъуэ дауэ унэм сыщlэсыну!* (Кl. А.) (Досада) – «Ой-е-ей! Как я один буду жить!»; *Е-lей! Ар сыту дахэ!* (Восторг) – «Ой же! Как это красиво!»; *Уэху! Хуэфашэр абы кыщыщlац!* (Къ. М.) (Злорадство) «Так ему и надо!»; *Еl! Ар дауэ жыnlэфа?* (Щ. l) (Возмущение) «Как такое ты мог сказать?!». *Ей, ар нэхъапэ цхъэ сымыщlарэт* (lу.) (Сожаление) «Ох! Как этого я раньше не знал!»; *Еlым-елыххэ! Сыт уэ си жэмър хъушэм кыщlыхънхужар?* (Т. Хъ.) (Протест) «Ах ты! Зачем мою корову выгнал из стада?!»; *Уий!* «Тlэкlуц къэнэжар псым сыхэкlэным!» (Неожиданность). «Ой, чуть было не прыгнул в воду!». *Ау-уей! А жыnlар пэжкъым!* (Къ. Хъ.) (Отрицание) – «Ах! Ты говоришь неправду!». *Цылу-цылу-цылу!* *Щхъэ анхуэду зэхэгъэщэца тепцэчыр?* (Досада, неодобрение) – «Ай-я-яй! Почему ты так расколотил тарелку?!»; – *Тхылгыр нобэ кысхуэхъыж*. – *Хъуэ lей, иджыри тlэкlу сыгъэлыгъ* (Несогласие с просьбой) – «Книгу верни мне сегодня – Ой нет, дай еще немного поддержать»; *Ыlы-хы!* *lуэхур иджы зэлыбгъэхъэжаш!* (Неодобрение, неприятие) – «А-я-я! Дело ты теперь совсем запутал»; – *Пцэдей экзамен птырэ?* – *Цылу* (Отрицание) «– Завтра сдаешь экзамен? – О нет»; *Алыхъ-алыхъ, сыту lейуэ себгъэхъулlа?* (Радостное

удовлетворение) «Боже, как ты благодетельствовал меня!»; **Уй-й**, *сыджалэ нэтац!* (Испуг) «Ой, чуть не упал!» (Испуг); *А сымыгъуэт* (Ужас) – «О ужас!».

Ряд междометий первой группы, в зависимости от содержания последующего высказывания, бывает полисемантическим. Так, например, междометие *а-лей* может выражать то восторг, то удовлетворение, то недоумение: **А-лей**, *сыту дахэ!* (Восторг) – «Ой, как красиво!»; **А-лей!** *Сыту фыт укъызэрыкълуар* (Удовлетворение) – «Ах, как хорошо, что ты пришел!»; **А-лей!** *Пцлэр сым?* (Недоумение) – «Ой, что ты делаешь?!» Междометие *уэху*, в зависимости от ситуации, в которой оно употребляется, может выражать чувство облегчения, злорадства, удовлетворения или недуг; **Уэху**, *духаш иджы нартыху пцлэныр!* (Облегчение) – «Ох, закончили мы уже прополку кукурузы!»; **Уэху**, *дэгъуэ хъуаш узыхуейр къызэрыплэрымышар!* (Злорадство) «Ох, хорошо, что ты не получил того, что ты хотел!»; **Уэху**, *сыту фыт ар къызэрымыкълуар!* (Удовлетворение) – «Ох, хорошо, что он не пришел!»; **Уэху... уэху**, *нобэ сыхэлъэц!* (Недуг) – «Ох... ох! Сегодня мне тяжело!».

К побудительным междометиям относятся междометия, выражающие призыв, повеление, пожелание: *хьейдэ*, *хьейдэ маржэ! маржэ, маржэ хъужыхэн* (призыв), *айдэ! зегъэх, зегъэх адэ* (повеление) – «Вон, вон отсюда!», *фыклэ, гъуэгъу махуэ* «до свидания, в добрый путь», *флэхъусыж // къохъусыж* «с приездом», *упсэу* «спасибо» (благодарение): **Хьейдэ**, *фыклэу зэлущлэм!* – «Айда, идите на собрание!»; **Маржэ хъужыхэн!** *Уэшхым цлимыдэ цлэклэ гуэдзыр маршынэм идывгъэкълутэ!* (призыв) – «Будьте благословенны! Давайте, пока не начался дождь, пшеницу загрузим в машину!»; **Зегъэх адэ!** *Дэнэ ухуейми клуэ!* «Вон, отсюда! Иди куда хочешь!»; **Упсэу!** *Жыплэ псори тэмэмц!* – «Спасибо! Все, что ты говоришь – это правда!»; **Гъуэгъу махуэ**, *уи луэхур Тхэм къыуигъэхулэ!* – «До свидания! Пусть все твои дела завершатся благополучно!»; **Фыклэ!** *Пцэдей дызэхуэзэнц* «До свидания! Завтра встретимся».

Особую группу междометий в кабардино-черкесском языке составляют междометия-приветствия, которые представляют собой идиоматические словосочетания, последнее слово которых не поддается этимологизации. К ним относятся: *бохъу апций*, *бов апций*, *гуп махуэ апций*, *шхошх апций*, *флэхъус апций*, *гъуэгъужь апций* и т.д. Употребление их обычно связано с тем, чем занят в данный момент приветствуемый. Например, *бохъу апций!* употребляется тогда, когда приветствующий обращается к пастуху, который стережет скот, и означает: «Пусть умножится твой скот!»; *бов апций!* – направлено в адрес того, кто пашет или занимается уборкой и означает: «Пусть будет богатым урожай!»; *Шхошх апций!* – употребляется тогда, когда приветствуемые сидят за трапезой и означает – «Пусть ваша еда будет обильной!»; *гуп махуэ апций!* – обращен к компании людей и означает «Пусть будет добрая компания!»; *Гъуэгъужь апций!* адресуется встречному путнику и значит – «Доброй дороги!». Эти междометия употребляются только лицами мужского пола. **Бохъу апций**, *тхэммадэ! Мы гъэм уи мэлхэри сым хуэдэ?* (Иу.) – «Приветствую тебя, тамада! Как в этом году твои овцы?». – **Гуп махуэ апций!** – *жыслэу сацыхыхэм, псори зэцлэтэджащ.* «– Приветствую всю компанию! – когда так сказал я, все встали»; **Флэхъус апций**, *Мажид! Сыту фыт укъызэрыкълуар!* – (М. С.) «Здравствуй, Мажид! Как хорошо, что ты пришел!».

12.2. Особенности в употреблении некоторых междометий

В кабардино-черкесском языке одни междометия произносятся исключительно только лицами женского пола, другие же только лицами мужского.

Для женщин сугубо характерно употребление таких междометий, как: *а-на*, *а-на гуцэ*, *а-на мыгъуэ*, *сыт на-а*, *адыдыд*, *адыдыд гуцэ*, *адыдыд мыгъуэ*, *асымыгъуэ*, *асымыгъуэ зэрабг*, *а-лей*, *а-лей гуцэ*, *а-лей мыгъуэ*, *алыхь*, *тхъэ*. «Женские» междометия обычно начинаются со звука «а»: **А-на**, *апхуэдэу тхъэ ужылэмыдалуэ?* (Иу.) – «Ах, почему ты такой непослушный?!»; **А-на мыгъуэ**, *къэхъуар пцлэркъэ?* (Ш. А.) – «Ой – несчастье, ты, не знаешь, что случилось?»; **А-лей мыгъуэ!** *Тхэм гуэныхь сцимыцл-клэ, езы дадэ зыгуэр къылэцлэцлауэ плэрэ?* (Иу.) – «Ой же, пусть бог меня простит, что так думаю, может сам дедушка натворил что-то?»; – **Асымыгъуэт**, *къэмэх илэу арауэ плэрэт сабийм?* – *желэ абы* (Е. К.) – «О горе мне, у ребенка бывают припадки что ли? – говорит она»; **Адыдыд!** *Нобэрей уэм ди хадэр зэуэ*

зэтрикѳутащи! (Iy.) – «Ой-е-ей! Как поколотил сегодняшний град наш сад!»; **А-на гуцэ**, *иджыри кѳэс уздэщылар данэ?* «Ой же, где ты был до сих пор?»; **Адыдыд мыгѳуэ**, *зауэм зѳрыщидзэрэ мафлэ лыгѳейм дыхэтѳи* (Кѳ. Хѳ.) «Ой-ужас, с начала войны мы в гуще огня». Встречаются, однако, случаи, когда в «женских» междометиях в начале опускается «а»: *Сыт на-а, гулэгѳуэ, кѳыупсэлѳыр?* (Щ. А.) «О, ужас, что ты говоришь?».

К «мужским» междометиям относятся: *лагѳ, лагѳу, лэгѳ, лау, зиуна-гѳуэрэ, уэлэхѳи*. Большинство междометий, употребляемых мужчинами, начинается со звука *л*. Они относятся к первичным междометиям. Что касается междометий *зиунагѳуэрэ* и *уэлэхѳи*, то они вторичные и объяснение их происхождения не вызывает трудности: *зиунагѳуэрэ* от словосочетания *Зи унагѳуэр бэгѳуэн!* «Процветения твоей семье!» *Уэлэхѳи* восходит к заимствованному слову *Аллах* «Аллах».

Первичные и вторичные междометия могут следовать друг за другом в одном высказывании. Например: – **лау, зиунагѳуэрэ**, *ар сыт цхѳэклэ*, – *ѳи полковникѳм флэгѳэщлэгѳуэну* (Кѳ. Б.) «- Ах... это почему же? – говорит полковник удивляясь»; **лагѳу!** *Уэлэхѳи сэ ар сымыщла* (Е. К.) «Ах... честное слово, я этого не знал»; **лэгѳу, зиунагѳуэрэ**, *нѳлэр зищлѳысѳр сыт?!* «Ах, что ты делаешь?!».

12.3. Мимео-изобразительные слова

К междометиям примыкают так называемые мимео-изобразительные слова. К ним относятся слова типа: *гѳыр-гѳыргѳ!* (имитация звука падения), *шы-шыш!* (имитация шума дождя), *гѳур-гѳургѳу, гу-гу-гу!* (имитация грома), *лу-луу-лу* (подражание сигналу паровоза), *нлу-нлу-нл!* (подражание сигналу автомашины) и т.д. В отличие от междометий они служат для более эмоционального воспроизведения шума, движения и других явлений. Они обычно трехгласные или являются частичной редупликацией слова, например, типа: *нлѳргѳ-сыргѳ* («падение» с исчезновением), *члѳкѳ-сыкѳ* (скрип, например, арбы), *гѳым-сым* (гнусавое произношение) и др.

Мимео-изобразительные слова иногда становятся базой для образования других слов, особенно глаголов. Например, *уафэгѳуагѳуэ* «небесный гром» и *гѳуэгѳуэн* «греметь в грозу», *щэцэн* «разбиться на мелкие куски», *клэклэн* «каркать» (о сороке), *цлэцлэн* «стрекотать» (о кузнечике).

К мимео-изобразительным словам близко стоят также слова, употребляемые в обращении к разного рода животным. По своим функциям такие слова можно разделить на три группы. В первую группу входят слова, употребляемые для понукания рабочего скота. Например, *хѳуэш / гѳуэш!* (для вола), *др-р-р!*, *н-нуа!* (для лошади); *хо, хо мыжѳ!* (для коровы), *хо* (для буйвола) и т. д.

Ко второй группе можно отнести слова, с помощью которых отгоняют животных и птиц: *тыхѳ!* *клѳц!* (о кошке), *клэц!* (о козе), *хѳуретл!* (об овцах), *хѳыр!* *хѳырэ!* (о собаке), *шыр!* *шырэ!* (об утках), *кѳыщ!* (о гусях), *гур!* (об индейках), *ыш!* *шу!* (о курах, воробьях, голубях), *уу-ууй* (о хищных птицах) и т. д.

К третьей группе относятся слова-призывы, которые употребляются при подзывании домашних животных и птиц. Например: *ншо-ншо!* (лошади), *мыжѳ-мыжѳ!*, *мыжѳэ-мыжѳэ!* (коров), *клѳшэ-клѳшэ!* (теленка), *бышэ-бышэ!* (буйвола), *тлэхѳу-тлэхѳу!* (овцы, ягненок), *клэцэ-клэцэ!*, *кэцэ-кэцэ!* (коз, козленок), *мэ-мэ!* (собаки), *клѳцэ-клѳцэ!*, *клѳц-клѳц* (кошки), *кѳурт-кѳурт!* (кур), *улэ-улэ!* (крупных уток), *шырэ-шырэ!* (маленьких утят), *кѳаз-кѳаз!*, *кѳас-кѳас!* (гусей), *гурэ-гурэ* (индеек), *дзыуэ-дзыуэ!*, *цлѳ-цлѳ* (цыплят). Эти слова – удвоенной формы.

Некоторые из характеризующих слов могут быть базой для образования новых слов, особенно глагольных. Звукоподражательную основу имеют такие слова: *гѳуэн* «блеять» (об овце), *чэчэн* «блеять» (о козе), *клэклэн* «каркать» (о сороке), *цлэцлэн* «трещать» (о кузнечике), *кѳэкѳэн* «кудахтать» (о курице), *щѳыщын* «ржать» (о лошади), *буун* «мычать» (о корове, теленке), *нѳлэун* (о щенке, котенке), *цлѳун* «пищать» (о цыплятах), *кѳуртын* (о курах-наседках).

Глава четвертая. СИНТАКСИС

1. Предварительные замечания

Общеизвестно, что синтаксис остается до сих пор менее изученным разделом адыгского языкознания. В последнее время предпринимаются в этой области удачные попытки, в частности, имеется уже ценный опыт построения синтаксиса простого и сложного предложений (У. С. Зекох, А. М. Камбачоков и др.), представляющий по своим установкам и предлагаемым методическим приемам значительный интерес для разработки адыгской грамматики.

Авторы синтаксического раздела не ставят задачи всестороннего анализа всех синтаксических структур кабардино-черкесского языка, в этом разделе исследуются основные явления синтаксиса словосочетания и предложения. Если по вопросу разграничения словосочетания и предложения существуют более или менее общепризнанные критерии, то этого нельзя сказать о дифференциальных признаках словосочетания и слова. В теоретическом языкознании этот вопрос не получил еще однозначного решения. Семантические и фонетические критерии, широко используемые специалистами разных языков при разграничении синтаксических и лексических единиц, в частности, словосочетаний и слов, оказываются непригодными или недостаточными применительно к западнокавказским языкам. В настоящей работе не обсуждается эта проблема, а принимаются ранее предложенные структурные критерии выделения словосочетания и слова.

Разные авторы кладут разные принципы в основу самой классификации словосочетаний, в настоящей работе принят критерий классификации словосочетаний, согласно которому учитывается грамматический разряд главного члена, а также и зависимого компонента.

В этом же разделе освещаются дополнительные конструкции (конструкции с предикативным октантом) с опорой на семантические критерии.

2. Словосочетания

(Основные типы словосочетаний)

2.1. Главный член – существительное, зависимый – числительное

Синтаксическая модель словосочетания с препозитивным числительным возможна в том случае, если в этой позиции выступает количественное числительное *зы* «один»: *зы уанэ* «одно седло», *зы цлалэ* «один юноша». Все другие количественные числительные, занимают постпозицию.

Синтаксическая модель «числительное *зы* «один» + существительное» находит параллели в ряде топонимических названий. К ним относятся адыг. *Тлуанс* (шапс. *Тлкълуансэ*) «Туапсе», букв. «Двуречье», *Тлуанкл* «Туапч» (название реки, впадающей в Псенупс), *Тлуабгъу* «Туабгу» (название реки) и др. В указанных топонимических названиях в качестве препозитивного члена вычленяется основа, восходящая к числительному *тлу* «два», к ним примыкают *тлуацлэ* – топонимическое название мест, находящихся между двумя реками. Заслуживают внимания также нетопонимические названия типа *тлуанэ* «вторая жена» (ср. *тлуанэ тецлэн* «жениться второй раз при наличии первой жены»).

Нет сомнения в том, что как модель «числительное *зы* «один» + существительное», так и топонимические названия типа *Тлуанс* «Туапсе», *Тлуабгъу* «Туабгу» с препозитивным членом *тлу* сохраняют исходное синтаксическое строение.

После двадцати существительное включается внутрь сложного числительного. Оно остается также препозитивным членом, т.е. одновременно занимает препозицию и инпозицию: *цлыху тлоцлрэ цлыхуитхурэ* «двадцать пять человек», букв. «человек-двадцать-и-человек-и-пять-и». Указанная конструкция сосуществует с конструкцией *цлыху тлоцлрэ тхурэ* «двадцать пять человек», букв. «человек-двадцать-и-пять-и», т.е. наблюдается варьирование синтаксического строения словосочетаний с зависимым числительным после двадцати. Ср. *цлыху цэцлрэ цлыхуищрэ* «тридцать три человека»

(букв. «человек-тридцать-и-человек-и-три-и»), *цыху щэцлрэ щырэ* «тридцать три человека» (букв. «человек-тридцать-и-три-и»), *цыху тлоцлрэ цыху пчыклуцрэ* «тридцать три человека» (букв. «человек-двадцать-и-человек-тринадцать-и»), *цыху тлоцлрэ пчыклуцрэ* «тридцать три человека» (букв. «человек-двадцать-и-тринадцать-и»).

Как видно, значение «тридцать три человека» может быть выражено четырьмя синтаксическими моделями, выступающими в качестве вариантных конструкций. Подобные варианты синтаксической единицы выражения, с которыми устойчиво соотносится один и тот же референт, – ареальное новообразование. В данном случае рассматриваемые синтаксические варианты образованы на кабардинской почве. Каждый синтаксический вариант представляет собой и новую синтаксическую модель, поскольку каждый раз меняется строение синтаксической конструкции.

Из двух синтаксических моделей типа *цыху тлоцлрэ цыхуитху-рэ, цыху тлоцлрэ тхурэ* «двадцать пять человек» исходной является последняя модель. Она (исходная модель) построена без редупликации имени существительного, т. е. без включения повторяемого слова внутрь сложного количественного числительного.

Начиная от двух до десяти (включительно), существительное сочетается с постпозитивным числительным с помощью соединительного элемента *и*: *цыхуищ* «три человека», *жэмх* «шесть коров», *илъэсипцл* «десять лет». Оба члена словосочетания фонетически сливаются в единый комплекс и утрачивают конечные гласные. В том случае, если словосочетание «существительное + числительное» разделяется другим словом (например, определением, выраженным прилагательным), то последнее сливается с числительным с помощью соединительного *-и*, а существительное выступает в чистой основе: *пцащэ дахипл* (*пцащэ дахэ-й-плы*) «четыре красивые девушки»; ср. также в том же значении *пцащэ дахэу плы*.

Подобным же образом сочетается с препозитивным существительным (или определительным словосочетанием) количественное числительное *щэ* «сто»: *цыхуищэ* «сто человек», *фызищэ* «сто женщин», *унэ дахищэ* «сто красивых домов». Иными словами, в словосочетаниях с числительными соединительный элемент *-и* появляется лишь в том случае, если постпозитивное числительное фонетически является односложным словом открытого типа, ср. *тхылъищ* «три книги», *тхылъ цыхклуищ* «три маленькие книги», но *тхылъ пчыклуц* «тринадцать книг», *тхылъ тлоцл* «двадцать книг». Соединительный элемент, наличествующий лишь при односложных постпозитивных числительных открытого типа имеет фонетическое происхождение. Однако разбираемый соединительный элемент в словосочетаниях трудно отделить от материально тождественного соединительного элемента в сложных числительных типа *щ-и-тл* «двести», *щ-и-щ* «триста» и др. Если зависимый член – порядковое числительное, то последнее, как правило, занимает препозицию в современных адыгских языках: *еханэ мазэ* «шестой месяц» (*еханэ* «шестой»).

Рассматриваемая модель словосочетания характеризуется вариативностью своего строения, порядковое числительное может быть также постпозитивным членом словосочетания: *унэ ещанэ* букв. «дом третий», *жыг епланэ* букв. «дерево четвертое», *махуэ ебгъуанэ* букв. «день девятый». Изменение порядка членов рассматриваемого типа словосочетаний влечет за собой лишь изменение стилистической функции. Однако стилистически нейтральной может быть не только модель «порядковое числительное + существительное», но и модель «существительное + порядковое числительное». Так, в предложении *Ар махуэ етлуанэм къэклуащ* «Он пришел на второй день» словосочетание *махуэ етлуанэм* букв. «день второй» нельзя отнести к стилистически нейтральным единицам, в то время как в предложении *Ар илъэс епцланэм хыхъащ* «Ему пошел десятый год» словосочетание *илъэс епцланэм* букв. «год десятый» является общеупотребительным, т. е. демаркированным в стилистическом отношении. Одна и та же синтаксическая модель словосочетания («существительное + порядковое числительное») может быть стилистически нейтральной и стилистически маркированной, при этом подобная речевая реализация анализируемой модели словосочетания имеет широкое распространение в современном языке и диалектах.

Словосочетания типа «существительное + неопределенно-количественное числительное» характеризуются чрезвычайной устойчивостью своего строения. Ср. *махуэ зыкъом* «несколько дней». Изменение порядка членов словосочетания невозможно

без изменения грамматической формы главного члена – существительного. Ср: *Зыкъом щIалэу, зыкъом хъыджэбзу къэкIуащ* «Несколько парней и несколько девушек пришли». Однако по своему значению и синтаксическим связям между членами словосочетания модель типа *щIалэ зыкъом* «несколько парней» отличается от модели типа *зыкъом щIалэу* букв. «как парни несколько».

2.2. Главный член – существительное, зависимый – прилагательное

А. Модель «существительное + качественное прилагательное» характерна для всех диалектов. Порядок расположения компонентов анализируемой модели отличается устойчивостью: *шыбжий плъыжь* «красный перец» (*шыбжий* «перец»). Зависимыми членами, стабильно занимающими постпозицию, выступают не только прилагательные, образованные с помощью специальных аффиксов, но и имена качества типа *дахэ* «красивый», *пагэ* «гордый», *ин* «большой», *лъахъшэ* «низкий» и др.

В кабардино-черкесском языке, как и в других западнокавказских языках, встречается также препозитивное употребление качественного прилагательного в определительных словосочетаниях или основах качественного прилагательного в определительных сложных словах, что свидетельствует об изменении их исходной синтаксической структуры. К ним относятся словосочетания и лексемы, характеризующиеся тождественным синтаксическим строением. Речь идет о единицах типа *жьыщхъэ* «на старости лет», *плъыжьыфэ* «красноватый» (букв. «красного цвета»), *хужьыфэ* «светловатый, беловатый» (букв. «белого цвета»), *гъуэжьыфэ* «желтоватый», *дахэкупсэ* «чернокорень» (растение), *дахэтхъэлэ* «белена», восходящие к словосочетаниям.

Б. Модель «относительное прилагательное + существительное» унаследована от праязыкового состояния: *нобэрей махуэ* «сегодняшний день» (*махуэ* «день»), *нэгъабэрей мэкъу* «прошлогднее сено» (*мэкъу* «сено»). В современном языке сосуществуют исходные и производные (новые) синтаксические модели. Ср. *дыгъуасэ махуэ* // *дыгъуасэ-рей махуэ* «вчерашний день».

2.3. Главный и зависимый члены – существительные

Этот тип атрибутивных словосочетаний состоит из препозитивного определяющего и постпозитивного определяемого членов, ср. *дыжьын бгырыпх* «серебряный пояс» (*бгырыпх* «пояс»), *дыцэ щIыIу* «золотая пуговица» (*щIыIу* «пуговица»), *пхъэ гуахъуэ* «деревянные вилы» (*гуахъуэ* «вилы, вилка»).

2.4. Главный и зависимый члены связаны посессивным элементом

Определительные словосочетания этого типа характеризуются фиксированным порядком компонентов: главный член, выраженный посессивной формой имени существительного, занимает постпозицию, зависимый – препозицию: *лIыжьым и пыIэ* «шапка старика», *хъыджэбзым итхылъ* «книга девушки».

На оформление определительного члена падежным аффиксом накладываются лексические ограничения, что свидетельствует о незавершенности процесса становления определения, выраженного формой эргативного падежа. Ср. *Азэмэт иш* «конь Азамата». Неоформленность падежным аффиксом определительного члена словосочетания, выраженного личным именем, – общеадыгское явление, в группу неоформленных падежным аффиксом определений попадают не только личные имена, но и другие разряды слов, например, топонимические названия и др.: *Тэрч и Iуфэ* «берег Терека». Лексические ограничения, накладываемые на грамматическое (падежное) оформление препозитивного определения, многообразны, что связано с природой эргатива, незавершенностью его становления, вариативностью его функционирования, экспрессивностью и стилистической маркированностью падежной формы.

2.5. Главный член – существительное, зависимый – местоимение

В кабардино-черкесском языке существуют следующие типы определительных словосочетаний с местоимениями в роли зависимых членов:

А. Зависимый член – указательное местоимение: *мы щлалэр* «этот парень», *мо фызыр* «та женщина», *мы хэкур* «эта страна», *мо мзыр* «тот лес». Указательные местоимения, противопоставляемые друг другу по признаку «близкий-далекий», выступают препозитивным членом словосочетания.

Б. Зависимый член – определительное местоимение. По своему синтаксическому строению различаются разные модели словосочетаний разбираемого типа. Имеются словосочетания с твердым и свободным порядком слов. Словосочетания с твердым (фиксированным) расположением компонентов делятся на две разновидности: с препозитивным зависимым членом; с постпозитивным зависимым членом: *махуэ къэс* «каждый день» (*къэс* «каждый»), *дуней псор* «весь мир» (*псо* «весь, все»). Среди словосочетаний, характеризующихся свободным порядком компонентов, выделяются стилистически нейтральные и актуализированные варианты: *Цыхур ээклэ//зэклэ цыхур* «все люди» (стилистические варианты) *цыхур зэклэ мэлэжъэ*; *зэклэ цыхур мэлэжъэ* «все люди работают»; *езы щлалэр* «сам парень», но *щлалэр езыр* «парень сам» (актуализированный вариант).

Что касается отношения общеадыгских моделей словосочетаний с зависимыми членами определительных местоимений более ранним хронологическим уровням, то инновационный характер определительных местоимений в западнокавказских языках не позволяет реконструировать общие для всей языковой группы словосочетания с генетически тождественным зависимым членом. Однако это не означает, что сама синтаксическая модель (словосочетания, состоящие из существительного в роли стержневого слова и определительного местоимения в роли зависимого члена) могла возникнуть лишь в период самостоятельного существования западнокавказских языков.

В. Зависимый член – неопределенное местоимение: *хъэщлэ гуэр* «какой-то гость», *цыху гуэр* «какой-то человек». Порядок расположения («существительное + неопределенное местоимение») не знает исключения, т. е. всегда остается фиксированным. Словосочетание с зависимым местоимением *гуэр* «какой-то, некий» имеет синонимический вариант с препозитивным *зы* «один», употреблявшимся в значении неопределенного артикля: *зы унэ гуэр* – *унэ гуэр* «какой-то дом», *зы фыз гуэр* – *фыз гуэр* «какая-то женщина».

2.6. Словосочетания, состоящие из существительного и причастия

Многообразие синтаксических моделей рассматриваемого типа словосочетаний обусловлено грамматическим и функциональным строением причастий. Последние имеют субъектные, объектные и обстоятельственные формы, что и определяет не только грамматические отношения между членами словосочетания, но и их лексический состав. Наряду с двухкомпонентными словосочетаниями типа *щыс щлалэр* «сидящий юноша», *къэклуа пщащэр* «пришедшая девушка» имеются многокомпонентные словосочетания типа *тхылъым еджэ пщащэр* «девушка, читающая книгу».

Порядок слов зависит от формы причастия и строения словосочетания. Так, если *унэ зыщла* «построивший дом» имеет фиксированное расположение членов (существительное предшествует причастию), то трехкомпонентное словосочетание *унэ зыщла щлалэр* букв. «дом построивший парень» имеет вариантную модель *щлалэ унэ зыщлар* букв. «парень, дом построивший». Субъект действия, выраженный именем существительным *щлалэ* «парень», может быть препозитивным и постпозитивным, но он не может быть срединным (медиальным) членом: в значении *унэ зыщла щлалэ (щлалэ унэ зыщла)* «парень, построивший дом» невозможен вариант *унэ щлалэ зыщла*, т. е. на подлежащее также накладываются синтаксические ограничения.

Варьирование синтаксических моделей словосочетаний, включающих причастные формы, проявляется неодинаково в современном языке. Так, возможны варианты: *къызэжъэ цыхур* – *цыхуу къызэжъэр* – *цыху къызэжъэр* «ждущий меня человек», *къэклуа фызыр* – *фызу къэклуар* – *фыз къэклуар* «пришедшая женщина», из трех синонимических

синтаксических моделей третий вариант нередко является экспрессивным, конситуативно обусловленным. Так, в отличие от стилистически нейтральных вариантов *лЫр зыдэкІуэ мэзыр – мэзу лЫр зыдэкІуэр* «лес, куда идет мужчина» третий вариант *мэз лЫр зыдэкІуэр* явно обусловлен конситуативно и носит не только ареальный, но и инновационный характер.

Заметим также, что на варьирование модели словосочетания накладываются и семантические ограничения. Так, приведенный вариант *щІалэ унэ зыщІар* «парень, дом построивший» не только конситуативно обусловлен, но и семантически многозначен: в зависимости от контекста он может иметь и значение «тот, кто построил молодежный дом (дом для молодых людей)», в этом случае выделяется атрибутивное сочетание *щІалэ унэ* (*щІалэ* определяющее слово, *унэ* определяемое слово), в то время как в *щІалэ унэ зыщІар* в значении «парень (молодой человек), построивший дом» между членами *щІалэ унэ* отсутствуют определительные отношения, но многозначность, точнее – омонимичность, словосочетаний определяется и лексическими особенностями их компонентов. Отсюда от общеадыгских моделей типа *унэ зыщІа щІалэр – щІалэу унэ зыщІар* «парень, построивший дом» не всегда возможны трансформы типа *щІалэ унэ зыщІар*, что лишний раз подтверждает инновационный характер третьей модели: например, *фызыр зыдэкІуэ кѳуажэр – кѳуажэу фызыр зыдэкІуэр* «селение, куда идет женщина», но *кѳуажэ фызыр зыдэкІуэ*, «куда идут сельские женщины».

Вообще семантика словосочетания, его экспрессивные и актуализованные варианты, морфологические и синтаксические причины, обуславливающие его грамматическую и стилистическую коннотацию, изучены очень слабо, что в значительной мере затрудняет определение поздних синтаксических моделей разных типов словосочетаний. Это касается не только словосочетаний, включающих причастные образования, но и других типов словосочетаний. Но словосочетания с причастными формами отличаются крайним многообразием своего строения, широкими возможностями варьирования, сосуществованием разных моделей.

2.7. Главный член – глагол, зависимый – существительное

Данный тип словосочетания относится к наиболее распространенным в адыгских языках, словосочетания с зависимым существительным выражают объективные, пространственные, временные и другие отношения. Своеобразие глагольных словосочетаний в адыгских (да и вообще в западнокавказских) языках состоит в том, что глагол, включающий в свой состав субъективные, объективные, обстоятельственные и другие грамматические аффиксы, создает в функциональном плане предложение, если даже отсутствует подлежащее – один из главных членов предложения: *уолѳагѳу* «я тебя вижу», *сыпхуелѳэуиуи* «я буду его просить для тебя». В таких словоформах не только выражена предикация, но морфологически подлежащее и дополнение, хотя их отсутствие как членов предложения приводит к контекстуальному эллипсису.

Синтагмы типа *унэ сощІ* «дом строю», *бостей уод* «платье шьешь» имеют очень широкое распространение, практически составляя открытый список, в синтагмах разбираемого типа дополнение (прямое или косвенное), выраженное существительным (и не только существительным) занимает обычно препозицию, в этом отношении адыгские языки объединяются с другими западнокавказскими языками: Обратный порядок («сказуемое + дополнение») создает инверсию, приобретает стилистическую коннотацию: *уод бостей* «шьешь платье», *солѳагѳу уафэр* «вижу небо», *совэ щІыр* «пашу землю».

На базе словосочетаний с зависимым именем существительным образовано значительное число устойчивых словосочетаний типа *уэрэд желэ* «поет» (букв. «песню говорит»), *гур ирех* «пугает» (букв. «сердце вынимает»), *пцІы еупс* «обманывает» (букв. «ложь сочиняет») и др. Подобные идиоматические выражения, функционально эквивалентные слову, лишний раз подтверждают исходность и стилистическую нейтральность препозиции дополнения в анализируемых словосочетаниях, хотя варьирование их строения в составе предложения широко используется в коммуникативных целях, т.е. для создания единиц актуального членения предложения.

Варьирование глагольных словосочетаний с зависимым существительным создается не только синтаксической инверсией, но и разнообразием грамматических форм именного компонента: *Іэр еубыд* «руку берет», *Іэм ирелъхъэ* «в руку кладет», *ІэкІэ ещІ* «рукой делает», и *Іэхэр екъуз* «его руки жмет».

2.8. Главный член – глагол, зависимый – наречие

Глагольные словосочетания с наречиями семантически разнообразны: в роли зависимого члена выступают наречия места, времени, образа действия и др. Разнообразны разбираемые словосочетания и в синтаксическом плане в силу того, что позиция зависимого члена бывает свободной и фиксированной.

Так, *дэнэ* «куда, откуда, где» в синтагмах типа *дэнэ укІуэрэ?* «куда идешь?» имеет постоянное место, являясь препозитивным членом. Ср., варьирование позиции того же наречия в сочетании с причастиями: *дэнэ уздэкІуэр?* – *уздэкІуэр дэнэ?* «куда идешь?», *дэнэ ущыпсор?* – *ущыпсор дэнэ?* «где живешь?». Как видно, на синтаксическую позицию наречия накладываются лексические ограничения. Иначе обстоит дело с наречиями времени типа *дыгъуасэ* «вчера», *пщэдей* «завтра», *ныжэбэ* «этой ночью» и др. Подобные наречия обычно являются препозитивными в сочетании с глаголом: *дыгъуасэ слъэгъуащ* «(я) видел вчера». Однако в отношении этой группы возможна синтаксическая конверсия: *ныжэбэ къокІуэ* – *къокІуэ ныжэбэ* «этой ночью приходит». То же можно сказать о других разрядах наречий (неопределенных, наречий образа действия и др.), характеризующихся относительно свободной синтаксической позицией в сочетании с главным членом словосочетания – глаголом. Как и в других типах словосочетаний, изменение синтаксической позиции независимого (или главного) члена в глагольных словосочетаниях с наречиями создает не только стилистическую коннотацию, но и коммуникативную единицу актуального членения предложения.

Анализ материала показывает, что как все основные модели глагольных словосочетаний с зависимым наречием, так и указанные выше особенности, связанные с синтаксической позицией компонентов, унаследованы современными адыгскими языками от их праязыкового состояния. Новообразования, в сущности, не затрагивают синтаксиса глагольных словосочетаний с зависимым наречием, а касаются лексики и отчасти морфологии.

2.9. Словосочетания с послелогоми

Словосочетания с послелогоми выражают пространственные, временные, причинно-целевые и другие отношения: *унэм дэж щыщ* «сидит у дома», *ныжэбэ лъандэрэ йожэ* «всю ночь ждет», *пщэщэм щхъэкІэ ещІ* «делает для (ради) девушки», *нарт гугъу ещІ* «рассказывает о нартах», *лыжъым ипашхъэм итщ* «стоит перед стариком».

Многие послелогом восходят к эпохе общеадыгского единства, что и предполагает отнесение словосочетаний с послеложными словами к общеадыгскому праязыку. Вместе с тем не вызывает сомнений и тот фант, что сама синтаксическая модель, т. е. словосочетания с послелогоми могут быть возведены к более ранним хронологическим эпохам. Об этом свидетельствует наличие послеложных конструкций во всех западнокавказских языках, нет оснований полагать, что все послеложные конструкции возникли в эпоху самостоятельного развития трех ареалов – адыгского, убыхского и абхазского, хотя сами послелогом сложились в основном именно в эту эпоху. В языке действует общая тенденция – развитие послелогом на базе семантически однотипных лексем, в том числе названий частей тела и организма. Ср. *ялэ* «впереди» (от *пэ* «нос»).

Послеложные словосочетания во многих случаях восходят к атрибутивным (или посессивным) конструкциям. Ср., например, *псоми ялэ иту кІуащ* «он ехал (шёл) впереди всех», где *ялэ* возводится к посессивной форме. Вообще переход атрибутивных словосочетаний в послеложные связан с лексико-семантическими и синтаксическими изменениями, трансформацией композитных слов и послелогом, что делает границы между ними не всегда четкими и резко очерченными.

Лексическое и грамматическое варьирование послеложных словосочетаний чаще

всего обусловлено строением послелогов, характеризующихся лексической и грамматической синонимией: *абы напцлэ (напцлэклэ), абы цхьэклэ* «для него, ради него», широкое распространение вариативных послеложных конструкций дает основания полагать, что далеко не всегда варьирование словосочетания является поздней инновацией. Так, лексико-синтаксическая синонимия послеложных конструкций, связанная с продуктивным типом чередования суффикса *-клэ* с суффиксом *-м* (или с нулем) в послелогах (ср. *зауэм ипэклэ – зауэм ипэм – зауэм ипэ* «перед войной»), бесспорно, не во всех случаях можно объяснить параллельным развитием в период после распада общеадыгского языкового единства. Ср. также вариативные послеложные конструкции типа *пцацэм деж – пцацэм и деж* «у девушки, к девушке», *цыхухэм деж – цыхухэм я деж* «у людей, к людям».

3. Простое предложение

3.1. К вопросу о грамматической природе простого предложения в кабардино-черкесском языке

Являясь центральной синтаксической единицей, предложение, как в адыгском, так и в общем языкознании, не получило, тем не менее, до настоящего времени однозначного определения. Помимо частных вопросов, как, например, своеобразие выражения грамматических форм предложения в каждом конкретном языке, существуют достаточно различающиеся грамматические концепции предложения. Определения предложения (а их, по сведениям известных языковедов И. Риса и Э. Лерха, далеко за 200) сводятся в основном к объяснению существа предложения с помощью логических (Ф. И. Буслаев, А.И. Томсон), логико-психологических (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Шахматов и др.) или формально-грамматических (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и др.) понятий.

Последовательное изучение предложения как предмета логики, психологии и лингвистики способствовало признанию его многоаспектности. Так, можно выделить следующие важнейшие стороны предложения: логико-грамматическую, модальную, полноты предложения, роли предложения в развернутой речи, актуального членения предложения, коммуникативной задачи, стоящей перед предложением и эмоционального аспекта предложения. Каждая из этих сторон обладает определенной самостоятельностью, но при этом они тесно связаны и между собой.

В синтаксической науке из всего многообразия аспектов предложения до недавнего времени выделялись два основных аспекта: функциональный (коммуникативный) и структурный (Г. Г. Почепцов), конструктивно-синтаксический (И.П. Распопов), номинативный и коммуникативный Н. Д. Арутюнова, конструктивный и коммуникативный (В. А. Белошапкова) и т. д.

Конструктивный аспект анализа предложения предусматривает вопросы организации и грамматической устроенности предложения. Коммуникативный аспект изучает вопросы, выходящие на коммуникативную организацию высказывания в речи, выявляет типы предложений по коммуникативной направленности, средства выражения актуального членения предложения и др. Иными словами, коммуникативная семантика непосредственно направлена на внеязыковую действительность, а структурно-языковая семантика – на сам язык, его организацию.

Однако изучение предложения как предикативной единицы без учета смысловой его стороны является малоэффективным. Только исследование предложения в единстве его формы и содержания способно дать целостную картину, отражающую взаимодействие и взаимопроникновение обеих (формальной и содержательной) его сторон. Этим обусловлена необходимость выделения и рассмотрения третьей важнейшей стороны предложения – семантической. Семантический аспект, представляющий информативное содержание предложения, тем более важен для кавказских языков, поскольку в этих языках семантика предиката жестко определяет форму предметных актантов в предложении.

Основным признаком, отличающим предложение от других синтаксических

конструкций, является наличие в нем предикативности, которая и является грамматическим значением предложения. Предикативность же есть продукт единства категории модальности и синтаксического времени.

Важнейшим грамматическим признаком предложения является его интонационная оформленность. Интонация и модальные морфемы сказуемого имеют одно и то же назначение: соотносить содержание высказывания с действительностью.

Сложнее обстоит дело с дифференциацией самих предложений по их структуре. Казалось бы, критерии разграничения простого и сложного предложений очевидны: предложения с одним предикативным центром являются простыми; предложения же с двумя и более предикативными центрами – сложными. Однако в языке существуют различные по форме и значению синтаксические конструкции, отнесение которых к простым или сложным предложениям вызывает затруднения и споры. До настоящего времени эта проблема является актуальной не только в кабардино-черкесском, но и в родственных кавказских, где особенно спорным остается вопрос о статусе сложноподчиненного предложения, ядерным компонентом которого является особый тип сказуемого, содержащего в своей структуре специальные аффиксы, выполняющие функции соответствующих союзов ряда других языков, которые большей частью наращиваются к сказуемому придаточного предложения, в отличие от сказуемого в главном предложении. Положение усугубляется и специфичностью выражения синтаксических оборотов в адыгских языках и отнесением рядом крупных кавказоведов этих оборотов к разряду предложений. Придерживаясь логико-семантической точки зрения, восходящей к теории «сокращенных придаточных предложений», они приравнивают адыгские причастный и деепричастный обороты к русским придаточным предложениям. Основанием для отнесения этих оборотов к разряду придаточных предложений для некоторых языковедов является наличие при причастии и деепричастии особого грамматически выраженного подлежащего, отличного от подлежащего другой части предложения, и сказуемые, которые в главной и придаточной части предложения составляют основной и самостоятельный стержень предложения. Например: *Сэ къалэм сыкъыкълъжу Борис къысхуэзаш* – «Когда я возвращался из города, меня встретил Борис» (Сакиев М. М.)

Трудно согласится с этим положением, по которому предложение *Сэ къалэм сыкъыкълъжу Борис къысхуэзаш* является сложноподчиненным только потому, что на русский язык переводится только как «Когда я возвращался из города, меня встретил Борис» вместо ожидаемого «Я возвращаясь из города, меня встретил Борис». Структура последнего перевода попросту чужда языку и несоответствие оригиналов и перевода является, по справедливому замечанию А. К. Шагирова, следствием того, что кабардинский деепричастный оборот обладает способностью иметь собственное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части предложения и в этом одна из его специфических особенностей. Ни причастие, ни деепричастие, ни их обороты в кабардино-черкесском языке не могут выступать в качестве придаточных предложений даже при наличии в их составе особых, собственных подлежащих. Непременным условием существования придаточного предложения является наличие в составе такой конструкции предикативного центра.

Согласно другой точки зрения, различные типы выделяемых в настоящее время в кабардино-черкесском языке придаточных предложений (придаточные места, времени, образа действия, условия, уступки) представляют собой только распространенные члены простого предложения, поскольку в них нет предикативности; а элементы *-мэ, -тэмэ, -ми, -тэми*, представленные в подобных конструкциях, не являются показателями предикативности (Х. Э. Дзасежев). Сложноподчиненными же Х. Э. Дзасежев считает только такие предложения, сказуемые придаточных которых выражены глаголами в повелительном наклонении, а сами придаточные связаны с главным предложением относительными словами: *Дэни среклуэ, ар Іэмал имылэу абы къыщысхуозэ* – «Пусть (я) пойду хоть куда, он там мне обязательно встречается». *Нэхъыжъхэм сыти жалэу зэхрех, сабийм Іэмал имылэу ар желэж* – «Пусть взрослые говорят что угодно, дети обязательно это повторяют»; *Блын газетыр дэнэ дежи къыфӀыредзэ, абдежым студентхэр гулу щызэхуос* – «Пусть стенгазету (он) повесит где угодно, там студенты собираются толпой» и т. д.

Не вдаваясь в подробный анализ теории сложноподчиненного предложения Х. Э. Дзасежева, отметим, однако, что, во-первых, примеры, приведенные автором для закрепления своих теоретических положений, искусственные, они не подтверждаются фактами языка, хотя автор и пишет, что эти типы предложений (придаточные времени, места, образа действия и др.) в кабардино-черкесском языке употребляются крайне редко, и этими разновидностями пользуются не часто.

Но если даже допустить, что такие конструкции, хоть и искусственные, могут быть использованы в языке, то вызывает сомнение и структурная сторона этих моделей. Обе части (главная и так называемая придаточная) подобных предложений настолько самостоятельны, что напрашивается вопрос: а не бессоюзными ли сложными по форме и не разновидностью ли сложносочиненных предложений является то, что нам преподносится как сложноподчиненное предложение?

Во-вторых, конструкции типа *Дыгъэм дэнкIэ зигъазэ-ми, сэхураныщхэм абыкIэ зегъазэр* – «Куда ни повернет солнце, подсолнух поворачивается в ту же сторону», являющиеся согласно той точки зрения простыми предложениями с деепричастным оборотом, являются сложноподчиненными предложениями, в составе придаточных которых имеется самостоятельное сказуемое, выраженное не причастием или деепричастием, а глаголом в условном, уступительном и т. д. наклонениях. В кабардино-черкесском языке такие придаточные часто связываются с главным предложением союзными суффиксами **-мэ**, **-ми** и др. При этом сказуемые придаточных предложений лишаются официальных формантов (показателей) сказуемости **-щ**, **-т**, **-къым**, а заодно и показателей динамичности **мэ-/ ма-**, **о-**, **э-**. При присоединении префиксов **мэ-/ ма-**, **о-**, **э-** к сказуемому такое сказуемое лишается специальных показателей сказуемости (**-щ**, **-т**, **-къым**), а сами становятся исполнителями роли показателей сказуемого. Подобным же образом морфемы **-мэ**, **-ми** можно считать морфемами многозначными, обозначающими наклонение и предикативность, а также выполняющими функцию союзного суффикса.

Таким образом, в кабардино-черкесском языке наряду с простыми существуют и сложные предложения. Причем сложная мысль, содержащаяся в сложном предложении, является результатом не механического сложения двух самостоятельных мыслей, содержащихся в двух простых предложениях при самостоятельном их использовании. Сложная мысль есть единая мысль, выражаемая единой и цельной синтаксической единицей (сложным предложением), состоящей из двух и более взаимосвязанных простых предложений.

Основными средствами выражения подчинительной связи между компонентами кабардино-черкесского сложноподчиненного предложения являются подчинительные союзы, относительные местоимения и наречия в сочетании с союзными суффиксами; суффиксы **-мэ**, **-тэмэ**, **-ми**, **-тэми**, являющиеся аффиксами условной и уступительной форм; интонация.

Причастие, деепричастие и их обороты в составе кабардино-черкесского предложения нельзя считать придаточными, так как они не являются выразителями предикативности. Однако смысловое их содержание на русский язык переводится большей частью в форме русских придаточных предложений, поскольку соответствующие им обороты в последнем практически отсутствуют.

При исследовании природы простого предложения в кабардино-черкесском языке необходимо остановиться и на взаимоотношениях простого и осложненного предложений. С грамматической точки зрения осложненное предложение противопоставляется монопредикативной синтаксической единице, именуемой простым (простым элементарным) предложением. При этом простое и осложненное предложения различаются составом второстепенных членов в них, типами синтаксических связей и формальными средствами строения предложения. Осложненными в адыгovedении принято называть предложения, имеющие в своем составе такие относительно самостоятельные элементы, как обособленные и однородные члены предложения, обращение, вводные и вставные конструкции. В отличие от простого, осложненное предложение характеризуется полуторапредикативностью: в составе смысловых его компонентов имеются предикат и полупредикат. Иначе говоря, в отличие от простого предложения, синтаксическое строение осложненного предложения является двухуровневым: предикативность, предикативные отношения заключаются в основной

части высказывания. Это есть опорное предложение. А зависимый компонент, не будучи носителем предикативности, только лишь дополняет опорное предложение, выражая полупредикативные отношения, т. е. отношения, при которых сообщаемое в зависимом компоненте действие направлено к раскрытию содержания опорного предложения.

В структурном отношении отличительной особенностью кабардино-черкесского предложения является высокая степень морфологического синтеза его отдельных членов. В связи с этим полисинтетический глагол, являющийся сердцевинной кабардино-черкесского предложения, не только влияет на организацию предложения, занимая в нем центральное положение, но и определяет в целом структуру предложения.

Полисинтетизм глагола, морфологически четко выражающего субъектные и объектные отношения, делает подлежащее и дополнение грамматически избыточными, а сказуемое – выразителем функции не только сказуемого, но и подлежащего и дополнения (М. А. Кумахов). Так, например, имея односоставное нераспространенное предложение **Сыныпхуа-гъэкӀуэжынууц**, состоящее только из одного многоличного глагола-сказуемого, можно безошибочно восстановить двусоставный распространенный полный вариант этого предложения: *Сэ абыхэм хуит сащӀынурэ дянэкӀэ уи деж сыныпхуа-гъэкӀуэжынууц* – «Они разрешат мне в будущем обратно вернуться к тебе».

Подобное становится возможным потому, что в составе глагола-сказуемого каждый член приведенного предложения представлен специальной морфемой:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

с-ы-н-ы-п-ху-а-гъэ-кӀуэ-ж-ы-ну-щ

Второй, четвертый и одиннадцатый элементы в приведенном примере – гласные звуки, выполняющие роль связующего двух рядом стоящих согласных. Каждый из оставшихся десяти морфем работает на выражение смысла предложения. При этом они обозначают:

1. **с-** – личный префикс прямого дополнения **сэ** – «я».
3. **н-** – преверб, обозначающий направление движения в сторону адресата речи.
5. **п-** – личный префикс косвенного дополнения **уэ** – «ты».
6. **ху-** – преверб, указывающий на адресата действия.
7. **а-** – личный префикс подлежащего **абыхэм** – «они».
8. **гъэ-** – аффикс каузатива.
9. **кӀуэ** – корневая морфема «идти».
10. **-ж** – суффикс, обозначающий возвратность.
12. **-ну** – суффикс; показатель будущего времени.
13. **-щ** – суффикс утвердительности.

Изменение позиции показателей субъекта и объекта в составе сказуемого ведет к изменению семантики предложения. Нарушение последовательности других компонентов сказуемого – к разрушению семантики предложения в целом.

В конструктивном отношении кабардино-черкесские предложения, как и предложения других родственных языков, дифференцируются на предложения номинативной (*Асыхэтым лы - р тракторым бгъэдыхъащ* (Щ. I.) – «Мужчина тотчас подошел к трактору»), эргативной (*Шу-м Тэтэртуп лъапэмкӀэ иунэтӀащ* (Н. А.) – «Всадник направился в сторону подножия Татартупа») и индефинитной (*Джэд-# щыкӀун-# и нщӀыхъщ* (Пс.) – Курице корм снится (букв.: «Курица корм снится»)).

В зависимости от модальных признаков утверждения и отрицания предложения дифференцируются на утвердительные и отрицательные. В зависимости от коммуникативной установки – на повествовательные, вопросительные, побудительные и оптативные.

3.2. Типы кабардино-черкесских предложений по коммуникативной целеустановке

3.2.1. Повествовательные предложения

Повествовательными принято называть предложения, заключающие в себе сообщение о существовании или отсутствии какого-либо факта действительности. Основное их назначение – передача информирующим определенной информации адресату. Повествовательные предложения характеризуются относительной законченностью выражаемой ими мысли. Интонация, с помощью которой передается повествование, ровная, повышающаяся только на логически значимом компоненте – логическом центре. Таким центром в кабардино-черкесском предложении является сказуемое, синтаксическую позицию которого может занимать практически каждый компонент предложения.

Повествовательные предложения в кабардино-черкесском языке выражены формой изъявительного наклонения: *Щаklуэ зырыз тlыгъуу дэ щlуунэм дыкъыщlэклац* (Къ. С.) – «Взяв по бурке, мы вышли из землянки»; *Си ныбжъэгъури, сызэхуищlауэ, щымт* (Къ. С.) – «И мой товарищ, поняв мое состояние, был молчалив»; *Сэ езыр сышабзауэ lэзэщ* (Н.) «Я сам отменный лучник».

Повествовательные предложения, в зависимости от характера связи между предметом речи и тем, что о нем сообщается, делятся на утвердительные и отрицательные.

Наряду с классическими повествовательными предложениями, модальность которых формально выражена аффиксами **-щ, -т, -къым, -о** и др., в кабардино-черкесском языке существуют различные структурно-семантические типы вопросительных предложений, проявляющих повествовательную семантику. Характерной особенностью таких предложений является нейтрализация семантической полнотности вопросительных слов, входящих в состав предложения: *Хэт къищlын си жагъуэ. – Зыми къищlыркъым* (Къ. Хь.) – «Кто может меня обидеть. – Никто не обижает»; *Занщlэу сежъэкlэ шы къаранщlэ натlэгъуджэ дэнэ къисхын. Лыжъ луц гуэр деж сыкlуэнци сечэнджэщlынщ* (Къ. Хь.) – «Откуда я возьму вороного звездолобого коня, наобум отправляясь в путь. Пойду посоветуюсь с каким-нибудь мудрым стариком»; *Данщэрэ сынэкlуа нобэ фи деж. – Зыри фызгъуэтакъым. – «Сколько раз ходил сегодня к вам. – Никого из вас не нашел»; Ар хуейт жеину, и нэхэр зэтрикъузэрт, щэм нэс гукlэ дрибжейрти кърибжыхыжырт. Ауэ дэнэ щылэт.* (Ш. Хь.) – «Он хотел спать, закрывал глаза, считал про себя до ста и обратно. Но куда там».

Семантическими коррелятами этих вопросительных предложений являются повествовательные предложения с глаголами в изъявительном наклонении. Например, первому вопросительному предложению соответствует повествовательное *Зыми си жагъуэ къищlыркъым* – «Никто меня не обижает». Второму – *Занщlэу сежъэкlэ шы къарэ натlэ гъуджэ згъуэтынкъым* – «Я не найду вороного звездолобого коня» и т.д.

Повествовательную семантику в вопросительном предложении нередко обеспечивает подтвдительный суффикс **-къэ**: *Зэхезгъэхыну ара-къэ сызыхуейр* (Щ. I.) – «Я же добиваюсь, чтобы они услышали (букв.: Не услышания ли ими этого я добиваюсь?)»; *Ар (хъыбарыр) Жанхъуэтхэ я деж нагъэсынтэ-къэ* (Къ. Хь.) – «Ее (весть) быстро донесли до Жанхотовых (букв.: Не донесли ли быстро ее (весть) до Жанхотовых?)».

Подобную семантическую нагрузку могут нести и вопросительные предложения без вопросительных слов: *А Хъэжрэт нэм сабэ къызырыщlу-мыпхъэ щылэ?* (Щ. I.) – «Бывает ли так, чтобы Хажрет не пустил пыль в глаза»; *Апхуэдизу елlалlэу анэм игъэхъэзыра шхыныр lумпэм пщlы хъунт?* (Щ. I.) – «Разве можно пренебречь так усердно приготовленной матерью провизией?» Повествовательная семантика в таких предложениях обеспечивается многозначностью морфологической формы глагола, которая помимо выражаемого основного значения вопросительности может выражать значения, свойственные изъявительному наклонению.

Повествовательные предложения, как и вопросительные и побудительные, могут переходить в разряд восклицательных при внесении информирующим в содержание высказывания большей эмоциональности. В речи это достигается двумя путями:

1) восклицательной интонацией: *Гууи псэуи сиlэжыр Алимщ!* (Щ. I.) – «Свет моих очей – Алим!»; *«Ущыуа хъунищ!» – Софят къэулэбжъауэ и гур къо-лгэт* (Щ. I.) – «Видимо, (ты) ошиблась! – У встревожившейся Софият сердце не уместается в груди»;

б) с помощью различных слов, выражающих интенсивность: *сыту* – «как», *икъукlэ* –

«чересчур», *егъэлеяуэ* – «чрезмерно» и др.: **Сыту** *щлалэ хахуэ ар!* (Щ. I.) – «Какой он храбрый парень!»; **Сыту** *ІэкІуэлъакІуэ атІэ а Аружан!* (Щ. I.) – «Какая же мастерица эта Аружан!»; **Егъэлеяуэ** *фІуэ дунейм цІыхуитІ шыслъэгъуащ!* (М. А.) – «Чрезмерно любил я на свете двух людей!».

3.2.2. Побудительные предложения

Побудительные предложения выражают волеизъявление информирующего с целью побуждения адресата к определенному действию или поведению и противостоят повествовательным и оптативным предложениям в первую очередь по своей модальности. Императивные предложения имеют модальность побуждения. В кабардино-черкесском языке они выражают:

- Приказ: *Зэ фызтеувылэт* (Н. А.) – «Остановитесь».
- Просьбу: *Нэгъуей хъаным и къуэм деж схуэкІуэ* (Къ. Хъ.) – «Сходи ради меня к сыну ногойского хана»; *Сыздэфшэ сэри фыздэкІуэм* (Щ. I.) – «Возьмите и меня с собой».
- Разрешение: *Иджы балигъ фыхъуащ. АдэкІэ фи щхъэ и унафэ фэ фицІыж* – «Теперь вы повзрослели. Дальше сами вершите свою судьбу».
- Предостережение: *Хъэ бзаджэм хуэсакъыурэ блэкІ* – «Злую собаку обходи осторожно»
- Призыв к совершению или несовершению совместного действия: *Зыхуэдэ щымыІэж лэжыгъэ хъэлэлым и щапхъэр зэрыбгъэлъагъуэ уи машинэ хъэлэмэтым дегъэплъым* (Щ. I.) – «Давай посмотрим на твою изумительную машину, на которой ты добиваешься замечательных успехов в работе (букв.: Давай посмотрим на являющуюся залогом твоих замечательных успехов изумительную машину); *Нобэ пцІакІуэ дывмыгъакІуэ* – «Давайте сегодня не пойдём на прополку».

Сказуемые императивных предложений большей частью выражены глаголами второго лица единственного или множественного числа в форме повелительного наклонения, обозначая приказ или запрет. Глагол-сказуемое в форме множественного числа при выражении как приказа, так и запрета, оформляется префиксом второго лица **Ф-**: *Ф-ыкІуэ* – *ф-ымыкІуэ*. В единственном же числе при выражении запрета сказуемое оформляется префиксом **у-**: *у-мыкІуэ*, при выражении приказа показатели лица и числа формально не выражены: **#** – *кІуэ* – «иди», **#** – *плъэ* – «смотри».

Сказуемое императивного предложения может быть выражено и глаголами в форме третьего лица повелительного наклонения. При этом побудительность достигается с помощью префикса **(и) ре-** и особой (сильной) интонацией: *Пшэ зэрانیлакІуэу хъэсэгъум къытехуэрзахэр m-ре-кІ* (Щ. А.) – «Пусть проходят тучи-вредители, собравшиеся над краем поля (букв.: Собравшиеся над краем поля тучи-вредители пусть проходят)»; *КІэрахъуэжъ хъэлэкІэ нэмыс зыхуезыгъэщІри Іу-ре-кІ* (Щ. А.) – «Пусть уходит тот, кто добивается почитания с помощью оружия (букв.: Добивающийся почитания с помощью оружия пусть уходит)»; *Чырэр нэху щыху мэзым цІ-ре-т* – «Пусть обоз до рассвета стоит в лесу».

В связи с предыдущим в кабардино-черкесском языке можно выделить особую группу предложений, находящуюся между императивными и оптативными. Это конструкции, в составе сказуемых которых находится элемент **ре-**. Подобные синтаксические конструкции характеризуются тем, что сказуемое в них выражено глаголами не только в форме третьего, но и первого, и второго лица: *Хэти сыт къыз-ре-хъуэн. Ауэ сэ слъэкІынукъым, сыныжъ, уи деж зыщызмыІэжъэн* (Къ. С.) – «Пусть злословит кто хочет обо мне. Но я не могу, старый памятник, не задержаться у тебя»; *Сых-ре-кІуадэ сэ а псы къиуам* – «Пусть погибну я в той разбушевавшейся реке»; *Щ-ре-джэгу хэт хуейми тенджызхэм я толкъун абрагъуэхэм* (Къ. С.) – «Пусть играет кто хочет на огромных волнах морских».

Синтаксическую позицию сказуемого в таких предложениях могут занимать и имена: *Хуейми, дэ д-ре-мащІэ. Ауэ бийм ди щхъэр хуэдгъэлъахъшэнукъым* – «Пусть мало нас. Но на поклон к врагу не пойдём». **И-ре-Мухъэмэд** *си деж къэпщытакІуэ къакІуэр* – «Пусть Мухамед (есть) тот, кто едет ко мне с инспекцией (букв.: Пусть Мухамедом является едущий ко мне с инспекцией)».

Подобные предложения не являются в той степени побудительными, в какой принято квалифицировать императивные предложения. Но они же не являются и оптативными, поскольку выражаемое ими значение не является желанием информирующего. Такие конструкции следует квалифицировать как позвоительные. Но в то же время выражаемая ими позвоительность является результатом не желания информирующего, а следствием не зависящего от него действия. Действия, с которым он не в состоянии справиться. Оно соответствует русскому «Ну и пусть».

Эмоционально-отрицательная позвоительность резко выражена в конструкциях со сказуемыми, выраженными глаголами типа: *сыхуллэ, ухуллэ, клуэцлырыху* и др. **Сыхуллэ сэ абы кысхуицлэжыну** – «Пусть я буду лишен того, что он для меня сделает (в знач.: Пусть я буду лишен его услуг)».

Возвращаясь к предложениям чисто побудительного характера, следует отметить, что для усиления выражаемой мысли в состав императивного предложения включается частица **кхъылэ** – «пожалуйста»: **Кхъылэ, сэри сегъасэ апхуэдэу лъэрыжэклэ сыкъафэу** (Н. З.) – «Пожалуйста, научи и меня так танцевать на коньках»; **Кхъылэ, жьым фымыцлэ и жагъуэ** (У. А.) – «Пожалуйста, не обижайте пожилых».

В зависимости от контекста побудительность может передаваться повествовательными предложениями. При этом сказуемое в форме настоящего или будущего времени оформляется формантами либо второго лица множественного числа, либо первого или третьего лица единственного или множественного числа: **Нобэ сэ пхэ с-окъутэр. Уэ псы къ-#-охъ. Мэзан пцлантлэр е-пхээнклэ. Фэ унэр зэцлы-в-окъуэр. Илэ, маржэ, ди кълэнхэм дапэрывгъэуэ** – «Сегодня я колю дрова. Ты носишь воду. Мазан подметает двор. А вы убираете в комнате. Давайте приступим к своим обязанностям». При формальном выражении императивности данное предложение будет выглядеть так: **Нобэ сэ пхэ срекъутэ. Уэ псы къэхъ. Мэзан пцлантлэр ирепхээнклэ. Фэ унэр зэцлэфкъуэ. Илэ, маржэ, ди кълэнхэм дапэрывгъэуэ**. – «Сегодня я пусть колю дрова. Ты неси воду. Мазан пусть подметает двор. А вы убирайте в комнате. Давайте приступим к своим обязанностям».

В качестве сказуемого императивного предложения может выступать глагол в желательном наклонении, оформляясь при этом специальными формантами этого наклонения **-рэт/цэрэт**: **Уэ езым уи щхъэ и унафэ пхуэцлыжа-цэрэт** – «Ты бы о себе побеспокоился (в знач.: О себе побеспокойся)».

В кабардино-черкесском языке побудительная семантика часто выражается в различных структурно-семантических типах вопросительных предложений. В качестве таких конструкций выступают вопросительные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения: **Нобэ мэзым дывгъаклуэ, йы?** – «Давайте сегодня поедem в лес, а?».

Подобные вопросительные по своей структуре предложения по существу являются собственно императивными, так как в своем составе содержат спецификатор повелительного наклонения, находящийся, однако, в рамках вопросительного предложения. Отличительной особенностью таких предложений является наличие в их составе частицы **йы** – «а», употребляемой при выражении просьбы, предложения.

Для выражения побудительности со значением отрицательного эмоционально-оценочного значения часто употребляются вопросительные предложения с глаголом в форме второго лица единственного или множественного числа: **У-бэяуну уэ иклэм иклэжым?** – «Ты перестанешь, наконец?»; **Фи жьэр зэте-ф-плэну фэ?** – «Вы прекратите разговаривать?»; **Мыбдеж куэдрэ у-цытыну уэ?** – «Ты долго здесь будешь стоять?»

Для достижения смягченного побуждения к действию могут быть использованы вопросительные предложения со вспомогательным глаголом **хъун** – «может» с частицей **плэрэ** – «ли». При этом в предложение может включаться вводное слово **ярэбий**: **Ярэбий, уи машинэмклэ къуажэм дыклуэ мыхъуну плэрэ?** – «Не можем ли мы поехать на твоей машине в село? (букв.: Может, поедem на твоей машине в село?)».

Вместо вспомогательного глагола **хъун** в состав основного глагола нередко включается суффикс возможности действия **-ф(ы)**: **Мо тхылгыр кызу-мы-ты-ф-ыну плэрэ?** – «Не могли бы вы мне передать ту книгу?».

Префикс отрицания **мы-** в подобных предложениях десемантизируется и служит лишь для смягчения категоричности, резкости побуждения.

Более строгая, резкая форма побуждения достигается вопросительными предложениями с суффиксом **-къэ** и вспомогательным глаголом **хъун** или без него (вспомогательного глагола): *Мыбдеж улуклэут хъуну-къэ?* – «Нельзя ли (букв.: не можно ли) отойти в сторону?»; *Мы къолгэлум зыгуэр ентыр-къэ?* – «Нельзя ли дать чего-нибудь этому просящему?»; *Нэхъыжсхэр къыщыдыхэкIэ утэдджыр-къэ?* – «Нельзя ли встать при появлении старших?».

Семантическими коррелятами этих вопросительных предложений со значением побуждения являются императивные предложения, синтаксическую позицию в которых занимают соответствующие глаголы в повелительном наклонении: *Мыбдеж луклэут* – «Отойди в сторону»; *Мы къолгэлум зыгуэр ет* – «Дай чего-нибудь этому просящему»; *Нэхъыжсхэр къыщыдыхэкIэ тэдж* – «Вставай при появлении старших».

Функцию императивных предложений способны выполнять и вопросительные предложения с вопросительными словами. Побудительная семантика при этом достигается нейтрализацией семантической однозначности вопросительных слов и активизацией дополнительных отрицательных эмоционально-оценочных значений: *Щхъэ фызэхэс?* – *ящIэгубжъащ нэхъыжсхэуэр адрей щIалэ цIыкIуищым* – «Чего расселись? – окрикнул старший трех остальных мальчиков»; *Сыт* *уи вакъэр плъыгъыу укъыщIыщIыхъар?* – «Чего вошел в обуви?»; *«Дэнэ? Къэгъазэт!»* – *макъ итхъунищIыкIакIэ кIиящ командирыр* – «Куда? Назад!» – крикнул командир охрипшим голосом».

Семантическими коррелятами первых двух вопросительных предложений являются императивные предложения с глаголами в форме повелительного наклонения *Фызэхэмыс* – «не сидите», *УкъыщIэмыхъэ* – «не входи», выражающими запрет на действие.

В последнем примере вопросительное слово *дэнэ*, сохраняя свою семантическую однозначность, выражает побуждение к совершению действия (в данном случае – движения) информируемого.

Побудительная семантика может быть достигнута и неполными предложениями – конструкциями без сказуемого, выраженного глаголом в повелительном наклонении: *«Лэныстэр!»* – *къишиащ и Iэр хирургым* – «Ножницы!» – протянул руку хирург»; *Мыкъэ щIопхъуэри щIэфIанIэм щIолгъадэ. Абы щIэт Зулий треггэлгъалгъэ Мыкъэ:*

– *Дзасэ, дзасэ! ПсыницIэу, дзасэ гъэплгъа!* (Щ. А.) –

«Мика вбегает в кухню. Подбегает к находящейся там Зули и выпаливает:

– Вертел, вертел! Скорее, раскаленный вертел!»;

Зулий и нэр къызэттрехри:

– *Бэтокъуэ! ПсыницIэу Бэтокъуэ деж!* (Щ. А.) –

«Зули открывает глаза (и говорит):

– К Батоко! Скорее к Батоко!»

Выразителями побудительной семантики могут выступать междометные предложения. При этом глагол в повелительном наклонении – основной носитель побудительности – замещается стержневым компонентом междометного предложения – междометием: *Мэзым зэ зыщIэвдзэ закъуи хъейдэ, маржэ* – «Вы только дотяните до леса и айда»; *«Ну-а-а!»* – *щIиггэпхъуащ лIыжсхым и шыр* (Ш.Хь.) – «Ну-а-а!» – подстегнул старик коня».

3.2.3. Оптативные предложения

Оптативные предложения, обладающие специфическим модальным значением – значением модальности желательности, – не являются разновидностью побудительных или иных типов предложений, и их следует рассматривать как четвертый тип при дифференциации кабардино-черкесских предложений по цели высказывания. Подобные предложения выражают различные оттенки желания информирующего: пожелание, проклятие и др.

Элементами, способствующими образованию желательного наклонения – основы оптативных предложений, – являются:

1. Суффиксы **-рэт/-цэрэт**, входящие в состав сказуемого. *Уэггэлгъэгъуа-цэрэт ди колхоз жыг хадэр* (Щ. I.) – «Вот бы увидеть тебе (показать бы мне тебе) наш колхозный фруктовый сад»; *Езггэлгъа-цэрэт иджыпсту КъантIасэ-нанэ Софят и вэкIэм* (Щ. I.) – «Вот

бы увидеть сейчас бабушке Кантасе, как пашет Софят (букв.: Вот бы показать мне бабушке Кантасе манеру пахоты Софят».

2. Суффикс **-клэ(т)**: *Уи анэм укылъагъу-клэм мыпхуэдэу зыбутэжауэ!* – «Вдруг бы да увидела тебя мать, такого испачкавшегося»; *Зэ сыхуээж-клэм а щлалэм* – «Вдруг бы да встретить мне еще раз того юношу».

3. Одновременное оформление глагола-сказуемого суффиксами **-клэ** и **-щэрэт**: *Уэзгэлъэгъуа-клэ-щэрэт мис ар!* (Щ. I.) – «Хоть бы ты увидел это!» *Зэхозгъаха-клэ-щэрэт сэ а ныбжъ флыцлэхэм къысхуапсэлъыр* (Щ. I.) – «Хоть бы ты слышал, что говорят обо мне эти черные тени (букв.: Хоть бы ты слышал разговор этих черных теней обо мне».

4. Префикс **ы-/и-**: При этом сказуемое не оформляется суффиксами предикативности: *Узыншэу Алыхъым укъ-и-хъыж* (Ш. Хъ.) – «Да возвратит тебя Всевышний в целостности и сохранности»; *Зи щлыхуэ стелъ и хъэ сыкъ-и-шх* (Пс.) – «Да укусит меня собака того, перед кем я в долгу (букв.: Да укусит меня собака давшего мне взаймы)».

4. Префикс **у-**: *Сэ мы дагъэ лъэпсыр къызэзытам и клэр дыщэ луданэклэ къегъэ-у-кыхъ. Цлыху щызэхыхъэклэ «Мо фызыфлыр» – хужа-у-лэ. Псы сефэнуц щыжилэклэ дыжъыныбжъэклэ къра-у-т. Щыллэм дежи гъуаплэз бэни хуа-у-щлыж* (Н.) – «Давшей мне этот бульон, низ платья золотыми нитками да прошьют. Во время сходов «Какая хорошая женщина» да скажут люди о ней. Для утоления жажды воду в серебряном кубке да подадут ей. В день кончины гроб из меди да сотворят для нее».

Помимо этого, значение желательности приобретают глаголы, оформленные аффиксами **-н(у)т** в том случае, если действие заключенное в глаголе, должно произойти по воле, желанию субъекта действия и производится самим субъектом: *Иджыри зы бжъэ сефэ-нт* (Къ. Хъ.) – «Я бы выпил еще один бокал»; *Апхуэдэ дэлъхум зытезгъэгусэ-нт-экъым* (Къ. Хъ.) – «Я бы не возражала иметь такого брата»; *Сэ абы лыклэ зытезгъэгусэ-нт-э-къым* (Къ. Хъ.) – «Я бы не возражала его иметь в качестве мужа»;

Отрицание в оптативных предложениях достигается включением в состав сказуемого префикса **мы-**. Утвердительность выражается отсутствием в сказуемом этого префикса: *Дауэр зауэм хуэ-мы-клуэклэм* – «Не перешли бы споры в драку»; *Пцэдей бдзэжъеящэ ды-#-клуащэрэт* – «Вот бы завтра сходить на рыбалку».

В оптативных предложениях со сложным сказуемым отрицание может быть выражено оформлением основного компонента сказуемого префиксом отрицания **мы-**, а вспомогательного – префиксом желательного наклонения **ы-**: *Насыпыншэу зэман бзаджэм дыхалъхуэ. Мы-лхуэжыныр пцыжъ-уэркъыжъхэм къаху-ы-клуэ* (А. у.) – «Мы несчастными родились в тяжелое время. Пусть князей-дворян постигнет участь, чтобы у них не рождались дети (букв.: Пусть князья-дворяне лишатся способности рожать)».

Значение желательности может быть выражено и вопросительными по форме предложениями с вопросительными словами и префиксом отрицания в составе сказуемого. При этом как вопросительное слово, так и отрицательное значение, выражаемое аффиксом **мы-**, десемантизируются: *Хэт и-мы-лъагъунрэт уэ молэ ухъауэ* (Ш. Хъ.) – «Вот бы увидеть тебя муллой (букв.: Кто бы не увидел (не захотел увидеть) тебя в качестве муллы)».

3.2.4. Вопросительные предложения

Назначение вопросительных предложений – побуждение информирующим собеседника к даче соответствующего ответа на высказываемую первым мысль – вопрос.

Вопросительные предложения характеризуются особой, вопросительной, интонацией – ровным тоном, повышающимся на слове, в котором заключается вопрос.

В кабардино-черкесском предложении вопросительность может быть выражена с помощью интонации, вопросительных местоимений и наречий, аффиксов и специальных частиц.

Повествовательные предложения со сказуемыми, выраженными статическими глаголами в форме настоящего, прошедшего или будущего времени второй группы времен (образованными с помощью прибавления к глагольной основе форманта **-т**), а также динамическими глаголами в форме будущего времени этой же группы времен,

приобретают семантику вопросительности чисто интонационным путем, без внесения в структуру сказуемого каких бы то ни было изменений: *Сосрыкъуэ цыт-т мыхъейуэ* (Н.) (*Сосрыкъуэ цыт-т мыхъейуэ?*) – «Сосруко стоял неподвижно (Сосруко стоял неподвижно?)»; *Гулей нщыллым къалъхуа-т* (Къ. Хъ.) (*Гулей нщыллым къалъхуа-т?*) – «Гулей был рожден крепостными (Гулей был рожден крепостными?)». По этому же принципу могут переходить в разряд вопросительных повествовательные предложения со сказуемыми, выраженными именами и причастиями: *Ар дахэ-т* (Къ. Хъ.) (*Ар дахэ-т?*) – «Она была прекрасна (Она была прекрасна?)»; *Шужьейр хъыжсэ-т*. (Къ. Хъ.) (*Шужьейр хъыжсэ-т?*) – «Шужей был решителен. (Шужей был решителен?)»; *Ар Мурид-т* (Щ. I.) (*Ар Мурид-т?*) – «Это был Мурид (Это был Мурид?)»; *Къалэм клуар уэра-т*. (*Къалэм клуар уэра-т?*) – «Тот, кто ездил в город, был ты (букв.: Съездивший в город был ты) (Тот, кто ездил в город, был ты? (букв.: Съездивший в город был ты?))» и др.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на способность сказуемого, оформленного формантом **-т**, в зависимости от интонации выражать повествовательную и вопросительную семантику, не все повествовательные предложения с таким предикатом переходят в практическом плане в разряд вопросительных. Это зависит, по нашему мнению, от информационной насыщенности предложения. Мы имеем в виду наличие в предложении таких конкретизаторов, подробных деталей, о существовании которых спрашивающий попросту не может знать. Рассмотрим для примера следующие предложения: *И пащлутлыр лэмыщизу, Тыбжьэу жьаклэм хэклэжа-т. Жыпхэ зэвым цыгъэжауэ, И пкъыр афэм ихуза-т* (Щ. А.) – «Еле умещающиеся в ладони его усы Вросли в бороду словно бараньи рога. Его тело было обтянуто кольчугой, Словно отлитый в тесном шаблоне материал».

Подобные предложения в языке не употребляются в вопросительной форме, поскольку мала вероятность того, что спрашивающий владеет о предмете вопроса такими подробностями, которые имеют место в приведенных примерах. Если же допустить, что спрашивающий обладает всей этой информацией, то теряется потребность вопрошания.

При исключении из конструкции конкретизаторов предложению можно придать вопросительную форму: *И пащлутлыр жьаклэм хэклэжа-т* (*И пащлутлыр жьаклэм хэклэжа-т?*) – «Его усы вросли в бороду (Его усы вросли в бороду?)»; *И пкъыр афэм ихуза-т* (*И пкъыр афэм ихуза-т?*) – «Его тело было обтянуто кольчугой (Его тело было обтянуто кольчугой?)».

Помимо таких развернутых конкретизаторов, элементами, препятствующими переходу повествовательных предложений в вопросительные чисто интонационным путем, являются различные частицы: **мис**, **мес** и др.: *Мис а махуэм къэбэрдейхэм Санэуафэр зэлуаха-т* (Щ. А.) – «В тот день кабардинцы Открыли санопитие (занялись санопитием?)»; *Мис а махуэм Къызбруным И лэгу цхъуантлэр яхуэпа-т* (Щ. А.) – «В тот день нарядили Зеленую лошину Кызбуруна».

Рассматривая функции интонации в кабардино-черкесском предложении, следует обратить внимание и на ее смысловозначительную способность внутри вопросительных конструкций. Так, в зависимости от того, какой компонент интонационно выделять в предложении *Сыт хъыбар?*, данная конструкция приобретает значение **Сыт хъыбар?** – «Что нового? (Что слышно?)» или *Сыт хъыбар?* – «Какие новости? (в значении «О чем ты, какие могут быть сейчас новости?»))». При синтаксическом разборе компоненты первого предложения разлагаются на подлежащее **сыт** и сказуемое **хъыбар**. Во втором предложении сочетание обоих компонентов образует сложное сказуемое.

Таковыми являются конструкции: *Хэт гъуклэ?* (в значении *Гъуклэр хэт?*) – «Кто кузнец? (в значении «Кто есть кузнец?»); *Хэт гъуклэ?* (в значении *Хэт гъуклэ зи гугъу нщылр?*) – «Который кузнец? (в значении «О котором кузнеце говоришь?»); *Сыт гуапагъэ?* (в значении *Сыт гуапагъэр зищлысыр?*) – «Что сердечность? (в значении «Что есть сердечность?»); *Сыт гуапагъэ?* (в значении *Сыт хуэдэ гуапагъэ зи гугъу нщылр?*) – «Какая сердечность? (в значении «О какой сердечности ты говоришь?»))».

Оформление сказуемого вопросительного предложения современного кабардино-черкесского языка отличается своеобразием. Так, динамические глаголы в составе вопросительного предложения в форме настоящего времени оформляются суффиксом **-рэ**. В форме прошедшего и будущего времени их предикативность формально выражена

нулевым аффиксом: *Ужсей-рэ?* (Ш. Хь.) – «Спишь?» *Атлэ езы Тыгъуэн уепсэлъа-#?* (Т. Хь.) – «А с самим Туганом (ты) поговорил?»; *Пицэдейрей шыгъажэм ухэтыну-#?* – «Ты будешь участвовать в завтрашних скачках?».

Формально не выражена также предикативность статических глаголов в форме всех времен; других частей речи, занимающих синтаксическую позицию сказуемого в вопросительном предложении. Они обычно выражают вопросительность интонационным путем, без оформления специальными аффиксами: *Ныщхъэбэ тлэклу укъыдбгъэдэсыфыну-#?* – «Сможешь сегодня немного посидеть с нами?»; *Шыр бом цлэнта-#?* – «Конь стоял в конюшне?»; *Инал дэс-#?* – «Инал дома?»; *Уэра-# гуащэр зышэжар?* (Къ. Хь.) – «Та, которая отвезла (обратно) княгиню, есть ты? (букв.: Отвезшая княгиню (обратно) ты (есть)?)»

Вместе с тем в языке наблюдаются случаи употребления в вопросительных предложениях сказуемого с аффиксами предикативности. В семантическом плане подобные конструкции характеризуются предварительной осведомленностью спрашивающего о предмете вопрошания. Цель подобных предложений – уточнение у собеседника информации, которой располагает спрашивающий, по существу вопроса:

– *Анцуховцхэр фэ ф-о-цыху(?)*

– *Дауи* (Ш. А.) –

«– Анцуховцев вы знаете (?)»

– Конечно».

В состав подобных предложений может включаться с факультативным значением «значит» частица *тлэ/атлэ*: *Догуэ-тлэ, пащтыхъпежэ хув-о-гъэхъэзыр?* (Ш. А.) – «Значит, готовитесь встречать императора?»

– *Мо къуажэбгъу дыдэм деж цыпсэу Къарэпагуэ у-о-цыхур-тлэ?*

– *Сыт цлэзмыцыхур?* (Ш. Хь.) –

«– Значит, (ты) знаешь живущую на самом краю села Карапагу?

– Как не знать».

Ахъа, Марфэ Николаевнэ шлыгъуа хъыджэбз сырыху цыхкур уэрац атлэ (Щ. I.) – «Ага, значит, светлая девочка, которая была с Марфой Николаевной, (есть) ты (букв.: Ага, с Марфой Николаевной бывшая светлая девочка ты (есть), значит)».

Сказуемое вопросительного предложения, выраженное как глаголами во всех временных формах, так и именами, нередко оформляется суффиксом **-къэ**: *Дэ нобэ деджэр-къэ?* – «Разве мы сегодня не учимся?» *Фэ пцэдей зыплъыхъаклуэ фыклуэну-къэ?* – «Вы едете завтра на экскурсию?» Суффикс **-къэ** является полифункциональным: в зависимости от интонации и контекста он способен выражать, как было проиллюстрировано в предыдущих разделах, повествование, побуждение, удивление, подтвердительную вопросительность.

Вопросительность часто выражается с помощью интонации и вопросительных местоимений и наречий: *хэт?* – «кто?», *сыт?* – «что?», *дапцэ?* – «сколько?», *дэнэ?* – «куда?», *дауэ?* – «как» и др.

В предложениях именной конструкции вопросительные слова, сочетающиеся со статическими глаголами в форме всех времен и с динамическими глаголами в форме прошедшего или будущего времени, стабильно стоят в препозиции. В этом случае вопросительные слова могут занимать синтаксическую позицию подлежащего: *Хэт цыс?* – «Кто сидит?»; дополнения: *Сыт жилену?* – «Что (он) скажет?»; различных обстоятельств: *Дэнэ пхъа?* – «Куда (ты) дел?»; *Дапцэ къищтэну?* – «Сколько (он) возьмет?»; *Дауэ укъэпсэлъа?* – «Как (ты) выступил?»; *Сытым цыгъуэ плъагъун?* – «Когда (ты) (его) увидишь?» и т.д.

В предложениях причастной конструкции глаголы переходят в разряд причастий, занимая синтаксическую позицию подлежащего. Функцию сказуемого выполняют сами вопросительные слова. Поскольку в таких предложениях в качестве сказуемого уже выступают имена (в данном случае местоимения и наречия), то они диктуют подлежащему форму именительного падежа. В таких конструкциях вопросительные слова могут стоять как перед, так и после соотносительных компонентов: *Хэт цысыр?* (*Щысыр хэт?*) – «Кто есть тот, который сидит? (букв.: Сидящий кто (есть))»; *Сыт жилар?* (*Жилар сыт?*) – «Что есть то, что он сказал? (букв.: Сказанное им что (есть))»; *Дапцэ къищтар?* (*Къищтар дапцэ?*) – «Сколько есть то, что он взял? (букв.: Взятое им сколько

есть?)» и т.д.

Динамические глаголы в форме настоящего времени в вопросительных предложениях оформляются суффиксом **-р**: *Хэт кѳаклуэ-р?* – «Кто идет?»; *Сыт жулэ-р?* – «Что (он) говорит?». При синтаксическом разборе это затрудняет однозначно ответить на вопрос: каким членом предложения является вопросительное слово, поскольку по формальным критериям подобные предложения можно отнести как к именным, так и к причастным. Ведь предложение *Хэт кѳаклуэр?* можно истолковать как «Кто идет?». Но с таким же успехом оно выражает и понятие «Кто есть тот, который идет? (букв.: Идущий кто (есть)?)» Вопрос, заключенный в предложении, в первом случае предусматривает ответ типа *Мухъэмэд кѳоклуэр* – «Идет Мухамед», где *Мухъэмэд* является подлежащим, *кѳоклуэр* – сказуемым, т. е. это – предложение именной конструкции. Во втором – *Кѳаклуэр Мухъэмэди* «Тот, кто идет, есть Мухамед (букв.: Идущий Мухамед (есть))», где *Мухъэмэд* является сказуемым, *кѳаклуэр* – подлежащим, предложение имеет уже причастную конструкцию.

Более того, вопросительные слова при сочетании с динамическими глаголами в форме настоящего времени могут занимать как препозицию, так и постпозицию: *Хэт узэпсалгэр?* (*Узэпсалгэр хэт?*) – «С кем ты разговариваешь?»; *Дауэ зэреджэр?* (*Зэреджэр дауэ?*) – «Как (он) занимается?».

При сочетании вопросительных слов с именами или отглагольными формами последние выступают в роли подлежащего. Позиция вопросительных слов в таких синтагмах лабильна.

Создаваемые подобными сочетаниями предложения есть предложения причастной конструкции: *Хъэсэныр хэт?* – «Кто есть тот, который Хасан? (букв.: Являющийся Хасаном кто (есть)?)»; *Сыт пхуэмыгъуэтыр факъырэм?* (Щ. А.) – «Что есть то, чего не хватает тебе, нищей? (Тебе, нищей, не хватающее что (есть)?)»

Вопросительные слова и имена могут сочетаться как компоненты не только предикативной, но и атрибутивной синтагмы. При этом вопросительные слова в синтаксической позиции определения предшествуют определяемому. Постпозицию занимает только определение *дапцэ?* – «сколько»: (*Уэ, Сосрыкъуэу си нэху*) *Хэт и леи къыплъыст?* (Н.) – «(О, Сосруко, мой свет) Чья несправедливость тебя настигла?»; *Нарт Хасэм сыт тлысынли къыпхуащ?* (Н.) – «На совете нартов какое место (тебе) отвели?»; *Хэт и хъуэхъуи пфлэдаха?* *Хэт и лыгъи удихъэхт?* (Н.) – «Чей тост показался (тебе) более красивым? Чьим мужеством (ты) заинтересовался?»; *А лыр дэнэ къуажэ къикла?* – «Из какого села приехал тот мужчина?»; *Шы дапцэ хэтын уи табыным?* – «Сколько лошадей может быть в твоём табуне?».

В тех случаях, когда имя, определяемое вопросительным словом, занимает синтаксическую позицию предиката, такое словосочетание целиком выполняет функцию сложного сказуемого: *Усыт лъэпкъ-млэ уэ?* (Ш. Хь.) – «А какой национальности (есть) ты?»; *Нобэ къэпцэхуар мэл дапцэ?* – «Сколько овец (есть) то, что ты сегодня купил? (букв.: Купленное тобой сегодня сколько овец (есть)?)».

В целях усиления вопросительной семантики вопросительное слово может быть передвинуту на начало предложения: *Сло, мыгъэрейгъэклэ дыножъэн хуей уэ* (Къ. М.) – «Что, мы целый год должны тебя ждать?»; *Сыт цхъэклэ, еджаплэм уклуэнуэкъэ?* – «Почему же, ты не пойдешь в школу?».

В диалогах вопросительные слова способны выполнять функцию предложений:

– *Жылэр зэхэту уи адэр ауан кѳищлауэ шытащ абы.*

– *Сыт цхъэклэ?*

– *Усондэджэрщ, жулэри* (Ш. Хь.)

«– Он принародно высмеял было твоего отца.

– Почему?

– Сказав «Ты спекулянт?»;

– *Уэ уи унафэр иджыпсту тцлынуу.*

– *Дауэ?*

– *Темыр укъыщлыдишар ди деж утиэну арац* (Къ.Хь.)

«– По поводу тебя мы сейчас примем решение.

– Каким образом?

– Темир тебя вывел для того, чтобы мы повели тебя к нам».

- Ар сэракъым.
- **Хэт-млэ?**
- Си гураш (Ш. Хь.) –
- «– Это не я.
- Кто же?
- Мое сердце».

В роли вопросительного слова **сыт цхьэкIэ** – «почему?» может выступать элемент **алейклэ**: **Алейклэ** сынопсалгэрэ? Уэ пцIэж цыIэкъым, къунаным цхьэкIи къунажын жыпIэнклэ хъунуш уэ (Щ. I.) – «И почему я с тобой разговариваю? Ты же ничего не помнишь, жеребца-двухлетку можешь назвать кобылой-трехлеткой».

Вопросительная семантика в кабардино-черкесском предложении выражается частицами **цэ, плэрэ**.

Частица **цэ** употребляется при именах и местоимениях и выражает понятие «а (где)?»: *Морякыр ауану елгэпэцIауэри и плэ ижыхъаш.*

– **Сэ-цэ?** –

«Моряк насмешливо ударил ногой о землю и остановился.

– А я?»;

Шыхъуэр-цэ? – «А где табунщик?»

Частица **плэрэ** сочетается как с глагольными формами, так и именами, требуя при этом от соотносительного компонента формы **-у/-уэ**: *Трактористхэм я унафэцI бригадирыр къымыгъэгубжъыну плэрэ?* – «Не разгневает ли она бригадира, руководящего трактористами? (букв.: Не разгневает ли она руководящего трактористами бригадира?)»; *Хъуну плэрэ мыр (тхьэгъур) иджыри къэбгъэсэбэн?* (Щ. I.) – «Можно ли его (кольцо) еще использовать?»; *Сэрмырауэ плэрэ уэ къэплъыхъуэр?* – «Не меня ли ты ищешь?»; *Мытхъашэлүу плэрэ а уи ныбжъэгъур?* – «Не слишком ли суров твой друг?»

Подобную же функцию в языке выполняет местоимение **ар**, выражающее в вопросительном предложении значение «что ли?». Как и частица **плэрэ**, местоимение **ар** сочетается с формой на **-у/-уэ**, становясь, таким образом, вспомогательным элементом составного сказуемого: *Софят къэрабгъэу ара?* – «Софят трусливая, что ли?»; *Мыхэр иджыри къэмытэджауэ ара?* (Ш. Хь.) – «Они еще не встали, что ли?».

Вопросительная семантика может быть выражена с помощью союзного суффикса **-и** и соответствующей вопросительной интонации. Причем данный суффикс применяется при повторении спрашивающим сообщения собеседника с целью уточнения информации. В зависимости от интонации подобные конструкции выражают различные дополнительные оттенки значения – сомнение, удивление, иронию:

– *СлIо кыизэпцIэнур, Хъэсбий?* – *Идэб дыдэу псэлгаш Заур.*

– **УэсцIэнур-и?** *Мис а мыгъэрейгъэм тфIэншха ахъшэ къомыр къозгъэпшыныжынуш* (Къ. М.) –

«– Что ты со мной сделаешь, Хасби? – спокойно спросил Заур.

– Что сделаю? Заставлю тебя вернуть те деньги, что ты израсходовал в течение года»;

– *Хъэсбий, хуит сыщIи сыгъакIуэ, сэ къэсшэнищ комиссэр, профессорыр хэту.*

– **Уэр-и?** (Къ. М.) –

«– Хасби, разреши мне съездить, я привезу комиссию вместе с профессором.

– Ты?»

В семантику вопросительного предложения вносит оттенок сомнения аффикс **-гъэххи**, сочетающийся с глаголами в форме прошедшего времени: *Уэсмэн уэ плъэгъуа-гъэххи?* – «Не видел ли (ты) Османа вообще?»; *Мо Бахъсэн питомникым уцыла-гъэххи?* (Щ. I.) – «Была ли (ты) когда-нибудь в Баксанском питомнике вообще?».

Как и рассмотренные выше типы невопросительных предложений, вопросительные конструкции могут сопровождаться восклицательной интонацией. Для усиления восклицательной семантики в состав вопросительного предложения могут включаться частицы: *«Iэу, ар уэ пцIэр-къэ?»* (Щ. I.) – «Как, ты этого не знаешь?» **ЕI, бетэмал, сэ ар цхьэ сымылгъэгъуэрэ?** – «Ах, почему же я этого не видел?»

3.3. Способы связи строевых компонентов предложения

Основным конституирующим членом кабардино-черкесского предложения является сказуемое. С одной стороны, сказуемое является непосредственным участником в организации минимальной предикативной основы предложения и основным выразителем модально-временных отношений. С другой – тот факт, что в полисинтетических языках высокой степенью синтеза характеризуется именно глагол, а не другой класс слов, делает глагол-сказуемое центром и ядром предложения. В связи с этим основные конструктивные особенности кабардино-черкесского предложения напрямую зависят от полиперсонализма глагола, поскольку полиперсональный глагол спрягается не только по лицам и числам субъекта, но и объекта, причем падежи субъекта и объекта зависят от глагола.

Подлежащее, выражая субъект действия, производителя действия или носителя состояния, в кабардино-черкесском, в отличие от языков индоевропейской группы, связано со сказуемым двойной, взаимонаправленной соподчинительной синтаксической связью: управлением и согласованием. В зависимости от характера семантики глагола, выступающего в предложении в роли сказуемого, подлежащее может стоять в форме либо именительного, либо эргативного падежа. Так, сказуемое, выраженное переходным глаголом, требует при себе постановки подлежащего в форме эргативного падежа: *Аслэнокуэ-м зеклуэ Іэцэр мыхъеину флидзэжащ* (Щ. А.) – «Асланоко навсегда походное снаряжение повесил»; *Мис а пчыхъэщхъэм щэху дыдэу Мадинэр и анэ-м иреджэр* (Щ. А.) – «В тот же вечер мать тайно вызвала Мадину». Непереходный глагол, как и причастие, деепричастие, их обороты и именные части речи, выполняющие в предложении функцию сказуемого, требует при себе постановки подлежащего в форме именительного падежа: *Си шы-р Іуащхъэм пырхъуу дэжэящ* (Къ. С.) – «Мой конь с храпом взбежал на холм»; *Уэсмэн и адэ-анэм я бын етІуанэт* (Хъ. А.) – «Осман (был) вторым ребенком у родителей»; *Гупыр зытекІуадэ-р эзгуремыІуэнырщ* (А. п.) – «То, что губит коллектив, (есть) разногласия (букв.: Губящее коллектив (есть) разногласия)»; *Дуней гъэщІэгъуэным и щІэрэщІагъэ-р абыхэм я дежкІэ зырикІт* (Щ. А.) – «Прелести цветущей жизни для них ничто»; *А лъэхъэнэ-р абыхэмкІэ фІэрафІэт* (Щ. А.) – «Та пора для них была хороша».

Вторая синтаксическая связь направлена от подлежащего к сказуемому. Эту связь принято называть согласованием. Этим термином мы будем пользоваться условно, принимая во внимание, однако, что наблюдаемые в предикативном словосочетании кабардино-черкесского языка типы синтаксической связи не являются идентичными понятиям «управление» и «согласование» в индоевропейских языках. Такую взаимонаправленную синтаксическую связь членов предикативной синтагмы правильнее будет именовать координацией. Сказуемое, будучи зависимым от подлежащего компонентом, координируется с последним в лице и числе. Так, с подлежащим, выраженным личными местоимениями первого лица единственного числа *сэ* – «я» и первого лица множественного числа *дэ* – «мы», сказуемое согласуется в первом случае в первом лице единственного числа: *Сэ а зэманым с-щІэфакъым си шыпхъу Мадинэ щІэгъэрыр* (Щ. А.) – «Я в ту пору не знал, почему моя сестра Мадина находится в заточении (букв.: Я в ту пору не знал о причине заточения моей сестры Мадины)». Во втором – в первом лице множественного числа: *Дэ къуажэм д-ыкъэсыжащ* (Іу.) – «Мы возвратились в село».

С подлежащим, выраженным личными местоимениями второго лица единственного числа *уэ* – «ты» и второго лица множественного числа *фэ* – «вы», согласование сказуемого происходит идентично: в первом случае – оформлением сказуемого «представителем» подлежащего – личным аффиксом *у-* (формант *у-* может замещаться эквивалентным *бы-*; помимо этого, в соответствии с существующим в языке фонетическим явлением – регрессивной ассимиляцией – личные префиксы *с-*, *д-*, *у-/б-*, *ф-* в результате влияния экскурсии последующего согласного звука на рекурсию предыдущего переходят соответственно в *з-*, *т-*, *тІ-*, *п-*, *пІ-*, *в-*, *фІ-*): *У-хэт уэ, дэни у-щыщ?* (Къ. Хъ.) – «Кто ты и откуда?»; *Уэ уи къалэныр б-гъэзэщІащ* (Къ. Хъ.) – «Ты выполнил свое задание». Во втором случае – оформлением

сказуемого личным аффиксом **ф-**: *Фэ фы-цлалэц*. *Іуэхур ф-цлэркъым* (Щ. А.) – «Вы молоды. Дела не знаете».

Иное положение наблюдается при сочетании сказуемого, выраженного как переходными, так и непереходными глаголами с подлежащим и дополнением, стоящими в третьем лице. Одной из особенностей исследуемого языка является отсутствие в нем специальных слов, обозначающих третье лицо. Как и в некоторых родственных языках, для выражения третьего лица в кабардино-черкесском используются указательные местоимения **а, мо, мы** – «тот», «этот». Личные местоимения третьего лица не сохранились. Однако от них остались лично-притяжательные префиксы **е-, я-**; *е-цлэ* – «он знает», *и тхылъ* – «его книга», *я тхылъ* «их книга». Эти префиксальные элементы обнаруживают материальное сходство с местоимениями и местоименными префиксами 3-го лица в родственных языках. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным не специальными словами, а замещающими их указательными местоимениями, стоящими в именительном падеже, принято рассматривать как согласование, имеющее внешнее выражение в форме нулевого аффикса: *Ар #-дахэм* (Къ. Хь.) – «Она была прекрасна»; *Ар #-шыхъуэц* – «Он табунщик (есть)»; *Ар псалъэмакъынышэу пэшым #-цлыхъэжащ* (А. п.) – «Он молча зашел в комнату»; *Ар дахэу #-матхэр* – «Она красиво пишет». Как видно из приведенных примеров, такое положение наблюдается в конструкциях, где сказуемое выражено как непереходными глаголами, так и другими частями речи. Морфему **мэ-/ма-** в компонентах типа **мэ-лажьэр, ма-тхэр** нельзя считать показателем третьего лица. Аффикс **мэ-/ма-** является только показателем категории динамичности глагола.

В том случае, когда функцию субъекта или объекта выполняют имена, морфологического выражения синтаксического лица подлежащего и дополнения в самих этих компонентах не наблюдается, поскольку имена не обладают морфологической категорией лица. Вместе с тем синтаксическое лицо подлежащего и дополнения представлено в сказуемом с помощью либо специальных префиксов, либо нулевого аффикса.

Так, синтаксическое лицо подлежащего, выраженного именем в именительном падеже, в сказуемом представлено нулевой морфемой: *Шу-р уэрамышхэм тес унэ гуэрым #-нэсащ* (Къ. Хь.) – «Всадник доехал до какого-то углового дома»; *Пцлантилэм цлыхубз цлалэ #-дэтиц* (Къ. Хь.) «Во дворе стоит молодая женщина».

В сказуемом представлены нулевой морфемой также показатели третьего лица прямого дополнения: *Сэ ар #-с-лэгъуащ* – «Я его видел»; *Сэ ахэр #-с-лэгъуащ* – «Я их видел».

В то же время в составе переходного глагола-сказуемого обнаруживаются элементы **йы-, йа-**, которые являются, вероятнее всего, представителями субъекта, стоящего в форме третьего лица: *Абы письмо йы-тхащ* – «Он письмо написал»; *Абыхэм письмо йа-тхащ* – «Они письмо написали»; *Щлалэм хъыджэбзыр йы-лэгъуащ* – «Юноша девушку увидел»; *Щлалэхэм хъыджэбзыр йа-лэгъуащ* – «Юноши девушку увидели».

В кабардино-черкесском нередки случаи обозначения в глаголе-сказуемом и показателя 3-го лица (особенно множественного числа) объекта. Непременным условием при этом должно быть нахождение объекта в форме эргативного падежа: *Сэ абыхэм-м с-д-хуэзащ* «Я их встретил». *Уэ лыжхэм-м у-д-дэлэныкъуащ* «Ты старикам помог».

Анализ языкового материала дает основание предположить, что показателем третьего лица единственного числа в сказуемом является морфема **йы-**, множественного числа – **йа-**. Выражение этих элементов в сказуемом в формах **ы-, а-** (*с-ы-хуэзащ* «(я) (его) встретил»; *у-а-хуэлэжьащ* «(ты) (для них) работал»; *с-е-жьащ* «(я) (его) ждал») связано, по нашему мнению, с комбинаторными изменениями: *с-йы-хуэзащ, у-йа-хуэлэжьащ, с-йы-йэжьащ*.

Можно предположить, что личное местоимение третьего лица единственного числа в кабардино-черкесском языке было представлено формой **йэ**, множественного числа – **йа**. Это предположение основывается на нескольких языковых факторах: 1) наличии в сказуемом, выраженном переходными глаголами, соответствующих префиксов **йы-, йа-**, которые являются показателями третьего лица единственного и множественного чисел; 2) наличии в языке посессивных форм: *шэнтым йы лъакъуэр* «стула его ножка», *цлыхухэм йа гъащлэр* «людей их жизнь»; *абы йы тхылъыр* «того его книга», *абыхэм йа лэщыр* «тех их

скот»; 3) отчасти – на способе образования в самом кабардино-черкесском и в родственных языках притяжательных местоимений; 4) наличии в родственных языках однокоренного слова, являющегося личным местоимением третьего лица.

Если два первых положения в различной степени подтверждают факт наличия в кабардино-черкесском языке притяжательных элементов третьего лица в формах **йы, йа** (а их следует считать притяжательными местоимениями, а не притяжательными префиксами, как это представлено в работах некоторых адыгovedов, поскольку в атрибутивной синтагме способны управлять соотносительным словом: *шэнты-м йы лъакъуэр* «стула его ножка»; *бжэндэхъухэ-м йа уэрэдыр* «скворцов их песня»), то наличие третьего и, особенно, четвертого факторов дают надежду на справедливость выдвинутой гипотезы; притяжательные местоимения в кабардино-черкесском образуются посредством сочетания удвоенных основ соответствующих личных местоимений и притяжательного префикса 3-го лица **е-(йэ-)**: *сэ+сэ+йэ=сысей* «мой»; *уэ+уэ+йэ=уыуей* «твой», *дэ+дэ+йэ=дыдей* «наш», *фэ+фэ+йэ=фыфей* «ваш». Местоимение **ей (йэй)** «его» образовано путем редупликации морфемы (притяжательного префикса **йэ-**), восходящей к личному местоимению 3-го лица, ср. *йэ+йэ=ей (йэй)* – «его». Местоимение **яй** – «их» состоит из двух местоименных элементов: *йа+йэ=яй (йай)*. Таким образом, вычленяются элементы **йэ, йа**, восходящие к личным местоимениям третьего лица. Предположительно, эти элементы (**йы, йа**) не только восходят к личным местоимениям третьего лица, но они и сами исторически были личными местоимениями третьего лица единственного и множественного чисел, каковыми сегодня являются **сэ, дэ** для первого, **уэ, фэ** – для второго лица. На эту мысль наталкивает и тот факт, что в абхазском и абазинском языках, родственных кабардино-черкесскому, **йа** входит в состав личного местоимения третьего лица, имеющего значение он (она, оно): **йа-ра**.

Личные местоимения западнокавказских языков относятся к наиболее древнему пласту лексики. В связи с этим наличие тесной, родственной связи между абхазо-абазинским личным местоимением третьего лица **йа-ра** и первым компонентом этого местоимения, обнаруживаемом в составе сказуемого в адыгских языках в качестве представителя субъекта или объекта в форме третьего лица – явление закономерное. Компонент **йа** в абхазо-абазинских и элементы **йэ/йа** в адыгских языках не только однокоренные, но по сути есть одно и то же – личные местоимения третьего лица. Личные местоимения в исходной форме в абхазо-абазинских языках не выражали определенной (детерминативной) функции, а указывали лишь на лицо, как это характерно и ныне для адыгских языков. Выделительная, определительная функция личных местоимений (**сара** «я именно», **уара** «ты именно») производна, т.е. хронологически вторична по сравнению с функцией простых форм. Тот факт, что формы типа **сара, уара** в отличие от форм типа **са, уа**, выражают не исходное, т.е., не общее (родовое) значение, а определенную функцию личных местоимений (**сара** «я именно», **уара** «ты именно») подтверждает вторичность их образования путем присоединения к первичным (кратким) местоимениям определительного элемента. Ср. абаз. *йара дглайыд* «он сам (именно он) приходит» (М. А. Кумахов).

В кабардино-черкесском языке согласование в числе, как и в лице, направлено от подлежащего к сказуемому. Иными словами, форма числа сказуемого зависит от категориальной формы числа подлежащего. Подобным же образом сказуемое согласуется и с дополнениями, стоящими как в именительном, так и в эргативном падежах.

Личные местоимения первого и второго лица **сэ, дэ, уэ, фэ** обладают способностью одновременного выражения лица и числа. При выполнении ими функций субъекта или объекта в предложении их личные префиксы входят в состав сказуемого: *Сэ нартхэ с-ырапхъуц*. (Н.) – «Я дочь нар-тов»; *Сэ уэ ны-б-же-с-лэниц дунейм зыщлуфлыцлар* (М. З.) – «Я тебе скажу почему мир потемнел»; *Фэ хъыбарыр сэ кы-з-же-ф-лэ* (А. З.) – «Известие вы мне передайте»; *Сэ уэ абы флэкла у-с-лъагъужынукуым* – «Я тебя больше не увижу». Принято считать, что подлежащее или дополнение, выраженное именами либо указательными местоимениями, находится в форме третьего лица. Форма их числа в языке выражается различными способами. Наиболее распространенным способом выражения формы числа подлежащего и дополнения является наличие или отсутствие в их составе суффикса множественного числа **-хэ**.

Помимо этого, множественное число подлежащего или дополнения может быть

заложено в значение некоторых имен существительных, которыми выражены эти члены предложения. Это производные и сложные слова типа: *зэдэлъхузэшыхъу* – «брат да сестра», *зэуащэзэнысэ* – «свекровь да невеста», *зэтIолъхуэныкъуэ* – «близнецы», *зэадзэкъуэ* – «отец да сын», *зэлIзэфыс* – «супруги (муж да жена)» и др. Сама их семантика обозначает множество: *Сэ зэлIзэфыс с-а-хуэащ* – «Я встретил супругов»; *Ар зэадзэкъуэм йа-гъэщIэгъуащ* – «Это удивило отца да сына».

В предложениях номинативной конструкции сказуемое согласуется с подлежащим – именем (либо указательным местоимением) во множественном числе посредством суффикса множественного числа **-хэ**: *А-хэ-р гъэмахуэ бэвым къарита Iуэхум и гуфIэгъуэмкIэ зэаджэж-хэ-рт* (Щ. А.) – «Они перекликались радостью приятных забот, подаренных щедрым летом (букв.: Они перекликались радостью подаренных щедрым летом приятных забот)»; *Бжыгъэрэ мардэрэ зымIэ вагъуэ-хэ-р уафэм игуэша-хэ-т* (Щ. А.) – «Безграничное количество звезд было рассеяно по небу»; *Махуэм зызыгъэпсэху щIалэгъуалэ-хэ-р клубым и пщIантIэм футбол цыдэжэгу-хэ-рт* (Щ. А.) – «Молодые люди (молодежь), отдыхающие в тот день, во дворе клуба играли в футбол». (букв.: «Отдыхающие в тот день молодые люди (молодежь) во дворе клуба играли в футбол»).

При сочетании однородных подлежащих со сказуемым в составе последнего обычно обнаруживается элемент **-хэ**: *Си адэмрэ си къуэшымрэ мы сыхъэтым Iуэцхъухуэрэ, цэIухуэрэ жей-хэ-рт* (Щ. А.) – «Мой отец и мой брат в этот час спали постанывая».

Вместе с тем в языке нередки случаи опущения суффикса **-хэ** в подобных конструкциях: *Ахэр теццэниш-#-т. Ахэр цхъэхуит-#-т* (Щ. А.) – «Они не подневольны (букв.: не подневолен)». «Они свободны (букв.: свободен)»; *Мыхэр гъуэгу тета-#-щ* (Къ. Хь.) – «Они были (букв.: был) в дороге». *ЩIалэри ящIыгъуу абрэджхэр амбарым щIыхъа-#-щ* (Къ. Хь.) – «Вместе с юношей абреки зашли (букв.: зашел) в амбар».

Однако отсутствие в каком-либо члене предложения аффикса **-хэ** не отражается на лексическом значении слова, которым оно выражено, и не нарушает коммуникативной законченности кабардино-черкесского предложения.

Единственное число подлежащего, стоящего в 3-м лице в номинативной конструкции, в сказуемом кабардино-черкесского предложения не имеет формального выражения: *Хъэтхым и къуэ МыхъэмэткIэ зэджэ лыр Псыжъ Iуфэ #-щыпсэурт* (Къ. Хь.) – «Мужчина, которого звали сын Хатха Мыхамат, жил на берегу Кубани (букв.: Сыном Хатха Мыхаматом именуемый мужчина жил на берегу Кубани)»; *Ди полкыр Червленэм #-дэст* (Къ. Хь.) – «Наш полк располагался в Червленной»; *Зэманым и нэпкъыжсэ къызытена нэпкъуэцIхэр къызэригъэдзэкIыу #-щыст ар* – «Он сидел, переворачивая помеченные временем страницы (букв.: Переворачивая помеченные временем страницы сидел он».

Переходный глагол-сказуемое согласуется в числе с подлежащим, стоящим в 3-м лице, при помощи личных префиксов 3-го лица единственного или множественного числа: *Хъаным зы зауэлI зыбгъэд-е-шэр* (Къ. Хь.) – «Хан подозвал (к себе) одного воина»; *Къэрэбатыр шабзэр зэп-и-плъыхъащ* (Къ. Хь.) – «Карабатыр осмотрел лук»; *Абыхэм мэзыр иджыри зэ щI-а-пщытыклащ* – «Они еще раз прочесали лес»; *ЛыкIуэхэм Хъэткъокъуэм и жэуапыр я-Iуэтэжащ* (Къ. Хь.) – «Посланники передали ответ Хаткоко»; *Абыхэм нартхэр хуабжыу къ-а-гъэгулэзу цытащ* (Н.) – «Они тогда стращали нартов».

Согласование сказуемого с дополнением в лице и числе осуществляется таким же образом, как и согласование сказуемого с подлежащим. Принято считать, что дополнение, выраженное именами или указательными местоимениями, находится в форме 3-го лица. При сочетании прямого дополнения, стоящего в 3-м лице как в единственном, так и во множественном числе со сказуемым, показатели числа, равно как и лица, в последнем не находят формального выражения: *Пелуаным мывэдзкIэ шабзэпсыр #-зэпцудащ* (Къ. Хь.) – «Силач рогаткой перебил тетиву лука»; *Лыжыым ар #-къыцIыхужакъым* – «Старик его не узнал»; *ЩIалэм абрэджхэр и унэ #-ишащ* (Къ. Хь.) – «Юноша повел абреков к себе домой»; *Аузым къыдэгъуэлъхъа пшагъуэ Iувым ахэр напIэзытIэм #-игъэпщIуащ* – «Легший в ущелье густой туман мгновенно их спрятал».

Единственное число косвенного дополнения в сказуемом обозначается нулевой морфемой. Множественное число – префиксом **а-**: *Абы зылIрэ зы фызрэ #-къыбгъэдэхэр* (Ад. п.) – «К нему подходят мужчина и женщина»; *Сэ сышэсыжри шым сы-#-жсэдэуащ* (Къ. С.) – «Я вскочил в седло и огрел коня»; *Гува-щIэхами бгырыс-хэ-м къ-а-хэкIынищ абы я гукъеуэр пшыналъэ къабзэкIэ зыIуэтэфын усакуэ* (Къ. С.) – «Рано или поздно среди

горцев появится поэт, который сможет в изумительно чистых мелодиях воспеть их (горцев) чаяния (букв.: Рано или поздно среди горцев появится могущий в изумительно чистых мелодиях воспеть их чаяния поэт»; Сэ **абыхэм з-а-хуэзгъэхъеякъым** – «Я ради них и не пошевелился».

Таким образом, сказуемое в одинаковой степени управляет подлежащим и дополнением. В то же время сказуемое координируется с этими же членами предложения в лице и числе.

Согласование как вид синтаксической связи в кабардино-черкесском языке наблюдается не только в предикативной, но и в атрибутивной синтагме. Определение, выраженное прилагательными, существительными, причастием, причастным оборотом, различными разрядами числительных и местоимений, согласуется со стержневым компонентом в падеже, числе и склонении (определенном, неопределенном): **унэ лъагэ-хэ-р** – «высокие дома»; **мо къуажэ-хэ-м** – «в тех селах»; **тхылъ къэсцэхуа-#-мклэ** – «купленной книгой» и т.д. При этом средства выражения согласования в кабардино-черкесской атрибутивной синтагме имеют свои особенности. Так, в отличие, например, от русского языка, где оба компонента словосочетания «**интересны-ми** книга-**ми**» раздельно оформлены показателями дательного падежа и множественного числа, в кабардино-черкесском языке формантами числа, падежа и вида склонения наделяется только один из компонентов: а именно – компонент, стоящий в постпозиции: **тхылъ-#-# гъэцлэгъуэн-хэ-мклэ** – «интересными книгами (букв. книга интересными)»; **дыгъуасэрей-#-# газет-хэ-м** – «во вчерашних газетах (букв. во вчерашний газетах)». Подобное согласование в кабардиноведении получило название «согласование одной, единой общей формой». (См. об этом подробнее в разделе «Определение»).

Управлением принято называть подчинительную синтаксическую связь при которой стержневой компонент словосочетания требует постановки зависимого слова в определенной грамматической форме. Изменение формы стержневого компонента при этом не влияет на форму зависимого, управляемого слова. Этот тип синтаксической связи в кабардино-черкесском языке наблюдается не только в субъектных и объектных, но и в обстоятельственных словосочетаниях с обстоятельствами, выраженными именами: **къуажэ-м сыщылащ** – «был в селе»; **мзы-мклэ цунэтлащ** – «направился (в сторону) леса»; **къалэ-м сыпсэлъащ** – «позвонил в город». В подобных конструкциях глагол, будучи стержневым компонентом, управляет именами, занимающими синтаксическую позицию обстоятельства, диктуя последним форму эргативного (при выражении места действия) или послеложного (при обозначении направления действия) падежей.

Способностью управлять зависимым компонентом помимо глагола обладают имена, наречия и послелог.

Именно управлению в подавляющем большинстве подвергается именительный, отчасти – обстоятельственный и реже – послеложный падежи. Высокая частота управления именами и наречиями именительного падежа объясняется их способностью занимать синтаксическую позицию сказуемого и, будучи таким образом главенствующим компонентом предикативной синтагмы, управлять зависимым словом – подлежащим, диктуя ему форму именительного падежа: **Мы-р Мухъэмэдищ** – «Это Мухамед (есть)»; **Тхылъы-р гъэцлэгъуэнц** – «Книга интересная (есть)»; **Къэзы-гъэзэжа-р етлуанэрщ** – «Вернувшийся второй (есть)»; **Къыщыбгъэзэжыну-р пцэдейщ** – «Время твоего возвращения завтра (есть)».

Именное управление обстоятельственного падежа наблюдается в атрибутивной синтагме с несогласованным определением, в которой:

а) синтаксическую позицию обоих компонентов (определяемого и определения) занимают имена существительные: **шэ-уэ пэгун** – «ведро молока (букв.: молока ведро)»; **мылэрысэ-у килограмм** – «килограмм яблок (букв.: яблок килограмм)»; **дыщэ-у сыхъэт** – «золотые часы (букв.: из золота часы)»; **жыр-у джатэ** – «булатный клинок (букв.: из булата клинок)».

б) позицию определяемого занимает имя существительное; определения – качественное прилагательное: **хужь-у джанэ** – «белая рубашка (букв.: белой (являющаяся) рубашка)»; **флыцлэ-у шакъэ** – «черные чернила (букв.: черными (являющиеся) чернила)».

Именно управлению подвергается послеложный падеж в объектных

словосочетаниях, в которых синтаксическую позицию сказуемого занимают имена: *Къэрабгъэр и къуэш-кIэ лIыхъужыщ* (Пс.) – «Трус своим братом силен (букв.: Трус своим братом герой (есть))»; *Хуэмышур Iэмал-кIэ Iэзэщ* (Пс.) – «Ленивый на выдумки хитер (букв.: Ленивый на выдумки хитрый (есть))».

Послелогоми управляется эргативный падеж: *лъэмыжы-м нэс* – «до моста»; *псы-м адэкIэ* – «за рекой»; *псалгэмакъы-м иужькIэ* – «после разговора».

Эргативный падеж управляется и несамостоятельными притяжательными местоимениями: *щIалэ-м и хуэпсапIэр* – «мечта юноши (букв.: юноши его мечта)»; *лIыжы-м и башыр* – «палка старика (букв.: старика его палка)»; *мо-бы-хэм я унэр* – «их дом (букв.: тех их дом)».

Таким образом, глагольному управлению в кабардино-черкесском языке подвергаются все четыре падежа; именному – именительный, послеложный и обстоятельственный; Наречиями управляются именительный; несамостоятельными притяжательными местоимениями и послелогом – эргативный падеж.

Примыканием принято называть подчинительную связь, при которой форма подчиненного компонента словосочетания не зависит от стержневого слова. При этой синтаксической связи в роли зависимого компонента в кабардино-черкесском выступают либо неизменяемые части речи (наречие, частицы), либо слова, не подвергающиеся изменению в конкретном случае в силу выполняемых ими в предложении грамматических функций или занимаемой позиции (имена существительные, вспомогательные глаголы): *дахэу матхэр* – «красиво пишет»; *нобэ сожъэр* – «сегодня уезжаю»; *дыщэ фалъэ* – «золотая чаша (букв.: золото чаша)»; *пхъэ гуахъуэ* – «деревянные вилы (букв.: дерево вилы)».

Что касается деепричастия и инфинитива, относимых в русском языке к словесным формам, «лишенным флективной гибкости», то в кабардино-черкесском они связаны с соотносительными словами иными способами. Так, инфинитив и деепричастие, будучи отглагольными формами, обладают способностью спрягаться. Изменяясь по лицу субъекта и объекта, они координируются с этими же компонентами в лице, а заодно и в числе (личные показатели одновременно являются и выразителями категории числа). Помимо этого, деепричастие, сочетаясь со сказуемым, связывается с последним и способом примыкания: *Сэ с-ытхауэ-# укъэсащ* – «Ты прибыл, когда я закончил писать (букв.: Я закончив писать (ты) прибыл)». Деепричастие *с-ытхауэ* координируется с субъектом *сэ* в первом лице, единственном числе. В то же время, сочетаясь со сказуемым *укъэсащ* «ты прибыл», оно не координируется с ним и не управляется последним. Образуя обстоятельственные синтаксические отношения в синтагме, эти компоненты связаны друг с другом только способом примыкания.

Инфинитив, обладающий в кабардино-черкесском языке способностью не только спрягаться, но и склоняться, управляется сказуемым при выражении им (инфинитивом) субъекта или объекта: *Еджэны-р тыншкъым* – «Учеба – не легкое занятие (букв.: Учиться не легко (есть))»; *Ар тхэны-м хэзагъэркъым* – «Он не справляется с письмом (букв.: Он с писать не справляется)». В первом примере инфинитив-подлежащее *еджэн* «учиться» управляется именем-сказуемым *тыншкъым* «не легко», диктуя ему форму именительного падежа. Во втором – инфинитив *тхэн* «писать», управляемый глагольным сказуемым *хэзагъэркъым* «не справляется», оформляется формантом эргативного падежа *-м*.

При анализе способов синтаксической связи компонентов словосочетания и предложения в кабардино-черкесском выявляются структуры, в которых компоненты связаны не только одинарной (согласованием, управлением или примыканием) или двойной (согласованием и управлением; управлением и примыканием) связью. В языке существуют конструкции, компоненты которых связаны тройной синтаксической связью: управлением, согласованием и примыканием одновременно. Такая связь характерна для атрибутивных словосочетаний с притяжательными определениями типа *шэнты-м и лъакъуэр* – «ножка стула (букв.: стула его ножка)». Характеризуя определяемое *лъакъуэ* «ножка» с точки зрения принадлежности, определяемое *шэнты-м и* «стула его» синтаксически связано с ним способом примыкания. При разборе компонентов самого определения *шэнты-м и* выявляется, что несамостоятельное притяжательное местоимение *и* «его» управляет соотносительным словом *шэнт* «стул»,

диктуя ему форму эргативного падежа: *шэнты-м*. В то же время само притяжательное местоимение согласуется в лице и числе (в данном случае в третьем лице, единственном числе) с существительным *шэнт*, стоящим в единственном числе и третьем лице.

Завершая анализ способов синтаксической связи строевых компонентов кабардино-черкесского предложения, можно заключить, что между подлежащим и сказуемым, дополнением и сказуемым устанавливается двусторонняя взаимонаправленная соподчинительная связь. При этом подлежащее и дополнения управляются с одной стороны, сказуемым, предопределяя, таким образом, форму падежа именных компонентов в зависимости от синтаксических особенностей и форм сказуемого. С другой стороны, сказуемое координируется с именными компонентами в лице и числе.

В языке встречаются конструкции, в которых отсутствует координация сказуемого с подлежащим в лице. Подобные синтагмы являются производными. Субъектный компонент в них, выраженный личными местоимениями первого и второго лица, замещается приложением, стоящим в форме третьего лица, в то время как сказуемое такого предложения маркируется показателями лица и числа замещаемого реального субъекта. Это и является причиной отсутствия координации в лице между компонентами подобных конструкций.

В предложениях номинативной конструкции показатели лица и числа подлежащего, стоящего в третьем лице, в сказуемом выражены нулевой морфемой. Идентичным способом в сказуемом представлены лицо и число и прямого дополнения, выраженного именами или указательными местоимениями. Это связано с отсутствием в предложениях номинативной конструкции личного префикса третьего лица.

При согласовании членов атрибутивной синтагмы показателями числа, падежа и категории определенности оформляется только компонент, располагающийся в постпозиции.

Для кабардино-черкесского языка характерны глагольное, именное и послеложное управления.

В роли зависимого компонента при примыкании выступают неизменяемые части речи (наречие, частицы) и слова, не подвергающиеся изменению в конкретном случае в силу выполняемой ими в предложении грамматической функции и занимаемой позиции.

Деепричастие и инфинитив в кабардино-черкесском языке, в отличие от русского, сочетаются с соотносительными словами способами одновременного управления и примыкания (деепричастия) и управления и согласования (инфинитив).

В языке имеют место притяжательные атрибутивные словосочетания типа *шэнтым* и *л̄аак̄уэр* «стула его ножка», компоненты в которых связаны между собой тройной синтаксической связью: согласованием, управлением и примыканием.

3.4. Структурный состав нераспространенного предложения О критериях выделения членов предложения

Вопрос о дифференциации членов предложения в адыгском языкознании до настоящего времени остается открытым. Точки зрения адыгovedов на эту проблему сходятся в основном только в одном: члены адыгского предложения делятся на две группы: главные и второстепенные. Но какие компоненты предложения относить к главным, какие – к второстепенным, по какому принципу проводить такое разграничение в адыгovedении – вопрос спорный. По мнению одних адыгovedов, главными членами предложения являются те компоненты, которые выражают основную связь слов в предложении и согласуются друг с другом по форме (Н. Ф. Яковлев). В основу разграничения членов кабардино-черкесского предложения другие исследователи кладут принцип логико-семантический (Х. Э. Дзасежев) и т. д.

В течение последних двух десятилетий в языкознании предпринимаются попытки заменить традиционное учение о членах предложения теорией структурных схем. Вслед за Н. Ю. Шведовой, А. В. Белошапковой и другими учеными, придерживающимися этой теории, адыгoved У. С. Зекох считает, что основополагающим принципом выделения членов предложения является способность их вхождения / невхождения в предикативную основу (минимальную структурную схему) и расширенную структурную

схему предложения.

Рассматривая подлежащее и сказуемое в качестве главных, дополнение, определение и обстоятельства – второстепенных членов адыгского предложения, большинство ученых-адыгovedов не дают, однако, ответа на основной вопрос: какой же принцип должен лежать в основе дифференциации членов предложения в исследуемом языке? Эта проблема остается спорной и в русистике, на которую нередко ориентируются исследователи младописьменных языков. Между тем определение критериев выделения членов предложения как в адыгских, так и в родственных им языках не может целиком основываться ни на традиционном, ни на новом (понимании предложения как реализации структурной схемы путем наполнения ее лексическим материалом) учениях о членах предложения в русистике в силу специфичности адыгских языков.

Представляется также неприемлемым сведение классификации структурных компонентов адыгского предложения к одному отдельно взятому из существующих принципов: формальному, логическому или структурно-схематическому. Признание, например, логического принципа доминирующим возвращает нас к истокам этой теории в русистике: к точке зрения Ф. И. Буслаева о том, что предмет, о котором мы судим, называется подлежащим, к теории, в которой помимо логической категории грамматические, формальные признаки членов предложения не принимаются во внимание.

Едва ли этот принцип продуктивен не только в русистике, но особенно в языках, имеющих наряду с номинативной и эргативную конструкцию предложения. Во первых, предметом суждения в адыгском предложении может быть не только подлежащее, но и дополнение. Во-вторых, логический принцип дифференциации членов предложения приемлем в синтаксических конструкциях, характеризующихся совпадением грамматического и смыслового планов. При попытке определения подлежащего только по признаку выражения им логического субъекта, не принимая во внимание принцип формальный, в предложениях типа *Унэр уэрклэ зэтелъхъа хъунукъым* – «Дом не может быть построен тобою» компонент *уэрклэ* – «тобою» следовало бы рассматривать как подлежащее. Такую же структуру имеет и следующий пример из классической литературы: *Те-мыр щлакъуэ къригъэпс дыгъэкълэ йуащхъамахуэ телъ уэсыр тклункъым* (Щ. А.) – «Солнцем, сияемым по воле хромого Темира, снег на вершине Эльбруса не растает (букв.: Сияемым по воле хромого Темира солнцем снег на вершине Эльбруса не растает)». Однако компоненты *уэрклэ* и *дыгъэкълэ*, выступающие в роли логического субъекта, в этих предложениях выполняют функцию дополнения. Грамматическим субъектом в первом предложении является *унэр* – «дом», во втором – *хъэдагъэр* – «страдания».

Дифференциация членов предложения исключительно по признаку формальному ведет к другой крайности. Так, если последовательно придерживаться мнения Н. Ф. Яковлева относительно того, что главными членами предложения в кабардино-черкесском являются такие компоненты, «которые выражают основную связь слов в предложении и согласуются друг с другом по форме», а к разряду второстепенных относить только те члены, «с которыми сказуемое не согласуется», то косвенное дополнение мы должны либо считать четвертым (наряду с выделяемыми Н. Ф. Яковлевым тремя главными членами – подлежащим, сказуемым и прямым дополнением) главным членом кабардино-черкесского предложения в виду того, что и косвенное дополнение согласуется со сказуемым, либо отрицать наличие согласования между этими двумя компонентами.

В языке нередко примеры одинакового оформления в предложении подлежащего и дополнения: *Мухъэмэд-# Хъэсэн-# ехъ* – «Мухамед несет Хасана (букв.: Мухамед Хасан несет)»; *Мыщэ-м дыгъужьы-м зридзащ.* – «Медведь набросился на волка (букв.: Медведь волк набросился)»; *Къардэны-м Шыбызхъуэ-м жрилащ* – «Карданов сказал (что-то) Шибзухову (букв.: Карданов Шибзухов (что-то) сказал». При разборе подобных предложений подлежащим принято считать препозитивный компонент только потому, что он стоит в начале. Предположительно, что при такой трактовке вопроса причинно-следственная связь нарушена. Будет правильнее считать, что в подобных конструкциях первый компонент не потому подлежащее, что стоит в начале, а потому стоит в начале, что по соответствию логическому субъекту является подлежащим. Именно то

обстоятельство, что такой компонент соответствует логическому субъекту, определяет его позицию в предложении.

Принцип разделения членов адыгского предложения по способности их вхождения / невхождения в минимальную предикативную основу и расширенную структурную схему (так называемый номинативный минимум), не предполагает дифференцированных характеристик неконститутивных членов предложения.

В ряде работ по адыгскому синтаксису статус подлежащего и сказуемого определяется по их членству в двусоставном предложении. Но и этот аргумент нельзя брать за основу выделения хотя бы главных членов предложения потому, что структура двусоставного предложения сама-то изначально определяется по наличию в ней главных членов.

Так какой же принцип считать основополагающим при дифференциации членов кабардино-черкесского предложения?

Язык есть средство общения, способ передачи мысли одного участника речи другому. Не вызывает сомнения при этом тесное взаимодействие между структурой мысли и языковыми формами выражения этой мысли. И потому внутрисмысловую и внешнеграмматическую стороны предложения – основной единицы речи – необходимо рассматривать в неразрывном единстве. Исходя из этого, следует признать наиболее оптимальной дифференциацию членов предложения как по логико-семантическому, так и по грамматическому принципам. В связи с этим к главным членам кабардино-черкесского предложения следует отнести сказуемое, являющееся центром и ядром предложения, непосредственным организатором предикативной его основы.

Вторым главным членом предложения является подлежащее – компонент, обозначающий субъект действия, входящий в предикативную основу и участвующий в ее оформлении. Сочетаясь со сказуемым двойной взаимонаправленной синтаксической связью, подлежащее управляется сказуемым; сказуемое же в свою очередь, принимая зависимое положение, координируется с подлежащим в лице и числе.

Компоненты предложения, синтаксически подчиненные сказуемому или подлежащему либо друг другу и служащие для развертывания, распространения высказывания, есть второстепенные члены.

Дифференциацию самих второстепенных членов кабардино-черкесского предложения предпочтительнее производить последовательно на основе формально-грамматических и логико-семантических критериев. При разграничении второстепенных членов на основании учета морфологической природы слова, поясняемого тем или иным второстепенным членом (формально-грамматический принцип), определением необходимо считать любое присубстантивное слово с общим грамматическим значением признака предмета вне зависимости от его (определения) принадлежности к какой бы то ни было части речи.

Принцип выделения определения по признаку его синтаксической зависимости от имен с предметным значением неизбежно приводит к отнесению дополнения и обстоятельства одинаково к приглагольным членам. Подобная одинаковая соотношенность этих членов предложения со сказуемым сопряжена с большими трудностями при квалификации того или иного компонента кабардино-черкесского предложения. Чем считать, например, компоненты *стIолым* «на столе», *псым* «в воду», *комбатым деж* «к комбату» в предложениях *Тхылъыр стIолым телъщ* – «Книга лежит на столе» (где? – на столе, на чем? – на столе); *Сэ псым сыыхъащ* – «Я вошел в воду» (во что? – в воду; куда? – в воду); *Ар комбатым деж щIыхъащ* – «Он зашел к комбату» (куда? – к комбату; к кому? – к комбату). Надо ли их квалифицировать как обстоятельства или же они являются дополнениями?

Такое положение, наблюдающееся не только в адыгских, но и в других языках (индоевропеистике, романистике) привело многих исследователей к мысли о необходимости рассматривать дополнение и обстоятельство в качестве единого члена предложения, характеризующего глагольный компонент (В. Г. Адмони, А. М. Мухин и др.). Таким образом, противопоставление второстепенных членов предложения на уровне формально-грамматическом ведет к выделению только определения как самостоятельного члена предложения и объединению дополнения и обстоятельства в один разряд – разряд приглагольного члена. Однако последнее недопустимо потому, что

дополнение и обстоятельство противопоставляются по семантическому значению. И потому их следует дифференцировать по признакам логико-семантическим.

Очевидно, что второстепенные члены являются единицами различных уровней. Однако факт их резкого противопоставления не только по форме, но и по значению приводит к необходимости выделения в языке определения, дополнения и обстоятельства как самостоятельных второстепенных членов предложения на основании, как указывалось выше, формально-грамматических и логико-семантических критериев.

3.5. Сказуемое

Сказуемое в кабардино-черкесском языке, выражая модально-временные и субъектно-объектные отношения, является конституирующим членом и структурно-организующим ядром предложения. Оно распространяет свое влияние не только на второстепенные члены, но и на подлежащее: сказуемое управляет подлежащим, дополнением и обстоятельствами с предметным значением, одновременно координируясь с подлежащим, прямым и косвенным дополнениями в лице и числе. При этом последовательность личных аффиксов субъекта и объекта, находящихся в составе сказуемого, варьирует в зависимости от переходности и непереходности глагола. Сказуемое координируется не только с этими компонентами, но и с некоторыми обстоятельствами с помощью включающихся в его (сказуемого) состав обстоятельственных частиц и превербов **щІэ-, щ-, дэ-, те-** и др.

Другой особенностью сказуемого является его высокий синтетизм, позволяющий этому члену предложения выступать не только как сказуемое, но и как предложение в целом. Это обусловлено наличием в составе сказуемого аффиксальных морфем – «представителей» подлежащего, дополнений, нередко – обстоятельств.

Сказуемое, в зависимости от его морфологической природы, в адыгovedении принято разграничивать на глагольное и именное. Однако такое деление неминуемо порождает одновременно два весьма спорных вопроса:

1. Могут ли имена, не обладающие модально-временными категориями, которыми наделен глагол, выполнять функцию сказуемого, оставаясь при этом именами, не переходя в разряд глагола?

2. Если же говорить о делении сказуемых на глагольные и именные, то по каким критериям определять принадлежность сказуемых, выраженных причастиями, деепричастиями, их оборотами, инфинитивом, сочетаниями имен с глагольными формами и др., к тому или иному разряду?

Относительно первого вопроса в кабардиноведении существуют весьма противоречивые мнения: одни адыгovedы считают, что всякое имя может стать глаголом: **сы-цІыхуш** – «я (есть) человек», **ар дахэщ** – «тот (есть) красив»; по мнению других, именное сказуемое способно спрягаться по именному спряжению, неизменно оставаясь при этом именем. Существует и третья, наиболее объективная точка зрения, согласно которой имена, спрягающиеся по именному спряжению, остаются именами, но вместе с тем именное сказуемое, в составе которого обнаруживается аффикс динамичности, переходит в глагол: **Ди адэр мэ-пхэащІэ-р** – «Отец наш плотничает»; **Сэ залымыгъэкІэ с-о-Іэзэ-р** – «Я поневоле колдую»; **Уэ ІэмалыншагъэкІэ у-о-дохутыр** – «Ты врачуешь по необходимости»; **Хъэсэн пІалгэкІэ мэ-бригадир** – «Хасан временно бригадирствует». Имена-сказуемые **мэ-пхэащІэ-р**, **с-о-Іэзэ-р**, **у-о-дохутыр**, **мэ-бригадир** выражают понятие не предметности, не состояния, а действия, подобно динамическим глаголам **еупс (пхээр)** – «строгает», **солажъэр** – «работаю», **уеджащ (тхылгым)** – «читал» и т. д. Подобные сказуемые следует относить не к именам существительным, полагая при этом, что семантически в них изначально заложено понятие действия. Их необходимо уже рассматривать как отыменные глаголы, выражающие действие (врачевать, плотничать и т. д.). Выразителями действия являются префиксы динамичности **мэ-/ма-, о-, суффикс -р**.

Вместе с тем имена, спрягающиеся по именному спряжению, остаются именами, обозначая состояние: **Ди адэр пхэащІэщ** – «Отец наш плотник (есть)»; **Уэ удохутырщ** –

«Ты врач (есть)»; *Хьэсэн бригадири* – «Хасан бригадир (есть)» и т. д.

В отличие от имен, спрягающихся по именному спряжению, отыменные глаголы могут занимать синтаксическую позицию сказуемого в императивных предложениях: *Уэ дохутыр* – «Ты врачуй»; *Фыбригадир* – «Бригадирствуйте»; *Умытхъащлэ* – «Не плотничай» и т. д.

Отыменные глаголы, подобно самим динамическим глаголам, в вопросительных предложениях оформляются суффиксом динамичности **-р(э)**, что в первую очередь отличает их от обычных имен-сказуемых в соответствующих синтаксических конструкциях: *Убригадир-рэ?* – «Бригадирствуешь?» // *Убригадир?* – «Бригадир? (В знач.: Бригадир (есть) ты?)»; *Упхъащлэ-р-къэ?* – «Не плотничаешь?» // *Упхъащлэкъэ?* – «(Ты) не плотник?».

Что касается второго вопроса – деления сказуемых на именные и глагольные, то эта дифференциация весьма условна, поскольку между ними не удастся провести сколько-нибудь определенной границы. Если глаголы в позиции сказуемого можно однозначно назвать глагольными сказуемыми, имена – с оговоркой отнести к именным сказуемым, то неясно, как квалифицировать причастие, деепричастие, инфинитив и их обороты, субстантивный и адъективный обороты, наречия и междометия, фразеологизированные и иные словосочетания, выполняющие функцию сказуемого.

Коль скоро глагольные формы (причастие, деепричастие, инфинитив) в позиции сказуемого в кабардино-черкесском относятся к тому или иному типу сказуемого, то, будучи до конца последовательными, к соответствующему разряду следует отнести и те синтаксические обороты, которые создаются этими глагольными формами, выступающими в оборотах стержневыми компонентами.

Если и необходимо проводить дифференциацию субстантивных и адъективных оборотов, именных и глагольных словосочетаний, выступающих в роли сказуемого, то это следует делать по тому же принципу – принципу принадлежности их основного компонента к той или иной части речи.

Труднее обстоит дело с фразеологическими единицами, выступающими в роли сказуемого, поскольку синтаксическую позицию предиката могут занимать глагольные, глагольно-именные и именные фразеологизмы. Более того, в языке зачастую встречаются фразеологические единицы, глагольные по форме и именные по семантике: *и напэ къэнжал тебзащ* – «невозмутимый», «бессовестный»; *щай и уасэкъым* – «беспольный»; *и лэпэм дыщэр къыпощ* – «умелый», «толковый»; *псалъитI я щхъэ зэтричыркъым* – «немногословный» и др. При необходимости дифференциации фразеологических единиц, выступающих в роли сказуемого, правомернее отнести глагольные и именные фразеологизмы к соответствующим разрядам сказуемых, глагольно-именные по форме, но именные по семантике, придерживаясь чисто формальных (грамматических) показателей, причислить к глагольным сказуемым.

Сказуемые, выраженные наречиями, междометиями и звукоподражательными словами, правомернее отнести к именным, поскольку функционально они ближе к именам в позиции предиката.

Вместе с тем хотелось бы еще раз подчеркнуть, что деление сказуемого на два типа – именной и глагольной – является весьма условным, и в связи с этим целесообразнее проводить дифференциацию сказуемых не по принципу вхождения в разряд именных или глагольных, а по структурному их составу.

В зависимости от характера сказуемого и специфических форм его выражения в кабардино-черкесском языке можно выделить следующие его типы: простое, составное и сложное сказуемое.

3.5.1. Простое сказуемое

Простое сказуемое в составе кабардино-черкесского предложения выражается полнозначенательным словом, а именно: глаголом, причастием, деепричастием, именами, наречиями, междометиями, либо фразеологическими единицами.

Синтаксическую позицию сказуемого занимают статические глаголы, динамические глаголы переходной формы в изъявительном, вопросительном, желательном,

побудительном, сослагательном наклонениях, наклонениях удивления и вероятности. При этом глаголы будут находиться в любой из существующих в языке форм времен: настоящем, прошедшем, будущем первой и второй групп времен и в форме аориста.

В зависимости от характера самого глагола (динамичности / статичности), наклонения и формы времени, в которой он стоит, глагол в позиции предиката оформляется соответствующими показателями сказуемости: **-щ, -т, -кЪЫМ, мы-, мэ-/ма-, о-, -мэ, -ми** и др.: *Аурэ Ерускъан быданлэм **ды-нэса-щ*** (Къ. С.) – «Так мы доехали до крепости Ерускан»; *Рим и щхъэфэцыр зыгъэтэджу щыта лъэпкъ лэлхэм абы (сыныжъым) и блыпкъыр лэджэрэ **блатхъуагъэн-щ*** (Къ. С.) – «Варвары, приводившие в ужас Рим, видимо, многократно задевали локтями камень этого памятника (букв.: Приводившие в ужас Рим варвары многократно задевали (видимо) локтями камень этого памятника)»; *Морякым Мурид и жэуапыр **ида-кЪЫМ*** – «Моряк не согласился с ответом Мурида»; *Пцыхурэ а псым кЪызэпрыкар?* (Къ. Хь.) – «Знаешь того, кто переправился через реку? (букв.: Знаешь переправившегося через реку?)»; *Уи джанэр мафлэм **цхъэ пэрыбдза?*** (Къ.Хь.) – «Почему ты бросил свою сорочку в огонь?»; ***Мэ-гупсысэ-р** уэрэд-усыр* (Щ. А.) – «Приздумался сказитель»;

Причастие, выполняющее функцию сказуемого в предложении утвердительном, оформляется аффиксами сказуемости **-щ, -т**. В отрицательных предложениях одно и то же причастие-сказуемое, в зависимости от стилистической задачи предложения, может оформляться как отрицательным предикативным префиксом **мы-**, так и суффиксом **-кЪЫМ**, выполняющим те же функции, что и **мы-**: *Къыщыхъэлэм щызэрызехъэр **кЪыклэрыхуахэр-т*** – «Шумевшие в вестибюле опоздавшие (были)»; *Щытхур зыхуэфэцэр **теклуахэр-щ*** – «Заслуживающие почета победившие (есть)»; *Гузэвзгъуэм сыхэзыдзар **кЪэклуэжсар-кЪЫМ*** – «Тот, кто доставляет мне беспокойство, не вернувшийся (есть) (букв.: Доставляющий мне беспокойство не вернувшийся (есть))».

Характерной особенностью предложений, в которых деепричастие выступает в роли сказуемого, является то, что синтаксическую позицию подлежащего в них занимает причастие (причастный оборот): *Ар кЪызэрыфэр **дэлъейуэщ*** – «Он танцует подпрыгивая (букв.: Способ его танца подпрыгивая (есть))»; *Уэ мэкъу узэреуэр **угъэшэуэщ*** – «Ты косишь сено согнувшись (букв.: Метод твоей косьбы сена согнувшись (есть))»; *Адклэ дызэрыклуэнур **дытцурэщ*** (Л. гъу.) – «Дальше мы будем перемещаться ползком (букв.: Способ нашего дальнейшего перемещения ползая (есть))».

Синтаксическую позицию простого сказуемого нередко занимает инфинитив, причем инфинитив может быть как субстантивированный, так и не субстантивированный. В первом случае в состав инфинитива-сказуемого включаются не только аффиксы предикативности **-щ, -т, -кЪЫМ**, но и падежные форманты. При этом подобные инфинитивы-сказуемые (как и причастия) с одинаковым успехом можно было бы отнести как к глагольным, так и к именным, принимая во внимание их семантику: *Ар зыпэмьлгъэщыр **тхэны-р-т*** – «То, что он никак не мог осилить, было письмо (букв.: Неосиливаемое им никак писать (было))»; *Уэ узэрыцлэрыуэр **бэнэнымклэ-щ*** – «Тот вид, по которому ты знаменит, есть борьба (букв.: Ты знаменитым являющийся вид бороться (есть))».

Во втором случае инфинитив-сказуемое выступает как глагольная форма будущего времени, оформляется аффиксом субъекта (а многоличный глагол-инфинитив – и аффиксами объекта); *Сэ нэхъ насытыфлэ хэт **#-щылэнт** иджыпсту!* (Къ. С.) – «Кто мог бы быть сейчас счастливее меня!» *Хэт **и-щлэнт** иджыпсту абы и гупсысэхэр здэщылэр* (Къ. С.) – «Кто мог бы знать, где сейчас витали его мысли (букв.: Кто мог бы знать о нынешнем местонахождении его мыслей)»; *Сытым **п-ц-щлэнт** абы иджыпсту и гупсысэм щлыгъуныр* (Къ. С.) – «С чем бы мог (он) сравнить, чтобы сейчас он оказался рядом со своими мечтами (букв.: С чем бы мог (он) сравнить свое пребывание сейчас рядом со своими мечтами)»; *Хэт **у-хуэзгъэдэн** си дахэр?* – «С кем бы (я) мог сравнить (тебя) мою красоту?».

В роли простого сказуемого могут выступать отыменные глаголы: *Махуэм **солэхъуэр***. *Жэщым **солпыр*** – «Днем работаю пастухом (букв.: Днем пастушничая)». «Ночью работаю сторожем (букв.: Ночью сторожничая)»; *Уэ **у-бригадир**, аракъэ?* – «Ты работаешь бригадиром, не так ли? (букв.: Ты бригадиришь, не так ли)»; *Мурид зауэм **ипэклэ илгъэситклэ #-трактористащ*** – «Мурид до войны два года работал трактористом (букв.: Мурид до

войны два года трактористил)».

Синтаксическую позицию простого сказуемого в кабардино-черкесском языке часто занимают имена, характеризуя субъект по качественному его признаку, состоянию или принадлежности. Имена в позиции предиката спрягаются по типу спряжения статических глаголов. Но, в отличие от последних, имена-сказуемые не могут изменяться по лицу объекта. В простом повествовательном предложении утвердительность имен-сказуемых выражается с помощью предикативных суффиксов -**щ**, -**т**. Отрицательность – суффиксом -**къым**.

Для выражения утвердительности в клятвенных предложениях помимо суффиксов -**щ**, -**т** применяются суффиксы -**мэ**, -**клэ**. Отрицательность в них выражается аффиксами -**къым**, **мы**:- *Ар Луан-щ*, *тхъэ* – «Это Леон, клянусь»; *Ар Луан-къым*, *алыхъ* – «Это не Леон, клянусь»; *Уэлэхьы*, *къэклуар мы-тлющ* – «Клянусь, пришедших не двадцать»; *Уи флэщ зэрхъун*, *а пщэщэр дахэ-клэ* – «Будь уверен, та девушка красивая».

Имена, занимая синтаксическую позицию предиката, сохраняют за собой категории определенности / неопределенности и падежа. В связи с последним следует отметить, что в составе имен-сказуемых могут находиться аффиксы любого из трех падежей: именительного, послеложного, обстоятельственного. Оформление таких имен формантами эргативного падежа для литературного языка нехарактерно.

В роли простого сказуемого в языке выступают следующие имена:

1. Наричательные и собственные имена существительные: *Гъуабжэ псори мышэкъым*. *Лыд псори дыщэкъым* (Пс.) – «Не все медведь, что бурое. Не все золото, что блестит (букв.: Не все бурое медведь (есть). Не все блестящее золото (есть))»; *Сэ сы-Къанокъуэ Заурбэщ* – «Я Каноков Заурбек (есть)»; *Ар адыгэ?* (М. С.) – «Он адыг?».

Особую группу составляют имена существительные, приобретающие в позиции предиката переносное значение. Причем такие имена становятся эквивалентами не отдельных слов, а целых выражений. По своей семантике они не однозначны. Часть из них в языке употребляется без какой бы то ни было фразеологической окраски. Другая часть тяготеет к фразеологизмам: *Сыщытыфынукъым*, *алыхъ*, *сыоперащ*. Буквально данное предложение переводится так: «Не могу стоять, о боже, я операция (есть)». На самом деле сказуемое **сыоперащ** выражает понятие «я перенесла операцию». *Нобэ узанятие?* Сказуемое **узанятие?** буквально обозначает «ты занятие (есть)?», но выражает понятие «у тебя есть (ты проводишь) сегодня занятие?» Таковыми являются имена-сказуемые в примерах: *Уэ угуащэкъым*, *утхэмадэкъым* – «У тебя нет ни свекрови, ни свекра (букв.: Ты не свекровь (есть), ты не свекор (есть))» (В знач.: Ты незамужняя); *Сэ сыбынщ*, *сынэщ* – «У меня – дети, семья (букв.: Я дети (есть), я семья (есть))» (В знач.: Я семейная); *Уадыгэбзи уэ!* – «Ты ведь владеешь кабардинским языком (букв.: Ты же кабардинский язык (есть))» (В знач.: Ты же кабардинец); *Уэлэхьы*, *сыадыгэбзэм* (А. Ю.) – «Воллаги, я владею кабардинским языком (букв.: Я кабардинский язык (есть))» (В знач.: Я кабардинец); *Сэ сыныбжэзгъукъым*, *сыжэрэгъукъым* (Н.) – «У меня нет ни друзей, ни сподвижников (букв.: Я не друг (есть), я не сподвижник (есть))» (В знач.: Я одинок).

Фразеологическую окраску приобрели имена-сказуемые в примерах: *Умастэкъым*, *ууданэкъым* – «У тебя ни иголки, ни ниток (букв.: Ты не иголка (есть), ты не нитки (есть))» (В знач.: Ты нищий). Примерно соответствует рус. «Ни кола, ни двора». *Ар гъуапэкъым*, *пщамплэкъым* – «Что он представляет собой? – Ни рукава, ни воротник (букв.: Он не рукава (есть), он не воротник (есть))» (В знач.: Он никчемный).

2. Качественные и относительные прилагательные: *Иэщыр зыщыбэм цлхур щыбейщ* (Пс.) – «Человек богат там, где развито животноводство (букв.: Человек богатый (в местах) с развитым животноводством)»; *Псэм флэлэфлыр нэм флэдахэщ* (Пс.) – «Тот, кто сладок для души, красив для глаз (букв.: Сладкий для души красивый (есть) для глаз)»; *Хъэщыр нэхъ хуабэщ дыгъужь псэуплэм нэхърэ* (Н.А.) – «Собачья конура теплее волчьего логова»; *Стлолым телъ газетыр дыгъуасэрейт* – «Газета, что лежит на столе, была вчерашняя (букв.: Лежащая на столе газета вчерашняя (есть))»; *Уи мэкур нэгъабэрейщ* – «Твое сено прошлогоднее (есть)».

3. Различные разряды числительных: *Хъыбар дэзыгъэщлар етлуанэрищ* – «Тот, кто нас известил, есть второй (букв.: Принесший нам известия второй (есть))»; *Дэ къытлзысыжар зырызщ* – «Доставшееся нам по одному (есть)»; *Пхъуантэм и щлэр*

тlуащlэщ – «Дно у чемодана двойное (есть)».

4. Все разряды местоимений: *Хэт нэхъыфl дыдэу лажьэр?* (Щ. I.) – «Кто работает лучше всех (букв.: Кто (есть) работающий лучше всех?)»; *Сыт мы фцlэр?* (Щ. I.) – «Что вы делаете (букв.: Что (есть) делаемое вами?)»; *Мо губгъуэ нэщlым зэшу ит lуащхэ панцlэхэри сэращ зэжьэр* (Къ. С.) – «Те островерхие холмы, что скучают в пустынном поле, ждут меня (букв.: Ожидаемый теми скучающими в пустынном поле островерхими холмами я (есть)»; *Хьэсэн елгытауэ Хьусен зырикlэщ* – «По сравнению с Хасаном, Хусейн никто (есть)».

5. Наречия: *Чырэр къыщысынур ныжэбэщ* – «Время прибытия обоза сегодняшняя ночь (есть)»; *Псыежэхым и lэуэлъауэр къыздиlуkыр ижсьырабгъумкlэм* – «То, откуда раздавался шум реки, было справа (букв.: Сторона раздававшегося шума реки справа (была)»; *Мыбдежыриц сабиигъуэм сыщытыклар* (Къ. С.) – «Здесь я расстался с детством (букв.: Место моего расставания с детством здесь (есть)».

6. Междометия и звукоподражательные слова: *Ар цlыху къынтlэ-къынтlэщ* (Т. Хь.) – «Он человек несговорчивый (есть)». Звукоподражательное слово *къынтlэ-къынтlэ* выражает понятие несговорчивости: «И это ему не так, и то его не устраивает»; *Ефа нэужь абы и хьэлыр а-ды-дыдщ* – «После попоек его характер а-ды-ды-д». Приблизительно соответствует рус.: ой-ой-ой. *Зрамыку и гушхьэр мафlэм кърысыкlырт. Уэху-уэхьт* (Т. Хь.) – «Зрамука бросало в жар. Он (был) ах-ох» (В знач.: Охал, ахал).

Синтаксическую позицию простого сказуемого занимают глагольно-именные, глагольные, именные фразеологизмы.

Стержневым словом глагольных и глагольно-именных фразеологических единиц, выступающих в роли сказуемого, является глагол, характеризующийся наличием в нем субъектно-объектных аффиксов и показателей категории времени.

Категория переходности и непереходности глагольных фразеологизмов мало чем отличается от той же категории у обычных глаголов. Однако фразеологизмам глагольного характера присуща известная ограниченность в формообразовании, что в свою очередь вызывается своеобразной лексической негибкостью, связанностью.

Основным компонентом именного фразеологизма является имя существительное. Именные фразеологические единицы, будучи эквивалентами слов-имен, в позиции предиката оформляются теми же формантами, что и имена-сказуемые: *Софят и бээр цубыдат аргуэру* (Щ. I.) – «Софят опять замолчала (букв.: кто-то захватил речь)»; *А Хьэжрэт зытеуфэразэм гу лъыптакъэ?* – «Разве ты не заметил опекаемого Хажретом? (букв.: не увидел сердцем?)»; *А тlур lуэхугъуэ lэджэм я цхьэфэ йолэбэ* (Щ. I.) – «Эти двое обмениваются мнениями о разных делах (букв.: прошлись по коже головы)»; *Пцэдджыжъым си мэлитlыр бгъуэтмэ къацтэ* – «Наутро двух моих овец как не бывало (букв.: возьми, если найдешь)»; *Зэрысабий лъандэрэ Муlэд зэрымылэ пэ лъагэщ* – «С детства Муаед – воображала (есть)». Сказуемое последнего предложения буквально переводится как «Пустышка, задирающий нос; Шишка на ровном месте».

Сказуемое, выраженное фразеологизмами, в кабардиноведении принято относить к осложненным.

Осложненными являются и спаренные глаголы-сказуемые. Их можно разделить на две группы: 1) сказуемые, выраженные спаренными глаголами разных основ; 2) сказуемые, выраженные спаренными глаголами одной и той же основы.

Особенностью сказуемых первой группы является их прозрачная лексикализованность. При этом две различные глагольные основы сочетаются с помощью аффикса **-ри**, обозначающего последовательность действия. Обе глагольные основы оформляются аффиксами субъекта, чаще употребляются в форме прошедшего времени. Такие глаголы-сказуемые вносят в семантику предложения оттенок твердости, бескомпромиссности: *А укъызытекlухъа lуэхур ябзри ядыжащ* – «По делу, по которому ты пришел, принято окончательное решение (букв.: Являющееся предметом твоего приезда дело раскроили и уже сшили)»; *Щlалэм «сымыкlуэн» жиlэри лъэри увыжащ* – «Сказав «не пойду», юноша уперся (букв.: Сказав «не пойду», юноша прыгнул и стал)»; *Болэт lуэхум хымыщlыкlалауэ докlуей-ри къохыж* – «Болат клянется, что ничего не знал о деле (букв.: Болат поднимается в небо и опускается)»; *Зеиншэ хъуа сабиитlым я дежкlэ дунейр къутэри кълэлъэлэжащ* – «Для двоих осиротевших детей мир перевернулся (букв.: Для двоих осиротевших детей мир разбился и посыпался)»; *Абы къыфlимыгъэкlыу*

шур еуэри ежэежащ – «Не проронив больше ни слова, всадник уехал (букв.: Не проронив больше ни слова, всадник ударил и уехал)».

Сказуемые, выраженные спаренными глаголами одной и той же основы, как и сказуемые предыдущего типа, вносят в семантику предложения оттенок убедительности, большей достоверности. Однако, в отличие от последних, однокоренные спаренные глаголы-сказуемые лексикализации подвержены в меньшей степени. Они употребляются в форме всех трех времен, в изъявительном, вопросительном, повелительном наклонениях. При этом предикативными аффиксами оформляется только один из компонентов сказуемого. В качестве составляющих такого сказуемого могут выступать глаголы как переходной, так и непереходной формы. Повторяющиеся основы глаголов могут непосредственно следовать друг за другом. Но нередко случаи вклинивания между ними субъекта и (или) объекта: *Къаклүэ мыдэ, къаклүэ* (Щ. I.) – «Иди сюда, иди»; *Къызэшхыдэ, къызэшхыдэ уэри зэрыплъэкIкIэ* (Щ. I.) – «Ругай, ругай меня ты тоже как можешь»; *Сыхуейкъым сэ абы къысхуицIэнуми и цхъэми, сыхуейкъым* (Щ. I.) – «Не хочу я ничего от него, не хочу»; *СлүэтэжынкIэ сэ ар слүэтэ-жынкъым* (Щ. I.) – «Разглашать я это не разглашу»; *СлэгъуакIэ ар слэгъуащ* – «Видеть я его видел»; *Сэ къуажэм сыщылакъым, сыщыла* – «Не был я в селе, не был».

В живом языке нередко случаи повторного употребления глагольной части фразеологической единицы:

- *ТхуэмылгъэцIыжын хуэдизу ди напэр тепхащ.*
- *Тесха-тезмыхами, згъэзэкIуэжыфынц сэ ар* (Щ. I.)
- «Ты так поставила нас в неловкое положение.
- Поставила–не поставила, это я исправлю».

Своеобразную конструкцию образуют спаренные глаголы-сказуемые, первый из которых находится в составе вопросительного предложения, выражающего риторический вопрос, а второй глагол является ответом на этот вопрос и по существу применяется с суффиксом отрицания **-къым**: *Ар сэ здэнт? – Зда-къым* (Щ. I.) – «Я с этим согласилась бы? – Не согласилась»; *Пхъур зейм джэзүм игъэкIуэнт? – ИгъэкIуа-къым* – «Отпустили бы родители девушку на танцы? – Не отпустили».

Помимо глаголов, синтаксическую позицию осложненного сказуемого с теми же аффиксами могут занимать и спаренные имена: *Врач-щ ар, врач* (Щ. I.) – «Врач (есть) это, врач»; *Пэж-щ, пэж, ди деж абы и лгэр цыувынкъым* (Щ. I.) – «Правда, правда, у нас он долго не задержится»; *ПцIы-щ, пцIы зэфзэщыц жыфIэр* (Щ. I.) – «Неправда, сплошная неправда (есть) сообщаемое вами»; *Тхылгъу зэхуэпхъэсар куэдкIэ куэд-къым* – «Собранных тобой книг нельзя сказать, что много (букв.: Собранных тобой книг много–не много (есть))».

В языке часто встречаются спаренные слова-предложения *НытIэ, Амлэ* – «Да», *Хъэуэ* – «Нет»: *НытIэ, нытIэ. Муридц жыхуэсIэр* (Щ. I.) – «Да, да. О Муриде я говорю»; *Хъэуэ, хъэуэ. А жытIэр сым!* (Щ. I.) – «Нет, нет. Что это ты говоришь!»; *Хъэуэ, хъэуэ! Ауи уи фIэщ умыцI ар* (Щ. I.) – «Нет, нет! Не верь в это».

В качестве повторяющихся сказуемых, выполняющих функцию предложения, могут выступать частицы **зэ, догуэ** – «подождите-ка» междометие **алэ** – «нет» и др.: *Зэ, зэ. Къуэщрохъуэр пIащIэри унакъым* (Щ. I.) – «Подождите-ка. Кошроков поторопился и пожалел»; *Догүэт, догүэт. Мыбы ицIэнуи девгъэплгъыт* – «Подождите-ка. Давайте посмотрим, что он сделает»; *АIэ, АIэ! А жытIэр сым* (Щ. I.) – «Нет, нет! Что это ты говоришь»; *Зэ, зэ. Мы уи нэкIур нэхъыфIу пхэн хуейщ* (Щ. I.) – «Подожди-ка. Твое лицо необходимо перевязать получше».

В качестве осложняющих элементов со сказуемым могут сочетаться частицы **илэ, еуэ, хъайдэ, плэрэ, ахъай** и др. При таком сочетании основной компонент не оформляется предикативными аффиксами **-щ, -т, -къым**.

- *Нобэ двар зыхуэдизыр къыупщэ?*
- *Ахъай къэспщэ-#* (Щ. I.) –
- «Ты измерила площадь вспаханного нами сегодня ?
- Измерила (конечно)».

ИIэ фгеужьэрэки – «Давайте поторапливайтесь»; *НэгъуэцI зыгуэри хэмысу плэрэ* *мы къамыл гуэрэным?* (Щ. I.) – «Нет ли еще кого-нибудь в этих зарослях камышей?» Частица **плэрэ** применяется в вопросительных предложениях. При этом **плэрэ** требует от

основного компонента форманта **-у/-уэ**.

3.5.2. Составное сказуемое

Составное сказуемое в кабардино-черкесском языке состоит из двух компонентов: основного – носителя вещественного значения и вспомогательного – выразителя грамматических значений. При этом вспомогательный компонент, призванный быть носителем объективно-модального значения, зачастую дополняет основное семантическое значение сказуемого, конкретизируя различные его оттенки. В то же время часть нагрузки по грамматическому оформлению в целом сказуемого несет основной компонент (координация с подлежащим и дополнением в форме лица и числа с помощью личных аффиксов, находящихся в составе основной части сказуемого). В качестве основного компонента составного сказуемого в кабардино-черкесском выступают причастие, деепричастие и инфинитив. Функцию вспомогательного компонента, сочетающегося с ними, выполняют глаголы, определяющие различные субъектно-модальные отношения субъекта к действию, заключенному в основном компоненте; глаголы, определяющие различные фазы действия.

В качестве вспомогательных глаголов, характеризующих субъектно-модальные отношения субъекта к действию, используются **хуеин** – «хотеть», **мурад щын** – «задумать», **лътэклын** – «мочь», **хъун** – «быть возможным», **хуццэкхъун**, **хэтын** – «стремиться» и др.: *Астемыр и къуэр къэхэшэн хуейкъым* (КІ. А.) – «Сын Астемира не должен предать»; *Хъэсэн шахматкІэ сыхигъэнэн хэтиц* – «Хасан стремится обыграть меня в шахматах»; *Лышхуищым дауэ фІэццэкхъынкІэ хъуа ар?* – «Как она смогла отбиться от (вас) трех мужчин?»; *Уи зэрэнкІэ лы хъарзынэр лъэпэрэпэнкІэ хъунуц* (Т. Хъ.) – «Из-за тебя этот достойный мужчина может споткнуться»; *Мазагъуэ нысэм зэрыдызекІуэ цІыкІэр умыгъэццІэгъуэн плъэкІыркъым* (КІ. Т.) – «Нельзя не восхититься тем, как Мазаго обходится с невесткой (букв.: Нельзя не восхититься манерой обхождения Мазаго с невесткой)».

Фазовые глаголы, выполняющие функцию вспомогательного компонента, можно разграничить на глаголы, обозначающие: а) начало действия; б) процесс протекания действия; в) завершение действия.

Начинательность выражается фазовыми глаголами **щІэдзэн**, **хуежъэн**, **егъэжъэн**: *ГуцхъэІыгъ лыжъым шыхэм я жъэм шхуэлур жъэдихын цІу-дзаш* (Щ. І.) – «Старик-извозчик начал разнуздывать лошадей»; *Тхъмадэм макъ шабэ гуакІуэкІэ псэлъэн иригъэжъаш* – «Тамада начал говорить мягким приятным голосом»; *Махуиц нэхъ дэмыкІуу улэгъэр кІыжу хуежъаш* – «Не более чем дня через три рана начала затягиваться».

Протекание процесса действия выражается глаголами **зэпыт**, **щытын**, **щыІэн**, **хабзэн** и др.: *Я гъунэгъу пщыІэхэми къыкІыурэ цІыху куэд пщыхъэцхъэкІэ къызэрыугъуей хабзэт* (КІ. Т.) – «У них обычно собиралось много людей из соседних кошар»; *Вагъэбдзумэ плэцэхэм заублэрэкІ зэпытц* (Щ. І.) – «Огромные пласты земли под плугом переворачиваются постоянно»; *Трактор курсым дыкІуэн япэкІэ счетоводу райисполкомым сыщыцІэсахэми сыщеплэ щыІац сэ а машинэм* (Щ. І.) – «В пору моей работы в райисполкоме счетоводом еще до курсов трактористов я посматривала на эту машину»; *Аружан сыткІэ нэхъыкІэу цыта уэр нэхърэ?* (Щ. І.) – «Чем Аружан была хуже тебя?».

Завершенность действия выражается фазовыми глаголами **иухын**, **хъужын**, **нэсын** и др.: *Бригадирыр къыщыцІыхъэм ирихъэлэу Султлан псэлъэн цухат* (Л. гъу.) – «К моменту захода бригадира Султан уже закончил говорить»; *Машинэхэм я запчастхэр гъуанэ хъуным нэсац* (Щ. І.) – «Детали машин изнашивались до дыр».

Синтаксическую позицию составного сказуемого в кабардино-черкесском часто занимают сочетания, в которых основными компонентами выступают имена (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение) и наречия, а в качестве вспомогательных компонентов – вспомогательные глаголы **щын**, **къыщІэклын**, **хъун**, **и гугъэн**, **хуэдэн** и др.: *Мэшыкъуэ занцІэу плъыжъ хъуац* – «Машуко сразу покраснел»; *Хум шым и цыр дахэ ецІ* (КІ. Т.) – «Просо делает красивой шерсть лошади»; *Арауэ къыщІэкІынт* ГъуцІытсэ Анчокъу зыхуигъэхъэзырыр (КІ. Т.) – «Гучипса готовил

Анчока к этому (видимо)»; *Фэ фыкыщысыжыну* **пцэдейуэ кыщлэклыныц** – «Видимо, вы приедете завтра (букв.: Дата вашего возвращения завтра (видимо есть))».

Функцию вспомогательного компонента могут выполнять послелого **деж, нэс, папцлэ, щхэклэ, къудей** и др.: *Софят папцлэ Бахъсэныр псыежэх къудейтэкъым* (Щ. I.) – «Баксан для Софят не просто река (есть)»; *Уэр папцлэц ахуэдэу щлэсцлар* (КI. Т.) – «Ради тебя я это сделал (букв.: Сделанное мной ради тебя (есть))»; *Сэ си унафэр щызеклуэр мыбы нэсц* (Къ. Хъ.) – «Мои указания распространяются только до этого места (букв.: Предел распространения моих указов это место (есть))»; *Псыжъ фыкыщызыэпрыкыр Хьэрэгүэл деж?* (КI. Т.) – «Вы переправляетесь через Кубань у Харагель? (букв.: Место вашего перехода через Кубань у Харагель (есть))»

В качестве вспомогательного компонента составного сказуемого в языке нередко выступают фразеологизмы: *Мурид... хъыджэбзым и макъыр зэхыхынклэ* **лэмал илэкъым** (Щ. I.) – «Голос девушки Мурид не сможет услышать никак»; *Аружан тракторым къепсыхыну гүгъэ ищлъркъым* (Щ. I.) – «Аружан и не думает сойти с трактора»; *Клэрзинклэр Софят зыдыхыну арэзы хъуац* (Щ. I.) – «Софят дала согласие взять с собой корзину»;

В роли вспомогательного компонента сказуемого часто употребляется местоимение **ар**. При этом **ар** требует для основного компонента сказуемого формы обстоятельственного падежа: *А псори Софят япэ дыдэу иджы илгъагъу-у арац* (Щ. I.) – «Все это Софят видит впервые в жизни»; *Мыхэр студентхэ-у арац* – «Это студенты (есть))».

Функцию вспомогательного компонента сказуемого может выполнять глагол **узилэ**, выражающий сомнение, требующий, как и местоимение **ар**, формы обстоятельственного падежа для основного компонента: *Ар узилэ урысыххэ-у* (КIу. Б.) – «Он не русский (видимо)»; *Унафэцлү кытхуагъэклуэнур мы-Мухъэрбий-уэ узилэ* – «Не Мухарбия ли к нам пришлют руководителем»; *А уи цэхур нахуэ мыхъуауэ узилэ* – «Твоя тайна раскрылась (видимо))».

В роли вспомогательного компонента может выступать элемент **мыгъуэ** – имя прилагательное по морфологической принадлежности, – вносящий в семантику предложения понятие «сожаление»: *А уэ бвар зэрыбва щлыклэри пцлэж мыгъуэркъым* (Щ. I.) – «Да ты и не представляешь себе (к сожалению) качества вспаханного тобой»; *Сыту куэдыщэм ухуэныкъуэ мыгъуэ уэ иджыри!* (Щ. I.) – «Как много тебе еще не хватает (к сожалению)!»

3.5.3. Сложное сказуемое

Отличительной особенностью сложного сказуемого является наличие в его составе двух и более полнозначных слов, обладающих лексико-грамматическими значениями. В отличие от сказуемых осложненных и составных, каждый компонент сложного сказуемого обладает самостоятельным значением. Синтаксическую позицию сложного сказуемого в кабардино-черкесском языке занимают, в первую очередь, именные и глагольные словосочетания, поскольку именно словосочетание является синтаксической единицей, состоящей из двух или более полнозначных слов, связанных между собой по смыслу и грамматически. Способность словосочетания занимать синтаксическую позицию предиката – в адыговедении явление распространенное. При этом словосочетание, оформляясь предикативными аффиксами, способно в полной мере обозначать едино сложное действие. Вместе с тем необходимо отметить, что в роли сказуемого в кабардино-черкесском языке выступают не только именные и глагольные синтагмы. Эту функцию часто выполняют различные синтаксические (причастный, деепричастный, инфинитивный, сравнительный) обороты.

3.5.4. Синтаксические обороты в позиции сложного сказуемого

Синтаксическую позицию сказуемого чаще других оборотов занимают причастия с соотносительными словами. При этом причастие внутри причастного оборота согласуется в форме лица и числа с субъектом – производителем действия или носителем

состояния, заключенного в самом причастии: *сэ с-ыздэжарц (тхылъыр)* – «мною прочитанное (есть) (книга)»; *фэ ф-тхарц (сочиненэр)* – «вами написанное (есть) (сочинение)»; *Мухэмэд и-ларц (куэбжэр)* – «Мухамедом покрашенные (есть) (ворота)». Вместе с тем причастный оборот-сказуемое сочетается с подлежащим по принципу сочетания имен-сказуемых с подлежащим. Позицию подлежащего при этом могут занимать собственные и нарицательные имена существительные, субстантивированные имена и причастие (причастный оборот). Личные местоимения первого и второго лица в таких конструкциях в качестве подлежащего обычно не употребляются. Причастный оборот-сказуемое управляет подлежащим, диктуя ему форму именительного падежа. В то же время причастный оборот координируется с подлежащим в третьем лице, единственном или множественном числе. Координация в форме числа может отсутствовать при сочетании такого сказуемого с подлежащим, выраженным причастным оборотом: *Нобэ ди деж кэклуа-хэ-р Налшык кыкла-хэ-риц – Нобэ ди деж кэклуа-#-р Налшык кыкла-хэ-риц* – «Побывавшие у нас сегодня (есть) приехавшие из Нальчика – Побывавший у нас сегодня (есть) приехавшие из Нальчика»; *Мурид-# цыхугэ хуабэклэ ныбжэзгур зылыгэм* (Щ. I.) – «Мурид неустанно крепящий дружбу с товарищами (есть)»; *Схуэмыхыжы-р мы Аружан кызицларц* (Щ. I.) – «То, что я не могу терпеть далее, это то, что сделала со мною Аружан (букв.: Не терпимое мною далее сделанное со мною Аружаном (есть))».

Причастный оборот-сказуемое в утвердительной форме оформляется суффиксами предикативности **-щ**, **-т**. Отрицательная форма, в зависимости от стилистической направленности предложения, выражается либо суффиксом **-кыым**, либо префиксом **мы-**: *А бригадиры-р хэрэмыгэ зигу ил-кыым* (сравн.: *А бригадиры-р хэрэмыгэ зигу и-мы-л-щ*) – «Тот бригадир не таящий в душе непорядочность (есть). (Сравн.: Тот бригадир таящий в душе непорядочность (не есть))».

В предложениях с деепричастным оборотом-сказуемым синтаксическую позицию подлежащего занимает либо причастие, либо причастный оборот. Подлежащее, управляемое деепричастным оборотом-сказуемым, всегда оформляется аффиксом именительного падежа **-р**: *Ехылэм узэрехыфы-р шыр лымплэклэ плыгыуц* – «Спуститься по круче можно только держа коня под уздцы (букв.: Способ спуститься по круче только держа коня под уздцы (есть))»; *Зауэ нэужыым мы си шы кьарэм сытесу кьуажэм сынызэрыдыхэжыну-р си дамыгэхэр дыгэм пэлыдуц* (Л. гьу.) – «После войны я заеду в село на этом своем вороном коне так, что мои награды будут сверкать на солнце (букв.: Способ моего заезда после войны в село на этом своем вороном коне сверкая мои награды на солнце (есть))».

В предложениях с инфинитивным оборотом-сказуемым функцию подлежащего выполняют причастие или причастный оборот, оформляемые, как и при деепричастном обороте-сказуемом, аффиксами именительного падежа: *Ар кызыхуигэзцла-р емызшыжу сабийм гьэсэнэгэ лэжыгэ ядригэклуэклыныриц* (Л. гьу.) – «Он рожден неустанно проводить воспитательную работу среди детей (букв.: Его предназначение при рождении неустанно проводить воспитательную работу среди детей (есть))» *Балигьыплэ зэриувэрэ Кьатинэ Владимир емызшыжу зэлэжы-р Аргудан цыналгэм щамылэгэуа нартыху бэв кэзгэклыныриц* (Л. гьу.) – «С тех пор как стал взрослым, Владимир Катинов неустанно трудится над тем, как вырастить такой урожай кукурузы, который до сих пор не видели поля Аргудана (букв.: С момента повзросления предметом неустанной работы Владимира Катинова вырастить невиданный доселе на полях Аргудана обильный урожай кукурузы (есть))».

В качестве подлежащего могут выступать имена существительные в сочетании с притяжательными местоимениями: *Иджы Владимир и гурацэ-р дэтхэнэ гектарми нартыху центнериц кытрихыныриц* (Л. гьу.) – «Теперь мечта Владимира – собрать с каждого гектара по сто центнеров кукурузы (букв.: Теперь Владимира его мечта собрать с каждого гектара по сто центнеров кукурузы (есть))».

Синтаксическую позицию сложного сказуемого способен занимать сравнительный оборот, т. е. синтаксический оборот, состоящий из именного компонента, с которым сравнивается субъект, находящийся в составе причастного оборота-подлежащего, и собственно слов **хуэдэу**, **ещху**, выражающих понятие «подобно». Позицию подлежащего в такой конструкции может занимать только причастный оборот в форме именительного

падежа. Именной компонент в составе сравнительного оборота управляется элементами **хуэдэу, ещху** и оформляется формантом эргативного падежа – аффиксом **-м**. Сами же элементы **хуэдэу, ещху**, образующие сравнительный оборот, наделяются предикативными аффиксами **-щ, -т, -ктым** в зависимости от коммуникативной функции, выполняемой предложением: *Лиуан и мэлхуэхэр зэрыкгуэбы-р дыгъужьым хуэдэу-щ* – «То, как воеет овчарка Лиуана, подобно волку (есть)» В знач.: Овчарка Лиуана воеет, подобно волку (букв.: «Способ завывания овчарки Лиуана подобно волку (есть)»); *Бийм и щытлым тласхэщлэххэр зэрыбгэдэпхьа-р лъэну зызыгъэхэзыра аслъэным ещху-щ*. – «То, как разведчики подползли к траншее неприятеля, (есть) подобно льву, готовому к прыжку». В знач.: «Разведчики подползли к траншее неприятеля подобно льву, готовому к прыжку (букв.: Способ подползания разведчиков к траншее неприятеля подобно готовому к прыжку льву (есть)»).

Элементы **хуэдэу, ещху** в языке нередко замещаются аффиксами **-у/-уэ**, которыми оформляется именной компонент: *дыгъужьым хуэдэу-у* – *дыгъужь-у-у*; *лъэну зызыгъэхэзыра аслъэным ещху-у* – *лъэну зызыгъэхэзыра аслъэн-у-у*.

3.5.5. Словосочетания в синтаксической позиции сложного сказуемого

Довольно распространенным явлением в синтаксисе кабардино-черкесского языка является выполнение функций сказуемого различными типами простых или сложных именных словосочетаний – словосочетаний, вне позиции предиката именуемых атрибутивными. Так, в роли сложного сказуемого употребляются словосочетания, компонентами которых являются:

1. Имя существительное и качественное или относительное прилагательное: *Ар езыр щлалэ фыцлэбзэщ* (Н.) – «Сам он чрезмерно смуглый мужчина (есть)»; *Тулэ кьалэ дахэщ* (Клу. Б.) – «Тула красивый город (есть)»; *Мыр дыгъуасэрей газетщ* – «Это вчерашняя газета (есть)».

2. Имя существительное и различные разряды числительных: *Лэшым щлэтыр ллутлм* (Кл. Т.) – «В комнате находились двое мужчин (букв.: Находящихся в комнате двое мужчин (есть)»; *Бгырыс шэшэнхэмрэ осетинхэмрэ щлыуэ ялгысар дестынэ йыхэ щанэ зырызт* (Т. Хь.) – «Горским чеченцам и осетинам досталось только по одной трети десятины земли (букв.: Доставшееся горским чеченцам и осетинам только по одной трети десятины земли (есть)»; *Сэ сызыхэхуар ещанэ ротэри* – «То, куда меня зачислили, была третья рота (букв.: Меня зачисленный третья рота (есть)».

3. Имя существительное и определяющее его другое имя существительное: *Хьыджэбз трактористрэ фыз пристафрэт сымылгагъужар иджы* (Щ. I.) – «То, чего мне до сих пор не довелось видеть, так это девушка-трактористка и женщина-пристав (букв.: Неувиденное мною до сих пор девушка-трактористка и женщина-пристав (есть)»; *Суанд пшынэклэ зыдежъур лыгъэ-пхъашагъэ уэрэди* (Кл. Т.) – «То, что исполняет Суанд, героическая песня (есть) (букв.: Исполняемое Суандом героическая песня (есть)».

4. Имя существительное и различные разряды местоимений: *Си псэр зыхэлгыр мо жыгыжыри*. (Ад. т.) – «То, где находится моя душа, (есть) то дерево (букв.: Пристанище моей души то дерево (есть)»; *Ерстэм и нэр зытетыр езы пцацэри* (Кл. Т.) – «То, от чего Ерстем не может отвести глаза, (есть) сама девушка (букв.: На чем глаза Ерстема стоящие сама девушка (есть)»; *Апхуэдэ гъуэгурац флэзахуэу Даур къыхихар* (Кл. Т.) – «То, что выбрал Даур, считая правильным, (есть) такой путь (букв.: Выбранный Дауром в качестве правильного этот путь (есть)».

5. Имя существительное и причастный оборот: *Щаклуэ кьыдэкла балкъэрхэри Уэсмэн япэу къэзыгъуэтыжар* (Хь. А.) – «Вышедшие на охоту балкарцы (есть) первыми нашедшие Османа»; *Клэмыргуей лъхукъуэлхэми я хьыбар хэмыкыр я уэркъхэри* (Кл. Т.) – «То, что постоянно присутствует в рассказах темиргоевских крестьян, есть их князь (букв.: Постоянно присутствующее в рассказах темиргоевских крестьян их князь (есть)».

6. Имя существительное и деепричастный оборот: *Псори къехъуа-псэу шыщ къэсцэхуар* – «То, что я купил, есть конь, которому завидуют все (букв.: Являющийся предметом зависти всех конь купленное мною (есть)»; *Биижыр хигъацлэу джатэщ*

сызыхуейр – «То, что я хочу иметь, есть меч, поражающий заклятого врага (букв.: Предмет моего желания поражающий заклятого врага меч (есть))».

7. Имя существительное и сравнительный оборот: *Цыхухъу Іэпцэ и гъумагъыу бжъамийщ къыхуашар* – «То, что мне привезли, есть трубы с запястье мужчины (букв.: Привезенное мне с запястье мужчины трубы (есть))»; *Пелуаныплэ хъужауэ лышхуэщ гублащхэм дэсыр* – «Тот, который сидит на облучке, есть мужчина с плечами великана (букв.: Сидящий на облучке с плечами великана мужчина (есть))».

Синтаксическую позицию сказуемого в языке могут занимать:

1. Сложные именные словосочетания: *Ар лы плацэ гуэрщ* (Щ. І.) – «Это некий крупный мужчина (есть)»; *Трактор бригадэм деж Софят япэу къыщилъэгъуар щиху жыг цхъэкълутхуц* (Щ. І.) – «То, что Софят раньше всего увидела у тракторной бригады, есть верхушки пяти тополей (букв.: Увиденное Софятом раньше всего у тракторной бригады верхушки пяти тополей (есть))»; *Мытхуэдэ мэз лъагъуэ зэгъуэкълэплэхэрц ахэр нэхъ цыщаклуэхэр* (КІ. Т.) – «Те места, где они чаще охотятся, есть такие тайные лесные тропы (букв.: Места их частой охоты такие тайные лесные тропы (есть))».

2. Сочетания синтаксических оборотов, именных словосочетаний со вспомогательными глаголами: *Мыр тхылъ хъэлэмэт-у къыщлэкълын-щ* – «Это интересная книга есть (безусловно)». Вспомогательный глагол **къыщлэкълын**, оформляясь предикативным аффиксом **-щ**, управляет в то же время стержневым компонентом *тхылъ* словосочетания *тхылъ хъэлэмэт*, диктуя ему форму обстоятельственного падежа. Зависимый компонент *хъэлэмэт*, координируясь с главным словом *тхылъ* в падеже, принимает аффикс обстоятельственного падежа **-у**, который в силу специфики адыгского согласования компонентов атрибутивной синтагмы является общим для определения и определяемого. *Зэлуцлэм къеклуэллар цыху пщыкълутху къудей-т* – «Пришедших на собрание всего пятнадцать человек (было)»; *Мыхэр Налшык къиклахэр ара хуэдэ-щ* – «Это приехавшие из Налчика (похоже есть)».

Функцию сложного сказуемого в кабардино-черкесском языке могут выполнять и глагольные словосочетания: *Уэ уи ныбжъэгъум и деж цлэупцлаклуэ уклуэну къыптохуэр* – «Тебе надлежит проведать своего друга».

3.6. Подлежащее

Подлежащее – один из главных членов, входящий в предикативную основу предложения, связанный со сказуемым субъектными отношениями и обозначающий производителя действия или носителя состояния. В зависимости от переходности / непереходности глагола, которым выражено сказуемое, управляющее в предложении подлежащим, последнее в кабардино-черкесском выражается формами именительного или эргативного падежей. При индефинитной конструкции оно не оформляется падежными аффиксами.

В определенно-личных односоставных предложениях подлежащее представлено его личным аффиксом в составе сказуемого. Функцию подлежащего в двусоставных предложениях выполняют в основном имена существительные и местоимения; субстантивированные части речи: прилагательные, числительные, причастия; нередко – словосочетания и инфинитные конструкции.

3.6.1. Выражение подлежащего отдельными частями речи

Занимая синтаксическую позицию подлежащего, имена существительные обозначают не только предметы и явления, но выражают и временные, пространственные и иные значения. Существительные с предметным значением делятся по лексико-грамматическому признаку на собственные и нарицательные. Собственные же имена существительные подразделяются в свою очередь на существительные, обозначающие имена, фамилии, географические, топонимические, астрономические названия. Наричательные обозначают названия отдельных вещей и предметов, родовые, видовые, отвлеченные понятия, события и т. д. В соответствии с этим в языке можно выделить ряд подлежащих, выраженных различными видами имени существительного.

Так, синтаксическую позицию подлежащего часто занимают:

1. Имена собственные: *Шужьей шлалэр иригъэблэгъащ* (Къ. Хь.) – «Шужей пригласил юношу»; *Мыхъэмэт хъэщлэщымклэ шлыхъащ* (Къ. Хь.) – «Мыхамат зашел в кунацкую». Подлежащие *Шужьей* и *Мыхъэмэт*, стоящие в эргативном и именительном падежах, не оформлены падежными аффиксами в связи с тем, что имена людей в кабардино-черкесском обычно не употребляются в определенной форме: считается, что человек, о котором идет речь, заранее известен говорящему и собеседнику. Если же речь идет о человеке заранее не известном, и имя которого ново для участников разговора или одного из них, либо при желании автора подчеркнуть, выделить, акцентировать внимание на объекте разговора, это имя употребляется в определенной форме (склоняется по определенному склонению): *Мысосты-р Тэрч лүфэ лүс адыгэ къуажэ гуэрэм шыщт* (Къ. Хь.) – «Мысост был родом из какого-то кабардинского села, расположенного на берегу Терека (букв.: Мысост был родом из расположенного на берегу Терека какого-то кабардинского села)»; *Къантемыры-м и хъэщлэр псыхъуэм дишащ* (Къ. Хь.) – «Кантемир гостя повел к реке».

По определенному склонению склоняются и кабардинские фамилии: *Асыхъэтым Шыбзыхъуэ-м псэлъанлэмклэ цунэтлащ* – «Шибзухов тотчас направился к трибуне».

2. Топонимические названия: *Налшык ди республикэм и къалащхъэщ* – «Нальчик столица нашей республики (есть)»; *Хы Фыцлэ-р губжъауэ къыр задэм жьэхолгэр* – «Черное море сердито набрасывается на крутой обрыв».

3. Астрономические названия: *Уафэ гъунапкъэншэм игуэша вагъуэ пцлынцл бжыгъэншэм Вагъуэзэшиблы-р къахэлыдыкырт*. «Из разбросанных по бескрайнему небу бесчисленных мерцающих звезд выделялась Большая медведица»; *Марс Дыгъэ системэм и еплланэ планетэщ* – «Марс четвертая планета Солнечной системы (есть)».

4. Названия племен, народностей: *А зэманым адыгэхэ-р шыбгым ису я цхъэхуитыныгъэм цлэзэхэрт* – «В ту пору адыги воевали за свою независимость»; *Абдежым бжъэдыгъухэ-м аргуэру лэщэр къащтэжын хуей хъуащ* – «Тогда бжедуги снова взяли за оружие»

5. Имена существительные с собирательным значением: *Хозяйствэм и лэхъушэ-м Аурсэнтх хъунлэр цуфэбгъуащ* (А. п.) – «Стадо хозяйства заполнило пастбище Аурсентх»; *Жэщыбгым флыуэ флэклауэ гупы-р тэджыжащ* – «Уже далеко за полночь компания встала (из-за стола)»; *Куэд мыцлэу жылэр зэхэзэжэ хъуащ* (К. Т.) – «Через некоторое время село забегало».

6. Имена существительные с темпоральным значением: *Зы гъэм адрейр клэтыплагъуэ Хъэжмусэ и гъащлэм и илгъэс нэхъыфл дьдэхэр блэлгъэтащ* – «Как бы в мгновение ока пролетели лучшие годы жизни Хажмусы»; – *Арати псори апхуэдизу зыпэлгъа а махуэ-р къэсащ* – «И вот пришел этот долгожданный день».

7. Имена существительные с пространственным значением: *Дуней-м-и зэуэ цлэрэщлафэ къытеуат а гъэм и гъатхэм* (Л. гъу.) – «И мир мгновенно преобразился весной того года»; *А жэщым цлылгъэмрэ уафэмрэ цлэрэщла-гъэклэ зэхъэзэхуэ хуэдэт* (Щ. А.) – «В ту ночь небо и земля словно состязались в красоте».

8. Имена существительные, обозначающие абстрактные понятия и др.: – *Насыты-р лыхъэ мыгуэщ* (Пс.) – «Счастье неделимая доля (есть)»; *Гугъэ-р адэжэ цлэини* (Пс.) – «Надежда отцовское наследие (есть)» (Соотв. рус.: Надежда умирает последней).

Функцию подлежащего в языке часто выполняют личные местоимения первого и второго лица и указательные местоимения **а, мо, мы**, используемые для выражения третьего лица единственного и множественного числа. Реже – все остальные разряды местоимений.

Так, указательные местоимения **апхуэдэ, мопхуэдэ, мыпхуэдэ** – «такой»; **апхуэдиз, мопхуэдиз, мыпхуэдиз** – «столько» в предложении обычно выполняют функцию определения. Но, субстантивируясь, они могут выступать и в качестве подлежащего: *Апхуэдэхэ-р сыт хуэдэ лэжыгъэми шыщтэркътым* – «Такие не боятся никакой работы»; *Мыпхуэдиизы-р мащлэ?* – «Столько разве мало».

Синтаксическую позицию подлежащего могут занимать:

1. Самостоятельные притяжательные местоимения: *Мащицклэ нэмыцэхэм ялыгъа къуажэм дьдейхэ-р гъунэгъу дьдэу къеклэулэжэат* – «К занятому немцами уже в течение трех месяцев селу наши подошли совсем близко».

2. Вопросительные местоимения: *Мы хъэсэм **сыт** тет?* – «Что растет на этой грядке?». Следует отметить, что в вопросительных предложениях с вопросительными местоимениями **хэт** – «кто»; **сыт** – «что» последние можно считать подлежащими только в том случае, если сочетающийся с ними второй предикативный компонент не оформлен аффиксом **-р**, указывающим, на то, что он (второй компонент) является подлежащим: *Хэт фригъаджэр?* – «Кто обучает (вас)?»; *Ар хэт къывжила?* – «Кто это (вам) сказал?». При оформлении второго компонента аффиксом **-р хэт/сыт** следует считать сказуемым предложения причастной конструкции: *Хэт къэклуар?* – «Кто (есть) пришедший?»; *Хэт фезыгъаджэр* – «Кто (есть) обучающий вас?».

3. Определительные местоимения: *Председателым и псалъэхэм яужьклэ **псоми** зэу зыкълэлташ* – «После речи председателя все разом зашумели».

4. Неопределенные местоимения: *Зыгуэр сакъыпэурэ шындыбзиймклэ йоклуэкл* – «Кто-то очень осторожно пробирается к боковой части дома».

5. Отрицательные местоимения: *Пцлантлэм къыдыха лы мыцлы-хум **зыми** гу лъытакъым* – «Никто не заметил вошедшего во двор незнакомого мужчину»; *А цлынлэ бгынэжам куэд цлауэ **зыри** бгъэдыхэжыртэкъым* – «К этому заброшенному месту уже давно никто не подходил».

Основная синтаксическая функция прилагательных – выступать в предложении в качестве определения. Вместе с тем качественные и относительные прилагательные нередко выполняют роль предметных членов предложения, в том числе и роль подлежащего: *И пцэр хишарэ и тхэклу-митлыр гъэклауэ **пцлэгъуэплгыр** зэу зэцлэувылыклаш* – «С вытянутой шеей и наостренными ушами гнедой мгновенно остановился»; *Брулыр шэц гузэгум ит пкъом епхауэ клэрымт (Кл. Т.)* – «Чалый стоял привязанный к вкопанному в середине конюшни столбу»; *Гъурым **цлынэри** дос (Пс.)* – «Вместе с сухим горит и сырое»; *Дахэ псори дахэкъым (Пс.)* – «Не все красивое красиво».

Имя числительное в кабардино-черкесском языке относится к самостоятельным частям речи и обозначает отвлеченное число, определенное количество однородных предметов, выраженное в целых и дробных числах, либо порядок предметов при счете. Однако числительные по своему значению отличаются от других частей речи большей абстрактностью, т.к. числительные обозначают количество вне зависимости от самого определяемого предмета или каких-либо его признаков. Этим, пожалуй, можно объяснить то обстоятельство, что числительные в основном употребляются в сочетании с существительными или словами, выступающими в значении существительного. Из этого можно заключить, что важнейшей функцией имени числительного в предложении является определение характеризуемых им предметов с количественной стороны. Но при этом необходимо отметить, что различные разряды числительных могут выполнять функции и неатрибутивных его членов. Это связано а) с семантикой различных разрядов числительных; б) с субстантивацией числительных в некоторых типах предложений. К группе (а) можно причислить числительные, обозначающие отвлеченное число, кратные и кратно-разделительные.

Числительные, обозначающие отвлеченное число, могут выполнять в предложении роль подлежащего: *Бгъур пллым къутахуэншэу цлыхэркъым* – «Девять не делится без остатка на четыре».

Производные от числительных наречия в предложении употребляются обычно в роли обстоятельства меры и степени: *Асыхъэтым щхъэгъу-бжэм зыгуэр цэху дыдэу **млэу** къытеулаш* – «Тотчас кто-то дважды тихо постучался в окно»; *Хъэблэ фызыр махуэм **зэрызэ, млэурымлэ** пхъэхъ зэфлэдзэклэ Урыху псыхъэ клуэн хуей мэхъу (Л. гъу.)* – «Сельским женщинам приходится ежедневно по одному, по два раза ходить за водой на Урух». Вместе с тем наречия-числительные в определенном контексте могут выполнять и функцию подлежащего: *Сэ къуршым **млэу** сыщылаш.* – *Тлэур* куэдкъым – «Я был в горах дважды. – Дважды – не много (есть)»; *Хъэблэ фызыр махуэм пхъэхъ зэфлэдзэклэ Урыху **зэрыклуэр** **млэурымлэ**, **цэрыщэц.*** – *Тлэурымлэ, **цэрыщэр** мащлэкъым* – «То, как часто женщины ходят ежедневно на Урух за водой, (есть) по два, по три раза. – По два, по три раза – не мало (есть)».

Важнейшей функцией других разрядов числительных, как сказано выше, является определение предмета по количественному признаку. Но при субстантивации эти числительные-определения приобретают значение предметности, заменяя собой

отсутствующего в предложении грамматического субъекта или объекта. Они наделяются значениями тех членов предложения, вместо которых употребляются: *Тур маплэр. Тур мэдалэр. Тум урахъэжъэри йожъэж* – «Двое смотрят. Двое слышат. Двое (подхватив тебя) уносят»; *Къэхъуа псори зылъэгъуа ещанэр щхъэхъу шлэп-хъуэжащ* – «Третий, увидевший все, что произошло, пустился прочь со всех ног (букв.: Увидевший все произошедшее третий пустился прочь со всех ног)».

Синтаксическую позицию подлежащего нередко занимают инфинитивные глаголы.

Инфинитив, обладая одновременно свойствами глагола и существительного, в позиции подлежащего выражает процесс, действие с предметным значением. Склоняясь только по определенному склонению, всегда оформляется аффиксами либо именительного, либо эргативного падежа: *Шхэны-р зэфлэклащ*. (КІ. Т.) – «Трапеза (букв.: процесс еды) закончилась»; *Убэны-р емыклуш* – «Злословить за глаза неприлично (есть)»; *Иужьрей зэманым лыр гупсысэны-м егъэмэхьпэр* – «В последнее время мужчину душат размышления (букв.: процесс размышления)».

Позицию подлежащего довольно часто занимает причастие. Обладая морфологическими категориями имени прилагательного, причастие в кабардино-черкесском языке обозначает признак предмета, имеет категорию числа и падежа. Вместе с тем, подразделяясь по своим лексико-грамматическим признакам на нейтральные, субъектные, объектные, субъектно-объектные, обстоятельственные и бессубъектные и обладая морфологическими категориями глагола, причастие имеет форму возвратности и категорию времени. Что касается категории лица, то нейтральные причастия не изменяются ни по лицу субъекта, ни по лицу объекта: *къажэр* – «бегущий», *псалъэр* – «разговаривающий». Субъектные причастия изменяются по лицу субъекта: *с-лъагъур* – «(мною) видимый», *т-лъагъур* – «(нами) видимый» и т. д. Объектные причастия изменяются по лицу объекта: *сы-зылъэгъуар* – «(меня) видивший», *у-зылъэгъуар* – «(тебя) видивший» и т. д. Объектно-субъектные и обстоятельственные причастия изменяются по лицам субъекта и объекта *е-з-гъэтхар* – «то, что я заставил его написать», *е-б-гъэтхар* – «то, что ты заставил его написать», *с-и-гъэтхар* – «то, что он заставил меня написать», *у-и-гъэтхар* – «то, что он заставил тебя написать». Бессубъектные причастия как и нейтральные, не изменяются ни по лицам субъекта, ни по лицам объекта.

Подобно прилагательным, основное назначение причастия в предложении – выступать в роли определения. Однако при субстантивации причастие, как и имя прилагательное, выполняет функции членов предложения с предметным значением. В приводимых ниже примерах причастие занимает позицию подлежащего: *Ирауд бэнэнклэ зигъэныщыркъым* (Пс.) – «Побеждаемый не наслаждается борьбой»; *Къаджэм уигъэжсейркъым* (Пс.) – «Зовущий (тебя) не дает спать»; *Къэклуахэр топ джэгунклэ къыттеклуащ* – «Приехавшие выиграли у нас по футболу»

По своей семантике междометия не входят в состав предложения на правах его членов. Однако при выполнении ими роли имен существительных они нередко употребляются в качестве подлежащего: *Нэхушым къыхэлукла уэхъэхъей-м хъэблэр наплэзыплэм къызэфлуэгъуащ* – «Вывавшийся из рассвета уахахай мгновенно поставил весь квартал на ноги»; *Насытыншагъэр къыщыхъуа пцлантлэм уэуэу-р гушыхъуэ щхъэщытт* – «Душераздирающее уа-уа-у стояло над двором, где случилось несчастье (букв.: Над случившимся несчастьем двором стояло душераздирающее уа-уа-у)».

Междометие в позиции подлежащего оформляется, подобно существительным, соответствующими падежными аффиксами.

Наряду с субстантивированными частями речи в качестве подлежащего используются слова, морфологически не относящиеся к именам существительным: *Икли-р союзщ* – «И – союз (есть)»; *Соклуэ-р глаголищ* – «Иду – глагол (есть)»; *Б-р макъ дэклуашэщ* – Б – согласный звук (есть); Подобную функцию может выполнять любое слово, занимая позицию подлежащего и оформляясь падежными формантами. Но при этом исследуемые компоненты в таких конструкциях, в отличие от субстантивирующихся слов, не приобретают нового значения.

В кабардино-черкесском известны случаи выражения подлежащего аффиксом, находящимся в составе сказуемого. Это суффикс **-la-**, выражающий понятия «некто», «нечто», «никто», «ничто»: *Абы хэту пцлантлэм къыдыхъа-la-щ* – «В это время некто (кто-то) зашел во двор»; *Пыхъэщхъэми къэпсэлъа-la-къым* – «Вечером тоже никто не

позвонил»; *Унэм щлэлъ-ла-къым* – «В доме ничего нет»; *Пхъуантэшхуэм дэлъ-ла-щ* – «В сундуке нечто (что-то) лежит».

3.6.2. Синтаксические обороты в позиции подлежащего

Подлежащее в кабардино-черкесском языке может быть выражено не только отдельными словами, но и различными оборотами. Так, позицию подлежащего нередко занимает инфинитивный оборот: *А псор игъэхъэщлэны-р фыз закъуэм и дежклэ тыншт?* (КІ. Т.) – «Легко ли было для одинокой женщины принять их всех по достоинству?»; *Бгырыс хэгъэррей уилэны-р лейкъым* (Къ. Хъ.) – «Иметь кунака-горца неплохо».

Функцию подлежащего часто выполняет причастный оборот: *Ды-гъуасэ бгыщхъэ хъунлэм къиклыжахэ-р нобэ ди деж шохъэщлэхэр* – «Спустившиеся вчера с горных пастбищ гостят сегодня у нас»; *Вы зимылэ-м шклэ щлещлэр* (Пс.) – «Не имеющий вола запрягает телку»; *Вы хэху къозымытыну-м вы щэгъу ухегъэныж* (Пс.) – «Тот, кто не даст в аренду вола, лишает встречи и с продавцом вола (букв.: Не дающий в аренду вола лишает встречи и с продавцом вола)». Субстантивированный причастный оборот входит в состав предложения как единый его член, как член предложения, выраженный одним словом – существительным. И оформляется, подобно существительным, аффиксами *-р, -м* в зависимости от переходности/непереходности глагола, которым выражено сказуемое такого предложения. Причастие, входя в причастный оборот в качестве его главного компонента, сохраняет все свои морфологические категории (лица, числа, времени и др.).

В кабардино-черкесском предложении в качестве подлежащего нередко выступают и другие, подобные причастному, обороты. Это обороты с элементами *-клэ зэджэр, жыхуалэр, зыфлэныцыр* со значением «то, что... называется (именуется, называешь)»: *Мыщэ пцэхуклэ зэджэ-р зы акъуш-къэ* (А. у.) – «То, что именуется медведем, медвежонок (есть)» (букв.: Называемый медведем медвежонок (есть)); *Уэзы Муратклэ зэджэ-р щлалэ флыцлэ къуэгъути* (П. Б.) – «Тот, кого зовут Озовым Муратом, парень смуглый, худощавый есть» (букв.: Именуемый Озовым Муратом парень смуглый, худощавый есть); *Дуней жыхуалэ-р мыраш* (Н.) – «То, что именуют миром есть, это (Именуемое миром это (есть)); *Щлалэ зыфлэныцы-р си ныбжыи* (Щ. А.) – «Тот, кого ты называешь молодым, мой ровесник (есть)» (букв.: Называемый тобой молодым мой ровесник (есть)).

Такую же функцию выполняют обороты, в которых в качестве главного компонента выступают именные части речи. Характерной особенностью подобных конструкций является то, что, выступая в роли подлежащего, они описывают, характеризуют предмет, не называя, однако, его имени. Сам же предмет, его название являются по существу сказуемыми. В составе такой конструкции нет ни глагола, ни глагольной формы, что затрудняет его перевод на русский язык. Для передачи примерного содержания подобных конструкции мы используем либо сложноподчиненные предложения, либо простые предложения с включением в их состав различных глагольных форм: *Бдзапцлэм нэхрэ нэхъ хьэлъэу фом нэхрэ нэхъ лэфы-р жейш* – «То, что свинца тяжелее и меда слаще, сон (есть) // Являющийся тяжелее свинца и слаще меда сон (есть)»; *Лы флыцлэ гъушлынуэ емынэ шууей-р Сосрыкъуэщ* – «Тот, который является великолепным наездником и смуглым мужчиной с железными глазами, есть Сосруко // Являющийся великолепным наездником и смуглым мужчиной с железными глазами Сосруко (есть)»; *Лы мышынэ шу закъуэ-р Бэдынокъуэщ* – «Тот, кто является неустрашимым мужчиной и одиноким наездником, есть Бадыноко // Являющийся неустрашимым мужчиной и одиноким наездником Бадыноко (есть)». Подобные конструкции, являясь эквивалентом единого слова, выражают понятие: «Характеризуемый (нами) предмет есть это»

3.6.3. Словосочетания в позиции подлежащего

В кабардино-черкесском языке в качестве подлежащего используются и словосочетания: *Угъурсызблым ебланэ-р сэраш* (Къ. Хъ.) – «Седьмой из семи негодяев я (есть)». *Бгъум епцланэ-р сэджытщ* (Пс.) – «Десятый после девяти пожертвование (есть)». (Десятая часть собранного урожая – пожертвование для бедных.) *Гуашэ къишакъэ ллым я лей-м!* (КІ. Т.) – «Женился же на княжне лучший из мужчин!»; *Лы и лыжы-р Хэмырзэщ*

– «Муж мужей Хамирза (есть)»; *Цыхур апхуэдиэрэ зыпэллэ пцым я пцыхы-р кэсащ* – «Царь царей, которого люди столько ждали, прибыл (букв.: Столько ожидаемый людьми царь царей прибыл)».

К ним можно причислить словосочетания типа **бзу ил** – «воробья мясо», **джэду и кэуэ** – «кота сын» в предложениях *Бзу ил и лэпсц* (Пс.) – «Воробья мясо – его (же) бульон (и есть)»; *Джэду и кэуэ дзыгъуащэщ* (Пс.) – «Кота сын мышелов (есть)».

Видимо, с оговоркой к этой группе можно отнести и обороты со значением сравнения: *Бжсамийм и гъумагъы-р цыхухъу лэпцэщ* – «Диаметр трубы с мужское запястье (есть)»; *Мылым и лувагъы-р залэщ* – «Толщина льда с палец (есть)». Компоненты *мылым* и *лувагъы-р*, *бжсамийм* и *гъумагъы-р* следовало бы рассматривать как атрибутивные словосочетания с определяемыми **мылым и**, **бжсамийм и**. Однако семантическая неполновесность определяемых **гъумагъы-р**, **лувагъы-р** в данной позиции позволяет не вычленять первые компоненты как определения, а рассматривать эти сочетания в целом как подлежащее.

Подлежащее может быть выражено сочетанием существительного с элементом **пэт**. При этом компонент с предметным значением оформляется аффиксом **-рэ**. Сочетание **-рэ пэт** вносит в предложение значение «и тот»: *Бегъымбар-рэ пэт шыуащ* (Пс.) – «Пророк и тот ошибся». Подобное подлежащее сочетается со сказуемым, выраженным как непереходными глаголами (в приведенном выше примере сказуемое – непереходный глагол), так и переходными глаголами: *Хъэндыркъуакъуэ-рэ пэт «сызыхэс псыр кууащэрэт» желэр* (Пс.) – «Лягушка и та мечтает о глубоком болоте (букв.: Лягушка и та «было бы мое болото глубже» говорит)».

В осложненных конструкциях с таким подлежащим могут сочетаться и два сказуемых, одно из которых выражено переходным, другое – непереходным глаголами: *Мо пцлантлэм дэт ди хъэжъ-рэ пэт луэху ещлэр, зи мыхъуми, хъэулей къыдыхъэмэ, мэбанэр* (Н.) – «Та собака во дворе и та занята делом: если заходит во двор праздношатающийся, то лает на него». Падежная форма подлежащего такой конструкции остается неизменной при сочетании со сказуемым, выраженным любой формой глагола.

Позицию подлежащего могут занимать словосочетания, характеризующие внешний вид предмета и выступающие вместо самого предмета. Такие конструкции по логике должны были быть составными частями причастного оборота. Но в них нет причастия: *Мо пылэ лъагэ-р шэшэщ* – «Тот в высокой шапке (букв.: та высокая шапка) чеченец (есть)»; *Мы цы фэнды-р джэд хъун?* – «Разве этот мешок пуха курица (есть)?»; *Афэ джанэхэ-р арыххэуи зэщлэхъеящ* (Къ. Хъ.) – «Те, кто в кольчугах, тотчас зашевелились (букв.: Рубашки из афа (кольчуги) тотчас зашевелились)». Такие конструкции семантически близки русской форме: «Эй, шляпа» (вместо ожидаемого «Эй, в шляпе»).

Наряду со словами и обычными словосочетаниями в качестве различных членов предложения функционируют и фразеологизмы. Одним из важнейших критериев выделения фразеологической единицы справедливо считается ее эквивалентность слову. Соотносительность фразеологических единиц и слов в ряде своих грамматических, семантических признаков объясняется тем, что фразеологический состав имеет много общих черт со словарным составом данного языка. Вместе с тем следует отметить, что слово обладает большей синтаксической гибкостью, чем фразеологизм. В связи с этим частота употребления фразеологических единиц в роли различных членов предложения далеко не одинакова. Чаще они выполняют функции обстоятельств и сказуемого. Реже занимают и синтаксическую позицию подлежащего: *Шэщлэху хъыбары-м наплэзынлэм хъэблэр зэщлу-лъэлэсащ* – «Сплетня (букв.: разговоры у сепараторной машины) вмиг облетела село»; *И адэр зэрыхъэщымытыж лъандэрэ Хъэсэн ахъшэ делэ-м игъэделэпат* – «С тех пор как Хасан лишился отца, дурные деньги напрочь задурили его голову (букв.: С момента смерти отца бешеные деньги напрочь задурили голову Хасана)»; *А тхъэгъэпцл джафэ-м уэ лэджи къыбжилэнц* (Къаш. Хъ.) – «Этот лгун (букв.: отъявленный клятвопреступник) тебе многое наговорит»

Подлежащее, сочетаясь с распространяющими его словами, образует в кабардино-черкесском предложении группу подлежащего. Сказуемое, сочетаясь подобным же образом с распространяющими его словами, образует группу сказуемого. Группа подлежащего и группа сказуемого образуют единую предикативную группу, при актуальном членении которой подлежащее (с сочетающимися с ним словами)

рассматривается как тема.

3.7. Распространение простого предложения

Компоненты предложения, синтаксически подчиненные сказуемому или подлежащему либо друг другу и служащие для развертывания, распространения высказывания, есть второстепенные члены.

В зависимости от характера этой связи и роли, выполняемой в синтаксической организации предложения в качестве второстепенных членов в кабардино-черкесском языке выделяются дополнение, определение и обстоятельства, которые в свою очередь реализуются в предложении в виде отдельных слов, словосочетаний и различных синтаксических оборотов.

3.8. Дополнение

Дополнение – второстепенный член предложения, обозначающий лицо или предмет, на который переходит действие, выраженное в сказуемом, или предмет, по отношению к которому совершается это действие, либо предмет, с помощью которого совершается действие. Дополнение входит в группу сказуемого и сочетается с последним посредством соподчинительной синтаксической связи. Обнаруживаемые при этом синтаксические отношения между этими компонентами предложения есть отношения объектные.

В зависимости от семантического значения глагольного сказуемого, поясняемого дополнением, последнее может иметь в кабардино-черкесском языке различные оттенки значения. Так, дополнение обозначает:

1. Объект, на который распространяется действие или который является результатом действия: *Етэч шы кэрапцлэр цлалэм кэритащ.* (Къ. Хъ.) – «Айтек подарил юноше вороного коня»; *Лгэпц джамтэ ицлри флидзэжащ* (Н.) – «Тлепш выковал меч и повесил (на стену)».

2. Пространство, преодолеваемое при помощи действия, если дополнение находится при члене предложения, выраженном глаголом со значением движения: *Нэхъыцлэм цутлыища шабзэшэр пшэм пхылгэтащ.* (Ад. т.) – «Пущенная младшим стрела пролетела сквозь облака»; *Мыхэмэтыр псым зэпрысыклащ* – «Мыхамат переплыл реку».

3. Может передавать содержание процесса, обозначаемого глаголами со значением мысли, речи: *Гупыр кэатехъуа цлэцхъум заулрэ егупсысащ* – «Отряд на некоторое время задумался над постигшим их несчастьем».

4. Объект, на который направлено действие: *Тенджыз губжъам и толкхъунхэр кбьыр задэ лгэгэм жъэхуэр* – «Волны разбушевавшегося моря бьются о высокий отвесный берег»; *Си псэм и цласэ цлыналгэжъым и мэ дахэхэр зыщызмыггэнцлү жъэдэсшэрт* (Къ. С.) – «Я жадно вдыхал чудесные запахи моей любимой земли».

5. Объект чувства: *Цлалэми флыуэ илгэгъуащ Хъымсад дахэшхуэр* – «И юноша полюбил прекрасную Хамсад».

6. Объект, по отношению к которому проявляется состояние: *Анчокъу и псэм сытошыныхъ* (КІ. Т.) – «Я беспокоюсь за Анчока»; *Сацогуфлыкыр фи зэфлэкхэм* – «Я радуюсь вашим достижениям».

7. Адресат, на которого или к которому направлено действие: *Цлалэ цлыклүм лэлъыныр и анэм иритыжащ* – «Мальчик передал кольцо матери»; *Пищэцэм хъэлу лыххэр шым хуишиящ* – «Девушка протянула чурек коню».

8. Объект, с которым проводится сравнение: *Зы лгэпкбьым нэххэрэ адрейр нэхъыкэкбьым* (Къ. Хъ.) «Один народ не хуже другого»; *Гъуцлым нэххэрэ бдапцлэр нэхъ хъэлгэщ* – «Свинец тяжелее железа».

9. Объект, вопреки желаниям которого совершается действие: *Факъырэжъ унэу Заурым фэ ар ефтыну фхуэздэнкбьым* (Щ. А.) – «Я не позволю вам отдать ее за нищего Заура»; *Мэзхъумэм цлалэ цлыклүхэм джыдэр кэатрихащ* – «Лесник отобрал топор у ребят».

10. Орудие, средство действия: *Вагъуэ лэрыцклэ жэщхэр догъаб- лэр* (П. Б.) – «Рукотворными звездами освещаем (мы) ночи».

11. Объект, ради которого совершается действие: *Хьэсэхэр гъатхэ лэжыгыгъэхэм хуэдгъэхъзыраш* (Л. гъу.) – «(Мы) подготовили поля к весеннему севу»; *Хьыджэбзым псы пэгунитыр фызыжыым хуихыжащ* – «Девушка отнесла воду (ведра с водой) домой к старухе (букв.: Девушка отнесла (ради старухи) ведра с водой домой к старухе)».

12. Лицо, совместно с которым совершается действие: *Хэгъэрейхэм щыщ цлалэ хьэщлэм дыщлэклаш* – «Один из своих парней вышел с гостем»; *1942 гъэм ар Сталинград деж щыдзэуаш Къэбэрдей-Балъкъэрым щыщ лы бэлыхьитл* (Л. гъу.) – «В 1942 году он под Сталинградом воевал вместе с двумя мужественными воинами из Кабардино-Балкарии».

13. Значение удаления от объекта: *Жамырзэ пэгъым къуагуэ и шы уанэ зэтелъыр шэщым къыщлшащ* (Д. М.) – «Жамурза вывел своего коня из конюшни»; *Уэсмэн плъырхэм яхэжри ищэ лэныкъуэмкIэ дригъэзе-ящ* (Д. М.) – «Осман усакал от стражников и повернул вверх».

14. Объект желания: *Куэд цлауэ ар а тхылъ цлэрылуэм цлэхуэпсырт* – «Он давно мечтал об этой знаменитой книге».

15. Объект достижения и др.: *Блэкла илгъэхэм хозыштвэм теклуэныгъэшхуэхэр зылэригъэхъаш* (Л. гъу.) – «В прошлые годы хозяйство добилося ощутимых результатов»; *Дунейр къызэрихуэрэ цыхур и щхъэхуитыныгъэм щлобэн* (Л. гъу.) – «Со дня сотворения мира человек борется за свою независимость».

Синтаксическую позицию дополнения в кабардино-черкесском языке занимают:

1. Имена существительные и местоимения: *Лгъэщ зытехуэр мыхъу-жыну шабзитл Джылахъстэн хуищлаш* (Н.) – «Тлепш смастерил две смертоносные стрелы Джилахстану»; *Мыр уи анэм хуэхъыж* (Къ. Хь.) – «Передай это своей матери»; *Сэ зыри зэхэсхакъым* (Къ. Хь.) – «Я ничего не услышал»; *Си шыхъум хэт укъригъэшэжа?* – «Кого попросила моя сестра привести тебя сюда?».

2. Субстантивированные части речи: прилагательные, числительные, причастия: *Етлуанэ къеклуэкIыгъуэм шууей цыкIур гугъу демыхъыщэу пцIэгъуэплъым къыщхъэщыклаш* – «На втором круге молоденький всадник без труда обошел гнедого»; *Шу закъуэм зэшихым зыр яхиукIыклаш* (Къ. Хь.) – «Одинокий всадник убил одного из шестерых братьев»; *Яубыр бысым цIы* (Пс.) – «В качестве хозяина выбери ругаемого»; *Якъуам ямыкъуар ех* (Ад. т.) – «Битый небитого несет»

3. Инфинитив: *Ерстэм гъыныр пасэ дыдэу хинаш* (КI. Т.) – «Ерستم очень рано поборол в себе хныканье (букв.: Ерستم очень рано поборол в себе хныкать)»; *Иджы абы еджэныр хыфIидзэжыташ* – «Теперь он напрочь забросил учебу (букв.: Теперь он напрочь забросил учиться)».

4. Междометия и звукоподражательные слова: *Джэрпэджэжыр лэныкъуиплIкIэ урам пэджэжащ* – «Эхо со всех сторон отозвалось на ура»; *Сэ спэгъунэгъу дыдэу хэм и ыр-р-ыр къызэхэсхаш* – «Рядом с собой я услышал ы-р-р-ыр (рычание) собаки».

5. Различные синтаксические обороты: причастный, деепричастный, инфинитивный; обороты с именными частями речи: *Къехъуллар и анэм хуиуэтэжыныр и щласэт Ерстэм* (КI. Т.) – «Ерستم любил рассказывать матери все случившееся с ним в пути»; *Къуцхъэтхым иту къыщыкIухъын игу къыхъаш Ерстэм* (КI. Т.) – «Ерстему захотелось походить по вершине хребта»; *Игу апхуэдэу зыхуэхъуа бзылхугъэ и пэкIэ къыхуауэ ищлэжыркъым Ерстэм* (КI. Т.) – «Ерستم не помнит, чтобы он раньше встретил такую девушку, которая так взволновала его сердце»; В этом примере деепричастный оборот *игу апхуэдэу зыхуэхъуа бзылхугъэ и пэкIэ къыхуауэ*, выполняющий функцию дополнения, на русский язык переводится только в форме придаточной части сложного предложения. *Гулэз шыр зригъэлъагъун къудей щхъэкIэ къызэрымыкIуам гу лгъитащ абы* (КI. Т.) – «Он заметил, что Гулез пришла не только ради того, чтобы увидеть коня (букв.: Он обратил внимание на приход Гулез не только ради увидеть коня)»; *Гугъу емышар лым хабжэркъым* (Пс.) – «Не познавшего тяготы не считают мужчиной»

6. Нефразеологизированные и фразеологизированные словосочетания: *ГъуцIыпсэ цлалэр сэххуэ гъэбзэкIэм, аркъэн дзыкIэм хуегъасэ* (КI. Т.) – «Гучипс учит юношу рубке на шашке (как владеть шашкой), метанию аркана (как метать бросать аркан)»; *Жин пэшэгъуи, шейтлан IупэфIэгъуи абы илэкъым* (КI. Т.) – «У него нет ни джина-покровителя, ни черта-единомышленника»; *Нэхъыжыр Iэжъэкъур изычымы хуилъаш* – «Старший одернул строптивного (букв.: вырывающего оглобли саней)»; *ИлгъэситIым*

къркубыдэу Мурат уей-уей жезыгъэлэхэм ящхэпры-кыжащ – «В течение двух лет Мурат обогнал самых известных (букв.: людей, о которых говорят «ой-ой»); *Бзум яхудупхъеин ди гуэн илъыжкъым* – «В наших закромах нет ничего (букв.: что можно кинуть даже воробьям)».

Дополнение сочетается со сказуемым, выраженным не только глаголом, но и именами прилагательными. При этом дополнение находится в форме послеложного, реже – эргативного падежа: *Ар шырэ ІэцкІэ ІэкІуэлъакІуэщ* – «Он умело владеет (букв.: умелый есть) конем и оружием»; *Фызыр псэлъэнкІэ Іэзэщ (Фызыр псэлъэным хуэлэзэщ)* – «Женщина мастерица разговаривать (букв.: разговором)»; *Къэрабгъэр и къуэшкІэ лыфІищ (Пс.)* – «Трус силен братом»; *Бжъыхъэр гъавэкІэ жумартщ (Пс.)* – «Осень щедро урожаем».

В зависимости от своего семантического значения и характера управления дополнение в кабардино-черкесском предложении имеет форму одного из четырех падежей: именительного, эргативного, послеложного или обстоятельственного.

3.8.1. Дополнение в форме именительного падежа

Это дополнение принято называть как прямым дополнением, так и ближайшим объектом. Вместе с тем термин «прямое дополнение», здесь используется условно, в силу того, что он получил широкое распространение в адыгovedении. Однако значения, выражающие этим словосочетанием в русском и кавказских языках, в частности – в кабардино-черкесском – отнюдь не идентичны, поскольку прямое дополнение в русском языке выражается винительным, а в кабардино-черкесском и других родственных языках – именительным падежом.

Дополнение, на которое прямо распространяется действие многоличного транзитивного глагола-сказуемого, принимает форму именительного падежа. Дополнение в форме именительного падежа и дополнение в форме эргативного падежа, обозначающие объект, на который распространяется действие, по своему значению в кабардино-черкесском языке одинаковы: *Гъудэберд и пащхэ къыс щІалэ-р гупсэхуу зэицІлхъащ (Къ. Хъ.)* – «Гудаберд внимательно рассмотрел сидящего перед ним юношу»; *ЩІалэ-хэ-р мывэкъалэ-м зедлащ. (Къ. Хъ.)* – «Юноши навалились на забор».

Помимо объекта, на который распространяется действие, дополнение в именительном падеже может обозначать лицо или предмет, который в логическом плане является субъектом действия. Такую функцию дополнение выполняет в предложениях со сказуемым, в составе которого находится аффикс каузатива **гъэ-**: *ЕгъэджакІуэм къыкІлрыхуа-хэ-р къыщІи-гъэ-хъэжащ* – «Учитель впустил (в класс) опоздавших (букв.: Учитель позволил опоздавшим зайти в класс)»; *Бысымым хъэщІлэхэр ири-гъэ-жъэжащ* – «Хозяин проводил гостей (букв.: Хозяин способствовал гостям уехать)».

Прямое дополнение связано со сказуемым двойной, взаимонаправленной синтаксической связью: дополнение, управляемое сказуемым, выраженным транзитивным глаголом, получает форму именительного падежа; сказуемое в то же время координируется с дополнением по лицу и числу.

В отличие от дополнения в эргативном падеже, в составе простого элементарного предложения может находиться только одно прямое дополнение. Причем это дополнение настолько прочно связано со сказуемым, что оно нередко бывает представлено чистой основой: *мэкъумэш ещІэр* «урожай выращивает»; *мэкъу неупщІ* «сено косит»; *жылэ есэр* «семена сеет»; *хъыбар желэж* «быль рассказывает» и т.д.

В языке наблюдаются случаи, когда в состав простого предложения входят два неоднородных имени в форме именительного падежа. Однако это не противоречит высказанному выше положению о том, что в составе простого элементарного предложения может находиться только одно прямое дополнение, поскольку одно из этих имен всегда является частью составного сказуемого. Вспомогательным компонентом такого сказуемого является вспомогательный глагол **щІын** «делать», «превращать». Имя и вспомогательный глагол, утратив объектно-предикативные отношения, в подобных конструкциях выступают как выразители единого значения: *НэгъуэщІ щІынІэ Іэхъуэжыну лІым и мылъку-р ахъшэ ищІлащ* «Переезжающий на другое место мужчина

превратил свое имение в деньги». Сочетание *ахъшэ ицлац* «превратил в деньги» (букв. сделал деньги) в приведенном примере является сказуемым. *Дэрбзэрым ицкы-р кIэстум ицлац* – «Портной превратил материал в костюм». Имя в именительном падеже *кIэстум* «костюм» и глагол *ицлац* «сделал, превратил» выступают в предложении в роли сказуемого.

3.8.2. Дополнение в форме эргативного падежа

Дополнение в форме эргативного падежа, в отличие от дополнения в форме именительного падежа, возможно не только при многоличном переходном, но и полиперсонном непереходном глаголе. При этом в составе обеих разновидностей глагола имеются превербы со значением либо места, либо косвенных отношений. Формально дополнение представлено аффиксом **-м** для частей речи и конструкций с предметным значением и суффиксом **-бы** для указательного местоимения: *Къубатий и нэр текуац къуршыжъы-м* (М. Е.) – «Взгляд Кубати упал на горы»; *Сэ а-бы зэ сыхуэзэжащэрэт* (М. Е.) – «Встретил бы я еще раз его»; *Атэлыкъым сэшхуэр къаны-м иритац* – «Аталык подарил шашку воспитаннику».

При анализе оттенков значений, выражаемых дополнением, стоящим в форме эргативного падежа, необходимо остановиться на двух моментах: а) на выражении дополнением логического субъекта, побуждаемого к совершению действия, заключенного в глаголе; б) на выполнении эргативным дополнением функций инструментального падежа.

Что касается первого момента, то эргативное дополнение способно выражать логический субъект, побуждаемый к совершению действия, заключенного в глаголе-сказуемом. Эту функцию дополнение выполняет в предложениях со сказуемым, в составе которого находится аффикс каузатива **гъэ-**: *Лыжъы-м ицалэ-м пхъэ ири-гъэ-къутац* – «Старик заставил юношу колоть дрова»; *Фызыжъы-м хъыджэбы-м лъэгур къри-гъэ-лъэсац* – «Бабушка заставила девушку помыть пол».

Каузативный глагол-сказуемое, образованный от транзитивного глагола, при управлении реальным субъектом и объектом должен был бы диктовать объекту форму именительного падежа. Вопреки ожидаемому объект в подобных предложениях наделяется формантом эргативного падежа: *Адэ-м къуэ-м хъэсэр ири-гъэ-ицлац* – «Отец заставил сына прополоть грядку». При включении в состав глагола аффикса каузативности **гъэ-/гъа-** количество лиц глагола увеличивается на одно. При этом каузативный транзитивный глагол остается транзитивным а каузативный интранзитивный глагол переходит в разряд транзитивных. В связи с этим побуждающее лицо и в том, и в другом случае есть реальный субъект, стоящий в эргативном падеже. А имя, являющееся непосредственным исполнителем действия, в одном случае (в случае перехода интранзитивного глагола в разряд каузативных транзитивных глаголов) является прямым объектом: *Егъэджа-кIуэ-м еджакIуэ-р усэм къригъэджац* – «Учитель заставил ученика прочитать стихотворение»; в другом случае (при оформлении транзитивного глагола аффиксом каузативности **гъэ-/гъа-**) является косвенным объектом: *Лыжъы-м ицалэ-м пхъэ иригъэкъутац* – «Старик заставил юношу колоть дрова». В этой связи основополагающим является момент управления реального субъекта и объекта, являющегося непосредственным исполнителем действия, глаголом: реальный субъект в обоих типах предложения управляется каузативным глаголом. Этот глагол, являющийся в любом случае транзитивным, диктует субъекту форму эргативного падежа. Объектом в этих конструкциях управляет исходный глагол: исходный транзитивный глагол приписывает объекту, являющемуся непосредственным исполнителем действия, форму эргативного, исходный интранзитивный глагол – форму именительного падежа.

Логический субъект, т.е. имя, являющееся непосредственным производителем действия в предложениях с каузативным глаголом-сказуемым, не может быть, вопреки имеющему место мнению, вторым подлежащим: как в глаголе с префиксом **гъэ-**, так и в переходном глаголе без этого аффикса имеются всего два префикса лица: один из них – показатель субъекта, другой – показатель объекта. Это свидетельствует о том, что при

каузативном глаголе-сказуемом имеется только одно грамматическое подлежащее.

Что касается вопроса о способности выполнения эргативным дополнением функций инструментального падежа, то оно, как и дополнение в форме послеложного падежа, действительно имеет значение орудия действия и средства передвижения. При этом в составе сказуемого обнаруживается префикс **р(и)**: *Дэшхуейуэ си пхъэ вакъитлы-м сыны-р-оклуэр, сыны-р-оплэр* (А. у.) – «На деревянных башмаках из орехового дерева (я) иду (туда), смотрю (туда)»; *Зрамыку шыгу-м вокзалым и-ри-клуаш* – «Зрамук на телеге поехал на вокзал»; *Пищэр машинэ-м и-р-одэр* – «Девушка шьет на машинке»; *Уи ручкэ-м нобэ с-ри-гъатхэ* – «Позволь мне сегодня писать твоей ручкой».

3.8.3. Дополнение в форме послеложного падежа

Послеложное дополнение в кабардино-черкесском предложении присутствует как при переходном, так и при непереходном глаголе-сказуемом. Форма выражения падежа – аффиксы **-клэ/-мклэ**.

Послеложное дополнение, как и предыдущие, может обозначать предмет, на который распространяется действие, но основное его предназначение – выражение значения орудия действия. В связи с этим дополнение в форме послеложного падежа в адыгovedении нередко именуется и орудным дополнением: *Исмел шейныкы-мклэ шей тригъэуаш* (Т. Хь.) – «Исмел поставил чай в чайнике (букв.: чайником)»; *И натлэм тес фурашклэ лъагэр цхъэрхри и цхъэц флыцлэр мажсэ-клэ дрилъэцлеш* (Т. Хь.) – «(Он) снял высокую фуражку и расческой причесал темные волосы»; *Езы Бэрокъуэм си лэ-клэ мыр естыжыни* (Т. Хь.) – «Это я передам самому Барокову своими руками».

Значение предложений с дополнениями, обозначающими орудие, средство действия и стоящими в форме эргативного и послеложного падежей, в смысловом плане почти одинаково: *Хъыджэбзыр машинэ-м и-р-одэр* – *Хъыджэбзыр машинэ-клэ мадэр* – «Девушка шьет на машинке». Однако структурный состав сказуемого в этих предложениях различен. Орудное дополнение в форме эргативного падежа требует присутствия в составе сказуемого своего представителя – аффикса **р-**. При орудном дополнении в форме послеложного падежа в составе сказуемого аффикс **р-** отсутствует. Между сказуемым и орудным дополнением существует только односторонняя связь – управление.

Структура предложения с орудным дополнением в форме эргативного падежа в адыгских языках древнее предложений с орудным дополнением на **-клэ/-мклэ**. В тот период истории адыгских языков, когда эргативный падеж был главной формой орудного дополнения, сказуемое ориентировалось на него. Больше того, оно воспринималось тогда как исполнитель действия, как субъект. Этим объясняется согласование сказуемого с ним через специальный аффикс **-р**, в прошлом показатель грамматического класса. Форма орудного дополнения в послеложном падеже относится к более позднему периоду развития синтаксического строя адыгских языков. К тому времени изменились и средства выражения синтаксических отношений. Связи между членами предложения стали передаваться уже с помощью личных форм. Этот процесс затронул и орудное дополнение. Оно утратило субъектный оттенок, который являлся средством фетишизации орудия. Орудие стало рассматриваться как вспомогательное средство, как предмет, с помощью которого субъект и только субъект совершает действие. Все это привело к изменению характера взаимоотношений орудного дополнения и сказуемого: не стало двойного согласования сказуемого и дополнения, и из состава сказуемого выпал специальный аффикс **р-**, представлявший орудное дополнение (Б. Х. Балкаров).

Дополнение в форме послеложного падежа обозначает не только орудие действия, но и предмет, явление, на которое распространяется действие: *Ирауд бэнэн-клэ зигъэнцктым* (Пс.) – «Побеждаемый не наслаждается борьбой»; *Хуэмышур лэмал-клэ лэзэц* (Пс.) – «Ленивый на выдумки хитер»; *Сабийр есэп-клэ лэклуэлъакуэш* – «Ребенок в математике (букв.: математикой) силен». Как и в случае с предложениями с орудным дополнением, эти примеры имеют свои эквиваленты – предложения с дополнением в форме эргативного падежа. Но при этом в составе сказуемого в таких предложениях

неизменно обнаруживаются превербы **хуэ-**, **щ-** и др. Сравн.: *Ирауд бэнэны-м зы-щ-игъэныцктым*; *Хуэмышур Іэмалы-м хуэ-Іэзэщ*; *Сабийр есэпы-м хуэ-ІэкІуэлъакІуэщ*. Различие между этими предложениями заключается как в оформлении взаимоотношений между дополнением и сказуемым в частности, так и в семантике обеих конструкций в целом.

Таким образом, дополнение в форме эргативного падежа предполагает безусловное наличие в составе сказуемого компонентов **хуэ-**, **щ-** и т. д. Употребление сказуемого с этими компонентами невозможно без присутствия самого дополнения в предложении. В синтаксических же конструкциях с дополнением в форме послеложного падежа сказуемое не оформляется специфическими превербами, что делает его более свободным для употребления в предложении без самого дополнения. Вместе с тем эта «свобода» весьма относительна, т.к. дополнение в таких предложениях не только распространяет мысль говорящего, но вносит в нее существенную поправку. Так, в примере *Ирауд бэнэнкІэ зигъэныцктым* – «Побеждаемый не наслаждается борьбой» при опущении дополнения получается «Побеждаемый не наслаждается». Смысл нового предложения существенно отличается от первоначального: побеждаемый не просто не наслаждается, но не наслаждается именно борьбой. Ленивый не вообще хитер, а хитер на выдумки. Ребенок не вообще силен – силен в математике.

Кроме этого, предложения с дополнением в форме послеложного падежа в смысловом, стилистическом плане более нейтральны, чем конструкции с дополнением на **-м**. В конструкциях второго варианта (с дополнением в форме эргативного падежа и со специфическим оформлением в сказуемом его (дополнения) присутствия в предложении) подразумевается более тесная, безапелляционная связь производителя действия с объектом действия. В кабардино-черкесском языке (по меньшей мере в языке художественных и фольклорных произведений) подобные конструкции с дополнением в форме послеложного падежа употребительнее предложений с дополнением в форме эргативного падежа.

Другой особенностью дополнений в форме послеложного падежа является то, что они способны обозначать лицо логического субъекта, оставаясь при этом грамматическим дополнением. Это наблюдается в предложениях так называемой страдательной конструкции: *Темыр щІакъуэ къригъэпс дыгъэ-кІэ Іуащхъемахуэ уэсыр текІынктым* (Щ. А.) – «Солнцем, сияющим по воле хромого Темира, снег на вершине Эльбруса не растопится (букв.: Сияющим по воле хромого Темира солнцем снег на вершине Эльбруса не растопится)»; *Хунэмышхэм я хъэдагъэр бейм я деж-кІэ дыхъэшхэныц* (Щ. А.) – «Страдания бедняков смешны для толстосумов»; *Іуэхур фэр-кІэ зэфІэкІа хъунуктым* – «Вами дело не будет завершено».

3.8.4. Дополнение в форме обстоятельственного падежа

Обстоятельственное дополнение оформляется падежной формой **-у/-уэ**. Со сказуемым сочетается способом управления. В роли дополнения в обстоятельственном падеже обычно выступают имена существительные и местоимения. Дополнения в форме обстоятельственного падежа обозначают профессию, должность: *Умар старостэ-у хахащ* (Т. З.) – «Умара выбрали старостой»; *Аслъэнбэч Куэцэхэ яхуэуват шыхъуэ-у* (Щ. І.) – «Асланбек устроился у Коцевых конюхом»; *КІуэгъат ар зауэм медсестра-уэ* (Т. З.) – «Ушла (тогда) она на фронт медсестрой»; *Сыт-у уезгъэцІыхуну уэ хэгъэрейхэм?* – «Кем тебя представить хозяевам?».

Дополнение на **-у/-уэ** имеет значение превратительное, т.е. обозначает объект, во что превращается предмет в результате воздействия на него: *Дэрбзэрым щэкІыр бостей-уэ идащ* – «Швея сшила из материала платье (букв.: Швея материал сшила платьем)»; *Зэкъуэшхэм мэкъур Іэтэ-у зэтралъхъэжаш* – «Братья уложили сено в стог (букв.: Братья уложили сено стогом)».

К этой группе можно отнести предложения типа: *Си лэжъапыцІэм и ныкъуэр гъавэ-у къеІысхаш* – «Часть моей зарплаты (я) взял урожаем»; *Зыбгъэдждэду хъэжы-уэ къысфІоуцІ* (Т. Хь.) – «Представляю тебя святым котом (букв.: котом в сане хаджи)».

К дополнениям следует относить и сочетания, стержневыми компонентами которых являются глагол или имена существительные на **-у/-уэ**. Модели с такими конструкциями представляют собой предложения, в составе которых имеется

косвенная речь. Такие дополнения обычно сочетаются с глаголами со значением «сказать», «попросить», «приказать» и т. д.: *Сэ кѳуажэм умыкѳуэжсын-у сынолѳэуати* – «Я же просил (тебя) не уезжать в село»; *Хьэжым и мэкѳу лэжсѳа хѳуам, гуэдз яѳуэм, ди адэм путищ трилхьэжсын-у, си кѳуэш нэхьыжьри тумэнищкѳлэ щѳымахуэ лѳыщѳу иритын-у си адэр гурыѳуащ* (Щ. А.) – «Мой отец договорился с хаджи дать ему сверх скошенного сена три пуда пшеницы после обмолота и отправить к нему за тридцать рублей в работники на всю зиму моего старшего брата»; *Зыбжанэрэ гупсыс нэужьым, ефэндым жиѳащ ныжэбэ мэжджытым щѳлэ аэрыбгѳухэр кѳыщѳрагѳэхьу уэ кѳэбдыгѳуауэ кѳыптралхьэн-у* (Щ. А.) – «После некоторого раздумья мулла сказал, что сегодня ночью из мечети похитят ковры и обвинят в этом тебя».

3.9. Определение

Определение – второстепенный член предложения, грамматически подчиненный существительному, выраженный словом или словосочетанием и указывающий на признак предмета, явления, свойство или принадлежность. Синтаксические отношения, возникающие между определением и определяемым – атрибутивные. Поскольку основное предназначение определения – характеризовать предмет, явление и его существование без определяемого практически невозможно, рассматривать природу как качественного, так и относительного определений следует только в комплексе с определяемым.

Характеризуя предмет или явление с различных сторон, определение в кабардино-черкесском может находиться при подлежащем, дополнениях и обстоятельствах с предметным значением.

Определение при подлежащем: *Бахъсэн уэрыр ныджэ кѳуршым кѳыщохѳуцѳлэр* (Щ. А.) – «Бурный Баксан бурлит в каменистом русле»; *Аскѳалэ пшэ фѳыцѳлэ щхьэщылѳт* (Кѳ. Хь.) – «Над Аскалой висели черные тучи». Определения **уэрыр, фѳыцѳлэ** в этих предложениях относятся к подлежащим **Бахъсэн, пшэ**.

Определение при дополнениях, стоящих в форме различных падежей: *Нэфисэт пхъэ шынакѳыр зэпиплѳыхьащ* (Щ. I.) – «Нафисат осмотрела деревянную миску»; *Лажъэ имыѳу Лацэ дахэм гуащэнысэр кѳлэѳызон- лэ* (Щ. А.) – «За невинной красивой Ляцей княгиня следит»; *Зрамыку шейр дзэху крушкѳлэ кѳыхьащ* (Т. Хь.) – «Зрамук принес чай в алюминиевой кружке». В этих предложениях определения **пхъэ, дахэ, дзэху** относятся к дополнениям **шынакѳыр, Лацэ(м), крушкѳлэ**.

Определение при обстоятельствах с предметным значением: *Икѳлэм-икѳлэжым тѳасхьэщѳлэххэм щѳытѳ куум зыдагѳзукѳуриящ* – «В конце концов разведчики заползли в глубокую траншею»; *А пѳыхьэщхьэм хьэщѳлэ лѳахьшэ кѳыхьым хьэщѳлэ гуп щызэхэст* – «В тот вечер в невысокой длинной кунацкой сидели гости». Определения **куум, лѳахьшэ кѳыхьым** относятся к обстоятельствам места **щѳытѳ, хьэщѳлэ**.

По своему значению определения делятся на качественные и относительные. Качественное определение выражено качественными прилагательными: *Нэху темыпсэу Хьэмид пхъашэр кѳалэм нагѳэсащ* (Кѳу. Б.) – «Сурового Хамида до рассвета отвезли в город»; *Джэрий ныкѳуэтхѳур а махуэм гѳунэгѳу лэгѳунэм щохьэщѳлэ* (Щ. А.) – «Полуседой Герий в тот день у соседей гостил».

Качественные определения могут обозначать свойства и качества вещей и явлений:

1. Воспринимаемые органами чувств:

а) зрением:

– цвет, тона: *Гузэвэху иѳуэт тхылѳ хужьым хьэрфхэр текѳы- жащ* (Кѳу. Б.) – «Буквы стерлись на белой скомканной бумаге»; *А щѳыплэ бгынэжам кѳуаргѳ фѳыцѳлэжхэр куэдрэ щхьэщохуарзэр* «Над тем заброшенным местом часто кружат черные вороны»;

– масть: *Аслэнокуэм шыгѳуэ фѳэкѳур... нырехулэ* (Щ. А.) – «Асланоко подогнал рыжего коня»; *Вы джэмыдэжытѳым хуабжѳу кѳехьэлѳэкѳу выгур ялѳэфт* (Щ. А.) – «Два рябых вола с трудом тянули повозку»;

– рост, размеры: *Лѳыжьым щѳагѳуэу хуемыплѳэкѳу, хьэщѳлэ кѳыхьым щѳыхьэжащ* (Щ. А.) – «Не обращая внимание на старика, (он) зашел в длинную кунацкую»; *Уэх*

бгъуфлэшхуэм удз дахэ зэмылэужьыгъуэ куэд къыхэпщылщылыкырт (Н.) – «В большой широкой низине пестрело много красивых разноцветных цветов».

– расстояние: *Шум лъагъуэ гъунэгъум трылэнтлащ* – «Всадник свернул на ближайшую тропу»; *Щыплэ жыжжэ ар кыклат* (К. А.) – «Он приехал из далекой страны»;

– форму: *Владимир и комбайныр нарыху хъэсэ плимэшхуэм щыхэрт* (Л. гъу.) – «Комбайн Владимира работал в большом квадратном кукурузном поле»; *Пцэдджыжъ гуэрым къуажэ гунэм къит лъащхэ папцлэм шы пцлэнтла тету нэху къеклащ, уанэри зэрытелъу* (Къ. Хъ.) – «Однажды утром на остром (островерхом) холме перед селом жители обнаружили вспотевшего оседланного коня»; *Шыпцэм и ижърабгъу лъэныкъуэмклэ цы лэрамэ хъурей трилэгъуащ* (К. Т.) – «На правой стороне шеи лошади (он) обнаружил круглый пучок волос»;

– внешний вид предмета: *Лажъэ имылэу Лацэ дахэм гуащэнысэр клэлъызонплэр* (Щ. А.) – «За невинной красивой Ляцей княгиня следит»; *Махуэм и клуэцклэ тлэу-щэ я деж къежэклэ пщащ къуэгъу цыкълур Мос флыуэ илъагъурт* (К. Т.) – «Мос очень любил эту худенькую девочку, каждый день прибегавшую два-три раза к ним (букв.: Мос очень любил каждый день прибегавшую к ним два-три раза эту худенькую девочку»;

б) осязанием: *Си лэдиухумрэ си лъэдиухумрэ мы псынэ щыплэм хызогъэдие* (Ант.) – «Мои белые руки и ноги (я) охлаждаю в холодном роднике»; *Дыгъэ пцтырым гъуэгъу напцлэ удзыр илыгъуэрт* (Л. гъу.) – «Палящее солнце сжигало придорожную траву».

в) вкусом: *Гулэз и матэм нэхэ мэраклуэ лэфлэ дыдэхэр кыхутэрт* (К. Т.) – «В лукошке Гулез оказывались самые сладкие ягоды»; *Къундэпсо гуащлэм кхъуэщыныр зэрегъэклуэклэ* (Пс.) – «Кислая сыворотка портит кувшин».

2. Качественные определения могут выражать также физические качества человека и животных: *Мис а щыплэм и лъэгъу цхъуантлэр шолэхуэ жэрхэм кърауд* (Щ. А.) – «Эта зеленая поляна изрыта копытами быстроногих скакунов». *Шы лъапцэрыхъым гъуэгъу ныкъуэм укътринэнукъым* (К. Т.) – «Выносливый конь никогда не оставит на половине пути»;

3. Физические свойства неодушевленных предметов: *Шынэм зи лэпкълэпкъыр зэцллулэ хъыджэбз цыкълум цхъэнтэ щабэм зыхыкгуэащ* – «Напуганная до смерти девочка вжалась в мягкую подушку». *Тачанкэр и шэрхэ бгъуэзмклэ ятлэ бдзатхэм кууэ хэтлысхъат* (К. Т.) – «Узкие шины колес тачанки глубоко завязли в вязкой глине»;

4. Возраст: *Мы дунеи-жъыр зэтекъутащ. Щлэуэ тцлыжынууци, фыкызыэхуежэ* (П. Б.) – «Этот старый мир разрушен. Собирайтесь построить новый». *Зэи къэмыушыжыну цлэлэ-щлэ куэд къылунащ а быдаплэ угъурсызым и дыхъэплэм* – «Много молодых ребят заснуло вечным сном у стен той злополучной крепости».

5. Внутренние свойства, умственный склад одушевленных предметов: *Алыджыкгуэклэ зэджэ лыжъ луц гуэрым ечэнджэщащ Хъэтлохъуоцкгуэр* (Къ. Хъ.) – «Хатохшоко посоветовался с мудрым стариком Алигоко»; *Хъэткгуоцкгуэшхуэклэ еджэу абзэхэ лы пхъашэ гуэр псэугъащ* (Къ. Хъ.) – «Некогда жил некий суровый абадзех, которого звали Хаткокошхо (букв.: Именуемый Хаткокошхо некогда жил некий суровый абадзех».

6. Качественные определения могут давать оценку предметам и явлениям: *Унафэщлэ луцым дэтхэнэ и лэжъакуэми бгъэдыхъэклэ тэмэм къыхуегъуэтыфыр* (Л. гъу.) – «Мудрый руководитель находит к каждому человеку правильный подход»; *Щхэ а луэху мыхъэнэншэм зебгъэуклрэ?* – «Что ты мучаешься с этим бестолковым делом?»

Адыгские языки относятся к языкам, богатым полисемией. И потому определения типа **быдэ** – «твердый», **щабэ** – «мягкий», отнесенные, к примеру, к группе, характеризующей физические свойства предметов, могут выражать и внутренние свойства предмета: *мыларысэ быдэ* – «крепкое (твердое) яблоко»; *цыху быдэ* – «жадный человек», *цлакхуэ щабэ* – «мягкий хлеб»; *цыху щабэ* – «мягкий человек». Определения, обозначающие, к примеру, вкусовые качества, при употреблении в переносном значении могут быть отнесены к группе, дающей общую оценку предметам и явлениям: *хъэнтхъупсмышу* – «несоленный суп», *псалъэмакъмышу* – «никчемный разговор (букв.: несоленный разговор)», *нащэ дыджэ* – «горький огурец», *псалъэ дыджэ* – «горькое слово» и т. д.

3.9.1. Качественное определение в постпозиции

Место качественного определения в определительном словосочетании в кабардино-черкесском языке фиксировано. Оно всегда следует за определяемым словом, оформляясь при этом показателями грамматических категорий. Компоненты простого атрибутивного комплекса с качественным определением в постпозиции синтаксически связаны согласованием. Между тем это не совсем то согласование, которое имеет место, например, в индоевропейских языках. Особенность согласования определяемого и качественного определения в кабардино-черкесском обусловлена специфическими закономерностями данного языка. Так, если в современном русском языке под согласованием понимается способ подчинительной связи, при котором зависимое слово ставится в тех же формах, что и главное и с изменением форм главного слова соответственно изменяются и формы зависимого слова: *любимая книга, любимой книги, любимые книги*, то при согласовании в адыгских языках аффиксами числа и падежа оформляется только один из компонентов: тот, который стоит в постпозиции. Эти аффиксы являются общими как для определяемого слова, так и для определения: *псей-# цхъуантлэ-р* – «голубая ель (букв.: ель голубая)», *псей-# цхъуантлэ-хэ-м* – «к голубым елям (букв.: к ель голубым)» и т.д. *Сэ си Ыхълыщ мы псы-# Іэлы-р.* (Къ. Хъ.) – «Эта свирепая река приходится мне родней (букв. Эта река свирепая приходится мне родней)». *Аслъэн машинэ-# хужь-клэ къэкӀуэжаш* – «Аслан приехал на белой машине (букв.: Аслан приехал на машине белой)»; *ЩІалэ цӀыклум сурэтыр къэрэндащ зэмыфэгъу-хэ-мклэ ищІат* – «Мальчик нарисовал картину разноцветными карандашами (букв.: Мальчик нарисовал картину карандаш разноцветными)»

Проблема определения типа синтаксической связи, существующей между компонентами в подобных атрибутивных синтагмах еще больше усложняется в связи с тем, что в языке существуют слитные определительные комплексы типа *выщхъуэ* – «серый вол», *унэщІэ* – «новый дом», *жыгыжъ* – «старое дерево» и т.д., которые пишутся и произносятся вместе, оформляются и вступают в синтаксические связи с другими членами предложения совершенно так же, как, например, сложные слова *лӀыжъ* – «старик», *нысащІэ* – «невеста» и т.п. И потому называть связь между определяемым и качественным определением обычным согласованием не совсем верно. В связи с этим данное явление получило в кабардиноведении название связи компонентов определительного комплекса одной, единой общей формой.

Наряду с обычными атрибутивными словосочетаниями с согласованным качественным определением (словосочетаниями с единой общей формой), в языке выделяются два типа определительных словосочетаний с несогласованными определениями:

1. Инверсированные определительные словосочетания с качественным определением, стоящим в обстоятельном падеже в препозиции: *Хеищэ цӀыкӀу-у а пщӀащӀэр фӀыгъуэр и пщӀыхъу мэжей* (Щ. А.) – «Ни в чем не повинная та девушка спит спокойным сном». Синтаксическая связь, существующая между компонентами подобных атрибутивных словосочетаний – управление.

2. Словосочетания, в которых существительное стоит в обстоятельном падеже, а определение занимает постпозицию: *Июль дыгъэ-у жьэражъэ-р а цӀыплэм щолэсэ* (Щ. А.) – «Палящее июльское солнце в том краю смиряется».

Члены словосочетания из второго примера не могут согласовываться потому, что стержневое слово *дыгъэ-у* стоит в обстоятельном, а определение *жьэражъэ-р* – в именительном падежах.

В кабардино-черкесском языке встречаются атрибутивные именные фразеологизмы, построенные по принципу простого определительного словосочетания с качественным определением. Такие единицы формально ничем не отличаются от обычного сочетания семантически господствующего существительного с грамматически господствующим прилагательным свободного словосочетания. Например: *нэпс гуащІэ* – «горькие слезы»; *цӀыху цӀылэ* – «холодный человек».

Порядок последовательности компонентов в определительных словосочетаниях-фразеологизмах обычный: качественное определение следует за определяемым

существительным.

3.9.2. Качественное определение в препозиции

Традиционное место качественного определения в атрибутивном словосочетании адыгских языков – постпозиция. Вместе с тем нередко случаи употребления сложных слов и словосочетаний с уже не характерной для языка препозицией качественного определения. Примерами сложных слов подобной конструкции могут выступать антропонимы *Залымхъан* – «Крутой хан», *Дахэлинэ* – «Красивая Лина», *Уэрдэцауэ* – «Родовитый парень (жених)» и т. п. В каждом из приведенных примеров уже со значением не сложных слов, а определительных комплексов качественное определение может занять постпозицию. Например: «крутой хан» – хъан **залым**; «родовитый (солидный) парень» – цауэ **уардэ**; «красивая Лина» – Линэ **дахэ**.

Конструкции с препозицией качественного определения не только в сложных словах, но и в словосочетаниях зафиксированы в различных, в первую очередь – в моздокском диалекте кабардино-черкесского языка: **памцлэ** къамэр – «острый кинжал», **хужь** бонцейр – «белое платье», **жыжъэ** цылылэ – «далекое место» и др.

Возможность перестановки компонентов композитов или словосочетаний подтверждается материалами не только адыгских, но и родственных языков. Так, в картвельских языках после замещения препозиционного строя постпозиционным параллельно сохранился и первичный препозиционный строй, о чем свидетельствуют данные древнегрузинского языка и картвельские топонимы. В абхазо-адыгских же языках переход препозиционного строя в постпозиционный осуществился полностью. Этим языкам ныне чужд препозиционный строй: определение в атрибутивной синтагме всегда следует за определяемым именем (Г. В. Рогава).

Другой разновидностью данной атрибутивной синтагмы является инверсивное словосочетание, т.е. словосочетание с измененным порядком слов, используемое для выделения того или иного элемента предложения или придания предложению особого смысла.

Элементы инверсивного порядка слов в кабардино-черкесском языке, особенно в его поэтической речи, существуют давно. Об этом свидетельствуют материалы фольклорных произведений: *Нартхэм я хэкум зэгуэ-рым биужь бзаджэ-у чынтыдзэр къызэрыгуат* (Н.) – «Однажды войска злых врагов-чинтов вторглись на родину нартов»; *Апхуэдэу бий гуащлэ чынтыдзэм езауэу нартыжъхэр жэщибл-махуиблклэ пэцлэтащ* (Н.) – «Так нарты воевали со злыми врагами-чинтами семь дней и семь ночей».

Инверсия как способ сочетания слов в кабардино-черкесском языке имеет свои особенности. Инверсивные атрибутивные словосочетания можно разделить на две подгруппы.

1. Инверсивные атрибутивные словосочетания, в которых определения имеют форму обстоятельного падежа и стоят непосредственно перед определяемым, а определяемое – форму любого другого падежа: **Къэрабэ плъыфэ-у цхъэцышхуэ-р** мазэу и напэм и жъауэщ (Щ. А.) – «Каштановые длинные косы оттеняют луноподобное лицо»; **Ауэ дахэ-у унэлуты-р** гуащэ пагэм и жыхапхъэщ (Щ.А.) – «Но красивая рабыня гордой княгини метла (есть)».

2. Во вторую подгруппу входят инверсивные атрибутивные словосочетания, в которых формантами числа и падежа оформляется только определяемое существительное. Определение стоит непосредственно перед определяемым: **Щысщ зейншэ Джон** (Клу. Б.) – «Сидит Джон-сирота (букв.: сирота Джон)»; **Мамыр луэхур быдэ бэны-м** далхъэжаш (Клу. Б.) – «Дело мира положили в крепкий гроб».

Характерной особенностью данной подгруппы является то, что компоненты таких словосочетаний произносятся слитно, под одним ударением. Морфологические формы, принимаемые определяемым, являются общими как для определения, так и для определяемого. Синтаксическая связь – тот же особый вид согласования, который существует между компонентами атрибутивного словосочетания с постпозитивным качественным определением.

3.9.3. Об относительном определении в кабардино-черкесском языке

Характеризуя определяемое существительное с различных сторон, относительные определения, в отличие от качественных, указывают на признак предмета не прямо, а через отношение к другому предмету, времени, месту или действию.

Неоднородность частей речи, выступающих в роли относительного определения, осложняет синтаксические отношения между компонентами словосочетания.

Место относительного определения в атрибутивной синтагме фиксировано. В противоположность качественным определениям, занимающим постпозицию, относительные обычно стоят перед определяемыми существительными. Твердость позиции определений в кабардино-черкесском языке обусловлена особенностями строя самого языка. Так, в отличие от флективных языков, в которых компоненты атрибутивного словосочетания оформлены, морфологические признаки определения в кабардино-черкесском выражены слабо. И потому средством разграничения определения и определяемого часто служит только порядок слов в словосочетании. Например: *псы щхъэл* – «водяная мельница (букв.: вода мельница)»; *щхъэлыпс* – «мельничная вода (букв.: мельница вода)» (слитное написание словосочетания *щхъэлыпс* и редукция безударного гласного *ы* связаны с внутриязыковыми закономерностями), *дыщэдзэ* – «золотой зуб (букв.: золото зуб)», *дзэ дыщэ* – «зубное золото (букв.: зуб золото)», *дыжъын уанэ* – «посеребренное (инкрустированное серебром) седло (букв.: серебро седло)», *уанэ дыжъын* – «седельное серебро (букв.: седло серебро)».

В зависимости от выражаемых оттенков значения относительные определения можно дифференцировать с выделением следующих групп или разновидностей: притяжательно-относительные, предметно-относительные, указательно-относительные, количественно-относительные, глагольно-относительные и причастно-относительные определения.

Синтаксическую позицию относительного определения в языке занимают относительные прилагательные, имена существительные, различные разряды числительных и местоимений, неопределенная форма глагола (редко – чистая основа глагола), причастия. Определяемый предмет нередко характеризуется распространенными определениями, функцию которых выполняют различные синтаксические конструкции и обороты.

3.9.4. Притяжательно-относительные определения

Притяжательно-относительные определения в кабардино-черкесском языке представлены различными частями речи и обозначают:

1. Личную принадлежность: *Си хэкум сыхуоусэр* (Клу. Б.) – «О моей родине (я) слагаю стихи»; *Уи джанэр мафIэм щхъэ пэрыбдза?* (Къ. Хь.) – «Почему ты бросил в огонь свою сорочку?»

2. Групповую, семейную принадлежность: *ТхыпцIэхэ я пцIантIэр дэкIыгъуэ кIыхъщ* (Къ. Хь.) – «Двор Тхипцевых длинный»; *Къэбанхэ я цIалэм жэщыбгым деж шы щыщ макъ къызэхихащ* (Къ. Хь.) – «Сын Кабановых в полночь услышал ржание коня.

3. Родовую, племенную, национальную принадлежность: *Локъан и адэр Фарс, Чехрак пситIым я зэхуакум щыпсэу мэхъуэщ лъэпкъым къыхэкIат* (Кл. Т.) – «Отец Локана был выходцем из племени махош, жившего в междуречье Фарса и Чехрака (букв.: Отец Локана был выходцем из жившего в междуречье Фарса и Чехрака племени махош)»; *Адыгэ уэрэдхэр, псом хуэмыдэу Къэмэт жиIэ уэрэдыжхэр, Василь тэмэму къыгурыIуэртэкъым* (Кл. Т.) – «Адыгские песни, особенно старинные песни, которые исполнял Каймет, не были понятны Василию (букв.: Адыгские песни, особенно исполняемые Кайметом старинные песни не были понятны Василию)».

4. Территориальную, общественную, государственную принадлежность: *Къэбэрдейм и губгъуэр гъавэм цIигъэнащ* (Щ. А.) – «На полях Кабарды – изобилие урожая»; *Балъкъэрым и къурихэр Iэщым яуфэбгъуащ* (Щ. А.) – «В горах Балкарии пасутся

тучные стада»; *Маим и клэм колхоз Ізшыр гъэмахуэ хъуналэхэм яхуаш* (Л. гъу.) – «В конце мая колхозный скот перегнали на летние пастбища».

5. Целое, частью которого является определяемое существительное: *Унэ блынхэр тхыпхъэщІыпхъэу алэрыбгъукІэ яхуэнащ* (Щ. А.) – «Стены дома разукрасили цветастыми коврами»; *Ер вы бжсакъуэм къокІ* (Пс.) – «Беда может исходить из рога быка».

6. Источник определяемого предмета: *БжыыхъэкІэ дыгъэм и бзий махэхэр гуапэу Іэпкълъэпкъым йоубзэ* (Л. гъу.) – «Слабые лучи осеннего солнца нежно ласкают тело»; *Сэ си псэм фІэфІщ мы псым и дауцри, мы псыхъуэм къыдиху акъужьым и Іуэлъауэри, удз пхъашэм и Іуцацэ макъри* (Къ. С.) – «Я безмерно рад шуму этой воды, шорохам вырывающегося из ущелья ветра, шепоту трав».

7. Характеризуют предмет по месту обитания, нахождения: *Губгъуэ тхъэрыкъуэм Іуэху зекІуэр зэхимыщІыкІыурэ мэезжэ* (Щ. А.) – «Степная голубка волнуется (букв.; бегаёт), не понимая происходящего»; *Бгыщхъэ псынэр тхъэрыкъуэф Іув лъагэхэм щІахъумэрт* – «Высокие густые лопухи укрывали горный родник».

8. Характеризуют предмет по назначению: *А тыкуэнышхуэм зэрыжъыщІэ машинэ, лъэгу лэч хуэдэхэр куэдрэ щацэр* (Л. гъу.) – «В том большом магазине часто продаются стиральные машины, половая краска и другие подобные товары»; *Складым нобэ машинэ дагъэ тоннитІ къашаш* – «Сегодня на склад завезли две тонны машинного масла».

Кроме того, компоненты притяжательного словосочетания могут обозначать:

9. Определяемое – предмет, явление; определение – понятие времени (года, суток и т.д.), к которому относится предмет: *Пцэдейрей ныбгъуэ нэхрэ нобэрей бзу* (Пс.) – «Сегодняшний воробей лучше завтрашней перепелки»; *ЩІымахуэ жэщыр гум хыхъэу щІыІэщ* – «Зимняя ночь очень холодная».

Притяжательные атрибутивные словосочетания, выраженные иза-фетной конструкцией, предполагают прямой, правильный порядок слов. Но большой мастер кабардинского стихосложения Б. И. Куашев сумел построить подобные притяжательные словосочетания в инверсивной форме. Например: *И толъкъуным губжъа бэшхуэм Ахэр щІилъэфаш* (КІу. Б.) – «Волна раз-гневанных широких масс затопила их». Инверсивное *И толъкъуным губжъа бэшхуэм* приведено вместо *Губжъа бэшхуэм и толъкъуным*. *Граммфон къутауэ, и бээр пиудащ Аслъэн* (КІу. Б.) – «Речь Аслана осеклась (прервалась), словно сломанный граммофон». Правильный порядок слов: *Аслъэн и бээр, граммофон къутауэ, пиудащ*.

В оформленных притяжательных словосочетаниях типа *стІолым и / лъакъуэр* – «ножка стола (букв.: стола его ножка)»; *шыуаным и / къур* – «ручка котла (букв.: котла его ручка)» стержневым, определяемым словом правильное считать не *и лъакъуэр* – «его ножка» или *и къур* – «его ручка», а *лъакъуэр* – «ножка» или *къур* – «ручка», которые являются определяемой частью целого, ровно также, как стержневым словом неформальной конструкции с той же семантикой является чистое имя: *стІол лъакъуэ* – «ножка стола (букв.: стола ножка)»; *шыуан-ы-къуэ* – «ручка котла (букв.: котла ручка)».

Способность несамостоятельных местоимений *си, ди, уи, фи, и, я*, употребляться в предложении только в сочетании с соотносительными словами (в большинстве случаев это существительные) породила мнение, по которому элементы *си, ди, уи...* не могут якобы выполнять функций определения, так как они являются всего лишь префиксами. Между тем характерной особенностью притяжательных префиксов является то, что они, как и самостоятельные притяжательные местоимения, имеют при себе управляемое слово в эргативном падеже, например: *бжэндэхъухэм я уэрэдхэр* – «песни скворцов»; *сэ си тхылъыр* – «моя книга». При отсутствии морфа *йы* зависимое слово не оформляется окончанием *-м*. Ср.: *лЫжъым и башыр* – «палка старика», и *лЫжъ башыр* – «стариковская палка». Эта особенность дает основание считать *си, ди, уи, фи, и, я* не префиксами, а словами, несамостоятельными местоимениями, выполняющими функцию определения. Они связаны с определяемыми словами способом примыкания: *си уадэр* – «мой молоток»; *ди лъахэр* – «наш край». Сравн.: *пхъэ уадэр* – «деревянный молоток (букв.: дерево молоток)»; *адыгэ лъахэр* «край адыгов (букв.: адыги край)».

Относить притяжательные местоимения к разряду аффиксов только потому, что они самостоятельно не употребляются в предложении, представляется неправомерным и по другой причине: в адыгских языках существует целая группа слов, объединенных в отдельную категорию как несамостоятельные части речи. Это союзы, частицы, послелог и

междометия. Тот факт, что эти элементы (назовем так условно), входящие в состав несамостоятельных частей речи, являются словами, а не аффиксами, не вызывает сомнения. Более того, элементы **си, уи, ди, фи...** могут синтаксически сочетаться со словами, не имеющими лексико-грамматического значения – послелогоми, неся при этом нагрузку главного, стержневого компонента в таком словосочетании: *Мысост шы, мэл, кѳинэмыщІ кѳихурти, быданІэм кѳаклуэрт. Кѳэклуэху кѳэси си деж кѳеблагѳэрт* (Кѳ. Хѳ.) – «Мысост пригонял в крепость лошадей, овец и другую живность. И в каждый свой приезд останавливался у меня». Сравн.: *Кѳэклуэху кѳэси кѳэзакѳым деж кѳеблагѳэрт* – «И в каждый свой приезд останавливался у казака» *Лыклуэр Жанхѳэрт деж кѳеклуалѳери кѳызытеклухѳар жулащ* (Кѳ. Хѳ.) – «Посланник приехал к Жанхоту и поведал о причине своего приезда». Сравн.: *Лыклуэр фи деж кѳеклуалѳери кѳызытеклухѳар жулащ* – «Посланник приехал к вам и поведал о причине своего приезда». *Уи нэмыщІ ар зыхузѳлѳкын цылѳкѳым* (Кѳ.Хѳ.) – «Кроме тебя с этим никто не справится». Сравн.: *Мамсыр нэмыщІ ар зыхузѳлѳкын цылѳкѳым* – «Кроме Мамсира с этим никто не справится». Аналогичными являются сочетания **си щхѳэкІэ, уи плѳкІэ** и др.: *Си плѳкІэ уэ лажѳэ* – «Поработай ты вместо меня».

Что касается особенностей структурного состава словосочетаний изафетной конструкции, то следует различать, когда препозитивное существительное (местоимение) в них является составной частью такого словосочетания и когда оно не входит в состав атрибутивной синтагмы. В предложении *Лыжѳым и башыр кѳутащ* – «Палка старика (букв.: старика его палка) сломалась» *Лыжѳым и башыр* является цельным трехкомпонентным атрибутивным словосочетанием, препозитивное существительное *Лыжѳ* в котором связано с несамостоятельным местоимением *и* двойной синтаксической связью: согласованием, при котором притяжательное местоимение *и* согласуется с существительным *Лыжѳ* в третьем лице и единственном числе, и управлением, при котором притяжательное местоимение *и* управляет существительным *Лыжѳ*, предписывая ему форму эргативного падежа (*Лыжѳы-м*). Помимо этого, притяжательное местоимение *и* связано с определяемым *башыр* способом примыкания. В предложении *Лыжѳым и башыр кѳищтѳэжащ* сочетание *Лыжѳым и башыр* формально ничем не отличается от словосочетания *Лыжѳым и башыр* в первом предложении. Однако в предложении *Лыжѳым и башыр кѳищтѳэжащ* – «Старик взял свою палку» существительное *Лыжѳ* – «старик» не связано с местоимением *и* и не входит в состав атрибутивной синтагмы *и башыр*. Оно является подлежащим, оформленным формантом эргативного падежа в результате управления сказуемым, выраженным переходным глаголом *кѳищтѳэжащ* – «взял (сам же)». Таким образом, вычленяемое во втором предложении определительное словосочетание есть только *и башыр*, зависимый компонент *и* в котором связан со стержневым *башыр* способом примыкания.

С точки зрения строения притяжательные атрибутивные словосочетания можно разделить на три группы:

1. Оформленные словосочетания с обязательным наличием притяжательного местоимения: *Лыжѳы-м и шыр зѳеплѳыхѳ Анчокѳу* (КІ. Т.) – «Анчок рассматривает коня старика». Вместе с тем в произведениях художественной литературы наблюдаются и случаи применения неоформленных конструкций с лично-притяжательным определением: *Аслѳэныкѳуэр асыхѳэтым Джаклуэм псыныщІэу ныклѳлѳоклуэ, Лыклуэ кѳабзѳэм хуеплѳэкІыжу Жан лѳгѳунэм зѳдыщІохѳэ* (Щ. А.) – «Асланоко тотчас идет за звавшим его человеком. Оглядываясь на красивого посланника, (Они) вместе заходят в комнату Жан». Автором использована форма *Жан лѳгѳу-нэм* вместо *Жан и лѳгѳунэм* – «в комнату Жан». *А щыкѳу щауэм малѳхѳэ пѳлантІэм хѳгѳэрейуэ зыщѳебѳыж* (Щ. А.) – «Брат жены в имении зятя чувствует себя как дома». Вместо *малѳхѳэм и пѳлантІэм* использован малоупотребительный неоформленный вариант *малѳхѳэ пѳлантІэм* – «в имении зятя».

2. Притяжательные определительные словосочетания с определениями, которые могут быть как оформленными, так и неоформленными. Эта группа представлена словосочетаниями, в которых определения обозначают время действия предмета или действия над предметом; территориальную, общественную, государственную принадлежность определяемого и т. д. *ГѳущІыпсэ и кѳуажѳэр Щхѳэгуащэ пѳмыжыжѳэ*

Куэшы и Иуфэм Иуст (КІ. Т.) – «Село Гучипса расположилось неподалеку от Шхагоши на берегу Коши (букв.: Коши ее берегу)». Сравн.: *ГъэмахуэгъэззкІ зэрыхъуу, колхоз Іэщыр бгыщхъэ хъунІэхэм ягъэлэхъуащ* (Л. гъу.) – «С приближением лета колхозный скот (букв.: колхоза скот) перегнали на горные пастбища».

3. Определительные словосочетания, в которых нет и не может быть притяжательного элемента **и/я**. Для данной группы характерны словосочетания с притяжательными определениями, характеризующими предмет по назначению; по месту обитания, нахождения, расположения, указывающими на родовую, племенную, национальную принадлежность определяемого: *Абы щыгъуэ кърым хъаным и къару илгыгъуэт* (КІ. Т.) – «В ту пору крымский хан был в расцвете сил»; *Районым и хозяйствэ зыбжанэм машинэ дагъэр зэгъэзэхуауэ къыцагъэсэбпырккым* (Л. гъу.) – «В некоторых хозяйствах района машинное масло расходуется не экономно»; *Адыгэм шагъдий лъэпкъыр къэгъэхъуным гугъуехъ мащІэ тригъэкІуэдаккым* (КІ. Т.) – «Немало сил приложили адыги для выращивания породы шагди».

Неоформленные варианты изафетной конструкции в кабардино-черкесском языке употребляются часто. В препозиции они более легки, в стилистическом отношении более приемлемы и в значение понятия вносят оттенок обобщенности, порой – отвлеченности от исходного смысла.

Выражая в основном одинаковые отношения принадлежности, между оформленными и неоформленными определительными словосочетаниями наблюдается довольно тонкое различие в смысловом плане. Это различие становится более ощутимым при включении обоих словосочетаний в сравниваемые предложения: *Адыгэ-м и фацэм цІыхухэр йохъуапсэ* – «Люди восхищаются национальной формой адыга» и *Адыгэ фацэм цІыхухэр йохъуапсэ* – «Люди восхищаются адыгской национальной формой (формой адыгов)». В оформленной конструкции больше конкретности в отношении объекта, которому принадлежит определяемый предмет. В неоформленной же выражается принадлежность не к конкретному лицу, а с некоей категории лиц, объединенных в однородную группу.

3.9.5. Предметно-относительные определения

Предметно-относительные определения в кабардино-черкесском языке выражены именами существительными и указывают на:

1. Материал, из которого сделан предмет: *НалкъутналмэскІэ гъэщІэрэщІауэ дыщэ фалъэ телъыджэ гуэр щызэрахъэрт абы щыгъуэ Къры - - мым* (Къ. Хъ.) – «В то время в Крыму существовала украшенная драгоценностями некая изумительная золотая чаша»; *ГъушІ куэбжэ зилэр гъушІ мастэ щощІэр* (Пс.) – «Имеющий железные ворота нуждается в железной иголке».

2. Предмет, сделанный (который может быть сделан) из определенного материала: *чырбыш ятІэ* – «кирпичная глина» (специальная глина, из которой делают кирпичи); *дзэ дыщэ* – «зубное золото» (специальное золото, применяемое для изготовления зубов); *щхъэл мывэ* – «мельничный камень» (особая порода камня, из которого делают мельничные жернова) и т. д. *Ди щІытІэхэм мымащІуэ чырбыш ятІэ хъэлэмэт уцыхуозэр* – «В наших краях нередко встречается хорошая кирпичная глина (глина, из которой делают кирпичи)». *ГъушІ мывэр дэнэ къыщыщІахыр?* (КІ. Т.) – «Где берут железный камень (камень, содержащий в себе железо)?»

Определения со значениями «материал, из которого сделан предмет» и «предмет, который может быть сделан из определенного материала» в определительном словосочетании занимают препозицию. В подобных словосочетаниях показателями числа, падежа и категории определенности / неопределенности оформляется только определяемое: *чырбыш-# ятІэ-хэ-м* – «к кирпичным глинам (букв.: к кирпичный глинам)»; *пхъэ-# гъуэлгытІэ-хэ-мкІэ* – «деревянными кроватями (букв.: деревянный кроватями)» и т. д.

3. Протяженность в пространстве, вес, размер, площадь определяемого: *Мулид гуэдз центнер къишащ* – «Мулид привез центнер пшеницы»; *Сондэджэрым жэщ хъуху алътес арщыни дарий ІэгунІу хуэщаккым* – «Купец до вечера не сумел продать ни аршина

атласа, ни шелка с ладонь».

4. Объем определяемого предмета: *Емуз махъсымэ фалъэр зэ Изтыгъуэу ирифри и пащлэр Изгуклэ ирилъэщлэклыжащ* (М. Э.) – «Емуз залпом осушил чашу с махсымой и ладонью вытер усы»; *Гулэзхэ я куэбжэм деж махъсымэ чешхуэ щытт* (КІ. Т.) – «У ворот Гулез стояла большая бочка бузы»; *Пищэцэм ваклуэлхэм я нэхъыжьым псы фалъэ къркылы- хащ* (КІ. Т.) – «Девушка облила старшего пахаря черпаком воды».

Предметно-относительные определения, указывающие на качественную характеристику определяемого, его размер, площадь и объем, в определительном словосочетании занимают постпозицию. Они же оформляются всеми морфологическими формами.

Предметно-относительные определения подразделяются на две группы: определения оформленные и неоформленные. Оформленное определение принимает аффикс обстоятельственного падежа *-у/-уэ*, а неоформленное не имеет этого форманта: *гъушл куэбжэ* – «железные ворота» и *гъушл-у куэбжэ* – «железные ворота (букв.: ворота из железа)». Значение словосочетаний с неоформленными определениями выявляется путем простого соположения.

Имя существительное, выполняя функцию относительного определения, не перестает быть самим собой (именем существительным), не зависимо от того, оформлено оно выделительными аффиксами или не оформлено. Оно не переходит в разряд прилагательных: *Щытакъым грекхэм мелуан бжыгъэ зыхъыфу къагупсысу уз. Ящлэххэу щытауэ фимыгугъэ напалм е хъэфэ-уэ сагъыз* (КІу. Б.) – «Древние греки не могли придумать уносящую миллионы людей болезнь. Они не знали о существовании напалма или резиновой смолы (букв.: Не думайте, что они знали, что есть напалм или резиновая смола)»; *Къэзакъхэр дыжъын ахъшэм еплъащ.* – «Казакіи взглянули на серебряные монеты».

Оформление определения способствует концентрации внимания на определяемом предмете. Это достигается раздвоением единого ударения, характерного для обычного определительного словосочетания. *Къалэм къиклыжа нысэм хъэмклымлей-уэ баш плъыж дэгъуэ и тхъемадэм къыхуихъат* – «Возвратившаяся из города сноха привезла для своего свекра красивую красную трость из боярышника».

Для фольклорных произведений как выделительный элемент характерен не только аффикс *-у/-уэ*, но и *-урэ/-уэрэ*. Например: *Жыр-уэрэ си лэныстэшхуэр хъэщхъуэж хабзэу зэрызогъэшх* (А. у.) – «Стальные мои ножницы скрипят, как при грызне серых волков (букв.: (я) заставляю грызться, подобно серым волкам)»; *Абджицэ-урэ си щхъэгъубжэшхуэр Изгупклэ зэлугъэгъыр* (А. Іу.) – «Мое окно стостекольное (из ста стекол) я раскрываю ладонью».

Синтаксическая связь между компонентами атрибутивного словосочетания с оформленным предметно-относительным определением – управление. Определяемое существительное диктует зависимому компоненту форму обстоятельственного падежа.

К предметно-относительным следует относить и определения, обозначающие название профессии, специальности, рода занятий. В этой роли в кабардино-черкесском языке широко используются приложения, т. е. существительные-определения, согласованные с определяемым в падеже и категории определенности // неопределенности. Приложение может сочетаться с различными частями речи, выражающими понятие субъекта или объекта.

Если компонентами определительного словосочетания являются собственное и нарицательное имена, то в зависимости от того, что хочет подчеркнуть говорящий, каждый из них может быть как определением, так и определяемым: *Къэралбий лъыжъыр ди деж щылащ* (М. С.) – «Старик Каральби был у нас»; *Бригадир Хъэжмурат мы лъэхъэнэм жэщми махуэми губгъуэм къиклыхэртэкъым* (Л. гъу.) – «Бригадир Хажмурат в эти дни дневал и ночевал в поле». В кабардино-черкесском языке существует и другая форма сочетания приложения с соотносительным словом. Имеется в виду оформление приложения выделительным аффиксом обстоятельственного падежа *-у/-уэ*. Подобные конструкции обычно применяются в публицистике при перечислении действующих лиц с указанием их профессий: *Изыхъуэхэм зэрахыла зэхъэгъуэм жыджэру хэтащ жэмыш-у Нэгъуей Риммэ, Іэхъуэ-у Иуан Мухъэмэд, шклахъуэ-у Джэрыджэ Былэ сымэ.* (Л. гъу.) – «В соревновании животноводов активно участвовали: доярка Римма Нагоева, скотник

Мухамед Иванов и телятник Биля Гергов».

Приложение может оформляться и суффиксом множественного числа **-хэ**: *Зи агрегатхэр гъатхэ вэн-сэным псом япэ хуэзыгъэхъэзырахэм ящыщ **механизатор-хэ-у Къатинэхэ Хъэсэнбийрэ Владимиррэ*** (Л. гъу.) – «Первыми свои агрегаты к весенне-полевым работам подготовили механизаторы Хасанби и Владимир Катиновы». Суффикс множественного числа в подобных словосочетаниях является факультативным. Смысл предложения вполне понятен и без него.

3.9.6. Указательно-относительные определения

Указательно-относительные определения в языке представлены указательными, определительными и неопределенными местоимениями.

Местоименные определения характеризуют определяемый предмет с различных сторон. Так, определения, выраженные указательными местоимениями **а, мо, мы** – «тот (не видимый)», «тот (видимый)»; «этот», выражают понятие отдаленности информирующего от предмета, о котором ведет речь.

Указательные местоимения, выполняя роль определения, стабильно занимают препозицию. В связи с этим аффиксами числа, падежа и определенности оформляется только определяемое существительное: ***А Къамботы-р** щалэ бланэт* (Щ. А.) – «Тот Камбот юноша сильный (был)»; *Сэ сфлэфлу **мы** клыщы-р уэ нобэ узот* (Н.) – «Я от души предлагаю тебе эту кузню»; ***Мо къури-хэ-м** япэгъунэгъу дыдэщ хы флыцлэр* – «Черное море расположено недалеко от тех гор».

К разряду указательных следует отнести местоимения **апхуэдэ** – «такой», **мыпхуэдэ** – «подобный этому»; **мопхуэдэ** – «подобный тому», дающие оценку определяемому предмету. Эти местоимения-определения состоят из двух компонентов: указательных местоимений **а, мо, мы** в форме эргативного падежа и прилагательного **хуэдэ** – «подобный». Как и простые, двусоставные местоимения-определения в атрибутивном словосочетании занимают препозицию: ***Апхуэдэ** щалэ сэ сыхуэмей* (А. у.) – «Такой (букв.: подобный тому) парень мне не нужен»; *Ди хозяйствэм **мыпхуэдэ** гъавэ бэв куэд щлауэ кърихъэлэжакъым* (Л. гъу.) – «Такого (букв.: подобного этому) богатого урожая в нашем хозяйстве не было давно».

К разряду указательных относятся и местоимения **апхуэдиз** – «столько (сколько то невидимое)», **мопхуэдиз** – «столько (сколько то видимое)», **мыпхуэдиз** – «столько (сколько это)», занимающие в предложении синтаксическую позицию определения. Они указывают на количественную сторону определяемого предмета. ***Апхуэдиз** цлыхур пцлантлэ зэв цлы-кIум дэхуэнкъым* – «Столько людей не поместится в тесном дворике». В отличие от двух предыдущих подгрупп, определения **апхуэдиз, мопхуэдиз, мыпхуэ-диз** могут перемещаться в постпозицию. При этом определяемое оформляется аффиксом обстоятельственного падежа **-у/-уэ**: *Фермэм **былым-у мыпхуэдиз** цагъашхэр* – «На ферме столько скота».

В роли определения выступают и определительные местоимения **езы** – «сам», «сама», «само»; **псори** – «все»; **дэтхэнэ** – «каждый». Эта группа местоимений-определений в сочетании с определяемым ведет себя несколько свободнее в отношении занимаемой позиции: ***Езы комбатыр** япэ иту дээр егъэлурыщлэ* (Iу.) – «Сам комбат впереди командует (управляет) подразделением»; *Командирыр **езыр** машинэ рулым дэт* – «Командир сам сидел за рулем машины».

Выполняя одни и те же грамматические функции в препозиции и постпозиции, определение **езы** несет различную стилистическую нагрузку: препозитивное **езы** прежде всего дает оценку определяемому. С перемещением его в постпозицию и оформлением падежными формантами появляется пауза перед **езы**, и цельное одноударное словосочетание становится двухвершинным. При этом **езы**, приобретая большую самостоятельность, стремится само выполнять функции грамматического подлежащего или дополнения. Результатом такой самостоятельности определения является его способность оторваться от определяемого существительного: *Щалэм **езым** сочиненэр итхащ* – «Юноша сам написал сочинение» и *Щалэм сочиненэр **езым** итхащ* – «Юноша написал сочинение сам». В смысловом плане постпозитивное **езы** выражает понятие

«лично».

Если местоимение **езы** выделяет определяемый предмет, то местоимение **псо** – «все» обобщает определяемый компонент. **Псо** в кабардино-черкесском языке может занимать как препозицию, так и постпозицию. Это определение в постпозиции оформляется формантами именительного, эргативного, реже – послеложного падежей. Одновременно ими же оформляется и определяемое. **Псо** в препозиции предполагает конкретность, известность определяемого: **Псорц къызэхуэсахэр клубым щӀыхъащ** – «Собравшиеся все в клуб зашли».

Определительное местоимение **дэтхэнэ** – «каждый» конкретизирует определяемое существительное. Оно наиболее употребительно в препозиции, где не оформляется морфологическими показателями: **Кавказым щыпсэу дэтхэнэ лъэпкъми псэклэ зыхещӀэр Расул и усэхэм щӀэлъ хуабагъэр** (Л. гъу.) – «Каждая из национальностей, живущих на Кавказе, до глубины души воспринимает теплоту стихов Расула (букв.: Живущая на Кавказе каждая из национальностей до глубины души воспринимает теплоту стихов Расула)».

В языке реже употребляется определение **дэтхэнэ** в постпозиции. Это явление находит применение в основном в поэтической речи. В та-ких конструкциях определение оформляется падежными формантами: **Уэ уи уэсӀтхэмклэ къэгъэгъа хадэхэм я удз дэтхэнэ-м-и уи фэр идоплъ** (Щ. А.) – «Каждый цветок, из расцветших по твоим заветам садов, напоминает нам о тебе (букв.: Из расцветших по твоим заветам садов цветок каждый напоминает нам о тебе)».

Таким образом, позиция местоимений-определений в словосчетании свободнее, чем у определений, выраженных другими частями речи. Но такая свобода выбора позиции является лишь способом, посредством которого передаются тончайшие стилистические оттенки речи.

3.9.7. Определения-числительные

Назначение определений-числительных – характеризовать предмет с количественной стороны. Характеристика же различных сторон количественного признака существительного связана с наличием в языке определенных разрядов числительных: количественных, порядковых, разделительных, дробных.

Определения-числительные в кабардино-черкесском языке указывают на:

1. Количество предметов при счете: **Хым адэклэ къикӀа лъыкӀуи-тӀыр нарт Хасэм къахыхъащ** (Н.) – «Два заморских посланника пришли на совет нартов».

2. Приблизительное количество предметов, явлений: **Шорэ деж къызэхуэса щӀэпщакӀуэм хэтт Шорэ и сохъустэгъу зытӀуш** (Щ. А.) «Среди собравшихся у Шоры были два-три его соученика по медресе».

3. Неопределенное число предметов, явлений: **Нартхэ фызышэ джэгу ящӀауэ цӀыху күүд щыӀэт** (Н.) – «На свадебных торжествах нартов присутствовало много людей»; **ГъушӀыпсэ пцӀэ нэхъ зыхуащӀ лъыжъ зыбжанэ зэхуишэсри луэхур зытетыр къагуригъэлуащ** (КӀ. Т.) – «Гучипс собрал нескольких почтенных стариков и объяснил им суть дела».

4. Последовательность предметов, номер, получаемый предметами при счете: **Къэхъуа-къэщӀа щымыӀэу етӀуанэ махуэри блэкӀащ** (КӀ. Т.) – «И второй день прошел без особых происшествий»; **ХьщӀрэ езанэ мафӀэгур Москва макӀуэр** – «Шестьдесят первый поезд (поезд 61) идет на Москву».

5. Характеристику определяемых существительных через число предметов, которыми они наделены: **Амыщ и тӀыхъунӀэжъым тета мэлхэми етӀуанэ гъэм цӀынэ тӀурымӀ, щырыш кӀалъхуащ мэл къэс**. (Н.) – «Овцы, побывавшие на пастбище баранов Амиша, во втором году дали по два, по три ягненка (букв.: Побывавшие на пастбище баранов Амиша овцы во втором году дали по два, по три ягненка)».

6. Часть целого предмета: **ЩӀы хъуреишхуэм и Ӏыхъэ ханэм пшагъуэ къуэншыбэр къафӀыщыптхъащ** (Щ. А.) – «С шестой части земного шара ты сорвал туманный корсет».

Наиболее часто употребляемыми в кабардино-черкесском языке являются определенно-количественные, неопределенно-количественные и приблизительные

числительные. В определительном словосочетании эти числительные занимают абсолютную постпозицию. Исключение составляет числительное **зы** – «один», стоящее перед определяемым словом.

Определенно-количественные числительные-определения от двух до десяти включительно (к ним же относится и количественное **щэ** – «сто») связаны со своими определяемыми элементом **и**. Компоненты пишутся слитно. Такие атрибутивные словосочетания имеют строгий порядок расположения компонентов: *Мэл-и-щэ щлакъуэншэ хъуркъым* (Пс.) – «Сто овец не бывает без хромого»; *Хъэжъэражъэу шагъдиижъхэр абы I-и-пщI-клэ цубыдащ* (Щ. А.) – «Горячих коней она (коновязь) держит десятью руками»; *Куэд дэмыкIу шу-и-шы-м лыжъымрэ Анчокъурэ къабгынащ* (Кl. Т.) – «Через некоторое время три всадника расстались со стариком и Анчком».

Определенно-количественные от двух включительно и выше с определяемыми пишутся раздельно: *Сабийхэр цыгуфIыкIырт еджанIэ бжэлу-нэм щыхаса жыг тIоушIы-м* – «Дети радовались посаженным вдоль школьного двора двадцати деревьям».

Твердая постпозиция количественных числительных-определений нередко нарушается в поэтической речи. Причиной подобных нарушений является инверсивное использование словосочетаний для создания некоторых особенностей художественного образа, либо для достижения четкого ритмико-интонационного звучания стиха. Подобные атрибутивные словосочетания обычно используются в составе различных (деепричастных, сравнительных и др.) оборотов: *Шуш уэдджынэм нэх макъ жануэ лIым жиIащ «Iыхъым»* (КIу. Б.) – «Звонче трехсот колокольчиков мужчи- на сказал «Iыхъым»; *Тхух нэхъыщIэм я Iэтащхъэу ягъэкIуащ зы лыжъ.* (КIу. Б.) – «Во главе пяти-шести молодых послали старика».

Наряду с постпозитивными количественными определениями в кабардино-черкесском встречаются композиты с препозитивным расположением количественных числительных. К их числу, к примеру, относятся топонимы и композиты типа *ТIуанкI* – «Туапч», *ТIуабгъу* – «Туабгу», *ТIуансы* – «Туапсы», *ТIуакI (ТIуащIэ)* – «Дворучье» и т. п.

Сосуществование подобных полярно противоположных конструкций в адыгских языках, в языках с прочно установившимся порядком слов в атрибутивной синтагме подводит к вопросу о том, что же является первичной, исходной позицией количественного числительного-определения в определительном словосочетании. Результаты сопоставительного анализа адыгских и родственных им языков (абхазского, абазинского, убыхского и других кавказских языков) и диалектов дают веские основания предположить, что препозиция количественного определения в атрибутивном словосочетании кабардино-черкесского языка является исходной.

Неопределенно-количественные и приблизительные числительные, выражая количественное понятие, не дают, тем не менее, точного представления о числе определяемого предмета. Вместе с тем в характеристике существительного с количественной стороны приблизительные числительные более точны и конкретны, чем неопределенно-количественные. Это обусловлено наличием в составе определения понятия конкретного числа (чисел), указывающего на то, что количество определяемого находится где-то в пределах этого числа (чисел). В языке существуют следующие устойчивые формы приблизительных числительных-определений: *зы-тIу* – «один-два», *зытIуш* – «два-три» (букв.: каких-то два-три); *зыщыплI* – «каких-то три-четыре», *зытхух* – «каких-то пять-шесть», *зыхыбл* – «каких-то шесть-семь», *зыбгъушI* – «каких-то девять-десять». В приведенных приблизительных числительных от одного-двух до девяти-десяти понятие неопределенности вносится элементом **зы** – «каких-то». Параллельно с приведенным, в языке существует и другой ряд приблизительных от двух-трех и выше: *тIу-шы* – «два-три», *шы-плIы* – «три-четыре», *тху-хы* – «пять-шесть», *хы-блы* – «шесть-семь», *бгъу-пщIы* – «девять-десять». Если устойчивые конструкции первого варианта приблизительных кончаются на числах «каких-то девять-десять», то второй вариант продолжается до бесконечности. Приблизительные числительные типа *тху-хы* – «пять-шесть», *хы-блы* – «шесть-семь» и т. д. конкретнее существующих числительных с элементом **зы**.

В языке приблизительность часто достигается сочетанием количественных числительных с элементами *хуэдэ*, *хуэдиз* – «где-то», *нэблагъэ*, *нэс* – «около», *щIигъу* – «более». *ЦIыху пщыкIутху хуэдиз* – «где-то пятнадцать человек», *тетрадишI хуэдэ* – «где-

то десять тетрадей».

При сочетании компонентов **нэблагъэ**, **нэс** – «около», **щигъу** – «более» с количественными числительными последние оформляются аффиксом эргативного падежа: *А пщы пылэм теклүэдащ цыхушхъэ хыщлы-м нэблагъэ* (Ш. А.) – «Из-за этой короны погибло около шестидесяти человек»; *Гъэш ыхынлэм и бжэлупэм машинэ тлощлы-м щигъу щытт* (Л. гъу.) – «У ворот пункта по приему молока стояло более двадцати машин».

Отличительной чертой неопределенно-количественных числительных является отсутствие в составе определения конкретного числа, ориентирующего информируемого хотя бы на приблизительное число определяемого предмета.

По своему значению неопределенно-количественные числительные-определения можно разделить на три группы:

1. Определения, имеющие значение «много»: **куэд**, **лэджэ**, **къом**, **мымашлэ**, **бэ**. Например: *Махуиблклэ Нарт Хасэм Сосрыкъуэ щагъафлэ. Хъуэхъуфлэ лэджэ хуаус* (Н.) – «Семь дней чествовали Сосруко на совете нартов. Много тостов произнесли в его честь»; *лүэхугъуэфлэ мымашлэ зэфли-гъэклащ Хъэтызэ и гъащлэм кърцубыдэу* (Л. гъу.) – «Немало добрых дел совершил Хатиза на своем веку».

2. Определения, выражающие понятие «немного» – **тлэкъл**, **машлэ**: *Зэман-зэманклэрэ къыкъуэу жьы машлэм дыгъэ жьэражъэм щигъэллэ лэпкълэпкъым псэ къыхелхъэжыр* (Л. гъу.) – «Налетающий временами легкий (букв.: немного) ветерок освежает изнуренное жарой тело».

3. Определения **зыбжанэ**, **заул**, выражающие действительно неопределенное количество предметов. Они выражают понятие «несколько», «некоторое»: *Пэшым ллы зыбжанэ цлэсц* – «В комнате сидят несколько мужчин»

В роли неопределенно-количественных числительных в языке часто используются количественные **мелуан** – «миллион», **щэ** – «сто» и др. со значением «много». Например: *Махуэ къэси абы лүэхуи-щэ илэщ* – «Каждый день у него много (букв.: сто) дел».

Функцию неопределенно-количественного определения нередко выполняют существительные типа **хъушэ** «стадо» со значением «множество». Например: *Дыгуасэ фызым Псыхуабэ бэзэрым ахъшэ хъушэ щригъэклащ* – «Вчера женщина истратила кучу (букв.: множество) денег на базаре в Горячеводске». Подобные конструкции соответствуют русским: «куча забот», «море цветов» и т. д.

Со значением **зыбжанэ** – «несколько» в кабардино-черкесском языке употребляется разделительное числительное **зырыз** (букв.: по одному). При этом данное числительное наделяется аффиксом **-и**: *Нартыжъ зырыз-и абы* (Бэдынокъуэ) и *ллыгъэм ефыгъуаш* (Н.) – «Несколько нартов позавидовали его (Бадыноко) мужеству».

Приблизительно-количественные и неопределенно-количественные определения стабильно занимают постпозицию.

Если количественные числительные в атрибутивном словосочетании современного кабардино-черкесского языка прочно заняли постпозицию, то порядковые находятся на «переходном пути» к постпозиции. Данные абхазского, абазинского, убыхского и, даже, адыгейского языков подтверждают твердую позицию порядкового числительного-определения перед определяемым. Например: абх.: *а-хпатлүу абригад* – «вторая бригада»; абаз.: *Йжвежвхауа асквиш апхын йцыхъвахауа амыз цун* – «Шел последний месяц девятнадцатого года»; убых.: *агъашах тит* – «третий человек»; адыг.: *Мосэ ябгъуонэрэ классыр къиухыгъы* – «Мос окончил девятый класс».

В современном же кабардино-черкесском языке подобные определения могут стоять как перед определяемым, так и после определяемого: *Етлүанэ шур* къэгубжъытащ (КІ. Т.) – «Второй всадник не на шутку рассердился»; *Класс ешанэр* нарыхушылэ ягъэклуаш – «Третий класс (имеется в виду по счету третий, а не третьеклассники) отправлен на подборку кукурузы».

Место порядковых числительных-определений зависит от стилистической нагрузки определения, от того, что хочет подчеркнуть говорящий. Например, в предложении *Етхуанэ классыр нобэ нарыхушылэ клуаш* заключена следующая информация: «Сегодня на подборке кукурузы – пятиклассники». *Хышлрэ езанэ мафлэгур* Налшыкрэ Москварэ яку итщ – «Шестидесят первый поезд курсирует между Нальчиком и Москвой». То есть между Нальчиком и Москвой курсирует поезд 61. В этих конструкциях определение

стоит в препозиции.

Те же словосочетания, но уже с постпозитивными определениями, имеют иную семантику: *Нобэ нартыхущынэ класс етхуанэр клуащ*. Имеется в виду, что на подборке кукурузы – неопределенно пятый по порядку класс. То есть на подборке не обязательно пятиклассники. *Мафлэгу хышлрэ езанэр Москва дутлытцащ*. – В Москву было отправлено шестьдесят поездов. Сейчас отправлен по счету шестьдесят первый.

Порядковые числительные-определения, расположенные в препозиции, обозначают либо название предмета, либо номер предмета, получаемый им при счете.

Разделительные числительные-определения в кабардино-черкесском всегда стоят за определяемым и оформляются падежными формантами: *Къубатий Налжанрэ Санэрэ я дыжъын ицлы-бгырыпххэм налкъут тлурымл хигъэтысхъащ* (М. Э.) – «Кубати вделал (букв.: всадил) в серебряные пояса Налжан и Саны по два алмаза»; *Аслэмырзэ тлум я пцэгурыгъри лэ зырызклэ цубыдри хуицлы зэрицдэклащ* (Къ. Хъ.) – «Асламурза схватил обоих за шеи каждой рукой и сильно их столкнул».

Дробные числительные в кабардино-черкесском языке могут сочетаться с другими разрядами числительных подобно существительным. Сравн.: *зы ханэ* – «одна шестая» и *зы унэ* – «один дом», *пллан-и-щ-клэ* – «три четвертями» и *мылэрыс-и-щ-клэ* – «три яблоками»; *етлванэ щанэр* – «вторая треть» и *етлванэ мазэр* – «второй месяц»; *щанэ тлурымл* – «по две трети» и *кхъужь тлурымл* – «по две груши» и т.д. Дробные числительные в роли определяемого в атрибутивной синтагме занимают ту же позицию, что и определяемое существительное. В этом отношении дробные напоминают черты субстантивированных частей речи.

Вместе с тем дробные числительные могут выполнять и свою непосредственную функцию: в роли определения характеризовать количественную сторону определяемого существительного. В этом случае дробные ведут себя как обычные количественные числительные-определения. Сравн.: *хъарбыз плланэ* – «четверть арбуза» и *хъарбыз-и-плл* – «четыре арбуза»; *мылэрыс щанэр* – «треть яблока» и *мылэрыс-и-щыр* – «три яблока».

Таким образом, сочетаясь с существительными, дробные числительные выступают как определения; при сочетании же с другими числительными дробные выполняют функцию определяемых.

3.9.8. Глагольно-относительные определения

Глагольно-относительные определения в кабардино-черкесском языке представлены двумя глагольными формами: инфинитивом и чистой глагольной основой. В роли определения обе формы употребляются редко. Количественная ограниченность инфинитива-определения обусловлена тем, что оно вступает в сочетание с ограниченным количеством существительных, большинство из которых выражает понятие модальности. Это слова типа *мурад* – «цель», *жэрдэм* – «желание», *цхъэусыгъуэ* – «причина», *луэху* – «дело» и др. Как и все глагольные формы, инфинитив характеризует предмет через действие. В определительном словосочетании он всегда занимает препозицию. Со стержневым словом связан способом примыкания: *Лъостэн зэрымыкълэжын цхъэусыгъуэ еплэцлэклы кылъыхъуэрт* – «Тлостан усиленно искал причину для невозвращения (букв.: причину не возвратиться)»; *Мудар зэрыцлыкълурэ хъушлэн хъэлыр и хамэкъым* – «Мудару с детства не чужда страсть ворчать».

Определения, выраженные чистой глагольной основой, встречаются еще реже. Они представлены в основном в сочетании с существительным *макъ* – «голос», «звук», «шум». Более того, в кабардино-черкесском наблюдается тенденция перехода подобных конструкций из ряда словосочетаний в разряд композитов. Примеры: *фий макъ* – «шум свиста (букв.: свисти шум)», *гъы макъ* – «голос рыдания (букв.: рыдай голос)»; *уэ макъ* – «шум выстрела (букв.: стреляй шум)», *джэ макъ* – «голос зова (букв.: зови голос)» и т. д. Подобные комплексы часто эквивалентны существительным. Например: *фий макъ* может иметь значение не «шум свиста», а «свист», *гъы макъ* – «плач», *кълургъ макъ* – «скрежет» и т. д. *Си тхъэкълумэм макъ гуэр кылуэрт. Сэ ар гъы макъыу къысфлэцлащ* (Къ. Хъ.) – «Я едва уловил какой-то шум. Мне показалось, что это голос рыдания»; *Мы бгыжъым абы и гъы*

макзыр *щлэмычэу кьолюкл* (Къ. Хь.) – «В этих горах и поныне раздается ее плач».

Местоположение и синтаксическая связь глагольных определений с определяемым словом те же, что у определений, выраженных инфинитивом.

3.9.9. Причастно-относительные определения

Причастие, как и прилагательное, характеризует предмет, выражая его признак, и очень часто занимает, таким образом, синтаксическую позицию определения в кабардино-черкесском языке. Но, в отличие от прилагательного, причастие выражает действие, производимое самим предметом или над предметом.

Характерной особенностью причастно-относительного определения является то, что в определительном словосочетании оно может стоять как перед определяемым словом, так и после него. В языке можно выделить особую группу причастий (точнее, причастных форм-определений), занимающих в словосочетании только постпозицию. Это бессубъектные причастия-определения типа *лѡа* – «наточенный», *ва* – «вспаханный», *бгѡа* – «крытый» (камышом), *ухуэна* – «заплетенный» и т.п. *Муслѡимэтхэ я куэбжэ да лѡагэр бжыхьым куэдкѡа щхѡэпрыпѡикѡырт* – «Высокие покрашенные ворота Муслимат были намного выше забора»; *Саримэ и щхѡэц ухуэнар иджы щѡаклѡэ фѡыцѡлѡу и плѡэм телѡыжтѡкѡым* – «Заплетенные косы Саримы теперь не закрывали плечи (как) черной буркой».

Отличительной особенностью этой группы определений является то, что формально они являются причастиями, но по своим лексико-грамматическим свойствам близки к качественным прилагательным-определениям. Так, эти определения не изменяются по временам и существуют только в форме прошедшего времени. Нет в кабардино-черкесском языке выражений *унэ ухуэр* – «строемый дом», *унэ ухуэнур* – «построемый дом (в знач.: дом, который будет построен)». Существует только форма *унэ ухуар* – «построенный дом», *бжэзѡу унѡнѡлар* – «заостренный кол» и т.д. Определения этой группы обладают и другим свойством, сближающим их с качественными прилагательными. Это наличие степеней сравнения у прилагательных и возможность применения сравнительной степени у данной группы определений: *Мо сэрѡй нѡхѡ дѡуцѡлар зѡйр Сулѡтѡанц* – «Тот более высоко построенный забор принадлежит Султану»; *Хѡэсэн джыдѡ нѡхѡ лѡар кѡищтѡщ* – «Хасан взял более отточенный топор».

В эту группу входят определения, образованные от простых глагольных основ, которые являются переходными. Они характеризуют предмет, на который непосредственно распространяется (точнее, распространилось) действие.

Причастие в адыгских языках – форма глагольно-именная, обладает свойствами как глагола, так и имени. Этим обусловлено свойство причастия-определения заключать в себе как признак, так и действие. Но пассивность бессубъектных причастий в выполнении функций глагола дает основание утверждать, что в них признака больше, чем действия. Причем признака не относительного, а качественного. Таким образом, по своим лексико-семантическим свойствам бессубъектные причастия вплотную приближаются к качественным прилагательным, занимая статус отпричастных прилагательных, чем и обусловлено их (бессубъектных причастий) твердое постпозитивное положение в атрибутивной синтагме. Существует несколько условий, при которых отпричастные прилагательные могут занимать препозицию по отношению к определяемому компоненту:

1. При выделении предмета из среды однородных (однотипных) через его признак посредством логического ударения. Например: *Кѡанѡхѡдец ловко ходил по натянутой веревке*. Сравн.: *Укѡуѡдия кѡансѡр шыхѡм нѡхѡрэ нѡхѡ гугѡуу и плѡ йѡувѡж* – «Натянувшаяся веревка принимает исходную форму труднее свернутой».

2. Отпричастные прилагательные могут образовывать различные обороты: страдательный, сравнительный и т.д., в зависимости от обособленности занимая в определительном словосочетании препозицию или постпозицию.

В образовании определительного словосочетания в кабардино-черкесском языке значительную роль играют субъектные и объектные причастия. В этих типах причастий-

определений действия больше, чем признака. В зависимости от того, что хочет подчеркнуть носитель информации, они могут стоять как перед, так и после определяемого существительного. Место субъектных (за исключением одноличных причастий, образованных от непереходных глаголов) и объектных причастий вне обособленного причастного оборота и логического ударения – препозиция. Это связано с наличием у причастий данных типов показателей лица субъекта или объекта, либо того и другого, что подразумевает наличие логического субъекта или объекта, либо субъекта и объекта, сочетающихся с причастием и образующих причастный оборот: (Сэ) сызышлэтысхьа классым шлалэ хьэлэмэтхэр щоджэ – «В классе, куда я поступил, учатся хорошие ребята (букв.: В я поступившем классе учатся хорошие ребята)».

В составе субъектных причастий, образованных от одноличных непереходных глаголов, нет показателей лица как субъекта, так и объекта, что затрудняет образование причастного оборота. Эту группу субъектных причастий можно разделить на две подгруппы, условно назвав их субъектно-активными и субъектно-пассивными. Подгруппы близки друг к другу и различаются только тем, что одна выражает действие определяемого предмета как действие активное: сабий джэгүр, сабий джэгүар, сабий джэгүнүр – «ребенок играющий», «ребенок игравший», «ребенок, который будет играть».

Другая подгруппа выражает действие определяемого предмета как действие пассивное и отвечает на вопросы: Что происходит? Что произошло с предметом? Лы вэр, лы вар, лы вэнүр – «мясо варящееся», «мясо сварившееся», «мясо, которое сварится».

Эти причастия в роли определения характеризуют предмет посредством обозначения действия, совершаемого самим же предметом. Вне причастного оборота они занимают в определительном словосочетании постпозицию: Гьуэурыкүэхэм шэрхь кьутар псынцилэ дьдэу зрахъуэклац – «Путники быстро заменили сломавшееся колесо (букв.: колесо сломавшееся)»; Вы лам сэ хелү (Пс.) – «Вонзает нож в подошедшего вола (букв.: в вола подошедшего)». Исключение составляют субъектно-активные причастия, образованные от глаголов движения: күэн – «идти (куда-либо)»; жэн – «бежать (куда-либо)»; псэлэн – «разговаривать (в значении: позвонить по телефону куда-либо)» и т.д. Эти глаголы и образованные от них причастия подразумевают наличие объекта. Например: (Еджанлэм) жэ сабийр гузавэрт – «Бегущий (в школу) ребенок переживал». Таким образом, возможность сочетания причастия кроме своего определяемого и с косвенным объектом способствует образованию причастного оборота и перемещению причастия из постпозиции в препозицию.

Данная группа субъектных причастий обладает многими чертами качественного определения. Одна из них – возможность применения степени сравнения. Следует отметить, что степень сравнения приемлема не ко всем одноличным субъектным причастиям, а только к субъектно-пассивным, выражающим не столько действие, сколько состояние предмета: шхьэц нэхь тхьуар – «более седые волосы»; абдж нэхь жар – «более треснутое стекло», шэрхь нэхь пиар – «более накаченное колесо», лы нэхь жьар – «более прожаренное мясо» и т.д.

Субъектные причастия от одноличных непереходных глаголов изменяются:

а) по временам: мыл тклүар – «растаявший лед», мыл тклүр – «таящий лед», мыл тклүнүр – «лед, который растает».

б) в форме прошедшего времени могут принимать аффикс каузатива **гьэ-**: лы гьэ-жьар – «жареное мясо», шэрхь гьэ-пиар – «накаченное колесо», мафлэ гьэ-унклыфлар – «потушенный огонь» и т. д. В данном случае аффикс **гьэ-** выступает только в роли словообразовательного элемента.

Утрата каузативного значения аффиксом **гьэ-//гья-** имеет место, как правило, в тех случаях, когда действие побуждаемого лица представлено как действие пассивное.

в) могут сочетаться с наречиями времени и образовать причастный оборот: Пцэдей ежьэну гупыр хьэзырц – «Группа, которая отправляется завтра, готова (букв.: Завтра отправляющаяся группа готова)».

Следующая группа причастий, выступающая в роли определения, – обстоятельственные причастия. Они указывают на место, время, причину, цель осуществления действия, заключенного в причастии. Обстоятельственные причастия содержат в своем составе частицы, указывающие на наличие слова или группы слов, обозначающих где, когда, каким образом, почему происходит, произошло или произойдет

заклученное в причастии действие. Эти слова есть определяемые существительные. Подобные конструкции на русский язык переводятся только в форме придаточного предложения: *здэкIуа къуажэр* – «село, куда (он) пошел», *сыщIэкIуа Iуэхур* – «дело, по которому (я) пошел», *ущыкIуа зэманыр* – «время, в которое (ты) пошел» и т. д.

Обстоятельственные причастия, подобно объектным и субъектным, включают в себя и личные аффиксы: аффиксы субъекта или объекта, либо субъекта и объекта. Это подразумевает наличие самих субъектов и объектов, сочетаясь с которыми обстоятельственные причастия образуют причастный оборот. В связи с этим, вне зависимости от фактического наличия в предложении субъекта или объекта, либо субъекта и объекта, в определительном словосочетании обстоятельственные причастия занимают препозицию. *Дэ (Хъэсэн) зыдэс къуажэм дыкIуаш* – «Мы поехали в село, где живет (Хасан) (букв.: Мы поехали в где живет (Хасан) село)».

В атрибутивном словосочетании кабардино-черкесского языка препозицию занимают и причастия-определения от глаголов, образованных с помощью различных деривационных аффиксов. Это могут быть аффиксы, обозначающие:

а) направление: **къэ-, къа-, кы-, кь-, нэ-, на-, ны-**: (*унэм*) *ны-щIыхъа гъунэгъур* – «(в дом) зашедший сосед»; (*письмор*) *къэ-зытхъа щIалэр* – «(письмо) написавший юноша»;

б) место: **бгъуры-, гуэ-, те-, дэ-** и т.д.: (*пхъуантэм*) *дэ-лэ джанэр* – «(в сундуке) лежащая сорочка», (*шыгъхум*) *бгъэдэ-с Iыр* – «(с кучером) рядом сидящий мужчина», (*мэзым*) *хэ-т мейр* – «(в лесу) стоящая яблоня» и т. д.;

в) союзность: **дэ-, ды-, д-**: (*Iыжъым*) *дэ-псэу къуэр* – «(со стариком) живущий сын», (*горохым*) *ды-хэса зэнтхъыр* – «(с горохом) посеянный овес», (*дэлъхум*) *дэ-лажъэ шыпхъур* – «(с братом) работающая сестра».

Препозитивность подобных причастий-определений обусловлена структурой самих причастий, в состав которых входят перечисленные префиксы, требующие наличия в предложении соотносительных слов. Существование в контексте слов, с которыми причастия активно вступают в синтаксическую связь и образуют причастный оборот, требует препозитивного местоположения причастия-определения в определительном словосочетании.

Таким образом, в кабардино-черкесском языке можно выделить типы причастий, всегда занимающих препозицию. Это: а) любое причастие, входящее в состав необособленного причастного оборота; б) причастия вне причастного оборота, но имеющие в своем составе аффиксы, указывающие на субъект действия, объект действия, место, время, направление, союзность, причину, цель, средство произведения действия; в) субъектные причастия, образованные от одноличных непереходных глаголов движения; г) причастия, занимающие препозицию под воздействием логического ударения.

3.9.10. Распространенное определение

Определение в составе простой атрибутивной синтагмы дает лишь минимальную характеристику определяемому предмету или явлению. Охарактеризовать определяемое полнее, конкретизировать его способно только сложное определительное словосочетание, функцию зависимого компонента в которых выполняют неоднородные и распространенные определения. Последние в языке представлены главным образом в двух видах: глагольными формами с соотносительными словами (причастным, деепричастным, инфинитивным оборотами) и именами (прилагательными и существительными) с соотносительными словами.

Из всех сложных атрибутивных словосочетаний с распространенным определением наиболее простыми в структурном отношении являются словосочетания с одним препозитивным причастным оборотом: *Мэкъуауэ къикIыжа Iымы псынщIэу зитхъэщIри хъэщIэщымкIэ игъэзащ* – «Из сенокоса вернувшийся мужчина быстро умылся и направился в кунацкую». Причастный оборот-определение *мэкъуауэ къикIыжа*, состоящий из причастия *къикIыжа* и связанного с ним слова *мэкъуауэ*, стоит перед определяемым *Iымы*. Показатель эргативного падежа **-м**, оформляющий определяемое *Iымы*, является общим и для определения и для определяемого.

Предложение с обособленным причастным оборотом в живой разговорной речи применяется реже. В кабардино-черкесском языке такая структура предложения возникла под влиянием строения подобных предложений в русском языке. Она преимущественно используется в научной, переводной, публицистической, реже – в художественной литературе.

Обособленный причастный оборот-определение в атрибутивном словосочетании занимает постпозицию. При этом определяемое существительное и причастный оборот-определение, как правило, оформляются падежными аффиксами: *Альпинистхэ-м, махуицлклэ кзуршым итахэ-м, езшахэрэ жей хуэлэхэу лагерым кзагъэзэжащ* – «Альпинисты, находившиеся десять дней в горах, вернулись в лагерь уставшими». В подобных синтаксических конструкциях наблюдается согласование определяющего компонента с определяемым в числе, падеже и склонении.

В поэтической речи встречается и инверсированный вариант данного типа сочетаний: *Хеулкклэ фи лэ кыхь илахэр* *Культурэм и лзыр зыгъэдийщ*. (Клу. Б.) – «Ваши длинные руки, обогранные кровью невинных, убивают культуру (букв.: Кровью невинных ваши длинные руки обогранные Культуры душу леденящие есть)».

В приведенном примере словосочетание *фи лэ кыхь* «ваши руки длинные» разорвало причастный оборот *хеулкклэ илахэр*, расположившись внутри него.

В языке наблюдаются случаи вынужденного нарушения прямого порядка слов и перемещения причастного оборота в постпозицию. Это осуществляется или должно осуществляться для предотвращения порою возникающих в речи или тексте кривотолков. Например, при переводе романа М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» в предложении *Кзуэ лзащлэм кзылуклащ хуэдицклэ джэрпэдджэжым нэх ин ицла* *Кзуани и макзыр* переводчик расположил компоненты сложного определительного словосочетания по принципу прямого порядка слов и вместо ожидаемого «Со dna балки донесся голос Куанча, трижды усиленный эхом» получилось предложение со значением: «Со dna балки раздался голос трижды усиленного эхом Куанча». Для сохранения исходного значения предложения следовало переместить причастный оборот-определение в постпозицию, обособив и оформив его соответствующими аффиксами: *Кзуэ лзащлэм кзылуклащ Кзуани и макзыр, хуэдицклэ джэрпэдджэжым нэх ин ицлар*.

Сложнее обстоит дело со сходными атрибутивными словосочетаниями более сложных конструкций. По своему грамматическому составу эту группу словосочетаний можно разделить на две подгруппы: сложные определительные словосочетания а) с несколькими однородными причастными оборотами-определениями; б) с распространенными определениями, выраженными именами с соотносительными словами.

В зависимости от выполняемой стилистической функции определения первой подгруппы могут располагаться:

1. В препозиции: *Хэкум и дамыгъэ лзанлэхэм зи бгъэр зэцлабла, Къэбэрдей-Балъкъэрым и заслуженнэ лзыхъуэ цлэр зыфлаща, республикэм флы дыдэу цацыху* *Кзумыкзу Бэдэ гъащлэ хъэлэмэт, гъащлэ дахэ кзыгъэщлащ* (Л. гзу.) – «Бада Кумыков, на чьей груди сияют правительственные награды, кому было присвоено высокое звание заслуженного животновода Кабардино-Балкарии, которого хорошо знают в республике, прожил интересную, красивую жизнь». Это сложное определительное словосочетание с тремя препозитивными однородными причастными оборотами, определяющими главный компонент *Кзумыкзу Бэдэ* «Бада Кумыков». Однородные определения не оформлены падежными аффиксами, друг от друга отделены запятыми.

Сурэтым кзыплът вагзуэ плзыжъ кзуанитхур зытеда пылэр еклуу зыцхъэрыгъ щлалэ нафлэгуфлэр (Л. гзу.) – «Из снимка смотрел юноша, который был в шлеме, на котором была вышита красная пятиконечная звезда». Зависимый компонент сложного определительного словосочетания *вагзуэ плзыжъ кзуанитхур зытеда пылэр еклуу зыцхъэрыгъ щлалэ(р)* выражен препозитивным причастным оборотом, распадающимся на два неоднородных причастных оборота:

а) *вагзуэ плзыжъ кзуанитхур зытеда (пылэр)*

б) *пылэр еклуу зыцхъэрыгъ (щлалэ(р)).*

Определяемым элементом первого причастного оборота является существительное *пылэ* «шлем», которое в свою очередь входит в состав второго причастного оборота,

определяющего существительное *цлалэ(р)* «юноша». Таким образом, связь нескольких неоднородных причастных оборотов-определений с определяемым существительным не параллельная, а последовательная. Место каждого причастного оборота-определения строго фиксировано. Упрочению позиции подобных определений в сложном определительном словосочетании способствует и то обстоятельство, что в составе нескольких неоднородных причастных оборотов-определений каждый последующий причастный оборот имеет общее с предыдущим оборотом слово, которое по отношению к впереди стоящему обороту является определяемым, а по отношению к последующему обороту – соотносительным словом причастия. В нашем примере таким словом является *нылэ* «шлем».

2. Определения, выраженные несколькими как однородными, так и неоднородными причастными оборотами, могут располагаться в постпозиции: *Изыхуэ пашэхэр, Конституцэцлэр кыцацта махуэм и цыхьклэ Налшык цеклуэклыну гуфлэгхуэ зэлуцлэм хэтыну нышэдибэ клуахэр, пыхьэцхьэхуеггээзкл хуауэ кэсыжахэц* – «Передовые животноводы, уехавшие утром в Нальчик для участия на торжественном заседании, посвященном Дню Конституции, вернулись».

3. В языке широкое применение находят сложные атрибутивные словосочетания с несколькими однородными причастными оборотами-определениями, в которых определяемое слово расположено между определениями. *Езы Джырэндыхуэ и лэклэ итха расписанэм, сурэтыр зыфлэлэ блыным елулам, ипкэ итклэ сыкээтэджырт, школым сыклуэрт, унэм сыщеджэрт* (Т. Хь.) – «Согласно самим Герандуко составленному расписанию, висящему на стене рядом с часами, я вставал, ходил в школу, занимался дома».

Подобные конструкции в предложениях могут еще более усложняться. Это происходит в тех случаях, когда между однородными причастными оборотами располагается не только определяемое подлежащее или дополнение, но и сказуемое: *Сатин плыжыым кыхэцлыкла бостей цыгэт, удз гэгэа сурэтхэмклэ гэгэцлэрэцлауэ* – «Из красного сатина платье было на ней, украшенное пестрыми цветами».

Такая конструкция словосочетания с двумя однородными причастными оборотами сконструирована по принципу построения словосочетания с обстоятельством образа действия. Но, в отличие от последнего, постпозитивный причастный оборот здесь относится не к сказуемому, а к определяемому объекту *бостей* «платье».

Причина подобного построения словосочетания – внесение в значение предложения различных стилистических оттенков. В данном случае – подчеркивание расцветки платья.

В произведениях устного народного поэтического творчества и художественной литературы встречаются сложные определительные словосочетания с определением, являющимся по содержанию причастным оборотом, по форме – деепричастным оборотом: *Къемэт кылгэгхуац и бгэм дамыггэ хэу, зэцлэлыдэу фацэ зэпэц цыггыу, и цхьэ цыклум ферс цхьэрыггыу лы кыхь гуэр* (К. Т.) – «Каймет увидел некоего высокого мужчину, на груди которого сверкало много наград, одетого в блестящий наряд и маленькая голова которого была прикрыта ферсом».

Аффикс *-у, -уэ*, встречающийся в подобных конструкциях, наряду со своей обычной выделительной функцией может выполнять и другие функции, например, функцию противительного союза *ауэ* «но», частиц *хуэдэу, ещхьу* «подобный» и т.д. Присоединяясь к определениям, он «укорачивает» состав определительного словосочетания. Сравн.: *Тхьэлухуд-у мы ди шыхху дахэхэм – Тхьэлухудым хуэдэу мы ди шыхху дахэхэм*. Вместе с тем здесь происходит неполнозначная замена одного элемента другим. В смысл предложения вносится не значение сравнения с чем-либо, а значение обладания предметом качествами того предмета, с которым сравнивают: *Тхьэлухудым хуэдэу мы ди шыхху дахэхэм* – «Наши красивые сестры, подобные феям» – *Тхьэлухуд-у мы ди шыхху дахэхэм* – «Наши красивые сестры, которые являются феями». Более того, элемент *-у, -уэ*, может настолько сблизить черты определяемого и сравниваемого с ним предмета, что в этих двух предметах может подразумеваться одно и то же лицо: *Зи цхьэр ямыцыху-у зи лыггэр яцыхуа гусэншэ шу-уэ нарт усэр зыхуэфацэ лыххужыыр кэсри, хабзэри бацэу и нэлурыту, нарт зэхэтхэм кэащыхыхэм, Лэбыцэжсый кыщылгэтри еубзэрабзэу*,

бзэ ІэфІкІэ епсалъэу бгъэдэлъэдащ (Н.) – «Когда к нартам учтиво подъехал витязь, кого (которого) в лицо не знают, но знают по отваге как одинокого всадника, заслуживающего воспевания в нартских стихах, к нему навстречу поднялся Тлабицежей».

Здесь наглядно видны обе дополнительные функции элемента **-у/-уэ**.

1. Функция союза «но»: *зи щхъэр ямыцІыху-у зи лыгъэр яцІыхуа* «кого в лицо не знают, но знают по отваге».

2. Функция максимального сближения сравниваемых предметов: *гъусэнишэ шу-уэ лыхъужьыр* «одиноким всадником (являющийся) витязь».

Этот пример представляет определенный интерес и в структурном отношении: главным компонентом в словосочетании является существительное *лыхъужь(ыр)* «витязь», характеризующее сложным определением, состоящим из трех причастных оборотов:

I а) *зи щхъэр ямыцІыхуу* *гъусэнишэ шу + уэ*

б) *зи лыгъэр яцІыхуа* *лыхъужьыр*

II а) *нарт усэр зыхуэфашэ*

Формально два первых причастных оборота определяют существительное *шу* (*гъусэнишэ шу*) «одинокий всадник». Но присоединение к этому существительному элемента **-уэ** приводит, во-первых, к максимальному сближению понятий *шу* «всадник» и *лыхъужь* «витязь» вплоть до образования единого понятия. Во-вторых, к присоединению всей первой группы (двух определений и определяемого) ко второй группе *нарт усэр зыхуэфашэ* «заслуживающий воспевания в нартских стихах» и образованию единого сложного (распространенного) определения, обозначающего внутренние качества определяемого существительного *лыхъужьыр* «витязь».

Это, пожалуй, самый сложный из всех видов атрибутивных словосочетаний с распространенным определением.

Синтаксическую позицию распространенного определения в кабардино-черкесском языке может занимать обособленный либо необособленный деепричастный оборот, занимая в зависимости от этого постпозицию или препозицию: *Сэ сыхуейщ джатэ, мыкІыхъу, мыкІэщІу, бий жсыжъэр къыщышынэу, бий гъунэгъур хигъащІэу* (Н.) – «Мне нужен меч не длинный, не короткий, поражающий близкого врага, (меч), которого боится далекий враг».

Распространенное определение в языке может быть выражено инфинитивным оборотом: *Иджы, си щІалэ, уэ уи пцэ къыдохуэр унагъуэр зыхуэныкъуэ псомкІу къызэгъэпэщын, Іэщыр зыхуей хуэгъэзэн, а псом и щІылужкІу школым фІыуэ щеджэн къалэнхэр* – «Теперь, сынок, перед тобой стоит задача обеспечить семью всем необходимым, присматривать за скотиной и, в довершение ко всему, хорошо учиться в школе».

Распространенные определения, выраженные именами (прилагательными и существительными) с соотносительными словами, лишены той свободы выбора места в определительном словосочетании, которой обладают распространенные определения от глагольных форм. Здесь, например, полностью исключается вариант одновременного определения главного компонента и с препозиции и с постпозиции.

В языке встречаются пять основных типов распространенных определений, выраженных именами с соотносительными словами.

1. Распространенное определение, выраженное адъективным оборотом. Прилагательное, входящее в состав определения, оформлено аффиксом обстоятельственного падежа. Адъективный оборот-определение может занимать: а) препозицию: *Янэ дыдэ ит фитоным къазым хуэдэу хужьу пцІэгъуалищ щІэщІащ* (Ад. т.) – «Впереди идущий фаэтон запряжен тремя светлыми, как лебедь, лошадьми».

б) постпозицию: *Заур цІыклум гугъэ илэт, уафэм нэхърэ нэхъ лъагэу, хышхуэм нэхърэ нэхъ бгъуфІэу* – «У маленького Заура была мечта, выше чем небо, шире, чем океан».

2. Распространенное определение выражается субстантивным оборотом. Это определение, в состав которого входит существительное в обстоятельном падеже: *«Дауэ сицІэ симысрэт? – къызэрыкІырт КІуизэ, – Махуищ хъуакъым гуэгъуш хуэдиз и унагъыу си джэдыр къызэриукІрэ»*. «Как-бы не так, – расходилась Кузиза, – не прошло и трех дней, как (она) убила мою курицу величиной с индюка».

3. В роли распространенного определения нередко выступает распространенное приложение:

а) препозитивное: *Ещанэрей гъэш фермэм и у афэщ! Жэмышхуэ Тобий къэпсэлъаплэм кыщыхэм, зэлущэр щеклуэк! пэшышхуэр зэуэ щэху хъуаш* – «Когда заведующий третьей молочно-товарной фермой Тоби Жемухов подошел к трибуне, зал, где проходило заседание, замер».

б) постпозитивное: *Шыуэ зытесри – адыгэш лъэпкъыр – езыхэр зэрыхуейм хуэщлауэ, мыныщэу ик!и мыц!ык!уэу, гъуэуанэ хъэлгэр игъэк!уэщ!ыфу, лъапщэрхьклэ ипщэ игъэувын щымылэу щытащ* (К. Т.) – «Его конь – конь кабардинской породы – вполне соответствовал требованиям ездока: не очень крупный и не маленький, в пути неприхотливый, не уступающий в выносливости никому».

4. Функцию распространенного определения может выполнять прилагательное с соотносительным словом: В составе сложного определительного словосочетания это определение может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции: *Щ!эныгъэм хуэнэхъуейншэ щ!алэм къуажэ школыр ф!ы дыдэу къуухри егъэджак!уэ цагъэхъэзыр институтым щ!эт!ысхъащ* – «Жадный до знаний юноша успешно окончил сельскую школу и поступил в пединститут». *Ди гъунэгъур, мэкъу еуэнклэ лэк!уэлъак!уэр, зыдэщтэри жыуэ мэкъуплэм сык!уаш* – «Я взял с собой соседа, умелого косаря, и рано ушел на сенокос».

5. Существительное и прилагательное-определения могут быть распространены частицей *хъужауэ* «подобный», «являющийся» (имеющий качество, выражаемое прилагательным). Распространенное таким образом определение способно располагаться как впереди определяемого существительного, так и после него: *Гущхэм дэст пелуаныплэ хъужауэ шыгуху п!ащэ гуэр* (К. Т.) – «На облучке сидел какой-то рослый широкоплечий (букв.: с плечами силача) кучер». *Пщ!эм шабий гъуэжъ, щабэ хъужауэ, щ!элгт* (А. Т.) – «В шалаше находилось мягкое золотистое сено».

3.10. Обстоятельства

Обстоятельства относятся ко второстепенным членам предложения. Они характеризуют, поясняют сказуемое, обозначая условия, при которых происходит действие и которые сопутствуют действию. В семантическом плане значения обстоятельств в современном кабардино-черкесском языке столь разнообразны, и эти разнообразия в первую очередь связаны с лексическими значениями слов, которыми выражен данный член предложения, что при их классификации обычно выделяются лишь основные, наиболее употребительные виды. Исходя из этого в кабардино-черкесском можно выделить шесть основных типов обстоятельств: обстоятельства с локальным значением, обстоятельства с темпоральным значением, обстоятельства со значениями образа действия, меры и степени, причины, цели. Условие и уступительность выражаются не отдельными членами предложения, а придаточными предложениями. Обстоятельство, как член предложения, синтаксически тесно связанный со сказуемым, нередко имеет свое морфологическое обозначение в составе последнего: *Анэр пэшым щ!э-сш* – «Мать сидит в комнате»; *Мыщэр мэзым щ-опсэу* – «Медведь живет в лесу».

В отличие от определения, имеющего четко фиксированное место в составе атрибутивной синтагмы, позиция обстоятельства по отношению к стержневому слову свободна: *Сосрык!уэ жъэгум дэст, дэным ириджэгуу* (Н.) – «Сосруко сидел у очага, играя угольками» и *Дэным ириджэгуу Сосрык!уэ жъэгум дэст* – «Играя угольками, Сосруко сидел у очага». Но такая относительная самостоятельность обстоятельства в выборе позиции предопределена двумя факторами: во-первых, оно может относиться не только к отдельному члену предложения – сказуемому, но и ко всему предложению в целом. Во-вторых, препозитивное или постпозитивное употребление обстоятельства зависит от эмоционально-стилистической окрашенности предложения, т. е. от цели, преследуемой информирующим в плане стилистическом.

Синтаксическую позицию обстоятельства занимают различные части речи. Основную нагрузку в этом отношении несут обстоятельственные наречия, деепричастие и деепричастный оборот. Вместе с тем нередки случаи выполнения функций

обстоятельств именами существительными, прилагательными, местоимениями с послелогоми и без них. В роли обстоятельств часто выступают причастный оборот и отдельные словосочетания.

Основной способ синтаксической связи обстоятельства с другими членами предложения (в особенности со сказуемым) – примыкание: *Фэризэт гүанэу кьыдэплъеяц* (Къу. С.) – «Фаризат нежно посмотрела вверх на нас»; *Күэдрэ егупсысац Ерстэм абы* (КІ. Т.) – «Долго думал Ерستم над этим».

Вместе с тем нередко случаи управления обстоятельства сказуемым: *Шур лъэмыжым икІри Тэтэртуп лъапэ-мкІэ ирүлүнмІэклац* (Н. А.) – «Всадник переехал через мост и повернул в сторону подножия Татартупа»; *Нэху игъэщыны имыдэу, къэшэсри жэщыбгы-м къежъэжсац* (КІ. Т.) – «Не дожидаясь утра, сел на коня и поехал в полночь».

Обстоятельство, выраженное деепричастием, синтаксически связано со сказуемым способом примыкания. В то же время это обстоятельство координируется с подлежащим в лице и числе: *Сэ с-ызэфІэту мІэкІу се-дзэкъац* – «Я стоя немного перекусил»; *Уэ у-псалъэурэ уокІуэж* – «Ты разговаривая идешь обратно».

Синтаксические отношения, существующие между обстоятельством и сказуемым – обстоятельственные.

3.10.1. Обстоятельства с локальным значением

Обстоятельства с локальным значением в кабардино-черкесском языке обозначают различные пространственные отношения между предметами. Из существующего многообразия оттенков значений, обозначаемых этими обстоятельствами (местонахождение предметов внутри чего-либо, возле чего-либо, рядом с чем-либо, перед чем-либо, после чего-либо, над или под чем-либо, на поверхности чего-либо, направление движения вовнутрь, наружу, из некоторого исходного пункта, до некоторого предела (адресата) и т. д.), следует выделить два исходных пункта, сгруппировав остальные оттенки значений вокруг этих основных пунктов. Первое из них – обозначение места совершения действия; второе – обозначение направления действия. Такое группирование всевозможных оттенков значений обстоятельства с локальным значением обусловлено в первую очередь тем, что выражение этих оттенков значений в большинстве случаев зависит от многочисленных направительных и локальных превербов, которыми оформляется сказуемое, выражающее действие, происходящее на месте или в направлении, обозначаемом обстоятельствами с локальным значением.

Наиболее употребительными префиксами, находящимися в составе сказуемого в качестве представителей обстоятельства с локальным значением, являются **щ(ы)-**, **щІ(ы)-**, **дэ-**: *КІахэ къуаажэ гуэрэм Хъырцыжъхэ я щІалэ гуэр щы-псэурт* (Къ. Хъ.) – «В некоем кяхском селе жил какой-то юноша из рода Хирцижевых»; *Ефэ-ешхэ гуэрэм щы-зэрихъэллац а тІур* (Къ. Хъ.) – «На каком-то пиру они встретились»; *Сэтэней гулэжу къэкІуэжри унэм щІэ-тІысхъэжсац* (Н.) – «Сатаней в большом горе возвратилась и затворилась в доме».

Вместе с тем локальные превербы в составе сказуемого могут отсутствовать, если сказуемое выражено глаголами движения **кІуэн** – «идти», **псэлъэн** – «позвонить», **тхын** – «написать (письмо)»: *Уэ Москва письмо птха?* – «Ты написал письмо в Москву?» *Ар къуаажэм псэлъац* – «Он позвонил в село»; *УзгъэкІуэсэнци Тыркүм усшэниц* (Къ. Хъ.) – «Украду тебя и увезу в Турцию».

Пространственные отношения, обозначаемые обстоятельствами с локальным значением, можно разделить по точности места совершения действия на три группы.

В первую группу входят обстоятельства, обозначающие точное (реальное) место действия. Синтаксическую позицию обстоятельств этой группы занимают:

1) имена в эргативном падеже без послелогов. Чаще всего это нарицательные имена существительные, оформленные формантом эргативного падежа **-м**: *ЗекІуэлІымрэ зекІуэшымрэ хамэ хэку-м зэрогъэзашэр* (А. у.) – «Походный конь и наездник заскучали в чужом краю»; *Шы къарапцІэ натІэгъуджэ мы хэку-м щыбгъуэтынкъым* (Къ. Хъ.) – «В этом краю (ты) не найдешь вороного звездолобого коня»;

2) собственные имена существительные, оформленные и не оформленные падежной

формой **-м**: *Налкътналмэсклэ гъэцлэрэцлауэ дыщэ фалгъэ телгъыджэ шызэрахъэрт абы шыгъуэ Кърымы-м* (Къ. Хъ.) – «В ту пору в Кры- му существовала украшенная драгоценностями некая изумительная золотая чаша»; *Къэбэрдей-м кIахэ джэгъуакIуэ къэкIуащ* (Къ. Хъ.) – «В Кабарду прибыл кяхский сказитель»; *Ауэрэ шу гупыр Псыжъ-# къекIуэ-лIэжащ* (Къ. Хъ.) – «Так группа всадников подошла к Кубани»:

3) обстоятельственные наречия: *Ауэ фыщызэтеувэлт!* – «Оста-новитесь там!»; *Жыжъэу, жыжъэу – адэ ваплэм жырыш ябгэр къыщо- щыщ* (Щ. А.) – «Далеко, далеко, там, на пашне, ржет стальной конь».

4) местоимения в эргативном падеже: *Мы-бы арыншами дахэ-дахэу дызыхуей щыдгъуэтыркъым* (Н. А.) – «Здесь все равно и худо-бедно не можем прожить»; *ЛIым а-бы цIыхугъэ гуэр щилэнт* – «Мужчина там имел какого-то знакомого».

5) причастие: *Бланэ цалгъхуа егъэзэж* (Пс.) – «Лось возвращается туда, где родился (букв.: Лось возвращается в место рождения)»; *УщымытIыс ущыгушылэркъым* (Пс.) – «Там, где не задерживаешься, не вступаешь в разговор» (Данная конструкция на русский язык переводится только в форме сложноподчиненного предложения).

6) имена прилагательные: *Хъэцлэр жыжъэ къыкIат* – «Гость приехал издалека».

Обстоятельства с локальным значением этой группы могут быть выражены и словосочетаниями: *Джатэм и цIагъ нанэ щылэжкъым* (Пс.) – «Под мечом (букв.: внизу меча) нет наны»; *Линэ зэщыджэу анэм и пащхъэ къитищ* – «Лина рыдая стоит перед матерью (букв.: перед лицом матери)»; *Сэ ар хы тIуащIэм къыдэсхуащ* (Н.) – «Я его пригнал из междуморья (букв.: между двумя морями)».

Синтаксическую позицию обстоятельств этой группы нередко занимает причастный оборот. При этом причастный оборот в таких конструкциях переводится на русский язык только в форме придаточного предложения. В связи с этим перевод подобных примеров в дальнейшем мы будем приводить в форме придаточного предложения *Нахуэу къыщыздамыщэм цэхуу сату щыпцI мэху* (Къ. Хъ.) – «Там, где не продают явно, можно устроить торги тайно»; *Нэмыс здэщымылэм насып щылэжкъым* (Пс.) – «Где нет скромности, там нет счастья»; *Нэху зыдэщым хъэ щыцIащIэм уезгъэшэнц* (Щ. А.) – «С рассветом я тебя отправлю в отдаленные места (букв.: в места, где запрягают собак)».

Во вторую группу входят обстоятельства, выраженные:

1) сочетаниями различных имен в форме эргативного падежа с послелогом **деж** – «у», «около», **нэс** – «до», **адэкIэ** – «за» и др.: *Къалэ-м нэс сыздэшэ, кхъылэ* – «Довези меня до города, пожалуйста»; *А иныжъыр къурихэ-м адэкIэ щопсэу* (А.т.) – «Тот великан живет за горами»; *Дыгъэ къухъэлэ дыдэ-м деж щытцI Емынэжъ и быданIэр* (Н.) – «Крепость Емынежа стоит у самого места захода солнца»; *Мыбдежым (мы-бы дежым) гъуэгур щызэхокI* – «На этом месте дороги расходятся»; *А-бы адэкIэ мээ кIыфIыр щыболгъагъу* (Къ. С.) – «За тем местом виден темный лес»;

2) в роли обстоятельства с локальным значением используются сочетания несамостоятельных притяжательных местоимений с послелогом **деж**: *Си деж нэху укыщекIыныщ* (Къ. Хъ.) – «Переночуешь у меня»; *Абы и деж си пцIэгъуалэм уихъыныщ* (Къ. Хъ.) – «К нему тебя доставит мой серый конь».

В той же роли выступают сочетания существительных с племенным, родовым и т.д. значениями с послелогом **деж**: *Сэ сыкIуэнцI нартхэ дежи уи хъыбарыр яжесIэнц* (Н.) – «Я пойду к нартам и расскажу им о тебе»; *ТхыпцIэхэ традзэри Дохъушокъуэхэ деж екIуэлIащ* (Къ. Хъ.) – «Тхипцевы пришли к Докшоковым».

В третью группу входят обстоятельства, выражающие направление без конкретного обозначения места совершения действия. Синтаксическую позицию обстоятельств этой группы занимают:

1) существительные в форме послеложного падежа: *Сосрыкъуэ Емынэжъ зытевыхъ бгыжъы-мкIэ цунэтIащ* (Н.) – «Сосруко направился в сторону распаиваемого Емынежем холма»; *Ерстэм гъуэгужъы-мкIэ дилуэнтIэхри лъэхъулъэщу ежъащ* (КI. Т.) – «Ерستم свернул к старой дороге и поехал рысью»;

2) производные от различных частей речи наречия, оформленные показателями послеложного падежа: *Дыгъужъыр модэ-кIэ кIуэнци хъэзыру щытыныщ* (А. т.) – «Волк пойдет туда и будет стоять наготове»; *СэмэгурабгъумкIэ мзыкум къыхэлукIуу кIий макъ къыщыIуащ* (КI. Т.) – «Слева из глубины леса раздался крик»; *Ипцэ-кIэ фочауэ макъ къыщыIуащ* (КI. Т.) –

«Вверху раздался выстрел»; Псыр *илъабжъэ-мклэ* щыхъуцлэрт (Къ. С.) – «Река шумела внизу».

3) причастия в послеложном падеже. При этом причастия переводятся только в форме придаточного предложения; *Укъыздикла-мклэ* сыт щыхъы-бар? – «Какие новости в той стороне, откуда (ты) приехал?»; *Сыздэщыламклэ* щыщылымахуэщ – «Там, где (я) был, стоит зима»;

4) различными словосочетаниями и синтаксическими оборотами: *Къалэм и щыб-клэ* щылым зыхалубауэ цыхуицэ хуэдиз афэ джанэхэр ящыгъыу щылъц (Къ. Хь.) – «За городом, уткнувшись в землю, лежат около ста человек, облаченных в кольчугу»; *Лабэпэ ицхъэрэ-клэ* Псыжъ кхъуафэклэ гъэрхэр зэпрышынри тыншкъым (Кл. Т.) – «Нелегко перевозить на лодке пленных через Кубань ниже истоков Лабы». *Клиу макъыр къыздиуклы-мклэ* шум цунэтлауц (Кл. Т.) – «Всадник направился в ту сторону, откуда раздавался крик»; *Мэлыхуэм лэ здицламклэ* плъэри Ерстэм пщылэр къилъэгъуащ (Кл. Т.) – «Ерстем посмотрел туда, куда указал чабан, и увидел шалаш».

Обстоятельства места в форме послеложного падежа в языке нередко обозначают не только направление действия, но и понятия «мимо (чего-то)», «через (что-то)»: *Цы идж зицлауэ фызыжъым хъэцлэщ цхъэгъубжэм-клэ* зыблрегъэх (Къ. Хь.) – «Делая вид, что прядет шерсть, старушка прохаживается мимо окна кунацкой».

При исследовании строевых компонентов кабардино-черкесского предложения часто возникает проблема смешения обстоятельства места, выраженного именами в форме эргативного падежа и дополнения в той же форме. Сравн.: *Тхылгыр стлолы-м телъц* – «Книга лежит на столе»; *Сэ псы-м сыхыхъащ* (Къ. Хь.) – «Я вошел в воду (реку)». Компоненты *стло-лым* – «на столе», *псы-м* – «в воду (реку)» в зависимости от того, какой вопрос к ним ставится, в этих предложениях могут выступать и как дополнения и как обстоятельства: *Тхылгыр (сытым?) стлолы-м телъц* – «Книга (на чем?) на столе лежит» и *Тхылгыр (дэнэ?) стлолы-м телъц* – «Книга (где?) на столе лежит»; *Сэ (сытым?) псы-м сыхыхъащ* – «Я вошел (во что?) в воду» и *Сэ (дэнэ?) псы-м сыхыхъащ* – «Я вошел (куда?) в воду». Отнесение таких компонентов к тому или иному члену предложения зависит от их семантики – от того, что вкладывает в них информирующий. Если информирующий вкладывает в такие слова значение предметности, т.е. если он хочет подчеркнуть конкретно, на каком предмете лежит книга, в какой предмет вошел субъект, то компоненты «стол», «вода» («на столе», «в воду») есть дополнения. Если же информирующий предполагает не конкретный предмет, а территорию, акваторию, небесную сферу, где происходит действие, то подобные компоненты следует считать обстоятельствами места. При практическом же разборе таких предложений остается опираться только на контекст.

При изучении разрядов обстоятельств в кабардино-черкесском языке нередко возникает и другая проблема: смешение обстоятельств с локальным и темпоральным значениями. Такое положение связано с одинаковым оформлением обоих типов обстоятельств в составе сказуемого морфемой *щы-*. Если подобные обстоятельства семантически соотносятся со значением времени, то они относятся к обстоятельствам времени; если же такие компоненты семантически связаны со значением места, то их следует отнести к обстоятельствам места.

3.10.2. Обстоятельства с темпоральным значением

Обстоятельства с темпоральным значением обозначают время действия, проявления признака или временные отношения между предметами и по выражаемым оттенкам значений дифференцируются на три группы:

1. Обстоятельства со значением определенного периода, характеризующегося относительно широкими рамками во времени и меньшей привязанностью к его конкретным пределам. Внутри этой группы следует выделить обстоятельства, имеющие значение конкретного, ограниченного периода времени.

2. Обстоятельства, обозначающие исходный момент действия.

3. Обстоятельства, выражающие понятие предельного момента действия.

Синтаксическую позицию обстоятельства с темпоральным значением первой

группы в кабардино-черкесском языке занимают:

– Обстоятельственные наречия:

а) характеризующиеся меньшей привязанностью к конкретным пределам времени: **зэ**, **зэгуэрым** – «некогда», «когда-то», «однажды», **нэхъа-пэм** – «раньше», **иныкъуэм** – «иногда», **сыт цыгъуи**, **сытым дежи**, **дапцэци** – «всегда», **зэи** – «никогда» и др.:

б) наречия, имеющие значение конкретного, ограниченного периода времени: **нобэ** – «сегодня», **ныжэбэ** – «сегодня ночью», **дыгъуасэ** – «вчера», **пцэдей** – «завтра» и др. *Нартыжъхэм я хэкум зэгуэрым биижь бзаджэу чынтыдзэр къизэрыгуат* (Н.) – «Однажды войска злых врагов-чинтов вторглись на родину нартов»; *Сэ сышэсри шым сыжъэдэуащ. Мыгувэуи си лъэужьыр сабэм исеижащ* (Къ. Хь.) – «Я вскочил в седло и огрел коня. Через некоторое время ветер (букв.: пыль) замел мои следы»; *Апхуэдащ пасэм адыгэ хъэццэщыр* (КІ. Т.) – «Такова была раньше (в старину) адыгская кунацкая».

– Имена-наречия в послеложном падеже с прибавлением элемента **рэ-** или без такового, выражающие понятие определенного периода времени, либо повторения действия через определенный промежуток времени: **Жэщ-кІэ** *пцыхъ лейхэр си нэгу щІокІ* (А. Іу.) – «Ночами мне снятся кошмарные сны»; *Ар пцыхъэщхъэ-кІэ-рэ докІ* – «Он уходит вечерами»; *Лыжъыр махуэ-кІэ* *щхэл бжэлупэм щалъагъурт* – «Старика днями видели около мельницы».

– Существительные в форме эргативного падежа с темпоральным значением: *Кавказым и тенджыз Іуфэхэм къекІуалІэ бгы лъапэхэм гъэмахуэ-м хуабжъу щыхуабэщ.* – «У подножия Кавказских гор, раскинувшихся вдоль моря, летом очень жарко (букв.: У подножия раскинувшихся вдоль моря Кавказских гор летом очень жарко)». **Щымахуэ-м-и** *абы уае къыщыхъуркъым* – «И зимой там не бывает сильных морозов»; *Пцэдджыжъ техъэжыгъуэ-м мэкъур пыупцІын духащ* – «Сенокос закончился к завтраку (букв.: в пору утреннего возвращения в шалаш)».

– Сочетания существительных и наречий с темпоральным значением с послелогом **къэс(и)** – «каждый». **Пцыхъэщхъэ** **къэси** *тІэкІурэ сыдокІ* (КІ. Т.) – «Каждый вечер немного прогуливаюсь»; **Гъатхэ** **къэси** *а тІум я кхъащхъэр удз щхъуантІэ щабэм щІеуфэр* (Къ. Хь.) – «Каждой весной их могилу покрывает мягкая зеленая трава».

– Сочетания существительных с темпоральным значением с существительными, выражающими понятия «начало», «середина», «конец» в форме эргативного падежа: *Къэбанхэ я щІалэм жэщы-бгы-м шы щыщ макъ къызэхихащ* (Къ. Хь.) – «Сын Кабановых в полночь (букв. в середине ночи) услышал ржание коня»; **Щымахуэ-ку-м** *мэкъуауэ щылэ?* – «Бывает ли сенокос в середине зимы?»; *ХыхъэхэкІышхуэ зимылэ унагъуэр гъатхэм и кІэ-м зэтехупащ* (Л. гъу.) – «Не имевшая большой прибыли семья к концу весны обнищала».

– Сочетания существительных с темпоральным значением с числительными в форме послеложного падежа: *Мухъэмэд илгъеситІрэ ма-зищкІэ* *Дзэм къулыкъу щыщІащ* (Л. гъу.) – «Мухамед служил в армии в течение двух лет и трех месяцев»; **ТхъэмахуитІ-кІэ** *къэтащ Къамбо-лэт* (КІ. Т.) – «В течение двух недель отсутствовал Камболат»; **Жэщибл-махуибл-кІэ** *яфІыбгъэдэсащ апхуэдэу Іэнэм* (Къ. Хь.) – «В течение семи дней и семи ночей сидел (он вопреки их желанию) за столом».

– Сочетания существительных с темпоральным значением в форме эргативного падежа с относительными прилагательными: **Фи** *къуажэжъым сыщыхъэщІащ сэри nobэрей махуэ-м* (Н. А.) – «Я тоже гостил сегодня (букв.: сегодняшний день) в вашем селе»; **Ныжэбэрей жэщы-м** *хъэхэр мэбанэр* – «Всю сегодняшнюю ночь собаки лают».

– Причастия и причастный оборот с префиксами темпоральности **зды-**, **щы-**. Эти обстоятельства могут находиться как в форме эргативного, так и послеложного падежей. **Гупым сы-зды-хэлгъэ-м**, *шэч сщІащ: «Зэрыгъэлущамэ?»* (КІ. Т.) – «Когда посмотрел на собравшихся, (я) вдруг подумал: «А не сговорились ли?»»; *Иджыпстуи гуп уэршэрым зды-хэсы-м*, *и нитІ жыжъаплгъэм ар цІыхум япэжыжъэу къыпщегъэху* (КІ. Т.) – «И сейчас, когда он сидит в кругу собеседников, его устремленные вдаль глаза создают впечатление, что он далек от людей»; *Сэ сыкъэскІащ тхыдэм и фэбжъ зытелъ сыныр щы-слъагъу-м* (Къ. С.) – «Я вздрогнул, когда увидел отмеченный печатью истории памятник»; *А хъуржын цІыкІуитІыр зекІуэ щы-кІуэ-кІэ* *къыздащтэрт* (КІ. Т.) – «Эти два мешочка брали с собой, когда отправлялись в поход».

К этой же группе следует отнести причастия, не оформленные падежными формантами и имеющие в своем составе префикс темпоральности **щы-**: **Къы-щы-**

зэптыж(ыф) кызызэптыжынц ар – «Вернешь это, когда вернешь это (сможешь вернуть)»; **Сыкы-цы-сыж** сыкылухэныц – «Подойду сюда, когда приеду».

В синтаксической позиции обстоятельств с темпоральным значением могут выступать эти же конструкции с послелогоми **деж, цыгъуэ**: **Зэкъуэш бынхэр дыщызэхуэсыжам деж гуфлэгъуэ мыухкэлэ гъэныцла сабий макъ жьгъырур пцлантлэхуэм дэз хъурт** – «Когда собирались (мы) двоюродные братья, весь наш большой двор наполнялся счастливыми звонкими детскими голосами»; **Си къуэшыр армэм кыыщиклыжам цыгъуэ кызытыжат а фурашкэр** – «Ту фуражку брат мне подарил, когда он вернулся из Армии».

– Деепричастия и деепричастный оборот. Как и в случаях с причастием и причастным оборотом, при выполнении роли обстоятельства деепричастиями и их оборотами такой член предложения на русский язык переводится в форме придаточного предложения: **Сыкэсыжыпауэ машинэр ункыфлащ** – «Когда до дома осталось всего ничего, машина заглохла»; **Къуэ ебланэм сьдэжауэ зы фыцлагъи кэслэгъуэц (Н.)** – «Когда я выскочил из седьмой балки, пятно темное (я) увидел»; **Зы теуэгъуэ кэс-кыуэ Арыкыщхьэм сыкыхьэц (Н.)** – «Когда я сделал один переход, (я) оказался в верховьях Арыка»; **Тхьэмахуэ хуэдэ нэхъ дэмыкыу шыщри кытхуишэжащ (Къ. Хь.)** – «Не прошло и недели, когда (он) вернул всех трех коней».

Обстоятельства с темпоральным значением первой группы могут быть представлены и иными словосочетаниями, выражающими временное понятие: **абы цыгъуэм** – «тогда», «в ту пору», **къуэд щлауэ** – «давно» и др. **Мысостыр къуэд щлауэ си хэгъэрейт (Къ. Хь.)** – «Мысоста давно уже (я) знал»; **Абы цыгъуэ дзэм къулыкъуэ шысцлэрт (Къ. Хь.)** – «В ту пору я служил в войсках».

Обстоятельства с темпоральным значением второй группы обозначают исходный момент действия, т.е. исходную точку во времени, от которой начинается совершение или развитие действия, заключенного в сказуемом. Значение обстоятельств этой группы часто передаются:

– сочетанием наречий или имен существительных с темпоральным значением с послелогом **лъандэрэ**: **нышэдибэ лъандэрэ** – «с утра», **дыгъуасэ лъандэрэ** – «со вчерашнего дня», **нэгъабэ лъандэрэ** – «с прошлого года», **тхьэмахуэ лъандэрэ** – «в течение недели», **мазэ лъандэрэ** – «в течение месяца», **игъацлэ лъандэрэ** – «в течение жизни, всю жизнь», **илъэс лъандэрэ** – «в течение года».

– Сочетанием причастия или причастного оборота с послелогом **лъандэрэ**: **Узэрыслэгъуэ лъандэрэ зэпымыуэ сыногупсыс** – «С тех пор как я увидел тебя, постоянно думаю о тебе»; **Ищыр бгыщхьэ хъуплэхэм зэрыдгъэлэхуэ лъандэрэ гъэшым кыхэхуэ зэпытц (Л. гъу.)** – «С тех пор как мы переправили скот на горные пастбища, удои молока увеличиваются».

При сочетании наречий, имен существительных либо причастий, причастных оборотов с послелогом **лъандэрэ** исходная точка времени, с которой начинается действие, обозначается либо конкретной датой – *со вчерашнего дня, с утра, с прошлого года, с осени, зимы* и т. д., либо с какого-либо события – *с тех пор как случилось то-то*. Вместе с тем исходная точка времени может обозначаться не конкретными датами и событиями, а словами, употребляемыми в языке вместо имен, – указательными местоимениями в форме эргативного падежа в сочетании с послелогом **лъандэрэ**: **Абы лъандэрэ адыгэхэр абдежым Къунчыкъуэ и шыхуплэклэ йоджэр (Къ.Хь.)** – «С тех пор адыги именуют то место обрывом Кунчуко»; **Вагъуэ лэджи ижащ абы лъандэрэ (Къ. Хь.)** – «Много звезд погасло с тех пор»; **Лэджэ щлащ абы лъандэрэ (Къ. Хь.)** – «Много времени прошло с тех пор».

Исходный момент действия в кабардино-черкесском может быть выражен сочетанием каждой из приведенных выше частей речи либо конструкций с инфинитивными глаголами **щегъэжъауэ, (кы)щыцлэдзауэ** – «начиная с». Причем сочетающиеся с ними имена и причастия, управляясь этими инфинитивными глаголами, принимают форму эргативного падежа: **мы гъэ-м щегъэжъауэ** – «начиная с нынешнего года»; **ущылэгъуэ-м (кы)- щыцлэдзауэ** – «начиная с того времени, когда (я тебя) увидел»; **Москва ущагъэкъуэ-м кыщыцлэдзауэ** – «начиная с тех пор, когда тебя направили в Москву» и т. д. **Нобэ щыцлэдзауэ Хьэтлохуэцокъуэр си къуэшым хуэдэу слъытэнуц (Къ. Хь.)** – «Начиная с сегодняшнего дня Хатокшоко я буду почитать как своего брата»; **А махуэ-м цыублауэ хэзнащ си цлалагъэ дэлагъэр (К. Т.)** – «Начиная с того дня, (я) изжил из своего характера присущую молодости негативную черту».

Исходный момент действия в исследуемом языке может характеризоваться как точка

во времени, в которой заканчивается одно действие субъекта и по его завершении начинается совершение действия, заключенного в сказуемом. Эта форма обстоятельства времени в языке часто выражается сочетанием причастия, причастного оборота с послелогом **нэужь** – «после того как». *Унэсыжа нэужь кэпсалгэ* – «Позвони после того, как доедешь»; *Я анэ деж кыкыжа нэужь и лэгъунэм щэтлысхэжащ Ерстэм* (КІ. Т.) – «После того как побывал у матери, Ерстем зашел в свою комнату».

С таким же значением, как у послелога **нэужь**, в языке употребляется сочетание **и ужьклэ**, при котором притяжательное **и** диктует сочетающимся с **ужьклэ** именам, местоимениям, причастиям форму эргативного падежа. Наиболее употребительно с указательным местоимением **а**. *Абы и ужьклэ куэдрэ шысыжакъым Къамболэтрэ хьэщлэмрэ* (КІ. Т.) – «После этого Камболат и гость сидели недолго».

Обстоятельства данного типа в языке выражаются и без послелогов, включением в глагольный состав префикса **зэры-** и суффикса **-у**, выражающих понятие «с того момента, как завершится действие (заключенное в глагольной форме, которая оформляется этими аффиксами)»; *У-зэры-нэсыж-у кэпсалгэ* – «Позвони, как только доедешь»; *Дэгъэзеигъуэм зэры-нэс-у витл уэдыкъуар кэзувылащ* (Къ. Хь.) – «Как только дошли до подъема, два тощих вола остановились»; *Ізуэлъауэр зэрызэхыху тласхэщлэххэм щлым зыхалубащ* – «Как только услышали шум, разведчики лицом уткнулись в землю».

Обстоятельства с темпоральным значением третьей группы выражают понятие предельного момента действия. Синтаксическую позицию этого типа обстоятельства занимают:

1) сочетания имен существительных с темпоральным значением, либо наречий с послелогом **пцлондэ** – «до»: *Пцэдей шэджагъуэ пцлондэ тыкуэныр лэжээнукъым* – «Завтра до обеда магазин не будет работать»; *Бжыххэ пцлондэ кыспэлгэж* – «Подожди меня еще до осени»;

2) сочетания наречий с послелогом **къэс** со значением «до»: *Іджыри къэс дэнэ уычыла?* – «Где ты был до сих пор?»; *Гъатхэм уэста хьэжыгъэ пудым нобэм къэсклэ сым хуэдиз хэхуэ кызытынут!* (Щ. А.) – «Сколько прибыли принес бы мне до сегодняшнего дня пуд муки, который я тебе дал взаймы весной! (букв.: Сколько прибыли принес бы мне до сегодняшнего дня данный весной (мною тебе) взаймы пуд муки!)».

3.10.3. Обстоятельства со значением образа действия

Обстоятельства образа действия обозначают качество действия, состояния, способ совершения действия или проявления признака.

В роли таких обстоятельств в кабардино-черкесском языке выступают наречия, производные от качественных прилагательных, существительных, местоимений, числительных, оформляясь при этом формантом **-у/-уэ**: *А сыхэтыпэм Муратыр псынцилэ-у Павленкэ дежклэ кэжэащ* (Щ. А.) – «В ту же секунду Мурат быстро направился к Павленко»; *Губгъуэм щыпсэу псэуцхэхэм я макъ зэхуэмыдэхэр нэрыуэншэ-у, хуит-у дэнэ лъэныкъуэкли кыщылурт* (Щ. А.) – «Разноголосица населявших поле насекомых беспрепятственно и свободно доносилась со всех сторон»; *Шу-уэ кыклуэ* (Ж. Б.) – «Приезжай верхом».

Наречия, образованные от качественных прилагательных и выступающие в роли обстоятельства, имеют степени сравнения. Сравнительная и превосходная степени сравнения наречий образуются теми же средствами, что и у качественных прилагательных: частицами **нэхъ** – «более», **дыдэ** – «самый», суффиксами **-щэ, -луэ, -клэй, -бзэ** и др.: *Жэщ лэжыгъэ хьэлгэм зэхуэкла ди адэр хуэм дыдэу кэтэджащ* – «Измученный тяжелой ночной работой отец встал очень медленно»; *Нэхъ псынцилэ-у дывгъаклуэ* – «Пойдемте-ка быстрее»; *Лъостэн даха-щэ-у кьофэр* – «Тлостан очень красиво танцует».

Обстоятельства образа действия, выраженные наречиями, могут оформляться суффиксом **-рэ**, вносящим в предложение значение длительности, повторяемости действия.: *Ахэр іджы цлэхыу-рэ Мухьэрбий и дежклэ кэоплгэр* (Къаш. Хь.) – «Теперь они часто смотрят в сторону Мухарби»; *Мурат абыхэм зэхалэ мывэклэххым мацлэу-рэ цементыр хиклутэрт* (КІу. І.) – «Мурат понемногу сыпал цемент в размешиваемый ими

раствор»; *Лыжыым гъуэгур хуэму-рэ къызэпиуицлащ* (Л. гъу.) – «Старик медленно пересек дорогу».

Синтаксическую позицию обстоятельства образа действия занимают не только простые производные наречия, но и наречия, образованные редупликацией основы: *Сходым клуэхэр зырыз-тлурьтл-урэ уэрам нашэкъашэ зэвым дэз кэхъуаш* (Н. А.) – «Идущие на сход собрались по одному, по двое на узкой извилистой улице»; *Мыбы арыншами дахэ-дахэ-у дызыхуей щыдгъуэтыркъым* (Н. А.) – «Здесь мы все равно и худо-бедно не можем жить»; *Пицэланлэм цыклухэр езыр-езыр-у цызэны-кзуэкъу- хэрт* (К. Т.) – «В кухне дети спорили сами между собой».

В роли обстоятельства образа действия в языке выступают деепричастия: *Сэтэней гулэжу унэм цлэмтлысхъэжащ* (Н.) – «Сатаней горюя закрылась в комнате». *Сосрыкъуэ цытт мыхъейуэ* (Н.) – «Сосруко стоял не шевелясь»; *Батырбэч цысу мэжей* (Н. А.) – «Батырбек сидя спит».

Как и наречия, деепричастия могут оформляться суффиксом **-рэ**, внося в смысл предложения значение длительности, повторяемости действия: *Сышхэу-рэ сотхэр. Сытхэу-рэ сошхэр* (Т. З.) – «Кушая сочиняю. Сочиняя ем (о поэте, пишущем ради гонорара)»; *Зэпхыдэлукъыу-рэ лы цэхур уэрам цэху нэцлым ныхохэр* (Щ. А.) – «Вслушиваясь в тишину, незнакомец тайно пробирается к тихой улочке».

Функцию обстоятельства нередко выполняют деепричастия, образованные путем удвоения разных основ или одной и той же основы: *Пицэдджыжыым жьыуэ хъэжыр шууэ пицлантлэм клуй-гуоуэ кыдэлгэ-дащ* (Щ. А.) – «Рано утром, покрикивая (букв. крича-ругаясь), хаджи верхом заехал во двор»; *Сынлэмлауэ-сылэкъуауэ пхафэм сыкыхэнащ* (К. Т.) – «Дергаясь (букв.: дергая руками, дергая ногами), я остался на жнивье»; *Къуэрылгхур мыарэзы-мыарэзыуэ и адэшхуэм хуеплэклащ* – «Внук недовольно (букв.: недовольно-недовольно) посмотрел на деда».

Синтаксическую позицию обстоятельства образа действия занимают обособленный и необособленный деепричастные обороты: *Ди адэ тхэмыщклар, и лэр и цхъэбгъум цлигэкъуауэ, аргынащхэм и деж шэмэджым бгъэдэлгэ цылгт* (Щ. А.) – «Наш бедный отец, расположившись у косы, лежал, подперев голову руками»; *Къэзакъитл Тэрч лэмыж цлагъым кыицлэкри шум кыпэуващ, фоч я дамэ зэридзауэ, зыпцыхамыху* (Н. А.) – «Два казака вышли из-под моста через Терек и стали перед всадником, держа винтовки за спиной, не снимая их с плеч». *Луэху хуэзэшу Сосрыкъуэ жьэгум дэст* (Н.) – «Скучая по делу, Сосруко сидел у очага».

Вместе с тем в языке существуют конструкции, близкие к деепричастному обороту, являющиеся по сути эквивалентами деепричастного оборота, но в которых отсутствует самое деепричастие. Функцию последнего выполняют аффиксы **-у/-уэ**, которыми оформляется последнее из соотносительных слов, составляющих деепричастный оборот. Замещение аффиксами **-у/-уэ** послелогов *хуэдэу, ешху* и др., выражающих понятие «подобно», «словно» и др. и являющихся строевыми компонентами сравнительного оборота, явление в адыговедении известное и достаточно распространенное. Здесь же имеется в виду замещение деепричастия в деепричастном обороте: *Зы тэлай дэкри, дыгъэр си цхъэцыгу-у зы гъуэгу бгынэжа гуэрымклэ дэздыхащ* (Щ. А.) – «Через некоторое время (я) под палящим солнцем свернул к какой-то заброшенной дороге (букв.: Через некоторое время (я) с солнцем над головой свернул к какой-то заброшенной дороге)». В предложении отсутствует деепричастие *иту* – «стоя». Оно замещается элементом **-у** в составе словосочетания *си цхъэцыгу-у*.

Нередки случаи выполнения функции обстоятельства образа действия субстантивным оборотом: *Сэтэней унлэрт Сосрыкъуэ, мывэр и уэншэкуу, уафэр и теплэну, цтаучыр и лусу* (Н.) – «Сатаней растила Сосруко, (используя при этом) землю как матрац, небо как одеяло и кремень как хлеб»;

В языке нередко случаи выражения обстоятельства синтаксическими конструкциями, оформленными не только формантами **у/-уэ**, но и аффиксом **-клэ**. Так, в качестве обстоятельства с подобным оформлением выступают:

1. Наречия *дахэклэ, фыклэ, лэфклэ* со значением «добром, по-доброму»; *лейклэ, бзаджэклэ, мыгъуэклэ* со значением «злом, по-плохому»: *«Мыгъуэ-клэ цушх си гуэгушыр зыдыгъуам», – къызэцлэлэрт Дисцыху.* – «Пусть съест по-плохому (в знач.: подавится) похитивший моего индюка», – расходилась Дисцук»; *Иджы уэрэ сэрэ дахэ-клэ*

дызэгурьмыуу хунукъым – «Теперь нам с тобой нельзя не договориться по-хорошему».

2. Имена существительные и именные словосочетания: *Шууитыр шэсыжри лъэбакъуэ ин-клэ ежъэжахэщ* (Н. А.) – «Два всадника вскочили в седла и торопливо (букв.: большими шагами) двинулись в путь»; *Литыр къамэ къыха-клэ зэпууащ* – «Мужчины встали друг против друга с обнаженными кинжалами (букв.: обнажив кинжалы)»; *Колхозым и тыкуэнхэм хадэхэклыр ашык-кли килограмм-кли щацэр* (Л. гъу.) – «В кол-хозных ларьках овощи продаются ящиками и килограммами»; *Аслэнокъуэр и шыпху Жаным лэплэешэкл-клэ ныбгъэдохэ* (Щ. А.) – «Асланоко подходит к своей сестре Жан с объятиями (в знач.: с распростертыми для объятий руками)».

3. Отглагольные наречия: *Щалэ цыкълухэр зэрахузэфлэкклэ бжэм еуэрт* – «Мальчики изо всех сил били в дверь»; *Тытлэ зэрылгэкклэ клирт* – «Тита кричал во все горло». Отглагольные наречия-обстоятельства в приведенных примерах не имеют своего эквивалента в русском языке. Выражаемое ими значение приблизительно можно перевести как «что есть мочи».

В качестве обстоятельства образа действия выступает сравнительный оборот, заключающий в себе сравнение, и вводимый в предложение послелогоми *хуэдэу, ещху, щыклэу* и др. При этом способ совершения действия определяется посредством сравнения, уподобления.

В качестве разновидностей сравнительного оборота выступают:

1. Причастный оборот с послелогоми *хуэдэу, ещху, щыклэу, нэхъей* и др.: *Клэмыргуейм кызырххэрэ езы Ерстэми, биудзэм клуэцрыкл нэхъей, сакъ зэпытыц* (К. Т.) – «С момента вступления Ерстема на землю темиргоевцев, он осторожен, словно пробирающийся сквозь войско неприятеля»; *Зи цхъэклар бэрыбэ кларцхэмрэ щиху лъагэхэмрэ зауухэхэрт, цхъэщэ яцл хуэдэу* (Т. Хъ.) – «Ветвистые акации и высокие тополя нагибались, словно кланялись (букв.: словно отвешивая поклон)»; *Ар, уанэгум илула нэхъей, шым теубгъуащ* (К. Т.) – «Он склонился над конем, будто привязанный к седлу».

2. Имя существительное с послелогоми *хуэдэу, ещху, тету* и др.: *Псынэпсыр мылым хуэдэу щылэт* – «Родниковая вода была холодная как лед». *Шы зэпеуэ яцла бажэ нэхъей, клуанлэ силэжкъым, адэ-мыдэклэ зызогъэбгъунлэ* (К. Т.) – «Словно оказавшаяся между двумя всадниками лисица, мечусь из стороны в сторону, не зная куда податься».

При этом послелогом *хуэдэу, ещху* могут оформляться личными префиксами, если лицом, сравниваемым с каким-либо объектом, является грамматический субъект: *Хъэ уклэм с-ыхуэдэу, тхъэмыщкларфэ кыстегуауэ, сыклэлгыплгыжащ лыжъым* (К. Т.) – «Словно (я) побитый пес, приняв вид беспризорника, я посмотрел вслед старику».

3. Инфинитивный оборот с послелогом *хуэдизу*: *Дуней псор ишхын хуэдизу сыт пцыр цлэгуйей?* – «Почему князь так жесток, словно хочет проглотить весь мир?»

Другой разновидностью сравнительного оборота, выступающего в качестве обстоятельства образа действия, являются такие же конструкции, но непосредственно без самих элементов сравнения (послелогов *ещху, хуэдэу, тету, щыклэу* и т. д.) Функцию послелогов в них выполняют аффиксы *-у/-уэ*, примыкающие к существительному, – объекту сравнения: *Щы дзэжэналгэ-у вагъэбдзумэр тафэм тегъуэлгъащ* (К. Б.) – «Борозды легли на долину, словно ребра земли»; *Граммфон къута-уэ и бзэр пиудащ Аслээн* (К. Б.) – «Речь Аслана осеклась, как сломанный граммофон»;

В языке встречаются конструкции, в которых в роли обстоятельства образа действия выступают междометия и звукоподражательные слова: *Чей гъушлэм псыр шышышклэ кыдэжырт* – «Из щелей засохшей бочки вода вытекала с шипением (букв.: (со звуком) «шышыш»)»; *Щалэ цыкълур гыргыргклэ кыщылгэдэжащ* – «Мальчик вбежал в комнату с шумом (букв.: (со звуком) «гыргырг»)».

В качестве обстоятельства образа действия употребляются, наконец, фразеологизмы: *Пхэзрри, я шыклэ мафлэ егъэуауэ, къэсащ* (Къ. Хъ.) – «Преследователи подоспели быстро (букв.: Преследователи подоспели, словно у их коней хвосты объело пламенем)»; *Си цхъэм бжэуэуэ си псэр кызохэкклэ* – «Я брожу по свету с больной головой (букв.: Я брожу по свету, словно голову мою ужалила пчела)»; *Уафэм сабэ дрипхъейуэ лыр кыдыхъэжащ* – «Мужчина вернулся разъяренным (букв.: Мужчина вернулся, швыряя пыль в небо)».

Вместе с тем анализ языкового материала дает такие синтаксические конструкции,

которые не умещаются в рамках классических видов обстоятельств. Затруднения, возникающие с отнесением обстоятельства к той или иной разновидности или отнесением компонента предложения к разряду обстоятельств вообще или к другим членам предложения, зависят от нескольких факторов. Так, при анализе конструкций **типа Хужьсу, плацэу, фоупс ткляаткляуэу кыипоткля жыгым тут мэракляэр** (Т. З.) нет возможности однозначно ответить на вопрос: «В качестве какого члена предложения выступают компоненты *хужьсу, плацэу фоупс ткляаткляуэу*?». Это несогласованные однородные определения, связанные с подлежащим *мэракляэр* атрибутивными отношениями или они – однородные обстоятельства образа действия, характеризующие сказуемое *кыипоткля*? В первом случае предложение понимается и переводится как «Светлые, крупные, сладкие, как жидкий мед, тутики капают с дерева». Во втором – как «Светлыми, крупными, жидкими медовыми каплями тутики капают с дерева».

Использование суффиксов **-у/-уэ** – специфических показателей обстоятельства образа действия – в синтаксических конструкциях с иными семантическими значениями затрудняет выделение отдельных разновидностей внутри самих обстоятельств. Так, в предложении *Мэз лъапэм екляэкл гзуэгум теувэри лъэхуклэ ежъаш, пшэплъ къэзыщл дьгъэр къуэмышъэж щлыклэ мэзым хэклыу Урыху губгъуэ ихъэну хуелэ-у* (Н. А.) – «Свернув на дорогу, идущую вдоль леса, поехал рысцой, стремясь до захода солнца выехать из леса и доехать до урухских полей» обособленный деепричастный оборот *пшэплъ къэзыщл дьгъэр къуэмышъэж щлыклэ мэзым хэклыу Урыху губгъуэ ихъэну хуелэ-у* в зависимости от вопроса **как?** или **с какой целью?** можно с одинаковым успехом отнести как к обстоятельствам образа действия, так и к обстоятельствам цели.

По этой же причине затруднено четкое и безоговорочное отнесение обстоятельства в приводимом ниже примере к разряду обстоятельств времени: здесь помимо вопроса **когда?** напрашивается и вопрос **каким образом?**: *Илгэс тлощл хуэдизклэ узэлэбэклыжмэ, а пацтыхъыр Тыркум езауэри Азакъ къалэр къатрихаш. Ауэ илгэс пщыклубл хуэдиз нэхъ имылыгъа-уэ, Тыркум трихыжащ* (КІ. Т.) – «Двадцать лет назад тот император пошел войной на Турцию и отобрал у нее город Азак. Но владев (им) только около семнадцати лет (по форме), через семнадцать лет владения (по содержанию) Турция забрала обратно». Между тем, во избежание такого смешения достаточно использовать в этих предложениях соответствующие послелогии вместо использованных им аффиксов **-у/-уэ**: в первом предложении – послелог **мурадклэ** – «с целью», во втором – **нэужь** – «после того как».

Трудности при разграничении различных разрядов обстоятельств зачастую возникают и из-за того, что выданная информирующим мысль высказана неточно, допускает двойное толкование: *Нэху темыпсэу Хъэмид пхъашэр къалэм нагъэсащ* (КІу. Б.) – Если синтаксический оборот *нэху темыпсэу*, переводимый как «свет не падал», в форме деепричастия обозначает «до рассвета», то предложение следует понимать как «До рассвета сурового Хамида довели до города» – конструкцию с обстоятельством времени. Если же в *нэху темыпсэу* заложено понятие «так, что и луч света на него не упал (тайно)», то этот компонент есть обстоятельство образа действия, и предложение в этом случае понимается и переводится как «Сурового Хамида доставили в город тайно (букв.: Сурового Хамида доставили в город так, что и луч света на него не упал)».

3.10.4. Обстоятельства со значениями меры и степени

Обстоятельства со значениями меры и степени обозначают меру времени, пространства, количества и степень проявления действия.

Синтаксическую позицию обстоятельств этого типа в кабардино-черкесском языке занимают:

1. Производные в большинстве случаев от местоимений и числительных наречия, оформленные словообразовательными суффиксами **-э, -у, -рэ, -клэ**: *З-э-къым, тл-э-у ущылгъэгъуаш Къаплъу бэзэрым* (КІ. Т.) – «Не раз, дважды тебя (я) видел на базаре в Каплу»; *Ерстэм зэи-тлэуи щалуцлащ а щлынлэм шу нэгъуаджэхэм* (КІ. Т.) – «Ерстем и однажды, и дважды встречался в тех краях с сомнительными всадниками»; *Къыхуэкляуэхэщ Нэху махуищклэ гүзэвакляу куэд* (КІу. Б.) – «В течение трех дней к Нэху приходило много соболезнующих»; *Жан шэрхъыр ещанэу нарт гупым къаутлыпщаш* (Н.) – «В третий раз спустили (с горы) нарты жан-колесо»; *Апхуэдэурэ Сосрыкъуэ быданлэм*

лутащ куэдрэ (Н.) – «Так, Сосруко простоял у крепости долго».

2. Существительные, приобретающие значение наречия: *МазэкIэ* *сшэчащ сэ а мэр* (Къ. Хъ.) – «Месяц я терпела этот запах»; *Батальоныр жэщ псо-м къызэтеувылакъым* – «Батальон не останавливался всю ночь»; *Мэзыр къуажэ цIыкIум метр щитI хуэдиэ-кIэ пэIэщIэт* – «Лес был отдален от деревушки метров на двести»; *Ауэ Хъэсанш зыдэщытым лъэбакъумI-кIу яхуикIакъым* (Щ. А.) – «Но Хасанш не сдвинулся с места и на два шага».

3. Различные отглагольные формы: *СлэкIыхукIэ* *уи гур згъэдэхэнуш* – «Буду воспевать тебя, пока смогу». *Тхъэмахуэ хъуауэ къосыр уэсyr* (М. А.) – «Уже неделю снег идет (букв.: Проходит неделя, как идет снег)».

3.10.5. Обстоятельства со значением причины

В связи с выражением единых причинно-следственных отношений обстоятельства, обозначающие цель, следствие, причину действия или состояния, связаны между собой настолько тесно, что в адыгском языкознании представляют собой своеобразный синтаксический узел, трудно поддающийся развязыванию. С этим и связана изученность этих типов обстоятельств в меньшей степени. Между тем кардинальное различие обстоятельств причины и цели основывается в первую очередь на отношениях каждого из них с сочетающимся сказуемым в плане временном: если обстоятельство выражает действие произошедшее (или происходящее), и вследствие этого совершается действие, заключенное в сказуемом, то такое обстоятельство есть обстоятельство причины. Если же действие, заключенное в обстоятельстве, происходит после совершения действия, выраженного в сказуемом, то такое обстоятельство является обстоятельством цели.

Синтаксическую позицию обстоятельства причины в кабардино-черкесском занимают отдельные части речи, словосочетания и синтаксический (деепричастный) оборот. Так, в роли обстоятельства причины выступают имена существительные в форме послеложного падежа: *ЗэрымышIагъэ-кIэ емыкIу къэсхэ пэтащ* (Къ. Хъ.) – «Чуть было не совершил по недоразумению постыдное дело»; *Делагъэ-кIэ хэщIат ар а Iуэхум* – «По глупости вляпался он в это дело». Имена существительные в этой позиции чаще употребляются в сочетании с несамостоятельными притяжательными местоимениями: *Ар и щIалагъэ-кIэ псэлэкъуащ* – «Он сказал непозволительное по молодости»; *Кхъуейм и хъэтыр-кIэ пIастэри яшх* (Пс.) – «Ради сыра едят и пасту». *Уи фIыгъэ-кIэ нобэ топджэгум дыщытекIуащ* – «Благодаря тебе мы сегодня выиграли матч»; *Уи зэран-кIэ щIалэр Iуэху мышхъэпэ хэхуащ* – «Из-за тебя юноша попал в переplet».

Наречия выступают в роли обстоятельства причины довольно редко. Эту функцию могут выполнять наречия *и нэхейкIэ* – «назло ему», *ауэ* – «просто так», *ауэ сытми* – «не просто так»: *Сэ абы и нэхейкIэ сыкэкIуащ* – «Я пришел назло ему»; *А шуумIыр Болэтхэ ауэ Iухъакъым* – «Эти всадники не просто так подъехали к дому Болата»; *Хъэсэн ауэ сытми къэпсэлъакъым* – «Хасан позвонил не просто так».

В вопросительных предложениях в качестве обстоятельства причины может выступать наречие *щхъэ*: *Щхъэ ди деж укъэмыкIуэр?* – «Почему к нам не ходишь?»; *Щхъэ нобэ урокым зыхуумыгъэхъэзырар?* – «Почему сегодня (ты) не подготовился к уроку?».

В роли обстоятельства причины часто применяются сочетания существительных в форме эргативного падежа с послелогоми *щхъэкIэ*, *къыхэкIкIэ*: *Хэку зауэшхуэм цызырихъа лIыгъэ-м щхъэкIэ Мэсэдин Хэкум и дамыгъэ лъанIэхэр къратащ* (Л. гъу.) – «За проявленное на фронтах Великой Отечественной мужество Масадин удостоен высоких наград Родины». *Бгъэдэлъ акъылышхуэ-мрэ цIыхугъэ егъэлея-мрэ къыхэкIкIэ абы и цIэр жыжжэ Iуащ* – «Благодаря большому уму и чрезвычайной щедрости (его) души его слава быстро распространилась».

Обстоятельство причины может быть выражено сочетаниями причастия, причастного оборота с теми же послелогоми. Причастие, как и приведенные выше имена существительные и рассматриваемый ниже инфинитив, управляется сочетающимися с ним послелогоми *щхъэкIэ*, *къыхэкIкIэ*, *къыхэкIу* и оформляется формантами эргативного падежа. Помимо этого, причастие, выступающее в роли обстоятельства причины, оформляется префиксом *зэры-*, который при сочетании с приведенными выше послелогоми выражает понятие «в связи с», «из-за того что». Кроме этого, причастие,

будучи глагольной формой, оформляется личными префиксами лица, производящего действие, заключенного в обстоятельстве, выраженном самим причастием. **Укы-зэры-кIуа-м щхъэкIэ фIыщIэ пхузоцI** – «Благодарю тебя из-за твоего визита (букв.: Благодарю тебя из-за того, что ты пришел)»; **ЖэщитI лъандэрэ сы-зэры-мыжсея-м къыхэкIкIэ си нэхэр сфIызэтепцIэрт** – «Мои глаза слипались по причине моего недосыпания в течение двух ночей (букв.: Из-за того что я не спал две ночи, мои глаза слипались)».

Теми же формантами, что и причастие, оформляются имена, выражающие состояние, признак при помощи префикса **зэры-**: **Зэры-нэхъы-щIэ-м щхъэкIэ унагъуэ Iуэху цIыкIу-фэкIу къомыр Лиуан и пцэ къыдэхуэрт** – «Из-за молодости (букв. младшести) Лиона все мелкие обязанности по дому ложились на его плечи»; **Ды-зэры-мащIэ-м къыхэкIкIэ фIыуэ зэцIэуздэ бийм сэшхуэ къыхакIэ дыпэцIэуэз хъуртэкъым** – «Из-за своей малочисленности (мы) не могли открыто противостоять хорошо вооруженному врагу».

Синтаксическую позицию обстоятельства причины могут занимать сочетания инфинитива с послелогом. При этом инфинитив переводится как имя существительное: **Сымаджэным къыхэкIыу дыгъуасэ лэжьаплэм сыкIуэфакъым** – «Из-за болезни я вчера не смог выйти на работу»; **Гъаблэшхуэм къела IэцI закъуэтIакъуэр мэжэщIалэным къыхэкIкIэ къарууншэ хъупат** – «Пережившие неурожайный год несколько животных вконец истощились от голодания».

В роли обстоятельства причины часто выступают деепричастия. Как отглагольные формы, они обладают способностью изменяться по формам лица и числа, при помощи которых деепричастие – обстоятельство причины устанавливает синтаксическую связь с подлежащим, согласуясь с ним в форме лица и числа: **Дэ д-ыпсалъэурэ автобусым дыкъыкIэрыхуаш** – «Разговаривая, мы опоздали на автобус»; **Уэ у-мылажъэурэ лэжьыгъэм уцъуужаш** – «Не работая, ты отвык от работы»; **Сэ с-ыножъэурэ нэху щыху сыжсеякъым** – «Ожидая (тебя), я не спал до утра».

Не менее распространенным выразителем обстоятельства причины в кабардино-черкесском языке является деепричастный оборот: **Щыбым пцIанэу дэтурэ сабийр сымаджэ хъуаш** – «Находясь раздетым во дворе, ребенок заболел»; **И зэманым ямыпцIэурэ нартыхур удзым зэцIу-щташ** – «Не занявшись прополкой в отведенный срок, оставили кукурузу зарастать сорняком».

3.10.6. Обстоятельства со значением цели

Обстоятельства со значением цели в кабардино-черкесском языке обозначают цель совершения действия, выраженного в сказуемом, и отвечают на вопросы **сыт мурадкIэ?** «с какой целью», **сыт папщIэ?** «для чего?».

Синтаксическую позицию обстоятельства цели занимает форма инфинитива с аффиксом **-у**: **ЛъэпцI джатэ ищIри фIидзэжащ, зыхуэфакъэм иритын-у** (Н.) – «Тлепш выковал меч и повесил на стену для вручения достойному»; **Сэ си шы нэхъыщIэр уэтэрым згъэкIуаш, хъэщIэныш къеззгъэхын-у** (КI. Т.) – «Я послал младшего брата на кошару привезти овцу для угощения гостя».

Подобные обстоятельства, будучи глагольной формой, содержат в себе личные префиксы субъекта и объекта (при наличии объекта), если субъект и объект выражены личными местоимениями первого и второго лица единственного или множественного числа. Показателями числа и третьего лица оформляется инфинитив только от переходного глагола. Такие обстоятельства согласуются в лице и числе как с подлежащим, так и с дополнением.

Цель совершения действия в кабардино-черкесском предложении может быть выражена сочетаниями чистого инфинитива с послелогом **папщIэ**, **щхъэкIэ**, и словосочетаниями **и гугъэу**, **и мураду**. В этом случае инфинитив выступает не как самостоятельный выразитель обстоятельства цели, а как сказуемое в составе придаточного предложения со значением цели: **Дызыхуэныкъуэ мащIэр къэтщэхун щхъэкIэ, зэзэмызэ дожъэр** (КI. Т.) – «Иногда мы уезжаем, чтобы покупать необходимые мелочи по дому»; **Шу закъуэри ныздежэну къэззгъэдэIуаш, Тамбыр Iуашхъэ щалгагъуным и шынагъуэм хэсшын щхъэкIэ** (КI. Т.) – «Я уговорил одинокого всадника отправиться со мной в поход, чтобы увести от опасностей,

подстерегающих его у холма Тамбыр»; *Лъостэнбэч елгэдэкъауэри я шым къыхыхъа хаклуэр здэклуэмкIэ щIэнхъуащ, къыпижыхъу иргъэгъэзэн и мураду* (Ад. т.) – «Тлостанбек прищипорил коня и направился в ту сторону, куда шел чужой жеребец, вторгшийся в его табун, чтобы обойти жеребца и завернуть его обратно».

3.11. К вопросу об основных конструкциях кабардино-черкесского предложения

По выражению падежа реального субъекта кабардино-черкесский язык резко отличается не только от индоевропейских, но и от родственных, например, дагестанских языков. Так, если, например, в русском языке субъект выражается только в форме именительного падежа, в дагестанских для этой цели используются именительный, эргативный, дательный или один из местных падежей, то в кабардино-черкесском языке для выражения субъекта используются именительный и эргативный падежи, что в свою очередь зависит от семантики глагола, противопоставления транзитивных и интранзитивных форм. В кабардиноведении распространено мнение, согласно которому конструкция предложения зависит от того, в какой падежной форме выражено подлежащее. В связи с этим в языке выделяются номинативная, эргативная и индефинитная конструкции.

Справедливое по своей сути такое определение конструкции предложения требует, тем не менее, некоторой корректировки: здесь принцип определения конструкции предложения нельзя связывать только с формой падежа реального субъекта, поскольку в отличие от абхазского и абазинского языков, не имеющих падежного противопоставления и в связи с этим конструкция предложения реализуется только в глаголе с помощью субъектно-объектных показателей, конструкции предложения в кабардино-черкесском языке реализуются одновременно с помощью субъектно-объектных префиксов в глаголе и падежа реального субъекта, т.е. глагольно-именным способом.

Противопоставление номинативной (абсолютной) конструкции эргативному определяется семантикой глагола-сказуемого. Глаголы, делящиеся на транзитивные и интранзитивные и являющиеся предикативным центром и ядром предложения, изначально задают предложению его номинативное (абсолютное) или эргативное построение. В этом отношении исключение составляют только лабильные глаголы.

3.11.1. Номинативная конструкция предложения в кабардино-черкесском языке формируется непереходным глаголом или иными частями речи, занимающими в предложении синтаксическую позицию сказуемого. При этом в глаголах с простой основой представлено только одно лицо, лицо субъекта, который стоит в именительном падеже. *А-р #-тхащ* – «Он писал»; *ЩIалэ-р #-щысщ* – «Юноша сидит». При многочисленных же глаголах в составе предложения обнаруживается косвенный объект: *А-р лIы-м #-е-псэлъащ* – «Он говорил с мужчиной»; *ЩIалэ-р хъыджэбз-хэ-м #-я-хуэ-защ* «Юноша встретил девушек».

В языке можно выделить следующие разновидности номинативной (абсолютной) конструкции:

I. Номинативная определенная конструкция, характеризующаяся маркированностью подлежащего. Синтаксическую позицию подлежащего при этом занимают:

– нарицательные имена существительные в форме определенного склонения: *Хъыджэбзы-р пыгуфIыклащ* (Къ. Хъ.) «Девушка улыбнулась».

– Указательные местоимения **а, мо, мы** «тот», «этот», выполняющие роль личного местоимения третьего лица «он»: *А-р дахэт* – «Она была прекрасна».

– Имена существительные, определяемые указательными местоимениями **а, мо, мы** «тот», «этот»: *Д махуэ-р гуфIэгъуэ махуэт* (Щ. А.) – «Тот день был праздничный».

– Собственные имена существительные, обозначающие фамилии: *Шыбыхъуэ-р къыщIыхъащ* – «Шибзухов зашел».

– Определительные местоимения **езы, дэтхэнэ, псори**: *Нобэ псо-р-и жьыуэ къызэхуэсат* – «Сегодня все собрались рано».

– Причастие, причастный оборот в предложении причастной конструкции: **Блокнотым истха-р** уэ къызэженларц – «Записанное мною в блокнот тобою сказанное (есть)».

– Наричательные имена существительные в форме множественного числа: **ХьэццIэ-хэ-р** ежъэжахэц – «Гости разъехались».

Имена существительные в форме определенного склонения в роли подлежащего невозможно употреблять немаркированными, поскольку маркер **-р** в кабардино-черкесском языке одновременно выполняет функцию определенности и функцию форманта именительного падежа. В связи с этим употребление подлежащего в определенном склонении без форманта именительного падежа **-р** практически невозможно.

Имена-подлежащие, определяемые указательными местоимениями **а, мо, мы**, имена в форме множественного числа и собственные имена, обозначающие фамилии, употребляются только с формантом определенности **-р**.

Указательные местоимения **а, мо, мы** «тот», «этот», определительные местоимения **езы** «сам», **дэтхэнэ** «каждый», **псо** «все», причастие и причастный оборот, субстантивируясь при выполнении ими функции подлежащего в предложении, оформляются формантом определенности **-р**.

2. Номинативная неопределенная конструкция, характеризующаяся немаркированностью подлежащего. Синтаксическую позицию подлежащего в таких предложениях занимают собственные имена существительные (за исключением собственных, обозначающих фамилии); сказуемого – имена существительные и прилагательные: **Аслъэн-#** лы бжъыфIэц – «Аслан мужчина приятный (есть)»; **Тэрч-#** уэрц – «Терек бурный (есть)»; **Мысост-#** егъэджакуэц – «Мысост учитель (есть)».

3.11.2. Эргативная конструкция предложения является своеобразной синтаксической конструкцией, характерной для всех иберийско-кавказских языков. Она представляет собой конструкцию транзитивного глагола, при которой последним обусловлено наличие в составе предложения двух имен: реального субъекта в эргативном и объекта в именительном падежах. При этом субъект конструкции находится в специфическом эргативном падеже, характерном для иберийско-кавказских языков и отсутствующем в индоевропейских, семитских и тюрко-татарских языках. Именительный падеж – падеж ближайшего объекта – также является специфическим по сравнению с падежами индоевропейских и других языков, так как он обладает необычной синтаксической функцией, выражая не подлежащее, а дополнение, прямой объект.

В кабардино-черкесском языке можно выделить две разновидности эргативной конструкции: эргативно-определенную и эргативно-неопределенную. Синтаксическую позицию подлежащего эргативно-определенной конструкции предложения занимают имена в определенном склонении, маркированные формантом **-м** (указательные местоимения **а, мо, мы** – «тот», «этот» оформляются при этом формантом **-бы**): **ЩIалэ-м** абрэджхэр и унэ ишац (Къ. Хь.) «Юноша отвел абреков к себе домой»; **Лыжъым и псалъэр ХьэтIохъуцокъуэ-м**, блэкIрэ нэт, зэхихац (Къ. Хь.) – «Проходя мимо, Хатокшонов услышал слова старика»; **ЕтIуанэ-м** зыри жула-къым – «Второй ничего не сказал».

Функцию подлежащего эргативно-неопределенной конструкции предложения выполняют собственные имена существительные: **Хьэсанш-#** жылэр депI, дехъумэ (Къ. Хь.) – «Хасанш оберегает все село, заботится о нас»; **Мухъэмэд-#** шы къицэхуац – «Мухамед купил коня».

Эргативный падеж в кабардино-черкесском языке является не только выразителем реального субъекта, как это имеет место, например, в лезгинском языке, но совмещает функции инструментального падежа, как в даргинском и аварском языках, генетивного падежа, как в лакском, дательного падежа и т. д. При этом эргативный падеж в функции генетивного, дательного, инструментального и других косвенных падежей оказывается во многих случаях морфологически более устойчивым по сравнению с эргативным падежом субъекта при переходном глаголе. Эта особенность эргатива в кабардино-черкесском языке послужила основанием для исследователей эргативной конструкции в

западнокавказских языках прийти к заключению, что функции косвенных падежей для совмещающего эргатива были исходными, а функция падежа реального субъекта – вторичной.

Реализация конструкций предложений в кабардино-черкесском языке, как и в адыгейском и убыхском, происходит глагольно-именным, в абхазском и абазинском – глагольным способом. В этой связи вопрос о направлении развития типов эргативной конструкции в абхазо-адыгских языках решается в пользу исходности глагольного типа: абхазский и абазинский языки продолжают состояние эргативной конструкции, характерное для эпохи западнокавказского языкового единства, в то время как в адыгско-убыхском ареале сложился новый (комбинированный) тип эргативной конструкции.

Вместе с тем в современном кабардино-черкесском языке наблюдаются факты отклонения от классической схемы самой эргативной конструкции и тенденция перерождения эргативной конструкции. Это выражается в отсутствии в некоторых предложениях эргативной конструкции подлежащего или прямого дополнения. Так, в конструкциях типа *илъэсыр цухащ* «год кончился», *пшагъуэр къытрихуащ* «туман выпал» диахроническое прямое дополнение преобразуется в подлежащее, а транзитивный глагол, хотя внешне сохраняет свою форму, приобретает статус интранзитивного глагола.

В языке наблюдаются случаи не только преобразования прямого дополнения в подлежащее, но и факты его (прямого дополнения) полного отсутствия в составе предложения эргативной конструкции. Подобное явление имеет место в предложениях с глаголами движения: *къэкӀухьын* «ходить», *къэжыхьын* «бегать», *къэпцӀэпцыхьын* «ползать», *къэджэдыхьын* «шататься (в знач. «ходить без определенной цели»)». Например: *Лы-м къэкӀухь* – «Мужчина ходит»; *Спортсмены-м къэжыхь* – «Спортсмен бежит»; *Сабий-м къэпцӀэпцыхь* – «Ребенок ползает»; *ЕкӀуэлӀэпӀэн-шэ-м къэджэдыхь* – «Бездомный шатается». Примечательно, что эти конструкции в кабардино-черкесском языке имеют эквиваленты и с прямым дополнением. Характерно при этом, что наличие или отсутствие реального объекта обуславливает не только грамматическую природу данных глаголов, но и их семантику: *къикӀухьащ*, *къижыхьащ* при наличии реального объекта выступают в значении «обошел» и «обежал».

Особого внимания заслуживает то, что при глаголах *къэкӀухьын*, *къэжыхьын* в тех случаях, когда они выступают без реального объекта, субъект ставится в эргативном падеже. Этот факт характеризует данные глаголы как переходные с подразумеваемым объектом (А. К. Шагиров).

3.11.3. При анализе конструктивных особенностей кабардино-черкесских предложений выявляется так называемая неопределенная или **индефинитная конструкция**. Анализ языкового материала в плане диахронии показывает, что неоформленная конструкция предложения в адыгских языках была исторически единственной конструкцией простого предложения при переходных и непереходных глаголах, она в чистом виде сохранилась в абхазском языке. Однако и сегодня, сосуществуя с номинативной и эргативной конструкциями, она находит довольно частое применение в кабардино-черкесском языке. Предложения индефинитной конструкции характеризуются тем, что реальный субъект и объект в них не маркированы. Синтаксическую позицию сказуемого в подобных конструкциях могут занимать как транзитивные и интранзитивные глаголы, так и иные самостоятельные части речи. В роли субъекта и объекта выступают личные местоимения 1 и 2 лица, вопросительно-относительные местоимения, имена, причастие: *Сэ-# уэ-# дьгъуасэ у-с-лӀэгъуащ* – «Я тебя вчера видел (букв.: Я ты вчера видел)». *Дэ-# фӀэ-# пцӀэдей д-ы-ф-пӀэлӀэнуу* – «Мы вас завтра будем ждать (букв.: Мы вы завтра будем ждать)». *Хэт-# тхылъ-# къыздицта?* – «Кто захватил с собой книгу? (букв.: Кто книга захватил с собой?)»; *Жэм лӀакъуэ-# шкӀэ-# цукӀыркъым* (Пс.) – «Коровья нога не убивает теленка (букв. Коровья нога теленок не убивает)»; *Мыцхьэх-# дахащӀэщ* (Пс.) – «Легкий на подъем добродетель (есть) (букв. Не ленившийся добро делающий есть)»; *Зи бзэ лӀэфӀ цынэ-# мӀэуиӀ-# щӀоф* (Пс.) – «Ласковый ягненок двух маток сосет (букв. Чей язык сладкий ягненок две овцы сосет)». *Емызэш-# мӀшыбэ-# ещӀэ* (Пс.) – «Неутомимый (букв. неутомляющийся) выращивает обильное

просо».

Предложения индефинитной конструкции с неоформленными именами и причастиями обычно встречаются в пословицах и поговорках. Семантика подобных предложений, как правило, обозначает не единичные предметы, явления в жизни, т. е. выражаемое глаголом в таких конструкциях действие относится не к конкретному субъекту или объекту, а к целому классу предметов и типичных явлений.

Наряду с нарицательными именами существительными в синтаксической позиции реального субъекта и объектов в предложениях индефинитной конструкции выступают и личные имена. Эргативный и именительный падежи при собственных именах лиц входят в употребление сравнительно поздно. Только после того, как сложился морфологический шаблон, после того, как затемнилось первоначальное понимание эргативного и именительного падежей и эти последние превратились в так называемые синтаксические формы, форманты именительного и эргативного падежей стали необходимы и для собственных имен (А. С. Чикобава).

В предложениях индефинитной конструкции с личными именами в позиции субъекта и объектов типа *Хьэсэн-# Мэзан-# хуэзащ* – «Хасан Мазана встретил (букв.: Хасан Мазан встретил)»; *Мухьэмэд-# Аслээн-# Хьэчим-# иригьэпсэлъащ* – «Мухамед заставил Аслана поговорить с Хачимом (букв.: Мухамед Аслан Хачим поговорить заставил)» единственной формой разграничения имен с субъектным и объектным значениями является их (имен) последовательность в предложении. В подобных предложениях с двумя личными именами в препозиции располагается реальный субъект, за ним следует объект. В конструкциях с тремя личными именами на первом месте стоит реальный субъект, на втором – понуждаемый к совершению действий объект, за ним следует прямой или косвенный (в зависимости от исходной формы глагола-сказуемого) объект. Нарушение аранжировки имен ведет к изменению семантики предложения.

Появление номинативной и эргативной конструкций способствовало изменению строгой аранжировки предложения и появлению более подвижного порядка слов в синтагмах, в которых связь именных компонентов с глаголом выражается морфологически в падежных формах субъекта и объекта. Но и здесь избегается употребление подряд нескольких членов синтагмы с одинаковой формой, так как аранжировка членов предложения приобретает грамматическую значимость и при морфологическом совпадении субъекта и объекта.

Индефинитная конструкция с личными именами в функции субъекта и объекта начинает претерпевать изменение с объекта. Становятся необходимыми для дифференциации объектов синтаксические формы, которые уже постепенно оказывают влияние и на оформление субъекта. Этапы такого изменения представляются следующими: *Нурдин-# Хьэсэн-# Анзор-# кьыхуешэ* – «Нурдин Анзора (к) Хасану приводит». *Сосрыкгуэ-# Бэдынокгуэ-м деж лыклуэ егъаклуэ* (Н.) – «Сосруко к Бадыноко посла посылает». *И кгуэ закгуэу Сосрыкгуэ-м Сатэней-р кьыхуоклуэж* (Н.) – «К единственному сыну Сосруко Сатаней возвращается».

В отличие от немаркированных имен (субъекта и объекта), изменение порядка последовательности которых ведет к изменению семантики предложения, позиция личных местоимений 1 и 2 лица, выполняющих функции подлежащего и дополнений в предложении, не является грамматически значимой. Так, предложение *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ* «Я вас видел» отличается от *Фэ сэ ф-ы-с-лээгъуащ* «Вас я видел» только в стилистическом отношении. Это обусловлено твердой, четко фиксированной позицией личных префиксов субъекта и объекта в составе глагола-сказуемого: аранжировка личных префиксов в глаголе-сказуемом в приведенных выше двух предложениях идентична: *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ* – *Фэ сэ ф-ы-с-лээгъуащ*. Строгая дифференциация позиций показателей субъекта и объекта в составе сказуемого способствует выявлению и безошибочному разграничению реального субъекта и объекта даже в случае их замещения в предложении нулем: в двухличном транзитивном глаголе показатель субъекта занимает препозицию по отношению к показателю объекта: *Сэ фэ ф-ы-с-лээгъуащ* – «Я вас видел»; в интранзитивном – показатель субъекта следует за показателем объекта: *Сэ фэ с-ы-ф-хуэзащ* – «Я вас встретил». От замещения субъекта и объекта в приведенных примерах нулем семантика этих предложений несколько не нарушается: *# # ф-ы-с-лээгъуащ* – «(Я) (вас) видел»; *# # с-ы-ф-хуэзащ* – «(Я) (вас)

встретил».

4. Словопорядок в простом предложении

Порядком слов называется последовательность расположения синтаксических компонентов предложения.

Функции порядка слов в разных языках реализуются по-разному. В одних языках им отводится большая роль, а в других – менее существенная. «Функция, присущая всякой данной порядковой последовательности слов, всецело зависит от духа отдельного языка» (Сепир Эд. Язык. М.-Л., 1934. С. 50.).

В языках с сильно развитой системой флексий значительно ослаблена синтаксическая функция словопорядка. В них он выступает как средство передачи актуального членения предложения и его стилистической ориентации. В языках же, где имя не склоняется, порядок слов — самое важное средство в передаче синтаксических отношений.

Кабардино-черкесский язык занимает промежуточное положение между языками, в которых порядок слов особо значим, и языками, в которых он выполняет лишь коммуникативную и стилистическую функции. Отсутствие дифференцированности между падежным значением и детерминативной функцией у суффиксов *-р*, *-м* способствует сохранению за словопорядком синтаксической роли, которая более выражена в предложениях индефинитной конструкции. *Мыцц дыгъужь фIэблэцэщ* (Пс.) – «Медведю волк кажется слишком лохматым». *Жэм лъакъуэ шкIэ цукIыркъым* (Пс.) – «Коровья нога не убивает теленка». *Делэ къуэлэн и щIасэщ* (Пс.) – «Дураку пестрое по вкусу».

В предложениях, где субъект и объект выражены собственным именем, порядок слов выступает единственным средством разграничения синтаксических функций между ними, т.к. природе собственных имен не свойственна категория определенности, а между падежным значением и значением определенности формантов *-р*, *-м* практически нет разграничений. *Мухъэмэд Хъэсэн къеджащ* – «Мухамед Хасана позвал». *Исмэхыл Мудар псори хуIуэтэжащ* – «Исмаил Мудару все рассказал». *Хъусейн МуIэд йожъэ* – «Хусейн Муаеда ждет».

В целях придания речи стилистической направленности иногда собственное имя может быть употреблено с формантами *-р*, *-м*. В подобных предложениях за членами, обозначающими субъект и объект, наблюдается некоторое позиционное варьирование, но и в первом и в другом случаях нормированному словопорядку соответствует препозиция субъекта: *Хъусейнынр МуIэдым йожъэ* — «Хусейн Муаеда ждет». *Мухъэмэд Хъэсэнм къеджащ* – «Мухамед Хасана позвал».

Синтаксическая значимость словопорядка в кабардино-черкесском языке обусловлена не только раздвоением значений формантов *-р*, *-м*, но и особенностями глагола кабардино-черкесского языка.

Глагол в адыгских языках является полиперсональным. Все основные особенности синтаксического строя адыгского предложения, в том числе и функции порядка слов, определяются полиперсонализмом глаголов.

В полиперсональном глаголе представлены морфологические форматы – показатели лица, обстоятельства и т. д. Личными показателями полиперсонального глагола в адыгских языках открываются свободные синтаксические позиции, занимаемые соответствующими членами предложения, которые не всегда оформляются с помощью флексий. В этих случаях порядок слов выступает средством разграничения синтаксических отношений между членами предложения. *Нанэ дадэ къеджащ* – «Бабушка дедушку позвала». *Нобэ уэшх къошх* – «Сегодня дождь идет». *Дыгъуасэ дыгъэ къепсащ* – «Вчера солнце светило».

В зависимости от морфологической характеристики глагола, точнее от комплекса его личных формантов, он может быть одно-, двух-, трех-, четырехсоставным. *Нанэ дадэ нэгъуджэ иритыжащ* – «Бабушка дедушке очки отдала». *Исмэхыл Мудар Хъэсэн къыхуриджаш* – «Исмаил для Мудара Хасана позвал».

Синтаксическая роль имен, связанных с глаголом и не изменяющихся по падежам, определяется порядком слов. В таких предложениях словопорядок выступает средством выражения собственно грамматических значений. Грамматически значимый

словопорядок жестко фиксирован. В других случаях размещение в предложении синтаксически связанных членов может варьироваться, поскольку отношения между ними выражены флексиями. Однако допустимость вариантов размещения слов в предложении не значит, что словопорядок в ней свободный, т.к. при этом нормы порядка слов подчинены выражению актуального членения предложения или служат стилистическим маркером.

Различают порядок слов в словосочетании и в предложении. Нормы словорасположения в разных типах словосочетаний обязательно сохраняются и в предложении, если актуальное членение не разрушает единства словосочетания. Место каждого компонента словосочетания и члена предложения определяется: 1) конструкцией синтаксической единицы, 2) способом выражения данного члена предложения, 3) коммуникативной установкой говорящего или пишущего, 4) стилистической ориентацией. В соответствии с этими факторами каждый компонент словосочетания и член предложения имеет в предложении обычное, свойственное ему место для него менее обычное (если порядок слов синтаксически не значим, а значит жестко не фиксирован). На этом основании выделяется базисный словопорядок, т. е. словопорядок, характерный для языка и порядок слов являющийся отступлением от базисного, вызванный смысловыми и стилистическими требованиями текста.

Выполнение словопорядком синтаксической функции, приводящей к строгой фиксации позиций, флективно не оформленных субъект-но-объектных членов предложения и функций передачи актуального членения предложения и его стилистической ориентации, составляет ту особенность кабардино-черкесского языка, которую называют частично несвободным словопорядком. Порядок слов всегда подчиняется определенным нормам и всегда выполняют те или иные синтаксические, смысловые и стилистические функции.

Все функции порядка слов, действуя воедино, организуют речь изнутри, выявляют взаимопорядок и степень коммуникативной значимости членов предложения. Рассматривать эти функции отдельно друг от друга невозможно, разве что в методических целях в процессе аналитического изучения данного вопроса.

4.1. Базисный словопорядок

Базисным, т. е. основным порядком слов считается наиболее частотный способ линерализации членов предложения, регулярно используемый при его спонтанном порождении.

Из шести логически возможных типов порядка слов (SOV, SVO, VSO, VOS, OSV, OVS), неравномерно распределенных в языках мира, наиболее частотным для кабардино-черкесского языка авторами определяется конструкция SOV. *Щалэм тхылгыр иджынуш* – «Парень книгу прочтет».

Наряду с типом порядка слов SOV высока частотность функционирования в кабардино-черкесском языке порядка OSV.

В эргативном предложении наиболее распространенным выявляется порядок SOV. *Хьыджэбз цыкIум гуащэр къицташ* – «Девочка куклу взяла».

Порядок OSV для эргативной конструкции является основным в предложениях с глаголами типа – *исын* «сжечь», *тхьэлэн* «задушить» и др. *Щалэр псым итхьэлаш* – «Парень в воде (реке) утонул».

Жесткий порядок следования S и O необходим, если в роли субъекта и объекта выступают имена существительные, не имеющие противопоставления абсолютив – эргатив. *Дадэ нанэ йоджэ* – «Дедушка бабушку зовет».

В подобных конструкциях порядок следования S и O становится нефиксированным, если в роли последних выступают местоимения. *Сабийм абы мылэрысэ хуишиаш* – «Ребенку он яблоко протянул». *Абы мылэрысэ сабийм хуишиаш* – «Он яблоко ребенку протянул».

В предложениях с непереходным глаголом обычным считается порядок SV, хотя не исключен порядок VS: *ар мажэ* – «он бежит», *мажэ ар* – «бежит он».

В языках эргативного строя, к которым относится кабардино-черкесский, косвенные дополнения обычно располагаются между прямым дополнением и сказуемым. *Хъыджэбзым бостейр дыщэ луданэкIэ хидыкIащ* «Девушка платье золотой ниткой вышила».

Как видим, прямое и косвенное дополнения располагаются в препозиции глагола, независимо от морфологической принадлежности слова, выступающего в его качестве. При этом, косвенный объект обычно располагается в контактной позиции к сказуемому.

Место обстоятельства определяется его значением. Если это обстоятельство места, времени и относится ко всему предложению в целом, оно обычно располагается в абсолютной препозиции или в самом конце предложения.

Еханэ палатэм цIыхуих цIэлъщ «В шестой палате шесть человек лежат» *ЦIыхуих цIэлъщ еханэ палатэм* «Шесть человек лежат в шестой палате».

В других случаях, во избежание искажения содержания предложения, обстоятельство располагается рядом со сказуемым, которому оно относится.

Москва кыкIа профессорхэр университетым дыгъуасэ кърагъэблэгъащ «Из Москвы приехавшие профессора в университет вчера приглашены».

Определение, распространяющее подлежащее, может находиться как перед, так и после определяемого слова. Выбор позиции зависит от морфологической принадлежности определяющего слова. В препозицию вносится определение, выраженное относительным прилагательным – *дыгъуасэрей цIахъуэ* («вчерашний хлеб»), и в постпозиции располагается определение, выраженное качественным прилагательным – *жыг дахэ* («дерево красивое»).

В предложениях абсолютивной конструкции базовым считается порядок SV. Нормы расположения других членов абсолютивной конструкции соответствуют вышеизложенным.

Мэзаныр гъукIэ Iэзэт «Мазан (этот) был умелым кузнецом».

В связи с передачей тех или иных смысловых оттенков базисный словоупотребительный порядок может быть изменен: коммуникативно значимое слово выносится в абсолютную препозицию или постпозицию.

1. *Хуабэщ махуэр* («Жарок день»).

2. *Лыжъщ къоджэр* («Старик (есть) тебя зовет»).

Изменение обычного порядка расположения членов предложения, сопровождается изменением коммуникативного значения или стилистического характера высказывания.

4.2. Изменение базового порядка

В кабардино-черкесском языке порядок слов служит средством передачи синтаксической связи и средством передачи актуального членения предложения, а также выступают стилистическим маркером. Синтаксическая значимость словоупотребительного порядка в языке обусловлена особенностями глагола, отсутствием дифференциальности между падежными значениями и детерминативным значением форматов -р, -м.

Там, где порядок слов значим синтаксически, он строго фиксирован.

Жыг тхъэмпэхэр къыныхужащ «Деревьев листья спали».

Следовательно, синтаксически значимый словоупотребительный порядок не может быть изменен в связи с актуализацией высказывания и его стилистическим оформлением.

Там, где синтаксические связи передаются не словоупотребительным порядком, последовательность расположения членов предложения может быть изменена. Отступление от базисного словоупотребительного порядка не означает, что порядок слов в подобных предложениях свободный: он служит передаче тех или иных смысловых оттенков значения.

Слова, на которых говорящий или пишущий хочет сакцентировать внимание, переносятся в кабардинском предложении в абсолютную препозицию. Для этой же цели сказуемое может переместиться с конца предложения в начало фразы.

1.1. *Къэзгъуэтащ сызылгъыхъуа хъуцхъуэр* «Я нашел лекарство, которое искал».

1.2. *Ежъэжащ хъэцIэхэр* «Уехали гости».

В указанных примерах изменение базисного словоупотребительного порядка подчинено целям передачи актуального членения.

Базисный словопорядок может быть изменен и в случае, если порядком слов передается стилистическая ориентация высказывания. Посредством словопорядка предложению можно придать этическую окраску; тот или иной словопорядок может выступать маркером определенного стиля: художественного, публицистического, официально-делового, разговорного. Более того, словопорядком отличается строй устной и письменной речи.

1.1. *КъэкӀуэжаш Сосрыкъуэ нэщхъейуэ, щыщ, къыхуэмыӀэту и щхъэр.*

1.1. «Вернулся Сосруко опечаленный, сидит, не может голову поднять».

2.1. *Хым еплӀанэр еух.*

2.1. «В 6 четвертая заканчивается».

2.2. *ЕплӀанэ парэр сыхъэтихым еух.*

2.2. «Четвертая пара в шесть часов заканчивается».

Таким образом, изменение базисного словопорядка возможно только в тех конструкциях, где ПС синтаксически не значим, следовательно, строго не фиксирован. Всякое отклонение от базисного словопорядка значимо и должно быть оправдано коммуникативно или стилистически.

4.3. Роль маркеров абсолютива и эргатива в изменении базисного словопорядка

Не все члены предложения одинаково часто могут менять свои позиции, если даже они не закреплены синтаксической значимостью. Количество возможных вариантов словопорядка зависит от многих факторов и в первую очередь от наличия или отсутствия у членов предложения маркеров абсолютива и эргатива. Как правило, в кабардино-черкесском языке падежные маркеры *-р*, *-м*, передают и детерминативное значение. Наличие в рассматриваемом языке двух типов склонения: определенного и неопределенного, допускает существо вариантов предложений, где члены, выраженные именами, выступают с маркерами *-р*, *-м* и идут без них. Для обоих вариантов является определенный порядок слов. Отклонения же от обычного словопорядка происходит с учетом наличия или отсутствия у соответствующих членов предложения абсолютива и эргатива.

Синтаксические конструкции, где субъектно-объектные члены предложения выступают с маркерами эргатива и абсолютива, отличаются более гибким словопорядком, т. е. в них указанные члены предложения легче меняют свои позиции.

1.1. *Мухъэмэдыр Хъэсным хуэзащ.*

1.1. «Мухамед с Хасаном встретился».

1.2. *Хъэсным Мухъэмэдыр хуэзащ.*

1.2. «С Хасаном Мухамед встретился».

Падежные значения передаются маркерами *-р*, *-м* и в любой позиции данной синтаксической конструкции остается четкой граница между членами с субъектным и объектным значениями.

Изменение базисного словопорядка в предложениях, где наличествуют члены без маркеров абсолютива и эргатива, происходит реже, т. е. позиции таких членов предложении более закреплены, так как в основном порядком слов передаются субъектные и объектные значения. При этом члены предложения с объектным значением располагаются в постпозиции членов предложения с субъектным значением. Препозиция субъекта намного важнее, чем контактное расположение указанных членов предложения.

1.1. *Мухъэмэд кӀриджащ Хъэсэн.*

1.1. «Мухамед позвал к себе Хасана».

4.4. Семантика S и O и словопорядок

Выделение структурных типов словопорядка основывается на соответствующем порядке расположения подлежащего (S), прямого дополнения (O) и сказуемого (V). В

разных конструкциях кабардино-черкесского языка порядок следования S и O различен. И зависит от типов предложений, семантических, синтаксических и морфологических отношений между его членами.

Так как кабардино-черкесский язык представляет собой язык эргативного строя, наиболее распространенным в нем является порядок SO.

1.1. *Удзгъэгъам тхъэмпэхэр къыпидзащ.*

«Цветок (эрг.) листки (абс.) появиться».

«У цветка листочки появились».

В эргативном предложении подобный словопорядок строго не фиксирован. Хотя чаще встречается порядок SO, возможным является и OS. Но такой порядок наблюдается в предложениях, где участвует семантически ограниченный круг глаголов типа *исын* («сжечь»), *укIын* («убить»). В роли субъекта в этом случае выступают существительные типа *дыгъэ* «солнце», *щыблэ* «молния», *уэшх* «дождь» и т. д.

1.1. *ЩIалэр уэшхым иуфэницIащ.* «Парень (аб.) дождь (эрг.) промокнуть». «Парень под дождем промок».

В кабардино-черкесском языке члены предложений с субъектно-объектным значением могут располагаться дистантно, т. е. сказуемое (V) иногда выступает между субъектным и объектным членами предложений. (SVO) или объектным и субъектным членами предложений. (OVS)

1.1. *ЩIалэр иуфэницIащ уэшхым.*

«Парень (S) промокнуть (V) дождь (O)».

«Парень промок под дождем».

1.2. *Тхъэмпэхэр къыпыкIащ удзгъэгъам.* «Листья (O) появились (V) цветок (S)». «Листья появились у цветка».

Подобные изменения порядка следования S и O сопровождаются изменением коммуникативного значения или стилистической ориентации высказывания.

Кабардино-черкесский язык относится к языкам, где порядок слов выполняет синтаксическую функцию. Когда в роли субъекта и объекта выступают существительные, не знающие противопоставления «абсолютив-эргатив», порядок следования S и O жестко фиксирован.

1.1. *Дадэ нанэ нэгъуджэ иритащ.*

«Дедушка бабушке очки отдал».

2.1. *Хъэсэн Iэбузед къриджащ.*

«Хасан Абузеда позвал к себе».

При этом, как показывают примеры 1.1., 1.2., субъект занимает препозицию. Такая последовательность значима синтаксически из-за отсутствия иных средств передачи синтаксической связи между субъектом и объектом. Обратный порядок меняет синтаксические отношения.

2.2. *Iэбузед Хъэсэн къриджащ.*

«Абузед Хасана позвал к себе».

1.2 *Нанэ дадэ нэгъуджэ иритащ.*

«Бабушка дедушке очки отдала».

Изменение порядка S и O невозможно, если в роли последних выступают личные местоимения третьего лица.

Если эргативное предложение включает косвенный объект, то жесткий порядок следования имеют субъект и косвенный объект.

1.1. *ПицIащэм сыхъэтыр стIолым трилъхъащ.* «Девушка (S) часы (O) стол (Ок.) положить». «Девушка часы на стол положила».

4.5. Словопорядок в вопросительном предложении

В предложениях, различных по цели высказывания, наблюдается разный порядок следования его членов. В вопросительных предложениях порядок слов зависит от его структуры: есть ли в предложении вопросительные слова или вопрос строится без них.

В предложениях, где нет вопросительных слов, порядок следования членов может меняться. Главный фактор распределения позиций между словами – коммуникативная

цель, преследуемая говорящим или пишущим. Основную смысловую нагрузку в вопросительном предложении несет сказуемое. От позиции, которую занимает сказуемое, зависит актуальное членение предложения. Большую смысловую нагрузку несет сказуемое, расположенное в абсолютной препозиции или в конце предложения.

1.1. *КъэкӀуа фызэжъа хъэцӀэхэр?*

1.2. «Пришли гости, которых ждали?»

2.1. *Фызэжъа хъэцӀэхэр къэкӀуа?*

2.2. «Гости, которых ждали, пришли?»

Если сказуемое расположено в середине предложения, вопрос звучит вкрадчиво и доверительно.

1.1. *Дыгъуасэ къэкӀуэжъа Хъэсэн ?*

1.1. «Вчера приехал Хасан?»

Но следует учитывать, что свои позиции меняют те члены предложения, позиции которых синтаксически не значимы.

1.1. *Дыгъуасэрей хъэцӀэхэр евгъэжъэжъа?*

1.1. «Вчерашних гостей проводили?»

Относительное прилагательное может занять только контактную позицию к определяемому слову. Как видим, возможность свободной расстановки слов ограничена.

Порядок слов вопросительного предложения с вопросительным словом характеризуется тем, что в нейтральном предложении • место занимает вопросительное слово.

1.1. *Хэт укъэзышэжар?*

1.1. «Кто тебя привез?»

2.1. *Дапцэц укъэкӀуэжыну?*

2.1. «Когда вернешься?»

Когда вопросительное слово располагается в конце предложения, фраза обретает значение настойчивости, упрека. Такой порядок придает значению эмоционально-экспрессивные оттенки.

1. *УкъыцыкӀуэжыпэр дапцэц?*

1. «Вернешься насовсем когда?»

2. *Къыпхуэзышар хэт?*

2. «Привез тебе кто?»

Как видим, место вопросительного слова выбирается в соответствии с коммуникативным заданием говорящего.

4.6. Порядок слов в ответном предложении

Ответное предложение может быть утвердительным или отрицательным. В предложениях, выражающих утверждение, в препозицию относится утвердительное слово типа *хъуниц* «хорошо» или чаще всего глагол, содержащийся в вопросительном предложении, употребляемый с формантом *-и*, выражающим утверждение.

1.1. *Фызэжъахэр къэкӀуэжъа?* «Те, кого ждали, вернулись?»

1.2. *КъэкӀуэжъац дыгъуасэ.* «Вернулись вчера»

Глагол со значением утверждения может расположиться и в конце ответного предложения. Выбор позиции зависит от желания говорящего актуализировать значение того или иного слова.

1.3. *Дыгъуасэ къэкӀуэжъац* «Вчера вернулись»

1.4. *Нобэ йожъэ* «Сегодня ждут (их)»

Как правило, на слово, расположенное в абсолютной препозиции, падает логическое ударение.

5. Сложное предложение

Простое предложение, как известно, состоит из слов и словосочетаний, которые образуют одну предикативную единицу. Но в устной и письменной речи мы широко пользуемся синтаксическими конструкциями, составными элементами которых

(строевыми единицами) выступают различные типы простых предложений, каждое из которых имеет свою предикативную часть, т. е. образуют свой грамматический центр. Таким образом, сложное предложение – это такая коммуникативная единица, в которой простые предложения объединены интонационно, и образуют смысловое и грамматическое единство. Точно так же как словосочетания и простые предложения формируются из слов, сложные предложения образуются из простых предложений. Простые предложения являются строительным материалом для сложного. Они взаимосвязаны, но, естественно, сложные предложения отличаются от простых по ряду признаков: в структурном, семантическом, грамматическом, коммуникативном плане. Ср. примеры: 1. *Уэих щабэ къызэпхедз* «Мелкий дождь накрапывает» 2. *Дыгъэр пшэ лувым щлилгъафаш, зэуэ жъаппэщхуэ къыкгуэуаш, уэих плацэ къыпхидзу щлудзаш, тэлай клэцккэ уэшхыр уридэклуеину къыщцудащ.* «Тяжелые тучи закрыли солнце, подул сильный ветер, посыпались крупные капли дождя, через мгновение хлынул ливень». 3. *Дэлэныкгуэгуэ нэсккэ абы щыгугъыртэкъым, сьт щхэккэ жыплэмэ абы и узыншагъэр щлагъуэтэкъым* (Iy.) «Настоящей помощи от него не ждали, потому что здоровьем он был уже слаб». 4. *Шумахуэ зэгуэпурэ пщыхъэщхъэр къэсаш, генеральнэ репетицэм щыкгуэну зэманри къэблэгъаш* (Хъ. Хъ.) «Шумахо сердился (сердясь) наступил вечер, время было уже идти на генеральную репетицию».

Первое предложение простое, представляет собой один предикативный центр, а второе предложение сложное, состоит из четырех предикативных частей, связанных по смыслу и интонационно, предложение сложносочиненное, тип связи – бессоюзие. Третье предложение тоже сложное, состоит из двух предикативных частей, связанных подчинительным союзом (связь подчинительная). Четвертое предложение сложное оно состоит из двух предикативных частей, тип связи – присоединение.

Рассмотренные примеры показывают, что сложное предложение – полипредикативная синтаксическая единица, включающая в себя два или более простых предложений.

Однако в кабардино-черкесском языке простое предложение, входящее в состав сложного, нельзя назвать семантически и грамматически свободным. Оно теряет в составе сложного предложения подобную самостоятельность. Пример: *Пщлантлэр нэщлм, анэшхуэмрэ сабиймрэ нэмыщл нэгъуэщл дэстэкъым* «Во дворе было пусто, кроме бабушки и ребенка никого не было (дома)». Второй компонент этого сложного предложения морфологически связан с первым: преверб направления (места) *дэ* – в глаголе *дэстэкъым* «не было (во дворе)» связан со словом *пщлантлэм* и является показателем обстоятельства места в первом предложении.

Особенность морфологической структуры глагола кабардино-черкесского языка становится причиной и интонационной несамостоятельности предикативных единиц сложного предложения.

1. В структурном плане сложное предложение отличается от простого тем, что сложное предложение представляет собой совокупность (оно может состоять из двух и более простых предложений) грамматически правильно организованных предикативных частей (простых предложений). Примеры: *Абыхэм (бзухэм) абгъуэр щащлым гугъу зэрыдехъахэм хуэмыдэжу иджы бын зрагъуэтрэ нэхъри гугъу ехъ хъуат, арщхэккэ пцлащхуэхэр я шыр цыккхэм щхэккэ гуфлэрти, сьт хуэдизу ешхэми, сьт ящлэми псынщлэу къащыхъурт* (Iy.) «С появлением птенцов ласточкам стало труднее, чем тогда, когда они строили гнездо, однако они радовались птенцам и как бы они ни уставали и что бы они ни делали – делали легко»; *Уэ акъылэгъу укъызэрытхуэхъунур сэ сцлэркъым, ауэ уи лыгъэм, уи щытыккэ слэгъуам сэ уэ мурад дахэ куэдхэр пхузагъэщлащ* (Къ. З.) «Не знаю, в чем ты с нами согласишься, но твое мужество и твое поведение порождают (навевают) много хороших мыслей о тебе».

Бессоюзный вариант сложного предложения тоже богат в структурном отношении, хотя связь между компонентами здесь выражена интонационно. Пример: *Щхъэрыутлэпщ хъуауэ къехыж шыдым дыккылгъэ-щлхъэри къэдгъэувылащ, зэптплгъыхъащ: пхъэ гъурыр изу шыдыгу гулгъэшхуэт, нэщлэуантлэм фоч зэгуэт флэдзат, клансэм и гупэмккэ джыдэр дэлужат* (Н. А.) «Мы догнали и остановили осла, шедшего домой без хозяина: это был большой воз сухих дров, на закрутке висела двустволка, спереди торчал и топор».

Особенность сложного предложения в грамматическом плане заметна: предикативные

части, входящие в состав сложного соединены с помощью союзов, союзных аффиксов и интонационно. См. приведенные примеры. В кабардино-черкесском языке эта связь усиливается еще и тем, что во втором компоненте может находиться морфологический показатель какого-нибудь члена предложения первой предикативной части (Г. В. Рогава, З. И. Керашева, 1966): *Дыгъужьым етлуанэу кIэлъыуэну фочыр дрипхъуэтеящ цаклуэм, ауэ шэ илъыжтэкъым* (Н. А.) «Охотник вскинул ружье желая, повторно выстрелить в волка, однако не было заряда (в нем)».

Вполне очевидно, что в коммуникативном плане сложные предложения богаче простого. В нем всегда содержится больше информации, чем в простом. В простом предложении один предикативный центр и соответственно содержится информация об одном событии, факте: *Гъатхэр къэсащ* «Наступила весна». *Вэнсэным щIадзащ* «Начали сев». *ЩIылэ схудеху* «Меня знобит». *Студентыр тхылъ йоджэ* «Студент читает книгу». *Сабийр еджанIэм кIуакъым. Ар сымаджэщ.* «Ребенок не пошел в школу. Он болен».

В сложном же предложении в соответствии с его структурой увеличивается и объем информации, содержащейся в нем, коммуникативная роль его возрастает: *Сабийр еджанIэм кIуакъым, сыту жыпIэмэ ар сымаджэщ.* «Ребенок не пошел в школу, потому что он болен»; *Гъатхэр къыхъащ, вэнсэным щIадзащ* «Наступила весна, начались весенне-полевые работы».

В зависимости от наличия или отсутствия средств связи, от их характера сложные предложения делятся на две большие группы: союзные сложные предложения и бессоюзные сложные предложения.

В первой группе сложных предложений синтаксическая связь осуществляется с помощью союзов и интонации, а в сложных предложениях, где нет союзов, предикативные единицы связываются одной интонацией. Ср. примеры: *Шылэ тIамIэм къыхъэщIыкIа IэлъэщIыр и Iэблэм еупцIэкIащ и кхъуакIэхэр щIым трилъафэу, ауэ, егупсысыжри, IутIымкIи иIы-гъыу, щIалэ хъэщIэм ар IэщIилъхъэжащ* (Ш.Хь.) «Шелковая шаль была перекинула (она) через руку так, чтобы бахрома касалась земли, но, подумав, держа обеими руками, вручила ее (парню) гостю»; *Уэшх нэужьым пшэхэр псыныцIэ дыдэу зэкIэщIихужащ, икIи дыгъэр джэгуу уафэгум къиувэжащ* (Е. К.) «После дождя тучи быстро рассеялись и солнышко, играя, опять заняло свое место на небе»; *Сэ къызэхъулIа насыпыр сэр дыдэм си фIэщ мыхъужу аращ, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ а насыпым къыщIэхъуэпсу дунейм ехыжа куэд си нэгу цIэкIащ сэ* (Е. К.) «Я сам не верил счастьем, потому что я видел, как многие, мечтая о том же самом, ушли на тот свет»; *Жъы мащIэ къыкъуэуам жыг тхъэмпэхэр хуэмурэ цIиупскIащ, жыжъэу плъагъуу шыта пшэ гуэрэнхэр нэхъ къэгъунэгъуащ* (Е. К.) «Подувший ветерок лениво всколыхнул листья на деревьях, приблизились стаи туч, видневшиеся вдали».

В первых трех предложениях между компонентами сложных предложений – союзная связь, а в последнем – бессоюзная.

По грамматическим значениям сложные предложения обоих типов часто совпадают. Так, например, грамматическое значение перечисления или последовательности наблюдается между предикативными частями сложного предложения с союзом *икIи (и)* и в бессоюзном сложном предложении. Ср. примеры: *Уэшх мащIэ къошх икIи акъужь къыкъуэуам дунейр къегъэщIылэтыIэ* «Идет слабый дождь, и подувший ветерок освежает природу» и *Уэшх мащIэ къошх, акъужь къыкъуэуам дунейр къегъэщIылэтыIэ* «Идет слабый, дождь, подувший ветерок освежает природу». Иногда такое сходство может распространяться и на предикативные единицы, соединенные подчинительным союзом.

Бессоюзные сложные предложения, таким образом, порой отличаются от сложносочиненных и сложноподчиненных только в структурном плане (по наличию или отсутствию союзов), а в грамматическом и содержательном отношении существенных различий между ними нет. Ср. примеры:

Хъэуэ, тхъэм жимылэ а тхъэмыщкIэм апхуэдэу сигу къыхуэкIы- ну, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ псэзпылхъэпIэу зэманыр бзаджэт, шынагъуэт (Ш. Хь.) «Нет, не дай бог о нем бедном даже думать так, потому что время было судьбоносно тяжелое, страшное». Бессоюзный вариант того же сложноподчиненного предложения: *Хъэуэ, тхъэм жимылэкIэ а тхъэмыщкIэм апхуэдэу сигу къыхуэкIыну: псэзпылхъэпIэу зэманыр бзаджэт, шынагъуэт* «Нет, не дай бог о нем бедном даже думать так: время было судьбоносно тяжелое, страшное». Ср. теперь сложносочиненное предложение с союзом *икIи* и его

бессоюзный эквивалент: *Дыгъэр зэрыкъухъэрэ куэд щлакъым, икIи махуэ жьэражъэм иужькIэ къыкъуэуа акъужь мащIэр щIыфэм едэхащIэрт*. «Солнце зашло недавно, и прохладный ветерок, подувший после знойного дня, нежно ласкал тело».

Дыгъэр зэрыкъухъэрэ куэд щлакъым, махуэ жьэражъэм иужькIэ къыкъуэуа акъужь мащIэр щIыфэм едэхащIэрт (Къу.С.) «Солнце зашло недавно, прохладный ветерок, подувший после знойного дня, нежно ласкал тело».

Следует отметить и то, что в кабардино-черкесском языке бессоюзные сложные предложения больше тяготеют к сложносочиненным, а сложноподчиненные предложения не представлены в языке ни структурным, ни семантическим разнообразием.

В союзных сложных предложениях в свою очередь выделяются две большие структурно-семантические группы предложений: сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения различаются Характером осуществления синтаксической связи.

Предикативные части в сложносочиненном предложении соединены сочинительными союзами, а в сложноподчиненном – подчинительными. Эти два типа сложного предложения различаются как грамматически, так и структурно. В то время, как сочинительные союзы соединяют грамматически равноценные предикативные единицы, независимые друг от друга, подчинительные союзы соединяют грамматически неравноправные, неравноценные предложения. Союзы в сложноподчиненных предложениях указывают на зависимый, подчиненный характер одного из компонентов сложного предложения другому. При сочинении же простые предложения, входящие в состав сложного, не претерпевают никаких структурных изменений, они остаются структурно и грамматически равноправными компонентами синтаксического целого, хотя в смысловом отношении они не всегда равноправны.

Из рассмотренных типов сложного предложения (сложносочиненного, сложноподчиненного, бессоюзного) в кабардино-черкесском языке большим структурно-семантическим разнообразием не отличается сложноподчиненное предложение. Самое его наличие в кабардино-черкесском языке подвергаются некоторыми исследователями сомнению. Их же оппоненты впадают в другую крайность и рассматривают в качестве сложноподчиненных предложений синтаксические конструкции с различными обстоятельственными оборотами.

В этой грамматике не подвергается сомнению существование в кабардино-черкесском языке гипотаксиса, но признается и тот факт, что эти конструкции в языке являются новообразованием, а порой даже синтаксическими кальками и стилистически маркированы.

В синтаксической науке принято мнение, что характеризовать сложные предложения, выделять типовые модели следует по основным структурным признакам. Приведенный выше иллюстративный материал показывает, что по основным структурным признакам (т.е. по наличию или отсутствию союзов) сложные предложения можно разделить на союзные и бессоюзные. А в зависимости от того, каким союзом соединены предикативные части, союзные предложения можно разделить на сложносочиненные и сложноподчиненные. Синтаксическая связь между предикативными частями сложного предложения осуществляется с помощью союзов и союзных слов. Она бывает сочинительной или подчинительной. Характер союза и определяет тип сложного предложения.

5.1. Сложносочиненные предложения

Сложносочиненным предложением принято называть такое предложение, предикативные части которого находятся в грамматическом равноправии и связываются сочинительными союзами.

Средствами связи между предикативными частями предложения служат сочинительные союзы и интонация, соответствующая виду сочинительных отношений.

Сочинительные союзы, которые используются для связи компонентов в сложносочиненных предложениях находятся между предикативными частями и

выражают различные грамматические значения, смысловые отношения, основными из которых считаются соединительные, противительные и разделительные.

Эти отношения соответствуют и средствам связи, с помощью которых они и формируются.

Сочинительные союзы, которые используются для синтаксической связи в сложносочиненных предложениях подразделяются на соединительные (*икли, аби*), союзные аффиксы *-рэ, -и* и др., сопоставительные (*ауэ, атлэ, арихъэклэ, армыхъумэ* и др.) разделительные (*зэ... зэ, е, хъэмэ/хъэмэрэ* и др.) выделяются и союзные аффиксы с присоединительным значением.

Одной из характерных особенностей сложносочиненных предложений является то, что они могут быть как открытой так и закрытой структуры.

К примеру, сложносочиненные предложения с союзами *икли (и), зэ...зэ (то...то)* чаще встречаются в открытых и закрытых вариантах: *Автобус цхъэгъумбжэмклэ зэ бжъыхъэ цыгъын дыщафэклэ зызыхуэна жыгхэр блэлъэтырт, зэ жыжъэу плъагъу мылылгъэ абэрагъуэхэр кыкыуэшт, зэ гуэдзыпкъэ хъэсэ нэщлышхуэ плъагъурт* (Хь. Хь.) «Мимо окна автобуса то пролетали одевшиеся в золотой осенний наряд деревья, то вдалеке открывались снежные вершины гор, то появлялись широкие пшеничные поля (убранные)».

Повторяющийся сочинительный союз *зэ...зэ* формирует открытую конструкцию. Но тот же повторяющийся союз *зэ...зэ*, употребленный с формантом *-и* (тоже с союзным значением) замыкает сочинительную конструкцию: *Автобус цхъэгъумбжэмклэ зэ бжъыхъэ цыгъын дыщафэклэ зызыхуэна жыгхэр блэлъэтырт, зэ жыжъэу плъагъу мылылгъэ бгы абэрагъуэхэр кыкыуэшт, зэми гуэдзыпкъэ хъэсэ нэщлышхуэ плъагъурт* «То мимо окна автобуса пролетали одевшиеся в золотой осенний наряд деревья, то вдали открывались снежные вершины гор, а то (иногда) появлялись широкие пшеничные (убранные) поля».

В сложносочиненном предложении свободный порядок следования предикативных единиц за исключением тех случаев, когда он определяется синтаксическими отношениями (противопоставление, присоединение и т. д.)

Представляется более целесообразным дать анализ типовых моделей сложносочиненных предложений по функциям союзов. Союзы выражают различные значения и по ним можно сложносочиненные предложения делить на большие структурно-семантические группы:

1. сложносочиненные предложения с соединительными союзом *икли(и)*, союзным суффиксом *-и(и)*;

2. сложносочиненные предложения с противительно-сопоставительными союзами *армыхъумэ/армырмэ* (иначе, не то), *абы кыыхэкклэ* (поэтому), *арихъэкклэ* (но), *атлэ(а)*, *ауэ* (но), *имлани* (но, однако, несмотря на);

3. сложносочиненные предложения с разделительными союзами *е* (или, либо), *зэ...зэ/зэм...зэм* (то...то), *хъэмэ/хъэмэрэ* (или).

Простые предложения, образующие сложносочиненные конструкции, сохраняют гораздо большую самостоятельность, чем предикативные части, входящие в состав сложноподчиненных предложений. Нередки случаи, когда предикативные части сложносочиненных предложений можно использовать как самостоятельные синтаксические образования. Ср. пример: *Дыгъэ кыдэклуэтеям пцэдджыжъ уэсэпсыр зэуэ трипхуэтац, къуажэ лэхуэми шытх бадзэуаплэм нэхъ пэгъунэгъу зынещл* (Къаш.Хь.) «Поднявшееся солнце слизнуло утреннюю росу, сельское стадо тянулось к вершине холма (где легче было, спастись от мошкар)». Это сложносочиненное предложение можно без особых затруднений разделить на составляющие его два элемента. *Дыгъэ кыдэклуэтеям пцэдджыжъ уэсэпсыр зэуэ трипхуэтац. Къуажэ лэхуэм шытх бадзэуаплэм нэхъ пэгъунэгъу зынещл*.

Однако абсолютно свободных и в семантическом и грамматическом отношении предложений в составе сложносочиненных конструкций не встречается. Самостоятельность предикативных компонентов входящих в сложносочиненное предложение всегда ограничена, относительна. И в приведенном выше сложносочиненном предложении можно обнаружить семантическую связь между его компонентами: явления, описанные в них связаны с тем, что кончилась утренняя

прохлада. Смысловая связь между компонентами сложносочиненного предложения усиливается в тех случаях, когда они имеют общий член предложения. Ср. напр: *Щхьэгъубжэ зэлудамклэ зэ сабий джэгухэм я зэрыгъэклий макъ къыдолюкI, зэми ахэр зыгъэсабыр анэм и псалгэ шызэхох* «Из открытого окна то доносятся крики играющих детей, то слышится голос успокаивающей их матери».

Сложносочиненные предложения имеют еще структурную особенность. В отличие от большинства сложноподчиненных предложений они могут быть как закрытой так и открытой структуры. Открытая структура характерна для сложносочиненных предложений с повторяющимися союзами. Ср. примеры: *Дуней къэплгъар къыгъэцIылIэтылэну е уэшх шабэ тIэкIу къримыпхъыхт, е акъужь мацIу къемыпцэт* (Къу. С.) «Не было ни дождика, ни ветерка для освежения душевной природы»; *Псы уэр ежэхым и макъыр зэпуду зэ уафэгъуагъуэ иным къызэнхиудт, зэ цыблэ уэуэ уафэхъуэпскIыр къэцIычт* (Къу. С.) «Прерывая шум бурной реки то взрывался оглушительный гром, то трещала грозная молния».

В кабардино-черкесском языке сложносочиненные предложения закрытой структуры образуются чаще всего противительными союзами. Примеры: *Дэ димылэ Iэджи шыIэш, уэ пхуэфэцэнуну нысашэм ухуэдгъэхъэзырыфынуу къыцIэкIынкъым, ауэ уэ нэхъ тхъэмыцIэкIэ зэрышыIэри зышумыгъэгъунцэ* (Н. А.) «Многого у нас нет, не сможем наверное подготовить тебя к свадьбе как тебе подобает, но не забывай – есть и победнее тебя»; *Хъызыр хуейт пэшым цIэс адрейхэм хуэдэу езыри и макъым къызэрхъэкIэ дыхъэшхыну, арцхъэкIэ зэрызигъэхъейуэ улэгъэр къыхъузыкIырти и нэхэр цигъэункIыфIыкIырт* (Н. А.) «Хизир хотел, как и другие находившиеся в комнате, смеяться в полный голос, однако в глазах темнело от сильной боли»; *Гуныр ин цхъэкIэ, «гун» фIэпцI хъунутэкъым машинэ пэлгэ цIыхухэм, амIэ псори ахэр гъуэгъубгъум зэбгъурыту Iууащи ТэрчкIалэкIэ кIыкI гъуэгъу фIыцIэ кIапэр цхъуантIагъэм шыхэкIуэдэж къэгъэшыпIэмкIэ маплгэ* (Н. А.) «Хотя их было много, группой назвать их нельзя было, а это были люди, выстроившиеся вдоль дороги и смотревшие туда, где черный конец дороги (асфальта) из Тереккалы растворялась в зелени».

В зависимости от характера союзов, которые связывают предикативные части и синтаксические отношения между последними в сложносочиненных предложениях можно выделить следующие группы:

а) сложносочиненные предложения с соединительными союзами (союзы *икIу (и)*, союзный суффикс *-и* и др.;

б) сложносочиненные предложения с противительно-сопоставительными союзами (союзы *ауэ* (но), *амIэ* (а, но), *арцхъэкIэ* (но, однако), *армыхъумэ* (не то, если нет), *армырамэ* (не то) и т. д.;

в) сложносочиненные предложения с разделительными союзами (союзы *е* (или, либо), *зэ...зэ/зэм...зэм* (то...то), *хъэмэрэ/хъэмэ* (или).

5.1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами

Сложносочиненные предложения с соединительным союзом *икIу(и)* могут быть как открытой, так и закрытой структуры, хотя и предложения открытой структуры встречаются гораздо реже, такие конструкции чаще встречаются в разговорной речи: *Зэман кIэцIылым кърIубыдэу икIу уэшхри къешхаш, икIу дыгъэри къепсыжащ, икIу лэгъуныкъури пцIыпцIыжу уафэ джабэм къыкIэридзащ* (Е. К.) «За короткое время и дождь прошел, и солнце засияло, и радуга засверкала на небосклоне».

В этой открытой конструкции соединены три равноправных предложения с общим для всех элементом *зэман кIэцIылым кърIубыдэу* «за короткое время».

В данном случае возможность увеличения количества предикативных единиц в сложносочиненной конструкции остается, однако практически мы редко пользуемся ею.

ХъэцIэ телгъыджэм и цIакIуэр езы Жамбот щихаш, икIу абы и абэ гъэцIэгъуэныщэр щилгъагъум цIакIуэр IэцIэхуным зы мацIэш илэ- жар (М. Э.) «Жамбот сам снял с удивительного гостя бурку, и, обнаружив (увидев) его изумительную рясу, чуть было не уронил бурку».

Ограничение структуры вызывается различными причинно-следственными отношениями между предикативными единицами, а иногда просто завершением событий, фактов реальной действительности, о которых идет речь в сложносочиненном предложении. Основные значения союза *uklu(u)* следующие:

1. Союз *uklu(u)* в сложносочиненном предложении выражает соединительные отношения. Однако на соединительные отношения нередко могут наслаиваться и другие отношения: последовательности действий, значение обусловленности одного действия другим, присоединительное значение. Собственно соединительное значение союз *uklu* имеет в сложносочиненных предложениях, предикативные части которых обозначают действия совершающиеся одновременно. Ср. примеры: *И нэхэр тенауэ Мысрыкѳуэ Іуащхэ абрагѳуэм йоплѳ uklu зэхэлх кѳудейуэ и Іупэхэр мѳлуцащэ* (М.Э.) «Мисруко пристально смотрит на огромный холм, и его губы еле слышно шепчут»; *Пѳцы хѳэблэр унагѳуэ пѳцыкІутху хуэдизт зѳрыхѳур, uklu ахэр Іѳтауэ джабѳ нѳкІу лѳахѳшѳм кІѳрыст жѳылѳм и пѳцѳм кѳыдѳсу* (М.Э.) «Княжеский квартал состоял примерно из пятнадцати дворов, и они расположились на пологом склоне холма как бы над селом»; *Пѳсыр нѳхѳ утхѳуауэ, мѳвѳхѳм нѳхѳ ягѳэпІейтейуэ ежѳхѳрт, uklu абы кѳыфІѳцІырт пѳцѳддѳжѳжѳым цѳымыІауэ тхѳурымбѳ бѳлацѳхѳр кѳрихѳѳхѳу* (Кѳаш. Хѳ.) «Вода (в реке) текла мутнее, и ему казалось, что река несла лохматую пену, которой не было утром».

2. В сложносочиненных предложениях с союзом *uklu (и)* соединительные отношения могут быть осложнены значением последовательности, очерѳдности действий. Ср. примеры: *Уѳздѳынѳр кѳеуащ, uklu япѳ дѳыдѳу Ларѳ классым щІыхѳащ* (КІ. Т.) «Прозвенел звонок, и Лара первый раз вошла в класс»; *Жѳц ныкѳуѳм собранѳр зѳфІѳкІащ, uklu инженер нѳхѳы-цхѳѳр управленѳм и приказым кѳедѳжащ* (Хѳ. Хѳ.) Собрание кончилось в полночь и главный инженер огласил приказ по управлению; *Зѳзѳмызѳ кѳыкѳуѳу жѳы пакІѳхѳм жѳыг тхѳѳмпѳхѳр хуарзѳу кѳыпаудѳрт, uklu алѳрыбгѳу дахѳм хуѳдѳу ахѳр жѳыг цІагѳым цыгѳуѳлѳт* (Н. З.) «Редкие порывы ветра срывали с деревьев и они ложились красивым ковром под деревья».

Нарушение координации видо-временных форм глаголов-сказуемых в сложносочиненных предложениях с союзом *uklu (и)* – явление нередкое. Ср., например: *Автобусыр кѳэувыІащ, uklu цІыхѳхѳр кѳокІыж, йотІы-схѳѳ* «Автобус остановился, и люди выходят, заходят».

3. В сложносочиненных предложениях с союзом *uklu (и)* между предикативными частями могут возникать причинно-следственные отношения, когда действие одного предложения обусловлено действием глагола-сказуемого другого предложения, является следствием первого. Ср. примеры: *Шѳыгѳухѳм шы хѳыжѳѳхѳр кѳыжѳѳдикѳуащ, uklu шыгур тІѳкІу упѳкІѳ кІуатѳри кѳэувыІащ* (Т. Хѳ.) «Подводчик натянул вожжи и телега, пройдя еѳѳ немного вперѳд, остановилась»; *Жѳщыбгѳм телефоныр кѳеуащ, uklu кѳыхѳуей пѳсоми яхѳуѳгѳмащІѳ дохѳтыр пѳѳ цабѳр пѳынцІѳу абы бгѳѳдѳхѳащ* (Кѳ. М.) «В полночь зазвонил телефон, и внимательный ко всем нуждающимся в помощи сердобольный доктор подошел к нему». *ЩІымахѳуэ щІыІѳр кѳѳсащ, uklu жѳыг кѳудамѳ блаблѳхѳр Іумыл хѳѳлѳѳхѳм кѳрагѳѳгѳуѳлѳѳащ* «Пришла холодная зима, и раскидистые ветви деревьев наклонились под тяжестью инея».

4. Союз *uklu (и)* может иметь и оттенок присоединительного значения, он как бы подѳѳркивает семантическую близость входящих в сложное предложение предикативных частей: *ПѳцІантІѳр куѳд щІауѳ япхѳѳн-кІакѳым, uklu чѳыжѳхѳампхѳѳ кѳутари Іуѳбжѳм пѳмыжѳжѳѳу щыІѳт* (Е. К.) «Двор давно не подметали, и сломанная метла валялась недалеко от дверей хлева».

Эта группа сложных предложений структурно отличается от других. Как правило, они замкнуты, двухэлементны. А сложносочиненные предложения с союзом *uklu* характеризуются открытостью структуры. При желании легко можно увеличить количество предикативных частей, связанных союзами *uklu (и)*. Однако это было бы образованием довольно искусственным. Такие конструкции используются не так часто, и характерны для устной речи. Союз *uklu (и)* соединяет структурно и семантически однотипные (одинаковые) предикативные части сложносочиненных предложений.

5.1.2. Сложносочиненные предложения с союзным суффиксом *-и*

«И»

Формант – *и* в сложносочиненных предложениях выполняет функцию сочинительного союза и связывает предикативные части в них. Формант *-и* имеет здесь соединительно-перечислительное значение и присоединяется к членам предложения, выраженным различными частями речи. Языковой материал показывает, что конструкции с таким значением довольно часто встречаются в устной и письменной речи. Ср. примеры: *Дисэрэ Дзадзунэрэ кхъуэщын зэрыз кхъахъри шыгум кърагъэуващ, мэкъу гулзэ ныкъуэфI зэрылз выгур абдеж дыдэм къыщыувылащ* (Н. А.) «Диса и Дзадзуна принесли по одному кувшину и поставили в телегу и арба с доброй половиной воза сена остановилась тут же»; *Къаплъи къэдалуэ, ди хъэжыри нобэ хуэдэу къэсы-жыныц, къэбэрдей кIэдэтхэм я лъапсэм псы ззридгъэжыхъыжам и хъыбари абы хуиуэтэжыныц* (Е. К.) «Увидишь и наш хаджи придёт и мы расскажем ему как мы уничтожили кабардинских кадетов».

Открытость структуры более характерна для конструкции с союзным суффиксом *-и*. Сложные предложения рассматриваемой конструкции довольно употребительны в обеих формах языка. Союзный суффикс *-и* не закреплён за какой-либо частью речи и может быть повторяющимся союзом. Ср. примеры: *И лажэ уклуэд, мы чы тIэкIури аращ къысхуэзышар, Iуэри бэкхъри абы и унафэкIэ схуагъэбыдэжащ* (Н. А.) «Дай бог ему здоровья эти прутья он привёз, и хлев починили наш по его указанию».

В конструкциях с повторяющимся союзом *-и* интонация перечисления заметнее, чем в других случаях. Пример: *Тракторми къутагъэ илэкъым, пхъэлэщэ вабдзэри зыфIэна рамэм къыфIэпхыжын папцIэ уцIелэлэлэн щылэтэкъым* (Щ. I.) «И в тракторе не было поломок и освободить лемех от рамы (которую зацепил) не составило бы особого труда».

На собственно соединительное значение союзного суффикса *-и* в некоторых случаях накладываются дополнительные значения причинно-следственного характера, обусловленности, последовательности, интонации перечисления. Ср. примеры: *Пащтыхъым зэпымыуэ пиупцIыурэ мащIэ хъуа къэбэрдеицIыр иджы куэдэ бэгъуа унагъуэ «щхъэхуитхэм» къаймэщIэкI хъури, цIыр цIэрыщIэу ягуэшыжын кхъахуэдэкIащ* (Н. А.) «Часто урезавшейся царём кабардинской земли стало не хватать теперь уже увеличивавшимся «свободным» семьям, и появилась необходимость в повторном распределении земли» (причинно-следственная связь).

Я унэр псы Iуфэ дыдэм IутицI, куэбжэр Iуахым, Iэщыр псым занцIэу дохъэ (Н. А.) «Их дом стоит на самом берегу реки, и как только откроют хлев, скот прямо выходит к реке» (значение обусловленности).

В рассмотренных выше примерах нетрудно также заметить значение последовательности и интонацию перечисления.

Распространенное в лингвистической литературе мнение о том, что с прибавлением к глаголу союзного суффикса *-и* последний теряет финитность и превращается во вспомогательную глагольную форму, не всегда верно. К примеру, в последнем предложении формы глагола без *-и* и с ним могут взаимозаменяться, это, на наш взгляд, говорит здесь о наличии только союзного значения у этого суффикса. Ср. с бессоюзным вариантом: *Я унэр псы Iуфэ дыдэм IутицI, куэбжэр Iуахым Iэщыр псым занцIэу дохъэ*.

Союзный суффикс *-и* легко заменяется союзом *икIи* (и). Значение обусловленности здесь минимально. Из таких двухкомпонентных конструкций, вторая предикативная часть, являющаяся следствием первой (части), более свободна в выборе видо-временных форм глагола-сказуемого. Ср. примеры:

1. *Пшапэр зэхэуащ, къуажэ Iэхъуэри къыдыхъэжащ* «Стемнело, и сельские стадо вернулось пастбища» (прош. вр.).

2. *Пшапэр зэхэуащ, къуажэ Iэхъуэри къыдохъэж* (наст. время).

3. *Пшапэр зэхэуащ, къуажэ Iэхъуэри къыдыхъэжынуц* (будущее время).

Порядок следования предикативных частей в таких конструкциях определяется семантикой предложения.

5.1.3. Сложносочиненные предложения с противительносопоставительными союзами

В кабардино-черкесском языке противительносопоставительные отношения в сложносочиненных предложениях выражаются союзами *ауэ* (но), *атлэ* (а, но), *армыхъумэ* (не то) *арцхъэкIэ* (но, однако), *армырамэ* (не то), *къудейкъым атлэ* (не только... но\и), *пэтми* (хотя), *щхъэкIэ* (хотя) и др. и их фонетическими вариантами. По своей семантике эти союзы противопоставлены союзам *иклу*, *-и*. Как союз, на наш взгляд, следует выделить именно *-и*, а не *-ри*, *-ти*, *-ми* и т.д. Выделяемые с союзным аффиксом *-и* форманты *-р*, *-м*, *-т*, служат для образования особых форм (напр., падежных, форм времени, а не являются частью союзов. Ср. например, *щIалэ-р-и хъыдэбз-р-и*, *щIалэ-м-и хъыджэбз-м-и* и т. д.

5.1.3.1. Сложносочиненные предложения с союзами *армыхъумэ*, *армырамэ* «иначе, не то, в противном случае»

Противительносопоставительный союз *армыхъумэ* (иначе, не то, а не то) и его вариант *армырамэ* оформляют между предикативными частями предложения отношения альтернативно мотивации. Ср. примеры: *Нтлэ, Къубатий, Iэмал зэрulэкIэ, нэхъ псынщIэу зыбгъэгъуыщын хуейщ, армыхъумэ уз къоуэлIэнкIэ хъунуш* (М. Э.) «Ну, Кубатий, надо как можно быстрее обсушиться, не то можешь заболеть»; *Мэкъур Iэнэу-ащ, нобэ-пцэдей тIэтын хуейщ, армырамэ уэлбанэ къыхилхъэнкIэ хъунуш* (Щ. I.) «Сено подошло, надо сегодня-завтра поднять, не то погода может испортиться».

Союз *армыхъумэ* (а не то) образует, как правило, закрытые структуры, в которых вторая часть семантически противопоставляется тому, что сказано в первой части.

Однако в языке встречаются и конструкции с другим семантическим наполнением. В устной и письменной речи нередки сложносочиненные предложения с рассматриваемым союзом, в которых вторая предикативная часть не содержит действия, несовместимого с тем, что есть в первой части предложения, а она служит как бы пояснением содержания первого высказывания. Во второй части таких предложений не только не утверждается возможность совершения противоположенного действия тому, что выражено в первой части, напротив, субъект действия сам отрицает такую возможность. Содержание второго компонента в таких конструкциях не выражает нежелательного действия как следствие невыполнения названного в первом глаголе-сказуемом действия. Ср. например: *Фи Iуэху зытетыр къэсщIэну сыкъэкIуэжауэ аращ мыбы, армыхъумэ нэгъуэщI щхъэкIэ сыкъаутIыпцыжынутэкъым* (Н. А.) «Я сюда вернулся узнать, как идут ваши дела иначе не отпустили бы меня».

5.1.3.2. Сложносочинённые предложения с союзом (или союзным аналогом) *абы къыхэкIкIэ* (*абы къыхэкIыу*) «поэтому»

Данный союз не имеет выраженного соединительного значения. Он связывает вторую предикативную часть с пояснительным значением с первой частью в сложносочинённом предложении закрытой структуры. Ср. примеры: *Бригадырым зыри жимылэу къепсыхыжащ тракторым, абы къыхэкIкIэ трактористыщIэм и лэжьэкIэр бригадырым къызэрыщыхъуар Софят къыхуэщIакъым* (Щ. I.) «Бригадир молча слез с трактора, поэтому (из-за этого) Софят не смогла понять, какого мнения бригадир о работе нового тракториста»; *Ар Мэчэ-Мэдинэ цыIат, абы къыхэкIкIэ Щамел фIыщэу къылъагъурт* (Ш. А.) «Он был в Мекке-Медине, поэтому Шамиль очень любил его».

5.1.3.3. Сложносочинённые предложения с союзом *арцхъэкIэ* «но»

Коммуникативные части сложносочинённого предложения, связанные союзом

арцхъэкIэ характеризуются противительными отношениями, имеющими различные оттенки: сопоставления, ограничения, уступительности, присоединения. Ср. примеры: *Июлым щIэх-щIэхыурэ уэшх къешхырт, арцхъэкIэ щIым псыкIэ зыгъэнщIыртэкъым* «В июле часто шли дожди, однако (но) земля не насыщалась влагой» (уступительное значение, ограничение).

АдэкIэ абы къыжилэnum Анчокъу нэлгэрт, арцхъэкIэ лыжъ мытсэлгэрейр бэаужащ (КI. Т.) «Потом Анчок ждал, что скажет он, но немногословный старик замолчал» (значение противопоставления);

ЩIыIэр къэсащ, арцхъэкIэ гъушI гъуэгу щIыныр ягъэувыIакъым «Наступили холода, однако строительство железной дороги не было приостановлено» (значение противопоставления).

Обычно вторая коммуникативная часть таких двухкомпонентных закрытых структур содержит ограничение действия, выраженного в глаголе-сказуемом первой части. Действие во второй коммуникативной части не получает логического (ожидаемого) продолжения, оно, напротив содержит противоположный ожидаемому результат действия не получает ожидаемого развития событий, структура замыкается. Ещё примеры: *Бэлацэ зыгуэр жилэнут, арцхъэкIэ псори зэрыгъэкIийрти жрагъылэтэ-къым* (КI. А.) «Бэлацэ хотел что-то сказать, но все кричали и не давали ему сказать» (значение ограничения);

Зытплъыхъри и лэгъуп фIэдзанIэр цытлгъагъум, мафIэ тщIыну дыхуежъащ, арцхъэкIэ пхъэ къута щылэтэкъым (Н.) «Осмотревшись и увидев его очаг, решили развести огонь, но дров не оказалось» (ограничение действия);

Абы и уэрэдым езыр зытес алацэри гум щIэщIа шитIри нэхъ тыншу дэкIуэрт, арцхъэкIэ гур нэхъ псынщIэ хъуртэкъым (КI. А.) «С его песней легче шагали и мерин, на котором он сидел, и две лошади, запряжённые в телегу, но телега не прибавляла скорости от этого» (значение противопоставления);

НэгъуэщI псалгэ гуэрхэри Шахит-Алий жилэрт, арцхъэкIэ нэсытым зи щхъэр игъэунзэ фызабэм ахэр кыгурыIуэжыртэкъым (У. А.) «Шахит-Алий говорил ещё какие-то слова, но вдова, которой голову вскружило счастье, не понимала их» (присоединение).

5.1.3.4. Сложносочинённые предложения с союзом *амIэ* «а»

Сложносочинённые предложения с союзом *амIэ* «а» характеризуются отношениями противопоставления, несоответствия коммуникативных частей в семантическом плане. Первая часть в подобных конструкциях, как правило, представляет собой отрицательное предложение, глагол-сказуемое (реже какой-либо член этого предложения) стоит в отрицательной форме, а вторая коммуникативная часть, присоединяемая к первой союзом *амIэ*, имеет пояснительное значение, в ней даётся положительная информация, предложение само по характеру утвердительное. Ср. примеры: *Сэбэп дымышъуу дгъэкIуэнкъым ди каникулхэр, амIэ губгъуэм дыкIуэурэ колхозхэтхэм дадэлэпыкъуниц* (КI. Т.) «Каникулы свои мы проведём не без пользы, а будем выходить в поле и помогать колхозникам; *НэщI хъуар кхъухътедзанIэм и закъуэкъым, амIэ янэрей цIыху Iувымрэ зэрызехъэ куэдмырэ уэрамхэм дэтыжкъым* (Т. Хъ.) «Опустел не только порт, но и на улицах не стало прежней толкотни и суеты»; *Зауэм хагъэхъэну лгъэIу зилэхэр сэ дзыхъ къысхуащIа округым щыпсэу адыгэхэмрэ бгырысхэмрэ я закъуэкъым, амIэ Кавказым щыпсэу нэгъуэщI лгъэпкъэхми яхэтщ апхуэдэхэр* (Н. А.) «Не только кабардинцы и горцы, живущие во вверенном мне округе, изъявили желание участвовать в войне, но есть желающие и среди других народов, живущих на Кавказе»; *Иджы Лолэ и пащхъэ итыр ипэрей хъыджэбз псыгъуэ кIыхъ псынщIэр аратэкъым, амIэ пшэр зэкIужу, щабэу псалгэу, уардэу зекIуэу щыт цIыхубз дэгъуэшхуэ абь и псэлгэгъур* (Къаш. Хъ.) «Теперь перед Лелей стояла не прежняя тонкая высокая быстрая девочка, а похорошевшая, говорившая тихо, ходившая с достоинством дородная женщина была его собеседницей».

В некоторых конструкциях анализируемого типа *амIэ* с частицей (послелогом) *къудей* «только» в отрицательной форме образует сложный союз *къудейкъым... амIэ* (не только, но) с градационным значением. Во второй части конструкции действие или признак, названные в первой части, поднимается на ступень в своём проявлении. В таких

предложениях нет противопоставления:

Абы шэч ицл кэудейкыым, амлэ и флэц дыди мэху (К. Т.) «Он не только сомневается, но и верит»; *Ахэр ауэ сытми кызырыгуэкл хэкэкхуэкэккыым иклу хэ кэудейкыым, амлэ иджыри кээклэ цыхум имылэггуа псэуцхэ лейхэц (К. Т.)* «Это не просто обычные звери и собаки, а невиданные доселе животные».

Иногда контекст может ослабить противительные отношения между частями сложносочинённого предложения с союзом *амлэ*, в таких предложениях противительное значение союза нейтрализуется, союз *амлэ* (но) становится синонимом союза *иклу* (и): *Сэ зэрызэхсхамклэ, вождым и оазис нахыцхээр мы лэггуэблаггэм цылэн хуейт, амлэ, кызырыцлэклымклэ, Каир нэхэрэ нэхэ блоггэу ар кэум нэцлыжыым и Мамсырыкгуэм кыцыноплгэ (М. Э.)* «Главный оазис вождя, как я слышал, должен был быть тут поблизости, и, как оказалось, он ожидал своего Мамсруко в пустыне ближе Каира».

5.1.3.5. Сложносочинённые предложения с союзом *ауэ* «но»

В сложносочинённых предложениях союз *ауэ* «но» связывают предикативные части с противительной семантикой. Здесь можно выделить четыре типа таких конструкций: предложения с противительным, противительно-уступительным, противительно-дополнительным, присоединительным значениями.

1. Примеры сложносочинённых предложений с союзом *ауэ* «но» с противительным значением: *Фызым зыгуэр кэбж, мэхуцлэ, ауэ абы и псалгэр кэамыл цхыцхэ маккыым хобзахэри зэхэцлыкырккыым (Ш. А.)* «Женщина что-то говорит, но её слова растворяются в шуршание камыша и не слышны»; *Кэурыцхэмклэ уэшхышхуэ кыцышхаш, ауэ мээ лэпэм цлэж псы цлыкыр кызырыуа цылэтэккыым иклу абы кыхэнлуикл мывэхэр кэаплэгт (К. Т.)* «В горах прошёл сильный дождь, но река, протекающая в лесу, разлилась не очень, и камни, выпиравшие из нее, были оголены»; *Сэ сызэувэллэ луэхум и кыхыаггэ хэунур сцлэрккыым, ауэ и хэлгагкыым сепымл, симыггэбауэу (Н. Ш.)* «Я не знаю длины дела, за которое взялся, но его тяжесть давит на меня, не давая дышать»; *Лэфраклэри гэунэггуу, ауэ дзэклэ лэлэсыт, ди тхэ, ди лэфраклэм дыщедзэккэжын зэман кытхуомыггахуэклэ (Ш. Х.)* «И локоть близко (находится), но попробуй достать его зубами, не дай бог нам жить в такое время, когда придётся кусать локти».

В приведенных конструкциях с чисто противительным значением, где семантика второго предложения противопоставлена содержанию первого, союз *ауэ* «но» синонимичен по функции союзу *арцхэкклэ* «но, однако». А в некоторых случаях они даже взаимозаменяемы. Ср. примеры:

Езы Кээнэмэти абазэц, ауэ (арцхэкклэ) и адэр мыбы кэлэнхуэжри клэмыргуей хэужаш (Ш.Х.) «И сам Канамат абазин, но его отец переселился сюда и стал камергоевцем»; *Ижырабгэу лэныккэуэмклэ телгу а псоми кэахэплгэ Атэбий нэклэ кылгыхуэр Лэминатт, ауэ (арцхэкклэ) хыджэбзыр флыуэ цлат зэрыцлэкыжрэ (Ш.Х.)* «Атабий, который, лежа на правом боку глядел на них, искал глазами Аминат, но девушка давно ушла».

Цыхухуэхэр цылгаггум, Лэминат, бжэн цтам хуэдэу кылу-лэгтат, ауэ (арцхэкклэ) анэ дэлхум и лэр ицлри кыггэувылэггаш (Ш. Х.) «Увидев мужчин Аминат, словно напуганная сирена, отлетела в сторону, но дядя (брат матери) поманил рукой и остановил её».

2. В сложносочинённых предложениях с противительно-дополнительным значением союз *ауэ* «но» сходен с союзом *цхэкклэ* «но, однако». Ситуация во второй части конструкции как бы служит дополнением к содержанию первой. Ср. примеры: *Мазэ цылэккыым, ауэ уафэ бзыггэм ваггэуэхэр цопцылцлэ* «Луны нет, но на чистом небе сверкают звёзды»; *Зыцылнэклу пшэплэ кыцлатэккыым, ауэ кэуэклынлэмклэ нэху хуат* «Еще не было зари, но на востоке уже стало светло».

Значение союза *ауэ* в этих предложениях ближе к значению русских союзных аналогов «хотя, однако». Вторая часть этих конструкций как бы компенсируют содержание первой: *Мазэ цылэтэккыым...* «луны не было», т. е., должно было быть темно, однако светят звёзды и не так темно, как следовало бы ожидать. Или: *Зыцылнэклу пшэплэ кыцлатэккыым* «нигде не было зари», т. е., должно быть темно, но на востоке стало светло.

3. Противительное значение в некоторых рассматриваемых построениях с союзом *ауэ* «но» слабеет в связи с семантикой предложения (контекста), вторая часть сложного предложения приобретает характер присоединительной конструкции, а союз *ауэ* «но» уподобляется по функции союзу *икли* «и»: *Унэлутыр щлэжаш, ауэ (икли) бжэр хуищлыжыну хунэмыс щыклэ Пцымырзэ и кэуэм и лутыр и гупэмклэ щыпхауэ хьэщлэ-щым кыищлэджэрэзащ, абы и ужь иту Бэчмырзэ кыищлыхьаш* (Ш. Хь.) «Слуга выбежал, но не успел он захлопнуть за собой дверь, как в кунацкую ввалился сын Пшемурзы с завязанными спереди руками, за ним вошел Бекмурза».

В таких предложениях этот союз чаще встречается в сложном варианте *ауэ щыхьуклэ* с присоединительно-уступительным значением: *Кыизэрыщлэклэ, заповедником и ищхьэрэ гьунапкэр Уруштен псым деклуэклырт, ауэ щыхьуклэ абы узэрыклуэфыну псымклэ* (К. Т.) «Как оказалось, северная граница заповедника проходила по реке Уруштен, и попасть туда можно было только по реке»; – *Уэ кыизэптар хуцхуэ дэггуэщ, ауэ сэри силэщ апхуэдэ, кхьылэ ди анэм кыизитамклэ кыизэлэзэ, дохутыр* (Ш. Хь.) «Ты дал мне хорошее лекарство, и у меня есть такое, пожалуста, доктор, лечи меня тем лекарством, что мать дала».

Союз *ауэ* в таких конструкциях может употребляться и с другими лексическими конкретизаторами кроме *щыхьуклэ*, в роли которых выступают слова: *щыщытклэ, щыжыпклэ, кыищыщлэклэ*. Ср.: *ауэ щыхьу-клэ, ауэ щыщытклэ* «раз так», *ауэ щыжыпклэ* «раз так говоришь», *ауэ кыищыщлэклэ* «раз так получается». Эти слова усиливают значение уступительности: *Пцылрэ лэхукьэуэлэ абы иври адыгэ лэпкэщ, абазэхэхэм хуэдэщ, я лыгэи я цыхугэи здынэсыр Ерыстэм флы дьидэу ещлэ, ауэ щыхьуклэ апхуэдэу щыклауэ зеклуэ уэркэхэм залымыгьэу, щхьэклэуэ кыирахыр абы ишэч хьуныр сытым кыыхэкла?* (К. Т.) «Все крепостные и свободные, живущие там, из адыгских племён, как абадзехи, Еристам знает их очень хорошо, но (однако) как это стало возможным, что он терпит столько унижений, обид от потерявших совесть (достоинство) уорков».

5.1.3.6. Сложносочинённые предложения с союзом *итлани* «но, однако, несмотря на»

Союз *итлани* (но, однако, несмотря на...) соединяет в пределах сложносочинённого предложения закрытой структуры предикативные части с противительно-уступительным значением. Семантика глагола-сказуемого второй части противоречит ожидаемому, предполагаемому в первой предикативной части действию. По функции он соответствует различным оттенкам значений союзов «но, однако, несмотря на»... Рассматриваемый союз более определённо выражает значение противопоставления, он однозначен, (ср. союзы «*ауэ, арщхьэклэ*», эквивалентом которых он является. Примеры: *Зауэр ди хэкум зэрыщхьэщыклрэ зыбжанэ щлащ, итлани зы лэабакьуэкли колхозым зиужьыжактым: зэрыпсэуалэнишэщ, щлым и лыхьэ щанэр мывауэ кьонэ, гьавэу кыитрахри гум темыхуэну мащлэщ* (Щ. I.) «Прошло значительное время с тех пор, как война ушла с нашей земли, но восстановление колхозов не продвинулось ни на шаг: по-прежнему нет хозяйственных построек, третья часть земли остаётся невспаханной, и урожай непростительно низок»; *Щлалэхэм папцлэ тхыль кээклуащ, я даудэпцэри флэклаклэщ, итлани щлалитлым я лэныгьэр нанэм и флэщ хьурктым, я лэгьунэр жэщ кьэс егьэнэху* (Щ. I.) «Была и похоронка на парней, и поминали, но мать не хочет верить в смерть двух сыновей, каждый вечер зажигает свет в их комнатах»; *Муридхэ я кьуажэ Кызыбурунымрэ мы кьуажэмрэ зэрызэпэжыжьэр а тлум яку дэж псы закьуэрт, итлани иджы флэкла ар кыдыхьатэктым Софятхэ я кьуажэм* (Щ. I.) «Село Мурида Кызбурун и это село разделяла только река (протекавшая между ними), но он ни разу не был в селе Софят».

В сложносочинённых предложениях с союзом *итлани* (но, однако...) противопоставление выражено сильнее, чем с другими противительными союзами, контраст между семантикой предикативных частей, составляющих такие предложения, более заметен.

5.1.4. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами

5.1.4.1. Сложносочинённые предложения с разделительным союзом *е* «или, либо»

Союз *е* «или, либо» имеет разделительное (альтернативное) значение. В сложносочинённых предложениях с союзом *е* «или, либо» реальность действия в одной предикативной части исключает возможность его в другой. В сложносочинённых предложениях рассматриваемого типа должно совершиться одно из называемых в них действий. С помощью союза *е* образуются сложносочинённые предложения открытой структуры. Ср. примеры: *Е псынцлэу кызырыклуам иригъэша, е гурыгъу-гурыцлэм гухэ ицлэ, е уз ужьыпкэм кыхэкълу ара – пцацэм и цхьэр мэуназэ, и лээнкланлэр цлөклэзызыкI, и лэгухэр пцлэнтлац* (Щ. I.) «Или она устала от быстрой ходьбы, или тяжёлые мысли сделали её чувствительной, или это после болезни – у девушки кружится голова, коленки дрожат, ладони вспотели»; *Аркъэныр зэрымьлгэдэ цлыклэ зэпубыпцлэным ухуэцлэуэ цытын хуейц, е Андемыркэан ецху аркъэным вагъуэижым хуэдэу урижэнци, бий цэхурыпхуэм и псэр хэпхыниц* (К. Т.) «Надо быть готовым перерезать аркан до того, как он затянется, или, как Андемиркан, метеором пробежать по аркану и врага, подкравшегося, лишить жизни»; *Къытхуэнэжа зэман мацлэм сутклицклэ укъэтыфын цхьэкIэ гу быдэ егъэлея уилэн хуейц, е уздэклэужынуз буржэгъужыпауэ цытын хуейц* (Н. А.) «Чтобы тратить трое суток из оставшегося времени, надо обладать крепким сердцем или надо быть равнодушным к тем, к кому возвращаешься».

Как видно из иллюстративного материала, союз *е* «или, либо» свободно выступает в двух вариантах – он употребляется и как одиночный и как повторяющийся союз. Как правило, глагол-сказуемое в предикативных частях таких сложносочинённых предложений употребляется в одних и тех же формах (наклонения, времени и т. д.). Ещё примеры для сравнения: *Е мафIэгу билет гъэхъэзырын хуейц, е ежъэным и пIалъэр адэкIэ гъэклэуэтэн хуейц* «Или надо приобрести (купить) билеты на поезд, или отодвинуть срок отъезда»; *Е клансэр цуитлэпцыжым деж мацлэу зэтрилэгъэжу гу лъатэрт, е и пэм мацлэу зригъэгъэзауэ ялгагъурти, утхэкъуэнуэмэ къеблагъэ* (Iу.) «Или придерживал верёвку, когда надо было отпускать (замечали), или видели как он немного поворачивал конец, и тогда – давай штрафовать»; *Сыт абы хуалэуэур, номер зытет фурашкIэ зыцхьэрыгъым акъыл илэрэ имылэрэ, е шынеп Iувым и цлагъым гу кыщегуэрэ кыщегуэуэрэ* (Iу.) «Какое им дело до того, есть ум у того, кто носит фуражку с номером, или бьется сердце под толстой шинелью или нет».

Иногда союз *е* «или, либо» употребляется в конструкциях, где предикативные части содержат чередующиеся действия. В таких предложениях союз *е* «или, либо» эквивалентен союзу *зэ...зэ* и может быть легко заменён им. Союз *е* в подобных предложениях встречается значительно реже, чем союз *зэ...зэ* (то...то). Характерной особенностью таких конструкций можно считать то, что действия, названные в предикативных частях, не противоречат, не противопоставляются друг другу, а совершаются только поочередно: *Нышэдибэ лъандэрэ зэпыуркъым, е уэших къошх, е къопсэпсауэ* «С утра не перестаёт, то дождь льёт, то моросит».

Союз *е* (или, либо) может связать присоединительную инструкцию с предыдущим текстом. С присоединительным значением рассматриваемый союз синонимичен (эквивалентен) союзу *хэмэрэ*, и в таких текстах они взаимозаменяемы. Ср. примеры: *Ауэ ефаклуэ-ешхаклуэ сэ мыбы сыкыщлэклуар? Си гъацлэм ди деж сыдыхъэжа, сыцлэжъам си Iэр лъэзмьгъэлэсу? Е (хэмэрэ) сыт цыгъуэ кыщыхуар адыгэр лъыцлэж ежъауэ ефэ-ешхэу кыгъэгъэжу?* (Iу.) «Но, не погулять же я сюда приехал? Я когда-либо возвращался домой, не сделав того, зачем выезжал? Или когда такое бывало, чтобы кабардинец, уехав отомстить (кому-нибудь) возвращался, погуляв хорошенько (поев, попив)».

5.1.4.2. Сложносочинённые предложения с союзом *зэ...зэ / зэм...зэм* «то...то»

Данный союз употребляется в двух фонетических вариантах, не имеющих ни семантических, ни стилистических расхождений. Он соединяет в сложносочинённых предложениях открытой структуры предикативные части, сказуемые в которых обозначают чередующиеся события, не могущие происходить в одно и то же время, взаимоисключающие действия. Ср. примеры: *Зэ мыдэкIэ цыцIэ тафэм и хъурегъым цыжъэражъэ лыгъэ мафIэ бзийхэр холыдыкI, зэ уэгум къихута япэ вагъуэ лыдхэм нащхъэ къыпхуащIу къыпцохъу* (Щ. I.) «То видны были сполохи пала, охватившего целинное поле, то кажется, что моргают тебе первые сверкающие звезды, появившиеся на небе»; *Толъкъунхэм я соку тхъуам цхъэц фIыцIэхэр зэ къыхоц, зэ абыхэм лъагъуэ залэтри псори цIахъумэж* (У. А.) «В седом гребне волн то видны чёрные волосы, то они (волны) высоко поднимаются и закрывают все»; *Аружан зэм зелэт, зэм мэтIысыж, зэми удыным ар цахъумэ хуэдэу, и IутIым инэкIэ задз* (Щ. I.) «Аружан то поднимается, то садится, то, будто защищая от удара, (её) руки выбрасываются вперёд».

Анализируемый союз может соединять незамкнутый ряд предикативных частей, однако прибавление союзного форманта *-и* обычно замыкает ряд таких предложений. Пример: *Щыблэ мафIэр зэ къамыл псыгъуэм ещхъ мэхъу, зэ блэшхуэ IуэнтIащ, зэ аркъэн зэблэдза зыкъещI, зэми жыг къудамэшхуэци чыпэ бжыгъэншэу зэбгырож – бгыщхъэм зыкъыхасэ* (КI. Т.) «Огонь молнии то похож на тонкую плетъ, то он становится большой (кручёный) змей, то превращается в сложенный крестом аркан, то становится большой ветвью и разбегается бесчисленными прутьями и врезается в вершины (гор)»; *Лыжъым и нэхэр зэ жыжъэу маплъэ, зэм абыхэм гуфIэгъуэ къащIех, зэми ахэр мэлыд* (Хъ. Хъ.) «Глаза старика то далеко смотрят, то в них радость светится, то они сверкают».

5.1.4.3. Сложносочинённые предложения с союзом *хъэмэ / хъэмэрэ* и его фонетическим вариантом *хъэмрэ* «или»

Разделительный союз *хъэмэрэ* «или» формирует вопросительные конструкции, он имеет уточняющее значение, выполняет разделительную функцию с оттенком предположительности. Примеры: *Ерстэм игъэщIэгъуащ ар: къапэщылъ Iуэху шынагъуэм щамыгъэгъуэзауэ ара, хъэмэ лыгъэм зригъэхъыурэ мыгузэвафэ зытригъэуа* (КI. Т.) «Это удивило Эристама: тем ли его не информировали о предстоящем страшном деле или он, проявлял выдержку, сделал вид, что не переживает (не волнуется)»; – *А жынтIа псори уэ уи псалъэ, хъэмэрэ лезгин псоми жалэрэ апхуэдэу? – мащIэу зэтрихащ цIукуэуэнцIа и нэр Щамел* (Ш. А.) «Все, что ты говоришь, твои слова, или все лезгины говорят так? – (немного) приоткрыл прищуренные глаза Шамиль». *А псалъэ жьгърухэр прицепщикрауэ нIэрэ жызыIэр, хъэмэрэ езы Софят и гум къыпсэлъэр?* (Щ. I.) «Эти звонкие слова сказал прицепщик или их говорит сердце самой Софят?».

Разбираемый союз маркирован сферой использования: он используется в диалогической речи.

5.2. Бессоюзные сложные предложения

Сложные предложения, выделенные впоследствии в отдельную группу бессоюзных, стали предметом лингвистического анализа не так давно.

Сходство синтаксических отношений между предикативными частями изученных типов сложного предложения и таковыми в бессоюзных предложениях позволяли рассматривать последние в системе сложного предложения с оговоркой об отсутствии союзов.

Более тщательный анализ этого синтаксического явления на современном уровне позволил обнаружить (выявить) некоторые их особенности структурного и семантического характера. В структурном плане это отсутствие союзов и союзных слов и

соединение предикативных частей бессоюзных предложений в одно структурное и семантическое единство с помощью одной интонации.

Соотносить прямо, однако, бессоюзные сложные предложения со сложносочинёнными или сложноподчинёнными бывает трудно, так как синтаксические отношения не всегда в них бывают чётко выражены, хотя эти отношения большей частью такие же, какие в других типах сложного предложения.

В кабардино-черкесском языке наиболее типичны бессоюзные сложные предложения, предикативные части которых связаны интонацией перечисления, пояснения, обусловленности, сопоставления. Наблюдаются такие предложения с временными, причинно-следственными, уступительными и т. д. отношениями.

Между рассматриваемыми типами сложного предложения есть сходства и в структурном плане, они касаются некоторых типов сложносочинённого предложения, к примеру, бессоюзные сложные предложения могут быть как открытой, так и закрытой структуры.

Сфера употребления бессоюзных сложных предложений ничем не ограничивается. Языковой материал показывает, что бессоюзные предложения широко используются в художественной литературе, в официально-деловой речи и в устном общении.

По типу синтаксических отношений между предикативными частями можно выделить следующие группы бессоюзных сложных предложений:

1. Бессоюзные сложные предложения, предикативные части которых связаны **временными отношениями**, могут обозначать (показывать) одновременность совершения событий (действий). Примеры: *Жьыр хуэму, гухэщлу къугъырт, кыфлым шыщыщ макъ къыхэлукырт, цыджан тлы-сынлэмклэ къилукырт уэрэд шабэ, лэфл (Iy.)* «Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная, страстная песня-думка»; *Гушыкыгъуэри, губжыгъэ гуащлэри зы хуэхъуащ Софят, и псалгэр зэфлозэрыхь, мафлэу эщлонэ, лъыри щхэм доуей (Щ. I.)* «Отвращение и сильный гнев слились у Софят, она говорит сбивчиво, горит как огонь, кровь ударяет в голову»; *Жыр джанэр гъуджэм хуэдэу эщлэлындэрт, ар жьэгум дэлъ мафлэм пэпщыпщырт, и пщамплэмрэ и лэщхэ пылгы-плэмрэ ета лунэхэр вагъуэу блэрт (М.Э.)* «Стальная кольчуга блестела, как зеркало, на ней отражался огонь в очаге, как звёзды сверкали заклепки на воротнике и рукавах».

Данный тип бессоюзных сложных предложений, предикативные части которых выражают одновременно совершающиеся действия, характеризуются также относительно свободным порядком расположения этих частей. В них наблюдается координация видо-временных форм глаголов-сказуемых в предикативных частях.

Предикативные части таких предложений могут выражать отношения временной последовательности, примеры: *Жыраслэн еклу флыклу псалгэ яжрилэркъым и хъэщлэ щхэщытхухэм, ахэр куэд дэмыкыу йожъэж (Кл. А.)* «Жираслан не сказал ни слова, ни хорошего ни плохого, своим хвастливым гостям, те спустя немного времени уезжают»; *Ланэ хуэму, лэуэлъауэншэу къэтэджаш, хъэкур эщлигъэнаш, ар мыллащлэу унэм щлэкпри жэмым мэку иритащ (Хь. Хь.)* «Ляна тихо, без шума встала, затопила печку, она, не спеша, вышла и задала корове сена».

Для рассматриваемых типов бессоюзных предложений характерны интонация перечисления и открытость структуры.

2. Между предложениями, входящими в бессоюзное сложное, могут быть **пояснительные отношения**. Предикативные части таких бессоюзных сложных предложений обычно связаны пояснительными отношениями, имеющими в свою очередь различные оттенки значения. Здесь можно выделить предложения с причинно-следственными отношениями между предикативными частями.

В зависимости от структурно-семантических особенностей и оттенков можно выделить несколько их разновидностей, но общей особенностью их можно считать то, что все они характеризуются закрытостью структуры.

а) в одну группу можно объединить бессоюзные предложения, в которых вторая предикативная часть в закрытой структуре раскрывает (поясняет) действие в первой части, примеры: *Бэч дуней гуфлэгъуэр илэщ: и къуэш нэхъыжъым базыр къыфлхъауэ къыщыхъужаш (Е. К.)* «Бек чувствует себя на седьмом небе: ему кажется, что он выиграл спор у старшего брата»; *Дыгъужъым и пэр нэхъ жану къыщлэклаш и нэмрэ и тхэкълумэмрэ нэхърэ: ар мэзым къыздыхэжам пэмыжыжъэу нитл*

къыхэцIуукIырт (Н. А.) «У волка нос оказался более чувствительным, чем глаза и уши: неподалёку от того места, где он выскочил из леса, сверкали (из леса) два глаза»; *Абы цыгъуэ иIа сурэтым ар итыжтэкъым: мазэм пэлыду дыцэпскIэ лауэ бгъурылгъа къамэр иджы бгъурылгъыжтэкъым, и нэхэр нэхъ гъуэлагъэфт., ауэ иджыри жьы зэрыцIэтым гу лгъыптэрт* (М. С.) «Он уже утратил прежний вид: уже не висел сбоку блестящий в лунном свете золотой кинжал, глаза казались потускневшими..., но и сейчас в нём чувствовалась бодрость».

Как правило, в таких конструкциях вторая предикативная часть раскрывает значение глагола-сказуемого в первой части, но нередки и случаи, когда комментируется значение имени (существительного, прилагательного и т. д.), выступающего в функции предиката, а иногда и всего первого предложения, примеры: *И цейри бэлыхтэкъым абы, цей морафэ, е хужь, е къащхъуэ зыцIитIагъэрт* (Ш. А.) «И черкеска была на нём не очень (хорошая), он надевал серую или белую, или рыжего цвета»; *ИцIыб-Игупэ псэукIэт ар: уцыхилгъэфнури укъыцыхилгъэфжынури умыцIэу уи дунейр пхьырт* (КI. А.) «Это была непонятная жизнь: нельзя было понять, когда выиграешь, а когда проиграешь»; *Ар сым хьэлэмэт: мзымкIэ жьыр зэзэмызэ къызэрыкъуэуэ, а лгъакъуитI шынагъуэм и мэ къехьри, жьыр зэрыувылэжу мэри мэкIуэдыж* (Н. А.) «Но что за диво: как только подует ветер в сторону леса, сюда доносится запах этого двуногого (человека), ветер стихнет – запах исчезает».

Здесь возможна позиционная замена частей (перестановка предикативных частей местами) сложного бессоюзного предложения, т.е. обусловливающая часть иногда может занимать препозиционное положение по отношению к обусловливаемой, примеры: *ПсынциIэу къызэрыкIуэм иригъэша, хьэмэрэ гъурыгъу-гурыцIэхэм гухэ яцIа, е уз ужьыпкъэм къыхэкIыу ара – пщацэм и цхьэр мэуназэ, и лгъэнкIанIэр цIокIэзызыкI, и Игухэр пцIэнтIац* (Щ. I.) «Или она устала от быстрой ходьбы, или переживания ослабили её, или это слабость после болезни – у девушки кружится голова, коленки дрожат, ладони вспотели...».

б) отношения между предикативными частями рассматриваемого типа предложений могут иметь пояснительно-изъяснительный характер:

Щрагъаджэ жыслэ цхьэкIэ псори езыгъаджэр зылт: ГъукIэпцокъуэ Пцымырзэ и закъуэт езыгъаджэр (Е. К.) «Хотя и говорил (я), что обучают, обучал-то всех один мужчина: один Гукепшоков Пшимурза обучал»; *Ерстэм игъэцIэгъуац ар: къапэцылъ Iуэху шынагъуэм и цIалагъэ-делагъэкIэ цымыгъуазэу ара, хьэмэ лыгъэм зригъэхьу мыгузэвафэ зытригъэуа* (КI. Т.) «Эристам удивился этому: или он по своей неопытности недооценивает серьёзности предстоящего страшного дела или он делает вид, что не переживает, проявляя сдержанность».

Обусловливающая часть может быть оформлена в предложениях рассматриваемого типа как вопросительное предложение, а другая предикативная часть такой закрытой структуры как бы служит ответом на вопрос, поставленный в первой части.

3. Как тип бессоюзных сложных предложений можно выделить предложения, предикативные части которых связаны **сопоставительными отношениями**. Они характеризуются закрытостью структуры: как правило, они двучленны и семантика их антонимична, действия в этих предложениях сопоставляются, но не исключают друг друга. Такие предложения тяготеют к стилю устного народного творчества, чаще всего встречаются как меткие выражения, пословицы, поговорки, загадки, примеры: *Зэхьэзэхуэр мэунэ, зэижитIыр мэунэхъу* (Пс.) «Соревнующиеся богатеют, враждующие разоряются»; *Махуэм Iэхъуэц, жэцым хьэдэ хъурейц*. «Днём (он) пастух – ночью, как мертвец лежит (загадка).

4. Бессоюзные сложные предложения с **условным значением**. Сказуемое в таких предложениях может быть оформлено по-разному. В зависимости от модально-временного оформления сказуемого здесь могут выделяться конструкции разного типа. Наиболее часто встречаются такие:

а) конструкции, образуемые с формой повелительного наклонения глагола в обусловливающей части и второй предикативной частью – предложением с глаголом-сказуемым в различных формах времени (чаще настоящего и будущего): *Мы хуцхъуэм ефэ, абы уи цхьэ узыр нэхъыфI ищIыниц* «Выпей это лекарство, твоя головная боль пройдет»; *Дыджыр шхы – IэфIым унэсыниц* (Пс.) «Ешь горькое – доберешься и до

сладкого»; *Уэ лэжыгъэр тэмэму зэфлэгъэуэ, бригадир, дэ лэжээнклэ дыкзыклуэтынкбъым* (Хь. Хь.) «Ты работу хорошо организуешь, бригадир, а мы работать сумеем».

В таких бессоюзных сложных предложениях форма императива глагола выступает как синтаксическое условное наклонение. Для них характерна закрытость структуры, сфера наибольшего употребления – диалогическая речь.

Конструкции с условным значением могут быть построены с использованием вопросительной формы глагола. Такие бессоюзные предложения характерны для устной речи. Функцию синтаксического условного наклонения выполняет здесь глагол в инфинитивной форме, с аффиксами *-рэ*, *-мэ* и т. д. примеры: *Сэ кбалэм соклуэ, кбысцлэупцлэлэрэ, пцыхъэцхъэ хуэклэуэ сыкзэклэуэжынууц* (Хь. Хь.) «Я в город еду, если кто спросит, приеду к вечеру»; *Жэмыкуэ хъумэ флыш, кхъуейжъапхъэ хъумэ нэхъыфлыжш* (Пс.) «Получится жамуко¹ – хорошо, получится койжапха – еще лучше».

Формируемые таким способом бессоюзные сложные предложения, как правило, закрытой структуры. Союзные аффиксы *-рэ* и *-мэ* в них взаимозаменяемы, ср. например: *Жэмыкуэ хъурэ – флыш, кхъуейжъапхъэ хъурэ – нэхъыфлыжш*.

Такие бессоюзные сложные предложения обычно образуют замкнутые конструкции с позиционно свободными предикативными частями, глагол-сказуемое одной из которых представляет собой синтаксическое условное наклонение в личной форме глагола, примеры: *Унэмрэ лъапсэмрэ шы нэхъыжбъым кбыхуегъанэ, езыр зэрыпсэунур сым итланэ?* (Ж. Б.) «Ну оставит он и дом и постройки старшему брату, сам как будет жить?»; *Выгу зэцлэцлар колхозым хызолхъэ, гъэпкларэ сыкзэнакхъэ итланэ?* (Хь. Хь.) «Ну, арбу, запряженную быками, сдаю в колхоз, я же остаюсь тогда на бобах»; *Драхъейри мэгууцлэ – кърахъэхри мэцлэйтэ* (Пс.) «Поднимают высоко – сохнет, опускают низко – впитывает влагу».

В подобных предложениях одна часть содержит потенциальное условие, а вторая – выражает возможное послесловие, как видно из примеров, обуславливающая часть может грамматикализироваться и приобрести значение союзной части.

Обуславливающая часть в бессоюзных предложениях рассматриваемого типа по своей структуре довольно разнообразна. Здесь могут быть использованы в качестве синтаксического условного наклонения различные формы глагола: форма императива, личные формы глаголов будущего времени, вопросительные формы, и т. д., примеры:

Уи дамэр жакхэ – лъатэ уздыхуейм (Н. А.) «Окрепля крылья – лети куда хочешь»; *Цыхум жалэр уигу црихърэ – ар хъэлу зыхэлхъэ, апхуэдэу узрыщытын иужь ит* (Хь.Хь.) «Нравится тебе, что говорят люди – мотай на ус, старайся быть таким»; *Узыхуейр кбынлэрыхъаклэ – лъэныкхъуэ зегъэз* (Хь. Хь.) «Получил что хотел – отойди в сторону»; *Нобэ согъэзэж сэ къуажэм (згъэзэжмэ) – дауэ фэ псэуа фызэрыхъунур?* «Ну сегодня уеду я в село (вернусь), как жизнь ваша сложится?»

5. Бессоюзные сложные предложения, предикативные части которых соединены **временными отношениями**. В кабардино-черкесском языке бессоюзные сложные предложения с временным значением в обеих формах языка получили распространение в меньшей степени, чем другие типы рассматриваемых предложений. Такие конструкции всегда содержат указание на время (прошедшее или настоящее), структура у них замкнутая (двухэлементная), предикативные части в них семантически (во временном плане) противопоставлены, примеры: *Уэшх щамыгъуэтым нар-тыху бзийм зашыхъауэ щыташ, уэшх кбешхри, ахэм зашэ-щлыжащ* «В засушливое время листья кукурузы свернулись, получив влагу, они распрямились»; *Бжэр лусхрэ сыщлэплэмэ, пэшым цлэзу хъэцлэ цлэсхэт, ефэ-ешхэми цладзат* «Я открыл дверь и заглянул (в темноту) – было полно гостей и они уже пили».

Аффикс *-мэ*, *-м*, как известно, многозначен. В подобных предложениях он имеет значение временное, а не условное. Предикативные части располагаются последовательно, показывая очередность протекания действий во времени.

6. Бессоюзные сложные предложения, выражающие **противительные отношения**, состоят из предикативных частей, в которых противопоставляются отрицание и утверждение, примеры:

– *Сэракбъым лажъэ зилэр, лажъэ зилэр мыр куууэ зымыва трактористырш* (Щ. I.) «Не я виноват, виноват тот тракторист, который не вспахал это (землю) глубоко».

В более редко встречающихся вариантах бессоюзные сложные предложения

рассматриваемого типа могут иметь уступительные, сопоставительные, сравнительные значения.

5.3. Вопрос о сложноподчиненных предложениях в кабардино-черкесском языке

В синтаксической науке сложноподчиненными предложениями признаются такие сложные предложения, в которых предикативные части связаны подчинительными союзами или союзными словами. Это предполагает, что сложноподчиненное предложение должно иметь в своей структуре не менее двух предикативных центров, синтаксическая связь между которыми осуществлялась бы в обязательном порядке союзами или союзными словами. Однако предложения, рассматриваемые в кабардино-черкесском языке некоторыми исследователями до сих пор как сложноподчиненные, не отвечают этим требованиям. Имеются в виду предложения типа: *Гум, кѳуажэм и зѳуэдитыр икѳа нѳужь, сэмѳурабгѳумкѳлѳ ди-дзыхащ* (Кѳаш. Хѳ.) «Пройдя половину села, арба свернула влево»; *Сынакѳуэм дызѳуэзэщ* «Приду, встретимся»; *Ахѳр бжѳлупэм нѳсыжа нѳужь Мурат псѳуалѳэхѳр здѳщыѳлѳмкѳлѳ иунѳтѳлащ* (Кѳаш. Хѳ.) «Дойдя до двора, Мурат повернул в сторону построек».

Такие предложения нельзя рассматривать как сложноподчиненные с придаточными предложениями времени, причины, цели и т. д., здесь нет никаких признаков сложного предложения, тем более сложноподчиненного. Во-первых, потому что в той части, которая обычно считается придаточным предложением, нет той совокупности грамматических признаков, образующих предикативность, во-вторых, нет соотношения подчинения в семантическом плане, в-третьих, нет структурных признаков сложного предложения, в частности, подчинительного союза, вводящего придаточное предложение. Те части приведенных предложений, (различного характера конструкции, имеющие временные, условные, причинно-следственные значения), не обладают структурными и семантическими признаками предложения. Инфинитивные формы глагола не могут образовать (формировать) целостные предложения, они формируют различные обстоятельственные конструкции со значением времени, места, цели, причины и т. д. В целом предложения с рассматриваемыми конструкциями следует считать простыми: здесь нет полипредикативности, нет подчинительного союза, вводящего придаточное предложение. (М. А. Кумахов). Рассматриваемые исследователями как придаточные предложения (различного рода элементы осложненных предложений) не что иное, как обстоятельственные конструкции в составе простого, осложненного различными оборотами предложения. Однако нельзя и одной фразой решать вопрос о существовании сложноподчиненного предложения в кабардино-черкесском языке, нельзя утверждать, что в кабардино-черкесском языке нет сложноподчиненных предложений. Оппозиция сочинение-подчинение определяется наличием нескольких признаков, основным из которых считается структурный признак, т. е. наличие союзов и их характер. Наличие подчинительного союза необходимо, чтобы полипредикативное предложение считалось бы сложноподчиненным. Вопрос ставится, таким образом, о наличии в кабардино-черкесском языке подчинительных союзов. Хотя нельзя отрицать типологического сходства кабардино-черкесских союзов *сыт щхѳэкѳлѳ жыпѳлѳмѳ* (потому что), – *сыту жыпѳлѳмѳ* (потому что), следует считать, что они выполняют ту же синтаксическую функцию в предложении, что и русские их соответствия, т. е. вводят придаточные предложения причины. В кабардино-черкесском языке список подчинительных союзов очень ограничен. Детерминативные отношения между предикативными частями, входящими в сложное предложение, могут выражать союзы причинно-следственного характера. Среди них можно выделить две группы. В первую группу войдут союзы, выражающие между предикативными частями сложного предложения причинные отношения: *сыту жыпѳлѳмѳ*, *сыт щхѳэкѳлѳ жыпѳлѳмѳ*, *сытым кѳыхѳкѳлѳ жыпѳлѳмѳ*, *сыт папѳлѳ жыпѳлѳмѳ* «потому что».

В сложноподчиненных предложениях с помощью этих союзов к главному предложению присоединяются придаточные предложения, в которых говорится о причине того, что происходит в главном предложении. Все приведенные выше союзы

можно рассматривать как варианты одного союза *сыт цхъэкIэ жыпIэмэ* «потому что», который по частотности употребления выделяется большей активностью. Его вариант *сыту жыпIэмэ* стилистически маркирован и сфера его употребления ограничена рамками официально-деловой речи, примеры: *Салихь ар зыкIу гъэщIэгъуэн къыщыхъуакъым, сыту жыпIэмэ анэмрэ къуэмрэ щысу нысэм псалгъэ и хабзэтэкъым* (Къаш. Хъ.) «Салихь несколько не удивился этому, потому что в присутствии матери и сына невестка обычно не говорила»; *Куржым унэсын папцIэ мээ бгитI-бгищ удэкIын хуейти, ари къезэгъырт Щэмел и мурадым, сыту жыпIэмэ абы и дээр цэхуу, къамыщIэу иришыфынут Куржы щIыналгъэм* (Ш. А.) «Чтобы дойти до Грузии, надо было подниматься на две-три лесистые горы – это отвечало интересам (целям) Шамиля, потому, что он смог бы тихо, незаметно провести свое войско через территорию Грузии»; *ЩIыр тэмэму къэгъэсэбэпа зэрыкIун Iэмал къэгъуэтыгъуейщ, сыту жыпIэмэ щIыр тэмэму гуэша зэрыхъумкIэ цыхур зэгурыуанIэ ихуэртэкъым* (Н. А.) «Трудно было найти способ рационального использования земли, потому что люди не могли найти согласия из-за неправильного распределения земли».

В художественной литературе, официально-деловой речи союз *сыту жыпIэмэ* встречается чаще, чем *сыт цхъэкIэ жыпIэмэ* «потому что», однако последний имеет широкое распространение и в устной речи, где союз *сыту жыпIэмэ* «потому что» не встречается: *Мыгузэу пшынэр яцэжын хуей хъуащ кыизэрацэхуам нэхърэ зыкъомкIэ нэхъ пуду, сыт цхъэкIэ жыпIэмэ мазэ иримыкъум Наныкъэ хунэсат ар хъэлэчпсэлэчу зэхифыщIэну* (Iу.) «Им пришлось продать гармонь гораздо дешевле, чем купили, потому что в течение неполного месяца Наника успела изуродовать ее»; *Сэ кыизэхъула насытыр зыхуэдизыр сэр дыдэм си фIэщ мыхъужу аращ, сыт цхъэкIэ жыпIэмэ а насытым кыищIэхъуэпсу, кыищIэбэгъу дунейм ехыжа куэд си нэгу щIэкIащ сэ* (Е. К.) «Даже я сам не верил, что такое счастье привалило мне, потому что я видел много таких, которые умерли, мечтая о таком счастье»; *«Щыта» псалгъэр абы и дежкIэ пэж дыдэтэкъым, сыт цхъэкIэ жыпIэмэ абы и ефэндэгъэр иджыри IэщIыб ищIыпатэкъым: ар иджыри цэхуу къуажэм дэст* (Щ. I.) «Употреблять слово «был» по отношению к нему было не совсем правильно, потому что он еще не полностью отказался от должности ефенди, он еще нелегально жил в селе».

Другие варианты этого союза, названные выше, употребляются не так часто и не имеют ни стилистических ни диалектных оттенков.

1. Вторую группу подчинительных союзов составляют союзы *абы кыхэкIкIэ*, *абы цхъэкIэ*, *абы папцIэ(кIэ)*, *ауэ цыхъукIэ* «потому». Они присоединяют придаточные предложения к главному, создавая следственные отношения между ними. В придаточном предложении содержится указание на следствие, вытекающее из действия глагола-сказуемого главного предложения, из содержания всего главного предложения. Как правило, такие сложные предложения двухкомпонентны, и придаточная часть занимает в них постпозитивное предложение.

Рассматриваемые союзы существуют в различных фонетических вариантах, напр.: *абы кыхэкIкIэ*, *абы кыхэкIыу*, *абы кыхэкIкIу* и т.д. Такое необходимое формальное расхождение, однако, не вносит никаких оттенков ни в семантическом, ни в синтаксическом плане, например: *Езым абэзэхэ гъунапкъэхэм щалэжъ бзаджагъэр абазэхэхэм тралхъэнри я хабзэщ, абы кыхэкIкIэ а гъунапкъэм уэркъ шу нэгъуаджэхэм щалуэным абазэхэхэм зыцахъумэу щытащ* (КI. Т.) «В нарушениях, совершаемых ими на абадзехской границе, они могут обвинить самих же абадзехов, поэтому абадзехи избегали встреч с наглыми всадниками – уорками»; *Мы гъэм а къуажэм и колхозхэтхэр фIыуэ лэжъащ, фIыуэ лэжъахэм я гуэныр изищ, абы кыхэкIыуи пцыхъэщхъэкIэрэ я жагъуэкъым я Iэнэхэм шхын IэфIхэр телгу бгъэдэсыныр* (Къаш. Хъ.) «В этом году колхозники этого села поработали хорошо, у работавших хорошо закрома полные, поэтому они не прочь по вечерам сидеть за столом, на котором вкусные блюда»; *Апхуэдэу гупсысэ IэфIхэм зэщIащтауэ Софят зэрынэжэгужэм Лусэ гу лъитат, абы кыхэкIкIэ зы псалгъэ едзыгъуэкIу Софят и гурыщIэ хуабэхэм япырымыуэ езыри иджыпсту нэщхъыфIэ дыдэт* (Щ. I.) «Люся обратила внимание на хорошее настроение Софят, охваченной хорошими мыслями, поэтому, не мешая ни одной репликой тёплым мыслям Софят, сама пребывала в радостном возбуждении».

Союзные слова *абы папцIэ* «потому» *ауэ цыхъукIэ* «так что» в меньшей степени,

чем *абы къыхэкIкIэ* «поэтому», выражают детерминативные отношения между предикативными частями сложноподчинённого предложения.

6. Способы передачи чужой речи

В кабардино-черкесском языке пользуемся такими синтаксическими конструкциями, которые названы языковедами чужой речью. Под чужой речью обычно понимают речь (слова) другого лица, передаваемую говорящим третьему лицу (другим). Под этим термином понимают и свою речь, прозвучавшую ранее. Таким образом, чужая речь – это высказывание (чужие слова), передаваемое говорящим (или пишущим) в контексте авторского повествования. Автором принято называть лицо, передающее чужую речь, а его слова, вводящие прямую речь, – словами автора. Чужая речь, особенности ее структуры и способы ее передачи рассматриваются в синтаксисе сложного предложения, но чужая речь занимает в синтаксисе определенное место в связи с тем, что она обладает особой формой выражения синтаксических отношений и коммуникативной ролью самих конструкций (чужой речи). Есть различные способы передачи чужой речи. Основные из них две формы – прямая и косвенная речь.

1. Форма прямой передачи (прямая речь). В этом случае повествователю важно передать содержание и форму чужого высказывания сохранив лексику, грамматику и стилистические особенности высказывания.

2. Косвенная речь. Здесь автор не считает важным точное воспроизведение чужой речи, для автора важно передать содержание, лишив высказывание эмоциональной стороны (стилистической окраски), в таких случаях используются предложения с косвенной речью.

Каждый из названных способов имеет свои особенности (структурные, стилистические) и требует специального анализа.

6.1. Прямая речь

Синтаксические конструкции с прямой речью состоят обычно из двух частей. Они объединены бессоюзной связью (интонационно и семантически). Одну из этих частей принято называть термином «слова автора», другую – «прямой речью». В авторских словах констатируется факт чужой речи и обязательно называется источник, а в прямой речи без изменений, дословно передается чужая речь (без изменения содержания языковой и грамматической формы):

– *Ди зэхуаку губгъэн къимыхуэн папцIэ уи къэлэтыр мыдэ къащтэ,– жиIэри, Ерстэм гъуэгубгъум цтауэ тет цIалэ цIыкIум хуеплъэкIащ* (КI. Т.) «Во избежание недоразумений между нами (обиды) дай сюда оружие»,– сказал Ерстам и посмотрел в сторону стоявшего на обочине, напуганного парня»; *Бригадыр зауэм и пэкIэ мэкъумэшым пыцIауэ зэрыщымытам къыхэкIкIэ ар Iэнкуну трактористхэм еупцIащ: «ЩIы и пIалгъэ фцIауэ пIэрэ фэ?»* (Щ. I.) «Бригадир, чувствуя себя неловко оттого, что не занимался до войны сельскохозяйственным производством, спросил трактористов: «Вы знаете агротехнику?»; *–Ау-уей, уэ сым хэпцIыкIрэ абы, тхъэмыщкIэ?– еплгурэ зыкъомрэ еIыгъри, джэдыкIэ пцIапцIауэ къылэщIэпIытIэнкIэ шынэ нэхъей хуэсакъыпэурэ егъэтылгъыж* (Е. К.); «Да что ты, что ты в этом понимаешь, бедный?» – долго держит, смотрит (на него), а потом, будто недоношенное яйцо, готовое раздавиться в кулаке (будто боясь, что раздавит в кулаке), осторожно кладет обратно».

Авторская речь содержит слова, вводящие прямую речь. Это, обычно, глаголы с семантикой речи или мысли: *жиIащ* «сказал», *пищащ* «продолжил», *цIэупцIащ* «спросил», *цIэгубжъэн* «прикрикнуть», *екIиин* «позвать», *къыпыдыхъэшхыкIын* «усмехнуться», *жэуап тын* «ответить», *пыупцIын* «отрезать», *зыхуэгъэзэн* «обратиться», *мыдэн* «не соглашаться», *цIыгъужын* «добавить», и т. д. Примеры: – *Къаз шыр цIыкIу мыр? – сыкIиящ сэ, Iэпэ хуэшийурэ* (Н. З.) «Это гусенок?» – крикнул я, показывая пальцем»; *И цхъэр иIэтри ар цIыхухэм ину яхэгуэуащ: «Уа жылэ махуэ! Нобэрей джэгур зэрэкIуэкIыр мызахуэу къэфлгъытэрэ?»* (КI. Т.) «Он поднял голову и громко крикнул в народ: «Люди добрые, считаете ли вы, что сегодняшние игры проходят (организованы) неправильно?».

– *ЦIыкIу-мыцIыкIуми, унэ къэсыху махъшэ бгъурыбгъу цIэхуэрт, абы щыгъуэми хуиту*

я *кІэхэмкІэ щызэбэдзәуэу*, – *дыхъэшхаш КъуийцІы-кІу* (Д. кІ.) «Тесные или нет (комнаты), в каждой из них было (могло поместиться) по девять верблюдов, притом свободно, размахивая хвостами, отгоняя мух», – рассмеялся Куйцук».

Авторская речь содержит указание на лицо, которому принадлежат воспроизводимые слова (прямая речь). Эту функцию могут выполнять имена существительные, указательные местоимения и т. д., см. примеры, приведенные выше: *сыкІиящ сэ* «крикнул я», *дыхъэшхаш КъуийцІыкІу* «рассмеялся Куйцук», *ар яхэгүзүаш* «он крикнул (в народ)».

Авторская речь, как правило, представляет собой законченное предложение (двусоставное), реже – односоставное, различные варианты безличного предложения.

Авторская речь по отношению к прямой может занимать свободно все три позиции. Примеры:

1) авторская речь в препозиции: *Дэбэч жьантІэмкІэ дэс Степан Игнатъевич бгъэдохъэри фІохъус ирех, абы цужькІэ Шорэ и узыншагъэм щІоупцІэ*: «*Дауэ ущыт, Шорэ?*» (Ш. А.) «Дебеч подходит к сидевшему в глубине (комнаты) Степану Игнатъевичу и здоровается с ним, после этого спрашивается о здоровье Шоры: «Как ты себя чувствуешь, Шора?»; *Сэлимэт макъ лъагэкІэ къыхидза уэрэдыр хъыджэбзхэмрэ щІалэхэмрэ зпадыж*: «*Ныбгъуэ цІыкІу сыхъурэ Мэшым сыхыхъэжмэ, сытхэр къызэпцІэн?*» (Ш. А.) «Начатую Салимэт на высокой ноте песню подпевают девушки и парни: «Если превращусь в перепелку и уйду в просо, что ты сделаешь со мной?»;

2) при интерпозиционном положении авторская речь расчленяет прямую на две части. Все высказывание представляет собой трехэлементную конструкцию (прямая речь – авторская речь – конец прямой речи). Ср.примеры: «*Сынолгъэлуну арат ди жыгхэм у с х у е п л ъ ы н у у н э кІуэну*, – *япэ зыкъригъэцри жиІащ абы, итІанэ къищІэжурэ къытищаш*, – *мэгү (жыгхэр), я фэхэр къытокІ, Іэгъэбэгү хужь ятетц*»; (Къу. С.) «Я хотел попросить (тебя), прийти к нам посмотреть наши деревья, – сказал он, опередив, и потом, вспоминая, добавил (продолжил), – сохнут, кора отслаивается, растут (на коре) белые грибы»; *ЩІалэр къэсыжауэ аращ*, – *желэ Болэт, зричын кудейуэ хъэзыру*, – *неблагъэ Къасым, уэлэхъэ удгъэхъэцІэн-кІэ*» (Къ. Хъ.) «Парень (сын) приехал, – говорит Болэт, готовый бежать, – добро пожаловать, Касим, будешь гостем»; *Сыт мыпхуэдэу зыщІэлплэжыр, си гъунэгү закъуэ?* – *еупцІащ бажэр*, – *сыт мыпхуэдизу узытешыныхъыр?*» «Ты почему так убиваешься, моя соседка, – спросила лиса, – чего ты так (сильно) боишься?»;

3) авторская речь может занимать и постпозиционное положение по отношению к прямой речи: «*АмІэ гуцэ хэт къодгъэлэзэн? Тырку Іэзэм деж утишэн?*» – *щІоупцІэ хъыджэбзхэр* (Ш. А.) «Ну а какого же доктора попросим тебя лечить? Может к турецкому знахарю тебя вести?» – спросили девушки»; *Ар сложь, сыту псынцІэу уцІегъуэжа, дахэ?*» – *пащІэкІэм мащІэу зэрыщІэгүфІыкІым хуэдэурэ желэ Дэбэч* (Ш. А.) «Что же это ты так быстро передумала, красавица?» – говорит Дабек»; «*КъанцІыкІу къафшэ*», – *къыхокІиикІ зыгуэр* (Ш. А.) «Приведите Канцук», – выкрикивает кто-то».

6.2. Косвенная речь

Косвенная речь – это чужая речь, переданная другим человеком (субъектом) в свободном авторском изложении.

В отличие от прямой речи косвенная речь сохраняет в неизменном виде только семантику высказывания, а грамматическая структура его меняет весь свой облик. В кабардино-черкесском языке при трансформации прямой речи в косвенную получается из двух компонентов (самостоятельных предложений) одно, простое предложение. Серьезные структурные изменения претерпевает прямая речь, она превращается в инфинитную конструкцию изъяснительного характера. Примеры: «*ЦІы-хум и нэр къабзэмэ и гур къабзэщ*», – *желэ Исуф, сыт щыгъуи псалгъэ шэрыуэ, псалгъэ пэж къэзытсэлгъын зыфІэфІым*. – *Сыт щыгъуи псалгъэ шэрыуэ, псалгъэ пэж къэзытсэлгъын зыфІэфІ Исуф желэ цІыхум и нэр къабзэмэ и гури къабзэу зэрыщытыр* (Гъу. Л.) «Если у человека глаза чистые, то и сердце чистое», – говорит Исуф, любящий всегда говорить меткие правдивые слова»; «*Сыт мы бзу шыр цІынэр щІэфІыгъыр?*» – *жиІащ Мухъэз*,

зигъэшущуейуэ шыд сокур Іэ лъэныкъуэкІэ ылыгъыу. – Бзу шыр цІынэр ІэкІэ цІаІыгъым цІэупцІащ Мухъэз, зигъэшущуейуэ шыд сокур Іэ лъэныкъуэмкІэ ылыгъыу (Гъу. Л.) «Зачем вы держите этого птенца?» – сказал Мухаз, изображая джигита и держась одной рукой за гриву осла; «Сэ хуцхъуэ къэсхъынц», – жиІэри Беслээн цІэлъэдэжащ я унэ – Беслээн цІэлъэдэжащ я унэ, хуцхъуэ къыхъыну жиІэри. «Беслан побежал домой, сказав, что идет за лекарством».

Языковой материал показывает, что препозитивное положение авторских слов характерно для косвенной речи:

Гораздо реже, но встречаются случаи постпозитивного положения авторской речи.

«Ар, Къандыцэ, Іээшхуэу жаІэ», – къыцхъэщыжащ урыс Іэээм Данэ. – Ар (Степан) Іээшхуэу зэрагъэлур Къандыцэ жриІэурэ, Данэ урыс Іэээм къыцхъэщыжащ. «Дана защищала его (Степана), говоря, что русский лекарь хороший»; «Шыгугъ уэ цІащхъуэ шыр бгъэхъужыну, уей, сэ цІащхъуэ сыхъуным, фэ ар вгъэхъужмэ», – жиІэц Мухъэзи, чынутІымкІэ шыдым еуэри дэжыжащ (Гъу. Л.) «Жди, вылечишь ты ласточку, я превращусь в ласточку, если вы ее вылечите», – сказал Мухаз, ударил кнутом осла и выехал со двора»; ЦІащхъуэ шырыр яхуэмыгъэхъу-жыну, ар ягъэхъужмэ езыр цІащхъуэ хъуну яжриІэри Мухъэз и шыдым чынутІымкІэ еуэри дэжыжащ.

Следует отметить, что конструкции с прямой речью – характерная особенность молодой письменной речи, многие черты которой заимствованы.

Для устной речи это редкое явление. И, наоборот, наблюдается стилистическая маркированность предложений с косвенной речью. Такие образования – область разговорной речи.

7. Место инфинитных конструкций в синтаксической системе кабардино-черкесского языка

Синтаксические образования, традиционно рассматриваемые в грамматических и других различных работах как изъяснительные и обстоятельственные (места, времени, цели и т. д.) придаточные предложения, представляют собой инфинитные конструкции, выполняющие функции указанных придаточных предложений. Доминирующим (стержневым) элементом в подобных синтаксических конструкциях является инфинитный глагол, разные его проявления (формы наклонений, напр.). Примеры: *ТІомпІэщ жиІэу тхъэмпэм йопкІэри ткІуэпсхэр удз кІырым хокІуэдэж* (Іу.) «Крупные капли скатываются с листьев и исчезают в густой траве»; *Дапхуэдизрэ дымылгъыхъуами, Толэрэ дэрэ езы бзу цІыкІур къытхуэгъуэтакъым* (Іу.) «Сколько бы ни искали, мы с Толей не смогли найти птичку»; *Псынэм и гъунэгъу уцыхъунукІэ псы пэгун къыздэхъ», – кІэлъы-джащ абы пцафІэр* (Іу.) «Раз ты пройдешь мимо родника принеси ведро воды», – крикнул ему вдогонку повар».

Как видно из иллюстративного материала инфинитная форма глагола вместе со связанными с ней словами образуют особую синтаксическую конструкцию, которую исследователи называли инфинитной конструкцией. В приведенных выше примерах это *тІомпІэщ жиІэу тхъэмпэм йопкІэри* «с шумом скатываются с листьев», *дапхуэдизрэ дымылгъыхъуами* «сколько бы ни искали», *псынэм и гъунэгъу уцыхъунукІэ* «раз пройдешь мимо родника».

Характерная синтаксическая особенность таких конструкций – они в простом предложении выступают как один самостоятельный член предложения, выполняя функцию дополнения, различных типов обстоятельства и т. д. Они относятся, поясняют, дополняют один член данного предложения (напр., сказуемое).

Формирующий такую конструкцию глагол обозначает действие добавочное, второстепенное, зависимое по отношению к действию глагола-сказуемого данного предложения, организующего грамматический центр его.

Действие инфинитного глагола опережает действие основного глагола. Инфинитные формы глагола и все конструкции, образуемые ими, по структуре и синтаксической семантике в кабардино-черкесском языке напоминают синтаксические функции и позиции деепричастий и деепричастных оборотов в других языках. Инфинитная форма глагола в кабардино-черкесском языке (как и деепричастие в

русском), неся дополнительную (добавочную) информацию к основному глаголу, относится к тому же субъекту действия, что и финитная форма глагола (*дапхуэдиэрэ дымылъыхъуаи къытхуэгъуэтакъым (дэ), тхъэмпэм йопклэри хоклуэдэж (тклуэпсхэр), и гъунэгъу уцыхъунуклэ къыздэхъ (уэ)*). Одиночный инфинитный глагол без поясняющих слов-распространителей не образует конструкции. Такие сочетания глаголов, какие имеем в выражениях типа *щлалэр клуэри къыхъащ* «парень пошел и принес» следует рассматривать как союзные, т. е. как однородные сказуемые при одном подлежащем, соединенные союзным суффиксом *-р-и* (ср. *клуэ, къэхъ* «иди принеси» – *клуэ-ри къыхъащ* – «пошел и принес»). Об этом свидетельствует и то, что подлежащее (субъект «действия») синтаксически связан с глаголом с союзным суффиксом *-ри* (*щлалэр клуэри къыхъащ* – *щлалэм къыхъащ клуэри*).

Следует отличать рассматриваемые инфинитные конструкции и от союзных форм сказуемых в простых предложениях, являющихся элементами (фрагментами) сложносочиненных предложений, т.к. они выступают здесь со своими субъектами действия как грамматический центр одного из предложений в составе сложносочиненного. (ср. *Пшанэр зэхуащи, лэхуэр къыдохъэж* «Начало смеркаться, и стадо возвращается»; *Матэр гум къыхуарэ пэт, щлалэм абы гу лъытакъым* «Корзина (сапетка) упала с повозки (хотя упала), парень не обратил на это внимания»).

В первом предложении союз мобилен, он как повторяющийся союз может присоединяться и к другим членам предложения. Ср. *пшанэри зэхуащ, лэхуэри къыдохъэж*. В таком варианте союз *-ри* теряет значение условности, которое обычно наслаивается на основное значение союзности.

Анализируемые синтаксические конструкции не следует рассматривать как придаточные предложения в составе сложноподчиненного, так как они не могут образовать самостоятельного грамматического центра; они относятся к тому же субъекту действия, к которому относится и основной глагол, являются инфинитными (ущербными в грамматическом отношении) и еще потому, что нет подчинительного союза, вводящего придаточные предложения с детерминативным значением в состав сложного. Именно по этим причинам инфинитивные конструкции в предложениях типа: *Зы сыхъэт хуэдэ щысыжри Хъэжбэчыр и гъуэгъу теувэжащ* (Е. К.) «Посидев еще около часа, Хажбекир продолжил свой путь»; *А унэцлэм тлэу къеджа щхъэклэ жэуап зыми къатакъым, старшинэри хэту* (Н. А.) «Хотя эта фамилия прозвучала дважды, никто не откликнулся, включая и старшину». *Гум къуажэм и зэхуэдитлыр иклуа нэужь сэмэгурабгъумклэ дидзыхъащ* (Къ. Хъ.) «Дойдя до середины села, арба свернула влево» нельзя рассматривать как самостоятельные предикативные центры.

В приведенных примерах инфинитные конструкции *зы сыхъэт хуэдэ щысыжри* «посидев еще около часа», *а унэцлэм тлэу къеджа щхъэклэ* «хотя эта фамилия прозвучала дважды», *къуажэм и зэхуэдитлыр иклуа нэужь* «дойдя до середины села» входят в состав простого предложения как один его член с обстоятельственным значением, в одном как обстоятельство времени (*сыт щыгъуэ?* «когда?» – *къуажэм и зэхуэдитлыр иклуа нэужь*) в другом – причины, условия (*сытым деж, дапцэщ?* «в каком случае, когда?» – *а унэцлэм тлэу къеджа щхъэклэ*), а в третьем – тоже обстоятельство времени (*дапцэщ?* «когда?» – *зы сыхъэт хуэдэ щысыжри* «посидев еще около часа»).

В структурном плане инфинитные конструкции представляют собой большое разнообразие, они могут состоять из двух и более элементов, могут быть использованы различные формы инфинитности, но в каждой из них инфинитная форма глагола может быть распространена (пояснена) какими-то второстепенными членами предложения.

Занимая синтаксическое место придаточного предложения и выполняя их различные функции, инфинитные конструкции в кабардино-черкесском языке выступают в предложении как один его член. Синтаксические функции инфинитных конструкций в простом предложении могут быть различными. Практически они могут занимать синтаксическое место всех типов придаточных предложений: изъяснительных придаточных, различных обстоятельственных придаточных (места, времени, цели, причины и т. д.). Примеры: *Адыгэ псалъэжхэм щыщу сьт хуэдэ къапцтэми абы гупсысэхуэ хэлъагъуэнц* «Какую кабардинскую пословицу ни возьми, в ней ты найдешь глубокую мысль» (определятельная функция); *Ди дежклэ гурылэуэгъуэщ гъавэ лухыжыныр луэху нэхъыщхъэу зэрыщытыр* «Для нас ясно, что уборка урожая – главное

дело» (изъяснительная функция); *Щалэм сыт хуэдэ хъуэр идзми абы хуэфэцэн жэуап игъуэтыжырт* (Е. К.) «Какую бы шутку парень ни говорил, он получал такой же ответ» (определятельная функция); *Болэт дэнэ щылылэ щылажъэми и къалэныр тэмэму егъэзащлэ* (Е. К.) «Где бы ни работал Болат, он свою работу выполняет хорошо» (обстоятельство места); *Дыгъэм иригъэзыха нэужь нэхъ щабэ мэху, дунейри нэхъ щылытылэ къыпщоху* «Солнце, приближаясь к закату, становится слабее, и кажется, что стало прохладнее» (обстоятельство времени); *Ищым къыпыкI хъерым хэбгъэхъуэнуэм сыт щыгъуи егугъуу зехъэ* «Хочешь повысить продуктивность скота (если хочешь), постоянно ухаживай за ним» (обстоятельство цели); *Сызыхуей тхылгхэр къыздэсхъатэкъымы къалэм тезгъэзэн хуей хъуащ* «Из-за того, что не привез нужных книг, мне пришлось вернуться в город» (обстоятельство причины).

7.1. Изъяснительные инфинитные конструкции

Инфинитная конструкция, поясняющая предикативный центр предложения (подлежащее и сказуемое), содержащая дополнительное сообщение (инфинитный глагол содержит действие добавочное, дополнительное к основному глаголу), относится к изъяснительным инфинитным конструкциям.

Изъяснительная инфинитная конструкция обычно занимает в предложении синтаксическое место отсутствующих подлежащего или дополнения.

Изъяснительная инфинитная конструкция, как правило, отвечает на вопрос подлежащего (если подлежащая конструкция) предложения и поясняет его. Примеры: *Еджаклуэ цыкIлхэм щыщу хэт къэтэдджми КIы-щокъуэ Алим и усэ гуэр къытхуеджэрт е и прозэм щыщ тхыгъэ гуэрэм тхутепсэлгыхьт* (Ад. п.) «Каждый из встававших учеников читал нам стихи Алима Кешокова или анализировал какое-нибудь произведение из его прозы»; *Хэт еIами Бэдынокъуэ и бжыкIыр зыми щIым къыхутелэтыкIакъым* (Н.) «Кто бы ни пробовал свои силы, никому не удалось поднять с земли копье Быдыноко».

Глагол в таких инфинитных конструкциях обычно имеет суффикс *-и*. В этой связи уместно будет отметить, что традиционно выделяемые суффиксальные элементы *-ми, -ри, -ти* и т. д. состоят из двух элементов *-м-, -р-, -т-*, указывающих на различные морфологические характеристики (напр., грамматические категории наклонения, времени определенности-неопределенности), а формант *-и* следует выделять как союзный аффикс (с какой глагольной формой он ни употреблялся бы). На указанное основное значение союзности иногда наслаиваются другие, напр., значение условности (*фIыуэ лэжъати къыхуагъэфэщаш* «хорошо потрудился, и поэтому отметили»). Ср. два выражения: *къаклуэри ихъыжащ* «пришел и унес» и *къэклуати ихъыжащ* «так как пришел, раз пришел, унес». Ср. также употребление союзного суффикса *-рэ*, который соединяет однородные сказуемые в простых предложениях. Здесь союзное значение этого аффикса выражено четко и без наложения каких-то других оттенков.

Глагол с союзным суффиксом *-рэ* стоит в настоящем времени, может изменяться по лицам, но временное значение остается неизменным, действие глагола с суффиксом *-рэ* происходит раньше действия присоединяемого им глагола, его позиция по отношению к другому глаголу не меняет этой последовательности: *Агрономыр пцэдджыжъ къэс хъэсэм хыхъэурэ гуэдзым еплъырт* «Агроном каждое утро приходил на участок и смотрел пшеницу» (Ср. *ыхыхъэурэ еплъырт – еплъырт хыхъэурэ* «приходил и смотрел»).

В изъяснительных инфинитных конструкциях союзный суффикс *-и* не закреплен за глагольной формой (инфинитным глаголом). Он может присоединяться и к другим членам инфинитной конструкции. (Ср. *хэт жьыуэ къэтэдджми – хэти жьыуэ къретэддж – хуеймэ жьыуи къретэддж* «кто рано встанет»; *хэти еупцI къыбжилэнууц – хэт уеупцIми къыбжилэнууц – хэт ухуейми еупцI къыбжилэнууц* «спроси кого хочешь (любого) – скажет (он)»).

В законченных высказываниях это выглядит так: *Сыт хуэдизкIэ гугъу ехъами Iэсят нобэ тыншыжащ* (Гъу. Хъу.) «Какие бы трудности ни испытывала Асят, теперь она чувствует себя хорошо»; *Абы и гуцIыIум сыт щызеклуэми, сыт къыщрашэкIми – псори зэцIэскъыскъэрт* (Iу.) «Все, что ходило, перемещалось над ним, тряслось, скрипело».

7.1.1. Изъяснительные инфинитные конструкции, выполняющие функцию дополнения

Инфинитные конструкции могут выполнять в предложении функции дополнения, приобретая в таком случае объектное значение: *ШЫр мы лэныктуэм фЫш, сыт хуэдэ кэаКЫгээ хэпсами бэггуауэ лубохыж* «Земли в этих краях плодородные, сажай какие хочешь культуры – дают богатый урожай» (*сыт лупхыжыр?* – *сыт хуэдэ кэаКЫгээ хэпсами*); *Мэжид сыт хуэдэ луэхугуэ кыбгээдалхьами егугуу, и кIэм нэсу егээащIэ (Iу.)* «Какое бы поручение ни давали Мажиду, он выполняет его старательно и доводит до конца».

Инфинитные конструкции с объектным значением (со значением дополнения) отвечают на падежные вопросы и поясняют (распространяют) глагол-сказуемое, относятся к нему.

В предложениях рассматриваемого типа распространения инфинитными конструкциями требует именно глагол-сказуемое. Семантика всей инфинитной конструкции является дополнением к глаголу-сказуемому, она содержит добавочное действие к нему: *ЦыкIухэм щыцу хэт илгэгуми анэшхуэр абы едэащIэрт, – IэфIыкIэ гуэрхэр кыхузыктуихт* (Е. К.) «Кого бы из детей ни увидит, бабушка обязательно приласкает его, и угостит припасенными сладостями». Внутри самой инфинитной конструкции роль дополнения, обычно прямого, выполняют, как правило, вопро-сительные местоимения *хэт?* (кто?), *сыт?* (что?). Но такую функцию могут выполнять и имена, и именные формы глаголов: *ТуащIэм щилэ хэсэм гуэдз хисэми, нартыху трисэми бэггуауэ кэрехэлIэж адэшхуэм* (Ад. п.) «Чем бы ни заседал клин в междуречье, пшеницей или кукурузой, дедушка собирал богатый урожай».

7.2. Определительные инфинитные конструкции

Определительными инфинитными конструкциями можно назвать такие, которые имеют определительные отношения к грамматическому центру предложения. Они (определительные инфинитные конструкции) распространяют один из членов (чаще дополнение) простого предложения, в состав которого входят, и отвечают на вопрос *сыт хуэдэ?* (какой?): *Сэлу-мэт езым сыт хуэдэ бостей идми и шыхху нэхгыщIэми апхуэдэ дыдэ кыхуицэхут* «Саимат покупала младшей сестре (своей) такое же платье, какое шила себе»; *Анэшхуэм езым сыт хуэдэ джэдкэз ире-ггэху апхуэдэ дыдэ и ггунэггухэми яритт* «Бабушка давала своим соседям такую же птицу, какую разводила сама»; *Сыт хуэдэ джэдкэз и ггунэггухэм яритыр?* «Какую птицу давала бабушка соседям?», *Езым иггэххуэм хуэдэ* «такую же, (какую сама разводила)».

Определительные инфинитные конструкции, как правило, имеют указательное слово, в качестве которого выступает чаще всего местоимение «*апхуэдэ*», «*апхуэдэ дыдэ*», «такой же, точно такой же», которое определяет дополнение в предложении.

Однако следует заметить, что такие синтаксические образования с (атрибутивными) определительными инфинитными конструкциями в речевой практике встречаются довольно редко. Определительные инфинитные конструкции указывают на абсолютную идентичность характеризуемых предметов и явлений.

7.3. Обстоятельственные инфинитные конструкции

Обстоятельственные инфинитные конструкции встречаются в языке довольно часто, чаще, чем другие. Они занимают синтаксическое место обстоятельственных придаточных предложений. В зависимости от значения, выражаемого ими в предложении, они делятся на инфинитные конструкции со значением места, времени, причины, цели, следствия, образа действия (или сравнения), уступительные.

7.3.1. Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением обстоятельства места

Такие конструкции имеют обычно пространственные значения (значение места или направления какого-нибудь действия финитного глагола), отвечают на традиционные вопросы обстоятельства места: *дэнэ? дэнэклэ? дэнэ деж?* «где?, куда?»: *Мурат дэнэ деж щылажъэми абы цлэрылуэ щыхъут* (Е. К.) «Где бы ни работал Мурат он там становится известным; *Дыгъэр къыздепс лъэныкъуэмклэ сэхура-ныщхъэм зегъазэ* «Подсолнух поворачивается в сторону, где солнечно (в солнечную сторону)».

Эти же вопросы в роли относительных слов часто употребляются в обстоятельственных инфинитных конструкциях: *Дэнэ щытлэ сымыкълуами, уи деж, Налшык, сэ къэзгъэзэжыныц* «Куда бы я ни ездил я вернусь к тебе, Нальчик» (из песни); *Дэнэклэ зумыгъэзэми нэм къиплгъыхыр гуэдз тлыгъуат* «Куда ни глянь, всюду поля зрелой пшеницы».

Обстоятельственные инфинитные конструкции распространяют обстоятельство места в финитной части предложения, но оно может и отсутствовать.

7.3.2. Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением обстоятельства времени

Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением обстоятельства времени выполняют в простом предложении роль обстоятельства времени, указывают на время совершения действия основного глагола-сказуемого в предложении. Такая инфинитная конструкция образуется с помощью послелогов *нэужь* «после», (используют в речи также и его фонетические варианты *иужь, иужьклэ, нэужьклэ*), *ипэклэ* «до», и суффикса *-ху* тоже со значением времени, какого-то отрезка времени. Названные элементы в соответствии со своей семантикой (уточняют) указывают на время совершения действия основного глагола по отношению к действию, выраженному в инфинитной форме. В конструкции с послелогом *нэужь* «после» действие инфинитного глагола совершается после действия глагола, в конструкции с послелогом *ипэклэ* «до» – соответственно последовательность меняется, т. е. действие основного глагола совершается раньше действия инфинитного глагола. И союзный суффикс *-ху* имеет значение предлога «в течение, пока», т. е. действие основного глагола совершается в течение определенного времени, указанного в инфинитной форме. Ср. примеры: *нэса нэужь* «дойдя», *лэжыгъэр зэфлигъэклэ нэужь* «выполнив работу», *къалэм клуэн ипэклэ* «до поездки в город», *статьяр къытридзэн ипэклэ* «до опубликования статьи». Этот послелог имеет вариант *ипэклэ/ипэ кыхуэу*. Ср. примеры: *статьяр къытридзэн ипэклэ – статья къытридзэн ипэ кыхуэу*, и суффикс *-ху* четко определяет временные рамки действия основного глагола: *хъэщлэр щысыху* «пока сидел гость», *уэшхыр къешиху* «пока шел дождь». Примеры: *Тхъэнапэр адыгитлым ягъэщлэгъуэн яуха нэужь*, *жъантлэ блыным къыфлэ-дза сурэтышхуэр зэнаплгъыху щладзащ* (Н. А.) «После того, как два кабардинца перестали удивляться иконе, они начали разглядывать большую картину на стене в глубине (комнаты)»; *Хъэдижэт, абы еплгу талайклэ щыта иужь*, *къэпсэлъащ, и щхъэ хуэпсэлъэж хуэдэу хэгупсысыхъауэ* (Н. А.) «Постояв некоторое время, глядя на него, Хадижат заговорила, будто разговаривала сама с собой, отрешенно»; *Щихушхъэм къыфлэблэблэу флэс къуаргъ щхъэхынэр къигъащтэу, паровозыр клия нэужь*, *хуэм дыдэурэ ар ежъащ* (Н. А.) «Прогудев, пугая ворон, облепивших верхушки тополей, паровоз медленно тронулся».

Послелог *нэужь* «после» может формировать обстоятельственные инфинитные конструкции с двумя инфинитными глаголами: *Бэтырбэч, шхэуэ зитхъэщлэжса нэужь*, *шэнтжъейм итлысхъэжащ* (Н. А.) «Покушав и помыв руки, Батырбек сел в кресло (опять)».

В устной речи возможны и варианты конструкций и с большим количеством инфинитных глаголов, хотя это явление редкое и в этой форме языка. Ср., напр.: *Хъэсэн, бэзэрым клуэуэ и луэхухэр зэфлигъэклэу къигъэзэжа нэужь*, *пцлантлэм дэту*

дрихьэллэц «Хасана мы встретили во дворе после того, как он уже побывал на базаре, завершил (там) свои дела и вернулся».

В конструкциях с послелогом *ипэкIэ* (до), *ипэ кьихуэу* (до) используется форма инфинитива глагола, ср.: *ишхын ипэкIэ* «до того, как счесть», *кIуэн ипэ кьихуэу* «до того, как поехать». Такие конструкции синонимичны – не различаются они ни в стилистическом отношении, ни сферой употребления: *Кьибудда дзыгъуэ цIыкIур ишхын ипэкIэ джэдур зыкъомрэ абы иридэжэгурт* «Прежде чем съесть пойманную мышь, кошка некоторое время играла с ней»; *И кьулыкъум текIын ипэ кьихуэу Мудар IуэхугъуэI зыкъом илэжъыжат* «Прежде чем уйти с должности, Мудар успел сделать много хороших дел».

Суффикс -ху указывает, как отмечено выше, на синхронность действий, выраженных основным и финитным глаголами: *Директорыр и докладым кьеджэху залым цIэхсэр цыму, кьыхэлэнкIыкI цымыIэу едэIуац* (Д. Хь.) «Пока директор читал свой доклад, сидевшие в зале слушали тихо, не прерывая».

В предложениях с обстоятельственными инфинитными конструкциями место инфинитных конструкций не фиксировано. Они встречаются как в препозиции, так и в постпозиции, хотя препозитивное положение инфинитных конструкций встречается чаще.

В инфинитных конструкциях послелог *нэужь* «после» и его фонетические варианты не имеют (и не приобретают) союзного значения. Он выполняет послеложную функцию (в лингвистической литературе встречается иное мнение о грамматическом статусе этого слова). В кабардино-черкесском языке послелог употребляют не только после имен, но и глаголов и их именных форм. Сравним конструкцию с послелогом *нэужь* с другими конструкциями с такими же послелогам и глагольными формами: *кIуа нэужь* «после того, как сходил», *кIуа папцIэ* «хотя и ходил», *кIуа щхэкIэ* «хотя и ходил» и т. д.

Инфинитные конструкции со значением обстоятельства времени могут образоваться и с использованием грамматиколлизированного глагола *хъун* «стать» в функции послелога *щыхъукIэ* «когда»: *гуп хыхъэ щыхъу-кIэ* «появляясь в компаниях». Здесь структурная схема инфинитной конструкции несколько иная – используется глагол в форме императива и послелог *щыхъукIэ*: *кIуэ щыхъукIэ, хыхъэ щыхъукIэ*. Такие конструкции синонимичны с образованиями с послелогом *деж*: *кьыщыкIуэм деж, щыхыхъэм деж* – *къакIуэ щыхъукIэ, хыхъэ щыхъукIэ* «когда приходит», «бывая (в комнате)». Примеры: *Цыху Iув хыхъэ щыхъукIэ, ХэпацIэ зихъуэжырт, къекIуу зихуапэрт, дыжъын самIэм илэ и къамэр зыкIэрищIэрт* (Т. Хь.) «Идя на различные собрания, Хапача преображался, одевался в хорошую одежду, надевал и кинжал в серебряных ножнах».

7.3.3. Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением цели

Такие обстоятельственные конструкции указывают на цель, с которой субъект совершает действие основного глагола-сказуемого в предложении. Временная последовательность в подобных конструкциях четко фиксирована: во всех случаях действие основного глагола-сказуемого опережает действие, выраженное в инфинитном глаголе. Рассматриваемые конструкции образуются с помощью послелогов *папцIэ* «для», *щхэкIэ* «для». Примеры: *Хъэжыисмел кьызэрилъытэмкIэ, папцIэ ухъун папцIэ бэм урителъхъэу ущытын хуейщ, зылъэкIхэм уапэщIуэвэфу* (Ж. Б.) «По мнению Хаджи-Исмеля, чтобы стать лидером, надо быть на стороне народа (большинства), и уметь противостоять сильным мира сего»; *ТхылъымIэ пычахуэхэри дыуэпсым кIэлъаутIыпцын папцIэ щхэгъубжэм зыдешииIри хъыджэбзым и Iэр еутхыпцI, арщхэкIэ тхылъымIэ псыфыр Iэгум кIэрыпцIат, псыдыуэм хуэдэу зыкIэраукIат* (Щ. I.) «Чтобы выбросить обрывки (кусочки) бумаги вслед за водой, девушка высунулась из окна и стряхивала их с руки, однако мокрая бумага прилипла к ладони, впилась (в нее) как пиявка». *Тракторми кьутагъэ илэтэкъым, пхъэлэцэ вабдзэри зыфIэна рамэм кьыфIэнхыжын папцIэ ущIелэлэлэн щыIэтэкъым* (Щ. I.) «В тракторе не было поломок, и чтобы освободить плуг (лемех) от рамы, за которую зацепился, не требовалось особого труда».

Так же, как и послелог *папцлэ*, послелог *цхъэклэ* формирует обстоятельственные конструкции, сочетаясь с инфинитивной формой глагола. Эти послелогии можно рассматривать как синонимы, не отличающиеся друг от друга ни семантическими, ни какими-то стилистическими особенностями. Они взаимозаменяемы в речи: ***Сыкызырыгумэхар цлэсхумэн цхъэклэ сэри зыри сужылэрктым абдеж, зызогъэзых*** (Е. К.) «Чтобы скрыть минутную слабость, и я ничего не могу говорить тут, опускаю голову»; ***Софят губгъуэ унэм мыклуэжын цхъэклэ, а пцащэм иджыри зыгуэр кыжицлэным Къантласэ поплэ*** (Ш. I.) «Кантаса ждала, что Софят скажет еще что-то, чтобы не возвращаться в поле». ***Ерыстэм фэдэн цлэжыр кыигъэцлэсхэри хумплырэр кыигъэлэгъуащ, къэлэтыр кыхыгъуафлэ хун цхъэклэ*** (К. Т.) «Эристам отпустил (кожаный) шнурок и подтянул поближе сумку, чтобы легче было достать ружье».

Послелогии *папцлэ* и *цхъэклэ* ниже использованы автором в одном предложении во избежание тавтологии: ***Фызхэм кыжралар зыцхъэщидзын папцлэ Щамел псоми хуэхъэзырт, а гупсысэ лейхэм яцхъэщыклын цхъэклу*** *пхуигъэзэнут дэнэ лъэныкхуэклу* (Ш. А.) «Чтобы забыть то, что говорили ему женщины, Шамиль был готов ко всему; чтобы избавиться (уйти) от этих тяжелых мыслей, он готов был повернуть в любое направление».

Из иллюстративного материала видно, что эти послелогии (*папцлэ*, *цхъэклэ*) выступают как полные синонимы. Различаются они в некоторых случаях, когда *цхъэклэ* «для» выступает как многозначный послелог – он употребляется и в значении «хотя». В конструкциях с инфинитивом рассматриваемые послелогии равнозначны, в сочетании же с причастной формой наблюдается некоторое семантическое расхождение. Ср. примеры: *клуэн цхъэклэ, клуэн папцлэ* (для поездки, чтобы поехать), *клуа цхъэклэ игъуэтактым* – *клуа папцлэ зийкл игъуэтактым* (хотя и ходил, но не нашел).

Во втором варианте послелог *папцлэ* приобретает значение усилительной частицы.

Довольно часто рассматриваемые инфинитивные конструкции используются во фразеологических оборотах, в сочетании с устойчивыми оборотами речи послелогии *папцлэ*, *цхъэклэ* формируют эти конструкции: ***Абы дэ-рэ дызэгурыуат хъэжы цлэ лъанлэм зауэл хъыжъуэ къалхуар зыхыгъэклыжынклэ хуну луэхушхуэ къомыр лэщыб имыщлын папцлэ хъэж имыщлыну*** (М. Э.) «Мы с ними договорились, чтобы высокое звание хаджи не лишило мужественного воина многих хороших дел, он не совершал попомничество хадж»; ***Ар мысыр щыщ адыгэпц лъэпкъ къабзэм кыхэклащ, ди унагъуэр игу ирихьын папцлэ унэгъуащэм лъэкл кыигъэнэнктым*** (М. Э.) «Он из семьи чистых адыгских египетских князей, хозяйка будет делать все, чтобы ему понравилась наша семья».

7.3.4. Обстоятельственные инфинитивные конструкции со значением следствия

Такие инфинитивные конструкции указывают на (следствие) результат действия, выраженного в основном глаголе-сказуемом. Независимо от того, где находится инфинитивная конструкция, в препозиции или постпозиции по отношению к основному глаголу, действие инфинитивного глагола конструкции происходит раньше, а действие основного глагола-сказуемого предложения после него как следствие его, как результат первого. Для образования таких конструкций используются послелогии *папцлэ*, *цхъэклэ*, а также *кыхэкклэ* «из-за, поэтому», *ауэ цыххуклэ* «ввиду этого», «поэтому». Глагол в конструкции употреблен не в форме инфинитива, как в конструкциях со значением цели, а в причастных формах, которые употребляются как в положительной, так и в отрицательной формах: ***Фыуэ зэреджэм папцлэ студентым стипендие нэхъыфл кыхуагъэфэщаш*** «За хорошую успеваемость студенту дают повышенную стипендию»; ***Бекович-Черкасскэр мымащлэу гузавэ цхъэклэ пцы Аслъэнджэрий гуфлэрт, Николай зэрыхуэзэнум цхъэклэ*** (Ш. А.) «Хотя Бекович-Черкасский немало беспокоился, князь Аслангери радовался предстоящей встрече с Николаем»; ***Пцэдджыжым жьыуэ кызырмытэдджыфым кыхэкклэ, сабийр еджаплэм куэдрэ кыкларыхут*** «Из-за того, что не мог вставать по утрам рано, ребенок часто опаздывал в школу».

7.3.5. Обстоятельственные инфинитные конструкции со значением сравнения или обстоятельства образа действия

Инфинитные конструкции со значением сравнения, уподобления раскрывают, поясняют содержание действия основного глагола-сказуемого в предложении путем сравнения явлений, двух действий. С помощью такого сравнения устанавливается сходство явлений, соответствие или отсутствие тождества, и т. д.

Как самостоятельный член предложения рассматриваемые инфинитные конструкции отвечают на вопросы *дауэ? сьт хуэдэу?* «как?». Подобные конструкции формируются с помощью послелогов *хуэдэ, нэхъей* «будто, как будто». Примеры: ***И плэм мывэ абрагъуэ дэхужа хуэдэ, псынцла-гъуэ-гуфлэгъуэ къыцыхъужащ, апхуэдиз лъандэрэ къыте-хьэлъа луэху хьэлъэм клэ зэригъуэтам щыгуфлыклащ*** (К. Т.) «Будто сбросил большой камень с плеч, почувствовал легкость, радость, обрадовался тому, что он избавился от тяжелого дела, давившего на него так долго»; ***Бгырысхэм къыхужалэ хъуэхъур зэхыцлыкла хуэдэ, хаклуэр сабырыжащ, хъуасклэр къызыцлх и нэ флыцлэхэмклэ ахэр гуапэу зыпллэхъу*** (Ш. А.) «Жеребец успокоился, будто понимал похвалу горцев, оглядывая их своими черными искрящимися глазами»; ***Шыгхур, гъуцл арцын иригъэлэтэха хуэдэ, занцлэу зэфлэсу вожэ хужьитлым лэклэуэахуэ ироджэгу*** (Н. А.) «Кучер, будто проглотил железный аршин, сидя смирно, легко играл белыми вожжами».

Возможность употребления различных видо-временных форм инфинитного и финитного глаголов в анализируемых конструкциях ничем не ограничивается. Ср. примеры: *зэхиха хуэдэ къеплэклащ* «оглянулся, будто услышал», *зэхих хуэдэ къоплэкл* «оглядывается, будто слышит» и т. д.

В следующих предложениях, например, инфинитные глаголы употреблены в форме настоящего времени несовершенного вида (*зэрыцлэ хуэдэ, зыккыдищл нэхъей, зызэщадзей хуэдэ*).

Они изменяются по временам, свободно принимают аффикс отрицания *-мы*. Ср. возможности инфинитного глагола в пределах конструкции *зэры(мы)цлэ хуэдэ, зэры(мы)цла хуэдэ, зэ-ры(мы)цлэну хуэдэ* и т. д.

В устной и письменной формах речи предложений с такими конструкциями довольно много:

Зэжралэ цлагъуи щылэкъым, нэклэ зэрыцлэ хуэдэ, зэгъусэн я гуапэщ (К. Т.) «Говорят друг другу мало, будто понимают (друг друга) глазами, (им) приятно быть вместе»; ***Софят и теклуэныгъэ гухэхъуэм зыккыдищл нэхъей, зэи хуэмьдэжу нышэдибэ дунейри нэхъыфлэт*** (Ш. А.) «Будто понимая (поддерживая) радость победы Софят, сегодняшнее утро, как никогда, было (хорошим) веселым»; ***Хэкуитлым я цлыгу зэпылътлэр зэгъуэклыпэщ, жылагъуэхэр, зызэщадзей хуэдэ, гъунапкъэм лэныккуитлымклу лугъэклуэтащ*** (К. Т.) «Граница между двумя владениями (землями) безжизненна, селения (аулы), будто прячутся друг от друга, расположены поодаль от границы»; ***Щлопщыр етлуанэу къытехуа нэхъей Щоджэныккуэр дэгуу гурымащ*** (М. Э.) «Будто ощутил второй удар плетью, Шогемоко глухо застонал»; ***Клэмыргуейм къызэрихъэрэ езы Ерыстэм, биидзэм клуэцлырыкл нэхъей, сакъ зэпытщ*** (К. Т.) «Будто проходит сквозь вражеское войско, сам Эристам очень осторожен»; ***Езы пщаджэри, лээтэжыным зыхуэзыцла бзу цлыклу зи дамэр зышэцла нэхъей, пкъы псынцлэу, жану къыпцохъу*** (К. Т.) «И сама девица, (будто) подобно птичке, готовой к взлету, расправившей крылья, выглядела легкой, жизнерадостной».

Для образования сравнительных инфинитных конструкций используется также послелог *нэхърэ* «чем». Цель сравнения – выбор более приемлемого оптимального варианта. В конструкции проводится сравнение явлений, действий с подчеркиванием преимущества, превосходства (чаще) явления или действия, выраженных в финитном глаголе. Примеры: ***Делагъэми луцагъэми, си цлэ апхуэдэу лу нэхърэ, сахъми, сашэми нэхъыфлщ*** (К. Т.) «Глупо это или умно, лучше пусть меня заберут (на мне женятся), умыкнут, чем у меня будет такая репутация»; ***Сэри пасэу къызгурылуагъэниц ауэ сьтми къызэрыгуэкл угъуэгу кудейуэ ущыт нэхърэ зэпэцлэха лэныккуитл ззыпхыф лэмыжу цлыхум уралэныр зэрынэхъыфлыр*** (Е. К.) «Я тоже, наверное, рано понял, что лучше служить людям мостом, соединяющим две стороны, чем быть просто дорогой (обыкновенной)».

7.3.6. Обстоятельственные инфинитные конструкции с уступительным значением

Между такими инфинитными конструкциями и предикативным центром предложения устанавливаются уступительные отношения, т. е. в основном глаголе – глаголе-сказуемом выражается (называется) действие, которое противопоставлено (противоположно) ожидаемому по условиям, названным в инфинитной конструкции. Обстоятельственные инфинитные конструкции с уступительным значением образуются с помощью послелогов *цхьэкIэ*, *папцIэ* (*папцIэкIэ*), *пэт(рэ)*, *пэт(ми)* и союзных суффиксов -и, -кIэ. Примеры: *А тIум кыжрал псалгэ гуапэ, хуабэхэм пидзыжлауэ я жаггэуэ ищIу емыжжэм нэхгьыфIу илгьытэу пэрымыуэжа цхьэкIэ*, *Залымджэрий и мурадым зэхгэуэкIыныггэ гуэр кэрататэккыым* (Н. А.)

«Намерения Залимгери не претерпели изменений, хотя он не стал возражать их приятным, теплым словам, желая не обидеть их»; *Щамел зы зэман гуэр кэуажжэхэр кыыщаттэкIэ ямыггэсыну унафэ быдэ ищIа цхьэкIэ*, *иджы а унафэри ящыггупцэжауэ бгырысхэм мафIэ цIадзэрт хэт дэнэ деж хуейми, адэкIэ-мыдэкIэ мафIэм зыккыпхидзу хуежжаш* (Ш. А.) «Хотя Шамиль когда-то отдавал приказ не предавать огню аулы, когда их будут брать, теперь, забыв об этом приказе, горцы поджигали, кто где хотел, то там, то здесь начал вспыхивать огонь»; *Софят, тракторыр кыггэуэвыIэн и гуггэ цхьэкIэ бригадирыр цилгэаггум ежжэжаш* (Щ. I.) «Хотя Софят хотела остановить трактор, однако, увидев бригадира, поехала». Послелог *папцIэ* «для», «хотя» как и послелог *цхьэкIэ*, полисемантичен в ин-финитных конструкциях. Он, хотя и реже, тоже употребляется в таких конструкциях в уступительном значении: *Директорым лгэIуэкIэ зыхуа-ггэза папцIэ, зейкI фIы кыпахырккыым* «К директору обращаются с просьбами, однако он ничем хорошим никого не радует». *Кгэлэм сыкIуа папцIэ, зейкI цирк кэкIуауэ сыхуэзаккыым* «Бывая в городе, никогда не застаю цирк».

В уступительных конструкциях используется и послелог *пэт (пэтрэ)*. Союзный суффикс -рэ «и» мобилен, он может присоединяться и к финитной форме глагола, и к послелогу. Ср. *кIуарэ пэт иггэуэтаккыым* «хотя и пошел не «застал» и *кIуа пэтрэ иггэуэтаккыым*. Никаких семантических или стилистических изменений при этом не наблюдается: *ЩыжиIа дыдэм хуэззу сыкIуарэ пэт, си ныбжжэггур унэм цIэсу сыхуэзаккыым* «Хотя пошел я в назначенное время, своего товарища (я) дома не застал»; *ТлоцIрэ жесIа пэтрэ, Iуэхур зытетыр абы схугурыггэIуэрккыым* «Двадцать раз говорил я ему, однако не могу довести до его сознания состояние дел».

В сочетании с суффиксом условности -ми послелог *пэт* образует инфинитную конструкцию с тем же значением уступки, оттенок условности здесь более заметен: *Махуэ псом ва пэтми, Iуес и теплгэкIэ зыкIу зыхгэуэжатэккыым, ар нэцхьыфIэм икIу жант* (Щ. I.) «Хотя пахал весь день, Ауес с виду никак не изменился, был весел и подвижен»; *Шы лгэрызехгэм ггэуэгуанэ кIыхь зэрызэпчар нэрылгэаггум ггэатхэнэ ятIэр зэриутамрэ и пырхь макъ зэкIэлгыггэпIэцIамрэкIэ, кыитесыр лгэрыхуэ ихь пэтми* (Н. А.) «Заметно было, что добрый конь проскакал длинный путь по весенней грязи на копытах и по учащенному храпу, хотя седока нес еще бодро»; *Ар лIыжь дыдэ хуа пэтми, фIыуэ зыIыггэ* (Ш. А.) «Он держался хорошо, хотя стал совсем стар».

Инфинитные конструкции с послелогом *пэт(ми)* используются в устойчивых оборотах речи: *кIуэ пэтми* «с течением времени», *апхуэдэу цыт пэтми* «хотя так (обстоит дело)».

Союзный суффикс -и в сочетании с аффиксом -м- образует уступительные инфинитные конструкции: *А махуэм кгэлыбу псалгэ жаггэуэ жIуIами, Жантемыр абы куэд мыщIэу хуцIеггэуэжат* (Е. К.) «Хотя Жантемир днем сгоряча наговорил грубостей, он потом об этом вскоре пожалел»; *Абы и пIэм нэггэуэцI зыгуэр итатэми апхуэдэу кыизэтенэну кыщIэкIынтэккыым* (Е. К.) «Будь на его месте (окажись на его месте) кто-то другой, не сдержался бы так»; *Иджы сыт кгэхгунуми абы цхьэкIэ нэхь лей хгужынутэккыым* (Н.А.) «Теперь если что и случится, из-за этого хуже не будет».

Сокращения

1. А. З. – Акъсырэ Залымхъан
2. А. Л. – Агънокъуэ Лашэ
3. А. п. – «Адыгэ псалъэжъхэр» (сборник)
4. А. у. – «Адыгэ уэрэдыжъхэр» (сборник)
5. А. Iу. – «Адыгэ IуэрыIуатэхэр» (сборник)
6. Ад. п. – «Адыгэ псалъэ» (газет)
7. Ад. т. – «Адыгэ таурыхъхэр» (сборник)
8. Ад. х. – «Адыгэ хэку» (альманах)
9. Б. Хъ. – Бештокъуэ Хъэбас
10. Бр. Хъ. – Брат Хъэбас
11. Гъу. Л. – Гъубжокъуэ Лиуан
12. Гъу. н. – «Гъуэгу нэху» (сборник)
13. Гъу. Хъу. – Гъуэщокъуэ Хъусин
14. Д. кI. – «Дыщэ кIанэ» (сборник)
15. Д. М. – ДыщэкI Мухъэмэд
16. Д. Хъ. – Дудар Хъэутий
17. Е. К. – Елгъэр Кашиф
18. Ж. Б. – Журт Биберд
19. КI. А. – КIыщокъуэ Алим
20. КI. М. – КIэрэф Мухъэмэд
21. КI. Т. – КIэрашэ Тембот
22. КIу. Б. – КIуащ БетIал
23. Къ. Б. – Къардэн Бубэ
24. Къ. Ж. – Къэзанокъуэ Жэбагъы
25. Къ. З. – КъардэнгъушI Зырамыку
26. Къ. М. – Къармокъуэ Мухъэмэд
27. Къ. п. – «Къэбэрдей пэж» (газет)
28. Къ. С. – Къазджэрий СулътIан

29. Къ. Хь. – Къармокъуэ Хьэмид
30. Къаш. Хь. – Къашыргъэ ХьэпащІэ
31. Къэб. – «Къэбэрдей» (альманах)
32. Къу. С. – Къущхьэ СулътІан
33. Л. гъу. – «Ленин гъуэгу» (газет)
34. М. А. – Мыкъуэжъ Анатолә
35. М. Б. – Мэзыхьэ Борис
36. М. З. – Махъсидэ Залымхъан
37. М. С. – МафІэдз Сэрэбий
38. М. Э. – Мэлбахъуэ Эльберд
39. Н. – «Нартхэр» (эпос)
40. Н. А. – Нало Ахьмэдхъан
41. Н. З. – Нало Заур
42. Н. Ш. – Нэгумэ Шорэ
43. П. Б. – ПащІэ Бэчмырзэ
44. Пс. – Псалъэжъ
45. Т. З. – Тхьэгъэзит Зубер
46. Т. Хь. – Теунэ Хьэчим
47. У. А. – Уэхъутэ Абдулыхь
48. У. Ан. – Уэхъутэ Анзор
49. Хь. А. – ХьэхъупащІэ Амырхъан
50. Хь. Хь. – ХьэхъупащІэ Хьэжбэчыр
51. Ш. А. – Шортэн Аскэрбий
52. Ш. Хь. – ШэкІыхьэщІэ Хьэмыщэ
53. Щ. А. – ЩоджэнцІыкІу Алий
54. Щ. І. – ЩоджэнцІыкІу Іэдэм
55. Щ. Ам. – Щомахуэ Амырхъан
56. Іу. – «Іуашхьэмахуэ» (журнал)
57. Іу. Б. – ІутІыж Борис
58. Іуэр. – ІуэрыІуатэ

Том II

Глава первая. ЛЕКСИКА

Введение

Слово представляет собой основную единицу не только лексики, но и языка в целом. Учение о слове, или теоретическая лексикология, – одна из молодых наук в лингвистическом адыговедении, где многое еще в состоянии зарождения и становления. До недавнего времени системность лексики отрицалась. Между тем теоретические исследования, проведенные отечественными лексикологами в последние десятилетия, и плодотворно развивающаяся мировая лексикографическая практика, создавшая великолепные образцы словарей самых различных типов, убеждают в том, что словарный состав языка, несмотря на кажущуюся его «безбрежность» и очевидный динамизм, является системно организованной структурой, аналогичной таким же подсистемам языка, как фонология, морфонология, морфология, но со своей спецификой.

Лексика – это совокупность слов языка, служащих для обозначения предметов, действий, явлений, понятий окружающего мира и образующих его словарный состав. Наука, изучающая словарный состав в его современном состоянии и историческом развитии, называется **лексикологией**. В лингвистике как науке о языке различают **описательную (синхроническую) лексикологию**, которая рассматривает определенную систему одновременно существующих лексических единиц современного языка, и **историческую (диахроническую) лексикологию**, изучающую словарный состав языка в процессе его формирования и исторического развития.

Главный объект лексикологии – слово, служащее основной единицей языка. Среди многих предложенных дефиниций слова, по мнению акад. Д. Н. Шмелева, нет ни одной, которая удовлетворила бы если не всех, то по крайней мере большинство лингвистов. Он же предложил следующее определение: «Слово – это единица наименования, характеризующаяся цельюоформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [Шмелев 1977: 53].

В системе лексикологических наук выделяется сравнительно новая отрасль – **семантика**, занимающаяся исследованием значений различных единиц языка, функционирующих в словарном составе или грамматическом строе, которая в соответствии с этим подразделяется на **лексическую семантику и грамматическую семантику**. Первая изучает лексическое (предметное) значение, вторая – грамматические, формально-структурные значения. Изучение значения в лексической семантике (как и в грамматической) может проводиться в двух основных направлениях: от формы слова к его значению, или, как принято в специальной литературе, от плана выражения к плану содержания, либо от значения слова к его форме, то есть от плана содержания к плану выражения. В зависимости от этого выделяются два взаимосвязанных и противоположных по своей направленности аспекта семантики: семасиология и ономасиология. **Семасиология** – раздел или аспект семантики, в котором значение изучается в направлении от плана выражения к плану содержания, то есть от слова к понятию. При семасиологическом подходе мы спрашиваем: что значит или означает данное слово или словосочетание? Какие значения имеет в кабардино-черкесском языке слово *щхъэ*, а в русском – голова? Данный подход к семантике является отражением точки зрения человека, воспринимающего звучащую речь или читающего определенный текст, и совпадает с основным назначением толковых словарей, раскрывающих содержание одной из главных лексико-семантических категорий – полисемии (многозначности). **Ономасиология** – раздел семантики, в котором значение изучается в противоположном направлении: от плана содержания к плану выражения, то есть от понятия к слову. При этом ставится другой вопрос: какие имеются в данном языке слова и сочетания слов для выражения того или иного значения, содержания, понятия? Как называется этот предмет или явление? При ономасиологическом подходе к семантике человек занимает уже другую, активную, позицию – позицию говорящего или пишущего. Отражение этого

аспекта – задача иных словарей – идеографических, синонимических, аналогических, семантических и других, основным критерием расположения единиц в которых является не алфавитный порядок, а смысловая близость. Из сказанного ясно, что задачи семасиологии и ономасиологии решаются в рамках объединяющей их дисциплины – семантики.

Под общей «шапкой» лексикологии, понимаемой в широком смысле, нередко в вузовских пособиях и других работах рассматриваются и такие разделы лингвистики, как лексикография, этимология, ономастика, фразеология и фразеография. **Лексикография** – теория и практика создания словарей. **Этимология** – 1) раздел лингвистики, изучающий происхождение слов; 2) совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия; 3) происхождение слова. **Ономастика** – «искусство давать имена» – раздел языкознания, изучающий собственные имена. Ономастикой называют также совокупность собственных имен, которая обозначается еще термином «**онимия**». В некоторых исследованиях термин «ономастика» употребляется в значении «**антропонимика**» [ЛЭС 1990: 347]. **Фразеология** – 1) раздел языкознания, изучающий устойчивые, крылатые выражения (фразеологизмы) в современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов в данном языке. **Фразеография** – теория и практика составления фразеологических словарей.

Из названных выше лексикологических наук специально рассматриваются в разделе вопросы лексикологии в синхроническом и диахроническом планах, из проблем семантики исследуются основные аспекты семасиологии, в заключение освещаются актуальные проблемы теории и практики лексикографии и перспективы ее развития.

Необходимость создания специального раздела по семасиологии, лексикологии и лексикографии вызвана рядом причин и обстоятельств. Прежде всего следует отметить, что при всех несомненных достижениях лингвистического кабардиноведения до сих пор студенты-филологи, учителя-словесники и все, интересующиеся вопросами языка, не имеют учебного пособия, в котором была бы представлена обобщенная картина изучения лексики кабардино-черкесского языка отечественными и зарубежными учеными. Во-вторых, несмотря на значительные успехи в исследовании лексики в диахроническом аспекте, то есть историко-этимологическом и социолингвистическом планах [Яковлев 1948, Шагиров 1962, 1977, Апажев 1963, 1992, 2000 и др.], словарный состав кабардино-черкесского языка с точки зрения путей его становления, способов функционирования, локализации, стилистической дифференциации и системной организации его компонентов специально не освещался в учебных пособиях для вузов. В-третьих, после фундаментальной яковлевской грамматики (1948) лексика оставалась за пределами академических грамматик, выходявших в 1957 и 1970 гг. в Москве. Наконец, в области теории и практики лексикографии существует ряд актуальных и кардинальных вопросов, не нашедших освещения в адыговедении и, естественно, не отраженных в имеющихся учебных пособиях и других работах.

Цель данного раздела – восполнить, насколько это возможно, отмеченные пробелы лингвистического кабардиноведения. В соответствии с этим предпринята попытка представить относительно полную картину изучения кабардино-черкесской лексики.

Настоящий раздел, таким образом, представляет собой первую попытку систематического изложения основных вопросов семасиологии, лексикологии и лексикографии кабардино-черкесского языка.

Одно из центральных мест в разделе занимает проблема системности лексики, трактуемой как совокупность четырех взаимосвязанных группировок слов, а именно: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической.

Особое внимание обращается на характеристику последних двух группировок и принципиальное их разграничение. В рамках лексико-семантической системы освещаются основные вопросы семантики (семасиологии и ономасиологии) и лексико-семантические категории.

Если при рассмотрении лексики исследователи адыгских языков до сих пор ограничивались небольшим числом тематических групп, а внутри групп лексические единицы привлекались несколько фрагментарно, то здесь лексико-тематические группы

охвачены почти исчерпывающе, а в каждой группе несравненно полнее представлена соответствующая лексика. При этом внутриязыковой (внутриструктурный) анализ тематических групп проводится с различных точек зрения: **количественного параметра, генетического состава, морфемного строения, семантической структуры, деривационной активности, фразеологических связей и валентностных (сочетаемых) способностей.**

Особо выделяется семантический аспект, при освещении которого ставится вопрос о генеративной (порождающей) способности лексических единиц, и в связи с этим автором вводится понятие семантического потенциала (диапазона) слова (сокращенно: СПС или СДС). Под этим термином подразумевается число лексико-семантических вариантов (число значений), которым практически обладает та или иная лексема в том или ином языке.

Наиболее специфичной для семантики (семасиологии и ономасиологии) оказывается лексико-семантическая система. В разделе дается обоснование правомерности выделения в рамках данной системы, наряду с четырьмя традиционными – полисемией, омонимией, синонимией, антонимией, еще восьми других лексико-семантических категорий, таких, как паронимия, гипонимия, конверсия, семантическое поле, ассоциативное поле, лексическая синтагматика (валентность слова), лексико-деривационная группа и лексико-фразеологическая группа, которые обнаруживают существенные различия как по характеру функционирования, так и по степени их распространенности в кабардино-черкесском языке.

В разделе освещается также история становления кабардино-черкесской лексики. Словарный состав подвергается научному анализу с различных точек зрения: 1) активного и пассивного использования (общеупотребительная, архаизированная, неологическая лексика); 2) сферы употребления или локализации (диалектная, профессиональная, терминологическая, жаргонная, арготическая лексика); 3) экспрессивно-стилистической (немаркированная лексика – общенародная, нейтральная; маркированная – книжная, разговорная, просторечная); 4) количественных и качественных изменений лексики за последние 80 лет.

В разделе рассматриваются типологическая классификация словарей и энциклопедий и место в ней кабардино-черкесской и адыгской лексикографии; выявленная впервые в лингвистике типология читательских запросов к словарям, обусловивших применяемые в практике составления словарей способы лексикографической параметризации языка и дальнейшее развитие самой лексикографии; изучение зарубежного и отечественного опыта идеографического (нетрадиционного, неалфавитного) способа описания лексики с демонстрацией лучших образцов словарей и перспективы его приложения к адыгскому материалу; роль системного подхода к изучению лексики для корректного формирования словарей вновь создаваемых словарей и для обнаружения досадных пропусков, лакун в уже существующих; отражение специфики и порядок подачи основных компонентов русско-национальных словарей в отличие от толковых и других типов и проблема внедрения антиинтерференционного параметра в практику их составления; наконец, план-проект создания впервые в истории края комплексных справочников регионально-универсального типа, какими мыслятся «Энциклопедия Кабардино-Балкарии», «Адыгская энциклопедия», «Биографический энциклопедический словарь» и др.

В основу данного раздела положен лексический материал современного кабардино-черкесского языка, охватывающий более 20 тыс. слов исконного происхождения, а также более 15 тыс. заимствованных лексем, собранных автором в течение последних 50 лет.

При освещении проблемы лексической генетики привлекались факты как из современного состояния, так и исторического прошлого языков и диалектов ряда кавказских и других народов.

I. СЕМАСИОЛОГИЯ

1. СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА И ЕЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Проблема системности лексики и типология лексических микросистем языка

Значительные достижения отечественного языкознания в изучении лексики прежде всего связаны с тем, что в его основе лежали принципы, разработанные такими выдающимися лингвистами, как А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, М. М. Покровский и др. Эти принципы получили дальнейшее развитие в исследованиях Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Н. Ф. Яковлева, А. И. Смирницкого, Д. Н. Шмелева, Р. А. Будагова и др. Понимание языка как явления общественно функционирующего и системно организованного сыграло огромную роль в развитии лингвистики. Важным достижением последних десятилетий является приложение теории системности к лексическому материалу.

В каждом национальном языке имеются специфические способы систематизации лексических единиц. Так, для каждого очевидна связь между словами *брат* и *сестра*, с которыми связаны *отец* и *мать*, *сын* и *дочь*, *бабушка* и *дедушка*, *дядя* и *тетя*, *внук* и *внучка*... Невозможно отрицать связь таких слов, как *один*, *два*, *три*, *сто*, *тысяча*... Можно ли усомниться в тесной связи между словами: *понедельник*, *вторник*, *среда*, *четверг*, *пятница*, *суббота*, *воскресенье*? Бесплезно оспаривать наличие связи таких слов, как *варка*, *читка*, *поливка*, *оценка*, *подготовка*, *отписка*; *горка*, *травка*, *речка*, *ножка*, *голова*; *кабардинка*, *черкешенка*, *адыгейка*, *грузинка*, *испанка*, *финка*, *кубинка*, *чешка*, *словачка*, *армянка*, *украинка*... Стоит ли возражать против связи между словами: *нос*, *носовой*, *переносица*, *носок*, *долгоносик*, *остроносый*?

Едва ли можно отрицать наличие связи между словами: *доехать*, *докончить*, *допить*, *довести*, *довершить*. Трудно не согласиться с тем, что слова *день* – *ночь* выражают противоположные понятия так же, как и *белый* – *черный*, *высокий* – *низкий*, *друг* – *враг*, *мир* – *война*. Разве не связаны слова: *наука*, *филология*, *языкознание*, *адыговедение*, *кабардиноведение*? Или: *суффикс*, *морфема*, *морфемика*, *морфонология*, *лингвистика*, *наука*? Давно замечена связь таких слов, как *бояться*, *опасаться*, *остерегаться*, *пугаться*; *большой*, *огромный*, *великий*, *гигантский*, *громадный*, *крупный*? Не вызывает сомнений связь между словами: *купить* – *продать*, *учитель* – *ученик*. В сознании помимо нашей воли объединяются слова: *болезнь*, *больница*, *врач*, *укол*, *шприц*, *операция* и др.

Единством стречного слова объединены фразеологизмы: *с глаза на глаз*, *во все глаза*, *для отвода глаз*, *глаз набит*, *не сводить глаз*, *не смыкать глаз*, *не верить своим глазам*, *хоть бы в одном глазу*, *глаза бы мои не видели* и др.

Что-то общее объединяет такие слова, как *миленький*, *родненький*; *дурачок*, *дуралей* и т. п. Говорящие по определенным признакам сближают, группируют, а иногда и смешивают между собой такие слова, как *абонент* и *абонемент*, *космический* и *косметический*, *ампула* и *ампуа*, *черкеска* и *черкешенка*, *мука* и *мука*, *атлас* и *атлас* и мн. др.

Своеобразную системную группировку составляют, например, такие без-эквивалентные слова (экзотизмы, локализмы, партикуляризмы, регио-нализмы), характерные для тех или иных стран или регионов мира, как например: *аул*, *боржом*, *шашлык*, *сакля*, *бурка*, *башлык*, *газыри*, *мацони*, *гедлибже*, *жарума* и др. (для Кавказа); *милорд*, *лорд*, *леди*, *денди*, *мисс*, *миссис*, *мистер*, *доллар*, *фунт стерлингов* (для англоязычных стран); *сеньор*, *сеньора*, *сеньорита*, *сафра*, *фiesta*, *песо*, *пикадор*, *тореро*, *матадор*, *коррида*, *тореадор* (испаноговорящие страны); *аят*, *сура*, *мечеть*, *гиджра*, *хадж*, *хаджи*, *намаз*, *ураза*, *гарем*, *гяур*, *янычары*, *ислам*, *Коран* (Ближний Восток); *бешбармак*, *пиала*, *плов*, *лагман*, *кумыс* (Средняя Азия) и мн. др.

Как видим, синонимические, антонимические, омонимические, паронимические, гипонимические, ассоциативные, словообразовательные и другие связи и отношения, а также эмоционально-экспрессивная окраска, грамматическая и стилистическая

принадлежность слова и нек. др. играют ведущую роль в организации лексики в определенную систему. Таким образом, расчленение закрепленной в языке системы наших представлений об окружающем мире производятся не единственным путем, как утверждают оппоненты, т. е. не только с помощью логических понятий, лежащих в основе лексико-тематического объединения слов. Адекватная лингвистическая классификация лексики национального языка может быть достигнута, как нам представляется, лишь с позиции комплексного, разноаспектного анализа – лексико-семантического, лексико-грамматического, лексико-стилистического и лексико-тематического [Апажев 2000: 33].

Лексика кабардино-черкесского языка до последнего времени не подвергалась системному описанию в синхронном аспекте, хотя определенная ее часть (как правило, ядерная) специально рассматривалась в плане историко-генетическом и социально-лингвистическом [Яковлев 1927, 1948; Шагиров 1962, 1970, 1977; Апажев 1963, 1992, 2000]. Тем не менее из сказанного можно заключить, что системность лексики кабардино-черкесского языка уже не является проблематичной, но что же касается вопроса о том, как она должна или может быть подвергнута системному описанию, распределению, так сказать, без «остатка» по различным смысловым полям и разрядам, большим и малым группам, макро- и микросистемам, то это далеко не всегда практически решается удовлетворительно. Действительно, распределяя словарный состав по известным осям (парадигматическим и синтагматическим), а также по другим типам объединения (напр., полевым, групповым), исследователь сталкивается с рядом трудностей, когда некоторые элементы лексики как бы противятся такому распределению, составляя своеобразный «остаток», нечто вроде неделимого числа. Подобные исключения – асимметричные явления, согласно мнению некоторых ученых, не должны чрезмерно нас тревожить, хотя каждый лексиколог вправе поставить (и довольно часто ставит) вопрос: почему все же возникает асимметрия, если лексика действительно системна? Кроме общеизвестных теоретических положений отечественных и чехословацких лексикологов [Апажев 1992: 73–84; 2000: 25–34], здесь, по-видимому, следует иметь в виду еще некоторые моменты. Во-первых, асимметрия может возникать из-за того, что основание для деления выбрано исследователем неверно. Иначе говоря, сумму он делит не на то число. Когда приходится иметь дело с громадным числом разнообразных слов, трудно рассчитывать на то, что каждый раз удастся найти единственно верное основание, по которому производится распределение. Лингвисту не всегда удастся найти то понятие, под которое можно подвести определенные слова, да еще осложненные переносными, фразеологически связанными или синтаксически обусловленными значениями.

Во-вторых, сама лексика в отдельных сферах еще не получила достаточного развития (хотя язык сам по себе может быть и развитым, с длительной, богатой письменной традицией), чтобы она могла быть представлена во всех звеньях (семантических, ассоциативных полях, группах) одинаково полно, симметрично, системно. Л. М. Васильев отмечает, что «нерегулярность семантических противопоставлений и, следовательно, неполная симметричность системы обусловлены прежде всего тем, что отдельные ее части неодинаково развиты, т. е. по-разному представлены лексически» [Васильев 1981: 180]. Далее автор приводит большое количество примеров, свидетельствующих о том, что в составе глаголов восприятия очень слабо развиты лексические микросистемы со значениями осознания и обоняния, а также с некоторыми другими значениями. Сказанное не в меньшей степени можно отнести и к кабардино-черкесской лексике. В-третьих, не исключено, что лексика уже утратила некоторые свои элементы, выпали из нее отдельные единицы, служившие некогда прочными звеньями в лексических микросистемах, и теперь отсутствие их выявляет асимметрию и препятствует восстановлению былой системы. Для подтверждения сказанного сошлемся на некоторые факты:

Русские слова

баранина от баран
козлятина – козел
конина – конь
курятина – кура
гусятина – гусь
телятина – теленок

Кабардино-черкесские слова

шыфэ – шы «лошадь» + фэ «шкура, кожа»
выфэ – вы «вол» + фэ ----
мэлыфэ – мэл «овца» + фэ ----
бжэныфэ – бжэн «коза» + фэ ----
мыщафэ – мыщэ «медведь» + фэ ----
бажафэ – бажэ «лиса» + фэ ----

говядина – ?

хъурыфэ – ? + фэ ----

В приведенных примерах последние лексические единицы (говядина и хъурыфэ) в русском и кабардино-черкесском языках представляют собой типичные асимметричные явления. Картину системности можно здесь восстановить, устранив асимметрию только диахронически. Так, в древнерусском языке было известно слово «говядо», которое исчезло, заменившись словом «корова». Однако «говядо» оставило следы в виде производных «говядина», «говяжий», вместо которых по логике вещей могли быть другие лексемы, напр.: «Коровина», «коровятина» (ср. фамилии: Коровин, Коровников, Корович, Коровушкин), однако этого не произошло: у языка своя логика и свои законы. В случае с русским «говядо» исследователя выручила традиционная письменность, уходящая в далекое историческое прошлое. Представитель младописьменного кабардино-черкесского языка лишен этой счастливой возможности. Тем не менее нередко ученым-лингвистам, исследователям младописьменных языков, удается путем сравнительно-исторического анализа лексики родственных языков восстановить недостающие звенья системы. Одной из наиболее удачных находок в этом плане следует считать этимологию хъурыфэ – «смушка», предложенную А. К. Шагировым, согласно которому слово хъурыфэ состоит из ист. хъур – «овца» + фэ «кожа, шкура» [Шагиров. Этимологический словарь. М., 1977. Т. 2. С. 114].

В-четвертых, необходимо, на наш взгляд, иметь в виду еще одно обстоятельство. В отличие от грамматики и фонологии в лексике есть, наряду с древними единицами, существующими тысячелетия (термины родства, соматизмы, названия явлений природы и др.), также новые области, только что созданные, особенно в общественно-политической, научной, технической и других терминологических системах, множество заимствований, сотни инноваций, своеобразно включаемых в общую лексическую систему языка. Естественно, эти две области – ядерная и периферийная – по-разному сцеплены, взаимосвязаны, неодинаково системно организованы, специфично также их распределение по лексическим группам, полям, различна и степень их активности в языке.

В специальной литературе известны многочисленные случаи асимметричности лексических микросистем, обнаруженные в различных языках мира. Так, в осетинском языке нет соответствующих трех-четыре слов для обозначения цвета – синего, голубого, зеленого, серого, но, как заметил В. И. Абаев, это не значит, что все осетины – дальтоники [Абаев 1970: 248]. В ряде европейских, кавказских, африканских и других языков нет категории грамматического рода, но это не означает, что носители этих языков не отличают мужчин от женщин. Китайское *цин* переводится как *темный, синий, голубой, зеленый, черный* (см.: Китайско-русский словарь. М., 1952. С. 356–3602). В испанском, французском, английском, финском, адыгейском, кабардино-черкесском и многих других языках лексически не различаются понятия «ехать» и «идти», «ломать» и «разбить» и др. Ограничимся несколькими примерами:

Транскрипция

англ. go [гоу]

исп. Ir [ир]

фин. mennä [мення]

каб.-черк. kluэн [кон]

англ. break [брэк]

исп. romper [ромпер]

фин. särkea [сяркея]

каб.- черк. къутэн [кутан]

Перевод

– идти, ехать

– идти, ехать

– идти, ехать

– идти, ехать

– ломать, разбить

– ломать, разбить

– ломать, разбить

– ломать, разбить

Расхождения такого рода в языках можно объяснять сколь угодно различно, но не может быть квалифицировано как результат отсталости одних и развитости других языков. Нельзя не согласиться с П. Н. Денисовым, который также, говоря о системности лексики, считает допустимой «возможность внесистемного изолированного расположения слова и соответственного этому механизма хранения. Возможны и внесистемные изолированные понятия, не вошедшие еще в какие бы то ни было

классификации. Но общую упорядоченность хранения лексики в памяти приходится признавать как факт» [Денисов 1980: 121].

В связи с таким особым положением лексики известная Пражская лингвистическая школа различает или, лучше сказать, предлагает два понимания системности лексики, соответствующих двум формам проявления системы в ней. В основу первого понимания системы кладутся шесть признаков:

- 1) Система является целостным комплексом соотнесенных компонентов.
- 2) Система находится в специфическом единстве с ее окружением.
- 3) Система является компонентом вышестоящей системы.
- 4) Каждый компонент системы также представляет собой систему (подсистему).
- 5) Каждая система является иерархизованной.
- 6) Структура является множеством отношений между компонентами, подсистемами, системами [Филипец 1978: 376].

В отличие от такого ортодоксального, по терминологии чехословацких лексикологов, – «сильного» понимания системы в лексике пражцы второе свое понимание считают более «слабым» и связывают его с учением о центре и периферии системы, согласно которому в словарном составе выделяют пять областей: центр системы, переходную область, периферию, или же пограничную область, другие языковые системы объективной реальности, в различной степени затрагивающие собственно языковую систему и являющиеся причиной ее открытости. Такая интерпретация лексики дает возможность понять, почему в языке вместе с ее системными элементами находятся явления, еще не приобретшие системного характера или уже его утратившие, и почему существуют различные этапы системной включенности языковых фактов [Филипец 1978: 377].

Исходя из всего вышесказанного, нетрудно понять, почему объем и разнообразие лексических единиц нельзя сопоставить с количественными параметрами других уровней языковой системы. Можно сослаться еще на такие факты, которые представляют определенный интерес в научном и практическом планах и в известной степени проливают свет на специфику лексической системы языка. Н. Ф. Яковлеву для изложения всей системы кабардино-черкесского языка с его фонетикой, лексикой, словообразованием, морфологией и синтаксисом понадобилось всего лишь около 150 статей, авторам же «Грамматики кабардино-черкесского языка» (М.: АН СССР, 1957) – около 290 статей. А вот для размещения лишь словарного состава кабардино-черкесского языка авторам «Кабардинско-русского словаря» (М.: ГИИНС, 1957) потребовалось не менее 20 000 статей, составителям толкового «Словаря кабардино-черкесского языка» около 31 000 статей. Дело в том, что чем ближе область языка к реальной действительности, к социальной жизни, тем она многообразнее, сложнее и изменчивее, более открыта для внешнего влияния, менее устойчива, тем она труднее и поддается системному описанию и анализу, нередко даже просто обычной практической классификации, систематизации, параметризации.

С отмеченными явлениями тесно связаны и такие особенности лексических значений слов, как неопределенность и диффузность, в которых заключен источник необычной подвижности лексики, что дает некоторым исследователям повод для интерпретации ее как антисистемно функционирующего компонента (сферы) языка. Возражая против такого понимания лексики, Р. А. Будагов призывал «считаться с взаимодействием системных и антисистемных, структурных и антиструктурных тенденций во всех языковых сферах и уровнях» [Будагов 1978: 17], а Балли напоминал, что «словарный состав не представляет собой геометрически правильной конструкции, которая была бы столь желанной ленивой мысли, стремящейся идти легким путем аналогии» [Балли 1961: 62]. А. А. Реформатский писал: «Если обычные слова языка все-таки системны, это не значит, что их системная характеристика систематически идеальна» [ВТ 1961: 54].

Таким образом, развитие и функционирование разных «уровневых» систем языка – фонетической, грамматической и лексической – при всей их безусловной взаимосвязи все же происходит с известной самостоятельностью, автономностью, например, в отношении скорости изменения, степени динамичности и специфики восприятия внешних влияний со стороны общества. Важнейшими причинами основных качественных изменений

лексической системы, по П. Н. Денисову, являются следующие: 1) бурное развитие терминологии в век научно-технической революции; 2) вхождение в словари новых слов нетерминологического характера; 3) дальнейший рост стилистически маркированной лексики, в особенности самого многочисленного ее разряда – разговорных слов; 4) интенсивное развитие многочисленных специальных терминологий, общая интеллектуализация языка, престиж науки среди других форм общественного сознания фактически взорвали исконную «языковую картину мира», так что целесообразно выделить две системы в лексической системе языка: 1) исконную (обыденное сознание), воспроизводимую приблизительно в идеографических словарях; 2) современную научную (научное сознание и теоретическое мышление), воспроизводимую в научно-технических и отраслевых словарях-тезаурусах [Денисов 1980: 54]. К этим выводам автор пришел в результате глубокого анализа лексики современного русского литературного языка, однако, как нам представляется, они имеют важное научно-теоретическое и практическое значение и для исследования словарного состава других литературных языков, в частности – младописьменных языков народов СНГ. При этом особого внимания заслуживает, на наш взгляд, роль общественно-политической лексики в обогащении и развитии многих других ее сфер и групп в современных литературных старописьменных и младописьменных языках народов Содружества.

Если словарь, по метафорическому определению А. Франса, – это Вселенная, расположенная в алфавитном порядке (а известно, что даже лучший из словарей, созданных человеком, всего лишь сравнительно, приблизительно и относительно полно отражает лексику языка), то сама лексика языка, еще не «загнанная» в строгие рамки словаря, с большим основанием может быть названа Вселенной, расположенной, правда, не по алфавиту, а совсем по иному порядку. Задача лексиколога и лексикографа как раз в том и состоит, чтобы объективно объяснить и показать этот порядок. В этом плане проделана значительная работа советскими лингвистами.

В отличие от других систем языка, отмечает Л. А. Новиков, лексика тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами, что обуславливает отражение ею изменений, происходящих в окружающей действительности. Это выражается как в отмирании слов (или их значений), так и в появлении новых лексических единиц и лексико-семантических вариантов, а также в их изменении. Этим объясняется то обстоятельство, что словарный состав никогда не образует замкнутого класса. Кроме того, следует подчеркнуть, что сложность и труднообозримость лексической системы языка как характерная ее особенность и вместе с тем объективная трудность ее исследования как бы компенсируется другой особенностью: лексическая система никогда и никем не используется во всем ее объеме [Новиков 1982: 62]. Ведь каждый носитель языка всегда имеет дело с ограниченным составом общеупотребительных единиц и определенным количеством терминов соответствующих специальностей, тогда как трудно себе представить нормального человека, который бы не пользовался всеми фонемами или всеми грамматическими категориями (род, число, лицо, падеж и т. п.) своего родного языка.

Итак, лексический уровень языка, как самый обширный, несопоставим ни по числу единиц, ни по сложности и многообразию ни с фонетическим, ни с морфологическим, ни с синтаксическим уровнями. Лексика не только самый многочисленный, но и самый динамичный и вместе с тем самый многомерный, многопараметровый компонент языка. Совокупность всех этих признаков и характеристик обуславливает то, что лексика не только находится в постоянном движении, но, по существу, и не очерчена в каждый данный момент существования языка с достаточной определенностью [Шмелев 1973: 20]. Пытаясь определить границы словарного состава современного литературного языка, мы неожиданно оказываемся перед целым рядом трудностей, которые ярко обнаруживаются при составлении словников, причем их нельзя всецело объяснить недостаточностью или несовершенством лексикографических приемов и критериев. В значительной степени они являются следствием указанных особенностей лексики, которые обуславливают и «размытость» ее границ, их принципиальную неопределенность. Существенно при этом, что границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон: нет четкой демаркационной линии ни между словами, которые можно считать архаизмами современного языка, и словами, которые должны рассматриваться как историзмы, ни

между ассимилированными заимствованиями (вошедшими в систему языка-рецептора) и «чужими словами», экзотизмами и иноязычными вкраплениями, называемыми еще варваризмами; ни между признанными нормой, закрепившимися в литературном языке неологизмами и все еще остающимися за гранью кодифицированного языка новообразованиями; ни между примелькавшимися в литературных текстах «диалектизмами» и диалектными словами, лишь спорадически выходящими за пределы своих говоров. «Очевидно также, что литературная лексика находится в непрерывном взаимодействии с просторечной и жаргонной лексикой, а также специальными терминологиями, состав которых исчисляется многими тысячами единиц и влияние которых на общелитературный словарь в наше время все возрастает. Нужно добавить, что лексика – это единственная сфера языка, которая открыта для всевозможных индивидуальных и окказиональных образований. Значение этого обстоятельства нельзя недооценивать, так как, хотя подобные образования, как правило, остаются на периферии речевой деятельности, самая возможность их появления в речи ярко отражает особый характер лексической системы языка» [Шмелев 1973: 20, 21]. Важно при этом иметь в виду также, что лексика оказывается и той единственной сферой языка, только через которую общественная жизнь получает доступ к языку и оказывает медленно, но неуклонно свое влияние и на другие его уровни – на семантику, словообразование, стилистику, фонетику, синтаксис и, наконец, даже на морфологию. Маховик общественной жизни постоянно вращается, сообщая свое действие сначала лексике, а через нее и другим сферам языка.

При изучении явления системности в лексике исследователи, естественно, обращаются к различным типам объединения слов, являющимся в той или иной степени объектами лексикологии, однако центральным, узловым вопросом лексикологии в широком смысле все же, по-видимому, следует признать вопрос о лексико-семантической системе языка, составляющей содержание семасиологии. Правда, нет единства в понимании самой этой системы, которая иногда называется «лексико-семантическими группами» или даже «лексической системой» [Новиков 1982: 60]. Это говорит не столько о терминологических затруднениях (хотя и этого нельзя не учитывать), сколько о сложности рассматриваемого явления и недостаточной изученности его, тем более в младописьменных языках, к числу которых принадлежит кабардино-черкесский язык. Как показывают факты, в современной лексикологии в той или иной степени разрабатываются, с одной стороны, различные лексические объединения, которые получают одинаковые или близкие терминологические обозначения, а с другой стороны, одинаковые, аналогичные лексические объединения получают различные терминологические обозначения, и в результате, как это нередко бывает, вместо углубления темы, познания ранее неизвестных фактов и объективной их интерпретации, происходит, согласно Е. А. Земской, «только «переназывание» уже известного» [Земская 1985: 7]. Это обусловлено, главным образом, отсутствием четких границ между рассматриваемыми лексическими объединениями, что, в свою очередь, препятствует успешной их разработке, особенно в младописьменных языках.

Таким образом, напрашивается вывод о необходимости построения типологии лексических микросистем, групп, объединений, реально существующих в каждом языке структурированных областей, зон, сфер лексики. Не претендуя на окончательное решение поставленной задачи, осмеливаемся предложить хотя бы в качестве рабочего варианта наш опыт классификации типов систем и микросистем, выявляемых в словарном составе языка.

Изучение **лексико-грамматической организации** слов по частям речи необходимо для ряда областей языкознания, но не всегда продуктивно для лексикологии, хотя важно для лексикографии. Поэтому лексико-грамматический аспект должен быть в известной мере объектом лексикологии.

Тщательное исследование **лексико-тематических групп** необходимо не только для составления специальных и универсальных энциклопедий, но и для полной репрезентации лексического материала в толковых, двуязычных и многих других общелингвистических словарях.

Осведомленность в области **лексико-стилистической системы** – важное условие глубокого познания специфики функционирования лексических единиц и языка в целом,

что, в свою очередь, дает возможность наметить более эффективные методы повышения культуры устной и письменной речи.

Лексико-семантическая организация, как наиболее специфичная группировка слов, позволяет правильно понять такие кардинальные явления языка, как ассоциативные, парадигматические отношения в лексике, которые в известной степени определяют дух языка, помогают постижению его национального своеобразия.

Итак, исходя из всего вышеизложенного, можно утверждать, что узловой проблемой лексикологии и семасиологии является анализ четырех крупных группировок, или макросистем, словарного состава языка: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической.

В специальных разделах рассматриваются с учетом как традиционных взглядов, так и некоторых новых точек зрения лексико-грамматическая и лексико-стилистическая системы кабардино-черкесского языка.

Что же касается лексико-тематической системы, то в ней выделяются 115 групп (без описания) и свыше 50 группировок слов, описанных в данном разделе более исчерпывающе, чем это было сделано в предыдущих лексикологических исследованиях и лексикографических трудах по кабардино-черкесскому языку.

Наконец, специальному и более тщательному анализу подвергаются лексико-семантические группы, являющиеся, по общепринятому мнению, самыми специфичными для лексикологии и семасиологии. В отличие от известных в литературе группировок словарного состава автор считает правомерным выделить внутри лексико-семантической системы языка следующие группы, которые можно назвать микросистемами или лексико-семантическими категориями:

1. Лексическая группа, объединенная близостью значений (синонимы).
2. Лексическая группа, объединенная противоположностью значений (антонимы).
3. Лексическая группа, объединенная гипонимией – подчиненностью слова меньшего объема семантики слову большего объема семантики.
4. Лексическая группа, объединенная единством семантики, общностью основного, исходного смысла (полисемия и лексико-семантические варианты слова).
5. Лексическая группа, объединенная единством и общностью принадлежности к одному семантическому полю.
6. Лексическая группа, связанная ассоциативными отношениями.
7. Лексическая группа с тождественным звучанием (омонимы).
8. Лексическая группа, связанная близостью или сходством, но не тождественностью звукового оформления (паронимы).
9. Лексическая группа, объединенная деривационными отношениями.
10. Лексическая группа, объединенная конверсией.
11. Лексическая группа, объединенная сходством, близостью валентностных способностей (многовалентные и одновалентные слова).
12. Фразеологическая группа, объединенная общим, стержневым словом.

Таким образом, несмотря на всю свою сложность и многообразие, словарный состав любого языка явно организуется в определенные группы, каждая из которых, в соответствии со спецификой своей структуры, подразделяется на множество более мелких группировок, образующих в совокупности типологию лексических микросистем всякого национального языка.

Каждая из четырех очерченных выше макросистем (лексико-грамматическая, лексико-стилистическая, лексико-тематическая и лексико-семантическая) специально рассматривается в соответствующих местах данной части.

2. Лексико-грамматическая система

В отличие от типа объединения слов, в основе которого лежат общность тематики и сходство понятий, т. е. явления экстралингвистического характера, основанием для объединения слов могут служить собственно их лингвистические свойства. Именно на этом построено традиционное распределение лексем по частям речи, исходящее из общности, во-первых, семантических признаков, во-вторых, морфологических

показателей, в-третьих, синтаксических функций. Учение о частях речи академик А. А. Шахматов называл «грамматической лексикологией», объектом которой и является то, что мы обозначаем термином «лексико-грамматическая система».

Говоря о словарном составе языка, необходимо затрагивать проблему частей речи... «Допустимо думать, – писал Б. Н. Головин, – что и лексическая, и словообразовательная, и морфологическая, и даже синтаксическая структура языка (и ее соответствующие уровни, или механизмы) – это разные виды, разные аспекты того словарного состава, которым располагает язык. И вполне закономерно распространенное убеждение в том, что основной единицей языка является слово (хотя в каких-то отношениях рядом со словом приходится ставить и фонему, и морфему, и предложение). Если вдуматься в то, что принято называть лексикой, словообразованием и морфологией, то поражает одно обстоятельство: говоря о лексике, словообразовании и морфологии, мы имеем перед собой слова, думаем о словах. Три структурные области языка, три его уровни оказываются разными аспектами словарного материала языка» [Головин 1979: 161, 162; см. также: Бондарко 1984: 23–38; Бережан 1984: 51–60].

В современном языкознании части речи выделяются либо по нескольким, либо по одной группе признаков. Эти два типа методических подходов к теории частей речи называют соответственно полидифференциальным и монодифференциальным. Полидифференциальный принцип, развивающий на новом этапе познания старую филологическую традицию, разработан в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, представлен также работами Л. А. Булаховского, В. М. Жирмунского, А. И. Смирницкого, Р. А. Будагова, А. В. Исаченко, А. Н. Тихонова и др., принят большинством авторов учебников и учебных пособий по современному русскому языку (и некоторым другим языкам, напр., по английскому языку) для высшей школы и является наиболее убедительной теорией о частях речи. В интерпретации традиционных частей речи как лексико-грамматических групп, или классов, с точки зрения континентальной типологии большая заслуга принадлежит С. Д. Кацнельсону, по мнению которого «традиционная грамматика всегда считалась с тем обстоятельством, что противоположность грамматического строя и лексики не является абсолютной и что грамматические различия пронизывают всю лексику, организуя ее изнутри». Тем не менее, «пытаясь совместить несовместимое, традиционная грамматика в своих определениях частей речи делает крен то в сторону морфологии, то в сторону синтаксиса, то в сторону категориального содержания. В итоге ни один из этих принципов последовательно не выдерживается» (С. Д. Кацнельсон).

Значительная (если не подавляющая) часть недостатков традиционной классификации частей речи объясняется тем, что она построена на материале флективных языков при явной переоценке морфологических явлений. Надо ли доказывать, что такая постановка вопроса не в состоянии до конца решить проблему частей речи в несинтетических языках, в которых, напр., глагол не только спрягается, но и склоняется, а имя не только склоняется, но и спрягается? В связи с этим, естественно, встает вопрос, в какой степени традиционная классификационная схема, выработанная на основе европейских языков, может быть успешно применена к неевропейским. Одни исследователи признают традиционную классификацию универсальной (В. М. Жирмунский), по мнению других, универсальными являются лишь имя и глагол (Э. Сепир). Рассматривая эти точки зрения, С. Д. Кацнельсон отдает предпочтение первой, как более вероятной, однако признает, что «универсальные и идиоэтнические признаки настолько перемешались в традиционном учении о частях речи, лексико-семантическая характеристика частей речи в нем так смутно намечена, что прямо переносить ее в типологию было бы неосторожно». В связи с тем, что вычленение универсальных речемыслительных категорий нередко осложняется из-за отсутствия у многих из них прямого выражения в грамматических формах, значительный интерес представляют не только для грамматиста, но и для лексиколога развиваемые и синтезируемые С. Д. Кацнельсоном идеи о скрытой грамматике, как и учение о базисных и небазисных значениях. Такое повышенное внимание к грамматическим проблемам со стороны автора данной работы объясняется тем, что для более или менее полного охвата всех типов объединения лексических единиц и объективной их характеристики необходимо выйти за пределы собственно лексикологических и семасиологических проблем. Во всех академических грамматиках русского языка (1952, 1970, 1980) подчеркивается

важнейшая роль слова в сложной системе языка и его неразрывная связь с грамматическим строем.

Как свидетельствует история языкознания, лексико-грамматическая система является одной из первых и наиболее ранних традиционных тем исследователей старописьменных, новописьменных и даже бесписьменных языков. В кабардино-черкесском языкознании словарный состав в этом плане изучается во многих грамматических штудиях еще со времен Ш. Б. Ногмова и до наших дней. Исходя из грамматических теорий отечественной и зарубежной лингвистики о частях речи, а также из специфики кабардино-черкесского языка, ученые выделяют в последнем 11 лексико-грамматических классов: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол, послелог, союзы, частицы, междометия и мимео-изобразительные слова. В этой системе наибольшей сложностью и богатством форм отличается глагол, в котором ярче всего проявляются типологические особенности адыгских языков. Имена существительные в этих языках, в отличие от русского и других индоевропейских языков, семасиологически характеризуются наличием двух классов – класса лиц (человека) и класса вещей (не человека). Только к классу лиц возможна постановка вопроса *хэт?* кто? Остальные имена существительные (одушевленные и неодушевленные, живые и неживые) составляют самостоятельный класс слов, отвечающих на вопрос *сыт?* что? Данная семасиологическая особенность, как отмечал А. С. Чикобава, оказалась присущей всем кавказским языкам, в которых «вопрос кто? может относиться только к человеку. Все остальное, в частности мир животных включается в категорию что? Что пасется? – Лошадь. Что дает молоко? – Корова. Немыслимо в подобных случаях употреблять вопрос кто? Животные относятся к грамматическому классу вещей». Имея в виду кабардино-черкесский материал, хотелось бы сделать к этому положению небольшое примечание следующего содержания. Вопрос *сыт?* что? действительно, ставится, когда речь идет о животных вообще и спрашивающий не знает, кто (из животных – лошадей, коров, собак и т. п.) это мог быть или мог это сделать, натворить... *Сыт мы нарыхур зышхар?* – Что съело эту кукурузу? *Сыт мы хадэр зыутар?* Что вытоптало этот огород? *Мо къахуэр сыт – дыгъужь е малыхъуэхъ?* – Что это идет навстречу нам – волк или овчарка? Более того, вопрос *сыт?* что? задается и в случае, когда спрашивают о новорожденных, еще не названных, не нареченных детях. *Сыт Ланэ къылъхуар – шалалэ хьэмэ хьыджэбз?* – Что Ляна родила – мальчика или девочку? Однако, когда говорят об известных, знакомых детях или животных, то некорректно спрашивать *сыт?* что? а непременно требуется *Дэтхэнэр?* который? Напр.: *Дэтхэнэр уи уанэшхэм къатежар?* – Который из твоих скакунов пришел первым? *Дэтхэнэр уи жэмхэм шэ нэхъыбэ къозытыр?* – Которая из твоих коров дает больше молока? *Хэт абы шыгъуэ Ланэ къылъхуар – Мадинэ хьэмэ Маринэ?* – Кого тогда Ляна родила – Мадину или Марину? Для каждого кабардинца или черкеса очевидно, что в подобных случаях постановка вопроса *сыт?* что? невозможна. Тем не менее надо подчеркнуть, что положение А. С. Чикобава о разграничении существительных на класс вещей и класс лиц говорит о важной семасиологической особенности кавказских языков, что, на наш взгляд, требует к себе повышенного внимания исследователей еще и потому, что она играет заметную интерферирующую роль в неродной (русской и иностранной) речи адыгов и других кавказцев. Ср. также: *Тимур уи сыт?* букв. Что тебе Тимур? Вм. Кто тебе Тимур? Недопустимо: *Тимур уи хэт?*

В области имен обращает на себя внимание еще то обстоятельство, что нередко одно и то же слово нерасчлененно выражает значения нескольких частей речи, напр., существительного и прилагательного. Ср.: *нэху* – свет и светлый, *пшэр* – жир и жирный, *хуабэ* – тепло и теплый и т. п. Не до конца выяснено, в каких отношениях находятся явления синкретизма (как их расценивает А. К. Шагиров) с такими фактами, как *гъушл* – железо и железный; *жъы* – ветер, *жъы* – старый и т. п., традиционно квалифицируемые в адыгской лексикографии как полисемия или омонимия, а также с конверсией (*гъуклэ* – кузнец и кузница, *пхъащлэ* – плотник и плотницкая) или конверсией с полисемией (*мэкъуауэ* 1. а) косарь; б) косарский; 2. а) сенокос; б) сенокосный). По всей видимости, рассматриваемые синкретические явления допустимо интерпретировать как следствие процесса субстантивации прилагательных (*шалалэ* – молодой и юноша) или адъективации существительных (*къару* – сила и сильный). Что же касается установления первичности значений одних и вторичности других в анализируемых единицах, то это достижимо лишь

при специальном этимологическом исследовании [Апажев 1999: 16–17].

Рассмотрев словарный состав кабардино-черкесского языка с точки зрения семантико-грамматической, мы приходим к важному выводу: лексика может быть расчленена на четыре неравные группировки. Первую, наиболее многочисленную группу образуют такие знаменательные части речи, как существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Они составляют открытую, непрерывно пополняющуюся лексико-грамматическую систему современного кабардинского языка. Вторая, закрытая, уже не пополняющаяся группа объединяет местоимения и числительные. Третья группировка слов, в основном тоже закрытая, складывается из служебных частей речи – союзов, послелогов, частиц. Наконец, четвертая группа, в основном тоже закрытая, включает в себя междометия и мимео-изобразительные слова. Важно здесь отметить, что общее количество слов всех трех последних группировок насчитывает, по нашим наблюдениям, всего лишь несколько сот единиц.

Однако по своей роли в языке, по своим функциям данные группировки также далеко не равнозначны, и здесь они как бы меняются местами: закрытые, малочисленные разряды значительно превосходят по частоте употребления, по роли, грамматическим функциям открытые, многочисленные классы слов. Особо следует отметить роль служебных слов, этих, по выражению Д. В. Щербы, «строевых элементов лексики», где каждая единица, в отличие от знаменательной, важна сама по себе и находится как бы на строгом учете именно как элемент строя языка в целом». «Выражаясь фигурально, – замечает М. Я. Блох, – знаменательные слова, хоть и являются самостоятельно – назывными, выполняют роль солдат строя, в то время как служебные слова – это офицеры, организующие солдатский строй». О неразрывной связи лексики и грамматики не раз говорили ученые прошлого и настоящего. Идея этой связи вновь убедительно продемонстрирована Н. Ю. Шведовой, по мнению которой и лексические, и грамматические «свойства слова слиты в значении слова и в нем нерасторжимы: грамматическое значение слова входит в его лексическое значение, а лексического значения нет без значения грамматического. Следовательно, изучать слово как лексическую единицу в отрыве от его грамматических характеристик невозможно».

В заключение отметим, что одним из главных результатов исследования лексико-грамматической системы может быть создание как общих грамматических словарей, аналогичных известному фундаментальному труду А. А. Зализняка «Грамматический словарь русского языка» (1977), так и отдельных лексикографических произведений по каждой части речи, подобных образцово выполненному исследованию И. К. Сазоновой «Глагол и его причастные формы» (1989) и др.

3. Лексико-тематическая система

Данная система или группа представляет собой одно из древнейших объединений, выявленных человеком и наиболее изученных в словарном составе, пожалуй, всех развитых литературных языков. Она основана на системности окружающей действительности, на разнообразных отношениях между элементами материи, между самими предметами, явлениями, признаками внешнего мира. Будучи нелингвистической в строгом смысле слова, эта системность исследуется представителями разных наук. Например, открытая Д. И. Менделеевым периодическая система химических элементов, как известно, основана на отношениях атомного веса элементов и их порядкового номера в таблице, а системность планет – на закономерностях их движений под действием гравитационного влияния Солнца. Выявляя основные, конститутивные признаки, ученые издавна группируют, классифицируют, систематизируют флору (К. Линней), фауну (Ч. Дарвин), окружающий нас мир вещей (Я. Коменский). Это дало возможность Энгельсу утверждать, что «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупность тел» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20. С. 392).

Одной из общетеоретических задач науки является открытие системности, упорядоченности объектов и действующих среди них закономерностей. Несомненно, большой интерес вызывает специфика отражения языком этой системности. В словарном составе каждого национального языка данная системность проявляется в различных

группировках слов, объединяемых в лексико-тематические группы на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, смежности, назначению, устройству, функции и т. д. Если справедливо утверждение, что «слова светятся отраженным светом вещей» [Дорошевский 1973: 109], то изучение в рамках лексикологии и семантики способов расчленения окружающей действительности и своеобразия ее отражения в языке не может не привлекать внимания ученых. Следует иметь в виду, что при тематической группировке лексических единиц исследователю не всегда удастся придерживаться единообразного основания, на котором зиждется всякая последовательная, непротиворечивая классификация. Это объясняется тем, что гипероним (родовое слово-понятие, возглавляющее тематическую группу) может быть более близким и более далеким к тем или иным словам, и в зависимости от степени обобщенности значения гиперонима могут объединяться самые различные и далекие по смыслу слова. В результате в одной тематической группе могут оказаться даже такие слова, как *стол, книга, молоко, шляпа, деньги, спички* и т. п., на том основании, что все они являются «конкретными предметами». Однако возникает вопрос, являются ли подобные группировки лексико-тематическими. И вообще, что считать темой, вокруг которой группируются слова, какова должна быть степень обобщенности, сила притяжения гиперонимов, на основании которых можно построить такую тематическую классификацию, которая охватила бы всю лексику без остатка? И вот здесь, как показывает опыт сопоставительного изучения лексики русского и кабардино-черкесского языков, обнаруживается, что, несмотря на объективность внешнего мира и единство действующих в нем закономерностей, в зависимости от традиций, условий жизни и т. д. в семантике языка каждого народа отражаются неидентичные стороны реалий и выделяются далеко не одни и те же отношения между этими реалиями. Естественно, это приводит к разной тематической группировке лексики не только в типологически далеких языках, но и родственных и даже в одном и том же языке у разных лингвистов или обычных носителей этого языка. «Легко понять, что слово «веревка» для человека, который хочет упаковать покупку, имеет один смысл, а для человека, который попал в яму и хочет выбраться из нее, это средство к спасению» [Лурия 1979: 54]. Разумеется, мы имеем в виду не такие крайние случаи. Приведем несколько типичных примеров. Человека со слишком прямым и не очень гибким мышлением русские могут назвать *бараном, дубом* и целым рядом других лексических единиц, возглавляемых словом *глупый*. В аналогичном случае кабардинец и черкес не станут употреблять слов «баран» и «дуб», а воспользуются словами: *былым* – скотина, *Ізц* – животное, *ахьмакъ* – дурак, *шыд* – осел, *делэ* – ненормальный и др. В русском языке такие слова, как *знакомство, связи, влияние, власть, поддержка, покровительство, блат, рука*, могут образовать определенную лексическую микросистему (возможно, и синонимический блок), тогда как в кабардино-черкесском языке слово *Із* – рука, не имеющее этой семантики (ЛСВ), в данную группу не входит. В русском языке в круг понятия «много» включаются такие слова, как *лес, море, воз, туча, вагон, песка морского, собак нерезаных* и т. д., в кабардино-черкесском же языке *мэз* – лес, *пшэ* – туча, *тенджыз* – море, *собак нерезаных* в этих функциях не выступают, но зато в данную группу войдут слова: *пшахъуэ* – песок, *мацІэ* – саранча, *хьэлІацІэ* – черви, *мывэкъурш* – множество камней, булыжник (в долине реки), *хъушэ* – стадо, отара, табун и т. д.

Едва ли нужно доказывать теоретическую и практическую значимость более или менее полного выявления и корректного описания подобного рода явлений в таких языках, как русский и кабардинский, носители которых тесно контактируют более пяти столетий.

Изучение лексико-тематических групп является важным звеном в исчерпывающем описании словарного состава языка, в особенности при составлении полных толковых, идеографических и других видов филологических и терминологических словарей национального языка.

Выделим основные составные части лексико-тематической системы кабардино-черкесского языка, которые условно распределяются нами на 10 крупных тематических объединений, куда включаются менее крупные тематические группы или подгруппы (общее число – 115):

1. Части тела, родство, одежда. Сюда включаются: соматические слова, термины

родства, одежда, обувь, головные уборы, части одежды, украшения, косметика, ткани, оптика.

2. Пища, предметы быта. Эта группа охватывает названия блюд, хлебных и других мучных и кондитерских изделий, приправ, овощей, ягод, плодов, табачных изделий, курение, приспособление к ним, предметы домашнего обихода и т. п.

3. Промыслы, ремесла, торговля, профессии. Сюда условно включаются: коммерция, рынок, магазин, деньги: плотницкое дело, слесарное дело, кузнечное дело, колесное дело, швейное дело, ткацкое дело, шорное дело, ювелирное дело, войлочное-шерстяное дело, вязание, плетение, вышивание, названия профессий, связанные с традиционными промыслами, ремеслами.

4. Флора, фауна, география, ономастика: растения, травы, цветы; деревья, кустарники; грибы; животные, птицы, рыбы; домашние, дикие животные; пресмыкающиеся, насекомые; страны света; собственные имена людей, клички, прозвища, названия рек, озер, морей, населенных пунктов и их частей; названия и самоназвания народов; названия стран, исторических областей, названия жителей городов, районов, поселков, сел...; фамилии, отчества.

5. Сельское хозяйство, орудия труда, инструменты: животноводство, скотоводство, коневодство, овцеводство, птицеводство, звероводство, кролиководство, пчеловодство, растениеводство, огородничество, бахчеводство, садоводство, плодоводство, луговодство, цветоводство, оранжерейное хозяйство.

6. Число, мера, вещество, цвет, металлы, минералы, материалы: числа, дни недели, месяцы; вещества, металлы цветные, черные, драгоценные, горючесмазочные материалы, минералы, драгоценные камни, стройматериалы, цвет, оттенки цвета, меры длины, объема, емкости, площади, силы, давления...

7. Транспорт, техника, связь, коммуникация: верховая езда, сбруя, воловь арба, приспособления, гужевой, железнодорожный, авиационный, морской, речной транспорт, вокзалы, станции, почта, телеграф, телефон, дороги, тротуары, аллеи, трассы, перевалы, машины, детали машин, техника, электротехника, приборы, инструменты, приспособления; сооружения, плотины, мосты, каналы...

8. Образование, воспитание, здравоохранения, наука: просвещение, школы, институты, университеты, технические средства обучения, письмо, интернет, канцелярское дело, канцтовары; медицина, лечебные учреждения, наука, отрасли науки, термины лингвистики, литературоведения, математики, физики, химии, биологии, экологии, экономики, истории, этнологии, философии, педагогики, психологии, логики, астрономии, названия созвездий, планет, космос, космонавтика...

9. Культура, традиции, религия, этика: музыка, музыкальные инструменты, специальности, голоса, традиции, обряды, свадьба, похороны; Адыгэ хабзэ, религии, язычество, христианство, ислам, этика, культура, библиотеки, клубы, кино, театр, цирк, музеи, архитектура, живопись, графика, скульптура; мифология, фольклор, СМИ, пресса, газета, журнал, книга, типографское дело, парки, места отдыха, аттракционы, памятники, монументы, мемориалы, надгробия...

10. Служба быта, государственные учреждения, политическое устройство, управление, военное дело, спорт: государственные учреждения, политические, общественные организации, их структура, министерства, управления, объединения, конторы, офисы, военное дело, чины, звания, военные специальности, оружия, их виды, военная техника, спорт, его виды, спортивные сооружения, инвентарь, соревнования; рестораны, кафе, бар, столовые...

Ввиду того, что словарный состав кабардино-черкесского языка в более полном объеме подвергается лексико-тематической классификации впервые, предлагаемый здесь опыт следует рассматривать в качестве рабочего варианта, который на практике не только может, но и должен подвергаться изменениям по мере углубления исследования проблемы и в зависимости от цели и задач, которые преследуются авторами.

Опыт показывает, что классификация лексики по тематическим рубрикам сопряжена с известными трудностями, и ожидать здесь безупречного распределения столь обширного и разнообразного материала на данном этапе развития лексикологии, семантики и лексикографии адыгских языков не приходится. Достаточно сказать, что число лексем, рассматриваемых при выявлении и формировании тематических групп,

составляет более 30 000 единиц, не считая порождаемых последними нескольких десятков тысяч лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Из 115 лексико-тематических групп вкратце рассмотрим лишь одну – соматическую и на этом примере проиллюстрируем методику анализа лексики по семи известным параметрам.

1. Количественный параметр в этой группе характеризуется следующими данными: число активно функционирующих соматизмов в кабардино-черкесском языке составляет 303, а в русском – 155 единиц. Далее, обнаруживается, что многие русские соматизмы вообще не находят точных соответствий в кабардино-черкесском (аорта, бицепс, желудочек, надкостница, предплечье и некоторые др.), однако обнаружено еще больше кабардино-черкесских соматизмов, не имеющих соответствий в русском (*дзажэпкъ, дзажэцI, жьафэ, лъэгудыгъуэ, лъэнкланлащхэ, лъэпэмцIуй, наклэ, наплащхэ, натIэгу, пэнцIыу, пэщхын, IэпэмцIуй* и др.). Довольно часты случаи, когда одному русскому соматизму соответствует несколько кабардино-черкесских (грудь – *бгъэ, бгъэгу, бгъафэ, быдз*; бок – *бгъуэ, джабэ*; волос – *щхъэц, цы*; горло – *тэмакъ, къурмакъей*; желудок – *шхалъэ, лъатэ, кланцIэ* и др.) и наоборот (*бгы* – пояс, поясница; *тэмакъ* – горло, гортань, глотка, зев; *тхыцIэ* – спина, позвоночник и др.).

2. Морфемный состав кабардино-черкесских соматизмов в синхронном плане характеризуется следующими данными: из 303 соматизмов одну корневую морфему содержат 102 единицы, две корневые морфемы – 139 единиц, три корневые морфемы – 44, четыре морфемы – 18 соматизмов. В русском языке, где всего 155 соматизмов, 148 единиц состоит из одной корневой морфемы, лишь 7 соматизмов оказались сложными (носоглотка, сухожилие и некоторые др.). Можно предположить, что в этой способности к сложению основ – одно из **главных особенностей адыгских языков, позволяющих им с помощью столь ограниченного числа исконных корневых морфем (по данным Х. Ш. Урусова, около 1300) успешно функционировать в современном сложном мире, сосуществовать и сотрудничать со многими языками, в том числе одним из международных – русским, обеспечивая вполне корректную передачу – перевод любых текстов, созданных на русском языке, лексические и фразеологические богатства которого исчисляются сотнями тысяч единиц.** С другой стороны, приведенные факты свидетельствуют о наличии в адыгских языках в исторически более отдаленный период словарных единиц с несколькими корневыми морфемами.

3. По своему историческому происхождению соматизмы, как один из древнейших компонентов лексики, в обоих языках сформировались на исконном материале. Исключение составляют единицы (каб.-черк. *аортэ, бакенбард, куэтэн, тэмакъ, къурмакъей*; рус. артерия, корпус, бюст, вена, мускул, нерв, скелет, фаланга и некоторые др.).

4. Семантическая структура адыгских соматизмов, по данным словарей (1957, 1999), выглядит следующим образом: из 303 слов однозначных – 270, двузначных – 18, трехзначных – 8, четырехзначных – 6, с 23 значениями, по нашим данным, – 1 (*щхъэ* «голова»). В русском языке, по данным БАС, однозначных слов – 59, двузначных – 45, трехзначных – 15, четырехзначных – 11, пятизначных – 12, шестизначных – 2, семизначных – 5, восьмизначных – 3, десятизначных – 2. Таким образом, от 303 кабардино-черкесских соматизмов образовано 372 лексико-семантических варианта (ЛСВ), а в русском языке от 155 соматизмов – 389 ЛСВ.

5. Семантический потенциал слова (СПС) или семантический диапазон слова (СДС) – это число значений, которым обладает каждая лексическая единица языка. Если в кабардино-черкесском языке функционирует 303 соматических слова, общее число значений которых составляет 372, то СПС (или СДС) равен 1,23 ($372 : 303$), тогда как в русском языке он равен 2,51 ($389 : 155$).

6. Деривационная активность кабардино-черкесских соматизмов, по предварительным данным, выглядит так: от слова *щхъэ* «голова» образовано не менее ста слов, *Iэ* «рука» – около 100, *гу* «сердце» – 40, по несколько десятков образуют *жьэ* «рот», *бгъэ* «грудь», *Iу* «полость рта», *фэ* «кожа», *пщэ* «шея», *нэ* «глаз», *пэ* «нос» и др. Определение точного количества дериватов от кабардино-черкесских соматизмов осложняется из-за отсутствия словообразовательных или других исчерпывающих филологических словарей. Иначе обстоит дело в русском языке, где по данным двух фундаментальных

словообразовательных словарей, деривационная активность представлена следующим образом. Первые цифры по Вурту (Нью-Йорк, 1970), вторые по Тихонову (М., 1984, 1985): рука 137–161, лицо 163–112, нога 127–167, кровь 59–150, глаз 68–117 и т. д.

7. Фразеологические связи соматизмов кабардино-черкесского языка приводим согласно исследованиям Б. М. Карданова, а также новому фразеологическому словарю Б. Бербекова, Б. Бижоева, Б. Утижева.

Слово *гу* «сердце» входит в 218 ФЕ, *щхъ* «голова» – 130, *нэ* «глаз» – 111, *лэ* «рука» – 52, *жъэ* «рот» – 41, *лэлэ* «кончик пальца руки» – 19, *псэ* «душа» – 40, *Алыхъ* «Аллах» – 40, *гъуэгу* «дорога» – 30, *дуней* «мир, вселенная» – 32, *псалъэ* «слово» – 30, *Тхъэ* «Бог» – 30 ...

По данным БАС и Фразеологического словаря русского языка под ред. А. И. Молоткова, наиболее обширными оказались фразеологические связи у соматических слов русского языка (первые цифры соответствуют данным БАС, вторые словарю Молоткова): глаз 80–141, голова 57–115, сердце 47–63, язык 68–72, нога 58–67, рот 11–25, нос 32–39, зуб 24–30, рука 86–170, лицо 28–28, спина 16–10, кость 17–19 и т. д.

По вышеописанной методике нами рассмотрены многие лексико-тематические группы. Однако в целях экономии места мы здесь приведем основные данные в виде таблицы с указанием количества рассматриваемых единиц лексики в кабардино-черкесском и русском языках (первые цифры соответствуют данным каб.-черк. языка, вторые – русского языка)

1. Соматическая лексика 303–155
2. Терминология родства 57–57
3. Лексика цветообозначения 45–70
- 4–5. Лексика пищи и напитков 236–327
6. Лексика бытовых предметов 268–283
- 7–10. Лексика одежды, головных уборов, обуви, украшений 250–380
11. Лексика флоры 270–314
12. Лексика фауны 270–314
13. Лексика природы и природных явлений 92–100
14. Слова, обозначающие время 50–65
15. Местоимения 28–28
16. Слова, обозначающие число, 39–39
17. Слова, обозначающие понятие много, 37–97
18. Слова, обозначающие понятие мало, 13–44
19. Названия орудий труда, инструментов 102–120
20. Названия жилищ, построек и их частей 200–250
21. Лексика современного строительного дела 144–204
22. Лексика транспортных средств 170–200
23. Лексика торговли и денежных систем 70–75
24. Названия сооружений и учреждений 146–160
25. Лексика системы мер длины, объема, площади 60–71
26. Названия традиционных профессий 93–156
27. Названия болезней и средств их лечения 80–95
28. Названия предметов топлива, смазочных материалов 34–48
29. Названия металлов и других веществ 51–51
30. Лексика сельского хозяйства 134–150
31. Термины сельскохозяйственной техники 46–52
32. Название механизмов и их частей 38–50
33. Терминология связи (почта, телеграф, телефон) 62–68
34. Терминология деловых бумаг 44–44
35. Лексика письменных, канцелярских принадлежностей 42–42
36. Терминология искусств (кино, театр, музыка, живопись) 82–98
37. Терминология национальной культуры 165–205
38. Терминология дошкольного воспитания 42–48
39. Терминология школьного обучения 46–58
40. Лексика высшего и среднего специального образования 112–112
41. Научная терминология 380–405
42. Общественно-политическая лексика 1300–1500

43. Религиозная лексика 320–530
44. Военная и морская терминология 352–389
45. Спортивная терминология 173–254
46. Терминология туризма и альпинизма 57–82
47. Ономастическая лексика 320–350
48. Звукоподражательные слова 42–63
49. Междоментные слова-корни 6–75
50. Глаголы 467–2413
51. Слова-корни, обозначающие качество, – 153–954
52. Слова-корни, обозначающие признаки действия (наречия) 8–86
53. Слова-корни других частей речи 13–16.

Общее число выделенных нами тематических групп составляет не менее 115.

В названных наших работах (1992, 2000) более подробно рассмотрены лексико-тематические группы, перечисленные в пунктах 1–12. Что же касается пунктов 13–53, то при всех расхождениях и присущих им специфических чертах они не вносят каких-либо существенных изменений в общую картину, полученную при разностороннем анализе 12 предыдущих групп.

Особо хотелось бы остановиться на одной из наиболее многочисленных тематических групп, в качестве которой выступает общественно-политическая лексика.

Как известно, различные сферы жизни по-разному влияют на лексику языка, но, по-видимому, ни одна из них не оказывала столь глубокого и разностороннего воздействия на лексическую систему, фразеологический состав и семантическую структуру кабардино-черкесского языка, как современная общественно-политическая жизнь. Отсюда и особая роль порождаемой ею общественно-политической лексики и фразеологии – одной из самых больших лексико-тематических групп в общей лексической системе языка [см.: Апажев 1992: 174–181; 2000: 108–114].

В РКПТС (1951) зарегистрировано около 3600 единиц, из которых, как мы полагаем, почти четверть может быть квалифицирована как общественно-политические термины. Приблизительно такое же количество фиксируется в наиболее полных словарях, вышедших за последние 50 лет [РКЧС 1955; КРС 1957; Урусов, Захохов 1982]. Рассматриваемая лексика кабардино-черкесского языка, за редкими исключениями, представляет собой разного рода заимствования – прямые (*обществэ, совет, президиум, съезд*) или кальки (*Іэ – голос, хэхынгъэхэр – выборы, дуней еплъыкІэ – мировоззрение*).

В общественно-политической лексике кабардино-черкесского языка мы находим те же тематические группировки или классы, которые обычно выделяются среди всего многообразия данной лексики и терминологии современного русского языка [РЯСО–1 1968: 56–185; Шанский 1972: 268–274; Протченко 1975: 101–132; Шмелев 1977: 280–287; Протченко 1984: 69–73]. В этом отношении наиболее показательны также наблюдения и выводы, содержащиеся в лексикологических исследованиях по современному кабардино-черкесскому языку [Балкаров 1961: 144–148; Шагиров 1962: 171–172; Апажев 1963: 33–49]. В названных работах так или иначе выделяются группы, которые включают в себя слова и выражения, связанные со структурой и функционированием общественных, политических организаций и институтов.

Как показывает анализируемый материал, в отличие от русского языка в кабардино-черкесском общественно-политическая лексика, научная, техническая и другие терминологические системы в подавляющем большинстве представлены заимствованиями из одного источника, а именно из русского языка, иначе говоря, это результат двусторонних, русско-кабардинских, связей или результат влияния русского языка. Факт невмешательства в этот процесс третьего языка доказывается многочисленными примерами. Так, английское слово *вагон* в источнике имеет 8 значений: 1. Повозка, телега, подвода, фургон; 2. *уст.* Дилижанс (главным образом, в колониальных странах); 3. *брит. ж.-д.* Открытый товарный вагон, вагон-платформа; 4. *амер. разг.* Полицейская карета; 5. *амер. разг.* Детская коляска; 6. (Чайный) столик на колесах; передвижной столик; 7. *горн.* Вагонетка для руды; 8. *астр.* Большая Медведица [Акуленко и др. 1969: 364]. В русском *вагон* имеет следующие значения: 1. Специально оборудованное помещение для перевозки пассажиров и грузов по рельсовым путям; 2. Количество груза, вмещающееся в товарный вагон. 3. *разг.* Очень большое количество

чего-н. Примечательно, что для обозначения последних трех значений англичане и американцы, как правило, не пользуются словом «вагон». В речи же современных кабардинцев и черкесов данное слово обозначает именно три отмеченных в русском языке значения, не больше и не меньше. Слово *старт* в английском языке имеет значения: вздрагивание; отправление, старт; начало. В русском: начало спортивного состязания; место, откуда начинается состязание на преодоление какого-нибудь расстояния. Эти же значения зарегистрированы в РКЧС. Лозунг в немецком означает: жеребьевка, пароль, лозунг. В русском: призыв (лозунг); плакат с призывом. В кабардино-черкесском то же, что и в русском. Французское бюро имеет значения: письменный стол, контора, канцелярия, бюро, президиум, кабинет крупного служащего. В русском: 1. Название руководящей части некоторых органов; 2. Название некоторых учреждений (бюро погоды). В кабардино-черкесском, как и в русском. Ср. также: *бутон, дуст, зебра, салют, штаб* и многие другие, особенности семантической ассимиляции которых в русском и кабардино-черкесском языках в основном идентичны. Все эти факты убедительно подтверждают положение о том, что для кабардино-черкесского языка источником заимствования приведенных и многих других общественно-политических, научных и т. п. терминов явился русский язык. Иначе обстоит дело со спецификой проникновения терминов подобного рода в русский язык, который, как правило, принял их из разных языков Европы, Азии, Америки, Африки, хотя и не исключается посредничество некоторых языков, как, например, польского в области военной лексики [Смирнов 1910: 27–360; Виноградов 1938; 1939; Булаховский 1953; Сорокин 1965; Сороколетов 1970; Биржакова и др. 1972].

Из весьма кратко рассмотренных лексико-тематических групп наиболее близка к идеологической сфере общественно-политическая лексика, вследствие этого она в языках, функционирующих в разных социально-экономических системах, обнаруживает больше всего расхождений оценочного характера. Так, в общественных кругах англоязычного мира, а также в Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и других западных странах слово *пропаганда*, как правило, ассоциируется с понятием ложь или обман общественного мнения. Фактически оно так и воспринималось во всем мире. Можно сослаться и на кабардино-черкесский язык, в котором слово политика долгое время сохраняло (а в известной мере и сейчас сохраняет в речи старшего поколения) негативный оттенок и ассоциировалось (особенно в прошлом) с понятиями хитрость, уловка, обман. Основания для этого были: как свидетельствует история, в политике самодержавия в отношении не только народов Кавказа и целого ряда других регионов России, но и собственного народа немало было и хитрости, и обмана.

В настоящее время буквально на наших глазах происходит переосмысление многих слов и терминов, которые из отрицательно окрашенного, негативного слоя перемещаются в сферу нейтральной или даже подчеркнута позитивной лексики. Немало слов и выражений общественно-политической лексики, которые до недавнего времени нашими средствами массовой информации либо избегались, либо односторонне интерпретировались, сейчас получают совершенно иную оценку. Ср., например *конкуренция, предпринимательство, бизнес, плюрализм, многопартийность, частная собственность, разгосударствление* и мн. др. Наряду с ними весьма популярными в кабардино-черкесском языке стали такие слова и выражения, как *демократизацэ, суверенитет, суверенизацэ, департизацэ, деидеологизацэ, деполитизацэ, либерализацэ, приватизацэ, референдум, презентацэ, муниципальнэ, оппозицэ, акционер, биржэ, думэ, фермер, лицей, маклер, гимназие, менеджер, менеджмент, диссидент, аукцион, арендатор, советолог, правозащитник, антисоветизм, антикоммунизм, департамент, спикер, профессиональнэ парламент, Щхъэхуит Къэралхэм я Зэныбжъэгъуныгъэ* или *Щхъэхуит Къэрал Зэныбжъэгъухэр* – Содружество Независимых Государств (СНГ), *спонсор, брокер, бартер, рейтинг, маркетинг, клиринг, лизинг, акциз, дилер, киллер, триллер, а также пиар, пиаровец, пиар-кампание* и мн. др.

Итак, вслед за лексико-грамматической системой (грамматической лексикологией) мы рассмотрели еще один объект или аспект системной организации словарного состава – лексико-тематическую группу.

Главным результатом и логическим завершением исследования лексико-тематических групп, по нашему мнению, должно стать создание идеографических

словарей одно- и двуязычных [Апажев 2000: 108–114].

Как отмечается в одной из теоретических работ по лексикологии и лексикографии, построение тематических словарей разного объема и назначения, представление языковой картины мира на основаниях, диктуемых самим языком, создание разных типов учебных словарей и т.п. признаются первоочередными задачами отечественного языкознания [Шведова 1999: 16].

4. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

4.1. Предварительные замечания

В словарном составе каждого языка центральное место как по своей лингвистической значимости, так и по разнообразию своего проявления занимает лексико-семантическая система.

Интерпретация данной системы в современном языкознании позволяет рассматривать ее как совокупность целого ряда лексико-семантических микросистем, в качестве которых, по нашему мнению, выступают следующие группировки или типы объединения слов:

1. Полисемия как система лексико-семантических вариантов слова.
2. Синонимия как система близких и сходных по смыслу слов.
3. Антонимия как система слов с противоположными значениями.
4. Лексическая группа, связанная ассоциативными отношениями.
5. Лексическая группа, объединенная общностью семантического поля.
6. Группа лексем, связанных деривационными отношениями.
7. Лексическая группа с конверсивными отношениями.
8. Фразеологическая группа с общим, стержневым словом.
9. Лексическая группа с гипонимно-гиперонимическими отношениями.
10. Омонимия как система тождественных по звучанию слов.
11. Паронимия как система сходных по звучанию слов.
12. Лексическая группа, объединенная синтагматическими или валентностными отношениями.

В предыдущих главах речь шла о двух системных группировках лексических единиц языка, в основе объединения которых лежат такие признаки или движущие силы, как общность принадлежности к одному разряду, классу слов, на чем собственно строится ставшее традиционным распределение единиц словарного состава языка по частям речи (лексико-грамматическая система), общность принадлежности к определенной сфере реальной действительности (лексико-тематическая система).

В пределах рассматриваемой лексико-семантической системы и выделяемых внутри нее типов объединения, ассоциации, группировки слов действуют иные силы или тенденции, в качестве которых выступают: ассоциативные связи по сходству формы, функции или смежности (полисемия), смысловое содержательное сходство (синонимия), взаимная обратимость при обозначении одного и того же действия или отношения (конверсия), родо-видовые отношения (гипонимы и гиперонимы), противоположность значения (антонимы), сходство или близость, но не тождественность звучания (паронимы), тождественность звучания (омонимы), деривационные связи (словообразовательное гнездо), сочетаемостные способности (валентность слова), общность семантического поля, общность ассоциативного поля, фразеологические связи слова.

Такова общая структурно-семантическая организация словарного состава кабардино-черкесского языка. Это значит, что слова, как и ЛСВ, могут входить не только в разные лексико-семантические группы, но и принадлежать разным лексико-тематическим группам, разным лексико-грамматическим разрядам и разным лексико-стилистическим пластам, что в совокупности служит, пожалуй, главным свидетельством системности лексики и единства ее структуры, составляющей один из основных компонентов в языковой «системе, все элементы которой образуют целое» [Соссюр 1933: 114]. Лексико-семантическая система, по мнению Ф. П. Филина, впервые рассмотревшего

ее специально [Филин 1957: 523–538], – это «собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений».

Наиболее распространено следующее определение лексико-семантической системы, содержащееся в коллективной монографии ведущих советских языковедов: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразия типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) и т. п.

Уже само название «лексико-семантическая» указывает на двустороннюю природу системы: с одной стороны, отграничивается в пределах семантического уровня языка лексическая семантика от грамматической, с другой – при помощи этой системы происходит дальнейшее членение семантики слова как элемента словаря на самые мелкие двусторонние единицы – лексико-семантические варианты слова» [Уфимцева 1972: 417].

4.2. Полисемия

Полисемия как система лексико-семантических вариантов слова – частный случай проявления лексико-семантической системы языка. Одним из важнейших параметров или измерений лексико-семантической системы, одним из проявлений закономерной связи элементарных лексических единиц, образующих в структуре многозначного слова определенную иерархию взаимообусловленных первичных и вторичных семантических функций, является полисемия. Л. В. Щерба отмечал: «Само собою разумеется, что слова-понятия, выражаемые одним фонетическим комплексом, в большинстве случаев (кроме так называемых омонимов) образуют более или менее сложные системы, что и выражают обычно в словарях тем, что они помещаются под одним заглавным словом, но под разными цифрами, буквами» [Щерба 1974: 291].

Разные значения слова, какими бы далекими они ни казались по отношению друг к другу, так или иначе связаны между собой, образуя тем самым довольно сложное семантическое единство, которое обычно называют семантической структурой слова. Как отмечает М. И. Фомина, именно в наличии семантических связей внутри многозначного слова больше всего проявляется системность лексики на уровне одного слова. «Учитывая, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаков, можно считать многозначность одним из ярких признаков национальной самобытности лексики» [Фомина 1990: 45]. В этом случае некоторые говорят не просто о полисемии, а о ее законах. Так, Р. А. Будагов пишет: «Многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще. Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, о законе лексической полисемии» [Будагов 1972: 140].

Исследование законов многозначности слов позволяет активно использовать свойства слов как при составлении толковых, двуязычных и других типов словарей, так и при переводе с одного языка на другой.

Рассматривая примеры полисемии слов кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским языком, обнаружили у слова *голова* более 20 значений.

У слова *щысын* – сидеть выявлено не менее 10 значений и несколько оттенков, у слова *зехъэн* – носить (нести) 15 значений. Нами рассмотрено свыше 300 наиболее многозначных слов в кабардино-черкесском и русском языках. Такое тщательное и последовательное сопоставление лексико-семантических вариантов слов различных по структуре и общественным функциям, но тесно и длительно контактирующих языков, какими являются русский и кабардино-черкесский, дает богатый материал как для традиционных, так и новых типов словарей, в частности, для учебных,

антиинтерференционных, толковых, стилистических и других, с одной стороны, практики перевода и методики преподавания русского и родного языков в кабардино-черкесских школах, с другой. Подобные сопоставления более наглядно показывают национальную специфику формирования и функционирования лексических единиц и лексико-семантических микросистем в каждом из сопоставляемых языков. В таком исследовании нуждаются современные кабардинцы и черкесы, как и другие представители младописьменных и старописьменных языков нерусских народов СНГ, желающие овладеть не только наиболее распространенными нормами кодифицированного русского литературного языка, но и многочисленными и разнообразными его лексико-стилистическими тонкостями, лексико-грамматическими сложностями, лексико-тематическими и лексико-семантическими богатствами.

При рассмотрении семасиологических процессов, особенно интенсивно протекающих в условиях контактирования языков, необходимо постоянно учитывать, насколько существенно важны для характера лексических значений такие атрибуты человеческих понятий, как их подвижность, гибкость, способность изменять объем и значительность своего содержания.

Заимствования из русского и других языков, сталкиваясь с исконными в частоте употребления и в стилистическом использовании, как бы распространяют волны своего влияния на все сферы кабардино-черкесского словаря и вызывают в последнем различные семантические процессы. Проиллюстрируем это положение на некоторых примерах. С древних времен в кабардинском языке функционирует слово *цей*, обозначавшее «домотканое сукно», затем приобретшее значение «платье из домотканого сукна» и, наконец, «черкеска». Однако в период, когда в кабардино-черкесский язык проникло слово *боз* (бязь), последнее, слившись с *цей*, вытесняет определенную долю из расщепленного им многозначного *цей*, образовав новое слово *бозцей* – *бостей* – букв.: «бязевое платье» (сейчас только в значении: «женское платье»). В результате этого была задета не только семантика слова *цей*, но несколько были ограничены и его словообразовательные возможности. Если слово *цей*, как нам кажется, раньше можно было соединять со словами *пллэ*, *клэ* в целях словообразования (ср.: *цейпллэ* – блуза, *цейклэ* – юбка), то подобное соединение теперь исключается. Для обозначения «блуза» сейчас употребляют только слово *бостеипллэ*, а для «юбка» – *бостеиклэ*, тогда как в современном кабардино-черкесском языке *цейпллэ* означает «верхнюю часть черкески от пояса», а *цейклэ* – «нижнюю часть черкески до пояса», то есть уже не являются самостоятельными лексическими единицами – обозначениями одежды. Это объясняется специфическими закономерностями, в соответствии с которыми слово функционирует в языке как единое целое.

М. М. Покровский говорил: «...для понимания семасиологических явлений необходимо постоянно иметь в виду и психологию, и историю народа. Разумеется, такая кумуляция должностей может превышать силы отдельного исследователя: разнообразие материала и точек зрения требует с его стороны слишком большого внимания и, может быть, даже обрекает его на неизбежные промахи. Но если язык является полным отражением и психологии, и истории народа, то иной постановки исследования его фактов не может и быть» [Покровский 1959: 32].

Как свидетельствуют факты, в развитии значений, в обогащении семантики, а также в расширении контекстуальных возможностей целого ряда кабардино-черкесских слов большую роль играют заимствования и русское влияние в целом. Это можно проследить на примере изменения и развития полисемии таких слов, как *унафэ*, *кэалэн* (*фарз*, *борш*), *цытыклэ*, *хабзэ*, *цлытл*, *фалгэ*, *таурыхэ* и др., которые претерпели различные изменения: сужение, расширение семантики, ограничение употребления и др. В ряде случаев наблюдаются случаи не только ограничения употребления, но и вытеснения одних слов другими, напр.: *зэнтхэ*, *дэфтэр*, *лээрыгу*, *мышхур*, *хэурзэ*, *шэтыр*, *щыхэр* и др., заменяемые довольно часто словами: овес, тетрадь, токарь, печатать, якорь, палатка, столицэ (кэалашхэ).

Анализ целого ряда лексикографических изданий показывает, что многие из семантических изменений не находят не только достаточно полного, но и даже сколько-нибудь удовлетворительного отражения в национально-русских и русско-национальных словарях.

Такое положение в кабардино-черкесской лексикографии объясняется различными причинами объективного и субъективного характера, среди которых можно выделить три в качестве основных. Первая причина заключается в том, что от составителей словарей нередко ускользают неологические явления либо из-за недостаточного взимания к этим процессам, либо ввиду неудовлетворительной организации самой работы по регистрации неологизмов как лексико-фразеологических, так и особенно семантических. Вследствие этого многие живые факты лексико-семантической системы, активно функционирующие в языке современников, в частности, интеллигенции и молодежи, периодической печати, радио, телевидения, остаются за пределами словарей. Вторая причина связана с неизбежным процессом, как правило, старения словарей, которые зачастую, к сожалению, незаслуженно и неоправданно долго не подвергаются своевременному пересмотру, обновлению и переизданию. Достаточно сказать, что со времени издания наиболее полных РКЧС и КРС прошло около 50 лет. Такое состояние словарного дела, разумеется, трудно признать нормальным. Отсутствие у нас переработанных, дополненных словарей, да и дефицит в давно изданных болезненно ощущается как в теоретической разработке многих животрепещущих языковедческих проблем, так и в сфере прикладного языкознания, особенно в учебном процессе, при создании учебно-методических пособий для средних школ, в переводческой деятельности, в работе писателей, журналистов, редакторов, корректоров и мн. др. При таком прискорбном положении дела говорить о соответствии словаря современным нормам языка и требованиям жизни, естественно, уже не приходится. А ведь словарь, не отражающий современного состояния национального языка, перестает быть справочником и теряет свой смысл. Третья, очевидно, главная причина – в сложности самой природы семантических явлений и в трудности проведения фронтального исследования семасиологических процессов, усугубляемых активным контактированием разнотипных языков, культур и их носителей.

Из изложенного вытекает необходимость глубокого и всестороннего изучения семантических процессов, происходящих в национальных языках под воздействием русского языка, тщательной регистрации неологических результатов этого воздействия. Эти результаты следует систематически заносить в специальную картотеку, банки новых данных для активного использования в дальнейшем при создании более полных, информативных двуязычных словарей и других лексикографических пособий, отвечающих повышенным требованиям современников. При таком подходе к проблеме можно, пожалуй, вскрыть одну из основных особенностей русского влияния, а именно его системный характер.

Таким образом, перед нами встает задача всестороннего исследования системного характера многостороннего, в частности семантического (идеологического), влияния русской и интернациональной лексики на младописьменные языки народов СНГ и адекватного отражения этой системности в соответствующей лексикологической и лексикографической работе.

4.3. Омонимия

С полисемией тесно связана **омонимия**, традиционно выделяемая лексико-семантическая категория и довольно обстоятельно исследованная в старописьменных языках как у нас, так и за рубежом. В отечественной лингвистике с наибольшей полнотой это явление раскрыто в трудах В. В. Виноградова [1940: 1–14; 1960: 3–17; 1967: 51–57; 1969: 7–17], А. И. Смирницкого [1954; 1956], О. С. Ахмановой [1957; 1974], Д. Н. Шмелева [1977], Л. А. Но-викова [1982] и др.

Впервые в кабардино-черкесском и одним из первых в советском языкознании проблемы омонимии исследует в ряде работ Н. Ф. Яковлев, в частности, в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» (1948), где, наряду со многими удачными толкованиями омонимов как «результата совпадения первоначально разно звучащих слов или развития (раздвоения) одного слова», встречаем и нередкие случаи смешения омонимии с полисемией, а также подлинных омонимов с омоформами и другими их разновидностями. Например: *хы* – шесть, *хы* – море, *хы* – жни; *сэ* – нож, *сэ* – я, *сэ* – сей; *дэ* –

мы, *дэ* – орех, *дэ* – шей и мн. др. Справедливости ради следует заметить, что подобного рода смешения омонимии с ее разновидностями, даже с полисемией характерны едва ли не для всех лексикологических (кстати сказать, весьма немногочисленных) работ того периода. С учетом достижений современной лингвистики вопросы омонимии кабардино-черкесского языка довольно обстоятельно рассмотрены в работах А. К. Шагирова [1959: 253–260; 1962: 38, 39]; Апажева [1963: 127–135; 1992а: 198–204]; Пшукова [1982: 52–71; 1999] и др.

На фоне других лексико-семантических групп (полисемии, синонимии, антонимии и т. п.) омонимы предстают, по мнению некоторых, «как нерегулярные и исключительные, как своеобразное «нарушение» законов полисемии», более того, выступают «в целом как категория негативная» [Новиков 1982: 209, 210].

Омонимы являются неотъемлемым, но своеобразным компонентом лексико-семантической системы языка. Своеобразие заключается в том, что они, являясь результатом совпадения в звуковом оформлении, не мешают носителям языка, скорее, не замечаются ими, так как контекст или ситуация непременно ограждают их от смешения. Омонимы, выступая в плане семантическом «как внесистемное явление», все же создают своеобразную микросистему в языке, то есть группу слов, объединенных единством (сходством) звукового оформления. Эта их специфика может быть сознательно использована и в действительности используется в речи народа, в языке художественной литературы, где сталкиваются различные омонимы, создающие при этом разнообразную игру слов. Д. Н. Шмелев ссылается на Ж. Вандриеса, называющего омонимы «бичом языка» (так как «язык нуждается в ясности и больше всего для него опасна двусмысленность») и в то же время утверждающего, что «омонимия, однако, опасна лишь в той мере, в какой сознают опасности, которые с ней связаны... Смешение может стать настолько полным, что из-за него не испытывают неудобств, так как его не замечают» [Шмелев 1977: 89, 90].

Для глубокого осмысления омонимии необходимо вскрыть также ее связи с проблемами заимствования. Здесь можно наблюдать интересные явления, возникающие при усвоении многозначного слова, из значений которого, в конце концов, могут образоваться несколько самостоятельных слов. Как отмечают отдельные исследователи, наряду с нарушением смысловой и словообразовательной связи между сходными по корню словами, нарушение между значениями внутри самого многозначного слова представляет характерную особенность семантической ассимиляции лексических заимствований [Новиков 1963: 7–9]. Примером распада полисемии и образования омонимии может служить русское заимствование *милицэ*, давшее в кабардино-черкесском языке три омонима: 1. *милицэ* – милиция, 2. *милицэ* – милиционер, 3. *милицэ* – сельисполнитель. Ср. еще: устар. *кlynлец* – купец, *кlynлец* – богатый дамский платок; дорев. устар. *Сыбыр* – Сибирь, *сыбыр* – каторга; *СэлэфкIуй* – Соловки, *сэлэфкIуй* – каторга; *кхъуэщын* – кувшин, *кхъуэщын* – черепица; *кIэпрон* – капрон, *кIэпрон* – пышка, хворост (новое, кулинарное).

Заслуживает внимания и другой вопрос, когда одно и то же слово заимствуется несколько раз, что может привести и нередко приводит к появлению омонимов или разных по значению слов. Так, слово «крест» кабардинцы заимствовали поэтапно не менее трех-четырёх раз и в каждом случае с новым значением. Более раннее заимствование его, очевидно, связано с периодом христианства в Кабарде, когда и употреблялось *чрес* – крест в значении «религиозный знак». Постепенно оно было вытеснено презрительным словом *жор* – крест (из грузинск. *джвари* – «крест»; ср.: *Жорыр зытцIэхэлъ* – Носящий крест, букв. «На ком крест висит»). Затем «крест» заимствуется в значении «форма укладки снопов». Оно как архаизм сохранилось в языке фольклора. Ср. *Пхырхэр чресу зэтелъхъэн* – Сложить снопы крестами. Третье заимствование связано со значением «награда», также ставшим архаизмом. Четвертый раз «крести» (в каб.-черк. *чрес*) усвоено в связи с перенятием у русских привычки игры в карты. Наконец, известно употребление «крест» в значении «форма, способ вышивания». В речи кабардинской и черкесской интеллигенции возможно употребление и других значений «крест». Несмотря на некоторые различия в звучании «крест» в источнике (крест, кресты, крести), кабардинцы и черкесы усвоили одну форму *чрес*, служащую обозначением не менее пяти омонимов (ср. семантику «крест», «крести», «кресты» в словарях русского языка, где они рассматриваются как три слова). Таким же многократно заимствованным является

русское «четверть». Трудно сказать, какое из двух его значений (1. четвертая часть ведра, около трех литров; 2. четвертая часть аршина) сначала было усвоено кабардино-черкесским языком, где и сейчас употребляются оба значения (ср.: *цырибон шэтвэр* – четверть самогона; *Лъэбакъуэ дэнэ къэна, шэтвэр зытехуэ пчынкъым* (запрет, угроза) – Не только шагу, но и четверти не сделаешь. *Арщыныр шэтвэриплI мэхъу* – Четыре четверти составляют аршин). С появлением школ связано заимствование другого значения «четверть» (часть учебного года). Характерно, что, в отличие от первых двух значений, третье оформлено по-русски – как «*четверть*» (см. РКЧС). Известно и другое значение «четверть» – «четвертая часть целой ноты», например, в речи музыкантов, а также молодежи, интересующейся музыкой. Таким образом, из восьми значений русского «четверть» (см. МАС I, II, III) кабардинцами и черкесами заимствованы четыре, причем два из них пришли устным путем, что и обусловило оформление их как *шэтвэр*, другие же два значения усвоены сравнительно недавно письменным путем. Здесь важно отметить, что если в русском языке «четверть» является многозначным словом, вокруг которого объединены восемь прочно связанных между собой значений, то в кабардино-черкесском языке четыре заимствованных значения дали два ряда омонимов, оформленных двумя звуковыми комплексами: *шэтвэр* и *четверть*.

Омонимами кабардино-черкесского языка следует считать и два значения слова «ручка»: 1. орудие письма. 2. приспособление для завода машин, которые входят в русское полисемантическое «ручка». Как правильно отмечено в РКЧС, слово «урна» употребляется как три омонима: 1. избирательная урна 2. урна для хранения праха 3. урна для мусора. Слово «печать» дало два омонима: 1. пресса 2. штамп. Количество примеров легко увеличить.

Об омонимах и их использовании в речи, в том числе в поэзии см. другие работы автора [Апажев 1963: 137–139; 2000: 128–133].

Из существующих взглядов на проблему омонимов, по-видимому, наиболее приемлемым следует признать мнение, согласно которому омонимия – обычное явление и как таковое находит различное применение в языке.

Л. А. Булаховский отмечал: «Практически... омонимия не настолько опасна, как можно думать, исходя из общих соображений: слова живут в связной речи, в предложениях, и поэтому из контекста обыкновенно бывает ясно, как показывает опыт даже таких особенно обильных омонимами языков, как китайский или английский, какое именно значение имеет то или другое омонимное слово, и серьезно угрожающие пониманию случаи в практике языка возникают сравнительно редко» [Булаховский 1954:45]. «Практически язык обычно и не испытывает никаких неудобств от существования омонимов... Омонимы – это столь же естественное явление языка, как и полисемия» [Будагов 1958: 47–49]. По остроумному замечанию О. С. Ахмановой, омонимия не представляет собой «патологии», требующей «терапии» [Ахманова 1957: 101]. Э. Косериу, разделяя аналогичную точку зрения Боттильони, отмечал, что совпадение отдельных звуков «приводит к «смешению» слов, однако, это случается только в абстракции, потому что в конкретной действительности... слова различаются своими синтагматическими связями» [Косериу 1963: 227].

4.4. Паронимия

В отличие от омонимов, тождественных по звучанию слов, паронимами называются слова, близкие, но не тождественные по звучанию. В современной лингвистической литературе широко распространено два понимания паронимии.

1. В узком смысле это слова, имеющие сходство в морфологическом составе, а стало быть, и в звучании, но различающиеся по значению. Это однокоренные слова типа: экономный – экономичный, надеть – одеть, генеральный – генеральский и т. п.

2. В широком смысле это всякие слова, обнаруживающие лишь звуковое (даже случайное) сходство при отсутствии этимологических связей: *цаклуэ* – охотник, *щлакхуэ* – хромой, *щлакхуэ* – хлеб; *мэшинэ* – боится, *машинэ* – машина; *жэщыр хэклуэтац*, *мазэри хэклуэтац* – ночь поздняя, и луна исчезла; ср.: *аксакал* – саксаул и мн. др. На звуковом сходстве основываются различные любопытные явления «народной этимологии».

Вопрос о паронимах и связанных с ними явлениях паронимической аттракции, «ложной» или «народной» этимологии, в кабардино-черкесском языкознании почти не изучен, хотя эти явления далеко не чужды речевой практике современных кабардинцев и черкесов.

Терминами «ложная» или «народная» этимология, или «паронимическая аттракция», ученые называют такое явление в языке, когда «в сознании говорящего слово оказывается связанным с другими словами, которые как будто разъясняют его» [Марузо 1960: 349]. Слова с неясной внутренней формой, особенно заимствованные, чаще всего и подвержены «народной» этимологии. В качестве примеров можно привести Москва – Мэзкуу (якобы от *мэз* – лес и *куу* – глубокий); дезинфекция – уст. *дыжьынфекцэ* (якобы связано с каб.-черк. *дыжьын* – серебро); штукатурка (ср. народн. – *шекатурка*) – *шыкIэтур* (будто бы имеет отношение к каб.-черк. *шы* – лошадь + *кIэ* – хвост); зоотехник – уст. *зэуэтехныч* (будто бы от *зауэ* – война, военный + *техник*), комсомол – *кIапсэмол* (якобы от *кIапсэ* – веревка) и мн. др. (Ср. в русск. языке: *полуклиника* вм. *поликлиника*, *спинжак* вм. *пиджак*, детск. *улицонер* вм. *милиционер*; у Лескова: *клеветон* вм. *фельетон*, *мелкоскоп* вм. *микроскоп*, *долбица умножения* вм. *таблица умножения*, ресторан «Паганистан» вм. «Афганистан», *плакончик* вм. *флакончик*, *верояции* вм. *вариации*, *уединенция* вм. *аудиенция*...

Из данных примеров видно, что авторы «народных» этимологий не утруждают себя подробным разъяснением всех элементов слова, ограничиваясь мотивировкой какой-то части его.

Определенный интерес представляют случаи «народной» этимологии, возникающие при усвоении собственных имен, фамилий. По свидетельству предания [Ногмов 1947: 38], «в древности наш народ не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека», и поэтому адыги, подчеркивая свое уважение к византийскому императору Юстиниану, клялись... «юстиниановым столом или тронном. *Юстиниана* значит «юстинианов стол», *шот Юстюк* – «юстинианово седалище». Других данных об этом интересном факте Ногмов, к сожалению, не сообщает. Возникает, однако, вопрос: как это могло случиться, что древние адыги клялись «столом, тронном юстиниановыми»? И почему именно столом и тронном, а не душой или просто именем его, как это бывало и бывает? Перед нами, таким образом, необыкновенный случай из речевой практики адыгов, но тем не менее, нет никаких оснований не верить Ногмову. Какие для этого имеются доводы? Здесь, по всей вероятности, произошло следующее. Наши предки, естественно, не понимали внутренней формы имени «Юстиниан», и они его восприняли по-своему, а именно: *Юстин* и *Iэнэ* – стол Юстина. В результате же такого народно-этимологического осмысления (или паронимической аттракции) этого имени адыги стали клясться, вместо *ЮстинианкIэ солуэ* (клянусь Юстинианом), – *Юстин* и *IэнэкIэ солуэ*, то есть «клянусь столом Юстина». И нет ничего невозможного в том, что понятие *Iэнэ* – «стол» могло ассоциироваться с понятием *шэнт* – «трон, седалище», почему возникло и другое, приведенное Ногмовым, выражение: *шот Юстюк* «седалище Юстюка (Юстина)», употреблявшееся адыгами в качестве клятвенного слова. Сближение элемента «иан» (в «ЮстиниАН») со словом *Iэнэ*, с точки зрения адыгов, было настолько естественным, что даже Ногмову казалось: «*Юстиниана*: значит юстинианов стол». Трудно сказать, как сам Ногмов объяснял лингвистическую сторону этого факта. Из формы *Юстюк* ясно видно, что «народная» этимология пошла еще дальше: «Юстиниан» превращено сначала в *Юстин* и *Iэнэ*, а затем выделенное «Юстин» вновь расчленено как *Юст* + *кэуэ*, то есть «сын Юста». Так просто и общепонятно народ «разъяснил» себе все непонятное в имени «Юстиниан», а что касается оставшегося от него обломка, кусочка (Юст), то он, очевидно, уже не мог подвергнуться дальнейшему дроблению в языке наших предков, так как «анализ» слова, его расщепление были доведены до состояния немотивированного знака, каким обычно выступают односложные корни, весьма характерные для адыгских языков.

В речевой практике народа отдельные иноязычные имена и фамилии могут быть принорованы к фонетическим законам родного языка, к звуковому облику исконных слов, в результате чего возникают формы, сближенные с кабардино-черкесскими именами, названиями. Так, нами зафиксировано произношение некоторыми представителями старшего поколения кабардинцев и черкесов рус. Руслан как *Урыслан*, Петро – *ПэтIырэ*, Ким – *Чым*, Ильяшенко – *Лашынкъей*, рус. диал. Крикуноу – *КIуркIунау*, Хейфец – *ХьэфIыцIэ* и нек. др. Как свидетельствует история кабардино-русских

отношений, аналогичные явления имеют место и в русском языке, когда адыгские имена и фамилии у русских летописцев, писарей, переводчиков, переписчиков и т. п. подвергались «народной» этимологии, которой обязаны своим возникновением следующие превращения: каб. *Алхъо* (Альхов) преобразовано в «Хохлов», *Аслъэнбэч* (Асланбек) – в «Исламбек, Сланбек», *Къэрэщей* (Карашаев) – «Хорошаев», *Енхъуэт* (Енхотов) – в «Яхонтов», *Бэрэдж* (Березгов) – в «Березко», *Безрыкъуэ* (Безроков) – в «Безруко», *Къетыкъуэ* (Кетуков) – в «Котуков», *Къардэн* (Карданов) – в «Гордан, Гардан, Курдан, Курдал», *Ечкан* (Ечканов) – в «Очеканов, Отчеканов», *Абрэдж* (Абрегов) – в «Обреков», *Срыкъуэ* (Сруков) – в «Суркай, Церков, Цырков», *Хъуэтэ* (Хотов) – в «Хата», *Къанцауэ* (Каншаов) – в «Кашов, Ковшов», *Мудар* (Мударов) – в «Молдаров», *Жэнбэч* (Жанбеков) – в «Жданбек» и др. [КРО 1957. Т. 1: 431–465; Т. 2: 393–408].

Нет ничего невозможного в том предположении, что если бы в те далекие времена существовала кабардинская письменность, последняя дала бы или сохранила бы не менее удивительные по форме и значительные по количеству случаи истинно народной этимологии русских собственных имен.

От «народной» этимологии принципиально отличается другое, быть может, не заслуживающее особого внимания явление, связанное обычно с баловством в речи, с сознательным искажением норм правильного слово-употребления. Например: *аркъэголик* – алкоголик, *салам алейкум* – привет налейкум и др. Отдельные представители молодежи (чаще всего из среды учащейся, студенческой) иногда прибегают к коверканью слов не в силу непонятности их значений или норм употребления, а из речевого озорства – чтобы смешить слушателя. Ср. из школьного и студенческого жаргона: локомотив – *лъакъуэмэтив* (сближено с каб.-черк. *лъакъуэ* – нога), комильфо – *къамыл фо* (увязано с *къамыл* – тростник и *фо* – мед) и др. Такого рода намеренно испорченные слова, по-видимому, не могут быть безоговорочно отнесены к фактам общенародного языка, следовательно, и к проявлениям «народной» этимологии.

Мы здесь коснулись лишь основных линий связи между паронимией и паронимической аттракцией («народной» этимологией), которые, несомненно, заслуживают специального исследования как в лингвистическом, так и в литературоведческом аспектах.

4.5. Синонимия

В современной отечественной и зарубежной лингвистической литературе проблема синонимии остается в значительной мере спорной, а различные подходы к ней, по мнению К. С. Горбачевича, страдают односторонностью и субъективизмом. Неплодотворным оказался отвлеченно логический подход к синонимам, т. к. при этом лингвистическое описание подменялось анализом содержания самих понятий. Неубедительным оказался и критерий общности номинативного совпадения, что приводило к бесконечному раздвиганию синонимических гнезд. Таким образом, среди ученых до сих пор нет удовлетворительного решения данной проблемы, нет однозначного понимания самого главного постулата: тождество значений или близость значений слов лежит в основе синонимических отношений. Поэтому, считает К. С. Горбачевич, столь разноречивыми оказываются и предлагаемые классификации синонимов: идеографические и стилистические, однопредметные и разнопредметные, полные и неполные и т. д. [Горбачевич 2001: 6, 7].

Синонимия – тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем и т. д.) с точки зрения семасиологии. Ср. ономасиологическое понимание синонимии как общности номинации, т. е. способности разных языковых единиц обозначать одно и то же денотативное (предметное) содержание: *говорить, болтать, бормотать* обозначают акт говорения [РЯЭ 1997: 465].

Выше было отмечено, что в разработке синонимии, как и некоторых других лексико-семантических групп, в кабардино-черкесском и в целом в адыгском языкознании достигнуты определенные успехи, связанные прежде всего с именами Н. Ф. Яковлева, А. К. Шагирова и др. Составлены словари синонимов.

Одно из основных положений современной лингвистики, согласно которому язык

развивается не путем взрыва и быстрой смены, а путем постепенного накопления нового качества и медленного угасания старого качества, находит подтверждение в специфике обогащения синонимии языка, где наряду с древними словами часто параллельно существуют близкие с ними по семантике новые как исконные, так и заимствованные слова. С течением времени одни слова становятся более употребительными, которые иногда ограничивают и даже вытесняют старые.

О специфике обогащения языка синонимами, в частности под влиянием других языков см. в работах [Апажев 1963: 111, 122; 2000: 136–145].

Известно, что одним из важных аспектов синонимии является ее неразрывная связь с полисемией. В этом плане следует отметить, что в результате заимствования слов, близких по смыслу с исконными, некоторые из последних, максимально семантически насыщенные, постепенно утрачивают отдельные значения и тем самым ограничивается сфера их употребления, что, в свою очередь, влияет на дальнейшую судьбу полисемантического слова. «Вновь появившееся слово не могло не оказать влияния на близкое по значению слово, уже существовавшее в языке» [Будагов 1952: 75]. Так, слово *дзэху* в недавнем прошлом, по свидетельству Лопатинского, употреблялось в значениях: 1. олово 2. оловянный 3. жесь 4. жестяной 5. жестянка 6. относящийся к «жестянка» 7. кружка 6. относящийся к «кружка». В результате заимствования русского «кружка» последнее захватило соответствующие значения из семантики *дзэху*. Что же касается значений «жесь», «жестянка» и образованных от них прилагательных, то они передаются теперь словом *къэнжал* (жесь). Таким образом, под влиянием «кружка» и *къэнжал* полисемантизм *дзэху* постепенно разрушается, оно теряет одно за другим свои значения и уступает их заимствованиям.

А. И. Кузнецова [1963: 55] приводит слова А. Рудскогера: «Полисемия разрушительна, пагубна. Нечеткость, двусмысленность значений является причиной утраты значений в слове; полисемия ни в одном слове полностью не сохраняется, обычно часть значений утрачивается». В связи с этим, естественно, возникает вопрос: прогрессивно ли это явление – потеря исконным словом того или иного значения? Не является ли это утратой для языка в целом? Прежде всего следует учесть, что слово, исконное или заимствованное, теряя часть своей семантики, тут же приобретает весьма важные качества – точность и ясность его смысловых границ. Что же касается «потерянного» значения, то оно в действительности теряется лишь для данного слова, а не для языка в целом, так как оно сохраняется в другом, усвоенном слове. В языке не происходит таких изменений, вследствие которых образовались бы бесфункциональные пустоты. «С точки зрения системности в широком смысле слова можно сказать, что задолго до выпадения какого-либо элемента из системы в норме языка уже существуют те элементы, которые возьмут на себя функции выпавшего элемента... Изменения не наносят языку таких «повреждений», которые так или иначе не были бы исправлены заранее или для которых бы не существовала возможность исправления» [Косериу 1963: 228]. Одной из возможностей «исправления» «повреждений», производимых изменением в языковых системах, Э. Косериу считает длительное сосуществование старого и нового – «не только экстенсивно, но и интенсивно (в форме «вариантов» и «изофункциональных элементов» [Косериу 1963: 228]. Разрушение полисемантизма ряда кабардинских слов как в результате дальнейшего развития самого национального языка, так и под влиянием определенных заимствований нельзя считать потерей для языка в целом еще и потому, что усвоенные слова не пассивно хранятся в словаре, а активно функционируют в речевой практике народа, вступая в разнообразие семантические, словообразовательные, фразеологические и иные связи и отношения с исконными, участвуя в создании или в обогащении различных лексико-семантических микросистем – синонимов, антонимов, омонимов, паронимов и их разновидностей. Особенно заметно расширение состава такой важной области лексики кабардино-черкесского языка, как синонимика. В настоящее время наблюдаются многочисленные синонимические группы, обогащенные, а нередко и заново образованные за счет исконных, русских и других слов. Например:

хабзэ – закон	псалъэ – предложенэ (общ.-полит.)
мыжурэ – штык	махуэшхуэ – праздник
къалэ – город	пщыхъэщхъэ – вечер
щыхъэр – столица	хъэщлэщ – гостиница

тезыр – штраф	бжыхьэкIапэ – карниз
къат – этаж	письмоульэ – конверт
шайефапIэ – чайнэ	письмо – сэлам тхылъ
мышъур – печать	щхьэфIэпхыкI – плэтоку
еджапIэ – школ	егъэджапIуэ – учитель

десятки и сотни других [см. Апажев 2000: 141–143].

Синонимика кабардино-черкесского языка расширилась и за счет таких заимствований, которые представляют собой различные формы речевого этикета, как приветствие, пожелание, обращение и т. п., довольно широко употребляющиеся в устной речи современными кабардинцами и черкесами (ср.: *здравствуй, привет, с приездом, спасибо, пожалуйста, до свиданья, поздравляю, доброе утро (день, вечер), спокойной ночи, приятного аппетита* и т. п.; *мама, папа, бабушка, дедушка, дядя, тетя*). Последние могут употребляться и как обычные лексические единицы. Ср.: *Ар си мамэц (папэц, бабушкэц, дедушкэц...)* – Это моя мама (папа, бабушка, дедушка...). Заслуживает внимания и такое явление, когда русские слова употребляются (опять-таки в устной речи пожилых людей) в паре с их кабардино-черкесскими соответствиями. Например: *къэп – мэшоку, лъэпэд – нэскIий, маслэ – дагъэ, пэлъэцI – бэлътоку, плэтоку – щхьэфIэпхыкI, нэган – кIэ-рахъуэ, уэздыгъэ – лампI* и др. Таким же путем возникло и *пэшхэку*, исторически разлагаемое на *пэш* (из русск. «печь», которое в результате переноса семантики приобрело значение «комната») и кабардино-черкесское *хэку* – «печка». Такого рода факты нельзя отождествлять с парными «сочетаниями», вторая часть которых бессмысленна: *стIол-бжьэл, къэрэндац-мэрэндац, джэд-бжьэд* и т. п., как и в русском языке: *деньги-меньги, харчи-марчи, куклы-муклы* и т. п. Правда, такие бессмысленные элементы могут приобрести определенные реальные значения в специально сочиненных шутках, анекдотах, художественных произведениях. Поскольку подлинными синонимами обычно могут быть не одинаковые, а близкие по значению слова, то они почти всегда различаются между собой или семантикой, или эмоционально-экспрессивной окраской, или стилистической принадлежностью, или употребляемостью, или, наконец, валентностными способностями. Среди них довольно редки лексические дубликаты – абсолютные синонимы, которые можно назвать омосемией. По мнению Н. М. Шанского [1972: 52], «существование их в языке ничем не оправдано и представляет собой явление переходное», что, в конечном счете, должно привести если не к исчезновению, то к дифференциации их функций.

В исконной и заимствованной лексике кабардино-черкесского языка наблюдаются, кроме синонимов в собственном смысле слова, также различные их разновидности. Мы имеем в виду используемые в устной речи, нередко и в письменной речи слова эвфемистического характера, употребляемые во избежание грубого или иного неприятного оттенка отдельных лексических единиц, когда говорящий не желает пользоваться прямыми названиями некоторых явлений, вещей, предметов, представляющими неудобство в данной ситуации или контексте. Известно, что наиболее подходящими альтернативными формами для смягчения и замены грубых слов и выражений часто оказываются заимствования в силу того, что морфологический состав, а нередко и сама семантика их, или внутренняя форма, недостаточно понятны носителям заимствующего языка. Разумеется, это не означает, что иноязычные эвфемизмы в строго научном, этимологическом смысле мягче, нежнее исконных, но говорящий коллектив воспринимает их именно как более приличные, удобные, благопристойные ввиду непрозрачности их внутренней формы. Например: *акушерка* вм. *фызгъалъхуэ*, *роддом* вм. *лъхуэц* или *лъхуапIэ унэ*, *запор* вм. *зэкIуэцIына*, *простуд* вм. *пэкъиж* или *пыхуыху*, *понос* вм. *ныбажэ* и др.

От эвфемизма отграничивают табу – «запрет на употребление определенных слов» по социально-политическим, историческим, культурным, религиозным, этическим или эмоциональным соображениям [Варбот 1979: 345]. Поскольку табу вынуждало людей создавать особые слова либо употреблять известные в необычном значении, то в роли таких слов могли выступать и исконные, и заимствованные. Так, замужние кабардинки и черкешенки в прошлом не могли себе позволить произносить имя мужа, равно как имена его родителей, братьев и некоторых других близких родственников преимущественно старшего поколения мужского пола. Это, понятно, вызывало известные неудобства в

речевой практике. Особенно серьезные осложнения возникали в тех случаях, когда именами родственников мужа оказывались слова, омонимичные с обычными лексическими единицами из активного запаса. Так, нам доподлинно известен случай, когда вся «пришлая» женская часть одного большого рода (клана) в сел. Шалушка (КБР) вынуждена была выбросить на долгое время из своего лексикона такие необходимые слова, как *къарэ* – карий, черный, вороной: *фЫцІэ* – черный, смуглый, темный и *фЫцІэжэ* – пренебреж. черный, чернявый; пика (масть игральных карт). Причина столь необычного наказания женщин состояла как раз в том, что двоим из мужчин в свое время так неосторожно дали имена *ФЫцІэжэ* и *Къарэ*, поневоле наложившие строжайший запрет на ряд жизненно важных слов. Но, к счастью тех женщин, в кабардино-черкесском языке был еще один, хотя и неравноценный, синоним. Это *кЫфІ* – темный, которое, как фразеологически связанное, употребляется в общенародной речи лишь со словом *жэщ* – ночь. Забавно было со стороны слушать, когда говорили эти женщины: прилагательное *кЫфІ* они сочетали со словами *къэрэндащ* – карандаш, *щІалэ* – парень, *шы* – лошадь, *хъэ* – собака, *лъэпэд* – носки, чулки, *щэкІ* – ткань, *Іуданэ* – нитка, *щхъэц* – волосы... то есть со всеми на свете словами, выражающими явления, понятия, вещи, которые могли быть темными, черными, вороными, смуглыми, карими. Если перевести на русский язык те выражения, которые создавались при этом, получится примерно следующее: смуглое платье, карая ночь, вороные глаза, карие чулки, смуглый жеребец, вороной карандаш и т. п. Со смертью старших запрет с этих слов был снят, однако пожилые женщины до сих пор не могут избавиться от прежней привычки.

Следует упомянуть еще об одном традиционном явлении. В присутствии других кабардинки и черкешенки в прошлом не могли произносить *силІ* – мой муж, поэтому о муже говорили: *езыр* – сам, *мыр* – этот, *мор* – тот, *щхъэгъусэ* – супруг и др. В свою очередь, мужчины – кабардинцы и черкесы – тоже не называли своих жен по имени или *си фЫз* – моя жена, выражаясь словами: *езыр*, *мыр*, *мор*, *щхъэгъусэ*, *унэгуащэ* – домохозяйка и т. п. Это обстоятельство, несомненно, способствовало заимствованию слов «хозяин» и «хозяйка», произносимых пожилыми людьми как *хозян*, *хозянкІэ*.

Как свидетельствуют данные языка, чаще всего табуированию подвергались названия болезней, произнесение которых, по мнению суеверных, могло бы вызвать сами болезни. С этим связано нежелание отдельных представителей старшего поколения употреблять слова *тало*, *емынэ*, *жъэн*, *хуабэуз* и т. п., о которых говорят завуалированно, намеками или же русскими заимствованиями: *холера*, *чума*, *тиф*, *чахотка*, *туберкулез*. Табуированию подвергались также в прошлом названия некоторых природных, стихийных явлений.

Лексическим единицам, употребляемым для смягчения грубого непристойного их оттенка, диаметрально противоположны слова какофемистического характера. Наряду с исконными здесь мы имеем также немало заимствований из русского языка: *дурак*, *босаяк*, *черт*, *подлец*, *псих*, *сумэшэш* (сумасшедший), *хулиган*, *сволочь*, *подхалим*, *болван* и другие, довольно часто употребляющиеся для большей язвительности, усиления выразительности в устной речи кабардинцев и черкесов.

Приведенные факты достаточно убедительно говорят, что синонимы представляют собой определенную микросистему в словарном составе языка, которая благодаря социально-экономическим и культурным преобразованиям, а также мощному влиянию русского языка заметно обогатилась и получила дальнейшее свое развитие в кабардино-черкесском языке.

4.6. Антонимия

Антонимы – лексико-семантическая группа, объединенная противоположностью значений. Сюда включаются слова, обозначающие обычно качества в широком смысле слова, традиционно называемые антонимами, а также случаи энантиосемии. Антонимия – важное и довольно часто проявляющееся свидетельство системности лексики. Один из основоположников системного подхода к исследованию семантики М. М. Покровский [1959: 82] не раз отмечал, что слова живут не изолированно, а объединяются в различные

группы, «причем основанием для группировки служат сходство или прямая противоположность по основному значению». По мнению Ш. Балли, антонимия – естественное явление, неразрывно связанное с природной склонностью человека. Хотя научное изучение антонимии началось сравнительно недавно, в ее исследовании достигнуты значительные успехи как у нас, так и за рубежом, о чем свидетельствует появление в последнее время ряда крупных монографий и лексикографических работ, принадлежащих перу Л. А. Новикова (1973), Л. А. Введенской (1971), Н. П. Колесникова (1972), Ю. Д. Апресяна (1974), М. Р. Львова (1978; 1984), В. А. Ивановой (1982) и др.

Слова языка оказываются более или менее тесно связанными не только на основании их ассоциативной связи по сходству формы, функции или смежности как разные значения полисемантического слова, но и на основании сходства их противоположности как антонимы (*дахэ* – красивый: *лей* – безобразный; *л̄агэ* – высокий: *л̄ах̄шэ* – низкий и т. п.). Нельзя не согласиться с Л. А. Новиковым [1984: 6], утверждающим, что антонимия является одной из важнейших лингвистических универсалий, одним из существенных измерений лексико-семантической системы различных языков мира. О системности лексики свидетельствует не только взаимосвязанность антонимических единиц, но и связь последних с целым рядом иных категорий лексических единиц, в частности с синонимами и омонимами. Отсюда понятно, почему антонимия довольно часто находит отражение в словарях синонимов. Немало примеров подтверждения этого положения мы найдем в дореволюционном словаре Н. Абрамова (1900), новых, академическом двухтомном (1970–1971) и словаре-справочнике синонимов (1975).

Впервые антонимы в кабардино-черкесском языке в научном плане описаны Н. Ф. Яковлевым [1948: 130–131].

Традиционно антонимы рассматриваются с точки зрения структурной, семантической и функционально-деривационной классификации. В работе А. К. Шагирова дана структурная классификация, в которой выделяются две группы; 1. Антонимы, в структуре которых нет общих элементов (*пэж* – правда: *пц̄лы* – ложь; *махуэ* – день: *жэщ* – ночь и т. п.); 2. Антонимы, в структуре которых есть общие корневые или словообразовательные элементы (*л̄агэ* – высокий: *л̄ах̄шэ* – низкий; *к̄ыхь* – длинный: *к̄эш̄л* – короткий и т. п.) [Шагиров 1962: 45].

Необходимо подчеркнуть, что слова типа *пэ* – «начало» и «конец», *щх̄э* – «верх» и «низ» и т. п. не были подвергнуты дальнейшему исследованию, хотя и представляют такое важное явление, как поляризация значений, названная впоследствии в специальной литературе энантиосемией. Правда, это явление давно замечено и лингвистами, и философами. В предисловии к «Науке логики» Гегель [1970. Т. 1; 82] писал, что многие слова «обладают не только различными, но и противоположными значениями», и ссылаясь на явление энантиосемии. В числе первых в русистике, как известно, об этом явлении языка писал еще в 1884 г. В. Шерцль [1973: 259–264]. В русском языке мы имеем: «Солнце жжет кожу» и «Мороз жжет лицо»; в каб.-черк. языке: *Маф̄лэм (дыг̄эм) сес* – Огонь (солнце) жжет меня; *Щы̄лэм (уа̄ем) сес* – Холод (мороз) жжет меня. Ср. также: *уасэншэ* – бесценный и *уасэ ил̄эк̄ым* – не имеет цены, которые могут быть поняты в противоположных значениях.

В кабардино-черкесском, как, впрочем, и других языках, антонимия встречается реже, чем, например, синонимия. Тем более примечательно, что эта лексико-семантическая система кабардино-черкесского языка получила заметное пополнение и развитие за годы советской власти, что связано как с внутривидовыми изменениями самого языка, так и в немалой степени с влиянием русского языка. Поскольку антонимами могут быть только слова, обладающие контрастными значениями и при этом объединенные одним общим понятием, то возникновение или заимствование одного из моносемантических членов антонимической пары, как можно судить по нашим наблюдениям, встречается редко. Иначе говоря, как правило, антонимичные пары появляются почти одновременно. Или же если заимствуется какое-нибудь терминологическое слово, обычно усваивается и другое, противоположное ему. Во всяком случае, такой вывод напрашивается при рассмотрении вновь появившихся в кабардино-черкесском языке антонимов. Например: *стих*: *прозэ*, *революцэ*: *контрреволюцэ*, *общэ*: *частнэ*, *левэ*: *правэ*, *краснэ*: *белэ* (общ.-полит.) и др.

Приведенные антонимы в основном однозначны, поэтому, естественно, они покрывают друг друга почти во всех контекстах. Но если заимствуются полисемантические слова, картина заметно меняется.

В специальной литературе не раз отмечалось, что для правильного выбора антонимов необходим «учет разветвления принадлежащих слову значений» [Булаховский 1954: 44]. В этом плане интересна специфика употребления слова «простой», полисемантизм которого притягивает к себе множество антонимов и синонимов. В устной речи кабардинцев и черкесов довольно большое распространение имеют следующие антонимические ряды, образуемые противоположными понятиями «простой: сложный»:

- 1) *простой: сложнэ* (о предложении),
- 2) *простой: зэхэлъ* – сложный (о телах, веществах),
- 3) *простой: химическэ* (о карандаше),
- 4) *простой: гугъу* – трудный (о задаче, деле),
- 5) *простой: гъэщIэрэщIа* – нарядный (об одежде),
- 6) *простой: лъапIэ, дэгъуэ, фIы* – качественный (о ткани),
- 7) *простой: пагэ* – гордый (о человеке),
- 8) *простой: фэрыщI, тэфэтелэ* – поддельный, притворный (о человеке),
- 9) *простой: унафэщI, къулыкъуэщIэ* (просторечн.) – высокопоставленный (о человеке),
- 10) *простой: хабзэщIэкъу, нэмысщIэкъу* – церемонный (о человеке),
- 11) *простой: уэркъ* (устар.) – дворянский, привилегированный (устар. о человеке, классе).

Кроме отмеченных, при обозначении почтовых отправок слово «простой» может иметь еще несколько антонимов:

- 12) *простой: заказной* (о письме),
- 13) *простой: ценнэ* (о письме, бандероли),
- 14) *простой: авиа* (о почте и ее скорости).

Действительная жизнь этого слова в устном кабардинском языке, быть может, несколько иная и отличается еще большей сложностью, но достаточно и приведенных примеров, чтобы представить себе роль и место его в заимствовавшем языке.

В письменном языке, который еще не принял приведенных выше антонимических рядов, можно наблюдать следующую картину функционирования (поведения) *къызэрыкIуэ* – простой:

- 1) *къызэрыкIуэ: зэхэлъ ** (о предложении),
- 2) *къызэрыкIуэ, зы закъуэу щыт: куэдэ зэхэлъ* (о телах, веществах),
- 3) *простой: химическэ* (о карандаше),
- 4) *къызэрыкIуэ, тынш, къызэрыгуэщI: гугъу, зэхэщIыкIыгуэуей ** (о задаче),
- 5) *къызэрыгуэщI, къызэрыкIуэ: гъэщIэрэщIа* (об одежде),
- 6) *къызэрыкIуэ: флагъ зыхэлъ ** (о ткани),
- 7) *къызэрыгуэщI: пагэ* (о человеке),
- 8) *къызэрыкIуэ: фэрыщI, тэфэтелэ* (о человеке),
- 9) *къызэрыгуэщI: унафэ зыбгъэдэлъ, жэуаптакIуэу щыт* (о человеке),
- 10) *къызэрыкIуэ, къызэрыгуэщI: хабзэщIэкъу, нэмысщIэкъу ** (о человеке),
- 11) *къызэрыкIуэ, къызэрыгуэщI: уэркъ*, ср. также: *бей, къулей* (о человеке),
- 12) *къызэрыкIуэ, къызэрыгуэщI: заказной ** (о письме),
- 13) *къызэрыкIуэ, къызэрыгуэщI: уасэ щхъэхуэ зыщIата* (о письме),
- 14) *къызэрыгуэщI, къызэрыкIуэ: кхъухълъатэ пощту ** (о почте, ее скорости).

Из данных примеров видно, что более щепетильный и, в известном смысле, консервативный письменный язык проявляет тенденцию к передаче почти всех контекстуальных значений «простой» словами *къызэрыкIуэ, къызэрыгуэщI*, тогда как более восприимчивый и чувствительный устный язык не придает столь важного значения этим двум синонимам, почему и последние не замещают всех лексико-семантических вариантов русского «простой». С точки зрения удобства (экономичности, лаконичности) известное преимущество обнаруживают первые ряды, что и обуславливает их распространение в устном языке. Но легко заметить, что и устный, и письменный виды языка, по существу, имеют дело с одним и тем же объектом (по-разному воспринимаемым и отражаемым ими) – влиянием русского языка: если первый прямо, так сказать, берет быка за рога, непосредственно заимствуя русское слово «простой», то второй делает то же

самое, но косвенно, через семантическое калькирование.

Мы, разумеется, далеки от мысли считать приведенную картину единственно возможной в современном кабардино-черкесском языке, где происходит весьма сложный процесс переплетения и смешения лексико-семантических, лексико-стилистических и других особенностей двух языков – влияющего, русского, и поглощаемого, кабардино-черкесского.

В дореволюционном кабардино-черкесском языке встречается очень мало заимствований-антонимов. Несмотря на многовековую и довольно разностороннюю связь кабардинцев и черкесов с русскими, при отсутствии письменности это не могло привести к глубоким языковым контактам, условия для которых создаются только в начале 20-х гг. XX в. благодаря появлению национальной письменности и возможности массового изучения и тесного приобщения кабардинцев и черкесов к языку и культуре русского народа. Следовательно, более серьезное обогащение антонимии языка за счет русских заимствований начинается в письменный период развития кабардино-черкесского языка. Интересны в этом плане случаи употребления некоторых заимствований. Так, слово «мир» (тишина) не является литературным заимствованием, но трудно найти теперь кабардинца или черкеса, которые не знали бы этого слова. Сплошь и рядом слышишь от стариков во время торжеств, провозглашения здравий или выражения какого-нибудь пожелания: *Дунеыр миру щрет, зауэ щремылэ* – Пусть на земле будет мир, да войны не будет. Здесь «мир – зауэ» – типичный антонимический ряд. Ср. также: *Фейдэ уимылэм – убиткэр хъзырщ* – Коли нет прибыли – убыток тут как тут. В письменном языке употребляется слово *крупнэ* в составе некоторых сочетаний, например, *крупнэ буржуазие*, тогда как «мелкий» переводится словом *жъгъей*, например, *буржуазие жъгъей* (мелкая буржуазия), чем создается антонимический ряд – *крупнэ: жъгъей*. Нам представляется несколько нелогичным подход переводчиков, разрывающих антонимический ряд *пlащэ: жъгъей* – крупный: мелкий. Почему нельзя говорить: *буржуазие пlащэ*? Это вполне вписывается в общую картину языка, где имеем: *шэпхъ пlащэ* – крупная дробь, *бдзэжъей пlащэ* – крупная рыба, *кхъуэпlащэ* – кабан дикий и мн. др. Еще один пример. Довольно часто в речи старшего поколения используется выражение *старэ рэжим* (старый режим), но нет его антонима *новэ рэжим*. В данном случае эту роль выполняло сочетание *советскэ власть*, или просто *власть*, или же *советскэ*. Как антоним выражения *старэ рэжим* может выступать исконное *иджы* (теперь).

Современное развитие кабардино-черкесского языка свидетельствует о том, что, наряду с постоянным ростом числа таких гибридных образований (типа *мир: зауэ; крупнэ: жъгъей*), действует другая, противоположная тенденция, ведущая к разрушению генетически разных рядов и созданию антонимов генетически однородных. Так, современная молодежь, с одной стороны, соединяет такие слова, как *нарочнэу: случайнэу, крупнэ: мелкэ* и т. п., но, с другой стороны, разъединяет антонимы *мир: зауэ, старэ рэжим: иджы*, предпочитая им пары – *мамырыгъэ: зауэ, пасэ зэманым: иджы* и т. п. Вопрос о том, какой из двух этих тенденций принадлежит будущее, может быть решен лишь при специальном исследовании. Однако, исходя из имеющихся фактов, можно предположить, что гибридные антонимические ряды, число которых, по-видимому, все еще будет увеличиваться и в дальнейшем, не разовьются до такой степени, чтобы соперничать по количеству с однородными образованиями, широко используемыми современными кабардинцами и черкесами. Что же касается генетического состава основной массы антонимов, то, естественно, она преимущественно состоит из исконного материала.

4.7. Семантическое поле

Семантическое поле как лингвистический термин употребляется в двух значениях: «1. Частица (кусочек) действительности, выделяемая в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы (Семантическое поле радости. Семантическое поле времени). 2. Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область знаний (слова, относящиеся в данном языке к одному из семантических полей (в первом значении),

например, к полю времени – час, продолжительность, скоро и т. п.» [Ахманова 1966: 334]. Вопрос о семантическом поле является одним из дискуссионных в современной отечественной и зарубежной лингвистике. Довольно часто семантическое поле приравнивается к лексико-тематической группе слов. Именно так рассматривается оно в одном из наиболее известных учебных пособий по общему языкознанию, где читаем: «Тематические группы слов, или семантические поля, образуются из лексем, связанных между собой по значению на основании какой-либо общности тех экстралингвистических реалий, которые обозначены этими словами» [Плотников 1983: 190].

Существуют и другие точки зрения на «семантические поля», изложенные в большом количестве работ, авторы которых претендуют на то, что их подход является полевым, «однако для многих из них характерно отсутствие аргументов, почему данный подход следует считать полевым и почему несколько недоказываемых утверждений авторы рассматривают как теорию поля» [Щур 1974: 19]. В литературе известно множество терминов с компонентом «поле», при этом понять, что вкладывается в этот термин, можно лишь эмпирически.

Проблемы теории поля довольно обстоятельно рассмотрены в исследовании Г. С. Щура (1974) и в целом ряде работ других авторов, однако, на наш взгляд, наиболее полно и научно аргументированно теория поля проанализирована в труде Ю. Н. Караулова (1976), учитывающем, пожалуй, все, чем располагает современная отечественная и зарубежная лексикология и теоретическая лексикография по данной проблеме. Благодаря данному труду и последовавшим за ним работам Ю. Н. Караулова удалось создать впервые в отечественной лексикографии семантический словарь русского языка общим объемом около 10 000 лексических единиц, распределенных с помощью ЭВМ по 1600 понятийно-тематическим группам. Это издание представляет собой первую часть задуманного лексикографического предприятия (от понятия к слову), за которой должна последовать часть вторая (от слова к понятию) [Караулов и др. 1983]. Тем самым сделан первый реальный шаг к созданию русского идеографического словаря с полным охватом тем-понятий всех сфер жизни и всей совокупности лексико-тематических групп современного русского литературного языка. Такой словарь, несомненно, мог бы стать ценным практическим пособием как для русских, так и нерусских читателей и, что еще весьма важно, образцом для создания на национальных языках аналогичных – семантических, тематических, идеографических – словарей [Апажев 2005].

4.8. Ассоциативное поле

Ассоциативное поле – лексико-семантическая группа, объединенная ассоциативными отношениями. «Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» [Соссюр 1977: 158]. Ассоциативное поле – «совокупность ассоциативных представлений, так или иначе связанных с данным словом» [Ахманова 1966: 334]. Разграничение ассоциативных, семантических и других полей как определенных лексических микросистем или группировок слов, основанных на разных принципах и отражающих различные свойства лексического состава языка, проводилось целым рядом исследователей, однако все еще остается много неясного, продолжает иметь место терминологическая путаница, смешение ассоциативного поля с ассоциативной группой и т. п. Между тем, по образному выражению Ю. Н. Караулова, «ассоциативная группа – это еще сырье для построения поля, причем «отходы» значительно превышают сам продукт» [Караулов 1976: 164]. Ввиду того, что «ассоциативное поле» приобрело широкое значение и применение, а нередко и произвольное толкование, Г. С. Щур вполне логично считал необходимым дифференцированный подход к ассоциациям и установление их типов, а также разграничение значений термина «ассоциация» в смысле «объединение» (группировка слов), и «ассоциирование», когда речь идет о психических ассоциациях. При этом он отмечал: «По-видимому, целесообразно способ объединения в группы элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами или характеристиками, с точки зрения отражения их в создании индивидуума, обозначать термином «онтологические ассоциации». Последние, по мнению автора, «лишь отражают определенные объективные

принципы, лежащие в основе тех или иных группировок элементов» [Щур 1974: 88].

Изучение лексических ассоциаций, восходящее еще к Аристотелю, наиболее популярным становится в связи с ассоциативным экспериментом, который провели Г. Кент и А. Розанов (1910) над 1000 информантов с нормальной психикой. Начиная с этого времени список слов-стимулов, составленный этими учеными, кладется в основу аналогичных списков других исследователей, изучающих природу психических ассоциаций и рассматривающих лексические ассоциации как показатель лингвистического развития и формирования понятий у испытуемых. Данный подход дает возможность обнаружить зависимость лексических ассоциаций от разного рода факторов, таких, как возрастной, половой, географический [Щур 1974: 88], а также национальный, социальный, классовый, политический и т. п.

Разъясняя термин «поле» прежде всего как обширность и аттракцию (тяготение друг к другу) абстрактных семантических элементов, Н. П. Денисов верно подметил, что «не слова входят в семантическое поле, а лексико-семантический вариант» [Денисов 1980: 125].

Возможность слова одновременно входить в несколько разных ассоциативных и других лексических групп определяется его многозначностью, а также тем, что слова обозначают предметы, которые могут использоваться человеком в самых разнообразных функциях. Лексическое значение слова определяется с внутрилингвистической точки зрения не только его сочитаемотными связями с другими словами или такими парадигматическими связями, как синонимические, антонимические, тематические, но многообразными ассоциативными связями, возникающими в сознании человека при восприятии того или иного слова [Балли 1961: 89].

Являясь разновидностью семантических связей между словами, ассоциативные связи могут включать в себя самые разнородные по характеру семантические отношения, то есть такие отношения, как сочетаемотные, синонимические, антонимические, тематические и другие, что убедительно подтверждается богатым материалом «Словаря ассоциативных норм русского языка» (1977). Аналогичная картина отражена в работе Л. Н. Титовой (1975) и М. Х. Манликовой (1989). Сходные результаты дали и наши наблюдения в 1969–2005 гг. над лингвистическим развитием студентов кабардинской, балкарской, русской и других национальностей в Кабардино-Балкарском государственном университете, а также студентов Чехословакии (г. Нитра), Кубы (г. Сантьяго-де-Куба), Финляндии (г. Ювяскюля) и анализ их реакций на предложенные слова-сигналы, взятые из русского и родных языков.

Как видим, в лексическую группировку, основанную на ассоциативных отношениях, входят слова, между которыми наблюдаются разнородные семантические связи, то есть ассоциативная группа является группой с пересекающимися семантическими связями между словами в отличие от непересекающихся группировок слов, образующихся на основании семантической связи между словами по их основному значению [Плотников 1983: 206, 207].

Естественно, встает вопрос: в чем различие между терминами «ассоциативное поле», «семантическое поле», «лексико-тематическая группа»?

Лексико-тематическая группа – это такая группировка лексических единиц, в которой (несмотря на многочисленность ее состава) представлены слова одной определенной темы (явления действительности) и обычно одной части речи (ср. рассмотренные нами выше такие лексико-тематические группы, как соматическая лексика, цветообозначающая лексика, термины родства, лексика фауны, флоры и др. в кабардино-черкесском и русском языках).

Семантическое поле в отличие от лексико-тематической группы, по-видимому, может включать слова разных частей речи (ср.: *лечение, больница, врач, лекарство, укол, лечить, медсестра, оперировать, рецепт, наркоз* и т. п.; семантическое поле времени: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда, продолжительность, длительность, рано, поздно, недавно...*) Сказанное подтверждается и схемой Ю. Н. Караулова [1976: 208, 209].

Ассоциативное поле включает в себя не только слова разных частей речи, как семантическое поле, но и вообще всякие слова, так или иначе ассоциируемые с тем или иным словом-стимулом или сигналом. Например: *лечение, врач, больница, поликлиника, халат, мама, сестра, дядя, боль, зуб, коренной, удалить, вставить, вставной, молочный,*

золотой, пломбировать, протезировать, ампутировать и т. д. и т. п. Если тематические группы и семантические поля имеют какие-то определенные границы, то есть пределы, ограниченные темой или семантикой, общей для группы, то ассоциативное поле таких ограничений не имеет не только ввиду довольно большого разнообразия участников ассоциативного эксперимента или вообще членов данного коллектива, но и бесконечности, практической неисчерпаемости самих ассоциативных связей. Таким образом, несмотря на наличие определенных общеизвестных психологических закономерностей, пути и способы многих ассоциативных связей предугадать невозможно, как, выражаясь библейским языком, неисповедимы пути Господни.

Мы здесь не касаемся других терминов теории поля, как, например, понятийное поле, символическое поле, концептуальное поле и др.

В заключение хотелось бы отметить, что в специальной литературе еще до конца не выяснена природа самого поля и его отношение к таким фундаментальным терминам, как «система» и «структура». Синонимическое употребление «система» и «поле» является, как отмечает Г. С. Щур, почти регулярным, кроме того, обе эти категории иногда трактуются как структура. Конечно, то, что принято обозначать термином «поле», можно обозначить терминами «система» или «структура» и наоборот, но, по-видимому, нельзя эти обозначения ставить в зависимость от того, какой из терминов кажется более научным или благозвучным в данной ситуации [Щур 1974: 156]. Однако главное, как нам представляется, даже не в том, чтобы не смешивать термины, а в том, чтобы не смешивать сами понятия, ибо, по утверждению Фрэнсиса Бэкона, «истина может возникнуть скорее из ошибки, нежели из смешения понятий» [Косериу 1963: 155].

4.9. Лексико-фразеологическая группа

В данном разделе речь пойдет о словах, фразеологически связанных, объединенных общим, стержневым словом и образующих определенную микросистему. Хотя фразеология в общем словарном составе образует собственную подсистему, однако она не отгорожена китайской стеной от всей лексической системы, ибо каждая фразеологическая единица является членом либо антонимической группы, либо синонимического блока, а следовательно, неизбежно включается в сферу определенного семантического поля и вступает в ассоциативные отношения с определенными лексическими единицами. Рассматривать подробно фразеологию кабардино-черкесского языка здесь, по-видимому, нет необходимости, поскольку она исследована в работе Б. М. Карданова (1973). Для целей и задач нашей работы считаем важным лишь отметить, что фразеология, несмотря на всю автономность своей системы или подсистемы, находится в цепких руках парадигматики и синтагматики. Наличие среди стереотипных ассоциаций слова различных пословиц, поговорок, крылатых выражений, идиом, что экспериментально доказано в психолингвистике, свидетельствует о том, что афористический материал языка тоже выстраивается в определенную, тесно связанную с лексикой систему, хотя эта система, безусловно, отличается рядом недостаточно еще выясненных особенностей. Во время наших занятий по проведению так называемого свободного ассоциативного эксперимента, а также в многочисленных ассоциативных экспериментах, организованных рядом исследователей, данные о которых публиковались в печати, было замечено, что участники экспериментов на предложенные в качестве сигналов лексические единицы давали не только одиночные слова, но и фразеологические обороты различных типов. Это свидетельствует как о тесной и неразрывной связи фразеологии с лексикой, так и о том, что в сознании говорящих фразеологические единицы включаются в лексическую систему языка. Вполне естественно и логично, что мировая лексикография в лучших своих образцах (а такими являются обычно крупные национальные толковые словари) обильно репрезентирует и афористический материал соответствующих языков. Можно вспомнить, что В. И. Даль, представил в своем Толковом словаре сверх 200 000 слов еще более 30 000 пословиц и поговорок, народных примет и других единиц русского афористического материала. В ТСУ, МАС, СО, СОШ, БТС зарегистрировано огромное число фразеологизмов. По подсчету А. М. Бабкина, количество подобных единиц в БАС превышает более 25 000. Аналогичная картина и в других национальных толковых словарях, например, Франции,

Испании, Германии, Англии и др.

Таким образом, хотя нередко фразеология рассматривается учеными для удобства изучения как самостоятельный объект языка с соответствующим разделом лингвистики, трудно ее практически отделить от лексикологии и ее объекта – лексики.

Ниже приводим фразеологические единицы кабардино-черкесского языка которые назывались участниками ассоциативного эксперимента в качестве ответа на предложенные нами слова-сигналы *дахэ* – красивый: *тхьэлхухуд нэ закъуэ, узримыгъэплъу дахэ; шлэ* – новый: *мастэнэм къызэрыпачауэ; ещхь* – похожий: *къепсри къилъэтыжауэ; куэд* – много: *хъэмгъунэтенэжщ, куэдщ; анэ* – мать: *анэ бгъафэ, янэ еплъи ипхъу къашэ, анэ быдзышэ; щхъэ* – голова: *щхъэм имытым лъакъуэм и мыгъуагъэщ, щхъэр псэумэ пылэ щыщлэркъым; адыгэ* – самоназвание кабардинцев, черкесов, адыгейцев: *адыгэ фащэ, адыгэ нэмыс, адыгэ хабзэ, адыгэ мыгъуэ-шыгъурэ плагтэрэ* и мн. др.

Афористический материал не чужд даже двуязычным русско-кабардинским и кабардинско-русским словарям как дореволюционного, так и советского периода. Примечательно в этом плане, что в названном нами выше «Кабардинско-венгерско-латинском словаре» Балинта регистрируется целый ряд афоризмов, пословиц, поговорок. Например: *Къуэфлым адэ шлэин ухуэмылгыхъуэ; Адакъэшлэрэ хушлэ плагтэрэ. Мыщэр зыщышынэр зэшитл зэгурылуэрэ дзитл зылут къамэрэщ* и др. [Balint 1904: 4–610; Апажев 1992]. Довольно обстоятельный библиографический обзор словарей, учебников и других изданий, в которых в той или иной степени отражен афористический материал Кабардино-Балкарии, дан в статье С. Д. Мастепанова, опубликованной в известном финском журнале «Proverbium», выходившем в Хельсинки в 1965–1974 гг. [Мастепанов 1969: 312–318].

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну особенность кабардино-черкесского языка, связанную с фразеологией. Известно, что в целом ряде языков синтаксические единицы могут быть выражены не только обычными для синтаксиса средствами, как словосочетание и предложение, но и отдельными словами, цельнооформленными единицами. Так, например, в кабардино-черкесском языке: а) *шитл* – две лошади, *вих* – шесть волов, *тхылъибл* – семь книг... б) *сив* – мой вол, *сиш* – моя лошадь, *фитхъу* – ваше (топленое) масло, *дипс* – наша вода (река), *илл* – ее муж... в) *унэфл* – хороший дом, *шлалэфл* – хороший парень, *тхылъыжъ* – старая книга... Понятно, что от такого слитного употребления и написания данные единицы не становятся членами лексической системы. Природа этих синтаксических единиц кабардино-черкесского языка противоречива. Основное противоречие состоит в том, что они, будучи единицами синтаксической системы, по своей внешней форме, и, что весьма существенно, по акцентологическим признакам ничем не отличаются от слова – основной лексической единицы языка. Кроме того, многие лексические единицы могут быть выражены раздельнооформленными единицами языка. Э. В. Кузнецова считает, что «единицы лексической системы могут быть представлены не только словами, но и особого типа устойчивыми словосочетаниями». Как известно, двойственность присуща вообще словосочетаниям ввиду их особого промежуточного характера. «Все единицы промежуточного типа (к ним относятся также слог и основы слов) представляют собой единства, состоящие из целого числа единиц нижеследующего уровня и функционирующие в составе единиц вышестоящего уровня аналогично единицам, из которых они состоят» [Кузнецова 1989: 194].

4.10. Лексико-деривационная группа

Известное явление языка, краткое описание которого мы хотим дать здесь в рамках лексико-семантической системы, Д. Н. Шмелев называет деривационными отношениями в лексике, или ассоциативно-деривационными отношениями. «Благодаря тому, что каждая единица лексики, – отмечает Д. Н. Шмелев, – имеет материальную форму и смысловое содержание, она является средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой – с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание. Таким образом, значение слова определяется **деривационными**

(в широком смысле) и **ассоциативными** связями: слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также в определенных **ассоциативно-деривационных** отношениях с другими словами» [Шмелев 1977: 225]. Значит, системный характер в лексике проявляется также в том случае, когда слова связаны отношениями словопроизводства, иначе говоря, в зависимости от значения слов мотивировано их объединение в разные словопроизводные ряды [Фомина 1990: 15]. По сравнению с большинством лингвистических терминов «словообразование», как отмечал Б. Н. Головин, страдает излишним грузом полисемантической: «...1) процесс создания, образования новых слов, свойственный любому живому, функционирующему языку; 2) психологический акт речи, выражающийся в «творении», создании нового слова; 3) механизм языка, создающий новые слова; 4) структура слова в аспекте, отражающем образование слова; 5) лингвистическое учение, наука о том, как язык создает новые слова» [Головин 1979: 164]. Ввиду того, что первый из отмеченных аспектов – одна из важнейших сторон истории любого языка и изучается она скорее всего в рамках задач и возможностей исторической лексикологии, представляется логичным рассмотрение словообразования (в указанном узком смысле) в общей лексико-семантической системе языка, что, надеемся, не должно быть квалифицировано как покушение на его автономность или равноправие наряду с лексикой и морфологией.

Под влиянием Ф. де Соссюра в языкознании к числу ассоциативных групп, притом психических ассоциативных групп, относят различные объединения единиц (как правило, слов), обладающих, например, общими основами: *enseignement* – обучение, *enseigner* – обучать, *ensegnos* – обучаем и т. д.; общими аффиксами (напр., суффиксами): *enseignement* – обучение, *armement* – вооружение, *changement* – изменение и т. д.; общими значениями (или обозначающих одинаковые понятия): *enseignement* – обучение, *instruction* – образование, *education* – просвещение, *apprentissage* – учение и т. д., а также обладающих общностью акустических образов или фонемного состава: *enseignement* – обучение, *justement* – справедливо. Исходя из этих фактов, Ф. де Соссюр приходит к выводу: «Налицо, таким образом, либо общность как по смыслу, так и по форме, либо только по смыслу. Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться» [Соссюр 1977: 158].

В заключение отметим, что если отношения слов в лексике, по мнению Б. Н. Головина, индивидуальны и семантически, отношения слов в морфологии стандартны и прежде всего формальны, то отношения слов в слово-образовании – одновременно и стандартно-индивидуальны, и формально-семантически [Головин 1979: 172]. Такое положение слов в словообразовании не только вызывает повышенный интерес со стороны практиков и теоретиков лексикографии, но и делает возможным рассмотрение словообразования, правда, с известными оговорками в области лексикологии, для которой оно, как было отмечено выше, не является прямым, непосредственным объектом своего исследования. Этим собственно и объясняется обсуждение здесь вопросов словообразования как возможного структурного подразделения лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка [более подробно об этом: Апажев 2000: 161–168].

Наряду с внутренними ресурсами, определяющими самобытность языка, мощным источником обогащения и развития кабардинской лексики служат заимствования из других языков. Этот вопрос довольно обстоятельно освещен в ряде работ кабардиноведов [Яковлев 1948; Апажев, Урусов 1957; Мамрешев 1959; Сакиев 1959; Шагиров 1962; Апажев 1963; 1968а; 1977б и др.]. Здесь хотелось бы отметить некоторые явления, в частности, инновации, связанные с контактированием языков. До революции кабардинцами и черкесами заимствовано из различных языков около 750–800 слов, более 50 % которых взято из русского языка. Общее число заимствований в наше время составляет, по данным РКЧС, 6500, а по КРС – 3500 единиц. Как показал наш анализ целого ряда двуязычных словарей, аналогичным образом обстоит дело и в других северокавказских языках, в которых каждое шестое слово оказывается заимствованным из русского языка [Апажев 1968а; 1977б]. Однако эти цифры недостаточно полно отражают действительный размах влияния русского языка. Дело в том, что, во-первых, не все русские заимствования зарегистрированы в изданных словарях, во-вторых, далеко не все словарные единицы, образованные на базе исконного материала, следует считать самобытными, скажем, кабардино-черкесскими, осетинскими, татарскими, армянскими, азербайджанскими и т. д.

Известно, что значительная часть слов в этих и многих других языках народов СНГ, хотя и состоит из исконных морфем, на поверку оказывается кальками различного рода, обязанными своим возникновением русскому языку. В этом плане весьма показательна терминологическая лексика кабардино-черкесского языка, в которой трудно найти какие-либо существенные изменения за последние 80 лет, так или иначе не связанные с русским языком. Если число прямых заимствований сравнительно нетрудно подсчитать по словарям, то определить в точных цифрах количество калькированных единиц довольно сложно, однако можно с уверенностью утверждать, что число калек с русского очень велико и они составляют значительное богатство в лексике и фразеологии современного кабардино-черкесского литературного языка. Возьмем пример из учебника «Природоведение» на кабардинском языке: «1919 гъэм, Дзэ плъыжъхэм ирахужъауэ хэкум щиклъыжым, хужьыдзэхэм тенджыз ФЫццэм псыццлагъ кхъухъ куэд щIрагъэлгъафаш, ахэр иужькIэ советскэ псыццлагъщIыхъэхэм къагъуэтащ» – «Когда Красная Армия погнала Белую армию, последняя потопила в Черном море много подводных лодок, впоследствии обнаруженных советскими водолазами». В этом предложении, предназначенном для кабардинских детей-четвероклассников, содержится пять калькированных слов и выражений. В настоящее время через посредство учебников для начальных и средних школ, различных изданий для широких кругов читателей, в особенности через такие мощные средства массовой информации, как газеты, журналы, телевидение, радио, кино, видео, интернет, идет громадный поток новых слов и выражений, значительная часть из которых оседает и закрепляется в литературном кабардино-черкесском языке. Наряду с прямыми заимствованиями наиболее характерны кальки лексические (полные и частичные), семантические, фразеологические, то есть слова и выражения следующих типов: *дунейеплъыкIэ* – мировоззрение, *сабэзыщIэшэ* – пылесос, *щIылэлъэ* – холодильник, *бзэщIэныгъэ* – языкознание, *зэман* – время (лингв.), *лIыхъужь* – герой (лит.), *лъабжъэ* – корень (лингв.), *сымаджэн* – болеть, переживать за кого-л., *пыщIэныгъэхэр* – связи, *хуитыныгъэхэр* – свободы, *къарухэр* – силы, *демократическэ къарухэр* – демократические силы, *ижь* – правый (полит.), *сэмэгу партхэр* – левые партии, *къэщыпын* – набирать (типогр.), *пхырыхун* – провалиться (на экзаменах, соревнованиях), *щылэцIэ* – имя существительное, *бжыгъэцIэ* – имя числительное, *псалъалъэ* – словарь, *электроету* – электроутюг, *электрапэшхэку* – электропечь, электроплита, *электронхъэлэщэ* – электроплуг, *электроуэджынэ* – электрозвонок, *микрохъэку* (микроволновэ хъэку) – микropечка (микроволновая печь), *тхылъыбзэ* – книжный язык, *псалъэуха гуэдзэ* – придаточное предложение, *тедзэн* – напечатать, *къыдэгъэкIын* – выпустить (издать, опубликовать); *къыщIэгъэкIын* – выпустить (продукцию), выпустить (специалистов); *къэутIыпщын* – отпускать (ассигновать), *утIыпщын* – отпускать (цены), *къэщтэн* – 1. принять (на работу, учебу) 2. захватить (город, село); 3. принять (новый дом); 4. принять (решение, постановление); *пыхъэщхъэ* – вечер (мероприятие), *пыхъэщхъэ-зэлуцIэ* – вечер-встреча; *атлетикэ хъэлъэ* – тяжелая атлетика, *промышленность псыницIэ* – легкая промышленность, *гъуцIыкIэ цIугъэнэхэр* – цветные металлы, *гъуцIыкIэ гъуэтыгъуейхэр* – редкие металлы, *зэманьр укIын* – убить время, *зыгуэрым и щхъэл псы текIэн* – лить воду на чью-л. мельницу, *зэратха шакъэр мыгъушу* – не успели высохнуть чернила, как; *Авгий и шэщхэр* – авгиевы конюшни, *Дамокл и сэшхуэр (джатэр)* – дамоклов меч, *курыт щIэныгъэ* – среднее образование и мн. др.

Данный словообразовательный процесс получает значительный размах в последние годы, когда кабардино-черкесский язык, наряду с усвоением заимствований разного рода, активизирует собственные лексические ресурсы и осуществляет своеобразный критический пересмотр и переоценку ранее заимствованных форм и моделей слов и выражений. Если несколько лет тому назад повсеместно можно было наблюдать употребление таких форм, как *оптимистическэ характер*, *материальнэ ответственность*, *учебнэ заведенэ*, *национальнэ политикэ*, *нагляднэ пособие*, *оккупационнэ режим*, *общественнэ питанэ*, *детскэ сад*, *атомнэ энергие*, *электроэнергие*, *национальнэ кадрхэр*, *национальнэ вопрос*, *тхылъ еджэхэр* – читатели, *телевизор еплъхэр* – телезрители, *радио едалухэр* – радиослушатели, *радио нэтынхэр* – радиопередачи и мн. др., то теперь видим: *оптимистическэ хъэл* – оптимистический характер, *материальнэ жэуап* – материальная ответственность, *еджапIэ заведенэ* – учебное заведение, *лъэпкъ политикэ* – национальная политика, *нэрылъагъу пособие* – наглядное пособие, *оккупационнэ хабзэ* –

оккупационный режим, *общественнэ ерыскъы* – общественное питание, *сабий сад* – детский сад, *атом къару* – атомная энергия, *электрокъару* – электроэнергия, *лъэпкъ кадрыхэр* – национальные кадры, *лъэпкъ лъэху* – национальный вопрос, *тхылъеджэхэр* – читатели, *телевизореплэхэр* – телезрители, *радиоодайухэр* – радиослушатели, *радионэтынхэр* – радиопередачи и др.

Наряду с подобного рода случаями пересмотра способа заимствования, калькирования или улучшения качества перевода слов русского языка на родной язык в настоящее время наблюдается определенная тенденция к замене вообще целого ряда заимствованных слов и словосочетаний исконными и другими соответствиями. Например: *народ* – *цыхубэ*, *народнэ депутат* – *цыхубэ депутат*, *объединеннэ нацэхэр* – *лъэпкъ зэгъэтхэр*, *председатель* – *тхъэмадэ*, *заместитель* – *къуэдзэ*, *историк* – *тхыдэтх*, *инопланетянин* – *уэхый*, *январь* – *цыфышылэ*, *февраль* – *мазае*, *март* – *гъатхэпэ*, *апрель* – *мэлыжьыхь*, *май* – *нактыгъэ*, *июнь* – *мэкъуэуэгъуэ*, *июль* – *ба-дзэуэгъуэ*, *август* – *шыщхъэулу*, *сентябрь* – *гъуэгъуэгъуэ*, *октябрь* – *жэпуэгъуэ*, *ноябрь* – *цакълуэгъуэ*, *декабрь* – *дыгъэгъазэ* и мн. др. Правда, нередко случаи колебания в их употреблении – в написании и произношении.

Таким образом, обогащение и развитие лексической системы кабардино-черкесского языка осуществляется двумя взаимосвязанными путями – использованием внутренних ресурсов и усвоением иноязычных элементов. Одним из результатов исследования лексико-деривационных групп должно быть создание словообразовательных и морфемных словарей.

4.11. Гипонимия, или лексико-семантическая группа, объединенная родовыми отношениями

Джон Лайонз отмечал, что термин «гипонимия», не ставший еще традиционным в семантике, был создан недавно по аналогии с «синонимией» и «антонимией» [Лайонз 1978: 478]. В самом деле, ни в одном из известных у нас специальных словарей и энциклопедий его не было до выхода ЛЭС [1990: 104]. Хотя термин и является новым, само понятие гипонимии достаточно традиционно, и оно было признано в качестве одного из конституирующих принципов организации словарного состава всех языков. Часто его обозначают термином «включение». Например, говорят, что «значение» слова *scarlet* «алый» «включается» в «значение» слова *red* «красный»; говорят, что «значение» слова *tulip* «тюльпан» «включается» в «значение» слова *flower* «цветок» и т. д. [Лайонз 1978: 478].

Таким образом, отношения включения, или импликации, которые, с одной стороны, отражают различные по степени обобщенности названия реальных и их классов, иначе говоря, родо-видовые отношения, а с другой стороны, названия объектов и их частей, то есть целого и части, являются одним из универсальных парадигматических отношений между словами всех языков. Импликационные отношения – это отношения семантические, и слова, служащие обозначениями вида и части, находятся в состоянии подчинения по отношению к словам, обозначающим род и целое. Так, слова, служащие для обозначения видов деревьев (*уэгъыгъей* – ель, *клеи* – клен, *жыгей* – дуб, *тхуей* – бук и т. д.), находятся в положении подчинения к родовому названию – слову *жыг* «дерево», являющемуся по отношению к названиям вида подчиняющим. Мы наблюдаем аналогичные отношения, с одной стороны, между словами, являющимися названиями частей целого (напр., *лъабжьэ* – корень, *къудамэ* – ветвь и т. п.), с другой стороны, и словами, называющими это целое (*жыг* – дерево). Следовательно, в качестве объединяющего, общего признака у импликационных отношений род – вид, целое – часть выступает одинаковое свойство подчинения вида роду, части целому. Но природа отношений род – вид, с одной стороны, и часть – целое, с другой, обнаруживает и различия. Они состоят в том, что отношение род – вид связано с разными по степени абстрактности представлениями одной и той же реалии или классов реалий в языке, а отношение часть – целое характерно лишь для конкретных предметов, являющихся качественно разными и не сводимыми друг к другу. Так, слова, служащие для обозначения вида, непременно обладают общим свойством, присущим родовому понятию (напр., *жыгей* – дуб имеет основные свойства *жыг* – дерево), а слово, выражающее часть,

свойствами целого обычно не обладает (напр., *лӕабжӕ* – корень не обладает основными свойствами *жыг* – дерево). «Диагностирующим показателем, с помощью которого можно различать отношения род – вид и часть – целое, является возможность называть видовое понятие словом, обозначающим род, тогда как часть обычно не может быть названа в прямом смысле (не переносном) словом, обозначающим целое» [Плотников 1983: 193].

Слова, связанные отношением импликации, в последние лет 20 все чаще стали называть гипонимами (греч. *γίνο* – внизу, снизу, под) аналогично синонимам, антонимам, омонимам, паронимам. Гипонимами называются слова, находящиеся в подчиненном положении по отношению к другим словам. Например, домашнее животное хъэ – собака может получить самые различные наименования по степени увеличения, усиления обобщенности: у кабардинцев, например, *Парий* (кликка собаки, ср. русск.: Жучка), *мӕлхъуэхъэ* – овчарка, хъэ – собака, *псӕуцхъэ* – животное. Одно и то же растение можно назвать травой или бананом, красным цветком или гвоздикой...

Подобные группы, или лексико-семантические микросистемы, как правило, имеют свой гипероним, то есть заглавное слово, включающее в себя слова данной группы в качестве видовых понятий или частей целого. Нередко в качестве гиперонима в таких случаях может выступать не только одно слово, но и словосочетание. Так, по мнению Б. А. Плотникова, слова «пенал» и «ручка» объединяются в тематическую группу, имея гиперонимом словосочетание «школьные принадлежности»; «гильза» и «порох» – в тематическую группу с гиперонимом «компоненты боеприпасов», тогда как для слов «пакет» и «молоко», «деньги» и «карман» гиперонимы отсутствуют – каждое из этих слов входит в соответствующую тематическую группу со своими гиперонимами; ср.: продукты питания – *молоко, масло, творог, сыр, сметана*; емкость – *бутылка, фляга, ведро, пакет, пачка* и т. п. [Плотников 1983: 138].

По мнению Дж. Лайонза, «гипонимия и несовместимость являются самыми фундаментальными парадигматическими смысловыми отношениями, посредством которых структурирован словарный состав языка» [Лайонз 1978: 478]. Как видим, гипонимия может смыкаться с синонимией лексических единиц, находящихся в привативных оппозициях, однако, как советуют некоторые исследователи, предпочтительнее использовать термин «гипонимия» по отношению к тем случаям, когда имеет место четкая и определенная родо-видовая субординация лексики, строго выраженные отношения согипонимов [Новиков 1982: 242]. Таким образом, кроме общеизвестных синонимических и антонимических отношений, между лексическими единицами языка существуют отношения иного типа – родо-видовые, называемые еще гипонимическими отношениями. Это явление связано с тем, что человек может назвать одно и то же явление то видовым, то родовым понятием в зависимости от ситуации, цели и назначения высказывания.

Кроме теоретического значения, изучение гипонимии в языках, в частности в младописьменных, в которых собственно лексико-семантические системы пока еще слабо исследованы, имеет, несомненно, и важное практическое значение. Явление гипонимии довольно широко используется в качестве средства для определения лексических значений в различных словарях, особенно в толковых, тематических и других словарях и энциклопедиях. О важной роли гипонимии можно судить по тому общеизвестному факту, что она (гипонимия) лежит в основе семантической классификации лексики в идеографических словарях, разработанных на материале ряда западноевропейских языков (английского, французского, немецкого, испанского, русского и др.). Семантическая классификация слов в этих лексикографических трудах представляет иерархическое членение словарного состава от глобальных группировок с общим значением «материя», «разум», «воля», «чувства» и др. до убывающих по степени обобщенности лексических групп, вплоть до таких, которые состоят всего лишь из нескольких лексических единиц [Плотников 1983: 193]. Важно иметь в виду и то, что хотя гипонимия связана с логикой человеческого мышления и служит привычным и довольно удобным для общения средством, которое позволяет в зависимости от ситуации выбирать для наименования одной и той же реалии более общие или более специальные слова, гипонимические отношения не проявляются во всех языках с одинаковой регулярностью. Так, Лайонз отмечал, что в английском языке нет гиперонима по отношению ко всем цветообозначениям [Лайонз 1978: 480, 481], в кабардинском, французском, чешском,

словацком и некоторых других отсутствует гипероним к словам «день» и «ночь» (ср. русск.: «сутки»). Довольно часто одна и та же реалья может быть обозначена в ряде языков не согипонимами, как показывает логика, а словами, находящимися между собой в гипонимических (родо-видовых) отношениях. По данным В. Г. Гака, среди глаголов французского языка гораздо больше гиперонимов – слов с высокой степенью абстрактности, обобщенности, чем в английском, немецком или русском языках, в которых действие передается многими глаголами, выступающими по отношению к французскому глаголу гипонимами [Гак 1977: 77]. Балли утверждает, что в немецком языке проводится тщательное различие между глаголами *legen* – класть, *stellen* – ставить, *hängen* – вешать, *setzen* – сажать и др., вместо которых «французский язык довольствуется бесцветным словом *mettre* «класть» [Балли 1955: 378]. Можно вспомнить, «то в русском языке так же четко, с щепетильностью проводится разграничение понятий «идти» и «ехать», тогда как в кабардино-черкесском, адыгейском, французском, финском они выражаются одним соответствующим словом. Примеры из кабардино-черкесского языка для большей наглядности приведем в виде таблиц.

КИАПСЭ	– 1. веревка	ЛЪХУЭН	– 1. родить
	– 2. шнур		– 2. рожать
	– 3. канат		– 3. жеребиться
	– 4. шпагат		– 4. телиться
	– 5. проволока		– 5. пороситься –
	– 6. провод		– 6. котиться
	– 7. бечевка		– 7. щениться
	– 8. проводка		– 8. ягниться
	– 9. трос		– 9. козиться
	– 10. струна		
ЛИЭН –	– 1. умереть	ТХЫЛЬ –	– 1. книга
	– 2. скончаться		– 2. билет
	– 3. преставиться		– 3. документ
	– 4. помереть		– 4. справка
	– 5. окочуриться		
	– 6. околеть		
	– 7. сдохнуть		
ФЭ –	– 1. кожа	ПСЭФ	– 1. стельная
	– 2. шкура		– 2. сутелая
	– 3. шкурка		– 3. жеребая
	– 4. мех		– 4. жереба
	– 5. кожура		– 5. сужереба
	– 6. кожица		– 6. супоросная
	– 7. шелуха		– 7. супоросая
	– 8. лузга		– 8. супорось
	– 9. чешуйка		– 9. суягная
	– 10. корка		– 10. сукотная
	– 11. цвет		– 11. скотная
	– 12. расцветка		– 12. чреватая
	– 13. окраска		– 13. щённая
	– 14. масть	ПСЫ	– 1. вода
	– 15. пленка		– 2. река
	– 16. скорлупа		– 3. влага
	– 17. колер		
	– 18. меховой		
	– 19. кожаный	КЪУТЭН	– 1. разбить
	– 20. кожевенный		– 2. сломать

Ср. еще: *лункъыбзэ* – ключ и замок; *жъынду* – сова, филин, сплюшка; *къуаргъ* – ворона, грач, галка; *тхъэмахуэ* – воскресенье, неделя; *пцэдэлъ* – кашне, шарф, галстук; *лэлъэ* –

рукавицы, перчатки, варежки; *лэпэд* – чулки, носки; *гъуэншэдж* – трусы, штаны, брюки, шорты, плавки, шаровары, лосины; *клагуэ* – тужурка, телогрейка, куртка; *хъндыркъуа-къуэ* – лягушка, жаба и мн. др.

Мы здесь фразеологизмов не рассматриваем.

Гипонимия и связанные с нею явления до сих пор в адыговедении, к сожалению, не обсуждались, и, естественно, требуют дальнейшего углубленного исследования.

4.12. Конверсия, или лексико-семантическая группа, объединенная обратными отношениями

Термин «конверсия» употребляется в разных значениях. «Конверсия – образование нового слова путем перевода данной основы в другую парадигму словоизменения» [Ахманова 1966: 202]. По А. А. Реформатскому, конверсия – особый вид омонимии, «когда данное слово переходит в другую часть речи без изменения своего морфологического и фонетического состава, напр.: зло – прилагательное среднего рода и зло – наречие. Ср. также существительное «зло». Все эти слова являются омонимами, так как они принадлежат к разным частям речи с разными лексическими значениями, хотя вещественное значение корня у них и совпадает» [Реформатский 1967: 88]. «Конверсия» в таком значении довольно широко употребляется в современной научной и учебной литературе.

М. А. Кумахов (1964) использует термин «конверсия» для обозначения одного из распространенных в кабардино-черкесском и адыгейском языках способов образования слов. Имеется много слов, которые при синхроническом анализе выступают как нейтральные, а в диахроническом плане – как производные. Например: *пхъащлэ* – плотник и плотницкая, *щаклуэ* – охотник и охота, *бдзэжьеящэ* – рыболов и рыбалка, *гъуклэ* – кузнец и кузница и мн. др. При этом целый ряд слов выступает в качестве исходных основ, от которых образуются как глаголы, так и существительные: *джэгу* (игра): *джэгун* – играть, *соджэгу* – играю, *мэджэгу* – играет (глаголы) *джэгу*, *джэгур*, *джэгум*, *джэгумклэ* (существительное в разных падежах); *усэ* (стихи): *усэн*, *соусэ*, *мэусэ* (формы глагола), *усэ*, *усэр*, *усэм*, *усэмклэ* (формы существительного); *щлалэ*: прил. *щлалэ* – молодой, сущ. *щлалэ* – парень; *гъэсын* – сжигать, *гъэсын* – топливо; *гъавэ* – вари, *гъавэ* – урожай; *гъэфлэн* – лелеять, *гъэфлэн* – воспитанник, любимец; *дын* – шить, *дын* – шитье, шитво и мн. др. В таком традиционном плане функционирует термин «конверсия» и в ряде языковедческих школ, в частности, в исследованиях представителей Пражской лингвистической школы, например Вахка [1964: 90]. Однако в современной лексикологии стало довольно популярным иное значение этого термина. «Конверсия (выражение «обратных отношений» единиц) как лингвистическое явление первоначально обратило на себя внимание в синтаксисе, при рассмотрении взаимоотношений субъекта и объекта» [Новиков 1982: 214]. Это же значение отмечено в словаре О. С. Ахмановой (1966): «Одно из противоположных свойств как составляющих данную категорию». Так, конверсию звонкости представляет глухость, конверсию твердости представляет мягкость и т. д., а в лексике конверсию *дать* представляет *взять* (получить), *продавать-покупать*, *принимать* (экзамен) – *сдавать* (экзамен) и т. п. Выражение таких отношений более заметно проявляется в грамматическом залоге: *рабочие строят дом* – *дом строится рабочими*. Залоговые отношения были как бы обобщены и увязаны с более широкими универсальными отношениями, что и позволило обнаружить в языках «пары глаголов, находящихся друг с другом в таких же отношениях, как и слова *над* и *под*, *перед* и *после*, *больше* и *меньше*, *старше* и *моложе*. К таким случаям можно отнести: А предшествует Б = Б следует за А. То, что в первом предложении рассматривается с точки зрения А, во втором рассматривается с точки зрения Б» [Есперсен 1958: 186]. В дальнейшем это явление распространяется и на область лексикологии, вернее, семасиологии. Дж. Лайонз, анализируя основные семантические отношения лексических единиц, рассматривает конверсию как одну из разновидностей лексической «противоположности» в широком смысле слова (Лайонз 1978: 493–495), что, полагаем, дает основание квалифицировать ее (конверсию именно в семасиологическом понимании) как определенную лексико-

семантическую микросистему, отличную от других микросистем этого типа (напр., антонимии, синонимии, полисемии и т. п.). Небезынтересно в этом плане замечание самого Лайонза: «Хотя антонимия и конверсивность должны разграничиваться, между этими отношениями наблюдается определенный параллелизм» [Лайонз 1978: 493]. О. Есперсен и Дж. Лайонз отмечают, что в большинстве случаев сдвиг осуществляется путем перевода, преобразования активной конструкции в конструкцию пассивную. Более обстоятельно проблема конверсии в советском языкознании освещена известными семантиками Ю. Д. Апресяном (1974) и Л. А. Новиковым (1982), посвятившими специальные разделы своих монографий этому явлению языка. Дав определение конверсии вообще, лексических конверсивов в частности, Ю. Д. Апресян и Л. А. Новиков далее выявляют структурные и семантические типы конверсивов, отграничивают их от квазиконверсивов как приблизительных, не совпадающих по значению с конверсивами.

Рассматриваемое семантическое явление имеет распространение, естественно, и в кабардино-черкесском языке, но оно не только не исследовано, но и даже не упомянуто ни в одной из лексикологических работ, посвященных адыгским языкам. Рассмотрим несколько примеров из кабардино-черкесского языка. *Дыщэр дыжбыным нэхрэ нэхъ лъанлэщ* – Золото дороже серебра – *Дыжбыныр дыщэм нэхрэ нэхъ пудж* – Серебро дешевле золота; *Псыр дыщэм нэхрэ нэхъ лъанлэщ* – Вода дороже золота – *Дыщэр псым нэхрэ нэхъ пудж* – Золото дешевле воды; *Кхъужьейр мылэрысейм нэхрэ нэхъ лъагэщ* – Груша выше яблони – *Мылэрысейр кхъужьейм нэхрэ нэхъ лъахъшэщ* – Яблоня ниже груши; *Абытлэр Яковлевым и ученик* – Абитов (есть) ученик Яковлева – *Яковлевыр Абытлэм и учитель* – Яковлев (есть) учитель Абитова; *Лингвист цлэрылуэ В. М. Жирмунскэр биолог А. В. Жирмунскэм и адэщ* – Известный лингвист В. М. Жирмунский (есть) отец биолога А. В. Жирмунского – *Биолог А. В. Жирмунскэр лингвист цлэрылуэ В. М. Жирмунскэм и къуэщ* – Биолог А. В. Жирмунский (есть) сын известного лингвиста В. М. Жирмунского; *Тхылъыр журналым и щылу телъщ* – Книга лежит над журналом – *Журналыр тхылъым и щлагъ цлэлъщ* – Журнал лежит под книгой и т. п.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в кабардино-черкесском языке обращается довольно значительное число лексических конверсивов, различных как по структуре, так и по семантике. Среди них можно выделить ряд структурных типов: конверсивы – глаголы (предикаты), например: *къэцэхун* – купить – *щэн* – продать; *етын* – отдать – *къелыхын* – взять; конверсивы – существительные: учитель – ученик; *ллы* – муж – *фыз* – жена; *адэ* – отец – *къуэ* – сын; конверсивы – прилагательные: *нэхъыжъ* – старше – *нэхъыщлэ* – моложе; *нэхъ быдэ* – крепче – *нэхъ махэ* – слабее и др. части речи.

Лексические конверсивы могут быть систематизированы и типизированы и в ином, семантическом, плане [Апресян 1974: 268–273]. В соответствии с природой таких слов они выражают обычно связь, соотношение, соположение, взаимозависимость, взаимодействие и т. п. отношения соответствующих предметов и явлений действительности.

По мнению Ю. Д. Апресяна, конверсивами могут быть не только слова, но и фразеологические единицы, в качестве которых приводятся такие синонимообразные выражения: *Он был на волоске от смерти* – *Смерть смотрела ему в лицо*; *Работа захватила его целиком* – *Он с головой ушел в работу*; *Он заплатит за это* – *Это ему даром не пройдет* и др. [Апресян 1974: 265].

В кабардино-черкесском языке: *Ахэр уэшхым хэхуащ* – *Ахэр уэшхым хиубыдащ* – Они попали под дождь – Их захватил дождь; *Ди ахъшэр дыу-хащ* – *Ди ахъшэр исыклащ* – Мы свои деньги израсходовали – Наши деньги кончились; *Абы и къурмакъейм къэс лэжъыгъэ илэщ* – *Абы и лэжъыгъэр къурмакъейм къос* – букв.: Он имеет работу, доходящую до горла – У него работы по горло; *Хъэсэм удз къытеклащ* – *Хъэсэр удзу зэщлэклэжащ* – На грядке выросла трава – Грядка заросла травой; *Вакъэм ятлэ клэрыпщлащ* – *Вакъэр ятлэ хъуащ* – Грязь прилипла к обуви – Обувь запачкалась; *Ар куэд хуейщ Алим лэщлэхъыным* – *Ар Алим и клэпкъым дэлъу ихъыныщ* – Ему далеко до Алима – Алим заткнет его за пояс; *Абы нэхрэ Расул зы щхъэклэ нэхъ лъагэщ* – *Расул нэхрэ ар зы щхъэклэ нэхъ лъахъшэщ* – Расул выше него на голову – Он на голову ниже Расула и др. Для того, чтобы разнообразить материал, мы привели, наряду с фразеологизмами, и свободные сочетания слов. В качестве конверсивов могут быть рассмотрены также следующие примеры: *Жалар ерагъыу абы къыгурылуащ* – *Жалар ерагъыу абы и щхъэм къыхащ* – Он с трудом понял смысл сказанного – Сказанное с трудом дошло до него; *Ар лъаганлэм егъэшынэ* – *Ар лъаганлэм щошынэ* – Его

пугает высота – Он боится высоты; *Шыр машинэм егъащтэ* – *Шыр машинэм щощтэ* – Машина пугает лошадь – Лошадь боится машины; *Теклуэныгъэм гур хегъахъуэ* – *Теклуэныгъэм гур цогуфлыкI* – Удача радуется сердцу – Удаче радуется сердце и т. п.

Наряду с конверсивами в языках выделяют и так называемые квазиконверсивы, частичные различия которых могут нейтрализоваться в контексте или быть несущественными для данного текста. Например: *Щымахуэр уащхъуэдэмышхъуэу къыттеуащ* – Зима застала нас врасплох (сема «неожиданность», «внезапность») – *Щымахуэм зыхуэдгъэхъэзыракъым* – Мы не подготовились к зиме (отсутствие такой семы); *Абы и тхылъыр сэ къызиташ* – Он дал мне свою книгу (каузировал (заставил) меня иметь) – *Абы и тхылъыр сэ къыслэрыхъащ* – Его книга досталась мне (перешла в мое владение по какому-то правилу распределения, может быть, случайному).

Соотношение между конверсивами и квазиконверсивами можно сравнить с соотношением между омонимами и паронимами. Кроме того, как видим из приведенных примеров, конверсивы довольно близки к синонимам и антонимам. Однако, как отмечает Л. А. Новиков, взаимодействие конверсивов и синонимов, образование первых на основе вторых становится невозможным из-за различных ролевых структур (соответственно – обращенных и тождественных). Напротив, конверсивы и антонимы тесно взаимодействуют: значительное количество конверсивов строится на основе определенного употребления антонимов (*молодой* – *старый*: *Иван моложе Петра* – *Петр старше Ивана*) [Новиков 1982: 221]. Рассмотренный материал убеждает, что конверсия занимает определенное место среди типов семантических отношений в кабардино-черкесском языке и, несомненно, заслуживает специального исследования. Предпринятая здесь попытка приложения этой недостаточно еще разработанной в отечественной лингвистике семантической теории к материалу семасиологически слабо исследованного младописьменного кабардино-черкесского языка, возможно, не избежала отдельных промахов и упущений. Если быть объективным и к сказанному еще добавить бесспорную сложность рассматриваемой проблемы, то ожидать иных результатов на данном этапе развития адыгской лексикологии и семасиологии было бы нереально.

4.13. Лексико-семантическая группа, объединенная синтагматическими отношениями

Лингвистическое явление, характеристика которого дается ниже на материале кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским, почти не изучено в младописьменных языках. Следует отметить, что при освещении этого явления и его аспектов в сфере лексики и семантики специалистами используется ряд терминов, которые, по словам Т. Виноград [1983: 124], «употребляются в разных смыслах, не всегда совместимых и не всегда понятных». Вот тот ряд терминов, которые нами выбраны из сравнительно небольшого круга исследований отечественных и зарубежных авторов: синтагматика слова, синтагматические связи слова, лексическая сочетаемость слова, грамматическая сочетаемость слова, синтаксическая сочетаемость слова, валентность слова, сочетаемость слова, окружение лексемы, окружение слова, структура окружения лексемы, синтаксическая валентность, семантическая валентность... Несмотря на заметные достижения в исследовании семантики, до сих пор мы, к сожалению, не имеем ни четкого определения приведенных выше терминов, ни ясного разграничения их между собой. Сопоставление, сравнение данных терминов и существующих десятков и сотен их дефиниций потребуют специального исследования, о чем мы здесь, естественно, не помышляем. Современная семантическая терминология отличается от терминологии других уровней языка большой усложненностью и, к сожалению, меньшей разработанностью. Небезынтересно в связи с этим отметить, что почти ни один из перечисленных терминов не получил сколько-нибудь удовлетворительного разъяснения (а зачастую и вовсе не нашел даже места) ни в одном из отечественных и зарубежных словарей лингвистических терминов, вышедших за последние лет сорок [Марузо 1960; Вахек 1964; Хэмп 1964; Нечаев 1976; Розенталь, Теленкова 1972; 1976; 1985; РЯЭ 1979], за исключением ЛЭС [1990: 79], РЯЭ [1997: 654]. Оставляют желать лучшего и существующие учебники и пособия по циклу общелингвистических дисциплин. Между тем среди

многочисленных рифов, возникающих в самых неожиданных местах перед исследователями как старописьменных, так и младописьменных языков, едва ли не наиболее загадочными оказываются трудности, связанные с семантикой и лексической синтагматикой.

Важность изучения законов сочетания слов отмечал еще Л. В. Щерба, который писал: «Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что самое главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова... по определенным законам их сочетания...» К этому месту, не дожидаясь конца предложения, ученый делает следующее глубокое и тонкое добавление: «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» [Щерба 1974: 24].

Развивая и углубляя эти мысли Л. В. Щербы, в особенности подчеркивая, к каким нежелательным последствиям приводит незнание законов сочетания слов и смыслов, В. В. Виноградов в одной из своих последних работ отмечал: «Неразграничение или смешение разных структурных отношений или разных уровней в языке, а также отсутствие тщательного анализа их взаимодействия неизбежно ведет к путанице в кругу разных структурно-смысловых языковых единиц. Особенно важен тщательный анализ признаков взаимосвязи и видов взаимодействия лексико-семантических (в том числе и лексико-фразеологических) уровней с грамматическими». Ученый подчеркивает, что знание правил сложения смыслов, опирающееся отчасти на исследование законов взаимодействий грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаемости слов, а также сцеплений словосочетаний и фраз, с другой, помогло бы яснее и точнее воспроизводить систему функционирования и соотношения всех этих языковых единиц в структуре языка и в речевой коммуникации. Все это, по мнению В. В. Виноградова, приобретает особенную важность в теории и практике лексикографии. Подтверждая сказанное, автор приводит многочисленные примеры расплывчатых и нечетких семантических характеристик, смешения значений самого слова и образуемых с его участием словосочетаний, а также отсутствия или недостаточности грамматических толкований и квалификаций слов и выражений [Виноградов 1969: 5–7].

Недостатки подобного рода, хорошо известные каждому, кто сколько-нибудь знаком со спецификой лексикографической работы, в особенности связанной с созданием толковых словарей национального языка, проистекают, во-первых, из-за слабой изученности проблем семасиологии и ее главного объекта – семантики, во-вторых, из-за необычной сложности самой лексико-семантической системы и ее связей и отношений с грамматической системой языка. То, что аналогичные недостатки и вызывающие их причины в увеличенных масштабах имеют место в лексикографических работах по младописьменным языкам, доказывать не приходится.

Говоря о трудностях, с которыми сталкивается семантик при исследовании полисемантического слова, Э. М. Медникова указывала на весьма характерный и вместе с тем важный момент: «Часто ставится вопрос – что в исследовании семантики первично – полисемия слова, т. е. ингерентные свойства, внутренняя способность слова выступать в различных лексико-фразеологических вариантах, или его «валентность», т. е. «периферийные» свойства, определяющие специфику его лексико-фразеологических связей? Следует ли считать, что слово «живой» выступает в следующих контекстах: 1) *живая природа, живые цветы, живая изгородь, живое существо* и т. п.; 2) *живая действительность, живой пример (героизма), изобразить живых людей*; 3) *живой темперамент, живой ребенок, живой ум, живой отклик, живое участие*; 4) *живое изложение, живо описать (что-нибудь)*; 5) *живое дело, живое начинание*; 6) *живая обида, живое воспоминание, живо почувствовать (что-нибудь)*; 7) *жив одной надеждой* – потому, что само по себе имеет значения: 1) *«такой, который живет, обладает жизнью»*; 2) *«подлинный, самый настоящий»*, 3) *«деятельный, полный жизненной энергии»*; 4) *«легкий, занимательный, выразительный»*; 5) *«отвечающий реальным потребностям, жизненный»*; 6) *«остро переживаемый»*; 7) *«такой, который существует чем-н., черпает силу в чем-нибудь»* – или, наоборот, оно имеет перечисленные значения именно потому,

что в лексико-фразеологическом плане сочетается с указанными выше словами?» [Медникова 1974: 44].

Возьмем аналогичный пример из кабардино-черкесского языка. Можно ли считать, что слово *цхъэ* – голова выступает в следующих контекстах: 1) *цхъэ цлэща* – подстриженная голова, *цхъэ упса* – бритая голова, *цхъэ балыджэ* – голова-редька (о бритой голове), *цхъэкъэб* – голова-тыква (о тупом человеке); 2) *цхъэ бжыгъэ* – число голов, *лэщыхуэу цхъэ бжыгъэ мин* – тысяча голов крупного рогатого скота; 3) *цхъэ зыфлэт гуэр* – кто-нибудь с головой, *цхъэфл зыфлэт* – с умной головой; 4) *цхъэ телъхъэн* – накрыть крышу, кровлю, *унэщхуэм и цхъэр зэхуэклын* – заменить крышу большого дома, *хэтхэ я унацхъэ къанжэ тес?* – на чьей крыше сорока сидит? (намек: на чьей девушке ты хочешь жениться?) (поговорка); 5) *кладацхъэ* – крышка кадки, *клэструлыцхъэ* – крышка кастрюли; 6) *жыгыцхъэм тесын* – сидеть на верхушке дерева, *мэкъу лэтэм и цхъэр теудын* – свалить (сорвать) верхушку с копны сена; 7) *псыцхъэм нэс клуэн* – дойти до истока реки, *псынацхъэм деж псыр нэхъ цыщылэщ* – у истока родника вода холоднее; 8) *винтыцхъэр флэчащ* – головка винта оторвалась, *гъуэщл лунацхъэр къытелъэтащ* – шляпка гвоздя отлетела, *семышкляцхъэхэм дыгъэмклэ загъазэ* – шляпки подсолнуха поворачиваются к солнцу, *бжыныхуцхъэ* – головка чеснока; 9) *и цхъэр сысейщ*, *и лъабжъэр ууейщ* – вершки мои, корешки твои; 10) *шэ гъэпштам и цхъэр гъэдиин* – дать остыть вскипяченному молоку (чтобы пенка образовалась), *шатэпсым и цхъэр къыцхъэщыгъэ-жын* – слить верхний слой (пенку) со сливок; 11) *птулъкляцхъэм нарыху-жэпкъ лууклэн* – заткнуть горлышко бутылки кукурузной кочерыжкой; 12) *цхъэр псэумэ, пылэ цыщлэркъым* – была бы голова цела, а шапка найдется; 13) *цхъэм имытмэ, лъакъуэм имыгъуагъэщ* – горе ногам, коли голова пуста; 14) *глаголым цхъэклэ зехъуэж* – глагол изменяется по лицам (букв.: по головам); 15) *ицхъэхэм я зэлущлэ* – встреча в верхах и др. – потому, что существительное *цхъэ* само по себе имеет значения: 1) верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть животного, содержащая мозг; 2) единица счета; 3) ум, рассудок, сознание; 4) человек как носитель каких-н. идей, взглядов, способностей; 5) крыша, верхнее покрытие строения, защищающее его от атмосферных явлений; 6) крышка, верхняя часть какого-н. сосуда, ящика и т. п.; 7) верхушка, макушка, верхняя оконечность чего-н.; 8) верховье, исток, место, откуда начинается водный источник; 9) головка, утолщенная оконечность чего-н.; 10) шляпка, верхняя расширенная часть чего-н., имеющего стержень, ножку и т. п. 11) вершки; 12) сливки; 13) пенка; 14) лицо (грам. термин); 15) верхи (новое) и др. – или, наоборот, слово *цхъэ* имеет перечисленные значения именно потому, что в лексико-фразеологическом плане сочетается с приведенными выше словами? Иначе говоря, можно ли вообще так ставить вопрос: которое из двух этих начал первично? По мнению Э. М. Медниковой, такой абстрактно-философский подход напоминает схоластический спор относительно того, что было раньше – курица или яйцо? Возникает своеобразный заколдованный круг: «полисемия – валентность, валентность – полисемия» и вновь «полисемия – валентность» и т. д. Выход из него автор видит в четком определении и разграничении названных выше понятий и терминов, в соотнесении их с понятиями синтагматики и парадигматики и, наконец, в принципиальном определении характера связи между значением слова и словосочетанием (или шире, контекстом), в котором это значение реализуется [Медникова 1974: 44, 45].

Полисемия как важное условие функционирования языка, по О. С. Ахмановой [1966: 335], – это наличие у одного и того же слова не просто двух и более значений, как обычно трактуется многозначность, а «нескольких связанных между собой значений» (выделено нами. – М. А.). Иначе говоря, один и тот же звуковой комплекс со своим графическим обликом (если речь идет о письменной форме передачи значений) служит обозначением реально различных предметов и явлений, а следовательно, и употребляется в различных по смыслу словосочетаниях. «Лексическая валентность, так же как и полисемия, являющаяся фактом языка, – это поддающееся количественному определению свойство слова реализовать в речи свои синтагматические связи в виде словосочетаний» [Медникова 1974: 46]. Значит, полисемантические слова в зависимости от силы притяжения, семантического потенциала (диапазона), валентности создают свой круг словосочетаний – свободных и фразеологических. Это, в свою очередь, означает, что семантика слова наиболее полно раскрывается в парадигматических связях,

существующих в языке, и в синтагматических связях, реализующихся в речи. Это подтверждается результатами предпринятой нами попытки лексикографической разработки парадигматических и синтагматических связей нескольких сот наиболее полисемантических слов современного кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русским. По типу приведенных выше двух примеров (рус. *живой* и каб.-черк. *щхъэ*) рассмотрены нами лексико-семантические варианты и синтагматические связи около 400 единиц. Среди них наиболее полисемантическими оказались в русском языке: *бить* – 12, *гореть* – 10, *дело* – 11, *выйти* – 10, *нести* – 10, *поднять* – 14, *пройти* – 16, *свободный* – 10, *сила* – 12, *смотреть* – 10, *сидеть* – 10, *идти* – 26, *резать* – 12, *стоять* – 10, *сухой* – 11, *тянуть* – 14, *язык* – 10 и др. Данные ЛСВ приводятся по СО, что несколько отличается от данных ТСУ, БАС, МАС, СОШ, БТС.

Как известно, одним из весьма слабых мест в двуязычных словарях по младописьменным языкам является разработка семантической структуры слов, в которых составители обычно отмечают далеко не все лексико-семантические варианты. Тем не менее в КРС обнаруживается немало слов, в семантической структуре которых авторами выявляются 4–5 значений, нередко и до 8–11 ЛСВ. В числе таких оказались: *еуэн* (бить, ударить) – 10, *къабзэ* (чистый) – 11, *гъэувын* (ставить) – 5, *къешэкIын* (водить) – 5, *къикIын* (выходить) – 6, *пэж* (правда) – 5, *псалъэ* (слово) – 6, *псы* (вода) – 6, *пхъэ* (дрова) – 5, *телъхъэн* (класть) – 6, *фэ* (кожа) – 6, *хэлъын* (лежать) – 6, *хуабжъу* (сильно) – 5 и мн. др. Мы далеки от мысли считать приведенные данные точным отражением объективной картины. Напротив, при более тщательном рассмотрении подавляющее большинство их обнаруживает иную семантическую структуру. Разумеется, это не результат развития значений слов за последние 40 лет, прошедших после издания словаря, хотя, естественно, определенные смысловые изменения за это время и произошли в семантической системе кабардино-черкесского языка.

Итак, можно считать, что одним из видов или типов проявления системных связей слов является закономерность их сочетания друг с другом, то есть синтагматические отношения. Они также обусловлены системой языка в целом, однако по сравнению с ассоциативными, или парадигматическими связями они больше прикреплены к контексту и зависят от него. Синтагматические связи раскрываются в процессе реализации значений слов как их валентностных способностей именно в определенных лексических сочетаниях. Лексическая сочетаемость – это своего рода связь значений, которые опираются на их предметно-логический смысл, синтаксическая сочетаемость – закономерность соединения слов друг с другом в речи.

В области изучения одного из универсальных свойств языковых единиц, в качестве которых выступают синтагматические отношения, достигнуты значительные результаты, характеризующие синтаксический уровень адыгских языков [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948; Кумахов 1989]. Вопросы синтаксической сочетаемости слов в адыгских языках впервые многосторонне освещены в монографии М. А. Кумахова, который выделяет 9 основных типов словосочетаний: 1) существительное + прилагательное (*шыбжый плъыжъ* – красный перец, *гъуэжъуэ* – желтуха); 2) существительное + числительное (*мазибгъу* – девять месяцев, *зы унэ* – один дом); 3) существительное + существительное (*мывэ фIамыщI* – каменный уголь, *гъущI гъуэлъыпIэ* – железная кровать); 4) глаголы с посессивными аффиксами (*щIалэм и цей* – черкеска юноши, *хъыджэбзым и бостей* – платье девушки); 5) существительное + местоимение (*си унэ* – мой дом, *мы Iуэхур* – это дело); 6) существительное + причастие (*пэшым щIэсыр* – сидящий в комнате, *тхылъ еджэ щIалэр* – юноша, читающий книгу); 7) глагол + существительное (*уод бостей* – шьешь платье, *совэ щIыр* – пашу землю); 8) глагол + наречие (*дэнэ укIэурэ* – *уздэкIуэр дэнэ* – куда идешь?, *нобэ къокIуэ* – *къокIуэ nobэ* – приезжает сегодня); 9) словосочетания с послелогом. Например: *нобэ лъандэрэ щысщ* – весь сегодняшний день сидит, *нарт гугъу ещI* – о нартах рассказывает, *шэджагъуэнэужьым къокIуэ* – после обеда приходит [Кумахов 1989: 299–331].

Известно, что для каждого языка существуют специфические сочетательные потенции частей речи. В этом плане важно отметить, что в адыгских языках, как можно судить, по данным М. А. Кумахова, не наблюдается словосочетаний типа: существительное + наречие (ср.: *чай вприкуску, яйца всмятку, продажа в рассрочку, дорога в никуда, кофе по-турецки, шашлык по-карски, лакумы по-чегемски, разговор по-кабардински, шаг назад, путь*

вниз, вид сверху, сдвиг вправо; существительное + существительное типа: *честь труду, слава герою, мир народам, землю крестьянам; пятна на платье, следы на снегу, кровь на лице* и т. п. Небезынтересно отметить, что отдельные из последних типов под влиянием русского языка получают определенное распространение в литературном языке, в частности в языке газет, журналов. Ср. *гуащлэдэклым – щлыхь* «слава труду», *тхылгыр – щлыхубэм* «книги – в массы», *гъавэр – къэралым* «хлеб – государству» и другие, которые пока еще воспринимаются как искусственно сконструированные синтаксические единицы.

Что касается изучения синтагматических отношений на лексическом и семантическом уровнях, то в адыгском языкознании эта проблема специально не рассматривалась. Между тем ее исследование имеет важное теоретическое и практическое значение, особенно оно представляет значительный интерес для лексикологии в целом и толковой лексикографии в частности [Апажев 1994: 4–8]. В связи с тем, что комбинации слов в тексте осуществляются по определенным синтаксическим правилам, а «сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной семантикой», различают синтаксическую и лексическую сочетаемость слов, причем «синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость – его индивидуальным значением» [Шмелев 1973: 160].

В отличие от синтаксического уровня на лексическом уровне сочетаемость проявляется в избирательности лексем; ср.: «оказать услугу, внимание» при недопустимости «оказать заботу, интерес» [ЛЭС 1990: 483], для последних имеется своя избирательность: «проявить заботу, интерес».

В ряде мест данной работы мы, рассматривая отдельные вопросы лексико-семантической системы, касаемся лексической сочетаемости. Здесь необходимо остановиться на этом вопросе более подробно. Лексическая сочетаемость теснейшим образом связана с такими сугубо прагматическими вопросами: Как сказать? Можно ли так сказать? Как лучше сказать? Можно ли такое-то существительное сочетать с таким-то существительным, прилагательным, наречием и т. д.? К сожалению, наши толковые словари далеко не всегда отвечают на эти вопросы. Не созданы еще лексиконы, которые более или менее полно отражали бы валентностные способности слов. Возьмем конкретный пример. В кабардино-черкесском языке глагол *етын* – «дать» лексически сочетается с целым рядом существительных, тогда как каждое из этих существительных, то есть их эквивалентов, в русском языке сочетается со своим «избранным» глаголом. Например:

	<i>объявленэ</i> – дать объявление, дорогу, право
	<i>судым</i> – предать суду, военному трибуналу
	<i>выговор</i> – объявить выговор, благодарность
	<i>орден</i> – наградить орденом, медалью
<i>ЕТЫН</i> –	<i>званэ</i> – присвоить звание (почетное, ученое)
	<i>премэ</i> – присудить премию, ученую степень
	<i>повесткэ</i> – вручить повестку
	<i>сыхъэт</i> – давать часы (уроки)

Слово *тхъэщлын* – мыть сочетается с существительным *хъэкъущыкъу* – посуда, *напэ* – лицо, *лэ* – рука, *вакъэ* – обувь, *машынэ* – машина, ср. новое: *пылэщлэр тхъэщлын* – обмыть новую шапку (перен.). Переходные глаголы *гъэпсклын* – купать, *жъыщлын* – стирать, неперех. *жъыщлэн* – стирать вообще свободно сочетаются с различными частями речи, как и в русском языке. Ср.: *сабийр гъэпсклын* – купать ребенка, *шыр гъэпсклын* – купать коня, *джанэр жъыщлын* – стирать сорочку и мн. др. Однако глаголы того же семантического круга – *лъэсын* «мыть», *хущлын* «мыть» – обнаруживают заслуживающее внимания лексикографа своеобразие. Дело в том, что *лъэсын* сочетается только с существительными: *хугу* – пшено, *прунж* – рис, *унэлъэгу* – пол, *вакъэ* – обувь, *бжэщхъэлу* – порог и нек. др., а *хущлын* – только с *щхъэ* – голова. Ср. перен.: *и щхъэр хущлын* – устроить кому-н. головомойку.

Лексическая сочетаемость слова тесно связана с его семантической структурой и

обуславливается богатством или бедностью семантики слова. Выше, в разделе «Полисемия», приводились *примеры*, подтверждающие сказанное. Рассмотрим здесь еще несколько примеров. В КРС дано всего три значения глагола *зехьэн* – носить, которые сопровождаются двумя примерами в выходной части (дом и одежда), призванными, по мнению автора словарной статьи, проиллюстрировать синтагматические отношения или валентностные способности этого слова в современном кабардино-черкесском языке. Между тем, как показывает беглый анализ, связи у этого глагола, его сочетательные способности оказались несравненно более широкими, как и сама его семантика. Покажем это на примере, который приводится ниже в виде словарной статьи «Кабардинско-русского словаря».

Зехьэн 1. *жьым пцIацэ гъуар зэрехьэ* – ветер разносит сухие листья; 2. *ныбэкIэ зехьэн* – носить плод под сердцем (о ребенке); 3. *пацIэ, жьакIэ зехьэн* – носит усы, бороду; 4. *Iэцэ, Iэлгын, нэгъуджэ, вакъэ зехьэн* – носить оружие, кольцо, очки, обувь; 5. *унэцIэ, цIэ лъапIэ зехьэн* – носить фамилию, почетное звание; 6. *ямIэ зехьэн* – обмазать, побелить (дом, помещение); 7. *фадэм зэрехьэ* (о состоянии тошноты после опьянения) ср.: разносит, тошнит; 8. *хабзэ зехьэн* – соблюдать обычаи, традиции, *адыгагъэ зехьэн* – соблюдать адыгский этикет; 9. *къулыкъу зехьэн* – нести службу, *къэрал зехьэн* – руководить государством; 10. *сымаджэ зехьэн* – ухаживать за больным, *сабий (лIыжэ, фызыжэ) зехьэн* – ухаживать за ребенком (стариком, старухой); 11. *Iэнэ зехьэн* – обслуживать пиршественный стол, ухаживать за гостями, разносить блюда, подавать на стол; 12. *бзаджэнаджагъэ, мыхъумыщIагъэ зехьэн* – творить, совершать нечто безнравственное, *залымыгъэ зехьэн* – чинить несправедливость; 13. *бзэгъу зехьэн* – доносить, ябедничать, *псалъэ зехьэн* – сплетничать; 14. *кIэкIэ зехьэн* – (разг.) наводит беспорядок, вызывать беспокойство, взбудоражить окружающих; ср. прост. мутить, бузить; 15. *унагъуэ зехьэн* – вести домашнее хозяйство, *луэху зехьэн* – вести делопроизводство (может быть, допустима интерпретация данного ЛСВ как оттенка значения пункта 9); 16. *луэхур зехьэн* – (юр.) вести дело. Возможны и другие оттенки.

Еуэн 1. перех. бить, побить, ударить кого-что-л.; *напэм еуэн* – ударить, бить по лицу; *бгым джэдыкIэкIэ йоуэ* (поговорка) – бьет яйцами по скале, ср.: бьет из пушки по воробьям; 2. неперех. бить, пробить; *сыхъэтыр къоуэ* – часы бьют, *сыхъэтипцIыр къеуащ* – часы проббили десять; 3. неперех. 1) издавать звуки, звон ударами; *уэзджынэ къоуэ* – колокольчик звенит; 2) бить, ударить; *тхъэгъуш еуэн* – бить в колокол; 3) *Iэгу еуэн* – хлопать в ладоши; *Iэгу йоуэ* – хлопает в ладоши; 4. неперех. стрелять; *нэщанэ еуэн* – стрелять по мишеням, *мэзджэд лъэтам еуэн* – стрелять по взлетевшему фазану; 5. жалить, ужалить, укусить, (о змее, насекомых – осе, пчеле и др.); *блэ зэуар аркъэным щоштэ* (посл.) – ужаленный змеей аркана боится; *сыт къоуар – бжэ хъэм хъэдзыгъуанэ?* – букв.: что тебя ударило (укусило)?, вместо правильного: кто тебя ужалил (укусил)?; 6. прихватить, побить что-л. морозом; *мылэрысэм (кIэртIофым) щIылэ еуащ* – яблоки (картофель) побило морозом; 7. навредить, испортить что-л.; *хъун хэуэн* (о траченном молью), *хъун хэуащ (еуащ)* – моль поела; 8. играть на каком-л. музыкальном инструменте, исполняя что-л.; *Iэпэшынэ, пианинэ, мандолинэ еуэн* – играть на балалайке, пианино, мандолине; *вальс еуэн* – играть вальс; 9. косить что-л.; *мэкъу, мэш еуэн* – косить сено, просо; 10. рубить что-л.; *мэз, чы еуэн* – рубить лес, хворост; 11. перен. выступить против кого-л. с критикой; *ар начальникым еуащ* – он выступил против начальника с критикой. Кроме того, известны устойчивые сочетания, тяготеющие к фразеологизмам, в которых реализуются другие, не отмеченные здесь, лексико-семантические варианты рассматриваемого слова. Ср.: *хуабэ еуэн* (о тепловом ударе); *хуабэ къеуащ сабийм* – теплом ударило ребенка; *дыгъэ еуэн* «1) подвергнуться солнечному удару, вызвать болезненное состояние у человека и животных, обусловленное нарушением мозговых функций в результате непосредственного действия солнечных лучей на голову» [СО–22: 190]; 2) сильно подействовать солнечными лучами, обгореть сверху (о фруктах, овощах и т. п.); *гум еуэн* – причинить страдание, сердечную боль; *тхъу еуэн* – бить масло; *псыдыуэ еуэн* – присосаться (о пиявке); *бадзэ еуэн* – 1) гнать, отгонять мух; 2) перен. бездельничать; *пхъэлс еуэн* – строгать рубанком, фуганком и т. п.; *лъы еуэн* – сделать кровопускание; *шоткIэ еуэн* – чистить щеткой, наводя глянец; *сабэ еуэн* – 1) выбивать пыль, выколачивать пыль (из ковра, одежды); 2) стряхнуть, сбивать, счищать пыль с поверхности чего-л.; *щыблэ еуэн* – об ударе молнии; *щыблэр жыгым еуащ* – молния ударила в дерево; *ерэч еуэн* – обработать шкурку, овчину, кожу особым

- 14) *псыр кьоклуэ* – вода **идет**
- 15) *лугъуэр йокI* – дым **идет**
- 16) **хъунщ, сыарэзыщ, – идет**, да, согласен, ладно
- 17) *мэ дахэ кьыклэрех* – от него **идет** аромат
- 18) *мэ кьыжьэдех* – запах **идет** изо рта
- 19) *мэ кьыклэуэцлех* – запах **идет** изнутри
- 20) *мащэм бамэ кьрех* – вонь **идет** из ямы
- 21) *гъущI лунэр блыным хохъэ* – гвоздь **идет** в стену
- 22) *шырыкьур лъыхьэркъым* – сапог **не идет** на ногу
- 23) *луданэр флэхьэркъым* – нитка **не идет** в иголку
- 24) *и жеин кьаклуэркъым* – сон **не идет**
- 25) *зэманым докIу* – **идет** с веком наравне
- 26) *лүэхур зауэм хуоклуэ* – дело **идет** к войне и нек. др.

Рассмотрим еще слово «снять» с его кабардинскими эквивалентами, общее число которых составило 37 не дублирующих друг друга единиц.

- книгу с полки – *тхылгыр полкэм кьехьэхын*
шапку – *пылэр щхьэрыхын*
одежду – *щыгъыныр щыхын*
обувь – *вакьэр лъыхын*
пальто с вешалки – *бэлътор флэдзанлэм кьыфлэхын*
фартук, очки – *клэпхыныр, нэгъуджэр лухын*
телефонную трубку – *телефон трубкэр кьытехын*
швы – *зэрадыжа луданэхэр кьыхэхыжын*
кинжал – *кьамэр цлэхын, клэрытлэтыкIын*
перчатки, кольцо – *лэлъэр, лэлъыныр лэрыхын*
орден, медаль – *орденыр, медалыр клэрыхын*
фото, фильм, копию – *сурэт, фильм, копие техын*
погоны, эполеты – *дамэтелъхэр техын, кьытехын*
брошь, булавку – *бгъэхэлур, мастэкъуанишэр хэхын*
серьги, браслет – *тхьэкIумэ тхьэгъухэр ихын*
галстук, кашне – *пцэдэлгыр дэхын*
хомут, уздечку; бусы, портупею – *...пцлэхэхын*
коньки – *лэрыжэхэр цлэтлэтыкIын*
строительные леса – *теуванлэхэр лухыжын*
войска – *дзэхэр кьылушыжын, кьеджэжын*
подкову с коня – *шым налыр цлэхын*
удила с коня – *шым шхуэлур жьэдэхын*
комнату – *фэтэр кьэщтэн*
урожай – *гъавэр кьехьэллэжын*
вражеского часового – *бий часовойр укIын, пхын*
картину со стены – *сурэтыр блыным кьыклэрыхын*
свое предложение – *предложенэм кьегъэгъээжын*
яблоки с дерева – *мылэрысэр кьыпычыжын*
арбузы, огурцы, помидоры – *...кьыщлэчыжын*
пенку с молока – *шащхьэр кьытелъэщIыкIын*
кукурузу – *нартыхур кьыдэчын*
первач с самогона – *аркьэ пэтеж тегъэжын*
студентов с занятий – *студентхэр еджэным кьытечын*
с работы – *лэжъанлэм кьытегъэкIын, кьылугъэкIын*
с учета – *учетым кьыхэдзыжын, кьыхэгъэкIыжын*
показание – *показанэ кьелыхын*
голову с плеча – *щхьэр флэхын*

Глаголы подобного рода, избирательно сочетающиеся с именами существительными, обслуживающие определенные, «избранные» слова (нередко даже единственное слово), нами условно называются «глаголами одноразового использования», в отличие от свободно сочетающихся с другими словами единиц, то есть

«глаголов многоразового использования». Это положение можно экстраполировать и на другие типы лексической сочетаемости слова в сопоставляемых языках.

В таком же порядке нами проанализированы лексическая синтагматика и семантика наиболее полисемантических слов кабардино-черкесского литературного языка в сопоставлении с русским. Обнаруженные при этом совпадения и расхождения убеждают нас в том, что необходимо исчерпывающе описать всю лексическую систему в предложенном плане и на основе этого составить новый тип толкового и толково-двуязычного словаря с национально ориентированными, антиинтерференционными параметрами, с параллельным толкованием значений, описанием функционирования слова в речи, его сочетательных, валентностных способностей, «лексической совместимости» с другими словами внутри одной языковой системы, а также «семантической совместимости / несовместимости» слов одного языка со словами другого языка. Своеобразие лексической сочетаемости слов удастся обнаружить полнее и глубже при контрастивно-типологическом исследовании: то, что вполне естественно, традиционно в одном языке, часто недопустимо, а иногда и немыслимо в другом (ср.: *лошадь сидит; старик пил сигарету; мальчик пьет борщ; что это идет навстречу мне – волк или овчарка? что укусило ребенка? что тебя ужалило? что родила соседка? что вытоптало весь наш огород? что повалило нашу кукурузу?* и т. п.). Исходя из кабардино-черкесского материала, по-видимому, следует несколько иначе подойти к традиционному делению существительных на одушевленные и неодушевленные вообще и к специфике их лексической сочетаемости с различными словами в частности.

Своеобразие кабардино-черкесского языка в области лексической сочетаемости слов, помимо всего прочего, объясняет в определенной мере тот факт, что одной из сложных, трудных сфер в этом языке, в частности для тех, кто изучает его как неродной, оказываются не только грамматические категории сами по себе, на что обычно ссылаются, а их переплетение с особыми закономерностями лексической сочетаемости слов, при котором многочисленные единицы еще более индивидуализированы, чем, например, в русском и некоторых других индоевропейских языках, и обладают высокой степенью конкретности действий. Надо думать, что это обстоятельство занимает не последнее место в формировании национальной самобытности кабардино-черкесского и ближайше родственного адыгейского языков, проявляющейся в известной их афористичности и лаконичности.

М. И. Фомина отмечает, что «лексическая сочетаемость нередко влияет на развитие новых значений слов; сначала только в пределах определенных словосочетаний, а затем – семантической структуры слова в целом, что влечет за собой изменения в лексических группах (парадигмах)» [Фомина 2001: 15]. Далее автор ссылается на развитие парадигматических и синтагматических связей слова «география», являющегося, на наш взгляд, весьма показательным как для русского, так и для кабардино-черкесского и многих других языков, в которых появились новые сочетания: *география кукурузы, г. гречихи, г. командировок, г. подсолнечника, география выпускников КБГУ, г. адыгских слов, г. соревнования, г. совместных предприятий, г. нашего влияния, г. малого бизнеса, г. городов и сел, г. внешней торговли, г. промышленности, г. морского, речного, ж.-д. транспорта* и мн. др. [Апажев 2000: 175–193].

Приведенные факты наглядно и убедительно демонстрируют, как быстро развивается наука, в частности комплекс географических наук, как широко распространяются научные термины в жизни и получают прочное место в языке науки, а затем и в общелитературном языке. Действительно, многие из них вообще появились совсем недавно. До революции немногие кабардинцы и черкесы знали, что такое география, некоторые пользовались арабской формой этого термина – *джогъурафье*. В послереволюционное время география становится одной из популярных научных дисциплин, и, пожалуй, все приведенные сочетания, за редкими исключениями, известны и употребительны в современном кабардино-черкесском языке.

Возникает тот же вопрос: что здесь первично – полисемия слова «география» или его валентность, парадигматика или синтагматика? Что же здесь важнее – то, что многозначность слова «география» обусловила способность его употребления со столь большим кругом слов, понятий, или, наоборот, сочетание слова «география» с данными словами, понятиями оказало влияние на развитие таких значений в слове «география»?

Что послужило толчком, первопричиной развития – семантика или сочетаемость? Невозможно разделить эти две стороны функционирования слова, как два неразрывно связанных процесса (развитие значения и расширение сочетательных возможностей), протекающих в слове одновременно, постоянно взаимодействуя, взаимовлияя, взаимообогащая, взаимодополняя.

Механизм взаимодействия двух этих начал (парадигматики и синтагматики) в слове очень сложен. По-видимому, в семантике слова потенциально содержится данная способность, а речевая практика реализует эту потенцию, употребляя слово в контексте вначале, может быть, несколько необычно, далее необычное становится привычным, наконец, и популярным. Развивая новую сему, новое значение в себе, слово одновременно закрепляет за собой способность притягивать к себе те или иные слова. И поэтому, естественно, каждый опытный лексикограф, выявляя все значения слова и, как бы по совету Л. В. Щербы, «не мудрствуя лукаво», ищет иллюстрации, подбирает авторитетные подтверждения в виде словосочетаний с данным словом, постоянно контролируя себя и задаваясь одним и тем же вопросом: говорят ли так кабардинцы и черкесы, выражаются ли так русские? Если лексикограф не нашел таких словосочетаний, шире – контекстов, в которых реализуются эти новые семы, значит, он не объяснил, не раскрыл всех значений слова или не доказал наличия у этого слова приписываемых ему значений.

Некоторые исследователи все же допускают наличие примата в данном процессе. Э. М. Медникова как будто бы склонна в качестве примата выставить полисемию. Правдоподобно, но едва ли это доказуемо. Это, однако, не означает, что доказуемо обратное. Скорее всего, оба эти начала развиваются одновременно в акте речи, где как будто первый толчок идет все же от практики употребления слова, но само-то употребление слова, его сочетание с новым словом, по-видимому, будет невозможно, если в самой семантике слова нет (хотя бы в потенциальном состоянии) этой семы, воплощаемой, актуализируемой в данном контексте.

Благодаря такому употреблению у слова «география» появилось не только в русском, но и в кабардино-черкесском и других языках новое значение (или оттенок значения) – «границы размещения, распространения чего-кого-л.», которое закрепилось в лексической синтагматике, а затем повлекло за собой изменения в парадигматических отношениях, например, при образовании нового ряда слов, близких по значению: *география, граница, место, область, район, регион, территория, ареал...* Это новое значение зарегистрировано в первом русском неологическом словаре [НСЗ 1973: 121].

Словари кабардино-черкесского языка еще не отмечают это значение слова «география», однако в устной речи интеллигенции и молодежи нами замечены случаи его употребления. Например: *Спонсор хуэныкзуэхэм я географием зеубгъу* – Расширяется география нуждающихся в спонсорах; *Къэбэрдей-Балъкъэр телевидением и географием зиубгъуащ* – Расширилась география Кабардино-Балкарского телевидения; *Университетымрэ Педколледжымрэ къэзухахэм я географием ущеплъкIэ, уи псэр мэгуфIэ, уи гум хохъуэ, уи зэхэцIэхэм залт* – Когда знакомишься с географией выпускников университета и педколледжа, душа радуется, сердце наполняется чувством гордости (примеры взяты из устных выступлений на студенческом собрании, из телепередач и бесед с учащимися педколледжа Нальчика).

Таким образом, контекст способствует расширению семантики слова, а семантика слова – расширению контекстуальных возможностей (связей) слова, что обусловлено диалектическим единством парадигматики и синтагматики слова.

На основе проведенного анализа материала автор приходит к выводу о возможности дополнить традиционно выделяемые в адыгских языках четыре типа объединения слов: полисемия, омонимия, антонимия, синонимия [Яковлев 1948: 129–131; Шагиров 1962: 38–47; Апажев 1963: 93–138; Дзасежев 1964: 8–13; Шаов 1988: 148–165; Гяургиев, Дзасежев 1991: 9–17] – еще восемью типами группировки лексических единиц [Апажев 1988б: 6–16], что делает нашу типологию несколько отличной от некоторых классификаций слов, предложенных в русистике в последнее время [Денисов 1980; Новиков 1982; Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984: 47–56]. Дальнейшее развитие семасиологии, отечественной и зарубежной, и ее творческое приложение к кабардино-черкесскому и в целом адыгскому материалу позволят глубже проникнуть в специфику организации лексико-семантической системы в этих языках и, возможно, выявить в них еще другие типы

объединения слов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что учение о лексико-семантической системе помогает глубже, разностороннее описать содержательную сторону лексического состава со всеми присущими ему категориями и явлениями, а также объективно существующих отношений и типовых связей между лексическими единицами. Более того, теория о лексико-семантических категориях – одна из научно-методических основ лексикографии, в особенности толковой лексикографии.

В заключение отметим, что итогом исследования лексико-семантической системы может быть создание словарей семасиологического типа, построенных по принципу «от слова к понятию», как, например, толковые, омонимические, паронимические, и словарей ономасиологического типа, организованных по принципу «от понятия к слову», как, например, тематические, идеографические, синонимические, антонимические, аналогические. Необходимо также разработать на материале адыгских языков новый тип многоаспектного словаря, который сочетал бы в себе одновременно все важнейшие параметры названных выше лексикографических произведений. Первой в отечественной и зарубежной лексикографии удачной попыткой создания такого словаря явился комплексный учебный словарь «Лексическая основа русского языка», подготовленный под руководством проф. В. В. Морковкина (1984; 2-е изд. 2004).

5. Лексико-стилистическая система

Представляется правомерным выделить в лексике кабардино-черкесского литературного языка следующие три основных стилистических пласта или группировки: нейтральная, устная (разговорная) и письменная (книжная) лексика.

5.1. Нейтральная лексика

К нейтральной, или межстилевой лексике относятся слова, служащие немаркированными наименованиями конкретных предметов: *щлакхъуэ* – хлеб, *гъуэгу* – дорога, *шы* – лошадь, *жэм* – корова, *хъэ* – собака и др.; явлений природы: *уэшх* – дождь, *уэс* – снег, *жъы* – ветер и др.; наименования частей тела человека и животных: *лэ* – рука, *лъакхъуэ* – нога, *нэ* – глаз, *щхъэ* – голова, *гу* – сердце и др.; термины родства: *анэ* – мать, *адэ* – отец, *кхъуэ* – сын, *пхъу* – дочь и др.; важнейшие глаголы действия, движения, состояния: *кхуэн* – ходить, *жэн* – бежать и др., все без исключения местоимения: *сэ* – я, *уэ* – ты; *дэ* – мы, *фэ* – вы, *хэт* – кто, *сыт* – что и др.; все без исключения числительные: *зы* – один, *тху* – два, *цы* – три... и др.; обозначения основных признаков предметов и действий: *хужь* – белый, *фхыцхэ* – черный, *плъыжь* – красный, *хуабэ* – теплый, *щхыцхэ* – холодный, *дахэу* – красиво, *фхыуэ* – хорошо, *изу* – полно, *губзыгъэу* – умно и др. В межстилевую лексику включается также основная масса служебных частей речи. Нейтральная лексика, хотя и характеризуется немаркированностью, нулевой стилистической и экспрессивной окраской, является базой для образования и пополнения лексических систем других функциональных стилей литературного языка. При этом пополнение самой нейтральной лексики кабардино-черкесского языка происходит не только за счет внутренних ресурсов, но и путем заимствования: *стэчан* – стакан, *насыт* – счастье, *тенджыз* – море, *ахъшэ* – деньги, *акъыл* – разум и др.

5.2. Лексика стиля устной речи

Данная лексика представлена двумя разновидностями: разговорно-бытовой (просторечно-обиходной) и фольклорной лексикой.

1. На фоне рассмотренной выше нейтральной лексики отчетливо выделяются слова разговорно-бытовой лексики. К числу их можно отнести следующие лексические единицы с негативной окраской: *джэдэн* – тащиться, переться, *кхъээн* – болтать, *исыкхын* – 1. убираться, уйти восвояси; 2. опьянеть; *лупхэн* – убирать, покончить с кем-н., кокнуть; *кхэцхуэн* – раскритиковать кого-н., *пхыхун* – провалиться (на экзаменах, состязаниях),

игъэсыкIын – израсходовать (деньги, имущество), *мацIэ* – очень много; *бажэ* – хитрый, *шыд* – глупец и мн. др.

Как легко заметить, приведенные слова, за редкими исключениями, имеют своим источником нейтральную лексику, где они не обладают данной экспрессивно-стилистической нагрузкой, функционируя лишь в основных (прямых) значениях. Ср.: *къэвэн* – вариться, кипеть, *исыкIын* – выгореть, *бажэ* – лиса, *кIэцIэуэн* – ударить снизу, *пыхун* – провалиться сквозь что-н. (лед, крышу), *IynIэн* – прикрыть, закрыть; *мацIэ* – саранча; *шыд* – осел, *игъэсыкIын* – каузатив от *исыкIын* выгореть.

Сюда же относятся слова и выражения с адгерентными свойствами: *фIохъусыж!* – С приездом! (выражение явного несогласия, возражения собеседнику. Ср. с русск.: Привет! Как бы не так!); *шхъэгъэва!* – вареная голова! (ответ на повторяющийся вопрос: Что принес? Что купил?...); *ШыкъуртIым!* – Сосновые шишки! (идентично: Что спрятал? Что в руке? Покажи, что у тебя в кармане?...); *Куэду фIыц!* – Очень хорошо!; Ну и пусть! *Хъэдырыхэ!* – На тот свет! (ответ на назойливые расспросы: Куда идете?); *ТхъэкIумэ яцэ, жи!* – Уши, говорят, продают! (тому, кто надоедливо пристает с вопросом: А что сказали?); *Тэрч кхъуэ зэпыросыкI, жи!* – Говорят, что свинья через Терек переплывает! (то же). Хотя количество подобных явлений довольно и значительно, они, к сожалению, лингвистически еще не описаны.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что стилистические пласты лексики создаются далеко не всегда собственно словами – лексемами, а лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Многочисленные полисемантические слова нейтрального стиля становятся разговорными, просторечными, книжными или специальными терминами... «Стилистическое расслоение слова при наличии у него ряда значений – явление несколько более типичное, чем стилистическое единство многозначного слова» [Калинин 1978: 169].

В ряде случаев изменение произношения слов может привести к изменению их стилистической принадлежности. Так, например, нейтральные для современного кабардино-черкесского литературного языка такие слова и названия, как офицер, генерал, Америка, Япония и т. п., могут приобрести просторечный характер. Ср.: *офицер* – *IэфIицар*, *генерал* – *инэрал*, *фельд-шер* – *фэршыл*, *революцэ* – *ервэлуцэ*, *Америка* – *IамрыкI*, *Япония* – *Япон* и мн. др. Это явление наблюдается и в местных топонимических названиях. Ср. разговорные (просторечные): *Третэ Къызбрун*, *Второй Лэсчэн* и т. п. с рекомендуемыми официальными формами: *Къызбрун Ещанэ*, *Лэсчэн ЕтIуа-нэ*. Сюда же следует отнести такие разговорные, неофициальные названия учреждений, органов управления, как *Дом совет*, *Дом культурэ*, *Совет министр* и др. вместо официально принятых: *Советхэм я унэ*, *Культурэм и унэ*, *министрхэм я Совет* и мн. др.

5.3. Фольклорная лексика

Фольклорная лексика довольно многочисленна, и поскольку она не ограничивается одной лишь устной поэзией, а характеризует произведения всех жанров устного народного творчества, то правильнее, на наш взгляд, назвать соответствующий стиль фольклорным, но не устно-поэтическим. Приведем несколько примеров: *алъп* – сказочный конь, *афэ* – кольчуга, *иныжъ* – великан, *тхъэлухуд* – фея, *хур* – гурия, *абрагъуэ* – великан, *алмэсты* – снежный человек, *губгъуэ нанэ* – баба-яга, *нэжъгъуэцIыдзэ* – колдунья, *уацхъуэ мывэцхъуэкланэ* – клятва, *жанишэрхъ* – стальное колесо, *тхъэгурымагъуэ* – предсказатель, маг и мн. др. Данная лексика обстоятельно рассмотрена в работах М. А. Кумахова и З. Ю. Кумаховой (1979, 1995, 1998).

5.4. Лексика книжного стиля речи

Внутри книжной лексики современного кабардино-черкесского литературного языка более или менее отчетливо выделяются две группировки: научно-педагогическая и газетно-публицистическая. Известно, однако, и другая точка зрения, согласно которой можно выделить еще третью группировку, характеризующую якобы автономно функционирующий «литературно-художественный стиль» адыгских языков. На наш взгляд, достаточных оснований для выделения литературно-художественного стиля в

самостоятельный стиль современного кабардино-черкесского литературного языка не имеется. Дело в том, что в языке художественной литературы мы находим разновидности всех стилей, и каких-либо специфических черт, кроме общепринятых, нормативных явлений и их вариантов, присущих другим стилям, здесь не обнаруживается. В связи с этим мы не можем не присоединиться к мнению тех лексикологов, согласно которым включение т. н. «художественного стиля» в число функциональных стилей не является обоснованным. «Иногда в число функциональных стилей ошибочно включают так называемый «художественный стиль» (язык художественной литературы), но язык художественной литературы содержит элементы всех стилей как эстетически организованные изобразительные средства литературного произведения» [Новиков и др. 1987: 109; 1999: 277].

Рассмотрим названные выше две группировки слов лексико-стилистической системы современного кабардино-черкесского литературного языка.

5.5. Научно-педагогическая лексика

Научно-педагогическая лексика складывается в основном в послеоктябрьскую эпоху, хотя отдельные научные термины, конечно, были известны кабардинцам и черкесам еще до революции. Об этом свидетельствуют, как было показано выше, словарные материалы отечественных и иностранных ученых, в частности лексикографические труды Ш. Б. Ногмова (1830) и Л. Г. Лопатинского (1890). Для данной лексики характерны прежде всего терминологические системы, довольно широко представленные в современном кабардино-черкесском литературном языке. Кроме того, для рассматриваемой лексики, особенно научной, обычны различные служебные, вводные (модальные) слова, а также обороты речи, как правило, редко встречающиеся в других стилях. Например: *япэрауэ* – во-первых, *етлуанэрауэ* – во-вторых, *абы къыхэкклэ* – ввиду этого, вследствие этого, в связи с этим; *абы щхэкклэ* – поэтому, по этой причине, благодаря этому; *сыт щхэкклэ жыплэмэ* – потому что, так как, ибо; *къапштэмэ* – взять, к примеру; *араши* – итак, таким образом; *си гугъэмклэ* – по-моему мнению; *пэжш* – правда, да; *дауикл* – конечно, разумеется; *гурылуэгъуэщ* – понятно, ясно; *хэзыгъэгъуазэ* – введение, вступление; *клэух псалъэ* – послесловие, заключение; *гъэсэнэгъэ лэжъыгъэ* – воспитательная работа, *унэ лэжъыгъэ* – домашнее задание, *уравненэ зэхэлъхэн* – составить уравнение; *склонять щлын* – склонять; *спрягать щлын* – спрягать; *щхэ* – лицо (грам.), *зэман* – время (грам.), *лэабжэ* – корень (лингвистич.), *гъэбэгъуэн* – умножать (мат.), *хуэгъуэшын* – делить (мат.), *хэлъхэн* – прибавить (мат.), *къыхэхын* – вычестъ (мат.) и мн. др.

Говоря о лексике научного подстиля, необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство современной терминологии кабардино-черкесского языка заимствовано из русского литературного языка. Но здесь небезынтересно отметить другое, а именно, то, что отдельные кабардинские слова, вошедшие в русскую терминологическую лексику и известные представителям соответствующих наук, напр., танец «кабардинка», шапочка «кабардинка», лошадь «кабардинка» и «кабардинец» (Даль, БАС), овес «кабардинец», кукуруза «кабардинец», жук «кабардензис», лечебная соль «нартшуг», техническая глина «нальчикин», минеральная вода и источник «нарзан» и др. [Апажев 1977: 11–19] стали обратными заимствованиями для кабардино-черкесского языка.

5.6. Газетно-публицистическая лексика

Эта одна из самых многочисленных и подвижных в лексико-стилистической системе кабардино-черкесского литературного языка, разнообразнее и глубже других влияющая на всю речевую практику кабардинцев и черкесов. Трудно найти какую-нибудь стилистическую разновидность языка, куда бы не проникли слова и выражения газетно-публицистического стиля. Это объясняется тем, что в газете, прессе в целом, сталкиваются и как бы перемешиваются самые разные стилистические пласты лексики литературного языка, ибо почти всеохватна тематика и безгранично широк диапазон интересов газеты и современных читателей. В первые годы национальной кабардино-черкесской письменности, в условиях отсутствия достаточного количества учебников и различных

пособий, газета на родном языке явилась важной рассадницей грамотности, культуры, а также научных, общественно-политических, технических, общекультурных терминов, новых русских, советских заимствований. Как убедительно свидетельствует анализ этого слоя заимствований, по газетам легко восстанавливаются не только пути и способы проникновения, этапы освоения, но и сама траектория полета многих сотен новых русских слов и тысяч интернациональных терминов, исходной точкой, своеобразной стартовой площадкой которых в основном явилась газета, вооружаемая в свою очередь из неисчерпаемых лексических запасов русского литературного языка. Ограничимся небольшим количеством примеров: *бэзныгъэ* – борьба, *гъащӀэ еплъыкӀэ* – взгляды, *дуней еплъыкӀэ* – мировоззрение, *хуитыныгъэхэр* – свободы, *хэхыныгъэхэр* – выборы, *къарухэр* – силы, *жэрдэм* – инициатива, *ухуэныгъэ* – строительство, *унэтӀыныгъэ* – направление, *тегъэгъушхуакӀуэ* – вдохновитель, *ныкъуэкъуэгъу* – конкурент, *ядернэ Ӏэщэ* – ядерное оружие, *къэралщӀыб политикэ* – внешняя политика, *къару узэдахэр* – вооруженные силы, *зауэ тхыдэ* – военная история, *хъун-щӀакӀуэ зауэ* – грабительская война, *демократизацэ* – демократизация, *зэхъуэкӀыныгъэ* – перестройка и др.

Таким образом, лексика кабардино-черкесского литературного языка представляет собой систему стилистически или экспрессивно-стилистически взаимосвязанных единиц, образовавшихся (сложившихся) на базе нейтрального, общепотребительного лексического слоя и сгруппировавшихся вокруг трех названных выше стилей.

Итак, в данной части мы рассмотрели проблему системности лексики, являющейся одной из основополагающих не только в адыгской, но и во всей отечественной и зарубежной лингвистике. Отмечалось, что у разных авторов по-разному решается эта проблема: одни, признавая системность языка в целом, отвергают ее наличие в лексике, другие, принимая идею системности лексики, недостаточно ясно демонстрируют, в чем, наконец, состоит эта системность и какова специфика ее проявления в лексике. Существует ряд определений лексической системы, разделяемых большинством ученых. Однако, когда дело доходит до конкретного содержания и составных элементов лексической системы, мнения ученых существенно расходятся. Все это свидетельствует об отсутствии удовлетворительной типологии лексических единиц языка. Как видно из всего изложенного выше, наша типология основывается на понимании лексической системы как совокупности четырех взаимосвязанных макрогруппировок слов: лексико-семантической, лексико-тематической, лексико-грамматической и лексико-стилистической, анализ которых позволяет сделать следующие выводы.

I. Одним из главных итогов рассмотрения лексических группировок кабардино-черкесского языка следует считать необходимость учета системных связей и отношений как для правильного понимания и употребления значений слов и терминов, так и для полного, без потерь и досадных пропусков, охвата всех лексических микросистем, что первоначально важно при создании словарей всех типов.

II. На протяжении всей части проводится мысль о важности разграничения двух разных явлений в лексике языка – собственно лингвистического и экстралингвистического, что подтверждалось многократно фактами как кабардино-черкесского, так и русского языков. Такие лингвистические, собственно семасиологические категории, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, паронимия, конверсия и другие, образуют свои специфические группировки, микросистемы, обоснованию правомерности выделения которых в самостоятельные группы посвящена специальная глава. Все эти микросистемы образуют в совокупности одну большую систему – макросистему, которую называем лексико-семантической системой. Что же касается слов, обозначающих материальную среду и предметы материальной культуры (части тела, орудия труда, флора, фауна, одежда и т. п.), то мы, в отличие от некоторых авторов, не находим возможным и логически оправданным включение их в ту же лексико-семантическую систему наравне с синонимами, антонимами и т. п. категориями собственно лингвистического характера, так как они, будучи обозначениями предметов и явлений действительности, образуют свою специфическую, экстралингвистическую систему, соответствующую предметно-логической классификации явлений окружающего мира. Поэтому предпочтительнее называть эту систему в лингвистике лексико-тематической.

III. Если слово, как видим, основная единица и грамматики, и словаря, значит, в грамматике – это совокупность не только его форм и выражаемых ими грамматических значений, но и всех лексико-грамматических классов (частей речи), а в словаре – совокупность всех его лексических значений (ЛСВ) и всех типов объединения слов и их стилистических функций. Такой подход к лексическим единицам позволит лексикологам и лексикографам более объективно, многосторонне представить проблему системности лексики и «вместо довольно отвлеченных утверждений о системности (или несистемности) лексики вообще... выдвинуть более обоснованные предложения о различном характере системных связей внутри различных лексических групп» [Шмелев 1973: 190].

IV. В последние десятилетия термины «структура», «система», «поле» и другие весьма часто употребляются в языковедческих публикациях (возможно, и в данной работе), вследствие чего у неопытного читателя может сложиться впечатление, что эти категории вовсе неведомы традиционному языкознанию и что они стали объектом лингвистики лишь в наше время. Такое мнение было бы крайне неверным и столь же несправедливым. В действительности, как отмечают многие, «традиционное языкознание эмпирически всегда исследовало эти категории, причем зачастую глубже» [Щур 1974: 210].

V. В специальной литературе последних лет появилось несколько нетрадиционных классификаций типов группировки слов. Так, Д. Н. Шмелев [1977: 49–149, 183–233] рассматривает 7 лексико-семантических групп, П. Н. Денисов [1980: 119] выделяет 10 типов, причем, наряду с синонимами, антонимами и другими группами, сюда включена и лексико-тематическая группа. В научно-методической работе коллектива авторов предлагается 10 типов лексико-методических групп, куда также вошла лексико-тематическая группа [Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984: 47–56]. Предлагаемая нами типология лексических микросистем состоит из четырех макросистем: лексико-грамматической, лексико-стилистической, лексико-тематической и лексико-семантической, причем последние две группировки, принципиально различаясь между собой, охватывают соответственно 115 тематических групп и 12 лексико-семантических категорий [Апажев 1988б: 6–16; 1992: 62–259; 2000: 25–214].

VI. Если попытаться показать, как связывается каждая лексическая единица со всеми описанными здесь типами лексических объединений или какими нитями она входит в те или иные группировки, то можно продемонстрировать это на примере слова *дахэ* – красивый.

1. *Дахэ* по своей семантике многозначно и образует ряд ЛСВ, что проявляется в следующих примерах: *теплэ дахэ* – вид красивый, привлекательный, *макэ дахэ* – голос приятный, благозвучный, *луэху дахэ* – дело благородное, *псалэ дахэ* – слова ласковые, приятные, *игу дахэ хуэцзын* – поласкать кого-н. и мн. др.

2. *Дахэ* входит в антонимическую пару: *дахэ* – красивый, *лей* – безобразный, *дахэ* – благородный: *лей* – низменный (напр. *мурад* – цель).

3. *Дахэ* является членом синонимической группы: *еклу* – стройный, *пкыфлэ* – статный, *дэгзэ* – прелестный, *лэагзугуафлэ* – симпатичный, *тхэлуху* – красавица и др.

4. *Дахэ* участвует в образовании конверсии: а) может выступать не только в роли прилагательного (*унэ дахэ* – дом красивый), но и в роли субстантивированного слова (*Дахэ и цлагэ фо цлэлэц* – Под красивым мед лежит – пословица); б) как предикат в предложении может представлять конверсию (выражение «обратных отношений») *лей* – безобразный, также выступающего в качестве предиката, образуя тем самым одну из разновидностей лексической «противоположности» в широком смысле слова. Например: *Япэрей сурэтыр нэхэ дахэц етлуанэрейм нэхэрэ* – Первая картина красивее, чем вторая – *Етлуанэ сурэтыр нэхэ лейц япэрейм нэхэрэ* – Вторая картина хуже (безобразнее), чем первая.

5. *Дахэ* выступает как член родо-видовых (гиперонимно-гипонимических) отношений. Например: *цыхум и шытыклэ* – *цыхум и теплэ* – *цыхум и сурэт* – *цыху дахэ*, то есть качество – вид – внешний вид (облик) – красивый.

6. *Дахэ* образует одну из разновидностей омонимии – омоформу *даха* – бывший красивым с другой формой *даха* от глагола *дэхын* – вынести и вырезать, а также с русским *доха* – шуба (произносится *даха*). Ср. также: *Дахэ* – каб. жен. имя и название *Дахэ и псынэ* –

родник Дахи и др.

7. *Дахэ* может выступать как пароним: *дахэр* *лэплэклэ дах*, *лейр лэсу яшэ* – красивую (девушку) на руках (вы) носят, а безобразную пешком ведут. Ср. русск.: красив – курсив, красиво – Курсиво и т. п.

8. *Дахэ* входит в словообразовательное гнездо: *гъэдэхэн* – украшать, *хуэгъэдэхэн* – перен. поддерживать, *зыхуэгъэдэхэн* – красоваться перед кем-н., перен. заискивать, *дахагъэ* – красота, *дахэу* – красиво и др.

9. *Дахэ* благодаря своим синтагматическим отношениям вступает в многочисленные словосочетания: *хъыджэбз дахэ* – красивая девушка, *сурэт дахэ* – красивая картина, *удз гъэгъа дахэ* – красивый цветок, *уэрэд дахэ* – красивая песня, *пцыхъэплэ дахэ* – красивый сон, *псалгъ дахэ* – (в прямом и переносном смысле) красивые слова и мн. др.

10. *Дахэ* входит в семантическое поле, образуемое словами: *дахагъэ* – красота, *теплгъэ* – вид, облик, *тхъэлухуд* – красавица, *дэгъуэ* – статный, *зэклуж* – хорошо сложенный, *дагъуэншэ* – безупречный, *гурыхъ* – перен. приятный, *фафлэ* – благовидный, приличный с виду, *фэншэ* – невзрачный и др.

11. *Дахэ* – член ассоциативного поля: *цыху* – человек, *цыхубз* – женщина, *хъыджэбз* – девушка, *сабий* – ребенок, *пкъы* – бюст, корпус, *лэпкълэпкъ* – тело, фигура, *хэку* – родина, *сурэт* – картина, *дуней* – жизнь, *нэ* – глаза, *псалгъ* – слова, *бостей* – платье и мн. др.

12. *Дахэ* входит во многие фразеологические обороты: *дахэжылэ флымышлэ* – говорит красиво, да делает криво; *дахэм къимыхъар лейм къыхъыркъым* – чего не добился по-хорошему, по-плохому не добьешься; *уеплгъмэ*, – *дахэц*, *зэгъуэхмэ банэц* – посмотришь – красиво, раскроешь – внутри колючки; *дахэ псори дахэкъым* – не все красивое – красиво; *дахэу ямыбза дахэу ядыркъым* – что не выкроено ладно, то не шьется складно и мн. др.

13. *Дахэ* по стилистической функции и эмоционально-экспрессивной окраске входит в нейтральную, немаркированную лексику, как, например: *хужь* – белый, *ин* – большой, *цыху* – маленький, *бгъуэ* – широкий и др.

14. *Дахэ* по своему значению и употреблению, по предметно-логической отнесенности включается в лексико-тематическую группу слов, обозначающих признак предмета, а именно внешний вид, переносно, как мы уже видели, и внутреннее свойство предмета или явления. Например: *дахэ* – красивый, *лгъагъуэгъуафлэ* – симпатичный, *псыгъуэ* – тонкий, *лгъагъэ* – высокий, *пшэр* – полный, *гъум* – толстый, перен.: *дахэ* – добрый, хороший (*луэху дахэ* – хорошее, доброе дело, *псалгъ дахэ* – ласковое слово, доброе пожелание) и мн. др.

15. *Дахэ* как обозначение признака или качества предмета входит в лексико-грамматическую систему или класс прилагательных или подкласс качественных прилагательных: *дахэ*, *губзыгъэ* – умный, *узыншэ* – здоровый, *захуэ* – прямой, *плъыжъ* – красный, *къуаншэ* – кривой, *налуэ* – ясный, *къабзэ* – чистый, *нэху* – светлый и мн. др.

Все это показывает, в каких безгранично сложных и многообразных отношениях между собой находятся слова в системе языка.

II. ЛЕКСИКОЛОГИЯ

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

1.1. Принципы классификации словарного состава языка

Слова кабардино-черкесского языка, составляющие в своей совокупности лексическую систему, могут отличаться друг от друга по следующим четырем параметрам:

- 1) по своему историческому происхождению (генетическому составу),
- 2) по степени активности функционирования в современном языке,
- 3) по сфере употребления,
- 4) по экспрессивно – стилистической характеристике. (см. выше)

Наряду с анализом словарного состава как системы изучение особенностей каждого из перечисленных параметров и соответствующих им группировок слов является одной из важных задач лексикологии. Учет этих особенностей и лежит в основе традиционной

классификации словарного состава. По своему историческому происхождению (этимологической классификации) лексика кабардино-черкесского языка делится на исконную и заимствованную. По степени, частоте употребления лексика подразделяется на активные, иначе говоря, регулярно и часто воспроизводимые единицы, и пассивные, т.е. устаревшие, устаревающие (архаизмы, историзмы) и новые слова (неологизмы). По сфере использования слов в лексике выделяются, с одной стороны, общенародные, общеупотребительные слова, с другой – слова, ограниченные либо территориально (диалектизмы), либо профессионально (термины и профессионализмы), либо социально (жаргонизмы, арготизмы).

По стилистической характеристике (по прикрепленности к определенному стилю или отсутствию такой прикрепленности) нейтральная (межстилевая) лексика противопоставляется, с одной стороны, стилистически окрашенной (маркированной), торжественной, высокой, официальной, научной лексике книжной речи и, с другой стороны, разговорной и просторечной лексике устной речи (Новиков и др. 1987: 81). Прежде чем перейти к рассмотрению названных параметров классификации словарного состава кабардино-черкесского языка укажем основные пути развития лексики всякого национального языка.

1.2. Пути развития лексики кабардино-черкесского языка

Словарный состав кабардино-черкесского языка складывался веками. Он состоит не только из исконных слов, но и лексических единиц, заимствованных из многих других языков – кавказских, тюркских, семитских, индоевропейских.

Пополнение, изменение и развитие лексики кабардино-черкесского языка на протяжении всего периода ее исторического формирования осуществлялись следующими основными путями:

1. Создание новых слов на базе имеющихся в языке словообразовательных элементов – корневых и служебных морфем,
2. Изменение и развитие семантики слов,
3. Проникновение слов и выражений из других языков в результате различного рода контактов с другими народами, культурами, языками,
4. Архаизация слов и выражений и последующее выпадение их из употребления.

2. ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ

Этимологическая (генетическая) классификация лексики основана на распределении словарного состава языка с учетом его исторического происхождения. Исходя из этого, лексику каждого языка традиционно делят на исконную и заимствованную.

2.1. ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА

Исконно кабардино-черкесская лексика – это слова, восходящие к одному из пяти следующих источников: общекавказскому, общесеверокавказскому, общеадыгско-абхазскому, общеадыгскому – и унаследованные кабардино-черкесским языком, а также созданные на его базе по существующим в нем моделям собственно кабардино-черкесские лексические единицы.

Несмотря на отсутствие или утерю адыгской письменности в отдаленном историческом прошлом², все же благодаря сравнительно – историческим исследованиям таких языковедов, как П.К. Услар, А. Дирр, Н.С. Трубецкой, Ж. Дюмезиль, Ю. Мессарош, И. Фогт, Н.Ф. Яковлев, В.К. Ломтагидзе, В.Г. Рогава, Г.А. Климов, Б.Х. Балкаров, М.А. Кумахов, А.К. Шагиров, К.С. Шакрыл и др., в настоящее время мы имеем возможность надежно локализовать определенную часть лексики по родственным группам и подгруппам кавказской семьи языков, что, несомненно, является одним из крупных достижений современного отечественного и зарубежного лингвистического кавказоведения.

С точки зрения формирования и становления исконно кабардино-черкесской

лексики в ней можно выделить следующие исторические пласты:

1. Древний пласт, состоящий из слов общекавказского фонда: это те слова, которые перешли из общекавказского через общесеверокавказский в общеадыго-абхазский, из общеадыго-абхазского в общеадыгский, а из последнего в кабардино-черкесский;

2. Следующий пласт состоит из слов общесеверокавказского происхождения, унаследованных кабардино-черкесским языком;

3. Третий по времени формирования пласт исконно кабардинской лексики составляют слова из общеадыго-абхазского языкового единства;

4. Четвертый пласт исконно кабардинской лексики образуют общеадыгские слова, т.е. слова, равно известные как кабардинцам, так и адыгейцам;

5. Наконец, к исконно кабардино-черкесским относятся собственно кабардино-черкесские слова, т.е. слова, образованные кабардинцами и черкесами, специфичные именно для кабардино-черкесского языка и известные у адыгейцев, абхазцев и др. как заимствованные из кабардино-черкесского. Этот пласт вместе с общеадыгским является определяющим в составе исконно кабардино-черкесских слов. Несмотря на то, что эти слова нередко могут содержать иноязычные корни, они тем не менее являются собственно кабардино-черкесскими, так как образованы по кабардино-черкесским словообразовательным моделям и с помощью кабардино-черкесских словообразовательных средств.

Именно эти общекавказские и собственно кабардино-черкесские образования создают специфику лексической системы кабардино-черкесского национального языка, ее потенциальные и реальные возможности, именно они служат главной базой и основным источником ее развития, составляют основной номинативный, а также эмоционально – экспрессивный фонд кабардино-черкесского литературного языка.

Рассмотрим каждый из пяти пластов в отдельности.

2.1.1. Общекавказские и общесеверокавказские слова

Самым древним пластом исконной лексики кабардино-черкесского языка являются общекавказские слова, к числу которых исследователи относят, правда, с определенными оговорками около двух десятков лексических единиц, обозначающих такие понятия, как сердце, душа, локоть, один, два, три, пять, собака, мышь, свинья, луна, шило, воск, соль, теплый, жечь и нек. др. (Климов 1986:109 – 120). Здесь важно иметь в виду, что, согласно данным лингвистической антропологии, распад общекавказского культурного и языкового единства относится «к эпохе не позднее V – го тысячелетия до н.э., т.е. ко времени, когда раннее рабовладельческое общество еще не сложилось не только на Кавказе, но и в Месопотамии» (Климов 1990:146).

Кроме того, Г.А. Климов приводит, с одной стороны, около 40 адыго-абхазско-картвельских лексических параллелизмов со значениями солнце (день), остов (скелет), рука, ребро (кость), бедро (колено), шкура, глотка (зев), волк (лиса), насекомое, бузина, старый, жидкий (редкий), попадать(ся), держать (иметь), лакать (лизать), а с другой стороны, ряд общеадыго-абхазско-нахско – дагестанских лексем со значениями: звезда, язык, бык, имя, свежий (новый), десять, сто (Климов 1966:123 – 131).

2.1.2. Общеадыго-абхазские слова

Более основательно и убедительно представлен в лингвистическом кавказоведении общий лексический фонд адыго-абхазских языков, с учетом современных достижений отечественной и зарубежной компаративистики обстоятельно прокомментированный в исследовании А.К. Шагирова «Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков» (1982). Здесь автор выделяет 390 слов, основ, корней, генетически связывающих адыго-абхазские языки, что создает надежную базу, не оставляющую сомнений в родстве этих языков. Из названного числа представленных в упомянутой монографии А.К. Шагирова генетических сопоставлений 168 включает материал всех пяти адыго-абхазских языков или всех трех языковых подразделений (адыгское, убыхское и абхазское), 96 объединяет адыгские языки с убыхским, 92 – адыгскую подгруппу с абхазо-

абазинской и 33 – абхазо-абазинскую подгруппу с убыхским языком. Как свидетельствуют приведенные факты и цифры, «убыхский оказывается здесь почти втрое ближе к адыгским языкам, чем к абхазскому с абазинским» (Шагиров 1982:152). Ниже приводим данные А.К. Шагирова о лексико-грамматическом и лексико-тематическом распределении лексики, общей для всех адыгских и абхазских языков.

Местоимения, выражающие значения: я, ты, вы, этот, тот, какой – то;

Числительные: один, два, три, четыре, пять, семь, восемь. Общими лишь для адыгских и убыхского являются: мы, что, кто; для адыгских и абхазского с абазинским: он, вот, вон, этот; для абхазо-абазинской подгруппы и убыхского: шесть, (под вопросом), девять.

Соматическая лексика, общая для адыго-абхазской группы: голова, сердце, рот, язык, зуб, нос, глаз, уши, нога, ребро, живот, почки, печень, кровь, мясо (тело, плоть), шкура (кожа), волосы (волосной покров), волосы (шерсть); для адыгских и убыхского: рука, пятка, женская грудь, артерия (кровеносный сосуд), жила (сухожилие), бровь; адыго-абхазо-абазинские: спина, хвост, жила (вена), желчный пузырь, рог, усы, грива; абхазо-абазино-убыхские: щека, колено.

Из терминологии родства мать, дочь, зять являются общими для всех адыго-абхазской группы, отец и сын – для адыгских с убыхским.

Из области названий природных явлений выделяется 20 лексем, из которых 14 единиц представлено во всех языковых подразделениях.

Это следующие: луна, звезда, солнце, воздух, ветер, небо, снег, идти (о снеге), иней, холод, день, вода, река, море, пойма реки, берег моря, побережье, овраг, балка, ущелье, долина, поле, степь, пыль. Автор считает целесообразным указать на то, что в случае «солнце» проблематично привлечение абхазо-абазинского амра/мара. Общими для адыгской и абхазо-абазинской подгруппы являются «влага» и «свет», для адыгских и убыхского – «зима», «атмосфера, небо», «поток (при наводнении, ливне)»; для абхазо – абазинской подгруппы и убыхского – «дождь».

Лексика, фауны представлена 27 интересующими нас единицами, а именно: четырьмя адыго-абхазо-абазинскими (ягненок, курица, сова, филин), пятью адыго-убыхскими (жеребец, коза, возглас, которым отгоняют теленка от коровы; орел (коршун), муха (гнида), тремя абхазо-абазино-убыхскими (заяц, мышь (крыса), змея) и пятнадцатью общеадыго-абхазскими (медведь, лисица, собака, бык (вол), корова (коза), лошадь, осел, свинья, баран – производитель (холощенный баран), самка, наседка (квочка), голубь (ворон, грач), рыба, пчела (жук), вошь.

Исходя из приведенных фактов, А.К. Шагиров вполне логично предполагает, что главным хозяйственным занятием носителей адыго-абхазского языка – основы было скотоводство, в том числе и свиноводство и овцеводство. Касаясь последней отрасли, А.К. Шагиров отмечает: отсутствие в исследуемых языках общего исконного названия для овцы необязательно должно означать, что в эпоху праязыка адыго – абхазы не были знакомы с этим животным. Наличие единого названия для барана и адыго-абхазо-абазинского корня для обозначения ягненка говорит в пользу такого предположения. В связи с этим следует указать и на упомянутые выше понятия «мясо», «шкура, кожа», «шерсть», а также название молока, глаголы «пасться», «доить». Сюда, же относятся общие для адыгских языков и абхазо-абазинской подгруппы лексемы «сало нутряное, жир, сало», «масло (топленое)», «кислое молоко, молоко», адыго-убыхское «чесать (шерсть)», каб. – абх. «кизяк», «мычать».

Из лексики флоры А.К. Шагириным выделяется 14 названий: 7 адыго-абхазских («просо в зерне», «орех», «слива», «колючка, колючий кустарник, трава, лес», «дерево как материал», «каштан»), 4 адыго-абхазо-абазинских («просо на корню, нива, посевы», «пихта», «бук, чинара», «дуб») и 3 адыго-убыхских («кислица, яблоко», «семя, косточка у плодов», «лес, колючка»). По мнению Г.А. Климова, то обстоятельство, что в общеадыго-абхазском фонде обнаруживаются исконные лексемы со значениями «море», «берег (с галькой)», «рыба (крупная, морская)», «лес, колючий кустарник» и нек. др., «достаточно надёжно локализует ареал соответствующего языка – основы примерно на местах нынешнего расселения абхазо – адыгов и северо-восточной части черноморского побережья Кавказа» (Климов 1971:66). В этой связи представляется весьма важной предложенная А.К. Шагириным этимология каб. хэку «край, родина, отечество, отчизна»

как хы «море» + ку «середина»; ср. также в убыхском языке суэблэ «страна, родина» при суэ «море» и блэ (проверб) «в, между, среди» (Шагиров 1977:96).

Из названий продуктов питания, кроме отмеченных выше в других разделах, необходимо выделить понятия «соль» и «мёд», с которыми, как предполагает А.К. Шагиров, были знакомы предки абхазо – адыгов.

Общеадыго-абхазскими оказались три названия металлов: «медь», «золото», «свинец».

Из 33 прилагательных 15 известны во всех языковых подразделениях: «красный», «белый», «светлый», «желтый», «рыжий», «черный», «старый», «новый», «толстый», «тонкий», «широкий», «полный, наполненный» и др.; адыго-абхазо-абазинскими являются 5 прилагательных: «быстрый, сильный, стремительный», «прямой, ровный, правый, справедливый», «слепой», «красивый, хороший», «тухлый (о яйце)». Столько же прилагательных, общих для абхазо-абазинско-убыхских: «худой, тощий», «тесный, узкий», «теплый», «легкий, быстрый», «горький». Адыго-убыхских оказалось 6; «правый (правосторонний)», «дорогой, дорогостоящий», «голый», «чистый» и др.

Наиболее многочисленной группой являются глаголы (146), из которых: 54 входит в общеадыго-абхазский фонд: «стонать», «стирать, мыть», «сохнуть», «шить», «слушаться, прислушаться», «жарить(ся)», «варить(ся)», «рвать (о рвоте)», «обманывать», «смотреть», «чихать», «давить, мять», «привыкать», «давать», «делать», «падать, упасть», «вязать, плести», «становиться, делаться», «кусаться», «красться, подкрадываться, охотиться», «рыть, копать», «пройти (о времени)» и др.; к ним примыкают отмеченные выше «пасться», «доить», «жать»; одних адыго-убыхских глагольных основ и корней насчитывается 41 единица: «чесать (шерсть)», «сеять», «рушить, толочь», «пахать», «нарезать, кроить», «бросить, кинуть», «драться, воевать», «решиться, осмелиться», «сидеть», «лежать», «застыть, оцепенеть», «растить», «бить, ударять», «плевать», «лаять», «гнать», «ковать (металл)» и др. 38 глаголов объединяют адыгскую подгруппу с абхазо-абазинской: «мычать», «молоть», «гореть, светить; жечь», «саднить», «зудеть», «свербеть», «плавать», «пить, сосать», «рожать», «умереть», «убить», «дойти, ждать», «качаться, шевелиться», «вставать, подниматься», и др. 13 глаголов являются общими для абхазского, абазинского и убыхского языков: «видеть», «есть (принимать пищу)», «пить», «резать, рубить», «брить», «ткать, плести, вязать», «лететь», «плакать», «рассветать» и нек. др. Сверх приведенных лексико-тематических групп А.К. Шагириным выявлено еще 70 единиц: 25 общеадыго-абхазских («дорога», «войско», «нора, берлога», «огонь», «душа», «дуть, ветер», «ложь, ложный», «серый, зола», «дно», «дым», «пуля», «стрела» и др.; 19 общих для адыгских, абхазского и абазинского языков: «поцелуй», «человек», «княгиня, владетельница; свекровь», «всадник», «костяк, остов, кость», «шило», «сабля, нож, меч», «дом, хижина», «гнилой, гниль», «кизяк, навоз», «голод» и др.; столько же адыго-убыхских («грудь, верхняя часть», «имя», «рукоятка, черенок», «запах», «низ», «могила, кладбище», «место» и др.) и 7 абхазо-абазинско-убыхских («ограда, огороженный участок», «пламя», «женщина, жена», «шуба», «болезнь, чума», «князь, владыка», «верёвка»). Здесь следует учесть, что генетические корреляты, приводимые нами в основном из исследований А.К. Шагирова, в целом ряде случаев представляют собой реконструируемые единицы.

Наряду с рассмотренными выше словами, совмещающими структурную общность с полным материальным схождением» А.К. Шагиров впервые выделяет свыше 70 лексем, имеющих в абхазо-адыгских языках одинаковое построение (при полном или частичном материальном несовпадении составляющих элементов), что также представляет собой важное свидетельство об адыго-абхазском языковом единстве.

2.1.3. Общеадыгские слова

В исконном фонде лексики кабардино-черкесского языка наиболее многочисленный пласт составляют, по-видимому, общеадыгские слова, которые, согласно А.К. Шагинову (1962:58 – 122), могут быть объединены в три группы.

1. Исконные слова, совпадающие в кабардино-черкесском и адыгейском языках как по звучанию, так и по значению.

В данную группу включаются исконные слова, функционирующие в кабардино-

черкесском и адыгейском языках в одних и тех же значениях и совпадающие в них как по звуковому составу, так и по расположению звуков. Не учитываются случаи частичного расхождения звуков и несовпадения акцентологических норм.

анэш «род матери»	бзы «самка»
бадзэ «муха»	блэ I «змея»
бэгын «пухнуть»	блэ II «предплечье»
бэджыхъ «паутина»	блы «семь»
бэкъуэн «шагать»	гъаблэ «голод»
бэнэн «бороться»	гъатхэ «весна»
бгы «поясница; гора»	гъащIэ «жизнь»
бгъэ I «грудь»	гъэгъун «прощать»
бгъэ II «яловая»	гъэтIысын «посадить»
бгъуэ «баранья туша»	гъэхъун «пасти»
бгъу «девять»	гъущэ «сухой»
бгъузэ «узкий»	гъукIэ «кузнец»
бжъакъуэ «рог»	дахэ «красивый»
бжъэ «бокал, тост»	дэ «орех: (плод)»
бзаджэ «хитрый»	и мн. др.
бзэ «язык»	
бзэхын «исчезнуть»	

Общее число слов данной группы – около 520 единиц.

2. Исконные слова, совпадающие в кабардино-черкесском и адыгейском языках по значению, различающиеся по звучанию.

Данная группа, в свою очередь, может быть разделена на две группы;

а) Слова, различия между которыми укладываются в рамки известных звуковых соответствий,

б) Слова, различия между которыми выходят за пределы звуковых корреспонденций. Приведём примеры обеих групп.

а) каб.	рус.	адыгейск.
адакъэ	петух	атакъэ
анэщIэ	молодая курица	аначIэ
бжэндэхъу	скворец	пчэндэхъу
бжыныху	чеснок	бжыныф
вагъуэ	звезда	жъуагъуэ
выгу	воловья арба	цуыку
гуахъуэ	вилы; вилка	куахъуэ
гудзэ	спица (в колесе)	куцэ
гуфIэн	радоваться	гуышъIуэн
дзахъэ	редкозубый	цахъэ и др.

Всего в этой подгруппе – 340 слов.

б) каб.	рус.	адыгейск.
бэдж	паук	бэджы
бэлацэ	лохматый	пырац
бий	недруг, враг	пийы
бдзэжьей	рыба	пцажьей
бжэн	коза	пчэны
бжын	лук	бжыны
вынд	грач	цуынды
гын	порох	гыны
гуэдз	пшеница	куэцы
гъубжэ	серп	гъупчъ

В этой подгруппе – более 400 единиц.

3. Исконные слова, различающиеся в кабардино-черкесском и адыгейском языках по значению.

Семантические различия в общеадыгских исконных словах могут быть довольно разнообразными, однако А.К. Шагиров сводит их к трем основным.

1) Слова, имеющие в кабардино-черкесском и адыгейском языках разные значения

каб.	адыгейск.
адыгэ «кабардинец, черкес»	адыгэ «адыгеец»
бганэ «перевясло»	бганэ «сноп»
бгъэ «орел»	бгъэ «коршун»
гушыIэ «шутка»	гушыI «слово; речь»
гъуамэ «гадкий, гадость»	гъуамэ «запах»
джэдлыбжэ «вареная курица»	чэтлыбжь «жареная под белым соусом»
кIуэсэн «сбежать (тайком), выйти замуж без ведома и согласия родителей»	кIосан «потухнуть, погаснуть»
къандзэгу «муравейник; кочка»	къэмдзэгу «муравей»
къэлтыхъуэн «искать»	къэлтыхъун «обыскать»
лэжьыгъэ «работа»	лэжьыгъэ «зерно, хлеб, урожай (зерновых)»

Всего в этой подгруппе – 56 слов.

2) Слова, связанные в кабардинском и адыгейском языках общими значениями, но различающиеся по количеству значений

каб.	адыгейск.
бгъэхэлъу «брошка»	бгъэхэлъу «1. брошка, 2. булавка»
блэн «низать»	блэн «1. низать, 2. заплетать, плести»
гуащэ «1. свекровь, 2. княгиня, 3. кукла»	гуащэ «1. свекровь, 2. княгиня»
гузэвэн «беспокоиться, волноваться»	гузэжьон «1. беспокоиться, волноваться, 2. спешить, торопиться»
гукIэ «1. в уме; 2. наизусть, память»	гукIэ «в уме»
гуIэн «сокрушаться»	гуIэн «1. сокрушаться; 2. спешить, торопиться»
джанэ «сорочка»	джанэ «1. сорочка; 2. платье»
дзасэ «вертел»	дзасэ «1. вертел; 2. вилка»
дзэ «зуб»	цэ «1. зуб; 2. зерно; 3. капля»
жэр «быстро бегающий, быстроногий»	жэр «1. быстро бегающий, быстроногий; 2. быстрая, стремительная (о реке)»
жылэ «1. общество, масса; 2. «селение; 3. семя, семена»	жылэ «1. общество, масса; 2. селение»
дзыдзэ «куница»	цыцэ «1. куница; 2. белка»
жылапхъэ «семена для посева»	чылапхъэ «1. семена для посева; 2. семя, семена»
къупхъэ «1. форма для шляп; 2. форма для изготовления самана; 3. колодка сапожная; 4. перен. модель»	къупхъэ «форма для войлочных шляп»
кIэ «1. хвост; 2. конец; 3. юбка»	кIэ «1. хвост; 2. конец»

3) Слова, различающиеся в кабардино-черкесском и адыгейском языках по объему обозначаемых понятий

каб.	адыгейск.
бжэмышх «(в прошлом «деревянная, сейчас обычно металлическая) столовая ложка продолговатой формы»	джэмышх «1. столовая ложка продолговатой формы; 2. деревянная ложка круглой формы»
гъавэ «1. зерно; 2. хлеб, урожай (зерновых)»	гъажьо «посо (в зерне)»

В этой подгруппе приведено всего – 7 единиц, а их должно быть гораздо больше.

Здесь мы не касаемся тех значительных различий, которые обнаруживаются между адыгскими словами в семантической сфере, стилистическом отношении, в плане употребительности, валентностных (сочетаемых) способностей, деривационных возможностей, фразеологических связей и т.п., что в конечном счете создает специфику лексической системы каждого национального языка и представляет собой предмет специального изучения.

2.1.4. Собственно кабардино-черкесские слова

Собственно кабардинские (кабардино-черкесские) слова – это лексика, сформировавшаяся в эпоху самостоятельного развития кабардинского и адыгейского языков. Данные кабардинские слова выделяются обычно производной основой. Следует иметь в виду, что в составе собственно кабардино-черкесской лексики могут быть не только исконные, но и слова с иноязычными морфемами, т.е. чужие слова, введенные в орбиту кабардинского словообразования, подвергшиеся его действию и вследствие этого обросшие соответствующими кабардино-черкесскими морфемами – суффиксами и префиксами. Сюда могут входить также слова со сложной основой и некоторые сложносокращенные слова. Исследователи собственно национального словарного состава отмечают, что лексических единиц, абсолютно неизвестных в близкородственных языках (какими являются, напр., кабардино-черкесский и адыгейский; русский, украинский, белорусский; испанский и португальский; чеченский и ингушский; финский и карельский; чешский и словацкий и др.) не столь многочисленны, как может показаться на первый взгляд. Об этом свидетельствует собственный лексический материал названных выше языков. А.К. Шагиров пишет: «Случаев, когда слова (простые, производные или сложные), представленные в одном из адыгских языков, совершенно отсутствуют в другом, сравнительно немного. Наиболее часто наблюдаются случаи, когда производные или сложные слова, имеющиеся в одном из сравниваемых языков, как таковые отсутствуют в другом, но их составные части представлены и в последнем» (Шагиров 1962:123). Возьмем для примера каб. мастэ – къуаншэ «булавка», которого нет в адыгейском, но в последнем активно функционируют элементы этого слова – мастэ «иголка» и къуаншэ «кривая»; адыгейск. шаль «ведро» как лексическая единица отсутствует в кабардинском, однако носители последнего без труда разлагают его на составные части (шэ «молоко» + лъэ «суффикс вместилища»).

Имеют место и такие случаи, когда лексемы, известные в одном из родственных языков, отсутствуют в другом в качестве самостоятельных слов, но встречаются в нем в структуре других лексических единиц. Кабардинские слова типа псышхуэ «большая река», унэшхуэ «большой дом» содержат элемент – шхуэ, выступающий в качестве суффикса увеличительности, тогда как в адыгейском этот элемент может быть самостоятельным словом, напр., мы унэр дэгъу ыкIы шко «этот дом добротен и огромен». Каб. ху «просо (в зерне)» а адыгейском как самостоятельное слово не сохранилось, но встречается в составе некоторых сложных слов (хугу – фыгу «пшено, нартыху – нартыф «кукуруза» и др.).

Наиболее полный, однако, не исчерпывающий список кабардинских слов, отсутствующих или малораспространенных в адыгейском языке, впервые дан А.К. Шагировым (1962:124 – 129).

Соматическая лексика: лъэщхъэвэ «подъём ноги», нэжыгъуц «вьющаяся прядь волос на виске (у женщин)», нэзэрыхъэ «нервное сплетение (на виске)», пэнцIыв «кончик носа», пэщхъын «нижняя утолщенная часть носа», пхэщхъэл «ягодица», тхэмщIыгъу «печень», хулъэ «зоб (у птицы)», IэфракIэ «локоть».

Лексика неживой природы: акъужь «горный ветер», гъуэжъкуий, гъуэжъкурий «вихрь», къуэ «балка, овраг», псыпцIэ «топь, трясина», тафэ «равнина», уэм «духота», уафэгъуэгъуэ «гром», уафэхъуэпскI «сверкание молнии», щIыэпс «лощина».

Терминология родства: дэлъху «брат в отношении к сестре», щыкъуэ «семья родителей жены (по отношению к мужу)», шыкъуадэ «тесть», щыкъуанэ «тёща», щы – къухъыджэбз «свояченица», шыкъуэщIалэ «шурин».

Числительные: бгъуэщI «девяносто», блыщI «семьдесят», ищI «восемьдесят», плыщI

«сорок», пщлей «восемьдесят», тхущI «пятьдесят», хыщI «шестьдесят».

Лексика промежутков времени: нэгъабэ «в прошлом году», нетIэ «некоторое время назад, только что», нышэдибэ «сегодня утром», пщэдей «завтра».

Лексика орудий и предметов труда: гъэжалгъэ «воронка, лейка», джыдэ «топор», и «напильник», къитхъ «борона», кхъуэхъэнцэ «лопаточка для очищения лемеха», кхъузанэ «сито», пэгун «ведро», пхъэхъ «коромысло», пхъэхъэш «совок», пхъэшкы «деревянное кольцо, пришитое к веревке для удобства затягивания поклажи (сена, дров и т.п.) на возу», пкIэлъей «лестница», пщагъэ «закваска для теста обычно из пшеничной, ячменной муки», хуэнщлей «отруби», хупцIынэ «тесто из кукурузной, пшеничной муки».

Лексика химических веществ, металлов: бдзамцIэ «свинец», иIэгъэ «краска (для материи)», жыр «сталь», шэкъуамцIэ «купорос», щIыдагъэ «дёготь».

Лексика флоры: ажэгъуэмэ «подснежник», бэнэху «осот», дыкъуэнагъ «ильм», ежьащхъуэ «лебеда», зэ «кизил (плод)», къущхъэмышх «мушмула (плод)», къущхъэмышхей «мушмула (дерево)», пабжьэ «заросли», пхъы «морковь», уэздыгъей «сосна», ху «просо (в зерне)», хъэкъырш «сурепка», пщIий «семечки чинары», шэгъэфIэлъу «щавель», шыдудз «пырей», щхъэмыж «колос».

Лексика фауны: гуу «бык», гъуанэдэс «клоп», дзыгъуэнэф «летучая мышь», жэмышцIэ «нетель», дзыгъуэшхуэ «крыса», къуэгъ, къуаргъ «ворона», кхъуэпIэшэ «дикий кабан», лъэгущIэлъуэ «медведка», уашхэ «барсук», хъэбдзэжьей «щука», хъэндырабгъуэ «бабочка», хъэлъуцIыдз «шакал», цIыв «жук», цIыжьдадэ «синица», кIэпхъ «белка», шылъэгъу «черепаха», шындырхъуо «ящерица».

Лексика пищи: дэлэн «пирог с сыром, мясом или картошкой», жэмыкуэ «нац. блюдо кабардинцев (крутая каша из вареной сметаны, кукурузной муки, свежего сыра и яиц)», шкIэрышэ «молозиво», пIапIу детск. «молоко», щIакхъуэ «печеный хлеб (пшеничный, ржаной или ячменный)».

Названия профессий: лыщIэ «наёмный работник, батрак», плъыр «ночной сторож скота», пхъэлэщэжъ «плугарь», кхъухълътэзехуэ летчик, Iэпыдзлъэпыдз «помощник, исполнитель мелких разовых поручений».

Названия хозяйственных построек, их частей: бжыхъ «плетень», чыху «хворост», бэкхъ «закрытый хлев», ду «большая сапетка с крышей для хранения обычно кукурузы во дворе», пкIэунэ «чердак».

Названия транспортных средств и их элементов: кхъухълътэ «самолет», лъакъуэрыгъэжэ «велосипед», шыбжь «упряжной валёк», шыгукъу «дышло», шыгъэцIыв «шпоры (у всадника)», Iэрыгъажэ «велосипед».

Глагольная лексика: бэнэн «лаять», бэуэн «дышать», гъэпщкIун «спрятать; скрыть, утаить», гъэудэлун «развлекать, не давать плакать (о ребенке)», егуэкIуэн «полюбить, влюбиться», еуэсэн «повадиться, приохотиться», еуштын «натравить, науськать (собак)», ешын «устать, утомиться», къэлыбын «вспылить», къэскIэн «вздвогнуть», къэхутэн «обнаружить, изыскать, открыть», къэщын «обыскать», пежьэн «выйти навстречу», псэлъэн «говорить», пщэфIэн «готовить (пищу)», ухуэн «строить, воздвигать», ухуэнын «заплетать, заплести», ухуэнщIын «просеивать», цIыхун «знать в лицо, быть знакомым с кем – л.», кIыштэн «веять (деревянной лопатой), шхыдэн «браниться, брюзжать» и др.

Прилагательные: бзитIщхытI «двуличный», гуакIуэ «приятный, привлекательный», гунэф «человек с плохой памятью», гурыхуэ «памятливый, способный», гъуэзэдэжэ «великолепный», гъумыщIэ «крупный, большой», дыгъэл «душистый, хорошо высушенный на солнце (о сене)», жейбашхъуэ «только что проснувшийся», жьыщIэху «прохладный», зэрамышцIэжэ «громадный, огромный», къызыэрыгуэкI «простой, обыкновенный», лъэщыдэжэ «беременная», нэгъуэщI «другой», ныбаблэ «ненасытный, прожорливый», псэф «стельная, сужеребая, сукотная, щённая, супоросая», псыф «мокрый», псылэ «влажный», телъыджэ «удивительный», хуабжь «быстрый», хуом «медленный», Iэслъэс «тесный, малый (об одежде)», Iэхуитлъэхуит «свободный (об одежде), просторный (о помещении)».

Различные слова: бгырыс «горец», гурыщхъуэ «подозрение», гъэгъэн «цвести», гъэрыгъапщкIуэ «прятки», гъуэлъыпIэ «кровать», гъуэмб «нора», зэзэмызэ «изредка», зэхэс «вечеринка», куэд «много, многие», къуэщIий «щепка», лъэхъуэщ «тюрьма», мэстэкъуаншэ «булавка», нып «знамя, флаг», пэж «правда, правдивый», плъыфэцIэ «имя прилагательное», псалъэ «слово; речь», пхъэнкIий «сор», пхъэр «погоня», пкIэунэ, пкIэ

«чердак», пцІантІэ «двор», уІэгъэпх «бинт», фызыжъ «старуха», хуабжъу «быстро, очень», хъуаскІэ «искра», хъуэхъу «здравица», цІэпапщІэ «местоимение», кІэдахъуэ «подогнутый подол (для ношения чего – н.)», чІэфий «свисток, свистулька», ІэштІым «кулак (руки)».

2.2. заимствованная лексика

2.2.1. Понятие о заимствованной лексике

В истории развития человечества трудно найти пример совершенно обособленного существования какого – либо народа, на жизнь и культуру которого не оказывали бы влияния другой народ, другая культура. Напротив, как народы, так и их культуры в ходе своего развития сталкивались с другими народами и культурами, и вследствие этого происходили их взаимовлияние и взаимообогащение. Языки контактирующих наций также испытывают взаимное влияние. Основная и наиболее распространенная форма языкового влияния одного народа на другой, а также их взаимовлияния и взаимообогащения – это заимствование иноязычных слов. Процесс заимствования, как правило, обогащает язык, делает его более гибким и не ущемляет его самобытности, поскольку при этом сохраняются основной словарь языка, присущие данному языку грамматическая система и фонетический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития.

Кабардинский народ в своей истории устанавливал разнообразные связи со многими народами. Результатом этих связей явились многочисленные иноязычные слова, заимствованные в разное время и по разным причинам кабардинским языком из языков самых различных систем.

Рассмотрим основные источники заимствования, объем и характер заимствованных единиц, а также аспекты их ассимиляции в кабардино-черкесском языке.

2.2.2. Заимствования из семитских, иранских и тюркских языков

В лексической системе адыгских языков заметное место занимают заимствования из семитских, иранских и тюркских языков.

В начале средних веков арабская нация была, как отмечают ученые, значительно выше европейской (благодаря овладению арабами Александрией и Египтом, центром поздней античной культуры до н.э.), особенно в области астрономии, химии, математики и филологии (Реформатский 1967:120), однако сколько-нибудь заметного числа непосредственных заимствований из перечисленных областей терминологических систем арабского языка мы не обнаруживаем в адыгских и других северокавказских языках. Арабизмы в адыгских языках относятся главным образом к религиозной терминологии и мусульманской этике. Число их довольно значительно в кабардино-черкесском языке.

Начало проникновения арабских слов в кабардинский и адыгейский языки обычно определяется XIV веком, однако массовое их вхождение относится к концу XVIII в. Как отмечает А.К. Шагиров, имеются арабизмы также из области быта, заимствованные, как и многие другие арабские слова, через тюркское и прежде всего турецкое и крымско – татарское посредство (Шагиров 1962:177).

Тюркские (турецкие, крымско-татарские, ногайские, карачаево-балкарские, кумыкские и др.) заимствования относятся, главным образом, к названиям предметов домашнего обихода и различных орудий и предметов труда, названиям пищи и напитков, видов одежды, обуви, названиям некоторых животных и их мастей, названиям растений, отдельных предметов и явлений из неживой природы, названиям металлов, некоторых военных понятий, к словам из области торговли и денежных отношений. Тюркизмы проникают в среду адыгоязычных народов в более раннюю эпоху – с VII века, после захвата хазарами северо-западного Кавказа, но основная масса тюркизмов усвоена адыгами, очевидно, в период татарского ига и турецко-крымской экспансии (XVI – XVIII вв.). Что же касается иранских слов, то они сравнительно малочисленны и относятся преимущественно к области торговли и денежных отношений и проникли в адыгские языки через турецкое и крымско-татарское посредство. Исключение составляют лишь

отдельные осетинские слова, усвоенные непосредственно адыгами и неравномерно представленные в диалектах и говорах адыгских языков. Осетинские заимствования более заметны в кабардинском языке и относятся к сфере материальной культуры и быта.

По данным А.К. Шагирова, арабо-тюрко-иранские заимствования можно распределить по следующим группам:

1). Слова, относящиеся к религии и мифологии (ниже приводятся кабардинские формы с переводом на русский язык): Алыхъ – «Бог», бегъымбар «пророк», молэ «мулла», дин «религия», Иман «вера», Имансыз «безбожник», джаур «гяур», муслъымэн «мусульманин», мэджыт «мечеть», КъурІэн «Коран», азэн «призыв к молитве», нэмэз «намаз», Къурмэн «праздник жертвоприношения», зэчыр «религиозная песня», ажал «смерть», ахърэт «загробный мир», жэнэт «рай», жыхъэнэмэ «ад», фарз «религиозное предписание, обязанность», ахъшэм (нэмэз) «молитва, совершаемая вечером», ичынды «предвечерняя молитва», жасы «ночная молитва» и мн. др.

2) Абстрактные понятия: акъыл «ум, рассудок», нэмыс «честь, почет», насып «счастье», жэуап «ответ», зэман «время», мурад «цель, намерение», Іэмал «средство, способ, возможность», хъэтыр «услуга», къару «сила», мыхъэнэ «смысл, значение», зэран «вред», тазыр «наказание», мылькы «имущество», нэцэнэ «примета, признак, симптом», къулыкъу «должность», фейдэ «доход, польза» и др.

3) Слова со значением качеств, свойств: балигъ «взрослый», Іэдэб «воспитанный», сабыр «тихий, смирный», мамыр «мирный, спокойный», сакъ «осторожный, бдительный», чэф «пьяный», арэзы «довольный, согласный», хъэзыр «готовый», хъэщыкъ «влюбленный», делэ «глупый, сумасшедший», угъурлы «добрый», угъурсыз «злой», къарэ «черный, вороной», къуэлэн «пёстрый», хъэлэмэт «интересный, чудесный», тэмэм «правильный» и др.

4) Лексика фауны: аслъан «лев», къэплъэн «тигр», пыл «слон», танэ «телёнок, телка», мэл «овца», алащэ «мерин», номин «обезьяна», къаз «гусь, дудак «дрофа», аргъуей «комар», къуанан «жеребенок двухгодовалый», къыдыр «мул» и др.

5) Лексика флоры: хъарбыз «арбуз», къэб «тыква», прунж «рис», тутын «табак», пкъынэ «хна», къамыл «камыш», жэгундэ «свёкла», шэфтал «персик», хуэрэдждэ «абрикос», жызум «виноград», балий «вишня», къэтхъэнсолыкъу «барбарис», къэзмакъ «облепиха» и др.

6) Названия явлений природы: нур «свет», бахъэ «пар», борэн «буран», хъэуа «воздух», къум «пустыня», тенджыз «море», гуэл «озеро», толъкъун «волна», шэд «лужа» и др.

7) Названия предметов домашнего обихода, орудий труда: гуэгуэн «металлический кувшин», къубгъан «кумган», тас «таз», шыуан «котел с ручкой и округлым дном», тебэ «сковородка», къащыкъ «половник (разг. уполовник)», къалътмакъ «сумка переметная», торбэ «торба», щащыху «простыня», сабын «мило», ету «утюг», нахъутэ «недоуздок», аркъэн «аркан», къэп «мешок», къэпхъэн «капкан», шэрхъ «колесо», нал «подкова», къэнжал «жестъ», абдж «стекло», ахъшэдэщ «квасцы», лъахъстэн «мягкая тонкая кожа (изделие)», сэнджэху «подшивка» и др.

8) Названия одежды и ткани: къэптал «кафтан, бешмет», бащлыкъ «башлык», шырыкъу «сапог», къэдабэ «бархат, плюш, вельвет», чэтэн «льняное полотно», шухъэ «сукно», дарий «вид шёлковой ткани», шылэ «шёлк и ткань из шёлка» и др.

9) Названия промежутков времени и мер: сыхъэт «час», дэкъыкъэ «минута», къульшыкъу «позднее утро», ичынды «время перед заходом солнца», ахъшэм «поздний вечер», шылэ «наиболее теплые и наиболее холодные 40 дней в году», жасы «поздняя ночь», арщын «аршин», мэскъал «мера веса (8 гр.)» и др.

10) Лексика торговли: сату «торговля», бэзэр «базар, рынок», щай «5 копеек», тыкуэн «магазин», ахъшэ «деньги», сом «рубли», апэсы «20 – копеечная монета» и др.

11) Военная лексика: топ «пушка», лагъым «мина», къамэ «кинжал», мыжурэ «штык», бэракъ «знамя, флаг», къэрэгъул «караул», сагъындакъ «саадак» и др.

12) Судебная терминология: мехчеме «шариатский (религиозный) суд», дэуэн «судиться», уэчыл «адвокат, защитник», щихъэт «свидетель», хъэпс «тюрьма, темница», тутнакъ «тюрьма» и др.

13) Слова из области просвещения, обучения грамоте: хъэрф «буква», Іэлыфбей «азбука», дерс «задание, урок», сатыр «ряд, строка, линия», хъэтІ «почерк», зэрыб

«печатный шрифт», жинт «обложка, переплёт», къэлэм «ручка», мэрчэп «чернила», мэрчэпылгъэ «чернильница». Из этой сферы слово шэкъэ «чернила», по мнению А.К. Шагирова, является заимствованным из аварского языка.

14) Слова, связанные с жилищем, домашней обстановкой: шатыр «палатка», шордакъ «вышка, каланча», собэ «железная (обычно жестяная) печка», сырэ «полка», шэнт «стул».

15) Официально – деловая лексика: тэрмэш «толмач, переводчик», сыргъуш «сургуч», нэчыхъ «брак, брачное свидетельство», тахътэ «трон, престол», мыхъур «печать» и др.

16) Различные слова (varia): бысым «хозяин дома по отношению к гостю», къуом «много», дамыгъэ «тамга, тавро, знак, метка», баз «пари, спор», маржэ «клич, призыв, возглас, обращение к массе людей» и др.

Известные в науке материалы о некоторых более ранних предполагаемых заимствованиях из индоиранских и связанных с ними индо-арийских лексемах в адыгских языках довольно обстоятельно и критически рассмотрены в монографии А.К. Шагирова «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков» (1989), к которой мы и отсылаем читателя. Кроме фактов, приводимых А.К. Шагировым, к числу предполагаемых ранних заимствований из индоевропейских языков мы относим: Тхъэ «Бог» (ср. древнегреч. Theo «Бог»), пIастэ «паста», мастэ «иголка», ланыстэ «ножницы», джэш, джэрш «фасоль, горох», кхъуафэ «лодка» (ср. древнегреч. скафос «ладья, лодка»), мэгъу «маг», (ср. тхъэгурмагъуэ «прорицатель, предсказатель»), тIроцэ «троица», мэрэм «пятница», и др., заимствованные в разное время из древнегреческого, латинского и древнерусского и др. языков.

М.А. Кумахов в работе «Адыгские языки», написанной для «Адыгской энциклопедии», отвечает, что «лексика адыгской диаспоры испытывает известное влияние языков стран проживания соотечественников. Турецкий язык в Турции, арабский в Сирии, Иордании, Египте и других странах Ближнего Востока, английский в США, Канаде, Австралии, немецкий в Германии... влияют на лексику адыгских языков», используемых на бытовом уровне в этих странах. «В языке представителей диаспоры заимствованные слова нередко вытесняют исконные», что собственно мы наблюдаем и на исторической родине в отношении русских заимствований в адыгских языках. По характеру заимствований, по специфике их фонетической, семантической и других форм ассимиляции можно, на наш взгляд, определить, где мы имеем европейский или ближневосточный источник, а где русский источник заимствования. Нам удалось услышать от представителей адыгской диаспоры такое, например, выражение «персонэм и культ» и др., а на исторической родине вместо этого говорят «личностым и культ». Это особая и интересная проблема, заслуживающая специального исследования, материал для которого нами собирается в настоящее время.

Русские заимствования более подробно рассматриваются ниже.

2.2.3. Заимствованная лексика из русского языка

Особое место в кабардино-черкесском языке как по количеству, так и по качеству и разнообразию занимают русские заимствования, начало проникновения которых в адыгские языки относится к отдаленному прошлому. Отсутствие письменных источников делает почти невозможным точное определение во времени этой важной вехи развития словаря адыгских языков. Можно, однако, предположить, что заимствование славянизмов имеет место еще задолго до образования Невской Руси, когда между славянами и адыгами (и их предками) существовали торговые, военные и другие связи. К ранним заимствованиям из русского языка, следует отнести упомянутое выше мэрэм «пятница», увязываемое учеными со святой Марией. У Ш.Б. Ногмова находим хьэгэбз Мэрэм «дева Мария, Богородица». У кабардинцев известны имя и фамилия Мэрэм «Марем и Маремов». К ним примыкают топоним Аушэджэр, восходящий к эпониму «Аус Герги», фамилии Джэрыджэ «Гергов», Джаурджий «Гяургиев» (от «Георгий»), Иуан «Иоанн», Иуаныкъуэ «Иванов» (от Иоанн + къуэ «сын»), «Абазаиван» (Абаза + Иван) и др. Обогащение лексики языка адыгов того времени осуществлялось не только за счет ономастических заимствований, но также слов и терминов, обозначающих различные предметы и понятия. Напр.: дерт «изъян, дефект», кIадэ «кадка, кадушка», бедакъ «бадьа», боз «бязь», чыристен «христианин», паскIэ «пасха», (ср. южнорусск. паска), хъумбылэ «хмель», джэш

«горох» и др.

Отельные лексикографические работы, созданные до XIX в., имеют важное значение для исторической лексикологии, но они не могли в силу различных причин отразить действительной картины состояния адыгской лексики. Так, ни в глоссарии врача Дрешера (1688), ни в четырехтомном «Сравнительном словаре всех языков и наречий» (1790 – 1791), ни в словарных материалах Гюльденштедтэ (1791), которые в общей сложности включают в себя около тысячи кабардинских слов, не обнаружено славянских слов – заимствований, однако это еще не доказывает, что в кабардинском языке той поры не было славянизмов. Иную картину наблюдаем в «Кабардино-русском словаре» Ш.Б. Ногмова (30 – е годы), который содержит более 100 русских слов, что составляет 2,5 процента всего лексикона. Кроме того, в других работах Ногмова нами обнаружен ряд русизмов, не вошедших в его словарь. Общее число русских заимствований в трудах Ногмова насчитывает 125 лексем, что свидетельствует о заметном влиянии русского языка на кабардинский еще к первой трети прошлого столетия.

Другой важной лексикографической работой явился «Русско-кабардинский словарь» Л.Г. Лопатинского (Тифлис, 1890), который регистрирует около 120 русских заимствований, но в отличие от словаря Ногмова, он фиксирует свыше 80 новых русизмов. Примерно то же самое наблюдается и в «Кабардинско-венгерско-латинском словаре» Г. Балинта (Венгрия, 1904). Ряд заимствований обнаружен в кабардинских текстах, опубликованных в СМОМПКе, а также в «Кабардинской азбуке» (1906) и в дореволюционном творчестве Б. Пачева. Таким образом, благодаря письменным источникам дооктябрьского периода надежно документируется около 250 русских лексем. Но эта цифра приблизительна. Необходимо учесть и речевые данные старшего поколения кабардинцев многочисленные беседы с которыми в 1950 – е гг. дали свыше 200 новых слов и терминов: бришклэ «бричка», тешанклэ «тачанка», ушасклэ «участок», сэлэфклый «Соловки, каторга», клэшмыр «кашемир», шивот «шевиот», Іэвос «овес», семышклэ «семечко (подсолнух и его семена)», шэтвэр «четверть (четвертая часть ведра или аршина)», лафклэ «лавка (магазин)», маклухуэ «макуха (жмых)» и др.

Изучение материалов нашей переписки 1950 – х гг. с сирийскими и иорданскими адыгами установило наличие в их адыгской речи ряда русизмов, не отмеченных в названных письменных источниках: птульклэ «бутылка», клэртлоф «картофель», фэтыджэн «фотоген (керосин)», сыбыр «каторга», жэрыкуей «жаркое» и др. Косвенным доказательством наличия русских заимствований в кабардино-черкесском языке досоветского периода могут служить пословицы, поговорки и др. фольклорные произведения, где находим: губернкэ, чэмисэ «комиссия», паспорт, мировой суд, волостной суд, консул, нэмыцэ «немец», Герман «Германия», Япон «Япония», Китай, цыджэн «цыган» и др. Эти факты, заметно расширяющие круг русизмов, свидетельствуют об ошибочности отождествления факта отсутствия заимствований в письменных источниках с отсутствием их в живой речи народа.

Основную массу досоветских заимствований из русского языка составляют наименования тех предметов и понятий, которые входили в хозяйственно – бытовую жизнь кабардинцев и черкесов. Наряду с этим отмечается пополнение и других сфер кабардино-черкесской лексики, где еще до революции имелись русские заимствования из разных областей лексики. Военное дело: сэлэт «солдат», Іэфицар «офицер», инэрал «инарал (генерал)», плэтІрон «патрон», полъку «полк», наган и др.; из общественно – политической и юридической терминологии: суд, закон, клатІэржынэ «каторжанин, каторга», бунт, бандэ, клэзонэ «казенный», подыт «подать», сход, пэшот «печать», пошт «почта», сыргъуш, цыргъуш «сургуч» и др.; слова, связанные с административным управлением: волость, округ, уезд, окружной и др.; названия официально – должностных лиц: пыристав «пристав», староста, старшинэ, писыр «писарь», губернатор и др.; слова из области медицины: дохтыр «доктор, врач», фершыл (диал. фершал)», пэлэстыр «пластырь», больницэ, лекыр «лекарь» и др.; названия месяцев: январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь; из музыкальной терминологии: музычэ «музыка», музычауэ «музыкант», гитарэ, бэрэбэнэ «барабан», бэрэбанэуэ «барабанщик». В досоветское время кабардинцами были заимствованы привычка курения и игра в карты, а также связанные с ними слова и термины: мэхуорклэ «махорка», джырышклый «корешки», лулэ «люлька (курительная трубка)», пэртэбакъ

«порттабак», пэцигар «портсигар», мыштыку «мундштук», туз, куэзыр «карты (от «козырь»», чрес «крести»; ср. так же связанные с ними термины: щІэхуа «козырь, козырная карта», лэкъум «бубны», фЫщІэжъ «пики», трамэ «черви» и др. Общее число русских заимствований досоветского периода составляет не менее 400 слов (Апажев 1963: 19 – 32).

После создания общенародной письменности, в условиях отсутствия учебников и других необходимых пособий на родном языке, большую роль сыграла выходящая на кабардинском, балкарском и русском языках газета «Карахалк», которая, наряду со школами, явилась рассадником грамотности и просвещения и проложила новый путь заимствования – письменный. Как свидетельствуют печатные источники, еще в начале 20-х гг. в широкое употребление входят такие общественно – политические, научно – технические и другие термины, как революция, партия, партизан, завод, фабрика, комитет, газета, район, политика, автономия, трактор, автомобиль, мотор, история, культура, литература, арифметика, география, зоология, ботаника, физика, химия и т.п. Заметное развитие получает также сельскохозяйственная, производственно – техническая, научная, учебно-педагогическая терминология.

Наряду с прямыми заимствованиями важным источником обогащения словаря становится калькирование (буквальный перевод) русских слов и выражений на кабардино-черкесский язык. Калькирование, будучи высшим типом заимствования, может развернуться лишь в письменном языке и у двуязычных людей. Это значит, что для данного способа словообразования недостаточно наличия связи только между народами, необходимо, чтобы имели место широкий контакт между их языками и условия культурного общения.

До недавнего времени в кабардинском языке отсутствовали такие слова, как тхылъеджэ, щІэджыкІакІуэ, киноеплъ, телевизореплъ, сабэзыщІэшэ, щІыІэлъэ и мн. др. Они представляют собой копии (кальки) с русских слов читатель, кинозритель, телезритель, пылесос, холодильник. Количество подобных новообразований в современном кабардино-черкесском языке трудно определить в точных цифрах, но оно достигло огромных размеров и продолжает расти, широким потоком вливаясь во все издания на родном языке. В этом плане весьма показателен язык современных «Іуащхъэмахуэ» и «Адыгэ псалъэ».

Значительно пополнилась и фразеология кабардино-черкесского языка русскими заимствованиями, как прямыми, так и кальками и полукальками. Напр.: курыт щІэныгъэ «среднее образование», пэщІэдзэ епжапІэ «начальная школа», унэ лэжьыгъэ «домашнее задание», дыгъэ системэ «солнечная система», лъэпкъ кадрыхэр «национальные кадры», Авгий и шэщхэр «авгиевы конюшники», Ахиллес и лъэдакъэ «ахиллесова пята», Ариадна и Іуданэ «ариаднина нить», Дамокл и джатэ «дамоклов меч», Прокруст и гъуэлъыпІэ «прокрустово ложе» и др. Влиянию русского языка подверглись, пожалуй, все сферы кабардино-черкесской фразеологии: общественно – политическая, учебно-педагогическая и школьная, сельскохозяйственная, научная, производственно – техническая, военная, даже бытовая, о чём убедительно свидетельствуют различные издания на родном языке, особенно средства массовой информации и живая речь современных кабардинцев и черкесов.

Подобно общему кругозору, миру интересов кабардинцев и черкесов, значительно расширилась и стала разнообразной ономастическая лексика кабардино-черкесского языка. Еще в XVI – XVIII вв. в русских источниках мы встречаем также имена и фамилии кабардинцев: Курманов Афанасий, Хамгоков Дмитрий, Черкесский Александр Бекович и мн. др. Нередки такие фамилии у современных кабардинцев и черкесов, как Иван, Иуан, Ион, Юан, Истепан, Къэзакъ и т.п. Довольно популярны имена: Борис, Николай, Владимир, Юра, Мария, Нина, Зоя, Рая и др. Определенное влияние испытала топонимика. Напр.: Урожайнэ, Плановскэ, Вольнэ Аул и др. Менее задета этим влиянием кабардино-черкесская гидронимика. Из дописьменных этнонимов в современном кабардино-черкесском языке функционируют такие, как урыс «русский», нэмыцэ «немец», татар «татарин», тырку «турок», асэтин «осетин», бэлъкъэр «балкарец», шэшэн «чеченец», ингуш, къэрэщей «карачаевец», къумыкъу «кумык», къалмыкъ «калмык», журт «еврей», хъэрып «араб», къэжэр «иранец», ермэлы «армянин», сонэ «сван», хъэмшэри «курд», нэгъуей «ногаец» и др. Что касается основной массы этнонимов, то она заимствована через посредство русского языка: украинец, белорус, болгар, литовец, башкир, мариец, чех,

словак, хорват, поляк, венгр, швед, финн, эстонец, хакас, итальянец, испанец, француз, латыш, карел, аргентинец, чилиец, кубинец, португалец, мексиканец, бразилец и мн. др. Колебания, наблюдающиеся в употреблении этнонимов, ограничиваются единичными случаями: англичанин – уст. англыз, француз – уст. франдж, иранец (перс.) – уст. къэжэр, армянин – уст. ермэлы и нек. др.

2.2.4. К вопросу об аббревиации

Говоря о русских заимствованиях, следует отметить и такое новое для кабардино-черкесского языка явление, как условные графические сокращения и аббревиатуры типа: и т.п., и т.д., т.е., с., стр., напр., млн., см. и др. Подобных сокращений нами не обнаружено в кабардинских письменных источниках не только дореволюционного периода, но и позднее, в первые годы письменного периода, тогда как в современных изданиях на кабардино-черкесском языке их применяют довольно широко. Появление, закрепление и распространение их в кабардино-черкесском языке – результат влияния русского языка. По характеру образования и употребления графические сокращения, применяемые в современном кабардино-черкесском литературном языке, можно подразделить на три группы:

1) Прямые заимствования – сокращения из русского языка: м – метр, л – литр, кг – килограмм, км – километр и др.

2) Графические сокращения – гибриды, образованные из русских и кабардино-черкесских слов: м зэб. – метр зэбгъузэнатІэ – кв м, – квадратный метр, км зэб. – километр зэбгъузэнатІэ – кв км – квадратный километр и т.п.

3) Кабардино-черкесские условные сокращения, созданные по типу русских: с.ж. – сыту жыпІэмэ, ср.т.к. – так как,

щап. – щэпхъэ, ср.напр. – например,

п.п. – псалъэм папщІэ — —

лІ. – лІэщІыгъуэ, ср.в. – век,

къ. – къалэ, ср. г. – город,

н. – нэгъуэщІхэри, ср.др. – другие.

То же самое следует сказать в отношении аббревиатур типа НАТО, КъБР, КъБКъУ, КъЧР и т.п., появление и распространение которых у современных кабардинцев и черкесов целиком и полностью обусловлено русским влиянием.

Таким образом, аббревиация как способ словообразования нехарактерна для самих адыгских языков. Имеющиеся отдельные аббревиатуры, созданные на исконном материале, а также многочисленные сокращения, широко используемые в этих языках, представляют собой либо кальки различных типов с русского языка, либо прямые заимствования из него же. И в том и в другом случае это заимствования, произведенные разными способами. Среди новейших аббревиатур назовем несколько: ЩІДАА – ЩІэныгъэхэмкІэ Дунейпсо Адыгэ Академия – из АМАН – Адыгская Международная Академия наук; ПЩФ – профсоюз щхъэхуитхэм я Федерацэ – из ФСП – Федерация свободных профсоюзов, ДАХ – Дунейпсо Адыгэ Хасэ – из МЧА – Международная Черкесская Ассоциация и др.

2.2.5. О соотношении исконной и заимствованной лексики

Резюмируя сказанное об исконной и заимствованной лексике кабардино-черкесского и в целом адыгских языков, следует отметить, что в общенародной, нетерминологической лексике ведущую роль играет словопроизводство, осуществляемое за счёт внутренних ресурсов. В терминологической же лексике, за исключением таких сфер, как соматическая лексика, названия родства, членов общества и сословий, цветообозначений, названий древних орудий труда, металлов, одежды, обуви и их частей, основных представителей флоры и фауны, явлений неживой природы, названий атрибутов верховой езды, жилищ и основных их частей и нек. др., подавляющее большинство лексических единиц представлено заимствованиями. Согласно мнению А.К. Шагирова, обстоятельно изучившего этот слой адыгской лексики, слова, усвоенные из

тюркских, иранских и арабского языков, «вместе взятые, составляют около половины иноязычной лексики адыгских языков», т.е. около 350 единиц (Шагиров 1962: 177). Подразумевается, что другую половину составляют русские заимствования. С этим мнением можно согласиться, если иметь в виду русские заимствования лишь дореволюционного периода, общее количество которых, по нашим неполным подсчётам, составило не менее 400 слов (Апажев 1963:32). В послереволюционное же время, т.е. в письменный период картина существенно меняется. В силу известных объективных причин, конкретных социально – исторических условий русский язык становится основным источником пополнения терминологической лексики кабардино-черкесского, адыгейского и других северокавказских языков. В настоящее время количество русских заимствований исчисляется тысячами и совершенно несопоставимо со всей суммой слов и терминов, когда – либо заимствованных адыгскими языками из всех восточных и других языков, вместе взятых. Так, согласно нашим подсчетам, произведенным по наиболее полным двуязычным словарям, картина распространения русских слов в северокавказских языках выглядит следующим образом: из 20 000 слов «Кабардинско-русского словаря» (М., 1957) заимствованиями из русского языка оказались 4 000 слов, а в «Русско-кабардино-черкесском словаре» (М., 1955), где фиксируется 30 000 единиц, – русских заимствований 6 000; из 33 000 слов «Русско-адыгейского словаря» (М., 1960) русскими заимствованиями являются 5 500 слов. Небезынтересно сопоставить эти цифры с аналогичными данными по другим северокавказским языкам: из 20 000 единиц «Осетинско-русского словаря» (М., 1957) русских заимствований – 3000 слов (подсчет этот сделан Т.А. Гуриевым), а в «Русско-осетинском словаре», фиксирующем 25 000 единиц, русскими оказались 4 100 слов; из 20 000 слов «Чеченско-русского словаря» (М., 1961) русских слов около 3 500, а в «Русско-чечено-ингушском словаре» (Грозный, 1966) русские заимствования составляет около 2 200 слов от общего числа – 13 250 единиц; из 13 300 слов «Лакско-русского словаря» (М., 1962) русских заимствований около 1 600 слов, а из 34 000 слов «Русско-лакского словаря» (Махачкала, 1953) подобных заимствований – более 5 300 слов; из 32 000 единиц «Русско-калмыцкого словаря» (М., 1964) русских заимствований тоже 5 300 слов; из 16 000 слов «Русско-абхазского словаря» (М., 1964) русских заимствований 2 500 слов; из 35 000 слов «Русско-карачаево – балкарского словаря» (М., 1965) – 5 000 русских слов; из 28 000 слов «Лезгинско-русского словаря» (М., 1967) русских заимствований 4670; из 14 000 слов «Абазинско-русского словаря» (М., 1956) русских заимствований 2 110 слов; в «Русско-абазинском словаре» (М., 1956), где представлено 30 000 слов, русскими оказалось 5 000 слов».

Таким образом, по данным названных словарей, в языках народов Северного Кавказа в среднем каждое 6-е слово их лексического состава взято из русского языка, что составляет 18%, а в более тщательно обследованных кабардино-черкесских словарях русским по происхождению или источнику заимствования оказалось каждое 5 – е слово, или 20% лексики.

Несмотря внушительность этих показаний словарей, последние всё же недостаточно полно отражают действительного размаха всего влияния русского языка на северокавказские. Здесь необходимо иметь в виду два важных момента. Во-первых, не все слова и термины, заимствованные из русского языка (как, между прочим, и исконные), вошли в упомянутые словари. Так, в кабардино-черкесском языке, по нашим неполным подсчетам, обращается в общей сложности не менее 12 – 15 тыс. заимствований из русского языка. Во-вторых, далеко не все словарные единицы, состоящие из исконных элементов, следует безоговорочно считать действительно национальными, самобытными, исконными словами и терминами, скажем, кабардино-черкесскими, адыгейскими, карачаево – балкарскими, осетинскими, аварскими и т.п. Дело в том, что многие слова и термины, образованные на исконном материале, на самом деле представляют собой не что иное, как кальки различного рода, обязанные своим возникновением и закреплением в речевой практике северокавказцев русскому языку. Определить в точных цифрах количество калькированных лексических и лексико-семантических, фразеологических единиц довольно затруднительно ввиду того, что не всегда возможно с уверенностью провести границу между своими и чужими, исконными и калькированными. Так, напр., ряд устойчивых выражений, как «железная дорога», «глухая крапива», «слепая кишка», «каменный уголь» и т.п., семантическая структура и

словообразовательная специфика которых обнаруживают поразительное сходство в языках различных систем, одними учеными рассматриваются как кальки с русского (Гуриев 1962; 15), а другими – как национальное достояние, благоприобретение родного языка (Апажев 1963:44 – 45).

Осуществление точного подсчета этих калькированных единиц упирается в целый ряд нерешенных лексикологических и лексикографических вопросов. Кабардино-черкесская, в целом адыгская научная лексикография сравнительно еще молода, в ее теории много еще неясного, а ее практика, как и практика, пожалуй, всех новописьменных языков России и СНГ, пока еще, к сожалению, не достигла такого уровня, который позволил бы исчерпывающе охватить многообразные случаи, являющиеся продуктом сложных языковых контактов. Всё же можно с уверенностью утверждать, что число бесспорных калек с русского очень велико, и это значительно обогащает как общую, так и терминологическую лексику и фразеологию современных литературных адыгских языков, что, несомненно, заслуживает специального исследования.

В заключение следует отметить, что заимствования в основном затрагивают имена существительные, затем гораздо в меньшей степени прилагательные, наречия и весьма незначительно – глаголы и междометия; что же касается числительных, местоимений, союзов, частиц, послелогов, то они, в отличие от других, открытых группировок слов, остаются закрытыми, почти не проницаемыми для влияния других языков.

2.2.6. География адыгских слов, или адыгская лексика в других языках

По справедливому мнению Ж. Вандриеса (1937:257), «Соприкосновение языков является исторической необходимостью, и соприкосновение это неизбежно влечёт за собой их взаимопроникновение». Результатом длительных контактов между нашими народами явилось проникновение адыгизмов (кабардинизмов, черкесизмов, адыгейизмов) в русский и другие языки, хотя некоторые этнографы не согласны с этим утверждением³.

Если вопросы многостороннего влияния русского языка на кабардино-черкесский, адыгейский и другие северокавказские языки получили значительную разработку в специальной литературе, то проблема обогащения русского языка за счет заимствований из языков народов Северного Кавказа остается недостаточно исследованной, в особенности в структурно – лингвистическом плане. Имеются в виду прежде всего фонетический, акцентологический, лексический, семантический, словообразовательный, морфологический аспекты освоения адыгских и других северокавказских заимствований как в южнорусских говорах, диалектах, так и в самом русском литературном языке. Нельзя отрицать тот факт, что при всем огромном размахе и глубине своего проникновения русское влияние не оставалось в адыгоязычных республиках, как и в целом на Северном Кавказе, безответным. Имеющийся богатый историко – этнографический и лингвистический материал свидетельствует, что адыгские и другие народы, их языки, культура и быт оказывали и оказывают определенное обратное влияние на различные стороны жизни и языка местного русского населения. Еще М. Горький писал: «У нас нацменьшинства понемногу вводят свои словечки, и мы их усваиваем, потому что они удобны по своей звучности, емкости, красочности. В этом взаимопроникновении языков наш язык будет очень обогащен» (Горький 1953:439).

Наблюдения показывают, что широкое распространение русского стандартизованного, литературного языка от центра к периферии сопровождается центростремительным процессом – процессом обратного прилива национально – специфичной лексики из языков нерусских народов России и СНГ в русский кодифицированный язык и его диалекты. Так, во многих русских дореволюционных энциклопедических справочниках, лексикографических и историко-этнографических трудах и других источниках мы находим указание на адыгское происхождение ряда лексических единиц, напр.: шашка «оружие», нарзан «минеральный источник», чувяки «мягкая обувь без каблуков». Задолго еще до революции в русском языке известны слова: «кабардинец», употреблявшееся (кроме обозначения национальности) в значении «порода лошадей»), «кабардинка» (кроме национальности) в значении: «1. кабардинский

национальный танец; 2. род шапки; 3. род черкески». Эти слова нередко употребляются в произведениях русских классиков и зарегистрированы в таких авторитетных источниках, как Толковый словарь В.И. Даля, Толля – Зотова 1864, Брокгауза – Ефрона, БСЭ, ТСУ, Фасмера, БАС, МАС, СОШ, БТС... Как убедительно доказал В.И. Абаев, слова «абрек» и «лудан», генетически восходящие к разным языкам, вошли в русский язык из адыгских языков (Абаев 1958:117 – 120; 1963:116 – 123). По источнику заимствования адыгскими являются также «тамада» и «газыри». Кроме этих лексем, закрепленных в русских толковых и других словарях, имеются еще слова более узкого употребления, известные в специальной литературе, обязанные своим возникновением как кабардино-черкесскому, так и русскому языкам. Напр.: нальчикин «1. техническая отбеливающая глина, используемая, как и гумбрин, для очистки бензина; 2. техническая паста для чистки эмалированной поверхности»; нальчик «минеральный источник», нартан минеральный источник, нартшуг (из нарт «богатырь» + шугъу «соль») «лечебная соль, полученная из минеральных вод долины реки Нальчик путем выпаривания» (Апажева 1970:15), ботанические термины: василек Ногмова, очиток баксанский, очиток нальчикский, подснежник кабардинский (Кос 1959); в сельскохозяйственной литературе: овес кабардинец, просо кабардинское 559, кукуруза кабардинская белая зубовидная (Справочник по семеноводству 1959:157); в зоологии: кабардинская гаечка (Птицы СССР), кабардензис «вид жука» (Болов 1970); в музыкальной литературе: пшина «гармоника», шикапшина, «кабардинский струнный смычковый музыкальный инструмент», шикапшинист «музыкант, играющий на шикапшине», бжамий «народный духовой музыкальный инструмент», бжамист «музыкант, играющий на бжамии»; исламей «народный танец кабардинцев, исполняемый в быстром темпе», кафа «кабардинский народный парный (или массовый) танец умеренного темпа, при исполнении которого партнёры не касаются друг друга»; удж «кабардинский народный танец линейного построения, исполняемый парами, при котором мужчина под руку ведет партнёршу», уджпух «удж, при исполнении которого мужчина и женщина идут рядом, не касаясь руками друг друга» и др. (ЭМС 1959; Музыкальная культура автономных республик РСФСР, М., 1959. – С. 161 – 163; Хавпачев 1999:65 – 103. и др.)

Слова из адыгского фольклора и мифологии: гегуако «народный певец – сказитель», альп «сказочный конь», иныжь «великан», гыбза «песня – плач», и др.; историзмы: пши «князь», уорк «дворянин», унаут «человек низшего сословия, челядь в феодальной Кабарде», пшитль «крепостной» и мн. др.; термины, характеризующие общественную жизнь: хабза «свод обычаев», адыга хабза «свод адыгских обычаев», хаса «совет, совет старейшин» и др.

Рассмотренные выше две группы адыгских слов в русском языке представляют собой два типа лексических заимствований: 1) общеупотребительные литературные (шашка, чувяки, нарзан и др.); 2) специально – терминологические (нальчикин, кафа, унаут и т.п.). Можно говорить также о третьей группе – третьем типе лексических заимствований. Это так называемые экзотизмы – слова и выражения из других языков, не вошедшие еще в общеупотребительную русскую лексику, но довольно часто используемые местным русскоговорящим населением и русскоязычными писателями и журналистами для передачи местного колорита. Напр.: гедлибже «вареная курица под белым соусом», паста «крутая пшенная наша, употребляемая с мясными блюдами вместо хлеба», койжапха «блюдо из жаренной сметаны, свежего сыра, яиц и кукурузной муки, употребляемое обычно с пастой; махсыма «буза», лакум «пышка», жарума «сальтисон», тхамшугниба «ливерная колбаса»; см также: жамука, ляпс, ляпстепха, лигур (лягур), лицуклибже и др.

На базе адыгских заимствований в русском языке создаются новые слова при помощи аффиксов или основосложения: абрек – абреческий, абречетво, абречка; адыга – адыгский, адыговед, адыговедение, адыгизм; Нальчик – нальчикский, нальчанин, нальчанка, нальчик (минвода), нальчикин; нарзан – нарзаный, нарзанчик и мн.др. Иногда адыгские слова развивают на русской почве новые значения или оттенки значения. Так, слово «газыри» (хъэзыр) приобрело (наряду с сохранением значения «готовые патроны») еще другую семантику – «гнезда для карандашей в полевой сумке» (БАС 1965; БТС 1998). «Чувяки – кожаная обувь с мягкой подошвой; напр., кабардинские чувяки. Вообще мягкие открытые кожаные туфли без каблуков» (БТС 1998). Довольно

часты в XIX в. и позже случаи употребления в русском языке слов «кабардинец, кабардинка», как было отмечено выше, в значениях кабардинская порода лошадей; род черкески; род шапки; танец (БСЭ 1953. т. 19; БАС. 1956, т. 5; Словарь Даля. т. 2; БТС 1998).

Заслуживает внимания и вопрос о кабардино – черкесских лексических заимствованиях в других языках. Б.Х. Балкаров, специально исследовавший кабардинскую лексику в осетинском языке, обнаружил значительное число кабардинизмов, усвоенных осетинами. К их числу ученый относит слова, выражающие различные понятия общественного характера: осет. дзылла «общество, население, мир, человечество, люди, народ, масса, множество»; ср. каб. жылэ; уынаффа «совет, наставление, решение, постановление, распоряжение, руководство»; ср. каб. унафэ; цъеин «наследство, имущество, полученное в результате несчастия, выморочное имущество»; каб. щъэин; уынаут «прислуга, горничная, служанка»; каб. унэлут; лаз, лаза «вина, дефект, причина, несчастие»; каб. лажэ; гуызава «колебание, сомнение, подозрение, беспокойство»; каб. гузавэ; гуырысхо «сомнение, подозрение»; каб. гурыщ – хъуэ; гуырымыкъ «грубый, невежда», каб. гурмыкъ; къомых, хомых «увалень, лежебока, лентяй»; каб. хуэмыху и др. Лексика флоры: затха «овёс», каб. устар. зэнтхъ; апха «морковь»; каб. пхъы; цывзы «красный перец», каб. жыбжий; гедгин, джеджын «чебрец», каб. джэдгын и др. Названия орудий труда: хъогъанца «лопаточка для очистки лемеха от земли», каб. кхъуэхъэнцэ; гуыффа «кузов», каб. гуфэ; джида «топор» и др. Б.Х. Балкаров приводит также многочисленные кабардинские заимствования в осетинском из области терминологии кулинару, военного дела, искусства, соматической лексики и др. (Балкаров 1965:8 – 65).

В рассмотренных выше работах А.К. Шагирова показано, что немало кабардино-черкесских слов вошло в лексику адыгейского, абхазского, абазинского и некоторых других языков Северного Кавказа.

Заметное место занимает кабардино-черкесская лексика в современном балкарском языке. Балкароведами и кабардиноведами давно выявлены такие лежащие на поверхности словаря факты заимствования, как, напр.: балк. хантус от каб. хъэнтхъупс «суп», баста – пастэ «паста», быхъы – пхъы «морковь», гефгин – кӀэпхын «фартук», бӀхция – бостей «женское платье», гоша – гуашэ «госпожа; княгиня, свекровь», гошанса – гуашэ нысэ (см. гоша), ежиу – ежъу «припев», кӀрох – кӀэрахъуэ «наган, пистолет», гурушха – гурыщхъуэ «подозрение» и мн. др. (Апажев 1984:70 – 71; Мусукаев 1984; 1995, 1997; Отаров 1996, Гузеев 1998; Унатлоков 1999 и нек. др.)

Изучение кабардино-балкарских языковых контактов в настоящее время уже имеет необходимые условия для перехода к новому этапу – к более углубленному исследованию лексико-семантических и других результатов многовекового взаимодействия и взаимообогащения наших языков. О глубинном процессе, представляющем собой высший гип заимствования, свидетельствуют такие балкарские кальки – копии с кабардинского, как балтус «сахар» (из бал «мёд» + тус «соль») от каб. фошыгъу «сахар» (из фо «мёд» + шыгъу «соль»); ср. также балк. локъум от каб. лэкъум «бубны» (от переносного значения лэкъум «пышки прямоугольной формы, жаренные во фритюре»), къара сом от каб. сомфӀыцӀэ «четвертак, 25 копеек», букв.: «черный рубль»; сомджарым – сомныкъуэ – «полтинник» (букв. «половина рубля») и др. (Апажев 1984, 1995, 1997)

Рассмотренные выше факты свидетельствуют о тесных и длительных контактах кабардинцев со многими народами не только в социально-экономической сфере, но и в области языкового взаимодействия и взаимообогащения. Эти факты также демонстрируют, с одной стороны, недостаточную осведомленность некоторых этнографов, а с другой, – научную несостоятельность их утверждений о якобы отсутствии в русском языке заимствований из кабардинского языка. Достаточно сказать, что в основном именно от кабардинцев русские усвоили такие ставшие общелитературными слова, как ШАШКА, ТАМАДА, ЧЕРКЕСКА, ГАЗЫРИ, АБРЕК, ЧУВЯКИ, НАРЗАН и др. Такого вклада в русский язык не внес, пожалуй, ни один из языков Кавказа, включая даже старописьменные грузинский и армянский языки. Это подтверждается объективной экспертизой русской энциклопедической литературы и произведений филологической лексикографии, изданных в России и за рубежом в последние 200 лет.

2.2.7. ТИПЫ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Длительные контакты кабардино-черкесов с другими народами, в особенности с русским, привели к усвоению значительного числа иноязычных элементов кабардино-черкесским языком. Изучение проблемы влияния одних языков на другие должно состоять не только в том, чтобы установить общий объем и характер заимствованных элементов (хотя само по себе это чрезвычайно важно), но и выявить пути и причины различных изменений, т.е. произвести научно-лингвистический анализ аспектов адаптации заимствований (на поведении которых в новой для них языковой среде прослеживаются действующие (а иногда и действовавшие) ведущие тенденции в развитии заимствующего языка), определить, какие преобразования вызваны иноязычным влиянием в лексико-фразеологическом составе и семантической структуре лексических единиц, что нового внесли эти заимствования в фонетический строй и какие сдвиги словообразовательного и иного характера произошли под их влиянием в заимствующем языке, иначе говоря, что и как внедрено языком-источником в структуру языка-реципиента (получателя).

Анализ процесса ассимиляции (освоения) лексических заимствований позволяет установить основные закономерности (имевшие место в кабардинском языке в период проникновения русских слов), а также обнаружить главные тенденции современного его развития. При отсутствии в далеком прошлом кабардинских письменных источников русские и другие заимствования играют важную роль в воссоздании определенных моментов или в восстановлении отдельных утраченных звеньев общей картины состояния кабардинского и в целом адыгских языков. Этим важным обстоятельством объясняется столь заметное место, которое отводится здесь вопросу об ассимиляции заимствованной лексики в кабардино-черкесском языке.

Ассимиляция заимствований может быть фонетической (см. главу «Фонетика и фонология» I тома), словообразовательной, морфологической, семантической и лексической.

2.2.7.1. Семантические изменения в заимствованиях

Процесс лексического заимствования довольно часто сопровождается изменениями семантического характера. Если фонетические и морфологические изменения объясняются почти исключительно спецификой взаимодействующих языков, то на семантические процессы, помимо этого, огромное воздействие оказывают внеязыковые, так называемые экстралингвистические факторы. Учет особенностей семантической ассимиляции, как и других способов освоения иноязычной лексики, имеет важное теоретическое и методическое значение, особенно в практике преподавания русского, родного и иностранных языков в адыгоязычных школах.

Известно, что один лишь факт употребления тех или иных заимствований в родном языке еще не означает полного семантического (смыслового) их освоения, во всем совпадающего с функционированием их в языке – источнике. Среди частоупотребительных заимствований имеется масса слов, звучание которых сильно изменено и значительно приближено к кабардино-черкесской фонетике, но при этом остаются неосвоенными многие стороны их семантики, стилистические оттенки, различные нюансы. Это вполне естественно. В противном случае все кабардинцы и черкесы должны были бы быть абсолютными билингвами, т.е. владеть в одинаковой степени родным языком и языком – источником заимствований. Поскольку внутренняя форма заимствований в большинстве случаев понятна далеко не всем кабардинцам и черкесам, то последние воспринимают звуковой комплекс русских и других иноязычных слов, функционирующих в их речи, только как сигнал, возбуждающий представление об определенном предмете или явлении. Ограничиваясь таким восприятием, недвужычные кабардинцы и черкесы, разумеется, не всегда могут увязать то или иное заимствование с родственными словами источника. Приведем пример. Кабардинец, не владеющий русским языком, но активно употребляющий слово шэтвэр «четверть», не связывает его с «четыре», «четвёрка», «четвёртая часть (ведра, аршина)» и т.п., ибо ему не понятна внутренняя форма «шэтвэр». Он также не осознает связи известного ему слова собранэ со

словами «собратъся», «собирать», «сборка», «собор» и т.п. Еще менее понятна внутренняя форма иностранных слов, проникших в кабардино-черкесский язык непосредственно, а чаще через посредство русского языка: команда, кабинет, президент, бюро, паспорт, аэропорт, бизнес, пальто, костюм и др. Однако непрозрачность, туманность, или, как говорят, «абсолютная непроницаемость» внутренней формы не являемся атрибутом всех заимствований. Сравнение таких слов, как например, социальный, социализм, социалистический, с одной стороны, и общий, общество, общественный, с другой, обнаруживает, что внутренняя форма первой группы совершенно не понятна для кабардинца, тогда как с такой категоричностью этого утверждать, по-видимому, нельзя в отношении второй группы лексем. Речь идет об относительности понимания внутренней формы, родственных связей между словами. Ведь и в родном языке далеко не во всех исконных словах мы ощущаем внутреннюю форму. Едва ли все говорящие по-кабардино-черкесски представляют себе пылэ «шапка», когда говорят пылун «насадить что-л. на что-л.», вытлощыщлэ «налыгач» как витым ящыщла «на-детый на двух волов». То же самое можно сказать о русских словах «петух», «птаха», «птенец», «птица» и др., которые далеко не все русскоговорящие связывают со словами «петь», «песня».

Приведем несколько примеров семантического освоения заимствований из арабского языка в кабардино-черкесском.

Араб. язык	Каб.-черк. язык.
джильд 1) кожа, шкура	жинт – переплет, обложка
2) переплет	
дакъикъа 1) минута	дакъикъэ – минута
2) частица; физ.	
молекула 3) тонкость	
джумга 1) неделя	жумэ служба в мечети в
2) пятница	пятницу
зикр 1) упоминание	зэчыр мусульманское 2) память 3)
воспоминание религиозное песнопение	
4) слава 5) моления,	
закрывающиеся главным	
образом в непрерывном	
произнесении хором имени	
Аллаха	
ахъыл 1) родственник;	Ыхъылы – родственник
семья; жена 2) население,	
жители 3) люди	
мадраса 1) школа, училище	мыдрысэ, индрисэ – медресе
2) лит. направление	
насыб 1) доля, часть	насып – счастье
2) участь, судьба,	
удача	
нишан 1) цель, мишень	нэщанэ – мишень
2) орден, знак отличия	
сабеб 1) причина, повод,	сэбэп – польза, прок
мотив 2) путь, способ,	
средство 3) предмет, вещь,	
принадлежность	
4) веревка 5) связь	
салям 1) мир, безопасность,	сэлам -привет, приветствие
благополучие	
2) привет, приветствие	
3) гимн	

Длительное бытование в языке чужого слова, этимология которого ранее была абсолютно непонятной носителям заимствующего языка, может привести и нередко приводит к осознанию его внутренней формы. Именно это и порождает кальки, являющиеся самым сложным способом и высшим типом заимствования, которым могут пользоваться лишь двуязычные. Это создает возможность употребления не только

корневых, но и служебных морфем в качестве самостоятельных слов. Проиллюстрируем сказанное примерами из произведений Б. Утижева:

1. «Тлощырэ етхуанэ лэщыгъуэр екӀуэкӀт.... Налшыч дащӀыхь мэжджытышхуэми икӀэм-икӀэжым шыкӀуэтэнхэр тралъхъуэ щӀадзат. «Мэжджытыр яухыху дыщысынкъым» жари, адыгэхэри загущауэ, хэт баптистт, хэт буддистт, хэт сатанистт, адвентистт, махуиблистт... «Ист» зыльымысахэр мысту къэнэжауэ, етлощӀанэ лэщыгъуэм къэунэхуауэ щыта тхъэ мыхъумыбз мафиозекӀэ зэджем нэмэз хуащӀырт».

2. «Инфляцэти, приватизацэти, сищхъэузацэти, сиузыгъуэзацэти жыхуаӀэр, мыдэ-щэ, емынэри тэлори къуагъэщтэжын хуэдизу цӀыхур лъэрыщӀыкӀ зэтращӀащ»... (Ӏуащхъэмахуэ.- 1995. №4. -Н. 120).

Ввиду того, что внутренняя форма иноязычного слова одновременно с заимствованием не может быть точно понята и его семантические и стилистические отношения далеко не полностью воспринимаются и осваиваются носителями заимствующего языка, то неизбежно появляются различия между значениями одного и того же слова в языке – источнике и языке – рецепторе (заимствующем, поглощающем). Однако главная причина возникновения этих различий в том, что отдельные значения (ЛСВ) усваиваемых многозначных слов имеются в самом заимствующем языке, поэтому, как правило, не заимствуются. Ср.: перо, письмо, урок, вывод, посылка, оценка и мн. др., семантика которых усвоена лишь частично кабардинцами и черкесами. Источником этих расхождений могут быть также недостаточность восприятия и неточность удержания в памяти значений и звучания заимствований. Вследствие этого у одних заимствований сокращается количество значений, у других появляются новые значения. Что же касается употребления отдельных заимствований с необычной для источника семантикой, то, видимо, внутренняя форма здесь роли не играет. Само собою разумеется, определенное количество слов заимствуется без изменения семантики, присущей им в языке – источнике. Напр.: капуста, бутылка, стакан, чашка, самовар, копейка, таз, кубган, бязь, сатин, суффикс, идеализм, материализм, поэма и мн.др. Исследование иноязычной лексики убеждает в том, что подавляющее большинство заимствований воспринимается основной массой носителей заимствующего языка не в полном объеме семантики. Обычно полисемантическое слово заимствуется в одном или нескольких значениях, но полностью оно осваивается реже. Так, в слове «письмо» заимствуется значение «текст для сообщения кому-н. чего-н.», но другие ЛСВ не усвоены; русское «перо» употребляется в кабардино-черкесском языке в значении «часть орудия письма», а первоначальное значение «пух, перо птицы» – не заимствуется. Форма дэгэнал (из «диагональ») употребляется только в значении «ткань с рубчиком», идущим по косой линии». Из шести значений слова «печать» в кабардино-черкесском языке употребляется три значения (ср.: круглая печать – печать хъурей, официальная печать – официалнэ печать, работники печати – печатым и лэжьакӀуэхэр) и один из его оттенков -«запрет». Ср.: рус. «печать на устах у кого-н.» ЭТОТ оттенок известен кабардинскому языку: Ди жьэм пэшот тегъэуащ, ди гупсысам лъэхъу идзащ «Печать наложена (поставлена) на наши уста, закованы наши думы» (Карахалки) – 29 авг. 1924).

Таким образом, одной из особенностей семантического освоения заимствований в кабардино-черкесском языке является сужение их смысла или сокращение количества лексико-семантических вариантов (ЛСВ). К выше приведенным примерам можно добавить еще такие слова, как совет, вывод, урок, ручка, партия, вечер, цепь, доска, стол и мн.др. Правда, в речи интеллигенции и молодежи, хорошо владеющей русской и родной речью, имеют место случаи полного освоения ряда полисемантических русских слов, всесторонне не охваченных ни литературным кабардино-черкесским, ни разговорным его вариантом, ни существующими кабардино-черкесскими лексикографическими пособиями. Такие слова, как урок, партия, совет, копия, сухарь, отношение и мн.др., могут быть употреблены в разговорной кабардинской речи представителей интеллигенции и молодежи во всех присущих им в русском языке значениях. Это наблюдается у кабардинцев и черкесов, двуязычных в полном смысле этого слова.

Другим семантическим процессом, имеющим место в освоении заимствуемых слов, является расширение их смысла или увеличение количества ЛСВ. Своеобразному переосмыслению подверглось слово кӀэлындор – «коридор», которое обозначает в кабардино-черкесском языке не только «коридор», но и вмещает в себя и значения слов

«крыльцо», «зонтик», «терраса», «веранда», «навес вдоль дома». Расширенное значение приобрело и слово «милиция», употребляющееся в кабардинском языке в трёх значениях: 1) милиция, 2) милиционер, 3) сельисполнитель. В разговорном народном языке подобных примеров встречается больше. Так, слово *кӀупӀец* употребляется для обозначения «купец» и «богатый платок (головной)». Такие лексемы, как япон, китай, голланд, франц, нэмыцэ и мн. др., обозначают в кабардино-черкесском языке как страны, так и их обитателей.

Третий вид изменения смысла в заимствованиях связан с потерей первоначального значения и приобретением ими необычной для языка – источника семантики. Яркий пример «искажённого» употребления дает нам слово *куэзыр*. Русское «козырь», по МАС, имеет четыре значения (1. Карта той масти, которая считается в данной игре старшей и бьёт все остальные; 2. перен. Преимущество, которое используется в нужный момент в споре, борьбе; 3. перен. прост. Богатый, заносчивый, важный человек; 4. перен. разг. Красивый, видный, статный человек. Кабардинцы восприняли привычку игры в карты, но не усвоили ни одного из отмеченных значений слова «козырь», а вложили в него необычный для русского языка смысл – «карты (игральные)». Сюда же примыкают и слова *кӀастум*, *мэтушкӀэ*, употребляющиеся в разговорном языке кабардинцев в значениях, не совпадающих с их семантикой в источнике. Так, *мэтушкӀэ* (из русск. «матушка») приобрело значение «русская девушка, женщина», а слово *кӀастум* (из «костюм») – значение «пиджак». Следует отметить, что подобные примеры редки в литературном кабардино-черкесском языке.

Таким образом, из приведённых фактов становится ясно, что семантические изменения, происшедшие в заимствованиях, различны по характеру и могут быть сведены к четырём типам. Исходя из особенностей освоения семантики заимствованных слов, среди последних можно выделить четыре категории.

К первой категории относится самая многочисленная, на наш взгляд, группа лексем, семантической особенностью которых является сужение смысла при заимствовании их кабардино-черкесским языком. Данная группа объединяет различные как по сфере употребления, так и по историческому происхождению слова. Напр.: *лафкӀэ* «лавка», *бэльтоку* «платок», *определенэ* «определение», *изложенэ* «изложение», *Ӏэдял* «одеяло», *лошкӀэ* «ложка», *загон*, *вывод*, *урок*, *предложенэ*, *сэлам*, *жинт*, *зачыр*, *Ӏыхьлы*, *насып*, *сэбэп* и мн.др.

Вторую группу составляют слова, имеющие в кабардино-черкесском языке те же значения, что и в языке-источнике. Напр.: *тетрадъ*, *альбом*, *партэ*, *стэчан*, «стакан», *тэбуреткӀэ* «табуретка», *кӀэртӀоф* «картофель», *лон* «лён», *математикэ*, *физикэ*, *химие*, *философии* и мн.др. слова и термины.

Третья группа объединяет лексические единицы, семантика которых расширяется в процессе бытования в кабардино-черкесском языке, где, как правило, употребляется также одно или несколько из значений, активно функционирующих в языке-источнике. Напр.: *мылыцэ* «милиция», *кӀэлындор* «коридор», *семышкӀэ* «семечко» и др.

Наконец, в четвёртую категорию включается самая малочисленная группа слов, употребляющихся в кабардино-черкесском языке в необычном для языка-источника значении. Напр.: *кӀуэзыр* «козырь», *мэтушкӀэ* «матушка», *пэш* «печь» др. (Апажев 1963:54-60).

2.2.7.2. Лексическое освоение заимствований

В отличие от фонетического и морфологического типов освоения, которые происходят одновременно с проникновением слова в другой язык, лексическое освоение представляет собой более длительный процесс.

Лексическое освоение – это адаптация слова как единицы лексики (а не фонетики и грамматики). Слово можно считать лексически освоенным, когда оно называет вещь, явление, свойственное жизни кабардинцев, черкесов, когда в его семантике уже не ощущается ничего, что свидетельствовало бы о его иноязычном происхождении. Если вначале русские слова воспринимались как необычные для адыгов специфические понятия и термины и нередко сопровождалась словом *урыс* «русский» (ср.: *урыс щӀахъуэ*

«русский хлеб», урыс аркъэ «русская водка», урыс пэшхэку «русская печь» и т.п.), то впоследствии подавляющее большинство их перестало обозначать в кабардино-черкесском языке предметы, явления, характерные только для русских, став тем самым лексически освоенными в заимствовавшем языке. К числу таких можно отнести лексемы: стол, кружка, ложка, чай, чайник, калоши, туфли, майка, кофта, котлеты, борщ и мн.др. Вместе с тем в кабардино-черкесском языке встречаются отдельные лексически не освоенные слова, главным образом, историко-этнографического характера, различного рода архаизмы, историзмы, которые в самом языке-источнике не отличаются особой активностью. Напр.: былины, лапти, бояры; мистер, мисс, леди; чичероне, тореадор; рикша, кули, гейша и др., которые могут быть употреблены в речи кабардинцев, пишущих и говорящих на родном языке, лишь в тех случаях, когда возникает необходимость передать специфику быта, культуры той или иной страны. Функционирование этих и подобных им слов в современном кабардино-черкесском языке принципиально не отличается от их поведения в русском языке. Следует, однако, подчеркнуть, что строгой границы между лексически освоенными и не освоенными словами провести, если и возможно, то довольно затруднительно.

2.2.7.3. Приспособление исконной лексики к передаче значений русских слов (изменение семантики кабардино-черкесских слов под влиянием русского языка)

Как показывают факты, русские заимствования, сталкиваясь с исконными в частоте употребления или в стилистическом использовании, распространяют волны своего влияния на различные стороны кабардино-черкесского языка и вызывают в последнем сложные семантические преобразования. Русские заимствования и русское влияние в целом, не ограничиваясь количественным обогащением кабардино-черкесского словаря, оказывают заметное воздействие на развитие значений многих исконных слов, т.е. на изменение их семантической структуры и тем самым на расширение их контекстуальных возможностей. В результате воздействия русского языка, при ежедневно возникающей необходимости передавать на родном языке значения русских слов и терминов, близких по семантике с исконными (напр. къэлэн и др.), происходит расширение функций последних. Так, общая семантика унафэ обладает сейчас способностью употребляться в следующих значениях: указ, приказ, приказание, распоряжение, повеление, предписание, постановление, руководство, указание; къэлэн может, смотря по контексту, передавать значения слов: повинность, обязательство, долг (обязанность), задача (общ.-полит.), роль (функция), миссия (поручение, задание). Сюда можно отнести также слова тхылъ «книга», щытыклэ «состояние», хъыбар «известие», хабзэ «обычай», жэуап «ответ» и мн. др., семантика которых значительно расширилась в письменный период развития кабардино-черкесского языка. Влияние русского языка может привести не только к расширению семантики исконных слов, но и к сужению семантики, а также к ограничению сферы употребления исконных, иногда и к вытеснению последних.

Одним из важных результатов процесса заимствования русских лексических единиц явилось также обогащение и развитие таких лексико-семантических категорий, как синонимы, антонимы, омонимы, паронимы и др.

2.2.7.4. Основные последствия взаимодействия русского и кабардино-черкесского языков

Рассмотренные выше факты свидетельствуют о глубоких разносторонних связях кабардинцев с соседними народами, в особенности с русским народом, оказавшим значительное влияние на социально-экономическое, общественно-политические и культурное развитие кабардинцев и черкесов.

Русский язык стал постоянным и неисчерпаемым источником пополнения и обогащения кабардино-черкесской лексики. Количество русских заимствований в

кабардино-черкесском языке, по неполным данным, достигло ещё до революции 400 единиц, что превышает число заимствований за тот же период из других языков вместе взятых. В настоящее время в кабардино-черкесском языке обращается не менее 15 000 лексических единиц, заимствованных из русского языка или через его посредство из других языков мира.

При всём размахе и глубине своего проникновения русское влияние не оставалось безответным. Адыги, в частности, кабардинцы и черкесы оказывали и оказывают определенное влияние на различные стороны быта, культуры и языка русских, тесно соприкасавшихся с ними. Все это свидетельствует о том, что бесспорное утверждение историков, археологов, этнографов и литераторов о наличии многосторонних русско-кабардинских связей подтверждается и существенно дополняется не менее бесспорными фактами языкового взаимообогащения наших народов.

В результате взаимодействия лексико-фразеологических и семантико-стилистических и других сфер контактирующих языков, в частности, влияния русского языка значительное развитие получила смысловая сторона кабардино-черкесского языка, а именно расширилась семантика многих исконных слов, обогатились лексико-тематические, лексико-семантические и лексико-стилистические системы. Появились новые слова и термины, представляющие собой как непосредственные заимствования, так и лексические и семантические кальки, подверглась сужению семантика определенного числа исконных слов, выпал из активного словарного состава ряд устаревших общеадыгских лексем и ранних заимствований из других языков, вытесненных русскими заимствованиями.

Важным результатом развития кабардино-черкесского языка письменного периода является формирование в нем под воздействием русского литературного языка различных стилей. За этот период по существу складываются и интенсивно развиваются общественно-политическая, литературно-публицистическая, научная, учебно-педагогическая, производственно-техническая лексика и фразеология, почти отсутствовавшие в дореволюционном кабардино-черкесском языке.

Заметное воздействие испытали также фонетическая и акцентологическая системы кабардино-черкесского языка, в котором вместе с заимствованными словами появились новые звуки, новые звуковые комплексы и слова с нехарактерными ранее для него начальными звуками и лексические единицы с необычными ударением. Так, появились взрывные заднеязычные Г, К, сонорные Л, ЛЬ, шипящий долгий мягкий Щ, подвергавшиеся в дописьменный период полной субституции; новыми являются такие звуковые комплексы, как ИО, ОИ, УА, ИА, ОУ, ЕО, КЛ, ФЛ, СВ, ТВ и многие другие (ср.: патриот, буржуазия, гениальнэ, клоун, теория, класс, фланг, связь, сводка, свечкэ, творчествэ); усвоено большое число слов, противоречащих традиционным акцентологическим нормам кабардино-черкесского языка, в котором, в отличие от русского языка, ударение является фиксированным (ср.: гений, химия, товарищ, праздник, зоотехник, лектор, трактор и т.п.) В исконной кабардино-черкесской лексике отсутствуют слова с начальными Р, И, Э, О, У, а в заимствованной части таких единиц сотни, напр.: радио, роман, рама, роза, история, институт, эра, эпоха, электричество, Эмма, орден, орган, опера, утренник, ударник, указ, украинец и мн. др.

Поскольку «идеи не существуют оторванно от языка» (Маркс и Энгельс), а «язык обогащается вместе с развитием идей» (В.В. Виноградов), то с русским влиянием в известной степени связано и расширение круга интересов, обогащение мира мыслей и чувств самих кабардинцев и черкесов, ибо, как отмечал Н.В. Крушевский, «в языке человечества действует закон соответствия мира слов миру и мыслей» (Крушевский 1956:246).

2.3. ЛЕКСИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО СОСТАВА

2.3.1. Понятие об активной и пассивной лексике

Выше не раз отмечалось, что язык как система находится в непрерывном движении, обновлении, развитии и самым подвижным его уровнем является лексика, которая раньше других реагирует на все изменения в обществе, пополняясь новыми словами, выражениями. С другой стороны, названия предметов, вещей и явлений, которые уже не имеют применения в жизни народа, выходят из употребления.

В каждом языке всегда функционируют слова, относящиеся к активному словарному запасу, постоянно используемые в повседневной речи, и слова, вышедшие из каждодневного употребления и поэтому приобретшие архаическую окраску. Одновременно в лексической системе появляются новые слова, которые только входят в употребление и поэтому воспринимаются как необычные, сохраняющие оттенок свежести, новизны. Несмотря на то, что устаревшие и новые слова рассматриваются в составе пассивной лексики, они представляют собой принципиально различные явления.

Слова кабардино-черкесского языка с точки зрения частоты употребления, современности, устарелости или новизны могут быть распределены на группировки.

В первую группировку включаются слова, активно употребляющиеся в современном языке и не имеющие оттенков новизны и устарелости. Обычно это слова, давно возникшие в языке и успешно обслуживающие кабардинцев и черкесов как в прошлом, так и в настоящем.

Вторая группировка объединяет слова, по известным причинам воспринимающиеся современными кабардинцами и черкесами как устаревшие или устаревающие и играющие в живой сегодняшней их речи пассивную роль, а в словообразовательном отношении уже не проявляют активности.

К третьей группе относятся слова, возникшие недавно, имеющие оттенок новизны, свежести и не получившие еще повсеместного распространения в общенародном языке.

Рассмотрим более подробно каждую из трех групп в отдельности.

2.3.2. Общеупотребительная лексика

Общеупотребительной называется живая, современная, общепонятная лексика, которая для всех говорящих на кабардино-черкесском языке является привычной, наиболее часто используемой, общенародной в полном смысле этого слова, не имеющей каких – либо ограничений в употреблении в той или иной сфере, в том или ином стиле. Сюда относятся так называемые ядерные слова, без которых нормальное речевое общение людей не может состояться. Напр.: щы – земля, дыгъэ – солнце, уафэ – небо, уэшх – дождь, жьы – ветер, псы – вода, река; уэс – снег, щымахуэ – зима, гъэмахуэ – лето, гъатхэ – весна, бжьыхъэ – осень, хуабэ – тепло и теплый, щыэ – холод и холодный; цыху – человек, сабий – ребенок, лы – мужчина и муж, фыз – женщина и жена, щалэ – парень и молодой, хъыджэбз – девушка, адэ – отец, анэ – мать, къуэш – брат, шыпхуэ – сестра; фы – хороший, качественный; гуапэ – добрый, кыхъ – длинный, кӀэщӀ – короткий, нэху – светлый, лъэщ – сильный; нобэ – сегодня, пщэдей – завтра, дыгъуасэ – вчера, иджыпсту – сейчас, итӀанэ – потом; быдэу – крепко, хуому – медленно, щӀэхуэ – скоро, псынщӀэу – быстро; кӀуэн – идти, ходить; жэн – бежать, лэжьэн – работать, шхэн – есть (кушать), щытын – стоять, щысын – сидеть, жеин – спать, псэун – жить; сэ – я, уэ – ты, ар – он, дэ – мы, фэ – вы, ахэр – они; зы – один, тӀу – два, щы – три, плы – четыре, тху – пять... пщы – десять, тӀошӀ – двадцать, щӀэщӀ – тридцать, плышӀ – сорок... щэ – сто, мин – тысяча; щхъэ – голова, нэ – глаз, пэ – нос, тхъэкӀумэ – ухо, набдзэ – бровь, нэбжьыц – ресницы, лэ – рука, лъакъуэ – нога, гу – сердце, ныбэ – живот, бгъэ – грудь, джабэ – бок, пщэ – шея, дамэ – плечо, лъэгужьэ – колено; блыщхъэ – понедельник, гъубж – вторник, бэрэжьей – среда, махуэку – четверг, мэрем – пятница, щэбэт – суббота, тхъэмахуэ – воскресенье; январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, хужь – белый, фыцӀэ – черный, плъыжь – красный, гъуэжь – желтый, щыхуэ – синий, удзыфэ – зеленый, тхъэмбылыфэ – розовый, шакъафэ – сиреневый, кхъуэщыныфэ – коричневый, морэ – бордовый, щхъуэ – серый; джэнэ – сорочка, гъуэншэддж – брюки, пылэ – шапка, вакъэ – обувь, шырыкъуэ – сапоги, туфлэ – туфли, бостей – платье (женское), цей – черкеска, бгырыпх – пояс; кӀэпхын – фартук, кӀэ – юбка; джэд – курица, адакъэ – петух, джэджьей – цыпленок, къаз – гусь, бабыщ – утка, гуэгуш – индейка; хъэ – собака, джэду – кошка, шы – лошадь, жэм – корова, мэл – овца, бжэн – коза, вы – вол, гуу – бык, хыв – буйвол, шыд – осел, кыдыр – мул; дыгъужь – волк, мыщэ – медведь, бажэ – лиса, ужьэ – ласка, уашхэ – барсук; бжьэ – пчела, бадзэ – муха, аргъуей – комар, бжьыдзэ – блоха; бзу – воробей,

тхъэрыкъуэ – голубь, къуаргъ – ворона, къру – журавль; блэ – змея, шындырхъо – ящерица, благъуэ – крокодил; жыг – дерево, жыгей – дуб, тхуей – бук, хуей – береза, бжей – чинар; зэрыджэ – калина, мылэрысэ – яблоко, кхъужь – груша, балий – вишня, дэ – грецкий орех, пхъэгулъ – слива; гъущI – железо, гъуапльэ – медь, жэз – латунь, домбеакъ – бронза, жыр – сталь, дыщэ – золото, дыжбын – серебро; бгы – гора, нывэ – камень, пшахъуэ – песок, ятIэ – глина и многие другие лексико-тематические микрогруппы, общее число которых насчитывает примерно 115. В общеупотребительную лексику входят также основные союзы, послелогии, частицы, междометия.

Роль общеупотребительной лексики огромна. Специалисты установили, что сто наиболее часто встречающихся слов обеспечивает понимание устной и письменной речи на 20%, а полторы – две тысячи лексем покрывает текст на 85%. Проблема, однако, состоит в том, чтобы безошибочно выделить именно эти самые необходимые и употребительные слова, которые могли бы обеспечить участие в общении.

Таким образом, общеупотребительную лексику образуют слова, служащие наименованиями окружающих нас объектов живой и неживой природы – предметов быта, культуры, явлений общественной жизни, продуктов деятельности природы и человека. И тот, кто приступает к изучению языка родного, русского или иностранного, должен начинать с изучения именно этого слоя лексики. К сожалению, ни в вузовских учебниках, ни в специальных исследованиях по лексикологии не нашли сколько – нибудь удовлетворительного освещения такие весьма важные особенности общеупотребительной лексики, как необычайно высокая валентность её единиц, способность выступать в разных значениях (полисемия), активно участвовать в формировании «ядер» многих других лексико – семантических групп, рядов, блоков (омонимии, паронимии, синонимии, антонимии, гипонимии, конверсии, словообразовательных гнезд, семантических и ассоциативных полей, лексико – фразеологических, паремиологических групп), а также ее роль своеобразной несущей конструкции и в таких макрогруппировках всякого национального языка, как лексико – грамматическая, лексико – тематическая и лексико – стилистическая системы.

2.3.3. Устаревшая лексика, или архаизмы

Подобно тому, как память о вещах и предметах, вышедших из активного употребления повседневного быта, не сразу угасает, так и слова, их обозначающие, определенное время сохраняются в современном языке, к ним могут обращаться писатели при создании своих художественных произведений, хотя современное общество в целом уже не испытывает в них особой потребности. Такого рода пассивные слова могут быть зафиксированы в различных лексикографических изданиях, посвященных не только специально архаизмам, но в общелитературных словарях, напр., толковых с соответствующей стилистической пометой: уст. (арелое) или арх. (аизм).

К устаревшим можно отнести такие слова кабардино-черкесского языка, как афэ – кольчуга, мэлуху – щит, таж – шлем, батырыбжьэ – тост в честь героя, сагъындакъ – саадак, лук со стрелами; дохъутей – войлочный чехол для ружья, мысэуч – зубная щетка (изготавливавшаяся из осины, бука и пр. мягких пород дерева; палочки длиной 10 – 15 см, конец которых двоили до тех пор, пока не становился похожим на щетку); фэлъадзэ – мялка для кож; гуэншэрыкъ – сыромятная мужская обувь, чэу – плетень, ограда; тэхъуанэ – крестьянская хата, изба; унэлут – челядь, прислуга; къулькъэшхъэн – беглый крепостной; гъуо – гашатай; джэгуаклуэ – гегуако, певец – сказитель; лыщIэ – батрак, наёмный работник; бганэ – перевясло, щхъэкъуэсэ – костяной нож (принадлежность ткацкого станка); гуимэ – извозчикий экипаж, гуэбэнэч – пастушья верхняя плечевая одежда из валяной шерсти (без рукавов и пуговиц); дэнлъэч – галун (тесма), дыжъ – овчина, лутIыж – пасха, щыпкъэ – правда, лыгъуабэ – вдовец; бедакъ – 1. бадья, деревянное ведро; бедакъ – 2. пятак, пятикопеечная монета; ержыб – вид ружья, абрэдж – абрек, горец – партизан в период завоевания Кавказа русским царизмом; бегуэл – бегеуль, прислужник именитого всадника; лэкъуэлIэш – привилегированное сословие (в феодальной Кабарде); лъхукъуэщауэ – лицо низшего сословия (в Феодальной Кабарде); лъхукъуэлI – низшее сословие (в феодальной Кабарде); марыбз (совр. дэрбзэр) – швея, портниха; марыхъу (совр. дэрбзэр) – портной; ерэч – серповидный железный инструмент для выделки овчинок; куэншыбэ – корсет; сохъустэ – учащийся медресе; сэмпIал – самопал (кремнёвое ружье); лэу – поросенок, сэнжакъ – знамя, флаг; тачэ (совр. нэмэз) – намаз,

молитва мусульман, совершаемая пять раз ежедневно; сомфӀыцӀэ – двадцатипятикопеечная монета (букв.: черный рубль); сомфӀицӀищ – семьдесят пять копеек (букв.: три черных рубля) и мн. др. (см. еще об архаизмах ниже профессиональная лексика – Гл. IV, §3; Кумахов, Кумахова 1998).

К устаревшим словам обращаются не только писатели – авторы исторических художественных произведений, но и ученые – историки, этнографы, археологи, лингвисты, занимающиеся описанием и исследованием прошлого кабардинского и черкесского народов и их языка.

Многочисленные слова и выражения, которые совсем недавно в вузовских учебниках рассматривались как новые слова – советизмы, такие, как колхоз, совхоз, звеньево́й, райком, райсовет, партком, партбюро, партсобрание, парторг, партгруппорг, партконтроль, политбюро, генсек, партприкрепленный и сотни и тысячи других, в одночасье стали историзмами, т.е. разновидностью архаизмов, и уже сейчас студенты спрашивают, что такое трудодень, а дети не знают, кто такой генеральный секретарь.

2.3.4. Новые слова, или неологизмы

Проблемы кабардино-черкесской неологии, как сами неологизмы современного кабардино-черкесского языка, неотделимы от проблемы неологии и неологизмов современного русского литературного языка, из которого кабардинцы и черкесы черпают новые слова и выражения. Число последних значительно превосходит собственные внутренние неологические образования кабардино-черкесского языка. Отдельные примеры как общезыкового характера (типа кӀэпрон кулин. «хворост из тонко раскатанного теста»), так и индивидуального, авторского образования (напр., кӀэжауапын «отвечать», еклапсэуэн «звонить по телефону») и др. не опровергают того положения, согласно которому основным источником неологизмов для современного кабардино-черкесского языка, как и других северокавказских языков, является русский литературный язык. Напр. жырыш – стальной конь (о тракторе), жэмэщ – коровник, щӀэ – джыкӀаӀкӀуэхэр – читатели, телевизореплӀхэр – телезрители, киноеплӀхэр – кинозрители, радиоедаӀуэхэр – радиослушатели, нэтынхэр – (радио -, теле -) передачи, тхыбзэ – письменный язык, тхылӀыбзэ – книжный язык, жьабзэ – устный язык, бэракъзехьэ – знаменосец, псыщӀагъщӀыхьэ – водолаз, псыщӀагъкхъухьэ – подводная лодка, жор плӀыжь – красный крест, шыгъуэ псалъэ – некролог и мн. др. Легко заметить, что приведенные примеры не что иное, как точные и довольно удачные кальки (или переводы) с русского.

В состав новейшей лексики кабардино-черкесского языка вошло немало еще не зарегистрированных адыгскими словарями общественно – политических, торгово-экономических и др. терминов, представляющих собой прямые заимствования из русского языка последнего десятилетия. Напр.: приватизацэ, десоветизацэ, департизацэ, деидеологизацэ, суверенизацэ, либерализацэ, презентацэ, менеджер, менеджмент, стагнацэ (застой), хилер (народный целитель на Филиппинах, выполняющий бескровные операции путем особых манипуляций рук), дилер (дэлэл – посредник), киллер (къащэхуа лӀыукӀ) – заказной убийца, триллер (приключенческий фильм), дайжест, ноу – хау, шлягер, поп – музыкэ, поп – арт, джаз – поп, шоу, шоу – бизнес, консенсус, брифинг, шоу – мен, менталитет, шейпинг, биржэ, аукцион, брокер, экология, эносистемэ и др.

Трудно предсказать судьбу многих из этих языковых новшеств. Очевидно, должно пройти определенное время, чтобы дать им однозначную объективную оценку.

Здесь мы не имеем возможности подробно остановиться на вопросе о том, как оценить приведенные факты, свидетельствующие об изменениях, тенденциях в лексических системах языков народов современной России, в том числе в лексике кабардино-черкесского языка. Как свидетельствуют наблюдения за языковой ситуацией, в сегодняшней жизни тон задают те пользователи языка, эстетический вкус которых оставляет желать лучшего. Об этом с тревогой и в более резкой форме говорят и пишут многие ученые – лингвисты и педагоги, согласно мнению которых происходящие на наших глазах изменения – это не развитие языка и культуры, а торжество иноземных ценностей, таких же, как сигареты, напитки, автомобили, манеры, вкусы, обычаи, популизм, стриптиз, проституция, открытый секс, подкуп, взяточничество, коррупция, заказные убийства... (Русская речь, – М., 1995. – С. 54 – 57).

История свидетельствует, что аналогичным образом с начала истекшего века неоднократно атакывались языки и традиции народов России и СНГ, которые всё же

устояли против мощного натиска со стороны определенных сил как внутри, так и вне страны и каждый раз выходили победителями, сохранив национальное своеобразие и самобытность. Можно не сомневаться, что и на сей раз не будет исключения.

2.4. ЛЕКСИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

2.4.1. Общеупотребительная лексика и лексика, ограниченная сферой употребления

Лексика современного кабардино-черкесского языка с точки зрения сферы ее употребления может быть разделена на три группы: 1) общеупотребительная лексика, 2) лексика, ограниченная территорией своего распространения, 3) лексика, ограниченная социальной сферой и сферой своего функционирования.

Общеупотребительная лексика – это слова, известные всем говорящим на кабардино-черкесском языке, без каких – либо ограничений используемые во всех сферах деятельности человека и всех стилях литературного языка. Данная группа представляет собой главный словарный материал для общения кабардинцев и черкесов на родном языке и для выражения ими понятий, мыслей и чувств. Слова, входящие в эту группу, обладают устойчивостью, продуктивностью, а также способностью употребляться на всех территориях распространения кабардино-черкесского языка и его диалектов. Более подробная характеристика этой лексики дана в предыдущей главе.

2.4.2. Диалектная лексика и ее локализация

Диалектная лексика – это слова, известные, понятные и функционирующие лишь на определенной территории и характеризующиеся специфическими особенностями, которые являются следствием локальных разновременных изменений общенародного языка. Диалектные слова могут быть свойственны какому-либо одному говору или нескольким говорам. О диалектной лексике см. ниже раздел «Диалектология».

2.4.3. Профессиональная и терминологическая лексика

Это слова и выражения, ограниченные социальной средой, термины, номенклатурные наименования, характерные для представителей тех или иных профессий и специальностей. Следует разграничивать эти два понятия – «профессиональная лексика» и «терминология». Профессиональная (отраслевая, специальная) лексика – это компонент обычной повседневной речи специалистов, представителей тех или иных сфер жизни (врачей, учителей, строителей, юристов, механизаторов, водителей, летчиков, полиграфистов и т.п.) Терминологическая лексика – это компонент метаязыка – языка науки, слова и выражения, присущие научному стилю, которым пользуются те же врачи, учителя, юристы..., когда они переходят от обыденной их жизни к сфере науки, где господствует точная научная лексика. Профессиональная лексика включает в себя слова и обороты, выработанные в сфере определенных групп людей, занятых в той или иной отрасли хозяйства, поэтому некоторая часть этих слов оказывается непонятной для «непосвященных». Профессионализмы, на наш взгляд, исторически предшествуют строгой научной терминологии и служат ее базой. Это легко прослеживается в младописьменных языках, например, в кабардино-черкесском. Задолго до возникновения общенародной письменности и научных терминологических систем в адыгских языках их носителям были известны многочисленные отрасли производства, которые они активно развивали и которые породили огромное число профессионализмов.

Адыги с древнейших времён занимались земледелием, скотоводством, коневодством, садоводством, бортничеством, ткачеством, овцеводством, а также кузнечным, бурочным, кольчужным, шорным, аробным, седельным, арчадным, колесным, сабельным, ружейным, медным, золотошвейным, тесёмочным и многими другими видами кустарного производства многоотраслевого крестьянского хозяйства. Слова и выражения из этих

отраслей значительно обогатили лексику кабардино-черкесского языка и расширили его стилистические возможности. Достаточно сказать, что одно лишь бурочное производство у кабардинцев включало в себя не менее 12 этапов – процессов, имеющих, как отмечает известный этнограф Г.Х. Мамбетов, совершенно самостоятельное значение: 1) Ручная сортировка – щипание, 2) сушка шерсти у очага или на солнце, 3) расческа на гребне, 4) взбивка при помощи лучка, 5) укладка шерсти на циновку (щлаклуэ зэтельхэ), 6) уваливание первой стадии (гъэпцлэн), 7) уваливание второй стадии (дэлъэн), 8) опаливание на лёгком огне, 9) мойка бурки, 10) окрашивание, 11) повторная мойка, 12) кройка, шитье (Мамбетов 1962:13-14), сюда можно добавить еще украшение. Каждый процесс имеет свое, часто и не одно профессиональное название – обозначение.

Значительное число слов и выражений из этих сфер закрепилось в общенародном словаре кабардино-черкесского языка. На это еще не терминология в подлинном научном смысле.

Основной фонд отраслевой лексики (скотоводство, животноводство, бортничество, садоводство, шерстяное и ткацкое производство, производство арбы, телеги, седельное, шорное, земледельческое хозяйство, хозяйственные постройки, их части, блюда, предметы домашнего обихода и т.д.) представлен в нашей работе (Апажев 2000: 280-285).

Рассматривая терминологию, следует прежде всего отметить, что ее формирование, равно как и дальнейшее ее развитие относится к письменному периоду кабардино-черкесского языка и протекает под непосредственным влиянием русской терминологической системы. Об этом красноречиво говорят данные таких лексикографических работ, как «Русско-кабардинский терминологический словарь и учебникам для средних школ» (1950), «Русско-кабардинский политико-терминологический словарь» (1951)» «Русско-кабардино-черкесский словарь» (1955), «Кабардинско-русский словарь» (1957), «Словарь кабардино-черкесского языка» (1999), «Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь» (1999) и др.

В современном мире известно, по данным ЮНЕСКО, не менее 50 тыс. специальностей, и каждая область знания имеет свою терминологию. В отличие от профессионализмов, функционирующих преимущественно в устной речи как «полуофициальные» слова и не имеющих строго научного характера, термины закреплены за определенными научными дисциплинами. Терминологию образуют слова и словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, установления содержания понятий и их отличительных свойств. Возникновение и функционирование терминологической лексики связано с развитием науки, техники, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, искусства и т.п. Терминология отличается от общенародной лексики и в количественном отношении. Если словарный состав русского, английского, французского, немецкого и др. литературных языков насчитывает несколько сот тысяч единиц (а из них нормативные толковые словари фиксируют обычно 120-150 тыс. слов), то число терминов в развитых языках исчисляется миллионами, что во много раз превосходит общепринятую, общепонятную лексику национального языка.

Терминология определяется как совокупность слов или сочетаний слов, обозначающих понятия, применяемые в науке, технике, искусстве и т.д. Для современного кабардино-черкесского языка, как и других языков, терминология становится одним из главных источников пополнения словарного состава.

Важнейшие отличительные признаки терминов от нетерминов – это, во-первых, их строгая системность, во-вторых, наличие дефиниции (для большинства терминов), в-третьих, тенденция к однозначности (моносемичности) в пределах своего терминологического поля, в-четвертых, отсутствие экспрессии и, наконец, стилистическая нейтральность. Следует подчеркнуть, что отмеченные свойства реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики, то есть детерминологизируется. Процессы детерминологизации (переход термина в общеупотребительную лексику) и терминологизации (переход общеупотребительного слова в термин, напр. лъабжьэ «корень», зэман «время») свидетельствуют о взаимопроникновении терминологической и нетерминологической лексики. Наряду с терминологизацией, в основе которой часто лежит метафора, к способам создания терминов относится ретерминологизация, т.е. перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным

переосмыслением, ср.: морфология, валентность, конверсия и др., известные в разных терминосистемах.

В заключение отметим, что обогащение и развитие терминологической лексики современного кабардино-черкесского языка принципиально ничем не отличаются от аналогичных процессов в современном русском языке.

2.4.4. Жаргонная и арготическая лексика

Жаргон, арг, сленг, криптолalia, тайные языки представляют собой разновидности речи, используемые преимущественно в устном общении отдельными социальными группами (объединенными по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста) и характеризующиеся своей специфической лексикой и фразеологией. Термин «жаргон» происходит от франц. *jargon* и определяется как социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка своеобразием употребления слов и фразеологических единиц. Иногда этот термин употребляется для обозначения искаженной, неправильной речи. Арг (франц. *argot*) – диалект определенной социальной группы (первоначально-воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется необычным использованием и освоением общеупотребительной лексики.

Сленг, или слэнг (англ. *slang*) 1) то же, что и жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи (в том числе экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающий с нормой литературного языка. Тайные языки – диалекты социальных групп, представители которых не хотят быть понятыми посторонними (напр., язык бродячих торговцев – офеней в России 18-19 вв.). Криптолalia или тайноречие (англ. *cryptolalia*) – тайный язык («потайной язык»), непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу.

Вообще следует отметить, что жаргонная и арготическая лексика довольно слабо развиты в самом кабардино-черкесском языке и почти не представлены сколько-нибудь заметным образом в художественной литературе и других письменных источниках, вследствие чего еще не стали объектом каких бы то ни было лексикологических исследований и лексикографических произведений. Помимо всего прочего, здесь сказалось общее официальное невнимание отечественных ученых к этим пластам лексики, обусловленное идеологическими причинами, порожденными тоталитарным мышлением, не позволявшим обращаться к подобного рода материалу, хотя он и не лишен был научного и практического интереса. Скромное место данного пласта в лексике кабардино-черкесского языка объясняется и тем, что создание письменности совпало с тоталитарным режимом, при котором жаргоны и арг были в загоне, а обращение к ним в какой бы то ни было форме не было безопасным. Тем не менее отдельные словечки и выражения возникали и находили применение в определенных кругах, объединенных по социальным, профессиональным, возрастным и другим признакам. В речи современных кабардинцев и черкесов можно выделить молодежный жаргон, наиболее распространенный среди студентов и учащихся. Особого внимания заслуживает детская речь вместе с речью взрослых, обращенной к маленьким детям. Учащаяся молодежь создает свои жаргонизированные словечки и выражения на базе разговорной, просторечной лексики и фразеологии: *щлэтысхэн*, *щлэхуэн* «поступить (в учебное заведение)», *кынэжын*, *кыхэнэжын* «остаться на второй год», *кынэжа* «второгодник», *щлэуэн*, *хэуэн* «1. ошибиться; 2. получить неуд; 3. неудачно выразиться», *тетхыкын* «списать (во время экзамена, зачета)», *теупсыкын* «то же (с экспрессией)», ср. рус.: *слизать «списать»*.

Для ученического и студенческого жаргона (носители которого стопроцентно двуязычны) характерны заимствованные из русского языка слова: *шпор-шпоры* «шпаргалка», *дирия* «директор», *истеричкэ* «историчка», *химозэ* «химичка», *читалкэ* «читальный зал», *стёпэ*, *стипэ*, *стипухэ* «стипендия», *зарубежкэ* «зарубежная литература», *античкэ* «античная литература», *начерталкэ* «начертательная геометрия», *зачеткэ* «зачетная книжка», *сопромат*, *современнэ* «современный русский (родной) язык», *спец* «спекурс», *уд*, *удик*, *удочкэ*, *удцлыкы* «удовлетворительно», *хвост* «академическая

задолженность», зубрить «заучивать бессмысленно», контрольнэ «контрольная работа», рейтинг «контрольная работа по определению рейтинга успешности обучения студента», общагэ «общежитие» и др. Лексический состав студенческого, ученического жаргона активно пополняется кальками с русского пыхун «провалиться (на экзамене, зачете)», пыхкын «пройти (по конкурсу)», кӀуэцӀырыкӀын «то же», кӀуэцӀырыхун «провалиться», пыхгӀэхун «провалить», пыхгӀэкӀын «протащить», сымэджэн «болеть, переживать за кого-л. во время экзаменов, зачетов, соревнований, конкурсов», банан «двойка, неудовлетворительная оценка» и др.

Из арготической, тюремно-лагерной лексики в кабардино-черкесский язык проникли некоторые слова: стукач «доносчик, предатель», уркэ, уркач, уркаган «вор, воришка», вышкэ «расстрел (высшая мера наказания)», зек «заключенный», шпана «хулиган, жулик», шулер, думэзач «домзак (дом заключения)» и др.

В детской речи, в которой представлена в основном исконная лексика, широкое распространение имеют своеобразно переформленные слова, используемые также взрослыми лишь при общении с детьми. Напр.: Ӏэбэ «ручка», лӀабэ «ножка», хьэбэ «головка», ӀаӀпӀу «молочко», кӀакӀэ «яичко», лал «мясо», дадий «цветочки», фетэ «конфета» и др., как правило, сопровождаемые словами цӀыкӀу «маленький» или дахэ цӀыкӀу «красивенький, симпатичненький» и др. Слова детской речи отличаются нежностью и мягкостью, поэтому при переводе их с кабардино-черкесского на русский язык необходимо использовать уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Выше отмечалось, что жаргонная и арготическая лексика слабо развита в кабардино-черкесском языке и почти не представлена сколько-нибудь заметным образом в исконных письменных источниках. Такое же скромное место в исконной и заимствованной лексике кабардино-черкесского языка занимают некоторые терминосистемы. По-видимому, это связано, в частности, с тем, что для успешного освоения того материала, который предлагает один язык другому, второй должен быть готовым к этому, т.е. должны быть соответствующие условия, благоприятно влияющие на сохранение прибывающих иноязычных элементов и укрепление их позиций в новой языковой среде. Такие условия имелись почти для всех выше рассмотренных терминосистем, почему они и удержались и успешно функционируют в кабардино-черкесском языке, в котором не оказалось аналогичных условий для морской и некоторых других терминосистем. Это объясняется отдаленностью от моря территории расселения кабардинцев. Нам могут возразить, что предки кабардинцев жили у Черного и Азовского морей. На это можно ответить следующее. Во-первых, те были довольно далекие предки, которые унесли с собой многое из морского дела, потомки же, будучи оторванными от моря, уже не имели возможности ни пополнять, ни развивать его дальше. Во-вторых, по-видимому, далеко не все предки кабардинцев жили у моря. Есть серьезные основания думать иначе. В-третьих, как можно предположить, та часть наших предков, которая проживала там, не проявляла особого усердия и не очень преуспела в морском деле и, таким образом, не успев достаточно широко и многосторонне разработать морскую терминологию, снялась с тех мест и занялась хозяйственным освоением нынешней территории. Если бы кабардинцы действительно в прошлом успели довольно глубоко освоить, так сказать, морскую «тематику», то и при отсутствии той же письменности, и при удаленности от моря нынешнего места их расселения память целого народа, несомненно, сохранила бы веские свидетельства не отрывочного, не случайного, а системного характера об этом этапе их истории и столь важной стороне условий их жизни. В связи с этим нельзя не вспомнить такие сферы деятельности с богатыми тематическими группами отраслевой лексики, как коневодство, занимавшее в хозяйственной жизни кабардинцев и черкесов выдающееся место и слава о котором известна далеко за пределами Кавказа и России, высокоразвитые скотоводство, садоводство, шелководство, а также бурочное, оружейное, кузнечное, седельное производство и др. его отрасли, многочисленные понятия и термины из которых основательно сохранились в памяти народа и его языке.

Среди всех сфер деятельности особое место занимали у адыгов устнопоэтические традиции, породившие такое сокровище, каким является нартский эпос. Уберечь от забвения и донести до сегодняшнего дня столь грандиозное создание куда труднее и сложнее, чем сохранить несколько десятков понятий и терминов из области морского дела. Видно, оно не было популярно среди наших предков. Разумеется, кабардинцы и

черкесы, хотя и находятся далеко от моря, не живут в вакууме, и в их языке можно набрать ряд морских терминов, в основной массе поздних заимствований и главным образом из русского языка. Напр.: матрос, мичман, боцман, лодкэ, трюм, бригантинэ, а также сравнительно новые кальки: псыщІагъкхъухъ – подводная лодка, псыщІагъщІыхъэ – водолаз и нек. др. Исключение составляют буквально единицы, да еще с неясной этимологией. Это, естественно, настораживает исследователей: не являются ли и эти единичные исключения заимствованиями? Вспомним и такие иноязычные слова морской лексики, как турецкие тенджыз – море, къаякъ – лодка, хъурзэ – якорь, джей – кит. По мнению А.К. Шагирова, неизвестным остается происхождение главного, стержневого термина кхъухъ – корабль, отсюда и производные от него кхъухътедзаплэ – гавань (букв.: место выброса, стоянки корабля), кхъухътет – капитан корабля. Связь между кхъухъ – корабль и кхъуэ – свинья, по-видимому, следует отвергнуть, как необоснованную и маловероятную. Есть основания допустить связь между кхъухъ – корабль и кхъуафэ – жёлоб, корыто; лодка, а также несколько семантически преобразованным хъэкхъуафэ – жёлоб-пойло для животных. Можно предположить, что более ранней формой названия лодки было как раз кхъуафэ, а когда появился корабль, слово кхъуафэ закрепилось за ним, а лодку стали называть кхъуафэжьей – кораблик, судёнышко (букв.: корабль маленький). Что же касается названия самого кхъуафэ и его происхождения, то, как нам представляется, допустимо его сближение с древнегреческим (скафе), что значит: 1. корыто, бассейн, ванна, 2. чёлн, лодка (скафидион) – челнок, лодочка; скафос – 1. досл. корабельный кузов, полость, корпус корабля, 2. перен. корабль, судно (Дворецкий 1958.т.2:1478). (Ср. древнегерм. scif «корабль»). Труднее всего объяснение фонетических изменений. Во-первых, переход скафе в кхъуафэ в связи с отсутствием в адыгских языках звука К, а тем более комплекса СК (ср. кувшин, русск. диал. кушин – каб. черк. кхъуэщын, русск. кобура – хъумпырэ (у Хуранова – къумбырэ). Относительно изменения кхъуафэ в кхъухъ убедительного доказательства у нас не имеется. Можно лишь предположить, что в этом серьёзном фонетическом сдвиге, возможно, сыграло свою роль стремление людей и тенденция языка как-то отграничить частоупотребительное, такое сугубо бытовое кхъуафэ – жёлоб – пойло от столь значительного, далеко не рядового сооружения, каким является корабль, тем более в то далекое время. Мы еще не знаем, во-первых, как звучал в древнегреческом конечный слог в слове скафе, во-вторых, из какого диалекта оно попало к адыгам, в-третьих, каков был фонетический строй общеадыгского языка того периода, в котором не было звука, артикуляционно аналогичного древнегреческому Ф. Наконец, еще об одном слове, которое, на наш взгляд, могло бы пополнить нашу небогатую морскую терминологию. Это сложное слово кхъуэхъэнцэ – деревянная лопаточка, которой счищают во время пахоты прилипающую к плугу влажную землю. Есть основания думать, что это слово происходит от кхъухъ – корабль + хъэнцэ -весло. Стало быть, оно звучало вначале как кхъухъхъэнцэ, преобразованное из-за неудобства произношения в кхъуэхъэнцэ.

Таким образом, основная масса наличной в кабардино-черкесском языке современной морской терминологии усвоена не как собственно морская лексика, а как 1) общезыковые слова с переносными значениями: вахта, аврал, буксир, бункер, дрейф, вира, майна и др.; 2) военные термины: адмирал, аташе, арсенал, флот, флотилия, матрос, юнга, мичман, боцман, капитан, линкор, крейсер, авианосец, акваторий и др.; 3) спортивные термины: байдарка, байдарочник, бассейн, глассер, гребля, парус, парусник и др. Употребляемые в современном кабардино-черкесском языке собственно морские термины количественно довольно ограничены: кхъухъ, лодкэ, къаякъ, мачтэ, трюм и нек. др.

К числу слабо развитых областей кабардино-черкесской лексики следует отнести общетехническую терминологию, многочисленные циклы физико-химических, химико-технологических, электротехнических и некоторых других терминосистем, не рассматриваемых здесь ввиду отсутствия достаточного материала. С известными оговорками сюда могут быть отнесены и лексика мыслительной и психической деятельности, а также терминология делопроизводства и в целом лексика официально-делового стиля. Всё это грустные последствия того, что на кабардино-черкесском языке не изучаются, как правило, естественные и технические дисциплины, не ведется письменное делопроизводство ни в одном из учреждений республики.

2.5. ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА В XX в.

2.5.1. Предварительные замечания

Выше отмечалось, что изменение, обогащение и развитие лексики кабардино-черкесского языка на протяжении всего периода ее исторического формирования шли четырьмя основными путями: 1) создание новых слов на базе имеющихся в языке словообразовательных элементов, 2) изменение и развитие семантики слов, 3) проникновение слов и выражений из других языков, 4) архаизация и выпадение слов из языка. Эти пути остаются главными и в XX веке, т.е. в письменный период кабардино-черкесского языка.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных изменений в лексической системе, связанных с отмеченными путями развития словарного состава, необходимо сделать несколько предварительных замечаний общего характера.

Словарный состав, как известно, представляет собой наиболее подвижную, чувствительную часть языка, живо откликающуюся на все изменения окружающей действительности. В течение XX века он подвергался со стороны общества неоднократным мощным воздействиям, которые по своим целям, задачам и основному содержанию соответствовали двум взаимоисключающим направлениям, действовавшим в два четко определенных периода: 1) 1917 – первая половина 80-х гг.; 2) с середины 80-х – по настоящее время.

Первый период совпал с созданием общенародной письменности на кабардино-черкесском языке, что оказало значительное воздействие на обогащение и развитие его лексической системы.

Сравнивая современную лексику со словарным составом адыгского фольклора, мы обнаруживаем не только количественные, но и глубокие качественные различия. Наиболее существенным из них является то, что лексика дописьменного периода менее строго организована как система.

Это проявилось, в частности, в самом характере номинации понятий, свойств, предметов и явлений. Если внимательно присмотреться к лексике богатейшего адыгского фольклора, в том числе и нартского эпоса, нельзя не заметить, что в качестве обозначения какого-либо явления или понятия, свойства или вещи могло выступить не одно, а несколько слов, между которыми не было достаточно четких семантических различий. Здесь можно вспомнить рассмотренные в главе второй (§8) такие многозначные слова, как унафэ, къэлэн, шытыкIэ, хабзэ, хъыбар, тхылъ, таурыхъ, фалъэ и др., семантика которых отличается отсутствием четких «демаркационных» границ.

Эти факты наглядно демонстрируют тот сложный языковой процесс, при котором происходит столкновение двух противоречивых, но диалектически взаимосвязанных тенденций в развитии кабардино-черкесского языка рассматриваемого периода, когда действует, с одной стороны, дифференцирующая сила, ведущая к распаду семантики, к ее расщеплению, с другой стороны, сила развития и расширения синонимических рядов слов, объединяемых вокруг стержневого слова, являющегося синонимической доминантой. Наблюдения над многочисленными фактами изменения лексики и семантики письменного периода кабардино-черкесского языка убеждают, что обе эти тенденции одного и того же процесса – семантического развития – протекают под неослабевающим влиянием русского языка.

Другим важным различием в способах номинации между дописьменным и современным периодами кабардино-черкесского языка является более распространенный до письменности способ называния предметов по таким признакам, как материал, форма, смежность и т.п. Так, многие предметы домашнего обихода, важнейшие орудия труда и др. названы адыгами по материалу. Напр.: пхъэлэщэ – соха, пхъэлэпэ – грабли, пхъэ пэгун – бадья, пхъэ гъуэлъыплэ – деревянная кровать, гъуэщIгъуэлъыплэ – железная кровать, жыр лэныстэ – стальные ножницы, пхъэлунэ – деревянный гвоздь, гъуэщIлунэ – железный гвоздь и др.

В дальнейшем, как это отмечается многими отечественными и зарубежными

исследователями, в языках начинает преобладать – и чем ближе в современности, тем заметнее и отчетливее – принцип наименования предмета по его функции, т.е. по предназначению (ср.: пхъэх, пхъэхъ, пхъахъуэ). Поэтому более поздние названия опознаются ввиду прозрачности их внутренней формы, мотивированности их структуры. Новообразования как бы сигнализируют, подсказывают своей формой, структурой названия, для какой цели предназначен обозначаемый ими предмет. Напр.: кхъухълътэ – самолет, лъакъуэрыгъажэ – велосипед, гъэжалъэ – лейка, щылэлъэ – холодильник и др.

В рассматриваемый период появляется довольно значительное число буквальных переводов с русского – лексических, семантических, фразеологических калек и полукалек, примеры которых приводились и приводятся (§2).

Определенные изменения произошли в родо-видовых отношениях: между понятиями, что нашло отражение в лексике. Кабардино-черкесский язык, как и другие языки, имеет достаточно богатый состав конкретных слов, служащих видовыми обозначениями, тогда как носители этого языка нередко испытывают затруднения при поиске родовых понятий. Так, например, в качестве общего, объединяющего, родового названия таких видовых понятий, как стул, стол, шкаф, диван, кресло, кровать и т.п., используется исконно кабардинское слово унэлъашлъ, что соответствует слову «мебель», являющемуся в русском языке, кстати сказать, заимствованным из французского через посредство немецкого. Для таких слов, как лъэ – рука, лъакъуэ – нога, щхъэ – голова и т.п., родовым понятием может выступать кабардино-черкесское лъэкълъэкпкъ, однословного соответствия которому нет в русском языке (ср.; части тела). Лексическая микрогруппа, объединяющая в себе такие конкретные названия, как мылэрысэ – яблоко, кхъужъ – груша, балый – вишня и мн. др., в кабардино-черкесском языке обозначается одним словом пхъашхъэмыщхъэ, однословного эквивалента которому нет опять-таки в русском языке (ср. плодовые деревья). Однако далеко не всегда можно найти в кабардино-черкесском языке аналогичные родовые понятия, которые охватывали бы соответствующие видовые понятия. Напр., пылэ – шапка, кепкэ, шляпэ, фурашкэ и др. не имеют родового понятия; выгу – воловая арба, шыгу – пароконная телега, бришклэ – бричка, тешанклэ – тачанка, автобус, такси, трамвай, троллейбус и др. также не имеют в кабардино-черкесском языке родового обозначения. В подобных случаях кабардинцы и черкесы прибегают к заимствованию соответствующих терминов главным образом из русского языка. К сожалению, мы до сих пор определенно, чётко не знаем, как адекватно передать на кабардино-черкесском языке такие понятия, как материя, сознание, пространство, движение, бесконечность, бытие, психика, духовность, познаваемость, теория относительности, первичность, вторичность и мн. др.

Небезынтересно отметить, что в кабардино-черкесском языке нет слова, соответствующего русскому «гулять», а в русском нет слова, соответствующего каб.-черк. щлэщыгъуэ; ср. также фыгъуэ, хъуапсэ, значения которых передаются по-русски одним словом «зависть» или двумя словосочетаниями фыгъуэ «черная зависть», хъуапсэ «белая зависть».

После сделанных общих замечаний перейдем к рассмотрению основных конкретных изменений в лексической системе кабардино-черкесского языка в каждый из двух названных периодов.

2.5.2. Изменения в лексике в первый период (1917 – середина 80-х гг.)

Для данного периода характерно значительное пополнение всех сфер лексики, особенно общественно-политической, учебно-педагогической, научной, сельскохозяйственной, научно-технической, общекультурной лексики и фразеологии, что привело к заметным сдвигам в лексико-семантической системе, в частности, к расширению синонимических рядов и антонимических пар, росту омонимов и паронимов, изменению лексической сочетаемости, стилистической дифференциации лексики.

Какие же конкретные изменения произошли в лексической системе кабардино-черкесского языка в течение XX столетия? Известные социальные изменения в России, связанные с переворотом в октябре 1917 года, привели к появлению массы новых

явлений и понятий, породили иные формы общественных и производственных отношений людей. Все эти изменения требовали соответствующих наименований и переименований, нужда в которых удовлетворялась отмеченными выше четырьмя путями.

2.5.2.1. Создание новых слов и терминов

Все вновь созданные или получившие широкое распространение в этот период наименования можно подразделить в структурном отношении на две группы: простые и составные. В первую группу входят слова, образованные от других слов разными способами: еджаплэ – школа, еджаклуэ – ученик, школаклуэ – школьник, егъэджаклуэ – учитель и др.

Вторую группу слов образуют наименования, состоящие из двух и более лексических единиц: губгъуэ унэ – полевой дом, къафаклуэ гуп – танцевальный ансамбль, уэрэджылаклуэ гуп – хор, псапэ унэ – благотворительный дом. (Об этом более подробно см.: Апажев 2000: 296-299).

2.5.2.2. Архаизация и выпадение слов из языка

Изменение и развитие лексической системы сопровождается устареванием (архаизацией) и выпадением определенных слов и названий, являющихся обозначениями уходящих или уже ушедших из активного употребления реалий-предметов и явлений. Как легко заметить, в учебниках по кабардино-черкесскому, адыгейскому, русскому и другим языкам вплоть до наших дней отмечалось, что перечисленные языки пополнялись новыми словами и выражениями, отражающими новый, послеоктябрьский период. В качестве примеров приводились: совет, колхоз, совхоз и тысячи других общественно-политических терминов, которые с начала 90-х гг. стали историзмами и выпали из активного употребления современных носителей кабардино-черкесского, адыгейского, русского и других языков народов России и СНГ.

2.5.2.3. Изменение и развитие семантики слов

Рассматриваемый период дает немало примеров того, как новые наименования появляются не только в результате словообразовательных процессов, т.е. путем создания новых слов из имеющихся в языке элементов, но и вследствие переосмысления слов. В письменных источниках 20-х годов мы встречаем употребление чэнджэщ в значении «совет», ІэщлагъэлІ «рабочий», хэхъуэ «процент», зэхуэс «собрание», зэлушцэ «съезд», Іуэхушцэ «судья», устаз «учитель», щымахуэ мазэ «январь», щымахуэ мазэ «февраль», Іэщлагъэ «искусство», Іэщлагъэ «произведение», Іэзэ «доктор», Іэзэ «знахарь», сохъустэ «ученик», еджэщ унэ «изба-читальня» и мн.др., зафиксированные и в «Русско-кабардинском словаре» Б.Л. Хуранова (М., 1927). Большинство из приведенных кабардинских слов в настоящее время употребляется в других значениях. Так, чэнджэщ в значении общественно-политического термина «совет» уже не употребляется, но оно сохранило обычное значение «совет» (ср.: ныбжьэгъу чэнджэщ «дружеский, товарищеский совет»). Слово ІэщлагъэлІ приобрело значение «специалист», Іэщлагъэ «специальность; ремесло»; Іэзэ в значении «доктор» уже не употребляется, сохраняя значения «мастер; знахарь». Зэлушцэ сейчас означает «встреча» и в значении «съезд, собрание» и т.п. не употребляется.

2.5.2.4. Проникновение слов и выражений из других языков

Данный вопрос довольно обстоятельно освещен при этимологической (генетической) классификации лексики, а также при освещении вопросов ассимиляции заимствованной лексики. Здесь следует подчеркнуть, что ведущим источником заимствований для кабардино-черкесского, адыгейского и других северокавказских языков остается русский литературный язык. Непосредственные заимствования из других иностранных языков – минуя русский язык – в период тоталитаризма было редким

явлением для северокавказских языков. Вероятно, в будущем этот канал заимствования заработает более активно: условия для таких виртуальных перемещений лексических единиц в литературные языки народов Северного Кавказа впервые созданы лишь на исходе XX века.

Все же при отсутствии сколько-нибудь заметного национально-иностранным билингвизма среди северокавказцев (как и вообще в России послеоктябрьского периода) и при бесспорном господстве национально-русского двуязычия пропускная способность этого канала остаётся пока весьма низкой.

2.5.3. Изменения в лексике во второй период (с середины 80-х по настоящее время)

Все, о чем говорилось выше, касалось в основном первого периода развития письменного кабардино-черкесского языка. Ниже речь пойдет о втором периоде, одном из самых сложных периодов в отечественной истории.

Лексика кабардино-черкесского языка в этот период пополнилась огромным числом новых слов и терминов, получивших определенное распространение в речи современных кабардинцев и черкесов, в средствах массовой информации, но еще не отмеченных в большинстве словарей ни филологического, ни энциклопедического характера. Этот поток неологических лексем и семем (ЛСВ) нашел некоторое отражение в изданиях последних лет на русском языке.

Из зарегистрированных в этих изданиях многих тысяч новых лексических единиц довольно значительная часть уже проникла в кабардино-черкесский, адыгейский и другие северокавказские языки. Данные неологизмы можно подразделить на 7 групп.

1. Слова и ЛСВ, впервые зарегистрированные в словарях с 1998 г. и частично дополненные нами по кабардино-черкесскому языку: ВАЗ, возвращенец (къэзыгъэзэжа), гарант, Госдумэ, госимущество (госмысль), гуманитар, десоветизацэ, евровалюта (евроахъшэ), клонировать щы́н (искусственно воспроизводить потомство), консалтинг, контактёр, ланч, магистратурэ, маркер, маркетинг, наркоманизацэ, омоновец, оффшор, плюрализм, рокер, сникерс, суверенизацэ, телемарафон, теракт, шок, интернет, пиар и др.

2. Зафиксированные как в последних словарях, так и некоторых других (с отдельными нашими дополнениями): адидас, анаша, антиалкогольнэ, антимонопольнэ, арендатор, аукцион, бартер, брифинг, вышкэ (ук), гаишник, дилер, дискетэ, дискотекэ, диссидент, йогурт, киллер (къащта, къащэхуа лыук), конверсии, ксерокс, кутюрье, ламбадэ, лизинг, мафии, менталитет, ментальнагъ (ментальность), металлист (муз.), наркобизнес, НЛО, номенклатура (неодобр.), ОМОН, пейджер, плеер, поп-музыка, рейтинг, самиздат, сексот, сотовэ (телефон), спецназ, спонсор, телефакс, фазендэ, триллер, хит, экстрасенс, элитэ и др.

3. Возвращенные в актив слова, многие из которых для кабардино-черкесского языка являются неологизмами: акционер, бакалавр, биржэ, гимназия, губернатор, дворянин, кадет, клиринг, конкуренция, лицей, маклер, менеджер, менеджмент, меценат, оппозицэ, рэкет, спикер, стриптиз, супермаркет, фермер и др.

4. Актуализация слова или значения: амбицэ, альтернативэ, бестселлер, биоток, видео, кармэ, кредитор, крекер, легитимнэ, лицензия, наркоман, паритет, политология, приоритет, репетитор, презентацэ, секс, сериал, синдром, стагнацэ, таможня, тест, экстремизм, электорат и мн. др.

5. Ушли в пассивный запас: ваучер, генсек, диамат, истмат, коллективизацэ, колхоз, комсомол, партактив, партком, парткомиссэ, политбюро, политзанятэ, политкружок, партприкреплённый, партгруппорг, соцлагерь, соцобязательствэ, соцреализм, соцсоревнованэ, политмахуэ-политдень, политсыхъэт-политчас, партлэжьаклуэ-партработник и мн. др.

Особо следует выделить для кабардино-черкесского языка еще две группы.

6. Кабардино-черкесские кальки и полукальки различного образования, созданные по русским образцам: тхылъеджэ – читатель, щлэдджлэклуэ – читатель, телевизореплэ – телезритель, вагъуэбж – звездочет, вагъуэддж – астроном, тхыдэтх – историк, спецхъуаплэ – спецхран, мастэтерапия – иглотерапия, экологическэклэ къабзэ – экологически чистый,

къегъэлакIуэ – спасатель, уIэгъэщ – госпиталь, гъуэгугъэлъагъуэ – путеводитель, адагъэ – отцовство, анагъэ – материнство, уэрэдус – песенник (певец), уэрэдылгъэ – песенник (сборник), радиуэедалуэхэр – радиослушатели и др.

7. Возращение и активизация исконно адыгских слов и выражений или ранних заимствований из области религиозной терминологии, пострадавшей, пожалуй, больше других лексико-тематических микросистем в период тоталитаризма: хасэ – совет, зиусхъэн – господин, тхыдэ – история, гъуазджэ – искусство, щэнгъуазэ – культура, пэкIу – сход, митинг; традиционные названия месяцев вместо латинских; Iэзэ – лекарь, знахарь; уд – колдунья, нэжгъушIыдзэ – колдунья, провидица; мэгу – маг, предсказатель, провидец; джэшыдз – гадалка (на фасоли), Iэгуиплгъэ – гадалка (по ладони), тхъэгурымагъуэ – прорицатель, предсказатель; уэхый – ангел; инопланетянин; нэщI – ураза, нэщIкIыж – разговорие, Тхъэ – Бог, Алыхъ – Аллах, КъурIэн – Коран, Торэт – Тора, Инджыл – Евангелие, Сабур – Псалтырь, нэмэз – намаз (молитва), нэмэзлыкъ – молитвенный коврик, сурэ – сура (глава Корана), нэмэз уахъты – время совершения намаза, пшэдджыж нэмэз – утренняя молитва (до восхода солнца), шэджагъуэ нэмэз – обеденная молитва, ичынды – послеобеденная молитва, ахъшэм – вечерняя молитва, жасы – ночная молитва (перед сном), Iэлъхъэм – первая из 114 сур Корана, Ясин – 36-я сура Корана, Къульхуолэ – 112-я сура Корана, дугIэ – молитва, жэназы – заупокойная молитва, панихида; деур – обряд раздачи денег бедным для искупления грехов покойного, Iэят – стих Корана, дыуэ – 1. молитва, 2. амулет; сэдэкъэ – поминки, сэджит – определенный процент дохода, ежегодно раздаваемый правоверным мусульманином среди нуждающихся; гIид – праздник разговения, къады – кадий, къурмэн – курман байрам, къадыр жэщ – всенощная (священная ночь, когда молитва будет услышана Аллахом), къадыр нэмэз – всенощная молитва, къурIэнаджэ – поминки, сопровождаемые групповым чтением Корана, индрисэ – медресе, сохъустэ – ученик медресе, ефэнды – эфенди, молэ – мулла, азэн – призыв к молитве, азэнджаплэ – минарет, ахърэт – загробный мир, азэн джэн – призывать к молитве, азэнджэгъуэ – время призыва к молитве, хъэж – хадж (паломничество в Мекку к мусульманской святыне Каабе или в Медину к гробу пророка Мухаммеда, являющееся у мусульман подвигом благочестия), хъэдис – хадис (предания о поступках и изречениях пророка Мухаммеда), хъиджрэ – хиджра (переселение Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину (согласно мусульманской традиции) в 622 г.; год хиджры принят за начало мусульманского летосчисления, по которому в 1420 году наступил христианский 2000-й год); лаIилахъи ил Аллахъ, Мухъэмэд расул Аллахъ. – Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха; Алыхъыр закъуэщ – Аллах – един; Бисмиллахъи – рахъманир – рэхъим – Во имя Аллаха – Милостивого и Милосердного (Формула, предваряющая каждую из 114 сур Корана), андез – ритуальное омовение, бытыр – милостыня, раздаваемая бедным после окончания уразы, биллахи – именем Аллаха клянусь, таллахи – то же, уаллахи – то же, жумэ – пятничная совместная молитва в мечети, муазин – призывающий на молитву, нет (ниет) – цель, намерение (напр., держать уразу), нузыр – твердое обещание, обет, намерение выполнить что-л. во имя Всевышнего; рэкъхъэт (рэкхъэт) – часть намаза, сажда – часть намаза; суннэт – деяния пророка Мухаммеда, турыхъ – благотворительные молитвы, совершаемые в течение месяца Рамазана (уразы), Iэмэнту биллахи – верю в Аллаха, верую, Iэминь – аминь, внемли нашей мольбе; аллахъу акбэр – Аллах превеликий, Iэдэт – обычай, дэжал – антихрист у мусульман, хъэзаб – наказание, жэнэт – рай, жэхъэнэмэ – ад, жын – демон, жын хужь – белый, добрый демон; жын фIыцIэ – черный, злой демон; жуз (KlурIэн жуз)- 30-я часть Корана; дугIэшы – знаток молитв, сэджит – подоходный налог, предписанный в Коране; гIибэдэт – обязательства, относящиеся к религиозному культу, составная часть шариата; Iиблис – дьявол, гIид – праздник разговения, Iичрар – признание, подтверждение, исповедание веры словом; гIилым – традиционная теология и каноническое право; наука; Имам – руководитель молитвы; глава мусульманской общины; Иман – вера; Ислъам – покорность; вероучение Мухаммеда; чэфэрэ – искупительная жертва (пост во искупление нарушения обрядовых предписаний; ср.: чэфэрэ нэмэз, чэфэрэ нэщI); Къэблэ – направление (лица молящегося к Мекке); мулид – праздник в ознаменование годовщины Мухаммеда; мэсхъэб – метод или система в суннитском исламе; мэджыт – мечеть, минбар – кафедра (для проповедника в мечети); мухъэрэб – ниша в мечети (показывающая местонахождение Кыблы); мухъэжыр – переселенец (совершивший хиджру); мунафикъ –

лицемер, муфти – муфтий, (мусульманское высшее духовное лицо), хьэжрэт – переселенец; зуль – хиджа – хьэж (щыгъуэ), щэращ (сэращ) – еда на заре перед началом постного дня, нэмэщыгъэ – четки молитвенные; суннэ – мусульманское священное предание; образ поведения; Iумэт – верующий, верноподданный; фасикъ – нечестивый, жэмэгIэт – часть населенного пункта, относящаяся к одной определенной мечети; IэгIузу биллахи – сердцем обращаюсь и Аллаху; фарз – обязанность (по шариату), хэщхьэж – прием пищи по окончании постного дня; хьэжыщI – паломничество, путешествие в святые места ислама (в 12-й месяц мусульманского лунного года); хур – гурии (в раю), шарихьэт – мусульманское право, шэфигIэт – ходатайство (Мухаммеда за грешников), шейтIан – сатана, черт, дьявол; щихъ – святой, щит – шиит, мутIавиф – проводник (обычно по святым местам, готовый оказать услуги богомольцам).

III. Лексикография

1. Зарождение и развитие кабардино-черкесской лексикографии

1.1 Истоки кабардино-черкесской лексикографии

Первые записи кабардинских слов произведены в 1688-1689 гг. немецким врачом Дрешером, который включил в свой словарь 128 кабардинских, 71 осетинское, 17 тюркских и арабских, а происхождение 23 слов не установлено.

В 70 гг. XVIII в. кабардинским языком занимался акад. И.А. Гюльденштедт, словарные материалы которого были подготовлены к печати и изданы в 1791 г. П.С. Палласом в двух томах. Большой интерес представляют материалы по кабардинскому языку Палласа (284 слова). Все эти материалы вошли в «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787-1789), которые регистрируют, по нашему подсчету, не менее 500 кабардинских слов. Словарь был переиздан с исправлениями и дополнениями по многим языкам мира (СПб., 1790-1791). Собираение словарных материалов и изучение строя кавказских языков активно продолжает в нач. XIX в. Г.Ю. Клапрот, издавший свое путешествие на Северный Кавказ в 2-х томах (1812-1814). О важности этих материалов на семи кавказских языках, имевшихся еще у Гюльденштедта, писал и акад. А.С. Чикобава (1962), опубликовавший в своем сообщении, к сожалению, только русский вариант текста. С помощью данного варианта и немецкого оригинала Клапрота нами осуществлены чтение кабардинского текста и его транслитерация на современную графику. Данный текст ввиду его исключительной важности полностью опубликован нами (Апажев 1992: 15-16). Как отмечал А.С.Чикобава, эти тщательно подобранные фразы, в основном простые распространенные или сложносочиненные предложения, составлены таким образом, чтобы охватить строго определенный круг понятий и соответствующую лексику. Эти записи отражают важные для исторического кабардиноведения особенности фонетического, лексического, семантического и грамматического характера 2-ой половины XVIII в.

1.2. Кабардино-черкесская лексикография XIX в.

В нач. XIX в. изучением кабардинского языка, наряду с другими кавказскими, занимался акад. А.М. Шёгрэн, записавший около 600 слов у кабардинцев в Крыму. В дореволюционных материалах путешественников и ученых находим списки слов и многочисленные вкрапления этнографического, экзотического и иного характера, до сих не подвергавшиеся филологическому рассмотрению. Впервые они изданы на русском языке в 1974 г. (Гарданов 1974). Соответствующий лингвистический анализ этих материалов мог бы привести несомненную пользу адыгovedению в целом.

1.3. Лексикографическая деятельность Ш.Б. Ногмова

Новым этапом в истории культуры и языка является деятельность Ш.Б.Ногмова, с именем которого связан и первый «Кабардино-русский словарь» (1830-е гг.), в первые

опубликованный в 1956 г. Словарь был составлен по тематическому принципу, а не по алфавиту, и в качестве приложения к грамматике. Словарь Ногмова включает в себя 4253 слова, из которых 211 являются собственными именами и географическими названиями. Таким образом, словарь Ногмова не только первый наиболее полный из двуязычных и единственный дореволюционный кабардинско-русский словарь, но первый в истории кабардино-черкесский антропонимический и топонимический словарь. Это обстоятельство-наличие в ногмовском словаре значительного материала по кабардинской ономастике- дает нам основание предположить авторство Ногмова или его активное участие в создании словника словаря, что вступает в противоречие с известным утверждением отдельных ученых, согласно мнению которых Ногмов взял для своего словаря готовый словник. Готовый русский словник может помочь тому, кто составляет Русско-национальный словарь. В данном случае мы имеем дело с Кабардинско-русским словарем, при составлении которого помощь готового словника выходного языка весьма сомнительна. Работа Ногмова особенно ценна тем, что она составлена природным носителем и знатком своего родного языка и потому она достоверна и убедительна. Это первая в истории попытка охватить основное ядро кабардинской лексики. Словарь отражает характерные особенности кабардинского языка 30-х гг. XIX в. Опираясь на словарь Ногмова, можно с большой степенью надежности определить значительный круг фонетических, лексико-семантических, словообразовательных и морфологических явлений, успевших к нашим дням архаизироваться или вовсе исчезнуть из языка, тогда как ссылка на другие словари XVII-XVIII вв. сопряжена с большим риском. В этом состоит большое научно-лингвистическое и культурно-историческое значение словаря Ногмова (Более подробно о лексикографической деятельности Ногмова см.: Апажев 1992: 17-20; 1994: 12-16; 2000: 310-313).

1.4. «Русско-кабардинский словарь» Л.Г. Лопатинского (1890)

После Ш.Б. Ногмова в лексикографических штудиях, различных словарно-языковых занятиях и увлечениях коллекционированием кабардинских слов наступает затишье, продолжавшееся около полустолетия, и дальнейшее оживление в изучении кабардино-черкесского языка, наметившееся в 90-х гг. XIX в., связано с именем Л.Г. Лопатинского – автора «Русско-кабардинского словаря» (Тифлис, 1890). Словарь включает в себя более 9 тыс. русских и свыше 7 тыс. кабардинских слов и снабжен ценным указателем кабардинских слов. Тем самым автор фактически преподносит одновременно оба вида двуязычного словаря – русско-кабардинского и кабардинско-русского. Словарь сохранил ряд архаизмов исконного и иноязычного происхождения (поклон – курмыш, плетень – чэу, опись – дэфтэр, фимиа – бод, чернила – мэрчэп и др.). Значительное число лексем автор снабжает указанием на факт заимствования или на источник иноязычного слова, не делая при этом различие между источником заимствования и происхождением слова.

Большой интерес представляет отражение синонимии в словаре, где находим голубой – щыху, тхъэрыкъуафэ, горе – мыгъуагъэ, тхъэмышцкагъэ и т.п. Словарь Лопатинского, при всех своих недочетах, оставался незаменимым и, можно сказать, единственным лексикографическим пособием для специалистов-кавказоведов в их частных сравнительно-исторических исследованиях в области лексики кабардино-черкесского языка вплоть до середины 50-х гг. XX в.

1.5. «Кабардинско-венгерско-латинский словарь» Г. Балинта (1904) и его место в адыгской лексикографии

Вскоре после словаря Лопатинского издается еще один довольно солидный по объему труд, принадлежащий перу венгерского ученого Г.И. Балинта, широко использовавшего материалы СМОМПК и другие источники. Особенностью словаря Балинта является то, что он включает в себя наряду со словарными единицами также немало словоформ и словосочетаний, так что перед нами как бы одновременно и словообразовательный, и формообразовательный, и сочетаемостный словарь.

Труд Балинта богат адыгскими пословицами, поговорками, загадками, приметами... Анализ афористического материала словаря показывает, что многие крылатые выражения раньше имели другую, более развернутую форму, чем сейчас. Так, выражения «зэкъуэшитІрэ дзитІ зыІутрэ», «фо зезыхъэ и Іэпэ йобзей» в прошлом имели иную форму, а именно: Мыщэр зыщышынэр зэшитІ зэгурь!уэрэ дзитІ зыІут къамэрэщ ; Фо зезыхъэ и Іэпэ йобзей, хъэдэ зезыхъэ и Іэпэ йопэм и др. В словаре Балинта отражена впервые в адыгской лексикографии довольно широко так называемая ненормативная лексика наподобие тех, что зафиксировано Э. Челеби. Таким образом, перед нами сто лет не открывавшийся, оригинальный, многоаспектный, комбинированный трехязычный словарь, по охвату лексико-фразеологического материала кабардино-черкесского языка превосходящий не только словарь Ногмова, но и считавшийся до сих пор наиболее полным из дореволюционных словарь Лопатинского и даже словари Яковлева (1927), Хуранова (1927), Канукоева (1940), Охтова (1949). В словаре Балинта 12 тыс. слов, 611 страниц (Более подробно о дореволюционных словарях см.: Апажев 1994: 8-24).

1.6. Кабардино-черкесская лексикография 1920-1940 гг.

После словарей Лопатинского и Балинта вплоть до второй половины 20-х гг. XX в. не наблюдается какой-либо активизации лексикографической работы по кабардино-черкесскому языку, так что словарь Лопатинского оставался в течение почти 40 лет единственным лексикографическим трудом, фактически доступным в той или иной мере для молодой интеллигенции Кабарды и Черкесии. Случилось так, что в год выхода словаря Лопатинского родился человек, которому суждено было стать автором первого советского русско-кабардинского словаря. Это был Б.Л. Хуранов – видный деятель народного образования, автор целого ряда работ по кабардинскому языку. В словаре Хуранова около 6000 слов. К сожалению, в нем нет ни предисловия, ни послесловия, ни описания структуры словаря или изложения принципов его составления. Тем не менее словарь Хуранова примечателен как первая попытка упорядочить новую терминологическую лексику кабардино-черкесского языка, который только что получил письменность. Словарь отражает лексико-семантическую систему кабардино-черкесского языка середины 20-х гг., что делает его особенно ценным. Известно, что изучение словарей и словарных материалов разных эпох развития общества имеет большое культурно-историческое и научно-познавательное значение, ибо, как было замечено еще французским энциклопедистом Дени Дидро, «одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа». Определенный интерес в этом плане представляют лексические и семантические архаизмы, обнаруженные в словаре Хуранова. Эти факты весьма поучительны и служат важным свидетельством о сдвигах не только в языке, но и в социально-экономической и культурной жизни кабардинцев и черкесов. Напр.: зритель – къэзыплъыхъ, залп – шампаул, совет – кэнгэщ, сатира – къебжэкІ, климат – хъэуа, памятник – кхъэлэгъунэ, список – дэфтэр и др. Подробный анализ словаря Хуранова дан в ряде наших работ (Апажев 1983б: 110-118; 1992: 33-40; 2000: 319-321).

Одновременно со словарем Хуранова было издано упомянутый выше труд Н.Ф. Яковлева «Материалы для кабардинского словаря» (1927), охвативший 400 слов -корней кабардино-черкесского языка. Продолжением лексикографических и лексикологических штудий Яковлева и свидетельством о его давних глубоких и устойчивых интересах к данным отраслям адыгского языкознания являются многочисленные его исследования, часть которых почти не известна современным читателям (Яковлев 1923, 1928, 1930 а, 1930 б, 1930 в, 1931, 1947, 1948 и др.). Эти работы, хотя и не были предназначены для учебных целей, сыграли большую роль в изучении лексики и становлении лексикологии и лексикографии кабардино-черкесского языка. В его главном труде описано огромное число самостоятельных слов, впервые даны словари аффиксов кабардино-черкесского языка (Яковлев 1948: 287-313).

В 40- гг. XX в. выходят два словаря учебного характера : «Русско-кабардинский школьный справочный словарь» (Канукоев 1940) и «Русско-черкесский словарь» (Охтов 1949), охватившие соответственно 5000 и 6000 слов. Составленные на основе нового

русского алфавита, на который первыми в СССР кабардинцы и черкесы перешли в 1935 г. (см.: БСЭ [т. 66] СССР. М., 1947. стлб.1630), они сыграли заметную положительную роль в практике преподавания русского и родного языков, в популяризации и закреплении как новой графики, так и новых норм кабардино-черкесской орфографии, в повышении культуры речи. Дальнейшее развитие словарного дела в КБР, КЧР, РА и других национальных республиках Северного Кавказа неразрывно связано с непосредственным влиянием русской лексикографии, с освоением ее богатого опыта по созданию как двуязычных словарей, так и всемирно известных толковых словарей нормативного характера, самыми крупными из которых являются 17-томный Академический словарь современного русского литературного языка (1948-1965) и однотомный Большой толковый словарь (1998), охватившие соответственно 120 тыс. и 130 тыс. слов.

1.7. Новый этап кабардино-черкесской лексикографии (1950-е-2000-е гг)

Выдающиеся достижения теории и практики русской лексикографии становятся фактически достоянием на Северном Кавказе лишь в послевоенный период, в особенности после известной дискуссии в языкознании. 50-е гг. явились началом нового этапа кабардино-черкесской лексикографии. В 1950 и 1951 гг. выходят в Нальчике два терминологических словаря (РКТС 1950, РКПТС 1951).

В послевоенные годы в связи со значительной активизацией общественно-политической, идеологической и культурной жизни и более тесным приобщением широких масс трудящихся к современной русской и мировой культуре, усилением связи между городом и деревней, увеличением состава рабочих и трудовой интеллигенции коренных национальностей, значительным возрастанием числа кабардинских и черкесских студентов в вузах и учащихся в средних специальных учебных заведениях, а также с большим размахом переводческого дела в нашей республике ставится вопрос о необходимости создания двуязычных словарей, более или менее полно отражающих основную лексику русского и кабардино-черкесского языков.

Первым был издан в Москве «Русско-кабардино-черкесский словарь» (30 000 слов) с кратким грамматическим очерком кабардино-черкесского языка Б.М. Карданова (Карданов, Бичоев 1955).

Появление этого словаря стало значительным событием в культурной жизни республики и знаменует собой качественно новый этап в кабардино-черкесской лексикографии. Словарь имеет целью в известной мере служить пособием при изучении кабардинцами и черкесами лексического богатства русского языка, справочником для переводчиков с русского языка на кабардино-черкесский и для преподавателей русского языка в кабардинских школах. Ни один из ранее изданных словарей по кабардино-черкесскому языку не отвечал этим требованиям. Вскоре после выхода «Русско-кабардино-черкесского словаря» было решено создать «Кабардинско-русский словарь» объемом в 20 000 кабардинских слов, с тем чтобы успеть выпустить его к празднованию 400-летия присоединения Кабарды к России. Работа эта была проделана в чрезвычайно сжатые сроки, и словарь был издан в Москве в июне 1957 г. (Апажев, Баговы и др. 1957) с тем же грамматическим очерком Б. М. Карданова.

Данные словари представляют собой основные двуязычные лексикографические пособия, самые полные по объему и значительные по уровню за всю историю существования кабардино-черкесского языка. Перед составителями стояли весьма сложные задачи, связанные, в частности, с формированием словника и интерпретацией лексических единиц в первом крупном адыгско-русском словаре, каким явился кабардинско-русский. Несколько слов о «Кабардинско-русском словаре». Прежде всего отметим, что из печатных откликов на него особого внимания заслуживает наиболее обстоятельная и аргументированная рецензия М.А. Кумахова, по мнению которого перед нами «крупное достижение кабардинской лексикографии», «первый национально-русский словарь в адыгской лексикографической науке, первый опыт, в котором собрана и обработана наиболее общеупотребительная лексика современного кабардино-черкесского литературного языка» (Кумахов 1959). Тем не менее словарь не избежал определенных недостатков, которые объясняются как неразработанностью многих

вопросов лексикологии и словообразования, так и сложностью лексико-семантической и морфологической (в особенности глагольной) системы самого кабардино-черкесского языка. Не везде удалось четко разграничить глагольные формы и производные слова, сложные глаголы и словосочетания. Касаясь нормализаторской роли словаря, рецензент в целом одобряет написание сложных слов, исконных и заимствованных, признает удачными предлагаемые варианты, хотя не обошлось без некоторых отступлений от принятых самими авторами принципов орфографии. Признавая справедливыми содержащиеся в этой конструктивной критике положения, хотелось бы подчеркнуть, что многое из отмеченных недостатков связаны с необычной поспешностью, столь нежелательной, особенно в словарном деле. Наша работа над этим словарем велась в таком темпе, что для глубокого и всестороннего осмысления сложных вопросов и выбора оптимальных вариантов далеко не всегда хватало времени. Лексикографическое произведение, представляющее собой, как объективно отмечено М.А. Кумаховым, «первый опыт в адыгском языкознании» и подготовленное в экстренных условиях, могло бы, откровенно говоря, получиться в другое время и похуже, но сознание большой ответственности со стороны составителей, четкая организация работы на всех ее этапах, глубокая заинтересованность не только интеллигенции, но и всей кабардинской и черкесской общественности, постоянное внимание со стороны руководства республики, наконец, высококвалифицированная помощь московских лексикографов обеспечили успешное его завершение и издание. Таким образом, несмотря на известные недостатки, объясняемые объективными причинами, эти главные на сегодня двуязычные словари — русско-кабардино-черкесский и кабардинско-русский — станут выдающимися лексикографическими трудами, важными памятниками кабардино-черкесского языка того времени, продолжающими успешно служить задачам изучения родного и русского языков. Иной подход к этим словарям и иная их оценка были бы, по существу, антиисторическими. «Адыгейско-русский словарь» на 20 тыс. слов вышел в свет в Майкопе в 1975, г. Он был составлен с опорой на КРС 1957 г.

Нельзя не упомянуть и о небольших учебных двуязычных русско-кабардинских словарях, имевших в конце 50-х и в 60-е гг. известное распространение среди учащихся-кабардинцев, особенно сельской местности. Речь идет о русско-кабардинских словарях к хрестоматиям для 5-го класса (1400 слов. 1958. 52 с.), для 6-го класса (1400 слов. 1958. 64 с.), а также «Русско-кабардино-черкесском словаре» к хрестоматии для 6-го класса национальных школ (1000 слов и 70 словосочетаний. 1963. 88 с.).

В послевоенные годы большое внимание уделяется вопросам совершенствования орфографии и в тесной связи с этим и составлению орфографических словарей, о чем свидетельствуют рассмотренные выше словари.

В 1946 г. была проведена реформа кабардино-черкесской орфографии, имевшая важное общественное значение и обновившая правописание. Издается пособие «Кабардино-черкесская орфография» под ред. Х.У. Эльбердова и А.П. Кешокова. В 1955 г. в Майкопе выходит «Адыгейский орфографический словарь» Д. Ашхамафа. Значительная работа по упорядочению и дальнейшему совершенствованию правописания проделана Х.Ш. Урусовым и Л.Г. Захоховым — авторами наиболее полного свода орфографических и пунктуационных правил кабардино-черкесского языка, куда и вошел орфографический словарь на 13 000 слов (Урусов, Захохов — 1963). Они же составили самый крупный орфографический словарь кабардино-черкесского языка, охвативший 90 000 слов и форм (Урусов, Захохов 1982).

В 1967 г. издается работа Л.Г. Захохова «Школьный орфографический словарь кабардино-черкесского языка». В 1989 г. состоялось четвертое, переработанное издание этого пособия, к которому приложены списки географических названий, кабардинских мужских и женских имен (Захохов 1989). Семейство кратких дву- и многоязычных словарей учебного назначения пополнилось за счет «Русско-кабардинско-балкарского словаря» Х.Г. Кармокова и С.С. Гуртуева (1991), «Школьного русско-кабардинского словаря» Х.З. Гяургиева и Х.Х. Сукунова (1992), «Кабардино-черкесско-русско-англо-турецкого словаря в иллюстрациях» Х.Х. Сукунова и И.Х. Сукуновой (1998).

Адыгская ономастика исследована в ряде работ и словарей (Ногмов 1830-е гг., Хан-Гирей 1836, Фамилии 1962, Апажев 1963, СЛИН 1965, 1979, 1987, Коков 1966, 1973, 1983, Жамбеков 1970, Меретуков 1971, 1972, 1990, Пшибиев 1977, Бейтуганов 1991, 1998,

Намитокова 1993 и др.)

Кабардиноведами созданы три обратных словаря на исконном материале, два из которых — ономастические в составе исследований (Коков 1973; 1983), а один — общий (Сукунов 1980).

Примечательным не только в кабардино-черкесской, но и в северокавказской лексикографии является «Словарь языка Али Шогенцукова», составленный одним из энтузиастов словарного дела в республике Л.Г. Захоховым. В словаре собрана вся исконная и заимствованная лексика писателя, что составляет 7200 слов.

Кабардино-черкесская лексикография достигла несомненных успехов в разработке фразеологического и другого афористического материала. Начало этому важному делу положено еще в дореволюционный период отдельными публикациями адыгской паремии, осуществленными с помощью Талиба Кашежева и Паго Тамбиева Л.Г. Лопатинским (СМОМПК. Вып. 26).

В 1946 г. опубликованы собранные заслуженным учителем республики Х.У. Эльбердовым и переведенные на русский язык поэтом Адамом Щогенцуковым кабардинские пословицы в количестве 300 единиц (УЗКБНИИ. Т. I. 1946). В 1947 г. вышли в свет собранные и переведенные на русский язык Х.У. Эльбердовым, А.О. Щогенцуковым, Н.Ф. Яковлевым 250 кабардинских пословиц и поговорок (УЗКБНИИ, Т. 2. 1947).

В 1948 г. А. Шортанов, Х. Эльбердов и А. Шогенцуков выпустили собрание кабардинских песен и пословиц, во втором разделе которого представлено (без перевода) около 1000 кабардинских пословиц и поговорок (Кабардинские песни и пословицы. 1948: 132—166).

В сборнике «Пословицы и поговорки народов Востока» (М., 1961. С. 29—35) опубликовано в отличном переводе М.А. Кумахова и А.К. Шагирова 215 пословиц и поговорок адыгских народов.

Наиболее полным и значительным изданием афористического материала является двухтомное собрание «Кабардинские пословицы» (А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев, 1965—1967), регистрирующее более 5000 пословиц и поговорок на кабардинском языке. Второе издание осуществлено в 1994 г. в одной книге.

В 1965 г. выходит сборник пословиц и поговорок кабардинцев и балкарцев в переводе Наума Гребнева с ярким предисловием Кайсына Кулиева. Сюда вошли 435 кабардинских и 325 балкарских пословиц и поговорок. Все это свидетельствует о большом интересе читателей к афористическому материалу Кабардино-Балкарии. Но, как известно, научных исследований по фразеологии до последних десятилетий у нас не проводилось и каких-либо самостоятельных публикаций собственно фразеологических единиц кабардино-черкесского языка не имелось. Правда, немало фразеологизмов зафиксировано в названных выше трехязычном словаре Балинта и двуязычных — русско-кабардино-черкесском и кабардинско-русском — словарях.

Собиранию и теоретическому исследованию фразеологии кабардино-черкесского языка много лет посвятил Б.М. Карданов. В результате многолетних занятий этой проблемой им созданы два фразеологических словаря (1963; 1968) и одна монография (1973), защищенная как докторская диссертация. Работы эти получили высокую оценку в специальной литературе. Здесь следует упомянуть также об изданной в КБГУ работе З.Ж. Кудаевой «Адыгские пословицы и поговорки» (1997. 34 с.).

К типу многоязычных фразеологических словарей относится работа А.Г. Емужева (1976; 2-е изд. 1992).

В 2001 г. в издательстве «Эльбрус» вышел первый одноязычный толковый «Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка» (свыше 2 300 единиц) Б.Ч. Бербекова, Б.Ч. Бижоева, Б.К. Утижева.

В 1971 г. в Черкесии создан первый словарь синонимов кабардино-черкесского языка (Пшибиев, Сакиев 1971), в котором охвачено 545 синонимических рядов. В 1989 г. вышел «Краткий словарь антонимов кабардино-черкесского языка» И.Х. Пшибиева. В 1997 г. сотрудники Института гуманитарных исследований при Правительстве КБР Р.Х. Дзуганова и Н.Г. Шериева выпустили краткий «Словарь синонимов кабардино-черкесского языка» под ред. П.М. Багова, фиксирующий свыше 750 синонимических групп.

Как известно, в автономных республиках весьма слабо велась или почти не велась работа по созданию энциклопедических словарей — универсальных и специальных,

биобиблиографических и персональных. В известной степени это касается и терминологических словарей. По-видимому, первыми адыгскими словарями последнего типа надо считать работы: Намитоков Ю.К. Терминологический (русско-адыгейский. — Ред.) словарь по биологии / Под ред. Д. Ашхамафа. Краснодар, 1934. 64 с.; Гукемух А. М., Сакиев М. Черкесско-русский словарь: Терминологический словарь по географии. Сулимов (Черкесск), 1935, 37с.; Терминологический словарь по естествознанию. Черкесск, 1936.

Отрадно отметить, что кабардино-черкесское языкознание сделало новый шаг в этом направлении. Черкесский ученый Б.Ю. Хакунов составил «Словарь кабардино-черкесских названий растений» (1975; 2-е изд. 1992), снабдив его русским и латинским указателями.

С.Х. Шагапсоев и Л.Х. Слонов издали «Кабардинские названия растений», включающие в себя около 700 названий (Нальчик, 1994. 41 с.). В 1999 г. в издательстве «Эльбрус» Н.Н. Зекореевым выпущен «Русско-кабардино-черкесский толковый терминологический словарь» общего характера (Под научной редакцией и с предисловием М.Л. Апажева). Касаясь вопроса создания словаря иноязычной лексики кабардино-черкесского языка, надо сказать, что собственно словаря подобного рода еще не составлено, но довольно обширный материал для этого имеется в исследованиях А.К. Шагирова (1962; 1977; 1989), М.Л. Апажева (1963; 1977б; 1992а; 2000), М.М. Сакиева (1959), Дж. Н. Кокова (1966, 1974, 1973, 1983), и нек. др. Нами подготовлен «Словарь заимствованной лексики кабардино-черкесского языка» (15 000 слов). Аналогично обстоит дело с созданием словаря кабардино-черкесской диалектной лексики, добротный материал для которого содержится в исследовании П.М. Багова «Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка» (1968), в «Очерках кабардино-черкесской диалектологии» (1969), где изложены основные итоги кандидатских диссертаций Б.Х. Балкарова (Бесленевский диалект, 1952), Т.Х. Куашевой (Терские говоры, 1954), М.А. Кумахова (Кубанский диалект, 1955), А.К. Шагирова (Малкинский говор, 1955), К.Т. Мамрешева (Баксанский диалект, 1959), П.М. Багова (Кубано-зеленчукские говоры, 1968), а также в работах Р.Х. Темировой «Лексические особенности речи черкесов» (1975), Б.Ч. Бербекова «Диалектная лексика кабардино-черкесского языка» (1992), Х.Т. Таова «Проблемы кабардино-черкесской диалектологии» (1997) и нек. др.

То же самое следует сказать относительно потенциальных источников других будущих словарей, например, словаря адыгского этикета (работы Б.Х. Бгажнокова, Р.А. Мамхеговой, С.Х. Мафедзова и др.); словаря архаизмов, историзмов (научные труды и художественное творчество Ш.Б. Ногмова, Хан-Гирея, Л.М. Кодзокова, Султана Адиль-Гирея, У.Х. Берсея, К.М. Атажукина, Султана Крым-Гирея, А.Н. Кешева (Каламбия), Б.М. Пачева, С.Х. Сиюхова, И.С. Цея, А.А. Шогенцукова, А.П. Кешокова, Т.М. Керашева, А.Т. Шортанова и других, а также исследования таких современных историков, филологов, фольклористов, как Т.Х. Кумыков, Г.Х. Мамбетов, З.М. Налоев, Р.Х. Хашхожева, А.Х. Хакушев, И.Х. Калмыков, С. Х. Мафедзов, А.М. Гутов и др.); словаря адыгизмов в русском и других языках (Б.Х. Балкаров, М.Л. Апажев, З.У. Блягоз, Дж.Н. Коков, И.Е. Гальченко и др.); словаря терминов адыгских традиционных промыслов (Г.Х. Мамбетов, С.Х. Мафедзов, А.С. Кишев и др.); словарей терминов народной педагогики, религии, физического воспитания, спорта, развлечений, обрядов, обрядовых игр и т.п. (Г.Х. Мамбетов, С.Х. Мафедзов, И.А. Шоров, К.Х. Меретуков, Х.М. Думанов и др.); тематического словаря кабардино-черкесского языка (Н.Ф. Яковлев, А.К. Шагиров, М.Л. Апажев, Х.Х. Сукунов и И.Х. Сукунова) и некоторых других словарей.

Новой страницей в адыгской лексикографии явился двухтомный труд А.К. Шагирова «Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков» (1977). Работа выполнена на базе всей абхазо-адыгской языковой группировки с широким привлечением материала и других кавказских языков—дагестанских, нахских, картвельских. Она является обобщением предшествующих научно-исследовательских изысканий отечественных и зарубежных кавказоведов по сравнительно-историческому изучению словарного материала адыгских языков.

В конце 50-х гг.20 в., было начато составление фундаментального труда — толкового «Словаря кабардино-черкесского языка», в котором интерпретируется около 31 000 слов. Его первоначальный вариант был закончен в середине 70-х годов. Словарь после неоднократных длительных доработок издан в Москве лишь в 1999 г. В его создании

участвовал большой коллектив авторов КБГУ и КБИГИ. Словарь является первым в истории толковым словарем кабардино-черкесского языка и включает в себя главным образом общеупотребительную лексику и фразеологию. Он призван показать современное состояние словарного состава кабардино-черкесского языка, а также рекомендовать общепринятые нормы словоупотребления. Наряду с общенародной лексикой в него вошло известное число архаизмов, диалектизмов, а также наиболее распространенная общественно-политическая и научно-техническая терминология. Вслед за «Толковым словарем адыгейского языка», составленным с опорой на «Кабардинско-русский словарь» (М., 1957) и охватившим 17 000 слов (Майкоп, 1960), данная работа выступает и как двуязычный – кабардинско-русский словарь. Для расширения круга пользующихся словарем заглавное слово в нем переводится на русский язык (путем подбора эквивалента или описательно). Можно с уверенностью утверждать, что наряду с этимологическим, данный словарь явится наиболее значительным в адыгской лексикографии. В нем широко отражены достижения нации в области материальной и духовной культуры. Представляя собой итог достигнутого в этих сферах жизни и деятельности народа, словарь также открывает перспективы развития языка. Вместе с тем он будет служить и арсеналом хранения словесной традиции, рычагом национального возрождения и культурного преобразования. По охвату лексического материала и уровню его лексикографической разработки словарь займет одно из почетных мест в отечественном языкознании. Важно обратить внимание еще на то, что толковый «Словарь кабардино-черкесского языка», помимо всего прочего, станет надежной базой, как бы стартовой площадкой для многих новых в адыгском языкознании типов лексикографических произведений – тематических, идеографических, словообразовательных, валентностных, антонимических, омонимических, паронимических и других словарей, не разработанных еще в лингвистическом адыговедении (Апажев 2000, 2001, 2002; Апажэ 2002).

IV. ЛЕКСИКА И КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Составной частью проблемы изучения взаимодействующей языковой и культурной в контексте исследования этнокультурной специфики адыгов является анализ языковой картины мира, выраженной в фундаментальных культурных концептах. Это особенно важно для таких языков, как адыгские, так как историческая память и духовность адыгов сохранялась прежде всего в Слове. Именно в важнейших культурных концептах выражается «картина мира» адыгов – система наиболее общих миропредставлений носителей адыгских языков. Для целей исследования культурных концептов адыгских языков существенным является определение концепта на основе общих семантических корреляций: концепт – это словесный символический образ «идеального» понятия, отражающий ментальное представление носителей языка об «объекте» действительности, определяющееся системой традиций данной культуры.

В кабардино-черкесском языке выявлены универсальные концепты, входящие в общий понятийный базис, основывающий язык, мышление и культуру в целом. Это свидетельствует о частичной универсальности способа концептуализации действительности в языке. Однако данная языковая картина мира, складывавшаяся в рамках соответствующего сознания, имеет и свои особенности, предопределенные своеобразием «членения мира» адыгской языковой общностью. Поэтому способ концептуализации, свойственный кабардино-черкесскому языку, отчасти этнически специфичен. Иными словами, языковой способ представления картины мира в контексте менталитета адыгов обуславливает возникновение и существование специфичных лингвокультурных конфигураций. Из этого следует, что культурная семантика концептов непосредственно связана с мировидением этноса.

Адыгская языковая картина мира отражает определенный способ восприятия и организации мира адыгами. При этом значения, выражаемые кабардино-черкесским языком в данном способе концептуализации, составляют единую систему. Естественно,

что рассмотренные здесь концепты – лишь часть этой системы, те фрагменты языковой картины мира, которые связаны с духовным освоением действительности адыгами. Перспектива же такого исследования предполагает реконструкцию более полного и всестороннего «образа человека» в адыгской лингвокультурной традиции.

2. Концепт «напэ» (совесть)

Корни адыгского этического менталитета основаны на представлениях о совести и чести. Этика – именно то пространство, где очевиднее всего прослеживается как трансформация этнокультур в языковую форму, так и трансформация языковых форм в культуру.

Примечательна философская рефлексия адыгов, сформулированная в пословице «Псэр ящэри напэр къащэху» (Душу продают и совесть покупают или: Душу продают, чтобы совесть купить).

У нас нет возможности проследить эволюцию понятия совести в адыгской этике на основе философских, теологических, психологических представлений. Однако в адыгской языковой картине мира вполне убедительно представлена комплексность соответствующего концепта.

Концепт «совесть» следует рассматривать как компонент всей системы моральных ценностей адыгов – адыгагъэ (букв.: «адыгство»), но без этноцентристской интерпретации последнего, так часто наблюдающейся в научных трудах.

В адыгской этнокультурной традиции совесть мыслится как своеобразный нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных побуждений и желаний человека. Иными словами, это своего рода строгий «внутренний судья», предписывающий человеку его поведение. Так как для совести одно и то же решение справедливо в конкретной ситуации абсолютно для всех людей, в адыгской языковой картине мира возможно такое утверждение: Ар ди напэщ. – Он наша совесть (букв.: он -наше лицо). Поэтому же адыги взывают к совести другого человека: Напэ уиIэмэ. – Если у тебя есть совесть.

Итак, в адыгской лингвокультурной традиции символом совести является лицо.

Иметь лицо, по адыгской языковой картине мира, значит иметь совесть: Напэ иIэщ. – «Имеет совесть» (букв.: имеет лицо). Потеря совести как самоконтроля, ведущая к нарушению адыгской морали, приравнивается к отсутствию лица: Напэ зимыIэ. – Бессовестный (букв.: не имеющий лица).

Представлению о человеке без совести (без лица) равносильна и его характеристика как человека с лицом, покрытым жестью: И напэм къэнжал тебзащ.

Если человек испытывает угрызения совести, переживая нарушение своего долга перед кем-либо или (что не менее важно) перед самим собой, у него может «гореть лицо»: Напэр сын. Вызвать же осуждение окружающих (опозориться, осрамиться) – значит «лишить себя лица»: Напэр зытехыжын (букв.: снять с себя лицо).

Забота о своей репутации предполагает не совершать того, что не подобает тебе (букв.: не подходит к лицу): Напэм къемызгъын.

В идиоме «Напэм къызэрихькIэ» выражена мера того, что позволяет тебе твоя совесть (букв.: как лицо твое сможет вынести). Соотношение такой «меры» с речевой деятельностью отражено в следующей пословице: Напэм техуэр жьэм желэф (Что совесть позволяет (букв.: то, что помещается на лице), то и можно говорить (букв.: рот может говорить)).

«Чистая» совесть как идеал совершенства подобна чистому лицу: Напэ къабзэ (букв.: чистое лицо). Так говорят о человеке совестливом, строго следующем в своем поведении нормам морали. Что касается определения незапятнанной репутации, о которой делают выводы в конце жизни человека, она имеет специальное обозначение – «Напэ хужь» (букв.: белое лицо).

Предпочтение «чистой совести» любому эстетству зафиксировано в поговорке «Напэншэ нэхрэ нэкъэпакъэ» – Чем бессовестный, лучше безобразный.

Приведенные фразеологизмы отражают владение так называемой «личной совестью». Кроме того, в адыгской языковой картине мира выражается отношение и к

«корпоративной чести»:

Напэр тхьэщIыжын – спасти честь (букв.: лицо отмыть).

Лъэпкъ напэр хъумэн – хранить честь рода, народа (букв.: народа лицо хранить). Данные примеры свидетельствуют об отсутствии жесткой дифференциации понятий, характерной для русских концептов «совесть» и «честь».

Лицо как мерило проявления адыгства (морали) определено в этических высказываниях, рассматривающих совместимость или несовместимость совести и морали. В этом контексте употребляется следующее суждение:

Си напэ къезгъэкIуркъым. – Мне не к лицу.

В данном высказывании представление о долге чести выражено не в столь категоричной форме, с оттенком субъективности относительно приемлемости того или иного поступка конкретного человека в определенной ситуации в собственной моральной оценке. Иными словами, в адыгской языковой картине мира отражена возможность разной оценки одних и тех же поступков. Другое дело, что считается нормой поведения, а что – аномалией. Поэтому не случайно и выражение двуличности человека: напIтI иIэн – иметь два лица.

К группе социально-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с другими, относится и концепт «стыд». В адыгской языковой картине мира это «укIытэ». Как и совесть, это также мощный координатор сознания и воли человека, понятие, выражающее его внутреннюю способность реагировать на оценку своих действий окружающими. Что касается их соотношения, можно отметить следующее: культура стыда основана на понятиях чести и совести. И все же эти концепты различны.

3. Концепт «джэгу»(игра)

Несмотря на понимание категории игры как одного из самых фундаментальных духовных элементов жизни («все народы играют, причем играют удивительно похоже»), далеко не все языки «ухватывают» и «закрепляют» понятие игры в одном слове. Вполне допустимо, что какие-то языки лучше других «вмещают» различные формы этого понятия в одно слово. Вероятно, человеческий язык не везде (и не с самого начала) одинаково определенно дифференцировал эту всеобщую категорию, облекая ее в единственное слово.

С указанной точки зрения и рассматривается здесь концепт «игра» в адыгской языковой картине мира: обобщены ли в ней все формы игры в одном термине, или же в адыгских языках для различных форм игр нашлись разные обозначения? Иными словами, является ли в адыгской лингвокультурной традиции абстракция данного явления столь же второстепенной, как в некоторых других культурах (при общеизвестной первостепенности самой функции игры)?

В качестве основных для концепта «игра» предлагаются следующие компоненты: (1) человеческая деятельность (животные могут играть, но они не могут играть в игры); (2) длительность (игра не может быть мгновенной); (3) назначение: удовольствие; (4) выключенность из реальности (участники воображают, что они находятся в мире, отделенном от реальности); (5) четко определенная цель (участники знают, чего они хотят достичь); (6) четко определенные правила (участники знают, что можно и чего нельзя делать); (7) непредсказуемый ход событий (никто не знает точно, что именно произойдет). В соответствии с этим предлагается следующее семантическое толкование игры:

(а) многое, что делают люди; (б) люди делают это в течение долгого времени; (в) люди делают это ради удовольствия (т.е. они хотят испытать какие-то хорошие чувства); (г) когда они делают это, они хотят, чтобы что-то произошло; (д) если бы они не делали это, они бы не хотели, чтобы что-то произошло; (е) когда они делают это, они должны знать, что им можно делать; (ж) когда они делают это, они должны знать, чего им нельзя делать.

В адыгской филологии игра как концепт языковой картины мира не рассматривалась. Однако к игре как явлению культуры обращались в связи с другими научными проблемами.

К адыгскому «джэгу» вполне приложимо толкование данного концепта по семантическому примитиву в тех случаях, когда речь идет о видах человеческой деятельности, являющихся по своей сути играми:

джэгу игра; танцы, вечеринка, гулянка; пиршество; свадьба; игрище.

Как видно, выражение игровой сферы в адыгской языковой картине мира связано с чем-то беззаботным, веселым, радостным. Квалификация детской игры не имеет своего специфического обозначения, как это наблюдается в некоторых европейских языках. Для обозначения такой своеобразной формы деятельности, как драматическое искусство, адыгские языки также используют наименование, связанное с общим понятием игры: «джэгун» – играть. Однако в этом случае игра приобретает более конкретный смысловой оттенок – «представление».

Не так однозначно складывается ситуация с анализом выражения в адыгских языках такой сферы игры, как игровые состязания и поединки. Данная область жизни адыгов не объемлется термином «игра». Для обозначения различных состязаний используются разные слова. Например: скачки – шыгъажэ. В прошлом адыгов весьма распространенной была игра в конных-пеших (шурыльэс джэгу), которую можно отнести именно к разновидности «игра-борьба». Кроме того, в нартских сказаниях и сказочном эпосе довольно часты упоминания о боевых «играх нарта Сосруко» и о богатырском состязании героя с противником под названием «игра хэтIэ-хэсэ». Завершается «игра» отсечением головы побежденного, так что можно говорить о выраженном в ней характере боевого единоборства.

Что касается пользования музыкальными инструментами, то и здесь в адыгской языковой картине мира не применяется термин «джэгун» (при несомненности того, что музыка входит в сферу игры и музицированию свойственны почти все признаки игровой деятельности). Навыки владения музыкальным инструментом выражаются в адыгских языках другим глаголом – «еуэн», основное значение которого «бить, колотить, ударять, ударить кого-л. или по чему-л.». Например: играть на гармошке – пшынэм еуэн, играть на скрипке – скрипкэм еуэн и т.п. Очевидно, в адыгской языковой картине мира связующий элемент между этими навыками и игрой следует искать в значении «быстрое, ловкое, упорядоченное движение рук».

Невозмозженимы «джэгу» и «игра» в русской языковой картине мира в тех ситуациях, когда это не относится к игровой деятельности в соответствии с семантическим толкованием. Так, метафоричные идиомы русского языка типа «игра воображения», «игра слов» в переводе на адыгские языки уже не будут входить в семантическое поле концепта «джэгу». С другой стороны, диапазон употребления «джэгу» расширяется в кабардино-черкесском языке за счет того, что обозначается как шутка, шутливость, несерьезность и т.п.:

Джэгу хэту зэшам нэхъей подобно тому, кто на танцах скучал.

Джэгу хэту «Си гъуэншэджыр къызэтыж» – жызылам нэхъей погов. подобно тому, кто, будучи на танцах, сказал: верни мои штаны.

ДжэгупIэ щIын превратить кого-л. в объект для насмешки; поднять на смех (букв.: местом игры сделать).

ДжэгугъэщI напщIэкъутэ погов. шутя бед натворил (букв.: играющим притворившись, надбровные дуги разбивающий).

Таким образом, в адыгской языковой картине мира, как и во многих других, отсутствует обобщенное название для всех видов игровой деятельности. Концепт джэгу («джэгун») выражает понятие игры как того, что связано с весельем, несерьезностью, шуткой, детскими забавами, представлением (упорядоченной драматической игрой), спортивными движениями (топ джэгун – играть в мяч) – безотносительно к состязанию. Для того, что относится к состязанию, есть концепты «зэпеуэныгъэ», «зэхъэзэ-хуэныгъэ» и др., в которых заложен дух соперничества.

Джэгун (играть), как и джэгу (игра), культурный концепт, относящийся к игровой сфере. Значение игровой деятельности, заключенное в существительном, выражается в глаголе в форме процесса. Это подчеркивает, что данная деятельность, обладая особенными и независимыми свойствами игры, не входит в ряд обычных видов деятельности в смысле «делать».

4. Концепт «псэ» (душа)

С точки зрения этики «псэ» является носителем некоего этического идеала, который ценится больше всех материальных благ. «Псэ» – это и орган предчувствий, с помощью которого происходит интуитивное постижение действительности, и орган, с помощью которого ощущается мистический, потусторонний мир. Иными словами, отдельные компоненты комплекса универсальных представлений о душе входят в семантическое поле концепта «псэ». Однако его функционирование имеет и свои этнокультурные особенности.

К числу таких особенностей относится соотношение концепта «псэ» с концептом «гу» (сердце). В определенных контекстах грань их семантического различия довольно тонка и неуловима. Однако прототипы данных концептов не совпадают.

Дифференцированность прототипов адыгских концептов псэ и гу иллюстрируется такими пословицами: Псэм и щасэр гуми нос. – Что по душе, то и до сердца доходит; Гур зыхуэклуэм псэри йоплэ. – К чему сердце расположено, на то и душа смотрит.

В то же время в адыгской языковой картине мира наблюдается и синонимичное функционирование концептов «гу» и «псэ», объединяющее их в единое целое:

Гурэ псэкIэ от чистого сердца, сердцем и душой; верой и правдой (служить).

Гуми псэми кыбгъэдэкIыу от чистого сердца (букв.: исходя от сердца и души).

Я гурэ я псэме и лым и гурэ и псэме дыхъэу Мэлэчпхъу унэгуащэ нэс хъуат. – Из Малачипх вышла отличная хозяйка, так что она совсем пришлась по душе мужу.

Гуих-псэхщ страх-ужас (букв.: вынимающий сердце и душу) и др.

Одними из наиболее метафоричных «образов» внутренней формы среди слов с компонентом псэ являются понятия псэлтыхъу – «тот, кто сватается», «жених» (букв.: «ищущий душу, искатель души»); псэгъу – спутник жизни, супруг, супруга (букв.: спутник души). Не менее выразителен и «образ» концепта псээпылхъэплэ – то, что представляет большую опасность для кого-чего-л. (букв.: место, где соединяются души).

«Псэ» в качестве компонента, придающего эпитету образную метафоричность, входит в состав концептов типа псэбыдэ – живучий (букв.: крепкая душа), псэньшэ – безжизненный (букв.: такой, в котором отсутствует душа, жизнь), псэлув – живучий, выносливый, терпеливый (букв.: толстая душа), псэ гуапэ – добрая душа, псэ хьэлэл – щедрый, душевный.

Элементы языкового мироощущения выражаются во многих фразеологизмах. Это могут быть различные обращения:

Си псэр зыххын (ушх) милый мой, дорогой мой (букв.: да съешь ты мою душу);

Си псэм хуэдэ душа моя, милый мой (в положительном и отрицательном значениях);
букв.: как моя душа, моей душе подобный;

Си псэ тIэкIу (цIыкIу) – милый мой (букв.: моя душечка);

пожелания:

Псэ быдэ ухъу Да будь ты выносливым! (букв.: с крепкой душой).

Религиозный оттенок приобретает концепт псэхэх – религ. миф. ангел смерти (букв.: вынимающий душу).

Концепт «псэ» участвует и в выражении архетипических символов адыгского национально-культурного мироощущения. Примечательна в этом отношении следующая поговорка: Псэрэ псырэ нэхъ IэфI щыIэкъым дороже (букв.: слаще) души и воды на свете ничего нет. Если в христианстве в таинстве крещения объединяются две идеи – универсальная притягательность воды с ее очистительной силой в соединении со свойством поддержания жизни и тем самым вода начинает символизировать как очищение, так и начало новой жизни, то в адыгской поговорке суггестирует вовсе не религиозный аспект «очистительной» и «новорождающей» функции как воды, так и души («очищенной» или «чистой»), а сугубо чувственно-психологическое ощущение человеческого существа.

Метафоробразующая способность концепта «псэ» ярко проявляется в следующих фразеологизмах: и псэр IукIащ его страх охватил; душа ушла в пятки (букв.: его душа отошла); псэм хыхъэн войти в душу; псэр кыхыхъэжын ожить; воспрянуть духом, прийти в себя (букв.: душа вошла вновь); псэр дзапэкIэ Iыгъын находиться в состоянии тревоги,

сильного беспокойства (букв.: держать свою душу передними зубами); псэр пыхун изнемогать (букв.: душа отпала); псэм зигъэпсэхужащ отдохнул; успокоился; отвел душу (букв.: душа теперь отдохнула); псэм дэхуэн (техуэн) стерпеть, вытерпеть (букв.: в душе уместиться, на душе поместиться); зэлусэм псэ къыхегъаклэ посл. за что ни возьмется, душу вдохнет (букв.: в том, к чему прикоснется, душа растет); псэр плэпыху (дахэщ) чарующе красиво (букв.: душу беря у тебя из рук); и псэм вакъэжъ щадэжыху псэуащ погов. прожил до тех пор, пока его душе не сделали заплату из старых чувяк.

Очевидно, можно говорить об отождествлении в сознании предков современных адыгов слова с душой, а точнее, с духом человека. Псалъэ (слово) символизирует человеческую одухотворенность (хотя внутренняя форма данного концепта позволяет констатировать и наличие понятия одушевленности в его семантике). В адыгских благопожеланиях обнаруживаются рудименты древнейших представлений адыгов о магической силе слова (Узэджэр къоклуэ.- Что призовешь, то придет).

Необычайные возможности слова в плане регуляции людских мыслей и чувств, отношений и взаимоотношений отражены у адыгов в пословицах типа: Псалъэ дахэм гуауэр пщегъэгъупщэ. – Слово красивое заставляет забыть горе; Псалъэ дахэм гъушщыр къегъэш. – Красивое слово железо гнет; Джатэм пиупщыр мэкължри, жьэм пиупщыр кължыркъым. – Мечом раненное заживает, словом (букв.: ртом) раненное не заживает.

Как видно, в адыгской языковой картине мира слово (псалъэ) – не просто символ души, а ее местопребывание. В этом смысле данный адыгский концепт является универсальным мифопоэтическим понятием.

Адыгский концепт псэ (душа), как и во многих лингвокультурных традициях, функционирует в качестве «различителя» внутри так называемого «мира живого» двух миров – «животного» (включающего и человека) и «растительного».

Такая общая ссылка может быть уточнена. Речь идет об адыгских идиомах «псэ зылут», «псэ зилэ (зыпыт)». Это обозначение совокупности одушевленных существ, всего живого, а точнее – «всего, у кого есть душа». Кроме того, в адыгских языках для обозначения «мира живого» используется концепт псэушхъэ, который, правда, в обыденном сознании соотносится прежде всего с животными. Семантический признак «неодушевленность» выражен в адыгской языковой картине мира «отсутствием души»: псэ зылумът, мыпсэушхъэ (букв.: не имеющий души, неживой).

В лексике нартского эпоса, отражающей культуру древнеадыгских племен, упоминается Псатхъэ – бог души (из «псэ» – душа и «тхъэ» – бог).

5. Концепты «пространство» и «время»

Очевидна необходимость лингвистической категоризации пространства и времени. Они формируют картину мира человека, отражаясь в языке и тем самым выражая различные аспекты осознания человеческого бытия в языковых формах. Такая иерархия бытия (времени – пространства) подтверждается и данными адыгских языков.

Признание пространства и времени важнейшим атрибутом человеческого бытия (а значит, и одной из основных категорий языка) сопровождается и констатацией того, что различные культуры вырабатывают разные подходы к изучению и пониманию этих категорий, т.е. в разных языках они объективизируются различными способами. В связи с этим ставятся и во многом пока еще остаются открытыми следующие вопросы: какова структура этих категорий в различных языковых сознаниях; является ли она универсальной или имеет типологический характер; каковы способы представления данных категорий в тех или иных лингвокультурных традициях?

Мировоззренческое наполнение зрительных и слуховых «образов» (основным «инструментом» ориентации человека в пространстве является зрение, во времени же он ориентируется главным образом с помощью слуха) позволяет объяснить то, как эти «образы» закреплены в языке. Во-первых, это заключается в смысловом различии глаголов «видеть», «слушать», «слышать» (в кабардино-черкесском языке соответственно: «лъагъун», «едэлун», «зэхэын»). Во-вторых, стихийно фиксируя исторически складывавшиеся в культуре отношения между чувственным и интеллектуальным уровнями психики, язык позволил употребить понятие «видеть» в смысле «понимать» и

«слышать» в смысле «осознавать».

В современной лингвистике языковая интерпретация пространственных и временных концептов осуществляется в разных направлениях, дополняющих друг друга. Здесь рассматриваются фрагменты пространственно-временного представления адыгов, зафиксированные в различных концептах.

Отсутствие категориальных обозначений пространства и времени в адыгских языках в физических и метрических терминах связано, очевидно, с ментальными особенностями их восприятия адыгами, которые отчасти объясняются приведенным здесь «топологическим» представлением пространства и времени. Однако это не говорит о том, что у носителей данных языков нет временных и пространственных представлений. Адыгские языки отражают понимание времени не просто как «хронологического календаря событий», а как «факта опыта», или «измерение факта событий», т.е. здесь зафиксированы «ограничительные», а не «безразличные» временные понятия.

«Ограничительность» временных и пространственных представлений адыгов выражается прежде всего в «обобщающем», если можно так сказать, концепте зэхуаку – промежуток (пространства и времени). Метафорическое ограничение межличностных отношений передается выражением Я зэхуаку шклэ хьуплэщ (они) не в ладах (букв.: между ними место выпаса телят).

Конкретное, хронологическое представление времени в кабардино-черкесском языке передается заимствованием из арабского языка – зэман: в разн. знач. время; зэманыр дапщэ хьуа? который час? гьэм и зэманхэр времена года; лэжьэгьуэ зэман рабочее время; щыщхьэхуит зэман свободное время; зы зэман зэдэпсэуа современники, зэманьгьуэ наиболее приятный период жизни (обычно о молодости), зэманьжь старое время, старина.

Опосредованное выражение различных временных представлений может быть передано в кабардино-черкесском языке описательно: с течением времени зыкьом дэклэ нэужь; время терпит блэкьыркьым; в то время как ар абы хуэдэу щыщытым щыгьуэ; до сего времени иджыри кьэс; в одно прекрасное время зэгуэрым; у меня нет времени сэ хушщыхьэгьуэ силэкьым.

Такое «измерение факта событий», как назначенное время, срок, в адыгских языках передается концептом палъэ.

«Ограничительный» момент в данном временном представлении выражен ярче, чем в остальных, что подтверждается и следующими идиомами:

палъэ клэщклэ в короткий срок; палъэ имылэу немедленно; палъэ етын, хуэгьэувын назначить кому-л. срок; палъэ щынын наметить срок; палъэ-палъэклерэ время от времени; палъэм иклящ срок истек; и палъэм ухын сделать (закончить) в срок; палъэм флэгьэклын просрочить.

В восприятии того, что русской ментальности соответствует понятию «час», в кабардино-черкесском языке отражается аналогичная дифференциация: час – отрезок времени (сыхьэт); час – время по часам (сыхьэт дапщэ хьуа? – который час?); час – время, предназначенное для чего-л. (шэджэгьуашхэ щащл – час обеда).

Тожественны в обоих языках и «ритуальные» выражения с компонентом «час» – сыхьэт:

Сыхьэт махуэ- счастье; в добрый час.

Сыхьат мыгьуэ несчастье; злополучный, роковой час.

Сыхьэт мыгьуэм хуэзащ он в недобрый час попал; не повезло.

Сыхьэт мыгьуэм лушлэн! бран. да встретишь ты несчастье.

В адыгских языках, как и в других языках, отражено сосуществование в человеческом сознании двух представлений о времени: циклическом (наивном) и линейном (естественнонаучном). Первое предполагает последовательность повторяющихся однотипных событий, так называемых «жизненных кругов», второе – однонаправленное поступательное движение.

Лингвистическая релевантность указанных типов времени проявляется в кабардино-черкесском языке в употреблении концептов «зэман» (время) и «чэзу» (пора).

В кабардино-черкесских эквивалентах русских идиом с компонентом «пора» при полном семантическом тождестве отсутствует соответствующий ему компонент «чэзу»:

1) на первых порах яплэ щыклэ; 2) в ту пору а лээхьэнэм, а зэманэм; 3) до сих пор

иджыри къэс; 4) с тех пор абы лъандэрэ; 5) в (самую) пору (во-время) зэманым ирихьэллэу, хуэзэу; 6) с давних пор куэд лъандэрэ.

Во втором и пятом примерах идиомы на русском и кабардино-черкесском языках обладают разным «смысловым потенциалом», что предопределено употреблением в адыгских переводах концепта «зэман» – время. Т.е. здесь не учтена дифференциация понятий о времени и поре как показателей разных типов времени. Разница же между ними заключается в следующем.

Во-первых, концепт «пора» обладает особой временной семантикой: фаза «космологического цикла», который многократно реализуется как в природе, так и в жизни людей. При этом для «поры» существенен фактор длительности описываемого временного отрезка. Кроме того, в семантике «поры» заложена обязательная смена этапов: одна пора сменяется другой. Так называемая «космологичность» данного понятия проявляется и в том, что здесь предполагается нечто объективное и закономерное, т.е. это не зависит от желания человека.

Во-вторых, «пора» отличается от «времени» тем, что последнее, как правило, описывает развитие события «линейно». «Время» может быть необратимым. Поэтому даже в тех случаях, когда оба временных модификатора могут описывать один и тот же отрезок времени, каждый из них имеет свою ситуацию употребления. Это касается двух упомянутых примеров в переводе на кабардино-черкесский язык со словом «зэман» (время), а не с концептом «чэзу». В них неприложимо понятие «чэзу» потому, что временной отрезок в данных случаях не соотносится с космологическим циклом. Он мыслится «линейно». Имеются в виду отрезки времени как нечто самодостаточное. Как и в русском языке, в кабардино-черкесском языке, в отличие от «поры», «время» обладает свойствами целостности и индивидуальности, что проявляется в его способности быть объектом принадлежности. Так, «время» можно «потерять» (зэман гъэклуэдэн), «иметь» (зэман илэн), «тратить» (зэман тегъэклуэдэн), «беречь» (зэман мыгъэклуэдын).

В-третьих, разница между временным потенциалом «времени» и «поры» связана и с тем, что линейное время не зависит от событий, а циклическое время не мыслится вне связи с событиями, которыми оно наполняется.

По поводу тех же двух примеров можно заключить следующее. Каждый из них обозначает временной интервал со своей обобщенно-семантической характеристикой. «В ту пору» (а лъэхъэнэм, а зэманым) задает обобщенный и статичный интервал, который определяется на временной оси не каким-либо конкретным событием, а общей характеристикой ряда событий. «В (самую) пору» (зэманым ирихьэллэу, хуэзэу) также обозначает обобщенный и статичный интервал. Однако он задан на временной оси как фаза космологического цикла, т.е. как типологизированный этап циклически повторяющегося развивающегося процесса.

Дифференциация понятий «время» и «пора» иллюстрируется следующими пословицами:

Дэтхэнэ зыми чэзу илэщ посл, всему свое время.

Зи чэзу щымылэ щылэкъым (чэзу зымылэ щылэкъым) посл, всему свой черед.

Что касается выражения пространственных отношений в адыгской языковой картине мира, то здесь преобладают концепты с так называемым собственно культурным метафорическим смыслом, т.е. с ценностно-культурной основой.

Взаимосвязь разных культурных концептов как отражение единства и системности явлений реальной действительности можно проиллюстрировать на примерах концептов «причина» и «пространство» и «время».

Термины «пространство» и «время» применяются по отношению к тем предметам и вещам, которые могут стать причиной чего-либо именно в силу их временных и пространственных характеристик. Поэтому при анализе понятия «причина» («причинно-следственная связь») отмечают способность быть «причинносвязанными» лишь локальных событий: Губжьати щлэклыжащ. – Так как рассердился, ушел.

Анализ способов выражения причинности в адыгских языках дает основание предположить, что «совместность» причины и пространства отражает ту сферу реальности, где между предметами возникает причинная связь.

В адыгской языковой картине мира, аналогично другим, отражается многомерность пространства. Такие пространственные характеристики выражены в семантике

определенной группы прилагательных: широкий -бгъуэ, быхъу; высокий – лъагэ; глубокий – куу; длинный – кӀыхь.

Пространственная характеристика в приведенных примерах тесно связана с ориентацией определяемых предметов во времени. И там и здесь наблюдается неразрывность пространственно-временных компонентов в семантике данных прилагательных. При этом в обоих языках индивидуализировано выражение такой специфической временной характеристики, как та, что отражена в семантике слов «длинный – долгий»: длинный – кӀыхь; долгий -кӀыхь; долгая жизнь – гъащӀэ кӀыхь.

Как известно, одним из важнейших пространственно-временных классификаторов (или еще одной моделью «специализации» времени и пространства) является концепт «путь», конституируемый топографическими и сакральными объектами, которые отмечают разные участки пути, что соотносит его с определенными временными координатами. Так, в адыгской языковой картине мира (это отражено прежде всего в мифологическом и фольклорном материале) естественно функционирование концептов типа «махуищ-гъуэгу» – «в три дня путь (дорога)».

Как и в русской языковой картине мира, в адыгской «путь» обозначен как образ связи между двумя отмеченными точками пространства: гъуэгу, гъуэгуанэ. В топографическом смысле это то же, что и «дорога». Однако стоит употребить этот концепт в таком метафорическом контексте, как «жизненный путь», как «гъуэгу» и «гъуэгуанэ» перестают быть полными синонимами. В сознании носителей адыгских языков «жизненный путь» – это «гъащӀэ гъуэгуанэ», но не «гъащӀэ гъуэгу». В «гъуэгуанэ» заложено представление адыгов о жизненном пути как становлении человека, связанном с предельным усилием, какими-то жертвами, крайними ситуациями.

Другое дело, если «гъуэгу» употребляется вне рассматриваемого контекста, а самостоятельно, с собственным метафорическим свойством. Так, в пожелании «Гъуэгу дахэ тхъэм тригъуэувэ!» (букв.: на красивую дорогу бог пусть поставит), выражающем пожелание красивого того же «жизненного пути», в концепте-образе «гъуэгу дахэ» (красивая дорога) «гъуэгу» полностью синонимично «гъуэгуанэ». Однако в данном соотнесении «гъуэгуанэ» – «жизненный путь», больше уже пройденный, а «гъуэгу» – предстоящий жизненный путь. Таким образом, о них можно говорить как об этнокультурных контекстуальных концептах-синонимах.

В пространственно-временном континууме адыгской языковой картины мира образ «жизни-пути» (гъащӀэ гъуэгуанэ) неразрывно связан с образом «жизни-колеса».

Цикличность «жизненных кругов» (или «круговращение мира») лаконично и выразительно передана в кабардино-черкесском языке через символ колеса: ГъащӀэр шэрхъщи мэкӀрахъуэ (букв.: Жизнь -колесо, потому крутится). Здесь колесо символизирует «широкий охват» жизни, представляя собой синтез активности космических сил и течения времени. На языке культурологического мышления данная адыгская поговорка представляет образ «жизни-колеса» как расщепление «мирового порядка» на два фактора, существенно различающихся друг от друга. Это вращательное движение и неподвижность, периметр колеса и его покоящийся центр, т.е. образ аристотелевского «неподвижного передвигателя». Вербальное отсутствие резюмирующей части представления данного образа-символа не мешает воспринимать двойственную природу колеса: контраст между движущимся, а значит, преходящим и фиксированным. Поговорку можно отнести к «культурологическим метафорам», потерявшим свой буквальный исходный смысл и ставшим метафорами обыденной речи.

«Круговая» модель пространства в адыгском языковом сознании соответствует традиционной общечеловеческой модели пространства, по которой в круге видится выражение ограниченности внутренней конечной, окультуренной, освоенной пространственной зоны (мыслимой как «свое», «близкое») и в то же время способ определения неосвоенной, чужой, неизвестной пространственной перспективы (мыслимой как «чужое», «далекое»).

Итак, уже на примере выражения многомерности пространства в соотнесенности с развитием временного значения в соответствующих лингвистических единицах можно утверждать, что исследование указанных онтологических категорий и их языкового выражения на материале разных естественных языков раскрывает особенности не только их номинации, но и «этнического видения» данных универсальных характеристик.

6. Бинарная пространственная оппозиция концептов «ижь-сэмэгу» (правый-левый)

При изучении адыгской системы бинарных противопоставлений важно не ограничиваться выяснением этих оппозиций, а определять соотношения различных символическо-семантических сфер и ситуаций. Тогда это будет способом обнаружения языкового выражения соответствующей народной культуры. При этом следует учитывать необходимость дифференциации установления взаимной связи бинарных оппозиций либо на основе анализа фольклорного материала, либо путем интроспекции самих носителей данной культуры.

Пронизывающее все сферы жизни дуалистическое восприятие пространства, связанное с противопоставлением правой и левой стороны, выражается, очевидно, во всех языках. Однако языковое выражение этого антропогенного (биологического) дуализма может иметь специфические, этнически обусловленные особенности, связанные с культурно-историческими традициями соответствующего этноса. Данное дихотомическое противопоставление в адыгском языковом сознании занимает особое место в ряду бинарных оппозиций.

Как и в других индоевропейских культурах, понимание «правой руки» и «правой стороны» как основной находит выражение и в адыгской народной культуре. У адыгов также роль «правой руки» и соответственно «правой стороны» определяется как более значительная и почетная в сравнении с «левой рукой» (или стороной).

Рассматриваемая оппозиция имеет более глубокие корни в ритуальной символике древнеадыгских племен, о чем свидетельствуют языковые данные. Корень лексемы джабгъу, жьабгъу, йыжь (правый, правая сторона) относят к исконному фонду. Слово же «сэмэгу» (левый) не объясняется на абхазо-адыгской почве. Отсутствие исконной лексемы для обозначения левого аргументируется обладанием левым неблагоприятным знаком, символизирующим «дурное» и «злое».

Противопоставление «ижь» – «сэмэгу» в адыгской языковой картине мира аналогично лексико-семантическим и мифологическим сущностям соответствующих бинарных корреляций в других культурных традициях. Так, соотношение оппозиций «правый» – «левый» и «хороший» – «плохой» в славянской народной традиционной системе совпадает с его представлениями в адыгской культурной традиции. Таковы предсказания характера будущего известия: 1) если кто-либо угадает, в каком ухе звенит у другого человека, последний получает хорошее известие, если звон в правом ухе, и плохое – если в левом (известен более упрощенный вариант данной приметы: если у кого-либо звенит в ухе и кто-то другой угадает, в каком именно ухе звенит, задуманное сбудется: Тхьэкълумэр зумэ, зыгуэр я гум ираубыдэрти и псэлъэгъум еупщӀти, кьищӀламэ – кӀехъулӀэну, кӀимыщӀламэ – кӀемыхъулӀэну жалэрт; 2) правый глаз дергается к добру, левый – к беде. Ср. пример из нартского эпоса для иллюстрации обладания правой стороной положительным символическим смыслом, а левой – негативным: «Сосрыкъуэ йышабзэр бажэм йынэ сэмэгу лъэныкъуэм техуащ. Бэдынокъуэ йышабзэр бажэм йынэ йыжь лъэныкъуэм техуащ». Стрела Сосруко попала в левый глаз лисицы. Стрела Бадыноко попала в правый глаз лисицы.

Помимо этого, в адыгских приметах характер будущего известия предсказывался и по таким признакам:

Набдзэ ижьыр шхэмэ, уогуфӀэ жалэрт. – Правая бровь если чешется, обрадуешься – говорили.

Тхьэкълумэ ижьыр плъымэ – кӀыпщотхъу, сэмэгур плъымэ – уауб жалэрт. – Ухо правое если горит, тебя хвалят, левое если горит – ругают – говорили.

Щхьэц налӀэ ижьымкӀэ кӀыщепсыхамэ, хъыбарыфӀ кӀыпӀэрыхъэу жалэрт. – Волос прядь если вправо упала, хорошую новость услышишь.

Щхьэц налӀэ сэмэгумкӀэ кӀыщепсыхамэ, хъыбар Ӏей зэхэпхынуц жалэрт. – Волос прядь если влево упала, новость плохую услышишь.

Ӏэ ижьым и Ӏэбжъанэм хужь дапщэ кӀыхэкӀми абы и зырыз щыгъыныщӀэ кӀыхэхъуэну кӀафӀэщӀт. – На ногте правой руки сколько белого появится, столько новой

одежды прибавится – думали.

К этой же группе бинарных оппозиций («правый» – «левый»: «хороший» – «плохой» с семантическими вариантами «благополучный» – «неблагополучный», «счастливый» – «несчастливый», «праведный» – «неправедный» и т.п.) причисляют примеры примет с действиями, в которых первый шаг (или шаг через порог) должен производиться правой ногой, а какое-либо действие – правой рукой (для благополучного исхода):

Унэм щыщыхьэкIэ лъапэ ижыыр нэхъапэ шIэшие жалэрт. – В дом когдаходишь, носок правой ноги первым протяни туда – говорили.

ЖьакIэр щаупскIэ ижырабгъумкIэ кыщIэдзэн хуейщ. – Бороду когда бреют, с правой стороны начать надо.

Цыхур щыгъуэлъыжкIэ япэ ижымкIэ тегъуэлъхьэн хуейщ жалэрт. – Человек когда ложится спать, сначала на правый бок надо лечь.

По адыгским архаическим представлениям (аналогично другим этническим представлениям), действие левой рукой или шаг левой ногой имеет негативный результат:

Иэ сэмэгукIэ ушхэну угъурсызыгъэу къалъытэрт. – Рукой левой есть злополучием (недобрым) считали.

Иэ сэмэгукIэ кыпхуашиар къелыпхыну фIыкыым жалэрт. –левой рукой то, что тебе протянули, брать плохо – говорили.

Пщэдджыжьым укъэуша нэужь, гъуэлъыплэм лъакъуэ сэмэгумкIэ укъеувэхмэ, а махуэм узыхуежъ Iуэхур хъунукыым жалэрт. – Утром после того, как проснешься, с кровати ногой левой если спустишься, в тот день дело, которое ты начнешь, не получится – говорили.

К этой же группе оппозиций со вторичным значением «младший – старший» можно причислить примеры следующего характера:

Нэхъыжьым Иэ сэмэгукIэ зыри хуашийртэкъым. – Старшему левой рукой ничего не протягивали.

Как и в случае с бинарной пространственной оппозицией «правый – левый», представления о благополучии связываются в адыгской народной культуре с парой счетных признаков «четный – нечетный». Здесь наблюдается связь двух противопоставлений: «нечетный – четный» и «хороший – плохой». Так, известно адыгское выражение «Iэнэ лъэкъуищ» (букв.: стол -круглый и низкий – о трех ногах), в котором отражается не только функциональность трех ножек стола, но и дополнительные семантические (подразумеваемые, хотя и не сформулированные) моменты⁴. Однако в адыгской языковой картине мира наблюдается и так называемая обратная семантика, связанная с цифровой оппозицией. Положительный характер признака «четный» косвенно отмечается в следующем адыгском народном представлении: Сабийр цыхуищым зIэпахыну фIыкыым жалэрт. – Ребенка трем людям передавать друг другу плохо – говорили.

Лингвокультурный аспект исследования бинарной оппозиции «правый – левый» опирается на связь с другими противопоставлениями (вместе с их лексико-семантическими и мифологическими сущностями): «мужской – женский», «старший – младший», «верхний – нижний» и т.д. Хотя черты универсальности перечисленных противопоставлений определены вполне четко, в каждой традиции имеются ситуации, в которых отдельные бинарные оппозиции наполняются особым содержанием. Поэтому, рассматривая такую единичную систему бинарных оппозиций, как адыгская, следует учитывать, что связь исследуемых противопоставлений внутри отдельной системы необходимо определять косвенно в контексте адыгских памятников устного народного творчества. В целом же она сводится к двум соотношениям:

1. «Правый – левый: почетный – непочетный». Роль «правой руки» и соответственно «правой стороны» как более значительная и почетная в сравнении с левой определилась в адыгском сознании так же, как и в других культурных традициях. Выступая в качестве эпитетов, данные концепты приобретают метафорический оттенок, так как они уже не являются в определенном контексте пространственными терминами, а выражают нравственно-этические категории.

2. «Правый – левый: позитивный – негативный» – связь бинарных противопоставлений, характерная для многих лингвокультурных традиций. В адыгской

языковой картине мира правое также ассоциируется с благоприятным исходом явлений, а левое – с неблагоприятным.

Во многих лингвокультурных традициях правая и левая рука именуются и с точки зрения того, какими предметами они манипулируют. Так, левый бок всадника прикрывается щитом, а правая рука держит копье. В адыгском фольклоре зафиксированы правила объезда всадником с правой или левой стороны (со стороны правой или левой руки) в зависимости от того, кого объезжают – женщину или мужчину. Определен и порядок встречного движения: мужчина должен был проходить мимо женщин, оставляя ее по правую сторону – оказывая ей почет, а мимо мужчины – наоборот – по левую, в связи с чем в качестве мнемонического правила использовалось выражение Цыхубзым къамышыр ират, цыхухъум Іэцэр ират. – Женщину оставляют со стороны плети, мужчину – со стороны оружия.

7. Бинарные оппозиции с концептом «щхъэ» (голова)

Голова, символизирующая в разных культурах разум и духовную жизнь, и в адыгской культурной традиции отождествляется со всем разумным, благочестивым, важным, основным. Голова (щхъэ) и здесь символизирует активное интеллектуальное гармоничное начало. С ней соотносятся добрые намерения человека, она олицетворяет ум.

Однако в адыгской языковой картине мира отражены и особенности этнокультурной семантики, выраженные концептом «щхъэ». Так, в отдельных контекстах «щхъэ» соотносится с понятием чести, как правило, девической: Уи щхъэ хъумэ, си хъыджэбз. Кроме того, характерно выражение концептом «щхъэ» понятия о самом себе, собственной сущности, о верхе чего-либо.

Концепт щхъэ (голова) образует в адыгской языковой картине мира и оппозиции, многие из которых представляются этноспецифичными. В определенных контекстах они приобретают вторичные значения.

1. Младший – старший: почетный – непочетный:

Зи нэхъыжь зымылгытэм и щхъэ илгытэжктым. – Своего старшего кто не почитает, себя (букв.: свою голову) не почитает.

Зи щхъэ пщІэ хуэзмышыжым пщІэ илэктым. – Себя (букв.: свою голову) кто не почитает, почета не имеет.

2. Плохой – хороший: Зи мылуэху зезыхуэм и щхъэм баш тохуэ. – Не своим делом кто занимается (не в свое дело вмешивается), на его голову палка попадает.

3. Умный – неумный: Зи щхъэ илтым и щхъэ урилгытынщ. – У кого в голове есть (букв.: лежит), тот со своей головой тебя сравнит (своей голове тебя уподобит).

4. Голова – ноги (хвост): Уи щхъэ зыфІэмыІейм уи лъакъуи фІэІейктым. – Твоя голова кому плохой не кажется, твои ноги тоже не кажутся плохими.

Уи кІэ зэрымыкІыным уи щхъэ иумыІу. – Твой хвост куда не пройдет, свою голову не просовывай.

5. Голова – имя (суть): Уи щхъэ зи жагъуэм уи цІэ фІэІейщ. – Твоя суть (букв.: голова) кому неприятна, твое имя плохим кажется.

6. Голова – сердце: позитивное – негативное: Зигу фІы имылтым и щхъэ фІы къехъулэктым. – В чьем сердце хорошее не лежит, с тем хорошее не случается.

Зи щхъэр къабзэ, зи гур бзаджэ. – Чья голова чистая, чье сердце злое.

Щхъэ къабзэ гу бзаджэ. – Голова чистая – сердце злое.

7. Свое – чужое: Зи щхъэ Іуэху зыхуэмыщІэжыр хамэ ІуэхукІэ ерыщщ. – Свои дела (букв.: своей головы дело) кто не умеет делать, тот чужим делом упорно занимается.

Зи щхъэ мыузым уи щхъэ уз хуумыІуатэ. – Тому, чья голова не болит, боль твоей головы не рассказывай.

Уи щхъэ иумыпэсымкІэ нэгъуэшІым ухуэмыупсэ. – Себя (букв.: своей головы) что не считаешь достойным, другому не предлагай.

Зи щхъэ зыхуэмыІыгъыжым щхъэ Іыгъын къещтэ. – Себя (букв.: свою голову) кто не может (со)держатъ, за содержание (другой) головы берется.

8. Голова – язык (рот, голос):

И щхъэр мыжьрэ и жьэр бзаджэу. – Голова нерасчесанная, язык злой.

И щхьэр матэщ, и жьэр джатэщ. – Голова – корзина, рот – меч.
Щхьэ цыкыу макъышхуэ. – Голова маленькая – голос громкий.

8. Концепт «гу» (сердце)

Особое место в этнокультурном выражении адыгского языкового сознания занимает концепт «сердце» – гу. Предположение о том, что оно означает «орган всех чувств вообще», убедительно подтверждается наблюдениями над функционированием данного концепта в адыгских языках. Сердцу «приписываются» самые разнообразные деятельности сознания. Более того, в сердце помещается такая скрытая (и даже интимная) функция сознания, как совесть: «гум идэркъым» – совесть не позволяет (букв.: сердце не позволяет).

Адыгское «гу», являясь компонентом многих сложных слов, выражает орган средоточения основной способности адыгов к восприятию. К концептам, обусловленным «предшествующей жизнью внутренней формы», можно отнести следующие:

губзыгъэ – умный, смысленный, сообразительный (из «гу» – сердце и «бзыгъэ» – ясный); гужан – смекалистый, сообразительный (из «гу» – сердце и «жан» – острый); гузэвэн – волноваться, беспокоиться, тревожиться (букв.: из «гу» – сердце, «зэв» – узкий, тесный); гукъеуэ – негодование, обида (из «гу» – сердце и «еуэн» – бить); гукъыдэж – бодрость, энергия, настроение (из «гу» сердце и «къыдэжын» – выбегать, вытекать); гукъутэ – большое несчастье, горе (из «гу» – сердце и «къутэн» – ломать); гулътэ – внимание (из «гу» – сердце и «лътэн» – учитывать); гунэс – удовлетворяющий (из «гу» – сердце и «нэсын» – достигать, доходить); гунэф – тупой, тупоумный (из «гу» – сердце и «нэф» – слепой); гуныкъуэн – печалиться, расстраиваться (из «гу» – сердце и «ныкъуэ» – половина); гупсэ – середина, центр (из «гу» сердце и «псэ» душа); гурыфI – веселое настроение, доброжелательность (из «гу» сердце и «фы» хороший); гурыхуэ – способный, памятливым (из «гу» – сердце, инструментального (по происхождению) аффикса -ры- и глагольной основы -хуэ- «попасть», «упасть»); гурыщхуэ – догадка (сопряженная с недоверием), подозрение (в первой части «гу» сердце с аффиксом -ры-; вторая часть сопоставляется с щхуэ «отрава» -отрава для сердца); гушабэ – мягкосердечный, любезный (из «гу» – сердце и «шабэ» – мягкий); гуштэ – горький урок, поучительный случай (из «гу» сердце и «штэн» пугаться, испугаться); гушхэ – поэт. сердце, главная часть сердца (голова сердца); гушкI – неприязнь, отвращение (из «гу» сердце и «шкIын» – зазнаваться, пресыщаться); гушхыхэ – глубокое горе (из «гу» сердце и «шхыхэн» войти) и т.п.

Метафорической семантикой отличаются и эпитеты с концептом «гу».

О бесчувственном, бессердечном человеке адыги говорят «гу Iув» – бесчувственное сердце (букв.: толстое сердце). О добром, жалостливом, впечатлительном – «гу пIащIэ»: чувствительный (букв.: тонкое сердце). О равнодушном, неотзывчивом – «гу щIыIэ» (букв.: холодное сердце). О замкнутом, скрытном, необщительном – «гу зэкIуэцIылъ» (букв.: завернутое сердце). О милосердном, добросердечном – «гумащIэ» (из «гу» сердце и «мащIэ» малый, мало). Об отзывчивом, открытом человеке – «гупцIанэ» (букв.: раздетое, голое сердце).

Своеобразие адыгского восприятия явлений психической деятельности человека, его языкового сознания проявляется и в том, что концепт «сердце» связан с концептом «память»:

гум игъэхужын – изгладить из памяти (букв.: выбросить из сердца); гум ихужын – изгладиться из памяти (букв.: выпасть из сердца); гум къинэн – запечатлеться, врезаться в память (букв.: остаться в сердце); гум имыхуж – незабываемый, незабвенный (не выпадающий из сердца); гум къыридзэн – вспомнить что-либо мгновенно (западать в сердце).

С концептом «гу» связан и другой концепт – «мудрость» (губзыгъагъэ).

Противопоставление «мудрости» и «глупости» в адыгской языковой картине мира выражено в назидательном контексте:

Губзыгъэм и гуIэгъуэр делэм и гуфIэгъуэщ. – Что умному горе одно, то дураку смешно (букв.: то, что горе для умного, радость для дурака).

Делэ гуэшэгъу нэхтэрэ губзыгъэ дауэгъу. – Чем дележ с глупым, лучше тяжба с умным.
Умение уберечь себя от неприятностей и опасностей расценивается как «ум»:
Псэущхэ губзыгъэ зыгъэллэн ишхыркъым. – Умное животное не съест того, от чего оно может умереть.

«Сердце» присутствует и в концепте «надежда» – гугъэ: Гугъэ здэщымлэм гъащлщылэкъым. – Где нет надежды, и жизни нет; Гугъэр гъащлэм и пкъош. – Надежда – опора жизни.

Реконструкцию представлений адыгов о проявлении различных качеств и состояний человека можно осуществить по соответствующим фразеологизмам. Подобно сложным словам с «забывшейся» (или «стертой») внутренней формой, данные фразеологизмы характеризуются высокой степенью метафоричности:

гум дэлъын – иметь что-л. на сердце; держать в сердце; гум къыхын -взять с потолка ; гум хэгъэлъын – помнить о чём-л.; иметь что-л. в виду; гум игъэлъын – держать про себя (в какую-н. мысль в тайне, с какой-н. целью); гум иубыдэн – запомнить; мотать на ус; зарубить себе на носу; гум ирихъын – понравиться; прийтись по душе (понравиться сердцу); гум пхыклын – воспринять, принять что-л. всем сердцем (букв.: пройти сквозь сердце); гум еуэн – сделать больно кому-л., обидеть кого-л.; огорчиться, воспринять что-л. как тяжкое (букв.: ударить по сердцу); гум техуэн – вытерпеть, выдержать, стерпеть (букв.: поместиться на сердце); гур ихын -испугать кого-л., нагнать страху (букв.: вынуть сердце); гур иудын – морально подавить, напугать кого-л.; огорчить кого-л. (букв.: выбить сердце); гур улэн – ранить чье-л. сердце (обидеть) гур гъэуфыццын – портить кому-л. кровь (букв.: сделать сердце черным); гум пыкI – сколько не жалко, что можно, возможно, если можно (букв.: сколько от сердца отходит); гу щыхуэн – получить удовлетворение (букв.: потереться своим сердцем о...); гум хэлъхъэн – решить что-л. в душе; затаить в сердце (в сердце вложить); гум къыхын – вздуматься, зародиться в голове, прийти в голову (из сердца взять); гур дахэ хуэщлын – успокаивать, одобрять, утешать, приласкать кого-л. (букв.: сделать кому-л. сердце красивым) и т.д.

Своеобразие культурной семантики адыгского концепта «гу» зафиксировано и в многочисленных бинарных противопоставлениях. При этом части тела или органы человека, «вступающие в оппозицию» к сердцу, приобретают, как и «гу», определенный метафорический смысл. Здесь приводятся не художественные переводы их, а буквальные – с целью иллюстрации внутренней формы, наиболее ярко выражающей особенности этнического мировосприятия.

Гу – нэ (сердце – глаз)

Гур земыплъыр нэм илъягъуркъым. – Сердце на что не смотрит, глаз не видит.

Гум къымыштэмэ, нэм къыфлэнэркъым. – Если сердце не принимает, за глаз не цепляется.

Гур маллэ, нэм елъягъу. – Сердце смотрит – глаз видит.

Гур мыгъмэ, нэр гъыркъым. – Сердце если не плачет, глаз не плачет.

Нэм и узыр нахуэщи гум и узыр щэхуш. – Глаза болезнь (проблема) явная, сердца болезнь тайная.

Гум емыкIур нэми екIукъым. – Сердцу что не подходит, глазу тоже не подходит.

Нэм пэжыжъэми гум пэблагъэщ. – От глаза хотя далеко, сердцу близко.

Нэм екIур гуми йокIу. – Глазу что подходит, и сердцу подходит.

Нэфым и нэм хихар и гум хелъхъэж. – У слепца из глаз что взял, в его сердце вкладывает.

Гум къымыхутэр нэм къыфлэнэркъым. – Сердце чего не выследит, за глаз то не цепляется.

Гур мыплъэмэ, нэри плъэркъым. – Сердце если не смотрит (чувствует), глаз тоже не смотрит.

Гум флэфIыр нэм флэдахэщ. – Сердцу что приятно (нравится), глазу красивым кажется.

Гу – щхъэ (сердце – голова)

Гур мыфIмэ, щхъэр флэйш. – Сердце если не хорошее, голова грязная (плохая).

Гу къабзэ, щхъэ цIапIэ. – Сердце чистое, голова подлая.

Игурэ и щхъэрэ зэтелъш. – Его сердце и его голова лежат друг на друге (в согласии).

Игуи и щхьи къэкIыркъым. – Ни в его сердце, ни в его голову не приходит.

В идиоме гуитI-щхьитI (неуверенный, сомневающийся – букв.: два сердца – две головы) о противопоставлении данных концептов можно говорить лишь условно. Более того, идиоматический образ создается здесь как раз благодаря объединению «раздвоенности» того и другого прототипов.

Гу – жьэ (сердце – рот, язык, губы)

Гум имылъыр жьэм кьиуатэркъым. – В сердце что не лежит, рот (язык) не рассказывает. Чего нет в сердце, того нет и на языке.

Игурэ и жьэрэ зэгъусэкъым. – Его сердце и его рот (язык) не в ладу (букв.: не вместе).

Гум илъыр Iупэм щопщэ. – Что в сердце лежит, то на губах дует.

Гум илъыр жьэм желэ. – В сердце что лежит, рот (язык) говорит.

Гу – фэ (сердце – кожа, лицо, вид)

Гум илъыр фэм кьеуатэ. – О том, что в сердце лежит, кожа (вид) говорит.

Гум дэхуэр фэм кьеуатэ. – В сердце что вмещается, кожа (лицо, вид) рассказывает (обнаруживает).

Фэ зытетым гу кIуэцIылъщ. – У кого хороший вид (кожа), сердце в том есть.

Гу – ныбэ (сердце – живот, желудок)

Гум зимыгъэнщIурэ ныбэм зигъэнщIащ. – Сердце не насытилось еще, а живот (желудок) насытился.

И ныбэм зигъэнщIми, и гум зигъэнщIкъым. – Его живот (желудок) даже если насыщается, сердце его не насыщается.

Гу – напэ, нэгу (сердце – лицо)

И напэм уемыплъу игу пхуилъыр зэгъащIэ. – На его лицо не смотри, а узнай, что в его сердце для тебя лежит.

Гум илъыр нэгум кыуегъащIэ. – В сердце что лежит, лицо дает тебе знать.

Гу – Iэ (сердце – рука)

Гур зыхуелэм Iэр лъолэс. – Сердце к чему стремится, рука дотрагивается (достигает).

Гу – лъэ (сердце – ноги)

Гур кIуэдмэ, лъэр щIэкIкъым. – Сердце если отчается, ноги не идут.

Гу – пкъы, Iэпкълъэпкъ (сердце – тело, туловище)

И гур инрэ и пкъыр махэу. – Его сердце (дух) большое, да тело немощное.

Гур жьы хъуркъым, жьы хъур Iэпкълъэпкъырщ. – Сердце не стареет, стареет тело.

Таким образом, по данным адыгской языковой картины мира, сердце осуществляет, помимо физиологической, и другие важнейшие жизненные функции: духовную, этическую, эмоциональную, психологическую и т.д.

9. Цветовые концепты

Цвет – не универсальное понятие. Существуют человеческие сообщества, в которых нет ни собственного, ни заимствованного понятия цвета. Универсальным человеческим понятием является «видение». Однако и поиски «цветовых универсалий» оказались плодотворными для изучения «видения». В этой связи уникальным представляется адыгский концепт плъыфэ: «видение цвета», «как видится (смотрится) цвет». В одном слове, внутренняя форма которого для современных носителей языка «стерта», выражается взаимосвязь универсального понятия «видеть» и цветовой универсалии.

Близким к универсальному воспринимается и различие между ночью (временем, когда человек не видит) и днем (временем, когда он видит). Очевидно, поэтому в большинстве языков мира существенную роль играет различие между «темными» и «светлыми» цветами.

Другой универсалией, связанной с «видением», считается принцип использования типичных черт пейзажа как референциальной рамки при описании категорий зрительного восприятия вообще и «цвета» в особенности. Речь идет о понятии фона (окружения): небо (обычно – синее), солнце (обычно – желтое и блестящее), трава (чаще всего – зеленая), снежные просторы (в норме – белые).

Следующая особенность, связанная с «видением», – универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений. Этот способ описания иллюстрируется кабардинскими прилагательными: дыщэ (золото; сделанный из золота) и дыщафэ (золотой; который

выглядит, как золото), дыжьын (серебро; сделанный из серебра), дыжьыныфэ (серебряный; который выглядит, как серебро) и др.

Рассмотрим обозначения различных цветов в адыгской языковой картине мира.

9.1. Зеленый

Во многих языках для обозначения зеленого цвета служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом. Это в полной мере относится и к современным адыгским языкам. Так, одним из обозначений зеленого цвета является слово удзыфэ – цвета травы; такого цвета, как трава. Однако это не означает, что в восприятии адыгов диапазон зеленых цветов ограничен оттенками травы. Это всего лишь один из концептуальных прототипов зеленого цвета, заключающийся в соотношении с «тем, что растет на земле».

9.2. Голубой – синий

Если во многих языках в обозначении цвета «голубой» предполагается явная ассоциация между концептом данного цвета и концептом «небо», то в адыгских языках такая ассоциация отсутствует. Так, в кабардино-черкесском языке «голубой» – щхъуантлэ, бжэндэхъу джэдыклафэ, а небо – уафэ. Не связано со словами для называния неба и кабардинское обозначение концепта «синий» – щыху. Отсюда и отсутствие наблюдаемого в других языках, в которых различаются «голубой» и «синий», следующего концептуального различия: голубой непосредственно связан с ясным дневным светом, а синий – с отсутствием света ясного дня.

9.3. Черный (темный) – белый (светлый)

Концепты «темный» (о цвете) – фыццэ и «черный» – фыццэ в кабардино-черкесском языке эксплицитно не различаются. Подтверждением этого можно считать обозначение темных оттенков различных цветов: щыху-фыццэ – темно-синий, щхъуантлэ-фыццэ – темно-зеленый и т.п.

Как известно, ключом к раскрытию семантики слов «темный» и «светлый» служит понятие зрения, а прототипическое употребление этих слов связано не с предметами, а со средой. Ср. в кабардинском языке: кыф (темный, лишенный света) – фыццэ (черный, темный – о цвете). Концептуальные ситуации их явной ассоциативной связи выражены в обозначении оттенков цветов с частью «темно-», которая в кабардинском языке, как уже отмечалось, передается концептом «фыццэ».

Ассоциативная связь между белым и хорошей видимостью иллюстрируется в кабардино-черкесском языке соответствующей парой слов: белый – хужь – светлый (о цвете) – сырыху (свет) – нэху (источник освещения).

9.4. Красный

Эквиваленты слов, обозначающих «красный», во многих языках этимологически восходят к названию крови. В кабардино-черкесском языке это плъыжь. Даже если это слово эксплицитно не мотивировано («кровь» в кабардино-черкесском языке – «лты»), общая часть этих слов (лты) позволяет объединить адыгов как носителей некоторой определенной концептуализации для рассматриваемой категории.

В «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» приводится следующее объяснение происхождения слова «плъыжь»:

«Образовано от плъы «розовый», «красный» посредством малопродуктивного суффикса -жь / -жьы (см. также гъуэжь (желтый), хужь (белый)). Производящая основа самостоятельно не употребляется, но ср., например, нэкълплъ (каб.) «розовощекий»,...пшэплъ (каб.) «заря», букв. «красное облако»... Яковлев возводит основу к плъы- «раскалиться», ...однако здесь налицо обратная зависимость (см. плъын)...Рогава вскрывает в адыгском плъы окаменелый классный показатель п- (б-) и лты «кровь» (т.2, 12). По мнению М.А. Кумахова и З.Ю. Кумаховой, «плъыжь» (адыг. плъыжьы) этимологически производно от «лты» -кровь.

Если «плъыжь» не определять через «кровь» (лты), к данному концепту можно подойти под другим углом зрения. Имеется в виду классификация цветов по критерию

«теплый / холодный» цвет. Красный цвет осознается как «теплый», вероятно, потому, что ассоциируется с огнем. Рефлексы такой ассоциативной связи находим и в кабардинском языке: дэпым хуэдэу плъыжъ – «как раскаленные угли, красный».

Итак, если для концептуализации синего и зеленого цветов аналоги нейрофизиологических категорий, спроецированные на человеческую деятельность, очевидны (небо, растительность), то для красного цвета в окружающей действительности нет постоянного образца.

9.5. Названия «смешанных цветов»

Как утверждают физиологи, человек может описать свой опыт цветовосприятия с помощью шести названий цвета: четырех элементарных цветов (красный, желтый, зеленый, синий) и двух крайних точек шкалы монохромных оттенков – черного и белого. За пределами этих цветов остальные цвета концептуализируются как «смешанные». По концепции семантических примитивов эти цвета толкуются следующим образом:

X – оранжевый

о предметах, подобных X-у, можно подумать: они похожи на что-то желтое

в то же самое время можно подумать: они похожи на что-то красное

X – розовый

о предметах, подобных X-у, можно подумать: они похожи на что-то красное

в то же самое время можно подумать: они похожи на что-то белое

X – серый

о предметах, подобных X-у, можно подумать: они похожи на что-то черное

в то же самое время можно подумать: они похожи на что-то белое

X – фиолетовый

о предметах, подобных X-у, можно подумать: они похожи на что-то синее

в то же самое время можно подумать: они похожи на что-то красное.

Рассмотрим указанные цветовые концепты в кабардино-черкесском языке.

«Оранжевый» – гъуэжъ-плъыжъфэ: желто-красного вида (цвета), похож на желтый и красный.

«Розовый» – тхъэмбылыфэ: букв. цвета легкого, органа человека.

«Серый» – щхъуэ (употребляется и в значении «стальной» – о цвете).

«Фиолетовый» – морэ .

Концепт «гъуэжъ-плъыжъфэ» (оранжевый) мотивирован эксплицитно и «вписывается» в формат толкований семантических толкований.

В концепте «розовый» (тхъэмбылыфэ) наблюдается редчайший случай использования человеком при обозначении цвета прототипа из органического мира.

Перевод серого цвета как «щхъуэ» реально употребляется в речи адыгов и для обозначения синего, голубого, зеленого.

Что касается фиолетового цвета, то ни в одном из существующих словарей не зафиксирован концепт «щхъуэплъ», обозначающий сочетание синего и красного цветов, что заложено и во внутренней форме данного слова. В этом случае подтверждается семантический примитив.

Наиболее явно иллюстрируется механизм функционирования семантических примитивов в кабардинских цветовых обозначениях тхъэмбылыфэ («то, что похоже – или имеет вид – на легкие») и бжэндэхъу джэдыклафэ («цвета яйца скворца»).

9.5.1. Коричневый

Данный концепт относится к более спорной и неоднородной категории, чем предыдущие «составные» цвета. Это связано с неоднородностью спектра коричневых цветов: темно-серовато-оранжевые, темно-сероватые, черновато-желтые, красно-коричневые, оливково-коричневые.

Анализ названий, являющихся ближайшими соответствиями во многих языках мира для обозначения коричневого цвета, показал, что они концептуализируются не сами по себе и даже не в терминах «смеси» других цветов, а, скорее всего, имеют позитивную

модель (образец). В качестве такого образца предлагается земля (почва).

Таким образом, и в случае толкования концепта «коричневый» осуществляется принцип выделения естественного прототипа из окружающей среды.

В контексте всего сказанного о «коричневом» уместно привести бытующий в адыгской народной культуре концепт ятІафэ – «цвета грязи» (ятІэ – грязь).

Очевидно, «ятІафэ» (цвета грязи) – более адекватное название коричневого, что согласуется и с положением о том, что концепт «коричневый» имеет в качестве прототипа «земную поверхность». «Голая земля» (именно в таком состоянии она напоминает цвет грязи) относится к важнейшему зрительному и экзистенциальному ориентиру человека в жизни.

Рассмотрение обозначения цвета у адыгов в контексте исследования «универсалий зрительного восприятия» подтверждает следующие тезисы.

Концепт «цвет» основывается на концепте «видение». Цветовые концепты определенным образом связаны с конкретными универсальными «элементами человеческого опыта»: день, ночь, солнце, огонь, растительность, небо, земля и т.д. Цветовые ощущения возникают у нас в мозгу, а не в окружающей действительности.

Значения названий цвета, несмотря на связь с человеческой нейрофизиологией, являются артефактами культуры.

10. Концепт «дахэ»

Понятие красивого (дахэ) распространяется как на природный мир, так и на духовный. Здесь оно рассматривается в основном в контексте последнего. В лингвокультурной традиции адыгов семантическое поле «дахэ» выходит за пределы сугубо эстетического представления о красоте. Это предопределено, очевидно, спецификой адыгской этической системы, которая основывается прежде всего на культурно-семантических полях концепта «совесть». Поэтому для адыгов «чистая совесть» важнее эстетического представления о красоте: Напэншэ нэхърэ нэкъэпакъэ. – Чем быть бессовестным, лучше быть безобразным.

Культурные предпосылки, отраженные в пословицах, обнаруживают определенную «эстетическую логику» адыгского мышления.

Маркированность индивидуальности – характернейшая особенность эстетики мироощущения адыгов. Как правило, она выражается в бинарной оппозиции «свое – чужое»: Уи дахэ нэхърэ си Іей. – Чем твое красивое, лучше мое некрасивое; Іейми, уэуейр нэхъыфІщ. – Если даже плохое, твое лучше. Однако крайняя степень индивидуализма может быть выражена и вне оппозиции: Зи лъакъуэ зыфІэмыдахэрэ зи щхъэ зыфІэмыхейрэ щыІэкъым. – Нет такого (человека), кому свои ноги не кажутся красивыми и кто не считает себя правым.

Наряду с такими категоричными «культурными сценариями» в адыгской языковой картине мира наблюдаются и рациональные характеристики: Дахэ мыжэ нэхърэ Іей жэр. – Чем красивый не бегущий (конь), лучше некрасивый бегущий; Дахэ нэхърэ фІы. – Чем красивое, лучшее хорошее; ДахэжыІэ нэхърэ дахашІэ. – Чем красиво говорящий, лучше красиво делающий.

В адыгской языковой картине мира присутствуют и представления о всеильности «красоты добра»: Дахэм блэр гъуэмбым къреш. – Добром можно змею из норы выманить; Дахэ зыхэмызагъэ щыІэкъым. – Нет человека, с которым нельзя было бы договориться по-хорошему.

Толерантность адыгов, диалектичность их образа мышления проявляется и через эстетические ощущения: Шыпсыранэрэ пэт зы дахэгъуэ иІэщ. – Крапива – и та бывает красива в определенный период.

Субъективность в восприятии красоты неизбежна: Уигу ирихъыр ІэфІщ, фІлуэ плъагъур дахэщ. – То, что (тебе) нравится, приятно, а тот, кого (ты) любишь, красив.

Очевидно, излишнее красноречие ассоциируется у адыгов с лицемерием, лестью: Дахэ жызымыІэм укыгъапцІэркъым. – Кто не льстит (буквально – красиво не говорит), тот не обманывает.

Проявление интеллектуальных способностей – высший критерий оценки человека:

Жэщым и дахэр мазагъуэщ, цыхум и дахэр акъылщ. – Красота ночи в полнолунии, а человека – в разуме (мудрости).

Чувство меры – этическая категория, соотносимая со здоровым смыслом. Своевременность как одна из форм проявления данной категории возводится адыгами в эстетическое качество: Зи чэзур дахэщ. – Красиво то, что своевременно.

Взаимодетерминированность этического и эстетического в адыгском мироощущении иллюстрируется следующими пословицами:

Дахэр зыгъэдахэр и щэнщ. – Красивого делает красивым его нрав, характер; Дахэр пагэмэ, пуд мэхъу. – Заносчивость (высокомерие) красавицы умаляет ее достоинства.

Языковой материал, отражающий рефлексию адыгов в «культурных сценариях» эстетики мироощущения, иллюстрирует абсолютность соотношенности человека с самим собой в понятии достоинства.

Таким образом, в эстетическом мироощущении адыгов «дахэ» – практически все, что оценивается в культурной традиции позитивно. Поэтому это не всегда сугубо эстетическая категория. Более того, она, как правило, наполняется смыслом в определенном этическом контексте.

11. Концепт «зауэ» (война)

Культурные предпосылки, отраженные в стандартных формулах, обнаруживают определенную последовательность «культурной логики» адыгской этики, куда входит и этика воина и войны в целом. В этом смысле характерно следующее изречение из адыгского героического эпоса «Нарты»:

Нарт зэфIэнэр нарт зэзауэщ, нарт зэзауэр лъэпкъгъэкIуэдщ – Ссора нартов – война нартов, война нартов – гибель народа.

Возможно, это и есть основной стереотип адыгской антивоенной культуры, позволяющий непредвзято сформулировать нормы воинской этики адыгов.

Как известно, реальность каких-либо норм становится очевиднее, когда они нарушены. К нарушению межэтнических контактов прежде всего относится война. В адыгской языковой картине мира это номинировано концептом «зауэ».

Концептом «зауэ» выражается и «война», и «драка», и «бой» (сражение). Указанные понятия дифференцируются в контексте или в речевой ситуации. Семантическое поле концепта «зауэ» в составе сложных слов и идиом не выходит за рамки универсальных стереотипов, связанных с возникновением, началом, продолжением, развязыванием, ведением войны и т.д. Собственно «культурные сценарии» развертываются в пословицах, поговорках, фольклорных текстах. К наиболее метафоричным пословицам можно отнести следующие:

Зауэ джэгурэ дауэ джэгурэ щыIэкъым. – Войны-шутки (игры) и спора-шутки (игры) не бывает.

Зауэ зыгъажъэ и щхъэ лажъэ хохуэж. – Кто войну начинает, тот (того голова) и в беду попадает.

Зауэ зыщакIа кIуажэрэ ябгынэжа хэкужэрэ. – Село, где проходила война, что покинутая родина.

Зауэ уIэгъэншэ хIуркъым. – Война без раненых не бывает.

Зауэм и кIэр хъэдагъэщ. – Конец войны печален (плач).

Зауэ тыншрэ шэ фэбжыфIэрэ щыIэкъым. – Не бывает легкой войны и хорошего увечья.

Зауэм хэту джатэ хIэху яткъым. – В войне находясь, в долг меч не дают.

В культурно-семантическое поле войны входит и концепт «войско» – «дзэ»:

Дзэм хамэ яхэткъым. – В войске чужих не бывает.

Дзэ зыгъашхэм шхын хэплъыхь ищIыркъым. – Кто войско кормит, в еде не разборчив.

Зы кIэрабгъэм дзэ псор егъэкIуэд. – Один трус все войско губит.

Зыщымышынэ и дзэ кIрадзэркъым. – Кого не боятся, его войска не признают.

Одним из лучших пожеланий адыгов было следующее: ДзэкIэ мащIэу, хIэщIэкIэ куэдэ. – Меньше воинов, да больше гостей.

В семантическое поле войны входит и мужество, доблесть, храбрость воина. В

адыгской языковой картине мира «культурные сценарии» данного понятия включают в себя как непосредственно личностные качества воина, так и их опосредованное проявление через владение оружием или выражение отношения к нему:

Лшым и лыгъэр зауэм къыщакъыху. – Мужество мужчины узнают на войне.

Лшыгъэ зилэм лэщэр ейщ. – У кого мужество есть, тому и оружие принадлежит.

Лшыгъэм лэщэр хуэжылэщлэщ. – Мужеству оружие подчиняется.

Лыхъужь и джатэ бзэщхъуркъым. – Героя меч не промахивается.

Имыгъуэу уи джатэ къыумых, къипхамэ, лыгъэншэу иумылъхъэж. – Не вовремя (некстати) свой меч не вынимай, если же вынул, трусливо не вкладывай его обратно.

Свои «культурные сценарии» имеет и понятие врага, входящее в круг проблемы «война – вражда».

Стереотипы установок по отношению к врагу закреплены во многих адыгских пословицах и поговорках.

Бийм ущысхъмэ къыпщысхъыжыркъым. – Врага если пожалеешь, (он) тебя не пощадит.

Бийм ущысхъмэ, улэгъэ ухъунщ. – Пожалеешь врага – будешь ранен.

Уи бийм уи щыб хуумыгъазэ. – Не поворачивай к врагу свою спину.

Биижъ умыгъэблагъэ, уи адэ и благъэжъ умыбгынэ. – Со старым (заклятым) врагом не родись, отца своего старых родственников (близких) не забывай.

Благъэжъ биижъ хъуркъым, биижъ благъэжъ хъуркъым. – Давний родственник заклтым врагом не становится, давний враг близким родственником не становится.

Итак, круг адыгских речевых стратегий, связанных с проблемой «война – вражда», можно понять лишь со ссылкой на иерархию определенных этико-культурных установок. Последняя же, как известно, может различаться, что и отражается в языковых картинах мира.

Глава вторая. ФРАЗЕОЛОГИЯ

I. Структурно-семантическая характеристика

1. Предварительные замечания

Кроме отдельных слов и морфем, в языке существуют и более сложные языковые образования, называемые фразеологизмами или фразеологическими единицами (ФЕ), например: *зэрымыт Іэтицэ игъэувэн* ≈ «делать из мухи слона», *гум цубыдэн* «запомнить», *диным икӀын* «потерять рассудок» и т. д.

В целях раскрытия специфических особенностей и характерных признаков, свойственных фразеологическим единицам, следует отграничить их как от свободных сочетаний слов, так и от отдельных слов.

Принципиальное отличие ФЕ от свободного сочетания слов состоит в том, что оно, как и слово, функционирующее в системе языка, не образуется в процессе общения, а воспроизводится как готовая значимая лингвистическая единица. Это качество сближает фразеологизм со словом и отграничивает его от свободного словосочетания.

Так, фразеологические единицы типа *адэкӀи-мыдэкӀи нэмыс* «ни туда, ни сюда», «ни то, ни сё», *мышьыр зрагъэхъ* ≈ «козел отпущения», *бжъынэм игъэпщын* ≈ «показать кузькину мать» и т.п. не создаются в процессе общения, подобно свободным сочетаниям слов типа *унэм щӀыхъэн* «зайти в дом», *Іэнэ хъурей* «круглый стол», *хъыджэбз дахэ* «красивая девушка» и т. д.

Как видно из этих примеров, свободные сочетания слов создаются по грамматическим нормам того или иного языка, при непосредственном языковом общении для выражения определенной мысли. В свободное сочетание входят как знаменательные, так и служебные слова, при этом знаменательные слова выступают в функции самостоятельных членов предложения. Свободное словосочетание является синтаксическим сочетанием.

В отличие от свободных синтаксических сочетаний фразеологические единицы не создаются в процессе речи, а воспроизводятся как готовые целостные единицы, имеющие фиксированную форму и определенное значение, т. е. устойчивость фразеологизма обуславливается тем, что он состоит из строго определенных слов-компонентов, и замена одного из компонентов неизбежно влечет за собой изменение значения фразеологизма в целом.

2. Семантика и структура ФЕ

Являясь воспроизводимой лингвистической единицей, состоящей из слов-компонентов, фразеологическая единица функционирует в языке как цельное образование, обладающее специфической семантикой.

Степень функционального участия компонентов в формировании целостной семантики ФЕ может быть различной. Это устанавливается методом аппликации, позволяющим противопоставить ФЕ свободному словосочетанию такого же лексического состава. Если при сопоставлении обнаруживается, что фразеологизм на фоне свободного омонимичного словосочетания обладает образностью, в основе которой лежит метафора, то в данном случае степень функционального участия всех компонентов в формировании целостной семантики ФЕ примерно одинакова. Это означает, что фразеологизм обладает в

данном случае мотивированной целостной семантикой. К таким фразеологизмам относятся: *пцэм дэсын* ≈ «сидеть на шее у кого-л.»; *дурэшым дэдзэжын* «бросить что-л.»; «отвернуться, отказаться от чего-л.»; *тхэкълумэр луэнтлэн* «предупредить строго-настрого» ≈ «накрутить хвост»; *бзэгум едзэкэжын* ≈ «прикусить язык»; *бгъэдыхъэлэ къыхуэгъуэтын* ≈ «найти подход к кому-чему-л.».

В тех же случаях, когда фразеологизм с точки зрения современного языкового восприятия не налагается на свободное словосочетание ввиду невозможности его образовать, но общая семантика фразеологизма оказывается мотивированной, значение фразеологической единицы следует считать частично целостным, например: *нэцхъ пыджэ* «суровый взгляд» ≈ «колючий взгляд»; *гузэвэгъуэ щылэ* «холодный ужас»; *благъэ кланэ* «дальние родственники»; *плагтэ мыгъуэ* ≈ «горький хлеб».

В единицах данного типа отдельные компоненты имеют семантическую соотнесенность (но не тождество) с однозвучными словами свободного употребления.

При сопоставительном рассмотрении семантики фразеологических и лексических единиц обращает на себя внимание и то обстоятельство, что значение большинства фразеологизмов не выводится ни из значения составляющих его компонентов, ни тем более из значения слов свободного употребления, которые входят в состав омонимичного свободного словосочетания, ср.: *хъарбызитлэ зы лэклэ зехъэн* ≈ «пытаться сидеть на двух стульях; погнаться за двумя зайцами» (букв.: пытаться удерживать два арбуза одной рукой); *зы фалъэ йошхылэ* ≈ «их водой не разольешь» (букв.: они едят из одной миски); *щлакълуэ кланэ теувэн* – «вызвать кого-л. на дуэль; ≈ бросить кому-л. перчатку» (букв.: становиться на полу бурки).

Что же касается семантики производной лексической единицы, то она мотивирована значением того слова, от которого она происходит, ср.: *лэжъакълуэ* «рабочий» от *лэжъэн* «работать», *къэфакълуэ* «танцор» от *къэфэн* «танцевать», *мэлыхъуэ* «чабан» от *мэл* «овца» и т. д.

Таким образом, роль и место компонентов или морфем в семантической структуре фразеологических или лексических единиц определяется характером мотивировки фразеологизма и слова.

При сопоставлении семантических особенностей фразеологических и лексических единиц обращает на себя внимание тот факт, что семантический объем ФЕ не совпадает с семантическим объемом слова, т. е. при соположении их смыслового объема обычно у ФЕ обнаруживается семантический избыток, например: *уазэрэ бзууэ зэтегъуаш* ≈ «кожа да кости» – это не просто *гъуриц* «худой», а *икъуклэ гъуриц* «очень худой»; *щхъэр флуудыжу* ≈ «сломя голову» – не просто *псынцилэу* «быстро», а *икъуклэ псынцилэу* «очень быстро» и т. д. Данное явление объясняется тем, что ФЕ, в отличие от слова, свойственна повышенная экспрессивность. Именно поэтому значение ФЕ в большинстве случаев может быть наиболее полно передано не с помощью отдельного слова, а описательно. Следует при этом отметить, что чем сложнее структура толкуемого фразеологизма, тем труднее передать его значение при помощи однословного эквивалента.

Возможность подбора лексического эквивалента (в тех случаях, когда это возможно) свидетельствует о семантической спаянности, монолитности ФЕ, ибо между ее компонентами и лексическим эквивалентом устанавливается семантическая связь еще более условного характера, которую можно квалифицировать как синонимическое отношение между лингвистическими единицами различного уровня. Например: *зэрымът*

Іэтищэ игъэувэн – щІэгъэтхъэн «сильно преувеличивать»; *≈* «делает из мухи слона»; *зи щхъэ щымыІэ – къэт* «отсутствующий»; *хэх имыщІу – хэллгыхъыншэу* «не перебирая» *≈* «без разбору».

3. Номинативная и оценочная семантика ФЕ

При сопоставлении фразеологического значения с лексическим обнаруживается целый ряд различий между ними, одно из которых заключается в различном характере соотношения номинативного и оценочного значения.

Анализ семантической системы лексических единиц кабардино-черкесского языка позволяет выделить следующие типы значения:

1. Лексические единицы, обладающие номинативным значением. Слова, входящие в данную группу, отражают непосредственно предметы и явления внеязыковой действительности. Внутри данной категории слов можно выделить две подгруппы: а) слова с собственно номинативным значением (*унэ* «дом», *псэлгъэн* «говорить», *фІыцІэ* «черный», *хуэму* «медленно», *Мурат* «Мурат»); б) слова с терминологическим значением (*щыІэцІэ* «имя существительное», *плІалэ* «мера длины, равная ширине четырех пальцев»). Абсолютное большинство слов относится к данному типу, т. е. к словам, имеющим номинативное значение.

2. Знаменательные лексические единицы, не обладающие номинативным значением. Сюда относятся слова и словосочетания, имеющие только модальное значение, например: *шэч хэмылгу* «безусловно», *Іэмалыншэу* «в безвыходном положении». Значение единиц указанного типа заключается в передаче отношения говорящего к высказываемому. К данной группе примыкают большое количество слов в их вторичном, переносном значении: *бажэ* «лиса» («хитрый»), *ажал* «смерть» («противный») и т. д.

3. Слова, одновременно сочетающие в себе номинативное и модальное значение. К данному типу относятся слова, образуемые при помощи суффиксов субъективной оценки: *Іэ – Іэжъ* «рука – ручища».

4. Слова с дейктическим (указательным) значением. Сюда относятся местоимения: *сэ* «я», *уэ* «ты» и т. д.

5. Слова с эмоциональным значением. К этому типу относятся слова междометного характера: *уай* «ой», *Іыхъ* «ох» и т. п.

Фразеологизмы количественно распределяются по приведенным группам в совершенно других пропорциях.

1. К типу номинативных единиц можно отнести сравнительно небольшое количество ФЕ. Это фразеологизмы субстантивного характера, которые могут выполнять синтаксические функции имени, например: *гум къыдэжэя* «что внезапно пришло в голову»; *дунейм ехыжа* «усопший, покойный» *≈* «ушедший в мир иной»; *Іуэхум щымыщ* «к делу не относящийся» *≈* «ни к селу, ни к городу».

2. Фразеологические единицы, обладающие оценочной семантикой. Сюда относятся многие субстантивные фразеологизмы: *жыхъэрмэ дакъэжъ* «закоренелый грешник»; *джэду хъэжы* *≈* «ладанка на вороту, а черт на шее»; *джэдыгу нІаргъ* (презрит.) «старая, ссохшая шуба» (о бедном, невзрачном человеке) и др.

3. ФЕ, совмещающие в себе номинативное и оценочное значения. Этот тип является наиболее многочисленным. В одном контексте у них преобладает номинативная семантика, а в другом – оценочная, т. е. это единицы оценочного употребления, например: *жъгъыб щыын* 1) «разбить что-л. на мелкие кусочки»; ≈ «разбить что -л. вдребезги»; 2) «убить, уничтожить кого-л.»; *жъзгу дэтысхъэжын* «стать домоседом в силу преклонного возраста; остепениться»; *хъдэр гъеин* 1) «оплакивать покойника»; 2) перен. «быть неповоротливым, медлительным» ≈ «стоять как истукан»; *гурыгъыр ижын* ≈ «оказаться у разбитого корыта» и многие др.

4. ФЕ междометного характера: *цытхъытхъ апций* ≈ «броситься со всех ног»; *уэху алыхъ* ≈ 1) «ах, боже мой»; 2) «дал духу»; *адыдыд мыгъуэ* «о горе мое». Такие ФЕ представляют собой самостоятельный разряд, отличающийся особой экспрессивностью.

В целом для ФЕ модальная окраска является одним из наиболее существенных элементов значения, ибо возникновение ФЕ и его функционирование часто связано с выражением различных модальных оценок и эмоционально-экспрессивных отношений говорящего к окружающей среде. Фразеологизмы дифференцируются на единицы с собственно оценочным значением и с оценочным употреблением. Первые обладают константным оценочным значением, не зависящим от контекста, а вторые обладают оценочным значением в зависимости от контекста. Иначе говоря, собственно оценочное значение является единицей языка, а оценочное употребление – единицей речи.

Следует отметить, что чем выше уровень модально-оценочной семантики фразеологической единицы, тем меньше способен он выполнить собственно номинативную функцию, и наоборот. Так, у многих ФЕ субстантивного характера номинативная функция отнесена и подменена оценочной, например: *джэду хъэжы* ≈ «ладанка на вороту, а черт на шее»; *Іэбжъанэ флей* «хапуга, вор» (букв.: грязные ногти); *хъэ щэхурыпхъуэ* «коварный» ≈ «тихой сапой; тихая собака скорее укусит».

Большинство субстантивных ФЕ имеют или способны иметь оценочное значение. К таким единицам относятся, например:

а) ФЕ, образованные из сочетания существительного с качественным прилагательным: *тхъэкIумэ Iув* ≈ «туг на ухо» (букв.: толстые уши); *бжэп щIакъуэ* «жалкий, ничтожный» (букв.: хромая коза); *акъыл пхэнж* ≈ «кривой ум»;

б) ФЕ, образованные из сочетания существительного с существительным: *гуэгуш джэдыкIамплэ* (шутл.) «веснушчатый» (букв.: скорлупа индюшачьего яйца); *пэшын гуахъуэ* «сопливый» ≈ «молоко на губах не обсохло»;

в) ФЕ, представляющие собой сочетание существительного с причастием: *хъэлэ мыкIуэ* «плохой, никчемный» ≈ «ни тпру ни ну»; *хъэл ІуэнтIа* «человек с норовом»;

г) ФЕ, представляющие собой сочетание местоимения с именами существительными: *зи хъэмтетыгъуэ* «пора могущества»; *си псэ* «душа моя» и др.

Приведенные выше ФЕ обладают различной степенью оценочной семантики. Исходя из степени проявления оценочного значения, субстантивные ФЕ можно условно подразделить на две группы:

а) ФЕ с оценочным употреблением, характеризующиеся ясно выраженной синтаксической мобильностью. Так, фразеологизм *хъэ щэхурыпхъуэ* (в значении «коварный человек») может выполнять синтаксические функции как именного

сказуемого, так подлежащего или дополнения, например: *Хьэ щэхурыпхъуэр нобэ къэкъуащ* «Коварный человек пришел сегодня»; *Ар хьэ щэхурыпхъуэщ* «Он коварный человек».

б) ФЕ с ясно выраженной оценочной семантикой, закрепившиеся в функции сказуемого: *хьэл луэнтла* «человек с норовом»; *акъыл пхэнж* ≈ «кривой ум».

Особенности именных ФЕ, обладающих оценочной семантикой, проявляются более отчетливо в тех случаях, когда они употребляются в функции именного сказуемого. В этой синтаксической функции именное ФЕ наиболее активно выражает адъективно-определятельные качества.

Оценочное значение могут приобретать не только субстантивные, но и глагольные ФЕ. В зависимости от степени отражения оценочной семантики, глагольные ФЕ можно разделить на две условные группы.

В первую, более многочисленную группу, войдут глагольные ФЕ, выражающие оценочное значение и не утратившие своих основных категориальных свойств – вида и времени. Сюда относятся ФЕ оценочного употребления, например: *лэфраклэм едзэкъэжын* ≈ «кусать локоть»; *щхьэр хэлъхьэн* ≈ «поплатиться головой, сложить голову»; *дуней егъэлъагъун* 1) «развлекать кого-л.»; ≈ 2) «показать кузькину мать; показать, где раки зимуют»; *пэр къыпылэлын (къыпыхун)* ≈ «повесить нос»; *лъапсэр гъэгъуэщын (гъэгъун)* «разорить кого-л. до тла».

Указанные ФЕ сочетают в себе противоположные признаки – оценочно-качественное значение, с одной стороны, и категориальное значение динамики – с другой. По мере активизации оценочной семантики ослабевают глагольные признаки, а с ослаблением оценочной семантики повышается активность категориальных признаков глагола.

Отдельную группу составляют глагольные ФЕ собственно оценочного значения, где стержневой глагольный компонент фиксирован в определенной форме. К данной группе можно отнести такие единицы, как: *щыгузгы щыс* «сиди и жди» ≈ «когда рак свистнет; после дождика в четверг»; *дамбыру луащ* «мигом разнеслось»; *лэшрылыу зэхэлъщ* «все перепуталось» ≈ «получился винегрет»; *уафэм сабэ дрепхъей* «рвет и мечет»; *шэрэ лъыуэ зэцлэтиц* «кровь с молоком».

Обособленную группу представляют собой ФЕ, в которых нет грамматически господствующего компонента, а если и есть, то он не оказывает влияния на категориальное значение ФЕ в целом. Интегрирующим признаком подобных ФЕ является их синтаксическое функционирование в роли именного сказуемого. В эту категорию входят ФЕ, характеризующие те или иные свойства субъекта или констатирующие его пассивное пребывание в том или ином состоянии. К таким ФЕ относятся, например: а) некоторые семантически целостные образования поговорочного типа, выполняющие коммуникативные функции: *уи гъусэр ирыуигъэпхыныц* ≈ «пальчики оближешь»; *хьэндьыркъуакъуэ щэ клэлъопклэ* «невезучий, неудачливый»; *и хьэжыклэ псы хэуащ* ≈ «не в духе; нос повесил»; б) некоторые фразеологизмы компаративного характера: *хьэ яубэрэжъам хуэдэщ* ≈ «как побитая собака»; *блэ уэным хуэдэщ* «как змея, как гремучая змея»; *лэшэ хуэдэщ* «словно без рук»; в) часть многокомпонентных именных ФЕ, где в качестве грамматически господствующего компонента выступают: имя существительное (*мэлыфэ зытеубгъуа дыгъужь* ≈ «волк в овечьей шкуре»; *шкла-щлэм игъэдела танэ* «легко одураченный»); имя прилагательное (*щхьэ цыкълу макъышхуэ* «мал, а шуму делает много»; *лупэ зэв джей быхъу* «рот мал, да глотка велика; обжорливый»); причастие (*шы дахэ мыжэ* ≈ «снаружи мило, внутри сгнило»; *анэм лъыуэ къылъхуа* ≈ «настоящий мужчина»).

Семантическое содержание подобных ФЕ наиболее полно передается с помощью прилагательных оценочного типа, следовательно, атрибутивная семантика преобладает здесь над категориальной семантикой предметности и действия. Иначе говоря, ФЕ подобного рода как семантически, так и синтаксически соотносятся с прилагательными, т.е. они имеют адъективный характер. Так, например, значение фразеологизма *Іэншэ хуэдэ* «словно без рук» может быть передано при помощи прилагательного *ІэмыкІуэлъэмы-кІуэ* «неумелый, неловкий», а смысл фразеологизма *анэм лЫуэ кълъхуа* ≈ «настоящий мужчина» передается словом *лЫхъу* «мужественный, храбрый».

4. Образность и информативность ФЕ

В основе формирования лингвистического образа, как известно, лежат метафоры, метонимия и сравнения. Именно на их базе построены многие фразеологические единицы. Например, метафорическое переосмысление положено в основу таких фразеологизмов, как: *цыр щын* ≈ «показать, где раки зимуют» (букв.: остричь кого-л.); *хъэдэр гъеин* «быть неповоротливым, медлительным; стоять как истукан» (букв.: оплакивать покойника); *цыпэ хэмыгъэхун* «не дать упасть ни одному волосу»; *жытыр гъэхуэбэн* «дать взятку, подмазать» (букв.: погреть кому-л. карман).

На основе метонимии построены фразеологизмы: *пэ къащыкъ* «большой нос, нос картошкой» (букв.: нос черпаком); *джэдыгу пІаргъ* «неопрятный, невзрачный человек» (букв.: ссохшаяся шуба); *адакъэ лъэджажэ* «петух со шпорами» (о неказистом, низкорослом человеке с претензиями на солидность).

Наиболее распространенной формой образности является метафоричность, которая устанавливается методом аппликации, т.е. наложения той или иной фразеологической единицы на переменное словосочетание такого же лексического состава. Если в процессе аппликации обнаруживается, что фразеологической единице может быть противопоставлено свободное словосочетание одинакового лексического состава, то подобная фразеологическая единица считается метафорически переосмысленной, образной, например: *пэр дэгъэзеин* в буквальном смысле «поднимать нос», тогда как в переносном, образном значении эта единица означает: важничать, зазнаваться, задирать нос; *щхъэр течын* «вывести на чистую воду» (букв.: сорвать с чего-л. крышку); *псэр дзапэкІэ Іыгъын* «находиться в состоянии тревоги, сильного беспокойства» (букв.: держать свою душу передними зубами).

Часть метафорически переосмысленных фразеологизмов сохраняет какую-то связь с внутренним образом омонимичного свободного словосочетания. В этом случае мы имеем дело с мотивированными ФЕ. Если же подобная связь утрачена, то здесь речь идет уже о демотивированных ФЕ. Чем слабее осознается образность (метафоричность), тем менее мотивировано значение фразеологизма и, следовательно, целостно.

Вопрос об образности тесно соприкасается с вопросом об информативности ФЕ. Именно образность обуславливает информативный потенциал ФЕ, зависящий от степени их мотивированности.

5. Фразеологические единицы негативной формы

К числу фразеологизмов, содержащих в исходной форме и функционирующих всегда с отрицанием, относятся: *и сурэтым итыжскъым* ≈ «на нем лица нет»; *пцІыхъэпІэу и гум къэкІыркъым* ≈ «ему и в голову не приходило»; *нэкІафэкІэ темыгъэпІээн* ≈ «не дать

взглянуть даже краем глаза»; *нэм къимыхъыжын* «разочароваться в чем-л., потерять интерес к чему-л.»; *къехъэкI-нехъэкI хэмылгу* «открыто, откровенно, прямо»; *щысхъырабгъу имылэу* «безжалостно, беспощадно»; *хъэлэ мыкIуэ* «плохой, никчемный» ≈ «ни тпру ни ну»; *бгъэ дамэнишэ* «орел без крыльев».

Приведенные ФЕ сформировались и функционируют в системе кабардино-черкесского языка в негативной форме. Попытка включить их в позитивную форму ведет к разрушению как внешней, так и внутренней формы фразеологизма и к распаду его как лингвистической единицы.

Некоторые фразеологизмы имеют две формы – утвердительную и отрицательную: *бэуэгъуэ гъуэтын* «иметь возможность сделать перерыв, перевести дух» – *бэуэгъуэ мыгъуэтын* «не иметь возможности сделать перерыв, перевести дух»; *гуащIэм дэкIын* «под силу» – *гуащIэм дэмыкIын* «не под силу»; *гум ирихъын* «понравиться» – *гум иримыхъын* «не понравиться» ≈ «не прийтись по душе».

Отрицательное значение в семантической структуре фразеологизма, формально выражаемое негативными морфемами (*-къым, мы-, -нишэ*), может содержаться: а) в составе глагольного компонента: *Си гупсысэр хуэкIуэркъым (техуэркъым)* ≈ «ума не приложу»; *жилэр ищIэжыркъым* «не знает, что говорить; болтает что попало»; *жъэм къекIуэркъым* ≈ «язык не поворачивается (сказать)»; *гъунэ къыдэмыгъэплъын* «намного превосходить кого-л. в чем-л.»; *пщIэ къытемынэн* «не остаться в долгу»; б) в составе деепричастия: *хилхъэ щIагъуэ щымылэу* «без всякого усилия; без особого старания»; *хэту щытми емылгу* ≈ «невзирая на лица»; *хъэлым къымынэу* «чрезвычайно, крайне»; *щысхъырабгъу имылэу* «безжалостно, беспощадно»; в) в составе причастия: *хъэлэ мыкIуэ* «плохой, никчемный» ≈ «ни тпру ни ну»; *гу мызагъэ илэн* «быть беспокойным», *зыхуэмышылэ пцтырафэ* «нетерпеливый».

В создании негативной формы некоторых фразеологизмов принимают участие формы отрицательного местоимения: *зыри, зыми* «никто, ничто, ни один», *зыуи* «никак», *зыри мыщIэн* «бездействовать, ничего не делать»; *зыми хуэмыгъэдэн* 1) «ни во что не ставить», 2) «ценить, кого-что-л. очень высоко»; *зыуи къымыдзэн* «не ставить кого-л. ни во что».

Семантический анализ ФЕ, имеющих негативную исходную форму и функционирующих всегда с отрицанием в структуре, дает возможность выделить следующие типы значений, свойственных им:

а) ФЕ негативной формы, имеющие негативно характеризующее значение: *И щхъ бадзэ трихужыфыркъым* «беспомощный» (букв.: не может согнать муху со своей головы); *бгъэдэлъ щылэкъым* 1) «беден»; 2) «умом не блещет»; *бгъэдыхъэпIу бгъэдэкIыпIу илэкъым* ≈ «ни складу ни ладу» (букв.: ни подхода ни отхода); *ди бжэр дэнэкIэ гъэзми ищIэркъым* «не знает даже, куда обращена наша дверь», «не приходит»; *бжэгъукIэ къраудми ищIэркъым* «ничего не понимает, не смыслит в чем-л.» ≈ «ни в зуб ногой»; *бзу ишхын кIэрылкъым* ≈ «кожа да кости»; *благъэкъым, жъагъэкъым* ≈ «без роду без племени» ≈ «ни брата ни свата»; *унэкъым, пщIантIэкъым* ≈ «ни кола ни двора»; *игу къыдэжыркъым* «ему нездоровится, чувствует недомогание»;

б) ФЕ негативной формы, обладающие позитивно характеризующим значением: *бадзэ игъэлгъэтэнкъым* ≈ «и мухи не обидит»; *дауи-щхъэуи хэмылгу* 1) «без спора, без скандала, тихо-мирно»; 2) «очень просто»; *дэнэми фIыкъым* «прекрасно, очень хорошо»; *еш имышIэу* «без устали, не зная устали»;

в) ФЕ негативной формы с нейтральным значением: *дыхъэш хэмылзу* ≈ «без смеху»; *джэгу хэмылзу* ≈ «шутки в сторону, без шуток»; *дым жимылзу* «беззвучно»;

г) ФЕ негативной формы, значения которых конкретизируются в контексте. Так, негативность или позитивность значения фразеологизма негативной формы *зыри жымылэн* «молчать, ничего не говорить, ничего не отвечать» может быть выявлена в процессе коммуникативной актуализации номинативного значения указанного фразеологизма. Например, в предложении *Бийм ялэщыхъа зауэлым, щэху кърагъэлэуэтэну дапхуэдизу къыхамыгъэзыхъами, зыри жилакъым* «Как ни пытались поймавшего в руки противника бойца, пытались вывести у него военные секреты, он не сказал ничего». Анализируемая единица негативной формы имеет положительно характеризующее значение, а в предложении *Егъэджакулэр сыт хуэдизрэ емыуицлами, экзамен зыт студентым зыри жилакъым* «Сколько вопросов ни задавал преподаватель, студент, сдававший экзамен, ничего не ответил» тот же фразеологизм имеет уже отрицательно характеризующее значение.

Таким образом, негативная форма фразеологизма не всегда и не обязательно предполагает наличие негативного значения. Позитивная форма может быть носителем негативного содержания, и, наоборот, негативная форма может обладать позитивным содержанием. Возможны явления промежуточного, нейтрального характера. Имеются также случаи, когда позитивность или негативность значения ФЕ негативной формы может быть установлена лишь в результате коммуникативной актуализации номинативного значения ФЕ.

6. Лексико-грамматическое значение фразеологических единиц

Характеристика фразеологизмов с точки зрения их соотносительности с частями речи, наряду с другими аспектами анализа, является одним из возможных видов классификации фразеологизмов.

При соотносительности фразеологической единицы с той или иной частью речи следует избавиться от тяготения приравнять ее к слову. Нужно помнить, что фразеологизмы и слова являются единицами различных языковых уровней. Однако, тот факт, что они принадлежат к различным языковым уровням, не только не исключает соотносительности ФЕ со словами, а, наоборот, предполагает ее. Об этом свидетельствует общность синтаксических функций слов и фразеологизмов, являющихся номинативными и экспрессивно-номинативными единицами языка. Несмотря на имеющиеся между ними различия в парадигматике, они обладают, в основном, одинаковыми грамматическими значениями. Поскольку слова и фразеологизмы являются единицами разных языковых уровней, постольку они отображают объективную действительность по-разному. Учитывая данное обстоятельство, их следует рассматривать в пределах общей семантико-грамматической категории, подразделяя при этом на лексико-грамматические и фразеологические классы, соотносимые на основе сходства, но не эквивалентные между собой в силу различия составляющих их языковых единиц.

При решении вопроса о категориальной соотносительности фразеологических единиц мы учитываем факторы лексико-семантической, морфологической и синтаксической соотносительности с той или иной частью речи.

Категориальное значение, являясь частью лексического и фразеологического значения, преломляется в смысловой структуре фразеологической единицы иначе, чем в слове. Фразеологизмы, как известно, образуются по структурной схеме словосложений. В

структуре свободного синтаксического сочетания в функции опорных слов обычно выступают четыре части речи: глагол, имя существительное, имя прилагательное и наречие. Дублируя структурную схему свободных синтаксических сочетаний, фразеологические единицы также соотносятся с указанными частями речи.

Категориальное значение является грамматическим, ибо может содержаться в таких фразеологических или лексических единицах, которые не имеют семантической общности между собой, например: *пэр кзыпылэлын* ≈ «повесить нос»; *кІэмужыр етын* ≈ «показать кузькину мать; дать дрозда»; *Іэпэм едзэкъэжын* «жалеть о чем-л. упущенном» ≈ «кусать локоть»; *ІэмыщІэм илзын* «ведать чем-л.; держать кого-что-л. в руках» и т. п.

Категориальное значение фразеологической единицы или слова неотделимо также от вещественного или понятийного содержания. Так, значение глагольных фразеологических единиц, содержащих глагольный компонент, являющийся показателем категориального значения, толкуется при помощи глагола (или глагольного словосочетания). Например, значение фразеологической единицы *дунейм ехыжын* «отправиться на тот свет» может быть передано с помощью глагола *лІэн* «умереть» или же посредством глагольного словосочетания *гъащІэр ухын* «закончить жизнь». Это подтверждает положение о том, что категориальное значение фразеологической единицы соотносится с вещественным значением.

Но выделение грамматически опорного компонента фразеологической единицы, являющегося идентификатором категориального значения ФЕ, бывает затруднено. Дело в том, что многие фразеологизмы теряют свою грамматическую гибкость. Очень часто соотнесение с частями речи затрудняет особенности компонентного состава самого фразеологизма, так как нередко происходит семантический сдвиг в смысловой структуре.

Наибольшую трудность в плане установления категориальной соотнесенности представляют фразеологические единицы, имеющие не один, а два грамматических центра, например: *абы ижъ кзыпщІухуащ* «на тебя повеяло его ветром»; *и залэ маещ* 1) «сытная пища» (хотя и в малом количестве); 2) «слишком дорогой» (о вещи); *уи жъэм жъэдэлтыр кзыбжъэдитхъынщ* «вырвет изо рта»; *дунейр хурикъуркъым* «все ему мало» ≈ «мир ему тесен». В таких случаях, когда грамматически доминирующий компонент трудно установить, идентификатором категориального значения может стать синтаксическая сочетаемость. Это вполне правомерно, так как фразеологические единицы, соотносящиеся с одной и той же частью речи, образуют своеобразную парадигму, а языковые единицы, как известно, не существуют вне парадигматических и синтаксических отношений, так как эти отношения взаимообусловлены.

Фразеологические единицы кабардино-черкесского языка в зависимости от характера проявления категориальной семантики могут быть подразделены на две группы.

В первую группу входят фразеологические единицы, категориальная семантика которых идентифицируется доминирующим грамматическим компонентом, а во вторую – фразеологизмы, категориальная семантика которых не идентифицируется ведущим компонентом.

6.1. ФЕ с глагольным значением

Лексико-семантическая соотнесенность ФЕ с глагольным значением с глаголами сказывается в том, что и те, и другие обозначают действие или состояние: *махуэлс*

емыгъэфэн 1) «убить, уничтожить»; 2) «сжить со света»; *лъэгущлэтын щлын* 1) «унизить кого-л., закабалить кого-л.»; 2) «отбросить, оставить намерение, мысль, потерять надежду на что-л.»; *гъаблэгу щтэн* «не утолить чувство голода; не наестся (после длительного голодания)»; *≈ «брюхо сыто, да глаза голодны»; щхьэр зэклуэклын ≈ «тронуться умом»; акъыл бгъэдэлъын «быть умным» ≈ «обладать умом».*

Из приведенных примеров видно, что глагольные ФЕ, так же как и обычные глаголы, могут быть однозначными и многозначными, но явление многозначности среди фразеологических единиц менее распространено, чем среди глаголов.

Основное лексическое значение обычно выражается при помощи именных форм, входящих в компонентный состав ФЕ. Сказанное легко подтвердить следующими примерами, где в качестве грамматического центра нескольких фразеологизмов выступает глагол *щлын* «сделать», а идентификаторами семантически являются различные именные компоненты: *жъгъыб щлын* 1) «разбить что-л. на мелкие кусочки» *≈ «разбить вдребезги»; 2) «убить, уничтожить кого-л.»; лэпэдэгъэлэл щлын «запустить что-л., ослабить внимание к чему-л.» ≈ «смотреть сквозь пальцы; пустить на самотек»; лэпэшэкл щлын* 1) «вертеть кем-л.; укротить кого-л.»; 2) «обидеться на кого-л.; затаить злобу»; *лэщыб щлын «забросить, оставить что-л.; отвернуться, отказаться от чего-л.»; луэху щлын* 1) «взяться за что-л.»; 2) «приставать к кому-л.; преследовать кого-л.».

Грамматическая соотнесенность глагольных фразеологизмов с глаголом проявляется в наличии у глагольных ФЕ черт морфологического и синтаксического характера, свойственных глаголу.

Фразеологический материал показывает, что категория переходности и непереходности глагольных фразеологизмов мало чем отличается от той же категории у обычных глаголов. Однако фразеологизмам глагольного характера присуща известная ограниченность в формообразовании, что в свою очередь вызывается своеобразной лексической негибкостью, связанностью. Это, в частности, касается ограничения употребления временных форм у значительной части глагольных фразеологизмов. Наиболее типичной является форма настоящего времени: *пащхьэр къожэх «нос чешется»; бгъэдэлъ щылэкъым* 1) «беден»; 2) «умом не блещет»; *бгъуэтмэ къащтэ ≈ «ищи свищи».* Некоторые фразеологические единицы могут обладать формами времени: *и нанлэр хуадэркъым (хуэдакъым, хуэдэнукъым) ≈ «и в ус не дует, и ухом не ведет».*

Следует отметить, что способностью употребляться во всех временных формах обладают, как правило, все двухкомпонентные фразеологизмы, в то время как многокомпонентные ФЕ имеют тенденцию употребляться только в одной временной форме.

Фразеологизмы глагольного значения могут употребляться в положительном и отрицательном значениях, что говорит об их ярко выраженной модально-экспрессивной окраске: *гур клэрыпщлэн* 1) «привязаться к кому-чему-л.»; 2) «влюбиться в кого-л.» *≈ «присохнуть сердцем»; клэпкъым дэлэн (дэдзын) ≈ «заткнуть кого -л. за пояс»; дунейм темыгъэтын ≈ «не давать кому-л. житья; сживать со свету»; клэнлейклэу къимыдзэн ≈ «ни в грош не ставить».*

Встречаются и такие глагольные модальные фразеологизмы, которые употребляются только в отрицательном значении: *жъыр къыщепщэр ищлэркъым «живет бесечно, не зная заботы»; зэрагъэхъ щылэкъым «не велика разница, не далеко ушли друг от друга»; къыпыпхын щылэкъым «с него нечего взять» ≈ «с него взятки гладки»; иклун*

щылэжкъым ≈ «долго не протянет, ему крышка»; *зыуи къимыдзэн* ≈ «ни во что не ставить кого-л.; и в ус не дуть»; *дунейм темыхуэжын* 1) «беситься, неистовствовать»; 2) «не находить себе места».

Синтаксическая соотнесенность может проявляться в синтаксической функции, выполняемой глагольными ФЕ в предложении.

Анализ фактического материала дает возможность сделать вывод о том, что фразеологические единицы данного типа выступают в функции предикативного члена.

Глагольные фразеологизмы чаще всего бывают постпозитивными, например:

«Хъыджэбз цыкхуэри!» – жиуэри Тини и акъыл къыхилъхъащ (Кыщокъуэ А. «Мазэ ныкъуэ щхъуантлэ») «И девочки тоже!» – бросила свое слово и Тина». *Драматург, артист жыплэурэ мащлэм я акъыл зэбгъэклуэкIа?* (Там же). «Разве мало голов ты вскружил своими рассуждениями о драматургах, артистах?»

Возможны случаи и препозитивного употребления предикативного члена. В этом случае предикат предшествует подлежащему:

Гукъыдэж илэщ абы нобэ (Нартхэр) «У него хорошее настроение сегодня». *Гузэвэгъуэм ихъырт нарт жылэр* (Там же). «Нарты были в отчаянии».

Синтаксическая соотнесенность глагольных ФЕ с глаголом проявляется также в сочетаемости с другими словами в предложениях. Так, глагольная ФЕ может выступать в предложении рядом с глаголом в функции однородного члена предложения, например:

Сабийр бгъэштэнщ, гуицлэуэ ирихынщ, Алыхъым къыпхуимыхъкIэ, ар нэхъ Iеищ (Къашыргъэ Хь. «Лъапсэ быдэ») «Испугаешь ребенка, совсем заболевает, не дай Аллах, это еще хуже».

Однако сочетаемость с другими словами чаще носит характер вклинивания в структуру фразеологизма различных переменных элементов:

Езым гухэлъ лъэпкъ къысхуимылэу къыцлэкIмэ-щэ? («Iуащхъэмахуэ» ж.) «Если он ко мне не питает никаких чувств, тогда как?»

Абы и гуицлэр зы бамплэгъуэ гуэрым кърекъузыкI (Шортэн А. «Бгырысхэр») «Сердце его безжалостно сжимает какая-то тоска».

Абы и списокэм цыху плыщылм щлигъу иритхэри игъэувылащ, и гъаблэгур абыкIэ имыкIа нэтми (Къашыргъэ Хь. «Лъапсэ быдэ») «Он включил в свой список свыше сорока человек и на этом остановился, хотя и не испытал полного удовлетворения».

Как видим, в подобных случаях происходит разрыв единой фразеологической структуры путем введения в нее различных слов, вступающих в синтаксические связи с отдельными компонентами. Но данное явление не приводит к семантическому распаду фразеологизма, а лишь подтверждает положение о том, что ФЕ представляет собой раздельнооформленное образование. Подобное явление встречается в случаях индивидуально-авторского употребления в речи.

На синтаксической основе категориальное значение глагольности может быть осложнено качественно-оценочным фактором, ведущим к соотнесенности ФЕ с двумя (и более) частями речи, т. е. к развитию категориальной полисемии. Например, в кабардино-

черкесском языке многие ФЕ глагольного типа используются для характеристики тех или иных свойств лица или предмета. По мере усиления оценочного фактора у таких ФЕ либо ослабляются свойства глагола, либо утрачиваются совсем.

К ФЕ с четко выраженной оценочной семантикой относятся: *зы фалгэ йошхыкI* «очень дружны, большие друзья», *и пацIэр кэаIакъым* «молодой, неопытный; зеленый»; *шэрэ лъыуэ зэцIэтиц* «здоровый, хорошо выглядит» и др.

Значение ФЕ приведенного типа чаще передается не с помощью глагола, а с помощью имени прилагательного, что свидетельствует об ослаблении функции категориального значения соответствующих ФЕ.

Редукция категориального значения глагольности проявляется в изменении в синтагматическом ряду. Так, некоторые ФЕ, генетически восходящие к глагольным, перешли в разряд адвербиальных, изменив свою синтаксическую связь.

Функция глагольного или отглагольного компонента в структуре таких ФЕ, как *дауэ мыхъуми* «обязательно; как бы там ни было»; *сыт кэамыхъуми* «что бы ни случилось»; «во что бы то ни стало»; *Iэмал имыIэу* «обязательно; непременно»; *Iэджэ цIауэ* «давным-давно» настолько ослабла, что ФЕ получили возможность сочетаться с полнозначными глаголами, перейдя в разряд адвербиальных.

Глагольные фразеологизмы в структурно-грамматическом плане представлены тремя разновидностями: двухкомпонентными, многокомпонентными и предикативно-коммуникативными единицами, обладающими всеми признаками фразеологической единицы. Указанные разновидности подразделяются на различные структурно-грамматические модели.

В двухкомпонентных глагольных ФЕ типа «имя существительное + глагол» имя фиксировано в определенной падежной форме, например: *цхъэр хэлъхъэн* «поплатиться головой, сложить голову где-л.»; *лъыпсыр гъэжэн* «проливать кровь»; *лъэнкIанIэр гъэжанын* «поднять настроение, воодушевить, воодушевиться» (именительный падеж); *гузэвэгъуэм ихъын* «быть в отчаянии»; *гум ежэлIэн* 1) «почувствовать острую боль», 2) «принять что-л. близко к сердцу»; *IэфракIэм едзэкъэжын* ≈ «кусать локоть»; *гум зыэридзэкIын* «затаить обиду» (эргативный падеж); *гукIэ цIэн (зыхэщIэн)* «чувствовать что-л. сердцем, интуитивно»; *жъэкIэ плъэн* ≈ «считать ворон»; *IупскIэ пIын* «взлелеять, заботливо воспитывать кого-л.»; *жъэкIэ дэIуэн* «слушать ртом» (послеложный падеж); *хъэкъыу пхыкIын* «проникнуться чем-л., безусловно верить во что-л.» ≈ «в душу запало»; *IэшрыIыу зэхэлъиц* «все перепуталось» ≈ «получился винегрет» (обстоятельный падеж).

Функционирование именного компонента в определенной падежной форме тесно связано с формированием фразеологической единицы и приобретением его устойчивости. Из приведенных примеров видно, что имя в ФЕ анализируемого типа подверглось консервации в определенной падежной форме, и попытка изменить его падежную форму неизбежно ведет к распаду фразеологизма как в структурном, так и в семантическом плане, лишая значимую единицу языка логического содержания.

В тех же случаях, когда в роли первого компонента выступает неоформленное имя или субстантивированное слово, попытка оформить именным компонентом каким-либо падежным аффиксом в одних случаях ведет к распаду фразеологизма, лишая его

логического содержания, в других случаях – к переходу фразеологизма в разряд свободных сочетаний.

Однако следует отметить, что в некоторых единицах именной компонент может выступать в нулевой форме. Так, некоторые именные компоненты, узואльно функционирующие с аффиксами именительного и эргативного падежей, могут быть употреблены в нулевой форме. В подобных случаях наличие или отсутствие формантов *-р* и *-м* не имеет грамматического значения, ср.: *лъыпсыр гъэжэн* – *лъыпс гъэжэн* ≈ «проливать кровь»; *нэпсыр щлэгъэжын* – *нэпс щлэгъэжын* ≈ «лить слезы в три ручья»; *блащхъуэклийм еджэн* – *блащхъуэклий еджэн* ≈ «криком кричать». Первый компонент приведенных фразеологизмов выражает общее (родовое) значение, что создает возможность чередования формантов *-р* и *-м* с нулем.

Некоторые единицы, в которых в качестве первого компонента выступает имя в нулевой форме, также допускают чередование нуля с аффиксом именительного падежа: *гугъэ илэн* – *гугъэр илэн* «иметь надежду; питать надежду»; *гужъеигъуэ етын* – *гужъеигъуэр етын* ≈ «привести кого-л. в ужас»; *гужъгъэжь илэн* – *гужъгъэжьыр илэн* ≈ «иметь зуб на кого-л.».

В случаях, когда именной компонент фиксирован в творительном или обстоятельном падеже, чередование падежных аффиксов с нулем исключено полностью.

Именной компонент в составе глагольной ФЕ отличается также неподвижностью в рамках числа. Он, как правило, стоит в форме единственного числа независимо от единичности или множественности объекта. Имя существительное в форме единственного числа выражает не только единственное число, но и множественность объектов, т. е. мы имеем дело с немаркированным употреблением формы единственного числа. Это связано с широко распространенным в адыгских языках явлением – наличием так называемого общего числа, характерного для имен существительных, выступающих с недифференцированным значением числа.

Глагольный компонент глагольных ФЕ в зависимости от синтаксического окружения может включаться в парадигму не только глагола, но и имени. Так, ФЕ *луэхур зэлыщлэн* «запутать дело», чтобы включиться в именную парадигму, превращается в *луэхур зэлыщлэ* «запутывающий дело», т. е. от глагола образуется причастная форма, которая сочетает в себе признаки глагола и имени. И тогда ФЕ, точнее ее глагольный компонент, изменяется по падежам:

Им. п.	<i>луэхур зэлыщлэ-р</i>
Эрг. п.	<i>луэхур зэлыщлэ-м</i>
Посл. п.	<i>луэхур зэлыщлэ-м-клэ</i>
Обст. п.	<i>луэхур зэлыщлэ-у</i>

Глагольный компонент ФЕ может изменяться по лицам:

1-е л. ед. ч	<i>луэхур зэлыщлэ</i> «Я запутываю дело»
2-е л. ед. ч.	<i>луэхур зэлыбщлэ</i> «Ты запутываешь дело»

3-е л. ед. ч.	<i>луэхур зэлеуцлэ</i> «Он запутывает дело»
1-е л. мн. ч.	<i>луэхур зэлыдоуцлэ</i> «Мы запутываем дело»
2-е л. мн. ч.	<i>луэхур зэлывоуцлэ</i> «Вы запутываете дело»
3-е л. мн. ч.	<i>луэхур зэлауцлэ</i> «Они запутывают дело»

Глагольная часть глагольных ФЕ образует временные формы, ср.:

луэхур зэлеуцлэ «Он запутывает дело» – настоящее время; *луэхур зэлиуцлауц* «Он запутал дело» – прошедшее время; *луэхур зэлиуцлэнц* «Он запутает дело» – будущее время и т. д.

Возможны также формы разных наклонений: *луэхур зэлиуцлэмэ* – «Если он запутает дело»; *луэхур зэлиуцларэт* – «Хоть бы он запутал дело»; *луэхур зэлыреуцлэ* – «Пусть он запутает дело» и т. д.

В фразеологических единицах типа «имя существительное + глагол» грамматическим центром является глагол, чем и объясняется его грамматическая активность. Что же касается именного компонента, то он является семантическим стержнем фразеологической единицы.

6.2. Именные фЕ

Среди двухкомпонентных именных ФЕ к числу наиболее распространенных структурных моделей относятся следующие: существительное + существительное; существительное + качественное прилагательное; существительное + причастие; существительное + инфинитив.

Первый компонент, выраженный существительным, в большинстве случаев выступает в неопределенной форме, являющейся словарной, назывной, например: *бэзэр псалэ* «болтовня, сплетня» (букв.: базарный разговор); *бэз дыкѳуакѳуэ* «сплетник» (букв.: с раздвоенным языком); *нэцхѳ пыджэ* «суровый, колющий взгляд» и т. д. Попытка включить существительное в подобных ФЕ в парадигму ведет к ее распаду как в структурно-грамматическом, так и в семантическом плане.

В функции первого компонента именных ФЕ могут выступать также имена существительные, оформленные падежным аффиксом. В этом случае первый компонент фиксирован в форме какого-либо одного падежа, например: *мышѳыр зрагѳэхѳ* – «козел отпущения» (именит. п.); *луэхум цымышѳ* «к делу не относится» ≈ «ни к селу ни к городу» (эргатив. п.); *хѳэмэшыпхэмклэ кѳеклуэклэ* – «дальняя родня» ≈ «десятая вода на киселе» (послелож. п.)

Именной компонент отличается неподвижностью в рамках числа. Обычно он стоит в форме единственного числа независимо от единичности или множественности объекта.

Неподвижность первого компонента именных ФЕ в рамках числа объясняется окказиональностью употребления единиц данного типа для характеристики множественных объектов и закреплением формы единственного числа за первым именным компонентом ИФЕ.

Имя существительное в функции второго компонента обычно стоит в нулевой, словарной форме, но оно свободно реализует все падежные формы:

Им. п.	<i>жыхъэнмэ дакъэжъыр</i> «закоренелый грешник»
Эрг. п.	<i>жыхъэнмэ дакъэжъым</i>
Посл. п.	<i>жыхъэнмэ дакъэжъымкIэ</i>
Обст. п.	<i>жыхъэнмэ дакъэжъырауэ</i>

В функции второго компонента бинарных именных ФЕ атрибутивного характера выступают также качественные прилагательные. Бинарные ФЕ модели «существительное + качественное прилагательное» формально ничем не отличаются от свободного синтаксического сочетания – они изменяются как одно слово, т. е. падежные формы и формы множественного числа принимают только качественные прилагательные:

Им. п.	<i>псалъэ дыгъэлыр</i> «красивые слова»
Эрг. п.	<i>псалъэ дыгъэлым</i>
Посл. п.	<i>псалъэ дыгъэлкIэ</i>
Обст. п.	<i>псалъэ дыгъэлу</i>

Употребление второго компонента – качественного прилагательного – во множественном числе носит окказиональный характер в отличие от качественных прилагательных свободного употребления.

Имеются бинарные ИФЕ, которые не допускают употребления второго компонента в форме множественного числа. К ним относятся единицы, в составе которых имеются существительные (в функции второго компонента), преимущественно употребляемые в единственном числе: *щэкI цIынэ* – «ткань низкого качества» (букв.: сырой материал); *дыхъэшх нэпцI* – «усмешка; кривая улыбка» (букв.: деланный, фальшивый смех).

Качественные прилагательные в компонентном составе единиц анализируемого типа могут реализовать формы степеней сравнения: сравнительную и превосходную. Сравнительная степень качественного прилагательного в составе бинарных ИФЕ образуется не путем непосредственного сочетания частицы *нэхъ* с исходной формой прилагательного, а путем постановки ее перед первым именным определяемым компонентом, вследствие чего вся фразеологическая единица обретает форму сравнительной степени: *псалъэ дыгъэл* «красивые слова» – *нэхъ псалъэ дыгъэл* «более красивые слова»; *бий фIыцIэ* «заклятый враг» – *нэхъ бий фIыцIэ* «более заклый враг».

Когда наличествует название предмета, с которым сравнивают другой предмет, частица *нэхъ* повторяется дважды, причем первый раз с суффиксом *-рэ*: *Уэ унцэфIам нэхърэ нэхъ ерыскъы къабзэ срихъэлIакъым* «Я не видел более изысканной пищи, чем той, что ты приготовил».

Могут быть также реализованы усилительные формы сравнительной степени. В этом случае к форме сравнительной степени прибавляется суффикс *-ж*, вносящий добавочное усиление степени преобладания качества и имеющий значение, соответствующее русскому слову «еще», например: *псалъэ мышу* «неуместное,

неприемлемое слово» – *нэхэ псалгэ мышу* «более неуместное, более неприемлемое слово» – *нэхэ псалгэ мышууж* «еще более неуместное, еще более неприемлемое слово».

Путем сочетания с частицами *нэхэри* и *нэхэ* (или только *нэхэри*) образуется сравнительная степень с оттенком усиления степени: *нэхэри нэхэ псалгэ мышу* «еще неуместнее слово». С целью усиления степени преобладания качества в последней форме к прилагательному может быть прибавлен еще суффикс *-ж*: *нэхэри нэхэ псалгэ мышууж* «еще более неуместное слово».

Качественные прилагательные в составе единиц анализируемого типа могут иметь также уменьшительные формы сравнительной степени, образуемые прибавлением суффикса *-луэ* к прилагательному в форме сравнительной степени с частицей *нэхэ*. Суффикс *-луэ* вносит дополнительное значение смягчения степени преобладания качества и соответствует приставке «по-» в русском языке: *фэ плацлэ* «слабонервный, малодушный» – *нэхэ фэ плацлэ* «слабонервнее, малодушнее» – *нэхэ фэ плацлэлуэ* «послабонервнее, помалодушнее».

К форме сравнительной степени могут присоединяться наречия *млэклу-клэ*, *зымлэклу-клэ*, *мацлэклэ*, *зымацлэклэ* со значением «немного», привносящие уменьшительный оттенок: *Ар сэ нэхэрэ млэклу-клэ нэхэ фэ плацлэ* «Он несколько малодушнее меня».

Простые формы превосходной степени выражают высшую степень качества без сравнения с другими предметами и образуются при помощи суффиксов *-цэ*, *-луэ*, *-нс*, *-кле*: *акъыл пхэнж* «кривой ум» – *акъыл пхэнжылуэ* «слишком кривой ум»; *ерыскъы къабзэ* «хорошая, изысканная еда» – *ерыскъы къабзэкле* «очень хорошая, очень изысканная еда» и т. д.

Сложные (аналитические) формы превосходной степени имеют два значения. Первое выражает высшую степень качества по сравнению с таким же качеством других предметов и образуется посредством сочетания частиц *нэхэ* и *дыдэ* с исходной формой прилагательного. При этом частица *нэхэ* предшествует прилагательному, а *дыдэ* следует за прилагательным: *бзэ лэфлэ* «ласковый, добрый на слово» – *нэхэ бзэ лэфлэ дыдэ* «самый ласковый, самый добрый на слово».

Второе значение сложной формы превосходной степени заключается в безотносительном выражении высшей степени качества. Она образуется прибавлением к прилагательному в исходной форме слов *дыдэ*, *лей*, *бзаджэ*, *хуабжэу*, *икъуклэ*, при этом слова *дыдэ*, *лей*, *бзаджэ* обычно следуют за прилагательным, а слова *хуабжэу*, *икъуклэ* ставятся перед определяемым существительным: *ерыскъы къабзэ* «хорошая, изысканная еда» – *ерыскъы къабзэ дыдэ* – *икъуклэ ерыскъы къабзэ дыдэ* «очень хорошая, очень изысканная еда»; *псалгэ мышу* «неуместное слово» – *псалгэ мышу лей* – *псалгэ мышу дыдэ* – *икъуклэ псалгэ мышу* «очень неуместное слово».

Существуют и другие способы выражения степеней сравнения. Следует вместе с тем подчеркнуть, что не все фразеологические единицы анализируемого типа допускают реализацию вторым компонентом – прилагательным форм степеней сравнения и форм оценок. Например: *илгэс хэурей* «круглый год», *ахшэ хужэ* «ассигнация», *сабий лэрыубыд* «ребенок, уже продвигающийся с помощью другого» и др.

Одна из существенных грамматических особенностей единиц разбираемого типа заключается в том, что именные основы, выступающие в функции второго компонента, в зависимости от контекста и смыслового задания, включаются в парадигму статических

глаголов. При этом фразеологизм обретает предикативное оформление, что сближает его с глагольными фразеологическими единицами, например: *Мыр си жьэгу пащхьэщ* «Это (есть) мой семейный очаг»; *Абы и кьару илгыгъуэт* «Он был в расцвете сил»; *Ар Іэбжьанэ флейщ* «Он (есть) хапуга» и т. п.

Таким образом, с включением второго именного компонента ФЕ атрибутивного характера в парадигму глагола изменяется и синтаксическая функция фразеологизма, т. е. он приобретает предикативное значение.

6.3. Наречно-обстоятельственные ФЕ

Основную массу фразеологизмов наречно-обстоятельственного характера составляют устойчивые сочетания, получившие особую синтаксическую специализацию. По семантическому принципу они могут быть разделены на определительные и обстоятельные.

Определительные ФЕ делятся на качественно-определительные и количественно-определительные. К ФЕ первого типа относятся: *хьэлым кьимынэу* «чрезвычайно, крайне»; *гукъыхэщт имылэу* «спокойно; ≈ с легким сердцем»; *щысхьырабгъу имылэу* «безжалостно, беспощадно»; *и цхьэ техауэ* «откровенно; ≈ без обиняков»; *псалгэ нимыдзыжу* «безоговорочно; ≈ без оговорок»; *къехьэкІ-нехьэкІ хэмылгу* «без обиняков».

Примеры количественно-определительных ФЕ: *мэскъал кьыхуэмыту* «без остатка, все»; *щыц кьыхэмынэу* «полностью; ≈ до ниточки»; *псэ зы-Іут кьэмынэу* «все живые; ≈ от мала до велика».

Отдельные качественно-определительные ФЕ, как и наречия подобного типа, могут (контекстуально) иметь степени сравнения, например: *Иджы нэхърэ нэхъ гукъыхэщт имылэу* зэи *псэуакъым ар* «Он никогда не жил спокойнее, чем сейчас»; *Уи гум илгыр нэхъ цхьэтехауэ кьызжелэ* «Расскажи мне более откровенно о том, что у тебя на душе»; *Нэхъри нэхъ и цхьэ техауэ кьэІуатэ уи Іуэхур зытетыр* «Поведай мне более откровенно о том, как обстоят твои дела».

Следует однако отметить, что реализация качественно-определительными ФЕ форм степеней сравнения носит окказиональный характер, в то время как факт употребления качественно-определительных наречий в сравнительной степени имеет узуальный характер.

Что касается количественно-определительных ФЕ, то они не реализуют форм степеней сравнения.

Большинство обстоятельственных ФЕ имеет значение времени, например: *зэ мыхъуми зэ* ≈ «когда-нибудь, в конце концов»; *япэ щІыкІэ* «сначала; прежде чем; на первых порах; в первую голову»; *Іэджэ лъандэрэ* «издавна, с давних пор»; *пщэдджыжь нэмэзым* «рано утром, на рассвете»; *махуэ шэ-джагъуэу* «среди бела дня».

Количество обстоятельственных ФЕ со значением места и направления незначительно. Сюда относятся ФЕ типа: *дэнэ щІынІу* «везде и всюду»; *дэнэ лъэныкъуи* «в любой стороне»; *и занщІэр и гъуэгъуэу* «прямо, напролом».

Наречно-обстоятельственные ФЕ с учетом их структурно-грамматических особенностей делятся на собственно-наречные и обстоятельно-наречные. Их синтаксические функции предопределяются отмеченными выше семантико-

тематическими признаками. Можно выделить следующие разряды наречно-обстоятельственных фразеологизмов по их синтаксической функции.

1. ФЕ, выступающие в функции обстоятельства образа действия. Внутри данного разряда выделяются:

а) единицы, указывающие на высшую ступень того или иного качества, например:

Сэримэрэ Темботрэ я гур кылгэту бжэкъуагъымклэ дэлгэрт (Кыщокъуэ А.) «Сарима и Тембот с трепетом всматривались в угол комнаты».

Нобэ щлалэу сызыыхьам си гур кърисыкълэу псалгэ жалащ (Нартхэр) «Ребята, среди которых я сегодня был, сказали обжигающие мое сердце слова».

Мысырбий шым и лгэ кызырхьклэ жэрт, куэншыбыр губгъуэм ирамыкъухъу нэсыну и мураду («Іуащхэмахуэ») «Мысырби скакал во весь опор, намереваясь успеть, пока на поле не разбросали навоз»;

б) ФЕ, указывающие на характер действия:

Большевикхэм къехьэкІ-нехьэкІ хэмылгъу зыхуейр яукъуэдий хъуащ («Іуащхэмахуэ») «Большевики, открыто, без обиняков стали говорить о своих целях».

в) ФЕ, указывающие на порядок следования чего-либо за чем-либо:

Сабийхэр зым и ужьым зыр иту гъуэгум зэпрыкълэрт «Дети один за другим переходили дорогу».

Цыхухэр зыр адрейм кыклэлъыкълэу зэлущлэр щеклуэкълэну пэшым кыщлхьащ «Люди друг за другом вошли в комнату, где должно было проходить собрание».

2. Наречно-обстоятельственные фразеологизмы, выступающие в функции обстоятельства времени:

Хьэщлэхэр махуэ шэджагъуэу къэсащ «Гости прибыли среди бела дня».

Ахэр пцэдджыжъ нэмэзым къэтэдджын хуейщ «Они должны встать рано утром».

3. Наречно-обстоятельственные ФЕ – обстоятельства места:

Уафэмрэ щлылгэмрэ я зэхуакум уи хэку нэхрэ нэхъ лъанлэ щылэ-къым «На этом свете нет ничего дороже Родины».

А дохутырым и хъыбарыфлэр дэнэ щлпллэу щызэхэпхынуу «Хорошие отзывы об этом враче можно услышать везде и всюду».

Наречно-обстоятельственные ФЕ могут выступать также в синтаксической функции приименного определения, обозначая качественную характеристику предмета или лица, например: *Мыр къланлэ имылэу тхылгыфлэу* «Это очень хорошая книга»; *Щлалэ цълкълур къепсри кылгэтыжауэ и адэм ещхъщ* «Мальчик похож на своего отца, как две капли воды».

Собственно-наречные ФЕ в большинстве случаев структурно представлены двухкомпонентными и трехкомпонентными моделями, в состав которых входят местоименные слова и числительные, например: *сыт хуэдизрэ* «сколько, сколько раз»; *ялэ*

щлыкэ «сначала, прежде чем, на первых порах, в первую очередь»; *зы дакыкэм* ≈ «в одну минуту»; *сыт щыгъуи хуэ-мыдэжу* «как никогда»; *зэ мыхъуми зэ* «когда-нибудь; ≈ в конце концов»; *зы мащлэ дыди* ≈ «мало-мальски».

Большинство наречно-обстоятельственных ФЕ имеет двухкомпонентную структуру, но встречаются также и многокомпонентные единицы.

К числу наиболее распространенных двухкомпонентных структурных моделей относятся ФЕ, образованные из сочетаний:

имени существительного с деепричастной формой: *и пэр дэгъэзэуэ* «задрав нос»; *гукъыхэшт имылэу* «спокойно, ≈ с легким сердцем»; *lumlyp зэтэдзауэ* «сложь руки»; *псалъэ нимыдзыжу* ≈ «без оговорок»;

имени существительного с существительным: *махуэ шэджагъуэу* ≈ «среди бела дня»; *пцэдджыжэ нэмэзым* «рано утром ≈ чуть свет»;

из сочиненных сочетаний существительного с существительным: *уазэрэ бзууэ (зэтегъуащ)* ≈ «кожа да кости»; *пцыхъэплэуи (илъэгъуакъым)* «ни во сне ни наяву не видел»; *и нэгупэкIи и нэщIыбагъэкIи* ≈ «в глаза и за глаза»;

прилагательного с прилагательным: *инрэ надэу* «велик да пуст ≈ велик телом, да мал делом»; *лушэрэ нашэу* ≈ «вкривь и вкось»; *къекIурэ къезэгъуи* «как следует, как подобает; чин чинном»;

причастия с причастием: *нэсри къэсыжауэ (бзэдженаджэщ)* «настоящий негодяй»; *къахыхы яхэкIи (щымылэу)* ≈ «сами по себе».

Отмечаются также наречно-обстоятельственные ФЕ тавтологического характера, компоненты которых представлены словами, относящимися к различным лексико-грамматическим категориям: *дэр-дэру* ≈ «(мы) сами по себе»; *гува-щIэхами* ≈ «рано или поздно». Подобные образования по правилам орфографии пишутся через дефис.

К наречно-обстоятельственным ФЕ многокомпонентной структуры относятся: *и псэр пыт къудейуэ* «с трудом; ≈ еле живой, еле-еле душа в теле; дышать на ладан»; *псалъэ лей хэмылэу* ≈ «без лишних слов, без предисловий»; *псэ зылут къэмынэу* «все живые; ≈ от мала до велика»; *зым Iэпыхур зым къиштэжу* «дружно; ≈ рука об руку».

Компоненты наречно-обстоятельственных ФЕ отличаются большей морфологической стабильностью, чем компоненты глагольных и именных фразеологизмов. Объясняется это их категориальной соотнесенностью с наречием – неизменяемой частью речи. Например, если проанализировать структурную модель, представляющую собой сочетание имени с деепричастной формой, то выявляется, что первый компонент фиксирован в какой-либо одной форме (нулевой или падежной), попытка изменить эту форму ведет к структурно-грамматическому распаду фразеологизма. Второй компонент данной структурной модели, выраженный деепричастием и являющийся формально доминирующим, также не допускает каких-либо трансформаций: *псалъэ нимыдзыжу* «безоговорочно»; *мэскъал къыхуэмыту* ≈ «без остатка»; *лум ису (къехъэкIын)* «лелеять кого-л.; ≈ на руках носить»; *псалъэм къыдэкIуэу* «к слову».

В модели, представляющей собой сочетание имени существительного с именем существительным, первый компонент также фиксирован в нулевой (неопределенной)

форме и не допускает включения в какую-либо падежную форму. Второй же компонент, как правило, находится в одной из падежных форм (исключая именительный), например: *табу щхьэщэщкIэ (елъэлун)* «умолять, очень просить»; *баз нэфиблкIэ* ≈ «изо всех сил, до предела»; *махуэ шэджагъуэу* ≈ «среди бела дня»; *пцэдджыжъ нэмэзым* ≈ «чуть свет».

Не допускают морфологических изменений своих компонентов также наречно-обстоятельственные ФЕ сочиненного и тавтологического характера.

ФЕ рассматриваемого типа отличаются также более высокой степенью непроницаемости своей структуры. Если многие глагольные и именные ФЕ (при контекстуальном использовании) допускают вливание переменных компонентов в свою структуру, то наречно-обстоятельственным ФЕ свойственно абсолютное единство компонентов, граничащее с монолитностью морфемных элементов, образующих лексические единицы.

На основе принципов сочетаемости со словами свободного употребления в системе наречно-обстоятельственных ФЕ выделяются три группы:

1. ФЕ, сочетающиеся только с одним глаголом, например, *Iэщхьэлъа-щхьэр дэхъеяуэ (лэжъэн)* ≈ «засучив рукава» (работать); *и IумIыр зэтэдзауэ (щысын)* ≈ «сложив руки» (сидеть); *ищIэр имыщIэжу (къэнащ)* «не зная, что делать» (остался); *Iум ису (къехъэкIын)* «лелеять кого-л.; ≈ носить на руках»; *думп жиIэу (бзэхащ)* «мигом (исчез)»; *и лъэдакъэр и пхэщIыщхьэм теуэу (мажэ)* ≈ «сломая голову (бежать)»; *сыкъ жиIэу (щытын)* ≈ «навытяжку (стоять)».

2. ФЕ, сочетающиеся с узким кругом глаголов-сопроводителей: *шокъу жиIэу (Iууащ, хуэзащ)* «неожиданно (натолкнулся, встретился)»; *и щхьэ техауэ (жылэн, псэлъэн, Iуэтэн)* ≈ «без обиняков (говорить, разговаривать, поведать)».

Фразеологизмы, сочетающиеся с одним глаголом или с узким кругом глаголов-сопроводителей, выступают в качестве обстоятельств различного рода, их синтаксическая функция заложена в языке, так как фразеологизмы вместе с глаголами-сопроводителями образуют единицу более или менее стабильного состава.

Константно функционируя в качестве обстоятельств, соответствующие ФЕ подверглись адвербиализации.

Категориальное значение адвербиальности иногда проявляется в результате толкования значения аналогичных фразеологизмов, так как их значение может быть передано только посредством или наречия, или наречного словосочетания. Например, смысловое содержание таких ФЕ, как *Iэщхьэлъащхьэр дэхъеяуэ (лэжъэн)* ≈ «засучив рукава (работать)»; *сыкъ жиIэу (щытын)* ≈ «навытяжку (стоять)»; *зым Iэпыхур адрейм къищтэжу (псэун)* ≈ «в согласии (жить)» можно соответственно передать словами и словосочетаниями наречного характера: *хуабжъу, куэду егугъуу (лэжъэн)* «усердно, очень старательно (работать)»; *зэфIэту, мыхъейуэ, икъукIэ щыму (щытын)* «навытяжку, смирно, очень тихо (стоять)»; *зэгурьIуэу, зэдэIэпыкъуу (псэун)* «дружно, в согласии (жить)».

3. ФЕ, сочетающиеся с широким кругом глаголов: *афIэкIа хэмылъу* ≈ «из-за этого, из-за такого пустяка»; *Iэджэ щIауэ* «давным-давно»; *махуэ шэджагъуэу* ≈ «среди бела дня»; *псэ зыIут къэмынэу* ≈ «от мала до велика».

Наречно-обстоятельственным ФЕ данной группы свойственна семантическая самостоятельность, что и обуславливает их сочетательные способности с широким кругом глаголов, разнородных по своей семантике.

Во всех трех рассмотренных случаях имеет место синтагматическое взаимодействие категориальных значений. Идентифицирующую роль в синтагматическом ряду выполняет глагол, поскольку обстоятельно-наречная ФЕ не имеет специального показателя категориального значения.

Категориальное значение анализируемых фразеологизмов устанавливается не по доминирующему компоненту, если даже оно налицо, а по синтаксической функции, выполняемой ими в предложении.

6.4. Компаративные ФЕ

Компонентный состав компаративных ФЕ часто совпадает с компонентным составом обстоятельно-наречных ФЕ, поэтому бывает сложно определить их друг от друга. Основной критерий их разграничения – это то, что в отличие от наречно-обстоятельных ФЕ, относящихся к сказуемому и выполняющих роль какого-либо обстоятельства, компаративные ФЕ являются, как правило, самостоятельной полупредикативной единицей и не выполняют функцию члена предложения, зависящего от сказуемого. Другой характерной чертой компаративных ФЕ является то, что в их основе лежит сравнение. Кроме этого, они, являясь синтагматическим отрезком, интонационно четко обособляются в речи, подобного не наблюдается за наречно-обстоятельными ФЕ, поскольку они со своим обстоятельным значением бывают тесно связаны с грамматическим предикатом.

Компаративные ФЕ обладают самобытностью, национальной спецификой. Многие из них связаны по своему образованию с топонимикой, антропонимикой, например: *Ашэбей гъуэншэджу (зэхээрхьащ)* «как Ашабовские штаны (перепутаны)»; *Щхьэлыкъуэ хыву (и нэр дрегъээй)* «как шалушкинский буйвол (задирает нос)» и т. п.

Как основные структурно-грамматические модели компаративных ФЕ можно привести следующие.

1. «Имя существительное + сравнительное слово *хуэдэу* / *ещхьу* «как», «подобно»: *псыдыуэм хуэдэу (зыкIэрыукIэн)* «как пивка (присосаться)»; *Иэбжъанэм хуэдэу (джафэ)* «как ноготь (гладкий)»; *вым хуэдэу (лъэщц)* «как вол (силен)»; *бжъэм хуэдэу (епщIын)* «как пчелы (облепить)»; *хьэдэм хуэдэу (фагъуэщ)* «как мертвец (бледен)» и т. д.

Образность, экспрессия в подобных ФЕ заключена в одном имени, находящемся всегда в форме эргативного падежа.

2. «Двухкомпонентное атрибутивное словосочетание + сравнительное слово»: *сын гъэжам хуэдэу (ещхьу)* «как мумия, как пень, как истукан»; «как вкопанный» (букв.: отлитый надгробный памятник); *тIы гъэшхам хуэдэу (пшэрц)* «как откормленный баран (жирный)»; *щыблэ уэным хуэдэу (губжъащ)* «как гром (злой, сердитый)» и т. д.

В этой модели, как и в предыдущей, главная часть (атрибутивное словосочетание) оформляется формантом эргативного падежа -м.

3. «Двухкомпонентное объектное словосочетание + сравнительное слово»: *IэкIэ трахам хуэдэу (хъужащ)* ≈ «как рукой сняло» (о болезни); *IэкIэ ящIам хуэдэу (дахэщ)*

«словно рукой слеплена (красива)» – обычно о женщине; *щӀым пхрыхуам ещху* (бзэхащ) «словно сквозь землю провалился»; *тху кыщахуам хуэдэ* «словно его осчастливили» (букв.: словно его намазали маслом).

Грамматическая особенность данной модели в том, что причастие здесь управляет зависимой от него именной частью и ставит ее в одну из падежных форм, в зависимости от переходности и непереходности глагола, от которого образовано причастие.

4. «Атрибутивное словосочетание, состоящее из двух имен»: *бжъыхъ шыбадззу* (мэлгей) «как осенний овод (несется)»; *Дакъэжъ мафӀэу* (зэцӀэнащ) «словно огонь из сухого пня (распалился)»; *псыцӀэ кӀамылу* (дэжеящ) «словно камыш в топи (вытянулся – о подростке)»; *хышхуэ тхъэрыкӀуэу* (щӀыкӀафӀэу) «подобно чайке морской (грациозна – о женщине)» и т. д.

Отсутствие в данной модели сравнительного слова *хуэдэ* (ещху) скорее стилистическая особенность, чем грамматическая – это более экономичная структурная организация фразеологизма. Постпозитивное имя в данном случае оформляется формантом обстоятельственного падежа -у.

5. «Атрибутивное словосочетание, состоящее из существительного (главного слова), прилагательного или причастия (зависимого слова) + сравнительное слово без форманта -у»: *хыв пыджэн хуэдэ* «как разъяренный буйвол»; *хъэ фызышэ нэхъей* «как на собачьей свадьбе» (о плохой компании); *хъэдэ ириха нэхъей* (нэщхъейщ) «словно похоронил близкого (печален)» и т. д.

В качестве сравнительного слова в этой модели выступают *хуэдэ* и *нэхъей*. То, что они не оформлены падежным формантом, превращают оборот в своеобразную неделимую предикативную единицу, в то время как компаративные ФЕ со сравнительным словом, оформленным формантом -у, функционируют как обстоятельства, связанные с грамматическим предикатом.

Сравнительное слово *хуэдэ*, в отличие от *нэхъей*, может оформляться предикативными утвердительными аффиксами -щ и -т, при этом постпозитивная часть атрибутивного словосочетания (обычно это причастие или прилагательное) получает падежный аффикс эргатива -м:

Уэшхыр абы хуэдицӀэ инти, уафӀэм уридэкӀуеиным хуэдэт (Кыщо-кӀуэ А.) «Дождь был настолько сильным, что он казался дорогой в небо».

Блэ уэным хуэдэщ «как гремучая змея»; *Хъэ яубэрэжъам хуэдэщ* ≈ «как побитая собака».

К данной модели примыкают ФЕ, включающие в себя два сочиненных имени (*хъэмрэ джэдумрэ хуэдэщ* «как кошка с собакой»), а также ФЕ, состоящие из одного имени и сравнительного слова (*Ӏэншэ хуэдэ* «словно без рук»).

6. «Устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более компонентов + сравнительное слово *хуэдэ* (нэхъей)»: *хывым еса жэмыжъ хуэдэ* «словно корова, привыкшая к буйволу» (о медлительном добродушном человеке); *и щхъэ мастэ хъэхукӀэ фӀада хуэдэ* «словно его голова пришита к плечам чужой иголкой» (о трясучей голове); *и нэ чы тыхуа хуэдэ* «словно хворостом ударили по глазу; ≈ вожжа под хвост попала»; *сымаджэ нэцӀэ зицӀурэ Ӏлам нэхъей* «подобно тому, кто, притворяясь больным, умер»; *танэ бгырыпх щӀапха хуэдэ* «словно бычок, подпоясанный теленок; ≈ корова в седле».

Данный тип фразеологизма является предикативной единицей, носящей характер коммуникативности:

Гъуанэ хъуа фэндым жьы къиуа хуэдэ, жьыбгъэр зэуэ къызэпхехури уэрамым долъадэ (ЩоджэнцЫкIу I.) «Словно из разорванного кожаного мешка, ветер внезапно подул и хлынул на улицу».

Если в многочленном ФЕ отсутствует сравнительное слово (*хуэдэ* или *нэхъей*), то она выполняет функцию обстоятельства образа действия. Постпозитивный компонент ФЕ в подобном случае принимает аффикс обстоятельственного падежа:

Зи абгъуэ якъута бзууэ къызоуфэрэзыхь, лажьы хъати симыIэрэ нэт (КIыщокъуэ А.) «Ношусь подобно птичке, у которой разрушено гнездо, хоть ни в чем и не повинен».

6.5. ФЕ предикативно-коммуникативного типа

Значительная часть кабардино-черкесских ФЕ по своей формальной структуре тождественна свободным предикативно-коммуникативным единицам разных типов. Однако подобные ФЕ отличаются от предикативных структур тем, что воспроизводятся в речи в готовом виде, их компоненты семантически спаянны и во многих случаях семантика этих компонентов утрачена, т. е. они обладают всеми признаками ФЕ.

ФЕ предикативно-коммуникативного типа, с учетом особенностей их образования, структуры и употребления в речи, делятся на следующие группы.

6.5.1. Глагольные ФЕ, идентичные по своей структуре двусоставным нераспространенным предложениям. Это самая многочисленная группа предикативно-коммуникативных ФЕ, компоненты которых формально представляют собой субъект и предикат. Данный тип фразеологизма может выступать и в функции грамматического предиката в контекстном окружении, и коммуникативной единицей самостоятельного употребления. В последнем случае она может быть частью сложного предложения.

Примеры самостоятельного употребления глагольных ФЕ:

Хьэр къахэжъащ «дела плохи» (букв.: собака на них рыгнула); *Емынэми ищIэнкъым* ≈ «черт знает что; тут сам черт ногу сломит»; *и щэр къовэ* ≈ «с жиру бесится» (букв.: его жир кипит); *и гужьыр илъщ* ≈ «в нем еще жива старая закваска» (букв.: в нем еще старое сердце сидит) и т. д.

6.5.2. Двучленные ФЕ предикативной формы в роли грамматического предиката:

Абы хуэфIэкIамэ, хъэсэпэхумэр зэхичэтхъэнт, игъэсынт мафIэ щIидзэнти, ауэ Инус и Iэр кIэщIиц (КIыщокъуэ А.) «Если бы он смог, разорвал бы объездчика на куски, сжег бы на огне, да у Инуса **руки коротки**».

Абыхэм сашегупсыскIэ, занцIэу си гум зыкьегъазэри, си пащхэм пшагъуэ гуэрхэр щопэкIу (Къашыргъэ Хь.) «Когда я о них думаю, **сердце** мое **переворачивается**, и передо мной бродят какие-то туманы».

Хьэуэ, мы гъэм ди Iуэху бзаджэкъым («Iуашхэмахуэ») «Нет, в этом году наши **дела неплохи**».

6.5.3. Двучленные ФЕ предикативной формы в функции одной из частей сложного предложения:

СиIэркъым, ди адэ, сэ зыри къызгурьIуэжыркъым, си щхэр мэкIэрахъуэ («Iуашхэмахуэ») «Не знаю, отец, я уже ничего не понимаю, **голова кругом ходит**».

Уэрэ сэрэ, си тIасэ, ди гъуэгу зыкъым, лъэныкъуэ зегъэзи нэхъыфIуц (Нартхэр) «Нам с тобой, милоч, **не по пути**, посторонись-ка лучше».

СабиутIуилэр хъумэ, уи гур умыкъутэж, тIу (Кыщокъуэ А.) «Воспитывай своих двух детей, **не теряйся**, милая».

6.5.4. Многочленные ФЕ предикативной формы:

Жэмали абы къызгъэцIэрэцIэжауэ гъуэгу напцIутIыр елыгъуэ (Къашыргъэ Хь.) «И Жамал, ободренный этим обстоятельством, **неистовствует**».

Я гумрэ я псэмрэ къезауэ нэтми, икъукIэ сабырыфэ зытрагъауэу бжыхьыбгъум кIэрытхэт (КIэрашэ Т.) «Хотя **в душе** они **рвали и металы**, но стояли у плетня, прикинувшись овечками».

Гъэрэ цIырэ зэхэкIащ «Кончился один период года и наступил другой» (о дне весеннего равноденствия).

Как показывают примеры, в ФЕ данного типа кроме предиката и субъекта присутствует и третий компонент. Подобные ФЕ употребляются как самостоятельные коммуникативно-предикативные единицы, как части сложного предложения и в роли грамматического предиката.

6.5.5. Многочленные ФЕ в функции придаточной части сложной синтаксической структуры, сходной по своей компонентной организации со сложноподчиненным предложением:

УлIу пацIэ птетмэ, си пащхэм къиувэ (Шортэн А.) «Становись-ка передо мной, **если ты настоящий мужчина**» (букв.: если ты мужчина с усами).

– *ЩIы фIыцIэм щIыхьами, къэгъуэт, – жиIащ* (Кыщокъуэ А.) «**Если даже он забрался под землю**, и то найди, – приказал он».

Хьэуэ жыпIэрэ ≈ «в противном случае»; *нэгъуэщIу жыпIэмэ* «другими словами, иначе говоря»; *тIум цыгъуэми* ≈ «все равно; и в том и в другом случае»; *Iэмал имылэжыххэмэ* «если нет другой возможности, другого выхода; ≈ на крайний случай».

6.5.6. Многокомпонентные ФЕ, образовавшиеся способом сочинения:

лэфраклэ клэщлрэ мастэ клэщлырыдэу «локоть и иголка коротки (о плохой швее)»; *дыжэын лээнклэпсрэ уэсэпс хэмыхэу* «любит наряжаться да отлынивать от работы»; *и щхэр мыжэрэ и жьэр джатэу* «неряха, а язык ядовитый»; *зы лыр джэдыгуибгэурэ* *либгэур джэдыгуншэу* «у одного девять шуб, а девятёро без шуб; ≈ один с сошкой, а семеро с ложкой».

II. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

О построении словаря

1. Фразеологические единицы набраны жирным шрифтом, они даются в алфавитном порядке. При этом не учитывается меняющийся по лицам аффикс принадлежности, наличествующий почти у всех глагольных ФЕ.

В качестве аффикса принадлежности в таких случаях приводится (в квадратных скобках) показатель 3-го лица единственного числа **[и]** или множественного числа **[я]**: **[и] акъыл тlысын...** **[я] бжыхьэкlапэ зэпытын...**

Если же этот аффикс четко фиксирован, т. е. остается неизменным, то он не ставится в скобки и учитывается при алфавитном перечислении: **уи lэли уи уди...**

2. В квадратных скобках даются факультативные компоненты ФЕ: **бэзэр [къан] щауэ...**

3. В круглые скобки заключены лексические варианты компонентов фразеологизма:

башклэ (бжэгъукlэ) къраудми мышlэн...

дзэлыфэр тlын (тешын)...

4. Именные ФЕ даются в заголовке в форме единственного числа:

адакэ лээджажэ...

ажал нэкlу...

5. Глагольный компонент в заголовке представлен в неопределенной форме, если ФЕ может употребляться в личных формах:

джэдыгур зэгъэдзэкlын...

жейр зэпцlын...

Если же глагольный компонент дается в какой-либо из личных форм, то это означает, что ФЕ употребляется только или преимущественно в этой форме:

Алыхым къузэритынщ...

Бгъуэтмэ къаштэ...

Тхэм ещlэ...

Если глагольный компонент употребляется только в отрицательной форме, он дается с аффиксом отрицания:

ахьи-быхьи жымыlэн...

бжыщхэ зэрына зэрымыгэкIын...

6. Использованы, в зависимости от особенностей фразеологизмов, несколько типов их перевода на русский язык:

а) описательный – передача смысла свободным словосочетанием;

б) приводится русский эквивалент при полном совпадении по смыслу и по образности;

в) аналог – при адекватном переводе по значению при полном или частичном отличии по образу (в таких случаях употребляется знак ≈) .

г) часто наряду с перечисленными типами перевода даются буквальные переводы, поскольку такой перевод представляет определенный интерес с точки зрения образности (они снабжены пометой букв.).

7. Если ФЕ имеет более одного значения, то значения перечисляются через арабские цифры в порядке убывания их употребительности.

-А-

1. **Адакхэ лъэджажэ** букв. петух со шпорами (о неказистом, низкорослом человеке с претензиями на солидность).

2. **[уи] адэм и псэщ (и бынщ) ар!** чего захотел ≈ держи карман шире!

3. **адэми-мыдэми нэмысу** ≈ середка на половинку; ни туда, ни сюда.

4. **адыгэбзэ жыIэн** сказать хорошее, доброе слово (по какому-л. поводу) (букв. произнести адыгскую речь).

5. **ажал нэкIу** безобразный (о внешности человека) (букв. с ликом смерти).

6. **ажэ укIын** находиться на задворках.

7. **ажэ цIыкIу бжъакхуэшхуэ** неказистый молодой человек с претензиями не по возрасту (букв. маленький козел с большими рогами).

8. **акIэ хупыупщIын (хутешыкIын)** лишить кого-л. предмета гордости, сбить спесь (букв. срезать, сбрить кому-л. чуб (оселедец).

9. **акхыл дыкхуакхуэ** ущербный ум (букв. раздвоенный ум).

10. **[и] акхыл тIысын** стать умственно зрелым, набраться ума.

11. **алабгхуэ ныбэ** пузатый (о человеке) (букв. с брюхом как у плотвы).

12. **алмэсты мажэ** злая женщина (букв. гребенка для алмасты (снежного человека).

13. **алмэстым и щхэщыр кхэубыдын** добиться желанной цели (букв. схватить алмасты за волосы).

14. **Алыхым и пашхэм игхэхэн** уничтожить, убить кого-л. (букв. представить Аллаху).

15. **Алыхым къузэритынщ** отличный, чудный, прекрасный (букв. как преподнесенный Аллахом).

16. **[и] анэм къызэрильхуауэ** ≈ в чем мать родила; в костюме Адама.

17. **аргъуей бзагуэ** о человеке, говорящем невнятно (букв. немой комар).

18. **аргъуей зээрэ бзу кхъуейрэ** птичье молоко – о чем-нибудь редкостном, необычном (букв. комариный желчный пузырь и птичий сыр).

19. **арыщ гъэфэрэкӀын** выполнить очень трудную работу (букв. перевернуть широкую арбу).

20. **афэр зэв къехъуэкӀын** испугаться (букв. чувствовать себя как в тесной кольчуге).

21. **афиян шхын** сойти с ума (букв. съесть опиум).

22. **афӀэкӀа хэмылъу** без достаточного основания; и только-то.

23. **ахъи-быхъи жымыӀэн** не издавать ни звука; упорно молчать.

24. **ахъшэ мыкӀуэу кыӀэщӀэнэн** застрять в руках, словно фальшивые деньги.

-Б-

25. **бадзэуэгъуэ ныбгъуэ** юркий, проворный, шустрый (букв. перепелка в самое жаркое время года).

26. **бадзэ щыдымыркъым** абсолютная тишина, полное безлюдье (букв. даже муха не жужжит).

27. **бажафэ зытегъэлъэдэн** хитрить, прикидываться лисой.

28. **бажэ Ӏугъуэ хуэщӀын** выкурить, выжить кого-л.

29. **базкӀэ трильхъэн** приставать к кому-л.; преследовать кого-л. неотступно; надоедать кому-л.

30. **бампӀэр тегъэпщэхэн (текъутэн)** сорвать, выместить на ком-л. злость, гнев.

31. **батэ (батэкъутэ) гъэшын** 1) вершить большими делами, совершить подвиг; 2) рвать и метать; горы своротить (чаще употребляется с иронией).

32. **башкӀэ (бжэгъукӀэ) къраудми мыщӀэн** ни в зуб ногой.

33. **бэзэр [къан] щауэ** частый посетитель, завсегдатай значных мест.

34. **бэзэрым къызэрытекӀауэ (жыӀэн)** грубо, неприлично, вульгарно (выражаться).

35. **бэрэжьей гушэ ипӀыкӀын** холить и лелеять (детей) (букв. вынянчить в люльке из бузины).

36. **бэрэжьей хупэрыдзэн [мафӀэм]** злостно пошутить, посмеяться над кем-л.

37. **бэуапӀэ емытын** не дать кому-л. передохнуть; ≈ припереть к стенке; не дать чихнуть.

38. **бгым джэдыклэклэ еуэн** заниматься делом, заранее обреченным на неудачу; хоть об стену горох (букв. пытаться разбить скалу яйцом).

39. **[и] бгыр щлэкьузауэ** ≈ засучив рукава (букв. туго затянув пояс).

40. **бгьэклэ хьын** сокрушить грудью (букв. нести грудью).

41. **бгьэр гьэкьын** важничать (букв. вытягивать грудь).

42. **бгьуэтмэ къаштэ** ≈ ищи свищи; и след простыл.

43. **бдзэжьей къупщхьэу и бгьэм тенэн** застряло в горле, словно рыба кость.

44. **бжэгьуу и нэм кьыщлэуэн** словно кол в глаза; глаза мозолит; бельмо на глазу.

45. **бжыщхьэ зэрына зэрымыгьэклын** быть ни чему не способным, беспомощным.

46. **бжьэр (бжьакьуэр) хутеудын** сбить спесь (букв. пообломать рога кому-л.).

47. **бжьэгьаллэ хьыи, тегьэллык** хоть убей, не даст (о скупом человеке).

48. **бжьэцу зэрызехьэн** носиться, суетиться (о большой массе людей).

49. **бжыинэ лей зэрыдзэн (идзэн)** делать ненужное дело; переливать из пустого в порожнее.

50. **бжыинэм игьэпщын** ≈ показать кузькину мать; показать, где раки зимуют (букв. заставить кого-л. пролезть в отверстие ярма).

51. **[я] бжьыхьэклапэ зэпытын** находиться рядом, быть близкими соседями (букв. стрехи их домов касаются друг друга).

52. **[я] бзэ зэрыщлэн** понимать друг друга.

53. **[и] бзэ хэлтын** без его языка не обошлось.

54. **бзэр къэтлэтэн** развязать язык.

55. **бзэр хуэкьута хьун** овладеть чужой речью.

56. **[и] бзэр хуэмубыдын** не уметь держать язык за зубами.

57. **бзэгум едзэкьэжын** ≈ сожалеть о сказанном; прикусить язык;

58. **[и] бзэгум лэфл кьытемынэжыху [лэлуэн]** пока язык не отнялся (просить, умолять кого-то).

59. **бзэгу хьын** доносить, ябедничать.

60. **[и] бзэгупэм тенэн (темыклын, пылтын)** не сходить с языка; все время говорить об одном и том же.

61. **(и) бзэм хуимытыжын** не уметь держать язык за зубами;

62. **[и] бзэгупэм техуэн** попасться на язык кому-л.

63. **бзыхьэхуэ емыгьэщлын** сделать что-л. хорошо, аккуратно.

64. **бий кІэуфІыцІ** заклятый враг.

65. **блащхуэ кІийм еджэн** кричать благим матом.

66. **блэ зэраукІа баш** злой, вредный (о человеке).

67. **[и] вагъуэр ижын** звезда закатилась; плохи [его] дела.

-В-

68. **вакъэ зэв иувэн** попасть в затруднительное положение (букв. влезать в тесную обувь).

69. **вы лІам сэ хэІун** усугублять что-л. (букв. колоть ножом сдохшего вола).

70. **вы тІысар къэмыгъэтэджын** быть тихим, деликатным (букв. не потревожить севшего вола).

-Г-

71. **гын мыгъуэр шхын** объестся белены; обезуметь.

-Гу-

72. **[и] гу гъэныкъуэн** огорчать, обижать кого-л.

73. **[и] гум еуэн** сделать кому-л. больно, сильно обидеть кого-л., нанести кому-л. душевную травму.

74. **гу жакъуэ икІын** насытиться, удовлетвориться.

75. **[я] гу зэщыкІын** питать отвращение, неприязнь друг к другу.

76. **гушхуэ кІуэцІылъын** быть великодушным.

77. **гу щыхуэн** насладиться кем-чем-л.

78. **гум дыхъэн** понравиться кому-л., прийтись по душе кому-л.

79. **гум жъы дихужын** облегченно вздохнуть, почувствовать душевное облегчение.

80. **гум зишхыхъжын** злиться, быть недовольным.

81. **гум иубыдэн** запомнить; ≈ мотать на ус; зарубить себе на носу.

82. **[и] гум къипсэлъыкІын (къишхыдыкІын)** невзначай высказать то, о чем думает другой.

83. **гум къыщІитхъын** всей душой жалеть о чем-л.

84. **гум хагъуэ хегъэдзэн** берeditь душу кому-л.

85. **гум щІыхъэн** сильно огорчиться, опечалиться.

86. **гур гъэуфІыцІын** вымотать душу кому-л.

87. **гур гъэфІын** настраивать себя на хорошее.

88. **[и] гур етауэ** с душой, с воодушевлением.
89. **гур зэбгъэжын** быть недовольным собой.
90. **гур зэгуэудын** негодовать, злиться.
91. **гур зэщыуэн** измучиться, лишиться душевных сил.
92. **[и] гур итхъэщыкIащ** чистосердечный (букв. сердце вымыто).
93. **гур иудын** морально подавлять кого-л. (букв. сердце выбить).
94. **гур ихын** испугать кого-л.
95. **гур кIэрыпщIэн** привязаться к кому-л. (букв. сердце прилипло).
96. **гур кIуэдын** упасть духом (букв. сердце пропало).
97. **гур къэтхъэкъун (къэхъэхун)** покорить чье-л. сердце, завоевать чью-л. симпатию.
98. **гур къильэту** с трепетом, с замиранием сердца.
99. **[и] гур къитхъэщыкIауэ** с легким сердцем.
100. **гур къыдэмыжын** чувствовать недомогание.
101. **[и] гур уфIыщIын** измучиться (букв. сердце почернело).
102. **гур фIэкIуэдын** струсить (букв. потерять сердце).
103. **гур хуэгъун** волноваться, переживать из-за кого-чего-л.
104. **гур хузэIухын** открыть кому-л. душу.
105. **гур щыкIын** испытывать чувство отвращения к кому-чему-л.; ненавидеть кого-что-л.
106. **гур щIэгъун** жалеть кого-л., сострадать кому-л.
107. **[и] гурэ [и] щхъэрэ зэтелъын** быть уверенным в себе.
108. **губгъуэм къинэн** бросить кого-л. на произвол судьбы.
109. **гугъэр хэхыжын** потерять всякую надежду на что-л.
110. **гужыгъэжь тегъэщэхэн** обрушить свой гнев на кого-л.
111. **гузэрыдзэ зэхуэщIын** разочароваться друг в друге.
112. **гупсысапIэ ихуэн** оказаться в затруднительном положении.
113. **гупщIэуэ ихын** сильно испугаться.
114. **[и] гурей къыкIын** иметь плохое настроение, встать с левой ноги.
115. **[и] гурыгъыр ижащ** надежды рухнули.
116. **[и] гурымыкъ къыкIащ** ≈ не в духе; встать с левой ноги.

117. [и] гурылупс кѳожэ слюнки текут.

118. гущхэ лѳы уэтэпс хѳун сильно измучиться.

119. и гущхэ кѳэмыкѳын не прийти в голову, не догадаться, не подумать.

120. гущѳэм зигѳэээн переживать что-л. до глубины души.

121. [и] гущѳылу ихѳэн проявить вероломство, недобропорядочность по отношению к кому-л.

-Гѳ-

122. гѳаблѳгу щтэн не утолить чувство голода; не наестся (после длительного голодания) ≈ брюхо сыто, да глаза голодны.

123. гѳэмахуэ джэдыгу (ѳэжѳэ) несуразное, нелепое (букв. летний тулуп (летние сани)).

124. гѳэпкѳауэ (гѳэкѳауэ) кѳэнэн ≈ остаться в дураках; остаться ни с чем (с носом).

125. гѳейрэт ещѳѳкѳын ревновать.

-Гѳу-

126. гѳуапѳкѳым, пщампѳѳкѳым ≈ пустое место; ноль без палочки (букв. он не ворот и не рукав).

127. гѳуэгу емытын не давать проходу, не дать возможности что-л. делать.

128. [я] гѳуэгу зыкѳым [им] не по пути.

129. гѳуэгум пкѳѳлѳей едзын (кѳедзын) сократить путь, дорогу (напр., рассказами, песнями) (букв. накинуть лестницу на дорогу).

130. гѳуэншэджыншэ вакѳэ ≈ без порток, а в шляпе (букв. в обуви, а без штанов).

131. гѳуэщарэ щѳуауэ нисколько, ничуть, совсем ничего (о полном отсутствии чего-л.).

132. гѳуджэ нашэ (ѳушэ) иплѳэн резко изменить отношение к кому-л. в худшую сторону (букв. заглянуть в кривое зеркало).

133. гѳунэ кѳыдѳмыгѳѳлѳын явно превосходить кого-л. в чем-л.

134. [я] гѳури [я] цѳыни зѳрыщѳэн знать друг о друге все – и плохое, и хорошее.

-Д-

135. дакѳѳжѳ мафѳѳу кѳызѳѳѳэнэн сильно разгневаться (букв. распалиться, словно огонь из сухого пня).

136. дамэ кѳытекѳэн ≈ у него крылья выросли; воспрянул духом.

137. дамбыру ѳуащ мигом разнеслась (о слухе).

138. дауи ирехѳуи (щрети) все же, как бы там ни было; по крайней мере.

139. **дауэ хъуми** ≈ так или иначе.
140. **дауи-щхъэуи хэмылгу** без спора и скандала; тихо, мирно.
141. **дахэжыIэ фIымышцIэ** ≈ речи сладки, да сам гадкий; говорит красиво, да делает криво;
142. **дахэм хуэдэу** аккуратно; ≈ так вот; чин по чину.
143. **дэкIуейуэ къехыжын** поклясться небом и землей (букв. подняться (на небо) и спуститься (на землю)).
144. **дерс къыхэхын** извлечь урок из чего-л.
145. **диным икIын** выходить за рамки приличия (букв. выйти из религии).
146. **дуней егъэлъагъун** показать, где раки зимуют; показать кузькину мать; задать перцу, задать жару.
147. **дунейм темыгъэтын** не давать житья кому-л.
148. **дунейр къытеункIыфIэн** обрушиться на кого-л. (о беде, несчастье и т. п.).
149. **дыгъужьыгу ишхащ (кIуэцIыльщ)** мужественный, храбрый, отчаянный.
150. **дыжыныгъуэ уэнжакъ** зажиточный.

-Дж-

151. **джэду хъэжы** ≈ ладанка на вороту, а черт на шее (букв. кошка – мулла).
152. **джэдыгур зэгъэдзэкIын** держать хвост трубой.
153. **джэдыкIэм цы къыхэхын** проявлять дотошность, вьедливость, чрезмерно придираться ко всему (букв. искать в яйце волосинку).

-Дз-

154. **дзажэналъэ тIуащIэ** очень сильный человек (букв. с двойными ребрами).
155. **[и] дзажэналъэхэр хуэбжын** избить кого-л. (букв. посчитать кому-л. ребра).
156. **дзэр хуэлъын** ≈ точить зубы на кого-л.
157. **дзэлыфэр тIын (тешын)** ≈ скалить зубы (букв. показывать десны, выставлять десны на показ).
158. **дзэхупс Iурыгъэлъэдауэ** будто воды в рот набрал.
159. **дзыгъуэ гъуанэ дихъа къэмынэу** ≈ все без исключения; дочиста, дотла (букв. не оставляя и того, чтомышь втащила в нору).

-Е-

160. **екIи фIыкIи** никак, никоим образом, ни по плохому, ни по хорошему.
161. **екIурабгъу имыIэу** без компромисса, принципиально, непримиримо.

162. **екхъури кхъулэри зэдэкIуэу** со всеми потрохами.

163. **емынэ кыгъэкIын** раздуть из мухи слона.

164. **есыкIэ Iэджэ щIэн** знать все ходы и выходы (букв. знать много приемов плавания).

165. **ехъэкI-нехъэкI хэмылтъу** прямо, откровенно; без обиняков.

-Ж-

166. **жэнэтым исын** жить как в раю.

167. **жэуапым ешэлIэн** призвать к ответу, привлечь к ответственности.

168. **жэщ мэкъуауэ** работа, выполняемая в неурочное время (букв. ночной сенокос).

169. **жейм емызэгъын** плохо, беспокойно спать.

170. **жейм ихъын** сильно хотеть спать.

171. **жейр зэпцIын** начать засыпать.

172. **жейр къытеуэн** впасть в сонливость.

173. **жыжъэ щыплъэн** быть дальновидным.

174. **[и] жыпыр гъэхуэбэн** 1) дать кому-л. деньги; 2) дать кому-л. взятку (букв. погреть кому-л. карман).

175. **жыр пыудахуэ** крепкий, сильный человек.

176. **жыхъэрмэ [пхъэ] дакъэжъ** закоренелый грешник (букв. сухой пенёк для ада).

177. **[и] жыIэ емыбэкъуэн** слушаться кого-л. беспрекословно.

178. **[и] жыIэ тIу мыщIын** быть исполнительным.

-Жь-

179. **[и] жьауэм щIэтын** пользоваться чьим-л. покровительством.

180. **[и] жьафэ къехыркъым** 1) без умолку болтает; трещотка; 2) вечно плачет;≈ глаза на мокром месте.

181. **[я] жъэ зэсэн** привыкнуть к грубостям со стороны друг друга.

182. **жъэкIэ плъэн** ≈ считать ворон (букв. смотреть ртом).

183. **[и] жъэм жъэдэмыкIын** не сходить с языка.

184. **жъэ мардэу жыIэн** запросить определенную цену.

185. **жъэ мыгъуэ ипсэлъыкIын (ишхыдыкIын)** сказать что-л. к несчастью.

186. **жъэ пIащIэ** болтливый, говорливый (букв. тонкий рот).

187. **жъэкIэ бадзэ ещэн = жъэкIэ плъэн.**

188. **жъэкIэ дэIуэн** слушать ртом.
189. **[и] жъэм жъэдэплъэн** заглядывать кому-л. в рот.
190. **[и] жъэм жъэдэхуэн** попасть на язык (букв. попасть в рот).
191. **жъэм къыхь (къэмыгъэнэн, жыIэн, н. къ.)** ругать, поносить кого-л.
192. **жъэм къурт (хъэкъурт) жъэдэлъын** молчать словно воды в рот набрал; словно во рту сухой сыр.
193. **жъэр тетIэщIэн** обругать кого-л., выговорить кому-л. все, что накопело на душе.
194. **[и] жъэр IэкIэ щIэлъхъа хуэдэ** боек на язык (букв. рот словно руками приделан).
195. **жъэрэ Iэрэ зэхуэмыхъын** не есть (букв. не подносить руку ко рту).
196. **жъэгъур къыщIэгъэтIэтIын** заважничать.
197. **жъэрыIэзэ Iэпэ задэ** на язык острый, а руки неумелые; на словах, как на гусях, а на деле, как на балалайке.
198. **жъэгу дэсыжын** сидеть дома, стать домоседом.
199. **[и] жь къыщIихун** испытать на себе чье-л. влияние.
200. **жъы темыгъэпсэн** совершить, сделать что-л. быстро, моментально.
201. **жъы щIэту** с огоньком (букв. с ветерком).
202. **жъым тесу псым епыджын** озорничать (букв. сидя на ветре, воду бодать).
203. **жъыр дэнэкIэ къыщепщэми мыщIэн** 1) жить беспечно, не зная заботы; 2) не понимать, что к чему, быть непонятливым, простачком (букв. не знать, откуда ветер дует).

-3-

204. **[и] занщIэр [и] гъуэгугу** напрямик, куда глаза глядят.
205. **зэ еплъыгъуэкIэ** на первый взгляд.
206. **зэ зы мазэ** наконец, в конце концов.
207. **зэ мыхъуми зэ** когда-нибудь.
208. **зэгуэрми хуэмыдэу** как никогда.
209. **зэзыр текъутэн** сорвать зло на ком-л.
210. **зэрагъэхь щымыIэн** мало чем отличаться друг от друга.
211. **зэрымылт пэ лъагэ** ≈ много амбиции, да мало амуниции.
212. **зэрыхъуар имыщIэу** неожиданно, неосознанно.

213. **зэрыхъун хъуащ** уже поздно, уже все свершилось.
214. **зэрыщыт дыдэмкІэ** на самом деле.
215. **зэрыхъуІам (зэрыхъуу) хъунщ** ≈ будь что будет; была не была.
216. **зэрыщыту къапщтэмэ** в основном, в целом, если взять в целом.
217. **зэщІыс имыхъэу** внезапно, не давая опомниться.
218. **зи лъэ вакъэ изыльхъэ** все взрослое, дееспособное население.
219. **зи мыхъуми** хоть, хоть бы.
220. **зи мычэму** каждый раз, постоянно.
221. **зы жыпхъэм игъэжыкІауэ (къиджэлауэ)** точь-в-точь.
222. **зы зэман [зэ]** 1) когда-нибудь; 2) наконец, в конце концов.
223. **зы махуэ зы махуэкІэ** когда-нибудь.
224. **зы мащІэ и куэда** нисколько, ни на йоту.
225. **[и] зыгъазэ зы мазэщ** тяжел на подъем (букв. в месяц раз переворачивается).
226. **зыкІзыщхъэ щІын** устроить беспорядок, перевернуть все верх дном.
227. **зылІ и быну** дружно, слаженно (букв. как дети одного мужчины).
228. **зыуи къимыдзэн** совершенно игнорировать кого-что-л., не брать в расчет кого-что-л.
229. **зыхильхъэ щымыІэн** души не чают в ком-чем-л.
230. **зыхуейм и Іэр техуэн** добиться желаемого.

-И-

231. **иджыри къэс (къыздэсым)** до сих пор, еще.
232. **ижъ хуэхъун** мастерски овладеть чем-л.; преуспеть в чем-л.
233. **ижьи сэмэгуи зыхуэщІын** делать все, чтобы угодить кому-л.
234. **и зэману** вовремя.
235. **икІэ къихуамэ** на худой конец, в крайнем случае.
236. **ин ирихъун** гордиться кем-чем-л.

-Ку-

237. **куафэм егъэпхъуэжын** заставить кого-л. схватиться за голову (букв. за бедро).
238. **куэд лъандэрэ (щІауэ)** с давних пор, давно.
239. **куэду фІыщ** отлично, превосходно; тем лучше.

240. **куум зэрыхэгъэхъэн** зайти далеко в споре (между собой).

241. **куцІ щІын** стать зажиточным.

-КІ-

242. **кІакъмакъ къэІэтын** поднять скандал, шум.

243. **кІакхъум щІэсын (щІэтын)** быть начеку (букв. сидеть (стоять) у курка).

244. **[и] кІапэ бзыгъэ** живет в достатке; ≈ в масле катается.

245. **кІапсэ кІапэр щІэлъэфыжын** раздумать; ≈ дать отбой, дать задний ход.

246. **кІапцІэм итІысхъэн (къынэн)** сидеть в печенках у кого-л.

247. **кІэ етын** 1) покончить с чем-л. (каким-л. делом, занятием); 2) лишить жизни кого-л., покончить с кем-л.

248. **[и] кІэм икІуэдэн** погибнуть, пропасть по чьей-л. вине.

249. **[и] кІэм итын (исын)** следовать повсюду за кем-чем-л.

250. **[и] кІэм мафІэ егъэуауэ (къыщІэнауэ)** в панике, в тревоге.

251. **[и] кІэм темытІысхъэжын** ≈ не знать покоя, не находить себе места (букв. не садиться на собственный подол).

252. **[и] кІэр бжыхъым дихуэжын** разориться, обанкротиться.

253. **[и] кІэр къурыкъуу ежъэжын** обрести полную свободу действий.

254. **[и] кІэр хуабэ щІыкІэ** пока не поздно.

255. **и кІэри и пэри (и щхъэри)** всего-навсего, просто-напросто.

256. **кІэбгъу зыщІын (зыщІыжын)** удрать, скрыться.

257. **кІэдахъуэкІэ пІын** воспитать, вырастить кого-л., испытывая большие материальные затруднения.

258. **кІэмуж етын** покончить с кем-чем-л.

259. **[и] кІэн къыкІын (къэлышын)** посчастливиться, повезти (в делах).

260. **кІэрывэж мэжаджэ** лишний ≈ пятое колесо.

261. **[и] кІэтІий [и] вакъэпсу (вакъэ лъэпсу)** в поте лица, величайшим трудом.

262. **кІэтІий кІапэ** близкий человек (преимущественно о детях); ≈ кровь от крови.

263. **кІэфий епщэн** 1) оказаться не у дел; 2) бездельничать.

-КІу-

264. **кІуапІэ имыІэу (имыІэжу)** очень, крайне, исключительно.

265. **кІуапІи жапІи емытын** не дать уйти кому-л., не выпускать из рук.

266. **кӀуэрыкӀуэм тету** с ходу, с налету, на ходу.

267. **[и]кӀужын щыӀэкъым** 1) мало осталось жить, прожить; 2) изнашивалось, истрепалось (напр., об обуви).

-Къ-

268. **къалэщхьэгужьу щыгугъын** надеяться на кого-что-л. как на каменную гору.

269. **къанэ щымыӀу** все без исключения; все вместе; подчистую; полностью.

270. **къаруи псэруи къыхуэмынэн** дойти до изнеможения.

271. **къэзэуат ещӀэкӀын** устраивать скандал кому-л., не давать житья кому-л.

272. **къэӀэти тедзэ** что с него взять, с ним ничего не поделаешь (букв. подними [его] и брось).

273. **къепсри къилъэтауэ (къилъэтыжауэ)** точь в точь, вылитый.

274. **къехьэкӀ-нехьэкӀ хэмыӀу** без обиняков, прямо.

275. **къып щӀын** моментально проглотить кого-что-л.

-Къу-

276. **къупщхьэ хужь** белая кость, голубая кровь (о человеке знатного происхождения).

277. **къурагъ еупсеин** приставить шест к следующему по старшинству брату жениха или сестре невесты в знак того, что теперь разрешается выйти замуж или жениться.

278. **къурагъым фӀӀун** предать что-л. огласке.

279. **[и] къурмакъейм щӀэгъуэлъхьэн** приставать к кому-л., надоедать кому-л.

-Кхъу-

280. **кхъуэбанэ жылэу кӀинэн** закрепиться где-л. – о ком-л. (букв. как семена дурнишника).

281. **кхъуэн и кхъуэц** неразбериха, путаница, отсутствие порядка в чем-л.

282. **кхъужь мыхъуу удынын** избить, поколотить кого-л. (букв. потрясти, как неспелую грушу).

283. **кхъузанэм щӀэгъэкӀын** проверить тщательно что-л. (букв. пропустить через сито).

-Л-

284. **лэрыджыр къыдэгъэзеин (къэгъэзэн)** рассердиться, разгневаться (букв. вывернуться наизнанку).

285. **[и] лыр шхын** издеваться над кем-л., заставить кого-л. нервничать, переживать (букв. есть чье-л. мясо).

286. **лыхулыпцлэ мыщлэн (имылэн)** быть жестоким, безжалостным, беспощадным, по отношению к кому-чему-л.

-Ль-

287. **льабжьэклэ ихын (хьын)** стереть с лица земли, уничтожить кого-что-л.

288. **[и] льабжьэр къэтлын** копать под кого-л.

289. **лякъяущхэклэ хэтын** жить на широкую ногу, расточать богатство.

290. **[и] льапсэм псы игъэжыхьыжын** стереть с лица земли.

291. **[и] льапсэр гъэгъун (гъэгъушын)** полностью уничтожить кого-что-л., стереть с лица земли.

292. **[и] лъэгу банэ хэхужын** ≈ гора с плеч (букв. избавиться от занозы в ноге).

293. **лъэгум щлэгъэплъэн** продемонстрировать мастерство в танце (букв. показать нижнюю поверхность своей стопы).

294. **лъэданэ зигъэнэн** не сдвинуться с места, застрять на месте.

295. **[и] лъэнкланлэр щлэклын (щлэхун)** почувствовать слабость в ногах (от волнения, испуга и т. д.).

296. **лъэныкъуэ емышхэклын** не скрывать, не утаивать чего-л.

297. **лъэрыгъынэм игъэпшын** заставить встать на колени (букв. заставить пролезть через стремя).

298. **лъыр нэм кытетьлэдэн** налиться кровью – о глазах.

-Лл-

299. **ллэм и гъунэн** быть равносильным смерти.

300. **ллы цыклу къамэшхуэ** маленький мужчина с большим кинжалом (с непомерно большими претензиями); ≈ кот в сапогах.

301. **ллыгъэм зегъэхын** переборов себя, сделать, стерпеть, снести что-л.

-М-

302. **мажнун шхын** ≈ белены объесться.

303. **масклэр кылурылъэлын** быть не в меру горячим, (букв. дышать огнем).

304. **мастэклэ псыкъуий къэтлын** заниматься очень трудным делом (букв. копать колодец иглой).

305. **мастэм и кымэт (къумэт)** ≈ ни на йоту.

306. **мастэнэм кызырыпахаш** ≈ с иголки.

307. **мафлэхэ укъяклуа?** за огнем что-ли пришел? (говорят человеку, который сильно спешит уйти).

308. **махуэшхуэ пкъоуэ щыгугъын** надеяться на кого-что-л.

309. **[и] махуитІ зэхуэмыдэн** часто болеть, быть болезненным (букв. у него не бывает двух одинаковых дней).

310. **мацІэ дия** хилый, слабый (о человеке) (букв. окоченевшая саранча).

311. **[и] мэсхъэбым итын (иувэн)** сделаться чьим-л. единомышленником.

312. **мывэ тыкъырщ** жадный (букв. как кусок камня).

313. **мыдэкІэ кьеІэн (кьеІэжын)** выйти из кризисного состояния, одолеть болезнь.

314. **мыхъыр егъэхъын** 1) ругать, поносить; 2) перегрузить кого-л.; ≈ возить воду на ком-л.

-Н-

315. **[и] набдзэм (напщІэм) телъын** гордиться кем-чем-л., кичиться чем-л.

316. **[и] набжъэ щІэлъын** быть predetermined кому-л. (о чем-л. недобром); ≈ не сносить (ему) головы.

317. **[и] напэм къэнжал тебзащ** бессовестный, бесстыжий, наглый (букв. лицо [его] покрыто жестью).

318. **напэ хужькІэ** с чистой совестью; с непогрешимой совестью (букв. с белым лицом).

319. **[и] напэр ульиин (текІын)** опозориться, осрамиться (букв. лицо заржавело (сошло)).

320. **напІэ дэпхъейуэ кьепхъэхыжыху** в один миг (букв. пока веки поднимешь и опустишь).

321. **[и] напІэ хуэдэркъым** ≈ и в ус не дует, и ухом не ведет; как с гуся вода.

322. **[и] насыпым кърихъэкІащ (къихъащ)** повезло; ≈ счастье привалило.

323. **натІэ ищын** 1) иметь виды на кого-что-л.; 2) взять кого-л. на мушку.

324. **натІэкІэ жьэхъуэн (еуэлІэн)** воочию убедиться в чем-л.; ≈ ткнуться лбом.

325. **[и] натІэм къритхэн** быть предначертанным судьбой кому-л.; ≈ на роду написано.

326. **натІэрыуапІэ щІын** постоянно придирается к кому-л.; ≈ пристать как банный лист; сделать кого-л. козлом отпущения.

327. **нэ ищын** заприметить, облюбовать кого-что-л.

328. **нэкІэ гъэхъун (зегъэкІуэн)** следить за кем-чем-л.; ≈ водить глазами.

329. **[и] нэ кыхуикІын** страстно желать, хотеть что-л.

330. **нэ лейкІэ еплъын** с особым вниманием, уважением относиться к кому-л.

331. **нэм бжэгъуу [къы]щ[э]уэн** стать поперек горла кому-л.; быть как бельмо на глазу.

332. **нэм къыщхьэрипхьуэн** ничего не видеть перед собой (напр., от гнева).

333. **[и] нэм щ[э]лун** тыкать в глаза кому-л.

334. **нэрэ [э]рэ я зэхуакум** мгновенно, в один миг.

335. **[я] нэр гъэлэжьэн** намозолить глаза.

336. **[и] нэр гъэплъэжын** дать кому-л. вздохнуть.

337. **нэр мыгъэплъэн** держать кого-л. в черном теле.

338. **нэр темпы[э]у** в мгновение ока.

339. **нэр хузэгъэдзэк[ы]н** смотреть на кого-л. враждебно (букв. смот-реть глазами наизнанку).

340. **нэбдзыпэ зэтемылхьэн** не сомкнуть глаз.

341. **нэбжыц хэмыгъэхун** оберегать, беречь кого-л. как зеницу ока.

342. **[и] нэвагъуэр егъэлъагъужын** показать, где раки зимуют.

343. **[и] нэгур зэхэуэн** помрачнеть, погрустнеть.

344. **нэкууи нап[э]уи и[э]н** очень сильно любить кого-л., не чаять души в ком-л.

345. **нэщхьк[э] п[ы]джэн (уэн)** бросать суровый взгляд на кого-л., хмуриться.

346. **[и] нэщ[ы]багък[э] псэлъэн (хуэпсэлъэн)** ругать за глаза.

347. **[уй] нэ[э] тегъэтын** оберегать кого-что-л., наблюдать за кем- чем-л., следить за кем-чем-л.

348. **[и] ни [и] пи къимыхьын** не нравиться; не прийтись по душе.

349. **нурыр къыщхьэщыхын** сиять, светиться (о человеке).

350. **ныбафэ къыхуэмынэн** смеяться до упаду.

351. **[я] ныху зэпхаш** ≈ все пополам, душа в душу (живут).

-П-

352. **[и] пащ[э]р хуэупсын (хуэщын)** намылить шею кому-л., надавать кому-л. чертей (букв. сбрить кому-л. усы).

353. **пэклэ псы ефэн** ≈ пить носом воду (быть глупцом).

354. **пэклэ щ[ы]р егъэвэн** заставить носом землю пропахать.

355. **[и] пэм лъы ивэжауэ** олух.

356. **пэр дэгъэзеин (дэкъеин)** задирать нос.

357. [и] пэр кыпылэлын (кыпыхун) ≈ повесить нос.
358. [и] пэр щыым [ху]щыхуэн показать, где раки зимуют (букв. тереть нос о землю).
359. пэцыр ичын (лыгъуэн) ≈ прийти в ярость, рвать и метать (букв. рвать волосы в ноздрях).
360. плъыжь хъумэ, хужь хъужу то бледнея, то краснея.
361. псалъэ кӀуэцӀылъхъэн ругать кого-л. последними словами.
362. псалъэ [мышу] кьегъэкӀуэкӀын разводить антимонии (антимонию).
363. [и] псалъэ тӀу мышӀын беспрекословно выполнять все.
364. [и] псалъэм тегъуэтэжын быть человеком своего слова.
365. псалъитӀ я щхъэ зэтемычын быть очень скромным, неразговорчивым (букв. [он] не сдерет крышку с двух слов).
366. [и] псалъитӀым яз закадычный друг (букв. каждое второе слово о нем).
367. [и] псэм еджэу при смерти (букв. призывая свою душу).
368. псэм еӀэн покушаться на чью-л. жизнь (букв. дергать душу).
369. [и] псэм тенэцӀыхъауэ в смертельной опасности (букв. боясь за свою душу).
370. псэм хэлъмэ, хэмыхын душу не чаять в ком-л.
371. псэр дзапэкӀэ Ӏыгъын сильно волноваться, переживать (букв. держать свою душу зубами).
372. [я] псэр зы чысэм илъу душа в душу.
373. [и] псэр и лъэдакъэпэм кӀуэжын (нэсыжын) ≈ душа ушла в пятки.
374. псэр [ху]Ӏухын нагнать страху (букв. лишить души, отнять душу).
375. псибл Ӏутц живучий, двужилый (букв. с семью душами).
376. псым тхъу техын переливать из пустого в порожнее (букв. с воды снимать коровье масло).
377. пхъэ зэгъуэгъэзам дэгъэплъын укротить, заставить подчиниться кого-л.
378. [и] пхъэ кыикӀын 1) повезти кому-л.; 2) выиграть по жребью.
379. [и] пшынэм кыдэфэн (дежьюун) плясать под чью-л. дудку.
380. [и] пщэм дэсын сидеть на шее у кого-л., быть на чьем-л. иждивении.
381. [и] пщӀыхъэпӀэ кыыхэмышуэн и во сне не сниться.
382. [и] пыӀэкур (пыӀэ шыгур) [кь]иудын повергнуть, победить кого-л.
383. [си] пыӀэр хуэгъэтӀысащ [его] я не боюсь, для меня он – ничто.

384. **пылэр щэ дэдзеин** ≈ на седьмом небе (букв. трижды подбросить свою шапку).

-III-

385. **пластэ мыгъуэ егъэшхын** не давать житья кому-л.

386. **[и]пlэ къимыгъэкlын** убить, уложить на месте кого-л. (букв. не давать сдвинуться с места).

387. **и плэм ихун (къишын)** вывести из себя кого-л.

388. **плэщхьагъ (плэщхьагъу) гъуэтын** жениться; выйти замуж (букв. обрести изголовье).

-C-

389. **сабэр къыхегъэхын** разнести в пух и прах, разгромить.

390. **сэкъауэ щlэкlащ** самое опасное позади, опасность миновала.

391. **сурэт тхам хуэдэщ** красива, словно нарисована; ≈ писаная красавица.

392. **сурэтым икlын (имытыжын)** ≈ на нем лица нет.

393. **сыт илъэныкъуэкlи** всесторонне, во всех отношениях.

394. **сыт хуэдэу щытми** как бы то ни было.

395. **сытуи щрети** как бы там ни было.

396. **сыт щыгъуи** всегда, всякий раз.

397. **сыт щыгъуи хуэмыдэу** как никогда.

-T-

398. **тач-тау жегъэлэн** искры метать.

399. **[и] тэмакъым залэ щlэмыхуэн** быть крайне невыдержанным, нервным.

400. **[и] тэмакъым зыщlэдзэн (зыщlэсэн, щlэгъуэлъхьэн)** наступать на горло кому-л.; просить упорно и настойчиво кого-л. о чем-л.

401. **теплъхьэр и хьэлъэщ** терпеливый, безропотный (букв. сколько навалишь, столько и несет).

402. **Тхъэ имыlуамэ** Бог даст (букв. если он не поклялся).

403. **[и]тхъэ къызэрихькlэ** изо всех сил.

404. **уй тхъэ узэреплъщ** как подсказывает совесть, как вам будет угодно; ≈ как Бог на душу положит.

405. **Тхъэм ещlэ** кто знает, Бог его знает, Бог весть.

406. **Тхъэм жиlэмэ** ≈ Бог даст, как-нибудь.

407. **Тхъэм узэрелъэунщ** что надо, дай Бог каждому.
408. **Тхъэм щхъэкIэ жыпIэмэ** скажи на милость; справедливости ради следует сказать.
409. **Тхъэр зэбга (зэуа)** Богом обиженный; несчастный.
410. **тхъэкIумэм имыгъэхъэн** пропустить мимо ушей, оставить без внимания и ответа что-л.
411. **тхъэкIумэм цIыв игъэпщхъэн** стать глухим ко всему, стараться ничего не слышать; делать вид, что ничего не слышишь.
412. **[и]тхъэкIумэр [хуэ]IуэнтIэн** строго-настрого предупредить кого-л. о чем-л. (букв. покрутить уши кому-л.).
413. **тхъэкIумэ ящэ** ≈ глухому две обедни не служат (букв. уши продают).
414. **[и] тхъэмбылым цы къытекIэн** ≈ молодой да ранний.
415. **[и] тхъэмыщкIапIэ исыжын** знать свое место (букв. сидеть на своем бедном месте).
416. **тхъэмыщкIэ былымщ** бендюку под стать (о неприхотливом человеке).
417. **тхъупс къегъэжэхын (къекIыхын, тегъэлъэдэн)** не в меру расхваливать кого-л. (букв. маслом покрывать).
418. **тхъур IукIэ (IупэкIэ) зын (гъэзын)** жить богато, роскошно, в достатке; кататься как сыр в масле.
419. **тхъу щыхуэн** сделать кому-л. приятное; осчастливить кого-л. (букв. обмазать маслом).

-ТI-

420. **тIэу емыплъын** глазом не моргнуть (сделать что-л.).
421. **[и] тIроцэщ [он]** беззаботен, живет весело (букв. у него троица).
422. **тIум щыгъуэми** и в том, и в другом случае.
423. **тIыгум тегъэлэбэн (тегъэлэн)** ≈ показать кому-л. кузькину мать; показать, где раки зимуют.
424. **уафэм дэкIуейуэрэ къехыжын** клясться, божиться в чем-л. (букв. подниматься на небо и спускаться).
425. **уафэм сабэр дэпхъеин** негодовать, возмущаться.
426. **уафэм хъыринэ щещIэн** витать в облаках; строить воздушные замки (букв. в небе качаться на качелях).
427. **уэгъури чыхури гурымыIуэн** ни с какой стороны не подойти, не подстроиться к кому-л.

428. **[и] уэнжакъ кĭэгъуасэ иримищĭэн** жить бедно, в нужде (букв. дымоходная труба [в его доме] не бывает закопченной).

429. **уэрэдрэ Іуданэу ехъэжъэн (хыхъэн)** разнести, разгласить, растрезвонить что-л.

430. **уэсэпсым кхъухъкĭэ къыщыкĭухъын** заниматься пустым делом (букв. плыть на корабле по росе).

431. **уэщыщхъэм уэщыкĭыр кĭэлъыдзыжын** ≈ беда одна не приходит.

432. **уз етын** дать нагоняй.

433. **узыр [и] ныбэм (кĭапцĭэм) исщ!** черта лысого, черта с два!

434. **уи Іэли уи уди** ≈ ни подойти, ни подъехать; на козе не подъедешь.

435. **унащхъэр тричу** оглушительно.

436. **унэ ихъэн** выйти замуж (букв. войти в дом).

437. **унэр къичу исэжын** переставить, переделывать дом от нечего делать.

438. **утыкум илъэдэн (къильэдэн)** выскочить, неумело вторгаться во что-л.

439. **утыкум къинэн** 1) остаться в одиночестве, без помощи; 2) оставить кого-л. в одиночестве, без помощи.

-Ф-

440. **фэ зытегъэуэн** притворяться, делать вид.

441. **[и] фэм дэкĭын** стерпеть, вынести, пережить что-л.

442. **[и] фэм имыхуэжын** растолстеть (букв. не уместаться в свою кожу).

443. **фэм иткĭухъын** сгореть от стыда (букв. таять в своей коже).

444. **фэмрэ къупщхъэмрэ къыхуэнэн (хуэкĭуэн)** высохнуть, исхудать (букв. остались кожа да кости).

445. **[и] фэр ихын (техын)** замучить, заставить страдать кого-л. (букв. сдирать с кого-л. кожу).

446. **[и] фоч шитĭ ирырелъхъэ** пусть делает что угодно, [я его не боюсь]. (букв. пусть заряжает свое ружье двумя пулями).

447. **фочыкум игъэплъэн** убить, застрелить кого-л. (букв. заставить [его] заглянуть в ствол ружья).

-ФІ-

448. **фĭэкĭыпĭэ имыІэу** обязательно, непременно, во что бы то ни стало.

449. **[и] фĭэщ къригъэкĭын** взяться за что-л. изо всех сил.

450. **фĭы зыкъишэжын** смягчиться, отойти.

451. **флыншэ щіэлъхьэн** потерять аппетит от длительного ожидания пищи.

452. **фыщіэ жыг хухэсэн** выказать большую благодарность (букв. посадить дерево благодарности [в его честь]).

453. **фы щіэмыхын (хэмыхын)** выйти боком.

454. **хабзэм етын (ешэлэн)** привлечь к закону (ответственности).

455. **хым къызыхидзыжащ** хитер, коварен (букв. его море обратно выкинуло).

456. **хым нитіклэ хэгъэплъэн** заставить прозреть (букв. заставить заглянуть в море двумя глазами).

-Ху-

457. **хугуклэ лъэнкланлэ** слабый, тощий, немощный (о человеке).

-Хь-

458. **хьэ бжыдзэу гъэлъэн** задать взбучку, сделать нагоняй.

459. **хьэгъунэ къыдэмыгъэплъын** явно превосходить кого-л. во всех отношениях.

460. **хьэ клытэу къэвэн** болтать, говорить без умолку (букв. бродить как ячменный солод).

461. **хьэм егъэхьын** 1) смешать кого-л. с грязью; поносить последними словами; 2) учинить кому-л. разнос.

462. **хьэ мыгур егъэгун** заставить кого-л. делать очень трудное дело.

463. **хьэмышх къупщхьэжъ** всеми покинутый, отверженный (букв. старая кость, оставленная и собаками).

464. **хьэр гъэбэнэн** шлаться по улицам, бездельничать (букв. заставлять собак лаять).

465. **хьэр къахэжъащ** попали в переплет (букв. собака на них рыгнула).

466. **хьэр псафэ хуэшэн** подчиняться, угождать кому-л. во всем (букв. водить его собаку на водопой).

467. **хьэуэ (хьэуи) мылгагъун (къыщымышъун, къимыдзэн)** совершенно не считаться с кем-л. (букв. не считать кого-л. даже собакой).

468. **[и] хьэжыклэ псым хэуэн** ≈ не в духе; нос повесил.

469. **хьэклэри кхъуэклэри зэпхын** быть пронырой, пройдохой.

470. **хьэлэ мыклуэ** плохой, никчемный; ≈ ни взад, ни вперед; ни тпру, ни ну.

471. **хьэлламэ гъэва** 1) ни черта; 2) черта с два (букв. вареная хатлама).

472. **хьэмэшыхэмклэ къеклуэкла** сбоку припека, седьмая вода на киселе.

473. **Хьэфыццэ и кьыдыру гьэлээн** ≈ дать кому-л. жизни; показать, где раки зимуют.

474. **хьэлупс щыын** не давать житья кому-л., издеваться над кем-л.

475. **хьэлусыпэ зрат** авторитетный (человек).

476. **хьет жегьэлэн** быть молодцом, преуспевать в чем-л.

-Хь-

477. **хьарбызитI зы Iэклэ Iыгъын (убыдын)** ≈ погнаться за двумя зай-цами (букв. держать в одной руке два арбуза).

478. **Хьарцыжь и уджым хэтын** заниматься ерундой, несерьезным делом.

479. **хьатэ пэмышьэн** не принимать всерьез что-л., не считать что-л. серьезным, не придавать значения чему-л.

480. **хьийм икIын** неистовствовать.

481. **хьыдыдж и банэ** запутанное дело; неприятная история.

482. **хьым иубыдэн** не давать проходу кому-л. (букв. загнать в сеть).

-Хьу-

483. **хьубжэр кьуэлъхьэжын (хуэщIыжын)** разориться, потерпеть разорение.

-Ц-

484. **[и] цищ тхьун** сильно переживать (букв. поседеть трем волосам).

485. **цыджанышу кьэгъэфэн** отхлестать кого-л. (букв. заставить плясать, как цыганскую лошадь).

486. **цыпэ хэмыгъэзын (хэмыгъэщIын)** не дать упасть ни одному волосу.

487. **цыпхьдзэм фIэжеихьын** любить поспать, быть сонливым (букв. засыпать на иглах чесалки).

488. **[и] цыр уащ** поблек; ≈ не в духе, упал духом.

489. **[и] цыр щын (хуэщын)** показать, где раки зимуют кому-л. (букв. состричь [с него] волосы).

-ЦI-

490. **[и] цIэр емызэгъыжын** капризничать, быть капризным (букв. не терпеть даже свое собственное имя).

491. **цIыху кьэхъужын (хъужын)** выздороветь, поправиться, почувствовать себя лучше (букв. снова стать человеком).

-Ч-

492. **чымпэ къямылэтын** бездельничать, ничего не делать (букв. не поднимать [даже] хворостину).

493. **чыну щіэхуэн (къяхуэкын)** заставить крутиться как волчок кого-л.

-Ш-

494. **шашхьэр техын** ≈ снимать сливки.

495. **шэ къялурож** ≈ молоко на губах не обсохло.

496. **шэч хэлъкъым** ≈ слов нет, нет сомнения.

497. **шэч хэмылгу** без сомнения.

498. **[и] шейтланыр теклын** смирить свой гнев.

499. **шклэхуэ тхэмадэ** тот, кто ведет себя заносчиво, не имея к тому оснований (букв. тамада телятников).

500. **[и] шклэбжьэр флэкын** повзрослеть, освободиться от детских привычек.

501. **шотым къямыдзэн** не ставить ни во что (букв. не засчитать на счетах).

502. **шурэ лъэсрэ я зэхуакуш** очень далеко [ему до него] (букв. как от пешего до всадника).

503. **шхы имылэжын** быть обреченным, приблизиться к своей смерти.

504. **шхуэмылаклар гъэлэлэн** ослабить внимание к чему-л. (букв. ослабить поведья).

505. **[и] шхуэлур ихаш** ≈ закусил удила.

506. **шыбгъэм къялхьэн (къяидзэн)** осмеять, унижить, втоптать в грязь кого-л.

507. **шыгурыхуэ Іэпхуалъэншэ** мужиковатая (женщина).

508. **шыгъушыпс зэутхыжын** разругаться, навсегда поругаться (букв. облить друг друга соленой водой).

509. **шы дахэ мыжэ** ≈ снаружи мило, а внутри гнило (букв. красивая лошадь, да плохо скачет).

510. **[и] шыклэ мафлэ егъэуауэ** очень спеша, сильно торопясь, как на пожар (букв. будто опалили хвост его коня).

511. **шы пшэр уанэ** скользкий (человек); ≈ и нашим, и вашим (букв. седло на упитанном коне).

-Щ-

512. **[и] щэр къявэн** ≈ с жиру беситься (букв. [его] жир закипает).

513. **Щэбэт и гугъэр и гугъэн** ≈ строить воздушные замки.

514. **[и] щэджыжьыр егъэлужын** заставить растратиться, разорить кого-л. (букв. заставить кого-л. смолотить старый стог хлеба).

515. **[и] щхъэ закъуэ [и] лъакъуитIщ** одинокий (букв. со своей одной головой и со своими двумя ногами).

516. **[я] щхъэ зэрыхьщ** ≈ пропади пропадом; черт с ними.

517. **[уй] щхъэ и пIалтэ щIэжын** знать свои возможности (букв. помнить о возможностях своей головы).

518. **щхъэм бадзэ техужыфын** быть самостоятельным, уметь заботиться о себе (букв. уметь сгонять со своей головы мух).

519. **[и] щхъэм бжьэ еуэн** быть ошарашенным каким-л. плохим известием, событием (букв. голову ужалила пчела).

520. **щхъэм дэуеин** 1) ударить в голову (напр. о вине); 2) огорчиться, разволноваться из-за чего-л.

521. **щхъэм иригъэжэн** обидеться, приняв что-л. на свой счет.

522. **щхъэм темылъ тельхъэн** кичиться без основания, много брать на себя.

523. **[и] щхъэм цIацIу щызопщэ** ≈ ветер в голове.

524. **щхъэр гъэвэн (гъэузын)** морочить голову кому-л.

525. **щхъэр ехъэлэн** довериться кому-л., вверить кому-л. свою судьбу.

526. **[и] щхъэр [и] жагъуэн** быть в плохом настроении, в подавленном состоянии.

527. **щхъэр зехъэн** быть в отчаянии.

528. **щхъэр къэлэтын** обнаглеть (букв. поднять голову).

529. **щхъэр къыфIэхун** поникнуть головой, прийти в отчаяние (от горя, позора).

530. **щхъэр мафIэм хэлтын** быть очень занятым, быть по горло в работе (букв. голова лежит в огне).

531. **[и] щхъэр течауэ** открыто; без обиняков.

532. **щхъэр щIэхъэн** уйти, сбежать куда глаза глядят.

533. **щхъэр щIыжын** опохмелиться (букв. исправить голову).

534. **[уй] щхъэфэ ебудэкIыну?** ≈ ни Богу свечка, ни черту кочерга; на кой черт.

535. **[и] щхъэфэ илэбэн** судачить о ком-л. (букв. коснуться кожи головы).

536. **щхъэфэр лъэгущIыхь хуэщIын** ничего не пожалеть, все отдать, пожертвовать собственной жизнью ради кого-л. (букв. отдать на подметки кому-л. кожу собственной головы).

537. **щхъэфэцым зилэтын (зрисэн)** ≈ волосы встали дыбом.

538. **щхьэц налгэ хэмыгъэхун (хэмыгъэзын)** бережно относиться к кому-л. (букв. не дать выпасть ни одному волоску).

539. **щхьэцыпэ дыкъяукъуэ** счастливый, удачливый (букв. у него концы волос раздваиваются).

540. **щымышхэм щегъэтIэхун** избить, поколотить кого-л. (букв. заставить почесать те места, какие не чешутся).

-ЩI-

541. **щIы зэдэшхын** оказаться равными по силе (букв. вместе съесть землю).

542. **щIым нэмыгъэсын** безмерно любить, лелеять кого-л. (букв. не дать касаться земли).

543. **щIыр [tIууэ] зэгуэхуу и зэхуакум дэхуэн** провалиться сквозь землю.

544. **щIыр IэгуфэкIэ гъэзэн** сокрушаться (букв. ладонью переворачивать землю).

545. **щIыфэр шхэн** [его] тело чешется (хочет кнута, ремня и т. п.).

-Я-

546. **япэ илгъэдэн** забежать вперед.

547. **япэкIэ плгъэн** заглядывать вперед.

548. **япэ къэсым (къэсыр)** каждый встречный, первый попавшийся.

-I-

549. **[и] Iэ [и] лгъэ щIэгъэкIын** подбодрить, поднять дух.

550. **Iэ щIыIэкIэ** рвачески, безжалостно (букв. холодной рукой).

551. **IэкIэ телэбэн** убедиться воочию (букв. коснуться рукой).

552. **Iэр тегъэхуэн** достигнуть какой-л. цели, добиться чего-л.

553. **Iэр хуэкIэщIын** ≈ руки короткие.

554. **Iэбэмэ лгъэмыIэсыжын** сожалеть о чем-л., кусать локоть.

555. **[и] Iэгур [и] Iэнэн** быть хлебосольным (букв. [его] ладони служат обеденным столом).

556. **Iэгъурэ гъуэгурэ хуэмыгъуэтын** не найти подхода к кому-л., не смочь уговорить кого-л.

557. **[и] Iэдакгъэ кыщIэкIын** выйти из-под чьего-л. пера.

558. **Iэжгъэкъур ичын** очень спешить, торопиться (букв. вырывать дышло из саней).

559. **Iэ-лгъэ щIэдзын (щIэун)** содействовать кому-л. в каком-л. деле.

560. **[и] IэмышIэм илгъын** находиться в подчинении.

561. [и] **Іэпэм дыщэ кыпыщын** ≈ на все руки мастер.

562. **Іэпцацагъэ хэлъхъэн** решить что-л. с помощью кулака; проявлять в чем-л. грубость.

563. **ІэфракIапэ къэмыгъэшын** быть голодным ≈ во рту крошки не было (букв. и локтя не согнул).

-Іу-

564. **Іуэху блэкі (къанэ)** срочное, неотложное дело.

565. [и] **Іуэху дэкіын** удасться – о чем-л. деле.

566. **Іуэху темыщIыкIын** срочно приниматься за какое-л. дело; ≈ не откладывать в долгий ящик.

567. [и] **Іуэху щхъэ къутащ** ненадежный, неустойчивый (о человеке).

568. **ІукIэ (ІупскIэ) пIын** выходить, вырастить, воспитывать кого-л. с большим трудом.

569. **Іум игъэпщхъэн** сильно любить кого-л.

570. **ІумпIэр убыдын** взять в свои руки бразды правления (букв. взять поводья).

571. [и] **Іупэм тесын** заткнуть рот, связать язык кому-л. (букв. сидеть на губах).

572. [и] **Іупэр зэтемыхъэжын (зэтемызэгъэжын)** сильно радоваться, не закрывать рот от радости; ≈ рот до ушей.

573. **Іупэр Іуиудынкыым** не повредит, не помешает (букв. по губам не ударит).

574. **Іупсыр бдзамэ, щIым нэмысын** трескучий мороз (букв. слюна, не долетая до земли, замерзает).

575. **ІурыIэбапIэ зимыIэ** очень строгий, суровый (человек).

576. [и] **ІутIыжщ** не жизнь, а малина (букв. у него пасха).

577. **Іуфэлъафэр къэжыхын (къэуджыхын)** 1) увиваться за кем-л.; 2) подхалимничать, пресмыкаться перед кем-л.

III. ФРАЗЕОЛОГИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

«Образ» человека в языковой картине мира, этнически обусловленные представления о его внутреннем мире невозможно рассматривать вне фразеологического пространства языка. Способ осмысления действительности, отражающийся в идиомах, представляющих собой, как и слова, продукт деятельности языкового сознания, фиксируется в них в виде их внутренней формы. Классической стала трактовка идиом как ассоциативно-образного комплекса, организующего в языке содержание. Поэтому их изучение важно не только с точки зрения того, как в языке отражается этнокультура, но и с точки зрения организации содержания в языке, ибо внутренняя форма, как известно, является «застывшим» результатом деятельности языкового сознания этноса.

Феномен человека получил разностороннее отражение в идиомах адыгских языков. Критерием для ограниченного выбора лишь определенных фразеологизмов послужило следующее: представленность «образа» человека в адыгской языковой картине мира прежде всего теми фразеологическими единицами, в которых наиболее ярко проявляется самобытность адыгского менталитета. Кроме того, здесь приводятся именно те языковые выражения, которые позволяют идентифицировать человека как «наивысшего» существа из «класса одушевленных существ». Учитывается и сложность изучения человека, заключающаяся в том, что человек не может быть уподоблен вещи, обладающей раз и навсегда данной формой существования, и поэтому знание о человеке не может быть приравнено к знанию о конечных, имеющих четкие границы объектах действительности мира.

В адыгской языковой картине мира, как и в любой другой, человек представлен как деятельное существо, выполняющее три основных типа действий: физические, интеллектуальные и речевые. Кроме того, человеку свойственны определенные состояния и способность реагировать как на внешние, так и на внутренние воздействия. Каждым видом деятельности, типом состояния и реакцией «ведает» своя система, локализуемая в определенном органе. В адыгской языковой картине мира наиболее интересны случаи, когда один и тот же орган (например, сердце) «обслуживает» более одной системы (эмоции, память, восприятие и т. д.), а одна система «обслуживается» несколькими органами (совесть – сердце, лицо). Этим обусловлено рассмотрение в первую очередь фразеологизмов с компонентом «гу» (сердце).

В «наивной картине человека» представлены и «силы», либо приводящие какую-то из систем в действие, либо тормозящие ее.

К числу «сил», блокирующих те или иные желания человека, относится и такая «скрытая» функция сознания, как совесть. В адыгских языках она помещается в сердце («гум идэркъым» – совесть не позволяет (букв.: сердце не позволяет (делать что-либо) и «проявляется» через лицо: «напэ илэн» – иметь совесть (букв.: иметь лицо).

Кроме названной функции, по адыгской языковой картине мира, сердце является органом, в котором локализируются многочисленные состояния человека: восприятие («гум пхыкӀын» – воспринять что-л. всем сердцем (букв.: пройти сквозь сердце); различные эмоциональные состояния «гум еуэн» – обидеть кого-л. (букв.: ударить по сердцу); «гур гъэ-тӀылъын» – успокоиться (букв.: положить сердце); «гум ирихъын» – понравиться (букв.: поместиться на сердце); «гур ихын» – испугать кого-л. (букв.: вынуть

сердце); «гум пыкIын» – (букв.: сколько от сердца отходит); «гум хэщIын» – сильно огорчиться (букв.: сердце уменьшается); «гур щыхуэн» – получить удовлетворение (букв.: потереться своим сердцем о кого-что-л.) и т. п.

Национально-культурное своеобразие восприятия адыгами психической деятельности человека заключается и в том, что сердце является органом средоточения способности к запоминанию и воспоминанию: «гум къинэн» – запечатлеться, врезаться в память (букв.: остаться в сердце); «гум къыридзэн» – вспомнить что-л. мгновенно (букв.: запасть в сердце); «гум имыхужын» – не забыть (букв.: не выпасть из сердца); «гум игъэхужын» – изгладить из памяти (букв.: выбросить из сердца); «гум цубыдэн» – запомнить (букв.: задержать в сердце) и др.

Даже приведенных фразеологизмов достаточно для иллюстрации того, что в адыгской языковой картине мира сердце является «вместилищем» основных конститутивных свойств человека.

Итак, реконструкцию представлений адыгов о проявлении различных качеств и состояний человека, связанных с сердцем, возможно осуществить по соответствующим фразеологизмам. Условно их можно разделить на две группы: группа фразеологизмов, выражающих различные эмоциональные состояния, и группа фразеологизмов, которые обозначают состояние ума и сознания. Подобно сложным словам с «забывшейся» (или «стершейся») внутренней формой типа *гужан* (смекалистый, сообразительный – букв.: острое сердце), *гунэф* (тупой, тупоумный – букв.: слепое сердце) и т. п., данные фразеологизмы характеризуются высокой степенью метафоричности.

Не менее выразительными и метафоричными являются адыгские фразеологизмы с компонентом «псэ» – душа:

и псэр лукIащ его страх охватил; душа ушла в пятки (букв.: его душа отошла);

псэм хыхъэн войти в душу;

псэр къыхыхъэжын ожить; воспрянуть духом, прийти в себя (букв.: душа вошла вновь);

псэр дзапэкIэ Iыгъын находиться в состоянии тревоги, сильного беспокойства (букв.: держать душу передними зубами);

псэр пыхун изнемогать (букв.: душа отпала);

псэр пIэпыхуу (дахэщ) чарующе красиво (букв.: душу беря из рук – красиво);

(и) псэ еджэу телъын умирать (букв.: лежать, зовя душу);

псэм дэмышъэн не нравиться (букв.: не входить в душу);

псэм еIэн покушаться на жизнь (букв.: душу дергать);

псэм кIэрыпцIэн увлечься, понравиться (букв.: прилепиться к душе);

псэм хъэкъыу пхыкIын очень поверить, не сомневаться (букв.: пройти сквозь душу);

псибл Iутын быть физически очень крепким (букв.: иметь семь душ).

Фразеологизмы, составляющие концептосферу «псэ» (душа), как и в случае с «гу» (сердце), довольно всеобъемлющи в характеристике свойств человека. В них образно «измеряется» такая «мера» людей, как душа, ее жизнеспособность.

Для каждой лингвокультурной традиции характерна специфическая система образов – эталонов. На уровне фразеологии это, как правило, устойчивые сравнения, отражающие эмпирическое познание и оценивание действительности данным этносом. Как и в других языковых картинах мира (ЯКМ), в адыгской ЯКМ сравнения этого типа основаны на тематическом принципе: сопоставлении с животными, птицами, насекомыми, природными явлениями, различными предметами. Сферами приложимости такого сравнения в адыгских фразеологизмах являются обычно психологические и физические характеристики человека, черты его характера. При этом сравнение может быть выражено как эксплицитно, так и имплицитно:

аргъуей бзагуэ – (как) комар немой (о человеке, говорящем невнятно);

аслъэныгур зыкӀуэцӀылъ – имеющий сердце льва (об отважном человеке);

аслъэным хуэдэу кӀылъын – ринуться, как лев;

бабыщ зекӀуэкӀэ – походка, как у утки (шаткая, неустойчивая);

бабыщым хуэдэу делэ – глупый, как утка;

бжъэм хуэдэн – как пчелы (находиться в большом количестве);

вагъуэ ижым хуэдэу – как падучая звезда (очень быстро);

джатэ ихам хуэдэн – как обнаженный меч (быть решительным, напористым);

джэдыкӀэ щызебгъэжэн хуэдэу – как то, на чем можно яйцо катать (о гладкой поверхности);

жэм уанэ телъ хуэдэ – как корова, на которой седло;

(и) жьэр ІэкӀэ щӀалъхъа хуэдэ – словно ей (ему) рот руками приделали (о человеке, который за словом в карман не лезет);

зэзым хуэдэу дыдж – горький, как желчь (о человеке, слове и т. д.);

кӀунан мыгъасэу – как жеребенок-трехлеток необъезженный;

кӀурт жьэдэлъ хуэдэ – словно с сыром во рту (о молчании);

кхъуэгу кӀуэцӀылъын – сердце свиньи иметь (быть человеком равнодушным);

мастэкӀэ ублэным хуэдэу – как кончиком иглы нанизанный (отборный – о зерне);

мастэу кӀыхъуэн – кольнуть, как игла;

мацӀэ лъакъуэ – ноги (как) у саранчи (о тонконогом);

мацӀэ ныбэ – живот (как) у саранчи (о прожорливом, ненасытном);

мывэ сыну жын – застыть, как каменный памятник (стоять неподвижно);

псым хуэдэу кӀэфэн – танцевать, как вода (плавно);

уафэгъуагъуэм хуэдэу телъэдэн – налететь, как гром (накричать на кого-л., нагрубить кому-л.);

уафэм къехуэха хуэдэ – как будто с неба упал (неизвестно откуда, неожиданно);

фочым къикIа шэм хуэдэу – как пуля из ружья (очень быстро);

хъэкъурт жьэдэлъ хуэдэу – как будто с мукой из жареной кукурузы во рту (молчаливый, тихий);

хъэмрэ джэдумрэ хуэдэн – как собака с кошкой (враждовать друг с другом);

хъэпIацIэм хуэдэн – быть, как червяки (быть во множестве);

шэм хуэдэу теуэн – попасть, как пуля (поразить, убить словом, вестью);

шэ цIывам хуэдэу – как шальная пуля (чрезвычайно быстро);

шы дахэ мыжэ – (как) красивая, но не резвая, не прыткая лошадь (о внешне красивом, но по существу незначительном);

щIымахуэ мэракIуэ – (как) зимняя земляника (о несвоевременном деле).

Адыгские фразеологизмы – сравнения, как и в других этнокультурных традициях, не только отражают осмысление реальности этносом, но и являются культурно значимым источником.

Этнокультурная специфика кабардино-черкесского языка отражена и во фразеологизмах с квазисимволами. Если в собственно символах роль символической функции выполняют различные предметы, явления, персоны, в квазисимволах она сменяется значением языковой сущности. При таком замещении экспонентом является имя, но не реалья как таковая. Иными словами, символьное значение в квазисимволах приобретает не реалья, а ее имя, в чем и заключается дифференциация символической функции реалии и имени языкового знака. В последнем случае можно говорить о языковой символике. Так, в идиомах типа *гъуэгъу махуэ теувэн* – стать счастливым (букв.: стать на счастливую дорогу) и *гъуэгъу мы-гъуэ теувэн* – стать несчастным, жить в постоянных треволнениях (букв.: стать на несчастливую дорогу) символьным носителем является не реалья *дорога*, а имя, значение которого замещено символьным прочтением: *гъуэгъу* (дорога) – это судьба, жизнь (как счастливая, так и несчастливая). Данный адыгский культурно-национальный символ воплощен в языковой знак «*гъуэгъу*», при этом устойчиво ассоциируемый с ним (знаком) смысл не является его собственно языковым значением.

Круг квазисимволов во фразеологизмах кабардино-черкесского языка достаточно разнообразен и обусловлен этнокультурным контекстом. Приведенные идиомы отражают как универсальные, так и этнически специфичные символьные прочтения:

бзэгъу зехъэн – быть доносчиком, ябедой (букв.: носить язык);

бзэгъур къилэлъу къэкIухъын – сплетничать (букв.: ходить с высунутым языком);

и бзэгъу едзэкъэжын – сожалеть о сказанном (букв.: прикусить свой язык);

вакъэ зэв лъыгъын – прожить трудную жизнь (букв.: носить узкую обувь);

нэ лейкІэ еплъын – относиться с особым вниманием (букв.: смотреть лишними глазами);

(я) псэр зы чысэм илъын – жить душа в душу (букв.: их души в одном кисете);

псибл икІын – кануть в вечность (букв.: оно уже за семью реками);

псыр гъэутхъуэн – испортить дело, внести сумятицу (букв.: замутить воду);

пшахъуэ унэ щІын – заниматься ненадежным делом (букв.: построить дом из песка);

(и) пщэ илъын (дэлъын) – нести ответственность за что-либо (букв. быть на шее);

тхъэкІумэм имыгъэхъэн – оставить без внимания и ответа (букв.: не впустить в уши);

тхъэкІумэр гъэкІын (гъэжанын) – слушать внимательно, обратиться в слух (букв.: вырастить, наточить уши).

В качестве квазисимволов в данных фразеологизмах выступают (с соответствующими символьными прочтениями): *бзэгу* (язык) – источник информации; *вакъэ зэв* (узкая обувь) – причина трудностей, неудобств; *зы чысэ* (один кисет) – сближающее, объединяющее пространство; *псы* (вода) – мера чистоты, надежности; *псы* (река) – мера исчисления; *пша-хъуэ* (песок) – признак зыбкости, ненадежности; *пщэ* (шея) – ответственность; *тхъэкІумэ* (уши) – орган внимания (восприимчивость); *нэ* (глаз) – средство выражения внимания.

Фразеологизмы с квазисимволами, как и другие источники культурной интерпретации, отражают специфику адыгского миропонимания. Их особенность заключается в том, что так называемые квазисимволы, сохраняя свое символьное прочтение, не переосмысливаются метафорически. Однако, как и в случае с символами, они возникают в языке в результате отбора культурно значимой информации.

Символы-эталоны и квазисимволы как источники интерпретации могут пересекаться в определенном дискурсе с другим важнейшим адыгским культуроносным источником – с ритуальными формами этнической культуры. Такой синкретизм (сравнение, квазисимвол, ритуал) наблюдается, например, в следующем пожелании:

Псым хуэдэу уаулъагъу! – Чтоб тебя люди стали ценить так же, как и воду!

К данной группе фразеологизмов относятся, прежде всего, дифференцированные формулы приветствия:

Бэрэфыщэ апций! – Чтоб вы много настригли! (стригушим баранов);

Бохъу апций! – Чтоб стадо ваше увеличилось! (сопровождающим скот);

Гъуэгужь апций! – Да будет удачным твой путь! (встретившимся в пути);

Пшэрыхъ апций! – Жирной добычи вам! (охотникам);

Упсэу апций! – (ответ на приветствие);

ФІэхъус апций! – Добро пожаловать!

ФІэхъусыж! – С возвращением!

Формулы-пожелания также являются ритуальной приметой этнической культуры:

Бейтхъэж ухъу! – Да будь ты в достатке! (выражение благодарности за угощение);

Былымтегъуатэ ухъу! – Да расплодится твой скот!

НасыныфIэ ухъу! – Будь счастлив (счастлива)!

Тхъэр арэзы къыпхухъу! – Да будет бог доволен тобой! (выражение благодарности людям более старшего возраста);

Уи нэ фIыкIэ илъагъу! – Чтоб это было тобой увидено к добру.

К страноведчески маркированным адыгским фразеологизмам относятся языковые выражения, содержащие номинации характерных этнографических явлений. Для адыгов это, например, *абрэдж* (абрек), *анэмэт* (аманат, заложник):

абрэджу хыхъэжын – букв.: уйти в абреки (надолго отлучиться из дому);

анэмэт хуэщIын – поручить кому-л. присматривать за кем-чем-л., охранять кого-что-л.

Условно к данной группе фразеологизмов можно отнести и такие идиомы, которые являются источниками этнокультурной информации, обусловленной образом жизни. Как известно, особое место в жизни и мировосприятии недавних предков адыгов занимал конь и все, что с ним связано. Так, в оценке удачливости человека фигурирует седло – *уанэ*: *уанэ махуэ телъхъэн* – стать счастливым (букв.: удачным седлом оседлать); *уанэ мыгъуэ телъхъэн* – попасть в беду (букв.: оседлать несчастливым седлом).

Пространственные характеристики также могли быть связаны с данной сферой:

шурэ лъэсрэ я зэхуакущ – очень далеко (ему до него), сильно различаются (букв.: разница, как между всадником и пешим).

Страноведчески ориентированным является и слово-компонент *щIакIуэкIапэ* (*щIакIуэ* «бурка» + *кIапэ* «край») (удаль, поединок) во фразеологизме *щIакIуэкIапэ зэдытетын* – воевать, сражаться не на жизнь, а на смерть (букв.: стоять вместе на краю бурки).

Глава третья. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

1. Предварительные замечания

В настоящем очерке с привлечением материалов по адыгейскому (и его диалектам), убыхскому, абхазскому и абазинскому языкам рассматриваются следующие основные вопросы кабардино-черкесской диалектологии:

1. История возникновения кабардино-черкесских диалектов и говоров.
2. Этапы изучения кабардино-черкесских диалектов и говоров.
3. Классификация кабардино-черкесских диалектов и говоров.
4. Структурные (фонетические, грамматические и лексические) особенности кабардино-черкесских диалектов и говоров.
5. Тенденции развития кабардино-черкесских диалектов и говоров.
6. Отношение кабардино-черкесского литературного языка к диалектам и говорам.

В очерке учтены не только поздние, но и позднейшие исследования, выполненные по диалектологии адыгских языков как учеными нашей страны, так и зарубежными лингвистами. Так, в нем использованы работы канадского кавказоведа Дж.Коларуссо по кабардинскому языку, опирающегося на материал говора кабардинцев, компактно проживающих в штате Нью-Джерси, США, голландского ученого Р.Смейтса по шапсугскому диалекту, представленного в Турции, французских ученых О.Алпарслана, Ж.Дюмезиля, К.Пари, голландского адыговеда А.Койперса, и др., занимающихся сбором диалектальных текстов в Анатолии и их анализом.

Автором использованы также работы по диалектологии Ш.Ногмова, Хан-Гирея, Л.Лопатинского, Д.Ашхамафа, Л.Люлье, Н.Яковлева, Г.Турчанинова, М.Кумахова, З.Кумаховой, П.Багова, К.Мамрешева, А.Шагирова, Т.Куашевой, Р.Темировой, З.Керашевой, Б.Бербекова, Б.Балкарова, К.Аутлева, Ю.Тхаркахо, Б.Бижоева и др.

2. К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

Кабардино-черкесские диалекты, образовавшиеся в результате сложных процессов дифференциации и интеграции языка, в силу определенных лингвистических и экстралингвистических условий не превратились в самостоятельные языки, а продолжают существовать как особые единицы кабардино-черкесского языка.

Появление условий для образования кабардино-черкесских диалектов и говоров относится к концу 13 и началу 19 века и связано с возникновением мелких феодальных владений, политически и экономически разобщенных друг от друга. Это подтверждается как историческими фактами, так и лингвистическим материалом. Данные кабардино-черкесских диалектов и говоров показывают, что языковые процессы имеют разную хронологическую глубину, охватывая эпоху общеадыгского единства и период после его распада.

Эпоха феодализма в Кабарде характеризуется в языковом отношении тем, что происходит унификация диалектов внутри одного княжества, с одной стороны, и увеличение диалектных различий отдельных княжеств, с другой. Смешение различных

этнических групп способствует как сохранению архаичных черт языка, утраченных литературным языком, так и появлению инноваций, вызванных факторами спонтанного характера и новой языковой ситуацией. Этим объясняется наличие расплывчатых пучков лексических изоглосс и большого, количества общих фонетических и морфологических изоглосс в кабардино-черкесских диалектах и говорах.

В образовании кубано-зеленчукских говоров принимали участие шапсуги, абадзехи, бесленеевцы. Однако так называемые «беглые кабардинцы», проникшие в конце 18 и начале 19 века в районы Кубани и Зеленчуков, составили основное этническое ядро носителей кубано-зеленчукских говоров. Диглоссия, отсутствие тесной связи с основной массой кабардинцев и многоязычная среда определили в целом ареальные особенности кубано-зеленчукских говоров.

Образование кубанского диалекта связано с переселением части кабардинцев, известных в литературе под названием «кубанских» или «закубанских» кабардинцев, в бассейн реки Кубани в конце 18 и начале 19 века (примерно до 1822 г.).

Диалектальные особенности речи кубанских кабардинцев сформировались не только в результате полного прекращения общения с основной массой кабардинцев, но и при активном и продолжительном давлении со стороны близкородственного адыгейского языка. Результаты такого сильного одностороннего влияния сказываются в звуковом составе, грамматическом строе и особенно в лексике кубанского диалекта.

Носители малкинского говора в начале 19 века жили в районе гор Машук и Бештау и вели несколько обособленный от других кабардинцев образ жизни. Но диалектальные контакты с абазинцами, жившими также между Машуком и Бештау, способствовали появлению фонетических особенностей, которые сохранились и после переселения их в район Малки. Исторические источники дают основание полагать, что выселение носителей малкинского говора из Пятигорья имело место в 1825 - 1830 гг.

Почти 150 лет живут носители малкинского говора в теснейшем контакте с кабардинцами, и, несмотря на длительное и многостороннее давление со стороны литературного языка, специфические фонетические особенности малкинского говора не подверглись нивелировке как в речи старшего, так и младшего поколения.

Образование моздокского диалекта связано с массовыми побегами кабардинских крестьян в моздокский район и относится к периоду основания города Моздока (в 30-50 годах 13 века), но с основанием Моздока случаи бегства кабардинских крестьян в Моздокский район увеличились. Причем побеги совершались не только из Малой Кабарды, но и из Большой Кабарды.

В появлении специфических ареальных особенностей в моздокском диалекте важное значение имели смешение различных этнических групп, территориальная, экономическая, политическая и духовная (с принятием христианства большей частью носителей моздокского диалекта) обособленность, раннее развитие кабардино-русского одностороннего двуязычия, отсутствие влияния литературного языка, длительные тесные контакты с носителями осетинского и ногайского языков.

Говоря о моздокском диалекте, необходимо подчеркнуть наличие лексических изоглосс, являющихся отражением бытовых, общественных и семейных отношений между кабардинцами-христианами и кабардинцами-мусульманами. Изолированные в религиозном отношении, они оказались изолированными и в области языка, в речи

кабардинцев-мусульман много арабских заимствований, в то время как лексика, связанная с христианством, составляет большой процент заимствований в речи кабардинцев-христиан. Наличие двух лексических групп внутри одного диалекта обусловлено еще и тем, что кабардинцы-христиане составляют более архаичную часть носителей моздокского диалекта.

Образование диалекта Большой Кабарды и малокабардинского говора связано с разделением Кабарды на два феодальных владения - на Большую Кабарду и Малую Кабарду, которое окончательно утвердилось в 17 веке. Такое деление и известная обособленность их на протяжении длительного времени способствовали появлению диалектальных особенностей, касающихся в основном лексического состава малокабардинского говора. В основе кабардино-черкесского литературного языка лежит диалект Большой Кабарды, который по своей фонетической системе является более простым и на котором говорит основная масса кабардинцев.

В отличие от указанных диалектов и говоров, образование бесленеевского диалекта уходит в глубь истории. Бесленеевцы отделились от кабардинцев еще в 15 веке и жили в 16-17 вв. между Кубанью и Лабой.

После покорения Кавказа основная масса бесленеевцев эмигрировала в Турцию и уже к 1858 году их осталось на Кавказе не более пяти тысяч человек. В результате от цельного и многочисленного племени на исторической родине остались небольшие этнографические островки по Кубани и Зеленчукам. Бесленеевские села Кононова и Кургоково оказались оторванными как от основной части бесленеевцев, так и от других кабардино-черкесских племен. Этим обусловлено появление некоторых дивергентных черт внутри бесленеевского диалекта. Так, под влиянием адыгейского языка в речи жителей сел. Кононово и Кургоково проникли адыгейский способ передачи органической и имущественной принадлежности, некоторые принципы оформления лиц в глаголе и т.д.

Изолированное развитие бесленеевского диалекта способствовало сохранению наиболее архаичных явлений как в фонетике, так и в мифологии, утраченных литературным языком и другими диалектами кабардино-черкесского языка в процессе диахронического развития.

За пределами нашей страны кабардино-черкесский язык более компактно представлен в Турции, Сирии и Иордании. Переселение кабардинцев в эти страны имело место в 50-х годах 19 века.

3. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

Историю изучения кабардино-черкесских диалектов и говоров условно можно разделить на два этапа. На первом этапе не ставилась задача всестороннего исследования особенностей диалектов и говоров и установления диалектного членения кабардино-черкесского языка. Энтузиастами собирались и публиковались в выпусках СМОМПК и некоторых печатных органах фольклорные и другие тексты, отражающие так или иначе языковые особенности того или иного лингвистического региона. Эти тексты страдают неточностями, вызванными несовершенством транскрипции, метода сбора диалектных материалов. Но тем не менее трудно переоценить их значение как первых и единственных письменных памятников, отражающих многие специфические особенности кабардино-черкесских диалектов и говоров, которые теперь встречаются

редко или совсем исчезли. Эти тексты являются хорошим материалом для уяснения вопроса о том, какие изменения произошли с момента первых публикаций и в каком направлении происходит развитие языка. Особенно полезны материалы Ш.Ногмова и К.Атажукина.

Для выбора опорного диалекта как базы литературного языка, для составления алфавита и разработки орфографии в период создания письменности проводилась определенная работа по выявлению некоторых особенностей диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. Однако в связи с тем, что диалекты и говоры не были изучены монографически, попытки классифицировать кабардино-черкесские диалекты на первом этапе их изучения не дали сколько-нибудь ясной картины диалектной структуры кабардино-черкесского языка.

Второй этап начинается с попытки определения диалектного членения кабардино-черкесского языка, исходя из особенностей территориальных диалектов и говоров.

Н.Ф. Яковлев делает первую попытку классифицировать диалекты кабардино-черкесского языка на основе фонетического принципа. По Яковлеву Н.Ф. в пределах Большой и Малой Кабарды основная масса населения говорит на восточно-кабардинском или терско-кабардинском наречии, носителями другого - кубано-кабардинского наречия, являются кабардинцы (черкесы), проживающие в республике Адыгея и Карачаево-Черкесской Республике. Речь бесленеевцев рассматривается Н.Ф. Яковлевым как промежуточная между кабардинским и адыгейским языками.

Д.А. Ашхамаф, который дал краткое описание основных фонетических и морфологических особенностей адыгейских диалектов, считает, что кабардинский язык распадается в настоящее время на три основные разновидности: кабардинский, на котором говорят кабардинцы Кабардино-Балкарской Республики, черкесско-кабардинский, на котором говорят кабардинцы (черкесы) Карачаево-Черкесской области и адыгейско-кабардинский, на котором говорит население (кабардинцы, бесленеевцы и немногочисленные абазинцы) четырех аулов Адыгейской области: Уляп, Кошехабль, Блечепсин и Ходз. Вместе с тем Д.А. Ашхамаф первым обратил внимание на кубанский диалект и причины его возникновения.

Г.Ф. Турчанинов, специально занимавшийся моздокским диалектом, писал: «Диалектов кабардинского языка три: литературный, или баксанский, моздокский и бесленеевский...наряду с диалектами в кабардинском языке налицо целый ряд говоров, т.е. разноместных, преимущественно звуковых различий».

Монографическое изучение кабардино-черкесских диалектов и говоров становится в центре внимания исследователей в конце 40-х и начале 50-х годов.

В кандидатских диссертациях П.М. Багова, Б.Х. Балкарова, Т.Х. Куашевой, М.А. Кумахова, К.Т. Мамрешева, А.К. Шагилова выявлен фонемный состав, описаны дифференциальные признаки согласных и гласных и основные фонетические процессы, рассмотрены законы звукосоответствия, отмечены звуковые изменения, обусловленные внешними влияниями, дан грамматический строй, широко представлены лексические особенности кабардино-черкесских диалектов и говоров.

Анализу лексических особенностей речи черкесов посвящена кандидатская диссертация Р.Х. Темировой. Диалектная лексика кабардинского языка исследована Б.Ч.

Бербековым. Речи зарубежных адыгов посвящены ряд статей и отдельный раздел монографии Бижоева Б.Ч.

Результатом фронтального изучения диалектов и говоров явились «Очерки кабардино-черкесской диалектологии».

Для исследования диалектов и говоров кабардино-черкесского языка большое значение имеют работы К.В. Ломтатидзе и Г.В. Рогава по проблемам фонетической системы и грамматического строя абхазо-адыгских языков, в которых содержится интерпретация многих фонетических и грамматических особенностей кабардино-черкесских диалектов и говоров.

В работе «К вопросу о классификации адыгских диалектов» М.А. Кумахов на основе имеющихся исследований и собственных наблюдений дает классификацию диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. «Выявленные особенности, - пишет М.А. Кумахов, - позволяют нам в кабардинском языке выделить, кроме диалекта Большой Кабарды, бесленеевский, кубанский и моздокский диалекты. Помимо этих четырех в кабардинском языке выделяются три говора: малкинский, малокабардинский и черкесский».

П.М. Багов выдвинул новую классификацию черкесских говоров, согласно которой речь черкесов распадается на пять говоров: абзактский, псоучедаховский, эрсаконский, первомайский и хабезский.

Учитывая, что речь жителей многих кабардинских сел не стала предметом специального исследования, Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики организовал в 1972-1975 гг. технически хорошо оснащенные лингвистические экспедиции (руководитель - автор настоящего очерка) к носителям моздокского диалекта Северной Осетии и Ставропольского края. Записаны на магнитофонную ленту образцы речи жителей всех кабардинских сел Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики.

Основной целью этой большой работы явилась запись лингвистических текстов, отражающих все уровни языковой системы данного говора или диалекта: фонетические, морфологические, синтаксические и лексические. Необходимо было выявить те языковые процессы, которые переживают диалекты и говоры в наши дни, отметить лингвистические факты, которые подверглись изменениям, описать новые явления, возникшие в процессе диахронического развития диалекта и говора.

Экспедиции помогли уточнить многие положения, внести коррективы и интерпретации звуковых и грамматических процессов, имеющих место в диалектах и говорах, отметить ареальные изоглоссные явления.

Собранный материал отражает живую речь представителей всех возрастов обоого пола и четко характеризует диалектную структуру современного кабардино-черкесского языка. Результаты этих экспедиций стали основой для фонотек, созданных в КБИНФЭ и КБГУ.

Сравнительный анализ имевшихся исследований и материалов экспедиций дал возможность внести коррективы в существующие положения. Записи экспедиции показывают, что объединение моздокского диалекта и малокабардинского говора неправомерно, моздокский диалект обнаруживает значительные фонетические, грамматические и лексические особенности, отличающие его от других кабардино-

черкесских диалектов и говоров, а специфические особенности малокабардинского говора незначительны и они касаются преимущественно лексики.

Более того, моздокский диалект не является однородным. Здесь отмечаются разделяющие лексические изоглоссы, являющиеся отражением различия бытовых, общественных и семейных отношений между кабардинцами-христианами и кабардинцами-мусульманами.

Речь бесленеевских аулов обнаруживает, как показали результаты лингвистической экспедиции, фонетические, грамматические и лексические изоглоссы, вызванные лингвистическими и экстралингвистическими процессами. Диалектологический материал позволяет утверждать, что как в фонетической системе, так и морфологическом строе бесленеевский диалект сохраняет наиболее архаичные явления, утраченные литературным языком и другими диалектами и говорами кабардино-черкесского языка. Отклонения от норм литературного языка, как показывает материал фонотек КБИНИИФЭ и КБГУ, свойственны речи многих кабардинских сел КБР. Речь жителей села Залукокоаже, например, обнаруживает особенности, сближающие ее с речью черкесов, в ней, как в кубано-зеленчукских говорах (Эрсакон, Хабез, Первомайск), личные показатели оказываются огласованными там, где в литературном языке они не огласованы (*дышхэсь* вм. *тишащ*, *дыхъынсь* вм. *тхъынщ*). Здесь отсутствует суффиксальный показатель динамичности *-р*, функционирует причастная форма с морфемой *-тэ*, (*къэкълуатэр*, *слъэгъуатэр*). Отмечаются лексические изоглоссы, пересекающиеся с кубано-зеленчукскими говорами и др. Все это подтверждает исторические данные о переселении жителей с.Залукокоаже с территории Карачаево-Черкесской Республики.

Определенные лексические особенности обнаруживают некоторые села Большой Кабарды, находящиеся длительное время в тесном контакте с осетинскими и балкарскими селами.

Речевые особенности отдельных кварталов некоторых сел показывают, что в данный регион они пришли из различных исторических мест. Так, например, длительная совместная жизнь жителей села Нартан не могла нивелировать особенности в речи, и в зависимости от речевых особенностей сейчас легко разделить их на три группы.

Специфические признаки в области фонетики и лексики выявляет и речь жителей сел. Каменноостское и Сармаково.

Материалы фонотеки Кабардино-Балкарского ИИФЭ и имеющиеся исследования показывают, что, несмотря на большие расхождения между диалектами и говорами, в них отмечаются фонетические, грамматические и лексические изоглоссы, являющиеся общими для всех или же характерными для определенной группы диалектов и говоров.

В фонетической системе и лексике кабардино-черкесских диалектов и говоров общие изоглоссы имеют более обширную географию и носят более выраженный характер, так как в них сохраняются различные ступени развития общенародного языка. Фонетические процессы в одних диалектах и говорах протекают более интенсивно, в других они более консервативны. Такое состояние дает надежный материал для реконструкции фонетической системы общенародного языка.

4. Классификация кабардино-черкесских диалектов и говоров

На основании проведенных исследований, в том числе материала, собранного КБНИИФЭ во время лингвистических экспедиций в 1972-1975 гг., и в период наших поездок в страны адыгской диаспоры, мы выделяем баксанский (речь жителей Большой Кабарды, бесленеевский, кубанский, моздокский диалекты, кубано-зеленчукские, малкинский, малокабардинский говоры, а также говоры кабардино-черкесской диаспоры в Турции, Сирии, Иордании и США).

На баксанском диалекте говорят кабардинцы, живущие в Большой Кабарде (исключение составляют представители малкинского говора). Носители баксанского диалекта проживают в Зольском, Баксанском, Прохладненском, Урванском, Черекском, Чегемском, Эльбрусском районах Кабардино-Балкарской Республики.

На кубанском диалекте говорят кабардинцы, проживающие в аулах Ходз, Блечепсин, Кошехабль, Уляп Республики Адыгея.

Носители моздокского диалекта живут в городе Моздоке и станице Луговской Северо-Осетинской Республики и хуторах Серноводск, Соколово, Губжоково, Давлетово, Тамазово Курского района Ставропольского края.

На бесленеевском диалекте на Кавказе говорят жители аулов Бесленей и Вакожиле Карачаево-Черкесской Республики и аулов Кургоково и Коноково Успенского района Краснодарского края.

Кубано-зеленчукские говоры делятся на пять говоров: абзактский, псоучедаховский, эрсаконский, первомайский и хабезский. Носители хабезского говора проживают в аулах: Хабез, Жако, Али-бердуковский, Зеюко, Кош-Хабля, Малый Зеленчук, Ново-Хумаринский, Адыге-Хабль, Инжиджишхо, Баралки, Старо-Хумаринский. Абзактский, псоучедаховский, эрсаконский, и первомайский говоры являются так называемыми одноаульными говорами.

Носители малкинского говора живут в селах Хаджихабле (нижняя часть с.Малка), Батех и Этоко Зольского района Кабардино-Балкарской Республики.

На малокабардинском говоре говорят кабардинцы, живущие в Малой Кабарде (Терский район Кабардино-Балкарской Республики).

При характеристике того или иного диалекта или говора учитываются лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности, но при выделении того или иного диалекта, говора одни признаки оказываются основными, ведущими, остальные - побочными, маргинальными.

В силу этого фонетические признаки оказываются доминирующими при выделении бесленеевского, кубанского, моздокского диалектов и кубано-зеленчукских, малкинского говоров, а для баксанского диалекта и малокабардинского говора ведущими являются лексические.

В кабардино-черкесском языкознании не принято рассматривать речь кабардинцев и бесленеевцев в странах адыгской диаспоры как говоры. Между тем наши материалы свидетельствуют о том, что кабардино-черкесский язык в Турции, Сирии, Иордании и США характеризуется своеобразием структурных признаков, являвшихся следствием его развития в течение 130 лет в условиях изоляции от исторической родины и в тесных контактах с адыгскими диаспорами в этих странах. На кабардино-черкесский язык в этих

странах оказали сильное воздействие (на лексическом уровне) также турецкий и арабский языки, в последний период заметно воздействие лексики английского языка на язык американских кабардинцев, проживающих в США. (Штат Нью-Джерси).

Анализ наших бесленеевских текстов, а также текстов, записанных в Турции Ж.Дюмезилем, К.Пари, О.Алпарсланом, показывают, что речь бесленеевцев в Анатолии значительно отличается от бесленеевского диалекта, представленного на исторической родине. Это касается не только многочисленных лексических тюркизмов, но и фонетических явлений.

В целом представляется правомерным выделять кабардино-черкесские говоры, носители которых компактно проживают в Турции, Сирии, Иордании и США, как отдельные единицы.

II. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

4.1. Принято считать, что кабардино-черкесские диалекты и говоры сохранили немного архаизмов по сравнению с адыгейскими диалектами и говорами. Более того, при реконструкции общеадыгского языка некоторые лингвисты основываются на данных адыгейских диалектов. Так, А.Койперс строит свою концепцию общеадыгского (проточеркесского - по его терминологии) консонантизма в основном на материале бжедугского диалекта, считая последний своеобразной праязыковой моделью. Между тем ни один из живых диалектов или говоров не может быть эталоном для реконструированного общеадыгского языка, в том числе и его консонантной системы.

Что касается положения об инновационном характере структурных особенностей кабардино-черкесских диалектов и говоров по сравнению с адыгейским, то оно наталкивается на трудности при сравнительно-историческом анализе материала. Действительно, адыгейские диалекты и говоры сохраняют многие структурные, в особенности фонетические признаки, исчезнувшие в кабардино-черкесских диалектах и говорах. Однако и в последних представлено немало архаичных (общеадыгских) явлений, утраченных адыгейскими диалектами и говорами. Дело в том, что некоторые праязыковые (общеадыгские) подсистемы (например, консонантизма) имеют продолжение в адыгейских диалектах и говорах, а другие - в кабардино-черкесских диалектах и говорах.

В целом кабардино-черкесские диалекты и говоры сохранили языковые явления, восходящие к разным, хронологическим уровням: западнокавказскому (абхазско-адыгскому), общеадыгскому и периоду самостоятельного развития адыгейского и кабардино-черкесского языков и диалектов.

4.2. Основная иерархия кабардино-черкесского консонантизма - трехчленная система смычных в составе звонкого, глухого и абруптивного) (глоттализированного) типа *б, п, пI, д, т, тI*, и др. и двучленная система спирантов из звонкого и глухого типа *ж, ш, з, с* восходят к западно-кавказскому уровню. Отсутствие адыгейских аспирированных (глухих придыхательных) и неаспирированных (абруптивных) типа бжедугских *nh, n, th, t, ch, ч* (*nha* «нос», *neh* «сегодня», *thyn* «дать», *tamэ* «крыло», *chy* «хворост», *chмы* «корова») сближает кабардино-черкесские диалекты и говоры с другими западнокавказскими языками (убыхским, абхазским и абазинским), что говорит в пользу инновационного характера оппозиции аспирированный-неаспирированный в консонантизме абхазо-адыгских языков.

Кабардино-черкесские диалекты и говоры сохранили общеадыгский среднеязычный лабиализованный спирант *ху*, утраченный адыгейскими диалектами: кабардино-черкесский (геср. общеадыг.) *махуэ* > адыгейский *мафэ* «день», кабардино-черкесский (геср. общеадыг.) *хуабэ* адыгейский *фабэ* «теплый». Только в одной фонетической позиции - в положении после шипящего спиранта адыгейские диалекты удерживают общеадыгский спирант *ху*: адыгейский, кабардино-черкесский *йынышхуэ* «великий, громадный».

К общеадыгскому языку восходят простые заднеязычные смычные *г*, *к*, *кI*, сохранившиеся в бабугойском говоре кабардино-черкесского языка. Эти общеадыгские согласные изменились в шапсугском и бесленеевском диалектах и ряде кабардино-черкесских говоров в палатализованные заднеязычные *гь*, *кь*, *кIь*, а последние - в аффрикаты *дж*, *ч*, *чI* в абадзехском, бжедугском и темиргоевском диалектах и в кабардино-черкесском литературном языке. Ср. *бабуг.* (геср. общеадыг.) *бзагэ* > шапс., *бесл.* *бзагьэ*, *абадз.* *бжедуг.*, *темирг.*, *каб.-черк. лит.* *бзаджэ* - «хитрый, злой», *бабуг.* (геср. общеадыг.) *кы* > шапс., *бесл.* *кьы* > *абадз.* *бжедуг.*, *темирг.*, *каб.-черк. лит.* *чы* «хворост», *бабуг* (геср. общеадыг.) *кIэ* > шапс., *бесл.* *кIьэ* > *абадз.* *бжедуг.*, *темирг.*, *каб.-черк. лит.* *чIэ* «хвост, конец».

Таким образом, реконструкция общеадыгских простых заднеязычных согласных, *г*, *к*, *кI* опирается на материал бабугойского говора кабардино-черкесского языка, во всех других адыгских диалектах и говорах исчезли эти общеадыгские *г*, *к*, *кI*. Однако прочие передвижения *г*, *к*, *кI* > *гь*, *кь*, *кIь* > *дж*, *ч*, *чI* протекают с разной степенью интенсивности в адыгских диалектах и говорах. Данный фонетический процесс, обусловивший значительные фонетические изменения в адыгских языках, завершён в абадзехском, бжедугском и темиргоевском диалектах адыгейского языка. Анализируемый фонетический процесс даёт изоглоссные явления в шапсугском и бесленеевском диалектах, где вместо старых (общеадыгских) *г*, *к*, *кI* представлены их рефлексy - палатализованные согласные *гь*, *кь*, *кIь*. Однако бесленеевский диалект и некоторые кабардино-черкесские говоры обнаруживают вариантное существование *гь*, *кь*, *кIь* и *дж*, *ч*, *чI*: *гъанэ//джанэ* «рубашка», *кьы//чы* «хворост», *кIьы//чIы* «хвост, конец». Наиболее устойчивый статус палатализованные *гь*, *кь*, *кIь* имеют в анатолийском бесленеевском говоре. Материалы Ж.Дюмезиля, К.Пари, О.Алпарслана и наши наблюдения показывают устойчивое употребление палатализованных *кь*, *кь*, *кIь* вместо аффрикат *дж*, *ч*, *чI* в говоре анатолийских бесленеевцев. Характерно, что в работе Дж.Коларуссо, в основе которой лежит материал кабардинского говора, ныне представленного в штате Нью-Джерси (США), регулярно даются палатализованные *гь*, *кь*, *кIь* вместо аффрикатного ряда *дж*, *ч*, *чI*. Палатализованные *гь*, *кь*, *кIь* вместо аффрикат *дж*, *ч*, *чI* представлены в материалах Л.Г. Лопатинского, К.Атажукина, П.Тамбиева, и др. Ср. у Л.Г. Лопатинского *чъэгу* «игра», *кIьэ* «хвост», у К.Атажукина: *чъатэ* «сабля», *кьэнж* «неглубокий, мелкий», *кIьэпхын* «фартук» и др.

В бесленеевском диалекте оппозиция по мягкости-твёрдости трехчленных аффрикат *дж*, *ч*, *чI*, *джь*, *чь*, *чIь* и шипящих спирантов *жъ*, *ж*, *шъ*, *ш* сближает этот диалект с бжедугским и темиргоевским диалектами (в шапсугском диалекте старые *джь*, *чь*, *чIь* совпали с мягкими *дж*, *ч*, *чI*). Однако есть основания утверждать, что в ряде случаев бесленеевский диалект удерживает общеадыгские твёрдые шипящие аффрикаты *джь*, *чь*, *чIь*, утраченные во всех других адыгейских и кабардино-черкесских диалектах и говорах. Ср. *бесл.* *джъыг* «дерево», *чъы* «лошадь», *чIьымахуа* «зима»

Заметим, однако, что фонологические оппозиции как шипящих аффрикат *дж*, *ч*, *чл*, *джъ*, *чъ*, *члъ*, так и шипящих спирантов *жъ*, *ж*, *шъ*, *ш* исчезли в речи анатолийских бесленеевцев, где твердые члены оппозиции совпали с мягкими. Здесь анатолийский говор бесленеевцев обнаруживает сходство с шапсугским диалектом в развитии консонантной системы.

Изменение старых (общеадыгских) аффрикат в спиранты протекает крайне неравномерно в кабардино-черкесских диалектах и говорах. Бесленеевский диалект в этом отношении представляет зону консервации среди кабардино-черкесских диалектов. Ср. бесл. *джэм* > бакс., каб.-черк. лит. *жэм* «корова», бесл. *чэ* > бакс., каб.-черк. лит. *шэ* «молоко», бесл. *члэ* > бакс., каб.-черк. лит. *шлэ* «молодой», бесл. *бджэ* > бакс., каб.-черк. лит. *бжэ* «зверь», бесл. *чы* > бакс., каб.-черк. лит. *шы* «лошадь», бесл. *члэ* > бакс., каб.-черк. лит. *шлэ* «дно».

Заслуживает внимание тот факт, что в подобных случаях бесленеевский диалект удерживает старые *чъ*, *ч*, утраченные адыгейскими диалектами. Ср. спирантизация старых (общеадыгских) аффрикат в адыгейских диалектах: бесл. (*resp.* общеадыг.) *чы* > бжедуг., абадз., темирг. *шы* «лошадь», бесл. (*resp.* общеадыг.) *чэ* > бжедуг., темирг., абадз. *шэ* «молоко». Здесь обнаруживается бесленеевско-шапсугские фонетические изоглоссы, восходящие к общеадыгскому состоянию. Ср. шапс., (*resp.* общеадыг.) *мэчы*, бесл. *мэч* «просо», шапс. бесл. (*resp.* общеадыг.) *чыбжьый* «перец», шапс., бесл. (*resp.* общеадыг.) *чынэн* «бояться», шапс., бесл. (*resp.* общеадыг.) *гуэчын* «делить».

Относительно указанной фонетической изоглоссы бесленеевский диалект неоднороден. Консервация общеадыгского явления характерна для речи бесленеевцев, проживающих на исторической родине, в то время как в анатолийском бесленеевском говоре отмечается спирантизация старых аффрикат: анат.-бесл. *мэшь* «просо», *шыбжьий* «перец», *гуэшьын* «делить»

Общеадыгские шипящие аффрикаты сохраняются в материалах Ш.Б. Ногмова: *джып* «карман», *бджэ* «лиса», *члалэ* «молодой», *чы* «земля».

Если у Ш.Б. Ногмова уже не различаются первичные шипящие аффрикаты по твердости и мягкости, то подобное противопоставление имеет место в абазактском говоре. Ср. абазакт. *лэгуанджэ* «колено», *чы* «лошадь», *члэуынэ* «погреб», *джылэ* «село», *чархэ* «колесо», *члалэ* «парень». Данная оппозиция шипящих аффрикат сближает абазактский говор с бесленеевским диалектом. Как в абазактском говоре, так и в бесленеевском диалекте оппозиция шипящих аффрикат по твердости и мягкости является продолжением общеадыгского состояния. Однако возможна и другая интерпретация, согласно которой оппозиция первичных шипящих аффрикат по твердости и мягкости в абазактском говоре носит инновационный характер, т.е. появилась в результате тесных контактов носителей говора с бесленеевцами. Но окончательное решение этого вопроса нуждается в привлечении дополнительного материала диалектов, в том числе кабардино-черкесских говоров в странах адыгской диаспоры.

Оппозиция старых шипящих спирантов по твердости и мягкости *ж*, *жъ*, *ш*, *шъ* сохраняется в бесленеевском диалекте и в кубано-зеленчукских говорах, продолжающих (как и адыгейские диалекты, за исключением шапсугского диалекта) общеадыгское состояние. Ср. бесл., абазакт. *жэ* «рот», *жыбжьэ* «ветер», бесл. *шэ* «сало», абазакт. *нашэ* «огурец», бесл., абазакт. *шы* «три».

Отмеченная оппозиция характерна не для всех бесленеевских и кубано-зеленчукских говоров. В речи анатолийских бесленеевцев имеет место нейтрализация противопоставления старых шипящих спирантов по твердости и мягкости: твердые члены оппозиции совпали с мягкими вариантами. В этом отношении анатолийский бесленеевский говор, как и некоторые кубано-зеленчукские говоры, объединяется с шапсугским диалектом адыгейского языка. Ср. анат.-бесл., бжедуг. / темирг. *гуыбжы* > шапс., анат.-бесл. *губжъ* «гнев». ср. также малк. *жы, зъэ* (<жэ) «рот», *Іэжъэ, Іэзъэ* (<Іэжъэ) «сани». В то же время бесленеевские говоры сохраняют некоторые архаизмы системы шипящих спирантов, утраченные другими адыгскими (адыгейскими и кабардино-черкесскими) диалектами и говорами. Ср., например, бесл. (*resp.* общеадыг.) *шэн* > бжедуг, темирг. *шьэн*, бакс, *шьэн* «продавать».

Среди фонетических явлений кабардино-черкесских диалектов и говоров, восходящих к периоду распада общеадыгского единства, относится исчезновение старых лабиализованных свистящих аффрикат *дзу, цу* и лабиализованных шипяще-свистящих спирантов *жъу, шъу, шлу*. Если такие звуковые процессы, как аффрикатизация заднеязычных *г, к, кІ* > *гъ, къ, кІъ* > *дж, ч, чІ*, спирантизация аффрикат *джъ, чъ, чІъ*, *дж, ч, чІ* > *жъ (жъ), шъ (шъ), шІ* окончательно не доведены до конца в кабардино-черкесских диалектах и говорах, то утрата лабиализованных *дзу, цу, жъу, шъу, шлу* является повсеместной. Согласные *дзу, цу, жъу* изменились в звонкий лабиальный спирант *в*, согласные *шъу, шлу* - соответственно перешли в глухой лабиальный спирант *ф* и абруптивный лабиальный спирант *фІ*. В результате возник троичный ряд *в, ф, фІ*. Последние представляют собой кабардино-черкесскую инновацию в адыгском консонантизме. Ср. адыг (*resp.* общеадыг.) *хъандзу* > каб-черк. *хъэвэ* «стог», адыг (*resp.* общеадыг.) *цуы* > каб-черк. *вы* «вол», адыг. (*resp.* общеадыг.) *жъуэн* каб-черк. *вэн* «пахать», адыг. (*resp.* общеадыг.) *шъуызы* каб-черк. *фыз* «женщина», адыг. (*resp.* общеадыг.) *машлуэ* > каб-черк. *мафІэ* «огонь». Наряду с кабардино-черкесской инновацией - глухим лабиальным спирантом *ф*, полученным из общеадыгского лабиализованного *шъу*, имеется и адыгейская инновация - глухой лабиальный спирант *ф*, восходящий (как отмечалось выше) к кабардино-черкесскому (*resp.* общеадыг.) лабиализованному спиранту *ху*.

Фонетические изменения бывают и локальными, охватывая лишь отдельные диалекты и говоры. К таким маргинальным фонетическим явлениям может быть отнесен переход среднеязычного спиранта *г* в сонорный *й* и среднеязычного лабиализованного спиранта *ху* в лабиализованный спирант *һу* в анатолийском бесленеевском говоре. Ср. каб-черк. лит. *бэзын* > анат.-бесл. *бэйын* «распухнуть, опухнуть», каб-черк. лит. *лъагэ* > анат.-бесл. *лъайэ* «высокий», каб-черк.лит. *нэху* > анат.-бесл. *нэһу* «свет», каб-черк. лит. *цІыху* > анат.-бесл. *цІыһу* «человек». Ср. также переход *г* в мягкий *г'* в кубано-зеленчукских говорах: каб-черк. лит. *жыг'* > абзакт. *жыг* «дерево». К маргинальным фонетическим явлениям относится также переход шипяще-свистящих спирантов в мягкие свистящие спиранты в моздокском диалекте и малкинском говоре: *жъ, шъ, шІ* > *зь, сь, сІь*: каб-черк. *жъы* > мозд., малк. *зъы* «ветер», каб-черк. лит. *шъабэ* > мозд., малк. *съабэ* «мягкий» каб-черк. лит. *шІэн* > мозд., малк. *сІьэн* «делать». Ср. также переход *жъ, шъ, шІ* в мягкие шипящие *жь, шь, шІь* в малкинском говоре в речи другого слоя его носителей.

Локальные фонетические отличия (в рамках очерка мы отмечаем лишь некоторые из них) особенно характерны для речи бесленеевцев в Анатолии, кубано-зеленчукских говоров и моздокского диалекта, что, по-видимому, объясняется тегерогенностью основы их сложения и отчасти изолированностью условий их развития.

4.3. В качестве позиционных фонетических особенностей кабардино-черкесских диалектов и говоров широкое распространение получило изменение шипяще-свистящего спиранта *шъ* как морфемы-копулы в свистящий спирант *съ*. Ср. каб-черк. лит. *кӀуашъ* > бакс. *кӀуась* «(он) пошел», каб-черк. лит. *джэгуашъ* > бакс. *джэгуа-сь* «(он) играл».

Позиционным является переход среднеязычного спиранта *х* в ларингал *һ* в кабардино-черкесских диалектах и говорах. На переход *х* > *һ* накладываются строгие морфологические ограничения, так как возможен только в морфеме множественного числа. Ср. *а-хэ-р* > *а-һэ-р* «они», *фыз-хэ-р* > *фызһэ-р* «женщины». То же самое нужно сказать о широте распространения относительно позиционного перехода фарингального *къ* в ларингальный смычный *І* в морфеме отрицания. Ср. *кӀуа-къым* > *кӀуа-Іым* «(он) не пошел», *джэгуа-къым* > *джэгуа-Іым* «(он) не играл». В письменной форме реализации литературного стандарта приняты среднеязычный спирант *х* в морфеме множественного числа и фарингальный смычный *къ* в морфеме отрицания, хотя в устной форме существования литературного языка широко употребляются их фонетические варианты - ларингал *һ* в морфеме числа и ларингал *І* в отрицательной морфеме.

Позиционный переход *с* > *з* в личной морфеме первого лица единственного числа в позиции между двумя гласными - кабардино-черкесское нововведение. Это явление охватило все кабардино-черкесские диалекты и говоры. Ср. адыг. *уэ-с-э-ты* > каб-черк. *уы-з-о-т* «я тебе даю», адыг. *уы-с-э-шъэ* > каб. *уы-з-о-шэ* «я тебя везу».

Переход лабиального спиранта *у* в лабиальный смычный *б* в личном местоимении второго лица единственного числа в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка относится также к инновациям, возникшим в период после распада общеадыгского единства. Переход *у* > *б* ограничен морфологически сферой переходных, глаголов. Ср. адыг. *уэ-цӀлэ* > каб-черк. *б-о-шӀлэ* «ты знаешь», адыг. *уэ-тхы* > каб-черк. *б-о-тх* «ты пишешь». Вариантные формы типа *у-о-шӀлэ*, *у-о-тх* считаются литературными, в отличие от форм типа *б-о-шӀлэ*, *б-о-тх*.

Как новообразование должно быть рассмотрено отпадение этимологического (общеадыгского) гласного в конце слова в кабардино-черкесских диалектах и говорах. Ср. адыг. *цӀыфы* > каб-черк. *цӀыху* «человек», адыг. *щӀуызы* > каб-черк. *фыз* «женщина».

Сохранение конечного гласного *э* в конце слова в кабардино-черкесских диалектах и говорах в таких случаях, как *уанэ* «седло», *джанэ* «рубашка» и др. (ср. адыг. *уан*, *джан*) является продолжением общеадыгского состояния, а редукция конечного этимологического гласного *э* - адыгейская инновация.

Кабардино-черкесские диалекты и говоры оказываются зоной консервации по сравнению, с адыгейскими диалектами в отсутствии конечного гласного в словах типа каб-черк. *мэл* > адыг. *мэлы* «овца», каб-черк. лит. *былым* > адыг. *былымы* «скот», каб-черк. лит. *жор* > адыг. *джорэ* «крест» и др. Развитие конечных гласных в подобных (заимствованных) словах - адыгейская инновация.

Общеадыгское состояние сохраняется в кабардино-черкесских диалектах и говорах в положении перед сонантом *й*, после *и* впереди ларингалов *хъ*, *І*; ср. каб. черк. (resp. общеадыг.) *хъуырей* (орф. *хъурей*) > адыг. *хъуырай* «круглый», каб-черк. (resp. общеадыг.) *кхъуыжъэй* (орф. *кхъужъей*) > адыг. *къуыжъай* «груша» (дерево), каб-черк. (resp. общеадыг.) *чӀыхъ-лъыхъ* > адыг., бжедуг. *чӀахъ-лӀахъ* «длинный», каб-черк. (resp. общеадыг.) *хъэпс* > адыг. *хъапс* «тюрьма», каб-черк. *Іэзэ* > адыг. *Іазэ* «врач, искусный мастер», каб-черк. *Іапэ* адыг. *Іапэ* «палец», каб-черк. *гушыӀэ* «шутка» адыг. (бжедуг., шапс.)

гушьаI «слово» и др. В аналогичных позициях вместо адыгейской диалектной инновации (переход *э > а*) кабардино-черкесские диалекты и говоры проявляют устойчивость, удерживая этимологический гласный *э*.

4.4. В области грамматики кабардино-черкесские диалекты обнаруживают зоны как консервации, так и инновации. В диалектах и говорах сохраняется ряд архаичных (общеадыгских) черт грамматической категории склонения. К ним следует отнести формы выражения эргативного падежа единственного числа с помощью форматива *-мэ* в баксанском, моздокском, кубанском диалектах. Форматив *-мэ* имеет широкое распространение в диалектных текстах Ш.Б. Ногмова, П. Тамбиева и др. Ср. у Ш.Б. Ногмова формы *-м*, *-мэ* как варианты маркера эргативного падежа единственного числа: *ябгэ-м желэ* «яростный говорит, *лыхъу-мэ зыресэ* «герой встает».

Более того, вариант *-мэ* преобладает в позиции косвенного эргатива единственного числа в текстах Ш.В. Ногмова. Ср. *Шыпшм-э и тэгъылыер* «мундир Шипшева», *губгъуэ дзэку-мэ цъокъугъхэр* «(они) рыдают в поле войска». У Ш.Б. Ногмова *-мэ* выступает вместо *-хэ-м* в современном кабардино-черкесском языке. Ср. *нарт-мэ ядошI* «(он), поддерживает нартов».

На основании данных кабардино-черкесских диалектов, в том числе записей устно-поэтических произведений Ш.Б. Ногмова, П. Тамбиева и др. можно с уверенностью сказать, что агглютинативный способ выражения эргатива множественного числа с помощью *-хэ-м* в современном кабардино-черкесском языке - поздняя инновация, образованная после распада общеадыгского единства. Поскольку два варианта формы выражения эргатива множественного числа представлены и в современных адыгейских диалектах (ср. адыг. *цIыф-мэ*, *цIыф-хэ-м* «люди», эргатив множественного числа), то следует отнести варианты *-хэ-м* (= *хэ-мэ*) к явлениям, возникшим в результате параллельного развития кабардино-черкесских и адыгейских диалектов в период их самостоятельного существования.

4.5. Кабардино-черкесские диалекты и говоры утратили старый формант обстоятельственного (превратительного) падежа *-гуэ*. Судьба последнего интересна для истории развития кабардино-черкесского склонения. Материалы Ш.В. Ногмова, Л.Г. Лопатинского, К.Атажукина и др., отражающие состояние диалектов и говоров кабардино-черкесского языка середины и второй половины XIX века, включают только, старый формант *-гуэ* вместо современного *-уэ(-у)*. Ср. у Ш.Б. Ногмова: *хахуэ-гуэ* «как доблестный», *анэ-гуэ* «как мать», у К.Атажукина *пшы-гуэ* «как князь», *нарт-гуэ* «как нарт».

Старый формант обстоятельственного падежа *-гуэ* отсутствует уже в кабардинских текстах П.Тамбиева, опубликованных в 25 выпуске СМОМПК (1898 г.), хотя широко представлен в кабардинских материалах, вышедших в 12 выпуске СМОМПК (1891 г.), что, по-видимому, объясняется отличием диалекта П.Тамбиева от диалектов Ш.Б. Ногмова и К.Атажукина.

В целом диалектные тексты Ш.Б. Ногмова, К.Атажукина и др., а также данные убыхского языка (где рассматриваемый формант имеет соответствие в виде *-гъэ* позволяет считать формант обстоятельного падежа *-уэ(-у)* в современных адыгейских и кабардино-черкесских диалектах и говорах поздней диалектной инновацией по сравнению с формой *-гуэ*, восходящей к общеадыгскому состоянию (хотя по этому вопросу существует и другое мнение, согласно которому диалектной инновацией считается *-гуэ*).

4.6. В кабардино-черкесских диалектах и говорах отсутствует категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, представленной в адыгейских диалектах. Вместо оппозитивных форм типа адыг. *с-пхъуы* «моя дочь», *си-уын* «мой дом» во всех кабардино-черкесских диалектах используется обобщенная форма, совпадающая с формой отчуждаемой принадлежности в адыгейских диалектах. Ср. каб-черк. *си-пхъу* «моя дочь», *си-уынэ* «мой дом». Обращает на себя внимание тот факт, что категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности не имеет никаких следов ни в современных кабардино-черкесских диалектах, ни в материалах Ш.Б. Ногмова, Л.Г. Лопатинского, К.Атажукина, П.Тамбиева и др. Это ставит под сомнение укоренившееся среди специалистов мнение, согласно которому категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности является глубоким архаизмом в адыгских языках. Есть основание полагать, что категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности - локальное (адыгейское) явление, не получившее распространение в кабардино-черкесских диалектах и говорах. Во всяком случае, у нас нет данных внутренней реконструкции для утверждения, что рассматриваемая грамматическая категория была характерна в прошлом для кабардино-черкесских диалектов и говоров. Нет сомнения в том, что формы типа *сы-*, *си-*, *уы-*, *уи-*, *ды-*, *ди-*, встречающиеся в речи жителей бесленеевских аулов (Коноково, Кургоково), имевших в прошлом очень тесные контакты с адыгейцами, появились в результате адыгейско-бесленеевского языкового контактирования.

4.7. Как уже отмечалось в литературе, материалы Ш.Б. Ногмова дают основания для реконструкции общеадыгских форм притяжательных местоимений. У Ш.Б. Ногмова даются варианты форм притяжательных местоимений: *сые-*, *сысие* «мой», *уые*, *уэуые* «твой», *дые*, *деды* «наш», *фые*, *фэфые* «ваш». Краткие формы типа *сые*, *уые*, *дые* встречаются также в шапсугском диалекте адыгейского языка. Как и в ряде других случаев, кабардино-шапсугские изоглоссы отражают общеадыгское состояние, т.е. краткие формы притяжательных местоимений своей относительной хронологии предшествуют полным формам типа каб-черк. *сысеи* «мой», *уэуей* «твой», *дыдей* «наш», *фыфей* «ваш».

4.8. В кабардино-черкесских диалектах и говорах представлены две системы счета: десятиричная и двадцатеричная. Нередко обе системы счета функционируют в одном и том же диалекте (говоре). Ср. куб. *mlowlpэ nлwлырэ*, *nlwлшшъ*, *шъэцл* «тридцать», *mlowluml*, *nlwlunlл* «сорок», *mlowlumlpэ nлwлырэ*, *nlwlumтху*, *шъэныкъуэ* «пятьдесят», *шъэныкъуэрэ nлwлырэ*, *mlowluшъ* «шестьдесят» и др.

Десятиричная система сохранилась в бесленеевском диалекте и кубано-заленчукских говорах. Ш.Б. Ногмов в своей грамматике дает десятиричную систему. За исключением *mlpчлpэ бчлырэ* «тридцать».

Ср. *плычл* «сорок», *плычлырэ бчлырэ* «пятьдесят», *хычл*, *бчлх* «шестьдесят», *хычлpэ бчлырэ*, *бчлбл* «семьдесят», *пчлей* «восемьдесят», *пчлейpэ бчлырэ* «девяносто».

У Л.Г. Лопатинского дается только двадцатеричная система счета: *mlowluml* «сорок», *mlowluшъ* «шестьдесят», *mlowlunл* «восемьдесят» и др. -

Кабардино-черкесские диалекты и говоры, сохранившие двадцатеричную систему счета, объединяются не только с адыгейскими диалектами, но и с убыхским, абазинским и абхазским языками. Ср. адыг. *mlowlumл*, убых. *mlкъуацла-mlкъуатлуы*, абаз. *глун-глуажуа* «сорок» (буквально дважды двадцать). Поэтому есть известные основания рассматривать

двадцатеричную систему исчисления как явление, восходящее к более глубокому хронологическому уровню, чем общеадыгский.

4.9. В структуре глагола сохранились, с одной стороны, некоторые явления, имевшие место в процессе диахронического развития глагольных форм абхазо-адыгских языков, а с другой появились инновации под влиянием родственных языков. Эти преобразования коснулись таких категорий глагола, как переходность/ непереходность, статичность/динамичность, время, лицо, наклонение. Трансформации произошли в функционировании превербов, показателей лиц и т.д.

В диалектах и говорах наблюдаются факты, являющиеся общими для всех кабардино-черкесских 'диалектов и говоров, но отличные от норм литературного языка. К ним относятся отсутствие показателя статичности глаголов копулы-суффикса *-шъ*, употребление глагольных форм без факультативного суффикса динамичности *-р*, высокая частота функционирования формы аориста и др.

Многие языковые явления характеризуют группу диалектов и говоров; своеобразный способ образования будущего времени - *сык/уэнэ* в м. *сык/уэнушъ* «я пойду», *сылэжъэнэ* в м. *сылэжъэнушъ* «поработаю» (кубано-зеленчукские, малокабардинский говоры, кубанский, моздокский, бесленеевский диалекты); огласовка личных показателей *-дыхъын* в м. *тхъыншъ* «мы понесем», *дыхы-н* в м. *тшхыншъ* «мы съедим» (кубано-зеленчукские говоры, бесленеевский диалект, некоторые села Зольского района КБР); образование подтвердительно-вопросительного наклонения от основы настоящего времени динамических глаголов при помощи суффиксов *-къэ*: *уэ уоц/лэкъэ* в м. *уэ пш/лэркъэ* «ты знаешь же это», *уэ уок/уэкъэ* в м. *уэ ук/уэркъэ* «ты идешь же» (кубанский, бесленеевский диалекты, кубано-зеленчукские говоры); функционирование причастной формы с суффиксом *-тэ*: *дэ къытшъыш/атэр* в м. *дэ къытшъыш/ар* «то, что случилось с нами», *дэ тлэзгъуатэр* в м. *дэ тлэзгъуар* «то, что мы увидели» (кубано-зеленчукские говоры, бесленеевский, - кубанский диалекты); употребление особых трехличных глаголов вместо двухличных непереходных глаголов литературного языка: *ядихъэха* в м. *дихъэхашъ* «увлекся кем-то», *ироц/гъэк/* в м. *йопшъэк/* «ползет по чему-либо», *ирожэк/* в м. *йожэк/* «бежит по чему-либо» (кубано-зеленчукские говоры, бесленеевский диалект), сохранение в двухличных глаголах показателя косвенного объекта: *тыд/йосэ* в м. *тыдосэ* «мы сеем то» (моздокский, баксанский диалекты); образование отрицательной и подтвердительно-вопросительной форм при помощи ларингального абруптива *l*: *ар к/уа/лым* в м. *ар к/уакъым* «он не пошел», *ар к/уэлэ* в м. *ар к/уэркъэ* «он не идет?» (малокабардинский, малкинский говоры, моздокский диалект).

Важно отметить, что больше общих архаичных явлений в структуре языка, как и в других областях грамматики, наблюдается в кубанском, бесленеевском диалектах и кубано-зеленчукских говорах. Такое положение объясняется тем, что в их образовании принимали участие различные адыгские этнические группы, способствовавшие возникновению в указанных диалектах и говорах специфических признаков внутреннего характера, сохранению архаичных черт, характерных для определенного уровня общеадыгской языковой эпохи, появлению инноваций, обусловленных почти - идентичной языковой ситуацией.

Материалы кабардино-черкесских диалектов и говоров свидетельствуют о том, что морфологическое и синтаксическое выражение статичности в адыгских языках - явление более новое, а семантическое противопоставление статичности и динамичности - более древнее. Несмотря на то, что различие динамических и статических глаголов в

адыгских языках относится к праязыковому состоянию, динамические глаголы в современных адыгских языках имеют более развитую систему форм времен и наклонений по сравнению с статическими глаголами.

Такое состояние является результатом индивидуального развития западнокавказских языков. Во всех кабардино-черкесских диалектах и говорах, как и в адыгейском и убыхском языках, отсутствует морфологический показатель статичности копула-суффикс *-шъ*. Влиянием литературного языка следует считать редко употребляемые фонетические варианты суффикса *-шъ*. Так, например, в первомайском говоре фонетическим вариантом *-шъ* выступает спирант *-с*: *кӀуас* «пошел», *жуӀас* «сказал», в моздокском, бесленеевском, баксанском диалектах и малокабардинском говоре мягкий свистящий *сь*: *сэ сежъась* «я отправился», *Ӏэлъэр идькӀась* «рукавицы вышиты». В малкинском говоре фонетическими вариантами литературного *-шъ* выступают мягкий шипящий спирант *ш'* и мягкий свистящий спирант *сь*. Но их функционирование имеет некоторые ограничения. Так, в положении после долгого гласного *а* аффикс статичности отпадает: *сышъытшь/сышъытсь* «я стою», но *сыкӀуа* «я ходил», *сышъыта//сысьыта* «я простоял».

Для бесленеевского диалекта характерно отсутствие суффикса утвердительности, перед соединительным союзом «и». При этом появляется междусвязочный глухой спирант *h* или глухой зубно-язычный мягкий спирант *сь*. *Ар тхэнhi къэкӀуэжын* «он попишет и вернется», *кӀуасъи къахъын* «пошли и принесут».

Наличие копулы-суффикса *-шъ* в статических глаголах является инновацией и появился в первичных статических глаголах кабардино-черкесского языка, как и в абхазско-абазинских глаголах, по аналогии с отыменными статическими глаголами и узаконена орфографией.

В диалектах и говорах отсутствует также факультативный суффикс *-р*, являющийся характерной чертой динамических глаголов кабардино-черкесского литературного языка. Суффикс *-р* отсутствует и в формах подтвердительно-вопросительного, повелительного наклонений (*уышхэкъэ* вм. *уышхэркъэ* «кушай же», *уефэкъэ* вм. *уефэркъэ* «пей же»), перед отрицательной морфемой - *къым//Ӏым* (*сцӀыхукъым* вм. *сцыхуркъым* «я его не знаю»).

Отсутствие копулы-суффикса *-шъ* и факультативного суффикса *-р* делает омонимичными некоторые времена и наклонения, сближает формы изменений динамических и статических глаголов.

Сравнительный анализ фактов адыгских языков и их диалектов и говоров с привлечением материалов по близкородственным языкам показывает, что в кабардино-черкесских диалектах и говорах сохранился принцип выражения статичности, характерный для общеадыгского языкового уровня.

Первичные статические глаголы имеют также и динамические параллели. В диалектах и говорах некоторые и не первичные статические глаголы функционируют как динамические. Так, например, глагол *плъыршъ* «он сторож есть» может употребляться как одноличный непереходный динамический, глагол *солплъыр*, *уоплъыр*, *мэплъыр* и как двухличный переходный глагол *абы ар еплъыр* «он то стережет».

В систему выражения статичности и динамичности, характерную для указанных диалектов, адыгейского и убыхского языков, стали проникать инновации под влиянием

литературного языка. Так, например, в кубано-зеленчукских говорах и в речи сирийских кабардинцев и в статических глаголах спорадически встречается суффикс *-р* по аналогии с формами динамических глаголов: *ахэр псыншлэхэрт* вм. *псыншлэхэт* «они быстрые есть», *нартхэр чынтхэм еныкџуэкџу зэпытхэрт, язауэхэрт..* «нарты постоянно спорили с чинтами, воевали с ними».

В отличие от аориста литературного языка, в диалектах и говорах в аористной форме отсутствует копула-суффикс *-шъ*, как и суффикс *-р* в инфинитном союзном аористе. Формы аориста *сыклуэ аби* «пошел и», *сытлыс аби* «сел и», *сыклуи* «пошел и» вм. *сыклуэшъ аби, сытлысшъ аби, сыклуэри* имеют высокую частоту функционирования в диалектах, говорах и черкесских литературных текстах. Отмеченное свидетельствует о том, что литературная форма *сыклуэри, сытлысри, дыхуэзэри* является инновацией, не получившей дальнейшего распространения, и что общеадыгская временная парадигма включала и форму аориста, которая находила больше применения в устной речи, чем в современном литературном языке.

Значительный интерес с точки зрения трансформации глагольных форм в процессе диахронического развития языка представляют некоторые глаголы, функционирующие в кубано-зеленчукских говорах и бесленеевском диалекте.

В кабардино-черкесском литературном языке глаголы типа *дыхъэжын* «увлечься кем-чем-либо», *епшъэкIын* «ползти по чему-либо» функционируют как двухличные непереходные глаголы. В указанных же языковых регионах они употребляются и как трехличные переходные глаголы. Добавляется лицо, указывающее в глаголах первого типа на косвенный объект, в глаголах второго типа лицо, выражающее орудие, при помощи которого совершается действие. *Сэ уэ абы сыбдыхъэ-хас* «меня увлекло в тебе то» вм. *сыдэпхъэхашъ* «ты увлек меня», *ар абы, абыклз иропшъэкI* «он ползет по чему-то с помощью то» вм. *йопшъэкI* «он ползет по чему-то».

Отмеченное грамматическое преобразование не сопровождается появлением синтаксического объекта в составе предложения, он (объект) лишь имеет индикатор в структуре глагола. Такая форма глагола свидетельствует о том, что исторически в предложениях с глаголами приведенных типов наличествовал эквивалент, который в процессе диахронического развития стал избыточным. Получилось несоответствие между валентностью глагольной формы и количеством членов предложения; субъект, обозначенный в глаголе, перестал иметь синтаксический эквивалент.

Для интерпретаций некоторых языковых процессов определенный интерес представляет употребление глагольных форм с показателем косвенного отношения *-р* без префикса *и-* в речи аулов Абзакт (относится к кубано-зеленчукским говорам), Коноково, Кургоково. (относятся к бесленеевскому диалекту), функционирование форм глагола с аффиксом 3 лица множественного числа, а вместо литературной формы с *я* (аулы Коноково, Кургоково): *я планыр рагъэкџу* (ср. адыг. *я план рагъэкџу*) вм. лит. *я планыр ирагъэкџу* «план они выполняют»; *судым рата* (ср. адыг. *судым ратыгъ*) вм. лит. *судым ираташъ* «под суд отдали», *алъэгџуа* (ср. адыг. *алъагъугъ*) вм. лит. *ялъэгџуашъ* «они увидели то».

Как показывает сравнительный анализ языковых фактов, отмеченные трансформации являются результатом контактирования с близкородственным адыгейским языком.

В литературном языке во всех переходных глаголах и во всех одноличных динамических глаголах без превербов в форме 3-го лица показатель динамичности *o(yə)* подвергается изменению. В остальных случаях показатель динамичности *o(yə)* функционирует без изменения. В диалектах и говорах же частота функционирования префикса *мэ-* вместо литературного *o(yə)* высока: *мэеплэ* в.м. лит. *зоплэ* «осматривает», *мэеклу* в.м. лит. *зоклу* «ходит, занимается хождением».

В зависимости от согласованности и несогласованности личных показателей в глаголе аффиксы 1 и 2 лица как единственного, так и множественного числа различаются в кабардино-черкесском литературном языке дистрибутивно и функционально. В некоторых диалектах и говорах этот принцип нарушается, и вместо неогласованного личного показателя литературного языка здесь имеем огласованный личный показатель. Такая трансформация приводит к комбинаторным звуковым изменениям, *дыхын* в.м. *тхынш* «мы понесем», *дылагъун* в.м. лит. *тлагъунш* «увидим», *дышхын* в.м. лит. *тишынш* «мы съедем».

Как показывает диалектологический материал, несмотря на интенсивность нивелирующего влияния литературного языка на диалекты и говоры в современных условиях, в кабардино-черкесских диалектах и говорах сохраняются многие реликтовые явления, а наличие в диалектах и говорах архаизмов, наряду с инновациями, является основой для внутренней реконструкции.

4.10. Словарный состав изменяется непрерывно и обновляется гораздо быстрее, чем другие структурные ярусы языка. Неустойчивость лексики диалекта или говора обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: изменениями в сфере обозначаемого («отпадает вещь, выпадает, как правило, и соответствующее слово»); контактными воздействиями родственных и неродственных языков на диалекты и говоры; наличием или отсутствием нивелирующего влияния литературного языка на диалекты и говоры; активностью использования диалектной речи в повседневной жизни; пестротой языкового окружения.

Анализ лексического состава позволяет выделить в кабардино-черкесских диалектах и говорах следующие типы изоглоссных явлений:

1. Изоглоссные явления, наблюдаемые в ареалах отдельного диалекта или говора.
2. Изоглоссные явления, вызванные семантическими особенностями слов.
3. Изоглоссные явления, появившиеся в диалектах и говорах в результате звуковых изменений.
4. Изоглоссные явления, связанные с частотой функционирования и дистрибуцией слов.
5. Изоглоссные явления, вызванные языковыми контактами.

Характеристика названных выше типов показывает, что в первую группу объединяется большое количество слов, создающих фон диалекта или говора. В нее входят, наряду с диалектизмами, архаизмы, дающие возможность установить хронологию и направление развития диалектных явлений и обычно восходящие к общеадыгскому языковому состоянию, неологизмы, появившиеся в диалектах и говорах под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, сложные образования, в которых обычно один из компонентов отсутствует в литературном языке

(куб.-зел. говоры: *гъуэмэжъ* «болото», *ефэхъуэхын* «соскользнуть», *жъэчлэудз* «удочка», бесленеевский диалект: *Ізгубжъэ* «стакан», *унэгъуэцІэ* «фамилия», *быфэхъу* «падчерица»; кубанский диалект: *лэгъунлей* «кухня», *гъэхунэ* «поляна», *гъуышыч* «провода»; моздокский диалект: *бгъушхмахуэ* «второй день свадьбы», *бэдзэшхуэ* «овод»; малокабардинский говор: *гуашилэв* «силач», *пырхъуэ* «коридор».

Термины, относящиеся ко второй группе количественно несколько ограничены, но представляют интерес с точки зрения описания динамики развития значения слова. Так, например, в кубанском, бесленеевском диалектах и кубано-зеленчукских говорах слово, «нашъэ» обозначает «дыня», а в литературном языке «огурец», в то время как в литературном языке для дыни используется *фонашъэ* («фо» - «мед», «нашъэ» - «огурец»). В указанных языковых регионах слово «гуышыІэ» означает «слово», а в литературном языке - «шутка». В этом плане представляет интерес многозначное слово «тхъэмадэ». Оно в отмеченных языковых регионах имеет два значения: «старший», «жених», а в литературном языке тоже два значения, но «старший» и «свекор». Слова этой группы являются ярким подтверждением того, что кабардино-черкесские диалекты существуют изолированно довольно длительное время.

Из всех групп слов третья - наиболее многочисленная и характеризуется наличием значительных ареальных особенностей. Такое положение находит объяснение в том, что одни языковые процессы протекают в диалектах и говорах не с одинаковой интенсивностью, что приводит к ступенчатому характеру распространения звуковых изменений, другие же протекают лишь в рамках отдельных диалектов и говоров, которые и вызывают значительные расхождения в звуковой оболочке слов в диалектах и говорах.

Слова, различающиеся по частоте употребления в литературном языке, диалектах и говорах и имеющие ограниченную дистрибуцию, незначительны. Но они представляют интерес как с точки зрения влияния литературного языка на диалектную лексику, так и характеристики ареальных особенностей диалектов и говоров.

Количественная ущербность этой группы объясняется тем, что термины, имеющие высокую частоту употребления, как правило, устойчивы и являются общими для всех диалектов и говоров, а термины, редко употребляющиеся и не имеющие важного хозяйственного или другого значения, часто меняются и заимствуются.

Изоглоссные явления, вызванные языковыми контактами, в диалектах и говорах значительны. Экстралингвистический фактор играет важную роль в развитии и обогащении словарного состава любого языка и диалекта. Но было бы неоправданно сведение развития языка только к процессам внешнего воздействия. Это, конечно, не отрицает того, что внешнее влияние часто выступает одним из решающих факторов изменения лексического состава диалекта и говора. Так, например, в результате длительного и многостороннего влияния адыгейского языка на словарный состав, кубанского диалекта в него проникли многочисленные адыгейские слова и выражения, составляющие отдельный лексический слой диалекта, а многолетние контакты моздокского диалекта с русским, осетинским и ногойским языками способствовали появлению в моздокском диалекте большого количества русских, осетинских, грузинских и ногойских слов. Аналогичные лексические сдвиги произошли в кубано-зеленчукских говорах и бесленеевском диалекте под влиянием русского, ногойского, абазинского и карачаевского языков.

Порой влияние языков становится настолько ощутимым, что наличие конкурирующих вариантов из исконного и заимствованного слова создает в диалектах и говорах синонимические ряды: «хъыяр» (перс.) - *нашъэ* «огурец» (мозд.), *сомсакъ* (тюрк.) - *бжьъныху* «чеснок» (м-каб.), *тель* (ногайск.) - *гъушчлӕсэ* «провода» (мозд.), *зочӕ* (груз.) - *ӕгъӕбӕгу* «гриб», *пакъакъ* (груз.) - *хъӕндыркъуакъуэ* «лягушка» (мозд.), *губорэ* (осетин.) - *хъэтыкъ* «чурек» (м-каб.), *куызэ* (осетин.) - *псыхъӕлывэ* «вареники» (мозд.), *коридор* (русс.) - *пырхъуэ* (м-каб.), *къакъырэ* (тюрк.) - *бӕххъ* «хлев» (куб.зел.), *ангъыл* - *иыльӕсыщӕ* «новый год» (мозд.).

Иногда синонимичные ряды создаются из заимствованных слов: *кӕыр* (груз.) - *сивосчӕ* (русс.) - «известь» (мозд.), *карт* (русс.) - *сурат* (тюрк.) - «фотография», *минут* (русс.) - *дакъикъэ* (араб.) - «минута», *къалэ* (араб.) - *шъыхъэр* (перс.) - город (русс.) «город».

Сравнительный анализ лексики литературного языка и диалектов и говоров показывает, что словарный состав диалектов и говоров характеризуется большей архаичностью. Наиболее консервативные черты лексики наблюдаются в кубано-зеленчукских говорах, бесленеевском, моздокском, кубанском диалектах, которые составляют изолированные и периферийные ареалы.

Так, например, в результате длительного контактирования исконные слова *зӕнтхъ* - «овес», *башъырыбэ/баршъыбэ* «бутылка», *ӕгуыбжъэ* «стакан» оказались вытесненными из кабардино-черкесского языка заимствованиями из русского языка лексемами «овес», «бутылка», «стакан». Что эти слова входили в активный запас, показывает то, что *зӕнтхъ* заимствован из адыгских языков осетинским, балкарским, сванским языками, а *ӕгуыбжъэ* - осетинским языком.

В кубано-зеленчукских говорах, кубанском, бесленеевском диалектах сохранились архаичные слова *зӕнтхъ*, *баршъыбэ*, а *ӕгуыбжъэ* - в бесленеевском диалекте.

Интересна история слова *гъасэ*. Оно в бесленеевском диалекте обозначает мелкозернистый сорт пшеницы. В литературном языке и в других диалектах и говорах эта лексема сохранилась лишь во фразеологии *гъасэ къишын* - «свести скошенный хлеб» (для обмола). Есть предположение, что *гъасэ* как название сорта пшеницы входило в систему названий хлебных злаков общадыгского языка.

Круг проблем, при решении которых скрещиваются пути лингвиста и историка, разнообразен. Так, например, ареальные особенности способствуют выяснению некоторых вопросов хозяйственной и культурной жизни адыгов. В кубано-зеленчукских говорах вместо литературного слова *къитхъ* - «борона» функционирует *телъафэ*, (*телъэфэн* - «тащить что-либо по чему-либо»). Борона-волокушки из терновника использовались кабардинцами и именовались *телъафэ*. Эволюция способа-производства совершилась, а термин закрепился за новым орудием, являясь свидетелем истории развития орудия боронования.

Аналогичное положение наблюдается и со способом сева. Сев некоторых сельхозкультур производился, как известно, вразброс, но с развитием техники эту работу стали выполнять с помощью сеялки.

Несмотря на это в кубанском, бесленеевском диалектах и кубано-зеленчукских говорах вместо литературной формы *сэн* «сеять» используется термин, выражающий

архаичный способ сева (*пхъэн* «рассыпать, разбрасывать что-либо по поверхности чего-либо»).

Литературному термину *бостей* - «платье» в кубанском, бесленеевском диалектах и кубано-зеленчукских говорах соответствует *зэгъалъэ* (*зэгъэлъэн* - «сделать сборку»), Но исторически это слово, видимо, имело более узкую семантику, оно являлось наименованием платья особого покроя, сшитого в сборку в талии. На это указывает наличие в кубано-зеленчукских говорах термина *бостейчлэ*, выражающей деталь цельного платья, при отсутствии лексемы *бостей* «платье».

Иногда семантические различия обнаруживают не только архаичные слова, но и неологизмы и заимствованные слова. Так, например, юбку адыгские женщины стали носить в начале XX века. В значении «юбка» в кубанском, бесленеевском диалектах и кубано-зеленчукских говорах употребляется слово «члэпхын» (ср. адыг. *члэпхын* - «юбка»), а в литературном языке *члэпхын* обозначает фартук (для обозначения фартука в указанных языковых регионах используется *члэлуыпхуэ*). Различие в терминах говорит о том, что предмет появился в адыгских языках тогда, когда они уже были обособлены друг от друга.

Факты языка и диалектов приобретают первостепенное значение при установлении структуры этноса, следов миграции, какие экономические и политические сдвиги произошли в жизни народа, того, что было основным, ведущим на определенном отрезке времени. Так, на основе лингвистического материала делаются выводы о длительных русско-адыгских отношениях, о связи адыгов с различными районами и народами за пределами Кавказа. В топонимике адыгов закрепились наименования многих народов, в кабардино-черкесских диалектах отражены не только смена религии, но и пути ее проникновения к адыгам. Развитая система названий в кабардино-черкесском языке и его диалектах и говорах, связанная с морем (*хытлыгу*//*-хытлыашлэ*, (адыг. *хыгъэхъун* - «остров»), *хысыдж* - «гребень волны», *хыуае* - «шторм», *хыжъэ* - «залив», *хыкхуэ* - «дельфин», *хышхуэ тхъэрыкхуэ* - «морская чайка» (ср. фразеологизмы - *хышхуэ тхъэрыкхуэу шлычлафлэшъ* - «грациозна подобно морской чайке», *хым лыгъэ едзын* - «заниматься бесполезным делом», *хым хыхъэншъ* - «бесстрашный, отважный»), проливает свет на вопросы, отражающие колониционное движение кабардинцев.

В диалектах и говорах сохранились многочисленные термины, обозначающие различные сорта проса (*хуы* «просо», *мэшы* «просо» (на корню), *гъэху* - «поздний сорт проса», *ашэху* - «сорт проса (букв, белое просо), *хугхуэ* - «желтое просо», *ашэплъ* - «красное просо», *гъавэ* - «сорт проса», *хуфлыцлэ* - «сорт проса» (букв, черное просо), *шырдзэ* - «сорт проса», *цлырамышъ* - «чумиза», *джэгүэрэ* - «сорго», *вагхуэплъ* - «сорт проса»), и свидетельствующие о древности возделывания этой культуры у адыгов.

В целом диалектологический материал имеет важное значение не только для решения вопросов истории языка, но и истории носителей языка.

III. ОТНОШЕНИЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА К ДИАЛЕКТАМ И ГОВОРАМ

Как показывает история старописьменных языков, формирование литературного языка занимает довольно длительное время. Кабардино-черкесский литературный язык

относится к группе младописьменных языков. Естественно, что окончательное становление кабардино-черкесского литературного языка нельзя считать вполне завершенным. Наблюдаются некоторые структурные признаки, типологически свойственные многим языкам, не имеющим давних письменных традиций. К наиболее заметным признакам этого типа относится наличие ряда вариантных форм на разных уровнях языковой структуры в течение определенного периода становления и развития литературного языка.

Источником языкового варьирования являются территориальные диалекты и говоры, постоянно обогащающие литературный стандарт новыми единицами. Речь идет прежде всего о лексическом уровне литературного языка, развивающегося на базе живых диалектов, и говоров. Поэтому естественно, что базовый диалект (диалект Большой Кабарды) не может быть единственным источником существования и развития кабардино-черкесского литературного языка, если язык имеет живые диалекты и говоры и окружен ими. Это вовсе не означает, что кабардино-черкесский язык не имеет своих кодифицированных норм в области фонетики, грамматики и лексики и вбирает в себя диалектные особенности независимо от их значимости и функционального статуса. Однако наличие определенного количества вариантных норм (особенно на лексическом уровне) является нормальным для любого младописьменного языка, в том числе кабардино-черкесского. Вариантные нормы необходимы вообще для нормального развития и функционирования литературного языка, который в конечном итоге (после определенного периода существования конкурирующих и функционально однотипных единиц) отбирает свои единицы из синонимических рядов.

Другим типологическим признаком младописьменных языков, в том числе кабардино-черкесского литературного языка, являются различия между устной и письменной формами реализации лингвистических единиц разных уровней. Давно замечено, что различия между двумя формами существования языка - устной и письменной - более значительны в младописьменных языках по сравнению со старописьменными языками. И в данном случае расхождения между устной и письменной формами существования литературного языка во многом обусловлены влиянием живых диалектов и говоров. Как показывают исследования многих авторов (М.М. Гухман, В.Н. Ярцева, Н.Н. Семенюк, Е.А. Земская и др.) устная форма существования старописьменных языков (немецкого, английского, русского и др.) характеризуется своими закономерностями, значительно отличающимися ее от письменного стандарта в силу влияния живых диалектов и говоров прежде всего на устную форму литературного языка. Наши наблюдения подтверждают это положение: на устную форму реализации литературного языка существенное воздействие оказывают живые говоры кабардино-черкесского литературного языка.

Не требует особых пояснений тот факт, что любой литературный язык оказался бы мертвым и законсервированным, если бы он существовал только в одной письменной форме. Литературный язык питается и развивается за счет устной формы его существования, в значительной мере опирающейся на живые диалекты и говоры.

Более того, в отношении кабардино-черкесского литературного языка существует мнение, что бесленеевский диалект и кубано-зеленчукские говоры оказывают влияние на формирование черкесского варианта литературного языка. Это мнение не очень трудно подтвердить анализом языка художественной литературы черкесских писателей и поэтов. Кроме того, достаточно проследить за устной речью самих черкесских писателей, поэтов и других представителей творческой и научной интеллигенции, чтобы

убедиться в наличии существенных особенностей в их языке, вызванных влиянием местных (черкесских) говоров. В этом нет ничего необычного, ибо варианты одного литературного языка, в основе которых лежат региональные диалектальные особенности, имеют широкое распространение (региональные литературные варианты армянского, немецкого, английского и других языков»).

Соотношение литературного языка и живого диалекта (говора), процесс образования первого в недрах второго образно охарактеризован Ж.Вандриесом: «Этот процесс образования письменных языков можно сравнить с образованием слоя льда на поверхности реки. Лед образуется из воды реки, вернее, он не что иное, как вода реки, но в то же самое время он и не река. Ребенок, увидев лед, наивно думает, что реки больше нет, что ее течение остановилось. Иллюзия! Под слоем льда вода продолжает течь, следуя своему руслу. Если бы случайно лед треснул, вода бы сразу брызнула вверх. Так и с языком. Письменный язык - ледяная корка на реке. Текущая подо льдом река - народный естественный язык. Холод, производящий лед и стремящийся задержать течение реки - это усилия грамматиков и учителей, а луч солнца, освобождающий язык из плена, это непобедимая сила жизни, побеждающая правила, ломающая узы традиций» (Вандриес 1937).

С другой стороны, кабардино-черкесский литературный язык оказывает воздействие на диалекты и говоры. Однако нивелирующее влияние литературного языка на диалекты и говоры ощущается не в одинаковой степени.

В зависимости от лингвистических и экстралингвистических ситуаций интенсивность влияния литературного языка на речь жителей разных населенных пунктов, относящуюся к одному диалекту или говору, может быть различна. Например, нивелирующее влияние литературного языка носит более выраженный характер на речь жителей Этоко и Батех, в то время как речь жителей Малки (нижняя часть) оказывается более консервативной. Такая ситуация объясняется тем, что ареальные особенности лучше сохраняются среди тех носителей диалекта или говора, которые живут более компактно. Из носителей же малкинского говора более «основной» оказывается речь жителей Малки.

Воздействию литературного языка подвергается не только словарь, но также звуковая и грамматическая системы диалектов и говоров. Более консервативны фонетические особенности, но и они постепенно уступают место фонетическим явлениям, свойственным литературному языку.

Одним из путей выхода диалектной лексики за пределы того или иного диалекта или говора является использование ее в художественной литературе.. Диалектная лексика может использоваться не только в речи действующих лиц, но и авторской речи. В ней литературная лексика часто переплетается с диалектными словами, способствуя созданию индивидуального авторского стиля.

Использование диалектной лексики, идиом, архаизмов и инноваций, функционирующих в разговорной речи, делает язык произведений А. Шогенцукова, А. Кешокова, А.Шортанова, Х.Теунова и других выразительным, колоритным, живым.

Письменный язык вообще единообразнее устного, в нем меньше как архаизмов живого языка, так и инноваций, широко бытующих в последнем.

Развиваясь в прошлом более или менее обособленно друг от друга и более естественно, чем кабардино-черкесский литературный язык, диалекты и говоры способны сохранить в течение более длительного времени такие языковые явления, которые в прошлом были присущи всему языку, или же иногда в том или другом диалекте и говоре могут наблюдаться такие факты, которые остаются нехарактерными для языка в целом, представляя собою более последовательно, чем в литературном языке, проводимую инновацию.

Проделана значительная работа по изучению диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. Но в дальнейшем необходимо продолжить описание неизученных и недостаточно изученных территориальных диалектов и говоров кабардино-черкесского языка. Особенно актуально исследование кабардино-черкесских говоров в странах адыгской диаспоры. Это необходимо для создания общего очерка кабардино-черкесской диалектологии.

Всестороннее исследование диалектов, говоров и речевых особенностей отдельных сел тем актуальнее, что процесс нивелирования территориальных диалектов и говоров в современных условиях становится особенно интенсивным. Необходимо создать точные карты и атласы, издать полные тексты, составить диалектологический словарь. Наличие большого, количества разделяющих изоглосс дает возможность широкого и плодотворного применения лингвистической географии для дальнейшего изучения диалектов и говоров кабардино-черкесского языка.

IV. Диалектологический словарь

О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРЯ

1. Слова расположены в словаре в строго алфавитном порядке.
2. Значения диалектных слов даются в словаре на русском языке.
3. В словаре приведены литературные эквиваленты диалектных слов. При отсутствии таковых в словаре даются значения диалектных словарных единиц.
4. В словаре отмечены диалекты, говоры, в которых данное слово используется.
5. Иногда в тексте указывается источник заимствования данной словарной единицы.
6. При словарных единицах, функционирующих во многих диалектах и говорах, указываются диалекты и говоры, в которых данное слово используется.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. закуб. - словарные единицы, используемые в бесленеевском, кубанском диалектах и кубано-зеленчукских говорах.
2. к.-з. - кубано-зеленчукские говоры
3. лит. литературная форма
4. бесл. - бесленеевский диалект
5. мезд. - мездокский диалект
6. куб. - кубанский диалект

7. бакс. баксанский диалект
8. м.-к. - мало-кабардинский говор
9. малк. - малкинский говор
10. вм. - вместо
11. адыг. яз. - адыгейский язык
12. заруб. - речь зарубежных адыгов
13. леск. - лескенский
14. зольск. – зольский.

АДЭ ЦЫКІУ - «отец», лит. «адэ»; бел.

АДЫГЭ И БЫНКІЭ - «адыги», лит. «адыгэхэр (псори); заруб.

АДЫГЭ НАХЭ ИІЭСЬ - «внешне похож на кабардинца», лит. «адыгэ теплэ иіэщ»; заруб.

АДЫГЭУДЗ - «назв. травы», лит. «удзыціэ»; к.-з.

АДЫГЭУНЭ - «кухня», вм. «пцілэфіліэ»; к.-з.

АДЖИ - «тетя», лит. «адэ, анэ шыпхуэ»; мезд. Ногайское заимствование.

АЗЭТ - «свободный, лит. «щхьэхуит»; баксан. Персидское заимствование.

АЗБАРУ - «наизусть», лит. «гукіэ»; к.-з.

АЗЫХЭЩІЭ - «смешение рук» (после достижения согласия на брак (обряд)); мезд.

АЙТОКЪУ - «кукушка», лит. «кыгуугу»; мезд.

АКЪУШ - «медвежонок», лит. «мышэ шыр»; к.-з.

АЛАУШЫ - «неработающий, шатающийся без дела», лит. «Іуэхуншэ»; к.-з. карачаево-балкарское заимствование.

АМАМ - «дедушка, лит. «адэшхуэ»; мезд. Ногайское заимствование.

АМДЭЧ - «земляное укрепление, ограда», лит. «щыті»; к.-з., бел.

АМДЖ - «стекло»; лит. «абдж»; к.-з.

АМЫР - «приказ», лит. «унафэ»; бел. Тюркское заимствование.

АНАШЫ - «акушер», лит. «фызгъалъхуэ»; мезд. Ногайское заимствование.

АНЭ БЫДЗЫШЭ ХЪЭКЪ - «плата за невесту», лит. «уасэ» (фыз кыщашэкіэ); заруб.

АНЭХЪКІЭ - «иначе», лит. «армышъумэ»; к.-з.

АНГЪЫЛ - «новый год», лит. «илъэсыщІэ»; мозд. Восходит, видимо, к русскому «ангел».

АНДЫГЪУЭ - «локоть», лит. «ІэфэракІэ»; к.-з.

АНДЖЫРЭФ - «тростник», лит. «къэмыл»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

АНДЫГЪУПЭ - «локоть», лит. «ІэфракІэ».

АНЫМЫНЭКІЭ - «сильно»; лит. «лъэщу, егъэлеяуэ»; заруб.

АПЭ - «первый», лит. «ипэ»; к.-з.

АПС - «миска», лит. «тепщэч»; заруб. Заимствовано из адыгейского языка.

АРАХЪЭ - «балка», лит. «къуащІэ»; мозд.

АРЭФ - «коромысло», лит. «пхъэхъ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

АРГЪЕЙ - «худой», лит. «уэд, гъур»; бесл., к.-з.

АРКУЙУЭ - «просто так», лит. «ауэ сытми», «аркъудей»; мозд.

АРКЪЭ БЫДЭ - «крепкая водка», лит. «фадэ гуащІэ»; куб.

АРМУ - «ленивый», «трусливый», лит. «хуэмыху»; закуб. Бытует и литературная форма с более нейтральной стилистической функцией.

АРПЭ - «ячмень», лит. «хъэ» (гъавэ); заруб.

АР ПЭТРЭ - «все же», лит. «апхуэдэу щыт пэтрэ, итІани»; заруб.

АКХЪУ - «курок», лит. «кІакхъу»; к.-з.

АСКЕР - «солдат, боец», лит. «зауэлІ, сэлэт»; заруб.

АСЫЛ - «мелкий», лит. «чэнж»; мозд. Ногайское заимствование.

АФЭВАКЪЭ - «чувяки», лит. «гуэншырыкъ», бесл., м.-каб.

АХЪИЙ ИЧЫН - «выходить из себя»; вм. лит. «хъий икІын»; к.-з.

АХЪШЭМЫШХЭ - «ужин», лит. «пщыхъэщхъэшхэ»; заруб.

АХЪШЫН - «вид игры в альчики», лит. «кІэн джэгукІэ»; к.-з.

АШКАРАУЭУ - «наглядно, очевидно», лит. «налуэу»; заруб.

АШКЫЛ - «совок», лит. «хъэнцэ»; к.-з., м.-каб.

АШТЫМ - «выгон», «луг», лит. «хъупІэ»; к.-з.

АЩ - «клейстер», лит. «шхэпс, бдзантхъэ»; к.-з.

БАДЗЭШХУЭ - «овод», лит. «гъудэ»; мозд. Составные части слова понятны (бадзэ - «муха», шхуэ - «большой»).

БАЛБЭ - «сельскохозяйственная машина», лит. «мэш зэралүэ Іэмэпсымэ», заруб. Арабское заимствование.

БАЛДУЗ - «свояченица», лит. «щыкъу хъуджэбз»; мозд. Заимствовано из ногойского, буквально означает на ногойском - «мед-соль».

БАЛГЪЫ - «тот самый», «известный», лит. «ар дыдэр»; мозд.

БАЛИД - «глупец», «дурак», лит. «делэ»; к.-з. Заимствовано из тюркских языков.

БАЛЫКЪ - «рыба», лит. «бдзэжьей»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

БАНЭРЫУЭ - «тальник», лит. «мылыч»; м.-каб. Образовано на собственной основе, дословно означает «бьющий».

БАСМЭ - «ситец», лит. «чэсыргей»; к.-з. Заимствовано через адыгейский язык.

БАР - «мел», лит. «мел»; мозд.

БАТЫРГЪЭН - «назв. травы», лит. «удзыцІэ»; к.-з.

БАШГЪАЛЪЭ - «детская игра», не имеет литературного соответствия; к.-з. Образовано собственными средствами, дословно означает, «палку прыгать заставляющий».

БАЩРЫБЭ, БЭРЩЫБЭ - «бутылка», лит. «птулъкІэ»; закуб. Литературная форма заимствована из русского языка. Диалектная форма является исконной.

БЭГЪАЩІЭ - «долголетний», «долгожитель», литературное соответствие описательное - «куэд зыгъащІэ»; куб. Проникло из адыг. дословно - «много живущий».

БЭГЪУ - «бык», лит. «вы»; закуб. Исконная основа.

БЭДОЛЭ - «коридор», лит. «кІэлындор»; закуб. Заимствовано из тюркских языков.

БЭЖАКЪ - «козлы», Обычно так называют связку сжатых стеблей с колосьями для просушки, имеющие определенную форму; к.-з. Литературный однозначного соответствия не имеет.

БЭЗЭРЛЪЭПЭД - «простые фабричные чулки», лит. «лЪэпэд»; мозд., к.-з.

БЭКІАЙ - «очень много», лит. «куэдыкІей»; куб. Заимствовано из адыгейского языка, но имеет общеадыгское происхождение.

БЭКЪАКЪ - «лягушка», лит. «хъэндрыкъуакъуэ»; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

БЭРЭНЭ - «борона», лит. «кЪитхъ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

БЭРМИЛ - «кадушка», лит. «чей»; заруб. Арабское заимствование.

БЭСКЪЭН - «разжиреть, пресыщаться», лит. «пшэр хъун, бэтэн»; адыг. яз. «бэскъагъэ».

БЭТЭГЪЭ - «возвышенное место», лит. «щІы хэлэтыкІа, нэхъ лЪагэ»; куб.

БЭШЭЧ - «опора», лит. «сэх, щлэгъэкъуэн». Переосмысление общекабардинского «бэшэч» - терпеливый.

БЭЯГЪЫ - «тот самый», «известный», лит. «ар дьдэр»; мезд. Видимо, связано с лит. заимствованным словом «бэян» - «очевидный».

БЭЯУ - «краситель» и дерево, из которого добывают краситель, лит. «илэгъэ»; к.-з. Известно литературное соответствие, но только в значении краситель, а не дерево, из которого добывают краску.

БГЫРЫЛЪЫН - «подпоясать, быть в поясе» лит. «бгырыпх щлэпхауэ щытын»; к.-з.

БГЫРЫПХ ЗЭПЕКІУЭКІ - «серебряный женский пояс»; лит. «бгырыпхкъеклүэкІ»; бел.

БГЫРЫХ - «серебряный пояс», лит. «дыжын бгырыпх»; бел.

БГЫРЫЛЪ - «женский пояс» лит. «цыхубз пгырыпх». Заимствовано из тюркских языков.

БГЪАЧЭ - «хрящ» (в грудной части овец), лит. «бгъэщабэ» к.-з. Образовано на собственной основе, буквально - «грудная селезенка»

БГЪЭГУЛЫБЭ - «грудинка у курицы», лит. «бгъэлэгубэ»; к.-з.

БГЪЭДЭКІУЭЩЭН - «подкрадываться», лит. «щэхуу еклүэлэн»; к.-з.

БГЪЭДЭФЭГЪУЭН - «привалиться», лит. «бгъэдэщэтэн»; к.-з.

БГЪЭН - «камыш», лит. «къамыл»; к.-з.

БГЪУЭЖЫГ - «украшенное дерево», лит. «жыг хуэпа»; мезд.

БГЪУШ - «солома из просы», лит. «хум и хъуазэ»; бел.

БГЪУШХ МАХУЭ - «второй день свадьбы», литературного соответствия не имеет, образовано на собственной основе, дословно означает «день поедания быка», лит. «хъэгъуэллыгъуэм и етлунэ махуэ»; мезд.

БЕДАЛ - «коридор», лит. «клэлындор»; бел. Заимствовано из тюркских языков.

БДЗЫРЫБДЗ - «порода камня», литературное соответствие не известно «мывэ лъэпкъ»; к.-з. Исконное слово.

БЕЛКЫМ - «пусть», «ничего», лит. «хуитщ, ягъэ клынкъым»; мезд. Источник не определен, хотя очевиден заимствованный характер.

БЕЛКЪУАНШЭ - «совковая лопата», лит. «бел»; м.-каб. Образовано из «бел - лопата», «къуаншэ - кривой».

БЕЛХЪЭКХЪУАФЭ - «лопата», лит. «белхъэнцэ»; бак.

БЕТАКЪ - «пятак», лит. «щай». Заимствовано из русского языка; закуб.

БЕТИО - «напасть», лит. «мыгъуагъэ», «насыпыншагъэ»; закуб. Носителям диалектов понятна литературная форма, которая отличается от диалектной легким стилистическим оттенком. Исконное слово.

БЖАНЭ - «перевясло», лит. «бганэ»; к.-з.

БЗУФЭ - «прохлада», лит. «щІыІэтыІэ»; бак.

БЖОР АДЭ - «крестный отец»; литературного эквивалента не имеется; мозд.

БЖОР АНЭ - «крестная мама», литературного варианта не имеется; мозд.

БЖЬАНЭ - «грабли», лит. «пхъэІэпэ»; м.-каб.

БЖЬЭХЬЭІУ - «сорт грибов», лит. «Іэгъэбэгу Іэужьыгъуэ»; заруб.

БЖЬЫ - «талия, пояс», лит. «бгы, бгырыпх»; к.-з.

БЖЬЫНЭМ ИЧІУ ЕКЪУН - «сильно тянуть», вм. «хуабжъу, икъукІэ екъун»; к.-з.

БЖЬЫНЫФЭ - «зеленый», лит. «удзыфэ»; к.-з.

БЖЬЫНЫФУШЫГЪУ - «чесночная соль», лит. «бжъыныхушыгъу».

БЖЬЫРЫБЖЬЭ - «игра во время ритуального обряда «чапш». Литературное соответствие не известно; куб. Исконное слово - «бжъэрыбжъей» - «рой ос».

БЖЬЫХЬЭКЪЫЦЭ - «персик», лит. «шэфтал»; бесл.

БЗАБЗЭ - «радостное жужжание», лит. «убзэрэбзэн»; к.-з.

БЗЭБЗЭН - «ворковать», лит. «убзэрэбзэн»; к.-з.

БЗЭГУ - «язык» (речь, средство общения), лит. «бзэ»; к.-з.

БЗУНЭФ - «летучая мышь», лит. «дзыгъуэнэф»; закуб. Исконное слово, буквально «слепа́я мышь».

БЗЫЛЪХУГЪЭ - «женщина», лит. «цІыхубз»; закуб. Носителям литературного языка понятно диалектное слово, этимологизируемое как «женским полом рожденная», носителям диалектов также понятно лит. слово, но избегается как вульгарное слово из-за одинаковости модели образования слова с названиями животных.

БЗЫХУ - «липа», лит. «бзииху»; закуб.

БИН - «дети», лит. «бын»; заруб.

БИНТ ТЕЛЪХЬЭН - «забинтовать», вм. лит. «бинт ешыхьэкІын»; к.-з.

БИРЫКЪУ - «правило», «приличие», лит. «хабзэ, нэмыс»; мозд. Тюркское заимствование.

БИСМЫЛЫХЬ ЩЫН - «покушать», лит. «шхэн»; закуб.

БИЧАР - сельскохозяйственный инвентарь, которым косят траву, злаковые культуры, лит. «удз зэрыпаупщІ, гъавэ къызэрах Іэмэпсымэ»; заруб.

БЛЭР - «вязанка» (сделанная нанизыванием или плетением), лит. «благъэ»; закуб. Исконное слово, образованное по типу жэр - «скакун»; уэр - «бурный» и т.д.

БЛЭТЫКУ - «платок» (носовой), лит. «платок»; к.-з. Заимствовано из русского языка.

БЛЭФТЫН - «проскочить (молниеносно)», лит. «блэцлэфтын»; закуб. Исконное слово, отличается от литературного выпадением слога - цлэ-.

БЛЫГУ - «под мышки», лит. «блэгущлэ»; бак.

БЛЫКЪ - «лопатка», лит. «блыпкъ»; к.-з.

БЛЫНІУПХЪУЭ - «ковёр», в литературном используется заимствованное из русского языка слово «ковёр»; бесл.

БОГЪУРСАКЪ - «лепешка» (приготовленная из кукурузной или пшеничной муки), лит. соответствия не имеет, так и общекабардинский «лэкъум» - «лепешка» не является эквивалентом. Заимствовано из ногайского языка.

БОГЪУ - «бугаек» (годовалый), лит. «илъэс хъуа выщлэ», бесл.

БОЛБЭ - «чем молотят просо», лит. «мэш зэралуэ лэмэпсымэ»; заруб.

БОР - «мел», лит. «сэху»; мозд.

БОСЦЕЙ - «платье», лит. «бостей»; м.-каб.; бак.

БОШ - «вольный», «пустой», «свободный», лит. «лалэ, хуит»; мозд. Заимствовано из тюркских языков (бош «пустой»).

БУУН - «выть», лит. «къугъын». Дыгъужьыр мэбу. «волк воет»; куб.

БЫБЫН - «полететь», лит. «лътэн»; закуб. В диалектах и говорах представлено и литературное «лътэн» с видовыми оттенком - «летать», «лететь».

БЫГЪУ - «бык - производитель», лит. «гуу»; куб. Заимствовано из тюркских языков через адыгейский язык.

БЫДЭ - «крепкий», т.е. мало разбавленный, насыщенный, лит. «гуащлэ»; куб.

БЫЛЫМХЭКІУЭПЦІЭ - «нагульное стадо», лит. «гуартэ»; к.-з.

БЫН - «семья» (жена и дети), лит. «бынунагъуэ»; куб.

БЫРСЫР - «шум-гам», лит. «зэрыхъзэрий, Ізуэлъауэшхуэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка. Общеадыгская основа междометного происхождения, понятно и носителям кабардинского языка.

БЫСЫМГУАЩЭ - «хозяйка», лит. «унэгуащэ»; к.-з. Этимология слова прозрачна (бысым - «хозяин», гуащэ - «княгиня»).

БЫФЭКЪУЭ - «приемный сын», лит. «анэ дэклуэ щлалэ»; заруб.

БЫФЭПХЪУ - «приемная дочь», лит. «мылхупхъу»; к.-з; заруб. Этимология прозрачна.

БЫЯУЭ - «краска», лит. «краскэ»; м.-каб. Литературное слово заимствовано из русского языка.

ВАГЪЭЩІЭЧ - «нижняя часть лемеха», «борозда». Литературное соответствие неизвестно; к.-з. Исконное слово с дословным значением «пашню из-под вырывающий».

ВАГЪУЭБЗУ - «жаворонок», лит. «уэгуанэбзу»; к.-з. Исконное слово, дословно «звездный воробей».

ВАКЪЭЗЭЩІЭДЭ - «чувяк», лит. «хъыданвакэ», адыг. яз. «цуакъэээкIад»; закуб. Этимология прозрачна. (вакэ - «обувь» + зэщIэдэ - «подшитый»).

ВАТІЭ - «вата», лит. «бжъэхуц»; мозд. Заимствовано из русского языка.

ВЭГЪУЭПЛЪ - «разновидность проса», лит. «ху лIэужьыгъуэ»; к.-з.

ВЭНШЭТЫТХ - «бракосочетание», лит. «нэчыхъытх»; мозд.

ВЭРОКЪУЭУДЗ - «вьюнок полевой», лит. «джэш нэпцI» (Мадзу и джэш); заруб.

ВЕРБЭ - «верба», лит. «дзэл». Заимствовано из русского языка.

ВИЛАЕТ - «район», лит. «щIыналъэ»; заруб.

ВИНЭГРАД - «виноград», лит. «жызум»; бесл. «винэград»; куб. Заимствовано из русского языка.

ВЫДЖЭШ - «сорт фасоли», лит. «джэш лIэужьыгъуэ», заруб. Этимология прозрачна.

ГАЖЪЭ//ГАЗЪЭ - «зола», лит. «яжъэ»; мозд.

ГЫН «лекарство», лит. «хуцхъуэ»; к.-з. В говорах хъуцхъуэ означает «целебное средство», а в литературном - гын - «порох». В говорах последнее значение остается за композитом «шэгын».

ГЫЩІЫН - «стирать», лит. «жъыщIын»; к.-з.

ГУ - «машина», лит. «машынэ»; заруб.

ГУАЩЭ - «старшая женщина в доме», лит. «унэм ис бзылхугъэхэм я нэхъыжъ»; мозд.

ГУАХЪУЭЛЪЭБЖЪАНЭ - «грабли», лит. «пхъэлэпэ»; м.-каб.

ГУАЩІЭВ - «крепкий», «сильный», лит. «лъэщ»; к.-з., мозд., м.-каб. Значения составных частей понятны.

ГУЭЗНЭЧ - «плетение», лит. «бжыхъ»; закуб.

ГУЭЛЪЫН - «иметь», лит. «иIэн (лIыгъэ)». *Абы лIыгъэ гуэлъыц.* - Он имеет мужество»; куб.

ГУЭМЫИУ - «неприятный», лит. «гурымышъ»; бесл.

ГУЭНЫШ - «арба для вывоза скирдов», - лит. «мэкъу къызэрыраш гу»; м.-каб.

ГУЭРЭН - «скотный двор», «баз», лит. «lуэ»; к.-з. В значении «арена» встречается в фольклоре. В современном кабардинском языке имеет значение «роща».

ГУЭЩЫН - «преодолеть», «справиться» (с трудностями), лит. «гъэвын»; к.-з. В адыгских языках исконная основа.

ГУБГЪЭН - «унижение», лит. «икlагъэ»; куб.

ГУБЖЬЫХ - «вспыльчивый», лит. «псынщlэ, тэмакъкlэщl»; закуб. Литературные формы бытуют в говорах, а носителям литературного языка понятно диалектное слово из-за этимологической прозрачности.

ГУБОРЭ - «лепешки», «род кукурузной лепешки», лит. «къылыш»; м.-каб. Заимствовано из осетинского языка.

ГУЕЙ - «храбрый», лит. «хахуэ»; к.-з. Образовано от слова «гу» - «сердце» с помощью увеличительного префикса -ей.

ГУЕТЫНЫГЪЭ - «преданность», «верность», лит. «хуэпэжу, игу хуэкъабззу»; куб. Исконное слово, дословно «сердцедавание».

ГУЖЭЖЕЙ - «сбой», лит. «кlуэцlфэцl»; к.-з. Исконная основа с прозрачной этимологией.

ГУЖЬ - «затаенная злоба», лит. «гужьгъэжъ». Исконное слово; закуб., дословно означает «старое сердце».

ГУЖЬ ХУЛЭН - «быть злым на кого-либо», лит. «хузэгуэпын»; к.-з.

ГУЖЬЫДЭКЫГЪУЭ - «облегчение», лит. «гур тlысын»; закуб.

ГУЗЭПЫЩI - «трудный, надоедливый, назойливый», лит. «гу техуэгъуей», (адыг.яз. - «гузэпыкlэ»); закуб.

ГУ ИХАУЭ - «откровенно», лит. «ехъэкlыншэу»; к.-з.

ГУКИУЭДЫПХ - «паникер, тот, кто быстро падает духом», лит. «гур зыфlэкlуэд» (адыг.яз. «гукlодыпх»); закуб.

ГУЛ - «цветок», лит. «удз гъэгъа»; мозд. Заимствовано из персидского языка.

ГУМ ДЭIЭХЫН - «злиться», лит. «зэгуэпын»; к.-з.

ГУМЭЩI - «беспокойство, тревожное состояние», лит. «гумашlэ»; (адыг.яз. - «гумэкlэ»); заруб.

ГУМЭЩЫН - «переживать», лит. «гузэвэн»; закуб. Исконная основа означает «сердце уменьшаться», литературное слово присутствует в говорах с иным оттенком.

ГУПСЫГЪУЭ - «надоедливый, несносный», лит. «гутехуэгъуей, шэчыгъуей»; мозд.

ГУПЩЫСЭМ ХИЛЪЭСЭН - «впасть в раздумье, задуматься», лит. «гупсысэм иубыдын, хэхуэн»; к.-з.

ГУПСЫС ХЭМЫГЪЭКЫН - «держат в страхе», лит. «гузэвэгъуэ хэмыгъэкlын»; к.-з.

ГУРЫЩІЭ - «намерение», лит. «гухэлъ»; бак.

ГУТХЪЭ - «рукоятка косы», лит. «шэмэджыкъу»; мозд. Исконное слово.

ГУФЭПСЫЖЫН - «ухмыляться, улыбаться», лит. «дыхъэшхыжын, гуфІэжын»; к.-з.

ГУФІЭЖЫН - «радоваться», лит. «гуфІэн»; к.-з.

ГУХЪАРИНЭ - «тачанка», «старинный экипаж», литературное соответствие неизвестно; закуб. Исконное слово образовано с помощью основосложения: гу - «телега, хъаринэ - «качели».

ГУШЫЭН - «говорить, сказать что-л.», лит. «псэлъэн, зыгуэр жыІэн»; заруб.

ГУ ЩІЫН - «рискнуть, решиться на что-нибудь»; лит. «тегушхуэн»; к.-з.

ГЪАВЭ - «просо в зерне», лит. «мэш»; закуб. Диалектное слово используется в литературном, но со значением «урожай».

ГЪАШЭ - «злаковое растение», лит. «хъэцэпэцэ»; закуб. Слово литературному языку известно, но с другим значением (гъашэ къыдидзаш).

ГЪЭБЭГЪУ - «пика», лит. «бжъы»; бесл.

ГЪЭБЫБЫН - «пустить летать», каб. «гъэлъэтэн», (адыг. - ыгъэбыбыгъ - «пустил летать»); куб.

ГЪЭБЫЛЪЫН - «спрятать, прятать, украсть молниеносно», лит. «гъэпщІун, къэдыгъун псынщІэу»; закуб.

ГЪЭГУМЭЩІЭН - «заставить беспокоиться», лит. «гъэгузэвэн»; к.-з.

ГЪЭДЫДЫН - «быстро распространить», лит. «псынщІэу хэз щІын, псоми егъэщІэн»; закуб.

ГЪЭДЫГУН - «проглотить, съесть с жадностью», лит. «егъэлъэтэхын, псынщІэу шхын»; к.-з.

ГЪЭКУЭШЫН - «переселиться, переставить», лит. «гъэлэпхъуэн»; закуб.

ГЪЭМЭРЗЫС - «кружить», лит. «гъэджэрэзын»; мозд.

ГЪЭМЭШ ЩІЫН - «заниматься весенними полевыми работами», лит. гъатхэ лэжъыгъэхэм пыхъэн»; к.-з.

ГЪЭНЭН - «беспокоить, нервировать», лит. «зэгуэгъэпын, гъэбэмпІэн»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ГЪЭПСЫКІАФІЭ - «воспитанный», лит. «цІыху гъэса, нэмысыфІэ» (адыг. гъэпсыкІашІу: цІыху гъэпсыкІашІу «приятный человек»); закуб.

ГЪЭПСЫКІЕЙ - «бесхарактерный, избалованный, бесцеремонный», лит. «цІыху хъэлыншэ, мыгъасэ» (адыг. гъэпскІай «бесцеремонный»); закуб.

ГЪЭСЭХЪУДЖЭН - «избаловать», лит. гъэсэхъун» (адыг. гъэсэхъуджэн); закуб.

ГЪЭТЭРЭЗЫЖЫГЪУАФІЭ - «легкоисправимый», лит. «тэмэм щІыжыгъуафІэ». (адыг. гъэтэрэзыжыгъошІу); закуб.

ГЪЭТЭРЭЗЫЖЫГЪУЕЙ - «трудноисправимый», лит. «тэмэм щІыжыгъуей» (адыг. гъэтэрэзыжыгъуей); закуб.

ГЪЭТЭРЭЗЫН - «наладить», лит. «зэгъэпэщын, зэгъэзэхуэн» (адыг. гъэтэрэзын); закуб.

ГЪЭТІЛЪЫН - «хоронить», лит. «щІэлъхъэн» (хъэдэр). *Хъэдэр гъэтІылъын.* «Хоронить труп»; куб.

ГЪЭЛЭУН - «утруждать, умолять», лит. «гугъу егъэхъын, егъэшын» (адыг. гъэулэун); закуб.

ГЪЭФЫН - «намочить», лит. «псыф щІын»; закуб.

ГЪЭХУАУЭ - «пристально», лит. «щымыплъэхъукІу»; бак.

ГЪЭХЪУНЭ - «поляна», лит. «куей»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ГЪЭЩЫПКЪЭН - «оправдать (свое слово)», «быть верным», лит. «гъэпэжын»; закуб. Литературный вариант известен носителям говоров, однако, имеется стилистическая разница.

ГЪЕЙШЕИН - «болеть, хворать», лит. «гу къыдэмыжын» (куб. гъейшеин; адыг. гъоешэен); закуб.

ГЪЕЙШЕЙ - «недомогание», лит. «гукъыдэмыж»; закуб. Литературный вариант употребляется в говорах с иным стилистическим значением.

ГЪЫДЫГЪУЕЙ - «вишня», лит. «балий»; бесл.

ГЪУМ ХЪУН - «зачать, стать беременной», лит. «лъэщыджэ хъун»; к.-з.

ГЪУН; ГУР ГЪУН - «беспокоиться». Сигу мэгъу - «я беспокоюсь»; куб.

ГЪУАЗЭ - «предводитель», «направляющий», лит. «пашэ»; куб. В литературном варианте встречается со значением «прицел».

ГЪУАМЭЖЪ - «болото», «болотистое место», лит. «шэд, шэдылъэ»; к.-з. Исконная основа.

ГЪУАТКІУЭ - «капля» (чаще в значении расплавленного металла), лит. «ткІуэпс»; закуб. Лит. вариант известен в говорах как стилистически нейтральное слово, состоит из двух элементов; гъуа - «металл» и глагольного слова ткІуэ - «капать».

ГЪУЭГУЭГЪУ - «спутник, попутчик», лит. «гъусэ» (адыг. гъогогъу); к.-з.

ГЪУЭЗНАКЪ - «гозинаки», литературного соответствия нет; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

ГЪУЭМБЫРЭ - «кобура», лит. «хъупІырэ»; к.-з.

ГЪУЭМЫЛЭЖЪ - «просяной чурек», лит. «ху хъэлу»; куб., к.-з.

ГЪУРСЫР - «сухощавый», лит. «къуэгъу»; к.-з.

ГЪУРЫГЪУ - «очередь», лит. «чэзу»; бак.

ГЪУЭФЫЛЪЭ - «лощина», лит. «уэх, щылэпс»; к.-з.

ГЪУЭШЫ - «кухня», лит. «пщэфлапэ»; мозд.

ГЪУЭЩЭС - «младший за столом», «бгъуэщлэс»; к.-з.

ГЪУЩІЧЫДАНЭ - «провода», лит. «гъущлэпсэ»; м.-каб. Образовано сложением основ гъущл - «железо» и чыданэ - «провода».

ГЪУЩІЧ - «провода», лит. «гъущлэпсэ». Исконное слово, образовано сложением основ гъущл - «железо» и чы - «прут».

ДАГЪУЭДАШЭ - «изъян», лит. «дагъуэ»; к.-з. Исконное слово.

ДАЛЭ - «немного», «малость», лит. «зымащлэ, тлэкунитлэ»; к.-з. Литературные варианты известны говорам, употребляются как стилистические синонимы.

ДАПХЪЭ - «полки» (обычно для посуды), лит. «тегъэуваплэ, щлэлулэ»; бесл.

ДАРАЙГУЭЛ - «мак, самосейка», лит. «лухъэ»; мозд.

ДАРЛИН - «мало», лит. «мащлэ»; мозд. Заимствованное слово (но источник не установлен).

ДАУРХЪАН - название травы, лит. «удзыщлэ»; к.-з.

ДАУЩ - «шум» (закуб); «разговор», «беседа» лит. «лэуэлъауэ, уэршэр» (мозд.) Литературные варианты в говорах употребляются как стилистические синонимы.

ДЭДЭЖЬ - «дедушка», лит. «адэшхуэ»; куб.

ДЭГУРЫКУ - «середина, сердцевина», лит. «ку»; мозд.

ДЭГЪУШЭИДЗЭ - «игра в орехи», литературный эквивалент отсутствует; к.-з. Исконная основа дословно означает «бросание (в чем-то) сухих орехов».

ДЭЖЫЙ - «фундук», лит. «дэ цыклу», «мэзыдэ»; закуб. Понятно и носителям литературного языка из-за этимологической прозрачности.

ДЭЙ - «плохой», лит. «лей»; закуб. Литературный вариант известен говорам, употребляется как стилистический синоним.

ДЭКЪАКЪ - «грецкий орех», лит. «дэшхуэ»; мозд.

ДЭЛЪЭН - «грозит кому-то», лит. «гъэшынэн»; бак.

ДЭПКЪ - «стена», лит. «блын»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ДЭПШУ - «способ горения лучины; уголек, поднимающийся над остальными угольками в очаге; служит народной приметой; говорит о скором прибытии гостя; лит. «мафлэм бзий зэридзыр»; закуб.

ДЭРЭБИНЭ - «кузов телеги», лит. «гуфэ»; к.-з. Заимствовано из кубанского казачьего говора.

ДЭУЛЭУН - «потрудиться с кем-нибудь», лит. «дэлэжьэн», (адыг. дэулэун); закуб.

ДЭУФЭРЭЗЭН - «вбежать, влететь, заскочить неожиданно» (адыг. дэфэрзагъ); лит. «щІэлъэдэн, щІэцІэфтэн»; закуб.

ДЭФАІУЭ - «ореховая скорлупа», лит. «дафэ»; к.-з.

ДЭФТЭР - «книга», лит. «тхылъ»; бесл. Арабское заимствование.

ДИШЛЭ - «дышло», лит. «гукъу»; малк.; к.-з. Заимствовано из русского языка.

ДУАР - «каменная стена, ограда», лит. «мывэ блын, сэрей»; заруб.

ДЫГЪЭГЪАЗЭ - «подсолнечник», лит. «сэхуран» (адыг. тыгъэгъазэ); закуб.

ДЫГЪУАСЭНЭХЪЫПЭ - «позавчера», лит. «вэсэмахуэ»; закуб. Слово понятно носителям литературного языка из-за этимологической прозрачности.

ДЫГЪУМЫДЖ - «нелюдим», «грубиян», лит. «гурбиян»; закуб. Литературное слово заимствовано из русского языка, диалектное является исконным.

ДЫДЖПСЫДЖ - «очень горький, плохой, зловредный (о человеке)», лит. «цІыху Іей», (адыг. дыджыпсыдж); закуб.

ДЫКЪМЫКЪ - «глупый», «дебильный», «непонятливый», лит. «мыкхъэмывэ», к.-з. Говорам известен литературный вариант как стилистический синоним.

ДЫРШЕН - «проглотить», лит. «егъэлъэтэхын»; закуб. Исконное слово.

ДЫУЭСАФЭ - «согласие на сватовство или обряд заключения брака и распивания сладкой воды», лит. «нысашэр къыззІухын»; мозд.

ДЫЩАСЭ - «девушку, после замужества, везут к ее родным на побывку», лит. «нысэшэж»; бак.

ДЫЩЭКІАП - «золотой слиток», лит. «дыщэ Іыхъэ»; к.-з.

ДЫЩЭУАНЭ - «пирог» (особой выпечки), нет литературного эквивалента; куб. Дословно означает «золотое седло».

ДЯПЭГЪЭ - «будущий год», лит. «гъэ къакІуэ»; закуб. Исконная основа дословно означает «перед нами год».

ДЖАГЪДЭ - «бок» (нижней части живота); нет литературного эквивалента; к.-з. Исконная основа.

ДЖАДЭ - «огромный»; «верзила»; лит. «пІащэжъ, иныжъ»; закуб. Литературные варианты встречаются в говорах в качестве нейтральных в стилистическом отношении синонимов.

ДЖАН - «милый», лит. «щІасэ»; мозд. Заимствовано из персидского через тюркское посредство.

ДЖАНУАР - «животное», лит. «псэущхэ»; мозд. Заимствовано из персидского через тюркское посредство.

ДЖАТЭИЩЭ - «пирог» (особого приготовления), литературного эквивалента нет; к.-з. Дословный перевод: «рукоятка меча».

ДЖЭАЖЭ - «козел», лит. «ажэ», мозд.

ДЖЭБЭХЪ - «паутина», лит. «бэджыхъ»; к.-з. Встречается в говорах и литературное слово. Диалектизм образовался в результате метатезы.

ДЖЭГУ КЪЫЗЭИУХЫН - «жениться», лит. «фыз къэшэн»; заруб.

ДЖЭДУЛЪИЙ - «насест для кур», лит. «лъэуей»; м.-каб.

ДЖЭДШЫПС - «курица под соусом», лит. «джэдлыбжьэ»; закуб.

ДЖЭДЫКІЭЧЫЛБЫР - «блюдо из яиц», лит. джэдыкІэм къыхэщІыкІа шхыныгъуэ (беслен. джэдыкІэчылбыр); закуб.

ДЖЭЖ ДЗЫН - «бросить клич», лит. «зыгуэрым къыхуеджэн»; к.-з.

ДЖЭРИЙГУЭЛ - «мак, самосейка», лит. Іущхэ; мозд.

ДЖЭРЫКІЭ ХУАНЛЪЭ - «яйцо всмятку», лит. «джэдыкІэ гъэва (имыгъэвыкІауэ); бесл.

ДЖЭРЫКІЭ ЗАНЭ - «одно яйцо», лит. «зы джэдыкІэ»; к.-з.

ДЖЭТЭН - «пальто», лит. «пальто»; к.-з. Литературный вариант заимствован из русского языка.

ДЖЕОРГУБА - «день Святого Георгия», нет литературного варианта; мозд. Заимствовано из осетинского языка.

ДЖЫБЭ - «карман», лит. «жып»; к.-з. Заимствованное слово.

ДЖЫН - «чебрец», лит. «джэдгын»; бесл. Этимология прозрачна.

ДЖЫРЫДЖ - «гладкий, чистый, сверкающий, яркий», лит. «джафэ, лынд, къабзэ, цІу (адыг. в слове мылджджыу «чистый, сверкающий лед»); закуб.

ДЖЫРЫНДЖЫХУ - «особая порода лошадей», литературный эквивалент неизвестен; к.-з. Происхождение не ясно.

ДЗАСЭ - «вилка», лит. «дзасэ, зэрышхэ гуахъуэ»; мозд.

ДЗЭЛДЭУЭ - «пирог» (особой формы), литературного соответствия нет; куб. Заимствовано из адыгейского.

ДЗЭЛЫХУ - «вид ивы», лит. «дзэл лІэужыгъуэ»; к.-з.

ДЗЭР ДЭХЭГЪЭНАУЭ ПСЭУН - «жить в неприязни, враждовать», лит. «зыгуэрым и бийуэ псэун»; к.-з.

ДЗЕЙР ЩІЭЧЫЖЫН - «лишиться супруги», вл. лит. «дзейр ІукІыжын»; к.-з.

ДЗЕЙУЭ ЗЭЩИХЬЭН - «вступить в супряжничество», в. лит. «зэдзеегъу хъун»; к.-з.

ДЗЕЙУЭ ШИХЬЭН - «сделаться супрягой», лит. «дзейуэ хуежьэн»; к.-з.

ДЗЫХЬ ТЕЛЫН - «доверять», в. лит. дзыхь хуэщIын»; к.-з.

ДЗЫХЬЩИЭГЪУ - «сообщник», «доверенное лицо», литературное соответствие образовано описательно; дзыхь зэхуэзыщI; закуб. Диалектизм понятен носителям литературного языка в виду прозрачной этимологии.

ЕБЭУЭН - «целовать», лит. «ба хуэщIын»; закуб. Исконная основа.

ЕБЗ - «навоз»; лит. «куэншыб» (адыг. ебз); куб. д.

ЕГУЭПЭН - «сделать приятное», лит. «и гуапэ щIын»; к.-з.

ЕГЪЭЗЫГЪЭКIЭ - «насиленно», лит. «зэрыльэкIкIэ» (адыг. йэгъэзыгъэкIэ). закуб.

ЕГЪЭЗЫН - «заставить», лит. ехулэн, хэгъэзыхьын»; куб. д.

ЕГЪЭНДРЭХЫН - «проглотить», лит. «егъэлъэтэхын»; бесл.

ЕГЪЭХЪУЛЭН - «творить, натворить», лит. «нэгу щIэгъэкIын»; к.-з.

ЕЗБАРУ - «наизусть», лит. «гукIэ»; к.-з. Заимствованное слово.

ЕЗЭГЪЫН - «договориться (о чем-то)»; лит. «гурылуэн»; закуб. Литературному языку слово известно в значении «согласиться», говорам также известен литературный вариант, но с иным значением.

ЕКIЭФЭЩЭН - «сидеть, охотиться», лит. «ещэн, ещэкIуэн»; к.-з.

ЕКIУЭКI//КЪЕКIУЭКI - «круговой танец», лит. «къафэ лIэужьыгъуэ»; мезд., «къекIуэкI «название танца»; закуб.

ЕКIУЭКIУЭН - «опуститься» (о человеке); лит. «нэхъ Iей хъун»; бесл.

ЕКIУЭЩЭЛЭН - «подкрадываться», лит. «ещэурэ екIуэлIэн»; к.-з.

ЕКЪРАР - «обещание», «клятва», лит. «къэгъэгугъэн, псалъэ етын, тхэ хуэлуэн»; куб. Заимствованное слово.

ЕЛБЭТУ - «срочно», лит. «икIэщIыпIэкIэ»; закуб. Обстоятельственная основа с неясным происхождением.

ЕЛЪЭСТЭУЭН - «относиться с пренебрежением», лит. «епэбжьэуэн»; бакс.

ЕЛЪЭШЭУЭН - «прихрамывать», лит. «ещIэкъэуэн»; к.-з.

ЕНЭГУЕИН - «предполагать»; лит. «хуэгъэфэщэн, къыщихъун»; закуб. Исконная основа.

ЕНЭПЭФЭУЭН - «дать пощечину», лит. «и напэм еуэн»; к.-з.

ЕНЭЩИН - «соблазнить», лит. «ехъуэпсэн, дихъэхын»; куб.

ЕПЛЪЫН - «ухаживать» (о женихе и невесте), лит. «зэпылтын»; мезд.

ЕПСЭЛЪЫХЪУН - «свататься», лит. «лъыхъун»; куб.

ЕРЕЙУЭ - «еле-еле», лит. «ерагъуу»; к.-з.

ЕРКЫНУ - «свободно, вдоволь», лит. «зэрыхуейм хуэдэу»; к.-з.

ЕРМЭЯН - «армянин», лит. «ермэлы»; закуб. Для литературного языка может оказаться архаизмом.

ЕРМЭЛЫ ХЪЭБЛЭ - «Армавир», лит. «Армавир»; закуб. Дословно армянский квартал.

ЕРМЭЛЫ ХЪЭЛЫУЭ - «халва» (по-армянски), лит. эквивалент отсутствует; закуб.

ЕРЫНЧУ - «очень много», лит. «куэдыщэ»; к.-з. Малоупотребительно в говорах.

ЕУЭР АБИ - «таким образом» в.м. «еуэщ аби»; к.-з.

ЕУСЭН - 1. «советоваться»; 2. «решить что-то», лит. «ечэнджэщын, зыгуэрым теубыдэн»; (адыг. еусэн); куб.

ЕФЭХЪУЭХЫН - «скользить» (вниз), лит. «ещэтэхын, ецлэнтхъуэхын»; к.-з. Говорам известен и литературный вариант.

ЕХЪУЛЭН - «успеть». *Сыхъэтихым ехъулэн*. Успеть к шести часам», лит. ирихъэлэн; куб.

ЕХЪУУ - «сверх чего-нибудь», лит. щлэгъуу; к.-з.

ЕЩЭН - «играть», лит. «джэгун»; к.-з.

ЖАКЪ - «скирд» (из пшеничных снопов), лит. пыпхъуэ; к.-з.

ЖАСУС - «шпион», лит. «тласхъэщлэх»; закуб. Арабское заимствование.

ЖАТЫМ - «северный ветер», лит. «бешто»; бесл. Тюркское заимствование.

ЖЭЗЫЩХЪЭ УНЭ - «дом с жестяной крышей», лит. «къэнжалыщхъэ унэ»; бесл.

ЖЭМБОРЕЙМЭС - «ружье», лит. «фоч лъэпкъ»; к.-з.

ЖЭМ ШЭХЪУ - «корова с обильным молоком» лит. «жэм гъэшыфлэ»; к.-з.

ЖЭРАХЪЭ - «вид национальных блюд из внутренностей животного (обычно теленка)», лит. «лэщ клуэцлым къыхащлхык лхыныгъуэ»; м.-к.

ЖЭТАЛЭ - «строптивый», лит. «щхъэзыфлэфл, ябгэ, хъыжьэ»; м.-к.

ЖЭЩБЗУ - «летучая мышь», лит. «дзыгъуэнэф»; к.-з., бесл. Исконная основа - жэщ «ночь», бзу - «птица».

ЖЭЩДЭС - «вечеринка», лит. «жэс щыс (адыг. чэщдэс); закуб.

ЖЭЩ ЧЫХЪАГЪЫМ - «всю ночь» в.м. «жэщыр зи клыхъагъым»; к.-з.

ЖЕЙМ ХИЛЪЭСЭН - «клонить ко сну», лит. «жеин, жейр къытеуэн»; к.-з.

ЖЕСТ - «жестъ», лит. «къэнжал»; мезд. Заимствовано из русского языка.

ЖИЛЪКІЭ - «самокрутка», лит. «джырышкіі»; к.-з. Видимо, оба варианта заимствованы из русского языка: жилка, корешки.

ЖУЗЫМКХЪЭУЭХ - «в конце сентября, в начале октября», лит. сентябрым и кІэмрэ октябрым и пэмрэ»; закуб.

ЖУМАР - «название травы», лит. «удз лъэпкъ»; к.-з.

ЖУХЪАР - «порода лошади», лит. «шы лъэпкъ»; к.-з. Заимствовано из карачаево-балкарского языка.

ЖЫГ ТІЕІАЖЪЭ - «листва», лит. «жыг пщІащэ»; мозд.

ЖЫПТАЛЭ - «нагрудный карман», лит. бгъэжып; мозд.

ЖЫПУЭН - «говорить», лит. «жыІэн»; м.-к.

ЖЪАБЗЭ - «красноречие», лит. «дахэу псалъэ»; к.-з., дословный перевод «рот-язык».

ЖЪАГЪЭ¹ - «легкие», лит. «тхъэмбыл»; закуб.

ЖЪАГЪЭ² - «убой на мясо для какого-либо торжества», лит. «хъэщІэныш»; бакс.

ЖЪАГЪЭР ПЫХУН - «лекочная болезнь», лит. «тхъэмбылыр узын»; закуб. Исконная основа.

ЖЪАГЪЭУЗ - «туберкулез», лит. «жъэнуз»; закуб. Исконная основа.

ЖЪАКІУЭ - «еда с нормальной температурой», лит. « шхын зэщыщхъу»; закуб. Литературный вариант не является эквивалентом к диалектному.

ЖЪЭДЭІЭН - «подтянуть удила», лит. «къыжъэдэкъуэн»; к.-з.

ЖЪЭГЪУІУГЪУ ДЭЩЫЧЫН - «постоянно ругать кого-н., придирается к кому-н. в.м. жъэгъуІугъу щІын»; к.-з.

ЖЪЭКІАДЗЭ - «кузнечный инструмент», лит. «гъукІэ Іэмэпсымэ»; закуб.

ЖЪЭКІЭДЗ - «удочка», лит. «къунтх»; к.-з. Исконная основа.

ЖЪЭМЫХЪАТ - «квартал» (часть аула), лит. «хъэблэ» (адыг. джъэмыхъат); куб.

ЖЪЭНЭТЖЪАУЭ - «лепешки, выпекаемые из муки», лит. «хупщІынэм къыхащІыкІ лакъум лъэпкъ»; закуб.

ЖЪЭРЖЭР - «разговорчивый», лит. «псалъэрей, жъэрыІэзэ»; к.-з. Диалектные варианты не являются полными эквивалентами.

ЖЪЭРЫУАТЭ - «устное творчество»; лит. «ІуэрыІуатэ»; к.-з. Этимология слова прозрачна. Оно состоит из жъэ - «рот» и «Іуатэ» - обнародовать.

ЖЪГЪЫР - «скала», лит. «къыр», исконная основа; к.-з. Литературный вариант, видимо, заимствован из тюркских языков.

ЖЪЕЙПЫРХЭ - «глубокий сон», лит. «жей куу» (адыг. чъыерыхъ); к.-з.

ЖЬЫБГЪЭ - «ветер», лит. «жъапщэ»; закуб. Литературный вариант как синоним может встречаться в говорах.

ЖЬЫГУЭРЭН - «вихрь», лит. «жъыкурий» (адыг. жъыкорен); закуб.

ЖЬЫГЪЫРЫХЪЭ - «шакал», лит. «хъэлуцыдз; к.-з. Литературный вариант в виде хъэлуцэ встречается в говорах с более широким значением.

ЖЬЫКЪАРТ - «очень старый, престарелый», лит. «жъы дыдэ хъуа»; закуб.

ЖЬЫУЭ - «бодрый», лит. «гукъыдэж зи́э, жан»; бакс.

ЖЬЫХЪАРЗ - «циклон», «вихрь», лит. «жъыкIэрахъуэ»; к.-з. Заимствовано из адыгейского языка.

ЗАБЖЭ - «шкура косули», лит. «мэзбжэныфэ»; к.-з. Исконная основа с затемненной этимологией.

ЗАГЪУЭРЭ - «иногда», «изредка», лит. «зэзэмызэ; закуб. Исконная основа.

ЗАУЛ - «несколько», лит. «зыкъом, зыбжанэ»; закуб.

ЗЭБЛЭФТЫН - «быстро разойтись», лит. «псынщIэу зэкIэщIэкIын».

ЗЭГУРЭГУЖЬ - «неуклюжий», «верзила», лит. «мышIыжъ»; к.-з. Исконная основа.

ЗЭГЪАЛЪЭ - «платье» (легкое), лит. «бостей»; закуб. Литературный вариант в виде бостей употребляется в говорах, но обозначает более теплое платье.

ЗЭГЪЭКIЭПЫН - «привести что-либо в порядок», «состыковать», лит. «зэгъэзэхуэн, зэфIэгъэуэн»; бесл.

ЗЭГЪЭЛЪАПХЪЭ - «отрез на платье», лит. «бостеипхъэ»; к.-з.

ЗЭГЪЭЦIЫХУН - «узнать, выучить, иметь представление о чем-либо»; лит. «зэгъэщIэн, щыгъуазэ зыщIын»; закуб.

ЗЭГЪУЭДЫФУРЭ - «изредка», лит. «зэзэмызэ» (адыг. загъодэдэрэ); закуб.

ЗЭГЪУЭДЖЭ - «редкий», «из ряда вон выходящий». Прямого литературного соответствия нет; закуб. Исконная основа.

ЗЭГЪУЭКIЫПIЭ - «укрытие», лит. «къуэгъэнапIэ»; бакс.

ЗЭДАГЪЫН - «договориться», лит. зэгурылуэн; к.-з.

ЗЭДЫКIЭ - «все разом», лит. «зэкIэ псори»; к.-з. Исконная основа.

ЗЭДЭКЪУН - «разводить (животных) вместе с кем-нибудь», лит. «зэдэгъэхъун»; закуб.

ЗЭДЭШХЪУН - «ничья в игре, борьбе», лит. «зыри темыкIуэн, зэтемыкIуэн», к.-з.

ЗЭДИХЪЭХЫН - «увлечься друг другом», лит. «зэгуэкIуэн»; к.-з.

ЗЭКЪУЭДЭГЪУ - «новые родственники», лит. «зэблагъэщIэ»; мозд.

ЗЭЛЪЭСЭН - «трепетать», лит. «зэрихьэн»; к.-з.

ЗЭНТХЪ - «овес», лит. «овес»; закуб. Литературное слово заимствовано из русского языка. Зынтхъ - общеадыгское слово.

ЗЭПЭХЪСЫН - «сличить», «сравнить», лит. «зэлъытэн»; к.-з.

ЗЭПЦЭЗЭГЪАЖЪЭ - «хлеб из свежего теста», нет литературного эквивалента; к.-з. Исконная основа.

ЗЭПЭЗЭРЫТ - «уравновешенный», «тактичный», лит. «гъэса».

ЗЭРМЭЗЕЙ - «пастила», лит. «мэрзей»; к.-з. Диалектное словообразование.

ЗЭРЫТРАГЪЭЖЫХЪ - «цель», «ориентир», лит. «гъуазэ»; закуб. Общеадыгское слово заимствовано из адыгских языков осетинским, балкарским, сванским языками.

ЗЭТЕБЭНАГЪЭХ - «набросились друг на друга», лит. «зызэрадзын, зэщыхьэн»; закуб.

ЗЭТЕЖ - «хлеб слоенный», лит. щIакхъуэ зэтепщIыкI; к.-з. Исконная основа.

ЗЭФЭТЕХЫН - «расхватать», лит. «яхузэрымыгъуэтын»; к.-з.

ЗЭХЭБЭНЭН - «наброситься друг на друга», лит. «зэщыхьэн, зызэрадзын»; закуб.

ЗЭХЭГЪЭКІУХЫН - «смешать», «соединить что-н. с кем-н.», лит. зэхэгъэзырыхьын; куб.

ЗЭХЭКІУХЫН - «смешаться», лит. «зыхэгъэзэрыхьын»; куб.

ЗЭХЭУГЪУЕИН - «собрать», «сгонять», лит. «зэхуэхусын»; бакс.

ЗЭХЭХУН - «уточнить», «выяснить», лит. «зэхэгъэкIын»; куб.

ЗЭХУЭНЭФЕЙ ХЪУН - «стать врагами», лит. «зэбий хъун»; к.-з.

ЗЭХУЭЛЫЧЫН - «любить друг друга», лит. «фIуэ зэрылгагъун»; к.-з.

ЗЭЩЫГЪЭКЪУН - «испортить (характер)», «испортить (здоровье)», лит. «зэIыгъэхьэн, нэхъ Iей хъун»; закуб.

ЗЭЩЫЧЭУ ГЪЫН - «плакать навзрыд», лит. «зэщыджэу гъын»; к.-з.

ЗЭЩІЭЛІЭН - «любить друг друга», лит. «фIуэ зэрылгагъун»; к.-з.

ЗЭІУЩІЭ - «собрание», лит. «зэхуэс»; куб.

ЗЕКІЭРИ - «все», «полностью», лит. «псори, зэкIэ»; бесл.

ЗЕЙТУН - «оливковое масло», лит. «дагъэ лIэужыгъуэ»; заруб. Арабское заимствование.

ЗЕТ - «постное масло», лит. «семышкIэ дагъэ»; мозд. Грузинское заимствование.

ЗИ ЛІОР БЭГЪУЭН - «доброе пожелание» в.м. «зи лIэужь бэгъуэн»; к.-з.

ЗИ ПЦЭ УМЫКІУЭЖЫН - «куда лучше» в.м. «узыфIэмыкIыжын»; к.-з.

ЗОКІЭ - «гриб», лит. «Іэгъэбэгу»; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

ЗЫБГЪУ - ЗЫПЩІ//ЗЫБГЪУПЩІ - «около девяти - десяти», лит. «зыбгъупщІ»; закуб.

ЗЫБЛ - ЗИЙ - «около семи - восьми», лит. «зыхыбл»; закуб.

ЗЫБЛЭ - ЗЫС - еплъ «зыбл - зий»; закуб.

ЗЫ ДЖАДЭ ТЕЧІЫН - «через некоторое время», лит. «зы зэман дэкіын»; к.-з.

ЗЫДЗИ//ЗЫДЗЭ - «ничего», лит. «зырикІ»; закуб.

ЗЫГЪЭБЫЛЪЫН - «спрятаться, незаметно скрыться, улизнуть», лит. «зыгъэкІуэдын»; к.-з.

ЗЫГЪЭФЫЖЫН - «намочиться» (под дождем, струей воды), лит. «псыф зыщІыжын»; закуб.

ЗЫГУЭРЭН - «несколько», лит. «зыбжанэ»; мозд.

ЗЫКЪАУМ - «некоторое количество», лит. «зыкъом»; мозд.

ЗЫМИ КЪЫПЭМЫНЭУ - «несмотря ни на что», лит. «зым щхъэкІи къэмынэу»; к.-з.

ЗЫПАРИ - «ничего», лит. «зыри»; закуб. Образовано от турецкого «пара» - «грош» и собственных морфем.

ЗЫПЛИЭ - ЗЫТХУЭ - «четыре - пять раз», лит. «зыплІытху»; закуб.

ЗЫРИ ХУЭІУАКЪЫМ - «вполне возможно», лит. «зыми щыщкъым»; к.-з.

ЗЫТІО - ЗЫЩЭ - «два-три раза», лит. «тіо-щэ»; закуб.

ЗЫТІЭКІИ - «ничего», лит. «зыри»; мозд.

ЗЫТХУЭ - ЗЫХЭ - «пять-шесть раз», лит. «зытху-zych»; закуб.

ЗЫТІУ - ЗЫЩ - «два-три», лит. «тіу-щы»; закуб.

ЗЫУТІЭСХЪЫН - «успокоиться», лит. «и піэм изэгъэжын»; леск.

ЗЫХЭ - ЗЫБЛЭ - «около шести-семи раз», лит. «хэ-блэ»; закуб.

ЗЫХЭГЪЭЖЫХЪЫН - «устроить, сделать», лит. «зэгъэпэщын»; куб.

ЗЫЩ - ЗЫПЛИ - «около трех-четырех», лит. «щы-плІы»; закуб.

ЗЫУДЗЭН - «надеть», лит. «зыІулъхъэн»; куб.

ИБЫБЭН - «залететь», лит. «илъэтэн»; закуб.

ИГЪ - «кукурузная крупа», лит. «нартыху зытеуда»; к.-з.

ИГЪЭХЪЭН - «назначить, поставить», лит. «игъэувэн»; куб.

ИЧІАГЪЭ ЕХЫН - «оскорбить, очернить», лит. «хуэмыфашэ ещІэн»; к.-з.

И КІЭМЫКІЭМ - «наконец, в конце концов», лит. «икІэм и кІэжым»; закуб.

ИКИЫН - «выходить», лит. «щІэкІын»; куб.

ИКЪРАР - «заверение», «слово», лит. «псалъэ быдэ» закуб. Арабское заимствование.

ИКЪРАРЫНШЭ - «клятвопреступник», лит. «и псалъэм епцІыж»; закуб.

ИЛИА - «день Ильи», лит. Илья и махуэ»; мозд.

ИМЫПЫХЪЭ ЖЫІЭН (ЩІЭН) - «говорить» (сделать) лишнее, недозволенное», лит. «мыхъун жыІэн, щІэн»; к.-з.

ИНДЖЫЛЫЗ - «ситец», лит. «щэкІ пІащІэ»; бесл. Этимология прозрачна.

И НЭМ КЪЫПУИМЫХЪЭЖЫН - «не нравится», лит. «игу иримыхъын»; к.-з.

ИНУ - «сильно», «очень», лит. «Іейуэ, хуабжъу»; куб.

ИСЫН - «находиться, быть», лит. «щІэсын (унэм)»; куб.

ИХЪЭН - «войти», лит. «щІыхъэн»; куб.

КАРТ - «фотография», лит. «сурат»; закуб. Заимствовано из русского языка.

КАРТТЕХ - «фотограф», лит. «сурэттех»; закуб.

КЭСЭН - «мало», «немного», лит. «тІэкІу, мащІэ»; мозд.

КНИГЭ - «книга», лит. «тхылъ»; закуб. Заимствовано из русского языка.

КУЭЗЫР ЕЩІЭН - «играть в карты», лит. «куэзыр джэгун»; к.-з.

КУЭКУЭМ - «слива», лит. «пхъэгулъ»; бакс.

КУЭРЗЭ - «вареники», лит. «псыхъэлывэ»; мозд. Заимствовано из осетинского языка.

КУЭТЭН - «плуг», лит. «пхъэІэщэ»; м.-к., мозд.

КУЭШЫН - «переселяться», лит. «Іэпхъуэн»; закуб. Из тюркского «кхеш».

КУЙ - «суть», «идея», лит. «купщІэ»; мозд. Основа имеет неясное происхождение.

КУЕЙ - «квартал», лит. «хъэблэ»; куб.

КУРМЫЩ - «поклон», лит. «щхъэщэ»; куб.

КУХЪ - «воз», лит. «гу»; куб.

КИАЛЭУНЭДЖЭДЭЩ - «клуб», лит. «клуб»; бесл. Этимология слово прозрачна.

КИАРТИ - «карты», лит. «куэзыр»; м.-к., мозд.

КИАХЭ - «адыгейцы, нижние», лит. «адыгейхэр»; закуб.

КИЭДЫГУ - «квартал», лит. «хъэблэ»; к.-з.

КИЭДЫГЪУЭ - «вишня», лит. «балий»; бесл.

КІЭБГЫКЪУ - «балка» (строит.), лит. «бгыкъу»; куб, бес.

КІЭБГЪУЛЪ (ЗЫЩЫДЗЫН) - «увильнуть», «уйти от дела»; лит. «Іуэхум зыпыІудзын»; закуб.

КІЭДЖЫБЭ - «карманы брюк», лит. «гъуншэдж жып»; заруб.

КІЭЖЫП - «карман» (брюк), лит. «гъуэншэдж жып»; закуб. Заимствовано из адыгейского языка.

КІЭКІЭН - «квакать», лит. «кІиин»; куб.

КІЭМАСТЭ - «булавка», лит. «мастэкъуаншэ»; м.-к. Этимология прозрачна.

КІЭНКІАЛЪЭ ЩЫН - «смеяться над кем-либо», лит. «щІэнэкІэн, щыдыхъэшхын»; закуб.

КІЭПХЫН - «юбка», лит. «кІэ»; закуб. В говорах -кІэ употребляется в значении «хвост», а в литературном кІэпхын означает «передник».

КІЭПЛЪЕЙ - «лестница, дробина», лит. «пкІэлъей»; бакс.

КІЭРЫКІЫН - «оставить, прекратить», лит. «къэгъэнэн»; куб.

КІЭРЫСЭ - «озимый сев», лит. «бжъыхъэсэ»; к.-з.

КІЭРЫСЫН - «сидеть за чем-либо» (столом), лит. «бгъэдэсын»; бесл.

КІЭРЫХЪЭН - «подойти», лит. «бгъэдыхъэн»; куб.

КІЭСАХЪУЭ - «кто пасет молодняк», лит. «щІэжьейр зыгъэхъур»; закуб.

КІЭХЭІУ - «булавка», лит. «мастэкъуаншэ», леск.

КІЭІУПХЪУЭ - «передник», «фартук», лит. «кІэпхын»; м.-к., закуб. Дословно можно перевести как «покрывало для юбки».

КІЫМ - СЫМ - «тишина», лит. «щэху, макъыншэ»; куб.

КІЫР - «известь», лит. «сивоскІэ»; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

КІЫТАКІУУ ЖЫЭН - «быстро говорить», лит. «псынщІэу жыІэн»; мозд.

КІЫТ - «арба с двумя колесами», лит. «шархъитІ зыщІэт гу, адыгэгугу»; бесл.

КІУАНТІ - «моль», лит. «гъуанэдэс»; мозд, м.-к.

КІУАНТИГЪАЛІЭ - «попынь», лит. «хъунгъалІэ»; м.-к.

КІУЭЖЫГЪУЭ (КЪЭКІУЭГЪУЭ) ДЖАДЭ - «время ухода (прихода), лит. «кІуэжыгъуэ (къэкІуэгъуэ) зэман»; мозд, м.-к.

КІУЭН - «идти», лит «ежьэн»; куб.

КІУЭНДЭ - «куст», лит. «пабжэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

КІУЭРЫКІУЭТ - «каша из пшеничной крупы», не имеет литературного соответствия; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

КИУЭСЭН - «тухнуть», «гаснуть», лит. «зэхэкЫжын, ункЫфЫжын»; закуб.

КИУРКИУР - «индейка», лит. «гуэгуш»; мозд. Основа имеет звукоподражательное происхождение.

КЪАДАШ - «дядя» (от слова къардаш - родственник), лит. «благъэ»; мозд.

КЪАЖЫХЪ - «ислъэмей», лит. «ислъэмей»; к.-з.

КЪАЗГЪЫР - «лопата», лит. «бел»; бесл., куб.

КЪАЗЫЦ - «подушка», лит. «щхъэнтэ»; бесл., бакс.

КЪАЙХ - «абрикос», лит. «абрикос»; мозд.

КЪАКЪЫРЭ - «хлев», лит. «бэкхъ»; закуб. Видимо, заимствовано из тюркских языков. Литературный вариант известен и говорам с несколько иным значением.

КЪАЛЭКИУХЪ - «день Николы», нет литературного эквивалента; мозд. Образовано на собственной основе.

КЪАМЭ ДЭЛЪЫН - «с саблей» (на боку), лит. «къамэ кІэрылтын»; бесл.

КЪАНДЕС ЗЭДЕЩЭН - «игра в души», лит. «къандес зэдэджэгун». закуб.

КЪАНДЫРГЪЕЙ - «скворец», лит. «бжэндэхъу»; мозд. Слово бытует в других говорах в значении «истощенный».

КЪАНДЖЭ - «сорока», лит. «къанжэ»; бакс.

КЪАНКЪАБЫЛ - «прятки», лит. «гъуэрыгъуапщкІуэ»; закуб.

КЪАНЛЫБЖЪЭ - «деревянная миска, окрашенная в разного цвета краски», лит. «пхъэ фалъэ ла»; закуб.

КЪАРГЪЭ - «ворона», лит. «къуаргъ»; м.-к. Заимствовано из тюркских языков.

КЪАРМАКЪ - «крючки», каб. «щІыІузэфІэдзэ»; м.-к.

КЪАРУР ЗЭПЭХЪУН - «быть равносильными», лит. «къарур зэхуэдэн»; к.-з.

КЪАРЧ - «крест», лит. «жор»; бесл. Заимствовано из армянского языка.

КЪАСЫКЪ - «половник», лит. «шынакъжьей»; мозд.

КЪАСЫР - «вдова», лит. «фызабэ»; мозд.

КЪАУМ - «много», лит. «къом, куэд»; к.-з.

КЪАФЭ - «лезгинка», лит. «ислъэмей»; м.-к., мозд.

КЪАФЭУДЖ - «танцы», лит. «джэгугу»; мозд. Этимология составных частей прозрачна (къафэ - «танцы», удж - «удж»).

КЪАШЫКЪ - «большая ложка», лит. «лошкІэшхуэ»; бесл. Восходит к тюркизмам.

КЪЭБАКЪ - «ставня», лит. «щхъэгъубжэлупІэ»; закуб. Относится к тюркизмам.

КЪЭБАСКЪЭ - «капуста», лит. «къэбыстэ»; бел. Заимствовано из русского языка.

КЪЭБШОРТЭ - «блюдо из тыквы», лит. «къэбшыпс»; м.-к.

КЪЭБЫРСЫРЫН - «зашуметь», лит. «зэрыгъэкIин, хъэргъэшыргъэ хъун»; закуб.

КЪЭГЪЭДЫДЫН - «примчать быстро, принести», лит. «псынщIэу къэхъын, къэгъэсын»; закуб.

КЪЭДЗЫХЬ - «засада», лит. «пэтIыс»; бел.

КЪЭДЗЫХЬЫН - «окружить», лит. «къэувыхъын»; куб.

КЪЭЖЫХЬ - «танец (молодежный)». Нет литературного эквивалента, дословно означает «бег вокруг»; закуб.

КЪЭЖЫХЬ КЪЭЩЫН - «станцевать лезгинку», лит. «ислъэмей къэфэн»; к.-з.

КЪЭЗАН - «хозяйственное мыло», лит. «зэрыжыщIэ сабын»; зольск.

КЪЭЛЕЙ - «посуда», лит. «хъэкъушыкъу»; бел.

КЪЭЛЫБЫН - «прийти в ярость», лит. «къэгубжъын»; бакс.

КЪЭЛЪМАКЪ - «сумка», лит. «къэлътмакъ»; бакс.

КЪЭЛЪТАМЭ - «круглая лепешка», лит. «тхъурыжъ»; закуб.

КЪЭПЩЫН - «собирать» (ягоды или другие мелкие плоды, листья), лит. «къэщыпын, къыпычын»; закуб. Литературный вариант в говорах употребляется как синоним.

КЪЭРБЭЛАКЪ - «шалун, озорник», лит. «еIуящIэ»; м.-к.

КЪЭСЖЫГ - «абрикос», лит. «шэфтал»; мозд.

КЪЭТІРЭН - «нефть», лит. «нефть»; к.-з.

КЪЭУБЫДЫН - «выучить», «овладеть», лит. «зэгъэщIэн»; куб.

КЪЭУХЬ - «круг», лит. «хъурей»; бакс.

КЪЭХАЛЪЭ - «кладбище, могила», лит. «кхъэ»; куб. Литературный вариант известен говорам в несколько ином значении.

КЪЭХЪУН - «родиться», лит. «къалъхун»; куб.

КЪЭШХЫХЬ - «сорт дыни», лит. «фонащэ»; бакс, к.-з.

КЪЭЯКЪ - «лодка», лит. «кхъуафэжъей»; к.-з.

КЪЕКІУЭКІ - «название танца», лит. «удж»; м.-к.

КЪЕУЭН - «напасть, охватить», лит. «къытеуэн»; куб.

КЪЕХЪУЛІЭН - «случиться, свершиться», лит. «къыщыщIын»; куб.

КЪЕШЫН//КЪЕШІЭН - «танцевать», лит. «къэфэн»; куб.

КЪИМЫТІЧІЭ - «кроме», лит. «нэмыщІ»; бакс.

КЪИТХЫКІЫН - «выписать», лит. «къыхэтхыкІын»; бакс.

КЪЫДЭБЭНЭН - «ворваться (во двор)», лит. «къыдэлъэдэн (пщІантІэм)»; закуб.

КЪЫЖЭСЫН - «дойти, доставить сюда», лит. «къэсын, къэгъэсын»; к.-з.

КЪЫЗЭНЫГЪЭЗЭН - «повернуть, повернуться», лит. «къэгъэзэн»; к.-з.

КЪЫЗЭФІЭМЫНЭЖУ ЛЭЖБЭН - «работать бесперебойно», лит. «къызэтемувыІэу лэжбэн»; к.-з.

КЪЫПЕГЪУЭКІЫН - «встретиться», лит. «хуэзэн»; закуб.

КЪЫПЦІЭ - «белая крупная слива», лит. «къыпцІэ лъэпкъ»; бакс.

КЪЫР - КЪЫР - «кувшин с узким горлышком», лит. «кхъуэщын щхъэ Іузэ»; м.-к.

КЪЫХЭКІЫЖЫН - «возвратиться, вернуться», лит. «къекІуэлІэжын»; куб.

КЪЫХУЭКІУЭН - «случиться, произойти», лит. «къыщыщІын»; куб.

КЪЫЦЭ - «персик», лит. «шэфтал»; закуб. Литературный вариант заимствован из персидского языка.

КЪЫЩІЭХЫН - «достать, приобрести», лит. «къэгъуэтын, зыІэрыгъэхъэн»; куб.

КЪУАЖЭГЪУ - «аул, село», лит. «къуажэ»; куб.

КЪУАПЦІЭ - «смуглый», лит. «фЫцІэ»; закуб. Литературный вариант употребляется для указания на цвет, а къуапцІэ относится только к человеку.

КЪУАРДАЩЭ - «коробейник», нет литературного эквивалента; кубано - зеленчукская форма образована от слов къуардэ - «мелкий товар» (архаизм) и щэн - «продавать».

КЪУАФЦІЭ//КЪУАПЦІЭ - «брюнет, черный, темный», лит. «фЫцІэ, фЫцІафэ»; закуб.

КЪУАЩХЪЭ - «гора, холм», лит. «Іуащхъэ»; закуб.

КЪУЭДЗЭ - «помощник», лит. «дэлэпыкъуэгъу»; бакс.

КЪУЭЛАДЖЭ - «речная долина», лит. «псыхъуэ»; к.-з.

КЪУЭН - «укроп», лит. «къантхъурей»; закуб.

КЪУЭУГЪУЭИН - «собрать, сгонять (в угол)», лит. «гуп щІын, зэхуэхусын»; закуб.

КЪУЕНЦЫКІ - «слабенький», лит. «мыІэмыліэ цЫкІу»; бакс.

КЪУДЭ - «родственник невесты», лит. «щыкъу»; мозд.

КЪУДЭГЪАШХЭ - «угощение сватов», лит. «бзылхугъэ лыхъухэр гъэхъэщІэн»; мозд. Из ногойского слова къудэ - «сват».

КЪУЖЫР - «удивление», лит. «гъэщІэгъуэн, телъыджэ»; мозд.

КЪУЗАНЭ - «сито», лит. «кхъузанэ»; м.-к., мозд.

КЪУИПС - «родник», лит. «псынэпс»; мозд.

КЪУЙ - «село», лит. «къуажэ»; мозд. Слово заимствовано из ногайского языка.

КЪУЛЭ - «мездра», лит. «фэ»; к.-з. Этимология первого элемента не ясна.

КЪУЛБЭСТЫ - «алмасты», лит. «алмэсты»; бесл.

КЪУНАЖЫН - «жеребенок двух-трех лет», лит. «нэбгъэф»; бесл. Относится к тюркизму.

КЪУРІЭН ТЕДЖЭН (ЛИАМ) - «за упокой души читать коран», вм. «къурІэн хуикІын»; к.-з.

КЪУТ - «курица», лит. «джэд»; м.-к.

КЪУТЫКЪУ - «портсигар», лит. «бэртэбакъ»; мозд.

КЪУТЫР - «хутор», лит. «хутор»; закуб. Заимствовано из русского языка с сильной фонетической адаптацией.

КЪУЩХЪЭ - «гора», лит. «бгы»; закуб. В литературном языке употребляется в значении «балкарец» или «осетин» (в Малой Кабарде). Элемент содержится в литературном къущхъэхъу - «горное пастбище».

КЪУЩХЪЭ АРКЪЭ - «самогон» (букв. осетинская водка), лит. «самогон»; м.-к.

КЪУЩХЪЭДЭС - «горец», лит. «бгырыс»; закуб. Образовано от къущхъэ «гора» и дэс «сидящий».

КЪУЩХЪЭМЫЩХЪЭ - «фрукты», лит. «пхъэщхъэмыщхъэ»; м.-к., к.-з.

КЪУЩХЪЭ ХЪУПІЭ - «горное пастбище», лит. «къущхъэхъу»; к.-з.

КХЪУАРП - «гриб», лит. «Іэгъэбэгу»; к.-з. Заимствовано из тапанского диалекта абазинского языка.

КХЪУАФЭ - «совковая лопата», лит. «шуфиль»; бакс.

КХЪУЗЫКІЭКІХЪ - «садовые груши», каб. «кхъужьІэрысэ»; м.-к.

КХЪУХЪЫШЫ - «управляющий кораблем», лит. «кхъухъзехуэ»; мозд., к.-з.

ЛАГЪЭ - «тарелка», лит. «тепщэч»; закуб. Основа имеет не ясное происхождение.

ЛАГЪЫМ ЗЭЩІЭЛЪХЪЭН - «организовать заговор», лит. «нэщІыбагъкІэ унафэ щІын»; к.-з.

ЛАКЪ - «клюшка», «игра в хоккей», лит. эквивалента нет; к.-з. Этимология слова затемнена.

ЛАКЪЫР - «слово», лит. «псалъэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ЛАКЪЫРДЫ - «насмешка», лит. «ауан»; закуб. Тюркское заимствование.

ЛАКЪЫРДЫ ЩЫН - «смеяться над кем-нибудь», лит. «ауан щІын»; закуб.

ЛАМПІ - «лампа», лит. «уэздыгъэ»; мозд, к.-з. Заимствовано из русского языка. В говорах параллельно употребляется литературный вариант.

ЛАМПЫСЪХЪ - «стекло лампы», лит. «уэздыгъащхъ»; мозд., м.-к.

ЛАНГАР - «поднос, предназначенный для сладостей», лит. «поднос»; мозд.

ЛАТЭ - «лата», лит. «рейка»; бел., к.-з. Заимствовано из русского языка.

ЛАФКІЭТЕТ - «продавец», лит. «тыкуэнтет»; бакс.

ЛЭБЛЭБ - «вид сладости», лит. «ІэфІыкІэ лэужыгъуэ»; заруб.

ЛЭГЪУНЛЕЙ - «кухня», лит. «пщэфІапІэ»; м.-к. Исконная основа образована путем переосмысления старого слова лэгъунэ - «комната молодых».

ЛЭГЪЭН - «таз» (посуда), лит. «тас»; бел., к.-з.

ЛЭДЖЭН - «таз», лит. «тас»; бел., к.-з. Персидское заимствование.

ЛЭЖЫГЪЭ - «урожай», лит. «гъавэ»; закуб. В литературном языке лэжыгъэ означает «работа».

ЛЭЖЫГЪЭ ЩІЭН - «заниматься земледелием», лит. «гъавэ щІэн»; к.-з.

ЛЭЖЫГЪЭ ІУХЫЖЫН - «убрать урожай», лит. «гъавэр Іухыжын»; к.-з.

ЛЭРЫДЖ - «брюшная сторона», лит. «ныбэгу»; бакс.

ЛЭУ - «поросенок», лит. «кхъуэ шыр»; закуб.

ЛОДАН - «большой головной платок», лит. «ІэлъэщІышхуэ»; зольск.

ЛЪАКЪУЭФІЭЛЪХЪ - «обувь», лит. «вакъэ»; мозд. Этимология слова прозрачна (лъакъуэ - «нога», фІэлъхъэн - «надевать»).

ЛЪАНДЖЭ - «колени», лит. лъэгуажъэ»; бакс.

ЛЪЭГУКІЭЛЪЭФ - «гусеница», лит. «лъэгу (гум)»; бел.

ЛЪЭГУ ЩІЭУБЭ ЩЫН - «торжество по поводу первого шага ребенка», лит. «лъэтеувэ щІын»; мозд.

ЛЪЭКЪУНЦІЭ - «бедуин», лит. «бедуин»; заруб.

ЛЪЭКЪУАЦІЭ - «фамилия», лит. «унэцІэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ЛЪЭРМЫХЪ - «беременная», лит. «лъэщыджэ»; к.-з. Диалектный вариант в литературном языке воспринимается как «немогущая».

ЛЪЭСЫГЪЭ - «промытое пшено», лит. «ху лъэса»; куб., к.-з.

ЛЪЭТЭН - «закваска, опара», лит. «пщагъэ»; к.-з., куб.

ЛЪЭУЕЙМ ЕЛЪЭЖЫН - «сестра на насест», лит. «лъэуейм дэлъейжын»; к.-з.

ЛЪЭЩІЭН - «работать», лит. «лэжьэн»; к.-з.

ЛЪЭЩІЭС - «низ стойки в адыгской кухне, где хранится домашний скарб», лит. «телъхьэпІэ, дакъэ»; куб.

ЛЪЫСТЫ САБЫН - «мыло», лит. «адыгэ сабын»; к.-з.

ЛІАКЪУЭ - «род», лит. «лээпкъ»; куб.

ЛІЭУЖЪБИЙ - «кровный враг», лит. «биижь»; к.-з.

ЛЫГЪУАБЭ - «вдовец», лит. «фыз зимыІэж лы»; закуб.

ЛЫХЪУСЭ - «мужеподобная (о женщине)», лит. «лы фызыфэ»; куб.

МАДАРСЫЗ - «напиток из пшеницы», лит. «гуэдзым къыхэщІыкІа фадэ»; куб.

МАИСТЭ - «легкие кожаные чувяки», лит. «мест»; бесл.

МАРХЪУЭ - «пост», не имеет литературного эквивалента; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

МАТЫЧ - «тяпка», лит. «фІанэ»; мозд.

МАХУЭ ЧІЫХЪАГЪЫМ - «целый день», лит. «махуэр зи кІыхъагъым»; к.-з.

МЭДЭР - «богатый», лит. «къулей»; мозд. Оба варианта заимствованы.

МЭЖАН - «озорной», лит. «еІуящІэ, бзаджэ»; к.-з. В говорах употребляется и литературный вариант.

МЭЖАРЭ - «бричка», лит. «гушхуэ»; к.-з.

МЭЗБЭГУ - «гриб», лит. «Іэгъэбэгу»; закуб.

МЭЗДАРЛЫ - «находчивый», «предприимчивый», лит. «хъэрычэт зыхэлъ»; мозд. Тюркское заимствование.

МЭЗПЭС - «лесник», лит. «мэзхъумэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

МЭЗЫКХЪУЭ - «дикий кабан», лит. «кхъуэпІащэ»; закуб.

МЭКІАРЭХЪЭЛЫУЭ - «халва», лит. «хъэлвэ»; мозд. Диалектное слово означает «мэкІарэ» - «халва».

МЭКЪАРЭ - «дружка (жениха)», лит. «щауэкъуэт». Заимствовано из грузинского языка.

МЭКЪАРЭКЪУЭТ - «помощник дружки», лит. «щауэкъуэтым и гъусэ»; мозд.

МЭКЪЭШ - «щипцы» (угольные), лит. «мафІэпэрыІэбэ»; к.-з.

МЭЛАЩІЭ - «голодный», лит. «мэжэщІалІэ»; к.-з., мозд.

МЭЛЭЧ - «ангел», лит. «мелыІыч»; мозд. Арабское заимствование.

МЭЛ ГЪЭЖЭН - «считать овец», лит. «мэл бжын»; к.-з.

МЭЛЫХЪУЭ САБЫН - «майкопская глина», лит. «мэлыхъуэхэм къагъэсэбэп сабын»; бесл.

МЭМУ - «купырь», лит. «аму»; к.-з. Исходным является диалектная форма.

МЭРЭЧЭТ - «чернила, лит. «шакъэ»; к.-з. Слово заимствовано из арабского языка.

МЭРЕМЫПУЭ - «успение» (религиозный обряд), не имеет литературного эквивалента; мозд. Образовано на собственной основе.

МЭСКЪАРЭ - «насмешка», лит. «ауан» (маскъарэ щІын); мозд.

МЭТЭЛИУАН - «лепешка (особой выпечки)», не имеет литературного эквивалента, лит. лакъум лІэужьыгъуэ; к.-з.

МЭТЫЧ - «мотыга», лит. «хъэмфІанэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

МЭХЪАДЖЭ - «огромный, сильный», лит. «иныжь, пІащэ»; закуб. В говорах встречаются и литературные формы без стилистической окраски.

МЭХЪАЛЭ - «плата за помол», лит. «хъэжыпщІэ»; мозд., м.-к.

МЭШЭПЭТЫХЪ - «религиозное празднество, посвященное выпрошению дождя», лит. «уэгъум деж ящІ тхъэлъэІу»; мозд.

МЕДАН - «круг, место», лит. «утыку»; заруб. Арабское заимствование.

МЕНДЫРЭ - «матрос», лит. «хылІ»; бесл.

МЕЯКЪ - «маяк», лит. «гъуазэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

МОРАБЭ - «варенье», лит. «варенэ»; мозд. Грузинское заимствование.

МОРЭКЫФИ - «темно-коричневый», лит. «морэфІыцІэ»; мозд.

МОФ - «вид шелка», лит. «шылэ»; бакс.

МУРАД КЪЫДЭХЪУН - «сбыться мечтам», лит. «мурад къехъулІэн»; к.-з.

МУТИАТИ - «смесь», лит. «тумэ»; бесл.

МУХЪТАР - «сельский глава», лит. «къуажэ унафэцІ»; заруб. Арабское заимствование.

МЫДЫРЫЩІ - «берег по ту сторону», лит. «псым и адрей лъэныкъуэр»; к.-з.

МЫДЖЫЛ - «сейчас», лит. «иджыпсту»; мозд.

МЫЗМЫТИ - «непригодная древесина», лит. «къэбгъэсэбэп мыхъу пхъэ»; к.-з.

МЫФЭМЫЛ - «невзрачный, несодержательный, вздор», лит. «мыфэмыц»; закуб.

МЫШКЪЫШ - «лезгинка», лит. «ислъэмей». Восходит к названию ингушей; м.-к.

МЫЩЭГЪЭУДАФЭ - «боярышник», удз лІэужьыгъуэ; бесл.

МЫПУМЫЩІ - «неуклюжий, застенчивый, стеснительный»; лит. «цІыху мыщІ»; закуб.

НАБЭ - НАБЭУ ЕПЛЪЫН - «смотреть неопределенно», лит. «хуей-хуэмейуэ еплъын»; к.-з.

НАБГЫРЭ - «человек», лит. «цlыху»; куб.

НАГЪЫХУ - «бледный», лит. «фагъуэ»; бакс.

НАЖМЫ - «стихи», лит. «усэ»; бел. Заимствовано из тюркских языков.

НАНЭ ЦЫКlУ - «мать», лит. «анэ»; бел.

НАПЭЛЪАГЪУ - «свидание, встреча», лит. «зэхуэзэн, зэрылъягъун»; к.-з., куб. Этимология прозрачна.

НАТЫХУ - «кукуруза», лит. «нарыху»; бакс.

НАУРУЗ - «разделение тепла и холода», лит. «гъэрэщlырэ щызэхэкl»; мезд. Ногайское заимствование.

НАЦЭ - «волосатый», лит. «цыбэ»; к.-з.

НАЧlЭ ЩlЫН - «моргать», лит. «нащхэ щlын»; к.-з.

НАЩЭ - «дыня», лит. «хъэуан»; закуб. В литературном языке нащэ употребляется в значении «огурец».

НАЩЭБЭГУ - «огурец», лит. «нащэ»; закуб. В литературном языке нащэбэгу означает сорт огурца.

НАЩЭПлАСТЭ - «особый сорт дыни», лит. «хъэуан лlэужыгъуэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка. Этимология слова прозрачна (нащэ - «огурец», пластэ - «пшенная каша»).

НЭБАХЪТЭ - «тюрьма», лит. «лъэхъуэщ, тутнакъэщ»; мезд.

НЭГУИХА - «приветливый», лит. «нэгузэлуха»; закуб.

НЭГЪУ - «желудочек», лит. «нэгэгъу»; к.-з. Образовано опущением слога.

НЭДЖНЭПЦl - «ненадежный, лживый», лит. «пцlуэпцlышэ»; к.-з. Стилистически окрашенное слово, употребляется наряду с литературным вариантом.

НЭЖЫГЪЫР ЗЭХЭУФЭН - «насупиться», лит. «нэщхъыр зэхэгъэуэн, зэхэукlэн»; к.-з.

НЭЖЫУЖЪ - «старые люди», лит. «лlыжьфызыжь»; закуб. Исконная основа.

НЭУБЭ - «широколицый», лит. «нэкlушхуэ»; закуб.

НЭМАРТЫ - «честь», лит. «щlыхъ»; мезд. Тюркское заимствование.

НЭМЭЗ - «собор, церковь», лит. «чылисэ»; мезд. Образовано переосмыслением арабского слова «намаз» - «молитва».

НЭМЭЗЫЩХЪЭ - «купол церкви», лит. «урыс мэджытым и щхъэ»; мезд.

НЭМ КЪЫЛУИМЫХЪЭЖЫН - «оказаться не по душе», лит. «нэм къымыхъын, фlэмыфlын»; к.-з.

НЭМПЦІ - «другой», лит. «нэгъуэщІ»; закуб. Употребляется параллельно с литературным вариантом и для носителей литературного языка.

НЭНЭЖЬ - «бабушка», лит. «анэшхуэ»; куб.

НЭРЫБГЭ - «персона», лит. «цІыху (при счёте людей)»; закуб. В литературном употребляется в значении женщины.

НЭХЭР ИДИИЧІЫН - «застыть (о глазах)», лит. «нэхэр диин»; к.-з.

НЭХУЩЭМ ЗЫКЪИЗЭЩІЕЧ - «рассветает», «забрезжил рассвет», лит. «нэхулъэ зыкъещІ, зыкъызэкІэщІеч»; к.-з.

НЭХЪЭПЭРЕЙУЭ ЖЫПЭН - «сказать прежде всего», лит. «япэу жыІэн»; к.-з.

НЭЩІ УБЫДЫН - «держатъ уразу», лит. «нэщІ Іыгъын»; закуб.

НЭІУАСЭ - «знакомый», лит. «цІыхугъэ»; куб. Диалектное слово ввиду прозрачности этимологий знакомо носителям литературного языка.

НЭІУЭСЭН - «знакомиться», лит. «зэгъэцІыхун»; куб.

НЫКЪУЕЙ - «западный ветер», лит. «къухъэпІэмкІэ къикІ жы»; к.-з.

НЫНЭ - «ласкательное обращение к младшему», лит. «сабийм зызэрыхуагъазэ псалъэ»; закуб.

НЫСАШЭ - ГУШЫНЭ - «веселье», лит. «хъэгъуэлІыгъуэ»; к.-з.

НЫСЭДИС - «сопровождающая при выходе замуж девушки», лит. «жэмкэгъэсэ»; заруб. Этимология прозрачна.

НЫУЭЖЬ - «старуха», лит. «фызыжь»; закуб. Считается заимствованным из адыгейского языка.

НЫПЭП - «только, лишь», лит. «къудей, закъуэ»; куб.

НЫПЭ ТЕГЪЭХУЭН - «достичь что-л.», лит. «Іэр тегъэхуэн, зыІэрыгъэхъэн»; к.-з.

ОБЫРАЗ - «икона», лит. «тхъэнапэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

ПАРИ - «ничего», лит. «зыри»; закуб.

ПАШМЫН - «грустный», лит. «нэщхъей»; мозд.

ПЭБЖ - «штык», лит. «мыжурэ»; бесл.

ПЭГЪУПАНДЭ - «презрение», «ненависть», лит. «лъягъумыхъуныгъэ, гущыкІ»; к.-з. Малоупотребительно, значение не мотивированно, хотя чувствуется исконный характер основ.

ПЭЖЪЫХЪУ - «широкий нос», лит. «пэхъу»; к.-з.

ПЭЗДЖЫН - «ноздря», лит. «пэщхъын»; к.-з.

ПЭКІЫХЪ - «вид длинных слив», лит. «къымцІэ кІыхъ»; зольск.

ПЭКИУ - «собрание», лит. «зэлуцлэ»; к.-з. Слово активно принимается в литературный язык.

ПЭМЫЩІ - «другой», лит. «нэмыщлэ»; куб.

ПЭРМЭН - «польза», лит. «сэбэпагъ»; бакс.

ПЭС - «сторож», лит. «хъумакулэ»; к.-з.

ПЭЩХЭХУЭ - «другой», «отдельный», лит. «къинэмыщлэ»; куб. Образовано по модели адыгейского языка: «пэщхэф».

ПЕГЪУЭКИН - «выйти навстречу кому-н., встретить», лит. «зыгуэрым пежъэн»; куб.

ПКЪЫФЭЛ - «внешний вид», лит. «шэфэл»; к.-з.

ПЛАТЫКУ - «носовой платок», лит. «платоку, пэлъэщлэ»; закуб. Русское заимствование.

ПЛЪЫР - «охранник», лит. «хъумакулэ»; закуб. В литературном языке может быть архаизмом.

ПЛЪЫР - СТЫР - «жар», «температура», лит. «плъыжьэр»; куб. Исконная основа.

ПСАЛЪЭМ И ЖЫНЭГЪУЭЧИЭ - «к слову», «например», лит. «псалъэм папцлэклэ»; к.-з.

ПСЭГЪ - «задушевный», лит. «псэгъу»; бакс.

ПСЭЛЪЫХЪУ - «жених», «сватовство», «ухаживание», лит. «пылтын, лъыхъун»; закуб. В литературном может быть архаизмом, но понятно носителям литературного языка.

ПСЭУАЛЪЭ - «образ жизни», лит. «псэуклэ»; мезд, м.-к.

ПСЫБАЛИЙ - «черешня», в литературном языке используется заимствованное слово «черешня»; бакс.

ПСЫ ГЪУАНТИКИУЭ - «капля воды», лит. «тклуатлкулэ, тклуэпс»; к.-з.

ПСЫДЖЭД - «утка», лит. «бабыщ»; закуб. Состоит из псы - «вода», джэд - «курица» (букв. водяная курица).

ПСЫКЪУИЙ - «колодец», лит. «псынэ», бесл.

ПСЫНЭ - «колодец», лит. «псыкъуий»; бесл.

ПСЫНЭДЭГУ - «колодец» (в речи представителей старшего поколения), лит. «псыкъуий (нэхъыжьхэм жалэ)»; закуб.

ПСЫПС - «тонкий, воздушный (о материале)», лит. «плэщлэ»; закуб.

ПСЫТІУАЛЭ - «междуречье», лит. «псытлуэщлэ» бесл.

ПСЫХЪУЭ - «река», лит. «псы»; к.-з. В литературном языке псыхъуэ означает «долина реки».

ПСЫЩІЭГЪЫХЪЭ - «орошение», лит. «псыщлэгъэлъадэ»; бакс.

ПСЬЭДЖЫЗЬ ФЮХЪУУ - «доброе утро», лит. «уи пщэджыжь фЮуэ»; мозд.

ПСЬЫХЪЭСЬХЪЭ ФЮХЪУУ - «добрый вечер», лит. «уи пщыхъэщхъэ фЮуэ»; мозд.

ПХЫУДЫН - «поставить печать», лит. «печать тегъэуэн»; закуб. В литературном пхыудын употребляется в первичном значении «пробить».

ПХЪАПХЪЭ - «теплый», лит. «хуабэ»; к.-з. Заимствовано из абазинского языка.

ПХЪАЦИЭ - «клоп», лит. «гъуанэдэс»; куб. Видимо, заимствовано из адыгейского языка.

ПХЪЭКІЭЖЬЫНЭ - «близорукий», лит. «набгъэ»; к.-з.

ПХЪЭКЪУРУЛ - «перила, ограда», лит. «пхъэшкыкъу»; к.-з.

ПХЪЭМЫФ - «красное дерево», лит. «пхъэфІ лэужкыгъуэ»; к.-з.

ПХЪЭНТИЭКИУ - «стул», лит. «шэнт»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ПХЪЭПУПЛЪ - «кручина», лит. «пхъэ уэздыгъэ»; к.-з.

ПХЪЭТЭПЭМЫХЪ: ПХЪЭТЭПЭМЫХЪ ШЫН - «не признавать, не принимать в расчет, во внимание», лит. «къимыдзэн, Іуэхум къыхэмылътэн»; куб.

ПХЪЭТЭРЭНЫХЪ - «игнорирование», лит. «къыфІэмыІуэхун»; куб. Исконная основа.

ПХЪЭУІУ - «дятел», лит. «жыгыІу»; куб. Отличается от литературного варианта использованием вместо жыг - «дерево» слова пхъэ - «дрова»

ПХЪЭФЭКЪУ - «дерево с меткой, с отличительным знаком», лит. «дамыгъэ зытель жыг»; куб

ПХЪЭШАХЪУЭ - «песок», лит. «пшахъуэ»; к.-з. Образовано путем контаминаций основ пхъапхъэ - «рассыпчатый», пшахъуэ - «песок».

ПХЪЭШТИРАГУ - «рукоятка косы», лит. «шэмэджыкъу»; м.-к.

ПХЪЭШЫПЛЪЭ - «деревянный стакан», лит. «пхъэ фалъэ»; лескен.

ПХЪЭШЪАЛЪЭ - «деревянное ведро», лит. «пхъэ пэгун»; куб.

ПХЪЭЩІЭСЭ - «корсет», лит. «куэншыбэ»; к.-з.

ПХЪЭІЭБЖЪАНЭ - «грабли», лит. «тырнауш»; куб.

ПХЪЫН - «сеять», лит. «хэсэн»; к.-з. Слово выражает способ сева вразброс.

ПХЪЫХЪ - «коромысло», лит. «пхъэхъ»; к.-з. Исконная основа.

ПШЭ - «тесто», лит. «хупцІынэ»; бесл.

ПШЫНАКИУЭ - «штраф» (взымаемый во время свадьбы), лит. «тазыр» (хъэгъуэлІыгъуэм деж); мозд., м.-к.

ПШЫХЪ - «вечер», лит. «пщыхъэщхъэ»; закуб. В литературном языке встречается в связанном виде (дыгъуэспшыхъ).

ПШЪЭЩЪЭЦЫКІУ - «девочка», лит. «хъыджэбз цыкІу»; куб.

ПШЪХЪЭПЭ - «полезный, особенный», лит. «щхъэпэ»; куб.

ПЩАМПІЭР ГЪЭЧЫН - «поднять воротник», лит. «пщампіэр къэІэтын, дэхъеин»; к.-
з.

ПЩАЩЭ - «девушка», лит. «хъыджэбз»; бесл.

ПЩЭДЕЙПШЫХЪ - «завтра вечером», лит. «пщэдей пщыхъэщхъэ»; куб.

ПЩЭРЫЛЬ - «обязательство», лит. «къалэн»; закуб. В говорах къалэн воспринимается как задание.

ПЩЭРЫЛЬ ХУЭЩИН - «поручить», лит. «и пщэ илхъэн»; к.-з.

ПЩЭЩЭЖЪЕЙ - «девочка», лит. «хъыджэбз цыкІу»; куб. Этимология прозрачна (пщэщэ - «девушка», жъей - «маленький»).

ПЩЭЩЭХЪЭЩІЭ - «девушка-гостья», лит. «хъыджэбз хъэщІэ»; закуб.

ПЩХЪЭЛ - «мельница», лит. «щхъэл»; бакс.

ПЩХЪЭПЭУ - «хорошо», лит. «фІуэ»; к.-з.

ПЩХЪЭПЭУ КЪЭФЭН - «хорошо станцевать», лит. «фІуэ къэфэн»; к.-з.

ПЩХЪЭЩХЪЭ ДЭГЪАЗЭ - «к вечеру, клониться к вечеру», лит. «пщыхъэщхъэхуегъээзэкІ»; к.-з.

ПЩЫЖЪ - «свекор», лит. «тхъэмадэ»; закуб. Видимо, диалектное слово является исходным, т.к. образовано по одной модели с остальными родственными словами: пщыпхъу - «золовка»; пщыкхъуэ - «деверь».

ПЩЫН - «устать», лит. «езэшын, ешын»; закуб. Исконная основа, образована из первичного пщын - «вздуться».

ПЩЫХАЛЪХУЭ - «настоящий, истинный князь», лит. «пщы дыдэ»; к.-з.

ПЩЫХЪЭЩХЪЭ НЭГЪУНЭ - «до вечера», лит. «пщыхъэщхъэ нэсыху хъуну»; к.-з.

ПЫГЪЭБЫЛЪЫКІЫН - «припрятать, спрятать часть чего-либо», лит. «зыгуэрым щыщ Іыхъэ гъэпщкІун»; закуб.

ПЫГЪЭЗЫКІЫН - «отделить», лит. «пыгъэщхъэхукІын», закуб.

ПЫГЪЭФЫКІЫН - «отгородить, перегородить», лит. «къэхухын, кыпыгъэщхъэхукІын»; куб.

ПЫГЪУЭКІЫН, ПЫКЪУЭКІЫН - «ответить, встретить», лит. «ІуцІэн, пежъэн»; закуб. Исконная основа.

ПЫДЗЭУКІЫН - «отгрызть, откусить конец чего-либо», лит. «кыпышхыкІын, кыпыдзэтыкІын»; закуб.

ПЫКЪУЭКІ - «равноценный (ответ, цена)»; лит. «зэхуэдэ, зэщхъ (жэуап, уасэ)»; закуб.

ПЫКЪУЭКІЫН - «встретить», лит. «lущlэн»; к.-з.

ПЫЛЫГЪУЕЙ - «род печени», литературного эквивалента нет; бакс.

ПЫЛЪЫН - «быть занятым чем-то», лит. «пэрытын, елэжыын»; закуб. С иным значением слово налично в литературном языке.

ПЫРХЪУЭ - «веранда», «коридор», «пристройка», лит. «коридор, пыщlыкl»; м.-к. Исконная основа, видимо, образована от глагола пыхъуэ-н «нарастать».

ПЫУХЪЫН - «пошлепать», лит. «klэщlэуэн, мащlэу еуэн»; закуб.

ПЫХЪЫЖЪЭН - «пристать», лит. «klэрыхъыжъэн»; закуб. Исконная основа.

ПЫЩЫКІЫН - «отгородить, перегородить», лит. «пыхукlын, пыгъэщхъэхукlын»; закуб.

ПЫУКІЫН - «раздаваться (о шуме)», лит. «щхъэщыlукlын»; закуб. В литературном встречается в более локализованном значении.

ПЫУХЪ ИМЫЭУ - «хороший, без порока», лит. «фlы, дагъуэ имылэу»; к.-з.

ПЫУХЪЫН - «сказать» (по поводу чего-то), лит. «жэуапу жылэн, пыжыlыхъын»; куб. Образовано по адыгейской модели.

ПАЛЪЭ - «передние ноги лошади», лит. «фlалъэ»; к.-з.

ПАШКІЭ - «пышка», лит. «лакъум лlэужыгъуэ»; мозд.

ПЭКІРИВАЛ «покрывало», лит. «плlэипхъуэ»; мозд., м.-к. Заимствовано из русского языка.

ПЭКЪАКЪ - «лягушка», лит. «хъэндыркъуакъуэ»; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

ПЭРТІРЕТІ - «фото», «карточка», лит. «сурэт»; мозд. Заимствовано из русского языка.

ПИУР - «воспитанник», лит. «гъэсэн»; бесл.

РАК - «рак», лит. «елыркъэш»; мозд. Заимствовано из русского языка.

РЭХЪМЭТЫБЖЪЭ - «за ушедших в мир иной», лит. «дунейм ехыжахэм папщlэ къалэт бжъэ»; мозд.

РЕНЭУ - «всегда», «постоянно», лит. «сыт щыгъуи»; куб., бесл. Считается адыгейским заимствованием.

РУБАН - «рубашка», лит. «джанэ щlыlутелъ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

САБ - «мера, вес», нет литературного эквивалента; мозд.

САБЫН МЭ ДАХЭ - «туалетное мыло», лит. «дыху сабын»; мозд.

САБЫН ФЫЦІЭ - «хозяйственное мыло», лит. «зэрыжыщlэ сабын»; бакс.

САЙЫР - «удивительный», лит. «хьэлэмэт, гьэщлэгъуэн»; мезд. Заимствовано из арабских языков.

САЛЪКЪЫН - «прохлада», лит. «щлЫлэтылэ»; бакс.

САМПЫЛЫЧ - «детская игра», лит. «цлампырэ, арыхъ»; бел.

САМЫРКЪО - «шутка», лит. «гушылэ»; закуб. В кубано-зеленчукских говорах употребляется и литературный вариант. Тюркское заимствование.

САМЫРКЪОУН - «шутить», лит. «гушылэн»; куб.

САНТИРЭШ - «шашки», лит. «шашкэ»; к.-з. Литературное слово заимствовано из русского языка. Диалектное слово заимствовано из арабского языка.

САРГЪЭ - «мишень», лит. «чэщанэ»; к.-з. (бел. сагъэ).

САРЫН - «старинная песня», лит. «уэрэдыжъ»; мезд.

САЕ - «вид соли» (едят животные), лит. шыгъу лэужыгыгуэ (лэщым ирагъэшх); к.-з.

САУЛЫКЪ - «тосты», лит. «хъэхъу»; мезд. Из тюркского саулукх - «на здоровье».

САХЪТЯН - «сафьян», лит. «лхъхъстэн»; мезд. Видимо, трансформация литературного варианта под влиянием русского «сафьян».

САВАХА//ХАВАСЭ - «сваха», лит. «нысэлъыхъу, дэдэл цлхубз»; мезд. Заимствовано из русского языка.

СЭЖДАКЪ - «соратник», лит. «ныбжъэгъу»; к.-з. Малоупотребительно.

СЭМАН - «солома (от ячменя)», лит. «хъэ хъэуазэ»; заруб.

СЭПЭТ - «сапетка», лит. «матэ»; заруб.

СЭРЫМИЙ - «масленица», нет литературного эквивалента; мезд.

СЭХЫЖЫН - «перестать существовать», «утихать», лит. «хэклуэдэжын»; к.-з., куб.

САХЪЫРГЪАЖЭ - «засов», лит. «пхъэрыгъажэ»; закуб. Отличается от литературного употребления (сэх - «косяк» вместо пхъэ - «дрова»).

СЭЧАСЭ - «соусник», лит. «шыпсылъэ»; мезд.

СВЕЧКІЭ - «свечка», лит. «клэртлоф уэздыгъэ»; мезд. Заимствовано из русского языка.

СЕМЧЫК - «семечки», лит. «семышклэ, сэхуран»; бел. Заимствовано из русского языка.

СЕНЦЭ - «сени», лит. «сенэ»; закуб. Заимствовано из русского языка.

СИ//СТИ - «что?», лит. «сыт?»; бел.

СИЙ - «честь», лит. «щлыхъ, нэмыс»; мезд. Тюркское заимствование.

СИПАКЪ - «моя курносая» - употребляется как ласкательное обращение к девочкам, лит. «си тІасэ (пщашэхэм зэрызыхуагъазэ псалъэщ); куб. Адыгейское заимствование.

СОВЕТ ТХЪЭМАДЭ - «председатель сельского Совета», лит. Советым и унафэщІ»; куб.

СОКУ - «кушанье из проса и молочных продуктов», литературного эквивалента нет; закуб. Возможна связь с русским фольклором.

СОМИПЩІ - «десять рублей», лит. «тумэн»; куб.

СОМСАКЪ - «чеснок», лит. «бжыныху»; мозд., м.-к. Заимствовано из тюркских языков.

СОМ ТЮЩІ - «двадцать рублей», лит. «тумэниТІ»; закуб.

СОМ ФЫЩІЭ - «25 копеек», лит. «кІэпІейкІэ 25-рэ»; бакс.

СУПЫРЭ - «скатерть», лит. «стІолтепхъуэ»; мозд. Заимствовано из грузинского языка.

СЫВАХА - «сваха», лит. «дэлэл»; мозд. Заимствовано из русского языка.

СЫЛТЭ - «мыло», лит. «сабын»; бесл.

СЫЛЫУ - «овес», лит. «Іэвос»; мозд.

СЫПЫУНЭ - «пещера», лит. «бгъуэнщІагъ»; к.-з. Исконная основа.

СЫРЭ¹ - «пиво», лит. «пивэ»; мозд. Тюркское заимствование.

СЫРЭ² - «буфет, шкаф» лит, «шкаф»; закуб.

СЫРОКУ - «срок», лит. «пІалъэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

СЫТ ЕПЩІЭНУР? - «на что тебе?», лит. «сыт зэрыпщІынур?»; к.-з.

СЫТ МЫХЪУМИКИ - «как бы то ни было», лит. «дауи хъумикІ»; к.-з.

СЫХЪЭН - «миска», лит. «тепщэч»; м.-к.

СЫХЪЭН - «огрубеть, трескаться», лит. «пхъашэ хъун»; закуб.

СЪЭБЭТ - «суббота», лит. «щэбэт»; мозд. Грузинское заимствование.

ТАБАКЪ - «корыто», лит. «Іэнлъэ»; мозд.

ТАБЭРЫЖЪЭ - «жаренный в сковородке картофель», лит. «тебэкІэ гъэжъа кІэртІоф, жьэрыкуей»; закуб.

ТАЙ - «жеребенок», лит. «шыщІэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ТАТУУ - «вкус», лит. «ІэфІыгъэ»; мозд.

ТАУЭ УЩЫНЭ? - «как поживаешь?» в.м. «дауэ ущыт е дауэ упсэурэ?»; к.-з.

ТЭБАКЪ - «большая миска», лит. «тепщэчышхуэ»; к.-з. Заимствовано из тюркских языков.

ТЭКИҮРЭЧ - «окрестность», лит. «къэзухъуреихъыр, ихъуреягъыр»; бесл.

ТЭЛОКУ - «выгон», лит. «хъуплэ»; бесл.

ТЭМЭЦЭ - «отрезок времени», лит. «тэлай»; куб.

ТЭНАКЪ - «емкость, вмещающая 20 литров», лит. «литр 20 зэрыхуэ Iэмэпсымэ»; заруб. Арабское заимствование.

ТЭРЭЗ - «правильно», лит. «тэмэм», закуб., заруб. Оба варианта заимствованы.

ТЭРВЫЧАН - «шленка, порода овец», лит. «мэл лъэпкъ, мэлыц щабэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ТЭРВЫЧАНЫХЪЭ - «пастушья собака», лит. «мэлыхъуэхъэ»; мозд.

ТЭРНАУШ - «грабли», лит. «пхъэлэпэ»; мозд., к.-з. Заимствовано из тюркских языков (ногайское заимствование).

ТЕБЭНЭН - «напасть, наброситься», лит. «теуэн»; куб, к.-з.

ТЕБЫБЭН - «налететь», лит. «телъэдэн»; закуб.

ТЕГУЭУЭН - «накричать», лит. «текIиен»; куб.

ТЕГЪУПЦЫКЫН - «затвердеть, подсохнуть», лит. «тегъущыкIын, и щхъэр быдэ хъун, жын»; закуб.

ТЕЗАЧ - «кизяк», лит. «гуарцэ»; закуб. Заимствовано из ногайского языка.

ТЕЗАЧМАФIЭ - «костер из кизяка», лит. «гуарцэ мафIэ»; закуб.

ТЕК - «но», лит. «ауэ»; мозд. Тюркское заимствование.

ТЕКЫН - «проходить», лит. «теун»; куб.

ТЕКЪУЭН - «насыпать», лит. «текIутэн»; куб.

ТЕЛ - «провода», лит. «гъущI кIапсэ»; мозд. Тюркское заимствование.

ТЕЛЕФОНКIЭ ДЖЭН - «звонить по телефону» в.м. «псэлъэн»; к.-з.

ТЕЛЕФОН ГЪЭБЫДЭН - «положить трубку телефона, закончить разговор», лит. «телефоныр телъхъэжын»; заруб.

ТЕЛЕФОН IУХЫН - «звонить по телефону», лит. «телефон еуэн»; заруб.

ТЕЛЪАФЭ - «борона», лит. «къитхъ»; к.-з. (бороны-волокуши из терновика использовались для разрыхления почвы).

ТЕЛЪЫН - «находиться, быть в магазине», лит. «щIэлъын тыкуэным»; куб.

ТЕРНОУ - «сукно», лит. «шухъэ»; мозд.

ТЕСЫН - «лежать», лит. «телъын»; куб.

ТЕУЭН: IЭГУ ТЕУЭН - «аплодировать», лит. еуэн: Iэгу еуэн»; куб.

ТЕУЛЭУХЬЫН - «утомиться, измучиться; расстроиться из-за кого-либо», лит. «тезэшыхын, тегужьейкын».

ТЕУПХЪУКЫН - «подстричь (слегка)», лит. «мащлэу щлэщэн (щхьэр); закуб.

ТЕХАКИУЭ - «грабитель», лит. «хьунцлаклуэ»; куб. Исконная основа с дословным значением «отниматель».

ТЕШЭ - «свадебный обряд, знакомство невесты с родными и знакомыми жениха до брака», лит. «щауэм и ыхьлыхэм егъэцыхун нысацлэр, ятешэн»; мозд.

ТЕШАПЭ - «другой дом; семья, куда отвозят невесту (в дом друга или родственника жениха), где невеста находится до свадебной церемонии», лит. «нэчыхь ятхыхуклэ нысацлэр здрахьэллэ унагъуэ»; мозд.

ТЕШХЭН - «ругать», лит. «ешхыдэн»; мозд.

ТЕЩЭН - «пройти, миновать» (о времени), лит. «дэкын, блэкын»; (зэман) куб.

ТОЙ - «свадьба», «танцы», лит. «хьэгъуэллыгъуэ джэгу»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ТОЙЛБАШ - «тамада», лит. «хьэгъуэллыгъуэ тхьэмадэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ТОЙШХУЭМАХУЭ - «день перевоза невесты в дом жениха», лит. «унэишэ махуэ»; мозд.

ТОПГЪАУЭ - «крещение», не имеет литературного эквивалента; мозд. Составные части слова понятны.

ТОЩЭМЭЩЭМ ХЭГЪЭТЫСХЬЭН - «посадить в богатство», лит. «хьугъуэфлыгъуэм хэгъэтысхьэн»; к.-з.

ТУАР - «глупец, дурак»; лит. «делэ, хьэкъмакъ»; зольск.

ТУМЭ - «средний, смесь», лит. «курыт; лъэпкъклэ мыкъабзэ»; мозд. В литературном языке как архаизм встречается со значением «метис», «не чистой породы».

ТУПТЭН - «все», «снизу», лит. «псори ищлагъымклэ къыщыщлэдзауэ»; мозд. Тюркское заимствование.

ТУФЛЪЕЙ - «туфли», лит. «къатыр, туфлэ»; мозд. Русское заимствование.

ТУФЛЪЫГЪУЭ - «разнообразие», лит. «зэмылэужьыгъуэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языков.

ТХЬЭ - «почему», лит. «щхьэ»; бакс.

ТХЬЭВ - «тесто», лит. «хупцлынэ»; бел. Исконная основа.

ТХЬЭГЪЭЛЭДЖ - «урожай», лит. «гъавэ»; бел.

ТХЬЭГЪЭПЦИ - «хитрый, лукавый», лит. «бзаджэ»; куб.

ТХЬЭДЖЭД - «индейка», лит. «гуэгуш»; к.-з., бел. Исконная основа.

ТХЬЭДЖЭДЫЛ - «мясо индейки», лит. «гуэгушыл»; к.-з., бесл.

ТХЬЭДЖЭДЫХЪУ - «индюк», лит. гуэгушихъу»; к.-з., бесл.

ТХЬЭКИУМЭРЫЛЬ - «серьги»; лит. «тхьэгъу»; мозд.

ТХЬЭМАДЭ¹ - «руководитель, старший», лит. «унафэщІ, нэхъыжь»; куб.

ТХЬЭМАДЭ² - «жених», лит. «зыпылъ щІалэ»; закуб. Видимо, переосмысление архаичного тхьэмадэ - «старший», «покровитель».

ТХЬЭМПЭ - «страница», лит. «напэ»; куб.

ТХЬЭНАПЭ - «икона», лит. «хьэнапэ»; к.-з.

ТХЬЭШХУЭХЫПС - «вознесение», не имеет литературного эквивалента; мозд. Дословно «принесение великого бога».

ТХЬЭЩІАЛЪЭ - «тряпка для мытья посуды», лит. «хьэкъушыку зэратхьэщІ щэкІ ыхьэ»; закуб.

ТХЪУЭМЛАЩХЪУЭ - «купорос», лит. «тхъуэбзащхъуэ»; закуб.

ТХЪУИЙР - «маслосбивалка», лит. «тхъууалъэ»; м.-к.

ТЫГЪЫРАУ - «колокольчик», лит. «тхьэгъуш, уэзджынэ»; к.-з.

ТЫН; УНАФЭ ТЫН - «дать распоряжение», лит. «унафэ щІын»; куб.

ТЫХЪ¹ - «жертва», лит. «жъагъэ»; мозд. Литературный эквивалент не является полным эквивалентом.

ТЫХЪ² - «жертвоприношение», лит. «тхьэлъэІу, къурмэн»; мозд.

ТИАКИУУ - «музыка», лит. «пшыналъэ, музыкэ»; мозд.

ТИАТИУУ - «сладость», лит. «ІэфІыклэ»; мозд.

ТИЭКИУФЭКИУ - «товар», лит. «хьэпшып»; мозд.

ТИОЛАКЪ ЩІЫЖЫН (ЩІЫН, ТЕЛЪХЪЭН) - «дать развод», «развестись» в.м. «игъэкІыжын, развод етын»; к.-з.

ТИОЛ БАШ - «старший распределитель» (на свадьбе), лит. «гуп зэхэгъэбз, тхьэмадэ, унафэщІ»; мозд. Тюркское заимствование.

ТИОЩИПЛІ - «восемьдесят», лит. «пщІей»; закуб.

ТИОЩИТИ - «сорок», лит. «плыщІ»; закуб. Из-за этимологической прозрачности понятно носителям литературного языка.

ТИОЩИЩ - «шестьдесят», лит. «хыщІ»; закуб.

ТИЩІАКХЪУЭДАГЪЭ - «слоенный хлеб», лит. «щІакхъуэ зэтеупІэщІыклэ»; мозд.

ТИЫМЫЩ - «пухлый», «полный», лит. «быртІым, гъум»; бакс.

УАКЪУЭ - «стакан», лит. «стэчан»; бесл.

УАРДЭ - «стройный», лит. «бжыфlэ»; бакс.

УАРДЭУНЭ - «дворец», лит. «дворец»; закуб. Составные части слова понятны.

УАФЭНШЭ - «туча», «облако», лит. «пшэ»; закуб. Составные части сложного слова прозрачны.

УАХЪТЫ - «срок, время», лит. «зэман»; закуб. Литературное слово без стилистической окраски встречается в говорах.

УЭБРЭЗ - «образ», лит. «тхьэнапэ»; мозд. Русское заимствование.

УЭВБАНЭ - «дождливая погода», лит. «уэлбанэ»; бесл., к.-з.

УЭЗДЫГЪЭДАГЪЭ - «керосин», лит. «фэтыджэн», м.-к.

УЭЗДЫГЪЭНЭФ - «лампа со слабым светом», лит. «уэздыгъэхьэнэфий»; к.-з.

УЭЗДЫГЪЭШЫХЪ - «фитиль», лит. «уэздыгъэку»; м.-к. Этимология составных частей прозрачна.

УЭКЪЫТ - «время, срок», лит. «пlалъэ»; заруб.

УЭКЪУЛЭ - «попрошайник», лит. «лъэlуакlуэ»; бесл.

УЭЛБАН - «троица», лит. «диным епха махуэ»; мозд.

УЭЛБЭНКХЪЭДЭС - «на троицу» (в субботу), литературного эквивалента нет; мозд.

УЭНДЭГЪУ - «в положении», «беременная», лит. «лъэщыджэ»; закуб.

УЭНДЭГЪУ - «трудный, тяжелый», лит. «хьэлъэ, гугъу»; мозд., м.-к.

УЭРЭДЫФЭ - «мотив песни», лит. «мэкъамэ»; к.-з. Составные части понятны.

УЭРТЭН - «степной пожар», лит. «губгъуэ лыгъэ»; мозд.

УЭРЭХЪ - «блаженство», лит. «тхьэгъуэ»; м.-к.

УЭСЭРЭЖЪ - «мудрец», «провидец», лит. «тхьэгурымагъуэ»; к.-з.

ІЭУ - «яд», лит. «щхъухъ»; закуб. Литературное слово известно и в говорах. Предполагается, что слово заимствовано из абазинского языка.

ІЭУКЪЫЛЭУ - «каталка», лит. «хупхъэ»; мозд.

УБЫПХЪЭ - «утюг», лит. «ету»; Исконное слово.

УГУЭЩЫН - «осилить, смочь», лит. «хузэфlэкlын, хуэщlэн»; к.-з.

УДЖХЪУРЕЙ - «танец», лит. «уджпыху»; к.-з.

УЗАЩІЭХУЖ - «состояние после болезни», лит. «узыр пкърыкlа нэужъ»; к.-з.

УЗЫГЪЭЛ - «болезненный», лит. «узылэ»; к.-з.

УИ ІЭХУ ПЫЛЪКЪЫМ - «не твое дело», лит. «уи lуэху хэлъкъым»; к.-з.

УЛЭУН - «устать», «измотаться», лит. «ешыщэн»; закуб. Может встречаться и в среде носителей литературного языка.

УНАГЪУЭ ЩІЭН - «жениться», лит. «фыз къяшэн»; к.-з.

УНЭГЪУЭЦІЭ - «фамилия», лит. «унэціэ»; закуб. Этимология прозрачна (унагъуэ - «семья» + ціэ - «имя»)

УНЭДЖЫН - «иметь приподнятое настроение», лит. «гукъыдэж иІэн» бакс.

УНЭРЫУЭ - «ночной грабитель, похититель женщин (связано с неожиданностью, внезапностью)», лит. «унэидзыхъэ щІын, ехъэжъэн (пщашэ)»; закуб.

УПКІЭ - «юбка», лит. «кІэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

УРЫСЫТХЪЭ - «икона», лит. «тхъэнапэ»; бесл.

УПСІЭ - «вопрос», лит. «упщІэ»; бакс.

УТУУ - «утюг», лит. «ету»; мозд. Заимствовано из русского языка.

УХЭСЫН - «решать», лит. «зыгуэрым тепсэлъыхъын, унафэ тещІыхъын»; к.-з.

УЩХЪУЭРЭЦЫН - «мерзнуть», лит. «пІыщІэн»; к.-з.

УЩХЪЭГЪУ - «повод, причина», лит. «щхъэусыгъуэ»; куб., к.-з.

УЩХЪЭКІУЭН - «обидеть», лит. «гъэщІэхъун, и жагъуэ щІын»; к.-з.

УІЭБЖЫН - «недоумевать», лит. «къяуІэбжыын»; к.-з.

ФАБГЪУЭ - «широкий», лит. «бгъуэ»; к.-з.

ФАДЭ - «водка», лит. «аркъэ» мозд. В литературном фадэ означает «напиток».

ФАЛЪЭ¹ - «кружка», лит. «крушкІэ»; закуб. Литературное заимствовано из русского языка.

ФАЛЪЭ² - «стакан», лит. «стэчан»; мозд. Литературное заимствовано из русского языка.

ФАМИЛЭ - «фамилия», лит. «унэціэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

ФАХЪУЭН - «скользить», лит. «ціэнтхъуэн»; к.-з.

ФЭ ЗЫЩІАМЫЛЪХЪА ШЫ - «необъезженная лошадь», лит. «емылыдж, шы мыгъасэ»; к.-з.

ФЭТЕБЗЭ - «наволочка», лит. «щхъэнтэ телъ»; закуб. Этимология слова прозрачна.

ФЭПС - «нежная кожа», лит. «фэ щабэ»; к.-з.

ФЕЙ - «крыса», лит. «дзыгъуэшхуэ»; куб.

ФОНЧ - «ружье», лит. «фоч»; к.-з.

ФУРГОН - «фургон», лит. «гу»; мозд. Литературный вариант не является полным эквивалентом к диалектному.

ФЫЗЫПХЪЭ - «невеста», лит. «нысэ, къяшэн»; к.-з.

ФЫН - «мокнуть», лит. «иуфэнщын, псыф хъун»; бесл.

ФЫСТЫКЪ - «земляной орех», лит. «щыдэ», заруб. Арабское заимствование.

ФИЭБЗЫН - «зарезать», лит. «флэгъэжын»; закуб.

ФИХЭДЗЭН - «бросить», лит. «хыфлэдзэн»; к.-з. Слово образовалось в результате метатезы.

ФИЩХЪУНЫГЪЭ - «убеждения», лит. «хъэкъыу пхыкын, и флэщ хъун»; закуб.

ФИРИЙ - «конский щавель», лит. «шэгъэфлэу»; мозд.

ХАПІЭ - «усадыба», «место», лит. «хэку, щлапІэ»; закуб.

ХЭБЭНЭН - «ворваться», лит. «зэрыдэхуэн»; куб.

ХЭБЫБЭН - «залететь», лит. «хэлъэтэн»; закуб.

ХЭГЪАЩХЪЭ - «околица», лит. «къяужэ гъунэ»; к.-з.

ХЭГЪЭГУ - «родина», «область», лит. «хэку»; закуб. В говорах известен литературный вариант с иным оттенком значения.

ХЭГЪЭГУЭГЪУ - «соотечественник», лит. «хэкуэгъу»; закуб.

ХЭДЗЫН - «выбирать», лит. «хэхын»; закуб.

ХЭЛЪХЪЭН - «сеять, сажать», лит. «хэсэн»; к.-з.

ХЭНАКІУЭ - «косить, жать», лит. «хакІуэ»; к.-з.

ХЭНЫН - «бросить», «прекратить», лит. «щыгъэтын»; куб.

ХЭЖЭЛЪЭН - «вмешаться словом», лит. «хэпсэлъыхъын»; к.-з.

ХЭУКЪУЭН - «ошибаться», лит. «щыуэн»; закуб.

ХЭУЛЭУХЪЫН - «устать, измучиться», лит. «хэзэшыхъын»; закуб.

ХЭФЭКЪУЭН - «падать, вползать; втиснуться (в группу людей) неожиданно», лит. «хэхуэн, хэпшэхъуэн»; закуб.

ХЭФПСЫН - «проскочить среди чего-нибудь», лит. «хэцІэфтын»; куб.

ХЭЩІЭКЪУЭН - «прихрамывать», лит. «щІэкъуэн»; к.-з.

ХЭІЭЖЫН - «разговориться», лит. «шхэн, хэщхъэжын»; к.-з.

ХЫУАЕ - «шторм», в литературном встречается как архаизм, закуб.

ХЫУАР - «волна», лит. «толъкъун»; закуб.

ХУАЛЪЭ - «всмятку» (о яйце), лит. «джэдыкІэ имыгъэвыкІа»; к.-з.; бесл.

ХУАТЭ - «плед», лит. «ІэлъэщІышхуэ»; к.-з. Заимствовано из русского языка.

ХУЭРЫДЖЭ - «абрикос», лит. «абрикос»; м.-к. Заимствовано из тюркского (курага).

ХУЭСЭДЭУ - «с желанием, с удовольствием», лит. «фlэфlу, дихьэхыу»; заруб.

ХУЭЧЭФУ - «с охотой», лит. «гум фlэфlу, хуэжыджэру»; м.-к.

ХУЖЫГЪЭ - «пшено», лит. «хугу»; мозд.

ХУЛЪХУГЪЭ - «мужчина», лит. лlы, цlыхухъу»; закуб. (см. бзылхугъэ).

ХУНТЫР - «хутор», лит. «къутыр, къуажэ»; мозд. Заимствовано из русского языка.

ХУПЩ - «тесто», лит. «хупцlынэ»; бесл.

ХУРЭ - «утка», лит. «бабыщ», бакс.

ХУХЪЭТlЫКЪ - «чурек из проса», лит. «ху хьэжыгъэм къыхэщlыкlа хьэлу»; леск.

ХЪЭБЭУЭН - «дышать», лит. «бэуэн»; к.-з.

ХЪЭБЫРАКЪ - «волкодав», лит. «дыгъужьтхьэлэ хьэ»; бесл.

ХЪЭВЭ - «стог», «скирд», лит. «пыпхъуэ»; закуб. Литературный вариант встречается в кубано-зеленчукских говорах с несколько иным значением.

ХЪЭГУЭДЗ - «колосовые», лит. «хьэцэпэцэ»; м.-з. Образовано из сочетания хьэ - «ячмень» + гуэдз - «пшеница».

ХЪЭДЭБЖЭМАКЪ - «черепаха», лит. «шылъэгу»; закуб.

ХЪЭДЖЫСЭ - «короткий нож», лит. «хьэджэсэ»; куб.

ХЪЭДЗЭПКЪАЙ - «злой, вредный, бесчеловечный», лит. «бзаджэ, цlыхугъэншэ»; к.-з.

ХЪЭЖЭРЭЖЭН - «беспокоится», лит. «пlейтеин»; бесл.

ХЪЭЖРЭТ¹ - «беженец», лит. «щlэпхъуэжа»; бесл. Носителям литературного языка понятна диалектная форма.

ХЪЭЖРЭТ² - «переселенец», лит. «зи щlыпlэр зыхъуэжа»; куб.

ХЪЭЖЫРЫКЪ - «свиной» (растение), лит. «тхьэкlумэкlыхъудз»; мозд.

ХЪЭЖЪЭЛУЖЪЭ - «сквернослов», лит. «жьэрэлурэ»; к.-з.

ХЪЭЗЭНТХЪ - «название травы», лит. «удзыцlэ»; к.-з.

ХЪЭКlУСТАЛ - «ножницы», лит. «лэныстэ»; бесл.

ХЪЭКЪУ - «лай», лит. «банэ»; куб.

ХЪЭКЪУЭН - «шуметь», лит. «lэуэлъэуэн»; бакс.

ХЪЭКЪУЭН - «лаять», лит. «бэнэн (хьэр)»; куб.

ХЪЭЛДЖИЙ - «пышки», лит. «хьэлывэ»; мозд.

ХЪЭЛЖЕЙ - «пышка со сладостями», литературного эквивалента нет; мозд.

ХЪЭЛПІАМЭ - «галушки», лит. «хьэлпамэ»; к.-з.

ХЪЭЛУПЫЛУ - «пряности, сладости», лит. «lэfыklэ»; к.-з.

ХЪЭЛЫБЭЛАЩЭ - «охота», лит. «щаклуэ»; мозд.

ХЪЭЛЫГЪУ - «хлеб», лит. «щlакхъуэ»; куб.

ХЪЭЛЫГЪУ ЗЭТЕЖ - «слоенный хлеб», лит. «хьэлу зэтеж»; куб.

ХЪЭМЭЩ - «огороженный ток во дворе крестьянина», лит. «хьэмэш»; закуб.

ХЪЭМЭШ БАЗ - «скотный двор», лит. «бэкхъ»; к.-з.

ХЪЭМПЛЪЫЖЪ - «ящерица», лит. «шындырхъо»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ХЪЭПЩЭН - «тяжело дышать», лит. «хуабжъу бэуэн»; закуб.

ХЪЭПЫШ - «вид сливы», лит. «къыпцlэ kыхъ»; м.-к.

ХЪЭРЭМАТИ - «вид сливы», лит. «къыпцlэ лъэпкъ»; м.-к.

ХЪЭРЫФ - «буква», лит. «хьэрф»; к.-з.

ХЪЭТУ - «адыгский танец», лит. «адыгэ къафэ»; м.-к.

ХЪУН - «нет», лит. «хьэуэ»; к.-з.

ХЪЭЦКЪЭ - «острые камни под водой». Литературного эквивалента нет; к.-з.

ХЪЭЦІЭПІАЦІЭ - «насекомое», лит. «гъудэ-бадзэ»; закуб.

ХЪЭШРАКЪ - «клюшка», лит. «клюшка», зольск.

ХЪЭЩІЭЩІЭНЭ - «гостинный стол», лит. «хьэщlэ lэнэ»; куб.

ХЪЕНАПЭ - «позор», лит. «напэтех, емыкlu»; бесл. Адыгейское заимствование.

ХЪЕЛЭШЫ - «хитрый, неискренний, изворотливый», лит. «хылагъэ зыхэлъ, цlыху мыпэж»; куб.

ХЪЫКУМЭТ - «совет», лит. «хасэ, чэнджэщ»; к.-з. Заимствовано из арабского языка.

ХЪАДЫРЭ - «миска из глины», лит. «кхъуэщын тепщэч»; м.-к. Заимствовано из грузинского языка.

ХЪАМШЭДЗЭН - «грабли», лит. «пхъэлэпэ»; м.-к. Заимствовано из осетинского языка.

ХЪАМЫР - «дрожжи», лит. «щlакхъуэгъэтэдж»; м.-к. Арабское заимствование.

ХЪАМЫРМЕЙ - «тесто», лит. «хупцlынэ»; м.-к., мозд.

ХЪАН - «жених, парень, который женится», лит. «фыз къэзышэ, щауэ»; мозд.

ХЪАНИ - «невеста», лит. «къашэ нысачlэрщ»; мозд.

ХЪАР - «фата», лит. «щхъэтепхъуэ»; мозд.

ХЪАРЖ - «расход», лит. «хэщI»; к.-з. Встречается редко в литературном языке.

ХЪАРЕЛ - «чума», лит. «емынэ»; мозд.

ХЪАРИНЭ - «качели», лит. «хъыринэ»; к.-з.

ХЪАТЭ - «стоящий», лит. «пщIэ зиIэ»; закуб.

ХЪАТЭ ИМЫПЭН - «не иметь порока», лит. «лажьэ имыIэн»; к.-з.

ХЪЭРЕЛ - «холера», лит. «уз Iей узыцIалэ»; мозд. Заимствовано из русского языка. (метатеза «холера»).

ХЪЭРХЪО - «зерно» лит. «тхъэгъэлэдж»; мозд. Осетинское заимствование.

ХЪЭХЪЭН - «пила», лит. «пхъэх»; к.-з. Видимо, слово имеет абазинское происхождение.

ХЪЕР КЪЭИЭТЫН - «поставить стол», «угощать», лит. «шхын къэщтэн, къэIэтын»; бесл.

ХЪЕРКИЭ - «до свидания», лит. «фIыкIэ»; к.-з.

ХЪЫ - «фата», лит. «щхъэтепхъуэ»; к.-з.

ХЪЫБАРЫЗ - «арбуз», лит. «хъарбыз»бакс.

ХЪЫДЖЭБЗГЪЭТЫС - «первый вечер свадьбы», лит. «нысашэ - хъэгъуэлIыгъуэм и япэ махуэ»; мозд.

ХЪЫДЖЭБЗЫХЪ - «похищение девушки» (замуж), лит. «ядыгъун пщашэр»; закуб.

ХЪЫРКИЭ - «пирог», лит. «хъэлывэ лIэужьыгъуэ»; закуб.

ХЪЫРЛЫ - «резьба», «нарез», лит. «ибзэ»; мозд. Заимствовано из ногойского языка.

ХЪЫТЕХ - «свадебный обряд, по которому с головы невесты снимается особый платок - фата», литературный язык не имеет варианта; мозд. Этимология прозрачна.

ХЪЫ ТЕШЫН - «очищать с помощью сетки зерно от мусора», лит. «гъавэр гъэкъэбзэн»; к.-з.

ХЪЫЯР - «огурец», лит. «нащэ»; мозд. Заимствовано из персидского языка через тюркское посредство.

ХЪУАЛЭ - «копна», лит. «кIэпIинэ»; м.-к.

ХЪУАСКИУЭ - «искра», лит. «хъуаскIэ»; бакс.

ХЪУАТЭ - «болото», лит. «шэд»; бесл.

ХЪУА ЩЫПЭКЪЫМ - «ничего не случилось» в.м. «къэхъуа щыIэкъым»; к.-з.

ХЪУЭЖЭ - «мулла», лит. «ефэнды» заруб. Арабское заимствование.

ХЪУЭРЩЭРЫГЪЭ ЗЭХЭЛЪХЪЭН - «делать хитрости, хитрить», лит. «бзаджагъэ зехъэн»; к.-з.

ХЪУТ - «метель», лит. «уэс зэрызехъэ»; к.-з., куб.

ХЪУБЖЫПХЪЭ//ХЪУБЖ - «племенной, предназначенный для развода», лит. «лъэпкъыфI, хъубжапхъэ»; закуб.

ХЪУЛЭ - «копна», лит. «кIэпIинэ»; м.-к.

ХЪУЛЪХУГЪЭ - «мужчина», лит. «цIыхухъу»; бесл.

ХЪУМПЫЛЕЙ - «хмель», лит. «хъумбылей»; к.-з.

ХЪУНЩIЭЩ - «ПОХОД (с целью ограбления)», лит. «зекIуэ»; м.-к.

ХЪУПХЪЭКIЕЙ - «хороший, молодец», лит. «фIы дыдэ»; закуб.

ХЪУРХЪУЭ - «мякина», лит. «хукхъуэ»; бесл.

ХЪУРОМЭ - «рождество», нет литературного соответствия, религиозный праздник, мозд.

ЦIАПIЭ- НАПIЭ - «мерзкий», лит. «Iей, мышцIагъуэ»; закуб.

ЦIОБ - «кнут», лит. «чынутI»; м.-к. Литературная форма заимствована из русского языка.

ЦЫКИУ - ЦЫКИУУРЭ - «потихоньку, медленно», лит. «хуэм-хуэмурэ»; куб.

ЦЫРАМЫЩ - «злаковая культура», «магар», лит. «ху лъэпкъ». Исконная основа.

ЦЫРГЪУЩ - «запрет», лит. «хуит зыхуамыщI»; мозд. Заимствовано из русского языка (сургуч).

ЦЫХУН - «знать что-л. уметь», лит. «щIэн»; бесл.

ЧАФ - «веселый», лит. «нэжэгужэ»; закуб.

ЧЭРНИЛЭ - «чернила», лит. «шакъэ»; к.-з. Заимствовано из русского языка.

ЧЭРЩIЭУЖ - «похмелье», лит. «чэфтеуж»; к.-з.

ЧЭУДАР - «рожь», лит. «хъэпцIий»; заруб.

ЧЭФЭ - «прокисшее молоко», лит. «шэ зэщIэкIа, фIэIуа»; мозд.

ЧЭФЫН - «веселиться», лит. «нэжэгужэн»; куб.

ЧЭШЭЧ - «мало», лит. «тIэкIу, мащIэ»; мозд.

ЧЕРЕПИЦЭ - «черепица», лит. «кхъуэщын»; к.-з. Заимствовано из русского языка.

ЧЭРНЭСЛИВЭ - «слива», лит. «къыпцIэ»; м.-к. Заимствовано из русского языка.

ЧЕРНИЛАЛЪЭ - «чернильница», лит. «шакъалъэ»; мозд.

ЧИЗМЭ - «сапоги», лит. «шырыкъу»; заруб. Арабское заимствование.

ЧОХУН - «саван», лит. «джэбын»; к.-з.

ЧУЛЬКУН - «чулки», лит. «лъяпэд»; мезд. Заимствовано из русского языка.

ЧЫДАНЭ - «провокола»; лит. «гъушĭ кĭапсэ»; к.-з.

ЧЫСЭТЭН - «огрубеть» (о коже), лит. «пхъашэ хъун»; к.-з.

ЧІЭДЫГУ - «квартал», лит. «хъэблэ»; к.-з.

ЧІЭЗЭРЫПХЪУЭ ШІЫН - «расхватать» в.м. «зэрыпхъуэн»; к.-з.

ЧІЭМАСТЭ - «булавка», лит. «мастэкъуаншэ»; м.-к.

ЧІЭПШ - «плеть», лит. «щĭопщ, къамышы»; к.-з.

ЧІЭСАХЪУЭ - «пастух, который пасет молодняк», лит. «Іэщĭэ-выщĭэр зыгъэху, Іэхъуэ»; к.-з.

ЧІЭІУПХЪУЭ - «фартук», лит. «чĭэпхын»; м.-к.

ЧЫКЪЫУ - «сова», лит. «жъынду»; мезд.

ЧЫПХЪЭ - «инструмент, которым делают отметки на коже», лит. «фэр къызэрыхабзыкĭ Іэмэпсысэ»; к.-з.

ЧЫР - «известка», лит. «сивоскĭэ»; мезд. Грузинское заимствование.

ЧЫТІ - «одноосная деревянная повозка, арба», лит. «шархъитĭ зыщĭэт гу, адыгэгу»; к.-з.

ЧЫУАНЭ - «канава», лит. «кĭэнауэ»; мезд. Заимствовано из русского языка.

ЧЫФІ - «масть курицы», лит. «джэд фĭыщĭэ»; к.-з.

ЧЫПЭКЪУ//ЧІЭІЭКЪУ - «курок», лит. «кĭэкхъу»; к.-з.

ШАБЕЗ - «деньги», лит. «ахъшэ»; мезд.

ШАБИЙ - «стелька для обуви из мягкой травы», лит. «лъягурыдз»; бакс.

ШАЗМЭ - «сапоги», лит. «шырыкъу»; к.-з. Тюркское заимствование.

ШАЗМАЩІЭ - «новые сапоги», лит. «шырыкъушĭэ»; к.-з.

ШАЗМАЩІЭ - «сапожник», лит. «шырыкъушĭэ»; куб.

ШАКЪМЭ//ЧАКЪМЭ - «кресало», лит. «щтауч»; мезд.

ШАЛБАР - «шаровары», лит. «гъуэншэдъ быхъу»; мезд. Тюркское заимствование.

ШАНШЫЛЫКЪ - «мотовило», лит. «бэрэбанэ»; мезд.

ШАУ - «двор», лит. «пщĭантĭэ»; к.-з.

ШЭБАР - название травы, лит. «удзыщĭэ»; к.-з.

ШЭГЪЭГУ//ХЭГЪЭГУ - «родина, край», лит. «хэку»; к.-з.

ШЭГЪУАНТІКІУЭ - «капля молока», лит. «шэ ткĭуэпс»; закуб.

ШЭДЫГЪУЕЙ - «вишневое дерево», лит. «балий жыг»; к.-з.

ШЭДЖ - «мелководье», лит. «чэнжыпIэ»; к.-з.

ШЭДЖЫБЛЭ - «ядовитая змея», лит. «блэ лIэужыгыгуэ»; к.-з.

ШЭДЖЫБЛЭ ПХУЭХЪУ - «подавись! отравись!», вм. «емынэ пхухъу»; к.-з.

ШЭКАР - «сахар», лит. «фошыгъу»; мозд. Грузинское заимствование.

ШЭКЫ - «весы», лит. «тэрэзэ»; мозд.

ШЭМЭДЖIЭГУРЫМЭ - «ручка косы», лит. «шэмэджIэубыдыпIэ»; к.-з.

ШЭНДЫРГЪУЭ - «вишня», лит. «балий», куб.

ШЭНИЛЭ - «чернила», лит. «шакъэ»; закуб. Заимствовано из русского языка.

ШЭНКIЭЩI - «вспыльчивый (о человеке)», лит. «тэмакъкIэщI»; к.-з.

ШЭП - «окно», лит. «щхьэгъубжэ»; мозд.

ШЭПАРХЪАКЪ - «детская игра», лит. «цIэмпIэрэ»; к.-з.

ШЭПДОIУЛ - «набег», лит. «теуэн»; к.-з.

ШЭРАЙ - «поведение», лит. «щытыкIэ»; к.-з.

ШЭРЭЧ - «пядь», лит. «Iэбжьэ»; к.-з.

ШЭУМАЛ - «сорт дыни», лит. «хъэуан лIэужыгыгуэ»; мозд. Заимствовано из тюркских языка.

ШЭЧАСЭ - «соусник», лит. «шыпсылъэ»; мозд.

ШЭШЭН ЩЫН - «станцевать лезгинку», лит. «ислъэмей щIын»; к.-з.

ШЭЩЫДЭ - «земляной орех», лит. «щIыдэ»; к.-з.

ШКИЭЖЬ - «телка», лит. «шкIащIэ»; бесл.

ШОХЪТЭ - «кошелек», лит. «бохъшэ, ахъшалъэ»; м.-к.

ШУБЫР - «чувяки из сыромятной кожи», лит. «гуэншэрыкъ»; к.-з.

ШХЭИГЪЭ - «желудок», лит. «лъатэ»; бакс.

ШХУЭ ТЕЛЪХЪЭН - «обуздать» вм. «шхуэ пщIэхэлъхъэн»; к.-з.

ШХУЭ ТЕХЫН - «снять уздечку», вм. «шхуэр пщIэхэхын»; к.-з.

ШЫБЛЭ - «гром», лит. «щыблэ»; закуб.

ШЫКЪУРЫКЪУ - «оглобли», лит. «шыгукъу»; м.-к.

ШЫЛЫЧ - «кустарниковое растение, идущее на изготовление метел», лит. «бацэжыхапхъэ»; бакс.

ШЫЛЫЧ - «сталь», лит. «жыр»; к.-з.

ШЫМТЭНЭМЭЗ - «рано утром», лит. «пщэдджыжь нэмэз»; к.-з.

ШЫНАПІЭ-ШЫНАБЛЭ - «нерешительный», лит. «щтэІэщтаблэ»; к.-з.

ШЫПЛЪЫС - «брынза», лит. «кхъуей лІэужьыгъуэ»; бесл.

ШЫПСЫЛЪ КХЪУЕЙ - «белый мягкий сыр», лит. «кхъуей лІэужьыгъуэ»; куб.

ШЫРЭ - «детеныш», лит. «шыр (цІыкІу); бакс.

ШЫРЫХЪ - «доля при охоте», лит. «пшэрыхъ»; к.-з.

ШЫРЫХЪ ХУЩАНЭ (ЦЫХУБЗЫМ) - «женщине уступают, ей оказывают честь», лит. «бзылхъугъэм пщІэ хуэщІын»; к.-з.

ШЫУАНЫКЪУ - «радуга», лит. «лэгъупыкъу»; бесл.

ШЫУГЪЭКІЭ - «соление», лит. «фІэІугъэ»; закуб.

ШЫХЪ - «крутой», (балка), лит. «къуэ задэ»; к.-з.

ШЫХЪСЫН//ШЫХЪЦЫН - «жалеть», лит. «щысхъын»; к.-з.

ШІЭНКІЭШІ - «нервный, легко раздражительный», лит. «къэгубжьыгъуафІэ»; куб.

ШЭУЭШЫПІЭ - «место, где находится жених во время свадьбы», лит. «хъэгъуэлІыгъуэм деж щауэр здэщІэр»; куб

ШЪХЭУБЭТ - «болтун», лит. «къэвакІуэ, Іуэрвэр»; к.-з.

ШЪХЫЗЭГЪАЛЪЭ - «испеченный кусок теста в форме пирога», лит. «лъакъум лІэужьыгъуэ»; куб.

ШЪХЪЭГЪЭШЪ - «поклон», лит. «щхъэщэ (щІын); куб.

ШЪХЪЭКІУЭ - «обида, огорчение», лит. «гуауэ, щхъэжэ»; куб.

ШЪХЪЭКІУЭН - «обидеть, огорчить», лит. «егуауэн, ещхъэжэн»; куб.

ШЪХЪЭУБЭТЫН - «болтать», лит. «къэвэн, Іуэрвэрын; куб.

ШЪЫЛЪЫН - «болеть, нездоровиться», лит. «сымаджэн»; куб.

ШЪЫПКЪЭ - «правда», лит. «пэж»; куб.

ШІАПІЭ - «место», лит. «пІэ»; куб.

ШІЭЛЭЕГЪАДЖЭ - «учитель», лит. «егъэджакІуэ»; закуб.

ШІЭНЭКІАЛЪЭ - «насмешка, насмешливый», лит. «ауан, щыдыхъэшхын»; куб., к.-з.

ШІЭТХЭН - «подписаться», лит. «Іэ тедзэн, щІэдзын»; куб.

ШІЭХЪЭН - «поступить» (институтым шІэхъэн) - «поступить в институт»), лит. «щІэтІысхъэн»; куб., к.-з.

ШІЭХЪУФТЫН - «выскочить, выбежать», лит. «къыдэцІэфтын, къыдэжын»; куб.

ШЫГУ - «земля», лит. «щІы»; куб.

ЩАУАПІЭ - «место, где находится жених во время свадьбы», лит. «щауэр здисыр»; к.-з., куб.

ЩАУЭ - «парень, юноша», лит. «щІалэ, щІалэщІэ»; бесл.

ЩАУЭГЪУ - «друг», «товарищ», лит. «ныбжьэгъу»; бесл.

ЩАУЭДЭКИУЭ - «дружка», лит. «щауэкъуэт»; заруб. Этимология слова прозрачна.

ЩАЩЫХУ - «большой платок», лит. «ІэлъэщІышхуэ»; бесл.

ЩЭДЖАЩЭ - «громадный», лит. «иныщэ, абрагъуэ»; закуб.

ЩЭЖЪЕЙ - «нож», лит. «сэ»; бесл.

ЩЭНКІЭЩІ - «несдержанный, вспыльчивый», лит. «тэмакъкІэщІ»; закуб.

ЩЭН-ІЭДЭБ - «поведение», лит. «хъэл, щэн»; к.-з.

ЩОДЖЭН - «служитель мусульманской религии, мулла», лит. «ефэнды, молэ»; закуб.

ЩХЪЭЖЭ - «обида», лит. «жагъуэ»; бакс.

ЩХЪЭЗЭГЪАЛЪЭ - «испеченное в масле тесто со сладкой начинкой», лит. «ІэфІ гуэр дэлъу гъэжъа лакъум»; к.-з.

ЩХЪЭИХАУЭ - «прямо, открыто, откровенно», лит. «зэрыщыту, ехъэкІ хэмылъу»; к.-з.

ЩХЪЭКИУЭ - «обида, огорчение», лит. «гуауэ, щхъэжэ»; закуб.

ЩХЪЭКИУЭХ - «обидчивый», лит. «зыгъэгусэрей»; к.-з.

ЩХЪЭНТЭГЪЭТЫЛЬ - «обряд - положить подушку в честь умершего после 40 дней», лит. «дунейм ехыжам хуащІэ Іуэхугъуэ»; мозд.

ЩХЪЭР УБЭН - «морочить голову» в.м. «щхъэр гъэузын, щхъэр гъэвэн»; к.-з.

ЩХЪЭУБАТЭ - «болтун», лит. «къэвакІуэ»; закуб.

ЩХЪЭУБЭТЭН - «болтать», лит. «къэвэн»; куб. Этимология слова прозрачна.

ЩХЪЭХАУЭ - «откровенно», лит. «занщІэу, ехъэкІ хэмылъу»; к.-з.

ШХЪЭ ІЫГЪЫЖЫН - «содержать себя», лит. «щхъэ пІыжын»; заруб.

ЩХЪУАНТІЭ ДЖЫРЫДЖ - «очень синий», лит. «щхъуантІэпс»; к.-з.

ЩХЪУЭЛЫ - «каштан», лит. «каштан»; закуб. Литературное слово заимствовано из русского языка.

ЩЫГЪУАЩЭ - «траурная одежда», лит. «щыгъуэ щыгъын»; мозд.

ЩЫПКЪЭ - «верный», истинный», лит. «пэж»; закуб. В говорах встречается литературный вариант в несколько ином значении.

ЩІЭГУПСЫСЫКІЫН - «задуматься», лит. «хэгупсысыхъын»; к.-з.

ЩІГЪЭБЭТЭН - «загнать», лит. «щІэгъэхьэн, щІэхуэн»; к.-з.

ЩІГЪЭЗЫХЬЫН - «загнать», лит. «щІэгъээзгъэн»; к.-з.

ЩІЭИНХЪЭГЪУ - «тот, кому завещается наследство», лит. щІэин зыхуашІыр»; к.-з.

ЩІЭНЭКІАЛЪЭ - «насмешка», лит. «ауан»; закуб.

ЩІЭНЭЧІАЛЪЭ ЩІЫН - «сделать посмешищем, смеяться над кем-н.», лит. «ауан щІын»; к.-з.

ЩІЭТХЭН - «подписаться» лит. «Іэ тедзэн».

ЩІЭФТЫН - «выскочить, выбежать», лит. «щІэцІэфтын, щІэжын»; закуб.

ЩІЫМАХУЭМ ЩІЭШЫН - «перезимовать», лит. «щІымахуэр игъэкІын» к.-з.

ЩІЫПЦІЭР КЪИКЪУГЪЫН - «сильно плакать», лит. «хуабжъу гъын»; к.-з.

ЩІЫНЭ - ПСЫНЭ - «сырость, слякоть», лит. «уэтІпсытІ»; к.-з.

ІАПІЭ - «вещь, имущество», лит. «хьэпшып, мылъку»; куб.

ІЭБЖЪЭ - «лесок, чаша», лит. «мэз цІыкІу»; к.-з.

ІЭБЖЪЫГУ - «горсть», лит. «ІэмыщІэ»; бакс.

ІЭГУ - «двор», лит. «пщІантІэ»; куб. Заимствовано из адыгейского языка.

ІЭГУБЖЪЭ - «глиняная чашка», лит. «кхъуэщын шынакъ»; бесл.

ІЭГУБЖЪЭ - «стакан», лит. «стэчан»; куб. Исконная основа.

ІЭГУБЖЪЭ - «миска», лит. «фалъэ»; куб. Исконная основа.

ІЭГУПС - «рукоятка», лит. «кІы, убыдыпІэ»; бакс.

ІЭГУ ТЕГЪЭУЭН - «аплодировать», лит. «Іэгу еуэн»; бесл.

ІЭГУФЭНЭЩІУ - «с пустыми руками», лит. «Іэгум зыри имылъу, имыІэу»; закуб.

ІЭЗЭХЭТІЩІЭ//ІЭЗЭХЭТІСІЭ - «сватовство», лит. «нэчыхьытх»; мозд.

ІЭЛЪЭЕМЫКІУЭН - «руки не лежат к чему-н.» вм. Іэр хэмыхьэн»; к.-з.

ІЭЛЪЭЕМЫКІУЭ - «неуклюжий, небрежный», лит. «ІэмыкІуэ-лъямыкІуэ»; к.-з.

ІЭНДЭГЪУПЭ - «кончик локтя», лит. «ІэфракІэ»; закуб.

ІЭПЭЕШЪЭКІ - «сдобная булка в форме кренделя», лит. «лакъум лІэужьыгъуэ»; куб.

ІЭПЭІЭСЭ - «мастер», лит. «зыгуэрым хуэІэзэ»; закуб.

ІЭРЫНЫГЪ - «муфта» (обычно из шелка), лит. «Іэпэхъу»; бакс.

ІЭРЫНЫГЪ - «носовой платок», литературный язык использует русское слово бэльтоку; мозд.

ІЭУА - «грудной ребенок», лит. «сабий цІынэ»; бакс.

ІЭУБЖЬ - «браслет», лит. «Іэпщэхъу»; бесл.

ІЭУЖЬ - «вещь, которую дарят в знак благодарности за выполнение просьбы, поручения», лит. «Іуэху зэрызэфІигъэкІам папщІэ ират саугъэт»; куб.

ІЭУЖЬ - «вещь, которую дарят молодым в знак помолвки», лит. «зэрышахэм ират саугъэт»; закуб.

ІЭУЖЬ ЕТЫН - «дать залог», лит. «сакъылэт етын»; к.-з.

ІЭФЭВАКЪЭ, АФЭВАКЪЭ - «чувяки из сыромятной кожи», лит. гуэншэрыкъ»; закуб. Литературный вариант заимствован из тюркских языков.

ІЭФІАУЭ - «меткий» (о стрелке), лит. «шэрыуэ»; к.-з.

ІЭФІ-ІУФІ - «сладости», лит. «ІэфІыкІэ»; к.-з.

ІЭХЪУ - «браслет», лит. «Іэпщэхъу»; бесл.

ІЭХЪУГЪУЭ - «стадо», лит. «Іэхъуэ, хъушэ»; к.-з.

ІЭШАНЭ - «коньки деревянные», лит. «пхъэ лъэрыжэ»; м.-к.

ІЭШКЫЛ - «совочек для мусора», лит. «хъэнцэ» м.-к. Видимо, заимствованная лексема.

ІЭШУРЭ ХЪЭНТХЪУПС - «жидкое кушанье, представляющее собой отвар из кукурузы, фасоли, овощей»; лит. «ІэшырыІ»; куб.

ІЭШХЪУН - «породистый скот», лит. «Іэщ лъэпкъыфІ»; к.-з.

ІЭШ - «хлев», лит. «Іуэ»; бесл.

ІЭШЫУЭ - «хлев», лит. «Іуэ»; бесл.

ІЭЩЭР ЗЫДЭХЫН - «снять с себя оружие», лит. «Іэщэр зыпщІэхэхын»; к.-з.

ІЭЩЭР ДЭЛЪХЪЭН (ЗЫГУЭЛЪХЪЭН, ЗЫПЫЛЪХЪЭН) - «нацепить оружие, вооружиться», лит. «Іэщэ зыпщІэлъхъэн, зыпщІэхэлъхъэн»; к.-з.

ІЭЩЭ-ФАЩЭР ЗЫПЫХЫЖЫН - «снять с себя форму и оружие», лит. «Іэщэр зыкІэрыхыжын»; к.-з.

ІЭЩХЪЭ - «жених», лит. «псэлъыхъу, зыпылъ»; мезд.

ІЭЩХЪЭТЕТ - «руководитель», лит. «унафэщІ»; куб. Адыгейское заимствование.

ІЭЩІ - «тыльная сторона ладони», лит. «ІэщІыб»; к.-з.

ІЭЩІЫБ - «другой», лит. «хамэ, нэгъуэщІ»; куб.

ІЭЩІЫБ - «иностранный», лит. «хамэ (къэрал щыпсэу); закуб.

ІЭІУС - «корм скоту на ночь», лит. «жэщ Іус»; м.-к. (диалектная форма Іэ - «рука», Іус - «корм»).

ІУЭГУ//ІЭГУ - «двор», лит. «пщІантІэ»; куб.

ІУЭХУ ГЪЭХЪЭН - «творить дела», лит. «Іуэху хехъэн»; к.-з.

ІУЭХУ ЛЪАГЪУН - «быть занятым делом», вм. «Іуэхум яужь итын»; к.-з.

ІУЭХУР КЪЫПЭНЭН - «задержать дело», вм. «Іуэхур мыгъэкІуэтэн»; к.-з.

ІУЭХУЩІЭ - «работник», лит. «лэжьакІуэ»; закуб.

ІУНЭХЭЧ - «щипцы», лит. «Іэдэ»; к.-з. Этимология прозрачна.

ІУНТИ - «ни капельки», «ни гроша», лит. «зыри»; к.-з.

ІУПЭС - «злая» (о женщине), лит. «ябгэ»; к.-з.

ІУПУ - «двор», лит. «пщІантіэ»; закуб.

ІУР - ЩІЫР - «красивый, приятный», лит. «дахэ, гуакІуэ»; к.-з., куб.

ІУРЫВЭ - «болтун», лит. «къэвэрей»; к.-з.

ІУТІАНЭ - «рогоз», лит. «бгъэн»; к.-з.

ІУТІЫЖ - «наестся после голода», лит. «тхъэжын, зыгъэнщІыжын»; закуб.

ІУТІЫЖ - «пасха», литературного эквивалента нет; мозд.

ІУТІЫЖ КХЪЭДЭС - «10-й день Пасхи», лит. «пасхъэм и 10 махуэ»; мозд.

ІУФРАКІЭ - «губы» (края), лит. «ІупщІакІэ»; к.-з.

ІУЩІЭЛЫН - «замазать», лит. «щыщІэлъын»; к.-з.

ІУІУ - «сова», лит. «жъынду»; бесл.

ЯНГЪЫЛ - «новый год», лит. «илъэсыщІэ (13 января); мозд. Ногайское заимствование.

V. Язык черкесов (адыгов КЧР).

Язык современных черкесов представляет собой продукт развития на базе различных диалектов – кабардинских (бесланеевского и др.) адыгейских и абазинских. В силу этого мы имеем своеобразную языковую систему, объединяющую западные и восточные адыгские диалекты со многими структурными особенностями абазинского языка. Характерно, что многие черты языка черкесов, оставаясь на уровне местных диалектных явлений широко используются в письменной речи черкесских писателей, журналистов, публицистов и др. Поэтому мы имеем дело, в сущности, с двухединной природой и особым статусом языка (речи) современных черкесов: с одной стороны, речь идет о региональных структурных языковых чертах, отличающихся от общепринятого кабардинского (кабардино-черкесского) литературного языка, а с другой, о локальном варианте письменного языка. Так или иначе, язык современных черкесов функционирует как живое средство устного общения, так и своеобразное форма региональной письменной речи.

Территория Карачаево-Черкесской республики в прошлом являлась центральной частью общеадыгской территории. Здесь имеется богатейшая археологическая культура.

Достаточно сказать, что территория республики относится к зоне распространения знаменитой майкопской культуры (III тыс. до н.э.), создателями которой в исторической науке читаются предки современных адыгов (черкесов). Кроме того, на территории Карачаево-Черкесии обнаружены могильники как западных черкесов, так и восточных (кабардинцев). Очевидно, что в XIX-XVI в.в. по свидетельству археологических данных и письменных источников, здесь жили как западные черкесы (бесленеи), так и восточные (кабардинцы). Промежуточный характер территории Карачаево-Черкесии, которая являлась условной границей между кабардинцами и бесленеевцами, сохранился и в последующие века. А с конца XVIII в. единая адыгская территория была поделена по р. Кубань между двумя державами—Россией и Турцией. И с тех пор образовался разрыв внутри адыгского этноса, которой еще более усугубился в ходе и после окончания Кавказской войны. Адыгские народы, в число которых входят и современные черкесы (адыги) Карачаево-Черкесии, как известно, были одной из самых крупных этнических групп на Северном Кавказе как по территории, которую они занимали, так и по численности населения. Достаточно сказать, что к XV-XVI адыгская территория начинает делиться на два территориально-политических образования. От исторической Черкесии постоянно отделяется Кабарда, а сами черкесы (адыги) начинают дифференцировать на западные и восточные группы.

В результате длительной войны адыгами была утеряна традиционная среда их обитания: территория их в большинстве своем заселена другими народами, произошло смешение адыгских племен и их диалектов, т.е. был прерван процесс образования общеадыгского литературного языка. Адыги, которые населяют территорию Карачаево-Черкесии и их родной язык представляют собой уникальное явление в адыгском мире: именно здесь, в верховьях Кубани и на ее верхних притоках, произошло наиболее активное смешение адыгских племен: кабардинцев, бесленеев, абадзехов, мамхег, жанэ, шапсугов, убыхов и других. Здесь же в одних и тех же аулах живут адыги и абазинцы, адыги и карачаевцы, адыги и ногойцы, вплоть до сванов, кумыков, калмыков, т.е. Карачаево-Черкесия в миниатюре повторяет картину расселения народов в исторической Черкесии. Смешанный характер населения в адыгских аулах Карачаево-Черкесии отмечали ряд авторов конца XIX в.: Л.Я. Апостов, Я.Д. Фелицын и другие.

На своеобразие языка закубанских адыгов одним из первых еще в II пол. XIX в. обратил внимание Л.Г. Лопатинский. Он речь «Баталпашинских кабардинцев» или «закубанских кабардинцев» квалифицировал как говор. В 30 годах XX в., когда в стране в целом шел процесс языкового строительства народов СССР, Н.Ф. Яковлев язык адыгов (черкесов) рассматривал как язык единого этноса и разделял его на ниже—черкесский или кяхский и верхе-черкесский или кабардинский языки. Предположительно автор высказал о существовании третьего—убыхского. В свою очередь, в верхнечеркесском (или кабардинском) он выделил два близких друг другу наречия: терское, на котором говорят Б.и М. Кабарда и моздокские черкесы—христиане; и кубанское, на котором говорят несколько аулов Б.Кабарды и часть кабардинцев Черкесской автономной области и восточной части Адыгейской автономной области. Язык одного «из самых сильных черкесских племен», которое жило между кубанскими кабардинцами и нижними черкесами, бесленеевцев, Н.Ф. Яковлев выделил в самостоятельное наречие, назвав его третьим кабардинским наречием— бесленеевским. Д.А. Ашхамаф в работе «Краткий обзор адыгейских диалектов» впервые выделил речь черкесов как диалект и назвал ее «черкесско-кабардинский» или «кубано-кабардинский», а речь нескольких кабардинских аулов Адыгейской А.О. назвал адыгейско-кабардинским диалектом. Вслед за Ашхамафом Д.А. на ряд отличий черкесской речи указал Кумахов М.А. «Существует мнение, что речь

черкесов не отличается от речи жителей Большой Кабарды. Но такое мнение не соответствует действительности и является априорным», — писал М.А. Кумахов в работе «К вопросу о классификации адыгских диалектов».

Фонетические, грамматические и синтаксические особенности речи черкесов и некоторые ее особенности в лексике впервые описаны монографически П.М. Баговым. Он в черкесской речи выделил пять говоров: абазактский, псаучедаховский, эрсаконский, первомайский и хабезский. Хабезский говор, как пишет Багов П.М., охватывает речь II черкесских аулов и стоит по звуковому строю ближе всех к литературному кабардино-черкесскому языку. Остальные четыре говора, как видно, являются «одноаульными» и названы по аулам Абазакт, Псаучье-Дахе, Первомайское и Эрсакон. Хотя речь жителей аула Хумара на р. Кубани (бывш. Абыкъу-хьэблэшхуэ) по своим фонетическим особенностям следовало бы объединить в один говор вместе с речью жителей села Первомайского на р. Подкумок (бывш. Абыкъу-хьэблэжь) как единый в прошлом аул.

Как известно, черкесы и кабардинцы в настоящее время пользуются общим кабардино-черкесским литературным языком. Однако в живой черкесской речи и «черкесской художественной литературе наблюдается ряд фонетических, грамматических, особенно, лексических отличий по отношению к литературному языку. Сказалось не только исторически свершившийся факт разделения адыгов на разные административные деления, но и то, что до перехода на русскую графическую основу в 1938 г., языковое строительство в Черкесии проходило самостоятельно от Кабарды. Так в первые годы советской власти обучение черкесов и абазин, например, проходило на черкесском языке, алфавите, алфавит которого был создан еще во второй половине XIX в. на арабской графике абазинским просветителем У.Мекеровым. Сказалось и то, что в процессе районирования кабардинцы и черкесы получили отдельные автономии, паспортизировались по-разному, разобщение между ними углубилось и произошел на какое-то время разрыв культурных и общественно-политических контактов. И в последующие годы самостоятельно на черкесском языке проводилась и проводится в настоящее время большая культурно-просветительская работа, ведется издательское дело, выходит газета, вещают радио и телевидение. В силу этих причин литературный язык черкесских писателей, поэтов и творческих работников стал развиваться на базе их речи, которая, как будет показано ниже, обнаруживает заметные расхождения по отношению к общепринятому литературному языку черкесов и кабардинцев.

Как видим, кабардино-черкесский язык не обладает единым стандартом, регламентирующим употребление его на всей территории проживания кабардинцев и черкесов. Литературный язык черкесских писателей и поэтов проявляет свои территориальные особенности, что обусловило появление вариантности норм в кабардино-черкесском литературном языке. Это позволило известному специалисту, исследователю адыгских литературных языков Кумаховой З.Ю. выделить литературный язык современных черкесов как черкесский вариант кабардино-черкесского литературного языка.

Черкесы составляют более 61 тыс. человек. По данным переписей 2002г. в Карачаево-Черкесии они занимают аулы Жако (бывш. Альэсчрей), Алибердуковский (бывш. Хьэгъундыкъуей), Хабез (бывш. Къэсей-Хьэблэ), Зеюко (бывш. ХьэтIохъущыкъуей). Кош-Хабль, Малый-Зеленчук (бывш. Ботэщей), Ново-Хумаринск (бывш. Абыкъу-Хьэблэ цIыкIу), Псаучье-Дахе (бывш. Кълышкъуажэ), Абазакт (бывш. Джэбэкъуей), Бесленей (бывш. Тхьэстыкъуей), Инжиджишхо (бывш. Беслэныкъуэм и къуажэ), Адыге-Хабль (бывш. Мамтув), Эрсакон (бывш. Абатэ Хьэблэ), Хумара (бывш.

Абыкъу-хьэблэшхуэ), Первомайское (бывш. Абыкъухьэблэжь), Бавуко. Частично адыги (черкесы) проживают в г. Черкесске. Всего из четырех аулов на Северном Кавказе, жители которых являются бесленеями, а их язык бесленеевским диалектом, два аула находятся в Карачаево-Черкесии на р. Б. Зеленчук: это совр. Аул Бесленей (бывш. Тхьэстыкъуей) и Вако-Жиле (бывш. Дохъушыкъуей). Два аула на р. М. Зеленчу — Коноково (Къаныкъуей) и Кургоково (КӀургъуокъуей) — образовали в XIX в. выходцы из адыгов (черкесов) и абазин. Жители этих аулов вплоть до 50 г. XX в. оставались двуязычными. Кроме абазин, язык которых входит в абхазо-адыгскую группу, здесь проживают еще карачаевцы и ногойцы, которые говорят на тюркских языках. С II пол. XIX в. язык всех народов республики находится под сильным влиянием русского языка.

Такой смешанный состав населения республики, большинство, однако, которых составляли кабардинцы и бесленеи как автохтонное население центральной части адыгской территории, и обусловило заметное своеобразие как разговорной речи, так и литературного языка черкесов.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ЧЕРКЕСОВ

Звуковой состав речи черкесов отличается большое своеобразие по сравнению с звуковым составом диалекта, легшего в основу кабардино-черкесского литературного языка. В речи черкесов бытуют почти все случаи фонетического отличия, отмеченные в специальной лингвистической литературе как особенность фонетического строя диалектов и говоров кабардино-черкесского языка, таких как баксанский, бесленевский, кубанский, малкинский и терские говоры. Ряд фонетических, грамматических и лексических особенностей сближает речь черкесов с адыгейским (кяхским) языком и его диалектами. Наиболее заметным являются: наличие в речи некоторых черкесских аулов твердых и мягких шипящих аффрикат и спирантов, более стабильное употребление мягких заднеязычных смычных *гъ, къ, кӀь*, которые в большинстве диалектов и говоров уже подверглись аффрикатизации; наличие в речи жителей а. Псаучье-Дахе особой свистяще-шипящей аффрикаты *тщӀ*, чуждой всем другим диалектам и говорами (кроме моздокского); замена шипяще-свистящих спирантов *жъ, щ, щӀ* мягкими *з, с, сӀ* и др.

Говоря о генезисе твердых и мягких шипящих аффрикат и спирантов, заднеязычных смычных и других признаков звукового строя языка черкесов, следует, в первую очередь, обратить внимание на тот факт, что на речь жителей двух аулов — Псаучье-Дахе и Абазакт — значительное влияние оказал абазинский язык. Сказанное проиллюстрируем вкратце на конкретных примерах. Среди диалектов и говоров кабардино-черкесского языка (кроме бесленевского) только в речи жителей а. Абазакт употребляются (хотя и редко) твердые шипящие аффрикаты *джъ, чъ, чӀь* в м. *жъ, ш, щӀ*: *чӀьӀунэ* в м. *щӀьӀунэ* «подвал», *чӀьӀыхуэ* в м. *щӀьӀыхуэ* «долг», *лӀэгуанджъэ* в м. *лӀэгуанжъэ* «колени» и др.

Касаясь генезиса твердых *джъ, чъ, чӀь*, первый исследователь фонетики речи аула Абазакт Багов П. М. выдвинул тезис о том, что они являются результатом контакта абазактцев с соседними бесленевцами и абазинами (1. 9). Однако наличие твердых *джъ, чъ, чӀь* в речи жителей мы намеренно увязываем с одним лишь абазинским языком. Именно национальный состав населения аула, который еще в XIX в. образовали черкесы и абазинцы (почти в равных количествах), обусловили сохранение твердых шипящих аффрикат, свойственных абазинскому звуковому строю: *дж, тш, шӀ*. Аналогичная картина и по мягкому ряду шипящих аффрикат *джь, чь, чӀь*, ряда твердых и мягких спирантов *жъ, шъ и жь, шь*, палатализованным заднеязычным *гъ, къ, кӀь* и шипяще-свистящей аффрикате *щӀ*. Именно в речи жителей этих двух аулов сохраняются

абазинские звуки, об этом свидетельствует фонетический облик адыгских слов, заимствованных в абазинский. Соответствие звуков выдерживается и в общих заимствованных словах из арабского, тюркских и др. языков.

речь абазактцев и

двуязычных абазин

джьапкъ

джьаштеуа

джьагIвагIв

джьут

чапх

чарьуа

чIахI

чIен

шIа

шIдагъа

жъакIъа

шъан

жъакIъадз

кабардино-черкесский

жэпкъ «стебель»

жэщтеуэ «лунатик»

жэгъуэгъу «соперник»

журт «еврей»

шэпхъ «порох»

шэрыуэ «снайпер»

щIыхъ «уважение»

щIеин «наследство»

щIэ «молодой»

щIыдагъэ «деготь»

жъакIэ «борода»

щэн «характер»

жъакIдз «удочка»

и др.

В речи жителей двух аулов Абазакт и Псаучье-Дахе, а также речи двуязычных абазин широкоупотребительны палатализованные заднеязычные смычные *гъ, къ, кIъ*. Как известно, троечные шипящие аффрикаты *дж, ч, чI* в адыгских языках возникли в результате аффрикатизации палатализованных *гъ, къ, кIъ*, которые сохранились в звуковом строе абазинского языка. Поэтому влиянием абазинского языка следует объяснить заметную особенность речи псаучедаховцев в стабильном употреблении мягких заднеязычных *гъ, къ, кIъ* вместо шипящих *дж, ч, чI*. В адыгских заимствованных в абазинский язык словах вместо шипящих аффрикат восстанавливается исходный мягкий заднеязычный:

речь псаучедаховцев и

двуязычных абазин

кIъагва

кIъана

кIъауа

кIъаса

каб.-черкесский язык

чIагуэ, «короткий; «вид одежды»

чIапэ «курдюк; бахрома»

пчIауэ «кузнечик»

чIасэ «поздний; младший»

<i>гъаба</i>	<i>джабэ</i> «бок»
<i>гъадащ</i>	<i>джэдэщ</i> «курытник»
<i>къангъаш</i>	<i>чэнджэщ</i> «совет; сомнение»
<i>къав</i>	<i>чэф</i> «веселый; пьяный» и др.

Особенности речи черкесов формируются не только наличием в ней чуждой литературному языку системы аффрикат и спирантов. Особенно заметно влияние результатов различных позиционных фонетических процессов, таких как субституция, метатеза, ассимиляция, чередование, наращение и др. Автор первого монографического описания звукового строя речи черкесов П.М. Багов приводит еще ряд звуковых комплексов, характерных для черкесов и бытующих в их устной и письменной речи. В системе гласных также расхождения наблюдаются в употреблении различных гласных в общих для речи и литературного языка адыгских (и не адыгских) лексических единицах, что ведет к появлению определенных звукосоответствий. Наблюдаются следующие соотношения гласных:

э/ы жэхапхэ в.м. *жыхапхэ* «веник»

ы/э щырыкхуэ в.м. *щырыкхуэ* «земляная груша»

а/э табэ в.м. *тебэ* «сковорода»

а/ы такъыр в.м. *тыкъыр* «кусок», *хъаринэ* в.м. *хъыринэ* «качели»

е/э пеш в.м. *пэш* «комната» и др.

ау/о къаум в.м. *къом* «много» и др.

Большой пласт составляют общеизвестные слова в речи черкесов и кабардинцев, но имеющие различный звуковой облик:

ашрылу в.м. *лэшрыл* «обрядовый суп у мусульман»

боутлоу в.м. *бэлутлэлү* «беда, несчастье»

бжанэ в.м. *бганэ* «перевясло»

гъуэщлэс в.м. *бгъуэщлэс* «этн.:мужчина, обслуживающий гостей во время застолья»

енэпэфэуэн в.м. *енэпэуэн* «дать пощечину»

зыгуэрэ в.м. *зыгуэр* «некто, нечто»

блэр в.м. *благэ* «связка, вязка»

нэхущэ в.м. *нэхущ* «рассвет»

щлахуцлэ в.м. *цлахуцлэ* «легко одетый; без седла (о лошади)»

пэмышл в.м. *нэмышл* «другой, кроме»

нэгъу в.м. *нэгэгъу* «желудок (у птицы)»

лэхэ-лгахэ в.м. *лэшэ-лгашэ* «окрестность, округа»

ІэфІыгъэкІэ в.м. *ІэфІыкІэ* «сладоности» и др.

Различия в синематике сводятся к трем категориям: а) слова, имеющие разные значения; б) слова, различающиеся по количеству значений; в) слова, различающиеся по употреблению.

а) **бештоу**: у черкесов обозначает «восточный ветер», т.е. «ветер дующий со стороны Бештау», у кабардинцев — «западный ветер». Несовпадения значения обусловлено тем, что гора Бештау по отношению к черкесам расположена на востоке, по отношению к кабардинцам — на западе; *кІэпхын*: у черкесов «юбка», у кабардинцев «фартук»; «нэгей»: у черкесов «жадный, скупой», у кабардинцев — «светло-карие глаза с темными крапинками»; *фалъэ*: у черкесов «кружка», у кабардинцев — «чаша, миска»; *шэдыгъуэ*: у черкесов «вишня», у кабардинцев — «дикая черешня»; *Іэдэб*: у черкесов «характер, поведение» (вообще), у кабардинцев — «спокойный, уравновешенный, степенный» и др.

б) **гузэвэн**: беспокоиться, волноваться, тревожиться; у черкесов еще «торопиться, спешить куда-л.»; ср. адыгейское *гузэжъон* «спешить, торопиться». Отсюда и черкесское *гузавэ* «торопливость, поспешность», *гузэвэгъуэкІэ* «быстро, спешно». Черкесская пословица «*Гузавэри гузэжащ*» означает «Поспешил—опоздал», соответствует русскому «Тише едешь — дальше будешь»;

в) **гууз**: «больное сердце, печальный, скорбный»; у черкесов еще: «замечательный, превосходный (о вещи, человеке)»; ср. адыгейское *гуууыз* «замечательный, прелестный, великолепный, чудный». В абазинском *гвауыз* в этом же значении; *фын*: «гнить, разлагаться», в черкесской речи еще «мокнуть (под дождем): *уэшхым* игъэфын «промокнуть по дождем»; *гъуэщэн*: «заблудиться, ошибаться», у черкесов еще «ошибаться, допускать ошибку (в деле, письме)». Отсюда и черкесское *гъуэщагъэ* // *щыуагъэ* «ошибка»; *жъаждэ*: «медлительный», у черкесов еще «глуховатый, плохо слышащий»; *къэхъун*: «вырасти, подрасти, возникнуть, наступить, стать», у черкесов еще: «родиться, появиться на свет»; *лэжыгъэ*: «работа, занятие, процесс работы, продукт, результат работы», у черкесов еще «зерно, хлеб, урожай»; *лъэрымыхъ*: «тяжелобольной; слабый, беспомощный», у черкесов еще «беременная женщина», *тхъмадэ*: «старший за столом тамада», у черкесов еще «старший (по возрасту), жених, поклонник», у кабардинцев — «свекор, отец мужа» и др.

Кроме различий в семантике, в лексике черкесов и кабардинцев встречаются слова, имеющие одинаковые значения, но различаются в употреблении: общее слово **щхъухъ** // **щхъуэ** в значении «яд, отравы» употребляется по-разному. В речи черкесов в значении «яд, отравы» чаще, однако употребляются слова *уэу* и *гын* (хотя *гын* больше известно в значении «лекарство»). **Щхъуэ** // **щхъухъ** имеет оттенок знахарства: «яд, отравы, специально приготовленный руками человека». **Щхъуэ**, как правило, готовится целенаправленно, для приворожения, отвращения или какой-либо другой цели; общеадыгское **хущхъуэ** «лекарство» также употребляется по-разному: в речи кабардинцев слово имеет более широкое распространение и относится ко всем видам лекарств. В речи же черкесов **хущхъуэ** это нечто очень целебное, с положительным эффектом, больше природного происхождения. В значении «лекарства» черкесами чаще употребляется *гын*. Неодинаково используется слово **къэщтэн** «взять». У черкесов нет выражения «**фэтэр къэщтэн**» «взять квартиру», а есть только «**фэтэр къэубыдын**» «занять квартиру». **Щыхубз** «женщина» в речи черкесов имеет оттенок грубости, вульгарности и неуважения. Обычно употребляется **бзылъхугъэ**. Слово **тхъэ** «божество у древних адыгов» в речи черкесов имеет меньшее распространение, чем у кабардинцев. В

некоторых крылатых выражениях вместо **тхъэ** употребляется **алыхъ** «аллах». В функции междометия «ей-богу» в женской речи **тхъэ** не употребляется. У черкесов нет, например, выражения *сыкъэкIуащ*, *тхъэ* «Да, пришла». Стабильно сохраняется расхождение в употреблении глаголов **щIэхъэн** и **щIэтIысхъэн** в значении «поступить (в школу, вуз)»: в речи черкесов выражение **институт щIыхъэн** означает «поступить в институт», где глагол означает «зайти, войти», а в кабардинском выражении **институт щIэтIысхъэн** глагол **щIэтIысхъэн** означает «сесть, вселиться куда-либо».

В речи черкесов и кабардинцев имеются расхождения на словообразовательном уровне. Так при образовании сложных слов черкесы используют одни лексические единицы, кабардинцы—другие. При этом сложные слова разнятся как по первому, так и по второму компонентам. Приведем несколько примеров:

черк.**каб.***благъэ-л'агъу**благъэ-зэгъэцIыху* «этно: обычай

посещения родителей невесты после свадьбы»

*бжъын-блар**бжъын-благъэ* «связка лука»*гуащэ-пцыжъ**гуащэ-тхъэмадэ* «родители жениха»*джэдыкIэ-фампIэ**джэдыкIа-мпIэ* «яичная скорлупа»*дурэш-пцIэрэш**дурэш-плIэрэш* «закоулки в

помещении»

*пкIа-щхъэ**пкIэ-унэ* «чердак»*щхъэ-псыншэ**щхъэ-пс* «легкомысленный»*уэс-утэ**уэс-укхъуэ* «лавина»*унэгъуэ-цIэ**унэ-цIэ* «фамилия»*унэ-к'гуэщ**унэцIэ-джэгъу* «однофамилец» и др.

Отмечены случаи, когда слова разнятся по первому компоненту:

черк.**каб.***бысым-гуащэ // унэ-гуащэ**унэ-гуащэ* «хозяйка дома»*быфэ-пхъу // мыл'ху-пхъу**мыл'ху-пхъу* «падчерица,

неродная дочь»

*жъагъэ-уз // жъэн-уз**жъэн-уз* «туберкулез»*к'гуэщхъэ-дэс**бгы-ры-с* «горец»*псыхъуэ-жъ**ак'гуэ-жъ* «горный ветер»*щхъэпол'хэпо**л'хэпол'хэпо* «препятствие, помеха»

хэІэ-жыгъуэ // хэщхъэ-жыгъуэ   хэщхъэ-жыгъуэ «время

принятия пищи во время уразы

кІэса-хъуэ // Іэшы-хъуэ   Іэщы-хъуэ «животновод»

Некоторые слова встречаются в усеченной форме, когда один из компонентов утрачен в речи черкесов, а кабардинцы сохраняют его и наоборот:

черк.

каб.

дагъуэдашэ // дагъуэ

дагъуэ «изъян, недостаток»

гъэсэхъуджэн

гъэсэхъун «избаловать»

лъапІагъэ

лъапІэныгъэ «почет, уважение»

лъакъуэ-щІэдз

лъакъуэ-пэщІэдз «дать подножку»

нацэ

нацэІуцэ «грубый на вид (о человеке)

щІыІэта

щІыІэтыІэ «прохладно»

ІэфІыгъэкІэ

ІэфІыкІэ «сладости»

Іуэныгъэ

Іуэгъуэ «время молотбы» и др.

СЛОВАРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ РЕЧЬЮ ЧЕРКЕСОВ И КАБАРДИНЦЕВ.

Современные черкесы (адыги) в Карачаево-Черкесской республике, как сказано выше, сформировавшиеся из различных адыгских этнических групп, потерявшие повседневный контакт с остальными адыгскими (кабардинцами, адыгейцами, шапсугами) и оказавшиеся в окружении других народов, не могли сохранить лексику, полностью совпадающую с речью кабардинцев и общепринятой нормой кабардино-черкесского литературного языка. Речь черкесов обнаруживает чисто словарные различия, которые отличает ее от речи кабардинцев, но сближает с адыгейским языком, что подтверждает исторический факт о том, что территория современной Карачаево-Черкесии являлась центральной частью исторической Черкесии, где соседствовали кабардинцы, бесленеевцы и абадзехи. Ввиду того, что кабардинцы были в большинстве, их язык стал основой литературного языка черкесов. В ходе кавказской войны сюда на верховье Кубани шли адыги и из других западных племен: темиргоевцы, мамхеги, махоши и др., что обеспечило смешение не только народов, но и их языков. Все слова и выражения, специфичные для современных черкесов, но малоупотребительные у кабардинцев или вовсе отсутствующие в их речи, как правило, являются либо бесленеевскими, либо абадзехскими, либо темиргоевскими... В словарном составе речи черкесов встречаются десятки древних общеадыгских слов, не употребляющихся или же малоупотребительных кабардинцами: **бзылхугъэ** «женщина» (у каб. чаще **цІыхубз**), **хъулхугъэ** «мужчина» (у каб. чаще **цІыхухъу**), **гъуэмэжь** «болото», **Іэфэвакъэ** «сыромятные чувяки», **дадэжь** «дедушка» (у каб. чаще **дадэ**) и др. Речь черкесов отличается также заимствования из разных соседних языков—абазинского, ногойского, карачаево-балкарского, которые отсутствуют у кабардинцев. Через указанные языки, а также и через адыгейский в речь черкесов проникли арабские и тюркские слова, не представленные в речи кабардинцев. Такие заимствования составляют общий фонд для указанных языков: **азбар** «наизусть», **пари** «ничего», **икърар** «обещание; клятва»,

куэшын «переселяться, переходить с места на место (ср: карач.-балк. **кеч**, ног. **кьочи** «кочевать, переезжать, переселяться»), **къакъырэ** «сарай, навес», **къэбакъ** «ставни», **къэякъ** «лодка», **тэрэз** «правильный, точный», уэу «яд» и др.

Различия между речью черкесов и кабардинцев могут выражаться еще и в том, что вместо тех или иных слов из речи кабардинцев, в черкесской речи употребляются заимствованные из русского языка слова:

черк.	каб.
<i>шэнилэ</i>	<i>шакъэ</i> «чернила»
<i>шпилъклэ</i>	<i>мастэкъуаншэ</i> «булавка»
<i>кӀуохутэ</i>	<i>бостеиплэ</i> «кофта»
<i>мэшоку</i>	<i>къэп</i> «мешок»
<i>лампӀуэздыгъэ</i>	<i>уэздыгъэ</i> «лампа»
<i>книгэ</i>	<i>тхылъ</i> «книга»
<i>семышклэ</i>	<i>сэхуран</i> «семечки» и др.

Наблюдается и обратное явление, когда в речи кабардинцев употребляется заимствованное из русского языка слово, а в речи черкесов — адыгское:

черк.	каб.
<i>нартыхущхэ</i>	<i>кӀэчан//нартыхущхэ</i> «початок кукурузы»
<i>щӀыгъэпшэр</i>	<i>удобренэ//щӀыгъэпшэр</i> «удобрение»

Расхождения идут по линии образования новых слов. При этом составные части сложного слова представлены и у черкесов, и у кабардинцев, а сами сложные или производные слова в их речи отсутствуют: черк. **лъакъуэфӀэлъхъэ** «обувь», **лъакъуэфӀэгъанэ** «вид детской игры», **чыданэ** «тонкая железная проволока», **дяпэгъэ** «будущий год», **лыгъуабэ** «вдовец», **лыжь-нэуэжь** «старики (старики и старухи)», **нащэпӀастэ** «сорт дыни», **уафӀапшэ** «туча, облако» и др. Составные части почти всех выше приведенных слов из речи черкесов общеизвестны и употребительны как у кабардинцев, так и у черкесов, а сами сложные слова или производные от них в речи кабардинцев отсутствуют или малоизвестны.

Кроме того, в речи черкесов бытуют слова, образованные путем редупликации двух основ: **загъуэ-закъуэкӀэрэ** «время от времени», **зэкӀыхъ-зэужьу** «следом: друг за другом», **нэдж-нэпӀ** «неправдивый, неискренний, фальшивый человек», **шынылэ-шынаблэ** «боязливый: робкий», **щэн-Ӏэдэб** «поведение», **хъэцӀэпӀацӀэ** «насекомые» и др.

Наиболее часты случаи, когда одна и та же языковая единица выступает в речи черкесов как сложное слово, а в речи кабардинцев как словосочетание или наоборот: в черкесской речи **мастэ къуаншэ** обозначает «кривая иголка», а в речи кабардинцев **мастэкъуаншэ** «булавка». Приведем перечень слов из речи черкесов, неизвестных или же малоупотребительных у кабардинцев. Слова распределены по тематическим группам:

Названия частей тела человека и животных: **бгъачэ**, «несъедобный кусок хряща в грудной части овец», **гужьэжъей** сбой (сердце, печень, почки и легкие вместе взятые), **зэнтхъ** «овес», **л1ап1э** «висок», **пэзджынэ** «ноздри», **щхьэгурыгъ** «макушка», **1эндэгъупэ** «локоть» и др.

Названия одежды, украшения, головных уборов, материи и прочих принадлежностей туалета: **басмэ** «ситец», **дарий моф** «вид парчи», **жасус** «красный ситец», **зэгъалъэ** «платье» **ирепс** «сатин», **лъакъуэф1элъхьэ** «обувь», **1эфэвакъэ** «сыромятные чувяки», **1эры1ыгъ** «элемент свадебного наряда: специальный платок, прикрепленный к руке невесты» и др.

Названия действующих лиц: **бзылъхугъэ** «женщина», **бысымгуащэ** «хозяйка дома» (по отношению к гостям); **быфэпхъу** «приемная дочь», **быфэкъуэ** «приемный сын», **мэзпэс** «лесник», **жэщрыплъ** «ночной сторож», **жылэпхъ** «сеяльщик; сев», **к1эсахъуэ** «тот, кто пасет молодняк», **аркъэбавэ** «пьяница; алкоголик», **къуэрдащэ** «коробейник; фыздэгъ» «о мужчине, который находится «под каблуком у жены», **пэхъупэндыхъ** «человек, который незаслуженно несет наказание, попадая в скандальные ситуации»; **л1ыгъуабэ** «вдовец»; **пщыжъ** «свекор», **пщашэжъей** «девочка», **тхьэры1уэгъу** «один из клявшихся в чем-либо» и др.

Названия игр и связанных с ними терминов: **альш** «одна из четырех граней альчика»; **бард** «одна из четырех граней альчика»: **башгъалъэ** «вид детской игры с палкой»; **башзэпекъу** «вид детской игры с палкой»; **къру-къаз** «детская игра, соов. русск.: «гуси-лебеди», едэ-едэ «игра на ловкость и сообразительность»; **лъакъуэф1эгъанэ** «игра в подножки», **мывэлэщ** «игра в камушки на ловкость рук», **сэнт1рэш** «шашки», **нэщыпхэ** «игра с завязанными глазами на сообразительность», **хьэшлакъ** «своеобразный вид хоккея», **1эгъу1эщ** «детская игра на ловкость рук» и др.

Слова относящиеся к обрядам: **гуащэтэхъэ** «обряд: первое знакомство невесты со свекровью и старшими родственниками мужа», **дэпы1э** «специальное свадебное украшение с орехами, имитирующее ореховое дерево», **пы1эпых** «свадебный обряд: во время конных состязаний у гостей, увозящих невесту, отбирали шапку», **хьытех** «обряд снятия с невесты специальной вуали», **шудэк1уатэ** «обряд сопровождения невесты», **пщашаплъэ** «смотрины», **дынк1хэу** «обряд, когда невеста показывает мастерство шитья», **джэ-гуалъэ** «игрушки для детей» и др.

Наименования болезней: **жъагъэуэ** «туберкулез легких», **ныбэуэзгъуэ** «кишечное заболевание», **ныбэуэ-ныбажэ** «кишечное расстройство; дизентерия», **фаджэуэ** «мед.: лепра», **къуэрэдэрэ** «то же самое», **пэфсыф** «мед.: насморк» и др.

Слова, обозначающие время: **дыгъуасэнэхъыпэ** «позавчера», **дыгъуаснэхъыпэпшыхъ** «позавчера вечером», **ды-гъуаснэхъыпэжэщ** «позавчера ночью», **дыгъуэспшыхъ** «вчера вечером», **дяпэгъэ** «будущий год», **пщэдейпшыхъ** «завтра вечером», **хэлэжыгъуэ** «время еды в месяц уразы» и др.

Слова, относящиеся к животному миру: **вагъэбзу** «жаворонок», **джэдажэ** «козел», **забжэ** «кожа косули», **къанжэк1ак1э** «ворона», **псыджэд** «дикая утка», **тхьэдждэд** «индюшка», **ц1ахъуэ** «дикая коза», **хьэц1эл1ащ1э** «насекомые», **жэрыбэ** «вид лошади», **хьуэрэхъуэпск1** «светлячок», **шэджыблэ** «ядовитая змея», **жухьэр** «порода лошади», **фей** «крыса» и др.

Названия кушаний, приправ напитков: **богъурсакъ** «лепешки, жаренные в масле», **джэдыкIэчылбыр** «круто сваренные яйца в сметане и под специями», **джатэIэпщэ** «особый род сладких пирожков; пекут на сороковины», **ермэлы хьэлыуэ** «букв.: армянская халва», **кхъуеижэ** «блюдо из сметаны, сыра, муки и яиц», **зэпщтэгъажэ** «хлеб из теста быстрого приготовления», **къэлтамэ** «фигурные лепешки из особого теста», **лъэсыгъэ** «промытое и просушенное пшено, предназначенное для национального блюда—халва (хьэлыуэ)», **матэкхъуей** «сорт сыра», соку «сладкое рассыпчатое пшено из особого сорта проса», **тэджыпс** «дрожжи», **шыпсылъ кхъуей** «сыр, заквашенный по-особому», **Ьсэмэгумэрамысэ** «сорт мамалыги», **I эфI -I уфI** «сладости», **шэпырнасии** «чабанский суп молочный из пшена», **хьэлушыхь** «слоеный хлеб», **IэфыгъэкIэ** «сладости» и др.

Названия хозяйственных построек: **бэдолэ/бидолэ** «коридор», **банэсэрей** «ограда из колючих растений», **гуэзнэчыТуэ** «скотный двор из плетня», **гуэрэн** «скотный двор, баз», **къакъырэ** «хлев», **хьэмдэч** «ограда», **хэгъуэгу щхьэгъубжэ** «окно с тыльной стороны дома», **чийнабжэ** «калитка», **чобжэ** «ворота», **кIэлэгъунэ** «кладовая», **шымыльтыкъ** «специальное сооружение над кроватью для изоляции» и др.

Названия орудий и предметов труда: **барщыбэ** «бутылка», **белхьэнцэ** «шуфельная лопата», **джэдуэч** «палка, предназначенная для отпугивания кур», **гъущIыч** (или гъущI чыданэ) «провода», **дэбжьэкъуэсэ** «специальный нож, используемый в ткацком станке», **дэгъэж** «засов», **дишлъэ** «дышло», **жакъ** «скирда», **жгуэт** «специальный нож с изогнутым лезвием, для работы на деревьях», **жылэпхь** «сеялка», **жылбыр** «веревка», **жьэкIэдз** «кузнечный инструмент», **кIэбчыкъу** «потолочная балка», **кIэмастэ** «булавка», **шэпраз** «крючки для одежды», **щIэт** «блюдец», **хьэлывэху** «скалка», **лэджэн** «таз» и др.

Ботанические термины: **адыгэ бжьыныху** «сорт чеснока», **адыгэ къэб** «сорт тыквы с тонкой кожицей», **андэрэф** «камыш», **андзыш** «коровяк», **аIуудз** «лилия», **гъэшудз** «язвенник многолистный», **гъуэжьытх** «дрок распростертый», **дахэтхьэпэ** «белена черная», **дыгъэгъазэ** «арх.: подсолнух», **дэжьей** «фундук», **жьыху** «кермек», **зэхьфиран** «сафлор красильный», **мэзым** «плод дикой яблони», **шэдыгъуэ** «вишня», **фIарий-тхьэмпэ** «подорожник большой», **щхъуэмч** «каштан», **щIыгыныху** «сельдерей пахучий», **Iэврэчин** «кукуруза зубовидная», **щIакхъуэгъэтэдж** «хмель» и др.

Имена прилагательные: **агъзэрагъыж** «грозный, суровый, яростный», **гузэпыщI** «трудный, скандальный», **гукIуэдыпх** «паникер, тот, кто падает духом», **гумыIу** «неприятный», **гъей** «плохой», **гъынцIу** «плаксивый», **гъурсыр** «сухощавый, поджарый (о человеке)», **дыджпсыдж** «об очень вредном человеке», **джадэ** «большой», **дымий** «стеснительный», **джырыдж** «яркий; очень чистый (къабзэ джырыдж)», **жэуапшы** «остроумный», **жэгъуэрмалуу** «некрасивый, невзрачный», **жьабзэ** «красноречивый», **еруандж** «ленивый, лодырь, бездельник», **жылэрыфIэщ** «доверчивый», **жьантIажэ** «стремящийся на почетное место», **жьэрпсэр** «красноречивый», **жьыгъэкIэ** «старый; старые», **жьу-су** «очень подвижный; легкомысленный», **икърарыншэ** «бесчестный, клятвоотступник», **зэгущ** «ровный», **зэш-зэшыхъу** «двоюродные (брат и сестра)», **кIэпс-нэпс** «слабый, нездоровый (о человеке)», **кIэдэкъэжь** «безразличный ко всему», **кIэрысэ** «озимый», **кIэлъэмыкIуэ** «неряшливый, неопрятный», **къыцбаз** «придирчивый, нудный, своенравный», **лыжь къунан** «молодящийся (о мужчине)», **мэжэн** «озорной», **мэхъэшалэ** «брезгливый», **мыIумыщI** «неуклюжий», **матыху** «ленивый, нерасторопный», **нагуэдыгуэ** «грубый, с невыразительными чертами лица», **нэпIий** «бессовестный», **нэдж-пэпцI** «неправдивый, фальшивый, лицемерный, притворный», **нэмызIумыз** «печальный», **нэрыщхъуэ** «явный, очевидный», **нэхъэсыншэ**

«нетерпеливый», **нэщІэу-пэщІэу** «обидчивый», **пхъэкІэжынэ** «близорукий», **пІэжьэжьэх** «медлительный», **убзэгъу** «зависимый», **хъейнапэцІэлуж** «позорный», **шынэІэшынаблэ** «трусливый», **щыпккъэ** «правдивый», **Іэпэлэсэ** «искусный», **ІэфІауэ** «меткий», **Іур-щІыр** «послушный», **Іупэдзыс** «брезгливый», **Іупэс** «злой» и др.

Числительный: Поскольку все сложные и составные числительные от 30 до 99 в речи черкесов употребляются (особенно в речи старшего поколения) по дватцатиричной системе счета, мы здесь приводим их список. Числительные, образованные по десятиричной системе, употребляются лишь в языке прессы, радио и речи учащихся в процессе обучения:

тІоущІрэ и пщІырэ «тридцать»

тІоущІрэ пщыкІуэрэ «тридцать один»

тІоущІрэ пщыкІутрэ «тридцать два»

тІоущІрэ пщыкІушрэ «тридцать три»

тІоущІрэ пщыкІупІрэ «тридцать четыре»

тІоущІрэ пщыкІутхурэ «тридцать пять»

тІоущІрэ пщыкІухрэ «тридцать шесть»

тІоущІрэ пщыкІублрэ «тридцать семь»

тІоущІрэ пщыкІуийрэ «тридцать восемь»

тІоущІрэ пщыкІубгъурэ «тридцать девять»

тІоущІумІ «сорок»

тІоущІумІрэ зырэ «сорок один»

тІоущІумІрэ тІурэ «сорок два»

тІоущІумІрэ щырэ «сорок три»

тІоущІумІрэ плІырэ «сорок четыре»

тІоущІумІрэ тхурэ «сорок пять»

тІоущІумІрэ хырэ «сорок шесть»

тІоущІумІрэ блырэ «сорок семь»

тІоущІумІрэ ирэ «сорок восемь»

тІоущІумІрэ бгъурэ «сорок девять»

щэныкъуэ//тІоущІумІрэ пщІырэ «пятьдесят»

щэныкъуэрэ зырэ//тІоущІумІрэ пщыкІуэрэ «пятьдесят один»

щэныкъуэрэ тІурэ// тІоущІумІрэ пщыкІутрэ «пятьдесят два»

щэныкъуэрэ щырэ//тІоущІумІрэ пщыкІушрэ «пятьдесят три»

цэныкѳуэрэ плырэ/тлощлутлрэ пщыклуплрэ «пятьдесят четыре»

цэныкѳуэрэ тхурэ//тлощлутлрэ пщыклутхурэ «пятьдесят пять»

цэныкѳуэрэ хырэ//тлощлутлрэ пщыклухрэ «пятьдесят шесть»

цэныкѳуэрэ блырэ//тлощлутлрэ пщыкублрэ «пятьдесят семь»

цэныкѳуэрэ ирэ//тлощлутлрэ пщыклуийрэ «пятьдесят восемь»

цэныкѳуэрэ бгѳурэ//тлощлутлрэ пщыклумгѳурэ «пятьдесят девять»

тлощлищ «шестьдесят»

тлощлищрэ зырэ «шестьдесят один»

тлощлищрэ тлурэ «шестьдесят два»

тлощлищрэ щырэ «шестьдесят три»

тлощлищрэ плырэ «шестьдесят четыре»

тлощлищрэ тхурэ «шестьдесят пять»

тлощлищрэ хырэ «шестьдесят шесть»

тлощлищрэ блырэ «шестьдесят семь»

тлощлищрэ ирэ «шестьдесят восемь»

тлощлищрэ бгѳурэ «шестьдесят девять»

тлощлищрэ пщлырэ «семьдесят»

тлощлищрэ пщыклузрэ «семьдесят один»

тлощлищрэ пщыклутлрэ «семьдесят два»

тлощлищрэ пщыклущрэ «семьдесят три»

тлощлищрэ пщыклуплрэ «семьдесят четыре»

тлощлищрэ пщыклутхурэ «семьдесят пять»

тлощлищрэ пщыклухрэ «семьдесят шесть»

тлощлищрэ пщыкублрэ «семьдесят семь»

тлощлищрэ пщыклуийрэ «семьдесят восемь»

тлощлищрэ пщыклумгѳурэ «семьдесят девять»

тлощлупл «восемьдесят»

тлощлуплрэ зырэ «восемьдесят один»

тлощлуплрэ тлурэ «восемьдесят два»

тлощлуплрэ щырэ «восемьдесят три»

mlowluplprэ nлырэ «восемьдесят четыре»

mlowluplprэ тхурэ «восемьдесят пять»

mlowluplprэ хырэ «восемьдесят шесть»

mlowluplprэ блырэ «восемьдесят семь»

mlowluplprэ ирэ «восемьдесят восемь»

mlowluplprэ бгъурэ «восемьдесят девять»

mlowluplprэ нцлырэ «девяносто»

mlowluplprэ нцыклузрэ «девяносто один»

mlowluplprэ нцыклымрэ «девяносто два»

mlowluplprэ нцыклузрэ «девяносто три»

mlowluplprэ нцыклымрэ «девяносто четыре»

mlowluplprэ нцыклымтхурэ «девяносто пять»

mlowluplprэ нцыклубрэ «девяносто семь»

mlowluplprэ нцыклуийрэ «девяносто восемь»

mlowluplprэ нцыклымгъурэ «девяносто девять»

щэ «сто»

mlowluplprэ нцыклымрэ «семьдесят два»

mlowluplprэ нцыклузрэ «семьдесят три»

mlowluplprэ нцыклымрэ «семьдесят четыре»

mlowluplprэ нцыклымтхурэ «семьдесят пять»

mlowluplprэ нцыклухрэ «семьдесят шесть»

mlowluplprэ нцыкублрэ «семьдесят семь»

mlowluplprэ нцыклуийрэ «семьдесят восемь»

mlowluplprэ нцыклымгъурэ «семьдесят девять»

mlowlupl «восемьдесят»

mlowluplprэ зырэ «восемьдесят один»

mlowluplprэ тлурэ «восемьдесят два»

mlowluplprэ щырэ «восемьдесят три»

mlowluplprэ nлырэ «восемьдесят четыре»

mlowluplprэ тхурэ «восемьдесят пять»

тlощlуплlрэ хырэ «восемьдесят шесть»
тlощlуплlрэ блырэ «восемьдесят семь»
тlощlуплlрэ ирэ «восемьдесят восемь»
тlощlуплlрэ бгъурэ «восемьдесят девять»
тlощlуплlрэ нцlырэ «девятино»
тlощlуплlрэ нцыкlузрэ «девятино один»
тlощlуплlрэ нцыкlутlрэ «девятино два»
тlощlуплlрэ нцыкlушрэ «девятино три»
тlощlуплlрэ нцыкlуплlрэ «девятино четыре»
тlощlуплlрэ нцыкlутхурэ «девятино пять»
тlощlуплlрэ нцыкlублрэ «девятино семь»
тlощlуплlрэ нцыкlуйрэ «девятино восемь»
тlощlуплlрэ нцыкlумгъурэ «девятино девять»
щэ «сто»

Слова, обозначающие действие или состояние человека и животных: **бэскъэн** «избаловаться, пресыщаться, испортиться», **быбын** «улететь», **бысырын** «шуметь, скандалить», **гуфlэпсыжын** «сиять от радости», **гъэдыргун** «слопать, съесть что-либо быстро, моментально», **гъэджылын** «пощекотать», **хъэбэуэн** «дышать» (отсюда—гъэхъэбэуэн «заставить дышать»), **гъэбылын** «спрятать моментально: украсть», **гъэкуэшын** «перевести, перенести и переехать с одного места на другое», **гъэсэхъуджэн** «избаловать», **гъэщыпкъэн** «доказать что-либо», **гъэтэрэзын** «уточнить», **гъушlын** «ссохнуться, рассохнуться; обглодать, обгрызть», **дихъэхын** «влюбиться» **дырийн** «проглотить быстро, моментально», **екlэфэщэн** «брать что-либо тайком по частям», **екlуэсэхын** «погаснуть, потухнуть медленно (о лампе)», **еныгуеин** «взяться за что-либо непосильное», **енэпэ-фэуэн** «дать пощечину», **епэуэн** «отпугнуть; остановить», **епсэлъыхъун** «сватать девушку», **епщыжъэн** «начать ползти», **етlэн** «подкопать, подрить что-либо», **елун (игу)** «подумать, пожелать что-либо», **зэгъэчэпын** «сделать что-либо с трудом, испытывая недостаток», **зэдихъэхын** «влюбиться друг в друга», **зэлъыгъэзеин** «убрать, прибрать, привести в порядок», **зэлъыкъуэтын** «поддерживать друг друга, помогать», **зэлъыкъуэуэн** «объединиться», **зэлъыхъун** «дружить друг с другом, договориться о чем-либо», **зэпыхын (уз)** «заразиться болезнью от кого-либо», **зэфlэтехын** «отнимать, вырывать друг у друга», **куэшын** «переселяться, переезжать на другое место», **зэщыкъуэн** «уложить плотно; 2. ослабнуть, обессилеть, разориться, прийти в упадок», **кыжъэдэфтын** «сказать слово неожиданно, не вовремя», **мэжэнын** «баловаться», **сэмэр-къоун** «шутить», **угъуеин** «собирать, свозить что-либо, накопить», **ущхъуэрэцын** «замерзнуть, знобить», **хэукъуэн** «ошибиться», **хэлэжын** «есть во время уразы», **щэнкlэшlын** «проявить раздражительность, нервозность», **щхъэубэтэн** «болтать», **зэтелэжъэн** «задержать кого-либо», (отсюда: **зылэжъэн/зызэтелэжъэн** «подождать, задержаться»), **лъыпкlын** «соскакивать», ноги (об обуви)» и др.

Наречия: **азбару** «знать что-либо наизусть», **апщыгъуэ** «тогда, в то время», **апхуэдиз** «столько, как много», **гъуэщагъэкӀэ** «по ошибке», **егъэлыбауэ** «быстро, стремительно», **елбэту** «срочно, быстро», **елэяуэ** «больше дозволенного» (от елей / еля «излишне»), **ерчыну**, **ехъуу** «больше положенного», **ешхъу** «качественно, как следует сделать что-либо», **жэрыжэ зэпыту** «бегом», **загъуэ-загъуэрэ** «время от времени», **зэдыкӀэ** «целиком, все полностью», **зэзакъуэпцӀинэ** «один единственный раз, единожды», **зэлъыгъэхъуауэ** «как на подбор», **зэщычэу** «навзрыд», **зызаулрэ** «недолго, некоторое время», **тхъатхъэу** «насильно» и др.

Различные слова: **бэгъащӀэ** «долголетие», **вагъэщӀэч** «особый способ пахоты», **бэжэкъ** «крестообразно сложенные снопы хлебных злаков», **гуетыныгъэ** «преданность», **гужьыдэкӀыгъуэ** «облегчение», **гузрэпӀу** «не считаясь ни с чем, вопреки логике», **гупыкӀ** «щедрость», **гъавапхъэ** «часть зерна, предназначенная для употребления в пищу», **гъуанткӀуэ: псы гъуанткӀуэ** «капля воды», **гъуэфӀыльэ** «лощина», **гъуэщагъэ** «ошибка», **дагъуэдашэ** «недостаток, изъян», **дагъуэджэ** «безупречный, безукоризненный», **дауэ-щхъэуэ** «спор, тяжба», **дэпшу** «лучина» (примета: если горит лучина, то жди гостя), **дэфампӀэ** «скорлупа ореха», (по аналогии с **джэдыкӀэфампӀэ** «скорлупа яиц»), **дыгъужыцыхуэ** «обряд: чтоб обнаружить вора, всем подозреваемым руки протирают волчьей шерстью, якобы у вора рука покраснеет», **егъэз** // **егъэзыгъэ** «принуждение», **ериуэу: ериуэу гъэшын** «громко оплакивать», **жэрыбэ** «особый ход лошади», **жэщ-мыжей** «бессонница», **жейпырхъ** «глубокий сон», **жымыӀпхъэ** «то, что не следует говорить», **жэщдэс (щӀын)** «бодрствовать всю ночь», **жъабзэ** «красноречие», **жъэрыӀуэ** «устно», **жыгуэрэн** «вихрь», **икърар** «клятва, заверение», **мазащхъэ** «начало месяца», **маскӀэтӀилэ** «слово, которым пугают детей», **мэлхъун** «овцеводство», **мэлгъажэ** «пересчет овец», **махуэпщӀэ** «поденная оплата», **пхъэкӀэжъ** «залежник», **пшэфэхъу** «сумерки», **ущхъэгъу** «причина, повод», **ущхъэкӀу** «обида», **тхъэгъэпсоу** «благодарность», **Ӏэужъ** «обряд: подарок девушки жениху в знак согласия выйти замуж», **зилӀэун//зилӀобэхъун** «межд.: неужели?!» и др.

СЛОВА ИЗ РЕЧИ КАБАРДИНЦЕВ, НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЛИ

МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ В РЕЧИ ЧЕРКЕСОВ

В речи кабардинцев бытует большое количество слов «выражений», малоизвестные или малоупотребительные черкесами. Это и новые слова, образованные на адыгском языковом материале, и архаизмы, вышедшие из употребления у черкесов, и заимствования из других языков, неизвестные в речи черкесов. К ним относятся названия частей тела человека и животных, названия одежды, украшений и других принадлежностей туалета, названия действующих лиц, названия обычаев и традиций, названия орудий труда, названия растений, названия кушаний и продуктов питания, имена прилагательные, наречия, числительные и глаголы и др. Большое место занимают словосочетания и фразеологизмы, не употребительные черкесами. Приведем лишь несколько примеров:

ныбэлынцӀ «пищевод», **псыфальэ** «глотка», **щхъэщӀыдзэ** «верхний коренной зуб», **бостеикӀэ** «юбка», **бостеиплӀэ** «кофта», **улахуэ** «зарплата, оклад», **ӀэщакӀу** «искусно владеющий оружием», **кӀэлъыгъакӀу** «этн.: посещение родителей невесты с подарками (после свадьбы)», **щтэращтэ** «любовница», **хъэдэгъуэдахэ** «позор, бесчестье, чудо, диво», **хъэжэбажашэ** «охота», **къытхъ** «борона», **мафӀэдз** «спички», **пырхъуэ** «коридор», **уӀэгъэпх** «бинт», **щашыху** «покрывало», **балый** «вишня», **сэхуран** «подсолнечник»,

пщагъэ «дрожжи», **тхъурыжъэ** «фигурные лепешки жаренные в масле», **хъэщыкъ** «влюбленный», **щлакъуэ** «хромой», **бэрэскъ** «праздник, выходной день», **вэсэжэщ** «позавчерашняя ночь», **вэсэмахуэ** «позавчера», **вэсэпшыхъ** «позавчерашний вечер», **дапщэщи** «всегда все время», **еплэклуэн** «ослабнуть (от старости), обеднеть», **ехъурджэун** «упрекать, укорять кого-либо», **плэщлэн** «торопиться, спешить», **ауан** «насмешка», **уэршэр** «беседа», **уэскурий** «снежный ком», **уэсукхъуэ** «лавина», **унэидзыхъэ** «обряд умыкания девушки» и др.

В речи кабардинцев и кабардинской художественной литературе широко употребительна десятиричная система счета вместо двадцатеричной в речи черкесов: **цэщл** «тридцать» вм. *тлощлрэ* *пщлърэ*, **хыщл** «шестьдесят» вм. *тлощлуш*, *пщлей//йыщл* «восемьдесят» вм. *тлощлунл* и др.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ РЕЧИ ЧЕРКЕСОВ С АДЫГЕЙСКИМ ЯЗЫКОМ

И ДРУГИМИ ДИАЛЕКТАМИ

Большое количество черкесских слов и выражений являются также общеупотребительными в кубанском диалекте, в адыгейском языке и его диалектах. Ниже приведем лишь несколько примеров: черк. **ахъий иклын** «потерять чувство меры»; кубанский диалект — **ахъий иклын** «то же»;

черк. **басмэ** «ситец»: кубанский диалект **басмэ**, адыгейский язык басмэ, шапсугский диалект **басмэлъэпэд** «простые чулки»

черк. **блэр** «связка, низка», адыгейский язык **блэр**;

черк. **быбын** «лететь, улететь», кубанский диалект **быбын**, адыгейский язык **быбын**, абазинский язык **ббра**;

черк. **бырсыр** «шум, гам, суматоха», кубанский диалект **бырсыр**, адыгейский язык **бырсыр**;

черк. **бысымгуащэ** «хозяйка дома, жена хозяина (по отношению к гостям)», адыгейский язык **бысымгуащ**;

черк. **бэскъэн** «разжиреть, пресытиться, избаловаться», адыгейский язык **бэскъагъэ**;

черк. **жъагъэуэ** «туберкулез», бесленеевский диалект **жъэгъэуэ**, адыгейский язык **жъэгъэуэ**;

черк. **жъабзэ** «красноречие», адыгейский язык **жабз** «устная речь», абазинский язык **жабза**;

черк. **зэнтхъ** «овес», кубанский диалект **зэнтхъ**, адыгейский язык **зэнтхъ**;

керк. **заул//зызаул** «несколько», кубанский диалект **заул**, адыгейский язык **заул/лауз**;

черк. **зыбгъу-зыпщл//зыбгъупщл** «около девяти-десяти», адыгейский язык **зыбгъу-зыпщл//зыбгъупш** вм. кабардинского **зыбгъупщл**; сюда же **зыбгъуэ-зыпщлэ** «девять-десять раз»;

черк. **зыбл-зый** «около семи-восьми», адыгейский **зыбл-зый**; сюда же черкесский и адыгейский **зыблэ-зые** «семь-восемь раз» и др.

черк. **икърар** «верность, клятва», кубанский диалект **екърар**, адыгейский язык **икърар**, **къэрар**;

черк. **къэбакъ** «ставни», кубанский диалект **къэбакъ**, бесленеевский диалект **къэбакъ**, адыгейский язык **къэбакъ**;

черк. **кIэбгъуль** (**зыщIыжын**) «увильнуть, уйти от дела», адыгейский **кIэбгъульыгъ**;

черк. **лъэсыгъэ** «промытое пшено», адыгейский язык **лъэсыгъэ**;

черк. **лIыгъуабэ** «вдовец», адыгейский **лIыгъуаб**, абазинский **лIгъваба**;

черк. **пари//зыпари//парикI** «ничего», бесленеевский диалект **пари**, кубанский диалект **пари**, адыгейский **зыпари**;

черк. **тхъэджэд** «индейка», бесленеевский диалект **тхъэгъэд**, адыгейский **тхъэчэт**, абазинский **тIагъад**;

черк. **тIощIитI** «сорок», бесленеевский диалект **тIочъитI**, кубанский диалект **тIощIитI**, адыгейский язык **тIокIитI**;

черк. **Iэпэлэсэ** «мастер на все руки», кубанский диалект **Iэпэлэсэ**, бесленеевский диалект **Iэпэлэсэ**, адыгейский язык **Iэпэлас**, абазинский **ъапаъаса**;

черк. **IэфI-IуфI** «сладости», адыгейский язык **IашIв-IушIв**;

черк. **Iэужъ** «подарок в знак помолвки молодых», кубанский диалект **Iэужъ**, адыгейский **Iэуж**, абазинский **ъауыж** и др.

ВЫВОДЫ

Вопросы развития языка в условиях его функционирования на разных территориях, отдаленных друг от друга, каким является язык черкесов и кабардинцев, вызывает интерес не только у филологов. Известно, что история языка неразрывно связана с историей народа. Поэтому тщательное изучение его имеет еще и большой культурно-исторический интерес.

Своеобразный исторический путь, пройденный черкесским народом, его территория на которой жили в прошлом бесленеи, кабардинцы, абадзехи, приток сюда части других адыгских племен обусловил процесс взаимодействия их языков и диалектов, их смещение и слияние. На примере изучения фонетики, грамматики, особенно лексики речи черкесов можно восстановить некоторые черты, свойственные некогда общеадыгскому языку, процесс развития которого был прерван в связи с трагическими событиями в истории адыгского народа.

В результате на территории Карачаево-Черкесии, бывшей некогда центральной частью исторической Черкесии и наиболее стратегически удобной в условиях длительной войны, сохранилось население, в языке которых наблюдаются облики, характерные для каждой географической сферы распространения кабардино-

черкесского языков. Особенности, характеризующие речь адыгов КЧР на всех уровнях языковой структуры, зачастую отмечаются и в адыгейском языке и его диалектах— абадзехском, темиргоевском, бжедугском, вплоть до территориально наиболее отдаленном шапсугском.

В речи черкесов возникло и стало нормой их письменного языка значительное количество слов и выражений, составляющее отдельный лексический слой, не употребляющийся или же мало употребляющийся в речи кабардинцев. Словарный состав черкесской речи, его фонетический облик отражают также связи, контакты, совместную жизнь черкесского народа с другими народами республики—абазинами, карачаевцами, ногойцами и русскими как в далеком прошлом, так и в настоящее время. Особенно заметно влияние генетически родственного абазинского языка на фонетику речи жителей аулов Абазакт и Псаучье-Дахе.

В словарном составе речи черкесов отмечается большой пласт общенародной лексики, который в речи кабардинцев не сохранился или является малоупотребительным. Это слова, связанные с хозяйственной жизнью народа, бытом и воззрениями народа.

Различия между речью черкесов и кабардинцев наблюдаются в структуре сложных и производных слов: так при образовании сложных слов черкесы используют одни лексические единицы, кабардинцы другие: черкесский **пкӀащхьэ**— кабардинский **пкӀэунэ** «чердак», черкесский **уэсутэ** кабардинский **уэсукхьуэ** «лави́на», черкесский **унагъуэцӀэ** — кабардинский **унэцӀэ** «фами́лия» и др.

Различия в семантике проявляются в том, что в ряде случаев в речи черкесов и кабардинцев одно и то же слово может означать различные предметы и явления: черкесский **кӀэпхын** «юбка», кабардинский **кӀэпхын** «фартук», черкесский **нэгей** «жадный, скупой», кабардинский **нэгей** «выразительный взгляд» и др.

Слова могут различаться по объему значений. Общие слова могут иметь большее или меньшее количество значений: **гукӀэ** кроме общего значения «в уме», у кабардинцев еще —«наизусть», у черкесов в этом значении еще бытует заимствованное арабское «**азбар**». Кроме общего значения «старший, тамада» слово **тхьэмадэ** в речи черкесов имеет еще и значение «**жених**», у кабардинцев «свекор» и др.

В речи черкесов отмечается пласт слов, который является продуктом самостоятельного развития языка: **лъакъуэфӀэлъхьэ** «обувь», **тельафэ** «борона», **гъущыч** «провода» и др.

В словарном составе черкесов заимствованная лексика составляет довольно большой пласт. Отмечаются случаи их использования вместо исконных: черкесский **книгэ** — кабардинский **тхылъ** «книга», черкесский **шэнилэ** — кабардинский **шакъэ** «чернила», черкесский **кӀуохутэ** — кабардинский **бостеиплӀэ** «кофта» и др.

В речи кабардинцев бытует большое количество слов и выражений, малоупотребительные или неизвестные в речи черкесов.

История развития кабардино-черкесского языка, его лингвистическая география, исследование особенностей его диалектов и говоров с привлечением данных адыгейского языка и его диалектов, позволяет сделать вывод о том, что в речи адыгского населения Карачаево-Черкесии происходило взаимодействие различных адыгских диалектов и говоров, что дает богатый материал для восстановления подлинной истории

народа и его территории в прошлом. Лексика черкесов имеет актуальное значение и для современности: она может быть использована для обогащения литературного языка.

Глава четвертая. УСТНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

1. Общая характеристика

Устно-поэтический язык, несущий хронологически глубокую и разноплановую информацию об этносе, его культуре и протокультуре, представляет значительный интерес как для теории и практики лингвистики и этнолингвистики, так и для исторического и типологического изучения многовекового устно-поэтического творчества, универсальных и уникальных явлений его основных жанров.

В настоящее время усилилось внимание специалистов к языку классического устно-поэтического наследия, его роли в реконструкции элементов протокультуры и праязыкового состояния, в разработке общелингвистических проблем семантики и прагматики, в развитии литературного языка, его национальных и региональных вариантов. В этой связи возникает ряд вопросов, не получивших освещения или однозначного решения в литературе. Некоторые из этих вопросов рассматриваются ниже на конкретном языковом материале, в том числе широко известного нартского эпоса, обнаруживающего многообразные типологические параллели в языке и поэтике других этносов, в их отношении к литературе и литературному языку, шире – к культуре.

Язык фольклорного творчества обладает древнейшими формами искусства устного слова, занимающего особое место в духовной культуре его создателей. Исключительное своеобразие языка фольклора, его богатство, диапазон, информативность, архаичность разных пластов, его лексики и семантики, их семантическая соотнесенность с общей картиной социальной организации и материальной культуры, широкие типологические параллели во многом определяют и характер лингвистического исследования языка фольклорных произведений.

Среди жанров устно-поэтического творчества особенно выделяется эпос не только художественной формой, но и своим высоким функциональным назначением. Эпос отличается наибольшей полнотой изображения и широким охватом события в рамках эпического времени и пространства. Значительна идейно-эстетическая и культурно-историческая роль народного эпоса, складывавшегося на протяжении многих столетий.

Эпическая традиция особенно устойчива, разнообразна и функционально многогранна у народов, не имевших давних или устойчивых письменно-литературных форм. Это вполне естественно, поскольку формировавшееся веками устное эпическое творчество выполняло функции и художественной литературы, и театра, и других форм искусства и общественного сознания.

Без преувеличения можно сказать, что эпос вобрал в себя все лучшее, что создал народ на протяжении многовековой истории своей духовной культуры. Эпос в художественной форме повествует об истории этноса, его культуре и философии. В зависимости от типа этноса, его стадийной формы различна хронологическая глубина элементов протокультуры, получивших отражение в эпической традиции.

Нартский эпос адыгских (черкесских) народов относится к стадийно архаичным формам эпического произведения и обнаруживает многообразные типологические параллели в языке и поэтике других эпических памятников, в его отношении к письменной литературе и литературному языку, шире – к духовной культуре народа. В нем нашли отражение многие элементы адыгской протокультуры, восходящие к очень глубоким хронологическим эпохам. Нартский эпос охватывает не только важнейшие семантические поля, связанные с историей и культурой генетически родственных

западнокавказских народов, но – что не менее важно – также элементы и реалии, типологически и ареально соотносимые с протокультурой других кавказских (и не только кавказских языков) народов. В этом отношении особенно показательны лексика и мифологическая основа нартского эпоса. Исключительное своеобразие языка эпоса, его богатство, диапазон, информативность, архаичность разных пластов его лексики и семантики, их художественная соотнесенность с общей картиной социальной организации, широкие типологические параллели нартского эпоса, его семантических инвариантов в мифологии других народов во многом определяют и характер лингвистического исследования этого памятника.

Как известно, в последний период развития лингвистической науки все возрастающий интерес к анализу языка в тесной связи с историей народа и его культурной вызван стремлением (после длительного господства разных направлений описательного языкознания) к преодолению противопоставления сосюрской синхронной лингвистики исторической. Как справедливо отмечалось в литературе, ограничение исследования языка только вопросами его структуры сменяется в последние десятилетия «принципом изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурной и на широком фоне истории носителей языка» (1, Т. 1, с. 459). Такой подход особенно оправдан применительно к языку устно-поэтического творчества, являющемуся органической частью культуры создавшего его народа. С этой точки зрения язык фольклора, его основных жанров, обладающих традициями, уходящими корнями в глубины истории, занимает исключительное место среди других разновидностей языка и форм его существования (территориального диалекта, литературного стандарта, его региональных вариантов и др.).

Монументальность нартского эпоса заключается отнюдь не в объеме, который сам по себе также весьма внушителен (последнее издание эпоса адыгских (черкесских) народов охватывает 7 томов оригинальных текстов на разных языках и диалектах). В языковой речи, впитавшей все богатство и многообразие лексических, семантических, фразеологических и грамматических особенностей адыгских языков. Эпическая лексика отражает основные сферы культуры (в широком смысле этого термина) древнеадыгских племен. Это дает уникальную возможность – даже при отсутствии давних письменных традиций – реконструировать важнейшие компоненты протокультуры, восходящей не только в эпоху общеадыгского единства, но и к более ранним хронологическим периодам.

Лексика сказаний о нартах в эпической форме отражает картину хозяйственной, социальной и культурной организации адыгских (черкесских) народов. Эпическая лексика позволяет заглянуть вглубь истории этих народов, их древнего мира и социальных институтов, восстановить многие фрагменты их ранних мифологических представлений, элементы, утраченные не только повседневно-бытовой действительностью, но и лежащие в глубинной структуре языка и культуры или давно перешедшие в разряд реликтов и историзмов.

Их восстановление возможно с помощью сравнительно-исторического и типологического анализа материала. Так, например, при решении вопроса о роли домашних животных в хозяйстве древних адыгов, времени их приручения, их культовой функции в общеадыгский и более ранний исторический период эпическая лексика дает убедительный и неповторимый материал для реконструкции древней мифологии, выяснения относительной хронологии. Подобные примеры довольно многочисленны, о чем свидетельствует анализ языка нартского эпоса.

Язык эпоса, в особенности его лексика как отражение элементов протокультуры имеет прямое отношение к мифологии, архаичным ритуальным и религиозным представлениям. Поэтому следует подчеркнуть необходимость исследования языкового материала в тесной связи с поэтикой нартских эпических сказаний. Во всяком случае, анализ языка эпоса в отрыве от реалий, в том числе мифологических, органически входящих в поэтику нартского эпоса, не представляется достаточным на современном этапе, характеризующемся, как отмечалось выше, исследованием языка в тесной связи с культурой его носителей.

Указывая на утвердившуюся практику изучения языка фольклора вне связи с вопросами поэтики, акад. Д.С. Лихачев справедливо заметил «Необходимы также работы, которые исследовали бы язык фольклора в связи с поэтикой фольклора» (9, с. 235). В отношении народного эпоса это тем более необходимо, что изолированное рассмотрение его языка и поэтики приводит к отрыву семантики языка от содержания эпоса, от его мифологической основы и культурно-исторического контекста. Реконструкция мифологем и других элементов протокультуры нередко бывает возможна лишь на базе языка, его лексики. Так, исходные функции таких общеадыгских богов, как Тлепш (бог огня и кузнечного дела), Тхагалеж (бог земледелия), Амыш (бог скотоводства) и др., их относительная хронология устанавливается на основании анализа как морфологического строения их имен, так и данных внутренней и внешней (сравнительной) реконструкции. С другой стороны, лексическая и семантическая реконструкция во многих случаях абсолютно невозможна без опоры на внеязыковые данные, в частности, на мифологические универсалии, ритуальные мотивы в фольклоре разных народов и других экстралингвистические факторы.

В целом язык древних нартских сказаний, в эпической форме повествующих о прошлом, позволяет восстановить существенные элементы культуры древнеадыгских племен, уточнить некоторые важные вопросы их первоначального расселения и среды обитания, их связи с другими народами. Даже выяснение семантики слова **нарт** – общего названия центральных персонажей эпоса – возможно лишь на широком фоне эпических сказаний сложившихся в разные исторические эпохи. Лексическая семантика этого слова неотделима от его мифологической семантики, если мы не хотим ограничиться констатацией общеизвестных его определений. Взятая же в контексте всего эпоса, его семантика неразрывно связана с мифологическими представлениями о мире нартов, его соотношении с реальным миром, прежде всего с носителями эпической традиции.

Рассмотрение таких центральных оппозиций, как «нарты – боги», «нарты – враги», «нарты – люди» показывает не только дуалистический принцип организации эпического мира, но и неоднозначность соотношения членов каждой оппозиции в разных эпических циклах, трансформацию их мифологической семантики, изменения их статуса, что в конечном итоге определяет модель мира, изображенного в эпосе.

Указанные противопоставления не только реализуются, но и снимаются в эпосе. Тем самым изменяются и трансформируются мифологические представления о мире, возникают разные типы соотношения эпоса с реальностью, его героев – с носителями эпической традиции. Разные типы представлений о мире и мифологическая семантика бинарных противопоставлений в разных эпических циклах сами по себе одинаково реальны «с точки зрения эпического сознания» (12, с. 230). Семантические оппозиции типа «нарты – боги», «нарты – враги», «нарты – люди» подвергаются переосмыслению в зависимости от характера переработки, относительной хронологии эпических сказаний и их элементов.

Вместе с тем динамика фольклорно-мифологических представлений о мире, трансформация лексической и мифологической семантики основных эпических героев, их отношения не только к богам и врагам, но и к носителям эпической традиции отнюдь не означают, что эпос как жанр умирает. Мы имеем дело с полициклическим и многослойным фольклорным произведением, гетерогенные компоненты которого сложились в разные эпохи. Наряду с архаичными сказаниями, пронизанными мифологическими представлениями о древнем культурном герое, добывающем огонь и другие первопредметы (10, с. 156-184), нартский эпос включает циклы и сказания и более поздней формации. Этим обусловлена и неоднозначность как указанных бинарных оппозиций (и не только их), так и представлений о мире, его модели и параметрах в эпосе. Таким, образом, и в данном случае число функций ограничено – в смысле В.Я. Проппа (11), а подвижность статуса персонажей как переменных величин существенным образом определяет особенности мифопоэтического мира и его моделей в эпосе, подтверждая известный тезис о доминирующей роли семантики структуры фольклорного произведения (8, с. 22-23; 13, с. 16-20).

2. Язык народного певца, его отличительные особенности

Изучение языка народного эпоса приобретает важное значение с разных точек зрения. Язык эпоса не только включает семантически и морфологически прозрачные наддиалектные слова, но и изобилует архаизмами, специфическими лексическими единицами, так называемыми «темными» местами. Многое из этого слоя эпического языка недоступно не только носителю литературного стандарта, но и представителям старшего поколения, владеющим как литературной формой, так и территориальными диалектами. Более того, народные певцы и сказатели – продолжатели и хранители эпической традиции – не всегда могут объяснить семантику всех архаичных единиц и «темных» мест в эпической лексике. Этим отчасти обусловлен не очень высокий научный уровень некоторых изданий нартского эпоса, страдающих серьезными недостатками в исторической интерпретации лексики и, естественно, соотнесенных с ней культурно-исторических реалий. Архаический пласт и «темные» места нуждаются в специальном лингвистическом анализе. Архаический пласт языка эпоса сам по себе представляет значительный интерес для сравнительно-исторического исследования, в особенности лексической и семантической реконструкции.

Многие относительные черты эпического языка определяются своеобразием языка народного певца и сказателя, обусловленным как жанровой структурой произведения, так и формой его исполнения (7, с. 16-56). Не касаясь фольклористической проблемы эпического певца и его отношения к тексту, давно обсуждаемой как в отечественной, так и в зарубежной литературе, остановимся на некоторых лингвистических аспектах и закономерностях языка исполнителя эпического произведения.

Язык исполнителя строится не только по принципам «формульной» теории (17). Певец хранит – и с этим никто не спорит – в памяти огромное число поэтических формул, клише, постоянных эпитетов. Но поскольку его главная забота – «следование поэтической сути образца» (4, с. 192), певец нередко вынужден на ходу заменять «темное» место, чтобы оно не оставалось загадкой или «пустой клеткой» для слушателя. Заполненная певцом или сказателем «пустая клетка» часто не имеет функционально ничего общего с исходной единицей, ее этимологическим значением. Это создает варьирование текста, порождает новые «темные» места, выяснение которых требует специального рассмотрения с привлечением обширного сравнительного языкового и мифологического материала. При этом особое значение приобретает анализ разных вариантов эпического произведения в пределах как одного языкового коллектива, так и

родственных языков. Но законы жанра, форма его исполнения, мастерство самого певца заставляют его идти на заполнение пустых клеток, замену «темных» место в тексте новыми языковыми единицами. Певец прежде всего использует «общеэпический резерв варьирования» (16, с. 154), соблюдает строение традиционного стиха, его ритмико-синтаксический рисунок. В соответствии с этим певец подбирает языковую единицу (слово, словосочетание, предложение) вместо архаизма или «темного» места, ставшего семантически пустым, т.е. непонятным, не только для него самого, но и для его слушателей.

По-своему освещая «темное» место, певец сохраняет в той или иной степени фонетическое созвучие, чтобы вставляемая им языковая единица ритмически вписывалась в строение стиха. Так, кабардинские певцы не помнят семантику постоянного эпитета *гуэуыз* (гоуыз) «доблестный, отважный, славный», прилагаемого к имени *Пэтрэз* в адыгских сказаниях. Вместо *гуэуыз*, ставшего семантически темным, они вставляют сходно звучащее слово *гуыуз* букв. «боль сердца», «горе», хотя последнее семантически полностью выпадает из традиционной системы эпитетов, не отвечая их роли и назначения в эпическом сказании. Ср.каб. *Бэтрэзэу щлалэ закъуэр зыгуыуызт* (Н., V, с. 105) «Батраз одинокий юноша», где *гуыуызт*, занимая место постоянного эпитета *гуэуыз* «доблестный», семантически осмысляясь как «боль сердца», является позднейшей инновацией. Последняя не только функционально не соответствует первоначальному смыслу постоянного эпитета этого героя, но и приводит к радикальной семантической трансформации традиционного эпического зачина во всех кабардинских вариантах сказаний. Подобные примеры многочисленны в языке нартского эпоса адыгских народов.

Особенности языка исполнителя эпического сказания (шире – фольклорного произведения) в немалой степени определяются как типом произведения, так и характером его исполнения. В этой связи следует кратко остановиться на интерпретации самим исполнителем строения, формы и семантически языковых единиц, в том числе лексем. В лингвистической литературе этому аспекту творчества исполнителя обычно не придают серьезного значения, рассматривая его как продукт народной этимологии. Но здесь не следует отождествлять чисто лингвистический аспект с поэтическим.

В языке фольклора очень часто встречается этимологизация разных лексем (иногда словосочетаний и предложений), принадлежащая исполнителю произведения. Подобная интерпретация исполнителем смысла текста и его значимых компонентов, относящаяся к сфере народной этимологии, получила распространение и в языке нартского эпоса. Толкования тех или иных слов, культурных терминов, ономастических названий и др. встречаются в сказаниях, исполняемых в прозаической форме. Если сказитель поет песню о нартах или просто исполняет произведение в стихотворной форме, он не задерживается на интерпретации смысла отдельных лексем, хотя на ходу часто «освещает» «темное» место, как отмечалось выше, вставляя звучащее сходно слово или выражение. Исполнитель же прозаического произведения, ведущий повествование в ином темпе, нередко сопровождает свой рассказ своим же «этимологическим анализом». Заметим, что в подобных случаях термин «этимологический анализ» не всегда нужно взять в кавычки, так как исполнитель, объясняя значение того или иного слова, не всегда остается на уровне народной этимологии. Но в большинстве случаев здесь мы все же имеем дело с народно-этимологическим толкованием строения и происхождения лексем. Так, именно на народной этимологии основано широко известное объяснение имени главного героя эпоса *Сосрыкъуэ* «Сосрука»: *Сос+къуэ* «сын», где первый элемент считается именем нартского пастуха. С этим связано и известное начало сказания о рождении главного героя: *«Сэтэней-Гуашъэ жъышлэу псыхъуэм луыст. Нартхэм*

яжэмышъуэ Сос жыхуаIэм жэм йыгъэхъуу псым адрышкIэ къыIуытт» (Н. II, с. 36) «Сатаней-Гуаша сидела у реки и стирала. С другой стороны реки пас коров нартский пастух по имени Сос».

Указанная этимология имени главного героя нартских сказаний, принятая составителями некоторых изданий эпоса, в том числе солидного академического, а также отдельными учеными, базируется на звуковом совпадении первой части поздней кабардинской формы имени *Сосрыкъуэ*, восходящей к *Сауэсырыкъуэ*. Подобным же образом сказатель «этимологизирует» имя другого известного героя – *Пэтэрз*: *Ар къызыхъуджэ гъэхъэгъэшхуэхэр ышIытых, нэпкъ-нэпкъ дахэ йыIэшъ, ашь пае Пэтэрэзджэ теджэ. Пэтэрэз цIэу кIэлэцIыкуым фаусыгъ* (Н. V, с. 50). «Когда он подрастет, большие дела совершит, у него красивое лицо, поэтому назовем его Пэтэрз. Так и называли мальчика Пэтэрэзом». Это объяснение происхождения имени *Пэтэрэз*, также принятое некоторыми учеными, сказатель построил на полном, но совершенно случайном совпадении элементов *Пэ-тэрэз* в имени героя с исконным *пэ* «нос» и старым заимствованным словом *тэрэз* «правильный».

Аналогичные толкования той или иной лексемы можно было бы не принимать во внимание, если бы это касалось только лингвистического плана и степени их научной достоверности. Дело даже не в том, что какая-то часть народной этимологии исполнителей принимается фольклористами и даже проникает в научные издания. Народная этимология как творческая фантазия певца имеет другой, более серьезный, творческий аспект, учет которого необходим при сравнительно-историческом и типологическом анализе текста. Язык певца основывается на традиционных особенностях лексики, семантики, грамматики и фразеологии. Интерпретация исполнителем происхождения имени (собственного или нарицательного), в целом оставаясь в русле традиции, порождая целые мифологемы, касающиеся поэтики эпоса, обрastaет новыми вариантами и мотивами, дающими простор творчеству народного певца-сказателя, как это имеет место, например, в случае с приведенными выше известным вариантом сказания о рождении главного героя от нартского пастуха Соса. Имя могучего пастуха является продуктом творческой фантазии исполнителя, вычленившего в имени *Сосруко* первую часть и преобразовавшего его в имя *Сос* на основании звукового тождества, хотя *Сос* как имя отца героя значительно моложе самого героя. Но поскольку в представлениях определенной части носителей эпической традиции имя *Сос* связывается с отцом главного героя, оно прочно вошло в ономастику нартского эпоса. Иными словами, бытует сказание, согласно которому *Сос* – отец *Сосруко*. Семантическая оппозиция «отец *Сос* – сын *Сосруко*», хотя и вызвана народно-этимологическим толкованием самим исполнителем имени главного героя, но стала уже элементом мифа, его формы и поэтики. С подобными трансформациями, в основе которых лежит народная этимология, нельзя не считаться при анализе эпоса и его поэтики, хотя этимологически форма (в данном случае имя *Сос*), создающая новые семантические отношения, – продукт творческой фантазии исполнителя. В этом отношении язык фольклора имеет свою специфику в силу того, что творчество исполнителя остается всегда необходимым элементом существования фольклорного жанра, его эволюции и преобразований. На уровне фольклора народная этимология, рассматриваемая в лингвистике как явление, не связанное с реальными фактами и научными принципами их анализа, приобретает особую значимость.

3. Варианты эпических сказаний

Известно, что нартские сказания существуют не только в разных национальных версиях, но и разных вариантах на одном и том же языке. Внутри одного языкового коллектива одно и то же сказание видоизменяется, причем форма его варьирования зависит не только от диалектных различий, но и от других факторов. Отмечается общая закономерность: степень распространенности нартских сказаний пропорциональна степени их варьирования. Наиболее известные и популярные повествования о главном герое (Тотреше), добывании им огня, его гибели бытуют во многих вариантах. Нартским эпосом подтверждается тезис: «варьирование – естественный способ существования традиции» (16, с. 154).

Сравнение вариантов эпического сказания – основной метод не только фольклористического исследования, но и лингвистической реконструкции текста и его значимых частей. Сравнительный анализ разных вариантов эпического произведения дает также возможность определить как более древние элементы поэтики нартского эпоса, своеобразие его мифологической основы, так и общеадыгские эпические традиции, характер их эволюции после распада общеадыгского единства. Тем самым сравнительный анализ вариантов способствует выявлению древних (общеадыгских) и инновационных особенностей поэтики и языка нартского эпоса.

Разумеется, реконструкция текста и его фрагментов, связанных с ними мифологем, предполагает опору на данные типологии ритуальных и мифологических мотивов, привлечение мифологических и фольклорных традиций других народов.

Варианты эпического сказания различаются полнотой разработки сюжета, устойчивостью поэтики, относительной хронологией. В соответствии с этим неодинаково значение разных вариантов для сравнительного анализа эпического сказания, его фольклорной и языковой основы.

Наиболее архаичные циклы адыгского нартского эпоса продолжают устно-поэтические и лингвистические традиции общеадыгского единства. Особый интерес представляет не только древний ядерный цикл сказаний, но и изоглоссы, касающиеся строения нартского эпоса, его поэтики и языка. В этой связи обращают внимание, например, кабардино-шапсугские параллели. Последние затрагивают сюжетный состав эпических сказаний и отчасти синтаксис. Кабардино-шапсугские параллели настолько значительны, что иногда могут показаться случайными, вторичными, т.е. инновациями, обусловленными внутренними контактами в поздний период индивидуального развития адыгских языков. Однако инновационный характер кабардино-шапсугских параллелей, который можно было бы объяснить поздними внутриязыковыми заимствованиями, не подтверждается анализом ни лингвистического, ни фольклорного материала.

Так, с точки зрения строения сюжета, композиции, поэтики и языка объединяются некоторые кабардинские и шапсугские сказания, входящие в ядро нартского эпоса. В этом отношении показательно, например, сказание о добывании Сосруко огня. Наиболее ранняя фиксация кабардинского варианта этого сказания, осуществленная в середине XIX века Кази Атажукиным (К.А., с. 35-43), обнаруживает разительное сходство с шапсугским вариантом того же сказания (Н. II, с. 209-213). Речь идет не только о сходстве сюжета, но и его языковой форме – лексике, синтаксисе, строении эпитетов, диалога и т.д. Если принять во внимание многочисленные кабардино-шапсугские параллели, охватывающие и лингвистические особенности, и мифологические элементы нартского эпоса, то нельзя не прийти к выводу, что в данном случае мы имеем дело с общеадыгским

явлением, продолжающимся после распада общенадыгского единства в разных ареалах – кабардинском и шапсугском .

Вместе с тем сходство языка и сюжета вариантов одного и того же сказания может быть результатом и вторичной фольклоризации произведения. Не вызывает сомнения, что именно вторичным, относящимся к эпохе самостоятельного развития адыгских языков и их диалектов, является сходство того же атажукинского варианта сказания о добывании огня с одним хатукаевским вариантом. Ср. например:

Темирг (Хатук.)

- Ей, си Тхъуэжъыежъ,

Чъэрхэр зыкІэмыхъах,

Мыр йыныжъым йымашІу,

Ышъхъэрэ ылъэрэ зэгъэкъуыгъэ,

Гуызэгуым машІуэр йылъыжъ,

Ежъ йыныжъыр мэчъый,

Сыдэушьтэу машІуэр шІуэтхъын?

Н. П. с. 177

«- Ей, мой Тхожий бывалый,

Скакунами недосыгаемый,

Это огонь великана,

Голова и ноги его сомкнуты,

Огонь внутри лежит,

Сам великан спит,

Как у него огонь похитим?

Каб.

- Мырмы си Тхъуэжъиажэ,

Жэрхэр зишІэмыхъэж,

Мыр йынми йыуынэшъ,

Йышъхъэ йылъэ зэгъэкъуашъ,

МафІэр йыкуым йылъыжшъ,

Уэ йынри мэжей,

МафІэр сыткіи фІэтхын. жи.

1., с.37.

«-Мырмы, мой Тхожий быстроногий,

Скакунами недосыгаемый,

Это дом великана,

Голова и ноги его сомкнуты,

Огонь внутри лежит,

Сам великан спит.

Как у него огонь похитим, - говорит».

Приведенный отрывок из кабардинского (атажукинского) и адыгейского (хатукаевского) вариантов, записанных в разное время (первый опубликован в 1864г., запись второго произведена в 1946) повторяют или почти повторяют друг друга, причем сходства касаются лексики, синтаксиса, строения элементов, их места и позиций.

Подобные схождения в разбираемых вариантах сказания не единичны. У нас есть достаточные основания утверждать, что сказание о добывании огня, бытующее на всех адыгейских и кабардинских диалектах, содержит такие инвариантные лингвистические и мифологические признаки, которые позволяют отнести его основу к эпохе общеадыгского единства. И тем не менее с уверенностью можно сказать, что упомянутый хатукаевский вариант — вторичная фольклоризация, т.е. позднее воспроизведение (разумеется, с некоторыми добавлениями и видоизменениями) атажукинского варианта. Об этом свидетельствуют прежде всего языковые особенности хатукаевского варианта по сравнению с атажукинским.

Для подлинных эпических текстов не характерно такое тождество, какое обнаруживают приведенные выше отрывки. Это тем более очевидно, что речь идет о вариантах, существующих на разных языках — кабардинском и адыгейском. Если даже оставить в стороне многочисленные лексические и синтаксические совпадения, несвойственные вариантам одного сказания на разных языках, достаточно указать на специфические кабардинизмы в хатукаевском тексте. Так, ритмизирующий элемент *армэ*, трижды повторяющийся в одном и том же монологе хатукаевского варианта, относится к кабардинизмам эпических сказаний, имеющих стихотворно-песенную форму. Варианты, подобные хатукаевскому, единичны в публикациях нартского эпоса. Разумеется, по своему значению они уступают другим вариантам, существующим на разных диалектах. И тем не менее они также представляют определенный интерес, так как содержат некоторые элементы как продукт творчества певца. Заметим, что у хатукаевцев имеется другой вариант того же сказания, который, в отличие от анализируемого, не может быть отнесен к поздним заимствованиям (Н. П. с. 220).

Сравнительный анализ вариантов не только способствует реконструкции эпического текста, элементов эпической традиции, более древних мифологических и ритуальных мотивов, но позволяет также выявить изоглоссы в языке, поэтике и сюжетике эпоса. В нартском эпосе особенно значителен удельный вес лексических

изоглосс, отражающих исторические контакты и пространственную проекцию адыгских племен. Так, *дышгэ чыгы/дышгэ жыг* “золотое дерево” как типологическая аналогия и разновидность мирового дерева в архаичных мифологиях разных народов составляет довольно яркую шапсугско-кабардинскую изоглоссу не только в лексическом плане, но и шире — с точки зрения соотношения компонентов нартского эпоса в разных ареалах его бытования. С золотым деревом тесно связаны и семантические функции шапсугско-кабардинского близнечного мифа о Пидже и Пизгаше и элементы его строения. Формы лексического выражения имен близнецов (*Пыджэ — Пызыггэшэ*), продолжают общеадыгскую модель образования близнечных имен (повторение части первого имени во втором). Подобные изоглоссы охватывают также систему изобразительных средств, в том числе постоянных эпитетов, характеризующих героев эпоса. Ср., например, строение эпитета Патараза (Батраза), шапс. (нат.) *йыкуышгэ башгэр шьэбэрэу* “палки его люльки из бамбука”, каб. *шамбырым йыдахэр зигуышгэ баш* “из красивого бамбука палки его люльки”. Языковые изоглоссы в эпосе (их часто легко можно увеличить) в сочетании с поэтическими изоглоссами позволяют воссоздать историю расселения адыгских племен, их контакты между собой и с другими народами.

4. Эпическая традиция и литературный язык

Возникнув задолго до появления письменной литературы, фольклор (особенно эпическая поэзия со своими инвариантными строевыми особенностями, обработанностью и наддиалектностью) подготовил почву для первичной оппозиции «диалект — литературный язык», где последний член во многих регионах сложился и развивался на базе глубоких и обобщенных традиций устно-поэтического творчества, в особенности устной народной поэзии. Степень обобщенности и распространенности языка жанров устно-поэтического творчества, в том числе народного эпоса, определяется многовековой традицией фольклорной классики, ее глубоким воздействием «на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества» (14 с. 399). Известно, как велика роль фольклорной традиции в формировании литературных языков. Фольклорная традиция, в особенности эпическая поэзия, оказала значительное влияние на литературные языки. К сожалению, этот вопрос остается нередко вне поля зрения исследователей при изучении истории литературных языков, их истоков, соотношения традиций и новаторства на разных этапах их развития, процессов норм устной и письменной реализации литературного языка, их отношения к языковому варьированию, другим формам существования языка. Это касается истории сложения многих литературных языков народов России, объединяющихся по набору признаков, характеризующих своеобразие литературной формы, ее функционального варьирования и взаимоотношений с другими подсистемами (разновидностями) языка. Эти языки во многом однотипны по характеру их истоков, процессов становления, формирования наддиалектных норм, стратификационного и ситуативного варьирования, отношению к устно-поэтической речи, другим языковым подсистемам, в том числе территориальным диалектам. К рассматриваемым языкам, образующим определенную модель с точки зрения типологии языковых состояний и ситуаций, относятся многие литературные языки с недавней (или ограниченной в недавнем прошлом) письменной фиксацией.

Одна из характерных черт данной группы языков — их тесная и преемственная связь с многовековыми традициями устно-поэтического творчества, которое является общественно значимым художественным наследием народа. Фольклорное наследие носителей рассматриваемой группы языков включает такие уникальные эпические

памятники, как кавказские «Нарты», тюркский «Алпамыш», киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар» и др.

Эти памятники представляют собой образцы не только национального художественного мышления, но и великолепной, нередко первозданной народной речи. Сохранению традиций устно-поэтического творчества, его преемственной связи с литературным языком способствует существование у многих народов института народных певцов и в прошлом, и в наши дни.

Фольклорные традиции органически вошли в литературные языки, относящиеся к разным генетическим семьям и группам. Приведем несколько примеров. Так, известно, какое значение для создания литературы и литературного языка киргизского народа имел героический эпос «Манас», который является «памятью его многовековой истории, его мудрости, верований и художественным отражением его быта и нравов» (6, с. 25). Значительную роль в сложении якутского литературного языка сыграл устный язык, «обработанный в многочисленных жанрах якутского фольклора» (15, с. 404). То же самое следует сказать о многих литературных языках народов Кавказа. «Выработанные и в известной степени унифицированные в фольклоре нормы литературной речи и поэтические формы национальных языков послужили опорой возникновения национальной письменной словесности народов Дагестана» (2, с. 66).

Язык устно-поэтического творчества, в особенности эпической поэзии, а также некоторых других традиционных жанров, являясь по своему происхождению социально обусловленным образованием, далеко не всегда ограниченным локальными границами, при отсутствии письменности и литературного языка, как уже отмечалось выше, создал условия для возникновения первичной дихотомии «диалект — наддиалект». Последний член этой оппозиции, включающий огромное количество обобщенных языковых форм, относящихся к морфологии, синтаксису, лексике, фразеологии (и отчасти фонетике), подготовил благоприятную почву для формирования и развития другой, более поздней по времени образования наддиалектной формы — литературного языка. Богатое фольклорное наследие с его устойчивыми и традиционными языковыми и поэтическими особенностями не могло не оказать конструктивного воздействия не только на формирование литературных языков, но и на характер спонтанных языковых процессов взаимосвязи разных подсистем языка, становление норм литературного языка, его функциональных стилей. Взаимодействие двух наддиалектных форм — языка традиционных произведений устно-поэтического творчества и литературного языка имеет свою специфику: первый оказывает влияние на второй (причем влияние охватывает разные уровни языковой структуры), оставаясь при этом в смысле обратной связи почти непроницаемым по своей структуре. В то же время распространение языка устно-поэтического творчества не ограничивается рамками классических фольклорных жанров, поскольку традиции фольклора чрезвычайно сильны во многих младописьменных литературах, в театре и других сферах человеческой деятельности.

Что касается литературных адыгских языков, то их истоки и сложение органически связаны с устно-поэтической традицией. Эпическая лексика, веками отшлифованная фразеология, образные и семантически емкие речения, традиционные типы строения предложения и словосочетания, народные стилистические фигуры, анафорические и эпитетические приемы построения речи, синтаксические единицы, по своему объему более значительные, чем предложения, их давно сложившиеся модели и многое другое, в совокупности носящее обобщенный и наддиалектный характер, не только подготовили почву для создания адыгских литературных языков, но и представляют неотъемлемую

часть этих языков. Поэтому устно-поэтическая традиция имеет отношение не только к истокам адыгских литературных языков, но и к их современному состоянию. Это, однако, не означает, что современные адыгские языки развиваются только в русле традиций. Язык переводной литературы, публицистики и науки, бесспорно, оказывает всестороннее влияние на развитие адыгских литературных языков на разных уровнях их структуры. И тем не менее роль традиций, их место и конструктивное воздействие на литературный язык, как и вообще на современную культуру, огромны.

В этой связи следует указать на одно укоренившееся и методологически некорректное положение, согласно которому выбор базового диалекта, сопровождающийся созданием алфавита на его основе и определенного набора кодифицированных языковых норм, предполагает решение всех основных проблем, связанных с функционированием и развитием литературного языка, не имевшего давних письменных традиций или устойчивых письменных форм существования. В отношении языков подобного типа, как показывает анализ современного состояния адыгских литературных языков, остаются до сих пор нерешенными важные проблемы соотношения традиций и новаторства, их удельного веса и места в языке художественной литературы и других функциональных разновидностей языка. Это имеет прямое отношение не только к наследию, но и к уровню и качеству художественной литературы, шире — к современному литературному процессу, тенденциям развития его направлений.

Исследование языка фольклора, в частности эпической поэзии, свидетельствует о том, что вопросы традиций заслуживают пристального внимания, нуждаются в глубоком анализе в тесной связи с проблемой литературной нормы, ее типологии, дифференциальных признаков, лингвистических и экстралингвистических критериев, учитывающих сложное развитие языка во времени и пространстве.

Эпос как наиболее открытое в композиционном отношении и всеобъемлющее по своему содержанию фольклорное произведение вобрал в себя элементы разных жанров — сказки, легенды, обрядовой поэзии, паремиологических произведений, что делает его язык насыщенным изобразительными средствами, богатым традиционными стилистическими элементами, наиболее устоявшимися единицами разных уровней, в том числе лексического. Язык эпоса своей традиционностью и обобщенностью во многом подготовил основу многих литературных языков. Однако ресурсы эпоса, его лексики, фразеологии, синтаксиса как источника развития литературных языков далеко не исчерпаны. Так, например, нартский эпос таит в себе многие лексемы и фраземы, которые могли бы быть подлинным украшением литературной речи, хотя они еще не входят в нормативные словари, до сих пор не стали достоянием широкого круга носителей литературного языка.

В этой связи встает вопрос, не получивший еще решения, — о соотношении языка эпоса и литературной нормы. Исследование этой темы имеет важное значение для разработки проблемы нормы и ее типологии во многих молодых литературных языках, выросших на традициях многовекового устно-поэтического творчества. В отдельных литературных языках, в том числе западнокавказских, отмечается изменение соотношения традиций и инноваций. Хотя истоки этих литературных языков тесно связаны с отработанными языковыми и стилистическими формами устного народного творчества (что и способствовало интенсивному развитию на первых этапах их сложения и формирования), в последующее время произошла определенная переоценка ценностей. Изменилось отношение к традиции и ее месту в литературном языке, а огромный поток

лексических заимствований, калькированных выражений, конвертированных конструкций, новых типов предложения потеснил традиционные элементы. Разумеется, в наше время литературный язык не может обойтись только исконными ресурсами. Заимствование и обогащение за счет других языков — естественный процесс. Однако нарушение равновесия традиций и нововведений приводит к нежелательному явлению — снижению престижа литературного языка. Речь идет не о ностальгии по патриархальным традициям, не о возврате к архаизмам, реликтам и местным диалектам, как это изображают некоторые авторы, а об умелом использовании веками отработанных языковых норм, глубоко народных и демократичных, стилистически богатых и многообразных в своих вариантах. Заметим, что в недавнем прошлом выдвижение на передний план “деревенской прозы” В.Астафьева, Ф.Абрамова, В.Белова, В.Распутина и др. в немалой степени определялось опорой на богатство языка устной народной традиции. Вообще неслучаен тот факт, что важнейшие признаки фольклорно-мифологического восприятия единства времени и пространства нашли яркое отражение в творчестве таких художников слова XX в., как М.Пруст, В.Хлебников, М.А.Булгаков, Дж. Джойс, Ж.Амаду, Г.Гарсия Маркес, Ч.Айтматов, Дж. Апдайк и др. Как справедливо писал Ч.Айтматов, “энергия мифа — это, можно сказать, то, что питает современную литературу огромной первозданной поэзией человеческого духа, мужества и надежды».

В целом народный эпос многоаспектен для исследования и разнообразен в функциональном отношении, обнаруживает тесные связи с культурой в широком смысле этого слова. В языке эпоса находят отражение глубокие традиции народа, его опыт и многовековая история. Изучение языка эпоса важно как в диахронном, так и в синхронном плане, так как его богатый материал дает возможность для реконструкции многих элементов культуры, выявления ее связей с родственными и смежными культурами, решения проблемы соотношения традиций и новаторства в литературном языке, его наддиалектных и обобщенных истоков. Народный эпос как классическое наследие еще долго может служить литературе, литературному языку и шире — культуре.

5. Эпическая ономастика

Настоящий раздел посвящен ономастической лексике нартского эпоса. Эпические сказания, ядро которых восходит к УП-IV вв. до н.э., сложились на протяжении очень длительного времени. Нартские сказания включают древний, архаичный слой и многочисленные напластования, относящиеся к более поздним и позднейшим эпохам. Отсюда, естественно, что эпическая ономастика чрезвычайно разнообразна. При этом разнообразие эпического ономастикона касается как хронологической глубины лексических единиц, так и истории их сложения, генезиса и отношения к общеадыгскому и более ранним праязыковым состояниям.

Разные группы ономастических единиц в зависимости от их хронологии несут информацию об этносе, культуре, менталитете, мифологии и религии древнеадыгских племен. Особенно значителен по удельному весу и функциональной нагрузке ономастический пласт, охватывающий адыгский (в том числе общеадыгский) пантеон. Этот пласт эпической ономастики (также разнородный по своему происхождению, хронологии и отношению к внешним связям) отражает древние религиозные и мифологические представления адыгских имен, их культурно-исторические контакты с другими народами. Ономастические единицы, входящие в эту тематическую группу лексем, ярко свидетельствуют о наличии общих закономерностей и типологических универсалий, характерных для мифологий разных народов. Как показывает материал,

эпическая ономастика, связанная с общеадыгским пантеоном, обнаруживает параллели в архаичных мифологиях. Это объясняется, с одной стороны, типологическими универсалиями (например, рождение героя из камня и др.), а с другой - экстралингвистическими факторами, в частности, внешними контактами древнеадыгских племен с носителями индоевропейских, тюркских и других традиций в разные исторические периоды.

Мифологическая семантика личных имен, в том числе богов, покровителей, эпических героев, их статус и место в эпосе проливают свет также на историю социальной и хозяйственной организации древнеадыгских племен. В этом отношении нередко эпос оказывается самым важным (а иногда и единственным) источником для реконструкции элементов истории древнеадыгских племен, утраченных их потомками (Ср., например, культ свиньи среди героев нартского эпоса и др.).

Можно сказать, что при отсутствии давних письменных традиций у адыгских и родственных западнокавказских народов эпическая ономастика дает возможности для решения многих проблем истории культуры, мифологии и религии. Вообще древний ономастический пласт эпической лексики, сохраняющий черты глубокой архаики, должен быть введен в широкий культурно-исторической и этнографический контекст, на основании которого реконструируются важнейшие фрагменты протокультуры древнеадыгских племен.

Что касается чисто лингвистического аспекта эпической ономастики, то прежде всего следует указать на его исключительно важное значение для изучения лексики и семантики современных адыгских языков. Народный эпос донес до наших дней многие антропонимические, топонимические и этнонимические единицы, исчезнувшие в современных адыгских языках. Между тем эти лексемы, отсутствующие в нормативных словарях, репрезентируют важнейшие элементы культуры, связаны с непреходящими ценностями народного сознания и мифологии. Так, довольно многочисленные топонимические и другие названия, образованные от имен эпических героев (имеются в виду *Сосрыкъуэ йышы гъэджэклъын* «Место, где гарцует Сосруко», *Сэтэней йымывэхъэку* «Каменная печь Сатаней» и др.) известны лишь узкому кругу лиц, хотя они характеризуются функциональной нагрузкой, отражающей глубокие культурные и мифологические традиции.

Древний пласт нартского эпоса тесно связан с протокультурой древнеадыгских племен. Более того этот слой нартских сказаний включает многие элементы, типологически объединяющие архаичные мифологии разных народов. К ним относятся не только сюжеты и мотивы о древнем культурном герое, добывающем огонь и другие первопредметы, но и множество других сюжетов, мотивов, эпизодов, восходящих к ранним мифологическим традициям. Наряду с древним мифологическим ядром нартский эпос включает эпические циклы, сложившиеся в разные хронологические периоды.

Да и архаическое ядро эпоса осложнилось последующими наслоениями, в течение многих столетий, порождая широкое локальное и диалектальное варьирование (ср., например, многочисленные версии о рождении главного героя, его основном поединке и др.). Из древнего пласта разные элементы - мифологемы, антропонимические, этнонимические, типонимические названия, социальные и культурные термины, связанные с древней моделью мира, перенесены в другие эпические циклы и сказания поздней и позднейшей формации.

Отсюда, естественно, что решение вопроса об истории сложения эпической ономастики, гетерогенной по своей основе, и хронологии наталкивается на трудности. Решение проблемы осложняется полным отсутствием давней письменной фиксации нартского эпоса у всех народов, создавших этот памятник культуры.

Строение эпоса по циклам, связанным с именами наиболее выдающихся героев-богатырей, является не только композиционной особенностью нартских сказаний. Оно обусловлено эпическим временем зарождения и сложения эпоса, его основного ядра и других циклов, вобравших в себя многочисленные напластования в течение многих столетий. Круг наиболее древних эпических имен ограничен. К ним относятся имена главных героев и так называемых старших нартов. Но эти имена связаны не только со сказаниями, вошедшими в ядерный эпический цикл. Довольно часто имена этих героев, в особенности главного героя и главной героини эпоса, встречаются в поздних сказаниях. В последних эти имена контаминируются с именами, сюжетами и мотивами инновационного характера гетерогенные по своему составу напластования, а нередко и новые эпические циклы. Поэтому наличие имен старших нартов, в том числе главного героя и главной героини в тексте вовсе не означает, что мы имеем дело с древним эпическим сказанием.

В этой связи встает вопрос об относительной хронологии единиц ономастической системы нартского эпоса. Этот вопрос не разработан в сравнительной фольклористике. Между тем решение этой проблемы имеет принципиальное значение для исследования народного эпоса. Без преувеличения можно сказать, что, не выяснив относительной хронологии компонентов эпической ономастики, вообще не представляется возможным говорить об истории сложения народного эпоса. В подтверждение этого положения приведем несколько примеров.

Сюжет о чудесном рождении главного героя нартского эпоса имеет древнюю, глубокую мифологическую основу и обнаруживает параллели в архаичных культурных традициях. В нартском эпосе легенда о рождении героя характеризуется высокой степенью вариативности. Вариативны также личные имена, встречающиеся в этой легенде. Так, в разных версиях отец героя носит имена *Зэртлыжъ*, *Гъуыкыкъу*, *Шьорсэмкъуэ* *Плъыжъы*, *Саусау*, *Сос* и др. Если в легенде имя главного героя *Сауысырыкъу* / *Сосрыкъуэ* и главной героини *Сэтэнай* / *Сэтэней* как эпические имена могут быть отнесены к общеадыгскому уровню, то ни одно из многих имен отца героя (знаменитого нартского пастуха) не может быть включено в эпическую ономастику на общеадыгском хронологическом уровне. Все указанные имена вошли в эпическую ономастику в период после распада общеадыгского единства. А некоторые из них (*Гъуыкыкъу*, *Шьорсэмкъуэ* *Плъыжъы*, *Саусау*) относятся к уровню поздней диалектной инновации. На локальной (кабардинской) почве образовано и имя *Сос*, получившее распространение в некоторых версиях легенды о рождении героя.

Эпический цикл о нарте Татаршао, основанный на разных сюжетах, в том числе сюжете о последнем нарте и завершении времени нартов, занимает большое место в эпосе. Но несмотря на значительный объем цикла, широкое варьирование входящих в него эпических сказаний (что, кстати, является одним из признаков их популярности среди носителей эпической традиции, мы можем сказать, что этот объемистый цикл сложился сравнительно поздно на локальной основе после распада общеадыгского единства, Нартские сказания о Татаршао и личные имена основных персонажей в этих сказаниях - адыгейская инновация в нартском эпосе.

Широкоизвестные «Песни о старых нартах» («Нартыжъ уэрэдхэр») хотя и связаны с такими героями, как Тотреш и Батараз, явно относятся к кабардинским новообразованиям в нартском эпосе. Но личные имена *ТотІрэш*, *Бэтэрэз*, представленные в этих песнях, входят в общеадыгскую эпическую антропонимию, хотя по происхождению они не являются адыгскими.

Песня «Слово Сосруко» («Сосырыкъуэ йыпсалъэ») отличается лексической и синтаксической архаикой. Но очевидно, что эта песня - кабардинская инновация в эпосе. Об этом свидетельствует прежде всего географическая среда (*Бешътоуыжъ* «Старый Бештау», *Бешътамэз* «Лес Бештау»), представленная в песне. Не вызывает сомнения, что топонимические названия *Бештоуыжъ*, *Бешътаумэз* не могут быть включены в традиционную эпическую ономастику в силу из явного окказионального характера. Подобные ономастические названия в языке эпоса хронологически не идут глубже уровня диалектных инноваций.

Можно было бы привести много других примеров, свидетельствующих о необходимости соблюдения принципов относительной хронологии при анализе эпической ономастики. В противном случае исследование эпической ономастики (да и вообще самого эпоса) остается лишенным временных и пространственных характеристик. Положения не спасают также первичные и вполне безобидные понятия, как «древний цикл», «поздний цикл», «архаичный цикл», «ядерный цикл», и др., поскольку последние не соотносятся с определенными хронологическими уровнями. Более того, термин «архаичный эпос» (применяемый к нартскому эпосу) является условным, ибо в этом «архаичном эпосе» далеко не все архаично. Эпос многоцикличен, состоит из разных слоев, напластований, архаизмов и огромного числа инноваций, восходящих к разным хронологическим уровням. Все это не следует смешивать в одну кучу, проецируя совершенно разнородных явлений в прошлое без относительной их хронологии.

При анализе эпической ономастики (да и эпоса в целом) необходимо разграничить следующие хронологические уровни: доадыгский, адыгский (общеадыгский), адыгейский, кабардинский и уровень поздних диалектных инноваций.

Требуем уточнения вопрос о традиционности (нетрадиционности) ономастической единицы в эпической лексике. Так, *Нэсэрэн ЖакІ/Нэсэрэн ЖъакІэ* «Насрэн Борода», *Пшы Марыкъу/Пшы -Марыкъуэ* «Пши-Маруко» и др. характерны для нартского эпоса. Подобные ономастические единицы являются собственно эпическими. Правда, иногда некоторые из них проникают в другие жанры, но в последних они носят окказиональный характер. Имена *Саусырыкъуэ/Сосрыкъуэ* «Саусырыко/Сосруко», *Сэтэнай/Сэтэней* «Сатанай/Сатаней», *Пэтэрэз/Батраз* и др. являются не только именами известных эпических героев, но входят и в современную (неэпическую антропонимию).

Хотя имена этого типа имеют наибольшее распространение как эпические имена героев нартского эпоса, их нельзя отнести к собственно эпическим. Иначе обстоит дело с именами богов типа *Лъэпшъ* «Тлепш» (бог огня и кузнечного ремесла), *Тхъэгъэлыдж*, *Тхъэгъэлэдж* «Тхагаледж» (бог урожая и плодородия) и др. Последние как мифологические имена, естественно, встречаются и в других жанрах устно-поэтического творчества. Они употребляются также как современные антропонимические единицы (фамильные имена).

Имена *Тхъэшхуэ* «Тхашхо» (имя Верховного бога), *Уашхуэ /Уашъхуэ* «Уашхо» (имя бога неба) и др. по своему статусу не могут иметь узких жанровых ограничений. Но эти

мифологические имена не трансформируются в современные антропонимические названия в отличие от многих эпических имен. Не подвергаются демифологизации и имена персонажей типа *Уысэрэжъ/Уэрсэрыжъ* «Осариж» (имя персонажа, выполняющего самые различные функции в эпосе, в том числе функции прорицателя, главы нартов, изобретателя первопредметов, виновника убийства главного героя и др.), *Лъэгуыц ЖакI* «Тлегуц Жаче» (имя персонажа, отличающегося коварством, склонностью к различным козням) и др. Они также выступают в качестве антропонимов сказочных персонажей с несколько ограниченной мифологической семантикой по сравнению с их эпическими функциями.

Эпическая антропонимия включает в себя огромное количество поздних и позднейших имен разных по происхождению и ареалу распространения. Многие из них не идут глубже общеадыгского хронологического уровня. К ним относятся *Шъуай/Шъэуей* Шауай/Шауей (имя эпического героя), *Нэбгырый*, *Нэрыбгей* «Нарыбгей/Нарыбгей» (имя эпической героини), *Мэлычпхъу* «Мелечипху» (имя эпической героини) и др.

Многообразны по составу и генезису эпические антропонимы, относящиеся к хронологическому периоду после распада общеадыгского единства. Сюда входят и адыгейские, и кабардинские, и диалектные новообразования. Процесс мифологизации реальных антропонимов протекает с высокой степенью интенсивности в хронологический период индивидуального развития адыгских языков и их диалектов. Мифологизируются реальные адыгские фамилии и имена, причем этот процесс нередко носит не только инновационный, но и локальный характер, охватывая лишь отдельные территориальные или диалектные регионы. Ср., например, *Мыхъэмэт* - имя мужа главной героини нартского эпоса в кабардинском сказании *Сэтэней Гуашъэрэ Лъэпшърэ* «Сатаней-гуаша и Тлепш» (Н. I, с. 149-150), Пшымаф - личное имя героя в адыгейском сказании о главном герое нартского эпоса (Н. УП, с. 278-287). В число мифологизированных антропонимов попадают исконные адыгские и заимствованные имена.

Топонимические названия также делятся на собственно мифологические (эпические) и мифологизированные. К первым принадлежат топонимы типа *Нарт*, *Нартый*/Нарт «Нартия» (страна, земля нартов), *Чынт*, *Чынтий*/Чынт, Кынт, «Чинтия» (страна, земля чинтов), *Хъэрам Iуашъхъ/Хъэрэм Iуашъхъэ* «Харам-гора» (тип мировой горы у нартов) и др., не соотносящиеся с реальными географическими объектами. Своеобразие эпической топонимии состоит в том, что собственно мифологические топонимические названия составляют сравнительно небольшое количество. Но в функциональном плане они занимают значительное место в нартском эпосе. *Хъэрэм Iуашъхъ/Хъэрэм Iуашъхъэ* по своей функции напоминает тип мировой горы в архаичных мифологиях, воспринимается как основной центр космического устройства, вершина нартского мира, шире - вселенной. *Чынт*, *Чынтий* - эпическая страна чинтов, выступающих нередко в роли основных противников нартов. Что касается *Нарт*, *Нартый* «Нартия», то как название страны, земли нартов этот термин отражает эпическую модель мира нартов.

Относительная хронология собственно эпических топонимов различна. В этом отношении различны даже варианты эпических топонимов. *Нарт* в значении «страна, земля нартов» без натяжек можно приписать общеадыгскому состоянию, в то время как его словообразовательный вариант *Нартый* «Нартия» сложился в период после распада общеадыгского единства на адыгейской почве. К общеадыгскому уровню восходит *Чынт* *Къынт* *Кынты - страна, земля чинтов (кинтов). Вариант *Чынтий* - поздняя

адыгейская инновация. Топоним *Хьарэм Ыуашхь/Хьэрэм Ыуашхь* как название основной горы в стране нарттов, с вершины которой отправляется главный герой за добычей огня, входит в общеадыгскую эпическую ономастику. Некоторые эпические топонимы, например, *Гъунд Гъунд Гунд-Гунд* (название крепости), судя по всему, исторически соотносятся с реальными географическими названиями. Однако в силу утраты их этимологической связи с реальными объектами, подобные топонимы остаются также на уровне эпического сознания.

Довольно продуктивен тип эпических топонимов, образованных от имен героев нартских сказаний. Среди них абсолютное большинство составляют топонимические названия, сложившиеся в период самостоятельного существования адыгских языков и диалектов. Локальные эпические топонимы, связанные с именами нартских богатырей, особенно характерны для адыгейских версий эпических сказаний. Ср., например, *Арым йылуашхь* «Курган Арыма», *Чэмыд йылуашхь* «Курган Чамида», *Уэшадэ йылуашхь* «Курган Ошада», *Куэлэс йылуашхь* «Курган Колеса», *Сусайэ йылуашхь* «Курган Сусая» в абадзехском сказании «*Нарт Ыуашхьэхэр*» «Курган нарттов» (Н. V., с. 215-216). В группу локальных новообразований входят также топонимы типа *Кхъуэшхуэ дэкыгъу* «Перевал кабана» в адыгейских сказаниях о нарте Татаршао. Все эти топонимические названия, хотя по происхождению не имеют глубокой хронологической основы, являются собственно эпическими.

Разнообразен состав мифологизированных топонимических названий. Эти топонимические единицы, соотносясь с реальными географическими объектами, охватывают довольно обширную территорию. Сюда относятся не только названия географических объектов на территории исторического расселения древнеадыгских племен, но названия *Тэн «Дон», Йындыл (-Итиль)* «Волга» и др. Хотя топонимические названия в нартских сказаниях существуют в рамках эпического времени и пространства, они отражают историческую географию древнеадыгских племен и их контакты с соседними народами. Основной пласт мифологизированных топонимических названий все же связаны с исторической территорией адыгских племен. Неслучайно, что не только наиболее традиционным, но и наиболее важным в функциональном плане среди гидронимов оказывается *Пшыз/Псыжъ* «Кубань». Согласно сказанию, на берегу этой реки живет главная героиня эпоса (здесь она встретила с могучим нартским пастухом, здесь же рождается главный герой эпоса Ср. шапс. *Пшызэ псыхъуэ Сэтэнайэ гылаклэуэ клуэшътыгъэ* (Н., П. с. 33). «Сатаней пошла стирать на Кубань»; бел. *Соусырыкъуэр къышгальхуар Псыжъ нэлкъ Ыуэфэрат* (Там же, с. 38); «Сосруко родился на берегу реки Кубани».

Мифологизация гидронима *Пшыз/Псыжъ* «Кубань» должна быть отнесена к эпохе общеадыгского единства. Но процесс вовлечения реальных топонимов в эпическое пространство активно протекал в период после распада общеадыгского единства. Мифологизируются названия реальных рек, гор, лесов, населенных пунктов, находящихся на территории исторического или современного расселения адыгских племен. Нередко мифологизация охватывает топонимы на определенных территориальных, а реже - на отдельных областях и краях. Ономастические названия не всегда поддаются объяснению с точки зрения их места и исторической обусловленности в эпосе.

Трудно объяснить употребление в эпических сказаниях топонимических единиц, когда обозначаемые ими реальные объекты не имеют ничего общего ни с исторической территорией адыгских племен, ни с пограничными регионами. Непонятно, например,

почему название города Москва оказалось втянутым в эпические сказания. Ср., например, в шапсугском сказании о нарте Шауае: *Скачым ыкѳуэ Москва ыкѳыб станица гуэрэм дэсышьтыгѳэ* (Н. V, с. 30) «Сын Скача жил в какой то станице, расположенной с задней стороны Москвы». Разумеется, Москва остается новейшей окказиональной инновацией в нартском эпосе. Но факт остается фактом: эпическое место обитания популярного нарта, т.е. сына Скача (варианты: Шауая, сына Канжа, Канджоко) связывается с названием Москва. Отсюда нет оснований исключить данное название из числа ономастических единиц нартского эпоса, хотя очевиден его инновационный и периферийный характер в языке нартского эпоса.

Вместе с тем следует разграничить локальные мифологизированные единицы от употребления в языке эпоса современных топонимических названий, лишенных мифологической семантики. Шапс. *Ашь ышнахъыжъыгѳэр Нарт Цуыжъытыр ары. Ар ыджы Абын станицэр зыдэшьысым ашь кѳыгѳэгѳунэрэ кѳыгуыр зэлъуипытѳэу исыгѳэ... кѳѳуибл илѳэ шытыгѳэ* (Н. VII. с. 168). «Его (Одана) старшим братом был нарт Чужит. Он жил на том месте, где сейчас расположена станица Абин... У него было семь сыновей». Здесь название станицы Абын не подвергается мифологизации, оно употребляется для характеристики эпической местности. Мифологизируется место, на котором расположена в настоящее время станция Абын. Но эпическое сознание часто связывает место обитания нартов с топонимическим названием, обозначающим реальный географический объект. Ср., например, адыг. *Абын псыхѳуэ кѳэй Намырыѳо дэсыгѳэ, нарт лъэпкъыгѳэ* (Н. I. с. 246). «Большой Намир жил в долине реки Абин, он был родом из Нартов». В данном случае имя эпического героя непосредственно прикреплено к эпической местности, называемой *Абын псыхѳуэ кѳэй* «долина реки Абын». Последнее мифологизировано, ибо включается в число элементов эпического пространства. Ср. также: каб. *Иынджыджышъхъэ деж чэшъэнэжъым шлѳсхѳэу зэдѳсѳурт нарт зэл-зѳѳыз. Фызым ыыцѳлэр Іадийыхут, лѳым ыыцѳлэр Псѳбыдѳт* (Н. V, с. 175) «В верховье Инджиджа (Зеленчука) в старой башне жили нарты - муж и жена. Жену звали Адиюх, мужа – Псабида».

Как видно, не все топонимические названия, встречающиеся в эпических сказаниях, являются эпическими. Один из них в эпическом тексте остаются названиями реальных географических объектов, используемых для эпической характеристики, другие приобретают мифологическую семантику, трансформируясь в эпические топонимы. Более того, как показывают приведенные примеры, одна и та же лексическая единицы Абын в эпическом сказании употребляется в разных функциях - в функции топонима соотносимого с реальным географическим объектом и в функции мифологизированного топонима, соотносимого с объектом эпического пространства.

По сравнению с антропонимическими и топонимическими названиями этнонимические названия в нартском эпосе немногочисленны. В число собственно эпических этнонимов входят лишь некоторые названия. К ним относятся чынт - название эпического народа, неоднозначного по своей роли в разных эпических сказаниях. Этот эпический этноним реконструируется для общеадыгского хронологического уровня в виде **кыты*. Можно полагать, что разбираемый эпический этноним восходит к реальному этнонимическому названию. Но поскольку этимология общеадыг. **кыты* и несоотносимой с реальным этнонимическим понятием само название является чисто эпическим. К последним также относятся *йысны* - название карликового народа, восходящего к общеадыгскому состоянию. Среди всего оказываются *нэгѳуей* «ногай», *кѳалмыкѳ* «калмык».

Мифологизация реальных ономастических названий - важный источник пополнения эпической лексики. Вместе с тем эпическая ономастика характеризуется словообразовательными моделями. Имена наиболее известных эпических героинь образуются способом сложения, причем в качестве второго компонента используется *гуашь / гуашъ* «хозяйка, княгиня». Ср. *Сэтэнай-Гуашь / Сэтэней-Гуашъ* «Сатанай-Гуашь / Сатаней-Гуаша», *Бэдэф-Гуашь* «Бадаф-Гуашь». По этой модели образованы также имена богинь: *Псытхъэ-Гуашъ* «Пситха-Гуаша» (богиня моря, воды), *Жыг-Гуашъ* «Жиг-Гуаша» (богиня в образе дерева, разновидность мирового дерева). Слово *Гуашь / Гуашъ* имеет значение украшающего эпитета, причем его делимость от первого компонента различна в адыгских языках. В кабардинских текстах формы *Сэтэней*, *Сэтэней-Гуашъ* употребляются как варианты; в адыгейских текстах форма *Сэтэнай-Гуашь* стала эпической нормой. Заметим, что в абхазском эпосе (как и в адыгейских сказаниях) имя героини обычно не употребляется без разбираемого эпитета. Другим эпитетом, выступающим в роли постпозитивного члена имени эпических героинь является общеадыгское прилагательное *дахэ* «красивая, красавица» *Агуандэ-дах/Агуандэ-дахэ* «Агуанда (Акуанда) – красавица».

В составе личных имен реже встречается прилагательное *шыуыццэ/фыццэ* «черный», *плъыжъы/плъыжъ* «красный», *клэкы/клэш* «короткий, низкий». Но их морфологический статус различен. В имени героини *Шъхъэццфыццэ* букв. «Черноволосая» прилагательное *фыццэ* выступает как постоянный постпозитивный член сложного слова. В имени отца главного героя *Шъорсэмкъуэ Плъыжъ* второй член *Плъыжъы* (*плъыжъы* «красный») является постпозитивным членом сочетания слов. Прилагательное *клэкы/клэш* «короткий, низкий» чаще всего входит в состав основы. Ср. *Блэнлкъклэш* «Блепкчеч».

Среди суффиксов, используемых для образования личных имен, выделяются *-аи/-ей*, *-шхуэ*, *-ныццэ*. Ср. *Шъэуай/Шъэуей* Шауай/Шауей, *Нартышхуэ* «Нартышхо», *Шъэуанлццэ* «Шауапца».

Если имена героинь редко образуют модели на *пхъуы* «дочь» (Ср. *Мэлэчпхъу* букв. «дочь Малач»), то модель имен эпических героев на *къуэ* «сын» весьма продуктивна.

По этой модели создано имя главного героя, а также имена многих нартов старшего и младшего поколений: *Саусырыкъуэ / Сосрыкъуэ* «сын Саусыра (Сосра)», *Шъабатыныкъуэ/Бадынонкъуэ* «сын Шабатына (Бадына), *Хъымышъыкъуэ/Хъымышъыкъуэ* «сын Хамиша», *Хъэтыкъуэ* «сын Хата» и др.

Широкое распространение имеет модель на *жъы* «старый» причем антропонимы с этим постпозитивным членом охватывают в основном мужские имена. Прилагательное *жъы* в именах эпических героев употребляется не только в исходном значении «могучий, сильный, огромный». В большинстве случаев постпозитивный член *жъы* в личных именах сохраняет первоначальную функцию, являясь постоянным эпитетом героя. В этих именах *жъы* отделяется от имени, как это имеет место в вариантных формах типа *Куэлэс* «Колас», *Куэлэсыжъ* «Старый Колас». В других случаях *жъы* становится частью сложной основы имени, поскольку последнее не употребляется без него. Ср., например, *Хъуыдымышъ* «Худимиж», *Чэмыдэжъ* «Чемидеж», *Уысэрэжъ* «Усареж» и др.

Общеадыгское слово *пшы* «князь» в функции постоянного эпитета, утратившего свое этимологическое значение, входит в состав ряда личных имен. При этом место слова *пшы* в имени героя может быть препозитивным и постпозитивным. Ср. *Пшы-Бадынонкъуэ* «Пши-Бадиноко», *Пшы-Марыкъуэ/ Пшы-Марыкъуэ* «Пши-Маруко», *Дамызэпшъ* «Дамизепш» и др.

Неодинакова роль основ разных частей речи в создании эпических личных имен. Выше отмечалось, что прилагательные используются в образовании личных имен и в функции постоянных эпитетов эпических персонажей. В образовании слов, относящихся к самым различным тематическим группам лексики, значительное место занимает глагол. Выделяются словообразовательные модели эпических имен, в основе которых лежат: 1. Чистые глагольные основы (имена типа *Пыджэ* «Пиджа», ср. *пыджэ-н* «пырнуть, бодаться»). 2. Каузативные глагольные основы (имена типа *Пызыгъэщ* «Пизигаш», ср. каб. *пыгъэщы-н* «отрезать»), 3. Комбинированные, каузативно-отрицательные глагольные основы (имена типа *мыгъэзэш*/*Мыгъэзэш* «Мигааш», ср. *мыгъэзэшы-н*, каб. *мыгъэзэшын* «не дать скучать»). 4. Глагольные основы в сочетании с именными основами (имена типа *Лыху* «Тлиху», ср. *лы* «мужчина», *хуы-н* «стать, становиться»).

Глагольные основы, участвующие в образовании разных моделей эпических имен, приобретают субстантивную функцию. Все словообразовательные модели эпических имен, образованных от глагольных основ (или включающих глагольные основы), восходят к эпохе общеадыгского состояния. В то же время эти общеадыгские модели широко используются для образования эпических имен в период после распада общеадыгского единства. А некоторые из эпических имен, созданных по этим моделям, относятся к уровню поздней диалектной инновации.

В области эпической топонимики мифологизация реальных географических названий является главным источником развития этой части ономастической лексики. Вместе с тем эпические топонимы образуются от эпических антропонимов способом конверсии, т.е. без применения каких-либо специальных словообразовательных аффиксов. Ср., например, *нарт* (наименование героя, представителя эпического рода нартов) и *Нарт* (страна, земля нартов), *чынт* (наименование героя, представителя эпического рода чинтов) и *Чынт* (страна, земля чинтов). Имеются также ареальные формы типа *Нартие* в значении *Нарт*, *Чынтие* в значении *Чынт*, т.е. суффиксальная словообразовательная модель названий стран, краев и областей используется для создания эпического топонима. Заметим, что использование подобной модели в образовании эпических топонимов - адыгейская инновация. Как отмечалось выше, среди эпических топонимов разнообразны по своему строению наименования, связанные с эпическими традициями эпическими героями. Имеются ввиду топонимы типа *жъычъэ йыбг* «Гора старости» (гора с которой сбрасываются престарелые нарты), *Нарт Сэтэныкъуэ йылуашъхъ* «Курган нарта Сатанука» и др.

В целом, эпическая ономастика несет значительную функциональную нагрузку, обладает глубокой мифологической семантикой, сохраняет черты чрезвычайной культурной архаики.

Эпическая ономастика, как особый пласт языка, служит ценным источником для реконструкции важнейших фрагментов культуры и протокультуры адыгских племен.

6. Устно - поэтический язык как наддиалектная форма речи

Изучение устно-поэтической речи, ее отношение к разным формам существования языка имеет довольно длительную историю. Однако в последнее время в связи с возрастающим интересом к истории сложения и развития литературных языков, их социального и функционально-стилистического варьирования наблюдается активизация в разработке проблемы соотношения устно-поэтической речи с литературным языком и территориальными диалектами. Следует, однако, подчеркнуть, что вопросы устно-

поэтической речи, ее дифференциальные признаки и место в системе языка чаще всего разрабатываются на материале языков с давней письменной традицией.

В отношении же адыгских языков следует отметить полное отсутствие каких-либо исследований, посвященных устно-поэтической речи. То же самое нужно сказать о других западнокавказских языках (абхазском, абазинском и убыхском) и восточнокавказских (нахских и дагестанских) языках.

Между тем роль устно-поэтической речи поистине огромна в условиях отсутствия давней письменной традиции. Именно в этих условиях функция устно-поэтической речи особенно разнообразна, она оказывает глубокое воздействие на функционально-стилистическое развитие языка, поскольку ее традиции становятся устойчивыми и длительными.

Обобщенные формы устно-поэтической речи появляются на определенной ступени языкового развития. Их отношение к другим формам существования языка, в частности к территориальным диалектам, их роль в развитии функционально-стилистической дифференциации литературного языка различны не только в разные исторические эпохи, но и в разных языках.

Исследование адыгской устно-поэтической речи, складывавшейся на протяжении многих столетий в условиях отсутствия письменности, ее связей с адыгскими литературными языками представляет интерес как с теоретической точки зрения, так и в плане выявления истоков адыгских литературных языков, своеобразия их социальной и функциональной дифференциации.

У адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) — носителей современных адыгских языков в прошлом не было ни городских койне, ни интердиалектных форм языка типа болмац — обобщенного междиалектного языка у аварцев в условиях дореволюционного Дагестана. Особой формой языка, в значительной степени возвышающейся над территориальными диалектами и в то же время не тождественной письменно-литературному языку, является у адыгов устно-поэтическая речь.

Разумеется, устно-поэтическая речь исторически сложилась не как однородная система. Прежде всего она тесно связана с территориальными диалектами. Произведения разных жанров, в том числе эпической поэзии, исполняются сказителями или певцами на том диалекте, который является для них родным. Однако устно-поэтическая речь широко выходит за пределы узких территориальных диалектов.

Устно-поэтический язык составляет язык адыгской эпической поэзии, исторических, героических, обрядовых песен, похоронных причитаний, национальных тостов и пожеланий, народных сказок, пословиц и поговорок и т. д. Своеобразие устно-поэтической речи, степень ее обобщенности во многом зависят от жанровой дифференциации.

Основным ядром адыгского устно-поэтического творчества является широко известный народный героический эпос «Нарты». Язык эпоса «Нарты», восходящего к глубокой древности, характеризуется большим числом устойчивых, стандартных и обобщенных формул, многообразием средств выражения стилистических особенностей, богатой синонимикой, фразеологией, своеобразной терминологической лексикой. Особенно выделяется язык эпических сказаний, относящихся к основным циклам героического эпоса о нартах.

Наиболее показательными языковыми чертами устно-поэтической речи, в том числе адыгской эпической поэзии, являются следующие: 1) наддиалектность, 2) традиционность, 3) архаичность.

Наддиалектный характер устно-поэтической речи проявляется в разных сферах языка — в лексике, синтаксисе, морфологии и реже — в фонетике. Это дает основание говорить об устно-поэтической речи как об особом типе функционального варьирования языка. Находясь в определенных соотношениях с территориальными диалектами и оказывая воздействие на развитие и формирование литературного языка в его письменной и устной разновидностях, устно-поэтическая речь выделяется как особый тип речи, особенности которой не укладываются в рамки местных диалектов и литературного языка.

Традиционность структуры устно-поэтической речи заключается в том, что она устойчиво удерживает целый ряд общеадыгских явлений, подвергшихся изменениям в литературном языке.

Архаичность устно-поэтической речи обусловлена вообще самим характером содержания народного творчества, уходящего в седую древность.

Из указанных трех дифференциальных признаков — наддиалектность, традиционность, архаичность — последние два присущи также территориальным диалектам, а первый — литературному языку. Однако указанное соотношение нуждается в существенном уточнении. Наддиалектность вообще свойственна литературному языку, как и устно-поэтической речи. Но наддиалектные единицы устно-поэтической речи не всегда совпадают с наддиалектными единицами в литературном языке. Например, слова *санэуафэ* в значении «празднество» букв. «винопитие» (особый ритуал), *кзынт* (*чынт*) «кинты» (наименование народа, встречающееся только в эпосе) и многие другие являются наддиалектными в устно-поэтической речи. В то же время слова разбираемого типа известны далеко не всем носителям современных адыгских языков, поскольку они свойственны только устно-поэтической речи.

Напротив, после создания письменности огромное количество новых слов, не свойственных устно-поэтической речи, стали наддиалектными, обобщенными в адыгских литературных языках. Ср., например, многие новообразования на материале адыгских языков, новые заимствования и др. Иными словами, то, что является наддиалектным в устно-поэтической речи необязательно является таковым в литературном языке.

То же нужно сказать и о понятии «архаичность» в устно-поэтической речи и местных диалектах. Далеко не все архаичное в устно-поэтической речи свойственно местным диалектам, хотя последние часто характеризуются архаичностью языковых явлений. Речь идет не только о «сгущении» в устно-поэтической речи черт, уходящих в далекое прошлое языка. Суть дела заключается, на наш взгляд, в том, что устно-поэтическая речь обладает собственным арсеналом архаичных и традиционных языковых форм. При этом архаичность форм устно-поэтической речи воспринимается только при сравнении с литературным языком или разговорно-бытовой речью. Иными словами, то, что для устно-поэтической речи является нормой, оказывается архаизмом при употреблении в ином функционально-стилевом плане.

Здесь нами не ставится задача всесторонне охарактеризовать особенности совершенно не исследованной до сих пор адыгской устно-поэтической речи.

Рассматриваются лишь некоторые черты устно-поэтической речи и ее отношение к адыгским литературным языкам.

Прежде всего в языке эпической поэзии обращает на себя внимание большое число лексических единиц, носящих обобщенный, наддиалектный характер. Слова разбираемого типа не являются диалектными в узком смысле этого слова, т. е. их употребление не ограничивается рамками того или иного диалекта. В то же время разбираемые слова не характерны для литературного языка в его письменной и устной форме реализации. Исполнитель героической или исторической песни рассказывает ее на своем местном диалекте. Однако в его речи встречаются многие слова, далеко выходящие за пределы данного диалекта. Так, героическая песня об Андемырккане включает значительное число наддиалектных слов и словосочетаний, хорошо известных каждому исполнителю:

ЖырамыІэнкІэрэ Андемыркъаным и шхыдэщ,
И шхыдэр и бацэти, езым хуэдэ щауэр лъыщІыскъым, .
И джатэ Іэпщэр Лъэпщыри зи къаным хуикъузщ,
И жаныбзэжъым Аушydжэрджэми Іэ делъэ.
Шухэр зэдилъым, лъэрытемытурэ зэщІос,
ЩІылъэми носри пшагъуэ гуэрэнти мэув

«Что говорит Андемыркан — достойно чести,
Достойных слов его не счесть, в мужестве нет ему равных,
Клинок его Тлепш закаляет,
Клинок его Ауш-Герги рукой гладит.
Если трогаются всадники, они летят,
Добираются до места и как облако стоят».

1. *ЖырамыІэнкІэрэ* - глагольная форма, образованная от глагола *жыІэн* «сказать», «говорить». В этой форме с суф. *-рэ жыІэн* употребляется только в устно-поэтической речи.

2. *Шхыдэ* «слово». В современном литературном кабардинском языке и живых диалектах *шхыдэ* употребляется только в значении «порицание», «выговор».

3. *Бацэ* «очень много». В литературном языке и диалектах вместо *бацэ* функционирует другое слово *куэдыщэ* «очень много».

4. *Щауэ* «молодой мужчина». *Щауэ* с этим значением вошло в кабардино-черкесский литературный язык из устно-поэтической речи. В диалектах и разговорно-бытовой оно имеет также значение «жених». В этом значении оно проникло в литературный язык.

Отсюда в литературном языке *щауэ* имеет два значения: 1) «молодой мужчина», 2) «жених».

Исходное значение этого слова «сын», сохранившееся в адыгейском литературном языке, ближе к значению «молодой мужчина».

5. *ЛъыщӀыскъым* «не побеждает, не одолеет». Это слово встречается только в устно-поэтической речи, являясь по своему характеру наддиалектным, т. е. в кабардинском литературном языке ему соответствует слово (словоформа) *пӀлъэщыркъым* «не побеждает, не одолевает».

6. *Хуикъузыц* - аористная форма от глагола *хуэкъузын*. В литературном языке этот глагол употребляется в значении «сжимать, стягивать».

7. *Жаныбзэжъ* - наддиалектное слово в значении «сабля».

8. *Аушыджэрдж* - «Ауш-Герги», божество языческое, покровитель воинов (встречается в устно-поэтической речи).

9. *Лъэрытемытурэ* – букв. «на ногах не стоя», отрицательная форма, образованная от сложной основы *лъэрытет* «на ногах». В устно-поэтической речи форма *лъэрытемыту* (*рэ*) употребляется в значении «лететь, полететь».

Обобщенность и наддиалектность не являются специфическими чертами только кабардино-черкесской, шире - адыгской устно-поэтической речи. Подобное явление имеет широкое распространение в языках различных типов. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что в адыгском поэтическом языке обобщенность форм языковых выражений не ограничивается пределами даже одного языка. Во многих случаях наддиалектные, обобщенные формы устно-поэтической речи оказываются достоянием группы родственных языков, отражая более ранние ступени развития не только общественных отношений, но и вообще языковой структуры. Так, в языке фольклора представлен обширный межъязыковый пласт лексики, отражающий большой круг общественно-правовых, культурных, религиозных и семейных отношений в эпоху общеадыгского единства. К ним относятся: названия богов, названия племен, народов, встречающихся в устно-поэтической речи (*чынт* «кинты», *испы* «испы»), названия предметов нартского боевого снаряжения (*марыхъу* «оружие» *бадзэлай* «винтовка», *афэ* «кольчуга», *мэӀуху* «щит» и др.), многие топонимические названия (*Пшышэжъ* «Пшышеж» - название реки; *АтӀэкӀумэ* «Атакума» - название села и т. д.) и др. В устно-поэтической речи нередко сохраняются и такие слова и словосочетания, которые могут быть объяснены лишь с помощью специальных этимологических разысканий. Подобные явления регулярно повторяются всеми исполнителями, хотя последние далеко не всегда точно воспринимают их значение и первоначальный смысл. Заметим, что так называемые «непонятные места» особенно характерны для эпической поэзии, героических песен и, реже - народных сказок. Показательно, что «непонятные места» встречаются в устно-поэтической речи многих языков, т. е. являются признаком языка эпоса, языка вообще устного народного творчества. Касаясь вопроса о «непонятных местах» в тюркском героическом эпосе (в частности, в «Книге Коркута»), В. М. Жирмунский отмечает, что сохранение в тексте народного эпоса «непонятных мест» свидетельствует о бережном отношении исполнителя «к древней народной традиции, об отсутствии у него стремления к модернизации». (6, с.629). Следует сказать, что лексика устно-поэтической речи носит не только наддиалектный характер. Она оказывает значительное воздействие на развитие лексики письменно-литературных языков.

Происходит это, однако, чаще всего не путем прямых заимствований лексических единиц из устно-поэтической речи, а в результате семантических изменений.

Так, слово *хасэ* в эпической поэзии употребляется для обозначения весьма важного, хотя и специфического понятия - «совет нартов» (где решались и обсуждались важнейшие военные и др. вопросы). В современный литературный язык это слово проникло в значении «съезд», «совещание», «парламент», «организация» и др. Ср. в адыг. лит. *Хасэ* в значении «Парламент».

Слово *маисэ* в эпосе «Нарты» употребляется в значении «богатырский меч героя эпоса». В современный кабардино-черкесский литературный язык это слово вошло в двух значениях: 1) «острый нож», 2) «острый, хорошо отточенный предмет». В последнем значении это слово проникло и в адыгейский литературный язык. Ср. адыг. *шъэжъые маис* «острый нож».

Слово *шурэлъэс* (каб.), *шуылъэс* (адыг.) обозначало особый вид борьбы, принятый у эпических богатырей. В современных литературных языках это слово используется в значении «джигитовка». То же следует сказать о многих других словах устно-поэтической речи, проникших в современные адыгские литературные языки. Необходимо заметить, что проникновению лексических единиц устно-поэтической речи в литературный язык способствовала вышеуказанная специфика, т. е. их наддиалектный и обобщенный характер. Хотя эти слова в устно-поэтической речи связаны с особыми реалиями, характерными для определенного уровня общественно-экономических отношений, их наддиалектность (т.е. то, что они не закреплены за теми или иными территориальными диалектами) служит одной из основных причин их подвижности или полифункциональности. Полифункциональность исторически вторична. Однако на данном этапе развития адыгских языков слова рассматриваемого типа используются разными формами существования языка: в исконном традиционном значении они бытуют в устно-поэтической речи, в новом значении - в письменно-литературном языке. Обращает на себя внимание тот факт, что нормативные словари современных адыгских литературных языков фиксируют обычно не традиционные значения этих слов, свойственные языку эпической поэзии, а новые, вторичные значения.

В новом значении многие слова разбираемого типа характерны также для разговорно-бытовой речи. Иначе говоря, лексические единицы, некогда закрепленные за устно-поэтической речью и обладавшие более узким и специализированным значением, хотя и носившие наддиалектный характер, в настоящее время становятся достоянием разных форм функционально-стилистического варьирования языка.

Наддиалектный характер носит не только лексика и семантика устно-поэтической речи, но и морфология и синтаксис. Одной из существенных особенностей морфологического строения устно-поэтической речи является употребление отдельных грамматических форм, несвойственных языку повседневного общения. Так, в диалектах и в разговорно-бытовой речи кабардино-черкесского языка аорист на *-щ* имеет инфинитное (незаконченное) значение, будучи связан с финитным глаголом.

Ср.: *сыкIуэщ аби сеплъащ* «я пошел и посмотрел». В устно-поэтической речи широкое распространение имеет употребление аориста на *-щ* вне сочетания с финитным глаголом. Показательно, что аористой формой на *-щ* в устно-поэтическом языке заканчивается предложение. При этом подобное употребление аористой формы не является достоянием отдельных групп сказителей и певцов. В поэтическом тексте старых песен, сказаний аорист на *-щ* в финитном значении постоянно и повсеместно

воспроизводится певцами и сказителями независимо от принадлежности языка их повседневного общения к тому или иному диалектному ареалу. Ср., например:

Сосырыкъуи къагубжьщ,
И Тхъуожьей зридзщ,
Куэбжэ лейри къижыхьгуэ
Сэтэнэи къилъагъущ*

(Нарты, 65)

«Разгневался Сосруко,
Вскочил на своего Тхожея,
И когда подъезжал к запасным воротам,
Увидела его Сатаней».

Аористой формой на *-щ* нередко завершается эпическое сказание, т.е. она выполняет функцию финального слова в концовке всего эпического повествования:

Уэ зы палъэ къызаптрэ,
Сэ зы палъэ уэстыжгуэ,
Нартхэр дэ къытпэплъэнкъым, —
ЖиІэри и щхьэр фІихри къежьэжщ

(Нарты, 66)

«Ты будешь давать мне один срок,
А я буду назначать тебе другой,
Нарты не станут нас ждать! —
Сказал он, снес ему голову и пустился

(в обратный путь)».

Финитный аорист на *-щ* в рассматриваемой позиции характерен также для языка народных пословиц и поговорок. Ср., например: *Хамэхъэ кѣихъэри унэхъэ ирихущ* (посл.) «Пришла чужая собака и прогнала хозяйскую собаку!» Когда в разговорной речи употребляются народные пословицы и поговорки, то аорист на *-щ* теряет свое устойчивое положение: он нередко заменяется обычной для разговорной речи формой перфекта. Ср. в разговорной речи: *Хамэхъэ кѣихъэри унэхъэ ирихуащ* «Пришла чужая собака и прогнала хозяйскую собаку!». В литературном языке и разговорно-бытовой речи вместо традиционной и архаичной аористой формы на *-щ* используется также форма настоящего времени, что влечет за собой изменение формы времени первого (инфинитного) глагола. Ср.: *Хамэхъэ кѣохъэри унэхъэ иреху* «Чужая собака приходит и прогоняет хозяйскую собаку». Иначе говоря, в литературном языке и разговорно-

бытовой речи в указанной пословице употребляется три формы: 1) аорист на *-ц* (восходящий к устно-поэтической речи), 2) перфект и 3) презенс.

Таким образом, одной аористной форме на *-ц* устно-поэтической речи противопоставляются разные формы в письменно-литературном языке и разговорно-бытовой речи. Возможность сосуществования аористной формы на *-ц* с перфектом и презенсом объясняется взаимодействием разных форм языкового варьирования.

Характерной чертой устно-поэтической речи, подчеркивающей ее своеобразный стиль и наддиалектность, является использование союзной формы на *-и*. Известная стилистическая маркированность употребления формы на *-и* соответствует не только высокому стилю, но ее обобщенному характеру. Ср., например:

КъандзитІмэ сауцІэри,
ЛыкІуэ пхэнж защыщІри,
КъандзитІри зэзгъэзауэри,
Си лыхъубжьи щыскъутэри,
Си щауэбжи къахэсхри...

(Нарты, 63)

«И два канских войска я встретил,
И коварным посредником для них я стал,
И два канских войска я заставил биться,
И сам свою богатырскую пику там сломал,
И, подобрав свою богатырскую пику...»

Использование грамматической формы имени и глагола на *-и* создает не только особый ритмический рисунок стиха, но также является общей стилистической особенностью устной эпической речи.

В этом отношении более стилизованную форму представляет суфф. *-рэ* в функции соединительной морфемы:

Си хъэ закъуэ си гъусэрэ,
Нарт шу гъуси симыІэрэ,
Сэри сыкъахэкІыжри,
АрыкъыкІэр къэсщыхърэ,
Къуэ блани сыкъыдэжарэ,
Жэрми зыкъезгъэлъэшІагуэ.

(Нарты, 63)

«С собакой — единственным спутником,
 Не взяв в спутники (никого) из нартских всадников,
 Я уехал от них,
 В низовьях Арыка разъезжая,
 Седьмую лощину миновав,
 Пустил быстроногого...».

Подобное употребление указанных форм не характерно для других функциональных стилей. Оно создает особый стиль народно-поэтической речи.

Весьма разнообразны и специфичны средства выражения вокатива (звательной формы) в устно-поэтической речи. Эпические формы обращения отличаются не только исключительным многообразием, но четкой функционально-стилистической окрашенностью. В основе их функционально-стилистической дифференциации нередко лежат экстралингвистические факторы. Формы эпического обращения нередко закреплены за определенными социальными группами, причем последние связаны не только с сословными делениями, но чаще всего с воинской доблестью, мужеством, умом и храбростью.

В адыгских литературных языках и во всех адыгских диалектах вокатив выражается формой, грамматически совпадающей с формой именительного падежа. В языке эпической поэзии наряду с обычной формой вокатива широкое общеадыгское распространение имеет форма на -у (э). Например, в кабардино-черкесском языке:

Уэзырокъуатхъуэу шууей,

Уардэсэрейм нафIеIэ

(Нарты, 41)

«Озрокатхо, отважный наездник,

Неприступную крепость берет».

Тянэу Сэтэнай,

Сэтэнэе-гуащ

(Нартхэр, III, 132)

«Наша мать — Сатаней,

Сатанае-гуаща».

Саусэрыкъоу сикъан,

Саусэрыкѳоу синэф

(Нартхэр, II, 89)

«Сосруко, мой кан,

Сосруко, мой свет».

В указанных примерах вокатив образуется не только с помощью суфф. -у (э), но также сочетанием формы на -у (э) с формой им. падежа (*Сэусырыкѳоу синэф* «Сосруко, мой свет»).

Отличительной особенностью устно-поэтической речи является также вокатив на -у (э) в сочетании с формой относительной принадлежности на *зи*: каб.-черк.

Е зи щхэ щѳыбыр дыщэу,

Зи щхэ гупэр дыщэ жггыру

(Іуэр. I, 39)

«Эй, чей затылок золотой,

Чей лоб — золотой колокольчик».

Характерно, что суфф. -у (э) сочетается не только с именными формами, но и с глагольными:

Уэ дэ ди тхэу, тхэшхуэ,

Дэ дызыггэгушхуэу ди Тхэггэлэдж!

(Іуэр., Г, 59)

«Ты наш бог, бог великий»

Ты нас радуешь, наш Тхагаледж!»

Бэдынокѳуэу бланэ ггэшхар зи шэджаггуашхэ,

Вы ггэшхар зи пшпэлус.

(Нарты, 90)

«Бадыноко, чей обед — откормленный олень,

Чей ужин — откормленный вол».

Сложную вокативную форму образует также сочетание нулевой формы с формой на *зи*-. Ср., например, адыг.:

Нарт Шэбатныкъу,
 Ер зиныкъокъогъу,
 Хьагъу-шъогъу бэшI

(Нартхэр, III, 83)

«Нарт Шабатнуко,
 У кого зло — соперник,
 У кого много завистников».

В кабардино-черкесской поэтической речи встречается вокатив на -урэ в сочетании с нулевой формой:

Нартурэ лIыхъу нэху...

(Нарты, 84)

«Светлый, мужественный нарт...»

Си джатэжьурэ, ой дуней, хьэщхьэрыIуэдзэ...

(Там же, 127)

«Лезвие моего меча, ой дуней, подобно зубам бешеной собаки...»

Нередко употребляется в устно-поэтической речи форма вокатива на -кIэ + им. падеж:

Си ХьымышокъуэкIэ Батэрэз

(Iуэр., I, 264)

«Мой Хымышоков Батраз».

Гур щыкIуэдкIэ, дыззупшыж,
 Андзор и къуэкIэ ди Исмел

(Iуэр., II, 354)

«К кому обращаемся, когда падаем духом,
 К сыну Андзора, нашему Исмелю».

Анализируемая форма менее продуктивна по сравнению с формой на -у (э). Кроме того, чаще всего она встречается в сочетании с основой слова къуэ «сын». При этом къуэ

«сын» выступает либо как часть сложного имени (*Хъымышцокъуэк1э*), либо как самостоятельное слово в притяжательной форме (*Андзор и къуэк1э*). Вместе с тем устно-поэтическая форма на *-к1э* употребляется, хотя и реже, в сочетании с другими словами, в частности, с основами прилагательных. Ср., например:

Хахуэк1э ди Щолэхъупщ,

Пщы псоми уранэхъ хахуэщ

(Пуэр., II, 354)

«Храбрый наш князь Шолох,

Ты храбрее всех князей».

Интересно отметить, что разбираемая форма на *-к1э* встречается в сказаниях, записанных среди адыгов, живущих в странах Ближнего Востока. Ср., например, адыгейские тексты, записанные в Иордании:

Уешхэщтымэ, уешъощтымэ

Натыжък1э Бэгъудан

(Нартхэр, VII, 134)

«Если хочешь есть-пить...

Старый нарт Багдан».

Анализ материала показывает, что употребление вокатива на *-к1э* в устно-поэтической речи восходит к эпохе общеадыгского состояния.

Указанные формы вокатива на *-у (э)*, *-урэ*, *-к1э* функционально тождественны, хотя частотность их употребления в устно-поэтической речи различна. Более употребительна форма на *-у (э)*, встречающаяся не только в языке устной поэзии, но и прозы. Показательно, что данная форма является общеадыгской, т.е. она свойственна языку фольклора всех адыгоязычных народов. Как синонимические формы, разбираемые варианты вокатива выражают стилистическое своеобразие языка фольклора. Являясь по своему составу сложными, описательными, вокативные формы устно-поэтической речи употребляются не только с целью привлечь внимание к тому лицу, к которому обращается говорящий, а для образной и лаконичной характеристики лица, его доблести, облика, происхождения, его основного занятия, характера, одежды, склонностей и т. д. Ср., например, обращение Тотреша к Сосуко:

Уэ Сосрыкъуапц1э,

Лы ф1ыц1э гъущ1ынэ,

Лъапэджэрэхъу,

Жэмышъуэрылху,

Хьэбз удыхьым кыльхуа,

Палъэ кыызэт...

(Нарты, 51)

«О, Сосруко смуглый,

Муж черный, с железным взглядом,

Обутый в сыромятные чарыки,

Рожденный от пастуха коров,

Потаскухой-колдуньей рожденный,

Дай мне сроку...»

Особую форму сложного вокатива составляет сочетание десемантизированной формы 2-го лица местоимения *уэ* с собственным именем. В подобных конструкциях, имеющих широкое распространение в устно-поэтической речи, личное местоимение *уэ* «ты», сохраняя свое значение лишь этимологически, используется в функции вокативного междометия. Ср., например: каб.-черк.

Уэ Сосрыкъуэ,

Сосрыкъуэ напцІэ,

ЛпыпцІэ гъущІынэ

(Нарты, 102)

«О, Сосруко,

Сосруко с открытыми глазами,

Муж статный, железноглазый».

В сложных развернутых обращениях употребляется также форма *уэр*, восходящая к местоимению 2-го лица ед. числа: каб.-черк.

Уэр Амышц ди къан,

Уэр Амышц ди нэху

(Іуэр., I, 39)

«Ой, Амыш, наш кан,

Ой, Амыш, наш свет».

Форма *уэр* встречается в кабардино-черкесском литературном языке лишь в определенных конструкциях, выполняя функцию местоимения. Ср., каб.-черк. литературное: *уэр щхъэкIэ, уэр пипцIэ* «для тебя», *уэр дэдыр* «именно ты».

Ср. также сложные вокативные конструкции с формой *я*, восходящей к притяжательной морфеме в значении «их»:

Я ди тхъэ,

Тхъэгъэлэдж

(Луэр., I, 45)

«О, наш бог,

Тхагаледж».

Некоторые из разбираемых вокативных форм встречаются также в прозаических текстах:

Уэ бохъу апщи, Iэхъуэ цIыкIу, нарт хъыбар къызжыIэ¹

(Нарты, 100)

«Эй, пастушок, расскажи мне о нартах»;

Уэ нарт Щабатыныкъуэу зиусхъэн,²

ди Сэтэней-гуащэм фIэхъус къуихыжащ

(Там же, 101)

«Эй, нарт Шабатынуко, наша Сатаней-гуаша

тебе шлет приветствие»

Сложные аналитические формы эпического обращения из устно-поэтической речи проникли в язык художественной (письменной) литературы. Особенно часто используются разбираемые формы в произведениях, созданных либо на мотивах устно-поэтического творчества, либо под влиянием фольклора в широком смысле этого слова. Так, в произведениях З. Аксирова и др. широко используются формы вокатива, свойственные устно-поэтическому языку. Ср., например:

Си Лашынуэ дахэ дьдэ

«Моя Лашин очень красивая»;

Кэзибануэ пщашэ дахэ,
 Зэ умыкIуэт, къэувыIэ
 «Казибан, милая девушка,
 Пока не ходи, остановись»;

Ей, ди Дахэнагъуэу дахащэ
 «О, наша красивейшая Даханаго».

Вокативные формы, унаследованные от устно-поэтического творчества, встречаются в языке классика кабардинской поэзии А. Шогенцукова:

Ай, си хъэшIэу сэ си шIалэ
 «Эй, мой гость, мой юноша».

Ср. также у Б. Пачева:

Уей, Къэбэрдеишхуэу
 Къэрэхьэлъкъ жылэ...
 «О, Большая Кабарда,
 Край трудовой...»

Не чужды разбираемые формы языку Б. Куашева, испытавшего на себе сильное влияние устно-поэтической речи:

Си хэкууэ дыщэ губгъэ
 «Родина моя — поле золотое».

В языке современной художественной литературы рассматриваемые вокативные формы носят все же известный оттенок не только старины, но и высокого стиля, характерного для языка эпической поэзии. В то же время обобщенность и наддиалектность этих форм очевидна ввиду того, что их употребление не ограничивается языком какой-либо группы певцов и рассказчиков. Более того, некоторые вокативные формы являются общеадыгскими, т.е. достоянием устно-поэтической речи адыгейцев, кабардинцев и черкесов.

В адыгских языках в финитных и инфинитных глаголах отрицательная форма выражается по-разному, хотя средством морфологического выражения отрицания служит афф. -м. Отрицательные формы финитных и инфинитных глаголов различаются дистрибутивным путем, т. е. местом отрицательного аффикса в глаголе. Так, в кабардино-черкесском языке в финитных глаголах афф. -м выступает в позиции суффикса, а в

инфинитных глаголах — в позиции префикса. Ср., *сыкІуакъым* «я не ходил» (финитная форма), *сымыкІуэн сигугъэщ* «думаю, что я не пойду» (инфинитная форма). Предложение заканчивается финитным глаголом, а инфинитная форма глагола требует наличия другой (финитной) формы, выражающей законченность действия. От этого правила существенно отступает язык устно-поэтической речи, где отрицательная форма инфинитного глагола выражает законченное (финитное) действие и соответственно занимает позицию финитного глагола. В этом отношении очень показателен язык известной кабардино-черкесской «Песни о Лашин»:

Нарт Щэбэтыныкъуэр сипсэлъыхъущ,

Бэрэ укъыслъыхъу щхъэкІэ сыбдэмыкІуэн.

Нартхэ Сосрыкъуэр си псэлъыхъущ,

Бэрэ укъыслъыхъу щхъэкІэ сыбдэмыкІуэн

(Нартхэр, VII, 86)

«Нарт Шабатынуко хочет взять меня в жены,

Сколько бы ни сватался, не пойду за него.

Нарт Сосруко хочет взять меня в жены,

Сколько бы ни сватался, не пойду за него».

Ср. также:

Дагъэр уи нэкІум къыревыкІ,

МэлхэпІацІэр уи пцэм кІэрымыкІ.

(Там же, 87)

«На твоём лице всплывает жир,

Твою шею клещ не покидает».

Как видно, глаголы *сыбдэмыкІуэн* «не пойду за тебя», *кІэрымыкІ* «не покидает», хотя и являются инфинитными по форме (ср. финитные формы *сыбдэкІуэнкъым* «не пойду за тебя», *кІэрыкІыркъым* «не покидает», где аффикс отрицания суффицируется), выполняют функцию финитной формы и занимают ее место в предложении, не требуя наличия другой детерминирующей (финитной) формы глагола. Ср. также традиционное (эпическое) употребление отрицательных инфинитных форм глагола в других произведениях устного народного творчества:

Гъуныдзэми дэ къыдищІа мыгъуэр

Ди гъащІэми тцымыгъупщэн

(Іуэр., II, 33)

«То, что с нами сделали войска гунов,
Мы никогда не забудем»;

Атилыми пэщІэмышуа мыгъуэмэ
Махуейри ямылзэгъуа

(Там же, 34)

«Те, кто не встретился с Атилом,
Не видел беды».
Сэ сапэщІэкІуэтэнути
ХьатэжыкъуэфІмэ схуимыдэ

(Там же, 34)

«Я хотел сразиться с ними,
но запрещает мне это славный сын Хатажуко».

Как показывает материал, инфинитные глаголы *тщымыгъупцэн* «мы не забудем», *ямылзэгъуа* «они не видели», *схуимыдэ* «он не разрешает мне» употребляются в функции финитных форм *тщыгъупцэнкъым*, *ялзэгъуакъым*, *схуидэркъым*.

Однако в разных вариантах того или иного жанра устно-поэтического творчества встречаются разные формы глагола. Так, вместо вышеприведенных инфинитных форм в отдельных вариантах одного и того же произведения эпического происхождения («Песня о Лашин») представлена финитная форма глагола. Ср., например:

Нартхэ Сосрыкъуэри си псэлтыхъукъэ,
Бэрэ укъыслыхъуми сыбдэкІуэнкъым

(Нартхэр, VII. 84)

«Нарт Сосруко хочет взять меня в жены,
Сколько бы ни сватался, не пойду за него»;

Іашэм и къуэу Іашэмэзыр си псэлтыхъукъэ,
Бэрэ укъыслыхъуми сыбдэкІуэнкъым

(Там же, 85)

«Сын Аши, Ашамез, хочет взять меня в жены,

Сколько бы ни сватался, не пойду за него».

Есть основания полагать, что более древним и архаичным является употребление инфинитной формы в рассматриваемых случаях. Это подтверждается анализом более ранних произведений устно-поэтического творчества. Замена инфинитной формы финитной — явление более позднее. Его можно объяснить влиянием на язык певцов разговорно-бытовой речи. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в одном и том же варианте одного и того же произведения устно-поэтического творчества иногда сосуществуют разные взаимозаменяемые формы (инфинитная и финитная) в качестве функционально взаимозаменяемых морфологических средств выражения глагольного действия. Ср., например, вариантное оформление приведенного уже отрывка:

Бэрэ укъыслъыхъуми сыбдэмыкӀуэн...

Бэрэ укъыслъыхъуми сыбдэкӀуэнкъым

(Нарты, 184)

«Сколько бы ни сватался, не пойду за тебя».

Подобные явления свидетельствуют о взаимовлиянии устно-поэтической и разговорно-бытовой речи. В области грамматики отмечается не только проникновение устно-поэтических форм в другие формы существования языка, но и обратное явление — некоторое ослабление или размывание границ между устно-поэтической речью и другими формами общения.

В то же время следует отметить, что элементы традиционной устно-поэтической речи проникли в язык современной художественной литературы. Например, у З. Аксирова:

И сурэтыр нэгум щӀэтщи

Зы дакъыкъи сигу имыкӀ

«Его облик перед моими глазами,

На минуту сердце мое не покидает».

Наряду с простой инфинитной формой в поэтической речи представлена также инфинитная форма в сочетании с суфф. -къэ:

Гъуэыгъуащэри бадзэуэгъуэ щакӀуэри зыдехъри

Губгъэм ит зэпытщи - сыхумейкъэ

(Нарты, 184)

«И осенью, и летом (он) все охотится,

Всегда пропадает в поле — он мне не нужен».

Вообще формы, включающие суфф. -къэ, имеют своеобразное употребление в кабардино-черкесской устно-поэтической речи. Это касается не только инфинитной формы, но и финитной. Именная и глагольная основа -къэ носит явный оттенок возвышенной поэтической речи:

И шыпэхушхуэр нэсэпасэщ,

Езы цыкIур ещи Iэщэ хуэфIкъэ

(Нарты, 185)

«Ему послушен конь беломордый,

Сам он мал да статен и ловко владеет оружием».

Характерно также то, что в более поздних вариантах глагольная форма на -къэ заменяется иногда обычной утвердительной или отрицательной формой, т.е. опускается -къэ, что значительно снижает высокий стиль поэтической речи. Встречается также вариантное оформление — чередование формы на -къэ с формой без -къэ. Ср.:

Ашэм и къуэу Ашэмэзыр си псэлтыхъущ...

Къандж и къуэу Шауей си псэлтыхъущ

(Нартхэр, VII, 86)

«Сын Аши, Ашамез, хочет взять меня в жены...

Сын Канжа, Шауой, хочет взять меня в жены».

В поэтической речи рассматриваемого жанра замены формы на -къэ нулевой формой (без -къэ), как и замена инфинитной формы финитной формой, относится к явлениям инновации, обусловленным влиянием нормы письменно-литературного языка. Разумеется, проникновение в поэтическую речь письменно-литературной нормы ослабляет ее эмоционально-экспрессивную функцию.

Изложенное не означает, что в разговорной речи невозможно употребление инфинитных форм в функции финитных. Инфинитные формы употребляются в функции финитных в разговорной речи в определенных конструкциях. Однако такое употребление инфинитных форм ограничено лексически. В разговорно-бытовой речи инфинитные формы в функции финитных лексически связаны со словами, выражающими клятвенное обещание (*тхъэ, алыхъ, алахъ, уэлэхъи, уэлэхъэ* «клянусь богом, ей-богу»). Ср.: адыг. *Уэлыхъэ сымыкIуэн*; каб.-черк. *Уэлэхъи сымыкIуэ* «Ей-богу, не пойду», каб.-черк. *Алыхъ сымышIэ, Тхъэ сымышIэ* «Ей-богу не знаю»³.

Наддиалектные и традиционные явления устно-поэтической речи особенно четко проявляются в области синтаксиса.

Синтаксический строй устно-поэтической речи характеризуется существенными особенностями, отличающими ее прежде всего от разговорно-бытовой речи. Многие черты синтаксиса устно-поэтической речи обусловлены характером отдельных жанров, своеобразием их формы и построения. Так, для начала народных сказок существуют традиционные синтаксические клише: *ЗылІрэ зы фызрэ псэурт, желэ*⁴ букв. «Один муж и одна жена жили, говорит»; *Зы жылэшхуэ гуэрым дэст, желэ, зы щІалэ Ахъмэтклэ еджэу*⁵ «В одном большом селении жил, говорит, один парень по имени Ахмет».

В подобных конструкциях глагольная форма *желэ* «он говорит» используется в качестве вставочного элемента, синтаксически не связанного с другими словами. Вставочная форма *желэ* «он говорит» по существу потеряла свое этимологическое значение и исходную синтаксическую функцию. Тем не менее вставочная форма *желэ* «он говорит» в языке народных сказок сигнализирует о скрытом переходе от прямой речи к косвенной. Хотя повествование идет от сказителя и воспринимается как монологическая речь, вставочная форма *желэ* «он говорит» указывает, что сказитель передает речь другого лица, предшественника, ссылаясь на него не так явно и отчетливо, как это имеет место обычно при построении прямой и косвенной речи.

Оформление народных песен требует также особого синтаксического строения предложения. Причем в народной песне используются самые разнообразные и специфические синтаксические обороты и формы построения предложения. Для высокого народно-поэтического стиля эпической поэзии наиболее характерны очень емкие синтаксические конструкции с однородными членами предложения. Ср., например, типичное построение предложения с однородными определениями в эпической поэзии:

Сосрыкъуэ ди къан,

Сосрыкъуэ ди нэху,

ЯмыІуэху дыщафэ,

Афэр зи гъанэ куэщІ

(Нарты, 61)

«Сосруко, наш кан,

Сосруко, наш свет,

У кого щит златоцветный,

Чья рубаха — кольчуга,

Верх шапки — солнце».

Ср. также предложение с однородными сказуемыми:

АрыкъыкІэм синихъэш,

Арыкъыпщэм синихуэш,

Шу закъуэ секлэшщ

(Там же, 360)

«В низовья Арыка я въехал,

Поднялся в верховья Арыка,

Одинокого всадника я приметил».

Народный эпос сохраняет и традиционные формы построения предложения. В этом отношении очень показательны принципы строения прямой и косвенной речи. В языке эпоса устойчиво удерживаются общеадыгские синтаксические модели прямой и косвенной речи. Суть этого явления заключается в следующем: в современном письменном-литературном языке возможны разные типы построения прямой и косвенной речи: *Абы – нобэ къалэм соклуэ, - жилащ* «Он – сегодня в город еду, - сказал»; *Нобэ – жилащ абы, - къалэм соклуэ* «Сегодня – сказал он, - в город еду»; *Нобэ къалэм соклуэ, - абы жилащ.* «Сегодня в город еду, - он сказал»; *Абы жилащ: Нобэ къалэм соклуэ* «Он сказал: «Сегодня еду в город».

Возможны и другие комбинации прямой и косвенной речи разбираемого предложения в письменном-литературном языке. Подобное варьирование принципов построения прямой и косвенной речи в письменном-литературном языке относится к инновации, частично оно вызвано, по-видимому, влиянием русского языка на синтаксис современных адыгских языков. Хотя эти разновидности встречаются в языке, все перечисленные конструкции, за исключением первой, стилистически отмечены, т. е. их функционирование ограничено письменным языком. Что касается первой конструкции, то она является традиционной и исконной. Она характерна для языка эпоса и — шире — устно-поэтического творчества. В традиционной конструкции, характерной для устно-поэтической речи, прямая речь вставляется в середину авторского повествования: *Зы тэлай дигъэкIри Сосрыкъуэ «Сыщауэгъу лъыхъуэщ — жиIэри а зауэлI шу закъуэр зыдыхъэжа пцIантIэм щепсыхащ* (Нарты, 82) «Через некоторое время Сосруко: «Я ищу товарища в ратном деле», — сказал и спешился в том дворе, куда въехал одинокий всадник».

Этот исходный принцип построения прямой и косвенной речи, являющийся по существу главным и ядерным, унаследован от устно-поэтической речи современными адыгскими литературными языками.

Особым и весьма распространенным приемом устно-поэтической речи являются предложения, включающие синтаксические повторы. Причем употребление повторов как художественный прием свойствен разным жанрам устно-поэтической речи:

Сы гъунэгъу щIасэкъым,

Сы щIасэ дэкIуатэкъым,

Сы ешхэ-ефакIуэкъым,

Сы лэгъунакIуэ щауэкъэм,

Сы хъэхугъуэ бэщIкъэм

(Нарты, 109)

«Я не соседний любовник,
 Я не охотник до любовниц,
 Я не обжора и не пьяница,
 Я не завсегдатай лагун,
 Я не беру взаймы».

Приведенный отрывок построен на повторении притяжательных форм имени и отрицательных форм глагола. Ср. также предложения, построенные на симметрической повторности звуков в начальной позиции:

(Рэ)пщы Бэдэнокъуэ...
 (Ар)губгъуэм ущихъэкIэ...
 (Уэ)пщы Бэдэнокъуэ...
 «(Ра)пши Бадинокко...
 (Ар)в степь когда выезжаешь...
 (Уа)пши Бадинокко...»

Синтаксические повторы, как и звуковые повторы, в устно-поэтической речи многообразны. В то же время отдельные жанры обладают своими, специфическими формами повтора. В этом отношении показателен язык старых народных пожеланий, тостов, характеризующийся особой формой языкового оформления. Ср., например, предложения с многократно повторяющейся обстоятельственной формой на -у и финальным императивом:

Ди мафIащхэ мысэхыжу,
 Ди жьэгупащхэ мыужьыхыжу,
 Гъавэрэ ягъавэрэ дыщымыщIэу,
 Ди жьэгур нэхурэ хуабэу,
 ЕтIэнэгъэ пIалъэ тхэм дынигъэс!

(Iуэр., I, 84)

«Пусть наш огонь не истлевает,
 Пусть наш очаг не угасает,
 Пусть у нас будет изобилие,
 Пусть наш дом будет светлым и теплым.
 Пусть до следующего гола бог нас доведет».

Интересно отметить, что Ш. Б. Ногмов свой знаменитый «Хох» («Здравица») в честь академика А. М. Шегрена построил по традиционным канонам старых адыгских тостов, соблюдая речевые особенности последних:

ИлъэситIукIэрэ фыгъуэгурыкIуэри фи къэкIуэныр фхуэфIи нэрыехъуэ!

СехъуэхъукIэрэ ди пщышхуэ лъэпIэмэ гуапэгъуэ фхурэрыехъуэ!

Бгъэхъунгуэрэ фIычIэшхуэ Iуэхур псынчIагуэ фхурэрыехъуэ!

(Ногма, с. 122)

«Ваш к нам приезд после двухлетней поездки удачен да будет!

Я Вам желаю: наш князь дорогой к Вам любезным да будет!

Славное дело, начать что хотите, Вам легким да будет!»

Синтаксические средства традиционной стихотворной формы народных пожеланий и тостов широко используются в языке современной художественной литературы.

Синтаксический параллелизм (повторы) как композиционный и стилистический прием устно-поэтической речи получил широкое распространение в языке современных поэтов. Ср., например, у Бетала Куашева:

Уи къуршхэр къуршхэу щыIэхэм нэхъ лъагэщ,

Уи губгъуэр, губгъуэу щыIэхэм нэхъ бэвщ

(Б.КIуаш. 258)

«Твои вершины выше всех вершин,

Твои поля богаче всех полей».

Синтаксический параллелизм характерен для эпической традиция многих народов. В. М. Жирмунский указывал на то, что ритмико-синтаксический параллелизм лежит в основе стиховой формы тюркских, монгольских языков, древнесемитской поэзии и др. (6, с. 652). Можно сказать, что круг языков, типологически объединяемых с точки зрения ритмико-синтаксического строения древнего стиха, расширяется за счет западно-кавказских (адыгейского, кабардинского, убыхского, абхазского и абазинского) языков. Как известно, А. Н. Веселовский и его школа видели в синтаксическом, т. е. языковом, параллелизме строения народного стиха параллелизм между явлениями природы и душевными переживаниями человека или событиями в его жизни. Наблюдения над синтаксисом адыгской устно-поэтической речи, на наш взгляд, подкрепляют теорию А. Н. Веселовского и его учеников.

Не все исследователи признают наличие наддиалектных форм в фонетике устно-поэтической речи. Нужно признать, что наддиалектные фонетические явления устно-поэтической речи не так заметны и значительны, как это наблюдается в отношении лексики и грамматики. Однако фонетические особенности все же характерны для устно-

поэтической речи. Здесь прежде всего обращает на себя внимание жанровая обусловленность фонетических явлений устно-поэтической речи. Особенности в области фонетики чаще всего отмечаются в народной песне. При этом фонетические особенности нередко связаны со своеобразием оформления отдельных жанров устно-поэтической речи.

В языке народных песен получили распространение так называемые добавочные гласные:

Э-а, Нат Щэбатыныкъоя,
Ай-ай, натымэ ялъэкъогъуя,
А-а, хьагъу-шъугъу бэшIа,
А-а, ябгэхэр зишIыхъафа...

(Нарты, 62)

«Нарт Шабатнуко,
Родом из натов,
У кого иного завистников,
У кого много врагов».

Интересно отметить, что добавочные гласные в адыгской народной песне обнаруживают широкие типологические параллели в устно-поэтической речи других языков. Ср., например, исследования Н. Н. Дурново, Л. Андрейчина, И. К. Зайцевой, Л. И. Баранниковой и особенно П. Г. Богатырева и др.

Наряду с фонетическими чертами, обусловленными строением жанра, структурой народного стиха, имеются и другие особенности в области фонетики. Отдельные фонетические явления встречаются только в устно-поэтической речи. Так, во всех диалектах кабардино-черкесского языка ларингальный спирант *гъ* в перфектном суфф. - *гъэ* подвергся вокализации (спирант *гъ* перешел в гласный *а*). В устно-поэтической речи сохранился ларингальный спирант *гъ* в определенных контекстах народной песенной речи:

И нэр зытеплъэр Жэманшэрыкъым IэщIэкIкъым,
Бийм ящIокIие, мэл щтагъэ хабзэти зэрехуэ

(Iуэр., II, 271)

«От Жаманшарыка никто не уйдет,
Кричит на врагов, гонит их как испуганных овец».

Ср. также *тIысыгъэ* вместо *тIысынIэ* «место, позиция»:

Нарт лIыхъухэм захъумэу мэтIыс, мэтIыс,
ТIысыгъэр Кхъаблэбанащхъэм щаубыдщ.

А махуэм хъэзырыдзэпщыр къэгубжыщ

(Іуэр., I, 283)

«Мужественные нарты защищаются, укрепляются,

Они заняли место (для обороны) на вершине Кабллана,

В этот день предводитель хазаров разгневался».

В устно-поэтической речи во многих случаях удерживается кабардино-черкесский этимологический гласный -э в абсолютном исходе слова, подвергшийся редукции в современном литературном языке. Ср., например, *мэгыз* в м. *мэгыз* «стонет»:

ЩІыгужьыр мэхыщІэ, мэгызэ,

Егъазэ хъэзырыдзэпщми мэхъэкъуэ

(Іуэр., I, 283)

«Старая земля дрожит, стонет,

«Предводитель хазаров поворачивается и бежит».

Ср. также широкое употребление формата эргативного падежа с общеадыгским этимологическим гласным э в кабардино-черкесской устно-поэтической речи:

Хы адырыщІмэ си ижырабгъунэр темыкІ...

Тхъэмэ и СозэрэшымыкІэ сигъапщІэщ...

(Іуэр., II, 44)

«С того берега моря не свожу свой правый глаз...

Богом Созарешем он обманул меня...»

С точки зрения состояния и развития устно-поэтической речи, ее места в системе общенародного языка, характера взаимоотношений с терри-ториальными диалектами и другими типами речи, ее традиций в формировании и развитии литературного языка адыгские языки сближаются с другими западнокавказскими литературными языками. Обобщенные формы устно-поэтической речи, сложившейся в результате многих столетий, различны в разные исторические эпохи. Изучение устно-поэтической речи, ее многообразных традиций в языке художественной литературы, ее жанрового своеобразия в языках различных типов, ее роли в развитии функционально-стилистической дифференциации языка представляют значительный интерес для общей теории литературных языков.

Глава пятая. ОНОМАСТИКА

I. ТОПОНИМИКА

1. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Топонимические термины, называемые в литературе еще «апеллятивы» «местные географические термины», «индикаторы», «ключевые слова», в значительной мере определяют «лицо» топонимии любого языка, являясь важнейшим его строительным материалом. Кабардино-черкесская географическая терминология является заметным компонентом топооснов Северного Кавказа. Впервые словарь этих терминов (с соответствующими адыгейскими) был опубликован в 1974 г. (К. АТ, 15-33). Основные из них учтены в «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева (М., 1984). Состав топонимических терминов во многом обусловлен географической средой. Эта обусловленность создает специфику кабардино-черкесской терминологии.

Адыгейские термины *темэн*, *орыжъ* «болото», характерные для Прикубанской низменности и Таманского полуострова, не известны кабардинской топонимии предгорий, и, наоборот, кабардинские термины *бэтэх* «кочковатое место», *щ1ы1энс* «широкая лощина», «прохладное, влажное место» не знакомы адыгейской. Правда, обособленное развитие адыгских языков способствовало выработке различных терминов и для сходных географических реалий: в кабардино-черкесском языке тоже есть термины для обозначения болот – *гъуамэжъ*, *сэрэшыжъ*, каких не наблюдаем в адыгейском; с другой стороны, адыгейское *къушхъэ* «гора» в кабардино-черкесском языке употребляется с семантическим сдвигом – в значении «горец» (балкарец или осетин), но сохраняет свое первичное значение в композите *къущхъэхъу* «горное пастбище».

В Причерноморье, где с гор к морю устремляются реки и речки, а также на Кубани, где большая река имеет много притоков, а та, в свою очередь, свои притоки, широкое развитие получил термин-формант *-н(э)* «начало, устье» (*Буап*, *Псыш1уапэ*, *Афыпсын*, *Мыекъуапэ*) и др. В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии этот термин в составе названий отсутствует: моря здесь нет, притоки рек – это по преимуществу горные ручьи, устья которых не привлекали человека ни как место заселения, ни как участок под культуры. В ряде случаев один термин в адыгейском и кабардино-черкесском языках употребляется с оттенками значений: адыг. *къо* «долина (речка)»; каб. *къуэ* «балка (речка)»; адыг. *т1уак1* «ущелье», «долина среди гор», каб. *т1уащ1э* «междуречье» и др. На формирование адыгской местной терминологии заметное влияние оказала и языковая среда. Кабардино-черкесы, близкие соседи карачаево-балкарцев, широко употребляют термин *ауз* (карач.-балк. *аууз* «рот», «ущелье») наряду с термином *псыхъуэ* в значении речной долины, широкого ущелья, тогда как в адыгейском это значение выражается исконными *псыхъо* или *къо*.

Поскольку подавляющее большинство кабардино-черкесских топонимов – сложные и составные образования, топонимические термины редко выступают «единолично», образуя собственное название. Но такие случаи есть. При этом термин, как правило, снабжен мелиоративным суффиксом *-жъ* «старый», «большой»: *Къалэжъ* «укрепление», *Псыжъ* «река (большая старая)», *Бэтэх* «кочковатое место» (название ряда мест и селения) и др. Но количество названий, в состав которых входят топонимические термины, организуя систему названий в ряды и определяя ее формульность, велико. Таких названий (если учесть и микротопонимию) – большинство. При этом удельный вес местных терминов выше в названиях физико-географических объектов, тогда как в

названиях населенных мест преобладают основы антропонимические, имеющие притяжательный суффикс.

Некоторые из особенно частых топонимических терминов приобрели значение локативных формантов, широко употребляемых при образовании названий. Таковы: **-лъ-** – основа со значением вместилища, **-пI(э)** «место» и другие. Эти элементы сами уже являются компонентами других терминов: *псылъэ* «водное (сырое) место», *дыгъапIэ* «солнца место» (солнцепек), *дэкIыпIэ* «подъем», *дыхъэпIэ* «спуск, въезд», *щIэкIыпIэ* «проезд под чем-либо» и т.п.

Если положение формализовавшихся терминов фиксировано (постпозиционно), то основная масса апеллятивов в составе топонимов имеет относительную свободу употребления: *Псыхуабэ*, *Шыхъуэфэпс* и под.

Топонимические термины делят на родовые и видовые. Родовые являются общими названиями объектов: *псы* «вода, река», *мэз* «лес», *хъупIэ* «пастбище» и т.п.; видовые термины обозначают детали родовых объектов. Скажем, слово *мэз* «лес» может быть конкретизировано в топонимии: *гъуей* «мелколесье», *гъуриц* «сухой кустарник», *чыцэ* «куст»; *бгы* «гора», «холм», *бжъэпэ* «пригорок», *джабэ* «склон» и др.

Некоторые из видовых терминов являются эндемиками, имея распространение лишь на определенной территории: термин *испыун* «дом карлика» (дольмен) известен по преимуществу в Шапсугии, реже в ущельях Западного Кавказа и совершенно отсутствует в КБР и РКЧ; термины *чэщанэ* «мавзолей», *кхъузанэкхъэ* (курганные могильники), *джэрмэншык* из тюрк. *керменчик* «крепость малая» – особенность кабардино-черкесской топонимии.

Кабардино-черкесская топонимическая терминология, в отличие от собственно топонимии, характеризуется относительной однородностью по языковой принадлежности, хотя и имеет известную долю заимствований, например, *къалэ* из тюрк. «крепость, город», *гуэл* (из тюрк.) «озеро», *ауз* (из тюрк.) «долина реки» и др.

Топографическое значение многих из приводимых терминов является вторичным. В таких случаях указываем и буквальное значение слова и его значение вторичное, переносное (географическое). В основу многих терминов легли не только распространенные природные реалии (вода, лес, русло и т.д.), но и слова, тесно связанные со специфическими особенностями духовной и материальной культуры. На местных географических терминах в значительной мере отразилась деятельность человека, непрерывно творящего на земле и этим оставляющего на ней след в виде нарицательных или собственных имен: *тIыгъ(э)* «копанный, -ая, -ое», *псыIэрышэ* «руководная вода» (канал, арык), *Iуашъхъэ ныкъуэ* «половинный (разоренный) курган» и др. О значении географических терминов Л.С. Берг писал: «Будучи результатом многовековых наблюдений над природою постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного к себе отношения как филологов, так и особенно географов» (Берг 1965, 100).

Мы называем не все топографические термины, а лишь те, которые, насколько нам удалось выявить, участвуют в образовании топонимов. Частотность их различна: одни из них единичны, другие так часты, что играют роль ключевых слов (об этом ниже):

арыкъ 1) безлесные горы, изрезанные ложбинами, 2) *арык* (канал) – из тюрк.;

ауз из тюрк. аууз «рот», «ущелье», «долина реки»;

аул «село, деревня» – из тюрк. (см. Фасмер, I, 1969);

бэтэх «кочковатое место», «неровная низина»;

бэтэгъэ «возвышенное место», «наблюдательное сооружение»;

бгы букв. «поясница», в топонимии – «возвышение, холм, гора средней величины». Ср. семантику тюрк. бел: 1) поясница, талия; 2) холм, перевал...;

бгъу «бок» (берег);

бжъэпэ букв. «кончик рога», «пригорок»; ср. семантику нем. Horn «рог животного», привлекаемого Н. Трубецким для перевода убых. кхъуэ «горная вершина», «пик» (Trubetzkoy 1930, 85);

блыгу «угол», «загон», «куток»;

выщхъэфлэч вы «бык», щхъэ «голова», флэч(ын) «отрывать» - названия крутых спусков;

гу «сердце» (середина);

гуэл «озеро», ср. тюрк. кель, кол, куль «озеро»;

гуэрэныжъ «заросли» ср. гуэрэн «деревушка» (Ногма, I, 142);

губгъуэ «поле»;

гъуазэ «ориентир»;

гъуэгу, гъуэгужъ «дорога» (старая (большая);

гъуей «мелколесье»;

бгъуэницлагъ «пещера»;

гъуамэжъ «болото»;

гъурц «кустарники»;

дамэ «крыло, плечо»; терраса на склоне горы;

дэкълнлэ «проход (проезд) между чем-либо»;

дэхъанлэ «спуск между чем-либо»;

дурэш «угол» (тупик);

дыгъэллэ «на солнце» (солнечный склон) при адыгейск. тыгъэуап1 «на солцепеке»)

*;

дыгъэмышъуэ «несолнечная» (сторона) при адыгейск. тыгъэмышы id;

дыхъэллэ, дыхъэгъуэ «въезд, проезд, проход между чем-либо»;

джабэ «бугор» (из араб.);

джэрмэншык из тюрк. *кермен* «крепость», *чик* – уменьшительный формант;

джэп ср. значение абадзехск. *хъыды* (*хъыдыжъы*) «место водопоя и отдыха скота в тени во время зноя»; в том же значении адыгейские лит. формы *хъыдагъэ*, *чэган1э*; ср. значение осет. *ривдд* «полуденный отдых скота летом» (Абаев. ИЭС, , 413), русск. (диал.) *полднище* «полуденный привал скота, стойло» (Даль 1956. Т.3, 251);

егъэзын1э «загон» (для скота);

елъан1э «место, где (можно) перепрыгнуть», узкое место в русле реки;

жъэпкъ «подбородок» (место перед горой, бугор);

жъэзгъу «нижняя челюсть» (место под горой, подножие);

ик1ын1э, *ик1ыгъуэ* «место переправы, брод»;

испыунэ (шапс. *спыун*) «дом испа» (карлика) – наименование дольменов (древних погребальных сооружений из массивных каменных плит);

к1энауэ «канал» (из русск.);

куэбжэ «ворота», «вход»;

куэц1 «подол» (закрытое пространство);

куей – из турк. *кёй*, ср. балк. *кой*, тур. *Черкескёй*, балк. *Яникой*; исторически – «община», в топонимии – «обитаемое место»;

кумб «яма», «впадина»; ср. убых. *быны* «яма», «ров» (V., 95);

к1э «хвост» (конец, край);

к1уй «долина», «лощина», «низина»;

ср. **къуэк1уй** < **къуэк1эй**;

ц1ыб «тыл», «местность за чем-либо»;

к1уэц1 «нутро» (ограниченное пространство);

къалэ «крепость», «город»; менее употр. в значении «станция» (ср. последнее значение в осет.: Абаев. ИЭС, II, 259); из араб., *къал'а*, тюрк. *кала* «крепость», «город»;

кхъэ «могила», «кладбище»;

къуэ «долина», «речка» ср. убых. *кхъуэ* «долина» (V., 170);

къуагъ «угол», «закрытое место»;

къуажэк1э «конец села»;

къуажанцэ «верхняя по течению реки часть села»;

къыр «скалистый гребень», сильно пересеченная местность; ср. «*кыр* – поверхность возвышенности, плато...»; см. Мурзаевы Э. и В. СМГТ, 131;

кѳуаѳжэ «село»;

кѳуаѳк1э «балка, лощина»;

кѳуэѳк1ий «овраг»; ср. *к1эй* (адыг.);

кѳуэладжэ «балка»; ср. адыгейск. *кѳуладжэ* «русло»;

кѳуѳхъѳхъу; «горное пастбище», ср. адыгейск. *кѳуѳхъѳхъ* «гора»;

кхѳузанэкхъэ – курганные могильники;

лѳабжъэ «низ, подножие»;

лѳагъуэ «тропа»;

лѳапэ «ступня» (подножие);

лѳэгу «подошва», низменность; ср. адыгейск. *лѳэгуан* «лощина»;

лѳэмыж «мост»;

мэз «лес»;

мэк1ѳуп1э «покос, луг» (букв. «сенное место»);

мэкъух «покос», луг под скос;

мывэ «камень»;

нэк1у «щека» (склон горы);

нэпкъ «скула» (крутой склон);

ныджэ «дно обмелевшей реки»;

орыжъ «болото»; ср. в убых. *уэрэжъ* «болото» (V., 200), *уэрэжъ* «грязь, грязная лужа» (Dum., 207);

уэтэр «летовка и зимовье для скота»; ср. *отар* «пастбище любого сезона, расположенное вдали от аула, ...отсюда и русское *отара* «стадо овец» (Мурзаевы Э. и В. СМГТ, 165); «вероятно, из тюрк., ср. тат., башк. *утар* «скотный двор», казах. *отар* «пастбище», «стадо» (Фасмер, III, 169);

уэх «лощина»;

пэ «нос» (выступ);

-пкъ(э) «участок, с которого собран урожай»;

плѳан1э от *плѳэн* «смотреть», *п1э* «место»; наблюдательный пункт;

пэу «выступ» (горы);

псы (-пс, псы-) «вода, река»; ср. убых. *псэ* «рыба» (V., 158); ср. адыг. *пцэ*, каб. *бдзэжъей*, абаз. *псыз*, абх. *апсыз* «рыба»; абаз. *пста* «роса»; абаз. *пстх1ва*, абх. *ап1ст1х1а* «туман»; *псаск1а* «комар»; *пслыш* «липа»; абх. *ап1ста* «ущелье»; *рыпрсара* (основа имеет значение «замочить белье»); *псылб* «вода-дым» (пар от воды), тогда как в значении

«воды» в убыхском имеем *бзы* (V., 92), в абхазском *адзы*, в абазинском *дзы*; собственно «река» в убых. – *туэхъуы* (V., 195);

псыгуэж «рукав реки»;

псыклантлэ «небольшой остаток воды (после запруды или пересыхания речки)»;

псыклэ «низовье реки»;

псыклуэцл бкв. *псы* «вода», *к1уэц1* «внутри» (замкнутое место у воды);

псыкъехуэх, *псыкъелъэ*, *псыкъепк1э* (*лъэн*, *пк1эн* «прыгать») «водопад»;

ср.: *псыкъепэпэх*, *щыгъэпап* «водопад» (Керашева. ОШДАЯ, 115); адыгейск. *псыкъефэх* «вода падающая» (водопад); ср. убых *чытапа* «водопад» (V., 106);

псыкъуий из адыгск. *псы* «вода» и тюрк. *кэуй* (тат. *кое*, ног. *куйи*) «колодец» (Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии... 179); ср. *кую*, *куи* «колодец» (Мурзаевы Э. и В. СМГТ, 131); ср. тот же состав термина в убыхском: *бзыкъуй*, где с убых. *бзы* «вода» сочетается тур. *куи* «колодец» (Dum., 212);

псылъэ «водное место» (заболоченный участок);

псынэ букв. «воды глаз», родник, ключ, колодец;

псынащхэ из *псын(э)* «родник», *шхэ* «голова» (место, «изголовье» родника); источник, родник, колодец;

псынэщлэж «родник вытекающий»;

псыншокъуэ «безводная балка»;

псытцлэ «топь»;

псытепхэ «широкий разлив» (брод);

псыхъуэ «долина реки»;

псыхъурей «пруд», «водоем»;

псыщхэ «верховье реки»;

пслэрышэ «руководная вода» (арык);

псы луфэ, *луфэ* «берег реки» (воды);

пхащлэ «дно», тыл, местность на отшибе;

-плэ «место»;

сэрэш «топь, болото»;

сэнтх «возвышенность»;

сэтей «ровное открытое, ничем не защищенное место»;

сын «памятник»; надгробие (каменное или деревянное); из дунайско-булг. *суп*, др.-тюрк. *суп* «изваяние, могильный памятник»; ср.русс. *сын* «башня» (др.-русс. *сунъ*, ст.-сл. *сынъ*) – Фасмер, III, 818;

тхы «спина, хребет», возвышенность, гребень горы; ср. убых. *а-тх* «возвышенность, высота (холм)» (*Dum.*, 213); семантическая параллель: осет. *рагъ* 1) «спина»; 2) «гребень горы», «горный хребет» (Абаев. ИЭС, II, 343) и в др. языках;

тхъэццлагъ, адыгейск. *тхъэч1эгъ* – *тхъэ* «бог», *ц1лагъ* (*ч1эгъ*) «низ»; «под богом» – священные деревья, под которыми совершались моления, жертвоприношения, а также леса;

тыку «кут, куток»;

т1уацц1э «междуречье»; «остров» (*Ногма*, I, 204, 212, 214); ср. адыгейск. *т1уак1* «долина среди гор», ср. *т1уал(э)* «вершок» (ширина в два пальца); междуречье;

т1ыгъэ – причастие прош. времени от глагола *т1ын* «копать», «копаное» (место);

уан1э «место, где происходит скопление птиц, животных»;

уэтэрын1э «место зимовья»;

фэху «лысая (гора)» из *фэ* «кожа, шкура», -ху «белая» (лишенный покрова);

хэку «обиталище, родина, край»;

хэкужъ «старая обитель; прежнее место жительства; прародина, селище, аулище, пепелище»; семантическая параллель: осет. *уат* «место», «руина», -*къаеу-уат* «место, где прежде был аул» (Абаев. ИЭС, II, 23);

хэхуэ букв. «впадающий, -ая, -ое», «приток»;

хуей «поляна»;

хы «море»; *тенджыз* – из тюрк.;

хъэблэ «квартал в селении»; «поселение, село» (из араб.)

хъэсэ «грядка», «участок с урожаем» из *хъэ* «ячмень», *с(эн)* «сеять»;

хъоу «глубокий овраг»;

-**хъу**; ср. *псы-хъуэ* «речная долина», *къущхъэ-хъу* «горное пастбище», *хъуэ-к1уэн* «пастись»; ср. адыгейск. -хъу «пастбище»; *псыхъу* «речная долина», «река» ср. убых. *хъуа* «долина» (*Dum.*, 212);

чэтым1э «место овчарни»; ср. тюрк. *чат* «сгонять, собирать, пригонять скот» (ДТС, 141); *п1э* (адыгск.) «место»;

чэццанэ «кабардинские усыпальницы, древние святилища»; термин имеет общекавказский характер: осет. *кесена* «могильная изгородь», абх. *акасана*, карач.-балк. *кешене*, ингуш. *каш* «надгробное сооружение», сван. *кесени* «склеп подземный» (см. Абаев. ОЯФ, 90, 298; К. КГН, 95, 96);

жылэ, жылагъуэ «аул, село»; «населенный пункт»;

цлэ «дно», «низ», «основание»;

цлагъ «под, низ»;

цлэкъллэ «проход под чем-либо»;

цлы, цлыгу «земля»;

цлы лъэмыж «земляной мост» (переход);

цлынлэ «место» (букв. «земля» + «место»);

цлымл (*цлы* «земля», *мл(ын)* «копать») «канавка»;

шэд «лужа», «озеро»; ср. осет. *цад* «озеро»;

цыгу «вершина»;

шытх «конский хребет», хребет; ср. значение тюрк. *жон* «спина лошади, собаки»;

цхъэ «голова» (верх, верховье);

цхъэ пцланэ «вершина голая»;

цхъэдэхьлэ «перевал»;

шордакъ «высокое место, искусственный курган»; «балкон». См.: К. КГН, 99; ср. адыгейск. *шьэндакъэ*, в шапс. диал. – «высокое кресло в виде трона»; местность близ Туапсе (*Керашева. ОШДАЯ*, 139); из тюрк. *чардак* «балкон, подмостки, вышка»;

цыхугъуэ из *цыху(ы)н* «сорваться» (с обрыва), *гъуэ* – пространственный аффикс; «место, где (можно) сорваться», обрыв; то же, что и *цыхунлэ*;

цыхунлэ из *цыху(ы)н* «сорваться (с обрыва)», *лэ* «место» – обрыв;

цыхъэр, цэхъэр из перс. *шахар* «город», видимо, через тюрк. посредство;

цлэубгъуэ «подстилка» (низина, открытое низкое место);

цлыхъэплэ «место входа, въезда куда-либо»;

цлылэпс «низменное, увлажненное место»;

луащхъэ «курган, холм»; в назв. *луащхъэмахуэ* (Эльбрус) – в знач. «гора»; ср. адыгейск. *луашхъ* «курган, холм»; абх. *ашъха* «гора» при абаз. *быкхъуы* «гора»;

луащхъэ бын «семья курганов»; курганные могильники;

луфэ «берег».

Половина состава топонимических терминов (их около 170) является общеадыгской. При этом следует иметь в виду, что к общим относятся термины, указывающие на важнейшие реалии: *бгы* «гора», *псы* «вода», *псын(э)* «родник», *мэз* «лес», *тхы* «хребет», *шхъэ/цхъэ* «голова» (верх), *къуадж/къуажэ* «общество» (селение, аул) и др., тогда как собственно адыгейские и собственно кабардино-черкесские термины

отражают особенности соответствующей топографии или результат влияния специфической историко-лингвистической среды.

Топонимические термины с точки зрения исходного языка, как и топонимия, разнородны, хотя основная масса их является исконно адыгской. Из иноязычных шире представлены тюркизмы (*арыкъ, ауз, гуэл, джэрмэншык, кудей, къыр, отэр/уэтэр, сын, чэт, щэндакъэ/шордакъэ*) и др.; редки иранизмы (перс. *щыхъэр*, осет. *шэд*, ст.-осет. *кам*) и арабизмы, видимо, опосредованные через тюрк. языки (*хъабл1 / хъэблэ, къалэ*). В некоторых терминах адыгские элементы сплелись с иноязычными: *псыкъуи/псыкъуий, псынэчай, уэтэрып1э* (*п1э* «место»), *чэтып1э*.

Семантика терминов различна. Они употребляются:

- 1) в оронимах, обозначая детали сухой поверхности (*бгы, джабэ, къуэ, къуэладжэ, тыку, т1уащ1э* и др.);
- 2) в гидронимах различных категорий (*псы, псынэ, сэрэш, хы* и др.);
- 3) в дромонимах (названиях дорог): *гъуэгу, лъагъуэ, щ1эк1ып1э, щ1ыхъэп1э* и др.;
- 4) в ойконимах (различных типов населений): *хъэблэ, къуажэ, къалэ, хэкужэ* (бывшее поселение);
- 5) в названиях сооружений: *лъэмыж, бэтэгъэ, т1ыгъэ, джэрмэншык, уэтэр*;
- 6) в дрионимах и фитонимах: *мэз, жыг, мэкъух*;
- 7) в названиях священных мест и погребальных сооружений: *тхъэщ1агъ, кхъэ, кхъузанэкхъэ, спыун* (*испыун*), *чэщанэ* и др.

Особую группу топонимических терминов составляют слова, первичная семантика которых – части тела человека и животных: *тхы, шытх, бгы, щхъэ, напэ, нэк1у, пцэ, жьэпкъ, жьэгъу, лъэгу, пэ*.

Круг «топографических» слов в адыгских языках значительно шире собственно топонимической терминологии; в приведенный перечень включены лишь те из первых, которые в собственных именах имеют более или менее регулярное употребление. Эта регулярность весьма различна: от единичных случаев до закономерности, выражающийся в том, что термин становится ключевым словом или, в результате частого употребления и десемантизации, – топоформантом.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЯДЫ

(по топонимическим терминам и другим лексемам)

В формировании семантических рядов кабардино-черкесской системы названий топонимическим терминам принадлежит важнейшая роль. Об этом свидетельствует и подсчет. В наш Словарь* топонимов вошло около двух тысяч названий. Несколько более половины этого количества наименований имеют обязательные топоосновы, представляющие собой топонимические термины – полнозначенательные или в известной мере формализовавшиеся.

Ключевыми словами, формирующими наиболее значительные ряды топонимов, оказываются следующие:

кџуэ «балка» (речка) (как правило, - постпозитивно): *Ажэжџуэ* «козла балка», *Банэжџуэ* «колючек ~», *Бдзэжџеикџуэ* «рыбная ~», *Бжџакџуэжџыкџуэ* «старого рога ~», *Зеикџуэ* «кизиловая ~», *Кџамылыкџуэ* «камышовая ~», *Кџалэрыкџуэ* «черемшовая ~», *Щхэзлыкџуэ* «мельничная (мельничных жерновов) ~», *Псынышокџуэ* «безводная ~» и др. Всего 165; 18,7%. Это ключевое слово на территории КБР более чем в два раза чаще, чем на Западном Кавказе. Образования на **кџуэ** (qua) отмечены в Абхазии и Западной Грузии. Наименования речек (и местностей) на qua: *Агидаква*, *Ачкава*, *Малтаква* и др. (в Гурии); *Боква* (в Раче); *Аква*, *Абжаква* (в Абхазии); с наращением грузинского локативного суффикса *t* – *Джуруквети*, *Бобоквати*, *Мурквети* (Гурия - Адчара);

псы «вода, река»:

а) в препозиции: *Псыбџунж* «река косая», *Псыдахэ* «~ красивая», *Псыхушџуэ* «~ лечебная», *Псыф1э1у* «~ кислая», *Псыхуабэ* «~ теплая», *Псыхџурей* «~ круглая (озеро)», *Псыкџепк1э* «~ прыгающая (водопад)», *Псы1эрышэ* «~ рукой проведенная (канал)» и подобные;

б) в постпозиции: *Бџупс* «боковая речка», *Деупс* «ореховая ~», *Жыгзакџуэпс* «одинокое дерева~», *Залымыгџэпс* «невольная~», *Зеикџуэпс* «кизиловый балки~», *Кџейтыкџуэпс* «Кайтуковская~», *Мывэжџуэпс* «каменистой балки~», *Хуейк1ыхџыпс* «длинной поляны~» и подобные.

Всего – 40; 4,5%. В топонимии Западного Кавказа по сравнению с территорией КБР процент содержания лексемы **псы** несколько выше.

Ареал термина **пс(ы)**, как отмечено С.Н. Джанашиа, проникает в Абхазию и Западную Грузию: р. *Супса* (в Гурии от *Сур-пса* – Сурская, т.е. Суревская река...); реки в Абхазии: *Лампсы*, *Хепсы*, *Аапсы*, *Гумсы* (от *Гумпсы*) и другие. Ш.Д. Инал-Ипа тоже находит бесспорным существование адыгских элементов в топонимии исторической и современной Западной Грузии – Гурии, Раче, Аджарии. Он приводит дополнительные примеры: *Апсар*, *Акампис*, *Дирапс*, *Нампсаво*, *Келасури* и др. Х.С. Бгажба свидетельствует, что термин **псы** (ps'э) сохраняется бзыбским диалектом абхазского языка, где он «образует морфологический тип в структуре речной топонимики» (при абх. *абзы* «вода, река»): *Анакопсы*, *Хашу-псе*, *Ан-псы*, *Пс-оу* и др. (Подробнее: К. ИТ, I, 167).

Элемент **пс-ы** «вода» находят в ряде названий, зафиксированных античными авторами по территории Западного Кавказа; у Скилака Кариандского – *Апсар* (Латышев, 1, 86), у Страбона – *Псат* (Латышев, 1, 169), у Клавдия Птолемея – *Псафия* (Латышев, 1, 237).

Элемент **пш**, сохраняющийся в гидронимах Адыгеи и Абхазии, связывают с понятием воды (И.А. Джавахишвили) и считают вариантом основы **псы** (З.Ю. Кумахова).

Псынэ «родник» – продуктивен в посессивных образованиях, состоящих, как правило, из антропонима, притяжательного **и-** «его» (**я** «их») и **псынэ**:

Аслџэн и псынэ, *Дол и псынэ*, *Даут и псынэ*, *Дахэ и псынэ*, *Жэбагџы и псынэ*, *Мурат и псынэ* и под.; по местонахождению и различным признакам родников: *Псынэ гџуагџуэ* «родник (ключ) гремещий», *Псынэ дахэ* «~ красивый», *Псынэ хџурей* «~ круглый», *Псынэ хушџуэ* «~ лечебный» и под.

Всего – 43; 4,9%. Подсчет свидетельствует об относительной равномерности распределения лексемы **псынэ** на всей обследованной территории;

хэкужь «старая обитель», «брошенное место жительства», «селище», «аулище», «пепелище» - это ключевое слово с указанным значением воспринимается уже как производное, хотя диахронически имеет структуру – хэку «край», «родина», жьы «старый, -ая».

Распространение этой лексемы в адыгской (особенно – западноадыгской) топонимии связано было с различными историческими условиями. В середине XIX в. имела место переселенческая реформа, суть которой состояла в образовании крупных поселений из крестьянских усадеб или их групп. Названия с той же лексемой закрепились и за местами, которые были оставлены эмигрантами, переселившимися во II половине XIX в. (особенно в 60-е годы) в страны Ближнего Востока в результате Русско-Кавказской войны. *Лохэ я хэкужь*. Реже *хэкужь(жь)* выступает как топоним в самостоятельном виде.

Названий с этой лексемой насчитывается более 60, что составляет более трех процентов к общему количеству собранных названий;

хьэблэ – в значении «квартал» в селении; реже со значением «аул, селение, поселение»; как правило, в сочетании с антропонимом (редко этнонимом) во владельческих образованиях. Всего записано около 60 названий на **хьэблэ**, что составляет менее 3%.

Іуащхьэ «курган» – в препозиции выступает с различными определениями: *Іуащхьэ джафэ* (~ голый), *Іуащхьэ закъуэ* (~ единственный), *Іуащхьэ к1эщ1* (~ короткий, низкий), *Іуащхьэмахуэ* (~счастливый) и под. (различных определений к каб. **Іуащхьэ** известно более двух десятков); в постпозиции данный термин входит в посессивные образования с антропонимами, реже – с этнонимами: *Жыгунхэ я Іуащхьэ*, *Къудзырытц и Іуащхьэ*, *Нэзэв и Іуащхьэ*, *Тхьэгъэлэджхэ я Іуащхьэ* и под.

Всего – 80; 9,1%.

Из других топонимических терминов наибольшей повторяемостью характеризуются:

бгы «возвышение», «холм»: *Аруан бгыжь*, *Афэбг*, *Бгы гъуанэжь*, *Бгы гъуэжьыжь*, *Бгыху*, *Гъудал и бгыжь*, *Шэхъуамц1эбг*, *Шыук1ыбг* и под.;

губгъуэ «степь»: *Гумкълэ губгъуэ* и под.

гъуэгу «дорога»; *Андул гъуэгу*, *Бэзэр гъуэгу*, *Гъуэгу бгъунж*, *Гъуэгу лъэныкъуабэ*, *Гъуэгу к1ыхьыжь*, *Гъуэгуц1э*, *Къэрэщей и т1ыгъэ гъуэгу*, *Сосрыкъуэ и къантешэ гъуэгу*, *Хывыжь гъуэгу*, *Чышэ гъуэгу*, *Ят1э гъуэгу* и т.д.;

кълэ «крепость, город»: *Аржэнейкълэ* (на Тереке), *Бжэкълэ* (ст. Александровская), *Гумкълэ* (Георгиевск), *Матэкълэ* (ст. Солдатская), *Нарткълэ* (бывшее «Докшукино»), *Тэрчкълэ* (Владикавказ), *Кълэк1ыхь* (Прохладный), *Шэнткълэ* «Шэнткълэ» (Ставрополь), *Аскълэ* (Азов), *Дзыгъуэц1ык1укълэ* (Новороссийск), *Бахъсэнкълэ* (старая крепость на Баксане), *Борыкъуейкълэ* (ст. Котляревская), *Къуацэкълэ* (ст. Пришибская) и под.;

кхъэ «могила, кладбище», обычно в сочетании с антропонимом или антропонимом и притяжательными местоимениями **и** «его», **я** «их»: *Къэбардэ и кхъэ*, *Кхъэджабэ*, *Кхъэ Іуащхьэ*, *Хьыджэбзыкхъэ*, *Кхъэбэ Іуащхьэ*, *Шэрэдэ и кхъэ* и под.;

кѳуажэ Абазэкѳуажэ, Абейкѳажэ (стар.), Алыджкѳуажэ (фиктоним), Биберджкѳуажэ, Дзэлыкѳуэкуажэ, Локѳуажэ, Токѳуажэ, Трамэкѳуажэ, Хѳудкѳуажэ и некоторые другие;

лѳагѳуэ «тропа»: Жансит и кѳуэм и лѳагѳуэ, Лѳагѳуиц, Лѳагѳуэ закѳуэ, Лѳэс лѳагѳуэ, Шыд лѳагѳуэ, Шу лѳагѳуэ и др.;

мэз «лес» – чаще в постпозиции (за словом, определяющим «лес» со стороны принадлежности, по отношению к другому объекту, свойства, фауны и т.д.): Батэ мэз, Бэчар и мэз, Беслэней мэз, Ислэмык1 и мэз, Кѳуэды мэз, Мартэ мэз, Налшык мэз и др.; редко а препозиции: Мэз дахэ, Мэз к1ыхэ, Мэз хѳурей, Мэз дэгу «лес глухой» («Моздок») и др.;

мывэ «камень»: Мывэ гѳуанэ, Мывэ бру, Мывэ ду, Мывэжэ, Мывэ пэшиицжэ, Мывэ хужэыжэ, Мывэ джэддуужэ, Мывэву и др.;

псынащхэ «изголовье источника»: Гѳуаз и псынащхэ, Гѳур и псынащхэ, Джэтауэ и псынащхэ, Ехѳул1э и псынащхэ, Псынащхэ, Псынащхээпс, Псынащхэибл и под.;

псыхѳуэ «долина, пойма реки»: Тебэрды псыхѳуэ, Балѳкѳ псыхѳуэ, Мыщокѳуэ псыхѳуэ;

сын «памятник (надгробный камень)»: Даухэ я сын, Кѳанжэ шум и сын, Сосрыкѳуэ джатэк1э зэу сын, Танэ и сын, Хѳэжло и сын, Сыниц, Сыныжэ и др.;

тх(ы) «хребет», чаще выступает форма **шытх** букв. «конский хребет» (хребет): Алтудхэ я шытх, Кѳэрмэхэблэ шытх, Кѳубатий шытх, Мэзан шытх, Нартанэ шытх, Пхѳэлѳантхѳуэ шытх и др.;

т1уащ1э «междуречье»; Т1уащ1э, Хы т1уащ1э, Псы т1уащ1э и др.;

т1ыгѳэ «копаное (место)»: Алѳхѳэс и т1ыгѳэ 1уащхэжэ, К1энэтхэ я т1ыгѳэ, К1унит1ыгѳэ<К1унэ и т1ыгѳэ, Мэртазэ и т1ыгѳэ 1уащхэ, Суфѳэ и т1ыгѳэ, Хѳэжбэтыр и т1ыгѳэ, Хуринэ и т1ыгѳэ и др.;

хуей «поляна» – в названиях с этим индикатором определительное слово указывает на: 1) лицо, которому принадлежала поляна: Батыр и хуей, Елдар хуей, Елджырыкѳуэ хуей, Елмырзэ хуей, Пѳымахуэ ц1ык1у и хуей цѳэху, Хѳэжумар и хуей, Ц1ык1ужэ и хуей и др.; 2) флору полян: Андэгурэ хуей, Бэнэжэ хуей, Вэдз хуеицхуэ, Гѳурц хуей, Жалгѳын хуей, Мей лѳэбышэ хуей и др.; 3) фауну: Гуу хуей, Дыгѳужэ хуей, Хѳэнишэ хуей и др.; 4) другие свойства: Гурымышхэ хуей, Кѳуэбыдэ хуей и др.;

щхэ «голова» (верх, верховье) – по преимуществу при названиях рек, речек и других географических объектов для указания на их верховья: Арыкѳыщхэ, Бгы ц1ык1ущхэ, Выхѳуп1ащхэ, Гынгухѳушхэ, Дыгѳэмышѳуащхэ, Жэрэщхэуэтыщхэ, Кѳамылыщхэ, Кѳырыщхэ, Кѳуришыщхэибл, Мэкѳуп1ащхэ, Шэдыщхэ и др. Термин щхэ входит в состав других апеллятивов: щхэ пц1анэ «голец» (см. ниже), кѳушхэхѳу «горное пастбище» и др.;

К терминам, образующим относительно редкие или единичные топонимы, следует отнести:

арыкѳ (из тюрк.) «безлесные горы»: Арыкѳ, Арыкѳ куэбжэ, Арыкѳ нэк1у, Арыкѳ папц1э, Арыкѳ ц1ыб и др.;

ауз (из тюрк.) «долина реки»: *Балъкъ ауз, Бахъсэн ауз* и под.;

черк. **аул** «село, деревня» (из тюрк.); термин принят в русском языке для обозначения адыгейских и черкесских населенных пунктов (*аул Кирова, аул Понежукай, аул Хабез* и под.), тогда как для населенных пунктов в КБР употребляется в официальном обиходе русское «село, селение» (*село Кишпек, село Курп* и под.). Понятия «аул», «село», «деревня», «поселение» адыгейцы и кабардинцы на родном языке выражают терминами **чылэ/жылэ, къуадж/къуажэ, хьабл/хьэблэ**. Термин же **аул** употребляется как заимствование из русского языка в русской и адыгской речи: *Аулым сыщылащ* «был в ауле»; *Вольнэ Аул* «Вольный Аул» и под.;

адыг., каб.-черк. **-бгъу** «бок» (берег, сторона): *Гуэрэныбгъу* и др.;

бгъуэныц1агъ «пещера»: *Бгъуэныц1агъ, Бгъуэныц1агъыжъ, Къанккъулхэ я бгъуэныц1агъ, Къураты бгъуэныц1агъыжъ, Лафыщхэ я бгъуэныц1агъыжъ, Фыз и бгъуэныц1агъ* и др.;

гу «сердце» (середина); входит в состав терминов **псыгу** (*псы* «вода») – «остров», *уэгу/уэ* «небо», «верх»: *Чынт Гуэрэныгу, Щоджэныгу* и др.;

гъуазэ «ориентир» (единичные образования): *Пхъэгулгъей гъуазэ* «алычовое дерево - ориентир» (в лесу);

дурэш «угол» (тупик): *Дэзай и дурэш, Зэкъей дурэш*;

джабэ «бок» (горка, небольшой склон): *Жэрэщты джабэ, Къэзэуат джабэ, Кхъэджабэ, Уэзрокъуэ джабэжъ, Хьэп1ым1 и джабэ* и др.;

жылэ «селение, аул»: *Вак1уэжылэ* (в РКЧ); *Нарт жылэк1э, Нарт жылэку* (фиктонимы);

куэбжэ «ворота» (вход): *Арыкъ куэбжэ, Джатэ къуэбжэ*;

кумб «яма»: *Вэщ кумб, Кхъапхэ кумб, Фызабэ кумб, Хъеймащэ кумбищ, Шэдыгъуей кумб, 1уащхэ кумб* и др.; ср. адыг. **бы** «яма, нора, углубление»;

к1э «хвост» (конец, низ): каб. *Бэмбак1э, Бжак1э, Джабэк1э, Къуажэк1э, Щ1ып1эк1э* и др.;

к1уэц1 «внутренность», «нутро» (закрытое, ограниченное пространство): *Алэсчырхэ я псык1уэц1, Дейк1уэц1, Къубищ и псык1уэц1, Кхъувык1уэц1* и др.;

лъапэ «ступня» (подножие горы): *1уащхэмахуэ лъапэ, Мышыкъуэ лъапэ, Бецто лъапэ, Мэз лъапэжъ* и под.; в адыг. – параллельно – *лъапс*;

лъэгу «нижняя часть ступни» (подошва, широкая низина): *Думэн лъэгу, Джэдыгъэ лъэгу, Кхъуэбанэ лъэгу, Меибэ лъэгу, Тхъэмыщк1эжъ лъэгу, Щхъэл лъэгужъ, Фокъуэ лъэгу, Щхъэлыкъуэ лъэгу* и др.;

лъэмыж «мост»: *Алисахэ и лъэмыж, Къэрэщей лъэмыж, Лъагуэжъ и лъэмыж, Хьэпащ1ей лъэмыж*; см.: *щ1ылъэмыж* (ниже) – букв. «земля+мост»;

напэ «лицо» (открытый, склон): *Бэч напэ, Хьэсанэ напэ, Напэ дахэ* и др.;

пэу «выступ (горы или холма)»: *Атей и пэу к1агуэ, Пэу ц1ук1у, Пэушхуэ* и др.;

пхациэ «тыл», «захолустье»: *Бабыгудей пхациэ, Хьэбэз пхациэ, Пхациэ* и др.;

унэ «дом»: *Унэ-убат; Чэнжэ унэ*; ср. шапс. *Испун (Спун)*;

фэху «голец», «место, лишенное растительности»: *Фэху, Фэху пэуц1э, Фэху ет1уанэ* и др.;

хьу «подножный корм», «выпас», «пастбище»: *Жыгыц1эху, Кьуцхьэху, Кьуцхьэхушуэ, Фаджэху* и др.;

щ1ы (щ1ыгу) «земля»: *Алгэсчырхэ яц1, Бат1 и кьуэм и щ1ы лгагэ, Дамэц1, Щ1ыцхьэл, Щ1ыц1эгьур* и др.; ср. в терминах: адыг. **чып1** букв. «земля + место (местность)», то же в каб. *щ1ымт1* «канава» (из *щ1ы* «земля», *т1* (ын) «копать»);

щхьэпц1анэ «вершина голая», голец (ср. тюрк. *кашкатау*): адыг. *Щхьэпц1анэ ныджэ*, ср. адыг. *Шхьэпц1анэ*;

щыгу «вершина»: *Бгыжь щыгу, Зэлэн щыгу, Сонэ хьэдэ щыгу, Убалгэ щыгу, Шк1эшхыцхьэ щыгу, Щхьэл щыгу, Ят1э кьыхып1э щыгу* и др.

щ1эубгьуэ «подстилка», низина: *Кьулгьужын щ1эубгьуэ, Псы1эрышэ щ1эубгьуэ, Щ1эубгьуэ*.

Названия с другими (редкими) топонимическими терминами: *гьудей* «мелколесье», *Джын – Джын куэц1* (куэц1 «подол», закрытое место), *Кьырымэт и мэш* (мэш «просо», участок под посев), *Шынэпкэ* (нэпкэ «берег», «крутой склон») и др.

В образовании семантических рядов кабардино-черкесских топонимов важная роль принадлежит альтернативным парам. Можно отметить несколько видов альтернации, имеющих различную продуктивность.

Наиболее значительную группу противопоставленных названий образуют топонимы с увеличительным суффиксом **шхуэ** «большой» и **ц1ык1у** «малый»: *Бзуукгьуэшхуэ – Бзуукгьуэ ц1ык1у, Дамыггьуэшхуэ – Дамыггэ ц1ык1у, Джэтэжьыкьуэшхуэ – Джэтэжьыкьуэ ц1ык1у, Дзэлыкьуэшхуэ – Дзэлыкьуэ ц1ык1у, Гумышхуэ – Гум ц1ык1у, Инжыджышхуэ – Инжыдж ц1ык1у, К1ейшхуэ – К1ей ц1ык1у, Кьэнжалышхуэ – Кьэнжал ц1ык1у, Лабэшхуэ – Лабэ ц1ык1у, Лэхьрэнышхуэ – Лэхьрэн ц1ык1у* (Хан-Гиреем зафиксированы формы с уменьшительным суффиксом **жьей** – *Бахгьсэнжьей, Лэхьрэнжьей*).

В диминутивной паре увеличительное значение редко создается словом *ин* «большой»: адыг. *Бгьуашэ ин – Бгьуашэ ц1ык1у* и под.

В ряде случаев формально выражен лишь один из членов противопоставления (уменьшительный): *Ло кьуажэ – Ло кьуажэ ц1ык1у, Щхьэлыкьуэ – Щхьэлыкьуэ ц1ык1у* и под.

Другие средства противопоставления указывают на: а) главную реку и приток: *Шэрэдж анэ* «Черек-мать» – *Шэрэдж хэхуэ* «Черек впадающий (приток)»; б) экспозицию: *Кьуэжэ ипцэ* «балка (большая) южная» – *Кьуэжэ ипцхьэрэ* «балка (большая) северная»; в) порядок следования, расположения: *Мыцхьыдж пэуц1э* «Мишхидж первый» (встречающийся первым) – *Мыцхьыдж ет1уанэ* «Мишхидж второй»; *Япэ бдзэжьейкьуэ* «первая рыбная балка» – *Ет1уанэ бдзэжьейкьуэ* «вторая рыбная балка»; г) длину объекта: *Шытх к1ыхь* «хребет длинный» – *Шытх к1эц1* «хребет короткий»; д) форму

объекта: *1уащхэ пагуэ* «курган тупой (неостроверхий)» – *1уащхэ папц1э* «курган островерхий» и др.

В образовании сравнительных пар все более широкое участие принимают заимствованные из русского языка слова: *Первэ Лэскэн* – *Второй Лэскэн*, *Верхнэ Къулъкъужын* – *Нижнэ Къулъкъужын*, *Урыху* – *Старэ Урыху* и под.

3. ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ТОПОНИМИИ

Поскольку в кабардино-черкесском языке основным способом словообразования является словосложение, здесь нет или почти нет суффиксальных, в строгом смысле этого слова, образований, как, скажем, формы на **-ск** в русском языке. Здесь сформировался определенный набор внешних показателей, или формальных средств. Последние представляют собой: а) определительные (притяжательные) слова, б) термины-апеллятивы, в) корневые элементы. Эти языковые средства, имея массовую повторяемость обычно в конце топонимов, подверглись различной степени грамматикализации и десемантизации и приобрели значение топонимических формантов. Поэтому термин «формант» по отношению к ним в известной мере условен. Эти топонимические элементы, или топоформанты, создают формульность кабардино-черкесской топонимии. Продуктивность их различна. Нижеследующий обзор построен по убывающей продуктивности.

-п1э – полузнаменательный топоформант со значением места. В современном кабардино-черкесском языке в самостоятельном (нетопонимическом) употреблении значит «постель», «след». Значение же «место» в обычной лексике выражается сочетанием со словом *щ1ы* «земля» (букв.»земля+место«).

Названия, в которых выступает топоформант **-п1(э)**, следует разделить на две категории:

1) топонимы, содержащие устоявшиеся уже термины с включением элемента **-п1э**: **дыгъап1э**, где *дыгъэ* «солнце» (солнечная сторона, солнцепек, южная экспозиция): *Дыгъап1э*, *Кардон дыгъап1э* и др.; **мэкъуп1э**, где *мэкъу* «сено» (покос, луг под скос): *Мыхъэмэт ц1ык1у* и *мэкъуп1э*, *Уэрым* и *мэкъуп1э* и др.; **плъап1(э)**, где *плъэ(н)* «смотреть» (наблюдательное место): *Гуартэ* и *плъап1э*, *Мамыху* и *плъап1э* и др.; **щыхуп1э**, где *щыху-н* «сорваться с чего-то» (обрыв): *Щыхуп1э*, *Къэсей* и *щыхуп1э*, *Тхъэк1умэк1ыхъ щыхуп1э* и под.

Некоторые из терминов этого типа образуют противопоставленные по семантике пары: **дэк1ып1э** «место подъема» (*Бэлагъыхэ я дэк1ып1э*, *Гуэл дэк1ып1э*) – **дыхъэп1э** «место спуска куда-либо, между чем-либо» (*Дахэ* и *дыхъэп1э*, *Дэшхуей дыхъэп1э*); **щ1эк1ып1э** «место прохода (выхода) под чем-либо» (*Дыкъуэнагъ щ1эк1ып1э*) – **щ1ыхъэп1э** «место входа куда-либо», например, в лес (*Дыгъужьыкъуэ щ1ыхъэп1э*); **дэшып1э** «место вывоза вверх, в гору» (*Гупхъэт1эк1у дэшып1э*, *Гъасэ дэшып1э*) – **къелъэфэхып1э** «место волока вниз, с горы» (*Къелъэфэхып1э задэ*, *Пхъэ къелъэфэхып1э*). Менее употребительные: **елъап1э**, где *елъэ-н* «перепрыгнуть» (узкое место) – *Хъэ елъап1э*, **уап1э**, где *уэ-н* «валиться», «скапливаться» (*Тхъэрыкъуэ уап1э* «где скапливаются голуби», *хъэ уап1э* «где скапливаются собаки» (волки); ср. *уэ-н* – в прямом значении – «бить, ударять» (*Щыблэ уап1э* «место, где ударила молния»); **унап1э** «место дома, усадьбы» (*К1уэк1уэ Жамырзэ* и *унап1э*); **щхъэдэхып1э**, где *щхъэдэх-ын* «переходить через что-то» (перевал) – *Чыщбалъкъ*

щхьэдэхын1э; щ1эубыдап1э, где *щ1эубыдэн* «запирать, загонять», загон для скота (*Батыр и щ1эубыдап1э*) и др.;

2) топонимы, в которых формант **-п1э** свободно сочетается с глагольными основами и которые указывают на места, где что-либо совершалось, происходило, происходит: *Абдул и куэ пыхын1э* «место, где Абдулу оторвало ногу», *Баш игъэжын1э* «место, где просовывается палка» (дыра в скале), *Бэлэтокъуэ и псы егъэфан1э* «место, где Балатоко поил (скот)», *Беслэн и пхъэ зэгъуэхын1э* «место, где Беслан распиливал древесину», *Гулъэф идзан1э* «место, где одевается (на колесо) тормозное устройство» (крутой спуск), *Кхъужь гъэгъун1э* «место, где сушат груши», *Мудар и щхъэ пылган1э* «место, где повесили Мудара», *Нахъуэ и вы егъэзын1э* «место, где Нахо сгонял волов», *Сосрыкъуэ и шы гъэджэгъун1э* «место, где Сосруко гарцевал», *Уфэрэнк1ын1э* «место, где переворачивается (телега)», *Хъахуэ и гъэлхуэщын1э* «место, где Хахо производил окот овец», *Хъуд и шы гъэпцк1ун1э* «место, где Худ прятал лошадей» и т.д.

2. **-гъуэ** – полузнаменательный топоформант со значением места. Коррелят в обычной лексике *гъуэ* «нора», «гнездо». Образует с глагольными основами повторяющиеся в топонимах ключевые слова *ик1ыгъуэ* от *ик1-ын* «переходить, переправляться» (место брода, переправа): *дэк1ыгъуэ* от *дэк1ы-н* «подниматься» (подъем) – *мывэ дэк1ыгъуэ*; *тещ1эгъуэ* от *тещ1э-н* «наклоняться над чем-либо» (*Тещ1эгъуэ* – название местности с уклоном, где наклоняется транспорт); *егъэзыхыгъуэ* от *егъэзыхы-н* «направляться вниз, спускаться» – *Пщыунэл1 и егъэзыхыгъуэ*; *щыхугъуэ* от *щыху(ы)-н* «срываться, отрываться, падать с чего-то» (обрыв) – *Щыхугъуэ, Гу щыхугъуэ* и др.

Реже **гъуэ** в топонимах употребляется в узком (прямом) значении – «нора», например, *Бажэгъуэ* «лисья нора».

О близости грамматической природы топоформантов **п1э** и **гъуэ** свидетельствует возможность образования ими синонимических пар: *щыхугъуэ* – *щыхун1э* «обрыв», *ик1ыгъуэ* – *ик1ын1э* «переправа».

Можно предположить генетическую связь топоформанта **гъуэ** со словообразовательным элементом **-гъу(э)**, имеющим временное значение: *шхэгъуэ* «время еды» (*шхэн* «есть»). Общая их особенность – локализирующее значение, в первом случае – в пространстве, во втором – во времени. Между прочим, исследователями адыгских языков еще не указывалось на локативный формант **-гъуэ** (в пространственном значении), выступающий в топонимической терминологии и топонимии.

3. **-лъ(э)** – топоформант со значением вместилища. Сохраняет лексическую связь с общеадыгской основой *-лъэ* «место», от которой он происходит (Кумахов 1964, 124). Употребляется при именных основах, указывая на наличие и изобилие в данной местности реалия, называемого апеллятивом: *Кхъужьейлъэ* «грушовник», *Ек1эпц1алъэ* «ольховник», *Мывалъэ* «каменистое место» и др.

С элементами **-лъэ** и **-п1(э)** образуются синонимические пары лексем: *салъэ, самп1э* «ножны».

Топоформант **-лъэ** в языке самостоятельного коррелята не имеет.

4. **пэ** «нос», «начало», «устье», «конец»; в адыгейском языке термин продуктивнее и употребляется в значении «устье реки». Ареал термина **-п(э)** «устье» – Западное Предкавказье, Причерноморье, включая Абхазию.

В адыгейском апокопированные формы **(-п)** чередуются с полными: *Агуяп* – *Агуяпэ* «устье р. Агуй», *Афыпсын* «устье р. Афипс», *Ашан* «устье р. Аше», *Лабэп* «устье р. Лаба», *Мыекъяуапэ* (Майкоп) «устье р. Мыекьо»*, *Азып* и др.

И.А. Джавахишвили к этому словообразовательному ряду относит *Анапа*, *Пантикапа* (*Пантикапей*), *Синопа* (ср. *Синоп* – местечко близ Сухума и город на турецком побережье), *Хона***.

В Гудаутском районе Абхазии: *Бзы-п*, *Хап*, *Хылы-п*, *Ас-па*, *Пшьа-п*, *Гара-п* (*Бгажба* 254).

Уместно, на наш взгляд, предположение С.Н. Джанашиа о том, что гидроним *Бзыбь* (*бзып*) в Абхазии (устье – у Пицунды) имеет тот же адыгский элемент **пэ** «устье» (с последующим перенесением названия местности при устье реки на реку) (*Джанашиа* 626, 628).

В кабардино-черкесской топонимии **пэ** употребляется лишь в значении «конец», «край»: *Дыуэлэ* «край, кончик талисмана» – по форме местности, метафора; *Нэмэзлыкътэ* «край молитвенного коврика» (метафора); *Бжъэлэ* «пригорок» (букв. «кончик рога») и др.

5. **-жъ** – топоформант с коррелятом **жъы** «старый, -ая, -ое». Как правило, формант **-жъ** присутствует в названиях наиболее известных, значительных физико-географических объектов и вносит в их значение элемент экспрессии: *Балъкъыжъ*, *Бахъсэнжъ* и под. В таких гидронимах **--жъ** указывает не на «возраст» («старый») рек, а на субъективное отношение человека к объекту («большой», «известный», «добрый»). Именно эта функция для данного элемента наиболее характерна в адыгской топонимии. Такое употребление **-жъ** при апеллятиве *псы* «река» и превратилось в кабардино-черкесское название Кубани – *Псыжъ*, которое буквально (и формально) толкуют как «старая река».

Десемантизация элемента **жъ<жъы** «старый, -ая, -ое» иллюстрируется его сочетаемостью с противоположной по значению основой, например, в названии *Щыщ1эжъ*, где *щ1ыщ1э* «земля новая» (целина), **-жъ** из *жъы* «старый, -ая».

Формант **-жъ** входит в состав ряда апеллятивов, производных уже в плане синхронии: *хэкужъ* «селище», «прежнее обиталище» (см. выше), *гъуамэжъ* и др.

Однако основное назначение форманта **-жъ** в топонимии – выражение отмеченной экспрессивной функции. Свободная сочетаемость этого элемента с названиями различных классов привела к широкому развитию вариантности между нейтральными и экспрессивными формами одних и тех же топонимов: *Тэрч* – *Тэрчыжъ*, *Бэтэгъэ* – *Бэтэгъэжъ*, *Бахъсэн* – *Бахъсэнжъ* и др.

Эти варианты лишь в редких случаях имеют соответствующие буквальному значению реалии: *Лабэ* – р. Лаба в отличие от *Лабэжъ(жъ)* – «Лаба старая» (прежнее русло Лабы).

Для большого количества названий формы с **-жъ** стали преобладающими: *Даур* и *1уащхъэжъ*, *Къуэ1энэщ1ыжъ*, *Чылархэ* и *1уащхъэжъ*, *Шымэкъужъ*, *Щ1ыгъурыжъ* и т.п.

Во многих названиях элемент **-жъ** служит средством отличия собственного имени от соответствующей основы – апеллятива, что позволяет сделать вывод о специальном топонимическом значении данного суффикса: *Нэк1ужъ* – ср. *нэк1у* «склон», *Къалэжъ* – название естественных объектов (гор) и искусственных сооружений, имевших в старину

военно-оборонительное значение – ср. *к̆алэ* «крепость, город»; *Шыгуужь* – ср. *шыгу* «вершина», *Псыжь* (Кубань) – ср. *псы* «река» и др.

6. **-ей** – именной суффикс, возводимый к общеадыгскому притяжательному аффиксу **-й**. Исторически «владельческие» топонимы, образованные от антропонимов, получали широкое распространение: *Ал̆эсчырей*, *Ашабей*, *Бабыгуей*, *Дох̆ушык̆уей*, *Дум̆аней*, *Дыг̆уланей*, *Инарык̆уей*, *Мамык̆ущей* и под.

Подобные названия в годы советской власти заменились наименованиям и по физико-географическими и другим объектам: *Блашэпсынэ* вместо *Дох̆ушык̆уей*, *Дум̆аней*; *К̆уэӂык̆уей* и другие кварталы – по р. Аргудан; *Бабыгуей* – по р. Сэрмак̆ («Сармаково»), *Ашабей* по р. Малка; *Х̆эт1ох̆ушык̆уей* – по балке *Зеик̆уэ* («Заюково»), *Агуб̆эчей* – по названиям мавзолеев с куполами *К̆убэ* («Куба»), *Инарык̆уей* – по р. Курп.

Значительно количество топонимов этого рода лишено уже реалий, потому что в результате объединения мелких поселений в крупные «владельческое» имя удерживается за опустевшей местностью (например, каб. *К̆эзан̆ык̆уей* – в Баксанском ущелье). С другой стороны, такие названия по той же причине образовали значительный слой сельской микротопонимии, так как небольшие поселения (*х̆эблэ*), войдя в аул или село как один из кварталов, удерживают старые названия. Одно из таких названий (первого или более значительного поселения) обычно служило наименованием всего населенного пункта. Так, для кабардинского селения «Старая Крепость» общим названием было *Кушм̆эзык̆уей*, хотя в него входили еще кварталы *Дӂэт̆эӂей*, *Ех̆ушык̆уей*.

С «владельческими» топонимами по форме совпадают названия по породам деревьев, потому что последние в адыгских языках образуются с помощью того же притяжательного суффикса от наименований соответствующих плодов (так же образуются по аналогии и названия «бесплодных»): *Х̆ум̆былей* (*х̆ум̆былэ* «хмель»), *Чыц1ып1ей* (*чыц1ып1ей* «бересклет»), *Ш̆эдыг̆уей* (*ш̆эдыг̆уэ* «дикая черешня») и др.

7. **-х** – общеадыгская основа со значением «низ», «низменное место». Круг терминов и названий с этим элементом ограничен: адыг. *ых* «низ», *охы* «низина», каб. *уэх* «впадина, низина», в «топографическом этнониме» и старинном кабардинском названии Адыгеи – *К1ахэ* букв. «низовые (жители)»; каб. термин и название *б̆этэх* «кочковатая низина» (*Б̆этэх* – каб. селение). Ср. каб. *М̆эзэхэ* – речка и лес в верховьях Малки. Следует изучить возможность привлечения к этому ряду шапс.: *Щахэ* (*Шахе*), каб. *Тепсыхэ* и др.

8. **-г̆эз** – суффикс причастия прошедшего времени; употребляется в ограниченном количестве адыгских терминов и названий, создавая значение абстракции в сочетании с глагольными основами: в терминах *т1ыг̆э* (адыг.), *т1ыг̆эз* (каб.) «копанный, -ое» (ср. адыг., каб.-черк. *лыг̆эз* «пал») и некоторые др.

4. СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Кабардино-черкесская топонимия характеризуется большим разнообразием структурных моделей. То обстоятельство, что словосложение в адыгских языках является основным способом словообразования, а также сама природа топонима, в большинстве случаев предполагающая присутствие в нем компонентов, выражающих характеризующее и характеристику, обуславливают значительное количественное преобладание (до 90%) в адыгских языках сложных образований. Так называемые сложные и составные названия в зависимости от грамматической природы компонентов и характера их синтаксических отношений подразделяются на целый ряд подвидов.

Топонимы, имеющие сложную (в широком смысле) структуру, можно разделить на три основные группы:

1) двучленные именные структуры (атрибутивные синтагмы), в которых каждый из составляющих может быть сложным или составным (одно-, дву-, трехкомпонентным);

2) глагольно-именные названия с объектно-субъектными отношениями компонентов или трансформирующиеся как таковые;

3) особую подгруппу составляют названия с причастием – предикцирующим определением.

Количество моделей с копулятивными отношениями компонентов среди кабардино-черкесских названий незначительно.

4.1. Именные атрибутивные структуры

При рассмотрении топонимов с атрибутивными отношениями следует иметь в виду, что в адыгских языках, как и в тюркских, например, имя прилагательное не имеет грамматического оформления, хотя различия между относительными и качественными в них создаются лексически.

Относительное прилагательное по форме не дифференцировано с именем существительным и является прилагательным лишь постольку, поскольку является определением: ср. *псы щхъэл* – *псы* «вода, река», *щхъэл* «мельница» (водяная мельница) и *щхъэлыпс* «мельничная вода». В качестве прилагательного-определения выступает то имя, которое находится в препозиции. Показатели падежа, числа, относящиеся ко всему сочетанию, получает лишь второй член состава. Ср.: *мывз унэ* букв. «камень + дом», балк. *таш юй* «камень + дом», русские архаичные жар-птица, душа-человек, свидетельствующие о былом существовании в славянских языках существительных-определений.

Однако в топонимах, несмотря на морфологическую нерасчлененность существительного и относительного прилагательного, определение и определяемое легко различаются не только фиксированной препозицией первого, но и тем, что второе, как правило, – это повторяющийся в массе названий топонимический термин, предполагающий определение для своей онимизации.

Назовем основные модели сложения (перечисление – по убывающей продуктивности).

1. Имя (определение) + имя (определяемое): *Дзэл мэз* «ива + лес», *Дзэлыкъуэ* «ива + балка», *Къамылыкъуэ* «камыш + балка», *Къэлэрыкъуэ* «черемша + балка», *Мывэду* «камень + сапетка (закром)», *Нартыкъуэ* «нарт (богатырь) + балка», *Псы хуцхъуэ* «вода + лекарство» и др.

2. Имя (определяемое) + качественное прилагательное (определение): *Мэз-дэгу* – *мэз* «лес», *дэгу* «глухой», *Псынэдахэ* – *псынэ* «родник», *дахэ* «красивый» и т.п. То же в родственных языках: абаз. *Быкхъыду* – *быкхъы* «гора», *ду* «большая», абх. *Адзыш-ра* – букв. «речка белая», *Адзы (хь)* «родник красивый», убых. *Бзычы* «вода холодная» и т.п.

Диахронически сюда относятся атрибутивные сочетания, в которых определения фонетически слились с определяемыми апеллятивами и получили усеченную форму: адыг. *Бгыф* из *бгы* «гора» и *фыжъы* «белая», то же значение у каб. *Бгыху* из *бгы* и *хужь*;

адыг. *Псынэф* «родник светлый (чистый)», адыг., каб. *Бгыплъ* – *бгы* «гора», *плъыжъ* (каб.), *плъыжъы* (адыг.) «красная» и под.

Заслуживает специального внимания вопрос о наличии в адыгской топонимии образований с препозицией качественного прилагательного или числительного, видимо, как сохранение более свободного словоупотребления: шапс. *Дыджыпс* букв. «горькая вода» (производное-*Дыджыпс къушхъэ* «горькая вода +гора»), *Гъопсы* «желтая (с примесью глины) вода» (ср. адыг. *гъопсы* «сукровица»), *К1ыхъашхъэ* «длинная вершина» и др.

Ср. порядок компонентов в адыгских сложных антропонимах: каб. *Дахэуэс-дахэ* «красивая», *уэс* «снег» (белая) *Хужьпагуэ-хужь* «белая», *пагуэ* «коротконосая» (жен. имена), где первые части, видимо, получили субстантивацию; *Махуэл1* (фам.) «счастливый мужчина» (ср. обычный порядок тех же компонентов в фам. *Л1ымахуэ* «мужчина счастливый»); возможно, *Гъуэныбэ* букв. «желтое брюхо» (ср. русск. «желтобрюхий», укр.фам. «Жовтобрюх») и др.

Соотношение компонентов в адыгских сложениях *Дыджыпс* «горькая вода» и *Псынэ дыдж* «родник горький» можно сопоставить с парой скифск. *Дон-опр* «река глубокая» и осет. *Орф-дон* «глубокая река», которые, по мнению В. И. Абаева, иллюстрируют разницу «между двумя историческими этапами развития одного языка, отраженную в способах образования сложных слов» (Абаев. ОЯФ, 236).

Препозиция качественного прилагательного в топонимах и апеллиативах может оказаться лишь видимой, напр.: *Дахэпсынэ* – возможно, из *Дахэ* и *псынэ*, а термин *щ1ы1эпс*, видимо, – результат преобразования *щ1ы псы1э* «земля влажная» в результате метатезы во второй части и не имеет определения *щ1ы1э* «холодный».

Препозицию качественных прилагательных в современных адыгских языках М. А. Кумахов в ряде случаев справедливо объясняет как образования, созданные «на базе именных групп». Действительно, каб. *гъуэжъ уз* «желтуха» (из *гъуэжъ* «желтый, -ая, -ое», *уз* «болезнь») создано. видимо, по аналогии с *ныбэ уз* «живот + болезнь», *щхъэ уз* «голова + болезнь» и под.

Но такие образования, в отличие от ономастических, древностью не отличаются

3.Сложное название (имя + имя) + определяемый апеллиатив: *Джэдыкъуэ мэз* «фазанья балка + лес», *Бажэгъуэ 1уашхъэ* «лисыя нора + курган», *Мывэкъуэпс* «каменистая балка + вода»; *Гынгухушхъуэ-гын* «порох», *гухъуэ* «ступа», *щхъэ* «голова» (вершина)» и др.

4.Определительное сочетание из имени и качественного прилагательного + определяемый апеллиатив: *Мей лъэбышэ хуей* – *мей* «дикая яблоня», *лъэбышэ* «покосившаяся», *хуей* «поляна»; *Гъуэгу лъэныкъуабэ шытх* – *гъуэгу* «дорога», *лъэныкъуабэ* «наклонная», *шытх* «хребет»; *Жыг закъуэпс* – *жыг* «дерево», *закъуэ* «единственное», *пс(ы)* «река»; *Къуэбыдэпс* – *къуэ* «балка», *быдэ* «крепкая» (недоступная)», *пс(ы)* «река».

5.Сложное название (имя + имя) + качественное прилагательное (определение): *Мывэкъуэ ц1ык1у* «каменистая балка + малая», *Дей мэз ц1ык1у* «ореховый лес + малый», *Джабэ 1уашхъэ ц1ык1у* букв. «гора + курган + малый», *Кхъуэпсыжъ-кхъуэ* «свинья, кабан», *псы* «вода», *жъ(ы)* «старая» (болото) и др.

6.Имя (определяемое) + качественное прилагательное (определение) + качественное прилагательное (определение к предыдущему определительному комплексу): *Къуэ1энэщ1ыжъ* – *къуэ* «балка», *1энэщ1* «пустая» (из *1э* «рука» и *нэщ1* «пустая»), *-жъ<жъы* «старая», «большая» и др.

7.Имя с суффиксом принадлежности (названия мест по жителям или деревьям по плодам) + определяемое имя: *Зеикъуэ* – *зей* «кизиловый» (кизиловое дерево), *къуэ* «балка»; *Дей к1уэц1* – *дей* «орешник», *к1уэц1* «внутренность, внутри»; *Ашабей 1уащхэ* «Ашабовский курган» и др.

8.Комплексы, в первой части которых – сложения из существительных и прилагательных (иногда - двух): *Зеикъуэ бгы хужьыжь* – *Зеикъуэ* «кизил (кизиловая) балка», *бгы* «гора», *хужь* «белая», *-жь<жъы* «старая (большая)» – мелиоративный суффикс и др.

В таких сложных образованиях первое сочетание определяет второе.

9.Сложное название (существительное + качественное прилагательное + существительное) + определяемый апеллятив: *Псыц1ык1укъуэ хуей* – *псы* «река», *ц1ык1у* «малая», *къуэ* «балка», *хуей* «поляна» (поляна (в) балке малой речки) и под.

К названиям с атрибутивными отношениями компонентов примыкают и продуктивные в адыгской топонимии посессивные образования, которые представляют собой в своем большинстве притяжательно-определятельные словосочетания (изафетные конструкции). Посессивные образования по составу имеют различную степень осложненности. Входящие в их состав лексические единицы относятся к различным грамматическим категориям. Вот основные их типы (по убывающей продуктивности):

1.Имя (антропоним) + притяжательное местоимение (определятельная часть) + апеллятив-существительное (определяемая часть): *Анзор и уэтэрып1э* «Анзор его стоянка для скота» – зимовье (летовка) Анзора; после фамильных имен притяжательное местоимение употребляется во множественном числе: *Абейхэ я мэз* – *Абейхэ* «Абаевых», *я* «их», *мэз* «лес» (лес Абаевых).

2.Имя (антропоним) + притяжательное местоимение (определятельная часть) + субстантивированная глагольная основа: *Суфэ и т1ыгъэ* – *Суфэ* – имя, *и* «его», *т1ыгъэ* – суффиксальное образование от основы *т1ын* «копать» и под.

3.Имя (антропоним) + притяжательное местоимение (определятельная часть) + сочетание из объектного имени и глагольной основы, оформляемой топоформантом *-п1э* или апеллятивом (определяемая часть): *Сосрыкъуэ и шы дэхуеип1э* – *Сосрыкъуэ* – имя персонажа нартского эпоса, *и* «его», *шы* «лошадь», *дэхуеи(н)* «загонять наверх», *п1э* «место».

4.Сопологающиеся антропоним + определяемый апеллятив: *Бабыгу ик1ып1э* – *ик1ып1э* «брод», *Елыдж губгъуэ* – *губгъуэ* «степь» и под.

4.2. Глагольно-именные структуры

В названиях, представляющих собой сочетание имени с глаголом, имя находится в препозиции. Глагольный элемент в них, говоря словами проф. Яковлева, «выступает в наиболее чистом виде». Эти основы, несмотря на внешнее сходство с формой повелительного наклонения (это иногда вводит в заблуждение исследователей), по значению эквивалентны русским причастиям: *Хьэц1эук1* «гостя убивающий», *Мэлгъал1э* «овцу умерщвляющий» и т.д. Такая основа в топонимах не имеет определенной временной соотнесенности.

Классификацию моделей образования топонимов проводим с учетом исторического состава их. Поэтому указания на «определение», «определяемое», «объект», «субъект» иногда (для неделимых в современных адыгских языках сложений) при анализе состава топонимов имеют условное значение. В зависимости от синтаксических отношений, в которые вступают сочетающиеся основы, кабардино-черкесские «глагольные» названия можно разделить на ряд моделей:

1.Имя (объект) + основа переходного глагола: адыг. *Шытхъэлэ* – *шы* «лошадь», *тхъэлэ(н)* «топить, душить»; ср. названия с той же глагольной основой при других именах: *Жэмтхъэлэ* – *жэм* «корова», *Хъэтхъэлэ* – *хъэ* «собака», *Къардэнтхъэлэ* – *Къардэн* – фамилия; *Пхъэц1эвэ* – *пхъэ* «дрова», *ц1эвэ(н)* «зарывать, зарываться» (при скупке с крутизны) и под.

К этому же типу надо отнести образования, где первый компонент – сложное слово (имя+имя) при переходной глагольной основе: *Выщхъэф1эч* – *выщхъэ* «бычья голова», *ф1эч(ын)* «оторвать», *Выдзэ1ууд* – *выдзэ* «бычий зуб», *1ууд(ын)* «выбивать», *Гук1эпыч* – *гук1э* «телеги конец (хвост)», *пыч(ын)* «отрывать» (трудный переезд) и т.п.

Особые подгруппы образуют формы, в которых глагол осложнен каузативным суффиксом **-гъэ**, а иногда тем и другим вместе (*Шэмыгъапц1э* – *шэ* «молоко», **мы-** отрицание, **гъэ-** – суффикс каузатива, *пц1э(н)* «закисать, закисаться» – (прохладная) местность, которая не дает закисать молоку).

2.Имя+глагольная основа, осложненная топоформантом **-п1э** со значением места: *Гъасэ дэшып1э* – *гъасэ* «необмолоченный хлеб», *дэшын* «вывозить» (наверх), *Кхъужь гъэгъун1э* – *кхъужь* «груша», *гъэгъун* «сушить» и др.

3.Объектное имя при глагольной основе + определяемый апеллатив: *Кхъуэук1мэз* – *кхъуэ* «свинья», *ук1(ын)* «убивать», *мэз* «лес», *Мэлук1ыбг* – *мэл* «овца», *ук1(ын)* «убивать», *бг(ы)* «гора», так же – *Шыук1ыбг* – *шы* «лошадь», *Мэц1ауэ 1уащхъэ* – *мац1э* «саранча», *уэ(н)* «бить, пугать», *1уащхъэ* «курган» и др.

4.Имя при непереходной глагольной основе + определяемый апеллатив: *Псызэхъэж къуэладжэ* – *псы* «река», *зэхъэ(н)* «соединяться, сливаться», **-ж** – суффикс законченности (завершенности) действия, *къуэладжэ* «ущелье».

При условии более тесного фонетического слияния компонентов таких топонимов возможно прибавление еще одного апеллатива, при котором предшествующий трехкомпонентный топоним является названием ориентирующего объекта: *Выгъэдзыкъуэ шытх*, где *шитх* «хребет».

5.Имя (субъект) + глагольная основа, осложненная топоформантом **-п1э**: *Щыблэуап1э* – *щыблэ* «молния»; *уэ(н)* «ударять» и под.

6.Имя + имя + соединительный элемент **-ры-** + глагольная основа: *Псы1эрышэ* – *псы* «вода», *1э* «рука», **-ры-** соединительный элемент, *шэ(н)* «проводить, вести» (искусственный канал для воды); ср. трансформу: *псы(р) 1эк1э шэн* букв. «воду рукой проводить». *Гублыргъэш* < *Гублэрыгъэш* – *гу* «телега», *блэ* «плечо», **-ры-** соединительный элемент, *гъэш(ын)* «поворачивать, разворачивать» (название узкого участка дороги, где телегу приходится разворачивать, подперев плечом).

7.Имя (обстоятельство места) + глагольная основа: *Елбыргъэнкъуэс* «сидящие (живущие) за Эльбургом»; *Жыгейщ1эхъу* – *жыгей* «дуб», *щ1э* – проверб со значением

«под», хъу(н) «пасть», ср. трансформу: *жыгей щ1агъым щ1эхъук1ын* «пасть под дубом».

8.Имя + показатель версии + глагольная основа: *Гъущ1хуэвэ – гъущ1* «железо», *хуэ* – «для», *вэ(н)* «пахать» (название участка кузнеца, который вспахивался односельчанами сообщая за его услуги); *Лыхуэвэ – лы* «мясо», *хуэ* «ради», *вэ(н)* «пахать» (название участка, вспаханного односельчанами крестьянина за вареную говядину на обед). Такие образования единичны.

4.3. Названия, включающие причастия

В составе адыгских топонимов причастия сочетают функции предикации и определения. Функция предикцирующего определения, свойственная этим формам, более характерна именно для причастий страдательного залога прошедшего времени. Это явление, между прочим, находит аналогию в древнерусском языке: «Причастия действительного залога в роли определения встречаются в древнерусских памятниках редко, причастия страдательного залога (прошедшего времени. – *Дж. Коков*) – значительно чаще» (*Борковский, Кузнецов, 410*).

В зависимости от синтаксических взаимоотношений с определяемым именем причастия именуются: а) **опредетельными** (они имеют препозицию) – *Яхъа игъэкъэбза 1уащхъэ* «Яхей **очищенный** курган»; *Сосрыкъуэ джатк1э зауэ сын* «надгробный камень (сын), который Сосруко ударил (**ударенный**) мечом (джатэк1э)»; трансформы с предикативными глаголами выявляют объектные отношения между причастием и определяемым именем: *Яхъа игъэкъэбза 1уащхъэ – Яхъа 1уащхъэр игъэкъэбзащ* «Яхъа очистил (игъэкъэбзащ) курган»;

б) **субъектными** – *Бгы гуэуа* «гора обвалившаяся», *Мэз лэжъа* «лес, ставший редким» (букв.: «**изношенный**»), *1уащхъэ т1а* «курган **раскопанный**»;

в) **обстоятельственными**, оформленными локативными или относительными префиксами – *Гурымышхъэ* (*Гу зэрымышхъэ хуей* «поляна, куда **не заходит** подвода» (недоступная), *Мырзэбэч щаук1ар* «где **был убит** Мирзабек», *Шк1ахъуэхэ я мэз ц1ык1ум дэж псы* «речка, **текущая через** лесок Шкаховых» и др.

***

Названия, включающие глагол и глагольные формы, как показал статистический учет по отдельным замкнутым регионам и в целом по всей территории распространения кабардино-черкесской топонимии, составил примерно один процент к общему количеству. При этом следует отметить – «глагольные» названия в своем большинстве носят окказиональный характер, указывая, что где случилось, произошло и т.д. Эта категория топонимов имеет различную степень формульности – от устойчивых и регулярных сложений (*Шытхъэлэ, Мэлгъэбэг*) до единичных образований (*Сосрыкъуэ джатэк1э зауэ сын*). Последние часто находятся на уровне эмбрионов названий, еще не отстоявшихся как собственно топонимы.

Описанные именные и глагольно-именные типы топонимов образуют словообразовательные ряды кабардино-черкесской топонимии, имеющие различную степень устойчивости и продуктивности.

4.4. Копулятивные и итеративные сложения

Такие образования в кабардино-черкесской топонимии единичны. Отношения компонентов в них можно характеризовать как сочинительные. Примером копулятивного сложного слова может быть топоним *Хьэрэкхъуэрэ*, где *хьэ* «собака», *кхъуэ* «свинья», **-рэ** – повторяющийся копулятивный союз («собака и свинья» – метафорическое название по форме скал). Копулятивными являются и композиты итеративного характера (с повторяющимися элементами). Последние можно разделить на состоящие из значимых элементов и механические сложные слова.

Название селения *Джэртэджэж<Джэрытэджэж* из *джэ* «зов» (*джэн* «звать»)*, **-ры-** – соединительный элемент, **пэ-** – проверб со значением ответного, встречного действия (из *пэ* «нос, начало, перед, навстречу», *джэ* – повторно «зов», **-ж** – суффикс возвратного значения. Общее значение – «на зов отзывающийся», «эхо» (по наличию эха в окрестностях). Топоним *Иуэ-иуэ* образован повторением глагольной основы *уэ(н)* «бить, падать» с провербом, обозначающим движение во внутрь. Название относится к ухабистой местности, где колеса гужевого транспорта то и дело проваливаются. Местность такого же характера обозначается и механическими сложными словами, основанными на повторе конечного звука: *Лъэмбыт1-шымбыт1*, *Бэрэ-т1ырэ*.

В фиктоне *Гъуд-гъуд*, представляющем собой, видимо, ономато-поэтическое образование, – налицо механическое повторение всей основы.

Механические сложения с частичными или полными повторами можно характеризовать как «мимео-изобразительные» слова.

4.5. Простые (несложные) названия

Простыми мы условно называем топонимы по именным и глагольным основам, представляющимся (по крайней мере в синхронном аспекте) наразложимыми. Их можно разделить на неаффиксальные (их меньше) и аффиксальные. Примеры неаффиксальных названий: *Инэм* («Энем») – фам., *Гъуазэ* – «маяк, ориентир» (местность на п.б. Кубани), *Инал* – личное имя; каб. *Жъэгъу* «подбородок» (подножие) и под.

Аффиксальные топонимы, как правило, имеют глагольные основы. Примеры префиксальных образований: *Зэрымыгъавэ* – **зэры-** – сложный префикс взаимного действия, **-мы-** – отрицание, *гъэвэ(н)* – каузативная форма от основы *вэ(н)* «пахать», то есть «не дающие друг другу пахать» (название отражает спор, имевший место за обладание участком между Аргуданом и Ст. Черекон).

Суффиксальные формы: *Уфэрэнк1ып1э* – *уфэрэ(н)* – *к1ын* «переворачиваться», **-п1э** – полужнаменательный топоформант со значением места (место на дороге, где переворачиваются телеги); *Тещ1эгъуэ* – *тещ1эн* «наклоняться», **-гъуэ** – локальный топоформант; *Бэтэгъэ* – *бэтэ(н)* «вздуться», **-гъэ** – окаменелый суффикс причастия прошедшего времени, имеющий абстрактное значение (возвышение); *Псыжь* – *псы* «река», **-жь** – мелиоративный суффикс со значением «старая, большая»; некоторые топонимы (*Хэкужь*), включающие этот же элемент, имеют нулевую топонимическую аффиксацию, ибо онимизация топонимического термина произошла на дотопонимической ступени.

Многие простые по структуре кабардино-черкесские названия имеют иноязычное происхождение: *Инжыдж*, *Къуян*, *Сырыхъу*, *Шордакъ*, *Чэнжэ*, *Шэчэр*, *Шокуэ* и другие (значения см. ниже).

Процент простых названий (аффиксальных и неаффиксальных, исконно адыгских и заимствованных) составляет не более 10% к общему количеству зафиксированных нами топонимов.

5. ТОПОНИМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ономастические данные дают ценный материал «для восстановления картины этнических контактов в далеком прошлом. Значение этих данных особенно велико в тех случаях, когда отсутствуют другие источники и прежде всего письменные свидетельства» (Топоров, Трубачев, 1962, 3).

Северный и Западный Кавказ были зоной интенсивнейших взаимодействий местных и пришлых этнических групп на протяжении многих веков. В течение этого продолжительного времени топонимия адыгов формировалась в сложных историко-географических и лингвистических условиях территории, где пересекаются образования различных категорий: естественно-географические (степи, предгорья, горы, море, многочисленные реки), этнографически бытовые, этнолингвистические и прочие. Этим объясняется особая роль ономастической информации, позволяющей судить об архаических явлениях в области языка, о языковых контактах родственных и неродственных племен, о различных миграционных процессах и субстратных отложениях.

Топонимия Центрального и Западного Кавказа различна по «возрасту», как разнородна и по языку. На сравнительно небольшой территории здесь представлен целый ряд топонимических массивов: адыгейский, кабардино-черкесский, абазинский, тюркский (балкарский, карачаевский, ногайский), иранский, славянский (русский, украинский). В каждом из них, естественно, подавляющее большинство названий объясняется собственными языковыми средствами. Однако инородные элементы свойственны в той или иной мере каждой из названных топонимических систем. Так, среди адыгских топонимов заметен слой тюркских по происхождению названий, а в системе балкарских – осетинский.

Кроме того, каждый из топонимических массивов имеет менее значительные группы инородных названий, а также отдельные вкрапления, язык которых порой неизвестен.

По мере накопления топонимического материала по различным языкам и регионам, а также с развитием ономастической науки необъяснимые факты становятся более понятными, затерянные в чужой языковой среде «непонятные» наименования вновь обретают свой язык, «оживают», расширяя наши представления о географии и истории слов.

Если реалы адыгских топонимических типов в основном ограничиваются пределами Кавказа (за исключением случаев переноса их иногда на большие расстояния), то тюркские, монгольские, иранские соответствия уводят нас порой к ономастическим системам значительно отдаленных территорий, указывая рамки возникновения их в результате имевших место в прошлом языковых контактов. И прав В.А. Никонов, когда он говорит, что «ключ к топонимии той или другой территории (речь, конечно, идет не о простейших случаях, а о тех, которые действительно требуют «ключа». – Дж. К.) обычно лежит за пределами этой территории (Никонов 1963, 237). Так, невозможно рассмотрение осетинского элемента в топонимии КБР без аналогий по территории Северной Осетии, нельзя понять тюркские отложения плоскостных районов

Кабарды вне связи с таковыми Пятигорья, Кубани и других регионов Северного и Северо-Западного Кавказа. Последние, естественно, находят аналогии в топонимических системах Средней Азии, Поволжья и других территорий с тюркоязычным населением. Здесь мы не ставим цели точной хронологической локализации того или иного языкового пласта в кабардино-черкесской топонимии. Это связано с более общей проблемой о возникновении той или иной этнической группы на данной территории. Эта проблема требует объединенных усилий историков, археологов, филологов и этнографов. Топонимический материал при решении этой задачи должен сыграть далеко не последнюю роль, являясь важным историко-хронологическим ориентиром.

Названия, составляющие иноязычные слои адыгской топонимии, были уже предметом лингвистического анализа. Эта работа по территории Кабардино-Балкарской Республики и частично – Западного Кавказа нами проделана в книгах: «Кабардинские географические названия» (Нальчик, 1966; см. с. 16, 17 и соответствующие словарные статьи); «Балкарский топонимический словарь» (в соавторстве с С.О. Шахмурзаевым. Нальчик, 1970) и некоторых статьях*.

Изучение тюркского и славянского пластов в гидронимии Кубани посвятила кандидатскую диссертацию Л.Г. Гулиева (Гулиева. 1969).

Все это позволяет нам ограничиться здесь лишь кратким обзором основных языковых наслоений в кабардино-черкесской топонимии.

5.1. Тюркский и монгольский слой

Говоря о тюркском слое в топонимии адыгов, мы имеем в виду лишь те названия, которые принадлежат объектам исконно адыгских территорий и прочно вошли в их язык. Здесь нет речи о тюркских топонимических массивах (карачаево-балкарском, ногайском) смежных территорий, которые, конечно, оказывали влияние на формирование интересующего нас наслоения в кабардино-черкесской топонимии и имеют некоторые общие ареалы и особенности.

Известны исторические события и связи, обусловившие языковые контакты адыгов и тюрко-монголов. Начало проникновения тюркизов к адыгам увязывается с проникновением сюда тюрко-монгольских племен – гуннов еще в IV в. и с захватом хазарами Северо-Западного Кавказа (конец VII в.).

Тюркизмы в адыгскую топонимию могли проникнуть также и от аваров, печенегов, половцев (команов, кипчаков), ногайцев, балкарцев и карачаевцев. Однако монголизмы и наибольшее количество тюркизов в топонимии адыгов (как и соседних народов) стали возможны со времен Золотой Орды. Нашествие татаро-монголов во главе с Чингис-ханом в начале XIII в. было обращено и непосредственно на Северный Кавказ. Моголы, приступившие по приказу хана Батыя к систематическому завоеванию Кавказа во второй четверти того же века, первый удар наносят адыгам. Переселение части адыгов на восток историки связывают именно с монгольским нашествием. Монголы «держали крупные военные силы» в Татартупе и Нижнем Джулате. Вовлечение адыгов в походы Золотой Орды, образование черкесского квартала в столице ханства Сарай Берке тоже свидетельствуют об адыгско-монгольских контактах.

Говоря об исторических обстоятельствах проникновения восточных топонимических элементов на Кавказ, надо вспомнить и о походе среднеазиатского

завоевателя Тимура. Именно здесь, на Тереке, он одержал историческую победу над Тохтамышем (конец XIV в.).

Места дальнейших передвижений Тимура увязываются с топонимами и этнонимами интересующего нас региона: «Тимур со своим войском с боями прошел по ущельям Эльбруза» и вышел к верховьям Кубани «в местность Абаса», т.е. во владения абазин. Затем он направился в местность Беш-Тага, или Бешдак (район Бештау, или Пятигорья). Далее повел свои орды в местность «Балкар». История КБАССР. 1967, 84-86.

Формальное владычество татар над адыгами продолжается и в XV в.

Если к сказанному добавить, что в XVI-XVII вв. то и дело повторялись турецко-крымские походы на Северо-Западный Кавказ, то можно понять наличие в лексике адыгов значительного тюркского слоя (*Сакиев*. 1959).

Эти экспансии, по выводам историков, в значительной мере повлияли на процессы этногенеза и даже обусловили их на Северном Кавказе. «Монгольское нашествие, – пишет кавказовед Л.И. Лавров, – положило конец половецкому господству на Северном Кавказе и многие народы поставило под иго сперва Золотой Орды, а потом Крымского ханства. Монгольский погром **внес коренные** изменения не только в политическую, но и в **этническую карту** Северного Кавказа (выделено нами. – *Дж. К.*). Степные просторы, на которых кочевали половцы и аланы, превратились в кочевья татар. Спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, где смешались друг с другом и образовали новые народы карачаевцев и балкарцев. Переселение на восток части адыгов положило начало кабардинскому народу, а покинутую кабардинцами часть земли за Кубанью заняли пришедшие с Черноморского побережья абазины» (*Лавров*. 1969, 60). Некоторые тюркские по происхождению слова известны как кабардино-черкесских топоосновы: *аргъуей* «комар», *аргъей* «лосось», *хъарбыз* «арбуз», *къамыл* «камыш», *къу(ы)м* «пустыня», *тенджыз* «море, океан», *дамыгъэ* «клеймо, тавро; знак, метка», *шордакъ* «открытая беседка на четырех столбах» (в топонимии – «возвышенное место»), *тэмакъ* «горло, глотка, гортань», *уэтэр* «жилище пастухов и постройки для скота на пастбище» и др. (*Шагиров* 1962, 191-206). Целый ряд терминов, диапазон которых в тюркских топонимах чрезвычайно велик, устойчиво употребляется в кабардино-черкесских названиях. Таковы *къыр* (кыр) «скалистое место», *арыкъ* (арык) «сухой овражистый массив», *гуэл* (кель, куль) «озеро», *къалэ* (кала) «крепость, город», *бырун* (бурун) «нос» (мыс, выступ), *аул* «село, деревня» и другие (см. выше). В адыгской топонимии можно встретить и эндемичные по отношению к другим тюркоязычным ономастическим системам термины: *эл* (эль) «селение», *черек* «река (вообще)».

Сложен вопрос об определении диалектной принадлежности тюркоязычных названий в кабардино-черкесской топонимии (это – задача тюркской диалектологии), тем более что эти названия в течение длительного периода подвергались ассимиляции. Но надо полагать, что именно названные исторические события обусловили прочно сохраняющиеся и поныне тюркоязычные названия плоскостных и предгорных районов КБР и РА.

Монгольских элементов в топонимии обследованных нами территорий мы обнаружили немного. Они характеризуются большой глубиной залегания, хранят на себе печать более длительной адаптации, отражают генетическое родство тюркских и монгольских языков. Интересно отметить, что эти монгольские элементы являются названиями (или их компонентами) по преимуществу объектов горных районов. Может быть, этим подтверждается суждение о том, что «архаизмы лучше сохраняются в

окраинных зонах, в гористых районах (прямая зависимость лингвистического ландшафта от экстралингвистической ситуации)» (Толстой 1969, 15).

По своей структуре тюркизмы в кабардино-черкесской топонимии – одноосновные и двуосновные (к этому подразделению в дальнейшем обзоре мы возвращаться не будем, так как это явствует из самого анализа). Одноосновные слова – это прежде всего ономизированные апеллятивы. Наиболее типичные из них следующие.

Топографические термины, «цветовые» и другие характерные для топонимии слова

Акъбащ* (Акбаш) «белое верховье», ср. Акбаш – в джагатайском книжном языке (см.: Радлов. ОСТН. Т.1. Ч.1. С. 93); *Балъкъ* (балакъ «крепость, замок»), *Бештэмакъ* (беш «пять», *тэмакъ* «устье»), *Бещто* (беш «пять», *тау* «гора» – Пятигорье); *Быгур* (бугур «горбатый, кривой»), *Гум*, *Гу(ы)м* (кум «песок»), *Джэрмэншык* (кермен «крепость»), ср. *Керменчик*, *Керменчуг* (укр.), *Керменчуг-Константиновское* (КБР), ср. осет. *Дермецыкк* // *Гермецыкк*; (-бурун «нос», мыс, выступ); *Елбыргъэн* (Эльбурган) – эл «селение», ср. в карач.-балк. *Элтюбю*, *Эл Хулам* и др.; *Къуэбэ-Тэбэ* (тепе, тёбе «возвышенность, город»); *Куэкусу* (кёксу «голубая, синяя вода»), ср. в балк. *Кёкагъач тахта*, казах. *Кокшетау* («Кокчетав»); *Къэрэгъэш* (кара «черный», агач «дерево»), ср. *Карагач* – река в Крыму; *Жэманкъул* (аман, йаман+куль «плохое ущелье»); *Къуэлътэджэн* (куль+теген «озеро глубокое»), ср. первый компонент названия *Гуэл шыугъэ* (каб.), ср. туркм. *кёль*, азерб. *гёль*, узбек., киргиз., татар. *кёль*, тадж. *кул*; ср. балк. *Тузлу кёл*, *Адомир кёл* и др.; ср. «*Кичкенекол*», «*Тамбий кол*»; *Кызылышы* (*кизил-чи*, *кизил* «красный, бурый»), ср. балк. *Къызылкёз*, *Къызыл къая* и др.; *Субаши* (ср. су «вода, река», *баш* «голова» вершина), *Жэмансу* «плохая речка»; *Сыратуз* из *сары тюз* «желтая равнина», ср. балк. *Сары тюз*, *Сары тала* и др.; *Шокуэ* – ср. *шоку* «одиноко стоящая сопка» (Радлов. ОСТН, IV, 1026); ср. также казах. *шоки* «обрыв» (Конкашпаев); *Шидакъутуп* (туп из *туб* «под», низ); *Шордакъ* – ср. тур. *чардак* «балкон, вышка» (возвышенное место); *Шэхъурадъ* (чохрак «источник») и др.

О возможной параллели между каб. *Нартан* (*Нартсан*, *Нартсанэ*, (*Нарцанэ*) и монг. *арашан* – *арасан* «минеральный источник, курорт», см.: К. ИТ, I, 365-366.

Перечисленные топонимы отличаются от карачаево-балкарских названий смежных территорий «непонятностью», по более широким ареалам своих основ. Это значит, что: 1) ранние тюркские отложения в топонимии Центрального и Западного Кавказа имеют более или менее равномерное распределение в плоскостных и горных районах; 2) тюркский топонимический массив здесь (карачаево-балкарский) делится на стратиграфические срезы, опирающиеся, видимо, на разные диалектные (языковые) основы и различные исторические периоды.

Названия от этнонимов

Булгъар – неофициальное кабардино-черкесское название болгарского (точнее гагаузского) населения и мест их расположения на юге КБР и в других местах (см. Словарь); *Нэгъуей* «ногай», «ногаец», «ногайцы»; *Нэгъуеикъуэ* (балка) и др.;

Сыбыр 1уащхэжъ, *Сыбыр дыхъэп1э* – см. Словарь; это название, подвергшееся аналогическому воздействию со стороны кабардинской формы современного наименования Сибири – *Сыбыр*, является отражением имени древнего тюркского

племени «гуннов-савиров» (в отличии от «гуннов-утигуров»). Те и другие гунны, представляя собой тюркские племенные союзы, в VI столетии на территории Северного Кавказа играли значительную роль. Место, где историки локализуют гуннов-савиров на Кавказе, соответствует сохраняющейся в наше время топонимии. Если местом расселения гуннов-утигуров, отождествляемых с прикубанскими болгарами, считается область между Кубанью, Меотидой (Азовским морем) и Танаисом (р. Дон), то гуннов-савиров помещают «у Кавказского хребта» (Анчабадзе 1959, 35), где и сохраняется в наше время этот топоним на юге КБР близ сел. Уруха и далее к горам-в ущельях Северной Осетии: *Сапыры ком, Сафири ком* (Дигорское ущелье) (Цагаева 1972, 252-253).

Термин *тэтэр* кабардино-черкесами употребляется и как этноним («татарин, татары»), служащий в ряде случаев топоосновой (*Тэтэрыкъуэ, Тэтэртуп* – см. Словарь), и как фамильное имя (*Тэтрокъуэ, Тэтэркъан* и под.). Этнонимом *къэзан* (*къэзанлы*) «казанский» кабардинцы отличают татар поволжских от крымских и других.

Названия от животных и растений

Алътгогуз (алты «шесть», *егюз* «вол»); производно: *Алътгогуз дыгъан1э, Алътгогуз дыгъэмышъуэ, Алътгогуз 1уащхъацэ*;

Бу – ср. карач.-балк. *бу(у)* «олень»; ср. *Буу баши, Буу кези* (К. и Ш. БТС, 49);

Жылансу (тур. *у1ап*, карач.-балк. *джылан* «змея», «змеиная речка»; ср. *Жылантау* «змеиная гора» (назв. Горы у Железноводска); ср. карач. *Джыланлы тюз* «змеиная равнина»; в каб. названии хребта «Джинал» – *Жыналъкъы* – та же основа *джылан*, в которой произошла метатеза;

Къуян (*куян, коян*, «заяц» – см. Словарь); ср. в казах. названии *Кояншыкпас* «заяц не выберется» (Султаньяев);

Тырнауз (карач. *Турна* «журавль», *ауз* «ущелье»-см. Словарь);

«*Кенже*» *Чэнжэ* (балк. *шанджа* «шиповник, колючка» при осет. *синдэ* с тем же значением); ср. ног. *Кендже-Кулак*, балк. *Шинджий аууз*; ср. в мокшо-мордовинском *кенже* «когти», «ногти», «орудие лазания по столбу».

Тюркские и монгольские параллели могут быть основаны и на менее распространенных основах, не столь «топонимичных». Старое кабардинское название современного «Вольного Аула» на Нальчике – *Брамтэ (Брамта)*. Его можно сопоставить с монгольским термином *барымта* «задержать», «не возвращать». В адыгейском языке *бырамыты* сохраняется в значении «беглый раб», «крепостной, бежавший от владельца без выкупа» (см. Словарь). Тюрк. слово *шекер (шакар)* «сахар» является у кабардинцев названием реки *Шэчэр*.

О глубинном характере тюрко-адыгских контактов свидетельствуют отразившиеся в топонимии языковые явления:

1. Тюркские нарицательные географические термины в новой языковой среде подверглись ономастической конверсии, превратившись в собственные названия: *Кенже, Куян, Шордакъ, Шэчэр, Шокуэ* и др. Это явление в иноязычной топонимии чаще, чем в исконной.

2. В кабардино-черкесской топонимии тюркизмы образовали дублиеты, видимо, в некоторых случаях – кальки. Степень «перекрытия» исконных названий иноязычными различна и не всегда зависит от наличия в данной местности адыгского населения. Для района Пятигорья, например, кабардинцы прочно удерживают название *Псыхуабэ* «теплая вода», закрепляя тюркское соответствие *Жылы су (Жыцу)* лишь за речкой у Горячеводска (вот и третья, русская, параллель); а название горы в этом же районе утвердилось в тюркской форме – *Бецто (Беш-тау)*, оттеснив на второй план каб. *1уащхьитху* букв. «пять холмов». Другие пары: каб. *Блэ 1уащхэ* «змеиная гора» – тюрк. *Жылантау* – id.; частично: *Блэ гъуэгу* «змеиная дорога», тюрк. *Жыналъкъы (жынал из жылан «змея»)*.

Один и тот же объект порой имеет название одновременно на нескольких языках. Так, в настоящее время холм на высокогорных пастбищах (по ущелью Малки), где в XVIII веке были разделены трофеи побежденных крымских татар, сохраняет в своем названии тюрк. основу *у1цд (Радлов В.В. ОСТН. Т.1. Ч.2. С.1861)* (в каб. адаптации *йолджэ*) «делить» – *Йолджэ 1уащхэ* (каб. *1уащхэ* «курган, холм»). Этот же холм имеет еще название на балкарском, русском языках, а также описательное наименование на кабардинском языке. Все эти варианты имеют один и тот же смысл, согласующийся с семантикой приведенной тюркской основы: «делить» (трофеи). В данном случае трудно сказать, имеем ли мы дело с кальками или параллельными образованиями (подробнее об этом названии см. ниже).

3. Тюркское название в новой языковой среде подвергается переосмыслению по ассоциации с «понятными» словами. Тюрк. *Къан жол* «кровавая дорога» (подробнее см. ниже) кабардинцами в настоящее время употребляется как *Къэнжал*, что буквально означает «жесть». Последнее, разумеется, к названию отношения не имеет. Русскими же это название понято как «Кинжал». Ср. «Кинжал» и близ г. Лермонтова (гора).

4. Тюркская основа в значительном количестве названий сочетается с кабардино-черкесской или иной. Контаминация разных типов:

а) тюркский апеллятив+кабардино-черкесский апеллятив или топоформант: *уэтэрын1э* – тюрк. *отар* «пастбище» и др.+каб. *-н1э* «место», *чэтын1э* – тюрк. *чат* «сгонять скот»+*н1э*;

б) тюркская основа (дотопонимическая)+кабардино-черкесский топоформант или мелиоративный суффикс: *Жэманьжэ* из тюрк. *жаман (яман, аман)* «плохой, -ая, ое»+каб. *-жэ* – мелиоративный суффикс субъективной оценки (ср. основы названий *Жэмансу, Жэманкъул*); *Къалэжэ* – тюрк. *кала* (из араб.) «крепость», «город»+каб. *-жэ* (название горы);

в) тюркско-адыгский композит с переосмыслением части тюркской основы: каб. *Псыгуэнсу* на основе балк. *Сукансу*; начальное тюркское *су* «вода» на кабардинской почве изменено в *псы* «вода»; интересно отметить, что сама основа *Сукан* или *Суган* (название «Суканского» ущелья в верховьях *Псыгуэнсу*), в свою очередь, является балкаро-иранским композитом, где балк. *су* «вода» сочетается с иран. *кан* (ср. *канал* «страна арыков», «дельта»); глагольная основа *кан* в иранских языках значит: «рыть», «копать», «наполнять» и др. (см. *Мурзаевы Э. и В. СМГТ, 98; К. и Ш. БТС, 112, 113*). Другой пример: название *Къуэлътэджэн* (из ногайского *куль+теген* «озеро глубокое») кубанские кабардинцы, в результате переосмысления первой части, понимают как слово, содержащее адыгское *къуэ* «балка»;

г) топоним тюркского происхождения + кабардино-черкесский элемент (апеллятив, определительное слово и т.п.): *Елбыргъэн къуэс* «находящиеся за Эльбурганом», *Чэнжэ мээ* «Кенженский лес», *Инжыдж цык1у* «Инджик малый» и др.;

д) в кабардино-черкесской топонимии некоторые тюркские словообразовательные элементы получили своеобразную адаптацию, что поддерживается усвоением тех же элементов вообще в заимствованных словах: *Къызылшы*, *Кызылчы(-чи)*; *Ингушлы (-ли, -лы)*; *Джэрмэншыч из Керменчик*; *Инжыдж из Инджык (джик)* и др.

Многие кабардино-черкесские топонимы содержат тюркские антропонимы* и этнонимы: *Тэтэрыкъуэ*, *Къэзаныкъуей* и под.

5.2. Славянский пласт названий и воздействие его на адыгскую топонимию

Славянский (русский и украинский) пласт в кабардино-черкесской топонимии значителен по объему, хотя нов по времени образования. Возникновение славянских названий на Кавказе, естественно, связано с появлением здесь русского и украинского населения.

Первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе, согласно историческим данным (ИКБАССР, 353), были беглые крестьяне, которые стали сюда проникать еще в XVI веке, а также участники казачьих восстаний на Дону (например, в начале XVIII в. – участники Булавинского восстания во главе с Игнатом Некрасовым).

Кучук-Кайнарджийский мирный договор после войны с Турцией в 1768-1774 гг. упрочил положение России на Северном Кавказе. Императрица Екатерина II манифестом от 8 апреля 1783 г. объявила о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубани. Общество, сформировавшееся на Юге России под названием «Черноморского казачьего войска», в 1792 г. получило в «вечное пользование» треть Кубани (Апостолов, 226).

Ногайцы, кочевавшие по правому берегу Кубани, были переселены в Уральские, прикаспийские и крымские степи. С 1777 г. создается линия русских укреплений от Азова до Моздока. В период Кавказской войны, продолжавшейся до 1864 г., «царское правительство придавало первостепенное значение государственной военно-казачьей колонизации и заселяло территорию Кубани украинскими и русскими казаками»**. Аналогичный процесс происходит и на других территориях, где проживали адыгейцы и кабардино-черкесы.

Особенно быстрый рост населения в русских и украинских станицах и хуторах, а также появление новых населенных пунктов наблюдается после реформы 1861 г., когда многие крестьяне густонаселенных центральных губерний, по существу, остались без наделов и бежали на юг в поисках земли. Этот процесс продолжался до начала двадцатого века.

Славянская топонимия Северного Кавказа – это прежде всего – ойконимы, точнее, комонимы, потому что названия получали в первую очередь населенные пункты, а уже затем окружающие физико-географические объекты. Этим определяется спектр этого пласта топонимов. В основу названий создаваемых станиц и хуторов ложились: 1) антропонимы (имена первых поселенцев, военачальников, царственных особ), 2) наименования прежних мест жительства, 3) русские образования от адыгских основ, 4) слова, характеризующие объект с какой-либо стороны, 5) названия русских полков, 6) названия с новым идеологическим содержанием и др.

Мы не ставим перед собой задачи подробной характеристики славянского топонимического массива Северного Кавказа. Будут затронуты лишь основные типы славянских названий и пути воздействия их на систему кабардино-черкесских топонимов.

Названные выше группы топонимов в значительной мере обуславливают и словообразовательные типы их.

В наименованиях хуторов, многие из которых уже не существуют по причине объединения их в более крупные населенные пункты, преобладают фамилии (на **-ов, -ев**) их основателей: Луцев, Грабовец и под.

Значителен процент русских и украинских «перенесенных» названий-тезок, образованных суффиксами **-ск, -ский (-ская, -ские)**: село **Кременчуг-Константиновское** в КБР (основано выходцами из Кременчугского уезда Полтавской губернии в 1885 г.; в названии сохраняется и имя первого ходока Константина Батюка); село **Черниговское** Прохладненского района, основано в 1883 г. выходцами из Черниговской области Украины; село **Саратовское** (1907 г.), хутор **Минский** основан в 1923 г. поляками из бывшей Минской губернии, которые в 1900 г. из-за малоземелья переселились на Кавказ; село **Тамбовское** в Терском районе, основано переселенцами из одноименной губернии.

Среди названий – тезок другие образования встречаются реже: **Рязаново** – населенный пункт, основанный в 1897 г. (с 1962 г. – «Янтарный»), параллельное неофициальное название – Прималкинский (племзавод); укрепление **Пришиб** основано в первой половине XIX в., в 20-х годах XIX в. названо Майский (ныне – город Майский), якобы потому, что А.С. Пушкин здесь в первый раз был в мае 1829 г.*, ср. Пришиб – населенный пункт и железнодорожная станция близ Каховского водохранилища.

Наименования прежних мест жительства в местах нового поселения утверждаются часто с определением **ново-(новый)**: Новокурский, Новониколаевское, Новополтавское, Новотроицкий, Новопокровский, Нововознесенский (КБР).

Названия на **-ский (-ская, -ское)**, кроме названных выше, являются также образованиями от:

- а) адыгских этнонимов: Черкесск, Кабардинский;
- б) других этнических названий: Славянский (хутор в Майском районе КБР) и под;
- в) географических названий Центрального и Западного Кавказа: Зольское, Терекское и под.;
- г) славянских антропонимов и этнонимов: Александровская, Котляревская, Долинское (Долинск) и др.;

д) общественно-политических терминов (в переименованиях советского периода): в КБР – Комсомольский (поселок), Пролетарское (селение), Первомайский (поселок).

Выражение принадлежности и отношения признаков к реалиям составляют функциональную нагрузку форманта **-ск-ий**.

Другие суффиксы, выражающие посессию, употребляются значительно реже: **-ов** – «Заяково», «Шордаково», «Сармаково» и др. (в КБР); **-ин** (Черногоркин хутор); **-ий (-ья)** – Казачий (курган) в КБР и прочие.

Суффикс **-к(а)** образует топонимы от славянских и адыгских основ. У этого суффикса три основные функции: а) топонимизация апеллятива (Каменка), б) образование просторечных вариантов полных, «официальных» названий – «Неволька»

при «Невольская» (речка, проведенная по искусственному руслу), Прималка (селение Прималкинское), Екатериноградка (станция Екатериноградская) и др.; некоторые из таких образований вошли в широкое употребление: Новоивановка-в КБР; в) русификация неславянских топооснов: Золка, Шалушка и под.

Другие суффиксальные формы (на **-уха/-юха, -ок/-ек, -онок/-енок, -оньк/-еньк**) отмечены реже (Лабенок, Баксаненок и др.).

Прилагательные несуффиксальные в качестве названий по продуктивности значительно уступают названным выше суффиксальным. Грамматический род этих эллиптированных форм зависит от родовой принадлежности опускаемого в названии апеллятива. Семантика же их связана с физическим родом объекта, их хозяйственным назначением, субъективным отношением к ним человека, флорой, цветом, экспозицией и пр.: Прохладная (вначале – станица, основанная в 1765г. как село «государственных крестьян-малороссиян», с 1937г. – город и железнодорожная станция), Приближная (деревня, основанная в 1786 г. государственными крестьянами и отставными солдатами, переселенными сюда царским правительством для продолжения строительства старой Кавказской укрепленной линии) и др.

Поскольку основным способом образования славянских топонимов является суффиксация, составные названия среди них немногочисленны: Черная речка, Русский Баксан и др.

Редки генитивные образования (из номенклатурного термина и существительного в родительном падеже): курган Шамяля и некоторые другие.

Влияние русского языка на кабардино-черкесскую топонимию сказалось в следующем:

1.Поскольку географические названия записываются «по-русски» (на картах. в различных изданиях), многие кабардино-черкесские наименования наиболее известных, значительных объектов получили вторую жизнь в русской адаптации: *Камлюко* (*Къамылыкъуэ* «камышовая балка»), *Моздок* (*Мэздэгъу* «глухой лес»), *Малгобек* (*Мэлгъэбэг – мэл* «овца», *гъэбэг(ын)* «отравлять»), *Машук* (*Мэшыкъуэ – мэш* «просо», *къуэ* «балка») и др.

2.Русские названия в кабардино-черкесской топонимии образовали второй слой. В появившихся дублетных парах адыгские наименования вытесняются или уже вытеснены общепринятыми «официальными» русскими топонимами. Это явление в значительной мере объясняется тем, что многие топонимы, будучи основаны на именах прежних владельцев, утратили семантическую мотивированность и отошли на задний план. Новые названия употребляются и в русской, и в кабардино-черкесской речи. Во втором случае наблюдается фонетическое освоение их. Так, русское название *Урожайное* кабардинцы употребляют как *Урожайнэ*. Однако население помнит дорусское название того же селения – *Абейкъуажэ* «Абаево селение», «Абаево». Так же: *Плановское* – *Плановскэ – Ботэщей* («Боташево»); *Старая Крепость* – *Старэ Крепост* – *Кушмэзыкъуей* («Кучмазоково») и под.

Название *Шат-гора* русских источников при каб. *1уащхъэмахуэ* «гора счастья» вытеснено общеупотребительным «Эльбрус». Кабардино-черкесский вариант известен и русскому языку в форме «Ошхамахо».

3.В кабардино-черкесской топонимии (и вообще в системе названий Кавказа) широкое распространение получили русские слова, служащие для выражения альтернативы. Это наблюдается прежде всего в формах бинарной оппозиции: *Верхний Куркужун* – *Нижний Куркужун*, *Верхний Курп* – *Нижний Курп* и под. Средствами русского

языка создаются тройные и более ряды названий: *Старый Лескен** – *Второй Лескен* – *Верхний Лескен*; *Кызбрун* (гора) – *Первый Кызбрун* – *Второй Кызбрун* – *Третий Кызбрун* (селения); *Чегем* (река) – *Первый Чегем*** – *Второй Чегем*, *Верхний Чегем* – *Нижний Чегем* (селения); в такой ряд названий иногда входит форма с русским суффиксом (для выполнения различительной функции): *Баксан* (река и город) – *Русский Баксан* – *Верхний Баксан* – *Нижний Баксан* (населенные пункты) – *Баксаненок* (рукав р. Баксан и селение).

Оппозиция не обязательно выражается антонимичными словами и порядковыми числительными. Она может быть передана добавлением различительного слова лишь к одному из членов противопоставления: *Акбаш* – *Верхний Акбаш*, *Старый Урух**** – *Урух* (определение «старый» возникло после того, как появилось второе село с тем же названием). Иногда оппозиция создается словами, не противопоставленными по семантике: *Старый Черек* – *Нижний Черек*. Приведенные топонимы с русскими компонентами, а также их адаптированные («адыгские») формы успешно конкурируют с неофициальными владельческими вариантами.

Например, в кабардинском языке *Второй Шэджэм* (Второй Чегем) употребляется все чаще, тогда как старое *Къундетей* («Кудентево II») почти забыто.

4. Целый ряд кабардино-черкесских названий в официальном обращении оказался подогнанным под тип продуктивных русских образований на *-ск*, *-ий*, *-ка*, например, каб. *Дзэлыкъуэ* – русск. «Зольский», «Золка»; *Щхэлыкъуэ* – «Шалушка» и под. Образованные таким путем русские формы заново усваиваются языком-источником, подвергаясь фонетической адаптации: *Золкэ*, *Зольскэ*, *Шалушкэ* (*Шалушк1э*) и под.

5. Некоторые русские названия еще досоветского времени прочно вошли в кабардино-черкесский язык, конкурируя с исконными вариантами: *Каменноост* (Каменноостское) – название селения на Малке; *Вольнэ Аул* (Вольный Аул) – на Нальчике; усвоение русских названий по фонетическим нормам родного языка продолжается: *Арэшаймэ* из русск. *Орошаемый* (участок), *Лэбэдин* (фам. Лободин).

6. Такие русские названия, как *Белая Речка* (при каб. *Псык1эху* «речка с белым дном»), *Сухая Балка* (каб. *Псыншокъуэ* «безводная балка»), *Пятигорье*, *Пятигорск* (каб. *1уащхьитху* «пять холмов (гор)»), *Горячеводск* (каб. *Псыхуабэ* «теплая вода»), *Змеиные дороги* (каб. *Блэ гъуэгу* «змеиная дорога»), являются кальками и полукальками соответствующих кабардино-черкесских топонимов.

7. Взаимодействие русского и кабардино-черкесского языков в области топонимии привело в ряде случаев к образованию двуязычных названий: *Гектарих* «шесть гектаров», *Первэкъуэ* «первой (бригады) балка» и др.

Вопросы переименования и транскрипции в связи с влиянием русского языка на систему кабардино-черкесских географических названий требуют к себе серьезного внимания. Многие народные наименования попадают на карты и в литературу на русском языке искаженными до неузнаваемости (ср. *Къамылыкъуэ* – «Ккамликко», *Псыншокъуэ* – «Пентчекко», *Аргъеикъуэ* – «Сергеюко», *Батырхуей* – «Патруха» и др.).

Глубоко прав В.А. Никонов, говоря о том, что «уважение к каждому народу требует бережной передачи его собственных географических названий в их подлинном звучании» («Топонимика Востока», М., 1962. С.195).

5.3. Иранский слой

Этот слой названий по объему значительно уступает охарактеризованным выше – тюркскому и славянскому. Иранскими по происхождению являются прежде всего осетинские названия, отложившиеся в верховьях рек Баксан, Черек, Чегем и других и свидетельствующие, как это было отмечено Вс. Миллером и В.И. Абаевым, о распространении когда-то осетинской речи в этих местах (Абаев. ОЯФ, 290). Этот вывод подтвержден нами на дополнительном топонимическом материале (Коков, Шахмурзаев. БТС и др.). Имея наибольшее сгущение в верховьях более значительных рек Центрального Предкавказья, осетинские по происхождению названия образуют редкие вкрапления и в кабардино-черкесской топонимии предгорных районов. От ранних осетинских названий следует отличать поздние, главным образом, дигорские, которые распространены на южных и юго-западных пределах Кабардино-Балкарии, сопредельных с Северной Осетией.

Одним из средств различения староосетинских и поздних осетинских топонимов являются встречающиеся в топонимии КБР формы апеллятивов: ст.-осет. *дан* (Тэн), *дар* при совр. осет. *дон*, *дор*. Л.И. Лавров считает, что аканье, закрепившееся в осетинских названиях горных районов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, было свойством аланского языка домонгольского времени (Карачай и Балкария..., 68).

В составе кабардинских топонимов, приняв фонетический облик заимствованного языка, употребляются осетинские по природе названия: *Дэгъуэт* (осет. *догъват* «место для скачек, ипподром»), *Урыху* (осет. *урух* «широкий»), *Сырыхъу* (осет. *сурх* «красный»), *Лэхърэн* (осет. (диг.) *лдх* «экскременты», *ран* «место»), *хъуу*, видимо, из осет. *хъау* «селение», «*Лесгор*» - название селения, основанного переселенцами-осетинами на севере КБР (ср. название дигорского общества *лезгор*). В кабардинском названии урочища близ с. Каменноостское – *Къураты* можно заметить осетинский показатель множественного числа –**тд** (ср. названия *Баданта*, *Къадзелта* и под.). На это указывает и соседство объектов с осетинскими названиями. В топонимии нередко показатель множественного числа служит средством онимизации. Вспомним у Энгельса: «иногда для обозначения населенного пункта употребляется только множественное число: Fliissingha (Флиссинген) и др.».

Наибольшее количество осетинских топонимов удерживается в горных районах КБР, в составе балкарских названий (см.: Коков, Шахмурзаев. БТС).

Изучение осетинского элемента в топонимии горных районов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии привело Абаева к выводу: эти элементы «не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани» (Абаев. ОЯФ, 275).

В микротопонимии кабардинских селений, сопредельных с Осетией, нами записан ряд названий, продолжающих осетинские топонимические типы, но в кабардинской адаптации: *Бэлахътэ* (ср. осет. *баллах* «препятствие»?) – близ Ерокко, *Хъэрагъысаргъ* – осет. *хдрдг* «осел», *саргъ* «седло» – ослиное седло (метафора).

Известны случаи образования осетино-кабардинских композитов: *Лэхърэнышхуэ* (каб. –*шхуэ* «большой») «Большой Лахран», *Лэхърэн ц1ык1у* (каб. *ц1ык1у* «малый») «Малый Лахран», *Хъуу губгъуэ* (каб. *губгъуэ* «степь, поле») и др.

Менее изучен собственно персидский элемент в кабардино-черкесской топонимии. Надо полагать, почва для постановки такого вопроса имеется*. Например, представляется возможным сопоставить названия реки Малка (КБР) и города Малкана, или «Балх» в ее верховьях (см.: *Ногмов*. ИАН, 26) с надписью на монетах персидских царей «Малка малкан Иран», что значит «царь царей Ирана», которые владели Ираном и Не-Ираном (см. Словарь: *Балъкъ*). Некоторые названия Кабардино-Балкарии имеют параллели в топонимии Ирана: *Эльбрус* – ср. горы *Эльбурс* к северу от Тегерана. Это название по своей природе считается персидским: указывают на такие его значения: «нос» (Броневский, 11), «сверкающий, блестящий» (*Никонов*. КТС, 483).

С названием *Лахран* (на Малке) можно сопоставить топонимические форманты *-лах* и *-ран*, участвующие в образовании наименований Ирана. Элемент *-стан*, распространенный в географических названиях Ирана (*Ашостан*, *Голестан*, *Бустан*, *Багестан*, *Лаверестан* и под.), известен в кабардино-черкесской топонимии (*Бергустан*, возможно, *Баксан* из *Бакстан*) и антропонимии (*Лаурсэн* < *Лаурстэн*, *Лъостэн*, *Джылахъстэн*, *Шыхъостэн* и др.). Ряд фамильных имен имеет иранское происхождение: каб. *Бээрджэн* – перс. *базарган* «купец», *Зэбыт* «правитель, чиновник», *Къасболэт* – перс. *Хаспулад* «отличная сталь», *Наурыз* – перс. *Навруз* «Новогодний праздник» (весенний) и др., а элементы *мырзэ* (аристократический титул) и *жан* (перс. *джан* «душа») в кабардинских антропонимах получили широкое распространение: *Мырзэкъан*, *Жамырзэ*, *Жан*, *Жансурэт* и под.

Ставится вопрос о возможной иранской природе названий *Лаба*, *Баксан* и других гидронимов (см. Словарь).

Взаимодействие между ираноязычной и адыгской топонимией выразилось в том, что некоторая часть кабардинских топонимов утвердилась среди смежных по территории осетинских названий. Это связано с тем, что в XVI вв. в плоскостной и предгорной областях Северной Осетии, преимущественно у выходов из горных ущелий, были кабардинские поселения.

Кабардинские названия здесь или получили осетинский фонетический облик, или вошли в состав осетино-адыгских композитов:

а) *Туацъа* из каб. *т1уац1э* «междуречье», *Хърупс* из каб. *къру* «журавль», *-пс(ы)* «вода, река»;

б) *Псигом* из каб. *псы* «вода» и осет. *ком* «ущелье»; *Хъонгъур адага* из каб. *къуэ* *гъур* «сухая балка» и осет. *адага* «балка».

А.Дз. Цагаева в топонимии Осетии выделяет тип на **-ыхъ, -хъо, -хъу** (надо думать, из *къуэ* «балка») тоже кабардинского происхождения: *Агумыхъу*, *Дзаллыхъо* (ср. *Дзэлыкъуэ* – в КБР), *Зехъо*, *Зорыхъо*, *Силтанухъ*, *Сопырыхъо*, *Цаваджыхъо*, *Цехъо* и др. Отмечаются также названия по адыгским антропонимам (Цагаева 1971, 131, 132).

Кабардинским по лексике и типу сложения является название *Моздок* из *Мэздэгу* – *мэз* «лес», *дэгу* «глухой».

5.4. Абхазо-абазинские и убыхские элементы

В зонах контактирования адыгских племен с родственными абхазами и убыхами образовались названия, свидетельствующие о былом широком взаимопроникновении в области топографической лексики или восходящие к периоду абхазо-адыгского

языкового единства. Выше уже говорилось о распространении элементов (*пс(ы)* «вода», *кхъо* (*кхъуэ*) «балка, овраг, речка» в системе названий Абхазии и далее Западной Грузии. Абхазо-адыгские топонимические параллели образует и гидронимическая основа **пш-**.

Абазинский народ подразделяют на две группы племен: тапанта (*т1ап1ант1а*) и шкарауа (*шкъарауа*). Мелкие племена, входившие в состав тапанта, назывались по именам своих князей: лоовцы, бебердовцы, дударуковцы, клычевцы, джантемировцы. Лоовцы, оставившие свое родовое имя на Черном море как название речки и поселка близ Аше (Лоо), в середине XVIII в. обитали вместе с другими племенами тапанта по обеим берегам Кубани и между реками Кубань, Кума и Малка. Среди современных кабардинских фамилий (особенно селений на севере КБР) сохраняются родовые имена абазин: *Лоо-вы*, *Ли-евы*, *Джиджи-евы*, *Шермет-овы*, *Лафиш-евы*, *Трам-овы*, *Баг-овы* и др. Фамилия по этнониму *абаза* (*Абазэ-хэ* «Абазовы») – одна из самых распространенных в Кабарде. Трамавы, например, имели во II половине XVIII в. два селения к северу от Бештау; их родовое имя стало названием одного из кварталов сел. Малка (КБР) – *Трамэ къуажэ* «Трамовское селение» (в составе «Ашабово», современная западная часть Малки). По фамилии Лоо кабардинцы и поныне называют аул к западу от Кисловодска – *Ло къуажэ* (Красный Восток). Со времени переселения на Северный Кавказ и вплоть до первой половины XIX в. абазинские племена, часто переселяясь с места на место, проживали в различных точках Кубани, Пятигорья и северной Кабарды. Мы не ставили задачи проследить подробности этой миграции. Приведем лишь один пример.

Жители аула Красный Восток, прежде чем осесть на теперешнем месте (близ Кисловодска), как об этом свидетельствуют историки, начав свое движение на р. Псху (берег Черного моря), последовательно поселялись: на Теберде, в районе станицы Прочноокопская, в Кабарде у горы Урды, на р. Дзэлыкъуэ (Золка) в северной части Кабарды, у устья реки Эшкокон, между станицами Михайловская и Бекешевская и, наконец, в 1861г. заняли современное положение (см.: Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957. С. 95).

В настоящее время абазины живут в нескольких селениях Карачаево-Черкесской автономной области (Апсуа, Мало-Абазинское, Тапанта, Абазахабль, Ново-Кувинское, Старо-Кувинское, Инжигчквын (Малый Инжидж), Кызыл-Покум, Койдан, Красно-Восточное (три последних – западнее Кисловодска), Абзакт, Псауче-Дахе. Кроме того, абазины в разное время осели в ряде ногайских и кабардинских селений (например, в Куркужине, Малке), а также в восточной части Адыгеи.

Рассматривая процессы адыго-абазинского взаимодействия в области топонимии, следует иметь в виду, что современные абазины РКЧ двуязычны, владея родным и кабардино-черкесским. Мы не говорим уже о тех абазинах, которые, влившись в состав кабардинского населения, полностью ассимилировались.

Собственно абазинская топонимия в наиболее компактном виде сформировалась лишь в районе сосредоточения абазинского населения в РКЧ. Это своего рода абазинский регион* в окружающем адыгском топонимическом массиве. Но как здесь, так и в других зонах контактирования с адыгами (особенно – кабардинцами) топонимия отразила такие явления:

1. Среди черкесских (в широком смысле) топонимов возникли названия по абазинским словам (этнонимам, топонимическим терминам и другим лексемам), которые часто сочетаются с адыгскими словами: *Абзакт* букв. «абазинское село», *Абазинка* – русское образование по этнониму «абаза» (п.п. Кубани), *Трамэ къуажэ*

«трамовское село» (каб. *кѳуажэ*), *Тшыгвара* из *тшы* «лошадь», *гвара* «ограда» (черк. вариант – *Шыгуарэ*) – название речки – п.п. Кубани; здесь же – каб. *Шыгуарэ ц1ык1у* (каб. *ц1ык1у* «малый»), *Адзыгъэрэ*, *Адзыгъэшто* (по *а-дзы* «вода»), *Афы* «молния» – название горы; река из-под нее – *Афынс* (адыгск. *нс(ы)* «вода, река»), *Афынсыт* из абаз. *афы* + адыгск. *псы* «вода»+*п(э)* «устье» («устье Афипса»); Мара – п.п. Кубани – ср. абаз. *мара* «солнце» (семантические параллели: карач. *кюллюм*, тюрк. *кунгей*, *кунгай* и др.); в сочетании с каб. *нс(ы)* «вода, река»: *Марэнс* (см. Словарь: *Марэ*); Адз *азаг1ва* – абаз. *адз* «вода», *азаг1ва* ср. с каб. *1эзэгъуэ* «лекарство» (лечебная вода) – название озера на л.б. Кубани и др.

2. Кабардино-черкесские названия освоены абазинским языком с соответствующей фонетической адаптацией: абаз. *Ажѳап1ыжъ* – ср. каб. *Ажэп1ыж*, где *ажэ* «козел», *п1ыж-ын* «вскармливать (вновь)»; абаз. *Атшутляг1ва* – ср. каб. *Шу лѳагъуэ* «всадника тропа»; абаз. *Гвацагъагъ* (жен. имя), *сырт* – из тюрк. «возвышенность»; абаз. *Кѳаладас* (название хребта – юго-западной части села Красный Восток) – из каб. образования *кѳалэдэс* «живущ(ие) в крепости», как в *Дзэлыкъуэдэс* «живущ(ие) в вербной балке»; *Кѳарапаго* (участок в сел. Кубина) – по каб. жен. имени *Кѳарэпагуэ*; *Псыжъ* – название Кубани и села на ней – каб. *Псыжъ* «река старая (большая)»; *Хѳаляг1вынэ* из каб. *Кхѳэлэгъунэ*, где *кхѳэ* «могила», *лѳэгъунэ* букв. «комната» (могильный склеп); *Шах1ыкѳва* из каб. *Щыхъыкѳуэ* – *щыхъ* «олень», *кѳуэ* «балка» (абаз. вариант – *Шарах к1вар* «оленья балка»); *Камлыкѳва* – абаз. название л.п. Кубани, ср. каб. *Кѳамылыкѳуэ* «камышовая балка (речка)», в абазинском имеется аналогичное образование на собственной лексической основе: *Кѳамыш к1вар* – «камышовая балка (речка)» – л.п. Кумы. Другие примеры освоения кабардино-черкесских топонимов абазинским языком см.: С.Х. ИONOBA. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993. С. 25-28.

3. Названия содержат общие для абазинского и адыгских языков лексемы: абаз. *Асин атоба* – асин «памятник», *атоба* «холм», ср. каб. *сын*, адыг. *сынэ* «памятник, надгробие»; абаз. *Амшвг1вара* – *Мшвы* «медведь», *г1вара* «берлога», ср. каб. *мышэ*, адыг. *мышгъэ* «медведь»; *Х1г1вындыкѳва* – название по фамилии, ср. каб. *Хѳэгъундокѳуэ* «Хагундоков» и др.

4. Топонимы (абазинские и адыгские) содержат общие иноязычные (главным образом - тюркские) элементы: абаз. *Акѳалажъ* – ср. каб. *Кѳалэжъ* (по тюрк. *кала* «крепость», каб. *-жъ<жъы* «старая»); абаз. *Алтоугуз* – ср. каб. *Алѳтогуз* из тюрк. *алты* «шесть», *егюз* «вол» (на подъеме в арбу впряглось шесть волов); абаз. *Джаман джалгы* – ср. каб. названия со словом *жэман* из тюрк. *аман*, *яман* «плохой» (*Жэманкѳул*, *Жэмансу*) и словом *жол* «дорога» (*Кѳанжол*); *Гум ахѳа* – соответствует каб. *Гумыщхѳэ*, где *Гум* тюрк. *Кум* «песок» (река Кума), абаз. *охѳа*, каб. *щхѳэ* «голова» (верховье) и др.

К сказанному следует добавить, что абазинская топонимия обнаруживает большую близость к окружающей адыгской с точки зрения словообразовательных типов – именных (например, *Аслян йк1вар* «Аслан его овраг», *Атоба кѳабыдѳж* «холм лысый», *Гум-Лоокт* – ср. каб. *Гум Ло кѳуажэ* «Лоовское селение на Куме»; *Адзыжъ* «вода старая» – ср. каб. *Псыжъ* «вода старая») и глагольных (например, *Адзамбырхѳак1ырта* «место, где цепляется ось колеса арбы»; *Ац(ф) кисарта* «место, где ударила молния» (ср. каб. *Щыблэуап1э*); *Ак1шцхырта* «место, где добывают известь»; *Мазан йпшырэ* «наблюдательное место Мазана» (ср. каб. *Гуартэ* и *плѳап1э* «наблюдательное место Гуарта») и др.

Генетическое родство абазинского и кабардино-черкесского языков, смешанность населения и вытекающее отсюда двуязычие приводят к интенсивным процессам взаимодействия в области топонимии, как и абазино-адыгской лексики вообще.

5.5 . Элементы других языков

Другие названия, имеющие иноязычное происхождение, не образуют скольконибудь значительных групп (по крайней мере в дошедшей до нас системе имен), являясь всего лишь вкраплениями в кабардино-черкесскую топонимию. Речь идет прежде всего о названиях греко-римской эпохи, представляющих собой занесенные на Кавказ этнические и географические имена далеких земель или результат фонетического освоения местных названий. Исторической основой возникновения таких названий явились греческая колонизация и походы на Кавказ.

Древние греки, осваивавшие кавказский берег Черного моря, входили в непосредственный контакт с местным населением, в частности, с синдами (Крушкол 1971, 3), которые считаются одними из предков адыгских племен и которые в то время жили на Таманском полуострове. По наблюдениям историков, между колонистами и местными племенами имело место живое общение, основанное на взаимной заинтересованности в торговле. Население Синдики в значительной мере было смешанным – синдо-греческим. Известно даже, что Митридат VI Эвпатор, побежденный Римом и искавший убежище в Северном Причерноморье и Боспоре, во второй половине I в. до н.э. проделал через земли древне-адыгских племен путь от Диоскуриады до Пантикапея через горы Кавказа. Местные племена, в частности упоминаются гениохи, «беспрепятственно пропускали митридатово войско, а меоты, жившие вокруг Азовского моря, отнеслись к нему крайне дружелюбно и заключили с ним союз. Митридат VI Эвпатор выдал своих дочерей замуж за вождей этих племен» (Карасев 1972, 14).

В период греческой колонизации Черноморского побережья (вторая четверть VI в. до н.э. – конец VI в. до н.э.) и последовавшей за ней эллинизации края здесь появились города с греческими названиями – Гермонасса (на месте современной станицы Таманской), Кепы, Патрей, Фанагория, Горгиппия (Анапа) и другие (Максимова 1956, 149 и след.). Но, как правильно отмечают исследователи, греческие города возникали не на пустом месте, а в местах, где уже были поселения. Отсюда следует, что колонисты встречались и с названиями осваиваемых мест. Некоторые из них, надо думать, принимали пришельцы, приспособлявая их к своему языку.

Ю. С. Крушкол, описывая по Диодору Сицилийскому происходившее на территории Синдики военное столкновение между наследниками царя Боспора Персиада I, упоминает реку Фат. «Несомненно, – говорит она, – что название реки Фат связано с именем племени фатеев, которые упоминаются у ...Диодора. Река Фат, или в другом произношении – Псат, упоминается у Птолемея». Далее автор обращает внимание на то, что «названия некоторых (только некоторых? – Дж.К.) кавказских (язык не называется. – Дж.К.) рек тоже начинается со звука **пс**, например, *Псырцха* – абхазское название Нового Афона и речки, протекающей там же; река Псоу на западе Абхазии. Судя по топонимике Кавказа, *Фат (Псат)* – кавказское название. Как предполагают некоторые ученые, это один из притоков реки Кубани и название племени, жившего в этих местах» (Крушкол 1971, 118).

Адыгское слово *пс-ы* «вода» фигурирует и в другом сообщении того же античного автора Диодора, когда он говорит о том, что боспорский царь, покоряя племена,

окружающие Понт, разделил страну **Псоу** на участки. «Представляется, – пишет Крушол, – что приурочить эту страну к современному Псоу (у Адлера. – *Дж.К.*), сохранившему это название и в настоящее время, вполне резонно» (*Там же*. 120).

Известны и другие названия с адыгской основой *пс-ы* «вода» со следами эллинизации: «*Никопсис*» – название речки и древней крепости на берегу моря у современной Новомихайловки – представляет собой греческую запись адыгского *Ныджэпсыхъу*, где *ныджэ* «отмель», *псыхъу* «река», «пойма реки» (см. Словарь: *Никопсис*); ту же основу видим в упоминаемом Стробоном названии реки *Психра* (*ИДГРПК*, 167).

В.А. Никонов высказал гипотезу о том, что древнегреческое название «Гипанис» (Кубань), имеющее прозрачную этимологию – «лошадиная», является всего лишь переосмыслением существовавшего на Кавказе названия по внешне сходному греческому слову (*Никонов* 1965, 131).

Кабардино-черкесская топонимия и антропонимия сохраняют и этноним *эллин* (грек) в формах *алыдж*, *елыдж*, *джырджэ* в названиях: *Елыдж губгъуэ* «эллинская степь», *Алыдж къуажэ* «эллинское село» (в нартском эпосе); ср. антропонимы: *Алыдж*, *Алыджыкъуэ* (в русских источниках – «Алегуко»), где *къуэ* – адыгский патронимический элемент – «сын».

По свидетельству Ш. Ногмова, предки современных адыгов почитали за пророка Аус Герга, т.е. «греческого Иисуса» (*ИАН*, 40). Ср. осетинскую форму имени св. Георгия – Герги («Небожитель Уасгерги»). *Абаев*, ОЯФ, 301, 305). Имя Аус Герг среди адыгов бытует в формах *Ауджэдж* (адыг.), *Аушджэрдж*, *Аушыджэр* (каб.). Народная память и поныне хранит это имя для обозначения каго-то божества христианского периода. Форма *Аушыджэр* у современных кабардинцев известна как название горы по л.б. Черка и селения под ней.

Этноним **рум**, под которым адыгам были известны римляне и итальянцы вообще (см.: *Ногмов*, *ИАН*, 25), сохраняется как название горы близ Кисловодска (см. Словарь: *Рум*); в русских источниках – «*Рым - гора*». Словом *рум* черкесы обозначали и римских священников (*шоген рум*), отличая их от греческих (*шоген гирге*).

Эти связи имели и другую сторону. Адыгские имена обнаружены в эпиграфических памятниках Причерноморья времен античности. «Стоит хотя бы бегло пересмотреть собственные имена, распространенные среди народов и племен северо-восточного Причерноморья, – пишет акад. И.А. Джавахишвили, – чтобы убедиться, что имена с подобным словообразованием и второй составной частью являются самыми обычными только среди адыгских племен» (*Джавахишвили*, 33). Приводимые автором примеры действительно содержат адыгский патронимический элемент *къо/къуэ* (-ко) «сын»: *Батоко*, *Багорско*, *Болотоко*, *Бшаноко*, *Дохшуко*, *Каншоко*, *Кургоко*, *Мифоко*, *Шогеноко*, *Атажуко*, *Безруко*, *Дударуко*, *Интиноко* и другие. Тот же автор прочитал на надписях, обнаруженных на месте древнегреческой колонии Ольвии, адыгские антропонимы *Пщыбадынокъо* «сын князя - предводителя», *Шыумахуэ* «всадник счастливый». Считается, что эти имена зафиксированы «по крайней мере до нашей эры» (*Рогава* 128).

Топонимия греко-римской эпохи, как и вообще древнейшая ономастика адыгов, потребует дальнейшего изучения.

Другие вкрапления в топонимию адыгов образуют единичные названия, объясняемые по-арабски. К таковым следует отнести: *Куба* – из араб. *къубба* «купол» – по мавзолеям с куполами, которые находились близ современного кабардинского сел. Куба;

ср. *Куба (Губа)* в Азербайджане; на Урале: *Верхняя Куба, Средняя Куба, Нижняя Куба, Елань-Куба. Кяфар* – л.п. Большого Зеленчука, из араб. *кяфир* «неверный». Ср. балк. *Капыр шауданла* (*шауданла* «родник»).

Эти названия, как и топонимический термин *кала*, имеющий первоисточником арабский язык, на Кавказе утвердились, возможно, через тюркское посредство.

Грузинские (сванские) названия известны адыгам главным образом по пограничной со Сванетией высокогорной зоне: *Бечо, Геран, Лялвер, Твибер* и др. Наименование *Куржипс* кабардинцы понимают как «грузинская река» (ср. каб. фам. *Куржы*), якобы потому, что здесь находилась резиденция сына грузинского царя Рустама. Но есть попытка видеть в этом гидрониме первичное *Къужъыпс* «грушевая река». В каб. топониме *Ерыстау 1уащхъэ* букв. «Эристави курган» первое слово – антропоним грузинского происхождения.

* * *

В адыгской топонимии, как и в любом другом топонимическом массиве, выделяется круг «необъясняемых» названий. В нашем Словаре их несколько десятков. Группировка этих названий по формальным признакам сопряжена с большими трудностями. При отсутствии письменности названия столетиями и тысячелетиями подвергались искажениям и эволюции в разнородной лингвистической среде. Наименования, казалось бы, имеющие единый тип, при более внимательном изучении нередко оказываются неоднородными.

Выделяется группа современных адыгских названий с финальным **-дж**, в отношении которой вопрос о единстве языковой природы остается открытым: *Инжыдж* (Зеленчук), *Мыщхъыдж, Щэхъурадж, Шэрэдж, Къардэныдж*; ср. *Хъумэджы, Бгъоджы*.

Дальнейшее исследование названий с утраченной этимологией и группировка их по каким-либо формальным признакам небезынтересно для изучения субстратных отложений древнейших общностей обследуемых территорий. Но в этом направлении пока сделано мало.

К сказанному следует добавить, что в ряде случаев кабардино-черкесские названия с необязательной топоосновой имеют общекавказский (субстратный) корень. Так, на наш взгляд, топоним *Къэхъун* (Кахун), осмысляемый на современном кабардинском языке как «вырасти», является преосмыслением осет. *к'яхын, к'яхун от к'ах* «нога»: первоначально – «копать ногой» (о животных). Само же слово *к'ях*, по наблюдениям В.И. Абаева, вошло в осетинский из кавказского субстрата (см.: *Абаев. ИЭС, I, 619, 620*; см. Словарь: *Къэхъун*). На лексеме кавказского субстрата основан и топоним *Чэщанэ* (Кешене) «мавзолей» (см. *К. КГН, 95*).

Поиски субстратных явлений в области адыгской топонимии могут быть предприняты в области фонетики, лексики, словообразования, в частности, – словосложения. Эти явления, восходящие к абхазо-адыгским и общеадыгским языковым переживаниям, в ряде случаев отражаются в топонимии. Одним из сложных вопросов, в решении которых должен быть использован топонимический материал, является определение исторической природы (языковая аттракция или субстрат?)

гидронимических элементов **-пш-ы** и **пс-ы**. Оба они распространены и на абхазской, и на адыгской территории в составе названий водных объектов. Значение «вода, река» для элемента **пш-ы** отсутствует в современной лексике как абхазского, так и адыгских языков*, а для основы **пс-ы** указанное значение известно лишь в адыгских языках. При этом гидронимы на **пш** локализуются среди адыгских топонимов Западного Кавказа и в Абхазии (Пшиш, Пшеха, Гульрипш и под.), а названия на **пс-ы** – более или менее равномерны на всей адыгской территории, а также как древнейшее отложение в Абхазии (см. выше о ряде названий на **пс-ы** и гидронимы на **пш**- в абхазском языке** (*Кварчия* 2002, 65 и др.).

Степень древности формантов, утративших свою внутреннюю форму, установить трудно из-за отсутствия письменных памятников. Еще сложнее судить о субстратных явлениях, ибо «предполагаемый язык – субстрат чаще всего является абсолютно неизвестной величиной, исключающей какую-либо возможность проверки сделанных предположений»***.

6. ОТРАЖЕНИЕ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ТОПОНИМИИ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Как установлено, параллельное развитие языков и культур различных народов привело к тому, что универсальное в языках стало в большей степени характеризовать человеческое мышление, чем индивидуальное.

«Привлечение ономастического материала для изучения универсалий языка, – говорит А.В. Суперанская, – оказывается весьма плодотворным, так как расширяет рамки анализируемых явлений, позволяет ввести ряд дополнительных методов исследования и выявить ряд новых универсалий» (Суперанская 1972).

Для адыгской ономастики вообще и топонимии в частности характерны те общие универсалии, на которые указывает А.В. Суперанская: самый факт наличия в языке собственных имен; положение ономастической лексики, с одной стороны, подчиненной общим закономерностям языка, с другой – имеющей свои особенности; эти особенности выражаются в том, что ономастика имеет: психологическую универсалию (при общедоступности нарицательной лексики каждый член языкового коллектива активно владеет ограниченным фондом собственных имен; при выборе имени или названия проявляются свойства психики человека); социолингвистическую универсалию (собственные имена наиболее живо реагируют на общественные преобразования, они подвержены воздействию моды).

Универсалии языка в области ономастики проявляются в том, что из большого разнообразия общеязыковых средств имя отбирает и приспособливает к своим нуждам ограниченное число их; пути развития номинации у различных народов едины; первоначальная мотивировка имени постепенно стирается, превращая его в условный знак; собственные имена непосредственно связаны лишь с именуемыми объектами, а с соответствующими понятиями – только опосредованно; названия и имена в своем становлении преодолевают конфликт между формой и содержанием, то есть антиномии.

Мы не видим особой нужды в том, чтобы названные универсалии иллюстрировать примерами из кабардино-черкесской ономастики, так как это возможно и на любом другом материале. Что же касается частных ономастических универсалий и квазиуниверсалий, в этом есть смысл, потому что именно они создают тот спектр, которым определяется своеобразие ономастики конкретной этноязыковой группы.

Этот спектр создается, пожалуй, совокупностью наиболее характерных мотивировок, образующих «типичные представления». Сюда войдут лексемы, обозначающие особенности рельефа, растения, животных, части тела человека и животных, культовые и этнографические термины, типы сооружений, быт населения, его хозяйственный уклад, полезные ископаемые (недра земли), различные события и явления, пережитые обществом и его членами, мимеоизобразительные слова; особое место занимают названия-метафоры, отражающие формы ассоциации действительности народом и представляющие большой психолого-лингвистический интерес, так как вскрывают специфику мышления данного коллектива и способы членения им видимого мира.

Своеобразие кабардино-черкесской топонимии создается также набором этнонимов и антропонимов, отразившихся в ней.

Прежде чем перейти к краткой характеристике выявленных нами частных универсалий кабардино-черкесской топонимии, сделаем несколько замечаний о трудностях анализа названий по обозначаемым реалиям и, следовательно, о сложности выявления типов имен, объединенных общностью признака.

Мы разделяем точку зрения В.А. Никонова об особых трудностях, связанных с выделением названий по животным, растениям и т.п., так как зачастую трудно сказать, что именно лежит в основе топонима – наименование животного или произведенное от него имя, прозвище, средство образной характеристики и т.д.

Это справедливое предостережение, безусловно, имеющее методологическое значение, более всего относится к таким (флексивного строя) языкам, как русский, в которых различие классов обозначаемых реалий опирается лишь на суффиксы и флексии (ср. *Сосна, Сосновая, Сосновка*) (Никонов. 1964; 77, 78).

В кабардино-черкесской же топонимии, например, где основным способом образования названий является основосложение, опасность смешения обозначаемых реалий меньше, потому что в наименовании почти всегда присутствуют аппеллятив и его характеристика с како-либо стороны (породы дерева, обитаемости места, величины, цвета, количества объектов и т.д.). Скажем, название *Мыщэкъуэ* в кабардинской топонимии указывает именно на «медвежью балку», а не на что-либо подобное русскому «*Медведево*» (по фамилии или кличке). На это различие между русской топонимией системой наименований языков, где имя, как правило, образуется, как и в адыгских языках, по модели «определяемое+определяющее», обратила внимание Н.В. Подольская. Она справедливо замечает, что в силу отмеченной разницы возможность получения информации о характере объекта в русском языке меньше, чем в языках, где основоположение – основной способ образования названий. Информация топонима о признаках объектов, по мнению Н.В. Подольской, является «подлинной» и «правдивой» в большинстве случаев (Подольская 1964, 37).

Дополнительным средством различения подлинных основ топонимов (наименования животных, растений или антропонимы от них) в кабардино-черкесском языке является специфичность оформления посессивных образований (притяжательные формы на **-ей**). Так, каб. *Лэук1эцей* указывает на фамилию *Лэук1эц* («Лаукецево»), а не на исходное значение «дикое животное». Иначе говоря, сообщение топонима в адыгских языках обычно – прямое и непосредственное. И это, конечно, не означает, что название вытекает из природы самого объекта.

Для того чтобы появилось каб. название *Шэхуапц1эбг* «гора медного купороса», носители языка должны были знать о медном купоросе и его хозяйственном назначении. Иначе этот признак не лег бы в основу названия горы.

Отмеченные трудности лексико-грамматического аспекта исследования, безусловно, должны быть учтены при установлении частных универсалий кабардино-черкесской топонимии. Наиболее очевидные из них следующие:

1. Такая особенность топонимии, как присутствие в ней наименований животных и растений, относится к языкам народов, проживающих в самых различных физико-географических условиях. Особенное и специфическое в этом отношении создается, видимо, самим набором лексем, вошедших в названия. Имеются в виду топонимы, в которых закрепились наблюдения человека над наиболее важными для него представителями фауны и флоры, их хозяйственным назначением, пригодностью участков земли для тех или иных культур и т.д.

Как примеры последних приведем группы названий, которые в качестве прямых реалий имеют:

1) диких животных, птиц, рыб, насекомых: *Джэдыкзуэ* – *джэд* «фазан» (курица), *кзуэ* «балка» и под.;

2) домашних животных: *шы* «лошадь» (*Шыхъуп1э*), *мэл* «овца» (*Мэлгъэбэг* «Малгобек») и под.

2. Выделение топонимов, отражающих растительный мир, менее трудно в том смысле, что здесь меньше опасности для неразличения их с производными от них личными именами, прозвищами, фамилиями. Правда, трудности этого рода и здесь есть.

Для подавляющего большинства этой группы названий лексическое значение топоосновы недвусмысленно: это растение стало основой имени. В местности, именуемой *Дзэлыкзуэ* «вербная балка», вовсе нет (по крайней мере – в наше время) верб (проявление закона относительной негативности). Однако запись названий непосредственно на местах подтвердила достоверность сообщения топонимов, указывающих на:

1) дикорастущие (лесные) породы деревьев и кустарников: *Меибэ* – *мей* «дикая яблоня», *бэ* «много»; *Ек1эпц1экзуэ* – *ек1эпц1э* «ольха», *кзуэ* «балка», *Шэдыгзуэ* «дикая черешня» (дерево дикой черешни); *Кхъужьеибэ* – *кхъужь* «груша», *кхъужьей* «грушевое дерево», *бэ* «много» и др.

В образовании топонимов участвуют еще такие названия пород деревьев, как *бжей* «бук», *хьэмк1ут1ей* «боярышник», *жыгей* «дуб», *дэ* «орех», *к1ей* «ясень», *дзэл* «ива» (верба), *бэрэжьей* «бузина» и др.

В ряде случаев топонимия сохраняет такие названия растительного мира, которые стали выходить из живого употребления и не вошли в существующие словари адыгских языков, напр., адыг. *ч1ыгусан* «земляная ягода» и некоторые другие;

2) различные дикорастущие травы: *Вэдзыкзуэ* «балка ведза» (*вэдз* – высокое растение с пустополым стволом и зонтообразным цветком), *Шэдждзыкзуэ* «черемичная балка» (ср. шапс. *чэджыц* «яд»), *Сэрсэламыкзуэ* – *сэрсэлам* «мятлик водяной», *кзуэ*

«балка», *Т1уп1ыкъуэ* «бузиновая балка»; названиями трав являются и другие слова, сочетающиеся со словом *къуэ* «балка»: *Мамкъутыкъуэ*, *Къамылыкъуэ* и др.;

3) названия сельскохозяйственных культур: *мэш* «просо»: *Мэшбэвыкъуэ* – *мэш* «просо», *бэв* «обильный (урожай)»; *къуэ* «балка» (долина); *Хъарбызыкъуэ* «арбузная балка» и др.

В группе названий, указывающих на растительный мир, менее продуктивны общеродовые слова, как *мэз* «лес»: *Мэздэгу* «лес глухой» (Моздок) и др.; *жыг* «дерево»: *Жыгыжъыкъуэ* «балка большого (старого) дерева» и под., *пхъэ* «древесина»: *Пхъэлъапсэ* «место древесины, роща», *Пхъэщ1эвэ* (*щ1эвэн* «зарывать, -ся»), *Пхъэбыдэ мэз* (*быдэ* «крепкий, -ая, -ое»).

3. Названия по топонимическим терминам (топографическим ключевым словам) составляют наиболее значительный разряд топонимов, обладающих формульностью и организуемых в семантические ряды. Они составляют приблизительно две трети всей макро- и микротопонимии адыгов. Эта универсалия основана на богатстве и разнообразии физико-географической среды. В значительно пересеченной местности, при обилии однородных объектов, увеличивается потребность общества в названиях-различителях; повышается их адресная роль. Примеры и продуктивность отдельных групп топонимов этого разряда см. в разделе «Семантические ряды».

4. Количество отанторопонимических названий в кабардино-черкесской топонимии велико, что объясняется распространенностью в ней «владельческих», посессивных образований, включающих личное, фамильное (родовое) имя или прозвище. По нашим наблюдениям, каждое третье адыгское название содержит антропоним, и этот класс топонимов по количеству уступает лишь содержащим географическую терминологию. Трудность изучения этого разряда топонимов обусловлена тем, что далеко не всегда можно в названии различить прозвище (личное имя), фамилию и этноним. Трудно, например, с уверенностью сказать, что именно – антропоним или этноним – закрепилось в каб. названии *Къалмыкъ псынэ* букв. «калмык+родник»: ведь «калмык» не только известный этноним, но и производное от него кабардинское фамильное имя. Фамильные и личные имена в составе названий слабо дифференцированы. Вспомогательным средством может быть то, что при личных именах перед апеллятивом, как правило, выступает притяжательное местоимение *и* «его», тогда как при фамильных именах этого местоимения обычно нет. К очевидным случаям надо отнести топонимы, содержащие прозвища из имени и какой-либо характеристики к нему, например, *Пщымахуэ ц1ык1у и хуей цэху* букв.: «Пшемахо маленького его поляна тайная (секретная)».

5. Этнонимы, принадлежность которых к ономастическому пространству является спорной (Суперанская 1973, 205), служат основой или компонентом многих топонимов, как и антропонимов. Взаимосвязь между этими классами слов выражается в том, что: а) по этническим названиям образуются географические, б) географическое наименование становится базой для возникновения соответствующего этнонима (по месту жительства). В силу отмеченных уже сложностей в различении ономастических категорий и их подлинных реалий не приходится преувеличивать значение этнонима при исследовании топонимов.

Однако к наиболее очевидным этнотопонимам следует отнести формы, содержащие адыгские и абазинские самоназвания (*Адыгэхъэблэ*, *Адыгей*, по тому же этнониму – русские образования «Адыгея», «Адыгейск») и др. названия, данные извне (*Къэбэрдей*, *Шэрджэс*, «Черкесск», «Черкесская тропа» и под.).

В кабардино-черкесской топонимии закрепились наименования и других народов, порой значительно отдаленных по территории: *Булгъар* (болгар), *Куржыпс* (курджы/куржы «грузин»), *Мэрэтин* (эмеретин), *Рум* (римляне), *Алыдж къуажэ* (алыдж «эллин», «грек»), *Мэжарэ* (мадьяр) и др.

6. Универсально наличие в топонимии различных народов набора слов, характеризующих объекты по величине, экспозиции, цвету, температуре, форме, субъективному отношению человека к окружающей среде, хозяйственному назначению характеризуемого объекта и т.д.

В кабардино-черкесской топонимии такими лексемами, создающими качественную и относительную характеристику, являются:

ц1ык1у «малый, -ая, -ое»; *шхуэ* «большой, -ая, -ое»; *хъурей* «круглый, -ая, -ое»; *бгъунж* «косой, -ая, -ое»; *лъэныкъуабэ* «наклонный, -ая, -ое»; *к1ыхъ* «длинный, -ая, -ое»; *1ув* «густой, -ая, -ое»; *-плъ/плъыжъ* «красный, -ая, -ое»; *-ху(хужъ)* «белый, -ая, -ое»; *ц1э* «новый, -ая, -ое»; *-жъ(жъы)* «старый, -ая, -ое» (большой, добрый и др.); *дахэ* «красивый, -ая, -ое»; *щхъуант1э* «голубой, -ая, -ое», «синий, -ая, -ое»; *ищхъэрэ* «северный, -ая, -ое» (западный); *ипцэ* «южный, -ая, -ое» (восточный); *ныкъуэ* «половина, половинный, -ая, -ое» и др.

Качественное прилагательное, как сказано выше, находится обычно в постпозиции (*Псынэдахэ* «родник красивый»), а относительные – в препозиции (*Мывэкъуэ* «каменистая балка»).

7. Топонимы, указывающие на неопределенное и определенное количество объектов, с точки зрения грамматической характеризуются синтаксической неразложимостью сочетающихся компонентов: *Псынабэ*, где *псынэ* «родник», *бэ* «много»; *Псыкуэд* – *псы* «вода», *куэд* «много»; *Кхъужъеибэ* (*кхъужъ* «груша»); *Дыкъуэнагъыбэ* (*дыкъуэнагъ* «ильмовое дерево»); *Жалгъыныбэ* (*жалгъын* «колючий кустарник») и др. Из слов, обозначающих определенное количество, в топонимии, как правило, закрепляются числительные первого десятка: *Бжеижыт1* – *бжей* «чинара», *т1у* «два»; *Къуипл1* – *къуэ* «балка», *пл1ы* «четыре»; *1уащхъитху* – *1уащхъэ* «курган», «холм», *тху* «пять» (Пятигорье); *Жыгибл* – *жыг* «дерево», *блы* «семь»; *Арыкъ зэшибл* «семь братьев арыков» и др. В топонимах иноязычного происхождения: *Бешто* из тюрк. *Бештау* «пять гор» (русс. Пятигорье, Пятигорск), *Бештамак* «пять устев» и др.

8. Наименования пород, полезных ископаемых, целебных источников – частые компоненты кабардино-черкесских топонимов. Наиболее полно представлены названия с лексемой *мывэ* «камень», «каменистый»; «скала», «утес». Различные определительные слова характеризуют камень со стороны размера (*Мывэжъ* «большой (старый) камень»), цвета (*Мывэгъуэжъыжъ* – *гъуэжъ* «желтый»), формы (каб. *Мывэпэшиижъ* – *пэ* «нос, край», *шиин* «вытягивать», *-жъ* – мелиоративный суффикс – вытянутый, продолговатый утес); положения (*Мывэк1эрысыжъ* «большой камень, лежащий (сидящий) на склоне») и т.д.

Наименования других пород в топонимах менее продуктивны: *Щтаучыкъуэ* – *щтауч* «кремьень», «кремневая балка»; *Пшахъуэху* – *пшахъуэ* «песок», «белый песчаник»; *Ят1экъуэ*, *Ят1э къыхып1э*, *Ят1агъуэ 1уащхъэ* – *ят1э* «грязь» (глина), *ят1агъуэ* букв. «грязь желтая» (глина). В ряде топонимов названы полезные ископаемые: *Шэхъуапц1эбг* – *шэхъуапц1э* «медный купорос», гора медного купороса (соответственно речка из-под этой горы – *Шэхъуапц1эпс* – *псы* «речка»), *Гъуц1ыкъуэ* – *гъуц1* «железо», *къуэ* «балка» и др. Смежная по территории балкарская топонимия тоже указывает на полезные

ископаемые: балк. *Къоргъашишли* (название ряда мест) – *къоргъашин* «свинец»*, карач. *Жез къулакъ* – *жез* «медь» (К. и Ш. БТС, 89). *Кукуртлу* – *кукурт* «сера» (К. и Ш. БТС, 77, 92) и др.

Кабардино-черкесские названия целебных источников включают элемент *псы* «вода» или *псынэ* «родник, источник» с различными определениями-характеристиками: *Псыхуабэ* (*хуабэ* «теплый, -ая»), то же, что русск. *Горячеводск* и *Пятигорск*, а также в наименованиях других, менее известных источников: *Псы хуцхъуэ* (*хуцхъуэ* «лекарство», «зелье»).

9. Названия строений, сооружений представлены прежде всего топонимами с лексемой *ун(э)* в значении «дом» или объект, по каким-либо признакам напоминающий дом. Слово *унэ* в топониме *Чэнжэ унэ* «кенженский дом» относится к большой пещере. Из других наименований сооружений в топонимии известны *цхъэл* «мельница», *лэмыж* «мост» и некоторые другие. К такого же рода объектам, пожалуй, можно отнести и названия, включающие слово *т1ыгъэ* копанное (*К1унит1ыгъэ* < *К1унэ* и *т1ыгъэ* «Куной ею копанное»). Топонимы со словом *т1ыгъэ* часты в названиях дорог, троп, кем-либо проложенных и потому включающих соответствующие антропонимы.

В единичных случаях кабардино-черкесская топонимия усвоила иноязычные названия сооружений: *Куба* из араб. *къубба* «купол», «мавзолей с куполом»; *Джэрмэншык* из тюрк. *кермен-чик* «маленькая крепость» (остатки старинных оборонительных сооружений в виде небольших курганов, насыпей).

10. В заметной группе названий, связанных с культом, в качестве топоосновы выступают слова *тхъэ* «бог», *тхъэц1агъ* букв. «под богом» (места под священными деревьями, где совершались жертвоприношения, сами деревья, а также леса, где находились они). Этот термин выступает как топоним и самостоятельно (*Тхъэц1агъ*), и с мелиоративным суффиксом *-жь*, и в составе сложных топонимов.

Целый ряд топонимов включает термин *тхъэлъэ1ун1э* «место моления». Слово *тхъэ* «бог», «божество» имеем и в каб. *Тхъэц1*, адыг. *Тхъэгъэпц*, возможно, в «*Тхаб*» и др. Лексема *тхъэ* известна и в антропонимии: *Тхъэгъэлэдж*, *Тхъэцокъуэ* и др.

За целым рядом мест сохраняется каб. название *Чэцанэ* – наименование «кабардинских усыпальниц», или «древних святилищ». Самих *Чэцанэ* («Кешана») сохранилось немного (напр., на л.б. Чегема).

11. Топонимы, связанные с событиями и явлениям, в языковом отношении одиночны, не обладая обязательными топоосновами. В них сохраняются отголоски военных столкновений, отложившихся в памяти народной.

Кабардинское название одного из районов высокогорных пастбищ по долине Малки *Къэнжал* возводится к тюрк. *къан жол* (*йол*), что, вероятно, надо понимать как «ханская дорога» или «кровавая дорога»*. Различные источники указывают на гору *Канжал* как на место, где кабардинцы разбили войско крымского хана (подробнее см.: К. КГН, 61, 62).

С этой версией перекликается другой кабардинский топоним – *Йолджэ 1уащхъэ* «йольджа холм». Этот холм расположен в том же районе – близ горы Канжал, на п.б. верхнего течения Малки. Для объяснения иноязычного компонента названия (*йолджэ*) интересно сопоставить его с тюрк. *я1цӓ*, которое в числе прочих имеет на таранчинском наречии значение «делить, разделить». (Радлов. ОСТН. Т.1 Ч.2. 1861); ср. еще *юле* «делить,

распределить» (ДТС, 624). На этом холме победители делили между собой трофеи после битвы с крымским ханом. Событие это имело место в XVIII веке.

12. Метафорические названия свойственны различным языкам. Это – явление общее. Особенное и специфическое для конкретной топонимической системы состоит в том, с какими именно предметами сравниваются природные объекты при рождении подобного топонима. Здесь, как нигде, проявляется общественное и психологическое начало. Привычный для определенной этнической и этнографической среды круг предметов и явлений служит реальной базой тех ассоциаций, на которых строятся наименования – образы.

В кабардино-черкесской топонимии метафора порождается сравнением природного объекта с живыми существами, частями тела человека и животных (здесь интересно – каких именно животных), одеждой и ее деталями, различными предметами хозяйственного обихода, атрибутами культа, строениями и т.д.

Наиболее продуктивны названия животных, части тела их. Кроме названных выше (*Хьэрэ-Кхъуэрэ* «собака и свинья» (название скал), можно отметить еще: *Шыщхъэжъ* «лошадиная голова (большая)» – о скале; *Наужьыдзэ* – *наужь* «старуха»*, *дзэ* «зуб» (зубчатая вершина, именуемая по-русски «Тещины зубы»); *Ажэжъбэкъу* – *ажэжъ* «старый (большой) козел», *бэкъу* «промежность ног» (резкий перепад, глубокая седловина в горах, русское название – «Чертовы ворота»), *Мывэ джэдуужъ* – *мывэ* «камень», «каменный», *джэду* «кот, кошка», **-жъ** – мелиоративный суффикс (большой каменный кот (утес) и др.

Значителен список уподоблений предметам быта, хозяйственного уклада: *Убалъэ щыгу* – *убалъэ* «маленькая ступа, в которой что-либо толкут», *щыгу* «вершина» (вершина горы); *Хьэкхъуафэжъ* «кормушка (старая, большая)» – о большой впадине; ср. *Щхъэкхъуафэ*, где *щхъэ* «голова, вершина», *кхъуафэ* «корыто», «лодка»; *Чейкъуэ* – *чей* «кадка», *къуэ* «балка»; *Фошыгъущхъэ мывэ* – *фошыгъу* «сахар», *щхъэ* «головка», *мывэ* «камень» – утес в виде сахарной головки. Местность уподобляется также: предметам культа – *Дыуэпэ* – *дыуэ* «талисман» (треугольной формы), *пэ* «кончик» (из *пэ* «нос»); тот же второй компонент в *Нэмэзлыкъыпэ* – *нэмэзлыкъ* «молитвенный коврик из высушенной козьей шкуры»; деталям одежды – (*Гъуэнишэдэж лъапэ* «штанина»); различным предметам, постройкам (*Щ1ы+щхъэл* букв. «земля+мельница» – название старого оборонительного сооружения в форме мельничного жернова) и др.

К метафорическим, пожалуй, надо отнести и топоним *Кхъузанэкхъэ* – букв. «сито-могила» – название целого ряда россыпей мелких курганов, известных в литературе под именем «кабардинских могильников». В основе названия, видимо, лежит ассоциативная связь между количеством курганов и дыр в решете сита. А приводимая Ш. Ногмовым легенда о том, что в этих курганах похоронены павшие в войне из-за сита, надо думать, – нередкая для топонимии сказка, пытающаяся объяснить наименование наиболее популярным образом.

13. Небольшую группу наименований образуют мимеоизобразительные слова. Они относятся к неровному, кочковатому ландшафту, сильно пересеченной и недоступной местности. Общей особенностью мимео-изобразительных слов является то, что они образованы способом редупликации: второй компонент первого слова повторяется во второй части образования: *Бэрэ-т1ырэ*, *Къумбыт1-шымбыт1*, *Лъэмбыт1-шымбыт1* и под. Реже слова повторяются полностью (*Гъуд-гъуд*). Такие наименования в большинстве своем лишены внутренней формы, предстают собой звуковые комплексы, иногда имитирующие шумовые эффекты. В некоторых из них используются

топонимические термины: *Кумблэмб* (кумб «яма»), *Къуак1эбгык1э* (къуак1э «овраг», *бгы* «гора»). Для данного класса слов характерно то, что они стоят на грани онома, являясь скорее эмбрионами названий, лежащими за пределами «официальной топонимии».

14. Составные названия, основанные на наименованиях соседних объектов и отталкивающиеся от них, – закономерность кабардино-черкесской топонимии. При этом производящей основой является наименование более значительного объекта. Оно и повторяется в производной форме: *Балъкъ* – название реки (Малка); *Балъкъ мэз* – название леса (мэз «лес») на этой реке; *Балъкъ губгъуэ* – наименование степи (губгъуэ «степь»). Еще: *Джэртэджэж* («Герпегеж») «эхо» – название горы на л.б. Кичмалки; здесь же: *Джэртэджэжыкъуэ* «Герпегежа балка»; в этом же районе: *Джэртэджэж ипцэкъуэ* «балка западнее Герпегежа».

Особой осложненностью отличаются наименования описательного характера, когда одна изафетная конструкция накладывается на другую: *Безрыкъуэ и бгыжь* «Безруко (имя личное) его гора большая»; название ближайшей балки – *Безрыкъуэ и бгыжьым и ипцэкъуэ* – букв. «Безруко его большой горы его южнее балка» (балка, лежащая южнее большой горы Безруко) и под.

Такие, так сказать, «связанные» названия более характерны для районов особого сгущения физико-географических объектов, нуждающихся в различении, в адресе. Они усиливают аргументы в пользу того, что онимы не вмещаются в рамки лексики, а ономастика входит в систему языка на особых правах... (Матвеев А.К. См.: «Принципы топонимики», М., 1964, с. 132).

15. Многие географические названия возникли не в результате естественного, спонтанного процесса, а искусственным путем. Это, как принято говорить, – специально данные названия. Появление их связано с образованием новых населенных пунктов, с социально-экономическими и политическими преобразованиями. Данная универсалия в значительной мере связана с динамикой кабардино-черкесской топонимической системы, являя собой одно из проявлений этой динамики. Сдвиги, о которых идет речь, мы старались отразить с возможной полнотой в книге КГН и в словаре. Поэтому здесь ограничимся лишь указанием на наиболее типичные пути и средства возникновения новых наименований. Под новым в данном случае разумею не всякий результат переименования (напр., вместо многих «владельческих» топонимов при советской власти вводились названия ближайших физико-географических объектов: вместо *Астемырей* «Астемирово» – *Акъбаш* «Акбаш», вместо *Ашабей* «Ашабово» – «Малка» и под.). Речь идет именно об искусственно созданных названиях.

Топоосновами и топонимами становились:

а) имена известных политических деятелей;

б) имена народных героев войны и труда;

в) имена народных поэтов, просветителей: ул. *Ногмова* в Нальчике (по фамилии Шоры Ногмова, кабардинского просветителя XIXв.) и др.

Искусственное название возникает вместе с искусственным сооружением: *Терканал* («Терский оросительный канал»); во всеобщее употребление вошла русская аббревиатура МКООС – Мало-Кабардинская оросительно-обводнительная система (прежде всего как название населенного пункта у головного сооружения этой системы).

Создание искусственных названий в период установления и функционирования советского строя опиралось на политические, социальные и идеологические мотивы (*Урожайнэ* «Урожайное» вм. *Абей кѣуажэ* «Абаево», *Плановскэ* «Плановское» вместо *Ботэщей* «Боташево», *Нарткѣалэ* вм. *Дохѣушыкѣуей* «Докшукино» и др.).

Некоторые из преобразований подобного рода в 90-ые годы минувшего столетия подверглись новой переделке. На карту возвращены некоторые из народных названий (*Исламей* и др. – см. 334), которые были заменены наименованиями физико-географических объектов.

Эти переименования являются частью тех изменений в топонимической системе нашей страны, которые происходят в рамках движения за сохранение народных названий, приравняемых к памятникам культуры.

II. ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Из нескольких тысяч адыгских (черкесских) топонимов (ойконимов, оронимов, гидронимов) в данный свод для издания «Кабардино-черкесский язык» включаются лишь наименования наиболее значительных объектов современной или исторической локализации адыгов в Центральном Предкавказье, на Северном и Западном Кавказе. При отборе материала особое значение придавалось онимам с культурно-исторической коннотацией. В этом разделе названия «черкес(ы)», «черкесский» (сокр. «черк.») употребляются в узком смысле - применительно к адыгам (и их языку), представленным в КЧР. Без пометы *каб.* и *черк.* оставлены названия, принятые у всех адыгов или в КБР.

Абазакт, *черк.* а. Хабезского р-на КЧ. Этноним *абаза+кыт* «село». Ср. способ образования других абазинских населенных пунктов: **Джантемир кыт**, **Трамкт** (часть сел. Красный Восток), **Клычкыт**, **Гумлокт**.

Прежнее название - **Джэбокъуей**- притяж. форма от *каб.-черк.* **Джэбокъуэ**.

Население смешанное: абазинцы (кизилбековские) и черкесы.

Абатэхьэблэ [Абатахабла], *черк.*, «поселение Абатых»- прежнее название а. Эрсакон (КЧ). Ср. *шапс.* **Абата там** (там «возвышенность») - название хребта по л. б. **Псыщлуэ** (Шапсугия).

Абын [Абин], р., п. п. **Адагума** (бас. Кубани), совр. райцентр в Краснодарском крае. Крепость Абин построена в 1835г. Адыгская форма - **Абын**. Ср. *абх.* (*абаз.*) **абна** «лес».

Адииху [Адиюх], поселок в административном подчинении г.Нальчика (с 15.12.95). По имени женского персонажа народного эпоса; букв. «Белорукая». **См. Иэдииху**.

Адыгэхьэблэ [Адыгехабла]. **«Адыге-хабль»**, *черк.*, аул, центр Адыгехабльского р-на КЧ, на п.б. М. Зеленчука. Из этнонима *адыга*, самоназвания кабардинцев и адыгейцев, и *хьэблэ* «околоток», «поселение».

Адыгей, «Адыгея», *каб.* Неофициальное название Республики Адыгея (область образована 27 июля 1922г.).

Из самоназвания кабардинцев и адыгейцев *адыгэ* и *каб.* суффикса принадлежности - **й(-йэ)** «принадлежащий к адыгам», а также «земля адыгов». Этноним *адыгэ* образует и название аула *Адыгэхьэблэ* («Адыге-Хабль»- на картах) «адыгское поселение» - на М. Зеленчуке в Карачаево-Черкесии.

Происхождение этнонима *адыгэ* («адыге») окончательно не установлено. Высказаны различные предположения и догадки о первичной природе термина. Есть попытка толковать форму «адехе», (здесь настораживает то, что этимологизируется форма «адехе», а не «адыгэ») как образованную от арабского слова, вошедшего и в тюркские языки, *аде* «остров», «полуостров». Вторая часть этнонима при этом понимается как адыгское *хы* «море»: островитяне, жители морского полуострова (118, с. 864)⁶

По мнению автора этой версии, «довольно вероятно», что имя произошло от полуострова Крыма, на котором они (адехе) жили около 300 лет под именем кабардов (см. там же). Указывают еще на остров Керченского пролива **Атех**, который впоследствии назывался **Ада**, как на первооснову этнонима *адыгэ*.

Ш. Ногмов пытался объяснить интересующий нас термин из этнонима *ант* и адыгского суффикса множ. числа *-хэ* («анты») (104, 21). Прав, конечно, А.К. Шагиров, когда он пишет: «Нельзя... выводить слово *адыгэ* из *ант* и *хэ*. Такое толкование данного слова было связано у Ногмова с тем, что он отождествлял предков адыгов со славянами-антами» (142, 5).

Наиболее интересна гипотеза о происхождении этнонима *адыгэ* от абхазского *адзы* «вода». Видя в термине *адыгэ* более древнее *адзыге* (ср. убых. *азгъа* - для абхазов и абазин), Л.Г. Лопатинский этимологизирует его как «поморяне» (78, 1). Эта же версия о происхождении этнонима отразилась и в «Кратком топонимическом словаре» В.А. Никонова: «*адыге* - предположительно из абхаз. *адзы* «вода» с суффиксом *-а* (т.е. «живущие у воды)». «Полагают,- добавляет Никонов,- что греч. *дзуху* (народ, живший в Vв. до н.э. на Черноморском побережье Северного Кавказа)- испорченное *адыгэ*» (100, 16). Ср. в историко-этнографической литературе также *дзыкхи*, *дзиги*, *зихи*.

В.И. Иллич-Свитыч видит в древних языгах, перекочевавших в IV в. н.э. от Меотиды к Дунаю, не иранцев, а народ абхазо-адыгского массива на Кубани и вовлеченный в сарматскую миграцию. Иллич-Свитыч находит справедливым мнение Лопатинского о том, что в этнониме «зигои», «зигхои» византийских авторов отражается древнее самоназвание адыгов. Это самоназвание близко к термину *адзыгъэ*, которым современные адыгейцы называют абхазцев (см.: ТСАЯ, 4) (обзор этимологий см. 7, с. 167-170).

Ажэжъбэкъу, «Ачежбок», известковая гора с двумя вершинами, между которыми находится громадная седловина очень правильного очертания. Название метафорическое и буквально значит «междуножье старого козла» - в верховьях Малой Лабы. В литературе отразилось русское название «Чертовы ворота».

Акъбашъ (Верхнэ) (Астемырей), «Верхний Акбаш» (Астемирово), с. на п. б. речки **Акъбашъ**, **Акбаш** из *тюрк.* «белое верховье» (по наличию меловых пород).

Акъбашъ (Нижнэ) (Йынарыкъуей цлыкъу), «Нижний Акбаш» (Малое Инароково), селение на п.б. Акбаша, к северо-западу от Тамбовского. Основана выходцами из Верхнего Курпа (Йынарыкъуейышхуэ) в 1921г.

Алибердыкъуэ (Алибердуко), *черк.*, а. Хабезского р-на КЧ на л.б. М. Зеленчука. По имени и фамилии комсомольца, погибшего в гражданскую войну: **Бердыкъуэхэ Али** - Али Бердукова.

Алтуд, *каб.* прежнее название р. Баксан; совр. наименование *каб.* селения на Баксане. Ср. **Алтудхэ яшытх** «Алтудовых хребет» - южнее Анзорея. Ср. Алтудей.

«Анапа»- город-курорт на Черном море.

Топоним был предметом внимания ряда ученых. Предложены этимологии: *Ана+пэ* «устье» - «устье Аны»; *Анэ (Іэнэ)* «стол» + *пэ* «край»- по форме мыса, напоминающего край круглого стола.

Первое из этих предложений находит больше параллелей в адыгейской топонимии - ср. *Улап*, *Афытсын*, *Мыекъуап*, *Агуяпэ*, а по **И.А. Джавахишвили - и Пантикапа** (*Пантикапей*), *Синопа*, *Хопа* и др.

Компонент *Ана* интересно сопоставить с основой ряда абхазских топонимов: **Ана-ха**, **Ана-капта** (*ана-ка* «ледник»); древнее название Нового Афона - **Ана-копия**.

В разное время Анапа была известна и под другими названиями: *греч.* **Горгиппия**, *генуэзск.* **Мара** (или *Maragium*), *тюрк.* **Бугуркала**.

Анзорей, селение на п.б. Лескена. Притяжательное образование по личному имени Анзор. Название возвращено селению постановлением Верховного Совета КБР от 18.05.1993г. (вместо «Старый Лескен»).

Аргудан, «Аргудан», селение на речке того же названия. Названия частей селения:

1. **Къуэжъыкъуей** «Кожоково».
2. **Сэскэрей хьэблэ** «Саскерovo поселение».
3. **Къетыкъуей хьэблэ** «Кайтуко околотоx».
4. **Жаныкъуей хьэблэ** «Жаноково».
5. **Урыш хьэблэ** «Урыш (евых) поселение».
6. **Елбыздыкъуэ хьэблэ** «Эльбуздуко поселение».

Пятью километрами выше - Верхний Аргудан - небольшое поселение. **Арг-**, видимо, этноним, *дан* из осетин. *дон* «вода».

Арик (Борыкъуей), **«Арик»** (Борукаево), селение на п.б. Терека у юго-западного подножия хребта **Арыкъ**, от которого заимствует свое название. Названия частей селения:

1. **Къуяндэс** «В Куяне живущие».
2. **ХьэтIыней** «Хатыново».
3. **Къэбышхей** «Кабышхово».

Название восходит к тюрк. термину *арык*, имеющему значения: «сильно пересеченная местность» (*Абаев В.И.*), «долина, овраг» (*Вс. Миллер*), «раздвоенный, разделенный» (*Э. и В. Мурзаевы*) и др. Объекту более соответствует первое значение.

Аруан (Мысостей), «Урвань» (Мисостово), *каб.*, селение на р. Аруан. Название частей селения:

1. **Мысостей** «Мисостово».
2. **Тыкъланей** «Тыкланово».

Архъыз (Архыз), *черк.*, горное пастбище в верховьях Лабы. Значение не установлено. Ср. образование *Бадхыз* в Туркмении, объясняемое как «начало ветров».

Аскъалэ (Аскала), адыгское название Азова; «крепость (город) асов»; ср. тур. *Аз-акъ*, русск. *Аз-ов*. Существует мнение, что местность, где возникла крепость, адыгами именовалась **Иуызэв** [узав] «узкая гарловина», что и дало «Азов» (Русская ономастика и ономастика России. М., 1994, с.13).

Аушыджэр, «Аушигер», *каб.*, гора с северной и северо-западной стороны селения того же имени. Название унаследовано от христианского периода адыгской истории. По свидетельству Ногмова, предки современных адыгов почитали за пророка Аус Герга, т.е. «греческого Иисуса».

Аушыджэр (Дыгъуыжъыкъуей), «Аушигер» (Дугужукой), *каб.*, селение на л.б. Череха. Названо по горе *Аушыджэр* (см.), возвышающейся над селением с северо-западной стороны.

Ахын, название горы на Черноморском побережье (к северо-востоку от г. Сочи). Происходит от общеадыгского названия бржества с синкретической функцией - бог Черного моря, покровитель скотоводства и рогатого скота. Подробнее см. раздел «Религия». От Ахын образован ряд топонимических названий: Ахынэ там «Ахинова роща», Ахынэ гъуэчIэгъ «Ахинова пещера» и др.

Ахъмэтыбг [Ахметибг] *адыг.*, «Ахмет-гора». Продолговатая отвесная гора близ слияния Большой и Малой Лабы у с. Курджиновской. Существует версия о том, что горой сохраняется имя предводителя войска, который, чтобы избежать плена, бросился с утеса, предварительно завязав глаза своей лошади.

По одному из вариантов этой версии этим всадником был черкес Ахмет Багарсоко.

«Бабуков аул»- название *каб.* аула, который находился на месте совр. станицы Незлобной близ Георгиевска до 1859г. (9, II, 141). В основе - *каб.* фамилия **Бабыгу**. Ср. *Бабыгуей*- прежнее название *каб.* с. Сэрмакъ «Сармак»; шапс. *Бабыкъуэ* - р. и аулище на л.п. р. Псышуэ (Шапсугия); *Бабыгу*- ю.в.п. Эльбурган (КЧР).

«Бакан», п. Адагума. Адыгская форма - **Бэкъан**. Для объяснения гидронима можно привлечь: 1) личное имя **Бакан** (известна версия о том, что это имя принадлежало крымскому хану, убитому здесь); 2) турецкое *balkan*, имеющее различные значения: «болото», «место, поросшее густым лесом или кустарником», «равнина низменное место» и др., Утрате «л» (1) в адыгском употреблении термина *balkan* могла способствовать ассоциация его с распространенным на Кавказе личным именем **Бакан (Бекъан, Байкан)**; 3) **бакъан (бакан)**- собственно бзыбское имя абхазов (16, 244).

Балькъ [Балк] *каб.* форма названия реки Малка- л.п. Терека. *Балькъыжъ* (-жъ «старый, большой»- мелиоративный формант). Следует различать названия **Балькъ** и **Малка**, с одной стороны, а с другой- не следует возводить **Балькъ** к *балыкъ* «рыба», несмотря на кажущуюся семантическую правомерность этого сопоставления.

Для суждения о природе формы **Балькъ** уместно сопоставить ее с термином *балакъ* «крепость, замок», отмечаемым в Словаре Махмуда Кашгарского. Такое сопоставление может быть подтверждено указанием Ш. Ногмова о том, что «на берегу р. Малка существовал город (видимо, крепость.- Дж. К.) Малкана, или Бах» (104, 26). Форма же **«Малкана»**, упомянутая Ногмовым параллельно с названием **«Балх»**, безусловно, относится к современной Малке. Кроме того, вряд ли случайно совпадение форм **Малка, Малкан-а** с надписью на монетах персидских царей **«Малка малкан Иран»** - царь царей Ирана, которые владели Ираном и Не-Ираном (Ю. Клапрот), если иметь в виду имевшие исторически место военные, экономические и политические контакты между Кавказом и Персией.

Балькъэр [Балкар]- *каб.* название Балкарии (горные районы КБР). Ущелье реки Восточный Черек считается, по преданию, первоначальным местом поселения балкарцев.

Оно и его население издавна у балкарцев носит название **Малкъар**, у кабардинцев- **Балъкъэр**, у грузин- **Басиани**.

Батэхьэблэ [Батахабла] черк., «Баты (имя) поселение»; *Батэмэз* «Баты лес» (Шапсугия). Имя **Батэ** [Бата] сравним с **Бата**- древнее название современного Геленджика. По другим сведениям, такое название принадлежало лиману и городу на месте совр. Новороссийска.

Бахъсэн «Баксан» каб., одна из наиболее значительных рек КБР. Берет начало в ледниках южной подошвы Эльбруса и впадает в Малку справа у г. Прохладного. Длина - около 170 км., площадь бассейна 6,8 т. км². На реке - ГЭС, в верховьях - канатные дороги на склоны Эльбруса и Чегета, базы туризма и альпинизма.

Для объяснения топонима, на персидскую природу которого уже есть указание (см. 100, 40), небезыңтересного сопоставление его с иранским названиями, образуемыми с помощью топоформанта **-стан** - **Ашостан**, **Бердестан**. При этом можно допустить, что формант **-стан** мог упроститься в **-сан**, как это произошло в адыгском имени **Лаурсэн** при иран. **Лаверстан**.

При допущении **-сан** из иран. **-стан** «страна» не исключено, что правая часть названия- имя личное. Ср. **Бака**, **Бака-Асан Хаджи** в Крыму (Суперанская). Ср. еще **баскан** «наводнение, половодье» - тюрк. (92

Адыгский антропоним **Бахъсэн** [Бахсан] (см. 104, 48), который и ныне сохраняется как фамилия (*Бахъсэн-хэ* – «Баксан-овы»), надо думать, вторичен по отношению к гидрониму. Ногмов свидетельствует, что река прежде называлась **Алтуд** (104, 43). Последнее сохраняется за селением на р. Баксаненок (рукав Баксана).

Бахъсэн «Баксан» каб., г. (с 1967), райцентр в КБР: Население 27000 чел. (2000 г.), завод «Автозапчасть», перерабатывающая промышленность. назван по реке (см.), на л.б. которой стоит город. Народный вариант названия - Бахъсэн къалэ «Крепость на Баксане».

Бэтэх [Батех] каб., название многих мест по апеллятиву *бэтэх* «кочковатое, неровное и низкое место». Основу *бэтэ* ср. с глаголом *бэтэн* «вздуться, умножаться»; ср.: каб. *уэх*, адыг. *уэхы* «низменность»; адыг. этноним *кIах(э)* означает низовых жителей.

Беслъэней [Бесленей] черк., аул Хабезского р-на КЧР, на п.б. Б. Зеленчука. Топоним представляет собой притяжательное образование от имени, как полагают, князя Беслана или Берслана. Название частей аула: **Тэркъаней** [Тарканей], «Тарканово»; **Бэгупсей** [Багупсей] «Багупсово»; **Тхъэзыртокъуей** [Тхазыртокой] «Тазартуковское». Последнее известно и как общее (народное) наименование населенного пункта. Аулу более 150 лет. До занятия современной территории он последовательно располагается на р. Джэджэн в бассейне Урупа и в местности Хашцыгъуей близ Невинномысска. Население аула - бесленеевцы - носители бесленеевского диалекта. Название по этнониму *беслъэней*; **Беслъэнейм ямэз** (ямэз «их лес»)- близ а. Вочепший.

Бибердкъуажэ [Бибердкуажэ] черк., название абазинского аула Эльбурган на п.б. М. Зеленчука. Букв. «Бибердовское (по абазинскому племени) селение». Известно и абазинское название Бибердкыт (ср. Абазакт). Жители двуязычны в результате смешения населения.

Блашэпсынэ «Блечепсин» каб. (куб.), «родник у клена»- аул. Кошехабльского р-на РА. Адыгейская форма - **Лэшэпсын**.

Народные названия кварталов аула: *Дохъушыкъуей* (Докшуково), *Думэней* (Думаново).

Эти фамилии, а также современная антропонимия аула (фам. *Къуышгъхъэ*, *Тхъапшъокъуэ*, *Дэбагъуэ*, *ДышгъэкI*, *Ныр*, *Сэхъу*, *Абыдэ* и др.) указывают на кабардинское происхождение аула.

ВакIуэжылэ [Вакожиле] черк., аул Адыге-Хабльского района КЧР. *ВакIуэ* «пахарь», *жылэ* «селение» (пахарей селение). Прежнее назв.- **Дохъушыкъуей**- притяжательное образование по фамилии *Дохъушыкъуэ*.

Вольнэ Аул «Вольный аул» каб. селение (в прошлом аул) на п.б. Нальчика.

Русское название «Вольный Аул» закрепилось за селением еще в 20-х годах XIX в., когда оно было основано крестьянами, возвращавшимися с гор после выступления против колониального режима (48, 83). Прежнее название аула - **Брамтэ** (см.).

Геленжыч, «Геленджик». Город на черноморском побережье Краснодарского края. Этимологию из тюрк. «невесточка» Никонов считает наивной и искусственной, хотя и указывает, что, действительно, захватив эту территорию в конце XVв., турки сделали Геленджик портом вывоза красивых девушек-горянок в невольницы для турецких гаремов (Никонов. КТС; 100). Эта этимология послужила поводом и для более свободных допущений. Кажется, именно Геленджик имел в виду А.И. Куприн, когда он писал: «Наша санатория тонет... в белых волнах цветущих груш, яблонь, миндаля и абрикосов. Говорят, что на языке прежних обитателей-черкесов-(здесь писатель ошибался.- Авт.) эта очаровательная приморская деревушка называлась «Белой невестой». Какое милое и какое верное название! Так и веет от него колоритным языком восточной поэзии, чем-то выхваченным прямо из «Песни песней царя Соломона» (Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1957. С. 482). Версия же о том, что Геленджик - это «ночная красавица» (Быкова Г.В. От Джубги до Аше. Краснодар, 1966), ничем не подтверждается. Однако вряд ли больше подходит для объяснения топонима *хелендж* - наименование дерева (береза или тополь), зафиксированное арабским путешественником IX в. (см. там же). Во всяком случае форма *Геленджик* во второй своей части неотделима от таких турецких топонимов, как *Биреджик*, *Инеджик*, *Аянджик*, где **-джик** имеет значение уменьшительного форманта.

О сравнительно позднем утверждении современного названия может свидетельствовать то, что древние авторы знают этот населенный пункт под другими названиями: «...бухта Геленджик - это бухта Торикос Скилакса, на берегах которой автор указывает город того же названия». «Ариан не знает Геленджика под его древними наименованиями и называет бухтой Пагрой» (88, 72).

Гынгухъуышгъхъэ [Гингухуша] черк., утес над а. Алибердуко, где черкесы изготавливали порох. Каб. **гын** «порох», **гуыхъу** «ступа», **шгъхъэ** «вершина». Вершина пороховой ступы. Ср. шапс. *Гынуын* «пороховой дом» (склад)- на р. Шахе; шапс. **Гыныкъуэпс** [Гиникопс] «речка пороховой балки» - п.п. Агоя; шапс. *Гыныкъуай* - в верховьях р. Агой.

В последних двух примерах **гын(ы)** может оказаться лишь омонимом к **гыны** «порох». Дело в том, что шапсуги словом *гыны* обозначают и лекарства (лекарственные травы), и капусту (ср. адыг. *гыныплъ* «свекла», где *-плъ* из *плъы* «красный»).

Гудал бгыжъ [бгыж] *каб.* «Гудала (Гудаловская) гора (большая, старая)»- над с. Псыгансу. Иначе гору называют **Аруан бгыжъ** «Урванская гора» (большая, старая). Ср. имя *Гудал* у Лермонтова: «Высокий дом, широкий двор седой Гудал себе построил».

Гум *каб.* название рек «Кума» и «Подкумок», которые берут начало в Карачае и соединяются восточнее Георгиевска (у станицы Обильное). «Кума» впадает в Кизлярский залив Каспийского моря. Тюрк. *кум* «песок»; «песчаная» река. См.: 100, 220. Ср. *Кум* - река, п.п. р. Карачай в Иране, *Кум* - озеро в Иране (123, 193); р. *Кумчай* в Турции, р. *Куммачай* в Иране (100, 220); *Кума* - река в Ханты-Мансийск. нац. окр. Тюменск. обл. (124, 124).

Гуымкъалэ [Гумкала] *каб.* назв. совр. Георгиевска в Ставроп. крае, «крепость (город) на Куме»- совр. Георгиевск. Другие *каб.* назв. по р. **Гуым: Гуымлокъуажэ** «Лоовское селение на Куме», **Гуым псыхъуэ** «Кумская речная долина» и др.

Кабардинцы различают: **Гуым цыкълу** [Гум цук] «Малая Кума», «Подкумок» и **Гуымышхуэ** [Гумушхо] «Большая Кума», «Кума».

Дамыгъэшхуэ [Дамиашхо] *черк.*, *дамыгъэ* - в данном случае «знак, метка» (на скале); *-шхуэ* «большой». Увеличительный суффикс *-шхуэ* здесь относится не к собственно *дамыгъэ* (знаку на скале), а к объекту, на который перешло название скалы со знаками. Таким объектом здесь является балка (а также гора и лес) к востоку от а. **Жъэкуэ** «Жако». Название ближнего объекта, выражающее бинарную оппозицию, также относится к горе и лесу к с.-в. от Жако: **Дамыгъэ цыкълу** (*цыкълу* «малый, маленький»). Эти названия распространились и на родниковые речки, обозначаемые апеллятивом *псынэ* «родник» соответственно: **Дамыгъэшхуэ псынэ** (впадает вместе с Къуэбыдэпс в М. Зеленчук в районе а. Жако), **Дамыгъэ цыкълу псынэ** (впадает в М. Зеленчук севернее а. Жако). Ср. название с компонентом *дамыгъэ* «тавро»- **Дамыгъэтедзэкъуэ** «Балка, в которой таврили скот»- в урочище М. Кураты КБР.

Даухэ я сын букв. «Надгробный камень Даовых». «Около Пятигорска, на ручье Еттакo находится каменный поясной истукан, вышиною 8 футов 8 дюймов. Он называется Дууккохи-яин, имеет надпись, буквы которой схожи с греческими или славянскими и испещрен разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии его» (136, 27-27 об.). По свидетельству И. Гюльденштедта, открывшего надпись, эту каменную фигуру кабардинцы называли Дука-Бек.

Прочтению надписи посвятили свои исследования Я. Потоцкий, И. Помяловский, Г.Д. Филимонов, В.В. Латышев, Г.Ф. Турчанинов и др. (см. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. С.109-113.)

Дахэ йыпсынэ [Даха ипсына] *черк.*, «Дахи (*дахэ* букв. «красавица») родник» - название речки, протекающей через Вакожиле и Старо-Кувинск параллельно Б. Зеленчуку. Вода пущена по трубе через названные аулы.

Дахъуэ [Дахо] *черк.*, река, впадающая в Белую справа. Производные названия, отразившиеся в литературе на русском языке: **Даховская** - станица у устья р. Дахо; **Даховские горы** (между М. Лабой и Белой). «**Дахъуэ**» у адыгов известно и как фамилия (темиргоевская), и как название абадзехского племени. «Прежде здесь жило черкесское (абадзехское) племя дахо (отсюда получил свое имя и Даховский отряд генерала Геймана...» (39, 247). Как известно, генерал Гейман со своим отрядом перешел через Белореческий перевал и основал в 1862г. «Даховский посад» (уже по названию своего отряда) на месте современного Сочи.

Дыгъуланей [Дугланей] *каб.*, топоним по *каб.* фамилии Дыгъулан с показателем принадлежности *-й* (<йэ): «принадлежащий Дуглан-овым», «Дугланово». Поселение с таким названием было западнее Нальчика, в районе Долинска.

Дыгуылыбгъуей [Дугулубгей], *каб.* с. на п.б. Баксана. По личному имени Дугулубга Тамбиева. Название возвращено селению в 1992 г. вместо «Кизбурун 3». В 2003 г. включено в черту города Баксан.

Джэдуунэ [Джадууна] *каб.*, букв.- «кошачий дом»- кабардинское название поселения, из которого образовался гор. Лабинск (записано в а. Ходз); однако возможно, что назв. по прозвищу Джэдуу-нэ «кошачий глаз».

Джурмэншыч, Джэрмэшык, Гэрмэншыч, Джэрмэншыкыжъ «Герменчик» *каб.* От тюрк. кермен «крепость», замок, укрепленный город и *-чик* «маленькая». «Крепость маленькая». В числе названий древних городищ А.И. Попов называет и тюрк. Керменчик, или Герменчик. Звучание, более близкое к языку-источнику, сохраняется в украинской топонимии: Старый Керменчик (совр. Старомлинівка). Ср. также старое назв. Белгород-Днестровского - *Аккерман* - Белый город, гора *Кермен* в Баксанском ущелье КБР; селение *Герменчук* в Шалинском районе Чечни. Топоним **«Герменчик»** в КБР более всего известен как название селения Чегемского района. Это название исстари принадлежит кургану (**ЗэкIэшIэуэ Джэрмэншыч, Джэрмэншыкыжъ**), к западу от которого поселились выходцы из Шалушки (в 1926г.). **Герменчиками** именуются, кроме того, курганы, остатки крепостных сооружений, находящиеся: 1) в районе керамического завода близ Вольного Аула; 2) несколько выше Второго Псыгансу; 3) между селениями Малка и Куркужин (на п.б. речки Крууко); 4) на п.б. р. Кишпек, в 7-8 км к югу от устья; 5) над западной частью Аргудана; 6) между реками Чегем и Шалушка, к западу от с. Герменчик. Этот курган уже распахан. Второе название - **Хьэтыгъуей** (фамилия) **Джэрмэншыч**.

Герменчиками называются и группы курганов: 1) между селениями Анзорей и Хатуей; 2) восточнее Исламея (эти курганы именуются еще ногайскими могильниками); 3) близ с. Залукодес, в 3-4 км юго-восточнее от селения; 4) восточнее Баксанского плодopитомника (здесь 3 объекта с промежутками в 1 км).

Герменчик, находящийся между Чегемом II и Кишпеком, имеет вид шапки Мономаха: острый верх возвышается над более широким основанием. Переход от одной части к другой выражен очень резко. Нетрудно видеть, что курган представляет собой искусственную насыпь со следами каких-то сооружений. Недаром кабардинцы этот курган называют еще **ІуашьхьэТыхь** «курган окопанный».

Джылахъстэней [Толъэстэней] «Таусултания»- *каб.* народное назв. Малой Кабарды, то есть правобережье Терека в КБР. От собств. имени с притяжательным суффиксом **-ей**. Об образовании Малой Кабарды Ш. Ногмов пишет: «Несколько старшин внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения, и князь Шолох увел их за реку Терек и поселил их на правом берегу... Земля этих переселенцев и доньне носит название Малой Кабарды или Таусултании» (104; 70, 71).

Дзэлыкъуэ [Дзалуко]. «Золка»- речки неледникового питания, берут начало на северо-восточных склонах Джинальского хребта (север КБР) и уходят в степи Ставрополя. **Дзэл** «верба». «Вербная балка». Различают семь Золок: Первая Золка, Вторая Золка и т.д.

Первые три Золки образуют единое русло у с. Зольского. Четвертая, Пятая, Шестая и Седьмая Золки, тоже слившись, протекают через с. Залукокоаже.

Первую Золку называют **Дзэлыкьуэ цыкьу** «Малая Золка». Четвертую - **Дзэлыкьуэшхуэ** «Большая Золка». Остальные определяются порядковыми числительными: **Етйуанэ** «вторая», **Ешъанэ** «третья», **Етхуанэ** «пятая», **Еханэ** «шестая», **Ебланэ** «седьмая». Название **Дзэлыкьуэ** принадлежит пастбищам в верховьях Золок (северо-восточным склонам Джинальского хребта), а также входит в состав топонимов **Дзэлыкьуэдэс** (см.), **Дзэлыкьуэкьуажэ** (см.) и **Зольское**.

С кабардинским гидронимом **Дзэлыкьуэ** связывают и наименование реки **Золотуха** (ср. производное название пос. и станции у въезда в Ессентуки - **Золотушка**), которое в результате постепенного искажения ассоциировалось со словом «золото» и элементом **-ушк-**. (Ср. русскую адаптацию **Шьхьэлыкьуэ** «Шалушка»).

Дзэлыкьуэдэс ||**Къэрмэхьэблэ** **Іэпхьуэжа**|| **Къэрмэхьэблэ цыкьу** «Залукодес». Селение на Третьей Золке, основанное переселенцами из Каменноостского в 1927г. Название состоит из гидронима **Дзэлыкьуэ** (см.) и основы **дэс** «сидеть, жить где-либо» (ср. кьуажэдэс, кьалэдэс).

Дзэлыкьуэкьуажэ (Абыкьухьэблэ) [**Залукокуажэ**] «**Залукокоаже**» (Абуково). Селение на Четвертой (Большой) Золке. Основано в 1904г. выходцами из Первомайского (Абыкьухьэблэжэ)- селение близ Кисловодска. Первая часть слова повторяет название реки (см. Дзэлыкьуэ), а вторая (кьуажэ)- значит «селение».

Едархэ ялуашъхьэ [Едарха яуашха]. «Едаровых (Идаровых) курган»- между селениями Аушигер и Кашхатау (л.б. Череха). Данное название увязывают с именем известного из истории Кабарды князя Идара. Ш. Ногмов пишет, что князь Идар - внук знаменитого Инала- жил у своего деда в земле бжедугов. Прослышав о распрях, возникших между его братьями, он вернулся в Кабарду и усмирил их силой. По условиям заключенного мира князь Идар мог поселиться «в Кабарде, где ему угодно». И далее: «Собственная его «часть называлась. Идарией» (104, 64).

Ерокьуэ [Эроко]. Селение на л.б. Лескена. Названо по холму близ селения. Основано в 1926г.

Жэмтхьэлэ [Жамтхала] *каб.*, л.п. Псыгансу. Жэм «корова», *тхьэлэ* - основа глагола *тхьэлэн* «топить, душить». Ср. аналогичные образования с той же глагольной основой: *каб.* *Шытхьэлэ* (*шы* «лошадь»), адыг. «*Чэттхьал*» (*чэты* «курица»), адыг. *Цуытхьал* (*цуы* «вол»), *каб.* *Къардэнтхьэлэ* (*Къардэн* - фам.), *Хьэтхьэлэ* (*хьэ* «собака») и др.

Жэмтхьэлэ (Кьуэжъкьуей Йыпщъэ) [Жемтхала]. «Жемтала» (Кожаково южное). Селение на речке Жэмтхьэлэ. Народные названия частей селения:

1. **Жаныкьуей** «Жаноково» (на п.б. Жемталы).
2. **Адрыш хьэблэ** «по ту сторону околоток».
3. **Къетыкьуей** «Кетуково».
4. **Йыпшъэ хьэблэ** «южный околоток».

Западнее Жемталы: «Верхняя Жемтала»- на л.б. Псыгансу.

Жъэкуэ [Жако], «Жако» черк., речка и аул на п.б. М. Зеленчука (Хабезский район). До занятия современного места в 1892г. аул располагался последовательно: на Маре, Марухе и балке Жако. Этому названию предшествовали **Къуыбатей, Альэсчырей** (формы принадлежности от личных имен). Ср. *Альэсчырей* - народное название части селения Йысламей в КБР.

Зейыкъуэ [Зеюко]- из *зей* «кизиловый куст», *къуэ* «балка» (балка с кизилом). Название принадлежит: каб. селению в Баксанском р-не, черк. аулу в КЧР. «Беглые кабардинцы», основавшие аул, до перехода на М. Зеленчук селились на Урупе и Маре (старое название этих населенных пунктов - **ХьэТюхъушыкъуей** «Атажукино», 54, 55), а также ряду других природных объектов- балке и речке- л.п. М. Зеленчука, балке к с.-з. от а. Хабез (КЧР), **Зейыкъуэ бгы хуыжъыжъ** «Заюковская старая (большая) белая (с известковыми осыпями) гора» и др.

«Зеленчук» см. **Йынжыдж**.

Зольскэ (устар. «Баптис») «Зольское». Селение на Малой Золке. Кабардинцами усвоена русская форма с суффиксом **-ск-**, которая, в свою очередь, представляет собой образование на основе наименования речки Дзэлыкъуэ (Золка) (см.).

Йынал [Инал]. Гора между верховьями Баксана и Малки в окрестностях горы Канжал. Существует мнение, согласно которому это название воспроизводит имя известного кабардинского родоначальника Инала, правившего до 1427 года (дата Ногмова - 104, 55).

Йынаркъуей [Инаркой], каб. с. Терского р-на КБР. Притяжательное образование по антропониму. Название возвращено селению в 1992 г. Предшествующее название - Верхний Курп (половина сел.) Ср. **«Йынаркъе»** - прежнее название с. Советского в Малгобекском р-не Ингушетии.

Йындыл - адыгское название Волги. Ср. тюркские наименования этой реки: *Итиль, Идель* (ср. башк. *Агидель* – «Белая Идель»), *Этел, Идель* (ср. башк. *Агидель* - «Белая Идель»), *Этел, Атал* (100, 87). У кабардинцев термин «йындыл» употребляется для всякой большой реки, реки, вышедшей из берегов. Этот гидроним закрепился в адыгской эпической традиции: каб. **Йындыл, Йындыл Iуыфэ** (*Iуыфэ* «берег»); ср. также **Йындылыжъ** (-жъ «старый, большой»).

Йынжыдж - адыгское название левых притоков Кубани; различаются **Йынжыджышхуэ** «большой Инжидж» и **Йынжыджжый** (или более позднее **Йынжыдж цыкIу**)- «малый Инджик». **Йынжыджышхуэ** начинается близ горы *Псыш* и выпадает в Кубань у Невинномысска, а **Инжыдж цыкIу** образуется слиянием рек *Марух* и *Аксаут* и впадает в Кубань слева близ ст. Беломечетской.

Можно заметить определенную закономерность в том, что кабардинской (черкесской) шипящей аффрикатой **дж** передается взрывной согласный **к** названий иноязычного происхождения, например, **Шъэхъурадж** (см.) из *Чехрак*, **Шэрэдж** (см.) из *Черек* и др. Поиск этимологии гидронима возможен в двух направлениях:

1. Рассмотрение гидронима в ряду продуктивных для тюрской (в частности, турецкой) топонимии деминутивных (уменьшительных) образований на **-джик**: **Инеджик, Биреджик, Аянджик, Каледжик** (различные районы Турции), а также, видимо, **Геленджик** (Краснодарский край).

Если же допустить такую же основу и в гидрониме **Инджик**, то его можно понимать как «малая пещера», не исключая при этом значения «маленькая берлога», «маленький спуск».

2. Другой возможный путь поиска этимологии названия **Инджик** - это сопоставление его с наименованиями от основы **инджа/индже**: **Инджа** с вариантом **Инджасу** (приток Куры в Азербайджане), **Инджебурун** (мыс на малоазиатском берегу Черного моря). В последнем названии Никонов выделяет тур. **индже** «узкий, острый» (6, 156). При этом подходе к этимологии **Инджик** следует допустить, что название состояло из основы **Инджа(е)** и форманта **-джик**. Сочетание **Инджа(е)+джик** в результате гаплогонии, часто наблюдаемой в наиболее употребительных названиях (например, **Къызбурун** из **Къызылбурун**), могло дать **Инджик**, переделанное затем адыгами в **Йынжыдж**.

Гидроним **Йынжыдж** употребляется также в адыгском нартском эпосе.

Йынжыдж цыкӀу [Инжидж цук] *черк.* «Малый Зеленчук», «Малый Инжидж», а. на п.б. М. Зеленчука. В 1925г. выселился из а. Зеюко. Прежнее название - **Ботэшьей** «Боташево». *См.* **Йынжыдж**.

Йынжыджышхуэ [Инжиджишхо] *черк.*, букв. «Инжидж большой»; а. Хабезского р-на КЧР на п.б. Б. Зеленчука. Прежнее название - **Беслъэныкъуэм йыкъуажэ** «селение Беслануко» (по имени владельца). *См.* **Йынжыдж**.

Йыслъамей [Исламей], *каб.* с. на л.б. Баксана. По личному имени Йыслам. Народные названия кварталов:

1. **Алъэскрей** «Атласкирово»,
2. **Йыслъамей** «Исламово»,
3. **Бажъахъуэкъуей** «Бжахоково».

Селение основано более 100 лет назад выходцами из **ЛампӀэжъыкъуэ**.

Название возвращено селению в 1991. До этого – «Кызбурун II».

Йыспуын *адыг.*, «дом испов (карликов)»; **Йыспы цыкӀухэм яун** «дома маленьких карликов» - в литературе известны под названием дольменов. Дольмен - один из видов погребения людей на ранней стадии бронзового века. Дольмены сложены из 5 каменных плит, каждая из которых весит 4-5 тонн. Одна из четырех плит, образующих стены (передняя), имеет круглое отверстие (в Гузерипле, на р. Белой, в различных точках Шапсугии). *См.* **Спыуын**.

Йолджэ йуашъхъэ [Йольджа уашха] *каб.*, холм к ю.-з. от горы Канжал в верховьях Малки. «Гора дележа» (трофеев) после поражения крымского хана (XVIII век).

«Кабарда»- название верхней части р. Бельбек в Крыму. По свидетельству Дюбуа де Монперэ, название идет от черкесского племени, проникшего в Крым еще в период существования Тмутараканского княжества. Долина между реками Каче и Бельбек сохранила название Черкес-Тус, или долина черкесов. Здесь и сейчас можно видеть развалины дворца Черкес-Керман («Черкесская крепость».- *Дж.К.*), который господствовал над этой долиной. (12, 22).

«Кабардинка»- пос. близ Новороссийска. Поселок основан в 1832г. и первоначально назывался Александрией. Совр. название возникло в связи с тем, что здесь в середине XIX века стоял 80-ый русский пехотный полк, носивший название «Кабардинского». Ср. другие названия вновь возведенных станиц, получивших имена от полков Кавказской армии: Самурская, Апшеронская, Эриванская и др.

«Кабардинская» - нас. пункт на р. Пшиш близ Хадыженска. Аналогичное название пос.- на р. Белой. Последнее связывают с именем некоего князя Кушмазука Шириджия, который был родом из Кабарды и проживал здесь.

Каменэмо́ст - «Каменномо́стское». См. Къармэхьэблэ.

Кенже - см. Чэнжэ.

«Керкетский перевал»- перевал, ведущий из Чечни (из района Ведено на р. Хул-Хул или Хулхулау) к дагестанскому сел. Ботлих. Это название (употребительное и поныне) Н.Я. Марр сравнивает с известным этнонимом «керкеты», встречающимся в античных источниках (81, 1407).

Кошхьэблэ, Куэшхьэблэ [Кошхабла] «Кошехабль». Название аулов: на л.б. Лабы, райцентр РА (в печати – «Кошехабль»); на п.б. М. Зеленчука в КЧР (в печати «Кошхабль»). Ср. *Кошхьа́бль* - часть аула Джэмбэчый в Республике Адыгея.

В адыг. *кошъын* «кочевать», в речи зеленчукских черкесов *куэшэн, куэшын* «переселяться, переходить с одного места на другое» (соответственно - **Куэшхьэблэ**). Компонент *хьэблэ* значит «околоток», «поселение», «селение». «Кочующее селение».

Название частей аула (в РА) указывают на кабардинское происхождение его: **Анзорей** «Анзорово», **Дохъушыкъуей** «Дохшоково», **Трамэхьэблэ** «Трамовых околоток», **Къуыбатей** «Кубатово», **Бекъуылей** «Бекулово». Микротопонимия окрестностей свидетельствует о том же: *Луашхьэ ныкъуэ* «курган половинный», *Луашхьэ дахэ* «курган красивый» и др. Аул Кошхабль (КЧР) в 1925г. выселился из черкесского в а. Зеюко.

Кышбэч, Кышпэч, Чышбэч, «Кишпек»- п.п. Баксана и с. на нем. Народное название с.- Тыжъей «Тыжево». Ш. Ногмов приводит этимологию с татарского «твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей», что не находит подтверждения в языке. По сведениям П. Кауфова, речка носит фамилию и имя человека, впервые пропахавшего на четырех быках русло для нее. Имя *Кышъ бэч* фигурирует в песне о Кулькуджинской битве, которая имела место в период походов крымского хана на Кабарду (примерно XVII век):

«Уей-уей, Кышхъэ фи Бэчыр

Тригъэчынзурэ мэзауэ» -

«Ой-ой, Кишев, ваш Бек

Усердно деретя».

Комментатор песни (Кардангушев З.П.) называет Кышъ Бэч (Кишева Бека) в числе других лиц, участвовавших в битве.

Из слияния фамильного (*Кышъ* букв. (каб. «кузня») и личного (*Бэч* из тюрк. *бек* «господин») имен в единое целое образован топоним (как, например, «Алибердуко»), в

котором такие компоненты уже не осознаются. Это, в свою очередь, способствовало фонетической деформации и образованию приведенных вариантов.

На территории современной КБР селение несколько раз меняло свое место жительства. Оно находилось восточнее Лечинкая (на склоне гор), затем в районе склепов (Кешене) между Лечинкаем и Чегемом II и, наконец, заняло современную территорию. Известно также, что каб. селение с этим же названием в XIX в. находилось в подошве горы Бештау близ Пятигорска.

Куба «Куба». Селение на п.б. Малки. Народные названия частей селения:

1. **Хьэсэнбий къяужэ** «Хасанби селение». По имени Атажукина Хасанби, переселившегося сюда из Исламея (ХьэтIохъушъыкъяуей).

2. **Агубэчей** «Агубеково». Эта часть селения перешла сюда с берегов Чегема в начале XIX в. Оба этих названия употребляются как наименования всего с. Куба.

Форма «Куба», которая ныне стала общеупотребительной, является, видимо, результатом русской адаптации первой части топонима **Къуэбэ-Тэбэ** (см.).

Куырп (Верхнэ) (Йыслъэмей, Йынарыкъяуей) «Верхний Курп» (Исламово, Инароково). Селение на л.б. Курпа. Южная часть селения заключена между речками Куырп и Куырпыгъу, которые сливаются перед северо-восточной его частью (Йыслъэмей). Название *Куырп* закреплено за вновь возникшим нас. пунктом Терского р-на КБР. Переименовано в **Йынарыкъяуей** (см.) в 1992 (Инарыкъяуей).

Куырп (Нижнэ) «Къаншыуей, или Алъхъо къяужэ» «Нижний Курп» (Каншаово, Алъхо селение, «Алхово»). Селение на п.б. речки Курп. Народные названия частей селения:

1. **Йынарыкъяуей цыкIу** «Малое Инароково».

2. **Бошътыкъяуей** «Боштоково».

Куырп «Курп». Речка неледникового питания, п.п. Терека. Образуется из двух основных русел: **Куырпыгъу** «Курп высыхающий» (слева) и **Куырп**, которые соединяются в с. В. Курп. Происхождение названия не ясно. Представляется возможным сопоставление данного названия с абазинской основой **кур** «река». Вторая часть слова находит аналогию в адыгском гидронимическом форманте **п[э]** «нос»; устье (**Афыпсып** «Афипса устье»).

КIах «Киях», «кях» *адыг.*, *КIахэ каб.*, народное название Адыгеи и ее жителей (преимущественно в речи кабардинцев). Букв. «нижний, -яя, -ее» (20, 359). Термин характеризует Адыгею как низменное место по отношению к предгорной Кабарде. Слово *кIах(э)* содержит ту же морфему -х, что и адыг. *ых* «низ», *уэхь*, каб. *уэх* «низина»; основу *кIа* - ср. с адыг. и каб. *кIэ* «конец, хвост» в противоположность *шъхъэ* «голова» (верх, верховье). Последним термином адыгейцы обозначали кабардинцев. Это противопоставление отразилось и в поговорке «*шъхъагъыш-кIэхэпхъу*», смысл которой – «хороша лошадь у жителей низовий (адыгейцев, кяхов)», «хороша лошадь у жителей верховий, а девушка - у жителей низовий».

Л.Г. Лопатинский значение термина определяет как «равнина, поле», а Л.Я. Люлье слово «кияхь» употребляет как этноним – «низовые жители». Так кабардинцы называют всех закубанцев, исключая бесленеевцев (79, 10).

Къазбэч - каб. произношение названия вершины ГКХ *Казбек* (по имени князя *Казибег*, который владел селением у подножия горы в начале XIX в. (100, 167). Известны народные каб. названия горы - *луащхэмахуэ цыкълу* «Малый Эльбрус» и **Бралыч**.

Къалэжъ [Калеж]. *Къалэ* - у адыгов представляет собой тюркское заимствование (первоисточник - араб. *кала* «крепость»), -*жъ(ы)* (адыгск.) «старый»; «старая крепость». Название целого ряда курганов, гор, возвышений с остатками крепостных сооружений, старых оградительных стен и других объектов, имевших в прошлом оборонительное значение. В языке современных адыгов «къалэ» как компонент сложных названий служит для образования полисинимов: **Тэрчкъалэ** (Владикавказ), **Къалэкъыхъ** (Прохладный), **Шэнткъалэ** (Ставрополь) и др. В литературе апеллатив «кала» употребляется в значении «крепость, станица». Название принадлежит: в КБР - 1) горе с круглой скальной вершиной у въезда в с. Каменноостское - **Къалэжъышхуэ** «большая старая крепость»; названия ближайших объектов ориентированы на **Къалэжъ**: **Къалэжъ дыгъапэ** «солнечная (южная) сторона Калежа»; **Къалэжъ лей** «лишний (второй) Калеж»; 2) горе в балке Малые Кураты - **ЛыфI йыкъалэжъ цыкълу** «доброго (достойного) мужа (мужчины) малая крепость»; 3) горе к ю.-з. от с. Сармаково; 4) возвышенности с захоронениями на северной окраине Зарагижа; 5) кургану с западной стороны Кубы (здесь найдена керамика); 6) остаткам крепостного сооружения на л.б. Уруха (хорошо сохранились рвы); 7) кургану к северо-западу от Исламея; 8) горе к западу от Лечинкая; 9) одной из вершин Зеикъуэ джабэ - **Къалэжъ бгыху** «белая гора Калежа»; 10) группам курганов на п.б. Малки у западной окраины Карагача и в других местах.

В КЧР - горе над а. Хъуымэрэн и к юго-вост. от а. Жако.

В РА - между Лакшукаем и Гатлукаем (второе название - **луэщхэхъуырай** «круглый курган») и др. В Шапсугии - местность, где находится а. II Красноалександровский (народное название аула - **Къалэжъ**) и др.

Къамылыкъуэ «Камлюко». Селение на л.б. Малки. Названо по балке **Къамылыкъуэ** (см.). Основано выходцами из Малки (Ашабово) в 1927 году.

Къамылыкъуэ [Камлюко]. Балка, выходящая к л.б. Малки между селениями Сармаково и Камлюко. **Къамыл** «камыш». «Камышовая балка» или: **Къамылыкъуэшхуэ** «камышовая балка большая» в отличие от **Къамылыкъуэ цыкълу** «камышовая балка малая» (над восточной окраиной с. Камлюк) и **Къамылыкъуэ куырыт** «камышовая балка средняя» (упирается в западную часть того же селения). Название **Къамылыкъуэ** отмечено также:

1. Между речками Куырпыгъу и Куырп (у южной окраины В. Курпа).
2. С южной стороны с. Хамидие.

Къармэхъэблэ [Кармахабла], «Кармаво», Каменноостское - *каб.* с. на правом и левом берегах Малки при впадении в нее Кичмалки. Народные названия частей селения:

1. **Ныр хъэблэ** «Ныровых околоток».
2. **Къармэ хъэблэ** «Кармовых околоток».

3. **Думэн хьэблэ** «Думановых околоток».

4. **Жэрэшътей** «Джерештиев».

5. **Хьэгъуындокъуей** «Хагундоково».

В наше время выделяют еще:

1. **Жылэ цыкIу** «поселение маленькое».

2. **ДыгъапIэрыс** «на солнечном склоне живущие».

Русское название возникло по каменному мосту через Малку, который был сооружен близ военного (русского) поста.

Къэбэрдей йыкхъэ [Кабарда икха]. «Кабарды могила» (близ с. Заюково). В народе говорят, что здесь похоронен Кабард Тамбиев.

Къэбэрдей [Кабардей]- упрощенное название части Кабардино-Балкарской Республики, населенной преимущественно кабардинцами; *адыг.* **Къэбэртай** - притяжательные образования по этнониму **къэбард** – «Кабардово», «обиталище кабардов», «страна кабардов».

Различают: **Къэбэрдейышхуэ** - Большая Кабарда (104, I, 239) и **Джылахъстэней** «Геляхстаново» (Малая Кабарда). О происхождении топонима (и «топографического» этнонима) **Кабарда** (кабардинцы) в литературе существует ряд предположений и догадок. Часто ссылаются на имя некоего князя Кабарда Тамбиева как на первооснову термина «Кабарда».

Предания-легенды о Кабарде обращены к сравнительно позднему времени походов крымского хана на Кабарду. Содержащееся в этих преданиях утверждение о том, что «вся земля от Пятигорска до Терека» «с тех пор получила название Кабарда» (по имени воина), представляется наивным. И вообще трудно с уверенностью сказать, был ли Кабард,- это имя фигурирует лишь в преданиях и легендах.

Н.Я. Марр, разлагая термин на *Ka-bar-da*, находил здесь тот же корень, что и в словах *a-uar, a-bar* и др., сближая его по образованию с *Teber-da*.

Некоторые авторы считают, что **Къэбэрдей** в своей основе этноним. Так, Л.И. Лавров, ссылаясь на сочинение И. Барбаро (XI в.), говорит о северокавказском народе «кевертей», как о предках кабардинцев.

И.А. Гюльденштедт считал, что слово «Кабарда» на грузинском языке обозначает «сторона», «в сторону» или «на другой стороне». «По сему имя сие может быть грузинское и взято от положения в отношении Грузии» (28, 139).

В своем «Опыте объяснения кавказских географических названий» данному термину К.Ф. Ган посвящает особую словарную статью. Он ссылается на предание, объясняющее топоним как имя черкесского родоначальника, «который привел свой народ на северные склоны Кавказа». Ган тоже приводит мнение, согласно которому название происходит от груз. **кабарда** «в сторону», «потому что Кабарда разделяется Терекон, и различные ее части лежат по обе стороны реки». Ган, видимо, согласен с Клапротом в том, что «предположенное некоторыми производство имени (Кабардей) от

Кабар (река в Крыму) и *даг* - гора неправильно, потому что едва ли кабардинцы пришли из Крыма».

Автор допускает, что название «Кабарда» могло быть дано чеченцами, и тогда можно его объяснить так: *ка* «полоса» и *бард* «берег», береговая полоса (по Тереку). Наконец, Ган указывает на возможную этническую связь между племенем *кабарды*, которое составляло часть угров (венгров), занявших древнюю Паннонию, и кабардинцами.

Последнее предположение, заслуживающее, на наш взгляд, большего внимания, опирается на историческое известие о том, что в начале X столетия (около 914 года) в составе Хазарской державы были кабары (*savari*), или кабарды (*savardi*); «три племени, из которых главное называлось кабарами (*savages*), возмутились против власти кагана... Некоторые из них ушли к уграм в Паннонию, другие к подножию Кавказа, где находим их потомков под именем кабардинцев» (118, 862).

Еще подробнее о кабардах, их языковых контактах с уграми (это важно для уяснения природы кабардов), а также о соотносительности понятия «кабарды» с современными кабардинцами говорит Семеон Броневский со ссылкой на Константина Порфиродного.

«Под 833 годом по р. Хр. император Константин Порфиродный упоминает, что по случаю восставшего между хазарами междоусобия три хазарские поколения, называемые кавары, или кабары, будучи побеждены от своих единоплеменников, удалились к маджарам, или уграм, и составили под общим именем каваров осьмое колено венгров, ввели между венграми в употребление хазарский язык и выучились сами по-венгерски. Сии кавары за отличную храбрость свою получили преимущество делать первое на неприятеля нападение при всяком сражении. Таковое упоминание о кабарах, присовокупленное к преданиям черкесов, что они обитали некогда на полуострове Тавриде, подало повод к предположению, что сие относится к кабардинцам... Признаки же прежнего их жительства в Крыму оказываются не только в преданиях, но и в собственных именах, доселе оставшихся в употреблении: город Черкес-Керман, долина Черкес-Тюс и речка «Кабарда близ древнего Херсона» (102; 74, 75).

Предположение о связи этнонима **кабар** с современными кабардинцами подтверждается тем, что:

1. Хазарские владения простирались до северной подошвы Кавказа, и один из перевалов через Кавказский хребет прежде назывался Хазарским. На севере адыги (независимо от того, как они тогда именовались) соприкасались с хазарами.

2. Хазары, как известно, составляли конгломерат племен, и поэтому можно допустить, что кабары среди них составляли особое племя, говорившее на своем языке (а не на тюркском, как большинство хазар). Это подтверждается историческими сведениями о том, что в состав Хазарской державы входили косоги.

Греки косогов называли хазарами. А отсюда делали вывод, что хазарские кабары были народом черкесского происхождения.

Указание на идентичность кабардинцев и хазарских кабаров находим и у П.Ф. Сума: «...кабардинцы, составляющие значительную часть их (черкесов.- *Дж.К.*), суть, без сомнения, то же самое, что кабары, бывшие по ясному свидетельству императора Константина, хазарами» (46, 64).

Разноплеменность древних хазар и послужила, вероятно, причиной того, что различные авторы исторически имеют разное суждение об их языке и антропологическом типе. Правильно отмечают, что если хазары и были народом тюркского происхождения, это вовсе не означает, что того же происхождения были кабары. Возможная тюркская этимология термина *кабар* – «восставший» (восставшие против хазарской державы)- еще не доказательство того, что носителями этнонима были тюрки. Но древнегреческий писатель и путешественник Павсаний (II в. н. э.) называет имя кабарей. Этноним «габры» Плиний сближает с термином «кабары». Указывают, что народ кабар хронологически существовал в Европе значительно раньше, чем появились хазары.

Й. Блашкович отмечает, что имя кабары «восставший» (по этимологии Nemeth Gy) три хазарские племени, возмущившиеся против кагана и разбитые последним, получили после того, как эти племена влились в венгерское племенное объединение на Украине. В то же время автор говорит, что общим самоназванием этих трех хазарских племен было кабар-казар («кабар-хазар».- Дж.К.).

Указание на то, что кабары, удалившиеся к маджарам, или уграм, «ввели между венграми в употребление хазарский язык и выучились сами по-венгерски», не решает, а, скорее, ставит вопрос о языковой принадлежности кабаров.

Совместное пребывание черкесов (кософов) и венгров в составе Хазарии на Северном Кавказе историки считают установленным фактом: «На западе весь Северный Кавказ, Степной Крым и Причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары, а аланы, косоги (черкесы), печенеги и **венгры, еще не перебравшиеся на свою теперешнюю территорию**» (выделено нами.- Дж.К.) – (32, 9).

Следы пребывания угров (венгров), или мадьяр (маджар), на Северном Кавказе подтверждаются и здешней топонимией, например, «Маджар-юрт (ср. этноним мадьяр.- Дж.К.), развалины которого находятся на Куме».

Топонимы по этнониму мадьяр (маджар) прослеживаются и далее на северо-запад через Украину. Интересно в этом плане отметить, что среди кабардинских воинов наибольшей популярностью пользовались сабли венгерские под названием «маджар».

О венгро-адыгских языковых контактах на Кавказе свидетельствует и одна осетино-кабардино-венгерская живая лексическая параллель, которую прослеживает В.И. Абаев: «Осетинское (аланское) название стекла мы находим у двух ныне столь отдаленных друг от друга народов, как кабардинцы и венгры. Оба они соседили с осетинами (первые остаются их соседями и по сей день) и, познакомившись от них со стеклом и стеклянными изделиями, усвоили также его название. Кабардинское, а также адыгейско-черкесское *abg* (*абдж* «стекло») неотделимо от ос. *abg* так же, как венгерское *bveg*» (32, 335).

О прежних хазарско-черкесских контактах говорит, может, и сам этноним «хазар», сохраняющийся у адыгов, по наблюдениям А. Шагирова, как слово *къэзэр* в значении «дорого запрашивающий за свои товары и не уступчивый в цене».

Къэзэныкъуей [Казаникой]. Гора на п.б. Баксана против западной границы с. Заюко. От фамилии Казаноко и притяжательного суф. **-ей**: «Казаноково». На красивой поляне западного склона этой горы, как говорят в народе, жил Жабаги Казаноко (1684-1750)-

кабардинский народный мудрец и общественный деятель. Балка под горой, а также речка, п.п. Баксана, имеют то же название. С именем Жабаги Казаного увязывают такое же название (балки и горы) в 10 км к северо-востоку от Аушигера.

Къэнжал [Канжал]. «Кинжал». Названия гор и речек по правому берегу верхнего течения Малки (на высокогорных пастбищах). Вероятно, из тюрк. **къан** «кровь» и **жол** (ср. тат. йол) «дорога». **Къэнжол** «кровавая дорога». Такое же происхождение имеет и название горы «Кинжал» близ Минеральных Вод. Различают: **Къэнжалышхуэ** «Большой Канжал»- к западу от истоков левого русла р. Тызыл (п.б. Малки); **Къэнжал цыкly** «Канжал малый»- ближе к п.б. Малки. С данной горой связывают битву (XVIII в.) кабардинцев с крымскими татарами, от коих и могло остаться наименование Канжал (Канйол). Из «Истории...» Ш. Ногмова известно, что на крымского хана, расположившегося лагерем на этой горе, с рассветом стремительно «бросились... кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу» (104, 103). Данное название, как об этом сказано выше, в кабардинском языке ассоциировалось со словом **къэнжал** «жесть», а в русском - со словом «кинжал». Предание тоже указывает на гору Канжал как на место битвы с крымскими татарами: «...хан прислал в Кабарду большое войско. Войско Гирея расположилось там, где река Кичмалка впадает в Малку. Здесь-то и разыгралась битва, какой еще никогда не бывало на кабардинской земле... Враги не выдержали натиска кабардинцев и бежали. Кабардинцы **гнали их до горы Кинжал** (подчеркнуто нами.- Дж.К.) и почти всех перебили. Лишь жалкие остатки войска Гирея вернулись в Крым. Так народ освободился от ханского гнета. Гора Кинжал и поныне считается как бы славным памятником героической битвы кабардинцев с крымскими завоевателями» (7, 60, 61).

Это предание отразилось и в художественной литературе: *Жалэж быдэу а гъэмахуэм... тэтэр хъаныр Къэнжалышхъэм ирадзыхуэ къэклуэжауэ* «Рассказывают (уверяют), что в то лето татарского хана с вершины Канжала сбросив, вернулись». (Щ Алий. Т. II, 69).

Къэрэгъэш (Йыналхъэблэ) «Карагач» (Иналово). Селение на п.б. Малки. Название идет от соседнего леса- «черное дерево» (тюрк.). Народные названия частей селения:

1. **Йынал хъэблэ** «Инала околоток».
2. **Къуэшъ хъэблэ** «Коша околоток».
3. **Сидакъей** «Сидаково».

Къэхъуын «Кахун». Речка, левый рукав Черека (между Ст. Черекон и Псыкодом). Название представляет собой субстантивированное причастие будущего времени с префиксом **къэ-** «могущий быть» (возникнуть, вырасти, появиться). Левое русло (ныне уже безводное) у с. Псыкод называется **Къэхъуынгуэж** «Кахун отходящий». Правый рукав Урвани называется **Къэхъуын цыкly** «Кахун малый».

Къэхъуын «Кахун»- каб. с. на р. *Кахун*. Народное назв.- *Шыпшхъэблэ* «Шипшево».

Къызбрун «Кизбрун». Гора над юго-восточной частью с. Исламей (б. Кизбруна II), имеющая скалистый бурый уступ: тюрк. **кызыл** «красный», **бурун** «нос», «мыс», «красный мыс». Сочетание **Кызыл бурун** в результате гаплоггии (выпадение слога) могло получить форму **Къызбрун**. Известна и другая этимология: «Дозорный мыс» из языка «кочевых племен». Форма **Къызбрун** господствует в кабардинской речевой практике. Она утвердилась и в художественной литературе. Ср. у Али Шогенцукова:

Къызбрун лъапэм дыгъэм зигъазэм, жъауэ тришIэу жылэ шIэсашъ «У подошвы Кизбруна, как солнце склонится, в тень погружаясь, селенье жило».

Къызбурун I (ХъэтIохъушъыкъуей Ишъхъэрэ) «Кизбрун I» (Атажукино Восточное). Селение на п.б. Баксана. См. Къызбурун (гора).

Къуэбэ-Тэбэ [Коба-Таба]- нагорье на л.б. Куркужина. Из араб. *къубба* «купол» (по мавзолеям с куполами, которые находились здесь) и тюрк. *тёбе* «курган», «гора». Название перешло и на образовавшееся здесь поселение. Народное название последнего - **ХъэкIэшъей**.

Къуэ задэ [Козада] *каб.*, «крутая балка» (русло с крутыми, отвесными берегами) - речка, протекающая через Кисловодск и впадающая в Подкумок справа. Русск. название «Ольховка».

Къуылькъужын [Кулькужин], «Куркужин», *каб.*, речка неледникового питания, впадает в Малку справа ниже ст. Солдатской. На речке два селения: 1. «Верхний Куркужин» (**Абзуанхъэблэ** «Абзуаново поселение», или, как отражено в литературе, «аул Абезиваново». Есть сведения о том, что селение перешло сюда из-под горы Машук (район Пятигорска) более ста пятидесяти лет тому назад. Первые поселенцы перешли сюда из района современного Кишпека, на некоторое время задержавшись на п. б. Баксана между Кизбруном I и с. Исламей.

Производные названия окрестностей селений: **Къуылькъужын дыгъапIэ** «Куркужина (Верхнего) несолнечное место (солнцепек, южный склон)», **Къуылькъужын дыгъэмыхъуэ** «Куркужина (Верхнего) несолнечный (теневого) склон» - п. б. речки; **Къуылькъужын шытх** «Куркужинский хребет» - по п. б. речки; **Къуылькъужын шIэуыбгъуэ** букв. «Куркужина подстилка, низина» (ср. образование *ПсыIэрышэ шIэуыбгъуэ*) - восточная часть Нижнего Куркужина. От этого названия нельзя, видимо, отрывать «Курхужин» (по карте) - название речки, впадающей в Баксан справа в районе Тырнауза.

Происхождение топонима «Куркужин» не установлено. Для его объяснения, может быть, интересно привлечь др. - тюрк. *къуругъжин* «свинец» (30; 460, 470). Для такого сопоставления дают повод объективные реалии (см. 56, 121). При этом допущении форма «Куркужин» могла явиться результатом межслоговой ассимиляции, а «Къулъкъуыжын» - следствием адаптации в кабардинской речи. Ср. названия по балк. *къоргъашин* «свинец» (Къоргъашинли и др.), относящиеся к местам, где свинцовые породы выходят на поверхность (см. 55, 89).

Къуырей [Курей] - известное кабардинцам название одного из холмов близ Минеральных Вод. Ср. «*Курейка*» - общее название небольших безымянных рек» (54, 321). Ср. апеллятив в основе топонима Курск (ж. «Эльбрус», Нальчик, 2002, с. 210).

КхъуывыкӀуэцӀ [Кувыкоц] *черк.*, лесистое урочище между Урупом и Б. Зеленчуком, западнее станицы Сторожевой. *Кхъуывы* - абазинский топоним (аулы - Старо-Кувинск, Ново-Кувинск); *каб. кӀуэцӀ* «внутренность». Композит имеет значение «находящееся в Кхъуывы», «местность в Кхъуывы». Аналогичные образования с компонентом **кӀуэцӀ**: **Дей кӀуэцӀ**, **Альэсчырхэ япсынэ кӀуэцӀ** и др.

Кхъуызанэкхъэ [Кузанака] *каб., черк.*, «сито-могила» - название древних курганных могильников, называемых иначе *Ӏуащхъэ бын* «курганов семья». Название широко распространено в КБР; оно относится к группе курганов на п. б. М. Зеленчука ниже а. Зеюко (здесь прежде находился аул **Къылыш къуажэ** «Кличев аул» (совр. Псауче-Дахе). Вероятно, что **кхъуызанэ** в этом названии - результат переосмысления другого («непонятного») слова со значением «могильник», «мавзолей». Таким словом могло быть *чэшганэ* (см. 54, 95; 59, 425; 55, 75). Ср. **куман** (половецк.) *кесенэ* «надгробное сооружение».

Лабэ «Лаба» *каб.-черк., адыг.*, одна из наиболее значительных рек Западного Кавказа, л. п. Кубани; длина 214 км., пл. асс. 12,5 т. м². Сплав леса. Различают: **Лабэшхуэ** (Большая Лаба), **Лабэ ЦыкӀу** (Малая Лаба, «Лабенок»). Прежнее русло (ныне высохшее) адыгейцы называют **Лабэжъ** «Лаба старая (большая)». Ср. образование *Псыжъ* (см.). Город на Лабе - адыг. **Лабэп(э)** «устье Лабы» (совр. Лабинск), как и **МыекӀуапэ**, **Афыпсып(э)**, **Улапэ** и под. **Лабэ** - широко распространенное адыгское личное имя (но без внутренней формы).

Нет единого суждения о происхождении гидронима. Наиболее популярно мнение об индоевропейской (иранской) природе названия. Э.М. Мурзаев находит, что гидроним **Лаба** можно соотнести с **Лоб**, возможно имеющим иранскую природу. При этом Э.М. Мурзаев ссылается на А. Соболевского: корни **лоб**, **лоп**, **люб**, **лаб** в географических названиях связаны с древним **alb** (**альб**) – «белый» (36, 346). Об индоевропейской природе названия может свидетельствовать также соответствие - нем. Elba - слав. **Лаба**, закономерное с точки зрения фонетической. М. Фасмер считает, что название **Лаба** - п. Кубани следует отделять от сербохов. **Лаб**, а также от названия реки Эльбы (135, II, 442).

В.А. Никонов отмечает, что установить этимологию кубанской Лабы «невозможно без привлечения гидронимов на -ба в бассейне Волги». (100, 225).

А.В. Суперанская допускает возможность связи гидронима Лаба с топоэлементом **лаб** (лав), что по-персидски значит «берег» (127, 192), ср. тадж. *лаб*. «берег» (92, 331).

К. Меретуков указал на название притока Лабы - **Бляб**.

Лашынкъей «Лечинкай», *каб.* с. на п. б. Чегема. Из тюрк. лачин кая «коршунья гора (скала)». Ср. осет. лацин «сокол». Народное *каб.* название селения Тохътэмышъей «Тохтамышево».

Лэскэн «Лескен» *каб.*, р. (л.п. Терека) и селения Анзорей «Анзорово», б. Старый Лескен, Второй Лескен, Верхний Лескен (последнее - в РСО). Топоним, видимо, примыкает к ряду образований с формантом **-ск**, которые, по гипотезе В.И. Абаева, были характерны для одного из доисторических языков Центрального Кавказа (1; 289, 290). Имея в виду, что названия на **-ск** встречаются в «смежных районах Осетии и горной Кабарды», следует, видимо, изучить вопрос о возможной связи данного топонима с осет. скотоводческим термином *лдск*, *лдск'/лдска* *лдсгд* «пастьба чужого скота за плату в виде определенного процента приплода»; ср. *лдскдздрдн* «тот, кто берет на содержание чужой скот и получает за это долю приплода» (2, II, 33, 34).

Лэхърэн [Лахран] *каб.*, пастбища и р., п. п. Малки. Ср. осет. (диг.) *лдх* «экскременты», *ран* «место». Семантическая параллель - *каб.* **Хъеймашъэ**. Отличают: **Лэхърэн цыкълу** («малый»), **Лэхърэн лей** (*лей* «лишний», «еще один»).

«Лесгор», «Лезгор». Прежнее наименование населенного пункта близ с. Светловодское в Зольском р-не КБР. Совр. название - Октябрьский. Первые поселенцы - осетины из Дигории.

Дигория делилась на пять обществ - Дигория, Волаком, Стурдигар, Данифарс и Лезгор. Последнее название и перенесено на север КБР.

Название общества **Лезгор**, в свою очередь, видимо, связано с осет. топографическим термином *лдздр/лдзгдр* «каминистые осыпи в горах, по которым протоптаны тропинки» (см.: 2, II, 26, 27).

Лъэпшъ йыкълышъ [Тлепш ичиш]. Конусовидная гора между горами Гунделен и Баксан, недалеко от с. Жанхотеко. **Лъэпшъ** - бог кузнечного ремесла, нарт-кузнец, и «его», **кълышъ** «кузница». «Тлепша кузница». Адыгская топонимия увязывает имя нарта Тлепша и с другими местами. **Лъэпшъ йы уадэ уаплэ** «Место, где Тлепша молот бил (ковал)» - так называется место на Терском хребте недалеко от Н. Акбаша. Эта вершина

на современных картах помечена – «Гора Кузнец». Предание говорит, что Сосруко был извлечен из камня Тлепшем именно здесь: **Сосрыкъуэ мывэм къышгъыдаха шыплэ**. Адыгское народное творчество указывает еще на одно место, где ковал Тлепш: *Лъэпшъ нартхэм яуыкIынкIэ шынагъуэ зэригъуэту, зишгъэри штанIэ ежгъэжри Шапсыгъ Афыпсыпрэ Банэхэсрэ язэхуакуым мэзым шгыпсэууэ, шгъылгъашгъэу хуежгъашгъ (иджыри Лъэпшъ зышгъылгъашгъэу шгыта а шыплэм “Лъэпшъ йы лгъэшгъанIэкIэ” йоджэ)*. “Когда Тлепшу стала угрожать опасность, что его могут убить нарты, он ушел в лес между Шапсугским Афипсипом и Банахесом и стал там жить и кузнечить (и ныне то место, где он кузнечил, называют «Место, где кузнечил Тлепш») (6, 82).

В названных местах ковалось железо. Там находят куски вконец истлевшего металла, комья замшелого древесного шлака.

Малкэ (Ашэбей) «Малка» (Ашабово). Западная часть селения Малки (п.б. Малки) *См. Балгъкъ*. Народные название частей селения:

1. Трамэкъуажэ «Трамовых селение».

2. Ашэбей «Ашабово».

Следующий документ позволяет установить приблизительную дату основания селения: «1857 г. августа 10. - Прошение жителей аула Трамова начальнику бывшего Центра Грамотину:

«Первоначально начальство нас выселило из Кумы по просьбе кабардинского народа по низовьям Череха, потом ... вторично нас поселили по правую сторону р. Малки, назад тому 30 лет. Тогда Заурбек и Бекмурза Трамовы жили в Хостовом ауле, которые уже после нашего поселения на Малке через 5 лет просили нас, чтобы мы им дозволили к нам переселиться, на что мы согласились» (84; 340, 341).

Отсюда можно заключить, что селение основано выходцами «из Кумы» в 1827 году. Люди из фамилий, подавших прошение (Пшуковы, Коковы, Шогеновы и др.), в Малке проживают и поныне.

Малкэ (Хъэжыхъэблэ) «Малкэ» (Аджиево). Восточная часть Малки (п. б. Малки). Народные названия частей селения:

1. Хъэжы хъэблэ «Аджиевых околоток».

2. Хъэгъуындокъуей «Хагундоково».

В «Копии рапорта Кабардинского временного суда начальнику Центра Пирятинскому» говорится о событиях, которые имели место «до переселения в 1828 году аула Аджиева из-под Бештовой горы на речку Малку, где и ныне имеют жительство. Документ датирован: «1840г., декабря 31» (84, 29).

По некоторым данным, этот аул близ Пятигорска именовался Хаджи-кабак. Тюрк. **кабак** - высокий берег реки или озера, обрыв, карниз над пропастью, терраса (Мурзаевы).

Матэкълэ [Матакала]. «Корзинная крепость» (город) - кабардинское название ст. Солдатской: жители недавно основанного русского укрепления, желая обозначить пределы своих земельных угодий, поставили шест, а на него повесили старую плетеную корзину, за что соседи - кабардинцы шутливо прозвали их поселение **Матэкълэ**.

Махуэгъэпс [Махогапс] *каб.*, название горного массива на Баксане; *махуэ* «день», *гъэпс(ын)* - каузативная форма от основы со значением «настраивать», «нацеливать». Значение топонима, видимо, в том, что по горе (наличию облачного покрова и т.д.) определяется погода на день. На эту гору указывают как на место захоронения легендарного Кабарда Тамбиева, которому устное народное творчество приписывает роль «родоначальника кабардинцев».

Мажарэ йуашъхъэжъ [Мажара уашхаж]. «Маджарский курган (большой)» з. Чегема II. Известны исторические и лингвистические свидетельства пребывания мадьяр (у *каб. мажар/мэджар*, у осет. *маджар/мадзар*) на Северном Кавказе в VI - VII вв. н.э. (см.: 2II, 65; 54, 72-74). Однако трудно судить о непосредственной основе топонима (из этнонима или по названиям венгерского оружия). Ср. южнорусск. *мажара* - вид телеги, укр. *Маджарка, Маджарочка, Мажари* - топонимы.

Мэздэгү «Моздок» *каб.*, *мэз* «лес», *дэгү* «глухой» (густой); название города на севере СОА (близ КБР); основан в густом лесу в 1763 г. (27, 104). По другим источникам, город основан князем Кургоко в 1759 г. Для мотивировки названия интересно и следующее свидетельство: «Моздок есть пограничная воинская крепость. Она лежит на низком лесистом месте на левом берегу Терека и почти с одной только стороны приступна» (28, 16). Семантическая параллель: прибалт.-финск. *корба* «глухой лес» (А.К. Матвеев). Моздок в Тамбовской области, видимо, результат трансплантации кавказского Моздока, ибо там нет лингвистических условий для рождения такого названия.

Мэлгъэбэг «Малгобек» *каб.*, город на с. РИ и пос. на с. СОА близ КБР. Название первично для западной части Терского хребта. *Каб. мэл* «овца», *гъэ* - префикс каузатива,

бэг(ын) «опухать» (от отравы) (место, губящее овец). Осет. форма - **Мэлгъэвэг** (Малгавег). См. смену **б-в** и в других кабардинских заимствованиях в осетинском: каб. *лыбжъэ*, осет. *лывза* «жаркое», каб. *шыбжий* - осет. *зывзы* «красный перец». Топоним **Мэлгъэбэг** у кабардинцев находится в живом употреблении и стоит в ряду таких образований, как: черк. **МэлгъалIэ** «место, губящее овец», шапс. **ПчэныгъалI** «место, губящее коз» и др.

Мэртэзей. См. Терек (город).

Мэшыкъуэ [Машуко], «Машук», каб., гора, в подножии которой расположен Пятигорск: *мэш* «просо», *къуэ* – «балка». Известны попытки объяснить название по антропониму: по имени холопа Машуко, убитого здесь крымскими татарами (104, 99, 100); по имени оружейника Машуко, якобы жившего здесь, и др. (54; 143, 144). У кабардинцев распространен вариант **Мэшыкъуэ Iуашхъэ** «Машуко курган». Курган (над) просяной балкой (долиной).

Окрестности горы прежде были населены кабардинцами. В литературе известна форма **«Машука»**: «Перед нами ... была вся прежняя Кабарда, из которой, как острова из моря, вырастали пятигорские горы: Бештау, Машука...» (23; II, 140). По горе возникла каб. фам. Мэшыкъуэ «Машук(овы)».

Мыекъуапэ [Мыекуапа]. «Майкоп» *адыг.*, название столицы Республики Адыгея. Р. **Мыекъуэ** впадает в р. Шъхъагуашъэ «Шхагуаше» (Белую) справа выше ст. Тульской; **-пэ** «устье». Сравните адыг. образования **Афыпсы-п(э)**, **Лабэп(э)**, **Улап(э)**, **ПсышIуап(э)**, **Агуиап(э)**, **Буап(э)**, **ТIопкIап(э)** и др. (журнал *Iуашхъэмахуэ*, 1968, № 3, с. 87.). **Мыекъуапэ**, таким образом, значит «устье Мыекъо» («яблоневого речки»). Из-за неизвестности **Мыекъо** для топонима **Мыекъуапэ** было принято неточное членение: **мые-къуапа**, где *къуапэ* «угол» (см.; 27, 99 и др.). При впадении речки Мыекъо в Шъхъагуашъэ («Белую»), под бурыми террасами, находится адыгейский нас. пункт, называвшийся **Мыекъуапэ**. Затем это название перенесено на совр. город и преобразовано на русской почве в «Майкоп». Укрепление Майкоп основано в 1857., объявлено городом в 1871 г. 131 т. ж. (1978 г.). Машиностроение, пищевая, легкая, деревообрабатывающая промышленность. Университет, научно-исследовательский институт, театр. Производно: Майкопский курган - погребение вождя с золотыми и серебряными украшениями (3 тысячел. до н.э.) - исследовано в Майкопе в 1987 г.; Майкопская культура эпохи энеолита.

Налшыч «Нальчик» - название столицы Кабардино-Балкарской Республики, а также р., на которой стоит город. Предлагались две гипотезы для объяснения названия: 1) от основы *нал* (заимствованное из перс. яз. *наль* употребляется в каб. и балк. языках в значении “подкова”) и тюрк. словообразовательного аффикса **-чик** с уменьшительным значением («подковка»); 2) от основы *нал* и каб. *шъыч* (*шъычын* «отрывать», «срывать») - по вязкости грунта (К.Т. Мамрешев). Подробнее см.: 54; 76-78. Ср. Иныльчек (58, 82).

Название города вторично по отношению к наименованию речки и местности. Заложен как укрепление в 1822 г., город - с 1921 г. ж.-д. ст. 271 т.ж. (2000 г.). Машиностроение, металлургия, пищевая, легкая промышленность. Университет, С-хоз. Академия, Северо-Кавказский институт искусств, Научно-исследовательский институт, 3 театра. Центр туризма и альпинизма. Бальнеологический курорт.

Нартан (Къылышбийхъэблэ) «Нартан» (Килишбиево).

Селение на п.б. Нальчика. Народные названия частей селения:

1. **ГъуыкIэжъей** «Гукежево».
2. **Къейсын и хъэблэ** «Кайсыновых околоток».
3. **Хъэуыдкъуажэ** «Хаудовых селение».
4. **Къылышбий хъэблэ** «Килишбиевых околоток».
5. **Агъзыгъей** «Агзагово».

Название селения представляет собой усеченную форму наименования горы Нартана. См. Нартанэ (гора). Невдалеке от этой горы, на берегу речки **Мышхъыдж етIуанэ** «Мишхидж второй», прежде располагались небольшие поселения **Хъэудкъуажэ** и **Къейсын хъэблэ**, которые впоследствии составили части Нартана. Через них и распространилось название горы на селение. Ср. назв. источника «Нартан» на п.б. Хеу между Аушигером и Герпегежем.

Нартанэ [Нартана]. Гора в 5 км. от Нальчика за Б. Кизиловкой (к северо-западу от истоков речки МышхъыджII). Высота 1009 м. над уровнем моря. На гору указывают как на «место древних ристалищ». Северо-западнее - **Нартанэ цIыкIу** «Нартана малая». **Нартанэ шытх** «Нартаны (нартовский) хребет». См. след. словарную статью.

«Нартан, Нарт сан, Нартсан» (136; 8, 35). Эти варианты записаны Хан-Гиреем для п.п. Подкумка и «Кисловодской крепости» на ней. Вариант Нартсан, записанный и

Ногмовым, - тот же, что и совр. каб. название Кисловодска: **Нарцанэ (Нартсана)**. Форма **Нартан** неотделима от названия горы (Нартан, Нартана), селения (Нартан) и других объектов близ Нальчика.

Заслуживает серьезного внимания параллель: каб. **Нартсан** (Нарцанэ) – «арасан» - термин, по определению Э. и В. Мурзаевых, имеющий значение «минеральный или теплый источник» и соответствует слову **арашан** в монгольском и бурятском. В эти языки интересующий нас термин проник из санскрита: «святая вода, минеральная вода, целебный источник, курорт». Сюда же Э.М.Мурзаев привлекает и арм. **Арзни** (92; 389, 390).

Сопоставление **арасан** - каб. **Нартсанэ** привлекает к этому ряду и термин **нарзан**. Считается установленным, что **нарзан** в русском языке представляет собой адыгское заимствование (как и **шашака, лудан, абрек**). Но слово **нарзан** у адыгов в таком звучании не имеется (если не иметь в виду обратное заимствование из русского в языке современных адыгов, хорошо владеющих русским языком). Значит, слово это является результатом адаптации другого термина, имевшего и имеющего живое употребление. Такой формой и было, видимо, кабардинское название Кисловодского целебного источника - **Нарцанэ (Нартсан)** (ср. абаз. *Нартдзанэ*).

Э.М. Мурзаев, принимая факт проникновения термина **нарзан** в русский язык из адыгских, считает, что этимологизировать его нельзя в отрыве от **арсан, аршан**, «тем более, что единая семантика не допускает двух толкований».

Значение «напиток нартов» может быть увязано лишь с кабардинским вариантом термина *нартсанэ* «нарзан», а не с возможным исходным **арсан** (арашан) – «целебный источник, курорт».

Нарткъалэ [Нарткала] *каб.*, город, центр Урванского р-на КБР; с 1937 г. - рабочий поселок, с 1955 г. - город. Название (по словам *нарт* «богатырь племени нартов» и *къалэ* (из тюрк.) «город») - с 1967 г. вместо «Докшукино». См. Нартпсыхъу.

Науэжъыдзэ [Наожидза] *каб., черк.*, название многозубчатой вершины (результат выветривания скальных пород) между верховьями Малки и Баксана, а также острой скалы к з. от а. Хабез (КЧР); фиктоним (96, 305). Букв. «старушечий зуб».

ПсэуыкIэдахэ [Псаучедаха], «Псауче-Даха» *черк.*, а. на л.б. М. Зеленчука (Хабезский р-н КЧР): *псэуыкIэ* «образ (уклад) жизни», *дахэ* «красивый».

Старое название - **Къылышыкъуажэ** «Клычева селение». Образован в 60-е годы XIX в. выходцами из адыгских и абазинских племен.

Псыгуэнсу [Псыгансу] *каб.*, п.п. Черек и сел. на ней; вероятно, кабардинское видоизменение балкарского Сукан суу «Суканская (по ущелью Суган, Сукан) речка». В речи кабардинцев гидроним получил ключевое слово *псы* «вода», «река». Ср. пример образования топонима при наслоении двух однозначных апеллятивов из различных языков; «*Муейхэ* - китайская форма монгольского *мурэн* «река». Полная форма - «река+река» (90, 347).

Псыдахэ, «Пседах» *каб.*, название речки и селения на ней в Малгобекском районе Респ. Ингушетия, где *псы* «речка», *дахэ* «красивая». Тип образования для кабардинской топонимии - обычный: **Псынэдахэ** «родник красивый», **Псыхуабэ** «вода теплая» и т.п.

Псыжъ [Псыж] - *каб.-черк.* название Кубани. Адыг. *Пшыз* [Пшиз]. Реки, образующие верхнее течение Псыжа, - Уллукам, Учкулан, берут начало в ледниках Уллакам, Гвандра и Нахара - юго-западных склонов Эльбруса. Впадает в Азовское море. Длина - 870 км., пл. бас. - 57,9 т. км². Река до 1819 г. впадала в Ч.м. Главные притоки: Теберда, Уруп, Лаба, Шагуаша (Белая). Сообщается с бас. Дона через Невинномысский оросит. канал.

По реке (**Псыж**) называется и аул на левом ее берегу близ Черкесска (прежнее назв. аула - **Дударыкъуей** «Дудароково»). Ср. название местности близ с. Зарагиж - *Псыжъ* - в КБР. Форма *Псыжъ* являет собой пример образования гидронима превращением апеллятива (в данном случае - *псы*) в значении «вода», «река» в собственное название.

В адыгских названиях рек суффикс **-жъ(ы)**, утрачивая исходное лексическое значение «старый», становится топонимическим увеличительным этимоном (формантом). От форманта **-жъ** в гидронимах функционально отличается **-жъ** в качестве определительного компонента сложений типа *унэжъ* «дом старый». Последнее образование допускает противоположное определение - *унэшIэ* «дом новый», чего нельзя сказать о гидронимах на **-жъ**. Поэтому **Псыжъ** значит не столько «река старая», сколько «река большая». Формант **-жъ** присоединяется именно к названиям наиболее крупных рек: **Тэрчыжъ** (Терек), **Балъкъыжъ** (Малка) и др. Однако во всех гидронимах, кроме **Псыжъ**, образования с **-жъ** являются факультативными и относятся к сфере просторечия. Ср. назв. *каб.* *Мэзыжъ* «лес большой (старый)», *Мывэжъ* «камен». В нартском эпосе **Псыжъ** (96; 114, 346 и др.), **Псыжъ** и **псыхъуэ** (96, 120).

Адыгейскую форму гидронима **Пшыз** (в записи Л.Я. Люлье - **Пшизе**) некоторые авторы этимологизируют «князь рек» или «старый князь». Но как справедливо заметил А.К. Шагиров, в адыгейском языке «старый князь» будет не **пшиз**, а **пшъыжъы** и трудно предположить, что первое является результатом фонетического изменения последнего. Уместнее допустить, что адыгейская форма **Пшыз** исторически имеет такую же структуру, как и каб.-черк. форма *Псыжъ*. На наш взгляд, справедливо мнение А. Койперса, который усматривает в адыгейском *Пшыз* частичную метатезу из *Псыжъы* - формы, «вероятно, содержащей *псы* «вода, река».

Что касается современной общеупотребительной формы гидронима **Кубань**, известны различные предположения и догадки о ее происхождении: ср. тат. *Куман* - 93, 60 и др.

Л. Гулиева относит гидроним Кубань к причастным формам на **-ан**, производя его от основы **къобан** «взбешенная, взбушевавшаяся» (30, 14). Оспаривая производность современной формы **Кубань** от **Гипанис**: (так древние греки называли эту реку), В.А. Никонов предложил интересную гипотезу: древнегреческое название «Гипанис», имеющее прозрачную этимологию «лошадиная», является всего лишь переосмыслением существовавшего на Кавказе названия по внешне сходному греческому слову. «В таком случае современная форма гидронима Кубань ближе к подлинной, чем Гипанис, а не наоборот» (97, 131). Подтверждением этой гипотезы может быть тот факт, что под тем же названием древние греки знали и Южный Буг. Предположение М. Фасмера об иран. основе Кубани - **гупана** «остающаяся под покровительство богов» Никонов считает необычным для гидронимов (100, 218). В древности река носила название **Антикит**, или **Антикитес** (*Страбон*), **Вардан** от аланск. **Вару-дану** «широкая река» (*Абаев*), итальянск. **Копа**. Географ Равенский реку называет **Куфис**, а Моисей Хоренский - **Кут**. Известно местное название Черноморского рукава Кубани - **Джигга** (*Апостолов*). Обзор этимологий названий Кубани см.: 54; 146-147; 31, 135-140.

ПсыкІэху [Псычеху], «Псычох» каб., название 1) л.п. Нальчика (ср. русск. «Белая речка», балк. Аксу; 2) п.п. Шалушки (ПсыкІэху цІыкІу); 3) л.п. Чегема; 4) речки и пос. (плодопитомника) с. Баксана; 5) л.п. М. Зеленчука и других объектов. *Псы* «река, вода», *кІэ* «конец», в данном случае – «дно», *ху(жъ)* «белый, -ая, ое»; наименование речек, имеющих белое (из белых камней, дно. Ср. образования *псыкІэху* «река с белым дном», *мэзкІэху* (мэз «лес») – «лес с белоземом», *мэзкІэлъ* «лес с красноземом».

Псыншокъуэ [Псыншоко] *каб.-черк. псы* «вода», **-ншэ** - суффикс со значением «лишения», *къуэ* «балка». Безводная балка. Название балок без рек или с пересыхающими речушками, а также населенных пунктов и прочих объектов близ них: 1) балка севернее сел. Шордак; 2) населенный пункт (отделение конезавода № 34) у балки; 3) гора в верховьях балки; 4) поселение близ Карагача; 5) балка на л.б. Баксана, выше Жанхотеко; гора к югу от с. Ерокко; п.п. Маргуша - в КБР; л.п. Большого Зеленчука (устье в районе а. Эрсакон) - КЧР.

Псыхуабэ [Псыхуабэ], *каб.-черк.* название Пятигорска; букв. «вода теплая» (по теплым источникам). Город заложен в 1870 г. как Константигорская крепость. Русская калька «Горячие воды» сохраняется за ближайшей станицей на п.б. Подкумка («Горячеводск»). В городе в начале 30-х годов располагался центр Нагорного (ныне - Зольского района КБР. Производно: *Псыхуабэ цыкӀу* «Малое Псыхуаба» - *каб.* название Железноводска.

Ср. адыг. *Псыфабэ* (см.), осет. *Къдармддон*, карач.-балк. *Жылы суу* - название теплых источников с таким же составом компонентов.

Псыхуышхъуэ [Псыхушхо] *каб.*, «вода целебная» - у истоков Малки («Горячий ключ»); ю.-з. Аушигера и др.

«Рум»- *каб.-черк.* название горы з. Кисловодска. Название увязывается с пребыванием римлян на Северном Кавказе. Считая этот топоним «следом римских походов», М. Владыкин дает следующее описание объекта: «Рым- гора -- была ли то цитадель расстилавшегося у его подножия города Боргустана или укрепленный римский лагерь, как передает темное предание,-- сохранила на себе ясные следы трудившейся здесь руки человека. Еще и теперь можно отыскать здесь остатки высеченной в скале лестницы, ряд цистерн на площадке скалы с юго-западной стороны и, наконец, пещеру, почти засыпанную землей, с сферическим куполом, на котором и до сих пор заметны очертания греческого креста...» (23, 146). Ш. Ногмов свидетельствует, что адыгам римляне и итальянцы вообще были известны по именам *рум* (3, 25) и что они играли активную роль в деле распространения среди адыгов христианства (со времен греч. императора Юстиниана до начала XVIII в.); в отличие от греческих священников (шоген Гирге) римских называли «шоген Рум» (104, 39).

Название Рима кабардинцы сохраняют еще в фамильном имени *Урым*, где **у**-объясняется избеганием начального **р**- в *каб.* языке. Ср. «Румлий»- Европа..., «Рум»- Византия (103, 241).

Сатей [Сатей]- адыгское название ногайских степей по п.б. Кубани. *Сэтей* - ровное, открытое, ничем не защищенное место. В лит.-ре «Сотей»- пространство между Моздоком и ст. Червленной; «Сатей» (103, 241).

Сэрмакъ «Сармак». Селение на п.б. Малки. Название - по речке Сэрмакъ. Последнее восходит к термину скармак «скала, каменистый обрыв» Народные названия частей селения:

1. **Къардэн хьэблэ** «Кардановых околоток».

2. **Куэцэ хьэблэ** «Коцовых околоток».

Сосрыкъуэ джатэкIэ зэуа сын [Сосруко джатача зауа сын] черк., «надгробный камень, по которому Сосруко (имя нарта) ударил мечом»- в верховьях М. Зеленчука; ср. каб. **Сосрыкъуэ йы бгъуэншлагъ** (*и бгъуэншлагъ* «его пещера»)- в верховьях Череха; **Сосрыкъуэ йы шыгъэджэгупIэ** (*йы шыгъэджэгупIэ* «его место джигитовки», букв. «где Сосруко заставлял коня играть, плясать»)- фиктоним (6, 256); **Сосрыкъуэ йы шыдэхуейупIэ** (*йы шыдэхуейупIэ* «куда он загонял лошадь наверх»)- название большой скалы с выбоинами в верх. Кубани; **Сосрыкъуэ йы къантешэ гъуэгу** «дорога, по которой шел Сосруко на кантеша (свидание с каном, «воспитанником»)- на Баксаненке: **Сосрыкъуэ йы Iуашхъэ** (*йы Iуашхъэ* «его курган»), по-другому - **Сосрыкъуэ йы кхъэ** (*йы кхъэ* «его могила»)- в верховьях Кубани; здесь же **Сосрыкъуэ йы шы гъуытхъэпIэ** (*йы шы гъуытхъэпIэ* «где мочился его конь»).

Старэ Крепост (Кушмэзыкъуей) «Старая крепость» (Кучмазоково). Селение на л.б. Баксана, примыкает с востока к Баксану. Название унаследовано от крепости, остатки (стены) которой стоят и поныне в центре г. Баксан (к востоку о госдороги).

Народные названия частей селения:

1. **Джатэжъей** «Джатажево».

2. **Кушмэзыкъуей** «Кучмазоково».

3. **Йохъушгъыкъуей** «Ёшхоково».

Старэ Черек. См. Черек.

Сырыхъу [Сурух]. Гора и прилегающие к ней пастбища близ истоков Малки. Ср. осет. назв. горы **Surx** в Клухорском районе, о котором говорит В.И. Абаев, подтверждая древнее соседство алан (осетин) с абхазами. В ос. **surx** «красный» (1, 310). Название указывает на цвет ржавчины горной породы, «содержащей железо». Различают: **Сырыхъуышхуэ** «Сурух большой», **Сырыхъу цыкIу** «Сурух малый». Последнее название относится и к речушке, впадающей в Малку.

«Таман»- острова, образованные некогда разделением русла Кубани на два рукава при впадения реки в Черное и Азовское моря (136; 9, 10). Ср. *Тамань*, - по Гану, «турецкое название, может быть, позаимствованное у черкесов, на языке которых *темен* значит «болото» (27; 133, 134). Адыгейское *темэн*, действительно, «болото», «плавни». См. Темэн. Формы **Таман**, **Тэман** известны в нартских сказаниях (96; 104, 189). Ср. каб. (устар.) *таман* «озеро» (103, I, 199).

«Тамбий-Коль» (136, 13), видимо, современное «Тамбукан»- озеро близ каб. сел. Этока, где исстари местное население добывало соль для скота (сас). **Тамбий гуэл**- букв. «Тамбиевское озеро». Озеро «описано впервые И. Гюльденштедтом в 1773г. под названием Тамби» (ср. совр. адыгск. фам. Тамби). Полагают, что в основе названия лежит

фамилия Мурзабека Тамбиева, который на берегах Подкумка возглавил кабардинцев в сражении с крымско-турецким войском, вторгшимся в Пятигорье в начале XVIII века.

Тэрч «Терек» - *каб.*, наиболее значительная река в КБР, которая делит Кабарду на Большую и Малую, впадает в Каспийское море. Длина р.- 623 км., пл. басс. 43,2 т. км². Впадает в Каспийское море. *Каб.* форма (Тэрч) не первична. Термин **терек**, «видимо, обозначает воду: реки **Терек и Черек** (Кавказ), **Бештерек, Тереклав** (Крым)»- 38, 1991. Семантику *терек* (тюрк.) «тополь» (ср. *Терексу* «тополевая река»- 90, 352) Суперанская оспаривает ввиду больших размеров рек и широкого распространения лексемы **терек** в гидронимах: **Ак-Терек, Кара-Терек, Уч-Терек** (Киргизия). **Иштерек** (Среднее Поволжье) - (там же, стр. 191). Н.В. Подольская и А.В. Сеперанская находят, что топонимический термин, на котором основано данное название, остался от языка, который перестал быть понятным (как и Чат, Шат, Чу, Дарья и др.).

Ссылку Фасмера на балк. *терк* «быстрый, сильный» Никонов считает ненадежной и констатирует, что происхождение названия неизвестно (100, 145).

По гидрониму образована *каб.* фам. **Тэрчокъуэ** «Тарчоков».

Тэтэртуп [Татартуп]. «Татар-Туп» *каб.*; из этнонима *татар* и, видимо, тюрк. *туп* «низ» (92, 565), но ср. также тюрк. *тепе* «бугор»; **«Татартуп»** (103, 241).

Остатки старинного города (до недавнего времени сохранялась одна башня) на л.б. Терека в сев. части современной СО-А. «По названию и народным поверьям, относят ко временам владычества татар» (136, 27). По сведениям Хан-Гирея, в пещере одноименной горы, возвышающейся поблизости, «кабардинцы во времена грубого их язычества совершали клятвы» (там же).

Название Татартуп относилось и к урочищу, которое «в старину считалось священным у кабардинцев: здесь приносились обеты и клятвы, в знак их верности ломались стрелы и оставлялись тут же с другим оружием: говорят, прежде здесь можно было видеть множество стрел, ножей, клинков, пуль и проч., ржавевших тут с незапамятных времен» (23, II, 148).

А.С. Пушкин дал описание Татартупа: «Кругом... видны следы разоренного уала, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивными путешественниками» («Путешествие в Азрум»)*.

* Башня простояла до второй половины XX в.

Тэбэрды псыхъуэ [Теберды психо] *каб.*, (6, 320)- «Тебердинская долина (речная)». Гидроним Теберда (л.п. Кубани) Хан-Гиреем записан

- «Тейберди» (136, 36). Известна *каб.* фам. **Тебарды** «Тебардиев». Обзор этимологий назв. Теберда см.: 100; 412, 413.

Терек - город, центр Терского р-на КБР. Название - по р. Терек. С 1937г. - рабочий поселок, с. 1967г. - город. Прежнее назв.- **Мэртзей** «Муртазово» сохраняется за ж.-д. ст. Завод алмазного инструмента, пищевая промышленность.

«Темрюк»- город в устье Кубани, районный центр Краснодарского края. Ган прав: «...название города происходит от черкесского имени собственного Темруко» (в летописях Темрюк)- 27, 136. Имя *Темрыкъуэ* и фам. *Темрокъуэ* в каб. яз. В живом употреблении.

Название сохраняет имя известного военного и политического деятеля Кабарды Темрюка (Темиргоко) Маремшаовича Идарова, тестя русского царя Ивана Грозного. Темрюк во второй половине XVI в. «близ Тамани построил крепость и там ожидал неприятеля» (крымского хана)- 104, 114. Подробнее см.: 54, 149.

В 1792г. черноморскими казаками здесь образована станица Темрюкская; с 1860г.- порт и город. Производно: **«Темрюкское гирло»**- соединяло Ахтанизовский лиман с Курчанским (10, 105) Ср. *«Темрюкская гора»*- на п.б. Кубани (10, 32).

Тхьальэлуып(э) [Тхатлауп (а)] *адыгск.*; из *тхъэ* «бог», *лэлуэн* «молить», *-п(э)* «место». Название мест, где совершались молитвы, жертвоприношения.

ТхьэчIэгъ [Тхачег] *адыг. (шапс.)*, **ТхьэшIагъ** - каб., букв. «под богом» - название особенно больших деревьев (чаще дубов), которые объявлялись священными; а также мест в лесу, где молились. На деревья вешали оружие, шкуру животного, принесенного в жертву. Культ идет от язычества. Название принадлежит многим объектам: по р. Хакуцу (а. Кирова); на п.б. Мачмаз (Б. Псеушко); **ТхьэчIэгъыжъ** (-жъ «старый»)- п.б. Макопсе и др.

Термин **тхьэчIэгъ** часто осложняется определяющим именем - названием породы дерева, которое становилось тотемным: **ТфьетхьэчIэгъ** (*тфэй* «граб»), **ДэетхьэчIэгъ** (*дэ* «орех», *дэе* «орешня»), **ПчыетхьэчIэгъ** (*пчэйы* «чинара»), **ШхьуэмчыетхьэчIэгъ** (*шхьуэмч* «каштан») и под.

В качестве определяющего компонента может выступать и имя человека, убитого молнией: **БэуыстхьэчIэгъ** - близ а. Кирова (*Бэус-* шапс. фам.); **Къаныкъуэ тхьэчIэгъ** - на плато близ а. Ньюжий (*Къаныкъуэ* - фам.). Название **ТхьэчIэгъ** имеет наибольшее распространение в приморской Шапсугии. Однако оно известно также в Адыгее и в Кабарде. Например, в эпосе: *«ТхьэшIагъкIэ зэджэ мзышхуэ гушъэри - ар зымышхьэшъ, уей»*. «Большой лес, называемый Тхашаг,- это яблоня (дикая) одна» (6, 107).

ТхьэшI [Тхач] *черк.*, букв. «божья земля»- гора между верховьями М. Лабы и Белой. Русск. назв. – «Лысая».

ТхьэшIагъ. См. ТхьэчIэгъ.

Тырныауз - город в Баксанском ущелье КБР. Балк.- Тырныауз. Предлагались различные объяснения (обзор см.: 55, 126, 127). Наиболее вероятно - из карач. *турна* «журавль», *аууз* «ущелье» (Журавлиное ущелье). Ср. *турна* «журавль»- 113, III, ч. 2, с. 1459. Карачаевцы, в языке которых сохраняется слово *турна* «журавль» (в балк. его нет), в Баксанском ущелье жили до середины XVII в. (47; I, 86.)

Название «журавлиного» ущелье оправдывает тем, что при низкой облачности и туманах журавли летят низко над рекой, по ущелью, как нам об этом любезно сообщил

местный житель Ю.М. Мурзаев, часто наблюдавший это явление. «Журавлиные» места на Кавказе нередки: адыг. **Къэрэутыку** «журавлиный кут»; каб. **Къруупс** «журавлиная речка» (54, 118) и др.

Туашлэ [Туаша] *каб.-черк.*, букв. «двойной», название мест, находящихся между двумя реками; «междуречье»: урочище ю.-з. Псауче-Дахе; местность между Жемталой и Псыгансу; ниже Кишпека и др. (см.: 54, 88).

Уарп *адыг.* **«Уруп»**- л.п. Кубани и пос. в КЧ; -п, возможно, из п(э) «устье», как в *Улап*, *Афыпсып*, *Мыектуапэ* (*Майкон*), *Лабэпэ* и под. Известна и форма **Уарпыпс** (пс «река»). **«Воапр»**- (79, 8). Ср. отразившееся в памятниках народного творчества осетин название вершины *Уарпп* (см.: 2, II, 252).

Улап («Уляп»)- а. в Красногвардейском р-не РА. По названию р. Уль и адыг. п(э) «устье», как и в других образованиях такого рода: **Мыектуапэ**, **Афыпсып**, **Казиап**, **Буап**, **Агуяп** и др. Население аула составилось из бесленеевцев, кабардинцев и других адыгских племен. Прежнее (первое) местоположение аула - у совр. хутора «Унароковка» близ а. Ходзь. В ауле проживают выходцы из мест Къэбэрдей, Банэкту(э), Уэзрэч, Арамэшыгу (название по наросту на дереве), Фаджэктуэ, Шэдыгтуэпс.

Аул основан в 1867г. Старые названия кварталов Уляпа: 1) **Мэршэнхьэблэ** «поселение (околоток) Маршеновых», 2) **Ажы хьаблэ** «поселение Ажиевых», 3) **Къэзбэч къуажэ** «селение Казбеча», 4) **Алджэрыктуэ хьэблэ** «Альджеруко поселение», 5) **Езыгуей хьэблэ** «Езигоевых поселение», 6) **Сиды къуажэ** «селение Сидоовых», 7) **Сэнэшоктуей** «Санашоково», 8) **Бэнэктуэдэс** «живущие в балке колючек (терновника)», 9) **Нэфыктуе** «Нафуково», 10) **Лэшуктуе** «Лешуково».

Уырыху [Урух] *каб.*, л.п. Терека; из осет. *уарах* (в диг. *урух*) «широкая» (17, 315), но осетины произносят Ираф.

Семантика «широкая» для реки часта: монг. *Дэлгэр-Мурэн* «широкая река» (Э.М. Мурзаев), *Аргунь* «широкий» (В.А. Никонов).

Фарз *адыг.*, **«Фарс»** п.п. Лабы. *Фарс*- река в Иране. См.: 7, 151. **«Фарз...»** служит границей между абадзехами и абазинскими (абхазскими) коленами» (136, 37). См. **Хуарзэ**.

Хэкуыжъ адыгск., [Хакуж]- старое место жительства, заброшенный очаг, пепелище, селище, аулище. Из *хэку* «область» (адыг.), «страна, родина, отечество» (каб.) и *жъ* (*жъы*) «старый». Название многих мест, оставленных населением в силу различных обстоятельств (эпидемии, войны, эмиграция, объединение мелких поселений в более крупные аулы и селения). Термин в качестве названия выступает и самостоятельно, и с определяющими (чаще антропонимами) компонентами: адыг. **Хэкуыжъ**- близ Шаханчерихабля, **Хэкуыжъ гуыбгъу** - *губгъу* «поле» (Шенджий), шапс. **Хэкуыжъ тамэ къэхэлъ** «могильник возвышенности аулища»- п.б. Макопсе, **Хэкуыжъыктуэ** - *кьо* «балка»- М. Псеушхо; **Хэкуыжъымэ япсын** (*япсын* «их родник»)-п.б. р. Псыба, **Хэкуыжъ бэгу псын** - *бэгу* «кочковатость, неровность», *псын* «родник» (родник у неровного места - аулища)- л.б. Макопсе и др.; черк. **Хэкуыжъ** - на л.б. Лабы у устья Ульки; каб. **Хэкуыжъ** - близ Плановского, Курпа, Куркужина, Карагача и др. (см.54, 90).

Хуарзэ [Хуарза]- каб. форма гидронима **«Фарс»**, понимаемая как «волна» (но это, видимо, переосмысление, как и адыгейское **Фарз** (см.: 86, 322).

Хуэдз «Ходз», «Кодзь», *каб.*, р., л.п. Лабы и а. в Кошехабльском р-не РА. Адыг. форма - **Фэдз**. Старые названия кварталов - кабардинские: **Маргъуышгъей** «Маргушево», **Къуындетей** «Кундетево», **Жанокъуэ** «Жанок(ово)», **Шежокъуэ** «Шежок(ово)», **Бабыгуей** «Бабугово». Аул основан в 1848г. (по другим сведениям - в 1851г.) выходцами из Кабарды, на что указывают и перечисленные названия кварталов (исключение составляют жители квартала **Бабыгуей**, переселившиеся сюда из Банэкъуэ). Название **Ходз** соотносят с фам. бесленеевского узденя первой степени **Кодз**, который вследствие распрей с князем Коноковым перешел со своим аулом к темиргоевцам. Затем темиргоевцы бежали за р. Белую, а Кодз со своими подвластными поселился среди ногойцев (54, 140, 141 - Кодз). Кодз, возможно, первоначально не фамилия, а титул **къуэдзэ**- наименование 3-го класса каб. уорков. **Къуэдзэ** Ногмов понимал как «добавка» (в совр. каб. имеет значение «помощник») и поэтому заметил: «Должно полагать, что это были переселившиеся иностранные дворяне» (104, 83). Слово **Кодз** Ногмов тоже употребляет как фамилию: «Истреблены все уздени Кодз, и могила их названа Кодзыкха; каб. фам. *Къуэдзокъуэ* - букв. «сын Кодза». Производно: *Хуэдзэ бгъуынж* - название п.п. р. Ходзь (*бгъуынж* «косой, -ая»)- ср. каб. *Псыбгъуынж* «косая речка» (перпендикулярная к основному руслу).

Хъакуырынэхъабль [Хакуринахбль] *адыг.*, «поселение Хакурин(овых)»; в 1958г. переименован в Шовгеновск (см.). Аул основан в 1863г. Начало ему положила абадзехская община Даурхась. В первой половине XIX в. Даурхась находится на л.б. Курджи́са, южнее Майко́па. Отсюда абадзехами были оттеснены егерухаевцы. Аул вобрал в себя и другие поселения (хасьи) по фамилиям - Хоретлевы, Меретуковы, Сапиевы. См.: 54; 152, 153. Производно: *Хъакуырынэ мэз* («лес»).

Хъэбэз [Хабаз] *черк.*, *каб.*, аул на л.б. М. Зеленчука, районный центр в КЧР. Название (возможно, имя личное по происхождению) первоначально принадлежало ущелью к ю.-з. от аула **Хъэбэзыкъуэ** (*къуэ* «балка»). **Хъэбэзыпс** (*псы* «речка»)- л.п. М. Зеленчука. Аул прежде назывался по одной из двух частей селения - **Къэсей Хъэблэ** «Каса(евых) поселение». Другая часть его именовалась **Къырымзей**.

Ср. **Хъэбэз** - каб. название балк. селения на Малке и производные от него: **Хъэбэз бгъуэншлагъ** (пещера), **Хъэбэз пхашлэ** (тыл). См.: 55; 133, 134.

Хъэрэмэ Iуашхъэ [Харама уашха] *каб.*, «харама курган» - фиктоним, относимый к холму близ каб. сел. Этока (96, 302). Ср. *адыг.* **Хъарэм Iуашхъэ**, *каб.* **Хъэрэмэ Iуашхъэ** «Харам – гора» - название основной эпической горы в нартских сказаниях.

Хъэштыгъуей [Хаштугой] *черк.*, местность у впадения Б. Зеленчука в Кубань*.

Посессивное образование из имени (духовного титула) хъэжы (хаджи) и тюрк. (ногойск.) термина тогъай. Последний в тюрк. языках неоднозначен. По Радлову: 1) луг, низменность, покрытая лесом; 2) извилины реки; 3) лес (113, III, ч. 1, 1158).

Хъуымбылей [Хумбулей]- *каб.* вариант названия р. «Камбилеевка» (СОА). Этот вариант содержит *каб.* притяж. суф. **-ей**. Для объяснения основы интересно привлечь название хмели в осет. и каб. языках: осет. *хуымдл-лдз*, *каб.* *хъуымбылей*, *хъуымбэлей*. Название реки осталось в каб. поговорке *Емынэм къелар Хъуымбэлейм йыхъыжашъ* «Что осталось от чумы, унесла Камбилеевка». «В этой пословице обобщены два крупнейших события в жизни народа: эпидемия, унесшая девять десятых населения, и разрушительные последствия похода Булгакова в 1810г. Речка Камбилеевка (юго-восточная граница Кабарды) была конечным пунктом этой карательной экспедиции, во

время которой погибли десятки тысяч человек» (47, I, 196). Исторически черкесское название «Кумбелей» отличали от кистенского наименования той же реки – «Далун» (28, 10).

Хъуымэрэн [Хумаран], «Хумара» черк., п.п. Кубани. Ган производит это название от черк. слова *хъуымэн* «защищать» (укрепленное место) и добавляет: «...в древности Схемарус называется также Кумярай» (27, 148). Ср. абхазо-адыгские антропонимы: абаз. фам. **Хумараа** «Хумариновы» (16, 251); адыгское имя **Хъуымэрэн**.

По речке называется аул на п.б. Кубани ниже Карачаевска. Старое его название - **Абыкъухъэблэжъ** «старое Абуково». Нынешнее место аул занимает с 1863г., прежде он был расположен в балке **Хъуымэрэн**. Население - из различных районов Кабарды и Адыгеи. Переселенцы из аула Хъуымэрэн в 1926г. на л.б. Кубани основали а. **Хъуымэрэн цыкълу** «Хумаран малый» (официально – «Ново-Хумаринск»).

Чэнжэ [Ченже], речка и каб. с. В печати «Кенже». Народное название селения - *Къуэшырыкъуей* «Кошироково». Часть селения по п.б. речки имеет народное название *Шыпш хъэблэ* «Шипшево поселение». Название речки вызывает ассоциацию с каб. словом *чэнжэ* «мелководье». Однако термин «Кендже» в тюрк. названиях имеет значение «колючка, шиповник».

Чэшъанэжъ [Кешенеж] каб., «старое кешене». Чэшъанэ – «мавзолей», гора на л.б. Кардахурт (остатки крепости).

«Чегем» - город (с 2001 г.) районного подчинения на п.б. р. Чегем (быв. ПГТ «Чегем I»). См. **Шэджем**.

Черкесск - столица Карачаево-Черкесской Республики, по этнониму «черкес» (обзор этимологий этнонима см.: 54, 174-181); этот термин В.И. Абаев ставит в ряд зоофорных этнонимов: из иран. *кдркдс* / *чдркдс* (осет. *цдргдс*) «орел» (2, II, 94) Станица на месте современного города основана в 1825г. Прежнее название (до 1939) - Баталпашинская - по имени сераскира Батал-паши, посланного для возмущения горцев против России. Баталпаша здесь был разбит и пленен в 1780г. В 1936 - 37 гг - Сулимов (в честь советского гос. и партийного деятеля Д.Е. Сулимова). Статус города - с 1931 г. 87 тыс. жителей (1978). Ж.-д. ст. Заводы холодильного машиностроения, низковольт. аппаратуры; пищ. промышленность, театр, НИИ.

Черкеш Коколар - поселение (ныне уже не существующее) в Ставропольском крае близ с. Канглы. **Черкеш Коколар** букв. «черкесы Коковы»- так ногойцы называли группу переселенцев из рода Коковых, которые, спасаясь от эпидемии, ушли из Кабарды на указанную территорию в конце XIX столетия.

Чынт Гуэрэныгу [Чынт гуаранигу] - фиктоним из нартского эпоса. *Чынт* (в русск. передаче – «кинты») - название эпического народа, с которым нартты воюют. *Гуэрэн* «куст» (ср. назв. *Гуэрэныжъ*), *гу* - аффикс, указывающий на поверхность (ср. *шыгу* «поверхность земли»). В целом название может быть понято как *кинтов (земля)*; см. Гуэрэныбгъу.

Чышъбалъкъ, л.п. Малки. Слово образовалось из каб. названия Малки (Балъкъ) и первой части балкарской формы гидронима *Кичибалыкъ*. В записи Хан-Гирея- «Кишь-Балкк». По сообщению Хан-Гирея, на речке находились земляное укрепление, огромная скала (*Мерпежъже*), а также могила «знаменитого в преданиях черкесского воина «Ппахокко Тетершова» (*Тэтэршъауэ*), последнего нарта».

Шэджем I «Чегем I», каб., город районного подчинения с 2001г. ПГТ (до 2001 г.) на п.б. Чегема. Народные названия частей города:

- 1) **Джэрий хьэблэ** (*Къундетей*) «Гирея поселение» («Куденетово»).
- 2) **Альтыкъуей** «Алтоково».
- 3) **Шьоджэн хьэблэ** «Шогеновых поселение».

Шэджем II «Чегем II», каб. с. на л.б. Чегема. Народные названия частей селения:

- 1) **Абазэ къуажэ** «Абазовых (абазинцев?) поселение».
- 2) **Къуындетей** «Куденетово».

Шэджем [Шеджем], каб. форма названия р. «Чегем»- п.п.Баксана. Ближе к исходной форме – «Чегем». Последняя представляется стяжением из *Чеккем* (Чегем), где *чек* «граница» (ср. балк. назв. *Чек дуркъу*, *Чек къулакъ*) и *-кем* «вода, река» (пограничная река). В большой серии речных названий, специфичных для Тувы, Горно-Алтайской области и Красноярского края, элемент **-хем** (*-кем*, *-гем*) употребляется как общее название реки. В ряде приводимых А.П. Дульзоном примеров интересующий нас элемент содержится в форме **-гем** (как в «Чегем»); алтайские - **Ара-Кем** (Арагем), **Баты-Кем** (Байтыгем), **Делюгем** и под. (25, 45).

Термин *кем* значит «вода» (индоевропейское слово, сохранившееся в названиях рек Азии)... (92; 269, 108). На индийское происхождение *кем* (хем, гем) указывает генетически родственное *кам* - староосетинское слово со значением «ущелье» (ср. совр. осет. *ком* в том же значении). Этот термин сохраняется в названиях горных ущелий Центрального Кавказа: **Уллу кам**, **Сау кам** и под. Можно предполагать, что термин **гем** проник на Кавказ через тюрко-монгольское посредство.

Ср. формы «*Шекем*», «*Шекемезж*» (Шэджемьж), *Шекем хахо* (хэхуэ «приток») (136; 32, 34).

И.А. Гюльденштедт дает гризинское название Чегема - **Джики**. «Жители его, - говорит автор, - чехи» (?). Далее он дает названия деревень по Чегему, представляющие интерес для современной топонимии данного района: **Уллу-Елт**, **Мимала**, **Тобенешил-Бердеби**, **Аче**, **Чеге**, **Кам**, **Орсундак**, **Булунгу**, **Дшерилге**, **Хуштор-Усторжил**. Среди названных населенных пунктов и поныне известен *Чегем* (Нижний, Верхний и др.). Форма **Чеге**, надо полагать, усеченная или искаженная форма названия реки (см.: 28; 147).

Гидроним выступает в составе фамильных имен как кабардинских (Шэджем, Шэджемьж), так и балкарских (Чегембай). Ср. *Чегем* - местность в Абхазии.

Шэрэдж [Шередж]- каб. название Черема - п.п. Баксана - (п. Малки, впадающей в Терек). Кабардинцы различают **Шэрэдж анэ** «Черек мать» (Черек Хуламский и Безенгийский) и **Шэрэдж хэхуэ** «Черек-приток» (Черек Балкарский).

В балк. яз. «черек»- обозначение наиболее значительных рек вообще. Понятие воды выражается здесь иначе: **къобан**, **баргъан**, **суу**. Видимо, собственное наименование Черек в балкарском стало нарицательным обозначением реки. В свою очередь, гидроним Черек соотносят с **Терек**, термин же **терек** увязывают с понятием воды (127, 191). См. **Тэрч**.

Гидроним **Черек** вызывает ассоциацию с формами, имеющими иранский топоформант **-ек**: Хиарек, Эрмек, Энарек, Эсбек, Венек, Доздек, Шехрек, Тезрек и под. По реке названы каб. селения на ней: *Старэ Черек, Нижнэ Черек* (см.).

Шэт кьалэ [Шет кала]- каб. назв. Ставрополя. «Шат - крепость (город)». **Шэт** ср. с тюрк. *шат* (чат, чад)- «небольшая возвышенность... холм» (89, 248); ср. еще крым.-тат. *чэт* «граница», «крайний, предел». В разг. Практике – «**Шэнт кьалэ**», где *шэнт* - «стул»

Шокуэ [Шоко] каб., гористая местность и речка, впадающая в Малку справа против горы Канжал, а также л.п. Кубани (Шоку, Шокушъхъэ). Последнее название упоминается в нартских сказаниях. Название от апеллятива **шоки**, продуктивного в тюркоязычной топонимии. У казахов *шоки* – «одинокая коническая возвышенность» (126, 11), «острая вершина гор; возвышенность, имеющая правильной формы вершину; чоку - вершина, пик (Средняя Азия); у узбеков - *чоки*; у монголов - *цохи* (89, 253; 92, 618). Ср. *шоку* «одиноко стоящая сопка» (113, IV, I, 1026). Топографический термин закрепился в каб. фам. **Бесчокьуэ** (с. Хьэтыуей).

Шытхьэлэ [Шитхала] адыг., каб., адыгск. назв. гор. Белореченска на п.б. р. Шхагуаше (Белой); *шы* «лошадь» *тхьэлэ(н)* «топить»- (река), топящая лошадь. Ср. такой же тип образования: каб. *Жэмтхьэлэ* (*жэм* «корова»), *Хьэтхьэлэ* (*хьэ* «собака»), адыг. *Чэттхьэлэ* (*чэты* «курица»)- местность близ а. Панахес (иначе Пэдысы гуыбгъу). Производное название: *Шытхьэлэпэ мээ* («лес в устьеШитхала (балка)»- близ а. Псейтук; *Шытхьэлэ хъуэу* (*хъуэу* «балка»)- Афипсип. Ср. *Шытхьэлэ* - речки бас. Черема и сел. в КБР. Ср. тот же глагольный компонент *тхьэлэ(н)* в каб. фам. имени *Бжэнтхьэлэ*, где *бжэн* «коза», и в топониме с антропонимической основой *Къэрдэн*.

Шьынджий, «Шенджий»- адыг. а. на л.б. р. Унаубат в Теучежском р-не; притяжательная форма от *Шьынджы*. Аул основан в 1860г. По сведениям старожилов, а. прежде находился на р. Белой и на п.б. Кубани в р-не современного Краснодара. Прежнее название аула - **Хьымышей** «Хымышево». Трудно отделить от убых. **Шьынджа** «равнины убыхов, абадзехов и шапсугов» (Ю. Месарош).

Шьоджэн хьэблэ [Шоджен хабла] – «Шогеновых поселение». В балк. *Шеучен кабак*. Совр. балк. название - *Яникой* (см. 55, 155).

Шъхьагуашьэ (адыг.), **Шъхьэгуашъэ** (каб.) [Шхагуаша], русск. «Белая»- л.п. Кубани. В русских источниках часто – «**Сагваса**». **Шъхьэгуашъэ, Шъхьэгуашъапшъэ** где *-пшъэ* «выше»- (96, 507). Для современного адыгского языкового сознания гидроним распадается на *шъхьэ* «голова» (верх, верховье) и *гуашъэ / гуашъэ* «богиня (покровительница)». Для элемента *шъхьэ* предлагаются адыг. *шъыхъэ* «олень», абх. *ашъха* «гора»; слово *гуашъэ* соотносят с абх. *агуашъэ* «ворота» и т.д. Ср. у К.Х. Меретукова **Шъыхъэгуашъэ** «Богиня оленей».

Что касается русского названия реки – «Белая», оно обычно в русской гидронимии, но непонятны мотивы появления его в данном случае (в отличие от «Белой» - п. притока *Камы* как кальки из тюрк. *Ак-Итиль* - букв. «Белая река (Волга)»).

Шъхьэлыкъуэ [Шхалуко] - название реки (л.п. Нальчика) и каб. селение. Букв. «мельница + балка»: в долине речки изготовлялись мельничные жернова. На это указывает и вариант **Шъхьэлмывэкъуэ** (А. Кешоков) «мельничных жерновов балка (долина)» Рус. Форма – «Шалушка». Народные названия частей селения:

1. Къуныжьей «Кунижево».

2. **Даутыкъуей** «Даутоково».
3. **Шъэрдэн хъэблэ** «Шардановых квартал».
4. **ЛаукIэцэй** «Лаукацево».

ШЫЛЪЭМЫЖ [Шитлямиж] черк., букв. «земля (земляной)+мост» - название перехода между двумя балками в междуречье Б. и М. Зеленчуков в районе а. Хабез. Ср. *шЫлЪэмыж* - окр. Чегема и Заюко.

Эрсакон черк., а. Адыге-Хабльского р-на КЧР. Прежнее (употребляемое и поныне в речи старшего поколения) название - **Абатэ хъэблэ** («Абаты поселение». До занятия нынешнего места около 120 лет назад аул располагался на л.б. М. Зеленчука.

Образование современного названия относят ко времени, когда близ аула стояла кавалерийская часть. Топоним увязывают со словами «эскадрон», «рысь» (бег лошади) и «конь». Но эта версия походит на ложную этимологию. Очевидно то, что название стоит за пределами известных адыгских топонимических типов. «Эрсакон» в литературе засвидетельствован и как гидроним (бассейн Б. Зеленчука)- 10, 118.

ЯтIэкъуэ [Ятако] «Этоко» каб., п.п. Подкумка и каб. сел. на ней; местность с.-з. II Лескена; *ятIэ* «грязь», «ил»; *къуэ* «балка». Русское название Этоки (п.п. Подкумка) – «Грязнуша» - полукалька каб. названия. Производно: *ЯтIэкъуэ дэкIынIэ* («подъем»). *ЯтIэкъуэ гуэл* («озеро»)- Зольский р-н; *ЯтIэкъуэ шыхъэпIэ* («въезд»)- с.-з. II Лескена. Ср. *ЯтIэпсыкъуэ* «балка грязной жижи»- фиктоним (96, 348).

Иэдыйыху [Адиюху], «Адиюх» - каб.-черк. название башни на высоком утесе по п.б. М. Зеленчука напротив аулов Хабез и Алибердуко, а также речки, впадающей в М. Зеленчук справа здесь же. Сооружений с таким названием, видимо, было несколько. Ш. Ногмов свидетельствует: «Между Кубанью и Зеленчуком, на высотах, стоят кирпичные здания, называемые **адиюх...** Там, по преданию, жили священнослужители» (104, 26). Ср. название *Иэдыйыху зэрыдаха лъагъуэ* «тропа, по которой унесли (на погребение) Адиюх» - на склоне Вындыб (КБР).

Слово **Адиюх** Ногмов понимал как *адэ* «отец», *Iуэху* «дело» (дела предков), но **Иэдыйыху** (адыг. *Иэдыйыф*) - популярное (и ныне употребительное) женское имя. В народном эпосе женщина с этим именем ночью освещает путь своему мужу светом рук своих; *Иэ* «рука», *Иэдий* «предплечье», *ху* (хуыжъ) «белая» - «белорукая». Семантическая параллель: *башк. Аккул* «белые руки» (71, 243).

Iуашъхъэмахуэ [Уашхамахо]. «Ошхамахо» (Эльбрус), каб. назв. высочайшей вершины Кавказа (5633 м). «Гора счастья». Появление этого названия Ш. Ногмов связывает с тем периодом жизни адыгов, о котором песни сохранили известия о нашествии Атиллы (Адила). Как поется в песне, «Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши; бич небесный отступил от них благополучно». С тех пор, как говорит Ш. Ногмов, «народ называет Шад-гору Ошха-махо, т.е. «счастливою», потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов» (104, 44). Так же объясняет возникновение названия **Iуашъхъэмахуэ** и другой адыгский историк Хаджимуков: «Не миновал страны (черкесов.- Дж.К.) и «бич божий, молот вселенной» Атилла. Нашествие Атиллы оставило не меньшие следы в народном воображении, чем и вторжение Байкана. Он помнит, что Атилла, дойдя до Шат-горы, внезапно повернул назад, и с тех пор Шат гора носит название «счастливой» (95, 6). Ср. **Iуашъхъэмахуэ** «курган счастливый» - у южной окраины Нижнего Курпа; **Лам**

и Ёуашъхъэмахуэ «Лама гора счастья»- по л.б. М. Кураты (среднее течение), близ Каменноостского.

Гора имеет названия и на других языках: Шат-гора (русск.), Орфи-Ингуб (абхазск.), Менгитау (карач.-балк.), Джин-падишах «духов царь» (тур.) и др.

Что касается современного общеупотребительного названия «Эльбрус», оно, по мнению Семеона Броневского, произошло «от персиян или турков». С. Броневский ссылается на то, что часть Альвендской цепи в Персии называется тегеранскими жителями также «Эльбурс» и значит на персидском языке «нос», «...да и в других местах азиатская география представляет множество гор под названием Ельбрус, Альбург, Альбрус, Ельбаруг, следуя разности тамошних наречий или испорченному произношению европейцев. Клапрот тоже указывает на персидский источник названия: «Альбруз или Эльбруз- древнее слово персидское, присвоенное многим вершинам гор, покрытых вечными снегами. Две высочайшие вершины Кавказа носят сие название: первая близ источника Кубани, вторая, «зовомая Шах-Албруз, то есть царский Албруз, в Дагестане» (107, 299). Далее автор говорит об изменении этого названия и распространении его на всю цепь Кавказских гор. Тюркские племена Кавказа «приняли в употребление сие персидское наименование, изменив оное несколько, дабы придать какое-либо значение на их языке, и называя Кавказ Ял-Буз, то есть ледяная грива. Они дают также всей цепи гор имя Еди-Ял-Буз, то есть *семь ледяных грев*. Иногда говорится еще Ел-Буз *ветер* и *лед*; а ногайцы называют высочайшие шпилы Юлдуз-Таглар, (107, 299).

III. ЭТНОНИМИКА

АБДЗАХ (адыг.) *абзэзэхэ* (каб.)- адыгейское племя. Наиболее распространенная русская запись- «абадзехи». Племя абадзехов было расположено восточнее шапсугов в долинах рек Пшиш, Пшеха, Лаба, Псекупс по северному склону Кавказского хребта и граничило с шапсугами и убыхами по Кавказскому хребту, опираясь в земли абазинцев... (114.9). Некоторые авторы прародиной абадзехов считают морское побережье между Адлером и Туапсе.

Абадзехов делили на нагорных и равнинных и различали среди них девять обществ, или хаблей: Туба, Темдаши, Даур- Хабль, Гатюко-Хабль, Нежуко- Хабль, Анчоко- Хабль, Бешуко- Хабль, Эдиге- Хабль, (*адыгэжьэблэ*) (38, 21).

Убедительна этимология Л.Я. Люлье: абаз+ локативный элемент -х, указывающий на низовое положение абадзехов по отношению к горцам- абазинам (79). Этимология из абх. абза(апса) и адыг. (абадз.) *псэы* «пихта, ель» (12, 239) представляется натянутой.

Этноним стал основой ряда топонимов (назв. вершины, станицы (см. 56, 131) и антропонимов.

Наиболее ранние письменные известия об абадзехах относятся к середине XVIII в. Подробный этнографический очерк об абадзехах написан М. Г. Аутлевым и Л. И. Лавровым (11).

На абадзехском диалекте в настоящее время говорят жители лишь одного аула Шовгеновский- в Шовгеновском районе РА.

АДЫГЭ адыга: «адыге», «адыга», «адыг»- самоназвание адыгов, объединяемых в литературе на русском и других языках общим этнонимом «черкесы». Этноним в исторических источниках встречается со второй половины XV века(24, 18).

«Адыге - чиль, т. е. адыгские народы»- так абадзехи, шапсуги и натухажцы называют кабардинцев и другие родственные племена Центрального Предкавказья (79, 10).

Дж. Интериано писал: «зихи, так называемые по- итальянски, по- гречески, по- латыни, но которых турки и татары зовут чиркасами и которые сами себе дают имя адыга,- живут от реки Дона по берегам Черного и Азовского морей до... Пицундской бухты».(118, 852).

Есть сведения, согласно которым натухайцы, шапсуги, убыхи и абадзехи «имя адехе приняли не ранее XVI столетия, когда были на восточных берегах Азовского и Черного морей. *Хе* на их языке значит море; *аде* на арабском языке значит остров и полуостров; это же слово перешло и в тюркские наречия... Таким образом, *адехе* значит островитяне или жители морского полуострова» (118, 864).

Слабость этой концепции состоит прежде всего в том, что этимологизируется не оригинальная форма этнонима, а результат его русской адаптации.

Ш. Ногмов считал, что «настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант*, изменившееся с течением времени в *адыге* или *адыхе*» (104, 21).

Такую этимологию справедливо отводит А.К. Шагилов, считая ее данью отождествления адыгов со славянами - антами (142, 5).

П.К. Услар намекнул на возможность толкования этнонима на материале близкородственных языков. «Все вообще племена абхазского происхождения, - пишет Услар, - известны убыхам под коллективным именем адзыге... полагаю, что это название, худо расслышанное и худо записанное, есть *azra* Белля...» (134, 71).

Отсюда можно заключить, что убыхское «адзыге» имеет абхазский источник, и, следовательно, его первоначальный смысл можно искать в абхазском языке. Такая попытка существует. Л.Т. Лопатинский объяснил название «адыге» посредством абхазского слова *адзы* «вода», стало быть, *адзыге* - поморяне (78, 1). Это же толкование приводит и А.М. Дирр (36, 8).

А.К. Шагиров, считающий данное объяснение «интересным, хотя и недостаточно убедительным», приводит в пользу Лопатинского случаи соответствия в абхазо-адыгских языках звука *д* (*адыгэ*) аффрикате *дз* (*адзыге*): каб. **дыд**, адыгейск. **дыды** «шило», абх. **а-дзыдз**, **а-дзадз** и др.

Объяснение, аналогичное тому, что дал Лопатинский, находим и у К.Ф. Гана: «адыге от абх. *адзы* «вода»... Определив вторую часть слова как черкесский суффикс (-*гъэ*), выражающий отвлеченные понятия (?), Ган заключает, что термин имеет значение «водяных», приморских жителей (27).

Вторую часть слова другие исследователи понимали как показатель множественности -*хэ*, который, как говорит Н.Я. Марр, «при огласовке звучит как *ге*» (81; 1405, 1406).

На изложенную версию опирается и В.А. Никонов: «адыге - предположительно из абхаз. *адзы* «вода»... («живущие у воды»). Полагают, добавляет Никонов, что греч. *дзиху* (V в. до н. э.) - испорченное адыгэ (100, 16).

Последнее сопоставление (*дзиху*, *зихи* - *адыгэ*) принято многими кавказоведами (36).

Наконец отметим, что В.М. Иллич-Свитыч находил справедливым мнение о том, что в этнониме «зигои», «зигхои» византийских авторов отражается древнее самоназвание адыгов (*адыгэ*) (146, 336). Существуют и другие этимологии данного этнонима.

Адыги - автохтоны Северо-Западного Кавказа - в нашей стране проживают в трех республиках - Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии. Соответственно они называются кабардинцами, адыгейцами и черкесами. По данным проф. З.И. Керашевой, на своей исторической родине в настоящее время проживает лишь незначительная часть адыгов: кабардинцев 360 тыс., адыгейцев - 115 тыс., черкесов - 53 тыс. (на 1989 г.).

В результате Русско-Кавказской войны большинство адыгов было депортировано в Турцию. Оттуда часть их переселилась в Сирию, Иорданию и др. страны. По неофициальным данным, количество адыгов за пределами нашей страны превысило 5 млн.: в Турции - 4,5 млн., в Сирии - 80 т., в Иордании - 50 т., в Египте - 5 т., в США - 6 т., в Ливии - 7 т., в Израиле - около 3 т., в Германии - 20 т. См.: Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005, с 44.

БЕСЛЪЭНЕЙ каб., **Бэслъний** адыг. «бесленей» (кабардинское) племя. Ср. каб. личн. имя *Беслъэн*, фам. - *Беслъэней* «Бесланев». «Бесланевцы- это одно из кабардинских племен, которое не последовало за основной массой в предгорье Кавказа и осталось в древних местах поселения кабардинцев, а их язык - это диалект кабардинского языка, сохраняющий древние черты» (14, 6). Этноним известен с середины XVI в. (24, 44).

На бесланеевском диалекте в наше время говорят в аулах Бесленей и Вакожиле КЧР, а также жители аулов Кургоковского и Коноковского в Успенском районе Краснодарского края.

Этноним *бесленей* производят от имени одного из потомков князя Инала, родоначальника кабардинских князей (136, 174). Бесленеевцы именовали себя по имени потомка Инала - Канoko (*Къанокъуэ*), делясь при этом на две отрасли: *Шолэхъухэ* и *Бэчмырзэхэ* (136, 176).

Этноним *бесленей* - притяжательное образование (на **-ей**) от личного имени *Беслээн* (Беслан). Само имя имеет такую же структуру, что и Асланби при обратном расположении компонентов (Аслан-бай, Бай-Аслан). Здесь нет оснований для выделения "абхазо-абазино-абадзехского корня «бас» (см.: 12, 238).

ДЖЫЛАХЪСТЭНЭЙ «Гиляхстаней»- неофициальный «топографический» этноним, обозначающий жителей Малой Кабарды (правобережья Терека)- по родовому имени *Джылахъстан* («Гиloxсан»-79, 8).

ЖАНЭ «Жане»- адыгское (черкесское) племя.

Женеевцы некогда жили в долине *ЦIэмэз* (Цемес) примыкающей к Суджук- Кальской (совр. Новороссийской- Дж.К.) бухте вдоль берега Черного моря до Пшады. Затем племя перешло на северный скат горы и поселилось в Адекуме. Остатки племени проживали на Кара- Кубанском острове(79, II). Топоним Жане (местность и речка в Геленджикском р-не) тоже указывает на прежнее местожительство племени жане.

Жанинцы делились на два поколения- Кимеоо и Бечккан- по именам их родоначальников (136, 212).

К адыге принадлежат «остатки некогда могущественного племени жан или жанеевцев. Аулы их расположены были... ниже бзедухов, на острове, образуемом двумя рукавами Кубани и называемом Каракубанским островом (по-черкесски Детлясь)»* - (38, 22).

По мнению Хан-Гирея, именно жанинцы и их соплеменники - *хезаки* и *вепснцы* - составили те колена черкесские, которые древними писателями названы чихами... от слова дцах, под коим... черкесы разумели в древние времена, как и ныне, низовых жителей (136, 211). Из этого свидетельства, кажется, следует отождествление древнего этнонима *зих* (чих) с современным *кIах(э)* (?). Последним кабардинцы называют адыгейцев поныне. См. *КIах*.

По сведениям Е.Н. Кушевой, известия о племени *жане* на Таманском полуострове восходят к 1551г. Л.И. Лавров указывает на более ранние свидетельства о жанеевцах - итальянские карты первой половины XIV века. В названии Сания на берегу моря Л.И. Лавров усматривает, с одной стороны, племя жанэ, а с другой - санигов начала нашей эры (72, 249). На такую преемственность указывает и Н.Г. Волкова (24, 27).

К XIX веку племя прекратило свое существование в результате феодальных междоусобиц, а также под ударами Крымского ханства и Турции. Часть их, полагают, вошла в состав нутухайцев (24, 34).

Этимология этнонима изучена слабо. П.У. Аутлевым предложена этимология «темноглазые». Ср. совр. личное имя, известное абазинцам и кабардинцам, - Жани.

ЗИХИ - политическое образование адыгских племен, которое в начале I в. обитало «где-то между нынешними городами Туапсе и Гагра...» От гавани Пагры (возможно, нынешний Новороссийск) до старой Ахэи прежде жили так называемые *ахэйцы*, а ныне живут *зихи*» (47, 67). Это объединение в IX-X вв. входило в абхазское царство (43, 226).

Имя «зихи» приводит Страбон, который помещает их между гениохами и ахейнами. Грузины их называли «джихи», «Джихетия», охватывая ими «морской берег Черкесии и его обитателей...» «Эти зихи, джихи, или, вернее, адиги занимали ту часть морского берега, где больше всего теснилось меловых гор, иссеченных множеством оврагов» (88, 17).

В XIII-XV вв. «зихами» итальянцы называли всех адыгов.

Раннегрузинские источники абазин и кабардинцев называют **джихами**. В первом тысячелетии н.э. зихи составили ядро крупного племенного союза, вобравшего в себя и ахеев (47, I, 67).

Л.Г. Лопатинский этот этноним записал в формах **дзигхи** и **дзиги**. Под этими названиями, как пишет автор, «адыге были известны греческим и римским писателям... название *дзихи* я слышу в слове *цыхухэ* «люди»; название **дзихи**... то же, что *адзыгъэ* - *адыгъэ* (название *адзыгъэ* я вывожу этимологически из абхазского слова адзы - вода; стало быть, приморские жители, поморяне. Следует заметить, что убыхи называют адзыгъэ все народы, говорящие на абхазских наречиях, абхазы же дают название *азыхуа* черкесам), как себя черкесы сами называют и в настоящее время (78, 1).

Обзор этимологий см.: 54, 167-170.

«КОСОГ, КАСОГ, КОСОГИ»- этноним, под которым черкесы известны русским летописцам (см.: 78; 1, 2) и другим народам: у осетин - *кашкон* (по Лопатинскому - *касаг*), у сван *касаг* (Арн. Чикобава). Касоги на Северо-Западном Кавказе впервые отмечаются на рубеже IX-X вв., а в русских летописях упоминаются в X-XIII вв. (см.: 47; I, 68) в связи с войной вел. князя Святослава с «кассогами» - соседями Тмутараканского царства на Таманском полуострове. Предполагается, что этот этноним употреблялся наряду с термином зихи с VIII в. (24, 19).

«...касогов... Владимиров сын Мстислав подчинил Тмутараканскому княжеству в 1022,...; касоги были, вероятно, жители страны Казахии, которая, по повествованию Константина Багрянородного, находилась в нынешней Кабарде...» (Н.З. Обозрение истории козаков. «Вестник Европы», №2, 1828. с.105).

Этноним «косог» справедливо отождествляется с теми кашками (каска - кашка), которые известны своей ролью в политической жизни Малой Азии во II тысячелетии до н.э. Такую мысль подтверждает проф. Г.А. Меликишвили. Малоазийские кашки, как полагает он, - племя протохеттского происхождения и своим названием сближаются с северокавказским племенем черкесов - «кашаг», «кешаг», «косог»; так же сопоставляются термины «абешла» (М. Азия) и апшил (Абхазия) (22, 62).

Кешеки (или *касак(и)*) являются, очевидно, *касахами* Константина Порфирородного, *косогами* русских летописей, *кесёгами* осетин, которые и сейчас так называют черкесов, особенно кабардинцев. А мингрелы знали черкесов под именем *кашак* (94).

Монперэ приводит этимологию Массуди, согласно которой «кешек»- слово персидское со значением «гордый, надменный» (88, 20).

Никонов, отмечая, что этноним *косо* (по древнегрузинским и арабским памятникам - *кашаг*) «давно сближают с мало-азиатским этнонимом хетто-неситской эпохи *касака* // *кашка*, указывает также: этноним *казах* связывают с русским летописным названием черкесов - **косо**г». «Значит, одно из этих сближений ошибочно», - заключает автор (101, 29). Но если учесть отражение этнонима в различных языках Кавказа, последнее сближение (*казах-косо*г) не представляется маловероятным. А.М. Дирр нашел возможным сопоставить формы **косо**г и **казак** - «название вольного войска, первое место жительства которого находилось на Днепре и на Дону» (36, 7).

Об историческом взаимоотношении слов **казак** и **казах** см.: (101, Г.В. Благова).

КИАХ (адыг.), **кIахэ** (каб.), «кяхи»- общее название адыгейцев, живущих в равнинной местности. Этноним более известен в языке кабардинцев. Букв. «нижний», «нижние».

Лопатинский дает этот термин в двух формах - каб. **к'ах(е)**- и определяет его значение как «равнина, поле» (36, 23); элемент **-хэ** в адыгских языках означает «низ, нижняя часть» (анalogии см.: 56, 204).

«*Кияхь*, т.е. «низовые жители»,- так кабардинцы называют всех закубанцев, исключая бесленеевцев (79, 10). Термин, видимо, указывал на низовых жителей - адыгейцев в отличие от кабардинцев,- селившихся в предгорьях. Это противопоставление отразилось в адыгейской поговорке **Шъхьагъыш-кIэхэпхъу**, смысл которой - «Хороша лошадь у жителей верховий (кабардинцев), а девушка - у жителей низовий (адыгейцев, кяхов)».

КЪЭБЭРДЕЙ (кабардей), у адыгейцев - *къэбэртай* (*кабартай*), рус.- кабардинцы. Самоназвание кабардинцев (как и адыгейцев) - *адыгэ* (адыга).

Л.Я. Люлье определяет «кабертай» как «одно из значительнейших племен адыге». Он делит Кабарду на Большую (междуречье Малки и Терека на юг до Осетии) и Малую (пр. берег Терека до предгорий и берегов Сунжи).

Большая Кабарда разделена между четырьмя родами: *Жэмбот*, *Мысост*, *ХъэтIохъушъокъуэ* и *Къетыкъуэ*, а Малая - между двумя: *Толъэстэней* и *Джылахъстэней* (136; 151, 152; 36, 8).

По диалектным особенностям и территории расселения современные кабардинцы образуют несколько групп.

1. Зеленчукские черкесы, проживающие в Республике Карачаево-Черкесия. Основное этническое ядро носителей говора составили кабардинцы, переселившиеся из Кабарды в долины Зеленчуков - притоков Кубани (см. 39).

Кабардинцы, поселившиеся на Зеленчуках в 20-х - 30-х годах XIX в., в литературе известны под именем *хаджиретов*, что в переводе с арабского значит «переселенцы», или абреков (79, 8) (беглых кабардинцев).

2. Бесленеевские кабардинцы. См. **Беслъэней**.

3. Кубанские или закубанские кабардинцы, проживающие в аулах Кодзь, Кошехабль, Блечепсина, Уляп - Республика Адыгея.

Время переселения части кабардинцев на Кубань датируется примерно концом XVIII - началом XIX в. Кубанский диалект описан М.А. Кумаховым (108, 190-248).

4. Моздокские кабардинцы заняли современную территорию во II половине XVIII века, когда они бежали на русскую кордонную линию от своих владельцев и приняли христианство. Носителями моздокского говора являются кабардинцы, проживающие в г. Моздоке и станице Луковской РСО-А, а также жители ряда хуторов Курского района Ставропольского края. Говор исследован Т.Х. Куашевой (см. 108).

В литературе известны еще кабардинцы крымские. Дюбуа де Монперэ пишет: «В то время, когда еще существовало это княжество (Тмутараканское - Дж.К.) несколько черкесских племен спустилось с гор и рассеялось по равнинам Азовского моря и даже проникло в Крым. Самое главное и известное из них, «кабардинское», основалось среди татар (татары завладели Крымом в 1237г.) между реками Каче и Бельбек. Верхняя часть реки Бельбек и сейчас называется Кабардой». Кабардинцы покинули Крым в своих ладьях и причалили к берегу Суджук-Кале, отсюда они перешли к устью реки Кубани и основались на равнине, расположенной к югу, заложив город Шанчир (88; 22, 23) .

По другим сведениям, крымские кабардинцы ведут начало от части племени «кабарды», которое при распадении Хазарской державы вышло из нее и последовало в Тавриду, по А.П. Берже, - в XIII в. Акад. А.М. Шегрен даже в XIX в. находил в Крыму остатки кабардино-черкесской системы счета. Известна попытка определения продолжительности пребывания адыгов в Крыму - в 300 лет (см. 118).

Судя по некоторым сведениям, часть крымских адыгов не вернулась на Кавказ, а к XVI в. смешалась с генуэзцами.

В современном просторечии терминами **къэбэрдей** и **джылахъстэней** обозначают жителей соответственно Большой и Малой Кабарды. См. **Джылахъстэней**.

Адыгейцы Кабарду и кабардинцев именуют «*Къэбэртэй*», сваны «*малкарар*» (36, 8), аварцы – «*кабарти ау*» (36, 8), чеченцы и ингуши - *гъебертлой*.

О происхождении слова *Къэбэрдей* («Кабарда») существует ряд предположений и догадок. Наиболее интересные из них такие.

Л.И. Лавров, ссылаясь на сочинение И. Барбаро (XV в.), говорит о северокавказском народе «кеверетей» как о предках кабардинцев. Эвлия Челеби производил этот термин от арабского этнонима кабаилитай, по ошибке названного *кабартай* (141, 80). К.Ф. Ган указывает на возможную этническую связь между племенем кабарды, которое составляло часть угров (венгров), занявших древнюю Паннонию, и кабардинцами. Последнее предположение опирается на историческое известие о том, что в начале X столетия (около 914 года) в Хазарской державе «... три племени, из которых главное называлось кабарами, возмутилось против власти кагана... Некоторые из них ушли к уграм в Паннонию, другие к подножию Кавказа, где находим их потомков под именем кабардинцев» (118, 862).

Еще подробнее о кабардах, их языковых контактах с уграми (это важно для уяснения природы кабардов), а также о соотносительности понятия *кабарды* с современными кабардинцами говорит Семеон Броневский со ссылкой на Константина Порфирородного.

«Под 883 г. по р. Хр. император Константин Профирородный упоминает, что по случаю восставшего между хазарами междоусобия три хазарские поколения, называемые кавары и кабары, будучи побеждены от своих единоплеменников, удалились к маджарам

или уграм и составили под общим именем коваров осьмое колено венгров, ввели между венграми в употребление хазарский язык и выучились сами по-венгерски» (102; 74-75).

Из исторического факта восстания кабаров выводят этимологию слова *кабар*, сравнивая его с тюрк. *кабурд* «шум, восстание». Значение последнего слова даем по Радлову (113, II, 457).

Однако источники указывают, что народ *кабар* хронологически существовал в Европе значительно раньше, чем появились хазары (80, IV, 316).

Й. Блашкович отмечает, что имя *кабары* «восставший»... три хазарские племена, возмущившиеся против кагана и разбитые последним, получили после того, как эти племена влились в венгерское племенное объединение на Украине. Далее автор сообщает, что общим самоназванием этих трех хазарских племен было «*кабар – казар*» (20; 62, 63).

Приведенные данные следует рассматривать на фоне установленного исторического факта, что аланы, косоги (черкесы), печенег и венгры, еще не перебравшиеся на свою теперешнюю территорию, на Северном Кавказе проживали совместно (32, 9). И этот факт подтверждается лексическими встречами типа: осет. абг, адг. - каб. абг, абдж, венг. Uveg (1, 335).

Более подробный обзор этимологий (см.: 59; 319 - 325).

МАМХЫГЪ (адг.), **мамхэгъ** (каб.), «мамхеги», «мамхеговцы», «мамхяговцы» - адг. племя, известное с начала XIX века. Ср. каб. фам. *Мамхэгъ*.

«Племя мамхеговцев обитало в настоящем городе Майкопе, при слиянии рек Белой и Куржипс, вверх по таковым, с юга и с запада граничили с абазехами» (114, 9). Иногда этот этноним отождествляют с мамшухами, упоминаемыми Э. Челеби (24, 42). В основе этнонима П.У. Аутлев видит груз. *мам* «отец» (12, 250).

МЭХЪОШ, махош - адг. племя. Ср. каб. фам. **Мэхъуэшъ**. «Мухоши, махош, мухошевцы» - на речках (с востока на запад): Шимблонтах и Шограг (*Шъэхъурэдж*), Псефир, Псехуш, Фарз, Понако, Колх, Арим, Лабугай, Чалмык, Шебарта (102; 56-72).

По сведениям Хан-Гирея, племя «*меххаш*» является частью бежедугского поколения, составившего удел одного из четырех родоначальников бжедуг - Бехгарсокка. Он отделился от братьев (Черчан, Хмыш и Бастекко) на северо-восток, в долину *Кежъдчей*, а оттуда впоследствии перешел к лесу, называемому **Тххатчехг (Тхъэцлагъ)** - 136, 195. Племя махошевцев с северо-запада граничило с егерухаевцами, с востока по р. Лабе от Курганной до Зассовской, образуя как бы равнобедренный треугольник, и опиралось в земли абазинцев (114, 9).

Упоминаемые историками фамилии махошевцев: *Багъэрсокъуэхъ, Безрокъо, Яххбокко* и др.

«МУШОСТЫ» - назв. черкесского племени (Пейсонель). Ср. каб. *Мысост*, адг. *Мышъэуэст* (имя и фам.). По мнению других авторов, «мушосты» Пейсонеля - это то же, что *Мэхъош* (см.).

ТАУСТАН (Таусултан), «черкесы таустан» - этим термином у Э. Челеби и Главани обозначались кабардинцы Малой Кабарды (см.: 141; 28, 220, 230,) - по имени Таустана <

Таусултана (ср. каб. имя *Толъэстэн*)- имевшего самое значительное имение в Малой Кабарде. Слово Таустан этимологизируется как «горная страна» из тюрк. тау «гора» и иран. стан «страна», а название Таусултан содержит компонент султан, что на арабском языке значит «власть; правитель, государь» (горский правитель). Каб. Таусултан (*Толъэстэн*) упростилось в *Лъостэн*. Ср. варианты: *Сулъмлан* (Султан) и просторечное *Лъустлан* «Тлустан».

УБЫХ - адыгское (широко принятое в литературе) название народа, входящего в группу родственных абхазо-адыгских (западно-кавказских) этносов. По языку (как и географии) убыхи занимали промежуточное положение между адыгами и абхазами. В 1864 г., после окончания Кавказской войны, убыхи поголовно выселились в Турцию. Этноним прежде всего относился к жителям верховий рек Шахе и Сочи, где одно из урочищ носило название «Убых». Самоназвание убыхов «туахъы».

Деление убыхской территории на Вордане, Саше и собственно Убых оправдывают с лингвистической точки зрения, так как в XIX веке «убыхский язык удерживался в быту только в верхней... Убыхии, в то время как в Вордане его вытеснил адыгейский, а в Саше - джикетский язык» (Лавров Л.И.).

Из родовых названий убыхов: Аблаго (у устья р. Сочи); Берзек (с. Догомуко в долине Сочи), Дишан (с. Дишан у устья р. Бзыч), Измаил-бей Дзепш (Вордане) и др.

Этимология этнонима не изучена. Можно предположить, что элемент **-х (убы-х)** связан с адыгским аффиксом **-х**, имеющим локальное значение.

Термин **убых** Инал-Ипа сравнивает с названием страны *Paхyla* в хаттских источниках (43, 224).

Клапрот указывает на слово «туби» как равнозначное «убых» (АБК, 238).

По убыхскому языку известны работы Г. Дюмезиля, Х. Фогта, М.А. Кумахова и др.

ЧЕРКЕС, черкас (в речи адыгов - *шэрджэс*)- внешнее название адыгов-кабардинцев и адыгейцев. Возникновение этнонима датируется XIII веком (47, I, 84).

«Не знаю почему, но мы привыкли все племена, населяющие покатошь кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя адыге» (79, 5).

Во времена Константина Порфирородного и Прокопия, по свидетельству Дюбуа де Монперэ, на черкесских морских берегах были известны только два больших народа - зихи и абасги, за которыми указываются Папагия, Казахия и Алания. «Все эти народы, за исключением аланов, черкесы» (88, 19).

Некоторые авторы этноним «черкесы» распространяли на родственных убыхов, абхазов и абазин. Так, А. Намитоков предлагает черкесов делить на три группы: 1) собственно черкесы, называющие себя «адыге»; 2) убыхи, притязающие на имя «адыге»; 3) абхазы и абазины.

Н. Дубровин тоже убыхов относит к черкесскому племени (адыге) (38, 22).

Перенос этнонима на Украину свидетельствуется рядом источников. Например: «... черкасы являются в нашей (т.е. русской - Дж.К.) истории в первый раз в 985 г., т.е. через 20 лет после разорения Святославом Белой Вежи и разрушения между Волгой и Доном Хазарской державы, в состав которой входили касоги. Заметим притом, что во времена

Владимира Мономаха (около 1121 года) новые толпы черкасов поселились на Днепре, гонимые команами от Дона. Они за деньги служили нашим (т.е. русским - Дж.К.) князьям в их междоусобицах» (118, 859).

Не только запорожские казаки всегда назывались черкасами, но вся нынешняя Малороссия и Украина не имели другого названия, как черкасский или позже во всех актах и грамотах монархов российских даже до конца царствования Екатерины II. (118, 858).

Высказано несколько предположений о происхождении этнонима: от личного имени **Кес**, от гидронима **Черек (Терек)**, этнического имени **керкет**, по др.- тюрк. **чергаш / черкаш** «выстраиваться рядами», от иран. **каркас / чаркас** (осет. цдргдс) «орел» и др. (57; 42-44).

«ЧЕБСИН» - адыгское племя, «коего самобытность совершенно прекратилась». «Одна из долин восточного берега Черного моря - пепелища этого племени сохранили его имя и поныне» (79, 5).

Чебсины, сородичи жанеевцев, оставили после себя память, дав имя свое одной из долин, примыкающей к Черному морю, и ныне слились с нутухайцами (79, 11). Ср. название речки Шепсин, отделявшей шегаков от нутухаджей (88, 37). В основе - адыгское *пс-ы* «вода».

ШАПСЫГЪ (адыг.), шапсыгъу (каб.), «шапсуг» - адыгейское племя. Позднее появление этнонима (с I пол. XVII в.) объясняют происхождением шапсугов от абадзин (24; 31, 37).

«Племя шапсугов делилось на Малый Шапсуг и Большой Шапсуг. Большой Шапсуг имел своей границей Кубань от Троицкой до Екатеринодара и с востока по р. Супс, а с запада граничил с нутухайцами, выходя к Черному морю на юг от Ново-Троицкого до Тенгинской. Малый Шапсуг, как бы продолжая территорию Большого Шапсуга от реки Шапсуг, был расположен по южному склону Кавказского хребта вдоль Черного моря от ст. Тенгинской до ст. Головинской и граничил с убыхами по р. Шахе. Настоящий город Туапсе входил в территорию шапсугов» (114, 9).

Происхождение этнонима, вероятнее всего, связано с гидронимом *Шапсы (Шапсыхъо* – «долина р. Шапсы»). Несколько этимологий предложил П.У. Аутлев (12; 253, 254).

Шапсуги - самая многочисленная этнографическая группа (племя) среди адыгов. Они в 1835 г. насчитывали 200000 душ, тогда как в то же время кабардинцы (Большой и Малой Кабарды)- 30 тыс., абадзехи - 100 тыс., бесленейцы - 25 тыс., убыхи - 19 тыс., нутухайцы - 60 тыс., темиргойцы - 15 тыс. (38, 22).

Подавляющее большинство их было выселено в период и после Кавказской войны в Османскую Турцию. В настоящее время шапсуги проживают в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, США, Германии и других странах.

На шапсугском диалекте в нашей стране говорят только в пяти аулах Республики Адыгея (Афипсип, Панахес, Псейтук, Хаштук, Нутухай), а также в шапсугских аулах Приченоморья-Большой Кичмай, Малый Кичмай, в трех Красноалександровских аулах; в аулах Шахапе, Шафит, Тхагапш, Нажуг, Агуй, Большое Псеушхо, Малое Псеушхо, Агуй(Куйбышевка), Псыба и др. См. 115, 6. Шапсугский диалект указанных аулов описан З.И. Керашевой: Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.

IV. Кабардино-черкесские фамилии

Данный словарь для издания «Кабардино-черкесский язык» извлечен из монографии о кабардино-черкесских фамилиях.* Из-за ограниченности объема здесь опущены русская транслитерация и принятые русские написания, а также данные семантической и грамматической характеристики этого разряда кабардино-черкесских антропонимов. Публикация самого перечня фамильных имен адыгских народов - первое необходимое условие дальнейшего их историко-этимологического анализа. Данный свод охватывает антропонимы, имеющие статус «кабардинские (черкесские) фамилии» на территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи, а также, в известной мере, в странах проживания адыгской диаспоры. Их общее количество - около 2-х тысяч.

В подаче фамилий авторы придерживаются действующего в настоящее время алфавита, имея в виду тот практический интерес, который они могут представить.

Словарь

Абазэ

Абас

Абэзэхэ

Абэзокъуэ

Абдурэхьмэн

Абей

АбзакIэ

Абзыуан

(Абызиуан)

Абрэдж

Абрэджыкъуэ

Аброкъуэ

Абубэчыр

Абыдэ

Абыдокъуэ

Абидокъуэ

Абдокъуэ

Абыкъу

Абыкъуэ

АбытIэ

Авар

Авыдзбэ

Агуей

Агузар

Агъэн

Агъээзэгъ

Агънокъуэ

Агъыржанокъуэ

Агъу

Адэжэс

Адэмей

Адэмокъуэ

Адыгэунэ

Адыгэщауэ

Адышэс

Аджий

Аджы

Аджыр

Аджырэ

Адзын

Адзынба

Ажахъуэ

Ажэгъуей

Ажэдыгъу

Аждэрий

Ажий

Ажокъуэ

Ажы

Азэ

Азэмэт

Азиз

Азнаур

Азубэч

Азычэ

Аисэ

Айбазэ

Айсан

Айчэпш

Акэт

АкІэжь

АкІущэ

Акъ

Акъбай

Акъсырэ

Акъущэ

Алэкъей

Алэкъул

Алэщ

Алборэ

Албэрдэ

Албот

Алжан

Алибутэ

Алий

Алшагъыр

Алыбэрд

Алыбэч

Алыхъберд

Алыхъберды

Алыч

Алъэскыр

Алгэскырей

Алгэсчыр

Алгкъаш

Алгтуд

Алгытыдокъуэ

Алххэс

Амалшы

Аманкъул

АмкIокъуэ

Амо

Амфокъуэ

Амщыкъуэ

Амырокъуэ

Анандыкъ

Анэмыкъуэ

Андемыр

Андырхъуей

Андрэхъуей

Анзэрокъуэ

Анзор

Ансыкъуэ

Анчокъуэ

Апажэ

Апэжыхь

Апэзаур

Апэнэс

Апекъуэ

Апсэ

Апхуд

Апцэ

Апщэзан

Апыч

Арахъэ

Арэ

Арэщыкъуэ

Аргъэщокъуэ

Аргун

Ардавэ

Артун

Аруан

Архэст

Архъагъэ

Арчэл

Арып

Арыпстэн

Арыхъстэн

Арыщ

Асэкъал

Аскэр

Аслъэн

Аслъэныбэ

Аслъэныкъуэ

Астэжъ

Атахъмэт

Атэжыкъуэ

Атэлыкъ

Атлъэскыр

АулІ

Аулъэ

АутлІэ

Ауцэ

АфэцIагъуэ

АфэцIыж

АфIэунэ

(ЯфIэунэ)

Ахэмын

Ахуэмгъуэт

Ахъмэд

Ахъей

Ахъий

Ахъмэт

Ахъсор

Ахътау

Ахъы

Ахъуэхъу

Ахъубэч

Ахъумашэ

Ацкъэн

Ачмыз

Ачыр

Ашэ

Ашабэ

Ашэбокъуэ

Ашэхъмэт

Ашу

Ашыба

Ащол

Ащын

Аюб

Бабий

Бабыгуэ

Бабыгуей

БабытIэ

Бабыху

Бабыцэ

Багъэтыр

Багъы

Бад

Бадзэ

Бажэ

Банкъул

Байшорэ

Бакуу

Бакъ

Балэ

Балъкъэр

Балкъыз

Бамбэт

Бамбэсыр

Банэ

Барэ

Барий

Баркъуу

Барсыкъуэ

Батэ

Батий

Батыр

Батырбий

Батыргъэ

Батырдэгу

Батlэ

Батlитlэ

Батlу

Батlырэ

Бауэ

Бахъсэн

Бахътяр

Бахъуэ

Бацэ

Бацэжъ

Бацу

Бэшло

Бэбащ

Бэбей

Бэв

Бэвыж

Бэвыкъуэ

Бэгрэт

Бэгъэтыр

Бэгъдан

Бэгъуэт

Бэдий

Бэдрак

Бэджашэ

Бэджэлды

Бэджэн

Бэджий

Бэджрэт

Бэджырэт

Бэджырэ

Бэждыгъу

Бэжыкъуэ

Бэкъей

Бэлагъы

Бэлакъыжъ

Бэлахъуэ

Бэлэмышъ

Бэлокъуэ

Бэмбэт

Бэракъ

Бэратэ

Бэрау

Бэрэгъун

Бэрэкъэт

Бэрэхъащт

Бэрэздж

Бэрэкъей

Бэрбэч

Бэрдыкъу

Бэремкъул

Бэремыкъуэ

Бэрокъуэ

Бэрсэдж

Бэрсокъуэ

Бэрычэт

Бэтэдж

Бэтей

Бэтмэн

Бэтыщ

Бэхъунэ

Бэхъур

Бэхъуцэ

Бэч

Бэчбо

Бэчбулат

Бэчей

Бэчкъан

Бэчыжъ

Бэчыр

Бэшорэ

Бэшыкъуэ

Бэщокъуэ

Бэян

Бгъахъуэ

Бгъащэ

Бгъэжънокъуэ

Беждыгъу

Безрокъуэ

Безрыкъуэ

Безыр

Бей

Бейтокъу

Беймырзэ

Бекшокъуэ

Бекъазы

Бекъалды

Бекъан

Бекъул

Белгъэр

Белгъэрокъуэ

Белгъуш

Бечай

Бемырзэ

Бер

Берд

Бердыкъуэ

Берслъэн

Беслъэней

Бесчокъуэ

Бетой

Бетрожь

Бетыгъуэн

БетIал

Беш(э)

БешкIур

Бещто

Бештокъуэ

Бещхъуо

Бжащэ

Бжэмбахъуэ

Бжэмышху

Бжэнахъуэ

Бжэнтхъэлэ

Бжэныщэ

БжэныкIэ

Бжэлумых

Бжий

БжыкIший

Бжыуней

Бжыхь

Бжъахъуэ

Бжъэдыгъу

Бжъэхъуэнэ

Бжъэц

Бжъэхъуокъуэ

Бжыней

Бжыхъэл

Бзабзэ

Бибаль

Биболэт

Бижо

Биикъуэ

Бий

Бийкъарэ

Бикэ

Бинэщарэ

Биркъуэ

Бит

Битокъу

Биту

Битлэхъу

Бицл

Бицло

Блай

Бланауэ

Бланыхъ

Блашэ

Блий

Болэ

Болэт

Булджат

Борау

Борэ

Борэн

Бораншы Борэныкъуэ

Борей

Борий

Борсэ

Борыкъуей

Бот

Ботэщ

Брам

Брапщ

БратІ

Брафт

БронтІ

БрыкІэ

Брытщ

Будыш

Бузай

Бузэрей

Бузд

Булэт

Булгъэр

Булжат

Бурай

Бутай

Бухъар

Быгуэ

Быдэ

Быдэнокъуэ

Быж

Быжыкъуэ

Быктыш

Былым

Былымгъуэт

Былымышъ

Бырмамыт

БыркІэ

Бырс

Бырсекъуэ

Бырсыр

Бырхъэм

БытІэ

Быф

Быхъурэ

Быцу

БышэкІ

Быщт

ВакъащІэ

Варий

Вэжынэ

Вэйокъуэ

Вэлий

Вэпсынэ

Вэрмахуэ

Вэрокъуэ

ВэрылІ

Вэхит

Выкхъэ

Вынэ

Вындыгъу

Вындыжъ

Гергъуокъуэ

Гизий

Гындыгъу

Гуазэ

Гуанэ

ГуащІэ

Губэч

Гуэбэшы

ГуэбэщІыкІ

ГуэбэщІэкъуэ

Гуэгуашэ

Гугуэ

Гуэгузокъуэ

Гуэгуш

Гуэдзэ

Гуэлыкъуэ

Гуэнгъэпщ

ГуэнжафІэ

Гуэнокъуэ

ГуэныкІэ

Гуэстэхъу

Гуэстокъуэ

Гуэшокъуэ

Гуэщэней

Гуэщей

Гуэщокъуэ

ГуэщІокъуэ

ГуэIужьей

Губэч

Губырэ

Гувэжокъуэ

Гугу

Гугъуэт

Гугъуэтыж

Гулажын

Гум (ср. гидроним Гум)

Гумыныкъэ

Гуо

Гундэхъу

Гупсешэ (Гупзешэ)

Гурыгъ

Гус (Гъу(ы)сэ)

Гуцал

Гуштэ

ГуIэтыж

Гъажэ

Гъазз

Гъацтэ

ГъацIэ

Гъэжей

Гъэжъ

Гъэжыкъуэ

Гъэижъ

Гъэлбэрд

Гъэсташэ

Гъэужьей

Гъэунэ

Гъоу

Гъыдэ

Гъыдзэ

Гъуащэ

Гъуэгъу

Гъуэгъуэ

Гъуэгъул

Гъуэгъунокъуэ

Гъуэз

Гъуэзджэш

Гъуэныбэ

Гъуэплъащлэ

Гъуэт

Гъуэтыж

Гъуэщокъуэ

Гъубж

Гъубжокъуэ

Гъудэ

Гъу(ы)дзэ

Гъузий

Гъуклэ

Гъуклакъуэ

Гъуклапщэ

Гъуклэ

Гъуклэжъ

Гъуклэкъул

Гъуклэл

Гъуклэмыкъу

Гъуклэпщ

Гъуклэпщокъуэ

ГъукІэщауэ

Гъулэнокъуэ

Гъулий

Гъумэ

Гъунэжокъуэ

Гъунжафэ

ГъункІафІэ

Гъуо

Гъур

Гъуралий

ГъурмыкІ

Гъурф

Гъурыжъ

Гъусарэ

Гъусэ

ГъусэлІ

Гъут (Гъу(ы)тІэ)

ГъущІапщэ

ГъущІасэ

ГъущІо

Дагуэ

Дадэ

Дадыщ

Дал

Дам

Дамбай

Дамэкъуэ

Дамэлей

Дамхъукъуэ

Дарэ

Дармывэ

Дахэ

Дашу

Дау

Даур

Даут

Даутокъуэ

Дэбагъуэ

Дэгу

Дэгуахъуэ

Дэгужьей

Дэдэхъу

Дэдыхъу

Дэжыг

Дэлэл

Дэрахъэ

Дэрогуэ

Дэтхъужь

Дэунэ

Дэунэж

Дэхъу

Дэхъунэ

Дэхъушокъуэ

Дэпырхъуей

Дэщ

Дэр

Дерба

Дибырэ

Дидан

Дол

Долэт

Домбей

Домбырэ

Доткѣул

Дохѣутэ

Дохѣушыкѣуэ

(Дохѣушыкѣуэ)

Дохѣушокѣуэ

Дудар

Дудэ

Дудей

Думай

Думаныщ

Думэн

Думэней

Дыгуэрлы

Дыгулыбгѣу

Дыгѣу

Дыгѣужь

Дыгѣужьей

Дыгѣужьло

Дыду

Дыджа

Дыджэш

Дыкъ

Дыкъынэ

Дыкѣуэ

Дым

Дыхѣу

Дырыхѣу

Дыш

ДыщэкI

Дыщокъуз

Джазэ

Джапу

Джатау(э)

Джатэ

Джатэгъэжъ

Джатэжъ

Джатэжъей

Джатэжъокъуэ

Джатэрей

Джатэрывэ

Джатий

Джатокъуэ

Джаурбырмэз

Джаурджий

Джэбэн

ДжэгуакIуэ

Джэданэ

Джэдгуэш

Джэдгъавэ

Джэдгъэф

Джэдмышх

Джэду

Джэдугуэш

Джэдыр

Джэджырэ

Джэдзау

Джэзей

Джэлэс

Джэмзэр

Джэнджатэ

Джэрмэшык (ср.: топоним Герменчик)

Джэршокъуэ

Джэрыджэ

Джэршышэ

Джэху

Джэчий

Джэш

Джыбыл

Джыгун

Джыдэ

Джыдэцым Джыджий

Джылаш

Джыназ

Джырандокъуэ

Дзагуэ

Дзагуей

Дзасэ

Дзасэжъ

Дзэгъащтэ

Дзэгъащтокъуэ

Дзэгъэл

Дзэмышъ

Дзэндар

Дзэрасуй

Дзэубу

Дзу

Дзугъул

Дзыбэ

Дзыгъуэ

Дзыгъуэжъ

Дзыгъуэнэ

Дзыгъур

ДзыхъмыщI

Ебгъэжыкъуэ

Евсек

Егъэлыхъ

Егъэн

Егъуэж

Егъужокъуэ

Едэкъуэ

Едгъул

Едыдж

Едзыбокъуэ

Ежыбокъуэ

Езауэ

Ездэч

Езий

Езыг

ЕкIэщIауэ

Елбэн

Елберд

Елбердий

Елбэздыкъуэ

Елгъэр

Елдар

Елджэр

Елджырыкъуэ

Елжыкъуэ

Елей

Елъкъэн

Елмэс

Елмырзей

Елокъуэ

Елчэпар

ЕлъэщыIэ

Елътыхъу

Емгъуэж

Емзэгъ

Емзэщ

Емкъуж

Емуз

Емыгъэхъ

Емызэгъ

ЕмыкI

Емышэ (Емыш) Екыкъуей

Ервас

Ергъэнокъуэ

Ержыб

Ерижо

Ермэлы

Ерокъуэ

Ерчэ

Ерчэн

Ерыгу

Ерыджокъуэ

Ерыжъ

Ерыстау

Ерыщкъан

Есэной

Есэнкъул

Есэнокъуэ

Ескындар

ЕтлІэжь

ЕтлІыхъу

Ету

Еуаз

Еутых

Ефэнды

ЕхъулІэ

Ехъутэныдж

Ечмокъуэ

Ешрокъуэ

Ещэр

Ещтрэч

Ещыгу

Ещырокъуэ

ЕщІэпщ

Жабо

Жад

Жакъшэкъул

Жакъыл

Жаман

Жамэ

Жамборэ

Жамырзэ

Жамырзей

Жанэ

Жанджэрий

Жанкъазий

Жанкъулэн

Жанокъуэ

Жансит

Жантегуэл

Жантемырокъуэ

Жантемыр

Жантий

Жантыгъуэн

Жаным

ЖапIу

Жартул

Жарымокъуэ

Жэбэлы

Жэбэтыр

Жэгъуп

Жэлкъащый

Жэмбахъуэ

Жэмбэч (Жамбэч)

Жэмбей

Жэмбичэ

Жэмгъур

Жэнгъураз

Жэмзор

Жэмкъулей

Жэмыкъуэ

Жэмыкуэ

Жэмыхъуэ

Жэнэгай

Жэндар

Жэнокъуэ

Жэрэщты

Жэрыгъу

Жэрыкъуэ

Жэхъшэкъул

Жэщ

Жолдащ

Жу

Жумай

Жумарт

Журт

Жыгуэ

Жыгуэтэн

Жыгун

Жыджэт

Жыджыр

Жыжу

Жыкъуэ

Жыласэ

Жылау

Жылэ

Жылэгъащтэ

Жылэгъуэт

Жылэкъан

Жылэтеж

Жылэхъэж

Жылэшх

Жылокъуэ

Жынэ

ЖынжъакІэ

Жырыгъу

Жырыкъ

Жырыкъу

Жырокъуэ

ЖъакІэ

Жъакъэ

Жъанэ

ЖъэкІэмыхъу

ЗакІуий

Зал

Замэ

Замбур

Заптий

Зэбар

Зэгъэщтокъуэ

ЗэифІ

ЗэкІуей

ЗэкІурей

Зэкъей

Зэмбатэ

Зэмай

Зэрахъэ

Зэрашэ

Зэкъей

Ззубыд

ЗэфІэс

Зэхъуэхъу

Зэчэунэ

Зэчырей

Зэшай

ЗэшэкIуу

Зэшэкъуй

ЗэIущIэ

ЗекIуэ

ЗекIуэрей

Зеущэ

Зобдж

Зрум

Зураб

Зыгъээзж

Зыгъэл

Зымахуэ

Зыхъэ

Зыхъу

Ибащ

Ибрэхьим

Идыдж

Иляс

Имам

Инал

Инэрокъуэ

Индрей

Индрис

Индрокъуэ

Ингуш

Инжыжокъуэ

Инус

Ион

Ираз

Иризэ

Иркъэн

Ирыгу

Ирыт

Ислъам

Исмэхьил

Испыр

Истепан

Исуп

Ит

Итий

Иту

Иуаз

Иуан

Ичназ

Ишашэ

Ишрокъуэ

Кацыбей

Кэп

Китари

Кык

Кып

Кыштык

КуэбэшэкIэ

Куэблэ

Куэдзэ

Куэзыр

Куэнокъуэ

Куэстокъуэ

Куэт

Куэцэ

Куэш

Куэшэр

Куэшбий

Куэшей

Куэший

Куэшмэн

Куэшты

Кугъуэт (Гугъуэт)

Куж

Кумыщ

Кунашэ

Куп

Купшын

Курдыгъу

Куржэ

Куржий (Куржы)

Курчэ

Курыж

Куфэн

Кутас

Кушбокъуэ

КIасыкъуэ

КIауэ

Кушмэзокъуэ

Кушмокъуэ

КушпIэ

Кушрат

Кушу

Кушыку

КІагуэ

КІамэ

КІакІэ

КІарэ

КІасэ

КІэдэкІуей

КІэм

КІэмэш

КІэмиІу

КІэмпІарэ

КІэмпІу

КІэмыргуэ

КІэмыргуей

КІэнэтІ

КІэнціэлий

КІэнышэ

КІэп

КІэрэф

КІэрэш

КІэрей

КІэрмэк

КІэтІашэ

КІэрыкъуэ

КІэтІрэж

КІэфо

КІэдубей

КІэш

КІэщокъуэ

КІэщт

КІыбышэ

КЫКІэ

КЫПШИЙ

КЫТІ

КЫТІэ

КЫТІокъуэ

КЫЩ

КЫЩмахуэ

КЫЩокъуэ

КЫЩУ

КІуантіэ

КІуатІ

КІуащ

КІуэкІуэ

КІуж

КІузэмыш

КІузэхмэт

КІумпІыл

КІунтІыщ

КІуп

КІущ

Къабгъавэ

Къагъырмэс

Къадэхъу

Къадым

Къаз

Къаздэхъу

Къазджэрий

Къазий

Къакъий

Къалэ

Къалэбэч

Къалэхъан

Къалмыкъ

Къалыджатэ

Къамбий

Къамбичэ

Къамбот

Къамгъуэт

Къан

Къанэмэт

Къандур

Къанджашу

Къанжэкъул

Къанкъуэщ

Къанкъул

Къанлокъуэ

Къанло

Къантемыр

Къанщокъуэ

Къанщыкъуей

Къаныкъуэ

(Къанокъуэ)

Къанымгъуэт

Къаплъэн

Къарэ

Къарабэ

Къарэжей

Къарэмызэ

Къарэнашэ

Къарэсэлихь

Къарэхьэлъкъ

КъарэцIыкIу

Къардэ

Къардан (Къэрдэн)

КъардэнгъуцI

Къармэ

Къаскъул

Къасым

Къатинэ

Къатмэс

Къашыргъэ

Къэбардэ

Къэбардокъуэ

Къэбэрдей

Къэбжьыхь

Къэбэхь

Къэбло

Къэгъэззж

Къэгъэлокъуэ

Къэдакъ

Къэдэгъазэ

Къэдыжь

Къэжакъ

Къэжэр

Къэзакъ

Къэзан

Къэзэнокъуэ

Къэзанш

Къэзэр

Къэзмыш

Къэзбэч

Къэзгъэш

КъэлакӀуэ

Къэлэгъуэт

Къэлэжьокъуэ

Къэлыбатэ

Къэмбэчокъуэ

Къэмырзей

Къэнэмэт

Къэнэмгъуэт

Къэнгъэуш

Къэндэхъу

Къэндор

Къэндырокъуэ

Къэнжэкъул

Къэнтлъокъуэ

Къэншыкъул

Къэнщауэ

Къэныкъуей

Къэрабэ

Къэрабагъуэ

Къэрай

Къэрацэ

Къэрашэ

Къэрэгъул

Къэрэжь

Къэрэжьей

Къэрэкъей

Къэрэлъашэ

Къэрэмырзэ

Къэрэш

Къэрэшей

Къэргъэш

Къэрмокъуэ

Къэргъей

Къэрмыгъуэт

Къэрмыш

Къэсал

Къэсбот

Къэсей

Къэсмокъуэ

Къэтей

Къэтхъэн

Къэфар

Къэхъу

Къэчкъэр

Къэчмас

Къэшэж

Къебак

Къер

Къосчалы

Кърым

Кърымщокъал

Кърымыкъуэ

Къыз

Къызэрыс

Къыздэрмышц

Къыл

Къыкъ

Къылшыкъуэ

Кълыш

Къып

Къымзэ

Къыргъыз

Къуарт

Къуэблэ

Къуэблахь

Къуэдз

Къуэдзокъуэ

Къуэжакъ

Къуэжэм

Къуэжей

Къуэжь

Къуэжьокъуэ

Къуэкъуэжь

Къуэкъуей

Къуэн

Къуэнокъуэ

Къуэныкъуей

Къуэчкъар

Къуэшкъан

Къуэшыкъуей

Къуэшрокъуэ

Къуэщ

КъуэщIысокъуэ

Къубан

Къубат

Къубатий

Къугъуэлъкъуэ

Къудалий

Къудаш

Къудей

Къудейбэрдокъуэ

Къуий

КъуийцІыкІу

Къул

Къулам

Къулатэ

Къулдэгу

Къулий

Къулым

Къультрэбей

(Къультрбей,

Къультребей)

Къультшыкъуэ

Къумал

Къумахуэ

Къумбэгъыр

Къумыкъу

Къумыхъу

Къунаш

Кундет

Къуныжъ

Къурашэ

Къурашын

Къурэ

Къурэлей

Къурмэн

Къурмэнлы

(Къурмалы)

Къурсакъ

Къуршэ

Къущ

Къурымбей

Къущхьэ

Къущхьэбий

Къущхьэкъан

Къущхьэллокъуэ

Къущхьэнащхьуэ

КъущхьэтIу

Къущхьэунэ

Кхъэунэ

Кхъуэжь

Кхъуэнэ

Кхъуэныхь

Кхъуэтепыхьэ

Кхъуэхъужь

КхъуэIуфэ

ЛакIуш (ЛакIуш)

Ламырдон

Лафыщ

Лахъ

Лахъу

Лашэ

Лашкъуэ

Лэбэзан

Лэжьэрей

Лэкъумэн

Лэкъун

ЛэмпIэжь

Лэтокъуэ

ЛэшкІэн (Лэшкэн)

Лий

Лиуан

Ло

Локъуэ

Лосэн

Лу

ЛутІ

Луц

Лыджыдэ

Лыкъуэ

Лыкъуэжъ

Лыхь

Лъакъуэдыгъу

ЛъэкІэпшы

ЛъэмытхьэщІ

ЛъэнкІэпІашэ

Лъэпщ

Лъеиншэ

Лъэпщокъуэ

Лъостэ

Лъостэн

Лъырыгу

(Лъэрыгъу)

Лъыуасэ

ЛъыщІэж

ЛӀэужь (ср.:

шапс. Лыужъу)

ЛӀуп

Лыбекъуэ

Лыбзыхуэ

Лыгуащэ

Лыгъэуш

Лыгъур

Лыжыкъуэ

Лызам

Лыкъуэщауэ

Лымахуэ

ЛыпІэжъ

Лыуасэ

Лыхъугу

Лыхъурей (ср.:

адыг. ф. Лыхъурай

«Тлехурай»)

ЛыцІыкІу

Лыщэ

ЛыпІэщын

Магуэ

Маир

Майл

Мамий

Мамты

Мамрэш

Мамсыр

Мамхэгъ

МамыкІэ

МамыкІокъуэ

Мамыкъу

Мамыщ

Маргуэ

Маргъуш

Марыш

МаскІэ

Матэкхъуей

Мату

МафІэдз

Махуэ

МахуэлІ

Махъсидэ

Махъцы

Мацыхъу

Мачанэ

Мэгъуадэ

Мэджэ

Мэжджыхъ

Мэз

Мззан

Мззэшокъуэ

Мэздэгу

Мэзло

Мэзукъэбз

Мззыкъуэ

Мэзыхъэ

Мэкэней

МэкІэтІай

Мэкъей

Мэкъуауэ

Мэкъуашэ

Мэкъул

Мэкъушэ

МэлэкIий

Мэлэмэт

Мэлэхъу

Мэлей

Мэлбахъуэ

Мэло

Мэлыхъуэ

Мэлыхъуэжъ

Мэлыхъуэунэ

Мэмбэт

Мэрем

Мэремкъул

Мэремщауэ

Мэремыкъуэ

Мэржэхъу

Мэрзэлы

Мэрзей

Мэртазэ

Мэртокъуэ

Мэршэн

Мэршэнкъул

Мэсей

Мэстафэ

Мэтай

Мэтэжъ

Мэхэтей

Мэхьэмэд

Мэхъарэ

Мэхъий

Мэхъуэщ

Мэчэр

Мэш

МэшпацІэ

Мэшыкъуэ

МэшылІ

МэщэкІуащэ (из

МэзщІэкІуасэ)

Медалы

Мел

Мендохъу

Мер

Меркъул

Мет

Мокъуэ

Молай

Молэ

Молэмусэ

Молэнащхъуэ

Мудран

Мурадин

Мурат

Мусэ

Мухъэдий

МыгъуэлІ

Мыд

Мыз

Мызэуш

МыкІитІай

МыкІытІэ

МыкIуэж

МыкIуэф

МыкъитIай

Мыкъуэ

Мыкъуэжь

Мылажьэ

Мырзэ

Мырзэбэч

Мырзэкъан

Мысачэ

Мысост

Мысостышхуэ

Мысрокъуэ

Мысыкъуэ

Мысырджэн

МытIыжь

Мыхъэмэт

Мыхъты

Мыщэ

Мыщхъуэж

Надзырэ

Наиб

Найман

Накуэ

НакIэ

Нало

Налшык

Нанэ

Напсокъуэ

Напцэ

Нарт

Нартокъуэ

Нартыжъ

Нарщауэ

Насып

Натбий

Натджэрий

НатІэ

Наужьокъуэ

Науржан

Наурзокъуэ

Наурыз

НафІэдзокъуэ

Нахъуэ

Нашэ

Нащэ

НэбытІэ

Нэгуэ

Нэгуэр

Нэгумэ

Нэгъаплъэ

Нэгъэплъэж

НэгъэцІу

Нэгъудэ

Нэгъуей

Нэд

Нэдгъэгъу

Нэжыгу

Нэзэр

Нэзрэн

Нэкләцэ

Нэклус

Нэклухъу

Нэнай

Нэжокъуэ

Нэр

Нэсрэн

Нэбан

Нэфлъашэ

НэфІэдз

НэфІыкъ

Иэхущ

Нэчо

НэщІэпыджэ

Ныджэ

Ныр

Пагуэ

Пакъэ

Пащтыкъ

ПащІэ

Пэджыдэ

Пэж

Пэнагуэ

Пэнжокъуэ

Пэрыж

Пэрыт

Пэунэжь

Пэф

Пэфыф

Пэшхъуо

Пэщмэн

Пэщты

Пекъу

Понэжь

Псэныкъуэ

Псэун

Пхэней

ПхытIыкI

ПхъэвакъащIэ

Пхъэшх

Пщыбий

Пщыбыхь

Пщыгъэуш

Пщыгъуэт

Пщыгъуэтыж

Пщыгъусэ

Пщызэпекъу

Пщыкъан

Пщыкъуэ

Пщымыдэ

Пщымырзэ

Пщынокъуэ

Пщыншэ

ПщыукI

Пщыунэ

ПщыхуэфI

ПщыхъэщIэ

ПщыцIыкIу

ПщыIэжь

Пыжьынэ

Пыл

Пыло

Пырхъыш

Пытхъыщхъэ

Пытыжъ

Пыхъ

ПыІэкъарт

Паз

ПэпІей

Растэ

Рэмэзан

Сабий

Санэ

Санжакъ

СантІыкъ

Саралъп

(ср. аб. х. Саралипа

«сын Саралы»)

Сасыкъ

Сатушы

СафкІуий

Сэбан

Сэбаншы

Сэбэнокъуэ

Сэкрэк

Сэкъал

Сэлихъ

Сэмарэ

Сэмэгу

Сэншокъуэ

Сэрахъэ

Сэхьту

Сэхъу

Сэхъурокъуэ

Семэн

Сибэч

Сидакъ

Симахуэ

Сихъэ

Смыр

Соблыр

Согуэ

Сокъур

Сомгъур

Сонэ

Сосмакъ

Сосрэн

Срыкъуэ

Срыхъу

СулътIан

Сунш

Сурхъан

Сыбылэ

Сыжажэ

Сыкъун

Сымхъэ

Сындыку

Сыринэ

Табыхъу

Табыщ

Тажджэ

Таз

Тазий

Такуий

Такъ

Тамбий

Танэ

Танокъуэ

Тап

Тарло

Тату

Татун

Татым

Тау

Таубэч

Таубикъ

Таукъу

Таучэ

Таучэл

Таучэщ

Тачэ

Таш

Ташу

Тэбий

Тэзэртикъуэ

Тэкумэ

Тэгъулан

Тэмазэ

Тэмзэей

Тэнащ

Тэркѡан

Тэрхѡан

Тэрчокѡуэ

Тэтэр

Тэтэркѡан

Тэтэрокѡуэ

Тэтэркѡул

Тэтэрщауэ

Тэхѡу

Тэхѡутэр

Тэшэ

Тэшэло

Тэшоу

Тэлэщ

Теберды

Тебу

Тез

Тезадэ

Текуй

Теклужь

Тембот

Темзеклүэ

Темкыж

Темыр

Темыразэ

Темырбэч

Темырдащ

Темыржан

Темыркѡан

Темырокѡуэ

Темырчы

Тен

Тендэр

Тенджыз

Теркѳул

Тет

Теувэ

Теувэж

Теувэжыкѳуэ

Теунэ

ТеуныкІ

Техѳэж

ТишкІэ

Тлостанкѳул

Тлѳэкѳущей

(Тлѳокѳущо)

Тлѳэрыкѳуэ

Тлѳыс

Токѳан

Токѳэзакѳ

Токѳмакѳ

Токѳу

Токѳубей

(Токѳубай)

Тол

Тохѳуэ

Тохѳсарэ

Тохѳутэбий

Тохѳутэмышц

Точэш

Трамэ

Тубэч

Тубей

Тузэр

Тулащ

Тулпар

Тумэ

Туний

Тут

Тутай

Тытыкъу

Тхьэбысым

Тхьэгущокъуэ

Тхьэгъэжей

Тхьэгъэзэж

Тхьэгъэзит

Тхьэгъэлэдж

Тхьэгъэпс Тхьэгъэпсо

Тхьэзэпл

Тхыхъуэ

Тхьэзэплъыж

Тхьэигъуэт

Тхьэил Тхьэицыху

ТхьэкIумашэ

ТхьэкIумащIэ

Тхьэкъуахъуэ (ср.: адыг. Тхьаркъуахъо)

Тхьэлыджокъуэ

ТхьэлI

Тхьэмадокъуэ

Тхьэмбылмышх

Тхэмокъуэ

Тхэмлэдж

Тхэстокъуэ

ТхэмлIэкъуэ

Тхэщыгъуей

ТхэщIокъуэ

Тыгу

Тыгъуэн

Тыдокъуэ

Тыжь

Тыкъуэ

Тырку

ТыIэщ

ТыIэщыжь

ТIабышэ

ТIажь

ТIатIу

ТIахъуш

ТIэкIушынэ

ТIэмашэ

ТIэрэш

ТIэф

ТIэхъу

ТIэш

ТIий

ТIуп

ТIурэ

ТIуш

Тыгу

Тыгъур

ТыкӀушэ

Тыкъэ

Тылалэ

Тылыш

Тымыжь

ТытӀэм

Тыхъэжь

Тыхъужь

УанацӀэ

Уардэщ

Уэдэхь

Уэдыжь

Уэдыхь

Уэзрокъуэ

Уэзы

Уэжь

Уэзырокъуэ

Уэзынжокъуэ

Уэзырмэдж

Уэлджыр

Уэйокъуэ

Уэсмэн

Уэтэр

Уэрзэлы

Уэрзей

Уэрдэщауэ

Уэрдокъуэ

Уэрдыкъуэ

Уэрджынокъуэ

Уэркъ

Уэркъуасэ

Уэрсей

Уэртэбай

Уэртэн

Уэтэр

Уэршэкудыгъу

Уэршыкъуэ

Уэрыш

Уэрщо

Уэщрокъуэ

Уэщхъун

Увыж

Угъурлы

Узит

Уэйл

Ужыр

Уздемыр

Улбаш

Улымбаш

Умар

Умарыкъуэ

Умэ

Унацлэ

Унэгъэс

Унэдж

Унэж

Унэжь

Унэжокъуэ

Унэклафлэ

Унэрокъуэ

УнэщIокъуэ

УнэшхуэлI

Уразэ

Уракчай

Урчыкъуэ

Урым (ср. Рим,
на Кавказе «грек»)

Урыс

Урысбий

Урысмэмбэт

Урысыкъуэ

Урыщ

Устэ (ср. адыг.

Устэ),

Утэмэлей

Утыз

Фаджэ

Факъуэ

Фанзий

Фэрхъэт

Фэткъулей

Фэткъуий

Фидар

Фияпщэ

Фокъуэ

Фомыт

ФочыщIэ

Фрий

Фырэ

ФызыкIэ

ФІэщмыхъу

ФІэщыхъу

ФІыцІэ

ФІыцІэжь

ФІыцІэхъу

Хаев

Хамэ

Хэжае

Хэжь

ХызэлІ

Хуэгъудзокъуэ

Хужь

Хужьокъуэ

Хукхъуэ

Хунтхужь

Хурэ

Хурий

ХуцІывэ

Хутэ

Хьэбалэ

Хьэбэч

Хьэбэчыр

Хьэбжокъуэ

Хьэбылэ

Хьэбырэ

ХьэбытІэ

ХьэбытІэжь

Хьэв

Хьэвешцхъэ

Хьэвжокъуэ

ХьэвцІыкІу

Хьэгъкъыз

Хьэгуарэ

Хьэгуэш

Хьэгъэбанэ

Хьэгъэжей

Хьэгъэн

Хьэгъэс

Хьэгъэудж

Хьзгъэуш

Хьэгъуэ

Хьэгъундокъуэ

Хьэгъур

Хьэдэпашэ

Хьэджым

Хьэдыгъу

Хьэджымыкъуэ

Хьэджырэ

Хьэдзыгъуэ

Хьэдзыгъуэнэ

Хьэдзыгъуей

Хьэжъакъуэ

Хьэжбий

Хьэждэгу (Хьэждэгу)

Хьэжкъасым

Хьэжкъун

Хьэжкъуш

Хьэжмэстафэ

Хьэжмэт

Хьэжмусэ

Хьэжнэгъуей

Хьэжыкъуэ

Хьэжумар

Хьэжы (Ажий)

Хьэжыкъарэ

Хьэжым

Хьэжырокъуэ

Хьэкурис

ХьэкIагъу

ХьэкIагуэ

ХьэкIашэ

ХьэкIэрылтэ

ХьэкIэщ

ХьэкIнзгъу

ХьэкIарэ

ХьэкIуащэ

ХьэкIужь

ХьэкIурэ

ХьэкIырэ

Хьэкъ

Хьэкъул

Хьэкъуий

Хьэкъун

Хьэлыкъуэу

Хьэлышх

Хьэмгъуокъуэ

Хьэмдэхъу

Хьэлъапэ

ХьэмцIэ

Хьэмжу

Хьэмыз

Хьэмыкъуэ

Хьэмырзэ

Хьэмырз

Хьэмырзокъуэ

Хьэмыщауэ

Хьэмышцэ

Хьэнахъуэ

Хьэнэ

Хьэндэхъу

Хьэнцэ

Хьэпагуэ

Хьэпажэ

ХьэнащІэ

Хьэпэ

Хьэпэжъ

Хьэпей

ХьэпэлъэщІ

ХьэпанцІыв

Хьэпэхъу

Хьэпокъуэ

ХьэпцІэ

Хьэпцэ

Хьэрэдурэ

ХьэрэтокІуэ

Хьэрис

Хьэркъыз

Хьэрун

Хьэрылъху

Хьэсанэ

Хьэсыдж

Хьэсин

Хьэтай

Хьэтафэ

Хьэтэ

Хьэтэжыкъуэ

Хьэткъуий

Хьэткъут

Хьэтыкъуэ

Хьэткъущ

Хьэту

ХьэтхьэкIумэ

Хьэтщыкъуэ

Хьэтыкъуэ

Хьэтыкъуей

ХьэтIанэ

ХьэтIэф

ХьэтIэхъу

ХьэтIыкъ

ХьэтIырэ

ХьэтIыхъущокъуэ

Хьэуд

Хьэунэжь

Хьэфиз

ХьэфIыцIэ

Хьэхокъуэ

Хьэхужь

Хьэхъун

ХьэхъупацIэ

Хьэцу

Хьэчим

Хьэшыр

Хьэщэ

Хьэщкъуей

Хьэщкъул

Хьэщпакъ

Хьэщхъуэжъ

Хьэщыкъуэ

Хьэшыкъей

ХьэщІэлІ

ХьэщІэмыз

ХьэщІэрылІ

ХьэщІэцІыкІу

ХьэщІымахуэ

ХьэІупэ

ХьэІупщы

Хьейдыкъуэ

Хьеймащэ

Хьид

Хьабэ

Хьадыджэ

Хьалил

Хьан

Хьаний

Хьанычэ

Хьарзынэ

Хьарс

Хьанджэз

Хьер

Хьыбий

Хъыбырт

Хъыдзэ

Хъымышц

Хъыдзэдж

Хъыжърокъуэ

Хъымбэзэр

ХъытIу

Хъыщт

Хъуажъ

Хъуэд

Хъуэжэ

ХъуэкIуэн Хъуэпсырджэн

Хъуэст

Хъуэт

Хъуэц •

Хъуэхъу

Хъубий

ХъукIу

Хъунэ

Хъунэгу

Хъулэ

Хъупсэрокъуэ (Хъуэпсырокъуэ) Хъуран

Хъуращ

ХъуратIыжъ Хъурбыз

Хъурей

Хъуржан

Хъурзокъуэ

Хъурсин

Хъусин

Хъутат

ХъутІэ

ХъутІэжъ

Хъущт

Хъут

Хъурцыз

Цей

Цокъал

Цол

ЦыкІысэ

ЦыкІыщ

Цымбал

ЦымпІэ

Цырхъуэ

Цырымэ (Црым)

Цыцэ

Цагъэ

ЦыкІунэ

ЦыпІынэ

(ЦыпІынэ)

Чагуэ

Чазэ

Чап

Чау

Чэгъэду

Чэлды

Чэлимэт

Чэмзокъуэ

Чэрим

Чэртэбей

Чэрты

Чэртиуан

Чэт

Чэтбий

Чэтыкъуэ

Чэхумаху

Чочэ

Чыдам

Чыкуэ

Чыкъуэ

Чыкырэ

Чыл

Чылар

Чылэт

Чылинэ

Чым

Чып

Чырбыж

Чыржын

Шагъыр

Шагъырбий

ШакIу

Шакъ

Шакъуий

Шакъур

Шал

Шандыр

Шапсыгъ

Шагъырбей

Шауш

Шафий

Шахий

ШащІэ

Шэбас

Шэбай

Шэбээ

Шэбээджэрий

Шэвлокъуэ

Шэвхужь

Шэду

Шэджэм

Шэджэмыкъуэ

Шэджэрэ

ШэджыхъэщІэ (ШэкІыхъыщІэ) ШэмпІар

Шэрэдж

Шэрджэс

Шэрий

Шэртуан

Шэру

Шэрхъ

Шэрыб

Шырылужь

Шэт

Шэшэн

ШкІахъуэ

ШкІэжъ

Шогуэ

Шокъум

Шопагуэ

Шопарэ

Шорэ

Шорэн

Шорэхый

Шорман

Шортэн

Шортей

Штыкьуэ

Шу

Шублакъ

Шурдым

ШутІэ

Шхай

ШхуэрыІужь

Шыбзыхъуэ

Шыгуанэ

Шыгун

Шыгъэлыгъуэ

Шыгъуэстэн

Шыгъушэ

Шыгъушх

Шыд

Шыдакъ

Щыдгын

ШыдукІ

Шыдыгъу

Шыкуэ

Шыкур

ШыкІэбахъуэ

ШыкІэгъэс

Шыкъ

Шыкълъашэ

Шымэзокъуэ

Шипш

Шырокъуэ

Шырыкъу

Шырыт

Шырыхъу

ШытІу

Шыуал

Шыфэдыгъу

Шыху

Шыхъуэ

Щад

Щадэ

Щам

Щамырзэ

Щамырзей

Щанэ

Щаней

Щауэ

ЩауэцІыкІу

Щэбатокъуэ

Щэмей

Щэныбэ

Щаныбей

Щэрдан

Щэрмат

ЩэрытІокъуэ

Щэуашхъуэ

Щауэжь

Щэуей

Щахъалы

Щобэч

ЩобытІэ

Щоджэн

Щоджэнцауэ

ЩоджэнцІыкІу

Щокъал

Щокъарэ

Щокъуй

Щокъуж

Щокъул

Шолэхъу

Щомахуэ

Щорбащ

Щтым

Щхьэгүэш

Щхьэгъэпсо

Щхьэгъум

Щхьэлахъуэ

ЩхьалыщІэ

Щхьэмэ

ШхьэмыпІыж

Щхьадыкъуэ

Щхьэумэжь

Щхьэцэ

ЩхьэщэмышІ

(Щхьэщымыш)

Шымыш

Щынахъуэ

Щыхьмырзэ

ЩІаІуэныкЪуэ

ЩІанкІэ

ЩІэжъкЪуей

ЩІыгЪуэн

ЯкуэкЪутэ

Яхэгуауэ

Іэбыдэ

Іэлмыщэ

Іэпщацэ

Іэпщэ

Іэрэмысэ

Іэрыпщ

Іэтэ

Іэтэбий

Іэфэ

ІэхЪуэбэч

Іэшэ

ІэщнокЪуэ

ІэщхЪуэт

Іэщыж

Іэщынэ

Іулыдж

Іумэт

Іумых

Іумыхъэ

Іурыш

ІутІ

ІутІыж

ІухЪу

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексика

1. *Абаев 1958*: Абаев В.И. Из истории слов: русское «абрек» // ВЯ. М., 1958, №1. С. 117-120.
2. *Абаев 1963*: Абаев В.И. Из истории слов: Русское и украинское ЛУДАН // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963. С. 116-119.
3. *Абаев 1970*: Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 232-262.
4. *Абрамов 1900*: Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. СПб., 1900.
5. *Акуленко и др. 1969*: Акуленко В.В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.
6. *Апажеев, Баговы и др. 1957*: Кабардинско-русский словарь. М., 1957.
7. *Апажеев 1963*: Апажеев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский: лексика, семантика, фонетика. Нальчик, 1963.
8. *Апажеев 1968а*: Апажеев М.Л. Влияние Октябрьской революции и русского языка на развитие структуры и изменение функций языков народов Северного Кавказа // Сб. научных работ аспирантов КБГУ. Нальчик, 1968, вып.2. С. 194-204.
9. *Апажеева 1969*: Апажеева Р.Э. Физико-химические исследования бром-иодных вод долины р.Нальчик и получение лечебной соли «Нартшуг». АКД. – Нальчик, 1969.
10. *Апажеев 1977а*: Апажеев М.Л. Основные зоны взаимодействия и взаимовлияния межнационального и национального языков на Северном Кавказе и их отражение в современной лексикографии // Национальная культура и общение: Материалы Всесоюзной конф. М., 1977. С. 5-8.
11. *Апажеев 1977б*: Апажеев М.Л. О русско-северокавказских языковых контактах и некоторых вопросах лексикографии // Структурно-типологические особенности русского и кавказского языков. Грозный, 1977. С. 3-23.
12. *Апажеев 1984*: Апажеев М.Л. Адыгэ фӀэщыгъэцӀэхэм я къӀэхутакӀуэ // «Ӏуащхьэмахуэ» 1984. №4. С. 69-73.
13. *Апажеев 1987*: Апажеев М.Л. К проблеме типологической классификации словарей и читательских запросов к ним. Часть первая // Аспект – Aspekti. – Хельсинки, 1987. №2. С. 32-44.

14. *Апажев 1988а*: Апажев М.Л. К проблеме типологической классификации словарей и читательских запросов к ним. Часть вторая // Аспект - Aspekti. – 1988. № 1. – С. 60-70. (Хельсинки).
15. *Апажев 1988б*: Апажев М.Л. Проблема системности в лексике и типология лексических микросистем языка // Аспект – Aspekti. Хельсинки, 1988. №1 (38). С. 60-70.
16. *Апажев 1992а*: Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик, 1992.
17. *Апажев 1992б*: Апажев М.Л. Лексико-семантическая система в русском и кабардино-черкесском языках // Вопросы изучения русского языка. Межвед. сб. научных трудов. Нальчик, 1992. с. 3-9.
18. *Апажев 1994*: Апажев М.Л. Кабардино-черкесская лексикография Нальчик, 1994, Часть I.
19. *Апажев 1999*: Апажев М.Л. К вопросу об именном синкретизме в кабардино-черкесском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Тезисы докл. Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.С. Шакрыл. Сухуми, 1999. С. 16-17.
20. *Апажев 2000а*: Апажев М.Л. Современный кабардино-черкесский язык: лексикология, лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000.
21. *Апажев 2000б*: Апажев М.Л. Лексикология современного кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2000.
22. *Апажев 2001*: Апажев М.Л. Сокровищница кабардино-черкесского языка // Кабардино-Балкарская правда. 4 января 2001г.
23. *Апажев 2002*: Апажев М.Л. Толковый «Словарь кабардино-черкесского языка» и его значение для адыгского языкознания // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2002. – Вып. 9 – С.220-233.
24. *Апажэ 2002*: Апажэ М. Адыгэ бзэщІэныгъэм и ехъулІэныгъэ ин // Горизонт – ЩІэплъыпІэ. 2002. - №3. – С. 117-125.
25. *Апресян 1974*: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
26. *Ахманова 1957*: Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии М., 1957.
27. *Ахманова 1966*: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
28. *Ахманова 1974*: Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974.
29. *Балкаров 1961*: Балкаров Б.Х. О работе по созданию общественно-политической терминологии кабардинского языка //

Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания). См.: АН СССР, 1961. – С. 144-148.

30. *Балкаров 1965*: Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

31. *Балли 1955*: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

32. *Balint 1904*: Balint G. Lexicon cabardico – hugarico – latinum. Kolozsvariensi, 1904. – 612с.

33. *Балли 1961*: Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

34. *БАС* – Большой академический словарь: Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. М.-Л., 1948-1965.

35. *Бейтуганов 1991*: Бейтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик: Эльбрус. 1991.

36. *Бейтуганов 1998*: Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик: Эльбрус, 1998.

37. *Бережан 1984*: Бережан С.Г. Обусловленность словарного значения его грамматическими особенностями // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

38. *Биржакова и др. 1972*: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

39. *Болов 1970*: Болов А.П. Жуки-стафилины (Coleoptera, Staphylinidae) Кабардино-Балкарии (видовой состав, распространение, зональное размещение, практическое значение). АКД. – Нальчик, 1970. – 22с.

40. *Бондарко 1984*: Бондарко А.В. О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

41. *БСЭ* Большая советская энциклопедия.

42. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка. 130 тыс. слов /Сост. и гл. ред С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536с.

43. *Будагов 1958*: Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1958.

44. *Будагов 1972*: Будагов Р.А. Закон многозначности слов // Русская речь. 1972, №3. С. 139.

45. *Будагов 1978*: Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978, №4.

46. *Булаховский 1953*: Булаховский Л.А. Курс истории русского литературного языка. В 2-х т. Киев, 1953.
47. *Булаховский 1954*: Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М., 1954.
48. *Вандриес 1937*: Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937. - 320с.
49. *Варбот 1979*: Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
50. *Васильев 1981*: Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.
51. *Вахек 1964*: Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
52. *Введенская 1971*: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1971.
53. *Виноград 1983*: Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.
54. *Виноградов 1938*: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX в.в. 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1938; 3-е изд. – М.: ВШ, 1982.
55. *Виноградов 1940*: Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940, №1. С. 1-14.
56. *Виноградов 1947*: Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1947.
57. *Виноградов 1960*: Виноградов В.В. Об омонимии и сложных явлениях // Вопросы языкознания, 1960. №5.
58. *Виноградов 1967*: Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Историко-филологические исследования. М., 1967.
59. *Виноградов 1969*: Виноградов В.В. Процессы устранения омонимии в русском литературном языке XVIII-XIX вв. // Ученые записки Калининского госпедиститута, 1969. Т. 66.
60. *Ворт 1970*: Ворт Д.С. и др. Русский словообразовательный словарь. Нью-Йорк, 1970.
61. *ВТ 1961*: Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания. –М., 1961.
62. *Гак 1977*: Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

63. *Гарданов 1974*: Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIXвв. / Сост., введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974.
64. *Головин 1979*: Головин Б.Н. Язык // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1989.
65. *Горбачевич 2001*: Горбачевич К.С. Краткий словарь синонимов русского языка / Отв.ред. С.А. Кузнецов. –М.: Астрель – АСТ, 2001. – 608с.
66. *Горький 1953*: Горький М. О литературе М., 1953.
67. *Гузеев 1998*: Гузеев Ж.М. Современный карачаево-балкарский язык. – Нальчик:Эльбрус, 1998. – 304с. (на балк.яз.).
68. *Гуриев 1962*: Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. – Орджоникидзе, 1962. -120с.
69. *Гяургиев, Дзасежев 1991*: Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Э. Учебник кабардинского языка для ср.шк. –Нальчик: Нарт, 1991-272с. (на каб.яз.).
70. *Денисов 1980*: Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1980.
71. *Дзасежев 1964*: Дзасежев Х.Э. Современный кабардино-черкесский язык. Черкесск, 1964.
72. *Дорошевский 1973*: Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973. – 288с.
73. *Емузов 1976*: Емузов А.Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1976.
74. *Жамбеков 1970*: Населенные пункты КБАССР и перечень фамилий, встречающихся в них. Составитель Х.Х. Жамбеков. Нальчик, 1970.
75. *Земская 1985*: Земская Е.А. Вступительная статья к кн: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
76. *Захохов 1989*: Захохов Л.Г. Школьный орфографический словарь кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 176с.
77. *Иванова 1982*: Иванова В.А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.
78. *Канукоев 1940*: Канукоев М.Т. Русско-кабардинский школьный справочный словарь. Нальчик, 1940.
79. *Караулов 1976*: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
80. *Караулов и др. 1983*: Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. М., 1983.

81. *Карданов 1973*: Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик, 1973.
82. *Карданов, Бичоев 1955*: Карданов Б.М., Бичоев А.Т. Русско-кабардино-черкесский словарь. М., 1955.
83. *Климов 1971*: Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. –М., 1971. – 88с.
84. *Климов 1986*: Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
85. *Климов 1990*: Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
86. *Коков 1966*: Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
87. *Коков 1973*: Коков Дж.Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973.
88. *Коков 1983*: Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
89. *Кокова 2003*: Кокова Т.Б. Проблемы системного анализа отраслевой лексики кабардино-черкесского языка (на материале названий одежды). АКД. – Нальчик, 2003- 18с.
90. *Колесников 1972*: Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. Тбилиси, 1972. 2-е изд., 1978 – 532с.
91. *Кос 1959*: Кос Ю.И. Растительность Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1959. – 384с.
92. *Косериу 1963*: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике, Вып. 3. М., 1963.
93. *Кочнева, Луцкая, Морковкин 1984*: Кочнева Е.М., Луцкая Н.М., Морковкин В.В. Систематическая организация и систематизация лексики при обучении русскому языку филологов // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов. Сб.статей. М., 1984.
94. *КРО 1957*: Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. В 2-х т. –М.: АН СССР, 1957.
95. *КРС 1957*: Кабардинско-русский словарь. Ред. Б.М. Карданов. М., 1957.
96. *Крушевский 1883*: Крушевский Н.В. Очерк науки о языке (1883) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. – М., 1960. – С. 252-257.
97. *Кузнецов 1948*: Кузнецов П.С. Русская диалектология. – М., 1949.

98. *Кумахов 1959*: Кумахов М.А. (рец.на:) Кабардино-русский словарь // Ученые записи КБНИИ. Т. XIV. Нальчик, 1959. С. 439-444.
99. *Кумахов 1964*: Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Нальчик, 1964.
100. *Кумахов 1989*: Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М., 1989.
101. *Кумахов, Кумахова, 1979*: Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков М., 1979.
102. *Кумахов, Кумахова 1985*: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985.
103. *Кумахов, Кумахова, 1998*: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М., 1998.
104. *Лайонз 1978*: Лайонз Дж. Введение в структурную лингвистику. М., 1978.
105. *Лопатинский 1890*: Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь. Тифлис, 1890.
106. *Лурия 1979*: Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
107. *Львов 1978*: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978.
108. *Львов 1984*: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. Более 2000 антонимических пар. 2-ое изд. – М.: РЯ, 1984. – 382с.; 4-ое изд. - 1988. -381с.
109. *ЛЭС 1990*: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
110. *Мамбетов 1962*: Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX-XX веков – Нальчик, 1962. – 112с.
111. *Мамрешев 1959*: Мамрешев К.Т. К вопросу о принципах заимствования в кабардинском языке // Ученые записи КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. XIV.
112. *Манликова 1989*: Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / Под ред. Л.А. Шеймана. – Фрунзе: Мектеб, 1989. – 118с.
113. *Марузо 1960*: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
114. *МАС*: Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-84. (Малый академический словарь).

115. *Мастепанов 1969*: Мастепанов С.Д. О собрании и публикации пословиц и поговорок Кабардино-Балкарии // Провербиум. – Хельсенки, 1969. №12. – с. 312-318.
116. *Медникова 1974*: Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка). М., 1974.
117. *Меретуков 1971*: Меретуков К.Х. Из топонимии и гидронимии Адыгеи // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1971, т.12.
118. *Меретуков 1972*: Меретуков К.Х. Из топонимии и гидронимии Адыгеи // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1972. т.14.
119. *Меретуков 1990*: Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М., 1990.
120. *Мусукаев 1984*: Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 128с.
121. *Намитокова 1993*: Намитокова Р.Ю. В мире имен собственных. – Майкоп, 1993. – 184с.
122. *Нечаев 1976*: Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, 1976.
123. *Новиков 1963*: Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // Русский язык в школе, 1963. №3.
124. *Новиков 1982*: Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
125. *Новиков и др. 1987*: Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1987.
126. *Ногмов 1947*: Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
127. *НСЗ 1973*: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – 2-ое изд., стереотип. – М.: СЭ, 1973. (1-ое изд., 1971).
128. *Отаров 1996*: Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 222с.
129. *Охтов 1949*: Охтов А.Д. Русско-черкесский словарь-справочник. – Ставрополь, 1949. -268с.
130. *Плотников 1983*: Плотников Б.А. Лексикология // Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. – Минск: ВШ, 1983. – С. 176-221.
131. *Покровский 1959*: Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. // М.М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

132. *Протченко 1975*: Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социологический аспект. М.: Наука, 1975. – 224с.
133. *Протченко 1984*: Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. – М.: Педагогика, 1984. – 222с.
134. *Пшибиев, Сакиев 1971*: Пшибиев И.Х., Сакиев Н.Я. Краткий словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Черкесск, 1971.
135. *Пшибиев 1977*: Пшибиев И.Х. Фамилии и личные имена черкесов / Ред. Х.И. Баков. – Черкесск, 1977. – 100с.
136. *Пшуков 1982*: Пшуков Х.Х. Полисемия и ононимия в кабардино-черкесском языке. Нальчик, 1982.
137. *Реформатский 1967*: Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
138. *РКПТС 1951*: Русско-кабардинский политико-терминологический словарь. Ред. М.Л. Абитов. Нальчик, 1951.
139. *РКТС 1950*: Русско-кабардинский терминологический словарь к учебникам для средних школ. Составитель-редактор М.К. Наков. Нальчик, 1950.
140. *РКЧС 1955*: Русско-кабардино-черкесский словарь. Отв. редактор А.О. Шогенцуков. М., 1955.
141. *Розенталь, Теленкова 1972, 1976, 1985*: Розенталь Д.Э., Теленкова М.И. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1972, 1976, 1985.
142. *РЯСО-1 1968*: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Книга первая. Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. – 186с.
143. *РЯЭ 1979*: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
144. *РЯЭ 1997*: Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. М., 1997.
145. *Сакиев 1959*: Сакиев М.М. Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Черкесск, 1959. Вып.3.
146. *СЛИН 1965, 1979, 1987*: Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв.ред.), Ю.М. Гусева. М., 1965; 2-е изд. 1979; 3-е изд.- 1987.
147. *Смирницкий 1954*: Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания. М., 1954. т.4.

148. *Смирницкий 1956*: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.

149. *Смирнов 1910*: Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху: Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Отд. русского языка и словесности. Т.88. №2 СПб., 1910. С. 27-360.

150. *Сорокин 1965*: Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского языка в 30-90-е годы XIX века. М.-Л., 1965.

151. *Сороколетов 1970*: Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.). М., 1970.

152. *Соссюр 1933*: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.

153. *Соссюр 1977*: Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

154. *СОШ 1992*: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; 1997.

155. *Сукунов 1980*: Сукунов Х.Х. Обратный словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1980.

156. *Титова 1975*: Титова Л.Т. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.

157. *Тихонов 1984-85*: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х томах. М., 1984-1985.

158. *ТСУ 1934-1940*: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – М., 1934 – 1940.

159. *Унатлоков 1999*: Унатлоков В.Х. Адыгизмы в карачаево-балкарском языке. АКД. – Нальчик, 1999. – 22с.

160. *Урусов, Захохов 1963*: Урусов Х.Ш, Захохов Л.Г. Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1963.

161. *Урусов, Захохов 1982*: Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г. Орфографический словарь кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1982.

162. *Уфимцева 1972*: Уфимцева А.А. Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 394-455.

163. *Филин 1957*: Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследованиа в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957.

164. *Филипец 1978*: Филипец Й.О. О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков // ЯЧ. Сб. статей / Под ред. А.Г. Широковой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 372-388.

165. *Фомина 1990*: Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – 3-е изд. М.: ВШ, 1990. – 415с.

166. *Фомина 2001*: Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – Изд. 4-е, испр. – М.: ВШ, 2001. – 415с.
167. *Хавпачев 1999*: Хавпачев Х.Х. Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 224с.
168. *Хагасова 2004*: Хагасова Т.Х. Адыгизмы и аспекты их основания в русскоязычной литературе. АКД. – Нальчик, 2004. – 22с.
169. *Хуранов 1927*: Хуранов Б.Л. Русско-кабардинский словарь. Нальчик, 1927.
170. *Хэмп 1964*: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
171. *Шагиров 1959*: Шагиров А.К. О полисемии в адыгских языках // Учен.зап. КБНИИ. Нальчик, 1959, Т. XIV.
172. *Шагиров 1962*: Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
173. *Шагиров 1971а*: Шагиров А.К. Материалы и исследования для сравнительного словаря абхазо-адыгских языков // УЗ АНИИ. Т. 12. Языкознание. Майкоп, 1971. – С. 67-94.
174. *Шагиров 1971б*: Шагиров А.К. Вопросы сравнительно-исторического и этимологического исследования лексики адыгских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 40с.
175. *Шагиров 1971в*: Шагиров А.К. Основные вопросы синхронного и сравнительно-исторического анализа лексики адыгских языков. АДД. – М., 1971. – 52с.
176. *Шагиров 1977*: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В 2-х т. М., 1977.
177. *Шагиров 1982*: Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. – М.: Наука, 1982. – 164с.
178. *Шанский 1972*: Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
179. *Шаов 1988*: Шаов А.А. Основы адыгской лексикографии. Майкоп, 1988.
180. *Шведова 1999*: Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // ВЯ, 1999. №1.
181. *Шерцль, 1973*: Шерцль В. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
182. *Шмелев 1973*: Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

183. *Шмелев 1977*: Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
184. *Щерба 1974*: Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
185. *Щур 1974*: Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
186. *ЭС 1959*: Энциклопедический музыкальный словарь / Сост. Б.С. Штейнпресс, И.М. Ямпольский; Отв.ред. Г.В. Келдыш. – М.: СЭ, 1959 - 328с.
187. *Яковлев 1923*: Яковлев Н.Ф. Словарь примеров к таблицам фонетики кабардинского языка. –М.: Ин-т востоковедения. 1923. – 104с.
188. *Яковлев 1927*: Яковлев Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря. Вып.1. Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. М., 1927.
189. *Яковлев 1928*: Яковлев Н.Ф. Черкесская культура по данным языка // Революция и горец, Ростов-на-Дону, 1928.
190. *Яковлев 1930а*: Яковлев Н.Ф. Методы собирания слов и составления общего словаря // Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Владикавказ, 1930, С. 99-118.
191. *Яковлев 1930б*: Яковлев Н.Ф. Примерная программа собирания слов для полного толкового словаря применительно к кабардинскому языку (составлена по разделам культуры) // Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Владикавказ, 1930. С. 119-124.
192. *Яковлев 1931*: Яковлев Н.Ф. О принципах создания терминологии в национальных языках // Культура и письменность Востока. – книга 7-8. –М., 1931. –С. 79-92.
193. *Яковлев 1947*: Яковлев Н.Ф. Культура кабардинцев и черкес по данным словаря // Учен.зап. Кабардинского НИИ. Нальчик, 1947, т.2.
194. *Яковлев 1948*: Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948.
195. *Яковлев, Ашхамаф, 1941*: Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М. – Л., 1941.
196. *ЯЧ 1978*: Языкознание в Чехословакии. М., 1979.

2. Устно-поэтический язык

1.Атажукин Кази. Отрывки из народной поэмы «Сосырыкъуэ» и рассказы, переведенные на кабардинский язык Кази Атажукиным. Тифлис, 1864.

2.Гамзатов Г.Г. Фольклорное наследие и современность // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1977. № 5.

3.Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, Т. I.

4.Гацак В.М. Основы устной эпической поэтики славян: Антитеза «формульной» теории // История, культура, этнография славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983.

5.Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

6.Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

7.Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985.

8.Леви-Стросс К. Структура и форма. // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.

9.Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

10. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и их архаичные памятники. М., 1963.

11. Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

12. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

13. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика М., 1983.

14. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской этнолингвистики // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1982, № 5.

15. Убрятова Е.И. Якутский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. М., 1966, Т. II.

16. Чистов К.В. Вариантность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983.

17. Lord A. The singer of Tales. Cambrige (Mass). 1960.

18. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo. 1963.

3. ОНОМАСТИКА

1.Абаев. ОЯФ: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., - Л., 1949.

2.Абаев. ИЭС: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т.1.; Л., 1973. Т.2; Л., 1979. Т.3; 1989.

3. *Абазины*: Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989.
4. АБК: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. Составитель и комментатор В.Г. Гарданов.
5. Адыгэбзэ псалгъалгъэ: Адыгэбзэ псалгъалгъэ. Словарь кабардино-черкесского языка (около 31000 слов.) Москва: «Дигора», 1999.
6. Ад. Iу.: Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Налшык, 1963.
7. *Акритас, Стефанеева*: Акритас П. и Стефанеева Е. Легенды Кавказа. Нальчик, 1958.
8. *Актуальные проблемы*: Актуальные проблемы топонимии и антропонимии Северного Кавказа. Тезисы научного семинара по ономастике Северного Кавказа. Нальчик, 1999. Под редакцией проф. Кокова Дж. Н.
9. *Анчабадзе*: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VII-XVII вв.). Сухуми, 1959. с.35.
10. *Апостолов*: Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис, 1897.
11. *Аутлев, Лавров*: Аутлев М.Г. и Лавров Л.И. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской АО. М.-Л., «Наука», 1964.
12. *Аутлев*: 1975: Аутлев П.У. Из адыгской этнонимии. «Сборник статей по этнографии Адыгеи». Майкоп, 1975.
13. *Багов*: Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968.
14. *Балкаров*: Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959.
15. *Барандеев*: Барандеев А.В. Терминоведческая проблема в трудах Э.М. Мурзаева // Вопросы языкознания, 2000, №1.
16. *Бгажба*: Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси, 1964.
17. *Беленькая*: Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. МГУ, 1969.
18. *Берг*. 1965: Берг Л.С. О русской географической терминологии // Землеведение. Кн. 4. М., 1965.
19. *Бижева*: Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000.
20. *Блашкович*: Блашкович И. Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии // Вопросы языкознания. 1972, № 6.
21. *Борковский, Кузнецов*: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

22. *Вестник*: Вестник древней истории. 1962, №7.
23. *Владыкин*: Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1825. Т.1,2.
24. *Волкова*: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., «Наука», 1973.
25. «Вопросы географии», 1966, №70.
26. *Ган. 1882*: Ган К.Ф. Краткие известия древних писателей о Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып.2.
27. *Ган. ООКГН*: Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.
28. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // Из путешествия г-на акад. И.А.Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб, 1809.
29. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970.
30. *Гулиева*: Гулиева Л.Г. Опыт исследования гидронимии Кубани. М., 1969.
31. Гулиева Л.Г. О названиях реки Кубани // Топонимика Востока (исследования и материалы). М., 1969.
32. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука, 1966.
33. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т.3.
34. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. М., 1939, №4.
35. *Джанашиа*: Джанашиа С.Н. Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии // Сообщения грузинского филиала АН СССР. Т.I, №8. Тбилиси, 1940.
36. Дирр А.М. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып.40. Тифлис, 1909, отд. 3.
37. *ДТС*: Древнетюркский словарь. АН СССР. Л., 1969.
38. *Дубровин*: Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
39. Ефремов Ю.К. Тропами горного Черноморья. М., 1963.
40. Замаровский, Войтех. Тайны хеттов. Москва, «Наука», 1968. Перевод со славацкого.

41. ИДГРПК: «Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе». СМОМПК, вып.4, отд.І.
42. Инал-Ипа. 1964: Инал-Ипа Ш.Д. Об этногенезе древнеабхазских племен. М.: Наука, 1964.
43. Инал-Ипа. 1965: Инал Ипа Ш.Д. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях. Ученые записки АНИИЯЛИ, Т. ІУ, история и этнография. Краснодар, 1965.
44. Инал-Ипа. 1971: Инал-Ипа Ш.Д. Страницы этнографии. Сухуми, 1971.
45. Ионова С.Х. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993.
46. «Исторические рассуждения о хазарах» - соч. Петра Фридриха Сума, камергера и королевско-датского историографа. - «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», №3, М., 1846.
47. ИКБАССР: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших до наших дней. М., 1976.
48. История Кабарды. М., 1957.
49. Карасев. 1972: Карасев В.Н. Северное Причерноморье и политика Митридата VI Эвпатора. АКД, М., 1972.
50. Кварчия. 2002: Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002 (на абхазском языке).
51. Керашева. ОШДАЯ: Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.
52. Керашева: Керашева З.И. Избранные труды и статьи. І. Майкоп, 1995.
53. Клапрот: Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. По кн. «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)». Орджоникидзе, 1967.
54. К. КГН: Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966.
55. К. и Ш. БТС: Коков Дж.Н. и Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
56. К. АТ: Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
57. К. АЭ: Коков Дж.Н. Адыгские этнонимы. Нальчик, 1979.
58. К. ИАО: Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983.
59. К. ИТ: Коков Дж.Н. Избранные труды. І. Нальчик, «Эльбрус», 2000.

60. Коков Дж.Н. Географические названия Северного Кавказа и Юга России // Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор. Екатеринбург, 2002.
61. Коков Дж.Н. Об одном историческом «срезе» в адыгской топонимии // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977.
62. Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О., Кокова Б.Дж. Школьный топонимический словарь. Нальчик, 1999.
63. Кокова Б.Дж. Лингвокультурологический аспект изучения адыгской топонимии (к поиску параллелей в языковых картинах мира) // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции. Нальчик, 2003.
64. Конкашпаев Г.К. Общие особенности тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана // Вопросы географии (местные географические термины). М., 1970.
65. Крушкол. 1971: Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971.
66. Крюкова И.В. Супрун В.И. Реки и водоемы Волгоградской области. Гидронимический словарь. Волгоград: «Перемена», 2002.
67. К–Г. ОЧ: Ксаверио-Главани Описание Черкессии 1724 года (перевод и примечания Е.Г.Вейденбаума) // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17.
68. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Нальчик, 1964.
69. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: «Наследие», 1998.
70. Кумыков Т.Х. Расселение кабардинцев и балкарцев в 40-60-х годах XIX века. УЗ КБНИИ. 1965, т.23.
71. Кусимова Т.Х. Из истории личных имен башкир // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Москва, 1970.
72. Лавров. 1965: Лавров Л.И. К истории бжедугов и жанеевцев. «Ученые записки АНИИЯЛИ, т. IV, история и этнография». Краснодарское книжное издательство. 1965.
73. Лавров. Карачай и Балкария: Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. КЭС. 1969. т.4.
74. Лавров. 1970: Лавров Л.И. Исчезнувшее племя собай. «Труды КЧНИИ», вып.6, серия историческая. Ставропольское кн. изд-во, 1970.
75. Лавров. ИЗОК: Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
76. Лавров. 1982: Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982.

77. *Латышев:* Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, т. I, II.
78. *Лопатинский:* Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. «Сборник для описания местностей и племен Кавказа». СМОМПК, вып. XII.
79. *Люлье:* Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Черкесия (историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927.
80. *Маркович:* Маркович. История Малороссии. Москва, 1842.
81. *Марр:* Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия императорской Академии наук. Петроград, 1916.
82. *Маслова:* Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М., ACADEMIA, 2001.
83. *Матвеев:* Матвеев А.К. К этимологии субстратных топонимов с основами *тамб* и *там*. Вопросы языкознания, 2003, №1.
84. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956.
85. *Меретуков.* 1971: Меретуков К.Х. Из топонимики Северо-Западного Кавказа // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1971, Т.2.
86. *Меретуков.* 1972: Меретуков К.Х. Из топонимики и гидронимики Адыгеи // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1972, Т.14.
87. *Меретуков.* 1990: Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1981; 1990.
88. Монперэ Фредерик Дюбуа де. Путешествие вокруг Кавказа (у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, Армении и в Крыму). Сухуми, 1937.
89. *Мурзаевы Э. и В. СМГТ:* Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
90. *Мурзаев.* КТС: Мурзаев Э.М. Краткий топонимический словарь // Природа Синьизяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
91. Мурзаев Э.М. Местные географические термины и их роль в топонимии // Местные географические термины в топонимии (Тезисы докладов и сообщений). М., 1966.
92. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: «Мысль», 1984.
93. *Навозова:* Навозова Ф. Краснодарский край. Краснодар, 1955.
94. *Намитоков:* Намитоков Айтек. Происхождение черкесов, ч. I. Париж, 1958; по переводу Р.Д. Морской (машинопись).

95. Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуха Хаджимукова) // Кавказский сборник. 1910. Т.30.
96. *Нартхэр*: Нартхэр. Налшык, 1951.
97. *Никонов*. 1965: Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
98. *Никонов*. 1964: Никонов В.А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М.: Наука, 1964.
99. *Никонов*. 1963: Никонов В.А. Топонимика и сравнительно-историческая лексикология // Лексикографический сборник. 1963. Вып.6.
100. *Никонов*. КТС: Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: «Мысль», 1966.
101. *Никонов*. 1970: Никонов В.А. Этнонимия. «Этнонимы». Москва, 1970.
102. НГИК: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеоном Броневским, ч. II. М., 1823.
103. *Ногма I*: Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т.1.
104. *Ногмов*. ИАН: Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.
105. *Нэгумэ*: Нэгумэ Ш.Б. Адыгэ народым и тхыдэ. Налшык, 1958.
106. Ономастика Поволжья. Материалы научных конференций: Ульяновск – 1969, Горький – 1971, Уфа – 1973, Волгоград – 1998, Москва – 2001, Волгоград – 2002.
107. Отечественные записки. Часть 35, № 120. Август. 1828.
108. Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.
109. *Пейсонель*: Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 г. (в изложении Е.Д. Фелицина) «Материалы для истории черкесского народа», вып.2. Краснодар, 1927 (ссылки на «Фелицина» относятся к комментариям последнего к данной работе Пейсонеля).
110. *Подольская*. 1964: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. Отв. редактор А.В.Суперанская.
111. *Преображенский*: Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. 1910-1914.
112. Проблемы региональной ономастики. Материалы межвузовских конференций. Майкоп, 1998, 2000, 2002, 2004. Ответ. редактор проф. Р.Ю. Намитокова.
113. *Радлов*. ОСТН: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893-1911. 1.
114. *Раенко-Туранский*: Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Ростов-на-Дону, Краснодар, 1927.

115. *Рогава, Керашева*, ГАЯ: Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
116. *Рогава*. 1965: Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
117. Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Под ред. О.Н.Трубачева. М.: «Школа-Пресс», 1994.
118. «Русский вестник». Т.48. 11-12. М.,1863.
119. *Сакиев*: Сакиев М.М. Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке // Ученые записки КЧНИИ, 1959, вып.3.
120. *СМОМПК*: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып.40 и др.
121. *Серебренников*: Серебренников Б.А. Отражение человеческого мышления в структуре языка // Вопросы языкознания, 1970, №2.
122. *Силантьев*: Силантьев В. О Кубе, что в Азербайджане // «Неделя», 1973, №9.
123. Словарь географических названий зарубежных стран. М., 1965.
124. Словарь географических названий СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Недра, 1983.
125. *Словарь*: Коков Дж.Н. Этимологический словарь адыгских топонимов. – Избранные труды. I. Адыгская топонимия. Нальчик, 2000.
126. Список основных номенклатурных терминов и других слов, встречающихся в географических названиях Казахской ССР. Приложение к «Инструкции по русской передаче географических названий Казахской ССР». Алма-Ата, 1959.
127. *Суперанская*. Гидронимия Крыма: Суперанская А.В. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // Ономастика. М.: Наука, 1969.
128. *Суперанская*. 1973: Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
129. *Суперанская*. 1974: Суперанская А.В. Теоретические проблемы ономастики. АДД. Ленинград, 1974.
130. *Суперанская*. 2000: Суперанская А.В. Хроникальные заметки (XX Международный конгресс ономастических наук в Сантьяго-де-Копостела) // Вопросы языкознания, 2000, №6.
131. *Супрун*: Супрун И.В. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, «Перемена», 2000.
132. *Толстой*. 1969: Толстой Н.И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). М., 1969.

133. *Топоров, Трубачев*: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
134. *Услар*: Услар П.К. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
135. *Фасмер*: Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка // Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964. Т.1; М., 1967. Т.2; М., 1971. Т.3; М., 1973. Т.4.
136. *Хан-Гирей*. 1836: Хан-Гирей. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. СПб., 1836 (страницы указаны по машинописной копии, хранящейся на кафедре отечественной истории КБГУ) Т.1, II.
137. *Хан-Гирей*: Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: «Эльбрус», 1978.
138. *Хатанов, Керашева*. ТСАЯ: Хатанов А.А., Керашева З.И. Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп, 1960.
139. *Цагаева*. ТСО: Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, часть 1, 1971; часть 2, 1975.
140. *Цагаева*. 1972: Цагаева А.Д. Тюркско-монгольский слой в топонимике Северной Осетии // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып.5.
141. *Челеби*: Челеби Эвлия. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып.2.
142. *Шагиров*. 1962: Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
143. *Шагиров*. 1971: Шагиров А.К. Синтаксические наблюдения над адыгскими атрибутивными комплексами с качественным определением // Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: (Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков). Тезисы докладов. Нальчик, 1971.
144. *Шакирбай*: Шакирбай Г.З. Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухуми, «Алашара», 1978.
145. *Шарданов*: Шарданов А.Х. Характер атрибутивной синтагмы в кабардино-черкесском языке // Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Нальчик, 1971.
146. «Этимология». Москва, 1965.
147. *Яковлев*: Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948.
148. *Якубинский*: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.
149. *Dum.*: Georges Dumezil. La langue des oubykhs. Paris, 1931.

150. *Trubetzkoy*: Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. Wiener zeitschrift fur die Kunde des Morgelandes. XXXVII. Band 1,2. 1930. s.85.

151. V.: Hans Vogt. Dictionnaire de la langue oubykh. D<oslo. 1963, 170.

СОКРАЩЕНИЯ

а) в названиях языков и диалектов

абадз. – абадзехский (диалект)

абаз. – абазинский

абх. – абхазский

адыг. – адыгейский

адыгск. – адыгский (общеадыгский)

азерб. – азербайджанский

алт. – алтайский

араб. – арабский

балк. – балкарский

бесл. – бесланеевский (диалект)

бжед. – бжедугский (диалект)

греч. – греческий

груз. – грузинский

диг. – дигорский

зел. – зеленчукский или кубано-зеленчукский (диалект)

иран. – иранский

ирон. – иронский

каб. – кабардинский (или: каб.-черк. – кабардино-черкесский)

казах. – казахский

карач. – карачаевский

карач.-балк. – карачаево-балкарский

кирг. – киргизский

ног. – ногойский

осет. – осетинский

перс. – персидский
 русск. – русский
 тадж. – таджикский
 татар. – татарский
 тув. – тувинский
 тур. – турецкий
 тюрк. – тюркский
 убых. – убыхский
 узбек. – узбекский
 хакас. – хакасский
 черк. – черкесский
 шапс. – шапсугский (диалект)

б) в названиях литературных текстов

1. Акъсырэ З. – Акъсырэ З. Пьесэхэр. Налшык, 1970
2. А. и С. ЛК. – Акритас П., Стефанеева Е. Легенды Кавказа. Нальчик, 1958.
3. КІ.А. Хъу.н. – КІыщокъуэ Алим. Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык, 1960.
4. КІуащ Б. – КІуащ Б. Тхыгъэхэр, I. Налшык, 1958.
5. КъПА. – Къэбэрдей поэзием и антологие. Налшык, 1957.
6. Нарты – Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
7. Нартхэр – Нартхэр, I-VII. Мыекъуапэ, 1968-1971.
8. Ногма – Ногма Ш.Б. Филологические труды. I, Нальчик, 1956.
9. НПИНА – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов, II. М., 1981.
10. ПащІэ Б. – ПащІэ Б. Налшык, 1963
11. Шортэн (Ш). Шортэн Аскэрбий. Бгырысхэр. Налшык, 1957.
12. Щ.Ад.С. и гъ. – ЩоджэнцІыкІу Іэдэм. Софият и гъатхэ. Налшык, 1955.
13. Щ.Алий. Т.т. – ЩоджэнцІыкІу Алий. Тхыгъэхэр. ТомитІу. Налшык, 1961.
14. Іуэр. – Адыгэ ІуэрыІуатэхэр, I, Налшык, 1963; II, 1970

в) другие сокращения

а. – аул

б. – бывший

бас. – бассейн

В. – верхний

В. – восточный, восточнее

ГКХ – Главный Кавказский хребет

г. – гора

гор. – город

ж.-д.ст. – железнодорожная станция

з. – западный, западнее

КБР – Кабардино-Балкарская Республика

КЧР – Карачаево-черкесская республика

л.б. – левый берег

л.п. – левый приток

м. – малый

н. – нижний

окр. – окрестности

п., пос. – поселок

п.б. – правый берег

пгт – поселок городского типа

п.п. – правый приток

пл.басс. – площадь бассейна

РА – Республика Адыгея

РИ – Республика Ингушетия

р. – река

р-н – район

РКЧ – Республика Карачаево-Черкесия

РСОА – Республика Северная Осетия-Алания

с. – северный, севернее

т. – тысяча

сел. – село, селение

СО – Северная Осетия

Ч.м. – Черное море

ю. – южный, южнее

ю.-в. – юго-восток (юго-восточнее)

(Footnotes)

* В текстах, записанных К. Атажукиным, Ш. Номовым и др. в XIX в., встречаются устаревшие фонетические, лексические и грамматические формы.

¹ Бохъу апци – приветствие на пастбище, пожелание умножить поголовье скота.

² Зиусхъэн «господин» букв. «Чьи болезни возьму себе». Почтительное обращение.

³ Характерно, что употребление инфинитных форм со словами, выражающими клятву, обусловлено не только лексическими условиями, но и социальными. Так, например, инфинитные формы со словами *алихъ*, *тхъэ* и др. в кабардино-черкесском языке употребляются только в речи женщин.

⁴ «Таурыхъхэмрэ хъыбархэмрэ». Налшык, 1970, с. 23.

⁵ Там же, с.82.

* К сравнениям с адыгейскими терминами обращаемся в тех случаях, когда они отличаются от кабардино-черкесских по форме и значению при единстве лексической основы.

* См. список сокращений: Словарь.

* Впервые правильное членение названия *Мыекъуапэ* предложил С.Н. Джанашиа в 1929г. (Труды Тбилиси. 1968. Т.4.).

** Обзор этимологий см.: К. КГН, 134-136.

* Основа *джэ* в данном названии относится к типу «недифференцированных», обладая свойствами имени («зов») и глагола «звать». См. о подобном типе основ в адыгейском языке: *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп, 1966. С. 331, 332.

* *Коков Дж.Н.* Несколько поволжских и других параллелей в адыгской ономастике // Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973. С. 414-419; *Он же.* Ди хэкум нэгъуэщ¹ лъэпкъхэм кърана ц¹лэхэр. (Об иноязычных элементах в топонимии КБАССР) // 1уашхъэмахуэ. 1969. №3 (на кабардинском языке); *Он же.* Славяно-адыгские (черкесские) связи в ономастике // IV Республіканська ономастична конференція (тези). Київ, 1969 и др.

* Географическую (где возможно, - хронологическую) локализацию см. в Словаре...(см. список сокращений).

* Следует отметить, что в адыгской антропонимии значительные группы имен имеют тюркские элементы: *хан*, *къан* (*кан*), «воспитанник», бый/бий «бей», «бай», «господин», бэч «бек», «господин, начальник», чэрый/джэрий – титул татарских ханов, - кзул (кул) «раб» и др. См.: Коков Дж.Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии (исследование и словарь личных имен). Нальчик, 1973.

** Кубанские станицы (этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани). М.: Наука, 1967. С. 17.

* В рукописях поэта, которые послужили основой для «Путешествия в Арзрум», Пришиб и Екатериноград (резиденция главнокомандующего на Кавказе), упоминаются несколько раз // Кабардино-Балкарская правда. 1969. 6 июня.

* В последние годы некоторые из «владельческих» названий возвращены на карту КБР: Анзорей в.м. *Старый Лескен* (1993), Исламей в.м. *Кызбрун II* (1991), Инаркой в.м. *Курп* (1992), Дугулубгей в.м. *Кызбрун III* (1992). Последний населенный пункт в 2003г. включен в черту г. Баксан (см.: Коков Дж.Н., Кокова Б.Дж. Меморатив и его тенденции // Русский язык и международная коммуникация. 1. Пятигорский государственный лингвистический университет, 2001, с. 100-105).

** Поселок преобразован в город Чегем в 2001г.

***Селению возвращено имя его основателя генерала Хату Анзорова (Хьэтуей «Хатуево») 10.11. 2004.

* Время наиболее интенсивных политических и экономических сношений Кабарды с шахским Ираном относится к I половине XVII века, когда шах Аббас женился на кабардинской княжне Учжугте Сунчалиевне Черкасской // История Кабардино-Балкарии. Т.1. С. 126.

* Наиболее распространенные «ключевые слова» абазинской топонимии: *тоба* «холм» (*Мут1а йтоба* «холм Муты», *Тоба ду* «большой холм»); *кыт*, *кт* «село» (*Абазакт* «абазинское село»); *к1вар* «овраг, балка» (*К1вар бах* «сухая балка»); *бна* «лес» (*Абна квайч1ва* «черный лес»); *х1абл* «квартал в селении» (*Къарма х1абл* «Кармовых квартал, поселение»); *хвая* «горный хребет» (*Барокъва йхвая* «хребет Бароква»); «водные» термины: *дзы* «вода» (*Адзыш*, *Адз азаг1ва*); *адзыхь* «родник» (*Адзыхь шк1вак1ва*, *Армел йдзыхь*); термин *к1вар* «овраг, балка» употребляется и в значении «речка» (*Камыш к1вар* – ср. каб. *Къамылыкъуэ* «камышовая балка (речка)»; слово *дзыг1в* со значением собственно «река» употребляется лишь для обозначения больших рек, например, Кумы.

* Это явление находит аналогию в топонимии Тувы, где *гем* (*хем*), не имея значения «вода, река» в бытовой лексике, широко употребляется в гидронимии.

** На абхазо-адыгский характер основы *пс-ы* указывает Ш.Д. Инал-Ипа // Страницы этнографии. Сухуми, 1971. С.4.

* Общее языкознание (методы лингвистических исследований). М., 1973. С. 153.

* Тюрк. *кзуругъжин* «свинец» (ДТС, 460, 470), может быть, не случайное созвучие гидронимам «Куркужин» (п.п. Малки) и «Курхужин» (п.п. Баксана). В этом отношении

любопытно то, что на пастбищах в верховьях Куркужина скотоводы нередко находят выходящие на поверхность породы свинца.

* Для слова *къан* ДТС дает значения: I. кровь; II. хан, правитель; повелитель, предводитель; III. компонент имен собственных. (С. 416, 417).

* В каб. языке слово *науужь* «старуха» удерживается лишь в этом топониме. В адыгейском оно известно в обычной лексике.

⁶ Здесь и далее в скобках дается ссылка на источник, где первая цифра указывает на номер источника по списку литературы (раздел «Ономастика»), который приводится в конце тома. Следующая цифра обозначает страницу. Если до нее стоит римская цифра, она указывает на номер тома.

* Отсюда выселились бесленеевцы, основавшие аулы Бесленей и Вакожиле.

* Это слово, возможно, - результат искажения термина **тӀуашӀэ** “двуречье”.

* См.: Дж.Н. Коков, Л.Дж. Кокова. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, «Эльбрус», 1993. 204 с.